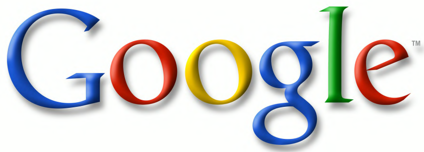


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

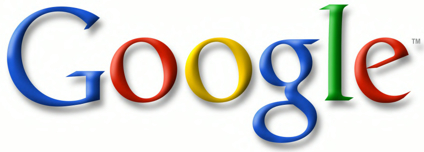
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирииадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

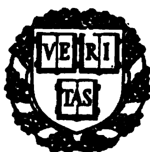
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Educ 6170.5

Harvard College
Library



FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

GOLUBEV
KIEVSKAIA

КІЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ КОНЦѢ XVII И НАЧАЛѢ XVIII СТОЛѢТІЙ.

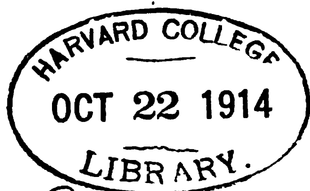
Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1901 года

заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ

С. Голубевымъ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1901.

Educ 6170.5



Treat fund

Печатать дозволяется. 6 ноября 1901 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Димитрій*.

Оттискъ изъ журнала «Труды Кіевск. дух. Академіи», 1901 г.

Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.

(Рѣчь, произнесенная 26 сентября 1901 г. на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи).

Ваше Высокопреосвященство

и М.М. Г.Г.!

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, 26 сентября 1701 года, нашей Almae Matri впервые въ оффиціальномъ документѣ, Высокомонаршей грамотѣ, усвоено было названіе *Академіи*. Событіе это для историковъ Кіевской Академіи служитъ основаніемъ начинать съ означеннаго времени новый періодъ ея историческаго прошлаго. Двухсотлѣтіе сего событія, падающее на нынѣшній день,—день торжественнаго акта нашей Академіи,—служитъ для меня побужденіемъ перенестись мыслію къ этому прошлому. Я имѣю честь предложить Вашему просвѣщенному вниманію рѣчь на тему о томъ, чѣмъ была наша Академія двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Послѣ кончины приснопамятнаго фундатора кіево-могилянской коллегіи, митрополита Петра Могилы, ея матеріальныя средства и научныя силы быстро стали умаляться. Для коллегіи невознаградима была уже самая утрата науколюбиваго митрополита, неусыпно заботившагося объ ея процвѣтаніи

и щедро надѣлявшаго ее матеріальными средствами. Но еще бóльшій ударъ благосостоянію коллегіи нанесли начавшіяся послѣ сего смуты и „междоусобныя брани“ въ Малороссіи, причемъ Кіеву нерѣдко приходилось испытывать на себѣ всю тяжесть бурнаго времени. Междоусобныя брани не прекратились и послѣ возсоединенія Малой Россіи съ Великою. Во время одной изъ такихъ браней (1658 г.) уничтожена была пламенемъ значительная часть „города Кіева“ (Подола), а при этомъ и Братскій монастырь съ находившимися здѣсь церквами и коллегіею [1]). „*Ни единого имѣ покоя плоть наша*—заявляетъ тогдашній ректоръ кіево-могилянской коллегіи Іоанникій Галятовскій—*внѣ уду брани, внутрь уду страхи* [2]).—Къ этимъ стихійнымъ несчастіямъ присоединились столкновенія помянутаго Галятовскаго съ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи мстиславскимъ епископомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ,—человѣкомъ по тому времени довольно образованнымъ, но преслѣдовавшимъ исключительно личные интересы, которые не всегда сходились съ интересами кіевскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе „оскорбленій и гоненій“, воздвигнутыхъ Меѳодіемъ на Галятовскаго, послѣдній вынужденъ былъ удалиться въ Галицію и скитаться по разнымъ, отдаленнымъ отъ Кіева городамъ, а коллегія, въ это тяжелое для нея время, около двухъ лѣтъ оставалась безъ ректора [3]). Но самый смертельный ударъ коллегіи рѣшилось было нанести московское правительство. Утомленное продолжительною борьбою съ Польшею изъ-за обладанія Малороссіею, видя во многихъ малороссіянахъ „шатость“ и „перелетство“, а въ средѣ кіевскихъ ученыхъ несочувствіе къ сосредоточенію церковной власти въ рукахъ московскаго патріарха,—московское правительство, въ то время еще съ недовѣріемъ относившееся къ западной наукѣ, опасалось, что въ кіево-могилянской коллегіи, гдѣ въ основу преподаванія положены были латино-польскіе образцы, культивируются симпатіи, чуждыя московскимъ воззрѣніямъ. Поэтому, когда получено было въ

Москвѣ „челобитье“ о возобновленіи, т. е. о поддержаніи склонившихся къ „послѣднему оскудѣнію“ кіевскихъ школъ,— московское правительство дало знать тогдашнему кіевскому воеводѣ, боярину Шереметеву, что *лучше бы тѣхъ школъ не заводить*, если то „кіевскимъ жителямъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе“ [4]).—Но представители кіевской учености и вообще интеллигентные малороссы разсуждали объ этомъ иначе. Они смотрѣли на свою коллегію, какъ на свѣточъ, разсѣевавшій долго царившую въ Россіи тьму невѣжества и приравнивали ее „ко вторымъ Аѳинамъ“, которыя милосердый Богъ рукою митрополита Петра Могилы воздвигнулъ „на благо православной церкви и всего народа Россійскаго“. Въ Кіевѣ ревнители православія не о закрытіи школъ помышляли, но всемѣрно заботились о томъ, чтобы (какъ они выражались) „не угасла искра“ отъ возженнаго Петромъ Могилою свѣтильника науки и „сѣмя сей науки не было искоренено“ [5]). Такое настроеніе въ средѣ образованныхъ малороссіянъ, разумѣется, хорошо было извѣстно воеводѣ Шереметеву, и онъ на сдѣланное ему московскимъ правительствомъ предложеніе о возможности закрытія кіевскихъ школъ категорически отвѣчалъ: „Въ Кіевѣ школа (т. е. кіево-могилянская коллегія) заведена до пріѣзду моего... и перевесть (т. е. упразднить) тое старую школу *никоторыми мѣры нелзѣ, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе*“ [6]). Московское правительство должно было признать справедливость этого мнѣнія. Оно настаивало только, чтобы въ означенныхъ школахъ обучались кіевскіе жители, а „изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ“ никто въ нихъ принимаемъ не былъ, дабы отъ сего не произошло *„смуты и всякаго дурна“* [7]).—Такимъ образомъ мрачная туча, угрожавшая было самому существованію коллегіи, миновала ее. Но тяжелыя раны, нанесенныя ея матеріальному благосостоянію, залечивались медленно.

Избранный, послѣ Галятовскаго, на ректуру въ коллегіи и соединенное съ нею кіево-братское игуменство, Варлаамъ Ясинскій былъ, по выраженію его учителя Лазаря Барановича, *плодоносною вѣтвію* (могилянскаго) *винограда* [8],— былъ человѣкъ высокообразованный, дѣятельный, всецѣло преданный интересамъ ввѣренныхъ его управленію и попечительству учрежденій, всемѣрно заботившійся о приведеніи ихъ къ благоустройству. Но ему приходилось дѣйствовать среди непрекращавшихся бурь политическихъ и нестроеній церковныхъ. Ясинскій неоднократно обращался съ просьбами о коллегіи и въ Польшу [9]) (въ то время еще неизвѣстно было подъ чьею властію окажется Кіевъ), и къ Московскому правительству, и ко многимъ вліятельнымъ лицамъ [10]); но выхлопотанныя имъ у польскаго короля грамоты, подтверждавшія права коллегіи и укрѣплявшія числящіяся за нею и монастыремъ помѣстья, реальнаго значенія не имѣли (такъ какъ Кіевъ навсегда остался во владѣніи московскаго государства), московское же правительство къ многочисленнымъ петиціямъ Ясинскаго отнеслось довольно холодно, предоставивъ обращаться съ этими петиціями (съ большинствомъ петицій) къ малороссійскому гетману [11]),—и хотя послѣдній надѣлилъ кіево-братскій училищный монастырь довольно доходнымъ помѣстьемъ, удовлетворилъ нѣкоторыя и другія просьбы ректора [12]), но всѣ эти гетманскія милости далеко не соотвѣтствовали понесеннымъ коллегіею потерямъ. Поэтому монастырскія и училищныя зданія воздвигались съ большими трудностями, богослуженіе очень долгое время отправлялось въ единственномъ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара 1658 г., маломъ трапезномъ придѣлѣ [13]) и только въ началѣ 1670 г.г. сооружена была въ обители небольшая деревянная церковь во имя Богоявленія Господня.

Тяжкое бремя, возложенное въ это трудное время на Ясинскаго, усугублялось двойственностью его положенія—какъ ректора коллегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ игумена монастыря.

Какъ человѣкъ образованный и науколюбивый, онъ гораздо болѣе принималъ къ сердцу интересы коллегіи, чѣмъ монастыря. Это вызывало неудовольствія со стороны братіи, тяготѣвшей къ монастырю; неудовольствія перешли въ открытый ропотъ послѣ извѣстнаго несчастнаго случая—убіенія поляками въ братскомъ имѣніи Новоселкахъ трехъ братій, неблаговременно посланныхъ туда Ясинскимъ [14]),—и онъ—съ болью въ сердцѣ—долженъ былъ отказаться отъ ректуры и игуменства (1673 г.) [15]).

Ближайшіе преемники Ясинскаго по своей заботливости о нуждахъ монастыря и коллегіи во многомъ уступали своему предшественнику, и хотя добрыя начинанія послѣдняго, направленныя къ подъему учебной стороны коллегіи, стали приносить ожидаемые плоды [16]), но матеріальное ея положеніе, несмотря на прояснявшійся политическій горизонтъ и непрекращавшіяся жертвы со стороны благотворителей, продолжало оставаться крайне бѣдственнымъ. „Монастырь—пишетъ очевидецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, бывшій въ означенное время питомцемъ коллегіи—монастырь, во время младыхъ моихъ лѣтъ, при Головчичѣ и Гугуревичѣ и другихъ ректорахъ,... былъ жажденъ, и гладенъ, и хладенъ, и, чудо воистинну, какъ устоялъ!“... „А которая таковой бѣдности могла быть причина?“—ставитъ вопросъ Прокоповичъ, и отвѣчаетъ: „Незнаніе экономіи и не одно того незнаніе, но къ тому противные, разорительные поступки, начальныхъ нерадѣніе, лѣность, оспалость, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ дненощныхъ забавокъ, а подначальныхъ, наипаче посельскихъ старцевъ, иныхъ—непросыпляемое пьянство, а другихъ—прилѣжныя кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія“ [17])... Особенно неблагопріятно должно было быть для коллегіи ректорство въ ней Ѳеодосія Гугуревича, человѣка не безъ дарованій, но въ нравственномъ отношеніи быстро опускавшагося по наклонной плоскости, печально закончившаго свою жизнь

и еще болѣе печальную память оставившаго о себѣ въ потомствѣ [18]).

Съ начала 90-хъ г.г. XVII столѣтія для кіево-могилянской коллегіи наступаютъ лучшія времена, и она быстро начинаетъ обновляться и внѣшне и внутренне. Въ 1690 году, послѣ кончины митрополита Гедеона Святополка-Четвертинскаго, на первосвятительскую каѳедру кіевской митрополіи вступилъ бывшій питомецъ кіево-могилянской коллегіи и одинъ изъ достойнѣйшихъ ея ректоровъ, упомянутый Варлаамъ Ясинскій. Хорошо знакомый съ причинами „нестроеній“, подрывавшихъ благосостояніе коллегіи, новый митрополитъ, никогда неперестававшій участливо и сердечно относиться къ ней, озаботился о замѣщеніи освободившейся въ коллегіи ректуры лицомъ, способнымъ, по его выраженію, быть ея *благоразумнымъ и благочиннымъ устроителемъ*. Такимъ избранникомъ оказался состоявшій въ то время настоятелемъ кіево-никольскаго монастыря Іоасафъ Кроковскій, тоже бывшій питомецъ коллегіи, довершившій свое образованіе въ заграничныхъ академіяхъ, человѣкъ большихъ дарованій и большой учености, много лѣтъ потрудившійся уже для воспитавшей его школы въ качествѣ профессора риторики, философіи и богословія [19]). Кроковскій вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе и явился дѣйствительнымъ устроителемъ коллегіи и кіево-братскаго монастыря. Немедленно по вступленіи на ректуру онъ твердою рукою началъ приводить въ порядокъ расшатанныя экономическія дѣла и, точно опредѣливъ имущественную наличность монастыря, позаботился объ ея укрѣпленіи путемъ оффиціальнымъ, что, въ виду постоянныхъ столкновеній и споровъ изъ-за нѣкоторыхъ помѣстій, являлось дѣломъ неотложнымъ [20]). Въ надежныя руки передано было имъ и наблюденіе за монастырскими доходами [21]). Но главною заслугою Кроковскаго для коллегіи было исходатайствованіе для нея передъ правительствомъ *правъ высшаго учебнаго заведенія*. Правами этими кіево-могилян-

ская коллегія при польскомъ владычествѣ не пользовалась или, точнѣе, пользовалась недолго, къ тому же *tacite*, не имѣя на то соотвѣтствующей грамоты [22]). Привилеемъ короля, даннымъ православнымъ на сеймѣ 1635 года, въ коллегіи разрѣшалось обученіе свободнымъ наукамъ не далѣе логики и діалектики [23]). Поэтому преподаваніе богословія сливалось здѣсь съ курсами философскими, не было представляемо самостоятельною каѳедрою. Затѣмъ среди бушевавшихъ волнъ политической и церковной бури коллегія не только не могла мечтать о расширеніи у себя преподаванія, но послѣднее, по временамъ, должно было сокращаться въ ней до *minimum*'а. Но съ половины 80-хъ г.г. XVII стол., несмотря на указанныя экономическія нестроенія въ коллегіи, научныя ея силы стали замѣтно возрастать. Въ ряду средствъ къ поднятію научнаго уровня коллегіи, предпринятыхъ Ясинскимъ въ бытность его здѣсь ректоромъ, было отправленіе „монастырскимъ коштомъ“ способныхъ „студентовъ“ для завершенія образованія за-границу [24]). Къ указанному времени эти даровитые юноши стали возвращаться на родину и занимать въ воспитавшей ихъ школѣ профессорскія должности, вслѣдствіе чего найдено было возможнымъ не только расширить курсы философскіе, но и ввести преподаваніе богословія, и когда послѣднее окончательно упрочено было въ коллегіи, Кроковскій нашелъ благовременнымъ обратиться къ московскому правительству съ ходатайствомъ о дарованіи ей болѣе широкихъ правъ.

Съ ходатайствомъ объ этомъ Кроковскій лично отправился въ Москву [25]). Митрополитъ и гетманъ снабдили его рекомендательными письмами къ вліятельнымъ лицамъ и обширными челобитьями на имя государей о нуждахъ коллегіи. Въ челобитной гетмана, между прочимъ, выставлялось на видъ, что отъ упроченія и расширенія правъ коллегіи воспослѣдуетъ не только „вящее примноженіе хвалы Божіей“, но и „великимъ государямъ, ихъ царскому Величеству, *все-*

народная слава“: ибо Кіевъ—„исконная отчина“ ихъ Величествъ.—Кроковскій принятъ былъ въ Москвѣ ласково, и 11 января 1694 года получилъ двѣ высокомонаршія грамоты, изъ коихъ одною укрѣплялись за кіево-братскимъ училищнымъ монастыремъ принадлежавшія ему помѣстья и угодья въ границахъ, указанныхъ въ челобитной, а другою—*опредѣлялись права коллегіи.* За нею утверждалось право имѣть не только низшіе классы, но и высшіе—философіи и и богословія; разрѣшалось обучать не только дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ, но и „изъ иныхъ странъ приходящихъ“ („благочестивой греко-россійской вѣры“); она ограждалась отъ притязаній и стѣсненій со стороны военныхъ чиновъ и городскаго управленія, и сверхъ того ей назначалось опредѣленное царское вспомоществованіе по 50 рублей и 50 четвертей ржи въ годъ [26]). Но *Академіею* въ этой грамотѣ кіево-могилянская коллегія еще не названа; не сказано здѣсь въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ и о предоставленіи ей собственнаго суда надъ учащимися. Послѣднее обстоятельство служило поводомъ къ частымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между коллегіатами и представителями свѣтской власти, въ особенности съ кіевскою ратушею. Въ 1699 году кіевскій войтъ, лично бывшій въ Москвѣ, занесъ жалобу на коллегіатовъ и выхлопоталъ государеву грамоту, предоставлявшую кіевскимъ мѣщанамъ право „приводить въ приказную избу“ безчинствующихъ студентовъ, т. е. судить ихъ за проступки свѣтскимъ судомъ [27]),—чѣмъ вскорѣ мѣщане и воспользовались, засадивъ провинившагося студента въ свою ратушную тюрьму, а отсюда препроводивъ для суда въ избу приказную. Обстоятельство это произвело сильное волненіе въ средѣ коллегіатовъ. Вся коллегія in corpore, т. е. какъ профессора, такъ и студенты, вошли къ митрополиту съ прошеніемъ, гдѣ, съ подробностями разсказавъ объ упомянутомъ случаѣ, заявляли, что учрежденіе, въ которомъ они учатъ и учатся, есть *Ака-*

демія и ей съ самаго основанія присущи тѣ права свободы, т. е. самоуправленія и суда, которыми пользуются академіи „во всѣхъ государствахъ иноземскихъ", поэтому посягательства „мірскихъ властей" на эти права составляютъ для нихъ, просителей, „тяжкую обиду". Притомъ кіево-могилянская Академія находится подъ властію своего архипастыря (митрополита) и ему подсудна, мірскимъ же людямъ вступаться въ суды духовные есть дѣло съ одной стороны очень неприличное, а съ другой—„противное правиламъ святымъ и самому правилодавцу Богу". Поэтому профессора и студенты, припадая къ архипастырскимъ стопамъ, просили митрополита войти съ ходатайствомъ „къ пресвѣтлѣйшему монаршему престолу объ огражденіи ихъ отъ указанныхъ безчиненій и дерзости кіевскихъ мѣщанъ" и другихъ свѣтскихъ лицъ, именно „*чтобъ студентамъ, аще бы какая вина и случилась за ними, судъ былъ въ Академіи*" [28]).

Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій горячо отнесся къ этому: немедленно отправилъ челобитную на имя государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ нѣсколько просительныхъ писемъ, къ разнымъ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ [29]). Особенно большія надежды кіевскій митрополитъ (и не безъ основанія) возлагалъ на содѣйствіе въ данномъ случаѣ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, тѣсными узами соединеннаго съ кіевскими учеными и въ то время, по своему общественному положенію, близко стоявшаго къ государю и придворнымъ сферамъ. „Всеусердно прошу—писалъ кіевскій митрополитъ рязанскому—благоволи святыня Ваша быти ближайшимъ ходатаемъ до пресвѣтлѣйшаго престола царскаго, якоже и Христосъ Господь бѣ ходатайствуя между Богомъ и человѣкомъ, и умоли благочестивѣйшаго государя, царя, премилостивѣйшаго монарха въ подаяніи *полномоцной грамоты и крѣпости..., чтобъ не имѣли отнынѣ мѣщане кіевскіе и господинъ генералъ-губернаторъ верх-*

няго города Кіева надъ студентами власти и воли, но аще бы каковъ студентъ провинился, чтобъ искали управы въ надлежащемъ судѣ и правѣ школъ братскихъ кіевскихъ, у ректора и префекта".—Варлаамъ Ясинскій благопріятному рѣшенію своей просьбы придавалъ чрезвычайно важное значеніе. „Только тогда—писалъ онъ тому же Яворскому—кіевскія школы, на недвижимомъ камени блаженныя памяти (митрополитѣ) Петрѣ Могилѣ основанныя, не поколеблятся отъ противныхъ вѣтровъ"; только тогда это мѣсто, нѣкогда „орошаемое кровными каплями Вашей святыни (намекъ на профессуру въ коллегіи Яворскаго) и среди несчастій процвѣтавшее какъ роза", не прораститъ, запустѣвая, „терній и волчцевъ" [30]).

Стефанъ Яворскій, всегда доброжелательно и участливо относившійся къ воспитавшей его школѣ, поспѣшилъ исполнить просьбу кіевскаго митрополита относительно ходатайства предъ государемъ по данному дѣлу и, главнымъ образомъ, благодаря этому ходатайству выдана была нашей Академіи упомянутая мною въ началѣ рѣчи жалованная государева грамота, датированная 26-мъ сентября 1701 года [31]).

Въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи, посвящавшіе свои труды изученію прошлаго нашей Академіи, не придаютъ особеннаго значенія этой грамотѣ. Они говорятъ, что грамота 1701 года подтверждаетъ только то, что уже дано было коллегіи предшествующей грамотою государей 1694 года, и въ грамотѣ 1701 года коллегія не называется Академіею: это названіе усвояютъ ей только сами профессора и студенты въ своей челобитной, отчасти приведенной въ грамотѣ [32]).

Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія.

Мы упомянули уже, что въ царской грамотѣ 1694 года, подтверждающей и дарующей разныя права кіево-могилянской коллегіи, въ недостаточно опредѣленныхъ выра-

женіяхъ, говорится о предоставленіи ей самоуправленія и суда. Правда, послѣднее какъ-бы само собою подразумѣвается: вытекаетъ изъ общаго характера дарованныхъ коллегіи правъ. Но это—уже толкованіе грамоты, съ которымъ можно было и не соглашаться и съ чѣмъ дѣйствительно не соглашались не только „мірскія власти“ города Кіева, но и само московское правительство, нашедшее возможнымъ выдать кіевскимъ мѣщанамъ жалованную грамоту, предоставлявшую имъ право привлекать студентовъ коллегіи къ свѣтскому суду. Поэтому на грамоту, данную кіево-могилянской коллегіи 26 сентября 1701 года, слѣдуетъ смотрѣть дѣйствительно, какъ на грамоту, по выраженію митрополита Ясинскаго, „*полномощную*“, т. е. расширяющую права коллегіи предоставленіемъ ей собственнаго суда надъ студентами,—допустимъ даже, что можно смотрѣть на нее, какъ *на толкованіе* предшествующей грамоты 1694 года, но *толкованіе, согласное съ пониманіемъ и желаніемъ коллегіатовъ.* А какое важное значеніе придавали этому коллегіаты и кіевскій митрополитъ, намъ уже извѣстно.

Что касается до названія кіево-могилянской коллегіи Академіею, то мы видѣли, что оно впервые употреблено коллегіатами въ челобитной на имя митрополита въ видѣ объясненія или, лучше сказать, въ качествѣ доказательства законности ихъ правъ имѣть собственный судъ надъ студентами, подобно тому, какъ это право принадлежитъ и другимъ однороднымъ учрежденіямъ, академіямъ иноземнымъ. Даруя коллегіи это право *по соображеніямъ* (основаніямъ), *указаннымъ въ челобитной коллегіатовъ*, и при этомъ, согласно послѣдней, называя ее, притомъ называя неоднократно, *Академіею*, царская грамота. очевидно, тѣмъ самымъ и признаетъ за нею это наименованіе.

Къ концу XVII столѣтія, одновременно съ улучшеніемъ матеріальнаго благосостоянія, кіево-братскій монастырь и коллегія начинаютъ благоукрашаться. Этимъ они преимущественно обязаны щедротамъ малороссійскаго гетмана Мазепы, бывшаго великимъ благотворителемъ духовенства, церквей и монастырей. Великолѣпная Богоявленская церковь, доселѣ служащая лучшимъ украшеніемъ нашего монастыря, построена была (въ началѣ 1690-хъ годовъ) на средства Мазепы [33]). На его же средства сооруженъ былъ (1703—1704 г.г.) для академическихъ аудиторій обширный каменный корпусъ, въ которомъ мы въ настоящее время находимся [34]).—Что касается до Богоявленской церкви, то она въ архитектурномъ отношеніи перемѣнамъ не подвергалась, и поэтому нарочитыя рѣчи о ней излишни. Но Мазепинъ корпусъ былъ перестраиваемъ неоднократно. Въ первоначальномъ видѣ онъ изображенъ на панегирикѣ-гравюрѣ, поднесенной студентами Академіи бывшему ея ректору, въ то время настоятелю кіево-никольскаго монастыря, Прокопію Колачинскому. Къ сожалѣнію, на гравюрѣ бóльшая часть зданія заслонена группою студентовъ и изображеніемъ Паллады со знаменемъ въ рукѣ, помѣщенныхъ впереди академическаго корпуса. Впрочемъ, и видимыя части зданія даютъ достаточно отчетливое представленіе объ его архитектурѣ, и оно можетъ быть возстановлено въ полномъ видѣ. Архитектура красивая. Зданіе двухъ-этажное. Лицевая его сторона имѣетъ галлереи съ многочисленными довольно изящными столбами (въ нижнемъ этажѣ) и колоннами (въ верхнемъ); на двухъ-скатной крышѣ—три башенки.—Въ 1735 году архіепископъ Рафаилъ Заборовскій, одинъ изъ архипастырей, наиболѣе участливо относившихся къ Академіи, надстроилъ верхній этажъ Мазепина корпуса по плану архитектора Штейна, причемъ лицевая средняя часть верхняго этажа украшена была огромною колонадою въ тосканскомъ стилѣ. Къ сѣверо-восточной стѣнѣ корпуса пристроена была небольшая каменная церковь, по-

лучившая названіе конгрегаціонной. Изображеніе этого реставрированнаго корпуса находится на панегирической гравюрѣ, поднесенной въ 1739 году архіепископу Заборовскому студентомъ Кіевской Академіи Даміаномъ Галяховскимъ [35]). Въ послѣдній разъ корпусъ передѣлываемъ былъ во второй половинѣ 19-го столѣтія, причемъ галлереи и колонада были уничтожены, и зданіе совершенно утратило свой первоначальный видъ.

Для болѣе яснаго представленія о трактуемомъ предметѣ, позволяю себѣ предложить Вашему вниманію два рисунка *). На первомъ рисункѣ изображенъ Мазепинъ корпусъ до реставраціи его архіепископомъ Заборовскимъ. Тѣ части корпуса, которыя въ упомянутой панегирической гравюрѣ, поднесенной *Колачинскому*, заслонены изображеніями студентовъ и Паллады, на рисункѣ возстановлены на основаніи видимыхъ на гравюрѣ частей зданія и въ архитектурномъ соотвѣтствіи съ ними.—Второй рисунокъ представляетъ реставрированный Заборовскимъ корпусъ, какъ онъ изображенъ на упомянутой гравюрѣ Галяховскаго (на рисункѣ возстановлена только передняя—алтарная—часть конгрегаціонной церкви, на гравюрѣ, за недостаткомъ мѣста, не воспроизведенная). Что касается теперешняго вида стараго академическаго корпуса, то онъ у всѣхъ передъ глазами.

---

*) Изображенія Мазепина корпуса до реставраціи и реставрированнаго Заборовскимъ возстановлены по указаннымъ гравюрамъ инженеромъ *Е. Ѳ. Ермаковымъ*, которому мы и приносимъ *глубокую благодарность*. Изображенія эти (рисунки) помѣщены въ концѣ сей рѣчи. На первомъ рисункѣ (помѣченномъ цифрою I) изображенъ Мазепинъ академическій корпусъ до реставраціи его Заборовскимъ, на второмъ (помѣченномъ цифрою II)—послѣ означенной реставраціи.

Обращаюсь къ бытовой сторонѣ академической жизни за разсматриваемое время.

Ректоръ Академіи (совмѣщавшій съ сею должностію и настоятельство въ кіево-братскомъ монастырѣ) былъ *выборный*. Въ выборахъ его участвовали не одни профессора Академіи, но и все ученое духовенство города Кіева (члены „консисторіума", настоятели кіевскихъ монастырей)[36]). Участіе сихъ лицъ въ выборахъ объясняется ихъ тѣсными связями съ Академіею, такъ какъ всѣ они, за рѣдчайшими исключеніями, здѣсь начинали свою служебную карьеру: были профессорами, а многіе и ректорами Академіи,—всѣ они были, какъ иногда выражались о нихъ, emeritissimi professores, rectores, и никогда не прерывали тѣснаго общенія съ своею Alma Matre[37]).—О результатахъ выборовъ немедленно сообщаемо было митрополиту, который въ свою очередь увѣдомлялъ объ этомъ малороссійскаго гетмана, такъ какъ Мазепою испрошено было у московскаго правительства распоряженіе, чтобы высшія духовныя должности безъ его гетманскаго согласія не замѣщались, что неуклонно подлежащими органами и исполнялось[38]). По полученіи отъ гетмана благопріятнаго отвѣта происходило *возведеніе* избранника въ ректоры, торжественно совершавшееся по *особому чину* въ церкви; затѣмъ новому ректору выдавалась митрополитомъ соотвѣтствующая ставленная грамота[39]).

Ректора обычно избирались изъ среды академическихъ профессоровъ: это было для наиболѣе потрудившихся и достойнѣйшихъ изъ нихъ—наградою за ихъ долголѣтнюю службу въ Академіи, было вѣнцомъ ихъ учебной карьеры здѣсь и переходною ступенью къ высшимъ почестямъ. Уклоненія отъ этого общаго правила были рѣдкія и вызывались исключительными обстоятельствами[40]).

Префектъ Академіи (первое лицо послѣ ректора), профессора и преподаватели утверждались по представленіямъ

ректора митрополитомъ [41]). Всѣ они были лицами монашествующими (за рѣдкими исключеніями и то для преподавателей въ низшихъ классахъ [42]). Прочно установившійся обычай при замѣщеніи каѳедръ былъ слѣдующій. Даровитѣйшіе студенты Академіи, изъявившіе согласіе принять впослѣдствіи монашество и послужить родной школѣ, отправлялись для довершенія образованія заграницу, по возвращеніи оттуда и принятіи монашества, имъ и предоставлялось преподаваніе извѣстныхъ предметовъ, начиная съ низшихъ, или даже (смотря по обстоятельствамъ) съ среднихъ классовъ; затѣмъ, по окончаніи пройденнаго курса, они вмѣстѣ съ своими, усвоившими предметъ, питомцами переходили въ слѣдующій, высшій классъ [43]). Такъ, напр., по окончаніи піитики профессоръ переводился въ классъ риторическій, по окончаніи риторики—въ классъ философскій, а если затѣмъ избирался ректоромъ, то занималъ каѳедру богословія. Разумѣется, отъ этого обычнаго порядка бывали отступленія, зависѣвшія отъ разныхъ причинъ и особенно усилившіяся въ разсматриваемое нами время (въ самомъ началѣ XVIII ст.) вслѣдствіе участившихся вызововъ профессоровъ Академіи въ Москву; но общій принципъ оставался неизмѣннымъ.

Такимъ образомъ преподаваніе въ Академіи не было постоянною профессіею для лицъ занимавшихся имъ: оно было временнымъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „послушаніемъ" ученаго монашества. Вслѣдствіе этого составъ профессоровъ мѣнялся весьма часто.

Каково было матеріальное обезпеченіе академическаго учащаго персонала?

Историки Кіевской Академіи утверждаютъ (имѣя въ виду и разсматриваемое нами время), что оно было крайне бѣдственное. „Профессора и учителя—говоритъ преосв. Макарій, а вслѣдъ за нимъ и другіе—не получали никакого жалованья, а довольствовались изъ монастыря однимъ пропи-

таніемъ и одѣяніемъ—самымъ простымъ, *какъ и прочая братія до послѣдняго:* они служили мѣсту своего воспитанія, посвящали ему свои способности, труды и знанія изъ *одной благодарности"* [44]). Намъ кажется, что мнѣніе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. До нашего времени сохранился любопытный документъ—жалоба префекта и профессоровъ Академіи къ митрополиту по поводу неудовлетворительнаго содержанія, даваемаго имъ монастыремъ, и отвѣтъ на эту жалобу ректора, какъ настоятеля монастыря. Изъ этого отвѣта, съ большими подробностями перечисляющаго издержки монастыря на преподавателей и профессоровъ, видно, что пищевое продовольствіе ихъ было отнюдь не скудное и далеко превосходившее содержаніе рядовой монастырской братіи, а профессоровъ высшихъ классовъ, въ особенности префекта, даже преизобильное. Вотъ сокращенная выдержка изъ документа, гдѣ говорится о продовольствіи, даваемомъ префекту. „Отцу префекту рыбы дается по четыре порціи... и кромѣ рыбнаго дается борщъ, каша или другія кушанья, какія въ трапезѣ соборной братіи представляются. Хлѣба дается два на день: одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другой братерскій въ 8 же фунтовъ, въ праздничные же и воскресные дни кромѣ того хлѣба дается по четыре булки. Пива дается по семи квартъ на день, пива же дается въ ледовню по двѣ куфы (большія бочки)... Олѣи дается въ среду полкварты, въ пятокъ полкварты; масла дается въ скоромные дни по полфунта. Отъ Воскресенія (Христова) до сентября мѣсяца дано на келію его отца префекта *двѣ салѣ*. Водки дается отцу префекту по флягѣ гарцовой (большая глиняная посуда) въ начатіи школъ, въ праздники Рождественскій и Воскресенскій, также при окончаніи школъ, да не возбраняется и тогда, когда было бы ему надобно. Префектовская же фуниція —ядовито добавляетъ ректоръ—такими лѣкворами обыкновенно всегда богата есть. Меду дается по квартѣ, когда онъ въ трапезѣ поставляется.

Свѣчъ дается пять сотъ на годъ; соли—по пяти гусокъ на тыждень (недѣлю); сыра и яицъ, когда надобно и когда то есть въ палатѣ. Варево дается всякое, когда востребуетъ онъ, отецъ префектъ. Дровъ дается столько, сколько надобно.—Блюда и тарелки даются. Коляска съ лошадями префекту (равно какъ и всѣмъ учителямъ) невозбранна“ [45]).

Приведенный документъ относится къ нѣсколько позднѣйшему времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, но въ немъ констатируются *давніе* академическіе обычаи.

Денежнаго жалованья за обученіе, въ разсматриваемое время, профессора и преподаватели дѣйствительно не получали; но они имѣли другіе источники доходовъ. Такъ, будучи „постриженцами“ какого-либо монастыря, они числились въ составѣ его братіи и имъ шли кружечные „братскіе подѣлы“. Нѣкоторыя суммы—въ переводѣ на теперешній счетъ, рублей по 150—200, они получали отъ такъ называемой *паничевой консоляціи*, кромѣ доброхотныхъ приношеній отъ состоятельныхъ родителей тѣхъ же паничей жизненными припасами [46]). Ректоръ, а иногда и профессора, приглашались въ высокоторжественные дни (на государевы имянины, и др.) на молебны въ Кіево-Софійскій соборъ и за это получали изъ кіевскихъ доходовъ вознагражденіе по опредѣленной для подобныхъ случаевъ таксѣ [47]). Оплачивалось иногда и произнесеніе проповѣдей въ томъ же соборѣ [48]). У ректора же и префекта были и другіе сторонніе источники доходовъ [49]).

Не самое содержаніе преподавателей было неудовлетворительное, *скудное*, (этого сказать нельзя, въ особенности если принять во вниманіе, что преподаватели были лица монашествующія, безсемейныя),—неудовлетворительны были условія, коими обставлено было полученіе означеннаго содержанія (разумѣемъ, преимущественно, пищевое), ставившее учащій персоналъ въ зависимость отъ монастыря,—отъ чего возникали нерѣдко крупныя недоразумѣнія. Хорошій въ мона-

стырѣ экономъ—и у коллегіатовъ „преизобильное во всемъ довольство“: „въ съѣстныхъ и питейныхъ припасахъ *достатки не только чернеческіе, но и господскіе*“ [50]); дурно ведутся экономическія дѣла—умаляется и содержаніе преподавателей, а это—хотя бы „скудости“ и не ощущалось—вело къ естественнымъ въ подобныхъ случаяхъ волненіямъ, нарушавшимъ обычное теченіе жизни.—Въ добрыхъ отношеніяхъ съ академическою корпораціею находится ректоръ,—онъ же настоятель монастыря,—и заботливость о пищевомъ продовольствіи преподавателей простирается до того, что они ежедневно (человѣка по два) а въ нѣкоторые дни (постные) и in corpore приглашаются къ ректорскому столу. Нарушаются эти добрыя отношенія,—„отсѣкается“ и означенный обычай, что опять вело къ недовольству и нареканіямъ со стороны преподавателей, а со стороны ректора хотя и къ резоннымъ, но отнюдь не пріятнымъ замѣчаніямъ по адресу ихъ: „ректоръ-де не обязанъ по должности учителей кормить при столѣ своемъ, ибо всякій учитель имѣетъ свою порцію... да и не пригоже весьма того требовать за должность, что получаемъ мы за одинъ гуманитетъ“ [51]).

Что извѣстно объ учащихся въ Академіи за разсматриваемое время?

Вслѣдствіе бѣдствій, обрушившихся въ 50-хъ годахъ XVII стол. на кіево-могилянскую коллегію, она—по выраженію Лазаря Барановича [52])—„*умалилась, стала какъ малый Закхей*“, что должно быть понимаемо, какъ въ смыслѣ сокращенія въ ней преподаванія, такъ и весьма значительнаго уменьшенія числа ея питомцевъ. Но за этимъ временнымъ, хотя и довольно продолжительнымъ затишьемъ, съ 1680-хъ годовъ въ коллегіи начинается большее оживленіе: съ возрастаніемъ ея научныхъ средствъ усиливается притокъ въ нее жаждущей просвѣщенія молодежи; притокъ послѣ полученія коллегіею извѣстной намъ царской грамоты

1694 года, приравнивавшей ее къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и дозволявшей принимать дѣтей всего россійскаго народа, всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ,— притокъ этотъ усиливается и къ началу XVIII столѣтія достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Въ началѣ 1700 г.г. число обучающихся въ Кіевской Академіи достигло *болѣе 2000* человѣкъ [53]). Составъ ихъ былъ самый разнообразный, такъ какъ Академія радушно открывала свои двери для всѣхъ сословій. На ряду съ сыновьями тогдашней знати (стольниковъ, полковниковъ, знатныхъ козаковъ и т. п.) здѣсь воспитывались,— притомъ составляя большинство,—и бѣдняки, не имѣвшіе дневного пропитанія. Заботы объ этомъ пропитаніи и составляли для Академіи постоянную злобу дня, сообщивъ бытовой сторонѣ жизни большинства ея питомцевъ характерныя черты.

Часть бѣдноты жила въ такъ называемой бурсѣ, существовавшей при Академіи, часть,—не безъ большихъ хлопотъ, а иногда и непріятностей,—размѣщалась въ домахъ при кіевскихъ церквахъ, съ обязательствомъ помогать причту при отправленіи богослуженія [54]); нѣкоторые, обладавшіе хорошимъ голосомъ, принимались въ братскій пѣвческій хоръ и жили въ особомъ, предназначенномъ для него домѣ... [55]) Но давъ помѣщенія, хотя бы то и убогія, нужно было позаботиться и о хлѣбѣ насущномъ. Наибольшую помощь въ данномъ случаѣ оказывали существовавшія при академіи *студенческія конгрегаціи*.

Конгрегаціи эти учреждены были, въ соотвѣтствіе подобнымъ конгрегаціямъ католическимъ, еще Петромъ Могилою, преимущественно съ цѣлями нравственно-педагогическими; но въ тяжелыя для коллегіи времена они прекратили свое существованіе. Возобновителемъ ихъ явился упомянутый ректоръ Іоасафъ Кроковскій [56]). Помимо религіозно-воспитательнаго значенія, при возстановленіи этихъ учрежденій имѣлось въ виду создать чрезъ привлеченіе пожертвованій фондъ

для вспомоществованія нуждающимся ученикамъ коллегіи. Членами конгрегаціи были сами воспитанники: обучавшіеся въ классахъ высшихъ (богословскомъ и философскомъ) носили названіе sodales Majoris Congregationis, въ низшихъ — sodales Minoris Congregationis. Поступленіе въ конгрегацію обставлено было торжественно: давалась присяга, въ которую, между прочимъ всключались „клятвы и обѣты оное святое мѣсто (кіево-братскій монастырь) блажити и о немъ памятствовати, въ коемъ бы чинѣ онъ (дающій обѣщаніе) Божіею милостію ни пребывалъ“ [57]). Заправленіе дѣлами конгрегацій предоставлялось выбраннымъ закрытою подачею голосовъ лицамъ, каковые выборы тоже обставляемы были весьма торжественно. Избирались обыкновенно, для каждой изъ конгрегацій по пяти должностныхъ лицъ: *префектъ*, *два вице-префекта*, *нотаріусъ* и *вице-нотаріусъ* [58]). Въ ихъ вѣдѣніи находились книги для сбора пожертвованій; на нихъ возлагалась обязанность производить и самые сборы. Вѣроятно, въ видахъ бóльшей успѣшности послѣднихъ на означенныя должности избирались студенты изъ состоятельныхъ классовъ (тогдашней аристократіи). Конгрегаціи пользовались правами юридически признаннаго учрежденія: имѣли собственную печать (съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы) составляли акты, вступали въ денежныя сдѣлки, подавали прошенія въ суды и т. п. [59]):

Но на конгрегаціонные сборы содержались только ученики, жившіе въ академической бурсѣ, далеко не вмѣщавшей всѣхъ нуждающихся въ насущномъ кускѣ хлѣба. Бѣдноты оставалось еще очень много, и она должна была питаться чуть не Христовымъ именемъ. Ежедневно въ обѣденное время передъ окнами зажиточныхъ гражданъ можно было встрѣтить учениковъ младшихъ классовъ Академіи, распѣвавшихъ различные канты въ надеждѣ получить что-либо изъ съѣстнаго. Вечеромъ для той же цѣли отправлялись воспитанники и старшихъ классовъ: они распѣвали уже цѣлые концерты.

Въ большіе праздники, въ особенности во время святокъ, бѣднота цѣлыми толпами ходила по домамъ со звѣздами и вертепами, принося поздравленія наиболѣе состоятельнымъ гражданамъ или же разыгрывая комедіи [60]).

Но спѣваніями и вертепами дѣло не ограничивалось. Бѣднота наталкивала иногда учащихся, при добываніи пропитанія, и на проступки. „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много"—пишетъ бывшій здѣсь проѣздомъ въ 1701 году московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ,—„да и воруютъ много; попущено имъ отъ митрополита... нѣтъ на нихъ суда... попущено воровать пуще московскихъ солдатъ" [61]). Разумѣется, въ этомъ отзывѣ Лукьянова, въ особенности если привести его въ полномъ видѣ, много преувеличеннаго. Лукьяновъ говоритъ, очевидно, со словъ кіевскихъ мѣщанъ, отношенія которыхъ къ Академіи въ данное время были самыя обостренныя; но въ отзывѣ много и справедливаго. Нелгущая исторія отрицать этого не можетъ. Но едва-ли изъ ея устъ должно ожидать и суровыхъ порицаній по адресу безпріютной, съ подведенными отъ голода желудками, молодежи!

Школьные порядки и обычаи, существовавшіе въ древней нашей Академіи, съ особенною обстоятельностію изложены преосв. Евгеніемъ въ приложеніяхъ къ извѣстному его труду—„Описанію Кіево-Софійскаго собора" [62]). Я не буду утомлять Ваше вниманіе подробнымъ перечисленіемъ этихъ порядковъ и обычаевъ. Отмѣчу наиболѣе существенное.

Учебный годъ въ Академіи начинался около 1-го сентября, заканчивался въ первыхъ числахъ іюля. Занятія были до-обѣденныя и послѣ-обѣденныя. Въ *низшихъ* классахъ („школахъ") для провѣрки заданныхъ наставникомъ уроковъ назначались способнѣйшіе воспитанники тѣхъ же классовъ съ присвоеніемъ имъ названія *аудиторовъ*. Они, до прихода

наставника, обязаны были выслушивать уроки своихъ товарищей и заносить въ особыя тетради (Notata, Errata) свѣдѣнія о степени ихъ познанія, отмѣчая противъ каждаго имени: *scit*, или *nescit*, *erravit*, *non tota*, *prorsus nescit*, и т. п. Самый лучшій по успѣхамъ ученикъ выслушивалъ самыхъ аудиторовъ, почему и назывался *auditor auditorum*. По приходѣ въ классъ наставникъ просматривалъ нотаты и провѣрялъ занесенныя въ нихъ отмѣтки, вызывая нѣкоторыхъ учениковъ для отвѣтовъ,—послѣ чего дѣлалъ объясненія для слѣдующаго урока. По субботамъ были генеральныя провѣрки всего пройденнаго въ теченіе недѣли (*sabbativa*). Обычно къ этому времени пріурочивались и наказанія за лѣность. Въ классѣ ученики садились на опредѣленныя имъ мѣста: лучшіе занимали передніе столы—передъ наставникомъ (это былъ *senatus*); другіе—средніе; худшіе—задніе. Чтобы возбудить въ юныхъ питомцахъ соревнованіе, дозволялось на задаваемыхъ письменныхъ упражненіяхъ (*екзерциціяхъ*, *оккупаціяхъ*) дѣлать надписи или прилагать особыя записки, съ выраженіемъ желанія конкурировать съ указываемыми товарищами *de calligraphia*, *de diligentia*, *de loco*, и т. п. Съ цѣлію пріучить достаточно ознакомившихся съ латинскимъ языкомъ питомцевъ постоянно говорить между собою на этомъ языкѣ, въ грамматическихъ классахъ вводился въ обращеніе такъ называемый *calculus*—длинный, вкладывавшійся въ небольшой деревянный футляръ, листъ. Этотъ calculus, тщательно скрываемый, передавался отъ одного ученика къ другому за отвѣты не на латинскомъ языкѣ или и по-латыни, но съ ошибками. Считался нерадивѣйшимъ тотъ, у кого calculus оставался на ночь, что и отмѣчалось на немъ: *pernocavit apud dominum* (такого-то).

Въ среднихъ и высшихъ классахъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ успѣшному усвоенію воспитанниками изучаемыхъ предметовъ, а также развитію въ нихъ діалектическихъ способностей служили диспуты. Они были частные,

такъ сказать, домашніе и публичные. Первые бывали довольно часто, почти еженедѣльно, послѣдніе не менѣе двухъ разъ въ году и отличались торжественною обстановкою [63]). На нихъ присутствовалъ митрополитъ, собиралось духовенство, мѣстная знать и множество гражданъ. Диспутъ начинался рѣчью съ частыми обращеніями къ митрополиту, гетману и другимъ лицамъ, участливо относившимся къ Академіи (обращенія обычно состояли изъ благодарностей); затѣмъ указывался предметъ состязаній. Диспуты касались вопросовъ богословскихъ и философскихъ и обязательно велись на латинскомъ языкѣ. Участіе въ нихъ принимали лучшіе студенты, разумѣется старательно къ тому подготовленные подъ руководствомъ профессоровъ [64]). Не менѣе торжественными днями въ Академіи были такъ называемыя *майскія рекреаціи*. Къ этому времени профессоромъ поэтики или, подъ его руководствомъ, коллективно студентами составлялись комедіи, трагедіи и вообще драматическія произведенія (характера религіознаго), которыя гдѣ-либо за городомъ (обычно на Щекавицѣ и Глубочицѣ), при многочисленныхъ зрителяхъ и разыгрывались академическими воспитанниками. Иногда драматическія произведенія разыгрываемы были студентами и въ академическомъ зданіи и даже,—какъ есть основаніе предполагать,— *въ церкви* [65]).

Торжествами *религіозными* были братскіе праздники. Ихъ въ году было шесть: въ дни воспоминаній и чествованій—Богоявленія Господня, Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Трехъ Святителей, апостола Андрея Первозваннаго *(въ замѣнъ прежняго праздника въ честь Воздвиженія честнаго креста Господня)*, равноапостольнаго князя Владиміра и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба [66]). Съ особенною торжественностію праздновалось Богоявленіе Господне—главный престольный праздникъ монастыря. Въ этотъ день было обычное хожденіе на рѣку для водоосвященія, привлекавшее массы народа, причемъ въ процессіи участвовали

и войска, снабженныя отъ казны „зѣльемъ для пальбы“ [67]). Къ означеннымъ праздникамъ монастырь имѣлъ право изготовлять, а въ самые праздники безпошлинно продавать *медъ* стекавшемуся къ торжествамъ народу [68]).—Изъ религіозныхъ церемоній (традиціонно продолжающихся до настоящаго времени) отмѣтимъ великопостныя пассіи, съ произнесеніемъ на нихъ проповѣдей, и торжественную панихиду въ день кончины (31 декабря) фундатора коллегіи митрополита Петра Могилы, обычно сопровождавшуюся похвальнымъ ему словомъ, произносимымъ однимъ изъ членовъ академической корпораціи [69]).—Для приданія бóльшей торжественности богослуженію въ означенное время въ Академіи еще въ полной силѣ сохранялся слѣдующій, обязанный своимъ происхожденіемъ „братскимъ порядкамъ“ въ юго-западной Россіи, обычай: воспитанники „подъ часъ службы Божіей *на процесіѣ херувимской* (вѣроятно, и во время чтенія Евангелія) съ походнями (факелами) и свичами честно (на середину церкви) выходили“. Такъ же торжественно обставляемы были и „иншія процессіи и акты публичныя“ [70]).

Торжественною обстановкою *церковныхъ церемоній* имѣлось въ виду возгрѣвать въ сердцахъ питомцевъ тѣ религіозно-нравственныя, въ духѣ православія, начала, забота объ укрѣпленіи которыхъ съ самаго основанія коллегіи всегда стояла здѣсь на первомъ планѣ. По мысли основателя коллегіи, она имѣла своимъ назначеніемъ поднять не только умственный, но и *религіозно-нравственный* уровень южнорусскаго общества, должна была служить „утѣшеніемъ“ *православному* народу, представлять собою надежный оплотъ для *православной* церкви. Поэтому Петръ Могила заботился не только о томъ, чтобы въ основанной имъ коллегіи процвѣтали науки, но *въ особенности и прежде всего* („тымъ бардзѣй и надъ все“) желалъ, чтобы *благочестіе* („побожность“) въ сердцахъ молодежи было посѣяно и укрѣплено („засѣвано и вспаяно“). Съ этою цѣлію онъ самъ написалъ

обширное сочиненіе (Анѳологіонъ, 1636 г.), заключающее подробныя наставленія, какъ должны вести себя воспитанники дома, въ церкви, во время прогулокъ и т. п., какъ должны относиться къ обрядамъ и установленіямъ церкви, съ какимъ благоговѣніемъ приступать къ исповѣди и причащенію св. Таинъ, и т. п.—Разумѣется, въ этихъ наставленіяхъ рисуется поведеніе *идеальныхъ* питомцевъ; идеалы же, какъ извѣстно, рѣдко достижимы. Но о приближеніи къ этимъ идеаламъ Академія и въ разсматриваемое нами время (какъ и всегда) всемѣрно заботилась, доказательствомъ чего служатъ сохранившіеся отъ того времени катехизисы „содалесовъ“, ихъ клятвенныя обѣщанія, поученія, инструкціи [71]), и т. п.

Перехожу къ вопросу, что въ образовательномъ отношеніи Академія давала своимъ питомцамъ?

Извѣстно, что фундаторъ кіево-могилянской коллегіи митрополитъ П. Могила устроилъ ее по образцу польскихъ коллегій, гдѣ въ основу обученія положенъ былъ латинскій языкъ и науки преподавались по схоластическому методу. Преподаваніе піитики и риторики сводилось къ фокусничеству въ стихоплетствѣ, діалектическимъ тонкостямъ и мишурному блеску по части древне-классической древности, не говоримъ уже о панегиризмѣ и сервилизмѣ, переходившихъ за столбы геркулесовы. Въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи Ѳома Аквинатъ. Тотъ обликъ, то устройство и направленіе, которые положены были П. Могилою при фундаціи имъ своей коллегіи, сохраняли въ ней свои основныя черты и въ разсматриваемое время. Правда, въ началѣ XVIII столѣтія, Ѳеофанъ Прокоповичъ,—этотъ „величайшій умъ своего времени“,—внесъ было въ академическое преподаваніе новую струю [72]), но она скоро затерялась въ общемъ потокѣ. Объ учебныхъ недостаткахъ древней нашей

школы, какъ насквозь проникнутой схоластикою, говорилось и доселѣ говорится много, и недостатки эти сомнѣнію не подлежатъ. И при всемъ томъ заслуги этой школы въ дѣлѣ просвѣщенія были для своего времени весьма велики. При всѣхъ недостаткахъ, схоластическое образованіе того времени было все-таки въ своемъ родѣ *образованіемъ научнымъ* и открывало для даровитыхъ питомцевъ широкіе горизонты.

Школа давала своимъ питомцамъ основательное знаніе латинскаго языка, открывая тѣмъ широкую дверь въ сокровищницу тогдашней науки, почти исключительно сосредоточенной на этомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи древняя школа далеко оставила за собою школы нашего времени, несмотря на царящую (или, теперь можно уже сказать, *царившую*) въ нихъ классическую систему воспитанія.—Какъ, повидимому, ни безплодны были упражненія въ стихоплетствѣ и утонченномъ риторическомъ витійствованіи,—они не проходили безслѣдно для литературнаго развитія языка, хотя бы только въ стилистическомъ отношеніи; не говоримъ уже о томъ, что изученіе поэтики и риторики не обходилось безъ знакомства съ лучшими поэтическими и ораторскими произведеніями классической древности [73]).—Схоластикой вѣетъ отъ тогдашнихъ курсовъ философіи, но они имѣли громадное вліяніе на формальное развитіе учащихся: пріучали ихъ къ умственной работѣ, къ послѣдовательному мышленію, точнымъ опредѣленіямъ, отчетливости въ словахъ.—Схоластическіе пріемы, господствовавшіе въ богословскихъ курсахъ, давали возможность питомцамъ Академіи при борьбѣ съ латино-папскою наукою поражать ее собственнымъ ея оружіемъ, притомъ пріемы эти одушевляемы были жизненностію истины, тѣсно связаны были съ широкими свѣдѣніями по литературамъ свято-отеческой и церковно-исторической, хотя бы еще и недостаточно провѣренными научною критикою [74]).

Но важнѣйшею заслугою нашей Almae Matris въ научномъ отношеніи, съ самаго ея основанія, было то,

что она пробуждала въ обществѣ любовь къ просвѣщенію, уничтожала тупую ненависть ко всему иноземному и тѣмъ прокладывала дорогу къ дѣйствительному просвѣщенію, къ дѣйствительной наукѣ. Съ этой стороны посмотрѣлъ на кіевскую Академію и великій преобразователь земли русской Петръ I, реформы котораго совпали съ разсматриваемымъ нами періодомъ въ исторіи Академіи; и хотя преобразовательныя цѣли, преслѣдуемыя Петромъ Великимъ, его направленіе и образъ мыслей далеко не всегда согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей кіевскихъ ученыхъ, тѣмъ не менѣе онъ, и не безъ основанія, видѣлъ въ нихъ болѣе подготовленныхъ исполнителей своихъ предначертаній. Съ этого времени, съ самаго начала XVIII столѣтія, просвѣтительное вліяніе Академіи сильно расширяется, постепенно распространяясь и на Русь сѣверную. Кіевскіе ученые постоянно вызываются въ Москву, а затѣмъ Петербургъ, и имъ даются самыя разнообразныя порученія [75]); наиболѣе же талантливыхъ изъ нихъ царь ставитъ въ самыя близкія къ себѣ отношенія и вручаетъ имъ наиболѣе отвѣтственные іерархическіе посты. Прибывшій въ Москву (1700 г.) Стефанъ Яворскій, по распоряженію Петра, прямо поставляется митрополитомъ и назначается мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Ѳеофанъ Прокоповичъ, обратившій на себя вниманіе государя, въ бытность его въ Кіевѣ, блестящею проповѣдью, вызывается въ Петербургъ и возводится въ санъ епископа. Съ этого времени онъ является самымъ неутомимымъ истолкователемъ передъ обществомъ Петровыхъ реформъ. Талантливое и бойкое перо Ѳеофана всегда было въ полномъ распоряженіи Петра. Одна изъ важнѣйшихъ реформъ того времени, составившая эпоху въ исторіи нашей Церкви — учрежденіе Св. Синода, — реформа эта выношена была Ѳеофаномъ и проведена была при самомъ живомъ и дѣятельномъ его участіи. Вообще, на открывавшіяся архіерейскія мѣста обычно стали возводиться представители кіевской учености, а такъ

какъ на архіереевъ того времени возлагалась обязанность заводить при каѳедрахъ школы и они постепенно заводились то, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшія изъ нихъ устремился широкій потокъ кіевскихъ питомцевъ, который, развѣтвляясь, проникъ въ самыя отдаленнѣйшія окраины нашего отечества. „Изобиловала всегда—писалъ въ 1739 году смоленскій епископъ къ кіевскому архіепископу, прося у него прислать учителей изъ Академіи въ свою епархію—изобиловала всегда учеными людьми Академія Кіевская, и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила“ [76]).

Ваше Высокопреосвященство

и М.М. Г.Г.!

Высокомонаршая грамота 1701 года, съ упоминанія о которой мы начали свою рѣчь, дана нашей Almae Matri, когда она вступила въ 86-й годъ своего существованія. Присоединивъ къ этому начальному періоду ея исторіи двухсотлѣтіе, протекшее со времени выдачи означенной грамоты, мы увидимъ, что наша Академія находится почти наканунѣ многознаменательнаго для нея,—и не только для нея одной, но и для всей Россіи,—наканунѣ многознаменательнаго свѣтлорадостнаго событія *юбилея трехсотлѣтняго существованія*.

Длиненъ путь пройденный Академіею; не всегда совершался онъ при одинаково благопріятныхъ условіяхъ, не всегда съ одинаковыми силами; но всегда онъ направляемъ былъ къ одной цѣли—дать юношеству, сообразное съ воззрѣніями времени, просвѣщеніе и, что главное, *просвѣщеніе въ духѣ православія*.

Длиненъ путь, пройденный Академіею, но и сѣмена, посѣянныя при немъ, были обильны. Правда, многія изъ нихъ, не имѣя жизненныхъ зародышей, тотчасъ же и погибали; но многія, возрастая, приносили и продолжаютъ приносить неоскудѣвающіе плоды. Еще при жизни своего фундатора коллегія дала намъ систематическое изложеніе православнаго ученія, послѣ нѣкоторыхъ исправленій на ясскомъ соборѣ, сдѣлавшееся символическою книгою всей православной церкви; дала намъ прекрасное церковно-литургическое сочиненіе, обнаружившее въ ея составителяхъ обширное знакомство съ свято-отеческою литературою; дала, наконецъ, нѣсколько полемическихъ сочиненій, не потерявшихъ значенія до настоящаго времени.—На рубежѣ XVII—XVIII вв., появляется, при нѣкоторомъ участіи бывшихъ коллегіатовъ, но преимущественно составленное трудами бывшаго питомца коллегіи, *безсмертное произведеніе*, доставившее русскому благочестію неистощимый источникъ спасительнаго чтенія, а его автору (святителю Димитрію Ростовскому) такую „всероссійскую извѣстность, какой никто изъ церковныхъ писателей не имѣлъ ни *до* ни *послѣ* него“.—Не перечисляю другіе многочисленные духовные литературные плоды, возращенные трудами родственныхъ Академіи лицъ.

Длиненъ путь, пройденный Академію, но за то и сколь многіе изъ шествовавшихъ по этому пути, своею плодотворною дѣятельностію на пользу церкви и отечеству, увѣковѣчили въ потомствѣ свое имя! Уже стѣны сей обширной залы, отъ верху до низу увѣшанной портретами преимущественно бывшихъ наставниковъ и питомцевъ Академіи, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ, хотя здѣсь мы видимъ только незначительную часть лицъ, достойныхъ такой чести.

Но несмотря на столь продолжительное, славное „особенными заслугами для церкви и отечества“, вообще чреватое событіями прошлое нашей Академіи, она доселѣ еще

не имѣетъ *обстоятельной, строго научной исторіи.* Поэтому нашъ глубокоуважаемый отецъ ректоръ, преосвященный Димитрій, въ виду приближающагося трехсотлѣтняго юбилея нашей Almae Matris, выразилъ пожеланіе, чтобы подготовительныя научныя работы къ сему многознаменательному торжеству постепенно были начаты, имѣя въ виду, съ одной стороны, приведеніе въ извѣстность возможно большаго количества данныхъ, *уясняющихъ прошлое нашей Академіи*, а съ другой—научную провѣрку того, что вошло, въ качествѣ предположеній или утвержденій, въ историческіе труды о Кіевской Академіи, такъ какъ безъ такихъ предварительныхъ работъ *невозможна полная научная ея исторія*, а между тѣмъ, само собою понятно, составленіе послѣдней *есть первѣйшая обязанность*, возлагаемая на академическую корпорацію предстоящимъ юбилеемъ.

Пожеланіемъ успѣха въ этихъ благихъ предначинаніяхъ, а также добрымъ пожеланіемъ дожить намъ, здѣсь присутствующимъ, до свѣтло-радостнаго дня—трехсотлѣтія нашей Академіи,—я и заканчиваю свою рѣчь.

Примѣчанія.

---

[1]) Акты Ю. и З. Р. т. IV, № 93.—Подробнѣе: Москов. Архивъ Министерства Юстиціи. *Столбцы Малорос. приказа.* № 5921, л. 354 и слѣд.—Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что кіево-могилянская коллегія «пострадала» отъ пожара еше *въ августѣ 1651 года,*—когда, во время нашествія на Кіевъ литовскаго гетмана Радзивилла, «Кіево-Подолъ былъ выжженъ»,—послѣ чего коллегія якобы «и опустѣла» (Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка». Проф. Н. И. Петрова. Кіевъ,

1895 г., стр. 24—24). Но мнѣніе это не оправдывается историческими данными. *17 августа 1651 года,* какъ видно изъ лѣтописи *современника,* на Подолѣ сгорѣло 200 домовъ и слѣдующіе церкви и монастыри: *Пречистенская* (Успенская) на рынкѣ, *Николы Добраго, Флоровскій дѣвичій монастырь* и *Бернадинскій кляшторъ* (Latopisiec Ierlicza, Warszawa, 1853 г. I. 126.—Извлеченіе изъ него см. въ Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ, 1874 г., отд. I, стр. 42—43).

Любопытныя замѣтки о *тогдовременномъ* (до пожара 1658 года) состояніи кіево-братскаго монастыря находятся у Павла Алеппскаго въ его *Описаніи путешествія въ Россію Антіохійскаго патріарха Макарія,* два раза—на пути въ Москву и на обратномъ пути оттуда—останавливавшагося въ Кіевѣ (въ 1654 и 1656 г.г.). Въ недавнее время сдѣланъ прекрасный переводъ означеннаго Описанія съ *арабскаго подлинника* проф. Г. Муркосомъ. Замѣтки Павла Алеппскаго о кіево-братскомъ монастырѣ см. во II выпускѣ (Москва, 1897 г.) перевода г. Муркоса на стр. 78—79.

²) См. первое изданіе *Ключа Разумѣнія* (кіевское, 1659 г.), л. 253 об.

³) О гоненіяхъ, воздвигнутыхъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ на Іоанникія Галятовскаго, упоминается въ челобитной послѣдняго на имя государя, отъ 27 іюля 1669 года (по возвращеніи Галятовскаго въ Малороссію, гдѣ ему Лазаремъ Барановичемъ предоставлена была Черниговская архимандрія). «Упадаючи лицемъ—читаемъ въ означенной челобитной—до лица земли предъ престоломъ Вашего пресвѣтлаго царскаго Величества, прошу о прощеніе, же выѣхалемъ былъ з Кіева *нужды ради и скорби моей великой, понеже отецъ Меѳодій зѣло мене оскорбилъ и гонилъ,* Христосъ же Спаситель нашъ рече: «егда же гонятъ васъ въ градѣ семъ, бѣгайте въ другій»; сего ради и азъ, въ градѣ Кіевѣ гонимъ, изыдохъ до Львова, идѣже обитая, книзи печатовалемъ: *Ключъ Разумѣніа* и *Небо новое,* и за помощію Божіею сіе дѣло, церкви Восточной полезное, совершилемъ; сего же дѣла въ Кіевѣ, ради скорби моея великои, невозможно было мнѣ съвершити.

Послышавши же, яко не обрѣтается въ Кіевѣ отецъ Меѳодій, *азъ въ Кіевъ градъ паки возвратихся,* желая подъ державою пресвѣтлаго Вашего царского Величества жити и умрѣти»... и проч. (Рукоп. библіотеки Импер. Общ. Исторіи и Древ. Рос. при Московъ. Универ. № 92; а также Московъ. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос.,* № 5581, л.л. 695—691 (счетъ л.л. перепутанъ). Болѣе исправенъ, точнѣе, ближе къ малорос. подлиннику списокъ Общества).

Историки Кіевской Академіи, поставляя удаленіе Іоанникія Галятовскаго изъ Кіева въ связь съ разореніемъ, которому якобы подверглась кіево-могиллянская коллегія *въ 1665 году* (чего, въ данное время, на самомъ дѣлѣ не было; см. доказательства въ «Очеркахъ изъ исторіи Малороссіи XVII в.». В. О. Эйнгорна, стр. 323),—пріурочивали это удаленіе къ означенному году, даже ко *второй его половинѣ* (см. выше цитованное сочиненіе Н. И. Петрова, стр. 29). Но это удаленіе, безъ сомнѣнія, должно быть относимо ко времени болѣе раннему. Къ такому заключенію приводятъ слѣдующія данныя и соображенія. Извѣстно, что *Ключъ Разумѣнія* Галятовскаго изданъ былъ трижды: въ 1659 году въ Кіевѣ и въ 1663 и 1665 г.г. во Львовѣ. Львовское изданіе 1663 года (Слёзки) есть перепечатка кіевскаго изданія, снабженная только обычнымъ посвященіемъ (луцкому епископу Гедеону Четвертинскому) отъ издателя. Но третье изданіе Ключа Разумѣнія, вышедшее въ 1665 году, во время пребыванія во Львовѣ Галятовскаго, *гораздо полнѣе предшествующихъ,* о чемъ даетъ знать самое его оглавленіе: «Ключъ... и проч. *з поправою и придаткомъ»...* Эти придатки, увеличивая третье изданіе Ключа на 1/3 противъ прежнихъ изданій, состоятъ преимущественно въ присовокупленіи значительнаго количества новыхъ поученій, въ новой редакціи *науки о сложеніи казанья* и привнесеніи новаго отдѣла о чудесахъ Богородицы. Подобный трудъ требовалъ не мало времени и, безъ сомнѣнія, въ бóльшей своей части есть плодъ занятій Галятовскаго во Львовѣ (нѣкоторыя новыя проповѣди, надо полагать, вызваны мѣстными храмовыми праздниками, каковы, напр., *двѣ* проповѣди на день св. великомученника Георгія, *памяти котораго былъ посвященъ каѳедральный храмъ во Львовѣ).*—Затѣмъ, львовское изданіе Ключа Разумѣнія 1665 г. снаб-

жено было отъ автора посвятительною «предмовою» львовскому епископу Аѳанасію Желиборскому. Предмова эта тоже свидѣтельствуетъ о довольно уже продолжительномъ пребываніи Іоанникія Галятовскаго во Львовѣ и притомъ не лишена нѣкоторыхъ фактическихъ указаній, имѣющихъ важное значеніе для выясненія положенія Галятовскаго за указанный періодъ его жизни (періодъ, по словамъ его біографа, «темный въ томъ смыслѣ, что объ немъ почти ничего неизвѣстно»). Расточая, въ духѣ того времени, похвалы Желиборскому и, между прочимъ, упомянувъ объ его любви къ ближнему, Галятовскій (въ указанной предмовѣ) говоритъ о себѣ: «и я самъ дозналемъ (сей любви), гды подъ часъ небезпечный, подъ часъ внутреннеи войны домовои въ отчизнѣ нашой, мнѣ, отъ небезпеченства уходячему, не тылко въ Епархіи, але въ келіи своей мешканье далесъ, гды на сеймѣ Варшавскомъ, предъ наивысшымъ канцлѣромъ короннымъ, и въ Львовѣ, предъ ясневелможнымъ воеводою рускимъ, добрыми словы мене припоминалесъ, гды въ намѣренномъ, а теперь ужъ совершенномъ дѣлѣ, на хвалу Велможному имени Бозскому и Родителцѣ (sic!) и Святымъ Божимъ руку помощи мнѣ подалесъ»...

На основаніи сказаннаго можно полагать, что Галятовскій выѣхалъ изъ Кіева вскорѣ послѣ извѣстной Бѣлоцерковской бесѣды съ іезуитомъ Пекарскимъ и прибылъ въ Львовъ, если не въ концѣ 1663 года, то, по крайней мѣрѣ, въ началѣ слѣдующаго.—Мы сказали, что Львовское изданіе Ключа Разумѣнія 1663 года сдѣлано было Слёзкою (извѣстнымъ типографомъ). Не знаемъ, было ли Слёзкою испрошено у автора разрѣшеніе перепечатать его книгу или (что имъ дѣлалось нерѣдко) нѣтъ,—во всякомъ случаѣ *самый фактъ* изданія *Ключа во Львовѣ* (1663 г.) можетъ служить, до нѣкоторой степени, объясненіемъ, почему Галятовскій, вынужденный бѣжать отъ гоненій Меѳодія, *направилъ свои стопы въ означенный городъ*.

[4]) Акты Ю. и З. Р. т. VI, № 34.

[5]) Москов. Арх Мин. Юстиціи. *Столбцы Малорос. приказа*, №№ 5582, 5921.

[6]) А. Ю. и З. Р. VI. № 34.

[7]) Ibid.

[8]) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ 1865 г. (письмо 30). «Я въ восторгѣ—писалъ Барановичъ кіевскимъ коллегіатамъ—отъ *единодушнаго избранія*, на которомъ Духъ Святый послалъ Вамъ свои языки на пречестнаго отца Ясинскаго,—плодоносную вѣтвь моего винограда. Поздравляю его вашимъ ректоромъ. Въ немъ вы нашли сокровище, скрытое въ полѣ»... и т. д. Издатель отнесъ это письмо къ 7 янв. *1668 года*. Безъ сомнѣнія, онъ введенъ былъ въ заблужденіе *опечаткою*, вкравшеюся въ «Краткое свѣдѣніе о началѣ Кіевской Академіи, ея прежнихъ учрежденіяхъ»... и проч., напечатанное въ *прилож.* къ «Описанію Кіево-Софійскаго собора» преосв. Евгенія, гдѣ значится, что Варлаамъ Ясинскій избранъ былъ ректоромъ 13 ноября *1669 года* (слѣдуетъ читать: *1665 года)*, подобно тому, какъ введены были этою опечаткою въ заблужденіе и историки Кіевск. Академіи преосв. Макарій и В. Аскоченскій [1]), хотя опечатка легко могла быть исправлена на основаніи того же труда преосв. Евгенія (см. 208 страницу Описанія Кіево-Соф. собора, гдѣ говорится, что Варлаамъ Ясинскій былъ ректоромъ кіево-могилянской коллегіи съ *1665 года)*. Преосв. Евгеній, *съ точностію* (съ обозначеніемъ *мѣсяца* и *числа*) указывая на время избранія на ректуру Ясинскаго, очевидно, пользуется спискомъ ректоровъ, префектовъ и преподавателей Академіи, составленномъ во второй половинѣ XVIII вѣка (во время ректорства Самуила Миславскаго). Въ настоящее время часть этого списка (за XVII столѣтіе) напечатана въ *прилож.* къ сочиненію проф. Н. И. Петрова: «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII стол.» (см. стр. 129—133). Хотя списокъ этотъ, не говоря о существенныхъ пробѣлахъ, переполненъ крупнѣйшими ошибками и довѣрчивое пользованіе имъ можетъ при-

---

[1]) Преосв. Макарій относитъ начало ректуры Ясинскаго *къ 1669 году*, а В. Аскоченскій и издатель писемъ Барановича *къ 1668 г.* Разногласіе произошло отъ того, что послѣднимъ двумъ извѣстна была напечатанная въ Памят. Кіев. Коммис. грамота, данная В. Ясинскому, *какъ ректору* коллегіи, *25 апрѣля* 1669 г.

нести (и принесло) болѣе вреда, чѣмъ пользы,—тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, сообщаемыя въ немъ относительно ректуры Ясинскаго, носятъ слѣды документальности, а потому и достовѣрности. Объ избраніи на ректуру Ясинскаго здѣсь говорится слѣдующее: «Игуменъ братскаго кіевскаго монастыря и ректоръ Варлаамъ Ясѣнскій избранъ *отъ всего консистору митрополіи кіевскія 1665 года ноября 13 дня.* Произведенъ игуменомъ и ректоромъ отъ Меѳодія Філімоновича, епископа Мстиславскаго и Оршанскаго, блюстителя каѳедры Митрополітанской Кіевской, *1666 года генваря 6 дня».* Что *въ началѣ 1666 года* В. Ясинскій дѣйствительно былъ уже ректоромъ Академіи, это подтверждается тоговременными документальными данными. Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, всегда участливо относившійся къ кіево-могилянской коллегіи, *29 февраля 1666 года* писалъ своему «куму и добродию» гетману Брюховецкому: «Благодареніе Богу, что, пріѣхавъ въ Киевъ, услышалъ и увидалъ потѣшную новину въ монастырѣ Братскомъ, въ которомъ, чтобы искра та не угасла и сѣмя не было искоренено... къ наставленію дѣтемъ православно россійскимъ, обрали на правительство человѣка отъ людей добрыхъ и почтеннаго, отца Варлаама Ясинскаго, *который уже знатно началъ строение въ монастыре братцкомъ исправляти и людей ученыхъ на мастерство прибирати,* только не имѣетъ достойнаго корму на мастеровъ и на поновленіе монастыря». (Далѣе слѣдуютъ просьбы о воспособленіи монастырю и коллегіи и высказывается пожеланіе, чтобы гетманъ явился вторымъ ктиторомъ сихъ учрежденій, еще бо́льшимъ, чѣмъ какимъ, въ свое время, былъ гетманъ Сагайдачный). См. Москов.Арх.Министю Юстиціи.*Столбцы Малорос. Приказа*, № 5872. Тамъ же находится коллективная челобитная государю кіевскаго духовенства, отъ *4 марта 1666 года*, о дозволеніи избрать митрополита, подписанная между прочими, «*ректоромъ и игуменомъ Брацкимъ*» Варлаамомъ Ясинскимъ.

Въ рукописномъ сборникѣ Московской Синодальной Типографской библіотеки подъ № 390 (прежніе №№ 442, 3792) находится, на ряду съ доселѣ неизвѣстными письмами Симеона Полоцкаго къ Варлааму Ясинскому и другимъ представителямъ кіевской учености, поздравительное письмо Ясинскому съ *избра-*

ніемъ его на ректуру. По обыкновенію витіевато выражая свою радость по этому случаю, Полоцкій упоминаетъ, что Ясинскій (о чемъ, надо полагать, извѣстилъ его самъ онъ или прибывшій въ Москву, въ 1666 г., кіево-кирилловскій игуменъ Мелетій Дзикъ) былъ *fugax* означеннаго званія. Переносясь мыслію къ положенію новаго ректора и сравнивая оное съ своею жизнію въ Москвѣ (куда уже переселился на жительство) Полоцкій пишетъ: «Szczesliwyś Wmć, miedzy takowemi żyiąc, z ktoremi depostum sapientiae cibum zawsze ruminować możesz; ia biedny, lubo iako inter densas silvas w mnostwie krorych widzę chodiaszczych, mieszkam, iednakże arborem Porphirianam nie tylko speculari nie mogę, ale y słyszeć o niey zaledwie się godzi» (л. 109 об.).

[9]) Памятники, изд. кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Изданіе 1898 г. съ дополненіями т. II, №№ XXIX, XXX.

[10]) В. Ясинскій обращался съ просьбами о пособіяхъ коллегіи и монастырю: къ московскому патріарху (Московская Синод. Библ. *Славянскія грамоты*, №№ 28/2 и 31; первая грамота датирована 23 янв. 1670 г.. вторая—12 янв. 1671 г.; обѣ заключаютъ прошенія «пожаловать» кіево-братскую «нищетную» обитель «и своею милостынею и словомъ ходатайственнымъ до его царскаго пресвѣтлаго Величества»), къ малороссійскому гетману Многогрѣшному, кіевскому полковнику Дворецкому, черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столбцы Малорос*, № 5921), Симеону Полоцкому (Московская *Типогр.* Синодал. Библіотека, № 390, л. 108 и др.) и вообще ко всѣмъ «начальствующимъ и христолюбивымъ людемъ» (Памятники, изд. кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXX, см. также ibid. № XXVII, гдѣ помѣщено письмо кіевск. митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго къ ректору В. Ясинскому съ заявленіемъ объ уступкѣ въ пользу коллегіи мѣстечка Стаскъ съ перевозомъ, что, безъ сомнѣнія, было вызвано петиціею ректора).

[11]) Въ началѣ 1670 года отправлено было въ Москву отъ нѣкоторыхъ кіевскихъ монастырей многочисленное посольство,

въ томъ числѣ и отъ кіево-братскаго училищнаго. Отъ послѣдняго посланы были (точнѣе *прибыли* въ Москву): «іеромонахъ Гілевскій префектъ и маистеръ школъ кіевскихъ, іеромонахъ, Поліевктъ уставникъ и маистеръ, монахъ Антоній екклессіарха, монахъ *Генадій*, да служки трое» (изъ собственноручнаго челобитья Гилевскаго къ государю «о кормѣ»; см. въ Москов. Архивѣ въ Минист. Юстиціи *столбцы Малорос. приказа*, № **5921**, л. **231**. Изъ помѣщаемой ниже (въ извлеченіяхъ) челобитной В Ясинскаго видно, что предположенный сначала составъ посланцевъ впослѣдствіи былъ нѣсколько измѣненъ). Посланцы снабжены были просительными письмами къ государю отъ разныхъ лицъ,—именно, отъ іерусалимскаго патріарха Паисія, недавно передъ тѣмъ (въ сентябрѣ 1669 года) останавливавшагося на пути изъ Москвы въ Кіевѣ и въ это время посѣтившаго кіево-братскій монастырь, кіево-печерскаго архимандрита Іоанникія Гизеля, ректора Варлаама Ясинскаго, гетмана и другихъ.

«Смиреніе наше—читаемъ въ грамотѣ патріарха, датированной *20 сент. 1669 г.,*—достигши отчины Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, богоспасаемаго града Киева, и благодареніе Богу воздавши въ соборной митрополиі Киевския церкви Премудрости Божия, се есть святыя Софиі, прежде иныхъ монастырей и церквей посетихомъ обитель премудростнаго ученія, Ставропигіонъ патриаршеское, монастырь святый Братскій киевскій Богоявленскій, благоразумный, искусный и общежителный, идѣже от премудрых учителей і труждающихся въ православномъ ученіі юностнаго возраста и проповеди слова Божия, с наставникомъ и многотруднымъ ректоромъ, да игуменомъ братскимъ, Варлаамомъ Ясинскимъ многолюбезныі привѣ[тствія] пастырству нашему зело благоугодне воспрія[хомъ] с представлениемъ намъ учениковъ ихъ доволны[ми] премудрыми ыторскими словесы насъ благопривѣтствующихъ, о чесомъ зело радостнымъ сердцемъ Бога благодарихомъ, яко вторые здѣ Афины, вмѣсто оных грѣческихъ древнихъ, в Росиі воздвиже, тщаниемъ блаженныя памяти преосвященного митрополита киевского киръ Петра Могилы на укреплѣние и утвержение православно восточныя вѣры, к защищению еи отъ близъ сущихъ

имъ иновѣрныхъ. О семъ же вмѣсто благодарствия нашего вопросихомъ учителей тѣхъ богомудрыхъ, аще чесо от смирения нашего требуютъ, яко наше сущее дѣло исправляющиі (sic!), понеже, по апостолу, подобаетъ епископу быти учителну, якоже и, по пророку, архипастырь нашъ премудрый самъ Господь глаголетъ: дамъ вамъ пастырей по сердцу моему, иже упасутъ васъ разумомъ и учениемъ. Паче же, яко и сами видѣхомъ, велия в нихъ оскудѣния и сожжения во время брани ихъ великия церкви святых Богоявленій и другия Благовѣщения Пресвятыя Богородицы, такожде училищъ и всего монастыря. Тѣмъ же молитствующимъ имъ смирения нашего о ходатйство вашему царскому пресвѣтлому Величеству в нужде, в скудости и въ ихъ убожествахъ толь тяжкихъ, яко близкимъ быти ко престанію от того учения, церкви Божіей благопотребнаго, но и ко оставленію самые службы Божия и богомолия за ваше царское пресвѣтлое Величество,—дерзаемъ ходатайственная о нихъ моленія наша смиренная къ пребогатой милости вашего царскаго пресвѣтлаго Величества приносити: пожалуй, благомудрый царю, милостынею своею всещедрою собрание то премудростное, во еже создати имъ церкви, училища и монастырь, и питатися имѣти чѣмъ; они же купно с нами до дне жизни своея отработывати должны будутъ всегдашними молитвами, с ними же и мы со благословеніемъ архиерейскимъ превеликой милости вашего царскаго пресвѣтлаго Величества смиренно себе вручаемъ». (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921. л.л. 264—266).

Челобитная Иннокентія Гизеля (датированная 23 генваря 1670 года) начинается «смиреннымъ благодареніемъ» архимандрита «со всею о Христѣ братіею» за «премногая благодѣяния, подаваемая отъ царскаго пресвѣтлаго Величества обители Печерской Киевской». Затѣмъ идутъ рѣчи о кіево-братскомъ монастырѣ. «А понеже—пишетъ Гизель—попечению моему врученъ духовницею и остатнею волею отъ отца въ Духу моего, блаженныя памяти преосвященнаго митрополита Петра Могилы, великаго ревнителя церкви Божея, и монастырь, созданный отъ него, братскій кіевскій Богоявленскій, бывый съ двоими храмами

Божіими, Богоявления Господня и Благовѣщения Пресвятыя Богородицы, и с школами учителными, ими же християнскимъ юношамъ благоугодное учение і всѣмъ православнымъ утверждение преподается, гонителямъ же вѣры каѳолическия и волкомъ, хулникомъ стада Христова, отгнание и постыждение бываетъ, а церкви Божіей украшение и хвалы его святые примножение происходитъ; сей же толико благопотребный учителный монастырь, въ немъ же и азъ благодатиею Божиею потрудихся, нынѣ до послѣдняго оскудѣния, чрезъ лютость различныхъ ратныхъ приходитъ, въ немъ же и церкви обои сожжены и деревня ихъ, юже едину токмо имѣша, разорена, а найпаче нынѣ отъ богомерзкихъ бусурманъ татаръ, иже отнюдь хлѣба ихъ и всего пропитания лишиша, а обаче многотрудная въ немъ о Христѣ братия, ни пищи ниже одежды имуще, священницы и проповѣдницы Слова Божія, доселѣ отъ богоугоднаго своего труда не престаютъ, но, сами алчни и жадни суще, юношъ православныхъ млекомъ разума воспитываютъ, и брашномъ учения ко творенію воли Божіей утверждаютъ, и всѣхъ въ вѣрѣ святой православной каѳолической глаголомъ Божіимъ укрѣпляютъ, ниже служение церковное и моление за Ваше царское пресвѣтлое Величество оставляютъ, уповающе несумнѣнно на могущую ихъ отъ того послѣдняго оскудѣния и падения воздвигнути ревностную, ко умноженію хвалы Божея чрезъ учение православное, неоскудную Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества милость, паче же обѣщанную имъ въ грамотѣ жалованной, юже за моего еще въ томъ монастырѣ настоятельства дати имъ богомудрый и великомилостивый монархъ изволилъ еси, повелѣвая самъ приѣзжати или присылати имъ во нарекованное время (еже уже и прейде) ко всещедрой ти деснице по милостыню; дерзающимъ убо нынѣ имъ приступати с челобитьемъ ко престолу благодати Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, дерзаю и азъ ходатайственное о нихъ смиренное моленіе мое до Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества приносить, яко да пріймутъ милость и благодат обрящутъ»... и проч. (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л.л. 271—274).

Челобитная самаго Варлаама Ясинскаго обильнѣе фактическими данными, но такъ какъ они съ бо́льшею обстоятельностію изложены въ ниже помѣщаемомъ документѣ, то мы ограничиваемся здѣсь только наиболѣе характерными (преимущественно въ литературномъ отношеніи) выдержками изъ нея. «На поклонение»,—такъ, по титулѣ, начинается челобитная,—«ко небесному родшуся Царю, богатому по милости Богу, во Виѳлиемъ, въ домъ хлѣба, свѣтлая привела волхвовъ звѣзда: ко премилостивому же царю земному, Вашему царскому пресвѣтлому Величеству, свѣтящая Божему миру Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества прещедрая милостыня, горящая любовію ко Богу и ко благолѣпію дому Его, паче же изобразителная намъ въ грамотахъ царскихъ жалованныхъ приводитъ здѣ, въ домъ препитания нищихъ, нашу худость, иже, падше, поклоняемся Вашему царскому пресвѣтлому Величеству (чрезъ сіе смиренное наше челобитье) отъ упадающаго за скудость и послѣднее разорение монастыря нашего, сущаго подъ именемъ Троическаго поклоненія, Богоявленскаго киевскаго Братскаго, всей церкви святой Православной Восточной нужднаго, отъ блаженные памяти преосвященнаго митрополита кіевскаго Петра Могилы ко ученію благопотребному на защищение православныя вѣры отъ близъ сущихъ иновѣрныхъ основаннаго,—на его же болѣзненное паденіе сице предъ Вашимъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ сѣтуемъ: яко защититель обители нашея Богоявления самъ исъ крестивыйся во Иерданѣ нагъ обретается, чрезъ немалое уже время сѣтуя на насъ: *яко нагъ есмь, и не одѣясте мя*; *страненъ есмь, і въ домъ церкви не введосте мя,*—и яко се Сынъ Человѣческій не имать гдѣ главы преклонити; понеже за сожжениемъ града Киева, во время брани при боярине и воеводѣ кіевскомъ при Васильѣ Борисовичѣ Шереметеве, сожжена есть намъ великая соборная благоукрашенная церковь Богоявления Господня, при ней же и другая церковь Благовѣщение Пресвятые Богородицы со всѣми сосудами церковными и ризами, и весь монастырь со училищами сожженъ, яко разве въ трапезномъ маломъ каменномъ оставшемъ предѣле Божественную службу и моление за Ваше царское пресвѣтлое Величество бѣ-

дне совершаемъ, не имуще гдѣ и іконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы Вышегородскія, казнившея исдревле на Днепрѣ татаръ и много иныхъ чудесъ творящея, угодно поставити»... Указавъ затѣмъ на другія бѣдствія, испытанныя за послѣднее время кіево-братскимъ монастыремъ, В. Ясинскій продолжаетъ: «Того ради якожъ самъ крестивыйся Христосъ Богъ нагъ явлься на рецѣ Иерданстей, разве покрывшеся сѣнию крылъ Духа Святаго голубиныхъ, сице и монастырь нашъ Богоявленскій, обнаженный отнюдь, являющеся при рекахъ слезныхъ, неимый и нагъ, притекаетъ разве под сѣни крылъ орлихъ Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, і в крове крылу милости твоея ужъ обѣщанное въ грамотахъ, данныхъ намъ жалованныхъ, надѣется, и слезно челомъ бьетъ чрезъ сие плачевное писание и чрезъ нашихъ посланныхъ со всечестнымъ иеромонахомъ Феодосиемъ Васковскимъ, игуменомъ Межигорскимъ кіевскимъ, *нашимъ же намѣстникомъ бывшимъ, проповѣдникомъ и учителемъ,* чрезъ иеромонаха Виктора префекта и учителя школнаго, си есть начальника училищъ и самаго учителя, иеромонаха Полиевкта уставника и учителя, и монаха Антония еклизиарха, и монаха Епадиа крылошанина и іконома, и слугу монастырскаго Ѳеодора Поповскаго. Блаженъ еси, премилостивый царю, разумѣвая на нища и убога ..» и т. д. (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа,* № 5921, л.л. 345—350).

Петиціи, съ которыми обратились къ государю посланцы отъ кіево-братскаго монастыря, были многочисленны. Изъ челобитной на имя государя, составленной въ *Малороссійскомъ приказѣ* на основаніи инструкцій, данныхъ въ Кіевѣ (притомъ челобитной *еще не вполнѣ сохранившейся)* видно, что «великому государю» кіево-братскіе уполномоченные били челомъ о слѣдующемъ:

«Во время воеводства боярина Василья Борисовича Шереметева въ ихъ монастыре церкви Богоявления Господня, да другая Благовѣщения Пресвятыя Богородицы погорѣли со всею утварю церковною и с ризы, и колоколня с колоколы, и часовня с часы, весь монастырь с кельями и со училищами.

Во время воеводства князя Юрья Никитича Борятинскаго приготовлено было у них на создание церквей и монастыря нѣсколько тысячъ лѣсу и на училища, и тотъ весь лѣсъ князь Юрій Никитичь у насъ взялъ на городовое строение и на колодези, а обѣщался отдать намъ великаго государя жалованемъ, денгами, и того не исполнилъ, денегъ и лѣсу не отдалъ; и от тое то скудости и по се время великие церкви Богоявления Господня не построено и Благовѣщение Пресвятые Богородицы. И не имѣемъ гдѣ поставити иконы Пресвятые Богородицы Вышгородские, казнившие на Днепрѣ татаръ, хотящихъ пленити державу царскую. И великому государю бьетъ челомъ игуменъ Варлаамъ Ясинскій з братьею, чтобъ имъ за тотъ лѣсъ заплатить деньги, или чтобъ его великого Государя указъ в Киевъ къ воеводѣ посланъ былъ, чтобъ великого Государя ратные люди киевские имъ лѣсу вывезли на созидание церквей великия и малыя, и на строение монастыря и училища, какъ обещался имъ воздати именемъ государскимъ онъ князь Юрья Никитичь.

Да онъ же князь Юрья Никитичь ихъ монастырскую деревню Новоселки разграбилъ и разорилъ, а ихъ де отъ хлѣба лишилъ больше 1000 четвертей, и всякого скота и лошадей, такъ же и иныхъ неисчетныхъ движимыхъ вещей и украшеній церковныхъ.—Великому государю игуменъ Варлаамъ з братьею бьетъ челомъ о милостивомъ судѣ и о воздаяніи тѣхъ убытковъ.

Онъ же игуменъ з братьею бьетъ челомъ великому государю на пропитание монастырю, в мѣсто разоренные деревни Новоселки, на сей сторонѣ Днепра о Муравске или о церкви пустой в Острѣ с угодями святаго Михаила.

Да онъ же игуменъ з братьею великому Государю бьютъ челомъ, чтобъ ихъ пожаловалъ своимъ великого Государя хлѣбнымъ жалованемъ отъ глада умирающихъ ис киевскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и о томъ въ Киевъ къ воеводѣ послать свой государской указъ, потому что нынѣшние зимы въ ихъ монастырской деревне Новоселкахъ татаръ 5 мурзъ стояло многое время и хлѣбъ весь, тамъ будучи на 1000 копъ въ снопахъ и

таково же число молоченово поѣли и коньми потравили, и всю скотину от насъ отобрали, и крестьянъ в полонъ поимали, и отнюдь де имъ до нового хлѣба пропитатца нѣчимъ, разве роспустить монастырь и училище.

Бьютъ челомъ великому Государю онъ же игуменъ зъ братьею, чтобъ выкупить митру архиерейскую, которая в закладе въ печерском монастыре, а ту митру отказалъ имъ преосвященный митрополитъ Петръ Могила, строитель и основатель ихъ, и заложена та митра въ 7 тысячахъ золотыхъ полскихъ, а прямого долгу 3000 золотыхъ, а 4000 за 20 лѣтъ росту. Великій Государь пожаловалъ бы ихъ на окупъ того долгу 8000. И они, ту митру выкупя, имѣли бъ нужду и продать на пропитание монастырское, аще бы изволилъ и самъ великій Государь в свою Государскую казну заплатити.

Бьютъ челомъ великому Государю онъ же игуменъ з братьею о сосудехъ церковныхъ, и о ризахъ, да о книгахъ о прологе во весь годъ, да минеі на августъ мѣсяцъ, потому что у нихъ то пограблено.

Бьютъ челомъ великому Государю о грамоте, чтобъ их монастырю скудному в помочь поволно было въ Киеве на посаде медъ ставити и продавать в тѣ праздники, ихъ же храми суть къ монастырю нашему, какъ описано отъ боярина Петра Васильевича Шереметева в памяти, от него данной намъ противу универсала Богдана Хмелницкого, какъ и инымъ священникомъ каноны сытить и продавать волно въ празники тѣхъ храмовъ, при нихъ же служение церковное совершаютъ.

Они жъ бьютъ челомъ о грамоте на 2 каді меду из села Петровецъ по древнимъ привилиямъ и по универсалу Богдана Хмелницкого, и сверхъ того далъ имъ память Иванъ Иванович Чаодаевъ и бояринъ Петръ Васильевичь.

Да имъ же дана была великого Государя грамота, что владѣть имъ езуицкими маетностями Ксаверовымъ и иными в державе Полской. А ныне имъ тѣми маетностями владѣть не можно, і чтобы великого Государя грамота (имъ данная) не вотще (была), бьютъ челомъ, чтобъ на обмѣнъ въ Государе-

вой Державе, дабы Государское слово непремѣнно было, и имъ умирающимъ от глада помочь дати.

Да о грамоте на утверждение училищъ словенскимъ, греческимъ и латинскимъ языки, для латыни на рубеже живущихъ къ защищению православныя вѣры, отъ святыя памяти митрополита Петра Могилы основанныхъ и отъ древнихъ гетмановъ запорожскихъ, наченше от славнаго гетмана Петра Конощевича Сагайдачного.

Они же бьютъ челомъ, чтобъ великій государь указалъ написать въ ихъ синодикъ преставльшуюся о Господе благовѣрную Государыню Царицу і великую княгиню Марию Ильиничну и благовѣрного Государя Царевича и великого князя Семиона Алексѣевича, понеже родъ Государской у нихъ въ ихъ сенодике написанъ есть и ныне они на сорокоусте поминаютъ, и бьютъ челомъ о милостивомъ жалованье.

Книгу *Ключъ Разумѣния* далъ имъ на воспомогательство монастырю тоя книги издатель,—Великій Государь пожаловалъ бы ихъ: велѣлъ за тѣ книги из своей Государской казны имъ заплатить»... (Арх. Министъ. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л.л. 385—389).

Приведенная челобитная—какъ нами замѣчено—не вполнѣ сохранилась (не достаетъ конца). Надо полагать, что въ нее занесены были и другія петиціи, предъявленныя кіево-братскимъ монастыремъ московскому правительству. По крайней мѣрѣ, объ одной изъ такихъ петицій имѣются данныя несомнѣнныя. Въ то время, когда посольство отъ кіевскихъ монастырей было ужъ на пути въ Москву и временно задержалось въ Черниговѣ, Варламъ Ясинскій, извѣстившійся объ этомъ отъ межигорскаго игумена Θеодосія Васьковскаго (стоявшаго во главѣ всего посольства), немедленно послалъ ему *(4 февр. 1670 года)* письмо, въ которомъ заявлялъ, что онъ «запамятовалъ въ наказной памяти (инструкціи) доложити того, что церковь Трехъ Святителей на горѣ привилеями утверждена къ монастырю братскому», а между тѣмъ «ныне держитъ ее господинъ воевода кіевскій». Поэтому Ясинскій проситъ внести въ данную имъ своимъ посламъ инструкцію соотвѣтствующее дополненіе и ходатайствовать предъ

государемъ, чтобы означенная церковь, равно какъ и церковь Воздвиженія честнаго креста Господня, съ принадлежащими къ нимъ угодьями, были укрѣплены за кіево-братскимъ монастыремъ (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столб. Малорос. Приказа*, № 5921, л. 329; срав. *Ibid.* л. 326).

Но Московское правительство, какъ мы сказали, отнеслось къ челобитьямъ кіево-братскаго монастыря довольно холодно. На просьбу—оказать вспомоществованіе при возстановленіи церквей и монастырскихъ зданій,—послѣдовала резолюція: *«о строеньи и помочи бить челомъ гетману Демьяну Игнатовичу»*. По поводу жалобы на воеводу князя Барятинскаго о неотдачѣ заимообразно взятыхъ изъ монастыря 600 бревенъ, о разореніи имъ деревни Новоселокъ и вообще о причиненныхъ обители уронахъ,—данъ былъ отвѣтъ: *«поговорить съ ними, а въ то время была война и взять того негдѣ»*. На просьбу, взамѣнъ разоренныхъ Новоселокъ, дать деревню Муравку или остерскія угодья, находящіяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра,—состоялась резолюція: *«бить челомъ о томъ гетману»*. Съ челобитьями къ послѣднему предоставлено было обратиться кіево-братскому монастырю и о выкупѣ митры, и о «церковныхъ сосудехъ», и о продажѣ меду, и (относительно) маетности взамѣнъ іезуитской, и о училищахъ.— Просьба о покупкѣ пожертвованныхъ кіево-братскому монастырю,—надо полагать, въ довольно значительномъ количествѣ,—экземпляровъ *Ключа Разумѣнія*, была отклонена подъ тѣмъ предлогомъ, что«тѣ книги» печатаны не московскомъ «реченіемъ». На просьбу о занесеніи въ братскій синодикъ«преставльшихся» царицы Марьи Ильиничны и царевича Симеона Алексѣевича, что обычно соединялось съ дачею болѣе или менѣе щедрой милостыни,— данъ былъ отвѣтъ уклончивый: *указъ-де о томъ будетъ впредь*. (Архивъ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* 1669— 1670 г.г., № 26).

Изъ петицій, съ которыми обращались къ московскому правительству кіево-братскіе посланцы исполнены были (всецѣло или отчасти) сравнительно немногія. Именно, дано было монастырю обычное государево жалованье —сорокъ соболей цѣною въ 30 рублей, «Прологъ во весь годъ», «Минѣя августъ мѣсяцъ»,

«ризы камчатые празничные съ оплечемъ бархатнымъ», одинъ пудъ ладону и пять ведеръ церковнаго вина.—Кромѣ того послана была (7 марта 1670 года) «великаго государя грамота» кіевскому воеводѣ, чтобъ онъ «очистилъ» Трехсвятительскую церковь; но «о томъ, что къ той церкви належитъ» (т. е. относительно приписныхъ къ ней угодій), опять-таки рекомендовано было обратиться съ челобитьемъ къ гетману (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа,* № 5921, л.л. 322, 326, 296—300).

Разумѣется, Варлаамъ Ясинскій не могъ быть доволенъ результатами своего посольства въ Москву. Особенно былъ непріятенъ отказъ возвратить монастырю взятыя у него кіевскимъ воеводою 600 бревенъ, приготовленныхъ для сооруженія церкви. Послѣднее обстоятельство побудило Ясинскаго въ началѣ слѣдующаго (1671) года обратиться къ московскому правительству съ новою челобитною о возвращеніи означенныхъ бревенъ. Къ челобитной приложены были: во 1-хъ, «свидѣтельства рукописныя отъ властей достовѣрныхъ духовнаго и мирского чина» (отъ настоятелей кіевскихъ монастырей, отъ черниговскаго архимандрита Іоанникія Галятовскаго,—въ бытность котораго ректоромъ кіевомогилянской коллегіи и игуменомъ братскаго монастыря заготовленъ былъ лѣсъ для сооруженія церкви,—отъ войта и другихъ чиновъ кіевской ратуши), въ коихъ удостовѣрялся фактъ забранія кіевскимъ воеводою княземъ Барятинскимъ помянутаго лѣса на государственныя потребности,—и во 2-хъ, «Сказаніе о иконѣ Пресвятыя Богородицы Вышегородцкой чудотворной, приплывшей въ Кіевъ съ агаряниномъ и ставшей противу монастыря Братцкого Кіевскаго, въ ней же нынѣ прославляется». Кромѣ челобитной отъ имени Ясинскаго, очевидно, по его просьбѣ, послано было ходатайственное письмо къ государю за кіево-братскій монастырь и отъ черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, въ которомъ онъ молитъ, «да не тощи вспять возвратятся (посланники братскаго монастыря), но съ полученіемъ желаемыя вашего царскаго пресвѣтлаго Величества пребогатыя отеческія милости..., понеже тотъ монастырь единъ точию таковъ вашего царскаго пресвѣтлаго Величества подъ

высокою рукою въ Малой Россіи, въ немъ же Божественныхъ письменъ училище, отъ него же премудрые, церкви нашей православной нужные на всякую противу противниковъ благочестивыя нашея вѣры выходятъ люди на оборону»... Сей училищный монастырь не только составляетъ «*украшеніе и охраненіе* святой восточной церкви, но отъ него и вашего царскаго пресвѣтлаго Величества государскому имени *отъ рода и въ родъ во всей вселенной возрастаетъ слава*».—Въ данное время просьба Ясинскаго была уважена: кіевскому воеводѣ (22 февр. 1671 г.) посланъ былъ отъ имени государя указъ—навозить для монастыря взятое у него количество бревенъ *наступающею весною*, послѣ исполненія каковаго указа и приступлено было къ сооруженію Богоявленской церкви (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Книга Малорос. Приказа*, № 9, л.л. 734 об. и слѣд.—Срав. В. О. Эйнгорна «Очерки изъ исторіи Малорос. XVII в.» стр. 783.—Списокъ со «Сказанія о иконѣ Пресв. Богородицѣ» переданъ мною для напечатанія о. Ѳ. И. Титову. О судьбѣ построенной Ясинскимъ Богоявленской церкви подробности изложены въ нашей статьѣ: о *Гедеонѣ Одорскомъ*, помѣщ. въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1900 г.; см. № 12, стр. 618).

[12]) Гетманомъ Многогрѣшнымъ дано было кіево-братскому монастырю село Мураска (Муравка) на лѣвой сторонѣ Днѣпра (Москов. Архивъ Министст. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л. 295), впослѣдствіи замѣненное мѣстечкомъ Карпиловкою съ приселками, а гетманъ Самойловичъ, универсаломъ отъ 7 іюля 1672 г., даннымъ на имя ректора и игумена В. Ясинскаго, дозволилъ безпошлинно сытить медъ къ шести праздникамъ въ году (Памятники, изд. кіев. коммис. для разбора древ. актовъ, Кіевъ 1898 г., т. II, № XXXII). Многогрѣшный обѣщалъ было «и церковь братскую *каменную* соорудити и школы для ученія построити», для каковой цѣли собирались «съ міру» деньги «въ скарбъ войсковой»; но по низложеніи его съ гетманства (въ мартѣ 1672 г.) въ означенномъ «скарбѣ» никакихъ денегъ не оказалось. (А. Ю. и З. Р. т. IX, № 155).

[13]) Каменная трапеза устроена была въ кіево-братскомъ монастырѣ, по всей вѣроятности, на средства гетмана Сагайдачнаго, бывшаго *великимъ благотворителемъ* для означеннаго монастыря (см. Вѣрши на жалобный погребъ зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана... и проч., изд. въ Кіевѣ, 1622 г., и вполнѣ перепечатанныя въ приложеніяхъ къ нашему изслѣдованію: «Исторія Кіев. Духовной Академіи», выпускъ I, 1886 г., № прилож. VI, стр. 17—40). Придѣлъ въ братской трапезѣ былъ во имя *святыхъ Бориса и Глѣба* О трапезованіи здѣсь Мелетія Смотрицкого упоминается въ предисловіи къ Desiderosus'у *(изд. 1625 г.)*, составленномъ Кассіаномъ Саковичемъ. Любопытное описаніе означенной трапезы (священныхъ картинъ, изображенныхъ здѣсь въ олтарной абсидѣ) находится у Павла Алеппскаго (Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. См. по переводу Г. Муркоса, вып. II, стр. 78—79).

[14]) Извѣстна *«ляментація»* кіево-братскихъ иноковъ, исполненная укоризнъ, неназываемому по имени, *ректору* коллегіи, но по времени составленія (есть рѣчи о разореніи Новоселокъ) относящаяся къ послѣднимъ годамъ ректорства Варлаама Ясинскаго (см. *Кіев. Старину* за 1884 г., № 10, стр. 353—356). Что она вышла изъ среды «неученаго или, по крайней мѣрѣ, неучащаго монастырскаго братства»,—это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію (Соображенія см. у И. И. Малышевскаго въ его рецензіи на сочиненіе Н. И. Петрова, помѣщ. въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи, 1896 г., № 11, *протоколы*, стр. 148—149).

[15]) Лазарь Барановичъ въ письмѣ къ В. Ясинскому называетъ оставленіе имъ ректуры въ кіево-могилянской коллегіи *добровольнымъ;* но надлежащее освѣщеніе этого факта дается тѣмъ же письмомъ: «*Перестань же говорить*—читаемъ здѣсь,—*что тебя заставили отказаться*, ибо ты самъ подалъ объ этомъ голосъ и на словахъ и на бумагѣ, а я, какъ первосвятитель, не хотѣлъ дѣлать вопреки твоей доброй воли»... и проч.—Барановичъ утѣшаетъ Ясинскаго тѣмъ, что матеріальное его положеніе съ оставленіемъ ректуры не пострадало (ему предоставлена долж-

ность проповѣдника въ кіево-печерской лаврѣ), «Въ *седо*,—пишетъ онъ, играя словами согласно съ тогдашними школьными традиціями и привычками,—ударилъ однажды громъ, разбилъ *с*, осталось *едо*. ***Наказующая тебя*** десница Господня, любя тебя, и послѣ отказа твоего, оставляетъ при тебѣ *едо*. (Письма Барановича, Черниговъ, 1865 г., письмо 113).—В. О. Эйнгорнъ оставленіе Ясинскимъ ректуры ставитъ въ тѣсную связь съ его донесеніемъ кіевскому воеводѣ объ укрывательствѣ въ кіево-братскомъ монастырѣ Василія Многогрѣшнаго (брата измѣнника гетмана), чѣмъ якобы должны были остаться крайне недовольны братскіе иноки и, вслѣдствіе чего, пребываніе среди нихъ Ясинскаго сдѣлалось для него «совершенно невыносимымъ» (Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. Москва, 1899 г., стр. 856—857). Но Ясинскій въ данномъ случаѣ исполнилъ только «крѣпкій заказъ» кіевскаго воеводы, князя Козловскаго, чтобы мѣстные игумены «немедленно сообщили ему, воеводѣ, если бы кто изъ сродниковъ измѣнника-гетмана объявился въ какомъ-либо монастырѣ». Неисполненіе этого «крѣпкаго заказа», безъ сомнѣнія, навлекло бы тяжкую кару не только на Ясинскаго, *но и на управляемый имъ монастырь*.

[16]) Имѣемъ въ виду постепенное возвращеніе изъ-за-границы посланныхъ туда В. Ясинскимъ для завершенія образованія наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ коллегіи и поступленіе ихъ здѣсь на преподавательскія должности, а также сохранившіеся отъ того времени школьные труды.

Существуетъ мнѣніе, что во время ректуры въ коллегіи Ясинскаго преподавателемъ философіи здѣсь былъ *(съ 1672 года)* извѣстный *Паисій Лигаридъ* (мнѣніе это высказано было преосв. Филаретомъ черниговскимъ въ его «Обзорѣ рус. духовной литературы», см. изд. 1884 г. стр. 241, и поддерживается проф. Н. И. Петровымъ съ указаніемъ, что читанныя въ коллегіи лекціи Паисія хранились въ бумагахъ профессора Барсова; см. «Кіевск. Акад. во второй половинѣ XVII в.», стр. 34, 139). Но мнѣніе это не можетъ быть принято. Паисій Лигардъ, *впервые* выѣхавшій изъ Москвы въ Кіевъ *1 марта 1673 года* и при-

бывшій сюда *28 мая означеннаго года* (см. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла греческія*, № 1, г. 7181 сентяб. 7—марта 4), встрѣченъ былъ кіевскими учеными не особенно благосклонно (ему даже закрытъ былъ доступъ къ коллегіатской библіотекѣ), и хотя впослѣдствіи—въ виду обоюдныхъ интересовъ—между ними и Паисіемъ воспослѣдовало сближеніе, но оно выразилось въ порученіи послѣднему перевести на латинскій языкъ рукописный трактатъ извѣстнаго греческаго богослова первой половины XVII стол. Георгія Корезія (Γεώργιος Κορέσσιος) подъ заглавіемъ: «Διάλογοι περὶ τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ πνεύματος»,—ознакомленіе съ каковымъ трактатомъ для кіевскихъ ученыхъ (плоховато знавшихъ греческій языкъ) было чрезвычайно важно, въ виду надѣлавшаго много шума полемическаго сочиненія Циховскаго (Cichovius): *Tribunal s.s. Patrum Orientalium*... et caet. (1658 г.), направленнаго противъ догмата объ исхожденіи Духа Святаго отъ одного Отца, а въ частности *и противъ кіевскихъ коллегіатовъ*, имѣвшихъ по данному вопросу, еще *въ 1646 году*, трехдневный диспутъ съ Циховскимъ (диспутъ этотъ тенденціозно описанъ тѣмъ же Циховскимъ въ изд. 1649 г. брошюрѣ: *Colloquium Kijoviense*. Въ основу Tribunal'а положена эта брошюра).—Означенный трудъ (переводъ) Паисія сохранился до настоящаго времени: онъ находится въ Синодальной Типографской Библіотекѣ, по каталогу рукописей № $^{1771}/_{4057}$. Переводъ начатъ былъ Паисіемъ въ Кіевѣ, къ концу его *перваго* пребыванія здѣсь, а оконченъ въ Москвѣ, куда онъ неожиданно, по указу государя, былъ вызванъ (выѣхалъ изъ Кіева *17 сентября 1675 г*). Съ Паисіемъ отправленъ былъ въ Москву префектъ кіево-могилянской коллегіи Виссаріонъ Шулковскій, принимавшій участіе въ означенномъ трудѣ Паисія (участіе это выражалось въ томъ, что онъ, будучи хорошимъ каллиграфомъ, переписывалъ черновики перевода Паисія). Переписанная Шулковскимъ рукопись перевода снабжена нѣсколькими замѣтками и приложеніями (есть посланіе кіевскихъ ученыхъ къ патріарху), которыя, въ связи съ нѣкоторыми другими рукописными данными, восполняютъ наши свѣдѣнія, какъ о Паисіи, такъ и о кіево-могилянской коллегіи разсматриваемаго времени. Но обо

всемъ этомъ—рѣчи въ другомъ мѣстѣ Теперь же ограничиваемся замѣчаніемъ, что указанныя данныя не подверждаютъ мнѣнія *о преподаваніи Паисіемъ какого-либо предмета въ коллегіи.*

[17]) Письмо Ѳеофана Прокоповича къ кіев. архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 8 марта 1736 года (напеч. въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 г., № 4, и *Трудахъ Кіев. Дух. Академіи* за 1865 г.; см. октябрь, стр. 274—279).

[18]) Ѳеодосій Гугуревичъ избранъ былъ на ректуру въ кіево-могилянской коллегіи послѣ однолѣтняго его настоятельства въ кіево-михайловскомъ монастырѣ и (передъ тѣмъ) около пятилѣтняго въ батуринскомъ. Краткія свѣдѣнія объ этомъ, равно какъ и о послѣдующей судьбѣ Гугуревича, находятся въ *Діаріушѣ* святителя Димитрія Ростовскаго. Именно здѣсь, въ ряду замѣтокъ, сдѣланныхъ подъ 1690 годомъ, читается и слѣдующая: «Декабря 25, въ самый день Рождества Христова, по вечерни, преставился въ монастырѣ нашемъ іеромонахъ Ѳеодосій Гугуревичъ, бывшій игуменъ въ разныхъ монастыряхъ, а именно: въ монастырѣ семъ Батуринскомъ (когда писалась эта замѣтка святитель состоялъ игуменомъ означеннаго монастыря) лѣтъ пять, въ Михайловскомъ Золотоверхомъ Кіевскомъ годъ одинъ, въ Братскомъ Кіевскомъ лѣта три, въ Максаковѣ одинъ годъ, а *въ бѣдахъ и скорбехъ*, послѣ Максаковскаго игуменства, страдалъ также цѣлый годъ». (Сочиненія святаго Димитрія, митрополита Ростовскаго. Кіевъ, 1824 г., ч. I, стр. 332). Н. И. Петровъ, имѣя въ виду эту замѣтку св. Димитрія Ростовскаго, говоритъ: «По разсчету времени выходитъ, что Кіево-Михайловскимъ игуменомъ Гугуревичъ былъ въ 168⁴/₅ году, а Кіево-братскимъ игуменомъ и ректоромъ,—съ 168⁵/₆ учебнаго года до конца 1688 гражданскаго года». А въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту заявляетъ: «по наборѣ сего, мы нашли документъ, подписанный Михайловскимъ игуменомъ Ѳ. Гугуревичемъ еще *20 апрѣля 1680 года* (Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в., стр. 45). Но съ документомъ, очевидно, вышло какое-то недоразумѣніе. Время избранія Гугуревича на кіево-михайловское игуменство состоялось значительно позже: оно съ точностью опредѣляется на

основаніи того же Діаріуша святителя Димитрія Ростовскаго. Здѣсь подъ *1682 годомъ* читаемъ: «февраля 7, во вторникъ послѣ утрени, на память преподобнаго отца Пареенія, преставися блаженныя памяти отецъ Мелетій Дзикъ, игуменъ Михайловскій Кіевскій: вѣчная ему память! *На его мѣсто избранъ отецъ Өеодосій Гугуревичъ, игуменъ Батуринскій;* а въ Батуринскій монастырь на Гугуревичево мѣсто меня Богъ сподобилъ.—Марта 1-го, на память св. Евдокеи, въ среду первой недѣли великаго поста, отецъ Өеодосій Гугуревичъ здалъ мнѣ съ себя игуменство монастыря Батуринскаго, въ церкви святителя Христова Николая: *а самъ того же дня выѣхалъ изъ монастыря въ путь свой въ Кіевъ.* Боже, ему поспѣши!» (Сочиненія св. Димитрія митроп. Ростовскаго. Кіевъ, 1824 г., ч. I, 317—318).

Н. И. Петровъ справедливо замѣчаетъ, что Гугуревичъ «постепенно спускался внизъ по іерархической лѣстницѣ»; тоже самое говоритъ и О. И. Левицкій, но послѣдній полагаетъ, что пошатнулась служебная карьера Гугуревича только съ переводомъ его въ «малозначительный монастырь черниговской епархіи—Максаковской»; что же касается до избранія его ректоромъ кіево-могилянской коллегіи, то оно признается г. Левицкимъ *повышеніемъ* по службѣ, при чемъ дѣлаются предположенія, кому Гугуревичъ обязанъ былъ столь почетнымъ и важнымъ постомъ. (Кіев. Старина, 1901 года, сентяб., стр. 402, 403, 405, 406). Но такое пониманіе невѣрно. Въ разсматриваемое время, въ ряду іерархическихъ ступеней кіево-михайловское игуменство *стояло выше ректуры въ кіево-могилянской коллегіи* и обычно предоставлялось лицамъ, много уже потрудившимся для коллегіи и, между прочимъ, ректорамъ послѣдней (припомнимъ Іосифа Кононовича Горбацкаго, Мелетія Дзика, Сильвестра Головчича). Такимъ образомъ, карьера Гугуревича *пошатнулась* ранѣе, чѣмъ предполагаетъ упомянутый изслѣдователь.

Причины, побудившія Гугуревича оставить кіево-михайловское игуменство, до настоящаго времени остаются *невыясненными*. Къ уясненію ихъ можетъ служить слѣдующая замѣтка, сохранившаяся въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа: «іюля въ 29 день *(1683 года)* къ великимъ государямъ писалъ гетманъ съ посланцомъ

своимъ Василіемъ Кочубеемъ, что кириловского монастыря про игумена про Иннокентія *разыскивано и сужено духовнымъ судомъ, и разсмотрѣно, что его, Иннокентія Монастырского, игумень бывшій Михайловскій Ѳеодосій Гугуревичъ зависти ради огласилъ измѣнническими преступленіями*, и кириловскаго монастыря чернецъ Давидъ на него, Иннокентія, чинилъ *ложныи свои свидѣтельства, и за то Михайловскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій Гугуревичъ отставленъ*, а каковъ въ томъ дѣлѣ былъ розыскъ и судъ—съ того дѣла прислалъ онъ, гетманъ, списокъ». (Москов. Арх. Министер. Юстиціи. *Дѣла Малорос. Приказа;* № книги 53, л. 19—20). Изъ этой замѣтки видно также, что Гугуревичъ послѣ *вынужденнаго* оставленія имъ кіево-михайловскаго игуменства не тотчасъ избранъ былъ на ректуру въ коллегіи. Но объ этомъ избраніи—рѣчи въ другомъ мѣстѣ.

Поступки и преступленія Гугуревича, омрачившіе его имя, съ откровенностію судебныхъ актовъ изложены и констатированы въ древней актовой книгѣ Борзенской ратуши. Отрывки изъ этой книги, касающіеся преступленій Гугуревича, напечатаны А. М. Лазаревскимъ въ его книгѣ «Описаніе старой Малороссіи» (т. II. 153—156), а въ литературной обработкѣ съ ними знакомитъ О. И. Левицкій въ печатаемыхъ имъ «Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII стол.» (См. очеркъ 30-й: «Грѣшный игуменъ», въ сентябр. книжкѣ Кіев. Старины, за 1901 г., стр. 401—410).

[19]) О началѣ ректуры (вторичной) Іоасафа Кроковскаго, относительно чего были мнѣнія неустойчивыя, см. нашу статью *Гедеонъ Одорскій*,—гдѣ по сему вопросу даются опредѣленныя (документальныя) указанія (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 598 и слѣд.). Здѣсь, между прочимъ, было упомянуто нами о неизвѣстной дотолѣ грамотѣ митрополита Варлаама Ясинскаго, выданной по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора кіево-могилянской коллегіи. Грамота эта—одинъ изъ цѣнныхъ документовъ, относящихся къ прошлому нашей Академіи, а потому мы приводимъ его здѣсь въ полномъ видѣ:

«Варлаамъ Ясинскій, милостію Божіею православный архіепископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и малыя Росіи.

Извѣстно творимъ всѣмъ, сіе писаніе чтущимъ и слышащимъ, что мы пастырь, увѣщани суще первѣе словесы апостола глаголющаго: *епископу подобаетъ быти учителну*, посемъ монаршескими ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества и патріашескими грамотами, при посвященіи на митрополію намъ данными, въ которыхъ пространно написано, дабы есмы о школахъ ко ученію свободныхъ наукъ попеченіе имѣли, по должности нашей пастырской стараясь о томъ, чтобъ монастырь Братскій Кіевскій, со училищами въ немъ сущими, безъ належащаго своего ректора и игумена не приходилъ въ кое нестроеніе: нынѣ по благоволенію Божію, по нашему же пастырскому благословенію, *а по соизволенію, данному на письмѣ ясневельможною его милости господина Ивана Мазепы, гетмана войскъ ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества запорожскихъ, особливаго тому монастырю Братскому обновителя, промыслинника и благодѣтеля, и по совѣту пречестныхъ ихъ милостей въ Бозѣ отцевъ соборныхъ митрополіи Кіевской, такожде и по изволенномъ обраніи честныхъ отецъ Братскаго монастыря*, вручили есмы началъ ректорства и игуменства Братского Кіевского пречестному въ Бозѣ отцу Іоасафу Кроковскому, игумену монастыря Пустынно-никольского Кіевского, яко человѣку благоразумному и побожному, *въ томъ же монастырѣ Братскомъ четырехлѣтнимъ ученіемъ философіи и единолѣтнымъ ученіемъ Богословіи, кромѣ нижайшихъ съ початку нѣсколькольтнихъ ученій въ школахъ, явно въ славу Божію потрудившемуся*, который за помощію Божію можетъ вмѣстительно игуменство монастыря Пустынно-Никольскаго и ректорство со игуменствомъ монастыря Братскаго Кіевскаго благочинно устроивати, сохраняя давныя строительныя грамоты и права, отъ святой памяти ясне преосвященнаго его милости отца Петра Могилы архіепископа митрополита Кіевскаго, архимандрита Печерскаго, строителя тому Братскому монастырю, наданыя, и всемощно желая по Бозѣ за помощію ясневельможного его милости господина гетмана нынѣшняго, строителя и обновителя того жъ монастыря Братскаго Кіевскаго, такожде и призрѣніемъ всѣхъ ихъ милостей господъ

начальныхъ малороссійскихъ, *дабы могли разширятися науки свободныя, дабы помножалися ученія къ защищенію церкви православной восточной, и житіе въ монастырѣ по чину иноческому сколько мощно обще по даннымъ правамъ, прежнимъ ректорамъ даннымъ, и по увѣщанію строительской духовной дабы строено было;* а понеже вручается нынѣ то ректорство вмѣстѣ съ игуменствомъ Никольскимъ пречестному отцу Іоасафу Кроковскому, подвигнуло насъ и то, чрезъ его заслуги, къ сему, что и прежде сего въ монастырѣ Братцкомъ, послѣ нѣсколькολѣтного честнаго начала префектовского и маистровского философіи, *ему учащему Богословію,* блаженные памяти предокъ нашъ ясне въ Бозѣ преосвященный киръ Гедеонъ князь Четвертенскій, митрополитъ Кіевскій, вручилъ было вмѣстѣ со игуменствомъ Никольскимъ и ректорство Братцкое, разсуждая, что тѣ оба монастыри Никольскій и Братцкій и при здравствованіи строителя Могилы подъ единымъ владѣніемъ такова жъ учительного и заслуженого, послѣ превысокихъ маистровствъ училищныхъ, игумена Микольского пребывали; а понеже тогда *недолю* ректоровалъ пречестный сей отецъ Іоасафъ игуменъ Никольскій, то нынѣ дабы тожъ ректорство совершалъ, тако изволися Духу Святому и нашему смиренію со всѣми на то соизволяющими; о чемъ вѣдая всѣ о Христѣ братія монастыря Братцкого Кіевского, дабы его пречестного отца Іоасафа Кроковского, игумена Пустынно-Никольского Кіевского, яко соизвольнымъ избраніемъ ихъ обраннаго и отъ насъ пастыря съ послушанья церкви Христовой принужденного, за належащаго себѣ ректора и игумена отца и наставника, содержащего съ игуменствомъ Пустынно-Никольскимъ совершенную власть начальства ректорскаго, имѣли, и ему, яко могущему по нашей власти митрополитанской исправляти весь чинъ церковный и монастырскій, всякое чинили послушаніе, пастырски желаемъ и для лучшей чести и крѣпости даемъ наше се писаніе со обыклою печатью митрополитанскою, съ подписомъ руки нашей. Изъ монастыря Святософейскаго катедральнаго Кіевскаго, 1692, мѣсяца генваря въ 20 день, *рукою своею».* (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, связ. № 94).

[20]) См. Памят. Кiев Комм. для разбора древ. актовъ, изд. 1898 г., т. II, № XXXV; срав. Кiево-братскiй училищный монастырь», Н. Мухина (Кiевъ, 1893 г.), *прилож.* № XXI, стр. 372 и слѣд.

[21]) Экономомъ въ кiево-братскомъ монастырѣ въ данное время былъ *Пароенiй Родовичъ* (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* св. № 94),—человѣкъ, по отзыву Ѳ. Прокоповича, «трезвый, дѣльный, трудолюбивый, догадливый и по всему того (должности эконома) достойный» (*Труды Кiев. Дух. Академiи,* 1865 г., № 10, стр. 276).—Родовичъ,—что доселѣ, кажется, остается неизвѣстнымъ,—былъ и преподавателемъ въ коллегiи. Намъ извѣстны школьные труды изъ класса поэтики отъ *1689 года,* составленные «sub Reverendo *Parthenio Rodovio* (*Helicon bivertea*; см. рукоп. Синод. Типогр. Библ., № 1769, л. 1; см. также л. 131 и слѣд., гдѣ помѣщено руководство, составленное «in schola Poeseos sub Reverendo Patre *Parthenio Rodowicz*, anno Domini *1689*».

[22]) По заслуживающему полнаго довѣрiя свидѣтельству унiатскихъ писателей (Dzieje y prawa kościoła Polskiego, T. Ostrowskiego. Warsawa, 1793 г., t. III, str. 485), П. Могила на коронацiонномъ сеймѣ 1633 года исходатайствовалъ у короля привиллегiю для своей коллегiи, какъ *высшаго учебнаго заведенiя;* но къ этой привиллегiи и канцлеръ коронный и подканцлеръ *отказались приложить свои печати.*

[23]) Привилегiя напеч. въ *прилож.* къ сочиненiю Н. И. Петрова: «Кiев. Академiя во второй половинѣ XVII в.»—см. стр. 127—129.

[24]) См. упомянутую ляментацiю кiево-братскихъ иноковъ на ректора (Варлаама Ясинскаго).

[25]) Подробныя свѣдѣнiя объ этой поѣздкѣ и результатахъ ея находятся въ обширномъ дѣлѣ, хранящемся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ и *далеко изслѣдователями еще неиспользованномъ.* (Дѣла Малорос. 1693 г. св. 94.

Здѣсь, впрочемъ кое-чего не достаетъ; но въ Москов. Арх. Минист. Юстиціи есть хорошо сохранившаяся копія съ этого дѣла).

Извлекаемъ изъ этого дѣла одну бытовую картинку,— именно о церемоніалѣ, бывшемъ при первомъ пріемѣ государемъ Іоасафа Кроковскаго и его свиты,—церемоніалѣ, заранѣе установленномъ и *состоявшемся* (на проэктѣ церемоніала отмѣчено: *было по сему)*:

«201 года, іюля въ 10 день, великій Государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ быть у себя, великого Государя, на дворѣ на пріѣздѣ преосвященнаго Варлаама, митрополита Кіевского и Галицкого и малыя Росіи, присланному Іоасафу Кроковскому, игумену Николаевского Пустынного и ректору и игумену жъ Братцкого монастырей Кіевскихъ, со всѣми при немъ будучими людьми.

А какъ онъ къ великому Государю войдетъ въ палату, и ево явить великому Государю челомъ ударить думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову, а говорить: «Великій Государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! Вашего царского Величества богомольца преосвященного Варлаама, митрополита Кіевского и Галицкого и малыя Росіи, присланной Іоасафъ Кроковскій, игуменъ Николаевского Пустынного и ректоръ и игуменъ же Братцкого монастырей Кіевскихъ, со всѣми при немъ будучими людьми, тебѣ, великому Государю, вашему царскому Величеству, челомъ ударилъ».

А потомъ присланной великому Государю его царскому Величеству говоритъ рѣчь.

А изговоря рѣчь, подастъ великому Государю листъ и объявитъ святыню.

И думной дьякъ говоритъ: «Вашего царского Величества богомолецъ, преосвященный Варлаамъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и Малыя Росіи, тебѣ, великому, Государю челомъ бьетъ святынею:

Животворящій Крестъ Господень рѣзной на кипарисѣ.

Образъ святаго великого князя Владимера.

Стихи въ рамахъ печатаны на похвалу страстей Христовыхъ, да не въ рамахъ тѣхъ же 10 листовъ на бумагѣ».

И великій Государь, его царское Величество, укажетъ у присланного листъ и святыню принять и митрополита спросить о спасеніи.

И думной дьякъ говоритъ: «Присланной! великій Государь, его царское Величество, жалуетъ богомольца своего, преосвященного Варлаама митрополита Кіевского и Галицкого и Малыя Росіи: велѣлъ спросить о спасеніи».

А послѣ того великій Государь пожалуетъ присланного къ рукѣ.

И думной дьякъ говоритъ: «великій Государь, его царское Величество, жалуетъ тебя, игумена, и при тебѣ будучихъ къ своей царского Величества рукѣ».

А потомъ великій Государь игумену велитъ сказать свое великого Государя жалованье въ стола мѣсто кормъ.

И думной дьякъ говоритъ: «игуменъ Іоасафъ! великій Государь, его царское Величество, жалуетъ васъ своимъ царского Величества жалованьемъ въ стола мѣсто кормъ и питье».—А сказавъ, отпуститъ ихъ на подворье.

[26]) Памятники Кіев. Комм. для разбора древнихъ актовъ, изд. 1898 г., т. II, №№ XXXV, XXXVI. Наиболѣе важное значеніе, разумѣется, имѣла грамота, данная «на школы». Къ ней привѣшена была ***большая государственная печать*** въ серебряномъ ковчегѣ. «202 года, декабря въ 18 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали сдѣлать къ своей великихъ государей жалованной грамотѣ на Государственную большую печать ковчегъ серебрянной, которую велѣно дать киевскаго Богоявленскаго братцкого монастыря игумену и ректору Иоасафу Кроковскому з братьею на школы. А на дѣло того ковчега дано серебрянаго дѣла мастеру іноземцу Якову Буду четырнадцать ефимковъ из Новгород-

ского приказу, и о томъ дать въ тотъ приказъ указъ». (*Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.* Выше цит. дѣло 1693—1694 г.г.). Подлинникъ этой грамоты хранится въ Музеѣ при Кіев. Дух. Академіи.

[27]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Дѣла правит. Сената, по М. Э.* кн. № 5/1722. Въ этомъ дѣлѣ сторону кіевскихъ мѣщанъ сильно поддерживалъ патріархъ Адріанъ, подозрительно относившійся и къ кіевской коллегіи и къ кіевскимъ ученымъ. Сохранилась грамота этого патріарха къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, писанная по поводу жалобъ кіевскаго войта какъ на коллегіатовъ, *такъ и на самаго митрополита.* Характерныя выдержки изъ нея сдѣланы нами въ упомянутой статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 604—605). Указавъ на безчинство студентовъ (о чемъ см. въ упомянутой выдержкѣ), патріархъ пишетъ: «и отъ того имъ (кіевскимъ мѣщанамъ) великая обида и разореніе чинится, *а унять ихъ отъ того не кому,* и ты, въ Дусѣ Святѣмъ сыне и сослужителю нашея мѣрности... о мирѣ между людьми потщися... и студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, *въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ во особыхъ домѣхъ и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придется*» (Ibid. л.л. 205 - 208).

[28]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Дѣла правит. Сената по Малорос. Экспед.* № кн. 5/1722; л.л. 129—134.

Приводимъ эту челобитную въ полномъ видѣ:

«*Академія* наша Кіево-Могилянская,—писали коллегіаты,—отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, *какъ обыкновенно есть инымъ академіямъ* во всѣхъ государствахъ иноземскихъ правосвободность имѣти, утверждена, нынѣ несвободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды пребывающая, прибѣгаетъ къ Вашей пастырской милости, прося слезно о помощи отъ господъ мѣщанъ кіевскихъ, которыхъ ради, прошлаго году, ставъ за одного невѣрнаго жидовина, привели на наши школы Кіевскія съ разбоемъ войско вооруженное изъ вышняго города и много сдѣлали кровопролитія, многимъ малороссій-

скимъ дѣтемъ учащимся подѣлали раны, гоня за оными, гдѣ, какъ злодѣевъ, въ приказъ многихъ взяли невиноватыхъ студентовъ и въ чепи посажали, а кромѣ того дерзаютъ многажды мѣщане не къ праву школьному и Вашему пастырскому начальству, но *въ свою ратушную тюрьму студентовъ брати, а оттуду въ верхній городъ отдаютъ въ приказъ безо всякаго разсмотрѣнія;* какъ и недавными времены въ свѣтлую недѣлю, когда нашихъ студентовъ изо всякихъ школъ много раненныхъ и битыхъ было отъ мѣщанъ напрасно, били челомъ мы о управѣ его милости господину генералу, надѣясь, что намъ съ ними дастъ управу такую, какъ и надъ ними даетъ, и его милость господинъ генералъ посланныхъ *отцевъ учителей нашихъ,* вмѣсто управы, обесчестилъ, и то сказалъ, что не имѣю я власти надъ мѣщанами, *а надъ школами власть имѣю студентовъ въ тюрьму брать;* а такъ, когда и мѣщане имѣютъ власть студентовъ въ тюрьму брать и господинъ генералъ смиряти, пришло къ послѣднему отвсюду обижденной *Академіи нашей* разоренію, аще Ваша пастырская милость не подастъ руку помощи, и особымъ своимъ не удержитъ попеченіемъ, а наипаче, что слова его милости господина генерала очень намъ суть нестерпимыи, что надъ учащимися и учительми, подъ властію духовною Вашей пастырской милости пребывающими, дѣлается быти властителемъ, котораго власть мирская чтобъ имѣла дѣло къ духовной паствѣ, *очень есть неприлично, и противно правиломъ святымъ и самому правилодавцу Богу.* Бьемъ челомъ, какъ наипокорнѣе Вашей пастырской милости, падъ у стопъ архіерейскихъ, о семъ милосердіи, чтобъ Ваша пастырская милость честнымъ святымъ своимъ челобитьемъ къ пресвѣтлѣйшему монаршему престолу его царскаго пресвѣтлаго Величества потщался намъ умолити освобожденіе, и отъ плѣненія тѣхъ словесъ его милости господина генерала и отъ такого безчинія и дерзости мѣщанъ Кіевскихъ, *чтобъ студентамъ, аще бы какая и случилась вина, судъ былъ во Академіи,* и кромѣ суду духовнаго Вашей пастырской милости не брали къ мирскому присуду, въ ратушу и въ приказъ: *не намъ то сдѣлаешь Ваша пастырская милость, но ко умноженію чрезъ ученіе*

православія святаю въ честь и хвалу самому Богу, вся премудростію сотворшему.

Преосвященства Вашего, намъ премного милостиваго въ Духу Святомъ отца и пастыря и великаго благодѣтеля, нижайшіе слуги:

Академіи его царскаго пресвѣтлаго Величества кіевской префектъ школъ, учитель наукъ философскихъ и богословскихъ іеромонахъ *Иннокентій Поповскій* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ отцевъ учителей.

Его царскаго пресвѣтлаго Величества стольникъ *Кононъ Зотовъ*, во Академіи Кіевской учащійся. *Григорій Новицкій*, префектъ конгрегаціи. *Семенъ Мировичъ* вицепрефектъ. Намѣстникъ префекту, полковниченко Переяславскій *Семенъ Лизогубъ*. Полковниченко Черниговскій *Семенъ.—Василій, Павелъ* полковниченки Прилуцкіе. *Павелъ Павловскій. Яковъ Лисица. Григорій Голубъ* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во Академіи Кіевской».

Къ уясненію этой челобитной изъ напечатанныхъ матеріаловъ укажемъ на «челобитье» кіевскихъ мѣщанъ на студентовъ Академіи «за князя Хованскаго» (1701 г.). См. «Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевск. Центральнаго Архива». *И. Каманина и М. Истомина.* Кіевъ, 1890 г.

[29]) Изъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ Ясинскій упоминаетъ объ «ясневельможномъ его милости господинѣ адмиралѣ».

[30]) Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла прав. Сената по Малорос. экспед.*, № кн. $^{5}/_{1738}$; л.л. 97—108.

[31]) Памятники кіев. комм. для разбора древн. актовъ. Кіевъ, 1898 г. т. II, № XXXVII.—Въ грамотѣ говорится, что она пожалована кіево-братскому *ректору и игумену Прокопію Колачинскому* съ братіею; но несомнѣнно, въ то время ректоромъ коллегіи и кіево-братскимъ игуменомъ былъ уже *Гедеонъ Одорскій.*

Объясненіе этого анахронизма дано нами въ статьѣ о «Гедеонѣ Одорскомъ» (см. Труды Кіев. дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 571—572).

[32]) Кіевская Академія во второй половинѣ **XVII** в. Проф. *Н. И. Петрова*, стр. 125. Основательныя возраженія относительно высказываемаго здѣсь мнѣнія по данному вопросу сдѣланы покойнымъ проф. И. И. Малышевскимъ въ весьма содержательной рецензіи на это сочиненіе (см. Труды Кіевск. дух. Академіи, 1896 г., № 12, *протоколы*, стр. 166—168).

Слѣдуетъ замѣтить, что и послѣ жалованной государевой грамоты отъ 26 сентября 1701 г. Кіевская Академія нерѣдко называлась (сохраняя наименованіе *Академіи)* и *коллегіею* и даже просто *школами* (кіевскими, кіево-могилянскими). Дѣлалось это и *по традиціи* (Академія дорожила всѣмъ, что напоминало ей времена *Могилянскія)* и потому, что въ разсматриваемое время она продолжала быть не только учрежденіемъ, открывавшимъ свои двери для всѣхъ сословій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіемъ *общеобразовательнымъ:* совмѣщала въ себѣ *школы* и низшія, и среднія, и высшія.—Нами констатируется фактъ, съ какого времени кіево-могилянской коллегіи усвоено было въ *оффиціальномъ* документѣ (Высокомонаршей грамотѣ) названіе *Академіи.*

[33]) Документальныя данныя о постройкѣ Братской (Мазепиной) церкви см. въ нашей статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. дух. Акад., 1900 г., № 12, стр. 613—614).

[34]) Рукоп. библіотеки Кіево-Соф. собора, № 219, гдѣ, на ряду съ другими замѣтками современника, близко стоявшаго къ Академіи, находится и слѣдующая: «Eodem vere (то есть—какъ видно изъ предшествующихъ замѣтокъ—*anno 1704) coeperunt aedificari lapideae scholae in collegio, ipsa vero fundamenta adhuc avtumno iacta fuerunt».* Другія замѣтки напеч. въ упомянутой нашей статьѣ о Гедеонѣ Одорскомъ, гдѣ есть рѣчь и о соотвѣтствіи ихъ съ историческими данными. Исправляемъ вкравшійся здѣсь недосмотръ (на стр. 621). У насъ сказано: былъ (авторъ упомянутыхъ замѣтокъ) инспекторомъ двадцати учени-

ковъ; слѣдуетъ читать: былъ инспекторомъ учениковъ въ теченіи *двадцати мѣсяцевъ*.

[35]) Гравюра эта находится, между прочимъ, и въ Музеѣ нашей Академіи. Она описана и переиздана въ извѣстныхъ трудахъ Д. А. Ровинскаго.

[36]) См. напечатанную нами грамоту митрополита В. Ясинскаго, выданную по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора (см. выше *примѣч. 19*), и выдержку изъ списка ректоровъ, префектовъ и преподавателей, составленнаго во второй половинѣ XVIII вѣка (см. выше *примѣч. 8*).

[37]) См., напр., гравюру-панегирикъ, поднесенную студентами Академіи *бывшему* ея ректору, а въ то время настоятелю кіевоникольскаго монастыря Прокопію *Колачинскому*, гдѣ онъ титулуется: *Rector emeritissimus*.—Подробное описаніе гравюры и подписи къ ней см. во 2 № *Кіев. Старины* за 1882 г. (стр. 437—440) и въ соч. Д. А. Ровинскаго: *Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XX в.в.* Посмертное изданіе съ фототипіями и цинкографіями. Спб. 1895 г. т. II, столб. 1236 (здѣсь невѣрно прочтена только фамилія Колачинскаго: называется *Катажинскимъ*).

[38]) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, 1693 г., св. 94.—Сравн. упомянутую грамоту м. В. Ясинскаго, выданную по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора, и извлеченіе изъ письма гетмана Мазепы по сему же случаю, напечатанное нами въ статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіевск. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 603).

[39]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, св. № 94, 1693 г.—Обычай возведенія (благословенія) на ректуру по особому чину въ церкви—обычай довольно давній въ юго-западной Россіи: восходитъ ко времени устроенія здѣсь братскихъ школъ, большею частію при монастыряхъ. Одновременно съ ректоромъ-игуменомъ принимали святительское благословеніе на успѣшное веденіе порученнаго имъ дѣла и учителя и вообще «вся братія»

училищнаго монастыря. Въ библіотекѣ Кіево-Соф. собора въ числѣ рукописей (по кат. № IV/77) находится Чиновникъ Архіерейскій, написанный «повеленіемъ Ясне въ Богу Превелебнѣйшаго его милости Отца Кѵръ Діонисіа Балабана, Холмскаго и Белзскаго, Володымерскаго, Берестійскаго и Кременецькаго Епископа Православнаго, року Божія **1650**, мѣсяца октобріа **25** дня». Здѣсь, между прочими, помѣщенъ «Чинъ благословенія *ректора или игумена училищныя обители,* и учитилей въ ней въ училища отсылаемыя, и всей братіи монастырской, *отъ Архіерея подаемое*».

Предлагаемъ описаніе сего Чина и нѣкоторыя извлеченія изъ него.

«По Божественой литургіи архіерей предъ святою трапезою стоя, начинаетъ: Благословенъ Богъ нашъ. Священници же, въ олтари сущіи, тихимъ и равнымъ гласомъ поютъ на гласъ 6: Царю Небесный. *Благословеніе же пріемляй* съ учителми и братіею предъ царскими стоятъ благоговѣйно откровенными главами».—За симъ: Отче нашъ; возгласъ; тропари на гласъ 8: «Яко посредѣ ученикъ твоихъ, пришелъ еси, Спасе, миръ дая имъ; пріиди къ намъ и спаси насъ»... и проч. Ектенія великая, со включеніемъ примѣнительныхъ къ случаю прошеній: «О еже низпослати... духа премудрости и разума, совѣта же и страха своего *въ сердцы, въ умѣ, и въ устехъ ихъ*»... «О еже подати *всѣмъ имъ сълласное единомысліе, и единосовѣтіе, кромѣ всякаго разноіласія и междособнаго раздѣленія*», и проч. «По ектеніи святителю обращшуся къ людемъ и ставшу въ царскихъ дверехъ, діакону же рекшу: Господу помолимся... святитель (надъ колѣнопреклоненными) глаголетъ молитву велегласно: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, всегда благая и полезная о рабѣхъ твоихъ промышляяй, и образы къ спасенію предлагаяй, и всякому доброму предложенію благоспѣшествуяй, въ ветсѣмъ завѣтѣ рабу твоему законоположнику Моѵсею избрати мужа мудры, и худоги, и разумичны, и поставити я обладати людемъ твоимъ повелѣвый; самъ же собою въ новой благодати дванадесятъ апостолъ и седмдесятъ учениковъ избравый, и Духомъ твоимъ святымъ въ видѣніи огненныхъ языкъ съшедщимъ умудрывый,

и тѣми весь міръ просвѣтивый, и къ познанію Тебе, истиннаго Бога, съ Отцемъ и Духомъ твоимъ святымъ въ единомъ существѣ сущаго обративый: Ты и нынѣ, смиренно молимъ тя, *избери и благослови раба твоего сего честнаго іеромонаха* (имя рекъ) *и Духомъ твоимъ Святымъ просвѣти и укрѣпи умъ его, въ еже мудро и твоему человѣколюбію благоугодно святую обитель и училища сія къ умноженію великолѣпныя славы всесвятаго имени твоего правити, строити же и окормляти, и смиренномудрно въ всякой любви, святини жъ и кротости святому твоему стаду, въ святой обители сей въ имя твое събранному, началствовати, и во всѣхъ добродѣтелехъ, благочестіи же и страси твоемъ, тѣхъ обучати и предводити»*... и проч. По окончаніи молитвы, ликъ: Аминь. Архидіаконъ: Главы ваша Господеви преклоните. Ликъ: Тебѣ Господи. Святитель глаголетъ молитву тайно: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, вселивыйся въ сердца дванадесяти апостолъ твоихъ нелицемѣрно благодатію Святаго Духа, съшедшаго въ виденіи огненныхъ языкъ, и сихъ упремудривый глаголати инѣми странными языки: самъ и нынѣ посли въ сердце и въ уста раба твоего іеромонаха (имя рекъ) духа премудрости, разума»... и проч. Молитва заканчивается возгласомъ: «Ты бо еси просвѣщеніе»... и проч.—«*Посемъ абіе колѣнопреклонивый встаетъ, и станетъ предъ святителемъ. Святитель же, веземъ посохъ игуменскій, даетъ ему, глаголя:* «Пріими жезлъ сей, брате, мною отъ руки Христовой тобе подаемый, имъ же опасно со всякимъ вниманіемъ блюди *преданную ти мною службу»*... и проч. Послѣ сего «веземъ (святитель) правила иноческія, подаетъ ему, глаголя: Пріими, брате, правила и законы иноческаго общежительнаго устава, и виждь яко отъ руки Христовы мною тебѣ и всему святому събранію святыя обители сея преподаются»... и проч.—Чинъ заканчивается сугубою ектеніею, въ которую тоже включены соотвѣтствующія случаю прошенія.

[40]) Съ такимъ исключеніемъ встрѣчаемся почти въ самомъ началѣ XVIII столѣтія: Гедеонъ Одорскій до избранія своего на ректуру въ кіево-могилянской коллегіи *не состоялъ въ ней преподавателемъ* (не былъ и воспитанникомъ коллегіи; подробности о немъ см. въ упомянутой нашей статьѣ: *Гедеонъ Одорскій).*

[41]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ довольно значительномъ количествѣ сохранившіяся (въ кіевскихъ архивахъ: консисторскомъ, кіево-выдубицкаго монастыря и друг.) представленія ректоровъ Академіи кіев. митрополитамъ. Они обычно дѣлались въ началѣ каждаго учебнаго года, причемъ иногда указывалось нѣсколько кандидатовъ, способныхъ занять ту или иную каѳедру. Иногда такихъ кандидатовъ намѣчалъ и *приглашалъ* къ занятію каѳедры самъ митрополитъ (см. письмо митроп. Варлаама Ясинскаго къ Прокопію Колачинскому, отъ 24 іюня 1695 г., напечатанное въ *Лѣтописи Самоила Величко*, изд. 1855 г., въ Кіевѣ, т. III, стр. 348—352). О заботливости Варлаама Ясинскаго при замѣщеніи академическихъ каѳедръ въ самомъ началѣ XVIII стол., когда участившіеся вызовы въ Москву преподавателей Академіи ставили ее въ затруднительное положеніе, свидѣтельствуетъ письмо сего митрополита къ Стефану Яворскому отъ 29 марта 1701 года (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Дѣла Малорос. Приказа*, № кн. 83, л. 471).

[42]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ упомянутыя въ предшествующемъ примѣчаніи представленія ректоровъ митрополитамъ.

[43]) Однако дѣлать изъ констатированнаго факта (что съ переходомъ наставника на другую высшую каѳедру переходили вмѣстѣ съ нимъ и оказавшіе хорошіе успѣхи воспитанники) *широкія обобщенія и выводы*, отъ общаго къ частному, должно съ большою осторожностію, во избѣжаніе ошибокъ. Одна изъ такихъ ошибокъ, и именно вслѣдствіе указаннаго широкаго обобщенія, допущена въ не-разъ упомянутомъ сочиненіи проф Н. И. Петрова: *Кіев. Академія во второй половинѣ XVII стол.* «Въ 164⁶/₇ учебномъ году—читаемъ здѣсь—профессоромъ реторики въ кіевобратской коллегіи былъ Лазарь Барановичъ. По естественному порядку вещей, въ слѣдующихъ 164⁷/₈ или 164⁸/₉ учебныхъ годахъ, Лазарь Барановичъ долженъ бы былъ перейти на каѳедру философіи; *но этого на самомъ дѣлѣ не случилось, потому что непосредственный ученикъ Лазаря Барановича по инфимѣ и реторикѣ Іоанникій Галятовскій уже не былъ ученикомъ его въ философскомъ классѣ. Слѣдовательно* философію въ 1647—1648 г.г.

преподавалъ кто-либо другой...» (далѣе дѣлаются предположенія кто могъ быть этотъ другой, куда выбылъ изъ Кіева Барановичъ и т. п.; см. стр. 22—23).—Но тотъ фактъ, что Галятовскій, будучи ученикомъ Барановича въ инфимѣ и реторикѣ, не слушалъ его лекцій по философіи, отнюдь не даетъ основанія для категорическаго утвержденія, что послѣдній и не преподавалъ философіи, ибо передвиженіе наставниковъ изъ одного класса въ другой не всегда сопровождалось такимъ же передвиженіемъ *и всѣхъ, даже даровитыхъ,* ихъ слушателей (послѣдніе могли заболѣвать, отправляться для образованія за-границу и т. п.). А что это имѣло мѣсто и въ данномъ случаѣ,—существуетъ свидѣтельство несомнѣнное.

Извѣстіе, что Іоанникій Галятовскій былъ ученикомъ Лазаря Барановича въ инфимѣ и реторикѣ, имѣетъ своимъ первоисточникомъ заявленіе самаго Галятовскаго. Посвящая Барановичу свое сочиненіе: *Stary Kościoł Zachodni nowetu Kościołowi Rzymskiemu Pochodzenie Ducha Ś. od Oyca samego pokazuie...* et caet. (1678 г.),—онъ въ обширной посвятительской предмовѣ, распространившись о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему Барановичемъ, отмѣчаетъ между послѣдними и то, что «когда онъ—Галятовскій—началъ учиться въ кіевскомъ коллегіумѣ, велебный милостивый панъ (т. е. Л. Барановичъ) былъ его первымъ магистромъ въ инфимѣ и грамматикѣ, а потомъ его профессоромъ и въ реторикѣ»... Но *въ этой же посвятительной предмовѣ,* только нѣсколько выше, гдѣ рѣчь идетъ о высокихъ дарахъ, коими надѣленъ отъ Господа Барановичъ,—дарахъ, которые онъ въ землю не зарылъ, а щедро надѣляетъ ими и другихъ людей,—говорится, между прочимъ, и *объ его преподаваніи въ кіевской коллегіи философіи.* «Первѣе всего—читаемъ здѣсь—тѣ дары ты раздавалъ съ каѳедры школьной, въ то время, когда *въ кіевской коллегіи,* собравшимся сюда для изученія свободныхъ наукъ, молодымъ людямъ *преподавалъ философію.* (Te dary.. naprzod z Cathedry szkolney, ucząc *w Collegium Kiiowskim,* młodzi, dla dostąpenia wyzwolonych nauk zromadzoney, podawales, *gdy Philosophią tradowales...*»).

[44]) Исторія Кіевской Академіи. Соч. воспитанника ея іеромонаха *Макарія Булгакова* (впослѣдствіи митрополита московск.). Спб. 1843 г., стр. 52.

[45]) Акты кіево-братскаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ (рукоп. библ. Кіев. Академіи), т. II, № 5.— Этотъ интересный документъ легъ въ основу статьи, помѣщенной нами въ апрѣл. книжкѣ *Кіевской Старины* за 1889 г., подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи Кіев. Академіи за XVIII столѣтіе».

[46]) Ibid.

[47]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья*; № кн. 38, л. 27 и слѣд.; *Ibid.* № кн. 42, л.л. 36—40. Срав. *Ibid.* № кн. 8, л. 17 об.; *Ibid.* № кн. 12, л. 36; *Ibid.* № кн. 14, л.л. 4—5.—Всѣхъ торжественныхъ молебновъ, соборне духовенствомъ совершаемыхъ, къ концу XVII стол. было одинадцать. Обычная плата за нихъ была такая: митрополиту по 5 рублей, «игуменомъ по полтинѣ, намѣстникомъ по полуполтинѣ, іероманахомъ и іеродіакономъ по гривнѣ у молебна». (Ibid. *Дѣла Прав. Сената по Малорос. экспедиціи,* № кн. $^{5}/_{1782}$, л. 229). Но съ 1697 года дача за молебны была убавлена. Въ только что процитованномъ документѣ—указѣ отъ имени государя (отъ 12 февр. 1703 г.), посланномъ въ Кіевъ въ отвѣтъ на челобитную кіевскаго духовенства,—читаемъ: «Съ пріѣзду въ Кіевъ боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго съ товарищи, дается имъ игуменомъ, іеромонахомъ, іеродіакономъ, противъ вышеписанной дачи *съ убавкою,* а въ иные дни на наши Государскіе ангелы у молебнаго пѣнія и ничего имъ не дается; и нынѣ били челомъ намъ, Великому Государю, кіевскихъ монастырей игумены и намѣстники и іеромонахи и іеродіаконы, съ прошлаго де со 184 (1675—1676 г.г.) по 205 (1696—1697 г.) годъ, по нашему Великаго Государя указу давано имъ на наши Государскіе ангелы за молебное пѣніе по вся годы, а нынѣ даютъ имъ въ году только въ 2-хъ числѣхъ: іюня 29, да марта 31-го, а въ прочихъ 9-и числѣхъ не даютъ, и намъ Великому

Государю пожаловати бы ихъ: велѣть съ прошлаго 205-го года по нынѣшній 1703 годъ *недодаточныя молебныя деньги имъ выдать и впредь давать имъ противъ прежнихъ дачъ, почему давано имъ со 184 г. по 205 годъ»*. Государь указалъ: «кіевскихъ монастырей игуменомъ, іеромонахомъ и іеродіакономъ, которые будутъ на наши Государскіе ангелы въ соборной церкви съ богомольцемъ нашимъ, съ преосвященнымъ Варлаамомъ Ясинскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и Малыя Россіи, у молебнаго пѣнія *въ дѣйствѣ и въ облаченіи,* молебныя деньги въ нынѣшнемъ 1703-мъ году *давати на всѣ дни сполна,* почему имъ давано до 205-го года изъ Кіевскихъ доходовъ, и тѣ дачи записывать въ Кіевѣ въ Приказной палатѣ въ расходныя книги и въ смѣтные годовые списки: писать имянно всякаго порознь и особо статьею по имянамъ; а впредь по чему имъ игуменомъ, и іеродіакономъ, и іеромонахомъ на наши Государскіе ангелы отъ молебнаго пѣнія давать, о томъ нашъ, Великаго Государя, указъ присланъ будетъ впредь».—(Срав. Ibid. *Кн. Кіев. Повытья,* № 37, л.л. 2—5).—Оплачивалось также, по опредѣленной таксѣ, и панихидное пѣніе. (Ibid. *Кн. Кіев. Повытья,* № 6, л. 32 об.; № 8, л. 15 об.; № 29 л.л. 46, 47 и друг.).

[48]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья,* № кн. 38, л. 30; № кн. 42, л. 37 и друг.—Обычно давалось «по десяти алтынъ».

[49]) Ректору и префекту давались иногда митрополитомъ почетныя порученія, что—разумѣется—соединено было съ нѣкоторыми матеріальными выгодами. Такъ въ 1692 году ректоръ кіево-могилянской коллегіи Іоасафъ Кроковскій и *префектъ Силуанъ Озерскій* посланы были митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ г. Вильно для ознакомленія на мѣстѣ съ волненіями («смятеніями»), происходившими въ Виленскомъ православномъ братствѣ, «для разсмотрѣнія чину духовнаго и для избранія старшаго Виленскаго». (Обширный отчетъ объ этой поѣздкѣ, составленный Кроковскимъ, находится въ упомянутомъ дѣлѣ 1693—1694 г.г., хранящемся въ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Отчетъ этотъ, *отъ начала до конца изобилующій цѣнными исто-*

рическими данными, приготовленъ нами къ печати и войдетъ въ одинъ изъ первыхъ томовъ *Матеріаловъ,* уясняющихъ прошлое нашей Академіи, появленіе которыхъ въ свѣтъ, благодаря *живѣйшему участію* въ семъ дѣлѣ пресвященнаго отца ректора нашего, можно ожидать не въ отдаленномъ будущемъ).—«Въ (1)712 году августа въ первыхъ числѣхъ присланы были изъ Кіева отъ митрополита ігуменъ Кириловскій Евстратій Санбуровичъ *да префектъ училищъ кіевскихъ Селивестръ Пиковскій для осмотру по церквамъ благочинія* въ протопопію Гадицкую» и другія три (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* 1712 г., № 38).—Въ 1703 г., ректору Академіи Гедеону Одорскому дано было порученіе освятить въ Бѣлой Церкви костелъ, отобранный отъ католиковъ (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья,* № 39, л. 229 об.).—Въ 1692 году на освященіе «мурованной» церкви Преображенія Господня въ монастырѣ мгарскомъ лубенскомъ вмѣстѣ съ митрополитомъ приглашены были многія духовныя лица города Кіева, а въ томъ числѣ и ректоръ кіевомогилянской коллегіи Іоасафъ Кроковскій.—Разумѣется, подобныя приглашенія случались не часто; но все-таки случались и иногда оплачивались щедро. Приведемъ здѣсь очень любопытную выдержку о расходахъ мгарскаго монастыря при освященіи упомянутой Преображенской церкви, записанныхъ современникомъ въ мѣстную лѣтопись, подъ рубрикою: *За посвященіе церкви кому якая нагорода была.* «Напредъ,—читаемъ здѣсь,—Ясне въ Богу Преосвященному его милости митрополиту отцу Варлааму Ясинскому червонихъ двадцять и талярей двадцять; колясу пароконную с конмы и шорами, и с коверцами, и что до коляси належитъ, и другую колясу пароконную с конми бѣлими и с коверцами; палубь пароконный и што въ палубь належить; возовъ с конми шесть простихъ, з накладами жита осмачокъ пятьдесять, пшеницѣ осмачокъ двадцать; и еще коверцовъ два; рострyханъ з покрышкою великій позлоцѣстій.

Отцу Силвестру Головчичу, игумену Золотоверхомихайловскому, червонихъ пять и талярей пять, и кубокъ срѣбній злоцѣстій дали.

Отцу Инокентію Монастырскому, ігумену Святокирилскому, червонихъ пять, талярей пять и кубокъ злоцѣстій дали.

Отцу Іоасафу Круковскому (sic!), *игумену Святониколскому киевскому* (выше онъ титулуется и ректоромъ), червонихъ пять и талярей пять, и кубокъ злоцѣстій дали.

Диякону его Косовскому два талляри дали.

Челяди его два таляри дали.

Отцу Пахомію Прокоповичу, архидиякону пастирскому, червонихъ десять и талярей десять, и кубокъ злоцѣстій, и колясу пароконную московскую (за сѣмь рублей купили), и палубь с конми, и наметъ дали.

Отцу Мелетию, архидиакону пастирскому и подскарбому, червонихъ десять и талярей десять; дали и роструханъ.

Поповскому, сестренцевѣ пастирскому, ложекъ двѣ складанихъ, сребранихъ, пстро позлоцѣстихъ дали в талярей двадцять.

Отцу Антонию Левенцу, писару пастирскому, червоного и три таляри дали.

Отцу Іосифу Стрижевскому, подархидиякону, червоного и пять талярей дали и колясу.

Отцу Іанникию Селѣтовичу, дякону пастирскому, червоного и пять талярей дали.

Отцу Иустину Базѣлевичу, казнодѣи, червоного и три таляри дали.

Отцу Захаріи Корнилевичу червоного и два таляри дали.

Отцу Ефрему Смѣдинскому, капелану пастирскому, червонихъ два и талярей пять, и кубокъ злоцѣстій дали.

Отцу Анфилохію, кухмистру, талярей пять дали.

Кухарамъ и паштетникомъ золотихъ двадцять дали.

Каленнику, слузѣ покоевому, талярей пять дали.

Трояновскому, также слузѣ, талярей пять и опанчу дали.

Ластовскому, конюшому пастирскому, талярей шесть и опанчу дали.

Хлопцамъ пастирскимъ двомъ чотирѣ таляри дали.

Спѣвакамъ десять золотихъ дали.

Возницямъ пастирскимъ десять золотыхъ дали».

Далѣе идутъ расходы при освѣщеніи церкви на угощеніе, очевидно, громадной массы народа. (Изъ рукописи, принад-

лежащей священнику Полтавской епархіи о. В. Романову. Около половины этой рукописи занимаетъ: «Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи святыя обители монастыря Густинскаго святыя живоначальнія Троицы храма: въ лѣто Бытія мира 7111, отъ воплощенія же Бога Слова тысяча шесть сотъ тринадцятого, мѣсяца мая пятого дня»,—лѣтописецъ почти ничѣмъ,—кромѣ незначительныхъ варіантовъ,—не отличающійся отъ изданнаго въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1848 г.; но вторая половина его, состоящая изъ разнаго рода документовъ и замѣтокъ,—въ полномъ видѣ еще не издана. Въ настоящее время приготовлена къ изданію помянутымъ о. Романовымъ, которымъ сообщена намъ для нѣкоторыхъ указаній при предположенномъ ея изданіи).

50) См. цитованное выше письмо Ѳеоф. Прокоповича къ кіев. архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 8 марта 1736 года.

51) Подробнѣе см. въ упомянутой нашей статьѣ: «Очерки изъ исторіи Кіев. Академіи за XVIII стол.».

52) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ, 1865 года. Письмо 30.

53) О многочисленности воспитанниковъ Кіев. Академіи свидѣтельствуетъ москов. священникъ Іоаннъ Лукьяновъ (см. «Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей». Кіевъ, 1874 г, отд., II, стр. 121).—Болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ учащихся въ Академіи (*«болѣе 2000»*) находятся въ «Запискахъ» датскаго посланника при Петрѣ Великомъ *Юста Юля*, бывшаго въ іюнѣ—іюлѣ 1711 года въ Кіевѣ (см. переводъ съ датскаго сихъ Записокъ Ю. Н. Щербачева въ *Чтен. Импер. Общества Исторіи и Древ. при Москов. Университетѣ* за 1899 г., кн. 3, отд III, стр. 346). - Чума, свирѣпствовавшая въ Кіевѣ съ марта 1710 г. по генварь 1711 года, когда жители разбѣгались изъ города, разознала большинство и питомцевъ Академіи (оставалось въ 1711 г. только около 100,—о

чемъ см. того же Юста); но, разумѣется, это было явленіемъ временнымъ.

[54]) Помѣщаемъ въ полномъ видѣ инструкцію, данную академическимъ начальствомъ для воспитанниковъ, размѣщавшихся въ домахъ при кіевскихъ церквахъ,—инструкцію, по времени относящуюся къ половинѣ XVIII стол., но, безъ сомнѣнія, констатирующую бытовыя черты и болѣе ранняго времени.

«ИНСТРУКЦІЯ

находящимся по школамъ при церквахъ Кіевоподолскихъ студентамъ, въ Академіи Кіевской 1750 года, февраля « » дня сочиненная.

1.

Въ началѣ которіе студенти желаютъ в школѣ жить, входилибъ въ онія непремѣнно за благословеніемъ настоятелей; которимъ студентомъ, ежели будутъ угодни къ пѣнію или чтенію церковному, или хотя и неугодни явятся, однакъ ежели не с природи неуладни, но толко потому, что в томъ не обучалися, а обучатися прямо желаютъ, от отцев настоятелей, ежели не послѣдуетъ добрим, прежде вышедшимъ въ школу, студентам утѣсненія, не будетъ возбранено въ школѣ жить.

2.

На утренью ежеденно долженъ учрежденній сеніоръ висилать двоихъ студентовъ очередно, и буде ли гдѣ ихъ студентовъ много живетъ, то и болше, для чтенія Псалтири, каноновъ, и для пѣнія; а въ которой день въ школахъ латинскихъ не обучаются, яко то въ недѣльные, праздничніе, а найпаче викторіальные и высокоторжественніе дни,—то всѣ, сколко ихъ живетъ въ школѣ, должны быть на всѣхъ отправахъ церковныхъ на крилосахъ, развѣ единого оставить на куренѣ, и то такого, который менше годится.

3.

Гдѣ (при) всякой школѣ двѣ избѣ, то одна должна быть студентамъ въ жилье, а другая дячку для обученія прихожанскихъ

дѣтей, ежели оних прихожанских дѣтей будет довольно, и по пропорціи числа студентов; буди же малое число таковых прихожанских дѣтей, а студентов много, то студенти і в дячковской избѣ должни мѣститися, без всякой обыди дячку. А естли в школѣ одна изьба, то должни бить в ней два стола: еден для студентов, а другой для дячка и для прихожанских, у него обучающихся, дѣтей, и тіе столи били б такожъ по пропорціи студентов и прихожанских дѣтей, почему студенти дѣтей прихожанских от их стола отганять и книжками их об землю бросать отнюд не должни.

4.

Церковніе книги для клироса в дячковом вѣдомствѣ быть должни и безвѣдома настоятеля или дячка оних студенти отнюд не бралиб к себѣ.

5.

Учащихся дѣтей у дячка русской грамоти до себе студенти не отнимали бы, и не переманивали бы, развѣ бы сам отец настоятель, по усмотрѣнію своему, или родитель учащагося (яко в волѣ отческой дѣти состоят) поручил сына своего в наученіе студенту; в таком случаѣ, такожъ и когда уже дѣти заправляются латини, дячок студентам не должен мѣшать.

6.

Естли покажется в якой школѣ сварливой между студентами, или непостоянной, или к церквѣ вовся лѣнивій, то священник приходскій по третом увѣщаніи словесном, силен такого вислать из школи без сношенія с Академіею.

7.

Мѣста в школѣ и коморки в жилье студентам, гдѣ кому по достоинству школи, прилежанію в ученіи, постоянству, способности и раченію к церквѣ, опредѣлит настоятель, тѣм бы всяк и доволствовался, а сами бы собою мѣст и коморок не занимали.

8.

Опредѣлено въ первомъ пунктѣ, чтобы никто без настоятелского вѣдома въ школу не входилъ, а здесь опредѣляется, чтобъ поживши въ школѣ, ежели которому на вакаціи либо епетиціи случится изъ школи отлучитися, то возвратившися с вакацій, паки долженъ благословитися у отца настоятеля входить въ школу. Такожъ и ежели бы якого съ собою нищаго привелъ, и того долженъ отцу настоятелевѣ представить и благословеніе на него взять. А многихъ мѣщанских или священническихъ дѣтей, могущихъ на квартерахъ прокормитися, въ школу входит и съ ними коморки занимать, и тѣмъ другихъ утѣснять, отнюд студенти не дерзали бы.

9.

Гдѣ в шпиталях калѣки, не могущіе звонить, или старцов мало, или вовся их нѣтъ, то когда звонить во всѣ звони надобно, таковая услуга хлопцами студентскими или самими студентами менших школъ отправлятися должна.

10.

О праздникахъ Рождества и Воскресенія Христова съ крестом по прихожанам не должни всѣ студенти, въ школѣ живучіе, ходить, но имѣетъ сеніоръ очередно, по три или четири человѣка, опредѣлять для полученія на всю бурсу милостини, и чтобъ опредѣленніе, ходя, не похищали, не упивались и не задирались ни з сами съ собою ни съ дячкомъ.

11.

Чистоту по школамъ в метеніи избы, о бережност в паленіи печи и всякій порядок против общей бурси, во всемъ по школам содержанъ бить долженъ.

12.

Наконецъ, вси студенти, живучіе по школамъ, священникамъ, а найпаче отцам настоятелям, досаждать, договаривать, фучать, противъ их глаза викривлять и какъ нибуд презират ихъ, весма не дерзали бъ; но напротивъ того должное имъ почи-

таніе чинили бъ, и со всякою учтивостію пред ними обходилися бы, чимъ особливую къ себѣ отцевъ настоятелей склонность и благопрезрѣніе могут снискать; а противніи, какъ сему конечному, такъ и всѣмъ здѣ означенним пунктамъ, безъ респекту, гдѣ надлежитъ. будутъ наказаны». (Съ копіи, хранящейся въ Архивѣ Кіево-Выд. монастыря).

[55]) О *«бурсѣ Братское спѣвацкое»* упоминается въ «выписи з книгъ мѣскихъ права Магдеборского Ратуша кіевского», заключающей осмотръ (въ маѣ 1693 г.) имущественныхъ владѣній братскаго монастыря въ г. Кіевѣ, произведенный мѣстными властями по просьбѣ ректора Іоасафа Кроковскаго (см. *прилож.* къ сочиненію Н. Мухина: «Кіево-братскій училищный монастырь», № XXI, стр. 376.—Срав. Памятники Кіев. Ком. для разбора древ. актовъ. Изд. 1898 г., т. II, № XXXV, стр. 481).

[56]) *Возобновителемъ* конгрегацій, учрежденныхъ П. Могилою, преосв. Евгеній («Описаніе Кіево-Соф. собора». Кіевъ, 1825 г.; см. *прибавленія*, стр. 205) считаетъ ректора кіево-могилянской коллегіи Іоасафа Кроковскаго. Но такъ какъ свое заявленіе преосв. Евгеній не подкрѣпилъ ссылкою на документальныя данныя, то за послѣднее время этотъ фактъ подвергается сомнѣнію. «Надобно полагать,—пишетъ въ своемъ сочиненіи о «Кіевской Академіи за вторую половину XVII стол.» проф. Н. И. Петровъ (см. стр. 120), - что Іоасафъ Кроковскій *не возстановилъ устроенныя будто бы Петромъ Могилою конгрегаціи,* но или одну прежнюю конгрегацію раздѣлилъ на двѣ, т. е. на меньшую для учениковъ низшихъ классовъ, съ посвященіемъ ея св. Владиміру, и на бо́льшую для студентовъ богословія и философіи, съ посвященіемъ Борису и Глѣбу, или же, что вѣроятнѣе, далъ прежнимъ конгрегаціямъ новыя названія».—Но дѣло было именно такъ, какъ представляетъ его преосв. Евгеній, т. е. что *возобновителемъ* конгрегацій (точнѣе, *конгрегаціи,* на двѣ части подраздѣлявшейся) былъ Кроковскій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохраняющееся до настоящаго времени въ конгрегаціонной церкви Евангеліе въ серебрянномъ окладѣ («Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа, и при немъ

Псалтиръ», изд. 1692 г. въ Кіево-Печ. Лаврѣ, in 4), пожертвованное 25 марта 1701 года Іоасафомъ Кроковскимъ, въ то время архимандритомъ кіево-печерской Лавры, и на окладѣ имѣющее надпись, констатирующую указанный фактъ. Евангеліе это извѣстно было В. Аскоченскому: онъ даже приводитъ надпись, вычеканенную на его окладѣ,—но приводитъ въ страшно искаженномъ видѣ, что и не избавило изслѣдователей (Н. И. Петрову надпись, искаженная Аскоченскимъ, была извѣстна) отъ недоразумѣній. Приводимъ надпись, какъ она вычеканена на окладѣ упомянутаго Евангелія:

«Hoc sanctum Iesu Christi Evangelium obtulit *sodalitati* | *Marianae Kiiovomohilaeanae* in perpetuum usum Illusrissimus | ac Reverendissimus in Christo Pater Iosaphus Krokowski, Sacrae Thaumaturgae | Lavrae Pieczariensis Abbas Emeritissimus, *Erector Congregationis* | *eijusdem post Mohilam piae Memoriae primus.* anno quo | Deus erexit lapsum hominem, 1701 Martii 25» [1]).

На нижнихъ поляхъ этого Евангелія (начиная съ 5-го по об. 16 включительно) находится слѣдующая собственноручная надпись (полууставомъ) тогдашняго ректора кіево-могилянской коллегіи Прокопія Колачинскаго· «Сіе Божественное Евангеліе надавъ по милости своей | Ясне въ Богу Превелебный Его Милость Господинъ отецъ | Іоасафъ Кроковскій, Архимандрита святія | великія чудотворнія Лавры Печерскіа Кіевскія | до Собранія Младенческаго подъ именемъ | Благовѣщенія Пресвятія Дѣвы Богородици, въ Коллеюмъ | Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающагося, которое | Евангеліе да никтоже отъ тогожде Собранія дер | знетъ оддалити, себѣ употребляючи | под неблагословеніемъ Божіимъ, и запрещеніемъ Пресвятои Дѣвы Богородици, тое Собраніе сыновъ своихъ | покровомъ святымъ своимъ соблюдающей, сице подъ | писаніемъ руки моей власной дерзнухъ извистити, | аще и не достоинъ, Прокопій Колачинскій, ректоръ | и Ігуменъ мона-

---

[1]) Приводимъ надпись, какъ она напечатана В. Аскоченскимъ: «Hoc sanctum Evangelium obtulit societati Marianae *Academiae Kiioviensis rector* emeritissimus, archimandrita Kiiovopieczariensis Lavrae sanctae Ioasaphus Krokowski anno, quo Deus exerit lapsum hominem, 1701 Martii 25». (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—Академіею, т. I, стр. 261).

стыря Братского Кіевского, року АѰА (1701), мѣсяца марта, дня КЕ (25)».

[57]) См. печатное «Извѣщеніе вкратцѣ како сооружися Божественное Евангеліе», пожертвованное въ началѣ XVIII стол. въ конгрегаціонную академическую церковь бывшими коллегіатами.—Извѣщеніе это вполнѣ перепечатано нами въ *примѣч.* къ статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., №. 12, стр. 622—628).

[58]) Вицепрефекты назывались также *ассистентами*, нотаріи—*секретарями*. Приводимъ здѣсь подписи на прошеніи представителей конгрегацій, отъ 5 ноября 1725 года (внизу прошенія на правой сторонѣ): «Ѳеодоръ Трофимовичъ, Болшой конгрегаціи *Префектъ*.—Андрей Нарожнѣцкій, *Ассистентъ первій* той же конгрегаціи.—Тихонъ Щербацкій, *Секретарь* той же конгрегаціи.—Николай Величковскій, *Ассистентъ* той же конгрегаціи.—Ѳеодоръ Волянскій, *нотарій* того же собранія».—Противъ этихъ подписей, на лѣвой сторонѣ: «Иоанъ Богдановичъ, *преѳектъ* меншой конгрегаціи.—Василій Зарудній, *ассистентъ* первій той же конгрегаціи.—Михайло Велецкій, *Ассистентъ* вторій.—Іоанъ Пѣковецъ, *секретарь* меншой конгрегаціи.—Петръ Галецкій *вицесекретаръ*» (Румянцовскій Музей въ Москвѣ. *Собраніе рукоп. Лукашевича*, № 375).

[59]) См. только что процитованный (въ *примѣч.* 58) документъ, заключающій жалобу конгрегаціи о возвращеніи взятыхъ у нея заимообразно 1000 злотыхъ, доселѣ неуплаченныхъ. Это—подлинникъ. На немъ сохранился и оттискъ печати конгрегаціонной.

[60]) См. «Краткое извѣстіе о началѣ Кіев. Академіи»... и проч., помѣщенное въ *прибавленіяхъ* къ «Описанію Кіево-Соф. Собора» (Кіевъ, 1825 г.), подъ № 41.—Ученики низшихъ классовъ коллегіи, выпрашивая по домамъ подаяніе, обыкновенно пѣли стихи, начинавшіеся словами: «*Миръ* Христовъ да водворяется въ домахъ вашихъ (или: въ сердцахъ вашихъ), за молит-

вами отецъ нашихъ»...,—почему это пѣніе и выпрашиванія назывались *миркованьемъ*.—Другіе способы пропитанія бѣдныхъ питомцевъ Академіи: «Въ вакаціи лѣтнія, составивъ изъ себя артели, уходили они по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ для збору подаяній, пѣвали по церквамъ приходскимъ службы, а по домамъ разные канты, и также говорили рѣчи, представляли діалоги, комедіи, трагедіи и проч. Сіи хожденія назывались *епетиціями*». (До нашего времени сохранилось нѣсколько удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ отъ академическаго начальства для такихъ, отправлявшихся на вакаціонные сборы, воспитанниковъ). «Лучшіе студенты и ученики, по выбору и назначенію префекта Академіи, имѣли пропитаніе отъ шляхетныхъ достаточнѣйшихъ дѣтей, жившихъ по квартирамъ, нанимаясь у нихъ въ инспекторы надъ ученіемъ и поведеніемъ, и такой наемъ назывался кондиціею».—Этотъ обычай видимъ въ кіево-могилянской коллегіи съ первыхъ годовъ ея существованія (см. наше сочиненіе: «Исторія Кіев. Дух. Академіи. Вып. I, Кіевъ, 1886 г.—*прилож.*, № XI, стр. 78; о началѣ XVIII стол. см. рукоп. Кіево-Соф. Библ., № 219 in fin.; въ духовномъ завѣщаніи Ивана Берла,—отца извѣстнаго Арсенія Берла, епископа переяславскаго, питомца кіево-могилянской коллегіи,—говорится: «не без кошту и тое било черезъ колко роков намъ из жоною Мазапетовною господи наймовати, *за науки школъ киевских синамъ Василію и Арсенію інспекторамъ платити готовизною и кому тою часу належало*». См. Кіев. Старину за 1899 г., № 1, стр. 126). Обычно кондиціи первѣе всего предоставлялись нуждавшимся ученикамъ богословскаго и философскаго классовъ. Уклоненіе отъ этого правила, напр., предпочтеніе риторовъ предъ богословами и философами,—вызывало со стороны послѣднихъ энергичные протесты и жалобы къ митрополиту на академическое начальство.—Могли быть и другія случайныя (а потому не частыя и для не многихъ) источники вспомоществованій. Въ дневникѣ извѣстнаго шотландца Патрикія Гордона, въ 1684—1685 г.г. жившаго въ Кіевѣ, подъ 3-мъ ноября 1684 г., описываются похороны его недорослаго сына. Въ похоронной процессіи участвовали учителя и

ученики братской школы: послѣдніе участвовали въ качествѣ свѣченосцевъ и пѣвчихъ. По окончаніи церемоніи, передъ гробомъ два студента произнесли утѣшительныя рѣчи. Пѣвцамъ и обоимъ ораторамъ дано было $1^{1}/_{2}$ рубля; а студентамъ, несшимъ свѣчи, двѣ гривны. (Извлеченія изъ означеннаго дневника въ *Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1875 г.; см. № 2, стр. 61). О произнесеніи студентами коллегіи рѣчей надъ гробомъ боярыни Шереметевой, *Ibid.*, № 5, стр. 194.

[61]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ, 1874 г., отд. II, стр. 120—121.

[62]) Описаніе Кіево-Соф. Собора. Кіевъ, 1825 г. *Прибавл.*, № 41, стр. 208 и слѣд.

[63]) «Въ Философіи и Богословіи, вмѣсто экзаменовъ, были годовые публичные диспуты, которые производились торжественнѣе по окончаніи двугодичнаго курса. Въ семъ случаѣ наканунѣ диспутовъ, или въ тотъ день по утру, прибита бывала на святыхъ воротахъ Братскаго монастыря конклюзія предметовъ диспута большимъ разрисованнымъ листомъ. *Въ послѣднія же времена сіи листы бывали уже печатные съ посвященіемъ имени Архипастыря» (Ibid.*, стр. 224). Къ подчеркнутымъ словамъ слѣдуетъ сдѣлать поправку: «конклюзіи» предметовъ диспута (тезисы) *печатались и въ XVII столѣтіи съ посвященіями ихъ митрополиту.* (Очевидно, обычай этотъ идетъ отъ временъ могилянскихъ). Приведемъ относительно этого извѣстіе изъ сочиненія Өеофила Рутки конца XVII столѣтія, тѣмъ болѣе любопытное, что оно свидѣтельствуетъ объ одной слабой сторонѣ тогдашняго богословствованія коллегіатовъ, какъ не вполнѣ еще освободившихся отъ латинскихъ догматическихъ воззрѣній. Вотъ это извѣстіе: «Collegium Kijowskie... sentencyi pobożney o Niepokalanym Poczęciu Panny Nayświętszey mocno i zgodne (rozumiem, że non sine Numine et Lumine Mariae) chwyciło, ktorą Papieżowie Rzymscy trzymaią; co się iasne z roznych koncluziy tak filosoficznych iako i Theologicznych, *w Kijowie drukowanych* y tym wyznaniem iakoby zapieczętowanych, pokazuie, a osobliwie z tych,

ktore tam R. P. 1695 wydrukowano i I. M. O. Barlaamowi Iasienskiemu, Metropolicae Kijowskiemu, przypisano. Bo się w nich słowa conclusione 7 najduią: «Beatissima haec sponsa, et ante partum, in partu, et post partum est Virgo sine labe Originali concepta» *(Herby albo znaki kościoła Prawdiwego..* et caet. Lublin, 1696 г.).

[64]) «Въ прежнія времена—говоритъ преосв. Евгеній—не только академическіе учители, но и сторонніе, и ученые иновѣрцы допускаемы были предлагать на разрѣшеніе свои возраженія, и часто диспуты происходили жаркіе по нѣскольку часовъ» (Описаніе Кіево-Соф. собора. *Прибавл.* стр. 224). Мы уже упомянули (см. *примѣч.* 16), что въ 1646 году былъ даже трехдневный диспутъ кіевскихъ коллегіатовъ съ іезуитомъ Циховскимъ (два дня онъ происходилъ въ самой коллегіи, а одинъ день въ кіево-никольскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время настоятельствовалъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, бывшій предъ тѣмъ ректоромъ коллегіи. Но, разумѣется, диспутъ этотъ былъ изъ ряда обычныхъ выходящій).

[65]) Въ упомянутомъ дневникѣ Гордона есть извѣстіе, что онъ *въ великую пятницу* со многими другими отправился *въ Братскій монастырь*, чтобы быть тамъ *на школьной церемоніи* (Shulactus),—которая, надо полагать, состояла въ произнесеніи приличныхъ случаю діалоговъ воспитанниками коллегіи *въ самой церкви* (какъ, напр., это бывало во Львовскомъ братствѣ).

Что діалоги, комедіи и т. п. составлялись не только профессорами поэтики, но и учениками, притомъ коллективно, объ этомъ свидѣтельствуютъ находящіяся на нѣкоторыхъ изъ такихъ произведеній замѣтки съ указаніями на ихъ авторовъ.

[66]) Трехсвятительская и Воздвиженская церкви, съ ихъ угодьями, приписаны были къ кіево-братскому монастырю *въ 1638 году* (подробности см. въ нашемъ сочиненіи: «Кіев. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Кіевъ, 1898 г., т. II, стр. 435 и слѣд.). О судьбѣ Трехсвятительской церкви см. нашу статью въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1899 г., № 1, подъ заглавіемъ: «Къ исторіи Трехсвятительской церкви въ

XVII стол.»—Воздвиженская церковь «въ 184 (1676—1677) году, въ приходъ непріятельскихъ крымскихъ людей, отъ пушечной стрѣльбы сгорѣла». Въ 1690 году, когда въ Братскомъ монастырѣ приступлено было къ постройкѣ каменной Богоявленской церкви въ замѣнъ небольшой деревянной того же имени, послѣдняя была перенесена на мѣсто сгорѣвшей Воздвиженской и освящена во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, съ каковаго времени носила двойное названіе—*Андреевской* и *Воздвиженской*. Подробности объ этомъ см. въ обширномъ примѣчаніи къ нашей статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 614—619). Благовѣщенская церковь до пожара 1658 г., помѣщалась *«въ самыхъ воротахъ»* (не вблизи ли воротъ?) Братскаго монастыря («Путешествіе антіох. патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в.» Павла Алеппскаго. Переводъ *Г. Муркоса*, вып. II, Москва 1897 г., стр. 78). Борисо-Глѣбская небольшая церковь была въ каменной трапезѣ, о чемъ см. Московъ. Арх. Минист. Юстиціи; *столбцы Малорос. приказа*, № 5921, а также «древнѣйшій рисунокъ» этой иконы, сдѣланной въ 1706 г. Иларіономъ Мигурою, съ надписью къ нему (Надпись эта приводится у В. Аскоченскаго на 346 стр. 1 ч его «Кіева съ древнѣйшимъ училищемъ Академіею»). О торжественномъ совершеніи Богослуженія «въ день памяти великаго князя Владиміра *въ нижнемъ городѣ, въ Братскомъ монастырѣ»*, упоминаетъ Гордонъ (Кіев. Епарх. Вѣд., 1875 г., № 11 стр. 378).

[67]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья.* № кн. 11, л. 105; *Ibid.* № кн. 12, л. 126; *Ibid.* № кн. 33 (1699 г.), л. 71 и друг.—Въ это время пальба происходила и изъ пищалей, находивщихся на городскихъ укрѣпленіяхъ. «Генваря въ 6 день, на праздникъ Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, стрѣляли по большому и по меньшому городѣхъ изъ большихъ и изъ малыхъ изъ 25 пищалей, въ томъ числѣ изъ одной голанской пищали, и на ту стрѣльбу изошло зелья пушечнаго 7 пудовъ, 33 гривенки, да ручного зелья на затравки 32 гревенки, 75 мѣшковъ холщевыхъ пушеч-

ныхъ большихъ и малыхъ, да на пыжи 4 пуда пеньки, 10 гривенокъ фитилю варенаго» (*Ibid.* № кн. 9, 1684 г., л. 103 об.). Срав. извлеченіе изъ Дневника Патрикія Гордона (Кіев. Епарх. Вѣдом. за 1875 г., № 5 стр. 185—186). Съ такою же торжественностію (разумѣется, сообразно съ обстоятельствами нѣсколько видоизмѣнявшеюся) праздновалось въ Кіевѣ Богоявленіе и во всѣ послѣдующія времена, какъ празднуется и на нашихъ глазахъ. Приведемъ указаніе объ этомъ отъ начала прошлаго столѣтія. Въ дневникѣ кіев. митрополита Серапіона (обширная рукопись, принадлежащая намъ) подъ *6 генваря 1805 г.*, между прочимъ, читаемъ: «Въ 9 часовъ поѣхалъ служить въ Братской Богоявленской монастырь въ парадной каретѣ, и ***были тогда присланы отъ общества градскаго четыре верховыхъ для препровожденія до монастыря.*** У монастыря встрѣченъ во святыхъ вратахъ со крестомъ и со всѣми служащими; обѣдню служилъ, по обычаю, съ архимандритами братскимъ и Самуиломъ пріѣзжимъ. Проповѣдь говорилъ братскій архимандритъ и ректоръ, хозяинъ; народу и господъ было довольно въ церквѣ, былъ и военный губернаторъ. Послѣ обѣдни ходилъ на воду со всѣмъ духовенствомъ на рѣку Днѣпръ... Народу при сей церемоніи очень много было и при начатіи пѣнія: Во Iорданѣ крещающуся, ***пущали ракеты и палили въ пушки, а потомъ троекратный бѣглый былъ изъ ружей огонь.*** Возвратился въ церковь монастырскую... шелъ изъ церкви въ мантіи, съ духовенствомъ, предносимымъ отъ ключаря крестомъ, при звонѣ, въ домъ Магистратской, гдѣ всѣ первейшіе чиновники и военный генералъ губернаторъ дожидали насъ. При входѣ въ домъ на крыльцѣ встрѣчены войтомъ и всѣми чиновниками магистрата; по входѣ въ покои была читана протодіакономъ ектенья, и потомъ отпускъ и многолѣтіе Государю Императору и всей фамиліи; потомъ цодходили къ кресту и были мною кроплены святою водою; послѣ сего... были подчиваемы кофеемъ и чаемъ, и послѣ водкою.. затѣмъ пошли всѣ въ большую палату за столъ и, *по обычаю ихъ*, трактованы обѣдомъ, а при питіи за здоровье Императора, потомъ мое, а послѣ военнаго губернатора ***палили въ пушки и играли въ литавры;*** также потомъ пили за здоровье генералитета и всѣхъ

духовныхъ вмѣстѣ же, а послѣ войта съ чиновниками всѣми и съ мѣщанствомъ, а въ заключеніе войска ихъ, и тоже *палили для всѣхъ въ пушки.* Послѣ обѣда подчиваны вареньемъ и яблоками, кофеемъ и чаемъ,—и въ 4-мъ часу, въ исходѣ, изъ дому сего отъѣхалъ провоженъ будучи до кареты всѣми чинами Магистрата *и при играніи въ сѣняхъ въ литавры, и восемь человѣкъ людей около кареты ѣхали верхами до моего дому,* посланные отъ общества градскаго для *почести* провожать».

[68]) Памятники, изд. Кіев. Комм. Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXXII.

[69]) Описаніе Кіево-Соф. Собора. *Прибавл*, стр. 223.—Поминовеніе П. Могилы совершалось въ день его кончины и въ кіевопечерской лаврѣ. Изъ наиболѣе содержательныхъ и хорошо составленныхъ проповѣдей «на рочины» Петра Могилы укажемъ на двѣ проповѣди Антонія Радивиловскаго, напечатанныя М. Марковскимъ въ его сочиненіи: «Антоній Радивиловскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII в.» Кіевъ, 1894 г. (см. *прилож.* стр. 1—12).

[70]) Памятники, изд. Кіев. Комм. Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXXII.

[71]) Одинъ изъ катихизисовъ «содалесовъ» напечатанъ въ *прилож.* къ сочиненію Н. И. Петрова: «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII стол.» (см. стр. 147 и слѣд.)—Кромѣ напечатанной нами въ примѣч. 54 Инструкціи студентамъ, живущимъ при кіево-подольскихъ церквахъ, см. болѣе раннюю и, безъ сомнѣнія, тоже констатирующую давніе обычаи инструкцію (1734 г.) въ соч. В. Аскоченскаго: «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею». Кіевъ, 1856 г., ч. II, стр. 102—108.—Сн. «Описаніе Кіево-Софійскаго собора», преосв. Евгенія; *прибавл.* стр. 219.

[72]) Безспорно, что Θеофанъ Прокоповичъ принадлежалъ *къ замѣчательнѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины XVIII столѣтія.* Онъ былъ «но-

ваторомъ и въ догматикѣ и въ проповѣдничествѣ, горячимъ врагомъ и схоластики съ риторствомъ, и латинства, почитателемъ, преимущественно, протестантскихъ богослововъ». Лекціи Өеофана въ Академіи его недоброжелатели называли опасными, усматривая въ нихъ «новое ученіе». Лекціи эти дѣйствительно были новостью въ Академіи того времени, еще не совсѣмъ отрѣшившейся *отъ богословствованія съ латинскимъ оттѣнкомъ* (см. *примѣч. 63*).

[78]) Риторическихъ и поэтическихъ произведеній, въ особенности мелкихъ, сохранилось отъ разсматриваемаго времени весьма значительное количество. Большинство ихъ не предназначалось къ печати, и извѣстно по рукописнымъ оригиналамъ или спискамъ. Всякія торжества—имянины, крестины, свадьбы и т. п.,—если въ нихъ принимали участіе коллегіаты, не обходились безъ поздравительныхъ рѣчей и виршей,—и нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ произведеній не лишены литературныхъ достоинствъ и нерѣдко въ этомъ отношеніи превосходятъ подобныя произведенія, предназначавшіяся для печати и напечатанныя. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены и юмора. Для образца приведу небольшую выдержку изъ поздравительныхъ виршей, подъ заглавіемъ: *Wieniec Triumphalny,* составленныхъ «аудиторомъ елоквенціи» Өеодоромъ Криницкимъ ко дню бракосочетанія Василія Кочубея, сына генеральнаго судьи войскъ запорозскихъ, съ дочерью миргородскаго полковника Анастасіею (находится въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ *въ числѣ рукописей, пожертвованныхъ княземъ Оболенскимъ).* Такъ какъ Василій Кочубей былъ питомцемъ кіево-могилянской коллегіи, то авторъ въ своихъ виршахъ олицетворяетъ тѣ школы, въ которыхъ В. Кочубей обучался, и отъ лица ихъ привѣтствуетъ новобрачнаго. Вотъ привѣтствіе отъ школы синтаксиса:

«Ehey! Kiedyś to y ia tobą się szczyciła,
a dziś się iuż mnie odrzekł moia duszo miła.
Iasnioł tobą moy komput y wszystkie konteczki,
wesoley zażywałam codziennie piosneczki.

Wszak że znasz, że ia to cię wyszey promowała,
bo by Rhetorikac tych talentow nie dała.
Wyszczom classis bezemnie nikt się nieobeydzie:
kto u mnie *foc*, to Philosoph taki będzie»... и т. д.

[74]) Для уясненія вопроса о томъ, на какомъ уровнѣ развитія находилась богословствующая (употребляемъ это слово въ широкомъ его значеніи) мысль тогдашнихъ кіевскихъ ученыхъ, нужно имѣть въ виду не одни дошедшія до насъ ихъ лекціи по богословскимъ предметамъ, но и учено-литературные ихъ труды. Одинъ изъ подобныхъ трудовъ, относящійся ко времени нами разсматриваемому, имѣетъ столь *важное значеніе* для указанной цѣли, что мы рѣшаемся привести его почти въ полномъ видѣ. Трудъ этотъ—коллективная докладная записка кіевскихъ ученыхъ, составленная ими по порученію митрополита Варлаама Ясинскаго. Порученіе вызвано было затрудненіями, возникшими по вопросу о посвященіи въ епископы Діонисія Жабокрицкаго. Извѣстно, что Жабокрицкій, послѣ смерти Аѳанасія Шумлянскаго († 1694 г.) избранный волынскою шляхтою на луцкую епископію, *былъ женатъ на вдовѣ*, съ которою разошелся, причемъ она опять вышла замужъ и въ данное время находилась въ живыхъ. Обстоятельства эти, по «правиламъ св. отецъ» заграждавшія Жабокрицкому доступъ къ іерархическимъ степенямъ, волынской шляхтѣ, разумѣется, хорошо были извѣстны, но она въ виду выдающихся достоинствъ Жабокрицкаго, какъ человѣка заслуженаго, ученаго, вліятельнаго, извѣстнаго своею ревностью къ православію, «крѣпко при томъ стояла», чтобы онъ, «а никто иной былъ у нихъ епископомъ». Извѣстны были эти обстоятельства (чрезъ «резидентовъ» въ Польшѣ) и московскому правительству, но и оно, въ виду указанныхъ волынскою шляхтою соображеній, не препятствовало посвященію Жабокрицкаго въ епископы, о чемъ указомъ отъ имени государей 12 авг. 1695 г. и сообщено было кіевскому митрополиту. Однако въ указѣ подчеркивалось, что это посвященіе должно быть совершено «за благословеніемъ святѣйшаго киръ Адріана», патріарха московскаго,—совершено «по правиламъ св. Апостолъ и св.

отецъ». Немедленно по полученіи этого указа митрополитъ Ясинскій и обратился къ кіевскимъ ученымъ съ предложеніемъ, чтобы они, принявши во вниманіе всѣ обстоятельства, касающіяся дѣла Жабокрицкаго, «подумали и посовѣтовали духовнѣ: достоитъ-ли быти рукоположенну въ епископа», хотя бы и по нуждѣ, «тому, *иже понялъ бѣ себѣ вдову въ жену?*»

Упомянутая нами коллективная докладная записка кіевскихъ ученыхъ (наход. въ Москов. Синодальной библіот., въ сбор. № 1, л.л. 423—426) и представляетъ научно мотивированный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

«На сей вопросъ—читаемъ здѣсь—мыслящимъ намъ како отвѣщати, обрѣтохомъ отвѣщающія за насъ самыя правила святыхъ апостолъ и прочіихъ соборовъ святыхъ отецъ, яже извѣстнѣйша суть вашему Преосвященству. Явѣ бо в правилѣ апостольскомъ, числомъ осмнадесятомъ, пишется сице: пущеницу, или рабу, или вдовицу, или плясовицу поемый, не священникъ есть. Чтохомъ же и инныхъ святыхъ отецъ правила, возбраняющая таковымъ быти епископами, иже вдовы поймаваху въ жены. Обаче та чтуще, внимаетъ и овымъ: яко церковь Христова еще первобытная даде крайнимъ властемъ архіерейскимъ таковую силу, ею же могутъ ослабу творити правилу апостольскому или соборному святыхъ отецъ въ нарочитыхъ нуждахъ церковныхъ, наипаче егда православная вѣра в бѣдахъ остатнихъ гдѣ бываетъ, отъ коихъ бѣдъ сохраненна быти не можетъ, развѣ ослабою, сотворенною чрезъ церковь; но та ослаба съ опаснымъ разсужденіемъ должна есть бывати: *Въ первыхъ*, да въ таковой ослабѣ не утаевается хула противъ тайны Тройческаго единосущнаго Божества, или единаго коего отъ Троицы лица, любъ противо коего-либо догмата вѣры, отъ святыхъ отецъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ составленнаго. *Второе*, да ослаба таковая не бываетъ кромѣ нарочитыя послѣднея нужды церковныя. *Третее*, да таковою ослабою правило то, ему же нужды ради ослаба бываетъ, не мнится кому отнюдь навсегда истребленно и уничиженно быти, но паче по нуждной той ослабѣ за хранится въ таковой же крѣпости, в яковой прежде ослабы составленно бѣ. Таковыхъ ослабъ употребляли в нуждахъ спа-

сенія человѣческаго и сами апостолы святыи, противу правиламъ, отъ нихъ же самихъ составленнымъ. Пишетъ бо ся въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (въ главѣ 15), яко восташа нѣціи отъ ереси фарисейскія, вѣровавшіи въ Христа, глаголюще: потребно быти обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова обращающимся отъ языкъ къ Богу,—и тако молвяще, возмущаху братію, иже отъ языкъ, развращающе души ихъ. О сей убо молвѣ, извѣщени суще въ Іерусалимѣ апостоли отъ Павла и Варнавы, сотвориша соборъ, на немъ же уставиша правило таково: яко весьма непотребно есть обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова къ вѣрѣ Христовой,—и съ тѣмъ правиломъ апостольскимъ послани быша въ Антіохію Павелъ и Варнава съ прочими апостолы, идѣже твердо проповѣдаша, да правило то о необрѣзаніи и нехраненіи закона Моисеова хранимо будетъ. Обаче вскорѣ по соборѣ томъ Іерусалимскомъ пріиде Павелъ въ Дервъ и Листру (Дѣян. глав. 16). идѣже обрѣте Тимоѳея, единаго отъ вѣрныхъ, сына жены юдеяныни вѣрныя, отца же еллина, и при немъ обрѣза его за юдей сущихъ на мѣстѣ томъ, в коемъ обрѣзаніи, уже запрещенномъ, не истреби навсегда Павелъ правила апостольскаго, установленнаго о необрѣзаніи, но сотвори то отъ особыя нужды, спасенія ради іудей тамо сущихъ, видяще бо многихъ в Дервѣ и Листрѣ іудей быти прекланяющихся къ вѣрѣ Христовой, точію твердо мнящихъ быти потребно къ той же Христовой вѣрѣ обрѣзаніе и храненіе закона Моисеева; о нихъ же предувидѣ Духомъ Святымъ Павелъ, яко іудеи тыи, пріемше вѣру Христову, познаютъ потомъ сами просвѣщеніемъ Духа Святаго, яко непотребно есть къ вѣрѣ Христовой обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова, точію дабы первѣе пріятенъ былъ проповѣдію своею тѣмъ іудеевъ, обрѣза Тимоѳея, ослабляя на едино то время, въ нуждѣ той, правило апостольское; по обрѣзаніи же Тимоѳеевомъ паки Павелъ проповѣда твердо хранити уставы, сужденныя отъ апостолъ и старецъ, иже въ Іерусалимѣ. Посемъ паки (Дѣян. глав. 21) пріиде Павелъ въ Іерусалимъ, идѣже совѣтомъ Іакова святого сотворши себѣ очищеніе, в законѣ Моисеевомъ написанное, явися в сонмищи. Очищеніе то законное сотворити Павлу совѣтова Іаковъ святый сего ради, яко видяще проповѣдь

Павла святаго имѣти велію в себѣ Духа Святаго силу, в сердцахъ невѣрныхъ дѣйствующую, восхотѣ убо, дабы Павелъ святый в сонмищи проповѣдалъ вѣру Христову; но понеже слухъ проиде о Павлѣ святомъ въ Іерусалимъ, яко онъ весьма отвергаетъ законъ Моисеовъ, убояся, да не возбранится не точію проповѣдь, но и входъ в сонмище Павлу святому, тѣмъ же совѣтова Іаковъ святый, да Павелъ святый очищеніемъ законнымъ явится отвнѣ іудеомъ, яко не весьма отвергаетъ законъ Моисеовъ, и ради внѣшняго того явленія да не будетъ возбраненъ внити въ сонмище и проповѣдати тамо вѣру Христову; совѣтова же Іаковъ святый Павлу святому такожде не въ уничиженіе и истребленіе правила апостольскаго о нехраненіи закона Моисеова, понеже словесы самого апостола святого Іакова правило то апостольское составися и совершенно утвердися, но ради спасенія Іудейскаго: якоже толкують отцеве святыи.

И Петръ святый, по соборѣ апостольскомъ Іерусалимскомъ, многажды предъ іудеи творяшеся хранити законъ Моисеовъ и удалятися отъ общенія съ языки, аще и самъ присутный бѣ собору апостольскому, и явленіе имѣ съ небеси родомъ языческимъ не гнушатися и творити ихъ обѣщники благодати Христовой: понеже нѣсть у Бога на лица зрѣнія, но равно іудеомъ и еллиномъ хощетъ всѣмъ спастися и в разумъ истинный пріити; обаче Петръ святый безгрѣшно лицемѣряшеся ради удобнѣйшаго преклоненія Іудеевъ къ вѣрѣ Христовой, оба съ Павломъ святымъ глаголюще: *со всѣми всякъ бѣхъ, да всѣхъ пріобрящу.*

Каковъ имать быти епископъ? Преднаписа Павелъ святый къ Тимоѳею и Титу образъ достоинства епископскаго, между иными же: *да не будетъ епископъ новокрещенный.* Обаче Амвросій святый, епископъ Медіоланскій, еще точію оглашенъ сый, а не крещенъ, избранъ есть въ епископа,—избранъ же не своею любоначалія волею, ниже благословеніемъ человѣческимъ, но самою силою Божіею; ибо малъ отрокъ первѣе въ церкви возгласи: «Амвросій да будетъ епископъ!»—посемъ единогласно всѣ возопиша: *Амвросію подобаетъ быти епископомъ,*—и тако волею и радостію всѣхъ избранъ есть въ епископы еще не крещенъ сый, неволею же и смущеніемъ своимъ въ епископы по-

ставленъ окрещенный. И сіе избраніе Амвросія святого въ епископа, точію оглашеннаго, не бѣ въ уничиженіе или истребленіе правила святого апостола Павла, но ослаба бѣ правилу тому ради нужды церковныя; ибо тогда церковь Медіоланская бѣ в великой бѣдѣ отъ аріанскаго гоненія. Предувидѣвъ же Богъ, яко Амвросій святый своимъ богомудріемъ, остроуміемъ, краснорѣчіемъ и ревностію благоразумною можетъ спасти вѣрныхъ отъ налоговъ хулныхъ аріановъ, изволи самъ ослабу сотворити на время правилу Павла святого.

Воспомянутися здѣ можетъ и произведеніе на санъ архіерейскій Григорія святого, Неокесарійскаго чудотворца, иже освященъ есть на санъ архіерейскій отъ блаженнаго Федима, епископа Амасійскаго, не по чину тому, егоже самъ Христосъ уставилъ на освященіе архіерейское; Христосъ бо усты своими къ устомъ апостольскимъ глагола: *Пріимѣте Духъ Святъ*... и прочая... *сіе творите въ мое воспоминаніе... шедше научѣте вся языки крестяще ихъ*..., постави апостоловъ, присутныхъ іереевъ и архіереевъ, и таковый образъ предаде апостоломъ; апостоли же своимъ наслѣдникомъ поставленія на іерейство и архіерейство, и сего ради святый апостолъ Павелъ тайну священнодѣйствія зоветъ возложеніемъ рукъ. Но Федимъ святый, далече отстоящаго Григорія святого поставляя на архіерейство, како возлагалъ руцѣ свои на того, иже не бѣ присутенъ? Како глаголалъ усты къ устомъ, отстоя далече? Невѣжа ли бѣ Федимъ блаженный, или гордъ и уничтожитель чина и образа, на поставленіе іерейское и архіерейское самымъ Христомъ установленнаго? *Ни:* но сотвори сіе странное и весьма нечинное поставленіе архіерейское нужды ради церковныя. А яковая тогда бѣ нужда церкви Новокесарійскія? Зрѣти в житіи Григорія Неокесарійскаго. Того ради воспомянушася сія вся, яко нужды ради церковныя могутъ архіерее, крайнюю власть имѣющіи, правилу коему церковному на время ослабу творити.

Въ всѣхъ странахъ тѣхъ, ими же обладаютъ иновѣрныи, пачеже и весьма невѣрныи погане, нѣсть гоненія тако тяжкаго на людей нашихъ православныхъ, якоже въ королевствѣ Польскомъ: до болѣзнуючихъ неволно священникомъ ити съ пре-

честными тайнами явно, ибо потиры святыя изъ рукъ священническихъ восхищаются, и тайны святыя, з потира на землю опровергаемы, бываютъ ногами попираемы; преставльшихся отъ житія сего не есть вольно нести явно ради погребенія при святомъ церковномъ храмѣ, ибо телѣса тѣхъ изъ носилъ на землю низвергаются, священници же проводящіи и людіе з ними благочестивыи нещадно біемы бываютъ; земли монастырскіи и церковныи насиліемъ чрезъ ксендзовъ и уніатовъ отыймуются, и не точію земли, но и монастырѣ и церкви насиліемъ отъ благочестія православнаго отторгаются доселѣ и къ уніи римской соединяются. Отческое, душеспасительное, благочестивое пресвѣтлѣйшихъ монарховъ нашихъ бѣ попеченіе о церквахъ православныхъ. в королевствѣ Польскомъ сущихъ, когда уставися примиреніе вѣчное ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества з королевствомъ Полскимъ; уставися тогда, да четыре епископства: Луцкое, Премыслское, Лвовское и Бѣлорусское,—повинуются въ всемъ митрополиту Кіевскому. якоже и прежде. На сію же статію и самъ королевское Величество крестъ цѣловалъ, но крестное то цѣлованіе въ смѣхъ отъ нихъ вмѣняется. По примиренію же между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ а королевствомъ Полскимъ, безчисленныи монастырѣ и церкви отторгненны суть отъ православія святаго, а къ унѣи римской приданы. Епископство Премыслское совсѣмъ отторгнено з многими и древними монастырями: с монастыремъ Угорницкимъ, отъ котораго монастырь Скитскій имѣетъ начало, з монастырами Лавровскимъ и Щеплотскимъ, а в тѣхъ монастырехъ бяху старцы зѣло искусныи, подражатели древнимъ предводителемъ нашимъ пустынножителемъ; о прочіихъ меншихъ подгорскихъ монастырахъ и не воспоминается. Въ епископствѣ Луцкомъ до трехъ сотъ пароxіальныхъ церквей, такожде по примиреніи ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества з королевствомъ полскимъ, унѣаты, отъ православія отторгнувше, себѣ соединиша. Отторгнуша унѣаты монастырь Зимненскій, пресловутый издревле; в томъ монастырѣ церковь каменная изящная, и ограда каменная; той монастырь бѣ зданіе благочестивыхъ князей россійскихъ Кіевскихъ, волынскими землями обладающихъ. Отторгнуша монастырь Низки-

ницкій, зданіе блаженныя памяти Адама Киселя, воеводы Кіевскаго; прочіи же монастырѣ меншіе Волынскіе и не воспоминаются. Такожде не воспоминаются монастырѣ Подляскіе и в князствѣ Литовскомъ, которыи уже по примиреніи отторгнены суть.

Но понеже королевское Величество з своимъ сенатомъ глаголютъ: яко постановленыя статіи о епископствахъ не нарушаютъ и нарушити не хотятъ; убо аще бы епископъ былъ таковый, или Луцкій, или Премыслскій, или Лвовскій, или Бѣлорусскій в державѣ Полской, который бы умѣлъ и моглъ договариватися у королевскаго Величества, по что дѣломъ не исполняются статіи, постановленыи между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ а королевствомъ Полскимъ,—чаемъ, яко была бы отрада кая-либо нашимъ православнымъ, не тако дерзновенія ради нашихъ православныхъ, тамо живущихъ, яко страха ради пресвѣтлѣйшихъ: нынѣ же ни единъ человѣкъ тамо таковъ обрѣтается ни между чиномъ духовнымъ, ни между мірскимъ, иже бы, в лице ставши королевскому Величеству и сенатови, купно з резидентомъ ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества, допоминался: по что дѣется не по статіамъ, но сопротивно? Нынѣшній же нареченный епископъ Луцкій, Діонисій Жабокрицкій. имѣетъ отъ Бога себѣ толику силу, яко моглъ бы в лице стати озлобляющимъ православіе наше, ибо православія есть ревнитель великъ зѣло, учителенъ, краснорѣченъ, дерзновенъ, породою изященъ, отчинами своими власными богатъ, королевскому Величеству и всему сенатови . и знаемый и приступъ имѣючій мудрости своея ради. Имѣетъ же сію точію препону: яко жену вдову имяше. Но понеже и во времена апостольская и послѣжде, великихъ ради нуждъ церковныхъ, бывала на время ослаба правиламъ церковнымъ, и нынѣ убо, образомъ самыхъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, мощно сему быти... по всемилостивому призрѣнію святѣйшаго и всеблаженнѣйшаго великаго господина нашего Куръ Адріана, архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, яко равную власть съ четверопрестольными патріархами имѣющаго, на людей нашихъ православныхъ в королевствѣ Полскомъ су-

щихъ, въ всегдашнемъ озлобленіи и гоненіи стенящихъ и руки помощи отъ прекрѣпкія десницы пресвѣтлѣйшихъ и примилостивѣйшихъ монарховъ нашихъ ожидающихъ. Благонадеждны есмы о нареченномъ нынѣшнемъ епископѣ, яко не точію епархіи епископства Луцкаго, но и прочимъ можетъ пособствовати; древнее лицемѣріе нарицающагося православнымъ епископомъ Львовскимъ Шумлянскаго можетъ обличити и лихоимство укротити. Молимъ убо смиренно вашего преосвященства, изволь ваше преосвященство усердный быти ходатай къ святѣйшему и всеблаженнѣйшему великому господину Куръ Адріану, архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, да благословитъ помянутаго Діонисія Жабокрицкаго, нареченнаго епископа Луцкаго, самымъ дѣломъ поставити въ епископа здѣ в Кіевѣ. Первый се образъ будетъ, дѣломъ исполняющій статіи вѣчнаго примиренія между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ и королевствомъ Полскимъ о четырехъ епископствахъ тамошнихъ православныхъ, имущихъ повиноватися митрополиту Кіевскому. Аще же онъ Діонисій Жабокрицкій не поставится въ епископа въ Кіевѣ, боимся да не прійдутъ в отчаяніе, и да нашимъ бѣднымъ тамошнимъ православнымъ не будутъ послѣдняя горшая первыхъ, отъ чего да сохранитъ ихъ Господь. И повторяюще убо о томъ смиренное моленіе наше, да изволиши преосвященство ваше усердно ходатайствовати къ верховнѣйшему архипастыру нашему, великому господину святѣйшему и блаженнѣйшему всероссійскому патріарсѣ, о благословеніе преосвященству вашему рукоположити сего, нуждно потребнаго защитника православія Діонисія Жабокрицкаго на епископство. Сей челобитный отвѣтъ нашъ не словесно подаемъ, понеже коегождо отвѣтствующаго вещь долгаго требовала бы времени, но на писаніи семъ з подписомъ рукъ нашихъ, собравшися единодушно и согласно в монастырѣ свято-Михайловскомъ Златоверхомъ Кіевскомъ року тысеча шестьсотъ деветьдесять пятаго мѣсяца септемврія дня 20».

Подъ документомъ, послѣ обычнаго обращенія къ митрополиту, подписались слѣдующія лица:

Сильвестеръ Головчичъ, игуменъ монастыря Михайловскаго Золотоверхаго Кіевскаго.

Кіевскаго Кириловскаго монастыря игуменъ Иннокентій Монастырскій.

Монастыря свято Никольскаго пустынскаго Кіевскаго игуменъ, коллегіумъ Кіевскаго *ректоръ Іосафъ Кроковскій.*

Варлаамъ Страховскій, игуменъ монастыря Выдубицкого Кіевскаго.

Стефанъ Яворскій, префектъ школъ Кіевскихъ.

Захарія Корниловичъ, намѣстникъ свято Софійскій катедральный метрополитскій Кіевскій.

Софроній Подгаецкій, старецъ соборный судовъ духовныхъ митрополитанскихъ.

Іеромонахъ Іеронимъ Симановскій, учитель философіи Кіевскій.

Іеромонахъ Товія, проповѣдникъ слова Божого Кіевскій.

Іеромонахъ Калистъ, проповѣдникъ слова Божого при катедрѣ митрополитанской Кіевской.

Іеромонахъ Ефремъ, духовникъ митрополитанскій.

Іоанъ Углицкій, протопопъ Кіевскій.

[75]) Вызовы въ Москву, а впослѣдствіи и въ Петербургъ, кіевскихъ ученыхъ были очень частые. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, относящіеся къ центральному пункту времени, нами разсматриваемаго (самому началу XVIII стол.). Въ 1701 году по «имянному государеву указу» потребованы были въ Москву изъ Кіевской Академіи *шесть, поимянно указанныхъ*, учителей, которые,—за исключеніемъ больнаго Иларіона Ярошевскаго, замѣненнаго однако другимъ—Мелетіемъ Канскимъ,—вскорѣ и были отправлены при довольно обширномъ посланіи кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго на имя государя, датированнымъ 27 апрѣля 1701 года.

«Премилостивѣйшій Вашего царскаго пресвѣтлаго Величество монаршескій исполняя указъ (писалъ митрополитъ послѣ обычнаго титула), отпускаю въ царствуюшій градъ Москву отъ православныя *Академіи Кіевскія* учителей, на полезную церкви

святой услугу, шесть: *Рафаила Краснопольскаго, Іосифа Туробойскаго, Аѳанасія Соколовскаго, Григорія Гошкевича, Антонія Стрешовскаго* и *Мелетія Канскаго, вмѣсто немоствующаго Иларіона Ярошевскаго*, ихъ же съ нижайшимъ покорственнымъ поклоненіемъ и повиновеніемъ благодатному монаршескому Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества пріятію и милостивому призрѣнію всесмиренно вручаю. О семъ радуется и весьма веселится все цѣлое православіе и усердно себѣ привѣтствуетъ сицеваго благополучія, яко Ваше царское пресвѣтлое Величество, православный монархъ, благочестивѣйшій царь, многими военными трудами и богодарованнымъ благоразуміемъ своимъ распространяя окрестные предѣлы вселюбезнаго отечества своего, *и о ученіи душеполезномъ въ церкви Божіей, ревностію святою Параклита распаляемый, прилежное и изряднѣйшее благоволиши имѣти попеченіе*. Сія Ваше царское пресвѣтлое Величество по природнемъ благоутробію творя, не токмо прародителеви своему, благовѣрному самодержцу, великому князю Владимеру святому, отъ греческихъ странъ по воспріятіи вѣры святыя стяжавающему книжное ученіе, ревнуеши, но и древнѣйшимъ царемъ, любителямъ ученія, послѣдуеши; якоже еще прежде пришествія на землю Христа, Царя небеснаго, Премудрости Божія, цареви Египетскому *Птоломѣю Ѳиляделфу*, собиравшему 70 учителей израильскихъ на преведеніе книгъ закона Моисеева и пророческихъ отъ языка еврейскаго на греческій; по пришествіи же Христовомъ—первому въ царѣхъ христіанскихъ святому равноапостольному великому *Константину*, начальнику собиранія на вселенскія соборы богомудрыхъ іерарховъ къ ученію православныя вѣры; таже—правовѣрнымъ и богонаученнымъ греческимъ царемъ *Ѳеодосіямъ*, правдоучительному *Юстиніану*, храма Премудростъ Божія въ Царѣградѣ создателеви, *Льву* премудрому, и прочіимъ всехвальныя памяти достойнымъ монархомъ православно учительнымъ, подражая ихъ на вся полезному благочестію, егда сохраненія ради, растенія же и расширенія святыя православныя Восточныя вѣры *новыя въ государствѣ своемъ православномъ благоволиши воздвигати учительныя Афины, откуда узрятъ послѣдніе роды богомыслныхъ Арепагитовъ, великихъ Василіевъ, Богослововъ*

Григоріевъ, нравоучительныхъ Златоустовъ, богодухновенными своими ученіи догмата святыхъ отецъ утверждающихъ. Вся же сія да сбудутся въ помноженіе похвалы вся премудростію создавшаго Бога, въ Троицѣ святой славимаго, и въ похвалу Матери Премудрости, пренепорочней Владычицы нашея Богородицы Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ богомудрыхъ угодниковъ Божіихъ; благочестивѣйшему же Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества Маестатови въ вѣкопомную честь и во вспріятіе отъ пастырей Начальника, Учителя наивышшаго Бога Слова, премудрости Наставника, неувядаемаго вѣнца славы»... и проч. (Москов. Архивъ Мин. Юстиціи. *Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспед.*; № кн. 5/1782, л.л. 97—108.—Здѣсь же помѣщены: донесеніе гетмана Мазепы къ государю о мѣрахъ съ его стороны къ наискорѣйшему прибытію означенныхъ учителей въ Москву, и его письмо по сему же предмету къ боярину *Θеодору Алексѣевичу Головину.* Въ послѣднемъ Мазепа пишетъ: «Какъ скоро по имяному монаршему Великаго государя нашего, указу... преосвященный Варлаамъ Ясинскій... выслалъ въ царствующій великій градъ Москву честныхъ и ученыхъ иноковъ для ученія дѣтей, то я, нимало ихъ въ Батуринѣ не задержа, съ подорожнымъ моимъ листомъ отпустилъ въ належащую дорогу, и что (такъ какъ) *они въ тѣхъ краяхъ не бывали* и пути не знаютъ, послалъ для провожанія Григорьева полку Анненкова капитана *для лучшаго и скорѣйшаго* тѣмъ законникомъ на назначенное мѣсто проѣзда, *и велѣлъ имъ,* по пріѣздѣ къ Москвѣ, съ симъ моимъ листомъ... *явитися скоро предъ Вашу вельможность»).*

1702 года, іюля 16, по распоряженію Государя, «въ приказъ Малыя Россіи къ боярину Θеодору Алексѣевичу Головину съ товарищи изъ приказу духовныхъ дѣлъ писано о *взятьи къ Москвѣ изъ Кіевской Академіи учителей: Викентія Покорнаго, Досифея Черницкого* (и) *Дорофея Кроткевича, на перемѣну прежнимъ, взятымъ изъ Кіева, учителемъ: Антонію Стрешовскому, да Венедикту Лукашевичу, и вмѣсто умершаго жъ учителя ихъ Афанасія Соколовскаго, и о дачѣ имъ отъ Кіева до Москвы подводъ на подъемъ денежнаго жалованья противъ прежнихъ дачъ».* Вслѣдствіе сего изъ Малороссійскаго приказа посланы были соотвѣтствующія

«грамоты» къ митрополиту Варлааму Ясинскому, гетману Мазепѣ и къ кіевскому воеводѣ генералъ-маіору Юрью Ѳамендину (последнему о выдачѣ вызываемымъ учителямъ подъемныхъ денегъ «*по 10 рублей* человѣку изъ Кіевскіе палаты»). Въ концѣ октября означеннаго года «по благословенію преосвященнаго Варлаама Ясинскаго»... отпущены были изъ Кіева въ царствующій градъ Москву «для ученія въ латинскихъ школахъ» слѣдующія лица: «велебный отецъ *Іоакимъ Савельскій, казнодѣя монастыря Свято-Никольскаго пустыннаго Кіевскаго, отецъ Игнатій Миштальскій з монастыря братскаго кіевскаго* и отецъ Дорофей Кроткевичъ з монастыря Михайловскаго Золотоверхаго кіевскаго жъ». Съ ними вмѣстѣ («при нихъ») отпущены были и ученики. Въ дорогѣ имъ приказано было давать «вездѣ невозбранно по 17 подводъ» (Москов. Арх. Мин Юстиціи. *Дѣла Кіев. Повытья*, № кн. 37, л.л. 485—488).

Въ концѣ января (или самомъ началѣ февраля) 1703 года воспослѣдовало «повелѣніе великаго Государя, чтобы взять къ Москвѣ *немотчавъ* (немедленно) з монастыря Печерскаго Кіевскаго іеромонаха Юстина Басилевича, блюстителя пещеры ближней преподобнаго отца нашего Антонія, и іеромонаха *Иннокентія Поповскаго*, трудившаго (трудящагося) въ училищахъ монастыря Братскаго Кіевскаго, *постриженца того же монастыря Печерскаго Кіевскаго,* и о томъ написать къ преосвященному митрополиту Кіевскому и къ архимандриту Печерскому, *чтобъ указу Государеву не противилися и тѣхъ двухъ іеромонаховъ немотчавъ къ Москвѣ высылали,* а о подводахъ и о деньгахъ на подъемъ писать къ воеводѣ кіевскому Ѳамендину» (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Дѣла Кіев. Повытья*; № кн. 39, л. 86 об.).—Въ грамотѣ къ митрополиту (2 февр. 1703 г.), посланной по этому поводу, включена оговорка, что если Иннокентія Поповскаго, «префекта школъ кіевскихъ», «*ради богословскаго ученія невозможно отпустить*», то взамѣнъ его отправить *Амвросія Бѣлиневича, игумена Мгарскаго* (Ibid. л. 88 об.).

Вызываемы были въ это время кіевскіе ученые и для миссіонерскихъ цѣлей. 1700 года, іюля 20, воспослѣдовалъ указъ великаго Государя. «чтобъ въ Кіевскихъ монастырахъ, подра-

жая во святомъ и богоугодномъ дѣлѣ, выбрать людей добрыхъ *и ученыхъ* иноковъ, всякаго—и благаго и непорочнаго житія свидѣтельствованныхъ, непрестарѣлыхъ, 2 или 3 человѣкъ, которые бы могли *въ Сибири и въ Китайскомъ государствѣ въ слѣпомъ идолослуженіи и въ прочихъ невѣрствіяхъ закоснѣлыхъ людей, научa святой православной вѣрѣ, святымъ крещеніемъ просвѣтити, и въ познаніе и въ поклоненіе истиннаго живаго Бога привести;* которые идолопоклонники моглибъ, свое суевѣріе познавъ твердыми святаго Евангелія доводами, отъ той сатанинской темной области въ свѣтъ познанія Христа Бога нашего придти и тамо живущихъ и пріѣзжихъ христіанъ отъ прелести идолослуженія и всякихъ неподобныхъ дѣлъ отбыть; *и жили бы у построенной въ Китайскомъ государствѣ Божіи церкви въ служеніи своемъ житіемъ благимъ и непорочнымъ, которымъ бы могли хана Китайскаго, и ближнихъ его людей, и вобще народъ ихъ привести къ тому святому дѣлу—къ вѣрѣ христіанской, и къ людемъ Россійскаго народу, которые по вся годы с корованы* для торгу и для всякихъ посылокъ пріѣзжаютъ, сотворити со всякою ласкою склонительныхъ» (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспед.* № кн. $^{5}/_{1732}$, л.л. 61—62).

Хотя митрополитъ Варлаамъ Ясинскій «радовался и весьма веселился», что Государь, ревнуя древнимъ науколюбивымъ вѣнценосцамъ, имѣетъ прилежное попеченіе о распространеніи просвѣщенія, съ каковою цѣлію требуетъ присылки учительныхъ людей изъ Кіева въ Москву; но частые вызовы послѣднихъ, какъ приготовленныхъ къ занятію тѣхъ или иныхъ, требовавшихъ научнаго образованія, должностей и уже занимавшихъ оныя,—ставили митрополита, да и другихъ начальствующихъ духовныхъ лицъ, въ затруднительное положеніе. Варлаамъ Ясинскій въ своемъ письмѣ Стефану Яворскому отъ 29 марта 1701 года, извѣщая его о предстоявшей, по обстоятельствамъ нѣсколько замедленной, высылкѣ упомянутыхъ нами (требуемыхъ П. Великимъ въ Москву) шести учительныхъ лицъ и «усердно моля о ходатайствѣ» предъ государемъ, «дабы неизволилъ (за промедленіе) своего монаршего на него, немощного старца, положити гнѣва»,—о состояніи дѣлъ въ Кіевской

Академіи, между прочимъ, пишетъ: «А что о магистрахъ— *отецъ Туробойскій не докончилъ реторики и здѣсь зѣло былъ надобенъ на маистровство ѳилософіи послѣ моего племянника* (какъ видно изъ другихъ данныхъ—Иннокентія Поповскаго); *но боясь гнѣва монаршескаго, и тотъ скончивъ свою риторику прежде Свѣтлаго Воскресенія, а діалектику хотя больному вручивъ отцу Муравскому, отпущенъ будетъ.—А братъ Ярошевскій магистеръ, сынъ Тактицкій, болѣзнуетъ лихорадкою подлинно, а на его мѣсто развѣ пошлется изъ Николского монастыря подобный ему Мелетій Канскій, хотя и тотъ здѣсь надобенъ бы былъ къ ученію, чтобъ и здѣсь не праздно было.—А что о магистрахъ ѳилосоѳіи, развѣ мой племянникъ принужденъ будетъ трилѣтную ѳилосоѳію, какъ ни есть, продолжати, покамѣстъ не сыщется иной послѣ его».* (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Малороссійскаго Приказа,* № кн. 83, л л. 468—471).—Іоасафъ Кроковскій, въ то время архимандритъ кіево-печерскій Лавры, въ письмѣ своемъ къ гетману Мазепѣ, *отъ 16 декабря 1701 года,* между прочимъ пишетъ: «Сими времены присланъ съ Москвы монаршескій указъ, дабы нашъ нынѣшній намѣстникъ Новопечерскій Свинскій, пречестной отецъ Филоѳей Лещинскій ѣхалъ къ Москвѣ для воспріятія нѣкоторого начальства по благословенію преосвященнаго его милости отца Димитрія, митрополита Ростовскаго, *что есть намъ съ великою скорбію, понеже частыя перемѣны бываютъ новопечерскихъ намѣстниковъ»* (Москов. Арх Минист. Юстиціи. *Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспедиціи,* № кн. $^{5}/_{1732}$, л. 118 об.).

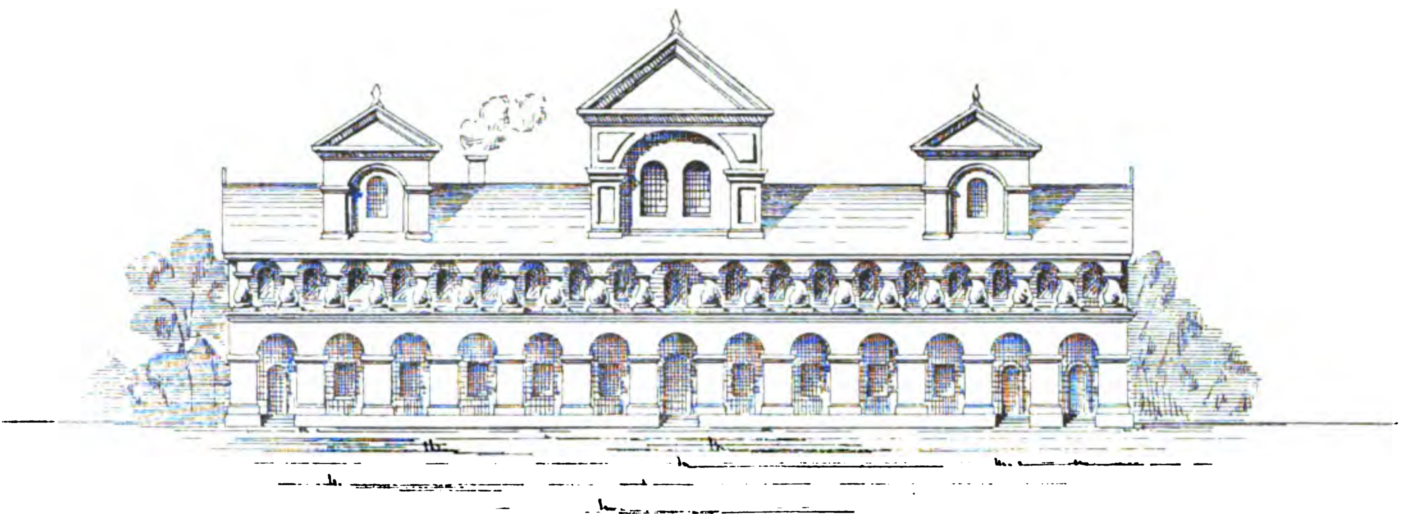
Повидимому, неохотно отправлялись въ Москву и вызываемые туда кіевскіе ученые. О предназначенныхъ къ отсылкѣ шести лицахъ, поименованныхъ въ государевомъ указѣ 1701 года, В. Ясинскій выражается (въ цитованномъ его письмѣ, къ Стефану Яворскому, отъ 29 марта означеннаго года), что они *«заскорбѣли».* Этою «скорбію»,—назовемъ ее скорбію по родинѣ,—объясняется и то, что нѣкоторые изъ вызванныхъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ, по истеченіи извѣстнаго времени, подъ благовидными предлогами ходатайствовали передъ государемъ объ отпускѣ ихъ обратно въ тѣ мѣста, откуда они были взяты. Такъ

упомянутый іеромонахъ Іоакимъ Савельскій въ апрѣлѣ 1703 года, обратился къ государю съ челобитьемъ: «въ прошломъ де 1702 году, по указу великаго государя и по грамотѣ изъ государственнаго посольскаго приказа взятъ онъ изъ Кіева изъ Никольскаго монастыря къ Москвѣ въ школу славяно-латинскую въ учители, и училъ, а нынѣ де вмѣсто его въ той школѣ есть иной учитель, іеромонахъ Антоній Стрешовскій, *а у него де обѣщаніе по прежнему въ томъ Никольскомъ пустынномъ кіевскомъ монастырѣ* (пребывать), *и великій государь пожаловалъ бы его, велѣлъ отпустить его въ Кіевъ»*... (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Кіевскаго Повытья,* № кн. 39, л. 520). Такихъ примѣровъ можно указать и еще нѣсколько. Но большинство вызываемыхъ въ Москву кіевлянъ свыкались съ своимъ положеніемъ (да болѣе необходимые изъ нихъ *и не были отпускаемы)* и на сѣверѣ созидали свою карьеру на разнообразныхъ поприщахъ

[76]) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха (впослѣдствіи москов. митрополита) Макарія Булгакова. Спб. 1843 г, стр 103.— Кульминаціоннаго своего пункта, въ смыслѣ *широты* просвѣтительнаго вліянія, Кіевская Академія достигла въ началѣ XVIII столѣтія. Съ теченіемъ времени, когда начинають возникать и въ другихъ мѣстностяхъ высшія учебныя заведенія, значеніе нашей Академіи естественно умаляется, но и послѣ сего еще довольно долго, даже послѣ открытія Московскаго университета, она и въ указанномъ отношеніи продолжаетъ занимать выдающееся мѣсто. Въ 1765 году кіевскій генералъ губернаторъ И. Ф. Глѣбовъ въ своемъ всеподаннѣйшемъ докладѣ, ходатайствуя о назначеніи пособія Кіевской Академіи, представилъ *краткій очеркъ ея исторіи и современнаго состоянія* Въ очеркѣ этомъ, состоящемъ изъ 12 пунктовъ, въ послѣднемъ говорится: «Изъ обучающихся въ сей Академіи студентовъ немалая часть съ пользою къ разнымъ церковныхъ нуждамъ употребляется, а имянно: въ священники и діаконы, для проповѣди Слова Божія, во учители при разныхъ епархіяхъ для распространенія наукъ, опредѣляются въ кадетскій шляхетной сухопутной корпусъ въ

іеромонахи и іеродіаконы для наставленія кадетовъ догматами православной вѣры, и посылаются къ находящимся при чужестранныхъ дворахъ министрамъ въ капеляны; а прошлаго году отправленъ по указу іеромонахъ Ефремъ Діаковскій въ Англію; сверхъ того берутся и въ другія должности, сирѣчь: въ переводчики разныхъ языковъ и въ медикохирургическую науку, въ которую предъ нѣсколькими годами, по указу Св. Синода, взяты до ста, а въ 1761 году 50 человѣкъ, изъ коихъ и нынѣ дѣйствительно не малое число при арміи В. И. В. лѣкарями и подълѣкарями служатъ, а иные въ чужіе краи для совершеннаго обученія медицинѣ отправлены, изъ коихъ нѣкоторые, возвратясь, въ докторскую должность опредѣлены» (Съ копіи доклада, хранящейся въ старыхъ дѣлахъ *архива Кіевскаго губернскаго правленія;* сообщена намъ А. А. Андреевскимъ).

Рис. 1



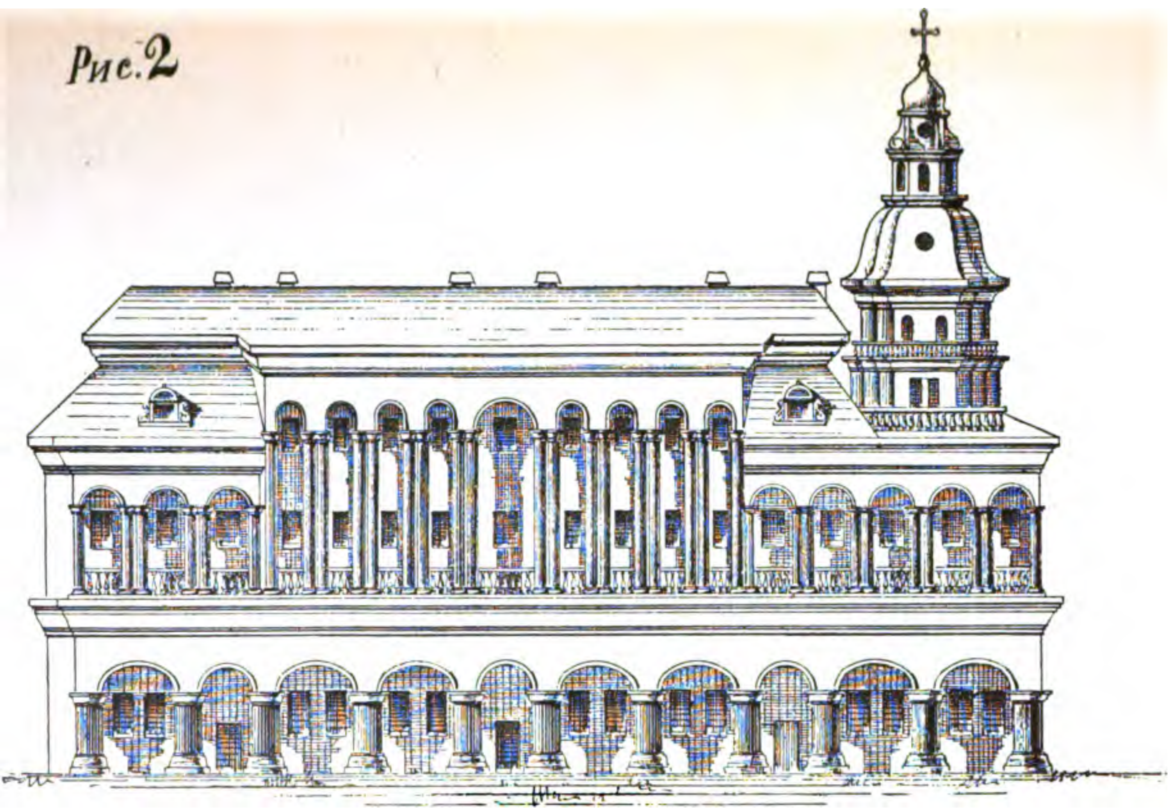


Рис. 2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

ЗА ПОСЛѢДНІЯ 30 ЛѢТЪ

(1858—1888 гг.).

И. ЧИСТОВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1889.

От С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ. Іюня 28 дня 1889 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Академія—при дѣйствіи Устава 1814 года.

С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 г.г.).

До 1869 г. академія находилась подъ дѣйствіемъ прежняго Устава 1814 г.—Въ 1869 г. совершилось преобразованіе ея по Высочайше утвержденному 30-го мая этого года новому Уставу православныхъ духовныхъ академій.—Въ 1884 г. Высочайше утвержденъ нынѣ дѣйствующій Уставъ духовныхъ академій.

I. Важнѣйшія событія въ жизни академіи и перемѣны въ составѣ начальствующихъ лицъ съ 1858 г. до 1869 года.

С.-Петербургскимъ митрополитомъ въ 1856 г. назначенъ былъ Казанскій *митрополитъ Григорій,* получившій санъ митрополита при коронаціи Государя Императора Александра Николаевича, 26 августа 1856 г., и почти вслѣдъ за тѣмъ переведенный на первенствующую каѳедру Новгородской и С.-Петербургской митрополіи.

Митрополитъ Григорій получилъ образованіе въ С.-Петербургской академіи, потомъ былъ въ ней профессоромъ и ректоромъ, проведши въ академіи всего—со включеніемъ студентчества—18 лѣтъ (съ 1809 по 1826 г.). При немъ и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ построено зданіе академіи и распредѣлены всѣ помѣщенія (аудиторіи, библіотеки, квартиры для начальствующихъ лицъ и наставниковъ, студентческія комнаты), остававшіяся почти въ томъ же видѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, произведеныхъ во время

оберъ-прокурорства графа Пратасова) до 70-хъ годовъ. Онъ основалъ при академіи первый духовный журналъ „Христіанское чтеніе“.—Тридцать лѣтъ послѣдующаго служенія его на каѳедрахъ Калужской, Рязанской, Тверской и Казанской прошли въ непрерывныхъ трудахъ на пользу церкви и духовнаго просвѣщенія. Уже въ 1829 году онъ возведенъ былъ въ званіе члена Св. Синода и почти каждогодно присутствовалъ въ ономъ, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ, когда отвлекаемъ былъ болѣзнію. Въ 1853 г. онъ предложилъ Св. Синоду вызвать въ С.-Петербургъ священниковъ разныхъ епархій, зараженныхъ расколомъ, для приготовленія ихъ къ миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ. Священники помѣщены были въ здѣшней академіи и преосвященный Григорій читалъ имъ лекціи, указывая способы опроверженія разныхъ раскольническихъ толковъ. Тогда же имъ издано сочиненіе: „Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь“, направленное преимущественно къ вразумленію раскольниковъ. Въ новомъ санѣ митрополита Казанскаго онъ оставался не болѣе пяти недѣль и 2-го октября 1856 г. встрѣчалъ Государя Императора въ С.-Петербургѣ, послѣ коронаціи, уже въ званіи митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго.

Ректоръ преосвященный Макарій.—Ректоромъ академіи съ 1851 г. былъ преосвященный *Макарій Булгаковъ,* епископъ Винницкій, докторъ богословія, ординарный академикъ, знаменитый ученый, богословъ и историкъ. Но при митрополитѣ Григоріѣ онъ оставался не долго. Въ маѣ 1857 г. онъ назначенъ былъ на епархіальную каѳедру въ Тамбовъ. 12 мая совершилъ онъ въ послѣдній разъ литургію въ академической церкви и произнесъ рѣчь, дышащую глубокою привязанностію его къ академіи, въ которой онъ провелъ пятнадцать лучшихъ лѣтъ жизни. „Тихій пріютъ духовнаго просвѣщенія, гдѣ такъ счастливо протекла лучшая пора моей жизни и гдѣ все сдѣлалось для меня такъ близкимъ и родственнымъ! Могу ли я когда либо забыть тебя? О, долгомъ совѣсти и сердца будетъ для меня отнынѣ усердная молитва къ Богу, да про-

цвѣтаешь ты болѣе и болѣе въ ряду другихъ высшихъ разсадниковъ просвѣщенія и да не престанешь приносить для церкви и отечества самые зрѣлые и вожделѣнные плоды; да разработываются въ тебѣ во всей обширности и со всѣмъ жаромъ истинной учености духовныя науки для удовлетворенія вопіющимъ потребностямъ не только духовныхъ училищъ, но и всѣхъ православныхъ христіанъ; да пріобрѣтаютъ здѣсь даровитые юноши не только разнообразныя свѣдѣнія, глубокія и основательныя, но и неугасимую любовь къ наукѣ и твердую рѣшимость посвятить ученымъ занятіямъ всю свою жизнь; да приготовляются здѣсь достойнѣйшіе пастыри церкви съ непоколебимыми убѣжденіями въ истинахъ вѣры, съ пламенною ревностію къ православію и благочестію и съ полною готовностію жертвовать всѣмъ для славы Божіей и спасенія ближнихъ. Да пребываетъ всегда надъ тобою, священный вертоградъ наукъ, да пребываетъ всегда благословеніе Божіе!“

Преосвященный Макарій при жизни своей, пресѣкшейся такъ рано, имѣлъ утѣшеніе видѣть многихъ изъ своихъ бывшихъ учениковъ въ санѣ архипастырей и на другихъ разнообразныхъ поприщахъ служенія, трудившихся и трудящихся съ усердіемъ и достоинствомъ. [1]) Прощаясь съ преосвящен-

---

[1]) Изъ окончившихъ курсъ въ его ректорство студентовъ въ настоящее время состоятъ въ епископскомъ санѣ преосвященные: *Никаноръ Бровковичъ*, архіепископъ Херсонскій, *Палладій Ганкевичъ*, архіепископъ Волынскій, *Германъ Осьцкій*, бывшій епископъ Кавказскій, *Серапіонъ Маевскій*, епископъ Екатеринославскій, *Павелъ Лебедевъ*, архіепископъ Казанскій, *Ѳеогностъ Лебедевъ*, архіепископъ Владимірскій, *Іустинъ Охотинъ*, епископъ Курскій, *Исаакій Положенскій*, епископъ Томскій, *Анастасій Добрадинъ*, епископъ Калужскій, *Анатолій Станкевичъ*, епископъ Острогожскій, викарій Воронежской епархіи, *Варлаамъ Черняевскій*, епископъ Минскій, *Аркадій Филоновъ*, епископъ Аккерманскій, викарій Кишиневской епархіи, *Мемнонъ Вишневскій*, епископъ Елисаветградскій, викарій Херсонской епархіи, *Донатъ Бабинскій*, епископъ Подольскій, *Агапій Ставросъ*, митрополитъ Едесскій въ антіохійскомъ патріархатѣ; а нѣкоторые уже скончались: *Іосифъ Дроздовъ*, бывшій епископъ Смоленскій, *Николай Заркевичъ*, бывшій епископъ Новомиргородскій, *Викторинъ Любимовъ*, бывшій епископъ Подольскій, *Іосифъ Божановъ*, бывшій епископъ Балтскій, викарій Подольской епархіи. *Александръ Кульчицкій*, бывшій епископъ Костромскій.

*

нымъ Макаріемъ академія избрала его въ свои почетные члены.

Ректоръ архимандритъ Θеофанъ.—На мѣсто преосвященнаго Макарія ректоромъ академіи назначенъ былъ настоятель посольской церкви въ Константинополѣ архимандритъ *Θеофанъ Говоровъ.* Воспитанникъ Кіевской академіи и товарищъ преосвященнаго Макарія, онъ опредѣленъ былъ по окончаніи академическаго курса профессоромъ Новгородской семинаріи, а изъ нея въ 1844 году переведенъ въ С.-Петербургскую академію баккалавромъ нравственнаго и пастырскаго богословія; но по религіозной склонности въ 1847 году отправился въ Іерусалимъ, гдѣ и пробылъ до прекращенія дѣйствій русской духовной миссіи. Возвратившись въ С. Петербургъ, въ апрѣлѣ 1855 года онъ вновь опредѣленъ былъ баккалавромъ церковнаго законовѣдѣнія, но менѣе чѣмъ чрезъ полгода переведенъ ректоромъ семинаріи въ Петрозаводскъ. Изъ Петрозаводска въ 1856 году 21 мая опредѣленъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ, а отъ посольской церкви—въ С.-Петербургскую академію ректоромъ.

Преосвященный Макарій во все время ректорства оставался и профессоромъ академіи; но архимандритъ Θеофанъ, хотя и опредѣленъ былъ съ званіемъ профессора, вскорѣ отказался отъ преподаванія.

Инспекторъ архимандритъ Кириллъ.—Инспекторомъ академіи, съ 1855 года, былъ ординарный профессоръ архимандритъ *Кириллъ Наумовъ.* Онъ занялъ эту должность послѣ архимандрита Іоанна Соколова, переведеннаго на должность ректора въ С.-Петербургскую семинарію. Архимандриты Іоаннъ и Кириллъ оба, не менѣе 10 лѣтъ каждый, находились на службѣ при академіи, оба имѣли высшую степень доктора богословія, были ординарными профессорами и занимали преемственно начальственную должность инспектора академіи: но ходъ событій произошелъ такъ, что, передъ самымъ назначеніемъ преосвященнаго Макарія на Тамбовскую каѳедру, Іоаннъ переведенъ былъ ректоромъ академіи въ Казань; на мѣсто его въ здѣшнюю семинарію пере-

веденъ былъ ректоръ Новгородской семинаріи, архимандритъ Нектарій Надеждинъ, а Кириллъ остался при инспекторской должности [1]). Въ это время предположено было возстановить русскую духовную миссію въ Іерусалимѣ, закрытую въ 1855 году по случаю военныхъ дѣйствій, и для большей ея представительности назначить начальникомъ ея епископа. Предложеніе сдѣлано было архимандриту Кириллу и онъ принялъ его, найдя въ немъ довольно благопріятный выходъ изъ своего положенія. Въ 1857 году 13 октября онъ посвященъ былъ въ санъ епископа, съ наименованіемъ Мелитопольскимъ; 21 октября представлялся Государю Императору и Императрицѣ, а 3 ноября отправился къ мѣсту своего назначенія [2]).

Инспекторъ архимандритъ Викторинъ.—Исправленіе должности инспектора поручено было временно баккалавру іеромонаху *Валеріану Орлову.*—Между тѣмъ прибылъ въ С.-Петербургъ назначенный не задолго предъ симъ (15 сентября 1857 года) баккалавромъ на вновь открываемую каѳедру ученія о русскомъ расколѣ, инспекторъ Смоленской семинаріи, архимандритъ *Викторинъ Любимовъ* (магистръ здѣшней академіи 1853 года). За состоявшимся назначеніемъ архимандрита Кирилла, архимандриту Викторину поручено было преподаваніе по предметамъ занимаемой имъ каѳедры (нравственнаго и пастырскаго богословія) и вмѣстѣ съ тѣмъ на него же возложено исполненіе должности инспектора академіи. 13 ноября Святѣйшій Синодъ утвердилъ это распоряженіе о перемѣщеніи архимандрита Викторина на каѳедру нравственнаго и пастырскаго богословія, назначивъ его вмѣстѣ

---

[1]) Московскій митрополитъ Филаретъ рекомендовалъ его на должность настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, на мѣсто архимандрита Ѳеофана. „По сочиненіямъ инспектора С.-Петербургской духовной академіи архимандрита Кирилла и по слухамъ о немъ, думаю, что въ немъ найдется довольно способности, знанія людей, искусства обращаться въ разностихійной сферѣ, чтобы служить въ Константинопольской миссіи". (Письма м. Филарета къ Высоч. особамъ и другимъ лицамъ, изд. архіеп. Саввою. Тверь, 1888 г. II, 47). Но архим. Кириллъ отказался отъ этого назначенія.

[2]) О дальнѣйшей его судьбѣ въ Собраніи мнѣній м. Филарета по дѣламъ Востока. Спб. 1886 г. —Скончался 10 февр. 1866 г.

съ тѣмъ на должность инспектора академіи, съ присвоеніемъ званія экстраординарнаго профессора [1]). Архимандритъ Викторинъ недолго былъ инспекторомъ. Въ 1858 году 20 октября онъ перемѣщенъ былъ въ Кострому на должность ректора семинаріи. Послѣ того былъ ректоромъ въ Тифлисѣ; съ 1868 года епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанской епархіи, съ 1874 года Полоцкимъ и наконецъ Подольскимъ. Скончался 21 августа 1882 года.

Инспекторъ архимандритъ Епифаній.—Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ А. П. Толстой, сообщивъ Московскому митрополиту объ обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ необходимою замѣну архимандрита Викторина въ академіи другимъ лицомъ, просилъ указать кандидата на его мѣсто. Митрополитъ Филаретъ указалъ на двухъ кандидатовъ—инспектора Виѳанской семинаріи іеромонаха Епифанія Избитскаго и инспектора Московской семинаріи архимандрита Никодима Бѣлокурова. „Виѳанскій инспекторъ по его благодушному характеру и по поведенію можетъ быть хорошимъ инспекторомъ академіи; но сомнѣваюсь, станетъ ли онъ довольно твердо на академической каѳедрѣ, а это весьма нужно, дабы онъ могъ имѣть достаточное вліяніе на студентовъ, дабы они подчинялись ему не закономъ благочинія только, но наипаче убѣжденіемъ и уваженіемъ. Въ ученомъ кругѣ для поверхности надъ другими, кромѣ другихъ достоинствъ нужна признаваемая ученость. Виѳанскій инспекторъ пришелъ въ академію университетскимъ магистромъ и потому принятъ былъ не въ низшее, а въ высшее отдѣленіе, и слушалъ академическіе уроки только два, а не четыре года. Теперь для семинарской каѳедры онъ удовлетворителенъ, а для высшей продолжаетъ умножать свои познанія. Инспекторъ Московской семинаріи, архимандритъ Никодимъ, въ качествѣ магистра духовной академіи старше инспектора Виѳанскаго, и въ настоящей службѣ удовлетворителенъ. Но я не имѣлъ случая сдѣлать надъ нимъ удовлетворительное наблюденіе, каковъ онъ можетъ быть на академической каѳедрѣ. Впрочемъ не предла-

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1857 г. № 1719.

гаю одного и не отказываю въ другомъ, а только даю владыкѣ (м. Григорію) и вамъ способъ разсуждать и рѣшить" [1]). Владыка и оберъ-прокуроръ рѣшили въ пользу перваго и *Епифаній* опредѣленъ 20 октября инспекторомъ академіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ присвоеніемъ ему званія экстраординарнаго профессора.

По происхожденію Епифаній былъ изъ польскихъ дворянъ Волынской губерніи, римско-католическаго вѣроисповѣданія, и будучи въ свѣтскомъ званіи обучался сначала въ Виленской академіи, потомъ съ 1841 года въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра по философскому факультету, по которому получилъ и степень магистра. По окончаніи курса, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ учительства въ частномъ домѣ, опредѣленъ былъ въ 1846 году въ Черниговскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и географіи; оттуда въ 1851 году перешелъ учителемъ всеобщей исторіи въ Житомірское раввинское училище. Въ 1854 году принялъ православіе въ Волынскомъ каѳедральномъ соборѣ и, желая получить высшее образованіе въ богословскихъ наукахъ, поступилъ въ студенты Московской духовной академіи, гдѣ особенно прилежно изучалъ еврейскій языкъ. По окончаніи курса, въ 1856 году, удостоенъ былъ степени магистра богословія и опредѣленъ профессоромъ въ Виѳанскую семинарію. Здѣсь онъ вступилъ въ монашество и опредѣленъ инспекторомъ семинаріи, а въ 1858 году переведенъ инспекторомъ въ С.-Петербургскую академію.

Появленіе въ печати статей враждебныхъ духовенству и духовнымъ училищамъ.—Послѣдніе 50-е и первые 60-е годы составляли сначала время ожиданія, а потомъ осуществленія реформъ новаго царствованія. Носившаяся въ воздухѣ идея *освобожденія*,

---

[1]) Письма м. Филарета къ Высоч. особамъ и разнымъ другимъ лицамъ. Изд. архіеп. Тверскимъ Саввою. Тверь, 1888 г. II, стр. 64—65.—Архим. Никодимъ Бѣлокуровъ былъ впослѣдствіи ректоромъ Московской семинаріи; съ 1873 г. намѣстникомъ С.-Петербургской Александроневской лавры, съ 1885 г. епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородской епархіи, съ 1876 г. Дмитровскимъ, викаріемъ Московской епархіи. Сконч. 17 окт. 1877 г. (*С. Смирнова*, Истор. Моск. акад. стр. 446).

начавшись съ крестьянъ, примѣнялась всюду—къ литературѣ, печати, общественнымъ состояніямъ, общественному мнѣнію. Возбужденные этимъ движеніемъ вопросы касались самымъ живымъ образомъ положенія духовенства и состоятельности его въ народномъ учительствѣ, устройства и положенія духовно-учебныхъ заведеній, духовной цензуры и проч. Въ смутныхъ движеніяхъ времени было не столько враждебнаго по отношенію къ вѣрѣ и церковному благоустройству, сколько увлеченій и преувеличенныхъ указаній на существующіе недостатки въ духовенствѣ.

Въ 1857 году 27 декабря Московскій Митрополитъ Филаретъ писалъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу А. П. Толстому: „Смущаютъ насъ не разъ вѣстями то о журналѣ, то о книгѣ, въ которыхъ будетъ укоризненно и насмѣшливо изображаемо духовенство, подобно какъ въ извѣстныхъ „Губернскихъ очеркахъ“. И то, что въ свѣтскихъ книгахъ свѣтскихъ чиновниковъ и разнаго рода людей выставляютъ порочными и безразсудными, и притомъ сверхъ вѣроятія, очень вредно; несравненно вреднѣе будетъ, если такъ же поступать будутъ съ духовенствомъ. Видъ литературы въ настоящее время предлагаетъ проницательному начальству вопросъ: нѣтъ ли соумышленія, которое старается все уважаемое въ обществѣ привести въ презрѣніе и поколебать убѣжденія вѣры и нравственности, чтобы легче превратить все въ демократическій хаосъ?“ [1]). Особенно рѣзкія статьи о духовенствѣ печатались въ „Земледѣльческой газетѣ“, въ которой, подъ предлогомъ радѣнія объ образованіи народа, сообщалось, что священники не могутъ быть полезны на этомъ поприщѣ, потому что и образованіе получаютъ одностороннее и ограниченное и не имѣютъ свѣтскихъ манеръ и не сходятся съ свѣтскими въ образѣ жизни и наконецъ не имѣютъ доброй нравственности (1857 года № 39). Въ 1858 году въ „Журналѣ землевладѣльцевъ“ (№ 27) появилась статья, въ которой заявлялось, что семинаріи наши при теперешнемъ ихъ

---

[1]) Мнѣнія и отзывы м. Филарета, т. IV, стр. 296 и 368.

составѣ и состояніи совершенно не годны; духовныя академіи требуютъ раціональнаго преобразованія, въ особенности относительно ихъ исключительнаго положенія. „Видите,—писалъ по этому поводу митрополитъ Филаретъ—что журналъ, который назначилъ себѣ предметомъ и предѣломъ земледѣліе, не удерживается въ предѣлахъ усадьбы, пашни и луга, перебѣгаетъ межу, вбѣгаетъ въ университетъ, въ семинаріи, предпринимаетъ неумолимымъ плугомъ выпахать съ корнемъ все, что посѣяно на обширномъ полѣ духовнаго званія и засѣять оное новыми сѣменами изъ дворянства, гражданства и крестьянства". На ту же тему и такого же направленія печатались статьи и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ. А. Забѣлинъ напечаталъ „въ Русскомъ педагогическомъ вѣстникѣ" статью подъ заглавіемъ: „Исторія жизни и воспитанія одного подъячаго, описанная имъ самимъ„ (Русск. пед. вѣстн. 1858 г. №№ 4 и 5). Духовныя школы описаны въ этой статьѣ мрачными чертами.—Ректоръ академіи, архимандритъ Ѳеофанъ, опасаясь, что эти статьи вредно повліяютъ на студентовъ, и имѣя уже поводъ къ этому опасенію въ возникшемъ неблагопріятномъ движеніи между студентами въ октябрѣ 1858 года, сообщилъ свои опасенія митрополиту Григорію и глубокій старецъ самъ прибылъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ ноябрѣ 1858 года, въ академическую церковь къ обѣднѣ, послѣ которой, обратясь къ собравшимся въ академическій залъ студентамъ, убѣждалъ ихъ остаться вѣрными своему воспитанію и призванію, не увлекаясь ложными внушеніями, навѣваемыми со стороны людей неблагонамѣренныхъ.

Пятидесятилѣтіе академіи.—Въ 1859 году 17-го февраля исполнилось *пятидесятилѣтіе академіи* со времени открытія ея по новому образованію 17 февраля 1809 года. Въ началѣ этого года испрошено было Высочайшее соизволеніе на празднованіе юбилея. Инспектору академіи архимандриту Епифанію митрополитъ Григорій поручилъ отправиться въ Москву къ митрополиту Филарету съ приглашеніемъ на праздникъ.

Наканунѣ 17 февраля совершена была въ академической церкви всенощная и послѣ нея панихида, съ возглашеніемъ

вѣчной памяти, поименно, благоустроителямъ академіи—членамъ Комитета 1808 года о преобразованіи духовныхъ училищъ и Коммиссіи духовныхъ училищъ во время преобразованія академіи, почившимъ митрополитамъ С.-Петербургскимъ, а также всѣмъ покойнымъ начальствующимъ лицамъ и преподавателямъ академіи и, общимъ именемъ, всѣмъ почившимъ студентамъ академіи.

Въ день юбилея литургію въ академической церкви совершалъ митрополитъ Григорій. Ректоръ, архимандритъ Ѳеофанъ, произнесъ соотвѣтственное торжеству слово. Послѣ литургіи совершено было благодарственное молебствіе, въ служеніи котораго приняли участіе: архіепископы Казанскій Аѳанасій (6-го курса академіи), Харьковскій Филаретъ, Тверскій епископъ Филоѳей (бывшій инспекторомъ академіи), протопресвитеры В. Б. Бажановъ (5-го курса) и В. И. Кутневичъ (1-го курса), протоіереи: Г. П. Павскій (1-го курса), И. В. Рождественскій (12-го курса), И. М. Наумовъ (3-го курса) и М. И. Богословскій (9-го курса). Послѣ многолѣтія Государю Императору Александру Николаевичу, провозглашена была вѣчная память въ Бозѣ почившимъ Государямъ Александру I и Николаю I; затѣмъ возглашено многолѣтіе Святѣйшему Синоду и митрополиту Григорію, а почившимъ митрополитамъ Амвросію, Михаилу, Серафиму, Антонію, Никанору и всѣмъ скончавшимся начальникамъ, наставникамъ и воспитанникамъ, вѣчная память. Наконецъ возглашено многолѣтіе С.-Петербургской духовной академіи и здравствующимъ бывшимъ и настоящимъ ея наставникамъ и воспитанникамъ.

По окончаніи литургіи всѣ присутствующіе перешли въ зало собранія. Послѣ пропѣтой студентами молитвы: *„Днесь благодать Св. Духа насъ собра“* секретарь конференціи, ординарный профессоръ Ловягинъ прочиталъ указъ Святѣйшаго Синода на имя м. Григорія о наградахъ начальствующимъ лицамъ, членамъ конференціи и преподавателямъ по случаю юбилея. По прочтеніи указа митрополичій хоръ пропѣлъ: *Спаси Господи люди Твоя*. Затѣмъ секретарь конференціи прочиталъ письмо Московскаго м. Филарета къ преосвящен-

ному м. Григорію слѣдующаго содержанія. „Не заслужилъ я такого вниманія, какое ваше высокопреосвященство благоволили оказать мнѣ и собственнымъ вашимъ словомъ и чрезъ посланника приглашая меня къ участію въ праздникѣ пятидесятилѣтія вашей академіи; чѣмъ болѣе сіе обязательно, тѣмъ болѣе прискорбно мнѣ, что не могу соотвѣтствовать столь благосклонному призванію. Состояніе моего здоровья еще прежде сдѣлало меня неспособнымъ къ далѣнему и скорому путешествію и особенно такому, которое предлежало бы теперь въ зимнее время: съ праздника же Рождества Христова рѣдко позволяло мнѣ выходить изъ дома для исполненія особенно необходимыхъ обязанностей. Впрочемъ отсутствіе мое не будетъ недостаткомъ на праздникѣ академіи, который присутствіемъ своимъ наполните вы, еще въ первыхъ лѣтахъ ея наставникъ и руководитель, исполнявшій ее благотворнымъ вліяніемъ".

„Привѣтствую академію, совершившую полвѣка подъ покровительствомъ державной и священной власти, принесшую добрые плоды церкви и отечеству. Господь да продлитъ лѣта ея въ благодати и мирѣ, да умножатся плоды ея—плоды любви къ истинѣ, яже по благочестію, къ премудрости не міра сего, но Божіей, къ ученію не только знанія, но наипаче къ ученію жизни, наконецъ плоды ревности подвизаться за православіе и служить спасенію душъ".

„Съ сими мыслями вручаю о. инспектору С.-Петербургской академіи икону Божіей Матери, которую ваше высокопреосвященство благословите поставить въ академической церкви или въ одной изъ аудиторій".

Послѣ того профессоръ И. Чистовичъ прочиталъ предварительно просмотрѣнную митрополитомъ историческую записку объ академіи за прошедшее пятидесятилѣтіе, а профессоръ В. Карповъ—рѣчь о направленіи и цѣли духовнаго образованія и объ участіи, какое принимаетъ въ немъ С.-Петербургская духовная академія [1]).

---

[1]) Историческая записка проф. *Чистовича*, проповѣдь арх. *Θеофана* и рѣчь проф. *Карпова* напечатаны въ томъ же году отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Духовной Академіи" 17 февраля 1859 года.

На праздникѣ академіи присутствовало весьма много сановныхъ лицъ: Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія Е. И. Ковалевскій, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ А. П. Толстой, Кіевскій генералъ-губернаторъ князь И. И. Васильчиковъ, попечители учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго И. Д. Деляновъ, Московскаго Н. В. Исаковъ, ректоръ С.-Петербургскаго университета П. А. Плетневъ, президентъ Медико-хирургической академіи П. А. Дубовицкій, лейбъ-медикъ И. В. Энохинъ, А. И. Войцеховичъ, П. И. Саломонъ, много другихъ знатныхъ особъ, и все или почти все духовенство столицы и свѣтскія лица—получившія образованіе въ Академіи.

Послѣ акта посѣтители приглашены были къ завтраку, который приготовленъ былъ въ жилыхъ студентческихъ комнатахъ. Воспитанники старшихъ курсовъ, начиная съ 1-го, къ которому принадлежали митрополитъ Григорій и протоіерей Г. П. Павскій, соединились въ дружной бесѣдѣ съ воспитанниками 22-хъ послѣдующихъ курсовъ, вспоминая время пребыванія въ академіи, бывшихъ начальниковъ и наставниковъ, ученіе и занятія, бывшія радости и горе..

Въ маѣ того же 1859 года, ректоръ архимандритъ Өеофанъ перемѣщенъ былъ на епархіальную каѳедру въ Тамбовъ и 1 іюня посвященъ въ санъ епископа [1]).

Ректоръ преосвященный Нектарій.—На мѣсто его ректоромъ академіи назначенъ былъ 15 мая ректоръ здѣшней семинаріи архимандритъ *Нектарій Надеждинъ.* Онъ получилъ высшее образованіе, какъ и оба предшественника его, въ Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1843 году, двумя годами позже преосвященныхъ Макарія и Өеофана; началъ службу въ Кіевѣ, былъ инспекторомъ и ректоромъ семинаріи; въ 1856 году, въ бытность въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія, перемѣщенъ въ Новгородскую семинарію, въ слѣдующемъ году

[1]) Рѣчь его къ Св. Синоду при нареченіи въ епископа, 1 іюня 1859 г. въ Дух. бесѣдѣ 1859 г. № 23.

въ С.-Петербургскую а изъ нея въ 1859 году въ С.-Петербургскую академію. Въ томъ же году 5 сентября утвержденъ, а 13-го посвященъ въ санъ епископа, съ наименованіемъ Выборгскимъ [1]) и съ назначеніемъ вторымъ викаріемъ С.-Петербургской епархіи. Профессорской каѳедры не занималъ.

Инспекторъ Епифаній во время инспекторства имѣлъ непрерывныя ссоры съ обучавшимися въ академіи иностранцами, особенно покровительствуемыми въ то время, что причиняло обоюдно массу непріятностей. Въ 1859 году 2 сентября его перевели на должность ректора въ Кавказскую семинарію [2]), но онъ и здѣсь не нашелъ покоя; въ 1861 году оставилъ учебную службу, жилъ нѣсколько времени въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ на 500 руб. назначеннаго ему содержанія. Было предложеніе о назначеніи его въ Константинополь настоятелемъ посольской церкви на мѣсто Антонина (Капустина), которому предполагали дать другое высшее назначеніе: но м. Филаретъ отклонилъ это предположеніе, заявивъ, что „послѣ обстоятельствъ увольненія его, Епифанія, изъ Ставрополя, нужно у себя лучше узнать его, чтобъ потомъ можно было на него положиться“ [3]). Между тѣмъ въ это время образовалась Забайкальская духовная миссія и стала заявлять о себѣ печатно въ отдаленныхъ краяхъ Россіи. Епифаній обратился къ начальнику этой миссіи преосвященному Веніамину (нынѣ архіепископу Иркутскому) о принятіи его въ число забайкальскихъ миссіонеровъ. Преосвященный Веніаминъ изъявилъ полную готовность принять его и, чтобы дать ему соотвѣтствующее его сану положеніе, представилъ объ опредѣленіи его началь-

---

[1]) Ректоры академіи Аѳанасій, Евсевій и Макарій, при возведеніи въ санъ епископа, именовались *Винницкими;* но въ 1859 г. эта, доселѣ только титулярная, каѳедра, викаріевъ Подольской епархіи замѣщена была дѣйствительнымъ викаріемъ, *Израилемъ Лукинымъ,* изъ ректоровъ Кіевской академіи. Въ 1859 г. 5 сент. учреждено второе викаріатство въ С. Петербургской епархіи, съ возведеніемъ въ санъ епископа ректора академіи архим. Нектарія и съ наименованіемъ *Выборгскимъ.*

[2]) М. Филаретъ: „въ Петербургской академіи ему не удалось и его удалили оттуда.“ Письма къ Высоч. особамъ и др. лицамъ, II стр. 124.

[3]) Также, стр. 126.

никомъ Иркутской миссіи, каковое представленіе и утверждено Святѣйшимъ Синодомъ. Прибывъ въ іюлѣ 1866 года въ Иркутскъ, Епифаній занялся изученіемъ буддизма и монголо-бурятскаго языка, а въ маѣ слѣдующаго года вступилъ въ миссіонерское служеніе въ Верхоленскомъ инородческомъ вѣдомствѣ, завѣдуя также и сосѣднимъ Ольхонскимъ вѣдомствомъ по случаю болѣзни мѣстнаго миссіонера; но смерть вскорѣ прекратила полезное служеніе его. Епифаній скончался въ Хоготовскомъ улусѣ 16 ноября 1869 года. [1])

Инспекторъ архимандритъ Асинкритъ.—Послѣ Епифанія инспекторомъ академіи назначенъ былъ архимандритъ *Асинкритъ Верещагинъ,* изъ инспекторовъ Олонецкой семинаріи, съ 5 сентября 1859 года, съ присвоеніемъ ему званія ординарнаго профессора. Архимандритъ Асинкритъ поступилъ въ здѣшнюю академію изъ вдовыхъ священниковъ Вятской епархіи и по окончаніи курса (въ 1853 году) былъ баккалавромъ патристики. Въ 1855 году перемѣщенъ былъ въ инспекторы Петрозаводской семинаріи, въ то же время, какъ архимандритъ Ѳеофанъ назначенъ былъ ректоромъ этой семинаріи. Это былъ человѣкъ даровитый но крайне мнительный и вдобавокъ болѣзненный. Онъ прибылъ въ С.-Петербургъ за тѣмъ, чтобы отказаться отъ своего новаго назначенія, и 15 сентября, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ духовно-училищной службы. Вслѣдъ за тѣмъ онъ опредѣленъ былъ настоятелемъ Новгородскаго Сковородскаго монастыря, но потомъ опять вступилъ на учебную службу и былъ инспекторомъ Новгородской и ректоромъ Калужской семинарій. Болѣзнь принудила его проситься на покой; но вскорѣ послѣ увольненія отъ ректорства онъ скончался.

Инспекторъ архимандритъ Павелъ.—Инспекторомъ академіи опредѣленъ 15 октября 1859 года, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, инспекторъ С.-Петербургской семинаріи архимандритъ *Павелъ Лебедевъ.* Архимандритъ Павелъ (нынѣ высокопреосвященный архіепископъ Казанскій и членъ

---

[1]) Труды прав. миссій Вост. Сибири, томъ 2, Иркутскъ, 1884 г., стр. 179.

Святѣйшаго Синода) окончилъ курсъ въ С.-Петербургской академіи со степенью магистра въ 1853 году; 28 іюня того-же года вступилъ въ монашество; 28 октября опредѣленъ помощникомъ ректора и профессоромъ С.-Петербургской семинаріи, въ 1857 году инспекторомъ семинаріи; въ 1858 году 14 сентября возведенъ въ санъ архимандрита.

Предположеніе объ открытіи публичныхъ лекцій въ академіи.—Въ 1859 году, послѣ своего юбилея, академія предположила открыть у себя публичныя лекціи. Ближайшимъ поводомъ къ этому были слѣдующія обстоятельства. Въ концѣ 1858 года прибылъ въ С.-Петербургъ французскій проповѣдникъ, доминиканскій монахъ Сойаръ, и началъ произносить по воскресеньямъ, въ 4 часа пополудни, проповѣди въ католической церкви св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ. Увлекательный даръ слова, чистый звонкій голосъ, слышимый на всемъ пространствѣ церкви, наконецъ самое содержаніе проповѣдей—привлекали массу публики, не только католиковъ, но и православныхъ Въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ помѣщена была статья о Сойарѣ, въ которой, между прочимъ, выражено было, что „въ настоящемъ случаѣ осторожность и соревнованіе со стороны православнаго духовенства становятся необходимыми.“ [1])

Митрополитъ Григорій поручилъ столичному духовенству усилить церковное проповѣдничество. Сначала положено было говорить проповѣди въ Казанскомъ соборѣ въ тѣже часы, въ которые собиралъ къ себѣ слушателей Сойаръ въ католической церкви. Затѣмъ священникамъ, имѣющимъ степень магистра, разрѣшено и предложено было говорить проповѣди въ своихъ церквахъ, не представляя ихъ предварительно въ благочинническую цензуру. Въ то-же время законоучитель С.-Петербургскаго университета, протоіерей В. Полисадовъ, испросилъ позволеніе открыть рядъ проповѣдей въ универси-

---

[1]) Дух. бес. 1859 г. № 2. Статья напечатана безъ подписи имени автора, хотя изъ послѣдующей полемики по поводу этой статьи извѣстно, что она написана графомъ Д. Н. Толстымъ-Знаменскимъ. Отзывъ о ней м. Филарета—въ Собраніи мнѣній его, т. IV, стр. 384.

тетской церкви, преимущественно для образованной публики, и велъ свои бесѣды при огромномъ стеченіи публики. Но церковная каѳедра не могла отвѣчать на всѣ запросы, касавшіеся учено-богословскихъ предметовъ и интересовъ церкви и богословской науки. Въ это же время читались въ С.-Петербургѣ публичныя лекціи о такихъ предметахъ, въ которыхъ рѣшающее слово должно бы принадлежать высшему духовно-учебному заведенію.

По этимъ побужденіямъ С.-Петербургская духовная академія предположила открыть у себя публичныя лекціи. Предположеніе имѣло два вида: или сдѣлать академическія лекціи открытыми для всѣхъ, публичными, или открыть въ академіи особыя публичныя чтенія. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ А. П. Толстой, сообщилъ объ этомъ Московскому митрополиту, но митрополитъ не одобрилъ этого предположенія. „Чтобы на ординарныя лекціи допускать постороннихъ, и даже женскій полъ, это, по моему мнѣнію, неприлично для духовной академіи и можетъ быть вредно, потому что болѣе или менѣе развлекать будетъ и наставниковъ и наставляемыхъ; а экстраординарныя публичныя лекціи похищали бы время и вниманіе наставниковъ и студентовъ съ ущербомъ для существенныхъ обязанностей... Дѣло въ самомъ началѣ не показалось бы уважительнымъ потому, что представилось бы подражаніемъ. Вѣщатели университета и пассажа скажутъ: вотъ они проснулись, вотъ мы ихъ разбудили! И придутъ на академическую лекцію не съ безпристрастнымъ вниманіемъ, а съ улыбкою и критическою миною, чтобы только искать въ оной слабыхъ мѣстъ или погрѣшностей и (можетъ быть) чтобы возражать въ слѣдующихъ свѣтскихъ лекціяхъ. Побѣдить сіе превосходствомъ лекцій не легко. Невѣрующихъ нельзя удовлетворить одними свидѣтельствами свящ. писанія, отъ котораго они отказались. Ихъ умствованіямъ надобно противопоставить сильнѣйшія умствованія; доказательства лжеученія, заимствованныя изъ природы, надобно опровергать болѣе основательными познаніями природы. Но у противниковъ познанія природы составляютъ

главный предметъ, для котораго они употребили всѣ силы, а у наставниковъ академіи это—предметъ только частный, случайный. Итакъ можно ли рѣшительно обнадеживать себя успѣхомъ?.. И на что намъ переносить къ себѣ чужую каѳедру, когда у насъ есть своя—въ церкви. Пусть въ университетской церкви. въ каждый воскресный и праздничный день, одинъ или нѣсколько проповѣдниковъ поочереди произносятъ проповѣди противъ тѣхъ лжеученій, которыя распространяются свѣтскими лекціями. Здѣсь мы въ своей области... Поберегите академію“ [1]).

Кончина митрополита Григорія.—Въ 1860 году 17 іюня скончался митрополитъ Григорій. Академія сохранитъ въ своей памяти дорогое имя этого достойнѣйшаго архипастыря, всегда съ горячимъ участіемъ относившагося къ дѣлу духовнаго просвѣщенія.

Назначеніе высокопреосвященнаго Исидора, митрополита Кіевскаго—Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ.—Въ іюлѣ того же года академія имѣла утѣшеніе услышать, что на каѳедру С.-Петербургской митрополіи перемѣщенъ высокопреосвященный *Исидоръ*, митрополитъ Кіевскій, который также въ С.-Петербургской академіи получилъ высшее образованіе и былъ въ ней наставникомъ.

Высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ (въ мірѣ *Яковъ Сергѣевичъ Никольскій)* поступилъ въ академію изъ Тульской семинаріи въ 1821 году; по окончаніи курса въ 1825 году, 22 августа ректоромъ преосвященнымъ Григоріемъ постриженъ въ монашество; 28 августа опредѣленъ баккалавромъ богословскихъ наукъ, и вслѣдъ за тѣмъ, 10 сентября, библіотекаремъ академіи [2]).

---

[1]) Письмо митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, отъ 16 февр. 1860 г., въ Собраніи мнѣній и отзывовъ м. Филарета. Т. IV, № 543, стр. 501.

[2]) Въ первые годы академіи окончившіе курсъ по первому разряду немедленно утверждаемы были въ степени магистра; но въ 1825 г., при м. Серафимѣ и подъ вліяніемъ присутствовавшаго въ Синодѣ Кіевскаго м. Евгенія, Коммиссія духовныхъ училищъ утвердила всѣхъ окончившихъ курсъ академіи въ степени кандидата, предоставивъ перворязряднымъ право на степень магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ. Это было въ послѣдній годъ ректорства преосв. Григорія въ академіи. Но, по предложенію ректора академіи, архимандрита Іоанна, и представленію ака-

Служеніе его при академіи продолжалось четыре года. Въ августѣ 1829 года іеромонахъ Исидоръ возведенъ былъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ ректоромъ Орловской семинаріи; въ 1833 году перемѣщенъ въ Московскую; въ 1834 году 11 ноября рукоположенъ въ епископа Дмитровскаго, викарія Московской епархіи; въ 1837 году, предъ временемъ готовившагося возсоединенія уніатовъ Бѣлоруссіи, перемѣщенъ въ Полоцкую епархію, въ 1840 году въ Могилевскую; въ 1841 году возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1844 году 12-го ноября перемѣщенъ въ Грузію экзархомъ, съ званіемъ члена Святѣйшаго Синода; въ 1856 году 26 августа, при коронаціи въ Бозѣ почившаго Государя Александра Николаевича, по непосредственному соизволенію Его, возведенъ въ санъ митрополита; въ 1858 году 1 марта назначенъ митрополитомъ Кіевскимъ, въ 1860 году 1 іюля Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ и 11 августа прибылъ въ С.-Петербургъ. Съ этого времени академія въ продолженіи болѣе четверти вѣка находится подъ его просвѣщеннымъ архипастырскимъ руководствомъ.

Не считая себя въ правѣ входить здѣсь въ исчисленіе многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ и подвиговъ высокопреосвященнаго митрополита Исидора, со времени назначенія его на постъ первенствующаго іерарха отечественной церкви, мы, въ предѣлахъ нашей исторіи, укажемъ только на одинъ весьма важный трудъ его, въ которомъ довелось и академіи принять близкое участіе, именно на переложеніе книгъ Священнаго Писанія на русскій языкъ. Высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ принялъ самое дѣятельное участіе въ этомъ трудѣ съ самаго назначенія своего на каѳедру С.-Петербургской митрополіи и руководя этимъ дѣломъ въ продолженіи болѣе пятнадцати лѣтъ, при непрерывномъ непосредственномъ участіи въ самомъ переводѣ, довелъ его до вожделѣннаго конца. До времени вступленія его въ этотъ подвигъ было переведено и въ 1860 году напечатано только Четвероевангеліе.

демической конференціи, іеромонахъ Исидоръ, съ четырьмя другими духовными лицами изъ того же курса, утвержденъ въ степени магистра чрезъ годъ по окончаніи курса, именно въ 1826 г. 23-го октября, не въ примѣръ товарищамъ.

Затѣмъ съ этого года до 1877 года изданы въ русскомъ переводѣ всѣ прочія книги Новаго Завѣта и весь Ветхій Завѣтъ.

Послѣ преобразованія академіи въ 1869 году, начались въ ней частыя торжественныя собранія по случаю публичнаго защищенія докторскихъ и магистерскихъ диссертацій. Высокопреосвященный митрополитъ постоянно удостоивалъ эти собранія своимъ присутствіемъ, не рѣдко принимая участіе въ диспутахъ и всегда оживляя ученыя собранія своимъ вниманіемъ. Точно также высокопреосвященный митрополитъ всегда присутствовалъ на торжественныхъ собраніяхъ академіи во дни ея годоваго праздника, 17 февраля.

Въ 1875 году 5 сентября исполнилось 50 лѣтъ служенія высокопреосвященнаго Исидора въ священномъ санѣ. Среди сонма іерарховъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи для привѣтствія досточтимаго юбиляра, академія привѣтствовала его адресомъ, въ которомъ выразила: „Подъ вашимъ покровительствомъ мы начали нашу новую, открытую предъ лицемъ всего русскаго общества, ученую жизнь; подъ вашимъ предсѣдательствомъ мы въ первый разъ выступили публично съ результатами нашихъ ученыхъ изслѣдованій православной истины. Нашъ успѣхъ въ этомъ новомъ дѣлѣ зависѣлъ не только отъ ученаго достоинства нашихъ трудовъ, но и отъ вашего святительскаго свидѣтельства чистоты нашихъ стремленій. Ваше высокопреосвященство всегда давали намъ это свидѣтельство и оно могущественно содѣйствуетъ распространенію въ обществѣ присущаго всегда намъ убѣжденія, что въ нашей ученой средѣ нѣтъ дѣйствительнаго разногласія между вѣрой и наукой, между церковнымъ авторитетомъ и свободными научными изслѣдованіями. Вы дали намъ возможность распространять это убѣжденіе и печатнымъ нашимъ академическимъ словомъ, болѣе прежняго оживленнымъ и приспособленнымъ къ современнымъ духовнымъ потребностямъ общества“ [1]).

---

[1]) Описаніе торжества 5-го сентября 1875 г. и всѣ принесенныя высокопр. м. Исидору привѣтствія напечатаны въ Христіанскомъ чтеніи (1875 г. ч. II стр. 489—556) и въ особо изданномъ редакціею Церковнаго вѣстника „Сборникѣ“ по случаю этого торжества. Спб. 1875, I—LXVIII, 1—428). Въ Сборникѣ

Въ 1884 году 11 ноября совершилось пятидесятилѣтіе служенія высокопреосвященнаго митрополита Исидора въ санѣ епископа. С.-Петербургская академія выразила свой „Сердечный привѣтъ“ юбиляру изданіемъ „Сборника статей въ память этого событія“. Сборникъ начинается адресомъ, въ которомъ академія выразила чувства глубочайшаго уваженія къ высокимъ душевнымъ качествамъ юбиляра.

„Мятутся человѣческія общества, въ томъ числѣ и наше, въ страстныхъ и бурныхъ поискахъ высшаго блага на землѣ, и вмѣсто блага быстро разливается въ жизни зло и омрачаетъ лица даже самыхъ благодушныхъ людей.

Въ такія времена Господь посылаетъ вѣрному народу людей яснаго разумѣнія дѣлъ и спокойной вѣры въ будущее. Господь далъ вамъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, эти дары и ими украшена ваша жизнь на всѣхъ ступеняхъ вашего архипастырскаго служенія церкви.

Спокойно стояли вы среди бурныхъ волненій въ послѣднія времена западнорусской уніи и ясно предвидѣли подготовлявшееся и затѣмъ совершившееся на вашихъ глазахъ при вашемъ содѣйствіи великое торжество православія—возсоединеніе западнорусскихъ уніатовъ.

И шумныя, но воспріимчивыя къ добру, чада величественнаго Кавказа оцѣнили эти ваши качества, и донынѣ

кромѣ того помѣщены статьи: „О книгахъ новозавѣтныхъ неканоническихъ, употреблявшихся въ христіанской церкви II и III вѣка“. *Свящ. В. Рождественскаго.*—„Ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣка, какъ его Освятителѣ, какъ Судіи и Мздовоздаятелѣ, въ устахъ Іисуса Христа и Его апостоловъ“. *А. Лебедева.*—„Ассирійскія раскопки англичанина Смита“.—„О лицѣ Іисуса Христа“,—мысли покойнаго *преосв. Іоанна,* епископа Смоленскаго, бывшаго ректора Спб. академіи.—„Невѣріе и соціализмъ“. *Н. П. Рождественскаго.*—„Өеократическое и экономическое состояніе ветхозавѣтнаго левитства и священства по законамъ пятокнижія“. *Ө. Г. Элеонскаго.*— „Италійскій переводъ.—Очеркъ новѣйшей западной противомусульманской литературы.—Епархіи всероссійской церкви въ порядкѣ ихъ учрежденія“. *Н. Давыдова.*—„Западноевропейскія гильдіи и русскія братства“. *Н. А. Скабаллановича.* — „Первый вселенскій соборъ.—Шаги науки къ сближенію съ вѣрою.—Партія Святоюрцевъ въ Галичинѣ.—Постановленія второзаконія о царской власти и пророчествѣ и время ихъ происхожденія“. *Ө. Г. Елеонскаго.*—„Послѣдняя пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти“. *Д. А. Хвольсона.*

сердечно откликаются на всѣ важнѣйшія событія вашей жизни.

И убѣленный историческими сѣдинами нашъ древній Кіевъ ощущалъ въ себѣ при васъ и собиралъ свои мощныя силы для русскаго и православнаго стоянія противъ поднимавшейся тогда латинопольской крамолы.

И на низменныхъ и малоплодныхъ Петербургскихъ равнинахъ, при самыхъ вредныхъ стихійныхъ вліяніяхъ, возрасли богатые плоды этихъ вашихъ качествъ, и нынѣ вы ихъ явственно видите, какъ-бы счастливый сѣятель, обозрѣвающій осенью плоды, собранные съ богатой нивы.

Мы—люди духовной науки, самымъ своимъ служеніемъ призываемые къ спокойствію и самообладанію, но не разъ тревожимые и обычными въ человѣческой жизни и необычными перемѣнами, учились и учимся у васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, этимъ, рѣдкимъ нынѣ, добродѣтелямъ, и подъ вашимъ покровительствомъ могли и можемъ спокойно, вдали отъ страстныхъ треволненій нынѣшнихъ временъ, трудиться въ области духовной науки и по мѣрѣ нашихъ силъ уразумѣвать и разъяснять тайну высшей христіанской мудрости нашихъ вселенскихъ учителей—единеніе знанія и благочестія“ [1]).

Переходимъ къ изложенію событій въ жизни академіи, послѣ поступленія ея подъ ближайшее попеченіе высокопреосвященнаго митрополита Исидора.

---

[1]) Затѣмъ въ „Сборникѣ“ помѣщены слѣдующія статьи: Высокопреосв. м. Исидоръ въ дѣлахъ благотворительности. *И. Преображенскаго.*—Іеромонахъ Исидоръ, баккалавръ и библіотекарь С.-Петербургской академіи. Проф. *И. Е. Троицкаго.*—Изъясненіе одного евангельскаго текста, Лук. XVI, 9, соч. высокопреосвященнаго м. Исидора, въ бытность баккалавромъ академіи.—Списокъ рукописей, пожертвованныхъ высокопреосвященнымъ въ академическую библіотеку въ 1878 г.—Изъ церковной исторіи Египта. *В. Болотова.*—Такъ-называемые славянофилы. *М. О. Кояловича.*—Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ. Прот. *П. Николаевскаго.*—Къ исторіи раскола въ Остзейскомъ краѣ. *И. Ѳ. Нильскаго.*—Когда пророчествовалъ Авдія. *И. Якимова.*—Психологическія и историческія условія сохраненія священнаго преданія у древнихъ евреевъ. Прив. доцента *И. Троицкаго.*—Происхожденіе юбилея. *Ѳ. Г. Елеонскаго.*

Преосвященный Нектарій пробылъ на должности ректора только одинъ годъ. Въ 1860 году 22 сентября онъ перемѣщенъ былъ на Нижегородскую епархіальную каѳедру. Въ 1866 году онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ и былъ предсѣдателемъ комитетовъ сперва по преобразованію духовныхъ семинарій и училищъ, потомъ духовныхъ академій. Скончался архіепископомъ Харьковскимъ 7 сентября 1876 года.

Ректоръ преосвященный Іоанникій.—Ректоромъ въ С.-Петербургскую академію переведенъ 5 октября 1860 года ректоръ Кіевской академіи, архимандритъ *Іоанникій Рудневъ.*—Архимандритъ Іоанникій (нынѣ высокопреосвященный митрополитъ Московскій) окончилъ курсъ въ Кіевской академіи въ 1849 году и оставленъ при академіи баккалавромъ; въ 1856 году 9 іюля опредѣленъ инспекторомъ академіи съ предоставленіемъ ему званія экстраординарнаго профессора; въ 1858 году ректоромъ Кіевской семинаріи, въ 1859 году 4 декабря ректоромъ Кіевской академіи. Въ слѣдующемъ послѣ перемѣщенія въ С.-Петербургскую академію—1861 году 12 іюня рукоположенъ въ санъ епископа, съ наименованіемъ Выборгскаго [1]). Преосвященный Іоанникій, какъ и предшественникъ его преосвященный Нектарій, былъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и членомъ комитета, подъ предсѣдательствомъ Херсонскаго архіепископа Димитрія, по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній.

Инспекторъ архимандритъ Владиміръ.—Инспекторъ академіи архимандритъ Павелъ Лебедевъ 23 августа 1861 года переведенъ ректоромъ въ Смоленскую семинарію. На его мѣсто инспекторомъ академіи опредѣленъ 1 ноября инспекторъ Томской семинаріи, магистръ Кіевской академіи 1853 года, іеромонахъ *Владиміръ Петровъ* (нынѣ епископъ Ставропольскій), съ званіемъ экстраординарнаго профессора и съ возведеніемъ въ санъ

[1]) Рѣчь его къ Свят. Синоду при нареченіи въ епископа 9 іюня и рѣчь къ нему высокопр. м. Исидора по рукоположеніи его въ епископа—въ Христ. чтеніи 1861 г. ч. 2.

архимандрита; прибылъ въ академію 12-го мая 1862 года. До назначенія и прибытія его, должность инспектора исправлялъ профессоръ В. И. Долоцкій.

Ректоръ преосвященный Іоаннъ.—Въ 1864 году 13 января ректоръ преосвященный Іоанникій перемѣщенъ на епархіальную каѳедру въ Саратовъ. На мѣсто его, на должность ректора С.-Петербургской академіи, назначенъ былъ ректоръ Казанской академіи, архимандритъ *Іоаннъ Соколовъ*, и въ слѣдующемъ году 17 января посвященъ въ санъ епископа Выборгскаго [1]).

Инспекторъ архимандритъ Хрисанѳъ.—Въ томъ же 1865 году 17 ноября инспекторъ академіи, архимандритъ Владиміръ опредѣленъ начальникомъ и строителемъ учреждаемаго въ Алтайскихъ горахъ Благовѣщенскаго монастыря (на мѣсто отказавшагося отъ сего званія преосвященнаго епископа Іереміи) съ назначеніемъ его начальникомъ Алтайской духовной миссіи. Исправляющимъ должность инспектора академіи назначенъ баккалавръ іеромонахъ *Хрисанѳъ Ретивцевъ.*—Іеромонахъ Хрисанѳъ окончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1856 году и по окончаніи курса опредѣленъ профессоромъ въ Костромскую семинарію; въ 1857 году вступилъ въ монашество; въ слѣдующемъ году 9 сентября переведенъ въ Казанскую академію баккалавромъ основнаго и обличительнаго богословія. Ректоръ С.-Петербургской академіи, преосвященный Іоаннъ, знавшій его въ Казани, вызвалъ его въ здѣшнюю академію на каѳедру нравственнаго богословія. Въ 1866 году 23 марта іеромонахъ Хрисанѳъ возведенъ въ санъ архимандрита, 5 октября утвержденъ инспекторомъ академіи.

Назначеніе оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода графа Д. А. Толстаго.—Въ іюлѣ 1865 года на должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода назначенъ былъ сенаторъ, *графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.*

Ректоръ протоіерей І. Л. Янышевъ.—Ректоръ академіи преосвященный Іоаннъ уже имѣлся въ виду для назначенія на епархіальную каѳедру. Озабочиваясь избраніемъ на мѣсто

---

[1]) Рѣчь его къ Св.Синоду при нареченіи въ епископа—въ Христ. чтеніи 1865 г.

его вполнѣ благонадежнаго кандидата и въ виду отличныхъ достоинствъ многихъ лицъ изъ бѣлаго духовенства, Святѣйшій Синодъ поручилъ оберъ-прокурору войти въ сношеніе съ нѣкоторыми наиболѣе выдающимися и извѣстными по своему высокому образованію лицами изъ бѣлаго духовенства [1]). Въ слѣдующемъ 1866 году, 9 ноября, преосвященный Іоаннъ перемѣщенъ былъ на Смоленскую архіерейскую каѳедру [2]), а ректоромъ академіи 27 ноября, послѣ сдѣланныхъ сношеній, опредѣленъ настоятель православной церкви въ Висбаденѣ протоіерей *Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ*.

І. Л. Янышевъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургской академіи въ 1849 году первымъ магистромъ и оставленъ былъ баккалавромъ, но вскорѣ поступилъ священникомъ въ Висбаденъ; въ 1856 году приглашенъ былъ въ С.-Петербургскій университетъ профессоромъ богословія и философіи [3]);

---

[1]) Сношенія сдѣланы были, между прочимъ, съ протоіереемъ Московской Казанской у Калужскихъ воротъ церкви Алексѣемъ Осиповичемъ *Ключаревымъ* (нынѣ высокопреосв. Амвросій, архіепископъ Харьковскій) и протоіереемъ придворной церкви въ Штутгардтѣ І. И. *Базаровымъ*.

[2]) Скончался 17 марта 1869 г.

[3]) О преподавательской дѣятельности І. Л. Янышева въ С.-Петербургскомъ университетѣ дѣлается такой отзывъ въ „Исторической Запискѣ", составленной по порученію совѣта университета профессоромъ Григорьевымъ къ пятидесятилѣтнему его юбилею и напечатанной въ С.-Петербургѣ 1870 г.: „Университету памятны какъ горячая любовь, съ которою приступилъ къ своему дѣлу молодой богословъ, такъ и горячее сочувствіе, встрѣченное имъ въ слушателяхъ. Популярныя произведенія иностранныхъ литературъ съ антихристіанскимъ направленіемъ, проникая въ Россію съ начала прошлаго (1840—1850) десятилѣтія, стали уже болѣе или менѣе затрогивать любознательность университетской молодежи. Профессоръ Янышевъ счелъ обязанностію своею противодѣйствовать злу въ той новой формѣ, въ которой оно являлось, а какъ это было рѣшительно невозможно при строгомъ слѣдованіи утвержденнымъ программамъ, то онъ и открылъ свой курсъ разсмотрѣніемъ тѣхъ вопросовъ богословско-философскаго характера, изслѣдованіе которыхъ составляетъ содержаніе апологетики... Въ изложеніи догматическаго богословія онъ слѣдовалъ, какъ и предшественникъ его (о. Райковскій), руководству архимандрита Антонія. Церковное законовѣденіе для юристовъ читалъ по собственнымъ запискамъ (стран. 132—134). Съ каѳедры богословія (догматическаго и нравственнаго, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія) къ о. Янышеву перешло и преподаваніе логики и психологіи, которое онъ умѣлъ оживить до такой степени, что число слушателей его возростало съ каждымъ днемъ; нѣсколько разъ онъ долженъ былъ переходить изъ

въ 1858 году опять перешелъ на службу за границу, сперва въ Берлинъ, на мѣсто занявшаго послѣ него законоучительскую должность въ университетѣ протоіерея В. Полисадова, потомъ снова въ Висбаденъ. Въ 1864 году І. Л. приглашенъ былъ къ преподаванію закона Божія и русскаго языка Августѣйшей Невѣстѣ Цесаревича, нынѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и въ сентябрѣ 1866 года прибылъ въ С.-Петербургъ. Въ томъ же году въ ноябрѣ опредѣленъ и 6-го декабря вступилъ въ должность ректора.

Привѣтствіе отъ академіи Московскому митрополиту Филарету по случаю 50-лѣтія служенія его въ санѣ епископа.— Въ 1867 году 5 августа академія привѣтствовала Московскаго митрополита Филарета съ пятидесятилѣтіемъ служенія его въ санѣ епископа и поднесла ему, какъ своему бывшему ректору, поздравительный адресъ, который лично представилъ ему ректоръ академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ. Митрополитъ Филаретъ благодарилъ академію за это поздравленіе слѣдующимъ письмомъ на имя ректора. „Ваше Высокопреподобіе! Принявъ въ лицѣ вашемъ посѣщеніе С.-Петербургской духовной академіи, вами руководствуемой, тогда-же благодарилъ я васъ лично и чрезъ васъ академію. Но мое чувство благодарности симъ не удовлетворено и требуетъ еще слова. Доброжелательное воспоминаніе академіи о моемъ пятидесятилѣтіи тѣмъ ближе къ моему сердцу, что я и послѣ долгаго времени остаюсь привязаннымъ къ ней воспоминаніемъ и трудностей и благодѣяній Божіихъ.

Академія одобрительно отзывается о первыхъ двухъ учебныхъ курсахъ ея подъ моимъ руководствомъ. Не знаю, должна-ли мнѣ принадлежать какая доля сего одобренія; но справедливость требуетъ не отнять значительной доли онаго у тогдашнихъ моихъ слушателей, особенно перваго курса.

одной аудиторіи въ другую болѣе обширную; наконецъ сталъ читать въ актовомъ университетскомъ залѣ, но и тотъ иногда едва вмѣщалъ всѣхъ, стремившихся насладиться его увлекательною рѣчью (стр. 138). Усиленная преподавательская дѣятельность скоро разстроила слабое здоровье отца Янышева и онъ, черезъ два года по вступленіи въ университетъ, долженъ былъ оставить его, къ общему сожалѣнію“ (134).

При двухъ ректорахъ, предшествовавшихъ мнѣ, академія, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, имѣла разрозненное направленіе. Случай борьбы между каѳедрами богословія и словесности сдѣлался причиною того, что студенты слишкомъ мало занимались сочиненіями. Были студенты, почти оставившіе занятіе богословскими науками, потому что академикъ преподаватель возбудилъ въ нихъ сильную страсть къ математическимъ наукамъ. Я пришелъ безъ достаточнаго приготовленія къ тому, что мнѣ предлежало. Мнѣ должно было преподавать то, что не было мнѣ преподано. Наши тогдашнія библіотеки не скудны были старыми книгами, но не доставляли свѣдѣній о движеніи науки въ ближайшее время. При всемъ томъ, когда студентамъ изъяснено было, что нужно единство и усиленіе направленія, соотвѣтственнаго ихъ назначенію и достоинству академіи, сіе напоминаніе оказалось сѣменемъ, брошеннымъ на добрую землю; посильные успѣхи мои принимаемы были со вниманіемъ, занятія студентовъ усилились, и наконецъ и изъ страстныхъ любителей математики вышли достойные магистры богословія.

Поднялъ я часть завѣсы, упавшей на прошедшее, чтобы нынѣшніе члены академіи, посмотрѣвъ туда, возблагодарили Бога и начальство, усмотрѣвъ, какія имѣютъ они, преимущественныя предъ прежнимъ временемъ, удобства и основательно преподавать ученіе и успѣшно пользоваться преподаваніемъ.

Молю Бога, чтобы академія всегда процвѣтала истиною и знаніемъ и въ обиліи приносила плоды православной церкви благопотребные и вождѣленные.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій“.

Въ ноябрѣ того же года получено было извѣстіе о кончинѣ знаменитаго архипастыря 19 числа и 22 совершена была въ академіи заупокойная литургія и панихида, съ увольненіемъ учащихся въ тотъ день отъ классовъ.

Привѣтствіе С.-Петербургскому университету по случаю 50-лѣтія со времени учрежденія его.—Въ 1869 году

8 февраля академія привѣтствовала поздравительнымъ адресомъ С.-Петербургскій университетъ съ пятидесятилѣтіемъ со времени его учрежденія въ 1819 году. Депутатами отъ академіи на юбилейный праздникъ университета назначены были ректоръ академіи протоіерей І. А. Янышевъ и ординарный профессоръ И. Чистовичъ.

Инспекторъ профессоръ Лучицкій.—Въ этомъ же году, передъ самымъ преобразованіемъ академіи, инспекторъ архимандритъ Хрисанѳъ Ретивцевъ утвержденъ былъ, согласно избранію педагогическимъ собраніемъ, въ должности ректора С.-Петербургской семинаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду новаго, хотя въ то время еще не утвержденнаго, устава духовныхъ академій, по которому на должность инспектора академіи предположено было избирать какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ изъ профессоровъ академіи, на должность инспектора *избранъ былъ* ординарный профессоръ академіи *Кириллъ Ивановичъ Лучицкій*.

II. Учебная часть.

1. Общія распоряженія.

Раздѣленіе преподаванія церковной исторіи между двумя наставниками.—Въ 1857 году академическое правленіе ходатайствовало объ усиленіи преподаванія церковной исторіи въ академіи, предполагая раздѣлить преподаваніе ея между двумя наставниками, съ тѣмъ, чтобы одному поручить преподаваніе церковной исторіи древней до раздѣленія церквей, другому новой—послѣ раздѣленія церквей. Святѣйшій Синодъ утвердилъ это предположеніе 4 октября 1857 года.

Учрежденіе особой каѳедры ученія о русскомъ расколѣ.—По представленію Казанскаго архіепископа Григорія и опредѣленію Святѣйшаго Синода въ 1853 году, въ семинаріяхъ введено было съ начала 1853—4 учебнаго года ученіе о русскомъ расколѣ. Въ этомъ ученіи положено было преподавать а) исторію русскаго раскола; б) современную статистику

русскаго раскола; в) обозрѣніе сочиненій, написанныхъ какъ раскольниками, такъ и противъ нихъ; г) положительное опроверженіе раскольническаго ученія и д) практическое наставленіе миссіонерамъ для ихъ будущаго служенія. Особыхъ наставниковъ для этого предмета въ семинаріяхъ не полагалось. Трудъ этотъ распредѣлялся между двумя или тремя наличными наставниками безъ назначенія имъ за это какого либо особаго вознагражденія. Для чтенія лекцій назначалось по одному уроку въ недѣлю въ теченіи двухъ лѣтъ и лекціи этого класса обязаны были посѣщать только ученики высшаго отдѣленія.—Въ Спб. академіи также не было особаго преподавателя этого предмета до 1853 года, и ученіе о расколѣ преподавалось въ обличительномъ богословіи. Въ 1853 году учреждено было при академіи *миссіонерское отдѣленіе* для приготовленія воспитанниковъ на дѣло съ раскольниками и вышеозначенныя части ученія о расколѣ раздѣлены были между тремя наставниками—ректоромъ преосвященнымъ Макаріемъ, профессоромъ нравственнаго и пастырскаго богословія архимандритомъ Кирилломъ Наумовымъ и баккалавромъ обличительнаго богословія іеромонахомъ Никаноромъ Бровковичемъ (нынѣ высокопреосвященный архіепископъ Херсонскій). Послѣ того, съ 1855—6 учебнаго года ученіе о расколѣ, въ полномъ его составѣ, вошло въ кругъ общаго академическаго преподаванія, а въ 1857 году, согласно желанію митрополита Григорія, чтобы, для лучшаго успѣха, преподаваніе ученія о расколѣ въ академіи возложено было на особаго наставника, по опредѣленію Святѣйшаго Синода 11 сентября, открыта въ академіи новая каѳедра ученія о русскомъ расколѣ и назначенъ особый преподаватель этого предмета.

Раздѣленіе предметовъ низшаго отдѣленія академіи на двѣ группы.—До 1861 года всѣ предметы академическаго курса, въ томъ числѣ древніе и новые языки, были обязательными для всѣхъ студентовъ. Вслѣдствіе этого ни воспитанники не могли одинаково успѣвать по всѣмъ предметамъ академическаго образованія, ни наставники не могли имѣть потребнаго числа часовъ для болѣе полнаго преподаванія пред-

метовъ и языковъ. По этому конференція С.-Петербургской академіи, признавая необходимымъ обязательное изученіе для всѣхъ студентовъ полнаго курса богословскихъ наукъ. философіи, словесности и древнихъ языковъ, ходатайствовала о раздѣленіи съ 1861—2 учебнаго года предметовъ низшаго отдѣленія академіи на два класса, съ отнесеніемъ къ первому физики, математики, латинскаго языка и одного изъ новыхъ языковъ, ко второму—общей исторіи, историческихъ древностей, латинскаго и одного изъ новыхъ языковъ, и съ предоставленіемъ студентамъ изучать ту или другую группу по ихъ собственному выбору.—Святѣйшій Синодъ утвердилъ это представленіе 29-го сентября.

Объ обязательномъ изученіи всѣми студентами французскаго и нѣмецкаго языковъ.—Въ 1865 году 16 сентября ректоръ преосвященный Іоаннъ внесъ въ академическое правленіе предложеніе, въ которомъ изъяснилъ, что изученіе новѣйшихъ языковъ въ академіи доселѣ предоставлялось произвольному выбору студентовъ, такъ что одни изъ нихъ изучали нѣмецкій языкъ, а другіе французскій [1]); такой порядокъ преосвященный ректоръ находилъ несоотвѣтствующимъ ученому назначенію академіи, въ которой обширное изученіе богословскихъ и философскихъ наукъ требуетъ знанія обоихъ языковъ для ближайшаго знакомства съ иностранною богословскою и философскою литературою. Кромѣ того студенты, обязанные при окончаніи курса писать особыя сочиненія для ученыхъ степеней, не зная обоихъ языковъ очень часто встрѣчаютъ затрудненія въ пользованіи необходимыми для нихъ учеными пособіями. Для облегченія же студентовъ и избѣжанія какихъ либо замѣшательствъ въ существующемъ распорядкѣ классовъ, предполагалось отмѣнить въ низшемъ отдѣленіи преподаваніе еврейскаго языка, какъ не имѣющее связи съ прочими пред-

[1]) Въ 50-хъ годахъ изученіе обоихъ новыхъ языковъ было обязательно для всѣхъ студентовъ и только изученіе англійскаго языка предоставлялось собственному желанію студентовъ. Когда и съ чьего разрѣшенія послѣдовало предоставленіе студентамъ таковаго выбора для изученія одного изъ новыхъ языковъ французскаго или нѣмецкаго—свѣдѣній не имѣемъ.

метами, преподаваемыми въ этомъ отдѣленіи, оставивъ этотъ классъ только въ высшемъ отдѣленіи. Согласно этому предложенію правленіе постановило: изученіе языковъ нѣмецкаго и французскаго сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ студентовъ, отмѣнивъ преподаваніе еврейскаго языка въ низшемъ отдѣленіи. Предположеніе это утверждено было преосвященнымъ митрополитомъ.

Распредѣленіе преподаванія философскихъ наукъ.—Въ 1865 году 16 сентября ректоръ академіи, преосвященный Іоаннъ, въ предложеніи правленію указавъ на то, что исторія философіи преподается двумя наставниками, изъ которыхъ одинъ читаетъ ее до Канта, другой отъ Канта до послѣдняго времени, изъяснилъ, что такое раздѣленіе нарушаетъ цѣльность науки, препятствуетъ единству взгляда на предметъ, необходимому въ изученіи его; и такъ какъ одинъ изъ профессоровъ, И. Чистовичъ, преподаетъ только исторію философіи, а другой, В. Карповъ, кромѣ исторіи преподаетъ и самую философію, то время преподаванія, слишкомъ достаточное для одного, Чистовича, очень недостаточно для другаго, Карпова. По этимъ соображеніямъ онъ признавалъ за лучшее и необходимое предоставить преподаваніе исторіи философіи одному наставнику, именно профессору Чистовичу, а другому—Карпову оставить философію, съ тѣмъ, чтобы первый преподавалъ исторію сокращенно до Канта и подробнѣе и обстоятельнѣе послѣ Канта, а послѣдній, сокративъ изложеніе логики, особенно первой ея части, которая достаточно уже изучается въ семинаріяхъ, усилилъ вторую часть ея практическую и развилъ по возможности болѣе психологію въ ея составныхъ частяхъ, потому что въ настоящемъ преподаваніи логики и психологіи замѣтно излишнее разширеніе первой и неполнота послѣдней. Предложеніе это утверждено преосвященнымъ митрополитомъ.

Возстановленіе отмѣненныхъ репетицій предъ экзаменами.—17 февраля 1865 года преосвященный ректоръ въ предложенной правленію запискѣ изъяснилъ, что по его наблюденіямъ на экзаменахъ въ академіи оказывается, что отмѣна

прежде бывшихъ предъ экзаменами повтореній всего преподаннаго студентамъ не только не принесла пользы, но и сдѣлала замѣтный вредъ въ томъ отношеніи, что съ одной стороны лишила наставниковъ возможности ближе знать и оцѣнивать способности и познанія студентовъ, съ другой—производитъ въ студентахъ недостатокъ точныхъ и ясныхъ понятій по многимъ предметамъ. По этому онъ считаетъ нужнымъ возобновить повтореніе лекцій, въ особенности предъ окончательными экзаменами, предоставляя время, пространство и методъ повтореній, усмотрѣнію самихъ наставниковъ. Предложеніе это также было утверждено.

Объ усиленіи занятій студентовъ сочиненіями.—Въ слѣдующемъ 1866 году, января 28, преосвященный Іоаннъ, составивъ на основаніи § 190 академическаго устава разрядный списокъ студентовъ академіи послѣ декабрскихъ экзаменовъ, предложилъ его на усмотрѣніе правленія и при этомъ изъяснилъ, что по однимъ устнымъ отвѣтамъ студентовъ на экзаменахъ или повторенію лекцій, какъ подверженныхъ разнымъ случайностямъ и не вполнѣ могущимъ обнаружить степень умственнаго развитія и ученыхъ познаній студентовъ, нельзя въ точности оцѣнивать успѣхи ихъ въ наукахъ. Въ этомъ отношеніи болѣе твердое основаніе и вѣрное средство къ оцѣнкѣ ихъ успѣховъ представляютъ сочиненія. Между тѣмъ сочиненія въ настоящее время подаются студентами не довольно исправно, да и поданныя, по личному его замѣчанію, не отличаются ни обдуманностію въ мысляхъ, ни достоинствами изложенія. По этому онъ находилъ нужнымъ: 1) требовать настоятельно отъ студентовъ, чтобы они со всѣмъ должнымъ вниманіемъ занимались сочиненіями и своевременно подавали ихъ наставникамъ; 2) положить правиломъ при составленіи разрядныхъ списковъ послѣ экзаменовъ, чтобы студенты, не подавшіе одно изъ двухъ сочиненій, положенныхъ по каждому предмету въ годъ, теряли 1½ балла въ оцѣнкѣ по тому предмету, по которому не подано сочиненіе, а не подавшіе ни одного лишались 3 балловъ; 3) сообщить наставникамъ, чтобы они въ спискахъ, подаваемыхъ ректору,

прежде или послѣ экзаменовъ, непремѣнно отмѣчали о каждомъ студентѣ, подано ли имъ сочиненіе или нѣтъ, и если подано, то показывали бы баллъ его независимо отъ балла по устнымъ отвѣтамъ студента, предоставляя выводъ общаго балла конференціи или ректору, такъ какъ замѣчается, что способъ вывода общаго балла у самихъ наставниковъ бываетъ не единообразенъ, а смѣшеніе балловъ устныхъ съ письменными приводитъ къ невѣрнымъ заключеніямъ о студентахъ.

О соединеніи преподаванія введенія въ богословіе съ догматическимъ богословіемъ и объ отмѣнѣ преподаванія гомилетики.—31 августа 1866 года преосвященный Іоаннъ предложилъ правленію академіи: „Покойный профессоръ академіи Ѳ. Надеждинъ преподавалъ введеніе въ богословіе въ младшемъ курсѣ и гомилетику въ старшемъ. Принимая во вниманіе, что 1) введеніе въ богословіе въ видѣ особой науки составлено и внесено въ академическій курсъ только въ недавнее время, безъ особенныхъ уважительныхъ причинъ, и только по тому исключительному обстоятельству, что напечатана въ этомъ видѣ особая книга, и притомъ не по особому какому либо распоряженію высшаго начальства, а по личной инціативѣ самого автора книги; что 2) и въ научномъ отношеніи не представляется никакихъ важныхъ основаній и побужденій къ тому, чтобы изъ предварительныхъ понятій, относящихся къ богословію, составлять отдѣльную науку, такъ какъ и составъ ея не имѣетъ ничего самостоятельнаго и цѣли въ ней не видится непосредственной, въ ней самой заключающейся, внѣ связи съ догматическимъ богословіемъ, и нѣтъ причины, почему бы трактаты о религіи, откровеніи божественномъ, о церкви, не могли входить прямо въ полный составъ догматики, тогда какъ характеръ этихъ трактатовъ чисто догматическій; 3) преподаваемое въ младшемъ курсѣ, это „введеніе“ не имѣетъ никакой связи съ прочими науками этого курса и стоя одиноко, въ видѣ какого-то отрывка отъ богословія, не только не привлекаетъ къ себѣ надлежащаго вниманія студентовъ, но среди другихъ наукъ, собственно философскихъ,

главныхъ на младшемъ курсѣ, теряетъ еще свою важность, преосвященный ректоръ находилъ болѣе правильнымъ въ системѣ наукъ и болѣе полезнымъ перенесть введеніе въ богословіе на старшій курсъ и присоединить къ догматическому богословію, что сдѣлать тѣмъ болѣе удобно, что это богословіе теперь имѣетъ двухъ преподавателей и желательно, чтобы такъ было и впредь по обширности и преимущественной важности догматики. Что касается гомилетики (съ которой соединено было преподаваніе введенія въ богословіе), то скудость содержанія и практическая несостоятельность этой науки давно уже признана: изъ ея состава часть матеріальная т. е. содержаніе церковныхъ поученій очень можетъ быть отнесена къ нравственному и пастырскому богословію, а формальная т. е. способъ изложенія этихъ поученій—къ словесности, въ которой достаточно помѣстить только одинъ особый отдѣлъ о церковномъ краснорѣчіи. Поэтому онъ полагалъ преподаваніе гомилетики въ академіи отмѣнить, по крайней мѣрѣ въ видѣ опыта, впредь до усмотрѣнія.—Но предположеніе это имѣло только то послѣдствіе, что каѳедра гомилетики осталась не замѣщенной до 1869 года— до введенія новаго устава академій.

Введеніе въ академическій курсъ педагогики.—При разсмотрѣніи въ 1865 году въ Высочайше учрежденномъ присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства мѣръ, которыя могли бы содѣйствовать къ благоустройству церковно-приходскихъ школъ и къ усиленію благотворнаго вліянія духовенства вообще на народное образованіе, между прочимъ обращено было вниманіе на сдѣланное нѣкоторыми епархіальными начальствами заявленіе о необходимости для духовенства, въ виду означенныхъ цѣлей, изученія правилъ педагогики. Находя, что священно и церковнослужителямъ, совершенно незнакомымъ съ педагогическими пріемами, обученіе дѣтей представляется предметомъ болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и потому отнимаетъ у нихъ много лишняго времени и трудовъ, и что съ другой стороны преподаваніе ихъ не можетъ имѣть той стройности и успѣшности, какая была бы возможна при примѣненіи новѣйшихъ методовъ ученія, изъ

числа коихъ надлежитъ конечно отдавать преимущество тѣмъ, которые представляются легчайшими при обученіи крестьянскихъ дѣтей какъ для преподавателей, такъ и для обучающихся, присутствіе признало полезнымъ, чтобы само духовенство изучало предварительно такіе методы подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, что всего удобнѣе можетъ быть сдѣлано чрезъ введеніе преподаванія педагогики, преимущественно же существенной ея части т. е. дидактики, въ составъ семинарскаго курса, въ замѣнъ нѣкоторыхъ предметовъ, каковы медицина, сельское хозяйство и естественная исторія, которыя по недостатку времени преподаются въ семинаріяхъ въ весьма краткомъ объемѣ и, какъ показалъ свыше 20 лѣтній опытъ, не приносятъ существенной пользы для семинаристовъ. Поэтому присутствіе положило: отмѣнить преподаваніе въ семинаріяхъ медицины, сельскаго хозяйства и естественной исторіи и въ замѣнъ оныхъ ввести въ семинарскій курсъ педагогику, какъ предметъ болѣе необходимый для будущихъ пастырей и учителей народа; для преподаванія сего предмета назначить особаго наставника, которому предоставить, по распоряженію Святѣйшаго Синода, соотвѣтственное содержаніе на счетъ суммъ отъ упраздняемыхъ каѳедръ; а дабы не ограничиваться одною теоріею, въ настоящемъ случаѣ недостаточною для практическихъ цѣлей, учредить при семинаріяхъ *воскресныя школы,* гдѣ воспитанники семинаріи, подъ руководствомъ преподавателя педагогики и подъ наблюденіемъ ректора, могли бы заниматься обученіемъ приходящихъ дѣтей. Мнѣніе это удостоилось Высочайшаго утвержденія 27 февраля 1866 года.

Въ мартѣ того же года конференціямъ духовныхъ академій предложено было: 1) озаботиться составленіемъ подробной программы для преподаванія въ семинаріяхъ педагогики на вышеизложенныхъ началахъ; 2) указать сочиненія какъ на отечественномъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, которыя могли бы служить пособіемъ для наставниковъ при изложеніи означенной науки, а также и руководствомъ для воспитанниковъ; наконецъ 3) войти въ соображеніе относи-

тельно введенія преподаванія педагогики въ самыхъ академіяхъ, такъ какъ безъ этого нельзя имѣть хорошихъ наставниковъ по сему предмету для семинарій.

Конференція С.-Петербургской академіи поручила составленіе программы педагогики для академіи профессору Осинину, составленіе программы для семинарій ему же и правленію Смоленской семинаріи, а разсмотрѣніе этихъ программъ—профессору В. Н. Карпову. По поводу академической и семинарской программъ И. Т. Осинина, профессоръ Карповъ писалъ, что „составить программы педагогики для двухъ училищъ, изъ коихъ одно стоитъ на средней, а другое на высшей степени учебныхъ заведеній, которыя имѣютъ спеціальное назначеніе и въ которыхъ донынѣ педагогика не преподавалась, дѣло чрезвычайно трудное, даже безъ предварительныхъ педагогическихъ опытовъ почти не выполнимое. Поэтому не удивительно, что составитель программы затруднялся, какое дать содержаніе педагогикѣ, предназначаемой для академіи и какое должна она имѣть въ семинаріи, чтобы курсы этой науки въ двухъ разностепенныхъ училищахъ занимались рѣшеніемъ не однихъ и тѣхъ же вопросовъ, или чтобы рѣшеніе ихъ производилось, по степени взгляда, по крайней мѣрѣ не съ одной и той же точки зрѣнія. Ему не удалось преодолѣть это затрудненіе—отличить академическій курсъ такимъ содержаніемъ, которое въ педагогикѣ существенно необходимо, и сообщило бы этой наукѣ въ академіи дѣйствительно высшій характеръ“. „Какъ не пожалѣть, напримѣръ,—писалъ профессоръ Карповъ,—что упущена изъ виду исторія воспитанія у древнихъ грековъ и римлянъ, а потомъ по сравненію съ нимъ—исторія воспитанія дѣтей у первыхъ христіанъ и въ разные періоды Христіанства; какимъ образомъ по возрожденіи наукъ и послѣ Лютеровой реформы оно по мѣстамъ снова сближалось съ правилами воспитанія языческаго. Это одинъ—историческій элементъ педагогики въ академіи. Столь же важнымъ и еще болѣе интереснымъ представляется другой—теоретическій. Почему бы, напримѣръ, для академическаго курса не изложить такъ называемой науки благоразумія или ученія о

*

той практической мудрости, которую каждый изъ насъ въ большей или меньшей мѣрѣ пріобрѣтаетъ не иначе, какъ долговременнымъ опытомъ, да и то, не руководствуясь предварительно изученными правилами, часто ошибается? Этотъ пробѣлъ въ энциклопедіи наукъ невольно бросается въ глаза и заставляетъ ожидать его восполненія именно отъ педагогики, которая для сей части своего ученія нашла бы самыя назидательныя пособія въ Экклезіастѣ, въ Притчахъ, въ Добротолюбіи и во многихъ отеческихъ наставленіяхъ" [1]).

Святѣйшій Синодъ по разсмотрѣніи мнѣній академическихъ конференцій, имѣя въ виду, что преподаваніе педагогики необходимо не только для приготовленія наставниковъ по этому предмету въ семинаріяхъ, но и вообще для распространенія между учащимъ сословіемъ здравыхъ понятій о лежащихъ на немъ обязанностяхъ въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго образованія юношества, опредѣленіемъ 11 февраля 1867 года постановилъ: 1) согласно съ мнѣніемъ большинства духовныхъ академій открыть въ нихъ для педагогики самостоятельныя каѳедры съ начала будущаго учебнаго года; преподаваніе сей науки въ С.-Петербургской академіи поручить экстраорд. профессору оной Осинину, съ предоставленіемъ ректору академіи, протоіерею Янышеву, согласно изъявленному имъ желанію, открыть нынѣ же для воспитанниковъ старшаго и младшаго курсовъ педагогическія бесѣды; 2) никакой общей программы для чтенія педагогики въ духовныхъ академіяхъ не указывать, чтобы не стѣснить ихъ въ разработкѣ этой новой у насъ науки, а поручить академическимъ конференціямъ, съ истеченіемъ перваго учебнаго курса, представить высшему духовно-училищному начальству подробныя программы читанныхъ въ каждой академіи лекцій по педагогикѣ, а буде можно, и самыя лекціи; 3) штатное жалованье наставникамъ педагогики производить изъ духовно-учебнаго капитала, начавъ ассигновку онаго со времени дѣйствительнаго открытія классовъ педаго-

[1]) Журн. конференціи 23 іюня 1866 г.

гики; распоряженіе же относительно назначенія упомянутымъ наставникамъ дополнительнаго жалованья предоставить мѣстнымъ начальствамъ.

Предоставленіе академіямъ правъ по выпискѣ изъ за границы книгъ и періодическихъ изданій наравнѣ съ университетами.—Въ 1867 году 22 іюня оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода сообщилъ правленіямъ академій, что Государь Императоръ, въ 14 день мая, согласно съ заключеніемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволилъ: предоставленное Императорской Академіи наукъ и Императорскимъ Россійскимъ университетамъ право выписывать изъ за границы книги и періодическія изданія ученаго содержанія безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ иностранною цензурою, распространить и на духовныя академіи православнаго вѣдомства на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ даровано оно вышеупомянутымъ заведеніямъ, т. е. чтобы духовныя академіи всякій разъ предупреждали комитетъ иностранной цензуры, какія книги, сколько числомъ, когда и какими путями выписаны изъ за границы.

2) Перемѣны въ составѣ академическихъ каѳедръ и въ личномъ составѣ преподавателей.

Изъясненіе священнаго писанія.

По этой каѳедрѣ до 1869 года былъ одинъ наставникъ, который читалъ лекціи одновременно студентамъ обоихъ курсовъ—два года изъясненіе Ветхаго Завѣта и другіе два года изъясненіе Новаго Завѣта. На эти лекціи студенты собирались не въ общихъ аудиторіяхъ, въ которыхъ помѣщеніе разсчитано было только для одного курса, а въ залѣ.

Изъясненіе священнаго писанія преподавалъ съ 1847 года магистръ *М. А. Голубевъ,* сперва въ званіи баккалавра, потомъ экстраординарнаго и съ 1857 года ординарнаго профессора. Въ 1861 году онъ издалъ I-й томъ своего ученаго труда: „Обозрѣніе посланій святаго апостола Павла къ Коринѳянамъ“ и кромѣ того напечаталъ много тщательно обра-

ботанныхъ статей въ духовныхъ журналахъ. М. А. Голубевъ скончался 22 августа 1869 года [1]). На надгробномъ памятникѣ его въ Александроневской лаврѣ вырѣзаны слѣдующія слова: „Иже свидѣтельствова слово Божіе“.

Введеніе въ богословіе. (Основное богословіе).

Со времени введенія этого предмета, въ качествѣ самостоятельнаго, въ кругъ богословскихъ наукъ, преподавалъ его ректоръ академіи преосв. *Макарій Булгаковъ*, авторъ „Введеденія въ православное богословіе“. По его предположенію наука эта должна была называться „Энциклопедіей православнаго богословія“ и такое заглавіе далъ онъ своей книгѣ при представленіи ея въ духовную цензуру; но Св. Синодъ наименовалъ ее „Введеніемъ въ православное богословіе“. Предметъ этотъ преподавался въ высшемъ (богословскомъ) отдѣленіи академіи; но съ 1853—4 учебнаго года перечисленъ въ кругъ предметовъ низшаго отдѣленія и преподаваніе его сначала поручено было баккалавру обличительнаго богословія іеромонаху *Никанору Бровковичу*, потомъ баккалавру греческаго языка *И. А. Вознесенскому*. Въ 1857 году Вознесенскій перешелъ съ каѳедры греческаго языка на каѳедру гомилетики, но продолжалъ преподавать введеніе въ богословіе. Послѣ выхода И. А. Вознесенскаго въ 1857 г. въ священники въ Копенгагенъ [2]), на каѳедру „введенія въ богословіе“ и церковнаго краснорѣчія вызванъ былъ баккалавръ Казанской академіи (окончившій курсъ въ С.-Петербургской академіи въ 1855 г.) іеромонахъ *Діодоръ Ильдомскій:* но онъ вскорѣ (въ октябрѣ того же 1857 года) перемѣщенъ былъ на вновь открытую въ академіи каѳедру новой церковной исторіи.

---

[1]) Моисей Александровичъ Голубевъ, орд. проф. Спб. дух. академіи. Некрологъ (біографическія о немъ свѣдѣнія и перечень его ученыхъ трудовъ) въ Христ. чт. 1869 года. ч. II, стр. 535—549.

[2]) Послѣ того, съ 1868 г. былъ законоучителемъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Скончался въ 1881 году.

Преподаваніе введенія въ богословіе и гомилетики поручено было 6 ноября окончившему въ томъ (1857) году курсъ магистру *Алексѣю Ивановичу Парвову.* Въ 1859 году онъ переведенъ на классъ церковнаго законовѣдѣнія, а для преподаванія введенія въ богословіе и гомилетики опредѣленъ былъ, 13 августа, изъ учителей Новгородской семинаріи, *Ѳедоръ Самойловичъ Надеждинъ* (магистръ Кіевской академіи, 1855 г.); въ 1863 году возведенъ былъ въ званіе экстра-орд. профессора, но въ 1866 году скончался.

Въ 1867 году на каѳедру введенія въ богословіе перешелъ профессоръ догматическаго богословія, архимандритъ *Хрисанфъ Ретивцевъ.* Въ 1868 году онъ издалъ сочиненіе: „Характеръ протестантства и его историческое развитіе"; въ 1873—1878 г. г., въ должности уже ректора С.-Петербургской духовной семинаріи, одинъ за другимъ три тома своего капитальнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія религій въ отношеніи къ Христіанству". За этотъ трудъ онъ возведенъ былъ, по представленію совѣта Казанской академіи, въ степень доктора богословія.

Послѣ архимандрита Хрисанѳа на каѳедру введенія въ богословіе перемѣщенъ былъ 31 января 1869 г. баккалавръ Казанской академіи (окончившій курсъ въ С.-Петербургской академіи въ 1865 г.) магистръ *Николай Павловичъ Рождественскій.*

Догматическое богословіе.

Послѣ ректора преосв. Макарія, преподававшаго догматическое богословіе, каѳедра эта поручена была преемнику его по должности ректора, архимандриту *Ѳеофану.* Но въ сентябрѣ 1856 года, по множеству занятій, сопряженныхъ съ званіемъ ректора, онъ просилъ объ увольненіи его отъ должности профессора; вслѣдствіе чего тогда же на эту каѳедру перемѣщенъ былъ баккалавръ церковнаго законовѣдѣнія, іеромонахъ *Валеріанъ Орловъ.* Въ 1858 г. 10 октября іеромонахъ Валеріанъ переведенъ былъ въ Кіевскую академію

исправляющимъ должность инспектора и съ званіемъ экстраординарнаго профессора [1]).

Съ 17 ноября 1858 до ноября 1859 г. догматическое богословіе преподавалъ экстраординарный профессоръ архимандритъ *Епифаній Избитскій*, инспекторъ академіи.

Послѣ него, съ ноября 1859 до 23 августа 1861 г.— экстраординарный профессоръ архимандритъ *Павелъ Лебедевъ*, инспекторъ академіи.—Въ 1859 г. онъ напечаталъ изслѣдованіе „О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви"; въ томъ же году издалъ отдѣльною книжкою „Православный разборъ иноземнаго привѣтствія новому году". Въ Духовной бесѣдѣ напечатана составленная имъ „Біографія Константинопольскаго патріарха Фотія и переписка его съ разными лицами".

Преемникъ архимандрита Өеофана по должности ректора преосвященный Нектарій также не занималъ профессорской каѳедры; но назначенный въ 1860 г. на должность ректора преосвященный *Іоанникій Рудневъ* изъявилъ желаніе быть профессоромъ академіи и 6 января 1861 г. утвержденъ былъ Святѣйшимъ Синодомъ въ званіи ординарнаго профессора и преподавалъ догматическое богословіе.—Назначенный послѣ архимандрита Павла инспекторомъ академіи, архимандритъ *Владиміръ Петровъ*, былъ утвержденъ въ 1862 году 9 іюня экстраординарнымъ профессоромъ по этой же каѳедрѣ.

Преосв. Іоанникій занималъ профессорскую каѳедру до назначенія его въ январѣ 1864 г. на епархіальную Саратовскую каѳедру. Преемникъ его по должности ректора архимандритъ и потомъ епископъ *Іоаннъ Соколовъ* былъ также преемникомъ его и по каѳедрѣ съ званіемъ ординарнаго профессора.

---

[1]) Въ 1859 г. 4 декабря іеромонахъ Валеріанъ уволенъ былъ отъ духовно-учебной службы, съ опредѣленіемъ въ братство Курежскаго монастыря, Харьковской епархіи. Скончался въ Полтавѣ въ 1879 г. Некрологъ его въ Церк. вѣстн. 1880 г. № 3 и Церк. общ. вѣстн. № 6.

Преосвященный Іоаннъ памятенъ былъ въ академіи какъ профессоръ церковнаго законовѣдѣнія, по своимъ высокоученымъ и одушевленнымъ лекціямъ. Послѣ назначенія ректоромъ здѣшней академіи, онъ принялъ на себя преподаваніе догматическаго богословія, но не читалъ полнаго курса, а избиралъ для лекцій тотъ или другой отдѣлъ этой науки и въ оживленной импровизаціи раскрывалъ и изъяснялъ его предъ слушателями. Нѣкоторые студенты записывали эти лекціи и съ этихъ записей нѣкоторыя лекціи впослѣдствіи были напечатаны, именно: „О бесѣдѣ Іисуса Христа съ Никодимомъ“ (въ Церк. вѣстн. 1875 г. № 27), „о Лицѣ Іисуса Христа“ (въ Христ. чт. 1875 г. ч. 2 и 1876 г. ч. I), „о Промыслѣ Божіемъ, о догматахъ вѣры вообще и въ частности о догматѣ Святой Троицы“ (1876 г.). Въ этомъ же журналѣ за 1876 г. доцентъ Н. П. Рождественскій напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Значеніе покойнаго преосв. Іоанна Смоленскаго въ богословской наукѣ по поводу изданія его богословскихъ лекцій“. Чтенія преосв. Іоанна отличались философско-умозрительнымъ характеромъ и глубиною и оригинальностію воззрѣній. Кромѣ того въ Христіанскомъ чтеніи за 1865 и 1866 г. напечатанъ рядъ статей преосв. Іоанна: „О свободѣ совѣсти“.—„О церковномъ законодательствѣ“.—„Церковь и государство“.—„Церковный судъ внѣшній или общественный“.—„Народное покаяніе“.—„Загородное поученіе“.

Въ ноябрѣ 1865 года, послѣ увольненія изъ академіи архимандрита Владиміра, преподаваніе догматическаго богословія поручено было временно баккалавру нравственнаго богословія, іеромонаху *Хрисанѳу Ретивцеву*; но и ректоръ, преосвященный Іоаннъ, продолжалъ чтеніе лекцій по тому же предмету [1]).

---

[1]) По журналу акад. правленія 18 января 1867 года, бывшему ректору преосвященному Іоанну и экстраординарному профессору архимандриту Хрисанѳу за занятіе ими, сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей, класса догматическаго богословія, по случаю выбытія изъ академіи профессора онаго, архимандрита Владиміра, съ 20 ноября 1865 по 5 октября 1866 г., выдано по 187 р. 68 3/4 к. изъ остатковъ отъ штатнаго жалованья наставниковъ за 1866 г.

Въ 1866 году 5 октября, съ утвержденіемъ въ должности инспектора, архимандритъ *Хрисанѳъ* перемѣщенъ былъ на каѳедру догматическаго богословія, которое и преподавалъ по прежнимъ примѣрамъ, совмѣстно съ ректоромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уволенъ былъ отъ преподаванія нравственнаго богословія; но въ 1867 году перешелъ на каѳедру основнаго богословія.

Въ томъ же году на каѳедру догматическаго богословія переведенъ баккалавръ Московской академіи (магистръ 1863 года С.-Петербургской академіи) *Александръ Львовичъ Катанскій*, и началъ одинъ преподавать оное въ полномъ составѣ. Въ 1868 году онъ издалъ сочиненіе: „Исторія попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи“. Въ Православномъ обозрѣніи напечаталъ статью: „Вопросъ о соединеніи церквей, исторія попытокъ къ его рѣшенію и будущая его судьба“ (1865 г.). Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны статьи его, (изданныя также и отдѣльно), по предмету каѳедры, которую онъ занималъ въ Московской академіи: „Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви“ (1868 года) и „Очеркъ исторіи древнихъ національныхъ литургій запада“ (1869—1870 года).

Нравственное и пастырское богословіе.

Послѣ ординарнаго профессора архимандрита *Кирилла Наумова*, нравственное и пастырское богословіе преподавалъ съ 1857 года, съ званіемъ экстраординарнаго профессора, преемникъ его по должности инспектора и по каѳедрѣ, архимандритъ *Викторинъ Любимовъ*.—Въ 1858 году онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Темы для поученій къ простому народу. Пособіе для проповѣдниковъ Слова Божія въ сельскихъ церквахъ“. Въ томъ же году напечаталъ въ Христіанскомъ чтеніи „Практическія наставленія духовнымъ воспитанникамъ“, дополненныя потомъ и изданныя отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Истинный другъ духовнаго юноши“.

Въ 1858 году 20 октября арх. *Викторинъ* перемѣщенъ на должность ректора Костромской семинаріи. Временное преподаваніе нравственнаго и пастырскаго богословія поручено было баккалавру новой церковной исторіи, іеромонаху *Діодору Ильдомскому.*

Въ сентябрѣ 1859 года на каѳедру нравственнаго и пастырскаго богословія вызванъ былъ преподаватель Саратовской семинаріи, магистръ Кіевской академіи 1857 года, іеромонахъ *Аѳанасій Турчиновичъ.* Въ 1863 году возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1865 году 11 января опредѣленъ ректоромъ Минской семинаріи, но вскорѣ, въ маѣ 1867 г. скончался.

На должность баккалавра нравственнаго богословія перемѣщенъ 22 февраля 1865 года профессоръ Тверской семинаріи, іеромонахъ *Тихонъ Кикинъ* (магистръ 1858 года Московской академіи): но пробылъ въ академіи только три мѣсяца: въ маѣ отпущенъ былъ въ Самару и Оренбургъ для пользованія кумысомъ, но на пути, по слабости силъ, остановился въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ и тамъ скончался 5-го іюля.

Въ августѣ того же 1865 года для преподаванія нравственнаго и пастырскаго богословія вызванъ былъ, по предложенію ректора академіи преосвященнаго Іоанна, баккалавръ Казанской академіи, магистръ Московской академіи 1856 года, іеромонахъ *Хрисанѳъ Ретивцевъ.* Въ концѣ 1865 года поручено было ему временно преподаваніе догматическаго богословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ преподавать и нравственное богословіе; въ октябрѣ 1866 года перемѣщенъ на каѳедру догматическаго богословія.

На мѣсто его, въ тоже время, по предложенію ректора академіи преосвященнаго Іоанна и представленію академическаго правленія, опредѣленъ окончившій курсъ въ Московской академіи *П. Ѳ. Комаровъ,* съ званіемъ и. д. баккалавра. Но такъ какъ онъ не представилъ магистерской диссертаціи и не былъ утвержденъ въ ученой степени, то, при введеніи въ дѣйствіе новаго устава духовной академіи, въ 1869 году, остался за штатомъ.

Обличительное богословіе.

Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ и русскомъ расколѣ преподавалъ съ 1851 года баккалавръ іеромонахъ *Никаноръ Бровковичъ.*—Въ 1856 году переведенъ ректоромъ въ Рижскую семинарію. (Нынѣ архіепископъ Херсонскій).

По предмету своей каѳедры онъ составилъ: „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви". Вып. 1, 1856 года; 2-й—1858 года.—„Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, изданныхъ раскольниками въ пользу раскола. Записки А. Б. Спб. 1861 года.—Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его статьи: „О святительскомъ жезлѣ" (1853) и „О изображеніи святыхъ евангелистовъ въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ" (1854 года).

Въ 1856 году 7 октября на каѳедру обличительнаго богословія переведенъ профессоръ С.-Петербургской семинаріи, окончившій курсъ въ академіи въ 1855 году, *Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ*; но въ слѣдующемъ же году перешелъ на каѳедру русской исторіи.

Послѣ него, съ 6-го ноября 1857 года, въ продолженіи 25 лѣтъ (до 1883 года), обличительное богословіе преподавалъ магистръ *Иванъ Терентьевичъ Осининъ,* въ званіи сначала баккалавра, потомъ съ 1863 года экстраординарнаго профессора. Кромѣ академическихъ занятій, онъ преподавалъ всеобщую исторію Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ, а съ 1867 года былъ начальникомъ женскихъ С.-Петербургскихъ и Царскосельской гимназій.—Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены его статьи по предмету его спеціальности: „Ирвингіанство" (1859 года).—„Взглядъ на современное положеніе папства (1861 г).—„Новыя стремленія папы къ утвержденію власти его надъ восточною церковью" (1862 г.). „Взглядъ на характеръ и направленіе западныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій".—„Лекціи, читанныя въ свѣтскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія".—„Письма православнаго путешественника о церковномъ состояніи Запада".—„Нѣсколько словъ объ отношеніи естественныхъ наукъ къ вѣрѣ—по поводу появленія естественной исторіи Агассиса"—

(1862 года). „О коренныхъ свойствахъ и истинномъ значеніи вѣры Христовой".—„Замѣтка на сочиненіе Бенескриптова о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ и сектахъ протестантскихъ" (1862 года).—„Англійскія понятія о прогрессѣ и его отношеніи къ христіанству".—„Замѣтки о нѣкоторыхъ произведеніяхъ русскихъ авторовъ, оставшихся за границею" (1863).—„Критическія замѣтки на жизнь Іисуса, соч. Ренана" (1863—1864).—„О церковномъ состояніи Англіи. Историко-статистическій очеркъ" (1864). „Путевыя замѣтки изъ Германіи (1864—65).—„Попытки протестантовъ къ соединенію съ православною восточною церковью въ XVI вѣкѣ (1865). „Нѣсколько словъ о современныхъ стремленіяхъ англо-американской церкви къ сближенію съ православіемъ" (1865). „Обзоръ 39 членовъ англиканскаго вѣроисповѣданія" (1866).— „Новое заявленіе въ пользу сближенія англійской церкви съ православною" (1867).—„Объ англійскомъ священствѣ" (1869).

Исторія и обличеніе русскаго раскола.

Въ 1857 году въ академіи учреждена была, какъ сказано выше, отдѣльная каѳедра исторіи и обличенія русскаго раскола. На эту новую каѳедру 11 сентября Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленъ былъ инспекторъ Смоленской семинаріи, архимандритъ *Викторинъ Любимовъ*. Между тѣмъ еще до назначенія его, съ разрѣшенія митрополита Григорія, преподаваніе этого предмета поручено было окончившему академическій курсъ *Ивану Ѳедоровичу Нильскому;* а такъ какъ въ это время сдѣлались вакантными должность инспектора и занимаемая бывшимъ инспекторомъ каѳедра нравственнаго и пастырскаго богословія, то архимандритъ Викторинъ переведенъ на эту каѳедру, а на каѳедру ученія о русскомъ расколѣ опредѣленъ 11 ноября И. Ѳ. Нильскій [1]); въ 1863 году возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора.

---

[1]) Дѣло архива Св. Синода 1857 г. № 1719.

Въ 1859 году онъ издалъ сочиненіе „Объ антихристѣ противъ раскольниковъ“. Кромѣ того имъ напечатаны статьи: въ Христіанскомъ чтеніи: „Сообразность христіанскаго ученія съ высшими естественными стремленіями человѣческаго духа“ (1858 г.).—Бѣдствія христіанскаго общества по изображенію его въ соборномъ посланіи ап. Іакова“ (1859 г.). „О послѣдней попыткѣ раскольниковъ найти себѣ епископа“ (1859—60 года).—„Нѣсколько словъ о лжемитрополитѣ Амвросіѣ“.—Объясненіе „(по поводу рецензіи на книгу объ антихристѣ противъ раскольниковъ).“ Библіографичекія замѣчанія о книгѣ „Жезлъ правленія“ (1860 года). Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола“. „Библіографическія замѣтки о книгѣ: Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками въ пользу раскола.“ „Объ изданіи Стоглава въ Лондонѣ.“ „Библіографическія замѣтки о книгѣ:“ Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургій Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Григорія Двоеслова, указанныхъ въ Поморскихъ отвѣтахъ и Мечѣ духовномъ, соч. игум. Варлаама (1861 года). „Преподобный Максимъ грекъ, какъ исповѣдникъ православія въ XVI вѣкѣ.“ „О священствѣ противъ безпоповцевъ“. „Замѣтки по поводу изданныхъ Д. Кожанчиковымъ сочиненій о расколѣ“ (1862 года).—„Взглядъ раскольниковъ на нѣкоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней“. „О преображенскомъ московскомъ кладбищѣ“. „Библіографическія замѣтки объ изданіи г. Есипова: Раскольничьи дѣла XVII столѣтія“ (1863 года). Въ Страникѣ: „Разсказъ обратившагося къ православію старообрядца о времени пребыванія его въ расколѣ“. „Еще нѣсколько словъ о бывшемъ старообрядцѣ Сидорѣ Лукіановѣ Ведерниковѣ“ (1862 года). Въ Духѣ Христіанина: „Замѣтки о расколѣ“ (1861—2 года). Въ Сынѣ Отечества: „Сказанія старообрядцевъ объ обращеніи Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей въ единовѣрческіе“ (1862 года).

Церковная исторія.

Церковную исторію преподавалъ съ 1851 г. *И. В. Чельцовъ;* въ 1859 году возведенъ въ званіе экстраординарнаго, въ 1860 году въ званіе ординарнаго профессора. Въ 1861 году издалъ 1-й томъ „Исторіи христіанской церкви".

Въ 1857 году учреждена въ академіи каѳедра новой церковной исторіи, съ отдѣленіемъ ея отъ каѳедры древней исторіи. На эту каѳедру 4 октября того же года опредѣленъ вызванный изъ Казанской академіи баккалавръ, магистръ, іеромонахъ *Діодоръ Ильдомскій* (окончившій курсъ въ С.-Петербургской академіи въ 1855 году): но недолго пробылъ на каѳедрѣ, скончавшись 3 января 1860 года.

На мѣсто его, 3 августа 1860 года, опредѣленъ окончившій курсъ въ Московской академіи, *Александръ Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ.*—Но и этотъ даровитый преподаватель скоро оставилъ академію: въ 1863 году перешелъ въ Москву законоучителемъ Александровскаго Военнаго училища. Въ настоящее время, кромѣ того, состоитъ профессоромъ церковной исторіи въ Московскомъ университетѣ; съ 1877 года докторъ богословія.

Послѣ Иванцова, на каѳедру церковной исторіи переведенъ баккалавръ греческаго языка, магистръ, *Иванъ Егоровичъ Троицкій;* въ 1866 году 17 октября возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора.

Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его статьи: Пустынники (1862).—Послѣдніе годы жизни святаго Григорія Богослова (1863).—Латиняне на островахъ греческаго архипелага (1863).—Римскія катакомбы (1864).—Соединенные американскіе штаты въ религіозно-церковномъ отношеніи (1865).—Православная сербская церковь (1865).—*Переводныя:* Научныя генеалогіи современнаго естествознанія и преимущественно теорія Дарвина (1865).—Объ употребленіи греческаго языка при богослуженіи въ западной церкви (1866).—Церковныя имущества до Юстиніана (1866).—Апологетическая дѣятельность древней церкви и ея значеніе для настоящаго времени—(1866).—О раз-

личіи между органическимъ и неорганическимъ (1866).—Современный матеріализъ и церковныя средства противъ него (1866).—Чудеса не только возможны, но и необходимы (1866). Вѣра и разумъ (1867).

Литургика (ученіе о богослуженіи).

Литургику преподавалъ ординарный профессоръ, магистръ, *Василій Ивановичъ Долоцкій.*

Занявъ съ 1839 года каѳедру литургики, въ то время только что учрежденную, В. И. Долоцкій, можно сказать, создалъ науку ученія о православномъ богослуженіи. Хотя самъ онъ не изложилъ ее въ полномъ видѣ, но литографированныя лекціи его послужили обильнымъ матеріаломъ для многихъ составителей учебныхъ руководствъ и пособій по предмету литургики.

Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его статьи: Мысли при чтеніи евангельскаго сказанія о Рождествѣ Христовомъ и поклоненіи пастырей (1840).—Объ исповѣди (1842). Мысли при чтеніи повѣствованія о искушеніи Господа Іисуса Христа (1943).—О чтеніи священнаго писанія при богослуженіи (1846).—О христіанскихъ храмахъ (1847).—О составныхъ частяхъ храма (1847).—О священныхъ одеждахъ (1848).—Святая великая суббота (1850).—Праздникъ Рождества Христова (1849).—О священныхъ сосудахъ, употребляемыхъ при богослуженіи въ православной церкви (1852).—Когда и кѣмъ писаны греческія службы, входящія въ составъ мѣсячной минеи (1860).—Кромѣ того онъ редактировалъ для помѣщенія въ Христ. чтеніи статьи изъ курсовыхъ сочиненій: Ѳ. Юцковскаго: О значеніи и древности дѣйствій, совершаемыхъ при освященіи храмовъ (1844 года); М. Морошкина.—Объ обрядахъ, совершаемыхъ при погребеніи православнаго христіанина (1845); В. Барсова: Богослуженіе православной церкви въ недѣли приготовленія къ св. четыредесятницѣ и въ св. четыредесятницу (1846); Ф. Павловскаго.—„О значеніи обрядовъ, совершаемыхъ православною церковію при таинствѣ

крещенія“ (1847); Г. Лебедева—„Чинъ оглашенія въ древней церкви“ (1849); Т. Серединскаго: „О важности богослужебныхъ книгъ православной церкви въ догматическомъ отношеніи (1851). Кромѣ того В. И. Долоцкому принадлежитъ переводная статья: „Римскій новый догматъ о зачатіи пресвятой Дѣвы Маріи предъ судомъ священнаго писанія и преданія (1852).

Патристика.

Патристику преподавалъ съ 6 ноября 1855 года, послѣ іеромонаха Асинкрита Верещагина, опредѣленнаго инспекторомъ Олонецкой семинаріи, баккалавръ *Петръ Ивановичъ Шалфеевъ.* Въ маѣ 1862 года онъ зачисленъ былъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія кандидатомъ для командированія за границу съ ученою цѣлію: но внезапная смерть, 26 іюня, пресѣкла его жизнь.—Въ воспоминаніяхъ, посвященныхъ памяти П. И. Шалфеева (Сынъ отечества 1862 года № 172 и Христіанское чтеніе 1862 года), выражено глубокое уваженіе какъ къ личнымъ свойствамъ его нравственнаго характера, такъ и къ высотѣ и стройности его понятій о наукѣ, которую онъ преподавалъ, и изъ которой онъ хотѣлъ создать исторію непрерывно сохраняющагося апостольскаго преданія, съ указаніемъ личныхъ (индивидуальныхъ) чертъ характера ученія каждаго отца.

Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены статьи его: „Святый Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, какъ поборникъ единства церкви“ (1858).—„Общій обзоръ отеческой письменности въ IV и V вв.“ (1860 года).—„О монашествѣ противъ протестантовъ“ (1860 года).—Святый Григорій Богословъ (1861 года).—Святый Исаакъ Сиринъ (1861 года).—Христіанство и прогрессъ.—Въ Духѣ христіанина 1862 года: „Мысли о православіи“.—„Духъ и плоть“.—Подъ его редакціей изданъ переводъ съ греческаго римской исторіи Никифора Грегоры. Спб. 1862 года.

Преемникомъ его по каѳедрѣ былъ, съ 17 сентября 1862 года, баккалавръ *Петръ Александровичъ Лебедевъ,* переведенный изъ профессоровъ Новгородской семинаріи, магистръ

здѣшней академіи 1861 года.—Въ 1863 году поступилъ законоучителемъ во 2-ю Военную гимназію въ С.-Петербургѣ.

Леонидъ Андреевичъ Павловскій, магистръ 1861 года, изъ профессоровъ С.-Петербургской семинаріи, баккалавръ съ ноября 1863 года. Въ 1866 году, 25 марта, опредѣленъ священникомъ и законоучителемъ при Институтѣ слѣпыхъ, но продолжалъ преподаваніе въ академіи до 1871 года. Нынѣ протоіерей почтамтской церкви въ С.-Петербургѣ.—Въ Христіанскомъ чтеніи 1862 года и потомъ отдѣльною брошюрой напечатано магистерское сочиненіе его: „Лжеисидоровскія декреталіи и ихъ значеніе въ исторіи развитія папской системы".

Церковное законовѣдѣніе.

Преподавателемъ церковнаго законовѣдѣнія съ 6 ноября 1855 года, послѣ архимандрита Θеофана, назначеннаго ректоромъ Олонецкой семинаріи, назначенъ былъ окончившій въ этомъ году курсъ въ академіи, іеромонахъ *Валеріанъ Орловъ*. Въ 1857 году переведенъ на каθедру догматическаго богословія.

Послѣ него, на каθедру церковнаго права переведенъ былъ, съ званіемъ ординарнаго профессора, инспекторъ С.-Петербургской семинаріи, *Александръ Ивановичъ Мишинъ*.—Мишинъ окончилъ академическій курсъ въ 1841 году и до перехода въ академію, въ продолженіи 16 лѣтъ, былъ инспекторомъ и профессоромъ философскихъ наукъ въ здѣшней семинаріи и пользовался большимъ уваженіемъ. Въ академіи онъ пробылъ не долго, преподавая случайно доставшійся ему предметъ. Скончался 2 мая 1859 года, на 44 году жизни [1]).

Послѣ него на каθедру церковнаго законовѣдѣнія переведенъ былъ баккалавръ гомилетики и основнаго богословія *А. И. Парвовъ;* въ слѣдующемъ 1860 году рукоположенъ

---

[1]) Въ Христ. Чтеніи 1859 г. ч. II. напечатано Слово, произнесенное при его погребеніи баккалавромъ іеромонахомъ Діодоромъ Ильдомскимъ.

въ священники къ церкви инженернаго замка; въ 1864 году возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ томъ же году издалъ: „Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику при совершеніи важнѣйшихъ требъ церковныхъ“.—Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены его статьи: „Охраненіе православной вѣры въ древней вселенской церкви“ (1862).—„Изложеніе каноническихъ постановленій о бѣломъ духовенствѣ“ (1862).—„Постъ святыя четыредесятницы по древнимъ правиламъ и обычаямъ“ (1863).—Въ 1865 году 5 октября А. И. Парвовъ оставилъ службу въ академіи.—Нынѣ—протоіерей, предсѣдатель Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

На мѣсто его баккалавромъ церковнаго законовѣдѣнія перемѣщенъ. въ октябрѣ 1865 года, баккалавръ греческаго языка *Тимоѳей Васильевичъ Барсовъ.*

Гомилетика.

Гомилетику преподавалъ съ 1853 года, послѣ Д. Ѳ. Вознесенскаго, баккалавръ, магистръ, *Павелъ Васильевичъ Лебедевъ.* Въ 1856 году опредѣленъ священникомъ къ Спасосѣнновской церкви, но оставался при академіи до 28 января 1857 года. Послѣ, съ 1863 года, былъ законоучителемъ Николаевскаго сиротскаго института. Скончался въ 1881 году.

На каѳедру гомилетики послѣ него переведенъ баккалавръ греческаго языка, магистръ, *И. А. Вознесенскій.* Такъ какъ онъ преподавалъ уже и введеніе въ богословіе, то за нимъ оставлено было преподаваніе и этого предмета. Въ томъ же 1857 году онъ вышелъ изъ академіи въ священники въ Копенгагенъ.

Занявшій послѣ него каѳедру гомилетики, магистръ *А. И. Парвовъ,* преподавалъ также и введеніе въ богословіе; въ 1859 году переведенъ на каѳедру церковнаго законовѣдѣнія.

Въ томъ же году, на каѳедру гомилетики и введенія въ богословіе опредѣленъ былъ профессоръ Новгородской семинаріи *Ѳ. С. Надеждинъ;* въ 1863 году возведенъ въ званіе

экстраординарнаго профессора. Скончался 26 іюня 1866 года. Надеждинъ печаталъ много статей нравоучительнаго содержанія въ Христіанскомъ чтеніи и Духовной бесѣдѣ.

Философскія науки.

Ординарный профессоръ *Василій Николаевичъ Карповъ*, занявшій каѳедру философіи послѣ Ѳ. Ѳ. Сидонскаго въ 1833 году, преподавалъ до 1844 года философію; съ 1844 года, послѣ назначенія на каѳедру философіи профессора Фишера, исторію философіи; въ 1855 году ему же поручено было преподаваніе логики; съ 1859 года преподавалъ логику и исторію новѣйшей философіи послѣ Канта; съ 1865 года логику и психологію. Скончался 2 декабря 1867 года.

Въ 1856 году издалъ „Систематическое изложеніе логики“: въ 1863 году—сочиненія Платона въ русскомъ переводѣ, 4 тома; пятый и шестой томы изданы послѣ смерти его, въ 1879 году. Въ 1859—1860 годахъ напечаталъ въ Христіанскомъ чтеніи рядъ статей о философскомъ раціонализмѣ; въ 1867 году—о нравственныхъ началахъ. Въ Страникѣ: О самопознаніи (1860 года).—Рецензію на философскій лексиконъ, Гогоцкаго, т. II. (1861). О безсмертіи души, противъ натурализма. Разговоръ (1861).—Въ Радугѣ 1866 года: Систематическая форма философскаго раціонализма или наукоученіе Фихте.—Подъ его редакціею переведены: „Церковная исторія“ Евсевія, и изданъ переводъ византійскихъ историковъ: Вріеннія, Киннама, Анны Комниной и Пахимера.—Въ послѣдніе годы жизни В. Н. принималъ дѣятельное участіе въ редакціи „Странника“, что дало ему возможность и средства напечатать свой переводъ Платона.—Въ Страникѣ онъ помѣстилъ въ это время нѣсколько стихотвореній подъ псевдонимомъ *Хрѣновскаго* (вѣроятно отъ мѣста родины его—села Хрѣновскаго, Ворон. губ.): *Ясли* (1865).—*На земли миръ* (1866).—*Глумленіе надъ крестоносцемъ* (1866).—*Нигилизмъ* (1866).—Послѣ его смерти напечатаны въ Христіанскомъ чтеніи 1868 года: „Введеніе въ психологію“; въ Страникѣ

1868 года: „Мысли изъ уроковъ философіи нравственнаго міра.—Некрологъ его въ Голосѣ, Д. Щеглова, 1867 года № 348, и въ Христіанскомъ чтеніи 1868 года, гдѣ также напечатаны: Слово, сказанное при его погребеніи ректоромъ І. Л. Янышевымъ, и рѣчи его сослуживцевъ и учениковъ. Академія почтила его, поставивъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, поясной мраморный бюстъ его въ залѣ собранія.

Ординарный профессоръ *Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ*, занявшій каѳедру философіи послѣ А. А. Фишера [1]), преподавалъ съ 1853 года психологію и философію; съ 1859 года психологію и исторію философіи до Канта, съ 1864 года исторію философіи до и послѣ Канта.—Въ 1857 году издалъ „Исторію С.-Петербургской духовной академіи“, удостоенную Академіею наукъ Демидовской преміи; въ 1868 году—„Курсъ опытной психологіи“, введенный, на основаніи отзыва Ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, учебникомъ въ духовныя семинаріи и удостоенный полной преміи митрополита Макарія. Въ 1865 году Академія наукъ присудила ему Демидовскую, а въ 1867 году Уваровскую премію, за сочиненіе: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“, которое потомъ и издано Академіею наукъ (Сборн. И. А. Н. т. V. Спб. 1868 года).—Кромѣ того помѣщены имъ: въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. Академіи наукъ, Т. VI—VIII: „Разборъ первыхъ томовъ исторіи Р. Ц. Преосв. Макарія“; „Обзора“—Филарета; „Труды Іакова Блонницкаго и Славянская грамматика Іустина Вишневскаго“.—Въ Журналѣ мин. нар. просв. „Объ отношеніи между философіей и христіанствомъ“ (1856 г.). Въ Днѣ 1861—1862 гг.: „Арсеній Мацѣевичъ“. Во Временникѣ Общества исторіи и древн. при Московскомъ университетѣ: „Процессъ по дѣлу объ учрежденіи типографіи при Кіевской митрополіи“ (1855).—„Проектъ изданія россій-

[1]) А. А. Фишеръ, получившій образованіе въ Кремсмюнстерскомъ Лицеѣ и Вѣнскомъ университетѣ приглашенъ былъ на каѳедру философіи въ Спб. Педагогическій институтъ; въ 1832 г. опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ Спб. университета; въ 1825 г. директоромъ 4-й Спб. Ларинской гимназіи; въ 1843 г. профессоромъ Спб. духовной академіи, съ оставленіемъ во всѣхъ прежнихъ должностяхъ; въ 1853 году оставилъ службу при академіи.

скихъ лѣтописей въ 1734 г.".—Показаніе игумена Симона о пріѣздахъ царицы Евдокіи въ Кузминъ монастырь" (1856). Въ Чтеніяхъ Общества: „Выговская раскольническая пустынь" (1859). „Переписка малороссійскаго полковника Новицкаго съ разными лицами".—„Матеріалы для біографіи Бецкаго" (1863).—„Іона Сальникѣевъ" (1868 г.).—„Опроверженіе (Феофилактово) примѣчаній на книгу Ансильйона" (1872 г.).—Въ Православномъ обозрѣніи: „Исправленіе слав. библіи передъ изданіемъ 1751 г." — Въ Духѣ христіанина: „Монахъ Зварыкинъ. Эпизодъ изъ исторіи Феофана Прокоповича".—Въ Страннкѣ: „М. Іовъ и его переписка" (1861 г.).—„М. Амвросій Подобѣдовъ" (1860 г.).—Въ Христ. чтеніи: „Объ отношеніи между философіею и христіанствомъ въ первые три вѣка христ. церкви" (1854 г.).—„Неоплатоническая философія и отношеніе ея къ христіанству" (1860 г.).—„Естественное богословіе" (1863 г.).—„Происхожденіе и безсмертіе души человѣческой" (1864 г.)—„Христіанскій востокъ и западъ въ III в.—Оригенъ и Кипріанъ". (1865 г.).—„Иконоборство и римскіе папы.—Письма св. Василія великаго.—Религія въ ея историческихъ и психологическихъ основаніяхъ" (1866 г.).—„Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго" (1867 г.).—„Первый вѣкъ христіанства въ писаніяхъ мужей апостольскихъ" (1868 г.).—Въ Духовной бесѣдѣ: „Благочестивыя матери христіанки" (изъ Неандера).—„Преп. Макрина, сестра Василія великаго и Григорія Нисскаго" (изъ Неандера).—„Новый годъ" (1859).—„Съ какими расположеніями мы должны встрѣчать всякую важную перемѣну въ нашей жизни" (1854).—„О прямотѣ и искренности характера.—О достоинствѣ труда и дѣятельной жизни.— Русская духовная литература въ 1859 г.—Обязанность трудиться для блага потомства" (1860).—Въ 1866 г. И. А. приглашенъ былъ къ преподаванію философскихъ наукъ въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, въ которомъ и преподавалъ до 1882 года.

Преподавателемъ логики и психологіи послѣ В. Н. Карпова опредѣленъ былъ 20 іюня 1868 г., съ званіемъ баккалавра, профессоръ С.-Петербургской духовной семинаріи, магистръ академіи 1865 года, *А. Е. Свѣтилинъ*.

Педагогика.

При предположенномъ введенiи педагогики въ кругъ академическихъ предметовъ съ 1867—8 учебнаго года, преподаванiе ея въ академiи поручено было Святѣйшимъ Синодомъ экстраординарному профессору обличительнаго богословiя, *И. Т. Осинину*, съ предоставленiемъ ректору академiи, протоiерею I. Л. Янышеву, согласно изъявленному имъ желанiю, открыть для воспитанниковъ старшаго и младшаго курсовъ педагогическiя бесѣды. Но еще до наступленiя учебнаго года И. Т. Осининъ заявилъ правленiю о своемъ нежеланiи занимать въ академiи каѳедру педагогики, а ректоръ— о своемъ желанiи занять эту каѳедру. Святѣйшiй Синодъ утвердилъ представленiе академическаго правленiя о предоставленiи протоiерею I. Л. Янышеву каѳедры педагогики. Вскорѣ послѣ того, по уставу 1869 года, каѳедра педагогики соединена была съ каѳедрою нравственнаго богословiя.

Общая гражданская исторiя.

Преподаванiе общей гражданской исторiи, послѣ Н. Н. Делицына, вышедшаго въ священники къ Благовѣщенской церкви въ С.-Петербургѣ, поручено было въ 1855 году окончившему въ томъ же году академическiй курсъ *Андрею Ивановичу Предтеченскому*; въ 1862 году 28 февраля А. И. возведенъ въ званiе экстраординарнаго профессора.—Въ 1861 году издалъ сочиненiе: „О необходимости священства, противъ безпоповцевъ“; въ 1864 году „Публичныя лекцiи о невѣрiи преимущественно современномъ“.,

Русская исторiя, церковная и гражданская.

Преподававшiй русскую исторiю съ 1853 года, баккалавръ *С. В. Михайловскiй*, поступилъ въ февралѣ 1857 года законоучителемъ въ Елизаветинское училище и 20 сентября оставилъ службу при академiи.

На каѳедру русской исторiи тогда же перешелъ баккалавръ сравнительнаго богословiя, *М. О. Кояловичъ*; въ 1862 году

28 февраля возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора.—Сочиненія его: „Литовская церковная унія“, т. I; Спб. 1859 г. т. II; Спб. 1861 г.—„Чтенія о церковныхъ западнорусскихъ братствахъ“. 1862 г.—„Люблинская унія“. 1863 г.

Въ 1862 году Государемъ поручено было графу Блудову составить краткую историческую записку о возсоединеніи уніатовъ съ православіемъ. Для собранія нужныхъ для сего матеріаловъ, графъ пригласилъ, съ Высочайшаго соизволенія, М. О. Кояловича, извѣстнаго уже своими историческими изслѣдованіями по сему предмету, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ оберъ-прокурора А. П. Ахматова открыть ему доступъ въ синодальный и другіе архивы, а для извлеченія нужныхъ свѣдѣній изъ мѣстныхъ хранилищъ отправить его лѣтомъ того года въ Западныя губерніи. По случаю предстоящей поѣздки и новыхъ занятій, ему назначено было въ единовременное пособіе 1000 руб. Въ декабрѣ того же 1862 года вицепредсѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, Ѳ. Ѳ. Литке, сообщилъ оберъ-прокурору, что въ будущемъ году, съ Высочайшаго соизволенія, предположено отправить этнографическую экспедицію въ Западныя губерніи срокомъ приблизительно на годъ, для изслѣдованія числа народонаселенія этого края по народностямъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ и занятіямъ, и что въ составъ этой экспедиціи общество предположило назначить членомъ профессора Кояловича. Но въ февралѣ 1863 года М. О. по домашнимъ обстоятельствамъ отказался отъ этого порученія.—Въ 1864 году, послѣ усмиренія польской смуты въ Западномъ краѣ, когда на этотъ край обращено было общее вниманіе, М. О. читалъ въ С.-Петербургѣ въ небольшомъ обществѣ лицъ высшаго круга „Лекціи по исторіи Западной Россіи“, изданныя въ томъ же году.—Въ 1865 году Археографическая коммиссія издала составленное М. О. Кояловичемъ „Собраніе документовъ, объясняющихъ исторію Западнаго края Россіи и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ, съ переводомъ на французскій языкъ.—Въ 1867 году М. О. издалъ по порученію Академіи наукъ „Дневникъ по-

слѣдняго похода Стефана Баторія на Россію и дипломатическую переписку того времени (1580—1582 года)"; въ 1867 году издалъ, по порученію С.-Петербургской Археографической коммиссіи „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года" съ переводомъ на русскій языкъ.—Весьма много статей его помѣщено въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. Въ Христіанскомъ чтеніи: Замѣчанія объ источникахъ для Литовской церковной уніи (1858).—Разборъ сочиненія Вердье: Origines catholiques de l'église russe jusqu' au XII siécle (1859).—Разборъ любопытныхъ свидѣтельствъ о непорочномъ зачатіи Богородицы, изданныхъ княземъ Гагаринымъ, священникомъ Общества Іисусова (1859).—Объ отношеніяхъ западно-русскихъ православныхъ къ протестантамъ во времена уніи (1860).—Борьба уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя съ западно-русскими православными съ 1599 по 1613 годъ (1860).—Разборъ Архива юго-западной Россіи, т. 1. (1861).—Въ Странникѣ: Никифоръ, патріаршій протосинкеллъ и экзархъ въ Западной Россіи (1869).—Разборъ житія св. Филиппа митрополита Московскаго (1861).—Лаврентій Древинскій (1861).—Преподобный Діонисій, архимандритъ Троицкой лавры (1862).—Въ Днѣ: Кіевская коммиссія для изданія актовъ и польскіе патріоты (1861).—Замѣтка о проектѣ ксендза іезуита (1862).—Нѣсколько словъ о современномъ состояніи церковныхъ западно-русскихъ братствъ (1862).—Что нужно Западной Россіи (1863).—Народное движеніе въ Западной Россіи (1863). Письма къ протоіерею Васильеву объ уніатскомъ вопросѣ (1863).—Споръ уніатовъ съ латинянами (1863).—О разселеніи племенъ въ Западной Россіи (1863).—О полякахъ, желающихъ быть русскими (1864).—О недоумѣніяхъ по поводу западно-русскихъ церковныхъ братствъ (1864).—Нѣсколько словъ о графѣ Блудовѣ (1864).—О Холмскихъ уніатахъ (1864).— Въ Русскомъ Инвалидѣ: Объ этнографическихъ границахъ между Россіей и Польшей (1864).—Объ этнографическомъ атласѣ Западной Россіи и Польши—Эркерта (1864).— По поводу предполагаемой канонизаціи Іосафата Кунцевича (1865).—Въ Виленскомъ вѣстникѣ 1866 года: Русское латин-

ство и русское жидовство въ Западной Россіи.—Въ Отчетѣ Виленскаго братства за 1886 годъ: Рѣчь, сказанная въ Виленскомъ православномъ братствѣ 26 мая 1866 года.

Словесность съ исторіею литературы.

Общую словесность съ исторіей литературы преподавалъ ординарный профессоръ *Кириллъ Ивановичъ Лучицкій*. Онъ преподавалъ рускую словесность также въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ (въ Смольномъ институтѣ) и въ Царскосельскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства.

Физика и математика.

Преподаваніе математики и физики продолжалось въ академіи до 1869 года, когда эти предметы были исключены изъ академическаго курса.

Математику преподавалъ съ 1853 года *Евграфъ Ивановичъ Ловягинъ;* въ 1857 году 22 апрѣля возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Въ духовныхъ журналахъ помѣщены его статьи: Разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о земномъ шарѣ, сравнительно съ ученіемъ Слова Божія о видимомъ мірѣ. (Хр. чт. 1859).—Разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о Ноевомъ потопѣ, сравнительно съ ученіемъ Слова Божія объ этомъ предметѣ (1861—1862).—О предположеніяхъ новѣйшихъ геологовъ, несогласныхъ съ священнымъ Писаніемъ. (Странн. 1860).—Чудесныя солнечныя явленія при Іисусѣ Навинѣ и пророкѣ Исаіи. 1861. Важность библейскаго сказанія о сотвореніи видимаго міра. 1863 г.—Физическое происхожденіе и библейское значеніе радуги. (1865 г.). Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. (Дух. бесѣд. 1867). Переводныя: Акты объ Еллинскомъ Синодѣ. (Хр. чт. 1856).—Состояніе церковныхъ дѣлъ въ Греческомъ королевствѣ. 1863.—Судьбы православной церкви на Іонійскихъ островахъ. 1864. — Патріарха Фотія — Тайновод-

ственное слово о Св. Духѣ (Дух. Бес. 1866).—Слово при погребеніи архіепископа Кефалонскаго Агаѳангела. (Странн. 1865).

Физику преподавалъ баккалавръ *Н. П. Глоріантовъ;* въ 1860 году возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора.—Въ 1861 году напечатана въ Христіанскомъ чтеніи статья его: „Взглядъ на ученіе современной геологіи о происхожденіи міра и будущей его судьбѣ при свѣтѣ божественнаго откровенія".—На преподавателя физики въ академіи обыкновенно возлагаемо было порученіе составлять списки физическихъ инструментовъ, необходимымъ для пріобрѣтенія въ духовныя семинаріи.

Еврейскій языкъ.

Еврейскій языкъ преподавалъ до 1857 года, съ званіемъ ординарнаго профессора, *Василій Андреевичъ Левиссонъ.*—Въ 1857 году онъ отправился съ преосвященнымъ Кирилломъ (Наумовымъ) въ Іерусалимъ въ качествѣ состоящаго при миссіи, но пробылъ тамъ не долго [1]). По возвращеніи занимался, по порученію Великобританскаго библейскаго общества, переводомъ на русскій языкъ съ еврейскаго священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Сотрудниками его въ этомъ переводѣ были бывшіе профессоры С.-Петербургской семинаріи Н. И. Боголюбовъ и П. И. Савваитовъ.—В. А. скончался въ 1869 году.

Съ 3 марта 1858 года преподавалъ въ академіи еврейскій языкъ экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, докторъ еврейской словесности, *Даніилъ Абрамовичъ Хвольсонъ.*

---

[1]) Въ 1859 г. онъ прислалъ изъ Іерусалима двѣ записки:—одну о Самаритянскомъ текстѣ пятокнижія Моисеева, другую—О религіозныхъ обществахъ и сектахъ въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ. Отзывы о нихъ Моск. м. Филарета—въ Собраніи мнѣній и отзывовъ его, т. IV. стр. 442—448. Спб. 1886. См. о немъ также Русск. Стар. 1886 г. VIII. стр. 300.

Греческій языкъ.

Послѣ баккалавра *И. А. Вознесенскаго,* перемѣщеннаго въ 1857 году на каѳедру гомилетики, преподавателемъ греческаго языка опредѣленъ, 28 января 1857 года, греческій архидіаконъ *Григорій Веглерисъ,* окончившій курсъ въ Кіевской академіи, со степенью магистра, въ 1853 году.—Веглерисъ былъ родственникомъ мученически скончавшагося въ 1821 году Константинопольскаго патріарха Григорія и пользовался со стороны нашего высшаго духовенства, и особенно со стороны свѣтскихъ властей, предупредительнымъ вниманіемъ [1]). Въ октябрѣ 1857 года г. Веглерисъ принялъ русское подданство и 19 октября преосвященнымъ Кирилломъ, епископомъ Мелитопольскимъ, постриженъ въ монашество. Въ ноябрѣ того же года уволенъ былъ въ Константинополь для сопутствованія нашей Іерусалимской духовной миссіи [2]). Предъ отбытіемъ въ Константинополь, 3-го ноября посвященъ въ архимандрита. По возвращеніи, въ мартѣ 1856 года, продолжалъ занятія въ академіи. Въ видахъ увеличенія средствъ. въ 1857 году просилъ о предоставленіи ему должности переводчика при духовно-учебномъ управленіи, но ему отказано было въ этомъ, потому что такой должности не существуетъ; въ 1858 году просилъ о возведеніи его въ профессорское званіе и хотя званія не получилъ, но получилъ прибавку жалованья.

Вмѣстѣ съ бывшими тогда студентами, діаконами Лас-

[1]) Любопытно впечатлѣніе, произведенное Веглерисомъ на Харьковскаго архіепископа Филарета, бывшаго въ 1858 г. на экзаменѣ въ академіи. Отъ 10 іюня онъ писалъ къ А. В. Горскому: „Случилось мнѣ быть и на экзаменѣ академіи. Читаны были разсужденія: одно замѣчательное по предмету, о христіанскомъ языкѣ, искаженномъ возобновителями наукъ. Мнѣ понравилось, что на нѣмецкомъ языкѣ наставникъ свободно говоритъ съ студентами, или точнѣе студенты свободно говорятъ съ нимъ по нѣмецки. Наставникъ—сынъ священника, родившійся и воспитавшійся въ Германіи. (Разумѣется И. Т. Осининъ, родившійся и воспитавшійся въ Даніи). Но успѣхи въ греческомъ слабы, хотя учитъ грекъ. О послѣднемъ сказали мнѣ, что его надобно опасаться, какъ будущаго патріарха. Это тотъ, что провожалъ преосв. Кирилла въ Константинополь и который былъ у меня въ Харьковѣ". Твор. св. Отц. 1885 г. кн. IV.

[2]) Въ отсутствіе его, греческій языкъ преподавалъ временно баккалавръ іеромонахъ *Діодоръ Ильдомскій.*

карисомъ—грекомъ и Агапіемъ Ставросомъ—сирійцемъ, онъ служилъ нерѣдко обѣдни въ академической церкви на греческомъ языкѣ. Когда въ 1859 году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на постройку въ С.-Петербургѣ греческой церкви, съ производствомъ сбора пожертвованій на этотъ предметъ по всей Россійской имперіи, то производство этого сбора возложено было, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, на архимандрита Григорія Веглериса, который, между прочимъ съ этою цѣлію, служилъ по воскреснымъ днямъ обѣдни на греческомъ языкѣ въ одномъ изъ придѣловъ Казанскаго собора [1]). Но потомъ дѣла его приняли почему-то оборотъ для него неблагопріятный. Въ 1860 году 10 мая онъ переведенъ былъ въ Кіевскую академію баккалавромъ греческаго языка, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія; но въ Кіевъ не поѣхалъ, а подалъ прошеніе объ увольненіи какъ отъ службы при академіи, такъ и отъ подданства Россіи. Святѣйшій Синодъ, уволивъ его 25 іюля отъ учебной службы, предоставилъ ему просить объ увольненіи отъ подданства узаконеннымъ порядкомъ, гдѣ слѣдуетъ. Но въ октябрѣ того же года Веглерисъ просилъ объ опредѣленіи его настоятелемъ Свято-Троицкой греческой церкви въ Одессѣ, на что и архіепископъ Херсонскій изъявилъ согласіе, и опредѣленъ на это мѣсто 26 октября.—Скончался въ 1866 году въ Константинополѣ.

Послѣ него преподаваніе греческаго языка поручено было временно баккалавру гражданской исторіи, *А. И. Предтеченскому*, который и преподавалъ этотъ языкъ съ 15 мая 1860 до 10 ноября 1861 года.

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1859 г. благочинный Казанскаго собора, протоіерей А. И. Райковскій, донесъ митрополиту, что архимандритъ Веглерисъ допустилъ къ служенію литургіи въ Казанскомъ соборѣ греческаго протоіерея Димитрія безъ приготовленія. Митрополитъ Григорій положилъ на рапортѣ слѣдующую резолюцію: „Предписать архимандриту, чтобы онъ при священнодѣйствіи строго держался не тѣхъ правилъ, какихъ гдѣ нибудь держится мѣстная церковь, но правилъ, какихъ держится церковь вселенская, и что онъ, допустивъ служить съ собою литургію протоіерея безъ приготовленія, поступилъ противъ 8-го правила св. апостоловъ“.

Въ 1861 году на каѳедру греческаго языка опредѣленъ былъ преподаватель Олонецкой семинаріи, магистръ здѣшней академіи 1859 года, *Иванъ Егоровичъ Троицкій*. Въ 1863 году переведенъ на каѳедру новой церковной исторіи.

Преподаваніе греческаго языка поручено было окончившему въ томъ году курсъ, *Т. В. Барсову*. Въ октябрѣ 1865 года Т. В. Барсовъ перемѣщенъ былъ на классъ церковнаго законовѣдѣнія, съ оставленіемъ за нимъ, до времени, и класса греческаго языка въ младшемъ курсѣ. Преподаваніе же греческаго языка въ старшемъ курсѣ поручено было профессору математики *Е. И. Ловягину*.

Латинскій языкъ.

Латинскій языкъ преподавалъ профессоръ общей словесности *К. И. Лучицкій*.

Нѣмецкій языкъ.

Послѣ выхода изъ академіи профессора В. А. Левиссона, преподаваніе нѣмецкаго языка поручено было баккалавру обличительнаго богословія *И. Т. Осинину*.

Французскій языкъ.

Послѣ Кресп де Шамиллона, преподававшаго французскій языкъ съ 1844 года [1]) и въ 1857 году оставившаго службу при академіи, преподаваніе французскаго языка поручено было, 3 сентября того же года, баккалавру русской исторіи *М. О. Кояловичу*.

---

[1]) Въ 1843 г. 13 сентября оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ П. А. Пратасовъ, сообщилъ академическому правленію, что Государь Императоръ, усматривая нужду въ возведеніи французскаго языка въ С.-Петербургской духовной академіи до такой степени, чтобы воспитанники, при выходѣ изъ оной по окончаніи своего образованія, могли свободно, чисто и правильно, объясняться на томъ языкѣ, а также вести на немъ въ случаѣ надобности переписку, Высочайше повелѣть соизволилъ: для достиженія этой цѣли поручить преподаваніе французскаго языка въ означенной академіи благонадежному наставнику изъ природныхъ иностранцевъ.

Съ 13 февраля 1864 года французскій языкъ преподавалъ наставникъ Института корпуса горныхъ инженеровъ, кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи 1849 года, *Александръ Ивановичъ Поповицкій*. Въ 1882 году А. И. оставилъ службу при академіи.

Англійскій языкъ.

Англійскій языкъ, съ августа 1852 до конца 1856 года, преподавалъ профессоръ священнаго писанія *М. А. Голубевъ*. Но съ 31 декабря 1856 года для преподаванія его приглашенъ былъ природный англичанинъ, преподававшій тотъ же языкъ въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ, *Генригъ Джонъ Бишопъ*, находившійся въ русскомъ подданствѣ съ 1835 года. Бишопъ скончался 16 сентября 1867 года въ Гельсингфорсѣ.

Съ 24 октября 1867 года англійскій языкъ преподавалъ *Павелъ Мартыновичъ Нурокъ*.

3. Особые ученые труды наставниковъ.

Переводъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ.

Послѣ того, какъ въ 1858 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на переводъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ, Святѣйшій Синодъ постановилъ начать этотъ переводъ съ книгъ Новаго Завѣта и по опредѣленію отъ 2-го іюня поручилъ академіямъ сдѣлать подготовительный переводъ двухъ первыхъ Евангелій, при чемъ С.-Петербургской и Казанской академіямъ поручено было перевесть Евангеліе отъ Матѳея, Кіевской и Московской—отъ Марка. При этомъ было изъяснено: 1) чтобы подлинный текстъ для перевода употреблялся той редакціи, какой употребляется у насъ Новый Завѣтъ для духовныхъ училищъ, потому что этой редакціи держится церковь восточная; 2) впрочемъ, еже-

ли бы оказалась уважительная нужда обратить вниманіе на подлинный текстъ другихъ редакцій (напримѣръ, при усмотрѣніи несогласія подлиннаго текста означенной редакціи съ нашимъ славянскимъ переводомъ), то чтобъ допускалось и сіе: но въ семъ случаѣ поставляется въ обязанность указать на той же страницѣ внизу подъ чертою, съ какой именно редакціи сдѣланъ переводъ, отступающій отъ принятой редакціи; 3) чтобы всегда неизмѣнно составляли переводъ, совершенно точно выражающій подлинникъ, впрочемъ соотвѣтственно свойству русскаго языка и удобовразумительный для читающаго; 4) чтобъ размѣщеніе словъ соотвѣтствовало свойству языка русскаго и благопріятствовало ясности рѣчи; 5) чтобъ слова и выраженія при переводѣ употреблялись всегда общепонятныя, но употребляющіяся въ высшемъ обществѣ и отнюдь не простонародныя и 6) чтобъ пересмотрѣнный переводъ представляемъ былъ въ Святѣйшій Синодъ, главъ по пяти или десяти, за общимъ подписомъ находившихся при пересмотрѣ перевода и съ обозначеніемъ, кто именно занимался переводомъ. Въ исполненіе этого распоряженія, въ академіи въ составъ комитета назначены были, подъ предсѣдательствомъ ректора, архимандрита Ѳеофана, инспекторъ архимандритъ Викторинъ (послѣ него архимандритъ Епифаній), профессоры Голубевъ и Ловягинъ, и преподаватель греческаго языка архимандритъ Григорій Веглерисъ (31 іюля 1858 года).—Вскорѣ, однакожъ, Святѣйшій Синодъ увидѣлъ, что порученіе перевода одной и той же книги двумъ академіямъ только замедляетъ дѣло и вслѣдствіе того опредѣленіемъ 12 марта 1859 года распредѣлилъ книги Новаго Завѣта между всѣми академіями, поручивъ С.-Петербургской окончить начатый уже переводъ Евангелія отъ Матѳея и затѣмъ перевесть книгу Дѣяній апостольскихъ, Посланія апостола Павла—оба къ Солунянамъ, оба къ Тимоѳею, къ Титу и къ Филимону. Правленіемъ академіи переводъ Дѣяній апостольскихъ порученъ былъ профессорамъ Чистовичу и Чельцову и баккалаврамъ Осинину, Нильскому, Парвову, Шалфееву, Кояловичу и Глоріантову; 1-го Посланія къ Солунянамъ—Мишину,

2-го архимандриту Епифанію, 1-го Посланія къ Тимоѳею— Лучицкому, 2-го—Долоцкому; Посланія къ Титу—Карпову и Посланія къ Филимону—Предтеченскому.—Въ октябрѣ 1859 года, по случаю выхода изъ академіи архимандрита Епифанія, на его мѣсто назначенъ инспекторъ архимандритъ Павелъ Лебедевъ, а для усиленія комитета—въ составъ его назначенъ еще профессоръ Карповъ.

Въ 1860 году вышелъ переводъ Четвероевангелія на русскомъ языкѣ „по благословенію Святѣйшаго Синода", и всѣмъ трудившимся въ подготовленіи этого перевода наставникамъ академіи Святѣйшимъ Синодомъ прислано въ даръ по экземпляру этого изданія.

По окончаніи перевода книгъ Новаго Завѣта, академія предприняла въ 1860 году переводъ книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка. Митрополитъ Григорій, принимавшій самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, прислалъ свой экземпляръ перевода первыхъ восьми книгъ, изданнаго Библейскимъ Обществомъ. При академіи образованъ былъ комитетъ, въ которомъ, кромѣ профессоровъ, приняли участіе члены конференціи, протоіереи—М. И. Богословскій, Ѳ. Ѳ. Сидонскій, І. К. Яхонтовъ, П. Ѳ. Солярскій и К. П. Добронравинъ. Но въ этомъ видѣ комитетъ оставался не долго. Вскорѣ послѣ того образованъ былъ комитетъ въ новомъ составѣ изъ профессора священнаго писанія М. А. Голубева, преподавателя еврейскаго языка Д. А. Хвольсона и профессора Е. И. Ловягина. Въ этомъ составѣ комитетъ оставался до смерти М. А. Голубева въ 1869 году.—Съ 1861 года началось въ Христіанскомъ чтеніи печатаніе библейскихъ книгъ въ русскомъ переводѣ съ еврейскаго, и начиная съ книги Бытія, въ послѣдовательномъ порядкѣ, напечатаны были: въ 1861—1863 г. Пятокнижіе Моисея, въ 1864 году—книги Іисуса Навина, Судей, и Руѳь; въ 1865 году—первая и вторая, въ 1866 третья и четвертая книги Царствъ, въ 1867—1868—книги Паралипоменонъ; въ 1868 году первая книга Эздры, въ 1869 году книги Неемiи, Есѳирь и Іова.

Митрополитъ Григорій, при которомъ начатъ былъ переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ, вскорѣ скончался. Назначенный

послѣ него на каѳедру Петербургской митрополіи высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ горячо принялъ къ сердцу дѣло перевода свящ. книгъ и, продолжая начатый въ Святѣйшемъ Синодѣ переводъ книгъ Новаго Завѣта, въ тоже время относился весьма участливо и благосклонно къ производившемуся въ академіи подготовительному для Святѣйшаго Синода переводу книгъ Ветхаго Завѣта.

Переводъ Византійскихъ историковъ.

Въ 1857 году, по желанію митрополита Григорія, предпринятъ былъ академіею переводъ Византійскихъ историковъ, заключающихъ въ себѣ современныя повѣствованія или сказанія о событіяхъ Византійской имперіи и Греческой церкви съ VIII до половины XV вѣка, или до времени паденія Греческой имперіи. Важность этого періода времени заключается въ томъ, что въ продолженіе его произошло отпаденіе латинянъ отъ единенія съ Восточною церковію; распространился свѣтъ православія въ земляхъ Славянскихъ; Восточная греческая церковь претерпѣвала многія весьма тяжкія испытанія отъ ухищреній и козней латинянъ и отъ внѣшнихъ враговъ Имперіи — отъ славянъ до обращенія ихъ къ христіанской вѣрѣ, сарацынъ и турокъ. Первоначальные источники исторіи этого времени доселѣ весьма мало были доступны даже для ученыхъ изслѣдователей, по рѣдкости изданій.

Послѣ утвержденія Святѣйшимъ Синодомъ, 15 ноября 1857 года, соображеній академическаго правленія касательно перевода и изданія Византійскихъ историковъ, при академіи образованъ былъ редакціонный комитетъ изъ главнаго редактора, ректора академіи, и двухъ помощниковъ его— профессоровъ В. Н. Карпова и В. И. Долоцкаго. Помощникамъ редактора предоставлено было избирать себѣ сотрудниковъ изъ числа наставниковъ академіи. Казначеемъ редакціи былъ баккалавръ А. И. Предтеченскій, корректоромъ— П. И. Шалфеевъ.

Въ 1858 году вышелъ переводъ *Историческихъ записокъ Никифора Вріеннія* (976—1087), подъ редакціей профессора В. Н. Карпова.—За тѣмъ послѣдовательно выходили: въ 1859 году: *Сокращенное сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина* (1081—1118), трудъ *Анны Комниной*, ч. I подъ редакціей профессора В. Н. Карпова; въ томъ же году и подъ его же редакціей—*Краткое обозрѣніе царствованія Іоанна и Мануила Комниновъ* (1118—1180), трудъ *Іоанна Киннама.*

Въ ноябрѣ 1860 года Святѣйшій Синодъ поручилъ преосвященному митрополиту войти въ соглашеніе съ редакторомъ по переводу Византійскихъ историковъ, или съ помощникомъ его, или же съ однимъ изъ сотрудниковъ этого изданія, о томъ, не приметъ ли кто изъ нихъ на себя одного, и на какихъ именно условіяхъ, всѣ труды по переводу, редакціи и печатанію означенныхъ историковъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ декабрѣ, состоялось постановленіе Святѣйшаго Синода, чтобы печатаніе, а равно и переводъ и просмотръ новыхъ статей для этого изданія пріостановить впредь до особаго распоряженія; о количествѣ же вознагражденія за переводъ и исправленіе перевода не напечатанныхъ еще, но приготовленныхъ уже къ печати историковъ—Хоніата, Акрополита, Григоры, Пахимера, Кантакузена и Фринзы, представить по установленному порядку.—Послѣ этого, въ 1860 году напечатаны: *Никиты Хоніата—Исторія начинающаяся съ царствованія Іоанна Комнина,* т. I (1118—1185) подъ редакціей профессора В. И. Долоцкаго; въ 1862 г. т. II. (1186—1206) подъ редакціей профессора И. В. Чельцова; въ 1862 году: *Георгія Пахимера—Исторія Михаила и Андроника Палеологовъ* (1255—1282), подъ редакціей профессора В. Н. Карпова; въ томъ же году *Никифора Григоры—Римская исторія, начинающаяся со взятія Константинополя латинянами* (1204—1341), т. I. подъ редакціей П. И. Шалфеева; въ 1863 году: *Лѣтопись великаго логофета Георгія Акрополита*—подъ редакціей И. Е. Троицкаго.

На этомъ томѣ закончилось предпринятое академіею изданіе перевода Византійскихъ историковъ.

*

Изданіе журнала „Христіанское Чтеніе".

Академія продолжала изданіе журнала „Христіанское чтеніе", начавшееся въ 1821 году. Содержаніе его состояло изъ статей духовнаго содержанія, составленныхъ или переведенныхъ преподавателями академіи и посторонними лицами. Подборъ статей былъ совершенно случайный и опредѣлялся наличностію матеріала, бывшаго въ распоряженіи редактора. А такъ какъ редакціею завѣдывалъ исключительно ректоръ академіи, то на его заботѣ и лежало обезпеченіе журнала статьями, какія онъ находилъ пригодными и желательными. Назначенный въ 1847 году ректоромъ академіи, изъ ректоровъ Московской академіи, Евсевій Орлинскій, при которомъ въ Московской академіи основано было изданіе журнала „Творенія св. отцовъ",—рѣшился преобразовать Петербургскій журналъ по образцу Московскаго, т. е. переводить и печатать творенія церковныхъ отцовъ и писателей въ цѣльномъ видѣ, а не отрывками [1]). Предполагалось издавать именно—творенія св. Іоанна Златоуста и сочиненія церковныхъ историковъ. Святѣйшій Синодъ одобрилъ и утвердилъ это предположеніе и съ 1848 года началось изданіе Христіанскаго чтенія по новой программѣ: въ первомъ отдѣлѣ помѣщался переводъ бесѣдъ Златоуста (начатый Бесѣдами къ Антіохійскому народу и законченный въ 1866 году Бесѣдами на разныя мѣста Ветхаго и Новаго Завѣта); во второмъ—церковныхъ историковъ Евсевія, Сократа, Созомена, Ѳеодорита, Филосторгія, Евагрія и Ѳеодора чтеца. Послѣ церковныхъ историковъ, въ этомъ отдѣлѣ помѣщался (съ 1855 по 1867 годъ) переводъ писаній отцовъ и учителей церкви, относящихся къ истолкованію православнаго богослуженія—Діонисія Ареопагита, Софронія, патріарха Іерусалимскаго, Максима Исповѣдника, Германа и Паисія патріарховъ константинопольскихъ, Симеона архіеп.

[1]) См. письма ректора Спб. академіи, преосв. Евсевія, къ А. В. Горскому въ Твор. св. отцовъ, 1886 г. II. Приб. стр. 726, слѣд. Въ этихъ письмахъ вообще много любопытнаго объ академіи во время ректорства преосв. Евсевія и о самомъ ректорѣ.

Солунскаго, Николая Кавасилы, Марка Ефесскаго и Θеодора Студита.—Редакціей перваго отдѣла, т. е. пересмотромъ и исправленіемъ перевода бесѣдъ Златоуста завѣдывали: профессоръ Д. Θ. Вознесенскій до кончины въ 1852 году; послѣ него—инспекторы академіи—архимандриты Іоаннъ, Кириллъ и Викторинъ, а съ 1856 по 1865 годъ профессоръ Е. И. Ловягинъ. Редакціею втораго отдѣла завѣдывали: переводомъ церковныхъ историковъ—профессоръ В. Н. Карповъ, церковныхъ литургиковъ—В. И. Долоцкій; Θеодора Студита—Е. И. Ловягинъ [1]). Ректоръ академіи былъ главнымъ редакторомъ журнала, но завѣдывалъ ближайшимъ образомъ третьимъ отдѣломъ, состоявшимъ изъ проповѣдей и учено-литературныхъ статей духовно-нравственнаго содержанія.—Съ началомъ изданія „Духовной бесѣды“ (1858 года), въ которой сообщались свѣдѣнія о различныхъ церковныхъ событіяхъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, стали печататься такія же свѣдѣнія, отрывочными извѣстіями и общими обозрѣніями, и въ Христіанскомъ чтеніи.

Цензура статей, помѣщаемыхъ въ Христіанскомъ чтеніи, принадлежала здѣшнему духовно-цензурному комитету. Но сверхъ того Христіанское чтеніе подлежало, наравнѣ со всѣми изданіями, проходившими чрезъ духовную цензуру, высшему надзору учрежденнаго при Святѣйшемъ Синодѣ въ 1851 году Цензурнаго комитета. Каждая книжка журнала представляема была по напечатаніи, прежде выпуска изъ типографіи, въ этотъ комитетъ и выходила только послѣ полученія разрѣшенія отъ онаго. Не мало книжекъ было задерживаемо съ требованіемъ исключенія той или другой изъ напечатанныхъ статей, которыя немедленно замѣнялись другими. Всѣ распоряженія по этому комитету объявляемы были К. С. Сербиновичемъ, который разсматривалъ помѣщавшіяся въ Христіанскомъ чтеніи статьи.

---

[1]) Подготовительная работа перевода дѣлалась наставниками, изъявившими желаніе участвовать въ переводѣ; наставники, въ свою очередь, поручали подготовительную работу студентамъ, соотвѣтственно вознаграждая ихъ за этотъ трудъ денежною платою.

III. Студенты.

Пріемъ въ академію.—Студентовъ полагалось по штату 60 въ курсѣ и 120 въ обоихъ курсахъ. При образованіи новыхъ курсовъ въ академіи, въ нечетные годы, въ составъ ихъ вызываемы были воспитанники преимущественно С.-Петербургскаго округа, и частію изъ Кіевскаго, Московскаго и Казанскаго округовъ. Но въ 1865 году, при ректорѣ преосвященномъ Іоаннѣ, академическимъ правленіемъ постановлено было не вызывать изъ Московскаго и Казанскаго округовъ на казенный счетъ ни одного воспитанника, потому что въ тамошнихъ округахъ нѣтъ окончанія семинарскаго курса, а вызывать въ академію прежде окончанія семинарскаго курса нѣтъ уважительной причины и пользы; тѣ округа имѣютъ свои академіи, которыя чрезъ годъ будутъ также требовать хорошихъ воспитанниковъ; наконецъ и недостатокъ экономическихъ средствъ затруднялъ С.-Петербургскую академію въ содержаніи студентовъ и по необходимости заставлялъ сокращать число ихъ.

Казеннокоштныхъ вакансій полагалось 60 въ курсѣ; но въ концѣ 50-хъ годовъ допускаемъ былъ пріемъ въ академію, и притомъ въ довольно значительномъ числѣ, своекоштныхъ студентовъ, которые частію помѣщаемы были въ академическомъ зданіи со взносомъ опредѣленной платы за свое содержаніе (по 143 р. 16 к. въ годъ и 34 р. 28 к. на первоначальное обмундированіе), частію жили на квартирахъ у родителей и родственниковъ, съ особаго разрѣшенія начальства. По усмотрѣнію успѣховъ и поведенія, нѣкоторые изъ нихъ переводимы были потомъ на казеннокоштныя вакансіи по мѣрѣ ихъ открытія. Въ 1865 г. академическое правленіе постановило принимать въ число дѣйствительныхъ студентовъ на собственное содержаніе только самое небольшое число и притомъ такихъ, которые, кромѣ хорошихъ способностей и познаній на пріемныхъ экзаменахъ, представятъ академическому правленію несомнѣнныя ручательства какъ въ томъ, что они имѣютъ достаточныя средства къ своему содержанію въ

С.-Петербургѣ, такъ и въ томъ, что будутъ жить въ столицѣ подъ надзоромъ извѣстныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ.

Въ 1858 г. по распоряженію Св. Синода вызваны были изъ Иркутской семинаріи въ С.-Петербургскую 7 воспитанниковъ для изученія монгольскаго языка. Изъ нихъ 4—окончившіе курсъ—Григорій Поповъ, Евграфъ Писаревъ, Василій Карелинъ и Михаилъ Митропольскій—по указу Святѣйшаго Синода помѣщены въ С.-Петербургской академіи съ тѣмъ, чтобы въ свободное отъ преподаванія монгольскаго языка время слушали академическія лекціи въ качествѣ вольнослушателей, а остальные 3—Антонъ Карелинъ, Василій Миротворцевъ и Иннокентій Корнаковъ—помѣщены въ С.-Петербургской семинаріи для окончанія полнаго семинарскаго курса; по окончаніи же въ 1859 году семинарскаго курса, они также перемѣщены были въ С.-Петербургскую академію въ качествѣ вольнослушателей. Карелинъ и Миротворцевъ, по выдержаніи въ семинаріи экзамена на званіе студента, въ 1860 году помѣщены въ число дѣйствительныхъ студентовъ академіи. По случаю перехода всѣхъ этихъ воспитанниковъ въ академію, въ 1859 году сдѣлано было распоряженіе о переводѣ въ академію же изъ семинаріи класса монгольскаго языка, съ предоставленіемъ прочимъ академическимъ воспитанникамъ по желанію посѣщать означенный классъ. До 1860 года монгольскій языкъ преподавалъ имъ профессоръ этого языка въ здѣшнемъ университетѣ, Поповъ; но, за полученіемъ имъ новаго назначенія, преподаваніе монгольскаго языка поручено было, съ 16 февраля 1860 года, адъюнкту здѣшняго университета Голстунскому и практическому преподавателю того же университета Гайсану Гамбоеву, съ производствомъ вознагражденія—первому по 800 р., послѣднему по 400 р. въ годъ. Правленіе академіи назначило имъ четвертый часъ пополудни Голстунскому—въ понедѣльникъ и пятницу, Гомбоеву—въ среду и субботу каждой недѣли.—Изъ числа этихъ воспитанниковъ В. Миротворцевъ опредѣленъ, по окончаніи курса, баккалавромъ въ Казанскую академію, и нынѣ состоитъ

въ оной экстраординарнымъ профессоромъ; прочіе уволены въ 1861 году въ Иркутскую епархію.

Въ 1865 году главный начальникъ Сѣверо-западнаго края, признавая нужнымъ увеличить въ семъ краѣ число лицъ, получившихъ высшее духовное образованіе, просилъ о вызовѣ въ духовныя академіи большаго числа воспитанниковъ изъ западныхъ семинарій, преимущественно Литовской. Вслѣдствіе этого Высочайшимъ повелѣніемъ, 4 ноября 1865 года, постановлено было увеличить въ здѣшней академіи число воспитанниковъ, вызываемыхъ изъ Западнаго края, четырьмя, обративъ на содержаніе ихъ сумму, отпускавшуюся съ 1845 года на воспитанниковъ изъ западныхъ епархій, вызываемыхъ въ здѣшнюю семинарію [1]).

Въ 1859 году 4 сентября, по поводу возникавшихъ недоразумѣній относительно обучающихся въ академіи молодыхъ людей изъ южно-славянскихъ племенъ, оберъ-прокурорь Святѣйшаго Синода, графъ А. П. Толстой, изъяснилъ что они ни въ какомъ случаѣ не должны быть сравниваемы съ нашими студентами и подчиняемы одинаковымъ съ ними правиламъ. Академическое начальство обязано взирать на нихъ, какъ на лицъ, которыя, прибывъ въ наше отечество для полученія образованія, пользуются лишь нашимъ гостепріимствомъ и покровительствомъ, имѣя полную свободу въ выборѣ для себя ученыхъ занятій. Никакая обязательная отчетность въ успѣхахъ этихъ занятій не должна быть требуема. Но если бы кто изъ иностранцевъ возъимѣлъ желаніе получить ученую степень, въ такомъ случаѣ академическое начальство вправѣ подвергнуть таковаго испытанію на общемъ основаніи и не иначе удостоивать его ученой степени, какъ по точномъ удостовѣреніи, что пріобрѣтенныя имъ въ учебныхъ предметахъ свѣдѣнія даютъ ему полное на то право. Обучавщіеся въ академіи православные единовѣрцы—греки, болгары, сербы, волахи, сирійцы—содержались на особыя суммы Святѣйшаго Синода. Кромѣ того иностранцамъ изъ южныхъ

[1]) Постановленіе это дѣйствовало до 1887 года.

славянъ выдавалось, по предложенію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 17 декабря 1857 года, по 1 р. въ мѣсяцъ на карманные расходы, въ счетъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Порядокъ занятій студентовъ.—Студентческій день въ академическомъ зданіи начинался общею молитвою въ академической церкви, въ половинѣ 7-го утромъ. Съ 1855 года утромъ и вечеромъ подавался студентамъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Въ 9-ть часовъ начинались уроки, полуторачасовые, а съ 1855 года часовые, и продолжались до часу. Въ часъ былъ обѣдъ. Съ 3 до 4 часовъ былъ еще одинъ урокъ; послѣ него чай, а съ 6-ти до 9-ти часовъ время назначалось исключительно для учебныхъ занятій. Въ занятное время довольно часто посѣщали студентовъ ректоръ и инспекторъ. Въ 9-ть часовъ вечера—ужинъ. Послѣ ужина комнатные старшіе являлись къ инспектору съ рапортомъ и за полученіемъ распоряженій, какія признавались начальствомъ нужными, а очередные по классамъ являлись къ ректору съ донесеніемъ, какіе и о чемъ были уроки въ тотъ день. День заканчивался общею молитвою въ церкви. Въ церкви во время молитвы, и въ столовой за обѣдомъ и ужиномъ, обязательно присутствовалъ помощникъ инспектора. Въ бытность инспекторомъ архим. Макарія Булгакова, онъ неопустительно самъ присутствовалъ за утреннею молитвою.—Важнѣйшими достоинствами его инспекціи были прямой и вполнѣ откровенный образъ дѣйствій и отсутствіе всякаго желанія узнать что либо о студентахъ внѣ общихъ способовъ инспекторскаго наблюденія, а также всякой попытки поразить неожиданностью или застигнуть въ расплохъ.—Занятныя комнаты запирались въ 11-ть часовъ. Спальни или дортуары были отдѣльные отъ занятныхъ комнатъ и помѣщались въ верхнемъ (3-мъ) этажѣ надъ занятными комнатами. Занятія въ спальняхъ не были дозволяемы и не были въ обычаѣ. Студенты, кому нужно было, предпочитали встать утромъ—раньше положеннаго времени (6-ти часовъ). Отпуски изъ академіи въ учебное время дозволялись только два раза въ недѣлю—по четвергамъ и воскресеньямъ, въ праздничные дни,—послѣ обѣда до ужина. Возвратившись изъ города студенты

являлись къ инспектору или помощнику его и возвращали свои отпускные билеты. Дисциплина эта соблюдалась со всею строгостію при графѣ Пратасовѣ и при ректорахъ Аѳанасіѣ, Евсевіѣ и Макаріѣ; но потомъ, къ концу 50-хъ годовъ, начала ослабѣвать.

Въ сентябрѣ 1858 года нѣкоторые студенты низшаго отдѣленія, замѣченные инспекціею въ нарушеніи дисциплинарныхъ правилъ, оказали упорство въ подчиненіи требованіямъ порядка и занесли жалобу на инспектора. Митрополитъ Григорій личнымъ вліяніемъ прекратилъ безпорядокъ, но 6-ть главныхъ виновныхъ уволены были изъ академіи въ епархіальное вѣдомство, съ предоставленіемъ имъ, впрочемъ, преимущественнаго права предъ студентами семинарій на занятіе преподавательскихъ мѣстъ въ духовныхъ училищахъ.

Въ сентябрѣ 1861 года нѣкоторые студенты высшаго отдѣленія не стали ходить на классъ греческаго языка, занятый въ ту пору временнымъ преподавателемъ, и упорно продолжали не ходить, не смотря на подтвержденіе требованія со стороны ректора академіи и объявленную имъ волю преосвященнаго митрополита, съ предупрежденіемъ, что виновные будутъ уволены изъ академіи. Послѣдствіемъ этого было то, что 25 воспитанниковъ 7 октября были уволены въ епархіальное вѣдомство; но изъ нихъ 22 подали прошенія объ обратномъ пріемѣ въ академію, а трое не подали таковыхъ прошеній. Эти три студента, а также 3 изъ 22-хъ подавшихъ прошенія, уволены были въ епархіальное вѣдомство. Прочіе 19, изъявившіе готовность подчиниться всѣмъ правиламъ заведенія, приняты обратно въ число студентовъ [1]).

Полный курсъ ученія продолжался четыре года. Курсъ низшаго отдѣленія (первые два года) назначался преимущественно для предметовъ общаго образованія (философскія науки, словесность, гражданская исторія, физика и математика); курсъ высшаго отдѣленія назначался спеціально для богословскихъ наукъ.

---

[1]) Мнѣніе, по поводу этого случая, Московскаго митрополита Филарета— въ Собраніи мнѣній и отзывовъ его, т. V, ч. I. Спб. 1887 года, № 627 стр. 151—155.

За годъ до окончанія курса, студентамъ назначаемы были темы для-такъ называемыхъ—*курсовыхъ* сочиненій на ученую степень. Это время было чрезвычайно важно и благотворно для развитія студентовъ, потому что въ оборотѣ находилось до 50—60 темъ, т. е. предметовъ специальныхъ занятій студентовъ. Каждый старался изучить полную литературу своего предмета, источники и пособія, и становился полнымъ господиномъ въ своемъ дѣлѣ, въ сферѣ избраннаго имъ предмета. Каждый желалъ подѣлиться съ другими своими занятіями, поисками, находками, указаніями. Обмѣнъ мыслей былъ самый широкій. Во многихъ случаяхъ предметомъ, выбраннымъ для курсоваго сочиненія, опредѣлялась послѣдующая специальность студента въ направленіи его занятій.—Въ видахъ пріученія студентовъ къ наставнической дѣятельности, ректоръ, преосвященный Макарій, поручалъ студентамъ читать обработанные отдѣлы курсовыхъ сочиненій въ классѣ, и потомъ дѣлалъ указанія и замѣчанія какъ о составѣ лекціи, ея достоинствахъ и недостаткахъ, такъ и о способѣ ея изложенія предъ слушателями.

Экзамены.—Переходные (для студентовъ низшаго отдѣленія) и выпускные (для студентовъ высшаго отдѣленія) экзамены производились—первые академическимъ правленіемъ, послѣдніе—конференціею, съ участіемъ и *внѣшнихъ* членовъ конференціи, которые назначались депутатами по различнымъ предметамъ академическаго курса. Но кромѣ того при концѣ каждаго курса Святѣйшимъ Синодомъ назначаема была ревизія академіи. Производство ревизіи поручаемо было исключительно С.-Петербургскому митрополиту, съ разрѣшеніемъ ему, если признаетъ нужнымъ, возложить обозрѣніе академіи на своего викарія, или на кого либо изъ подвѣдомственныхъ лицъ, извѣстныхъ своею опытностію и способностію. Въ 1857 и 1859 годахъ обозрѣвалъ академію и присутствовалъ на экзаменахъ митрополитъ Григорій. Въ 1863 году высокопр. митрополитъ Исидоръ производилъ испытаніе по богословскимъ наукамъ; ревизію же по прочимъ частямъ поручалъ преосвященному Леонтію, епископу Ревельскому; въ 1865 году высокопр. митрополитъ Исидоръ пору-

чалъ преосвященному Герасиму, епископу Ладожскому, присутствовать на испытаніяхъ въ академіи въ тѣ дни, когда другія занятія не позволятъ ему самому быть на нихъ; обозрѣть порядокъ дѣлопроизводства по правленію и освидѣтельствовать экономическую часть академіи;—въ 1867 году ревизія академіи поручаема была преосвященному Палладію, епископу Ладожскому (нынѣ экзархъ Грузіи); въ 1869 году—преосвященному Павлу, епископу Выборгскому (нынѣ архіепископъ Казанскій).—На публичныхъ экзаменахъ присутствовали обыкновенно всѣ члены Святѣйшаго Синода, почетнѣйшее духовенство столицы и свѣтскія власти.

Удостоеніе ученыхъ степеней.—Послѣ экзаменовъ составляемы были разрядные списки студентовъ, съ обозначеніемъ, какой кто удостоивается ученой степени. Списки, вмѣстѣ съ курсовыми сочиненіями студентовъ, удостоиваемыхъ степени магистра, представляемы были въ Святѣйшій Синодъ, который поручалъ разсмотрѣніе сочиненій своимъ членамъ и присутствующимъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, а также и нѣкоторымъ епархіальнымъ преосвященнымъ. Утвержденіе въ степеняхъ происходило обыкновенно (за однимъ, кажется, исключеніемъ для студентовъ 23-го курса, выпуска 1859 года), не ранѣе, какъ чрезъ годъ, иногда и болѣе, по окончаніи курса. Но въ 1862 году Святѣйшій Синодъ, принимая во вниманіе потерю времени воспитанниками духовныхъ академій для производства ихъ въ чины, происходящую по независящимъ отъ нихъ причинамъ, по окончаніи курса до утвержденія въ ученыхъ степеняхъ, предложилъ конференціи представить мнѣніе объ устраненіи этого неудобства. Вслѣдствіи этого академія полагала предоставить конференціямъ утверждать воспитанниковъ въ ученыхъ степеняхъ кандидата и магистра немедленно по окончаніи испытаній; а для того, чтобы Святѣйшему Синоду извѣстно было направленіе образованія въ духовныхъ академіяхъ, представлять въ Святѣйшій Синодъ сочиненія воспитанниковъ, удостоенныхъ этихъ степеней, каковыя сочиненія, по разсмотрѣніи, имѣютъ быть возвращаемы въ конференцію. Вслѣдствіе этого въ 1863 году 21 мая Святѣйшимъ

Синодомъ постановлено было, чтобы каждое сочиненіе на ученую степень сначала было прочитано съ надлежащею оцѣнкою наставникомъ, по предмету котораго писано сочиненіе, за тѣмъ двумя членами конференціи, и наконецъ, на основаніи всѣхъ этихъ отзывовъ, конференція присуждала окончившимъ курсъ студентамъ ученыя степени. Въ Святѣйшій Синодъ представлялось только объ утвержденіи удостоенныхъ въ степени магистра, съ отзывами о достоинствѣ ихъ сочиненій.

Но такъ какъ студенты стали запаздывать подачею курсовыхъ сочиненій, то и составленіе разрядныхъ списковъ отлагаемо было на полгода и на годъ послѣ окончанія курса, и удостоеніе ученыхъ степеней происходило разновременно, по мѣрѣ представленія студентами и разсмотрѣнія ихъ курсовыхъ сочиненій.

Въ 1864 году 7 сентября, по поводу уклоненій нѣкоторыхъ воспитанниковъ академіи отъ поступленія на училищную службу, или принятія того назначенія, которое указываетъ духовно-училищное начальство, Святѣйшій Синодъ предписалъ академическимъ правленіямъ, чтобы при новыхъ пріемахъ воспитанниковъ въ академіи непремѣнно въ точности соблюдаемо было правило—объявлять желающимъ поступить въ академіи объ обязательности для нихъ 4-хъ лѣтней службы по духовно-учебному вѣдомству, по назначенію высшаго духовнаго начальства, съ отобраніемъ въ томъ отъ нихъ подписокъ, безъ чего не принимать воспитанниковъ въ академію;—окончившихъ же курсъ студентовъ академій утверждать въ ученыхъ степеняхъ не прежде, какъ по прослуженіи ими на мѣстахъ назначенія четырехъ мѣсяцевъ, но съ жалованьемъ и старшинствомъ по дѣйствующимъ правиламъ, именно—жалованье производить со дня дѣйствительнаго вступленія въ должность, а старшинство въ ученыхъ степеняхъ считать со дня утвержденія конференціей.

Изъ окончившихъ курсъ въ 1865 году нѣкоторые представлены были къ утвержденію въ ученыхъ степеняхъ только чрезъ три года; а изъ окончившихъ курсъ въ 1867 году ни одинъ не подалъ сочиненія въ свое время. Вслѣдствіи этого

Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію отъ 11—25 сентября 1868 года, постановилъ: вмѣнить въ обязанность конференціи озаботиться внушеніемъ воспитанникамъ текущаго курса, чтобы они представили курсовыя свои сочиненія непремѣнно къ окончанію курса, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначить воспитанникамъ прежнихъ курсовъ крайній срокъ для подачи ими своихъ сочиненій, дабы такимъ образомъ прекратить допускаемыя въ этомъ отношеніи уклоненія отъ установившагося порядка какъ для пользы самихъ воспитанниковъ и правильнаго хода въ замѣщеніи наставническихъ мѣстъ въ семинаріяхъ, такъ и возможности для высшаго духовнаго начальства слѣдить за успѣхами и направленіемъ духовнаго образованія въ академіяхъ.—Но такъ какъ и окончившіе курсъ въ 1869 году, несмотря на всѣ со стороны академическаго начальства настоянія и побужденія, не исполнили своей обязанности по отношенію къ своевременной подачѣ сочиненій, и подобная же неисправность оказывалась и въ другихъ академіяхъ, то Святѣйшій Синодъ, 18 сентября 1869 года, назначилъ окончившимъ курсъ и не утвержденнымъ въ ученыхъ степеняхъ воспитанникамъ духовныхъ академій крайній срокъ для представленія сочиненій—непремѣнно къ 15 августу 1870 года, поручивъ епархіальнымъ преосвященнымъ объявить имъ при томъ, что не исполнившіе этого къ указанному сроку будутъ подлежать перемѣщенію изъ семинарій на учительскія вакансіи въ духовныя училища для выслуги обязательнаго четырехлѣтняго срока за воспитаніе въ академіи; а тѣхъ, которые не представятъ сочиненій и къ 15 августа 1870 года, утверждать въ ученыхъ степеняхъ не иначе, какъ по выдержаніи ими, при представленіи курсоваго сочиненія, новыхъ самыхъ строгихъ устныхъ испытаній въ академіи по всѣмъ предметамъ академическаго курса. Мѣра эта распространена и на не состоящихъ на духовно-училищной службѣ воспитанниковъ.

Назначеніе окончившихъ курсъ студентовъ на мѣста производилось, при самомъ окончаніи курса—академическими конференціями, которыя, имѣя свѣдѣнія объ открывшихся въ ихъ учебныхъ округахъ наставническихъ вакансіяхъ,

предназначали на эти вакансіи своихъ студентовъ и представляли на утвержденіе Святѣйшаго Синода; прочихъ за тѣмъ студентовъ распредѣляло по мѣстамъ Духовно-учебное управленіе, съ утвержденія Святѣйшаго Синода, уже по всѣмъ академическимъ округамъ, гдѣ открывались преподавательскія вакансіи.

Въ 1867 году Высочайше утвержденнымъ 14 мая уставомъ духовныхъ семинарій опредѣленіе преподавателей въ семинаріи предоставлено епархіальнымъ преосвященнымъ, по представленіямъ семинарскаго правленія, основаннымъ на испытаніи ищущаго преподавательской должности посредствомъ трехъ пробныхъ уроковъ; а при неимѣніи въ виду правленія желающихъ занять таковую должность—по сношенію съ академическими конференціями. Въ августѣ того же года конференція С.-Петербургской академіи составила проектъ временныхъ правилъ по этому предмету и представила оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. 30-го того же августа конференціи сообщено, что правленіямъ семинарій поставлено въ обязанность доставлять не позже 15 мая въ одну изъ академій, по своему усмотрѣнію, свѣдѣнія о вакантныхъ наставническихъ мѣстахъ, на которыя они не имѣютъ собственныхъ кандидатовъ и предоставляютъ испытаніе и назначеніе ихъ конференціи духовной академіи. Воспитанникамъ, не получившимъ назначенія, дозволено, при самомъ выбытіи изъ академіи, держать предъ академическою конференціею три пробныя лекціи изъ той науки, которую желаютъ преподавать; въ случаѣ успѣшнаго выдержанія этого испытанія—выдавать имъ отъ конференціи аттестатъ, предоставляющій имъ право, въ теченіи двухъ лѣтъ со дня выдачи онаго, занять, по приглашенію педагогическаго собранія той или другой семинаріи, открывающееся мѣсто преподавателя по этой наукѣ; не выдержавшихъ этого испытанія, или пожелавшихъ впослѣдствіи избрать преподаваніе другой науки, опредѣлять на мѣста не иначе, какъ по выдержаніи предварительнаго испытанія.

Прекращеніе выдачи классныхъ окладовъ наставникамъ ду-

ховно-учебныхъ заведеній.—Въ 1867 году Высочайше утвержденнымъ 3 іюля опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода постановлено: „за увеличеніемъ, по Высочайше утвержденнымъ 14 мая штатамъ духовныхъ семинарій и училищъ, содержанія служащимъ при сихъ заведеніяхъ лицамъ, прекратить производство классныхъ по ученымъ степенямъ окладовъ какъ вновь поступающимъ въ службу лицамъ, такъ и состоящимъ на оной въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ епархій, гдѣ содержаніе будетъ производиться по упомянутымъ новымъ штатамъ. Правило сіе распространить и на наставниковъ, имѣющихъ санъ священнослужительскій“ [1]).

IV. Управленіе академіи.

Управленіе академіи сосредоточивалось въ академическомъ правленіи внутреннемъ и внѣшнемъ и конференціи.

Внутреннее академическое правленіе составляли ректоръ. инспекторъ и по хозяйственной части экономъ. Внѣшнее, завѣдывавшее дѣлами окружныхъ семинарій, составляли ректоръ, инспекторъ и два профессора академіи.

Членами *академической конференціи,* по уставу 1814 года, состояли ректоръ и всѣ ординарные профессоры. Экстраординарнымъ профессорамъ испрашивалось и предоставлялось это право особо, при возведеніи ихъ въ это званіе. Кромѣ внутреннихъ членовъ конференціи, были *внѣшніе,* которыхъ полагалось „десять особъ“ изъ духовенства, извѣстныхъ конференціи со стороны просвѣщенія, трудолюбія и готовности исполнять порученія, на нихъ возлагаемыя по разсмотрѣнію книгъ, предназначаемыхъ для учебнаго употребленія, сочиненій представляемыхъ на ученыя степени, по цензурѣ книгъ, обозрѣнію семинарій и училищъ, присутствованію при экзаменахъ студентовъ и проч.

---

[1]) Высочайше утвержденнымъ 28 апрѣля 1814 г. положеніемъ б. Коммиссіи духовныхъ училищъ присвоены были оклады—докторамъ богословія по 500 р., магистрамъ по 350 р. и кандидатамъ по 250 р. ассигн., съ посвященіемъ ихъ въ священнослужительскій санъ; а служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподавателямъ дозволено было выдавать эти оклады и прежде посвященія, если они объявятъ непремѣнное желаніе вступить въ духовное званіе.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи всегда избираемъ былъ въ званіе члена конференціи.

Въ періодъ времени съ 1857 по 1869 годъ членами конференціи, по старшинству избранія въ это званіе, состояли:

Протоіерей, законоучитель Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, *Михаилъ Измайловичъ Богословскій*, съ 1839 года. Скончался 15 января 1884 года.

Придворный протоіерей *Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій*, съ 1848 года.—Въ 1862 году по прошенію уволенъ отъ этой должности, при чемъ за 14-лѣтнее усердное и полезное исполненіе обязанностей по оной преподано было ему благословеніе Святѣйшаго Синода.—Скончался 10 октября 1882 года.

Протоіерей Казанскаго собора, *Григорій Серг. Дебольскій*, съ 1848 года.—Скончался 14 іюня 1881 года.

Протоіерей Морскаго Никольскаго собора, *Іоаннъ Дм. Колоколовъ*.—Скончался въ 1869 году.

Протоіерей каѳедральнаго Петропавловскаго собора, *Николай Ѳед. Раевскій*.—Скончался 4 февраля 1857 года.

Протоіерей, законоучитель Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, *Іоаннъ Конст. Яхонтовъ*, съ 1855 года. Скончался 22 марта 1888 года.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи, архимандритъ *Іоаннъ Соколовъ*, съ 1857 года до назначенія ректоромъ Казанской академіи.—Скончался епископомъ Смоленскимъ.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи, архимандритъ *Нектарій Надеждинъ* съ 1857. Въ 1859 году опредѣленъ ректоромъ академіи.—Скончался въ санѣ архіепископа Харьковскаго въ 1874 году.

Священникъ, законоучитель 3-й С.-Петербургской гимназіи, *Константинъ Петр. Добронравинъ*, съ 1857 года.—Нынѣ преосвященный *Гермогенъ*, епископъ Псковскій.

Священникъ, законоучитель С.-Петербургскаго университета, *І. А. Янышевъ*, съ 1857 года.—Нынѣ протопресвитеръ, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи, архимандритъ *Леонтій Лебединскій*, съ 1859 года. Въ 1860 году 5 марта по-

священъ въ санъ епископа Ревельскаго, викарія С.-Петербургской епархіи.—Нынѣ архіепископъ Холмско-Варшавскій, членъ Святѣйшаго Синода.

Протоіерей, законоучитель Николаевскаго Сиротскаго института, *Вас. Вас. Гречулевичъ*, съ 7 іюня 1860 года. (Въ монашествѣ *Виталій*).—Скончался епископомъ Могилевскимъ въ 1887 году.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи, архимандритъ *Платонъ Троепольскій*, съ 1860 года.—Скончался епископомъ Томскимъ въ 1876 году.

Протоіерей Казанскаго собора *Ѳ. Ѳ. Сидонскій*, съ 1862 года.—Скончался 6 декабря 1873 года.

Протоіерей университетской церкви, *Павелъ Ѳедор. Солярскій*, съ 1862 года.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи, архимандритъ *Палладій Раевъ*, съ 1865 года.—Нынѣ архіепископъ, экзархъ Грузіи.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи, архимандритъ *Павелъ Лебедевъ*, съ 1866 года.—Въ 1868 году 21 августа посвященъ въ санъ епископа Выборгскаго.—Нынѣ архіепископъ Казанскій.

Въ *члены—кореспонденты* избраны были:

Въ 1858 году—настоятели посольскихъ церквей: въ Константинополѣ—архимандритъ *Петръ* и въ Парижѣ—протоіерей *І. В. Васильевъ*, впослѣдствіи предсѣдатель Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.—Скончался 27 декабря 1881 года.

Въ 1861 году—настоятель посольской церкви въ Вѣнѣ, протоіерей *М. Ѳ. Раевскій*.—Скончался 2 мая 1884 года.

Въ 1862 году—настоятель посольской церкви въ Константинополѣ, архимандритъ *Антонинъ Капустинъ*.—Нынѣ начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ.

Всѣ они предъ избраніемъ заявили о своей готовности доставлять конференціи полезныя свѣдѣнія объ открытіяхъ, относящихся къ духовной учености.

Секретаремъ конференціи и внѣшняго академическаго правленія былъ съ 23-го августа 1852 года *Е. И. Ловягинъ*.

Въ 1865 году 7 мая онъ перемѣщенъ, согласно желанію, на должность секретаря С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры.—Секретаремъ конференціи опредѣленъ былъ *А. И. Предтеченскій.*—Должность *помощника секретаря,* завѣдывавшаго дѣлами внутренняго правленія, занимали последовательно: *А. И. Предтеченскій* съ 8 декабря 1856 до 1860 года; магистръ *Д. Опоцкій,* окончившій курсъ въ 1859 году и состоявшій въ продолженіи курса письмоводителемъ академическаго правленія; вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ учителемъ Александроневскаго училища и діакономъ синодальной церкви (нынѣ протоіерей въ Женевѣ);—съ 1863 г.— баккалавръ *И. Е. Троицкій.*

Удостоеніе ученыхъ степеней.—Въ 1857 году настоятель посольской церкви въ Аѳинахъ, архимандритъ Антонинъ, препроводилъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода сочиненія профессоровъ богословія въ Аѳинскомъ университетѣ *Константина Кондогони* и *Георгія Маврокордато,* и просилъ подвергнуть ихъ разсмотрѣнію конференціи одной изъ духовныхъ академій, съ тѣмъ, чтобы удостоить упомянутыхъ профессоровъ ученой степени доктора или магистра; при чемъ съ своей стороны свидѣтельствовалъ, что оба означенные профессора суть лучшіе теперь богословы въ Греціи и вполнѣ стоятъ чести носить русскій крестъ; изъ нихъ Кондогони имѣетъ обширнѣйшую богословскую ученость: кромѣ еврейской археологіи издалъ два большихъ тома патрологіи и славится отличными записками по церковной исторіи, вообще человѣкъ весьма полезный и глубоко чтимый; а Маврокордато отличается неустрашимымъ исповѣданіемъ истины и послѣ Икономоса есть, безъ сомнѣнія, первый полемистъ на востокѣ.—Святѣйшій Синодъ препроводилъ эти сочиненія на разсмотрѣніе конференціи С.-Петербургской академіи. Конференція поручила разсмотрѣніе сочиненій Маврокордато—профессору Карпову, сочиненій Кондогони профессору Долоцкому, и на основаніи представленныхъ ими отзывовъ 30-го декабря 1857 года признала Маврокордато, за глубокія и обширныя познанія въ духовной учености, заслуживающимъ степени доктора богословія, а Кондогони за

весьма основательныя свѣдѣнія въ тѣхъ богословскихъ предметахъ, по которымъ изданы имъ ученые опыты, заслуживающимъ степени магистра богословія. Святѣйшій Синодъ 2 мая 1858 года утвердилъ это представленіе и тогда же препровождены были удостоеннымъ печатные дипломы на эти степени.

Въ 1858 году 8 ноября, по представленію конференціи возведенъ въ степень доктора богословія законоучитель Училища Правовѣдѣнія, протоіерей *М. И. Богословскій,* за долговременную и отлично—ревностную училищную службу его какъ по духовному, такъ и по гражданскому вѣдомствамъ, особенно же за составленное имъ весьма основательное и вполнѣ удовлетворительное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Священная исторія Ветхаго Завѣта".

Степени магистра изъ прежнихъ студентовъ удостоены: въ 1853 году—смотритель С.-Петербургскаго Александроневскаго училища, архимандритъ *Гурій Карповъ,* поступившій въ 1839 году, до окончанія курса, въ составъ Китайской миссіи, съ возведеніемъ въ степень кандидата, — (скончался архіепископомъ Таврическимъ,)—и въ 1860 году—инспекторъ того же училища, кандидатъ академіи 1843 года, *П. Евдокимовъ,* бывшій впослѣдствіи преподавателемъ С.-Петербургской семинаріи (скончался въ 1868 году).

Разсмотрѣніе книгъ.—Кромѣ разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на ученыя степени, членамъ конференціи поручаемо было разсмотрѣніе печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, присылавшихся во множествѣ изъ Святѣйшаго Синода, отъ оберъ-прокурора и изъ духовно-учебнаго управленія, отъ различныхъ вѣдомствъ и учрежденій—для различныхъ цѣлей.

Въ 1857 году 21 декабря президентъ Академіи Наукъ, сообщивъ митрополиту Григорію, что Второе Отдѣленіе Академіи предполагаетъ напечатать въ своихъ изданіяхъ снимокъ съ греческой рукописи IX или X вѣка, содержащей въ себѣ литургію Василія Великаго, просилъ объ увѣдомленіи, не можетъ ли встрѣтиться со стороны духовнаго вѣдомства какихъ либо препятствій къ напечатанію ея. Профессоръ

Долоцкій, разсмотрѣвъ рукопись, донесъ конференціи, что въ ней текстъ и порядокъ молитвъ почти ничѣмъ не отличаются отъ нынѣшняго, за исключеніемъ того, что 1) здѣсь, какъ и во всѣхъ древнихъ спискахъ греческихъ и славянскихъ, нѣтъ словъ: *преложивъ духомъ твоимъ святымъ*, и 2) чего онъ нигдѣ не встрѣчалъ—великая эктенія полагается послѣ молитвы 3-го антифона.—Конференція, согласно этому отзыву, не находила препятствій къ изданію упомянутой рукописи и полагала увѣдомить объ этомъ Академію Наукъ (29 января 1858 г.); но митрополитъ Григорій написалъ на журналѣ конференціи: „какъ великая эктенія въ литургіи св. Василія Великаго полагается послѣ 3-го антифона, что несообразно ни съ одною изъ древнихъ степенныхъ рукописей, то должно полагать, что предложенная рукопись списана съ какой нибудь испорченой рукописи или—что вѣрнѣе—составлена какимъ либо своевольнымъ или глупымъ умникомъ. Посему напечатаніе такой рукописи нахожу вреднымъ, потому что она нѣкоторыхъ изъ читателей можетъ ввести въ соблазнъ, а другимъ можетъ подать случай на глумленіе“ (25 апрѣля 1858 года).

Конференція имѣла также не мало порученій по разсмотрѣнію различныхъ учебныхъ и педагогическихъ вопросовъ, по которымъ и представляла отзывы; напримѣръ: въ 1857 году—о дополненіи одобренной митрополитомъ Серафимомъ программы преподаванія Закона Божія въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ; о замѣнѣ употребляемой въ духовныхъ училищахъ „Краткой русской грамматики Греча—другимъ руководствомъ (рекомендована „Сокращенная русская грамматика“ Востокова); въ 1858 году—объ освобожденіи смотрителей духовныхъ училищъ отъ преподавательскихъ обязанностей и уравненіи жалованья ихъ съ жалованьемъ наставниковъ семинаріи и проч.

Ревизіи духовныхъ семинарій.—Въ 1860 году инспекторъ академіи, архимандритъ Павелъ, обозрѣвалъ *Тверскую семинарію.*—Въ томъ же году профессоръ В. Н. Карповъ обозрѣвалъ *Полоцкую семинарію.* Въ послѣдней ревизоръ нашелъ много неправильностей, несообразностей и упущеній по

хозяйственной части; а относительно направленія воспитанниковъ писалъ, что „лучшіе ученики по окончаніи курса, не надѣясь получить хорошаго священническаго мѣста въ епархіи, уходятъ въ свѣтское званіе или въ свѣтскія высшія учебныя заведенія; по этой причинѣ, и подъ вліяніемъ общей господствующей въ семинаріи мысли, что хорошіе успѣхи въ наукахъ не цѣнятся въ епархіальномъ вѣдомствѣ, семинарія получила настроеніе свѣтское; по этой же причинѣ и наставники семинаріи, при всей ограниченности своихъ средствъ, не вступаютъ въ духовное званіе“ [1]).

Въ 1861 году профессоръ В. И. Долоцкій обозрѣвалъ *Псковскую семинарію.*—Въ томъ же году профессоръ В. Н. Карповъ командированъ былъ въ Пермь для ближайшаго дознанія о нравственномъ положеніи *Пермской семинаріи* [2]). О безпорядкахъ въ этой послѣдней семинаріи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ А. П. Толстой, сообщалъ м. митр. Филарету, согласно съ мнѣніемъ котораго—о разслѣдованіи положенія семинаріи на мѣстѣ—и послѣдовала командировка профессора Карпова (Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. V. ч. 1, № 601 стр. 90—92). Донесеніе профессора Карпова о результатахъ произведеннаго имъ дознанія также сообщено было митрополиту Филарету. (Отзывъ его по сему донесенію, отъ 26 октября 1861 года, напечатанъ въ Собраніи мнѣній и отзывовъ его, т. V. ч. 1. № 629, стр. 157—161). Въ слѣдующемъ 1862 году Святѣйшимъ Синодомъ поручено было ректору Рижской семинаріи, архимандриту Ефрему, по окончаніи имъ чреды священнослуженія въ С.-Петербургѣ,

---

[1]) Въ отчетѣ профессора Карпова ничего не было сказано о закрытіи Полоцкой семинаріи; между тѣмъ возбуждался вопросъ объ этомъ, именно вслѣдствіе ревизіи Карпова, какъ можно видѣть изъ относящейся къ этому предмету записки м. м. Филарета отъ 13 іюня 1861 г., напечатанной въ Собраніи его мнѣній и отзывовъ т. V. ч. I. № 593 стр. 77. Москва, 1887 г.

[2]) Ректоромъ Пермской семинаріи во время ревизіи былъ архимандритъ Доровей Школьницкій, магистръ Кіевской академіи 1847 года, инспекторомъ—іеромонахъ Иннокентій. Оба перемѣщены на другія мѣста. Въ Пермь ректоромъ переведенъ изъ Астрахани архимандритъ *Веніаминъ Карелинъ.* (Скончался Рижскимъ епископомъ).

произвесть дополнительную ревизію Пермской семинаріи и подвѣдомственныхъ ей училищъ—Пермскаго, Соликамскаго Екатеринбургскаго и Далматовскаго [1]).

Въ 1862 году ректоръ академіи, преосвященный Іоанникій, обозрѣвалъ *Смоленскую семинарію съ тамошнимъ училищемъ* по всѣмъ частямъ управленія, при чемъ Святѣйшимъ Синодомъ поручено было ему посѣтить также и *Полоцкую семинарію,* для обревизованія преимущественно хозяйственной части, которая найдена была въ неудовлетворительномъ состояніи во время ревизіи оной въ 1860 году профессоромъ Карповымъ. Управлявшій въ то время Смоленскою епархіею преосвященный Антоній (Амфитеатровъ), заботясь объ улучшеніи учебныхъ заведеній епархіи, между прочимъ пригласилъ духовенство учредить такъ называемый *конвиктъ,* въ которомъ помѣщались своекоштные ученики семинаріи. Это былъ—первый опытъ учрежденія семинарскихъ общежитій, и самое начальство—епархіальное и учебное—смотрѣло на него какъ на опытъ, наблюдая всѣ благопріятныя и неблагопріятныя его стороны и условія. Преосвященный Іоанникій нашелъ это заведеніе въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, происходившемъ главнымъ образомъ оттого, что нѣкоторые ученики не вносили своевременно установленной платы за содержаніе въ общежитіи, а нѣкоторые и совсѣмъ не платили; между тѣмъ родители воспитанниковъ, внося деньги за содержаніе своихъ дѣтей, считали семинарское начальство какъ бы обязаннымъ переводить дѣтей ихъ въ высшіе классы, какъ бы они ни учились. Ревизоръ, согласно съ мнѣніемъ семинарскаго правленія, предлагалъ закрыть конвиктъ. Семинарское правленіе, подробно и всесторонне разсмотрѣвъ это дѣло, нашло, что хотя конвикты несравненно лучше дурныхъ частныхъ квартиръ, но во всѣхъ отношеніяхъ лучше конвиктовъ малыя квартиры у частныхъ хозяевъ изъ разныхъ сословій, съ чѣмъ согласился и преосвященный Антоній. Другимъ важнымъ предметомъ, обратившимъ на себя вниманіе ревизора,

[1]) Дѣло Дух. Учеб. упр. 1861 г. № 4236.

была *ученическая библіотека,* составляемая на собственныя средства учениковъ и отдѣльная отъ казенной семинарской библіотеки. Преосвященный Іоанникій предлагалъ рекомендовать учрежденіе такихъ библіотекъ и въ прочихъ семинаріяхъ С.-Петербургскаго округа.—По поводу неудовлетворительнаго изученія воспитанниками древнихъ языковъ, ревизоръ полагалъ предоставить каждому изъ учениковъ по своему желанію заниматься однимъ какимъ либо языкомъ, греческимъ или латинскимъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, А. П. Ахматовъ, препроводилъ отчетъ преосвященнаго Іоанникія къ Московскому митрополиту Филарету. который 8 мая 1863 года прислалъ свой письменный отзывъ по всѣмъ предметамъ отчета.—Въ отчетѣ о ревизіи Полоцкой семинаріи преосвященный Іоанникій предлагалъ, между прочимъ снять съ семинарскаго начальства и съ правленія семинаріи завѣдываніе экономическими суммами и поручить завѣдываніе оными экономическому комитету, выбранному изъ спеціальныхъ лицъ самимъ епархіальнымъ духовенствомъ.

Въ 1863 году профессоръ *В. Н. Карповъ* обозрѣвалъ *С.-Петербургскую семинарію* и *Александроневское училище.*—Въ 1865 году ректоръ академіи, *преосвященный Іоаннъ,* обозрѣвалъ *Рижскую семинарію.*—Въ тоже время семинаріи *Новгородскую* и *Литовскую,* не ревизованныя въ продолженіи 8 лѣтъ, съ 1856 по 1864 годъ, обозрѣвали, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, согласно представленію академическаго правленія, мѣстные преосвященные: *Архангельскую*—преосвященный Наѳанаилъ, *Олонецкую*—архіепископъ Аркадій, *Новгородскую,* по порученію митрополита Исидора, Аполлосъ, епископъ Старорусскій. викарій Новгородскій, *Литовскую*—по порученію митрополита Іосифа, Александръ, епископъ Ковенскій, викарій Литовскій. Отчеты объ этихъ ревизіяхъ были первые, которые познакомили новаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Д. А. Толстаго. съ состояніемъ духовныхъ семинарій и училищъ. Въ замѣткахъ на этихъ отчетахъ графъ уже въ то время (1865—1866 г.) весьма опредѣленно и рѣшительно выражалъ свой взглядъ на не-

обходимость усиленія преподаванія древнихъ языковъ и поднятія успѣховъ въ изученіи этихъ языковъ, а также на недостаточность ревизій, производимыхъ при концѣ учебнаго года на ученическихъ экзаменахъ и оканчивавшихся обыкновенно поголовными наградами начальствующихъ лицъ и преподавателей. На одномъ отчетѣ (Литовскомъ) оберъ-прокуроръ написалъ: *„оказывается, что всѣ преподаватели—совершенство“*. На другомъ (Новгородскомъ): *„это не ревизія заведенія, а формулярные списки учителей“*. Тогда же графъ Д. А. ознакомился съ непригляднымъ матеріальнымъ положеніемъ семинарій и училищъ. Олонецкій архіепископъ Аркадій писалъ въ своемъ отчетѣ: „Сколько бы ни утѣшительны были улучшенія по частямъ нравственнаго и учебнаго управленія въ семинаріи и училищахъ, экономическая часть представляетъ собою прискорбную дѣйствительность. Ни семинаріи, ни училища не имѣютъ соотвѣтствующихъ благоустройству ихъ помѣщеній, и сами начальствующіе и учащіе въ нихъ, если сравнить ихъ съ таковыми же лицами въ учебныхъ заведеніяхъ министерствъ, по окладамъ жалованья находятся въ положеніи уничижительномъ. Своими глазами видѣлъ я нынѣ, что даже исключенные изъ семинарій и училищъ ученики, поступивъ на службу по гражданскому вѣдомству, получаютъ жалованье въ большемъ размѣрѣ, нежели какое получаютъ бывшіе ихъ заслуженные наставники и начальники“ [1]).

Комитетъ для изданія духовно-нравственныхъ книгъ.—Въ 1855 году 2 сентября и. д. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода предложилъ Святѣйшему Синоду, что Государь Императоръ, въ отеческой заботливости о духовно-нравственномъ назиданіи православнаго русскаго народа, признавая полезнымъ при распространяющейся грамотности усилить изданіе краткихъ и дешевыхъ книгъ, въ коихъ предлагалось бы простолюдинамъ чтеніе, утверждающее сердца ихъ въ вѣрѣ, преданности престолу и благихъ нравахъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, независимо отъ другихъ, принимаемыхъ съ сею цѣлію

---

[1]) Дѣло Дух. Уч. упр. 1865 г. № 1793.

мѣръ, учредить въ С.-Петербургѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ Святѣйшаго Синода, особый комитетъ для изданія таковыхъ книгъ, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, предоставивъ Синоду сдѣлать всѣ нужныя къ исполненію сего распоряженія, съ тѣмъ, чтобы издержки по означенному предмету отнесены были на счетъ суммъ духовнаго вѣдомства. Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, по распоряженію Святѣйшаго Синода, 20 сентября того же года, учрежденъ былъ при С.-Петербургской духовной академіи комитетъ для изданія духовно-нравственныхъ книгъ, съ назначеніемъ предсѣдателемъ онаго ректора академіи, преосвященнаго Макарія, епископа Винницкаго, помощникомъ предсѣдателя—инспектора архимандрита Кирилла, членами протоіереевъ І. В. Рождественскаго, С. И. Красноцвѣтова, Н. П. Содальскаго, Г. С. Дебольскаго и священниковъ І. К. Яхонтова и К. П. Добронравина. На потребныя комитету для изданія книгъ издержки отчислено 50.000 рублей изъ духовно-учебнаго и типографскаго капиталовъ. Тогда же Святѣйшимъ Синодомъ даны были комитету надлежащія указанія и утверждена программа предметовъ, какіе могутъ быть избираемы для составленія духовно-нравственныхъ статей.— Комитетъ началъ свои собранія 10 октября 1855 года. Для производства дѣлъ по комитету назначено было: дѣлопроизводителю по 200 руб. въ годъ, двумъ письмоводителямъ и корректору по 72 руб. въ годъ, всего же, въ томъ числѣ на жалованье служителю и на канцелярскіе расходы, по 538 руб. въ годъ. Должность дѣлопроизводителя занялъ профессоръ Е. И. Ловягинъ.—Но вскорѣ предсѣдатель и помощникъ его получили другое назначеніе по службѣ, а въ 1862 году 8 января оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ А. П. Толстой, предложилъ Святѣйшему Синоду, что въ послѣдніе годы значительно увеличилось число духовныхъ журналовъ, въ которыхъ, равно какъ и въ особыхъ изданіяхъ, помѣщаются многія духовно-нравственныя статьи, по содержанію своему и цѣли вполнѣ доступныя простому народу, а въ Москвѣ образовалось общество изъ частныхъ людей для со-

ставленія, изданія и распространенія въ народѣ такого же рода сочиненій. Принимая во вниманіе, что при такомъ усиленіи общей дѣятельности къ образованію простаго народа, въ дальнѣйшемъ существованіи упомянутаго комитета не представляется особенной надобности, онъ полагалъ своевременнымъ испросить Высочайшее соизволеніе на закрытіе означеннаго комитета. Вслѣдствіе чего Святѣйшій Синодъ, признавая полезнымъ принять это дѣло въ свое непосредственное распоряженіе, 27 февраля постановилъ—учрежденный при С.-Петербургской духовной академіи комитетъ закрыть, съ тѣмъ, чтобы проценты съ 50.000 руб., ассигнованныхъ изъ суммъ духовнаго вѣдомства на изданіе означенныхъ книгъ, употребляемы были на тотъ же предметъ по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода.

V. Цензурный комитетъ.

Со времени учрежденія Святѣйшаго Синода, разсмотрѣніе книгъ духовнаго содержанія предъ изданіемъ ихъ въ свѣтъ поручаемо было Святѣйшимъ Синодомъ извѣстнымъ ему духовнымъ лицамъ.—Въ 1766 году назначено было для этого въ С.-Петербургѣ и Москвѣ по одному архимандриту (Полн. Собр. Зак. т. XXII № 16378). Въ 1796 году, при Императорѣ Павлѣ, учреждены были въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особыя цензуры изъ трехъ особъ—духовной, гражданской и ученой, съ подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію Сената (Полн. Собр. Зак. XXIII, 17.523). Въ 1799 году, вмѣстѣ съ учрежденіемъ при Кіевопечерской, Троицы-Сергіевой и Александроневской лаврахъ и Донскомъ монастырѣ *Соборныхъ іеромонаховъ*, учреждена была духовная цензура для всей имперіи въ Москвѣ при Донскомъ монастырѣ (Полн. Собр. Зак. XXV, 18.888).—Въ 1808 году, по Высочайше утвержденному „Начертанію правилъ объ образованіи духовныхъ училищъ“, цензура книгъ духовнаго содержанія присвоена была академіямъ и учреждены при академіяхъ цензурные комитеты.—Въ означенномъ „Начертаніи правилъ“ изложены были общія основанія для дѣятельности цензурныхъ комитетовъ, а въ Высочайше утвержденномъ 30 августа 1814 года

проектѣ устава духовныхъ академій изложены были подробныя постановленія о составѣ и предметахъ цензурныхъ комитетовъ духовныхъ академій и объ образѣ дѣйствій ихъ по ввѣреннымъ имъ предметамъ.

Но такъ какъ и этими постановленіями не были достаточно опредѣлены положеніе и образъ дѣйствій комитетовъ, то въ 1818 году Святѣйшимъ Синодомъ поручено было конференціи С.-Петербургской духовной академіи войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, касающихся образованія этого дѣла, и составить дополнительныя правила для цензурныхъ комитетовъ, обозначивъ въ оныхъ точно и подробно, какія церковныя и духовныя сочиненія и переводы должны быть, прежде одобренія ихъ, представляемы на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода. Вмѣстѣ съ тѣмъ конференціи поручено было представить соображеніе о томъ, не достаточно-ли будетъ образовать на предполагаемомъ положеніи только два комитета въ столицахъ—при С.-Петербургской и Московской академіяхъ, а комитетамъ при прочихъ академіяхъ предоставить цензуру только нѣкоторыхъ сочиненій, безъ опредѣленнаго жалованья. Въ 1820 году митрополитъ Михаилъ внесъ предположенія конференціи, подъ наименованіемъ *Устава духовной цензуры*, въ Святѣйшій Синодъ, который, при разсмотрѣніи онаго 1—9 марта сдѣлалъ нѣкоторыя въ немъ исправленія. За тѣмъ въ 1828 году 22 апрѣля послѣдовало Высочайшее утвержденіе устава и штата С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ для цензуры духовныхъ книгъ [1]). Жалованья тремъ членамъ положено было по 800 руб., секретарю 500 руб. ассигнаціями.—Въ 1855 году, по Высочайше утвержденному 5 февраля опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ С.-Петербургскій комитетъ духовной цензуры назначенъ четвертый членъ съ жалованьемъ по 228 руб. 75 коп. сер.

Члены цензурнаго комитета избирались изъ членовъ академической конференціи на три года. Въ 50-хъ годахъ эту должность проходили:

---

[1]) 2-е Полн. Собр. З. т. III № 1979.—Собр. мнѣній и отз. м. Филарета т. II. № 137.

Архимандритъ *Іоаннъ Соколовъ*, съ 1848 до 1857 г. [1]).

Архимандритъ *Кириллъ Наумовъ* съ 1851.—Въ 1857 году 30 сентября, въ видахъ облегченія его занятій по дѣламъ цензуры, ему позволено было ограничиться разсмотрѣніемъ статей, назначаемыхъ къ помѣщенію въ журналѣ Христіанское чтеніе и составляемыхъ въ Комитетѣ для изданія духовно-нравственныхъ книгъ, въ качествѣ сверхштатнаго члена.

Ректоръ Спб. семинаріи, архимандритъ *Нектарій Надеждинъ*, съ 4 мая 1857 года.

Протоіерей *М. И. Богословскій* 1853—1855 года.

Протоіерей *І. К. Яхонтовъ* съ 1855 года.

Священникъ *К. П. Добронравинъ* съ 1857 года.

Профессоръ *В. Н. Карповъ* съ 1855 года.

Въ 1851 году, для высшаго надзора, примѣнительно къ секретному комитету, учрежденному 2 апрѣля 1848 года изъ свѣтскихъ лицъ, учрежденъ таковой же *секретный комитетъ* при Святѣйшимъ Синодѣ. Членами этого комитета назначены были: преосвященный Григорій, архіепископъ Казанскій, протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, преосвященный Христофоръ, епископъ Ревельскій, дѣйств. ст. совѣтники: К. С. Сербиновичъ и А. И. Войцеховичъ; дѣлопроизводителемъ—оберъ-секретарь Святѣйшаго Синода Юзефовичъ.—Въ 1859 году 24 февраля комитетъ этотъ былъ закрытъ за выбытіемъ почти всѣхъ членовъ, составлявшихъ его. (Секретный комитетъ свѣтскій закрытъ еще раньше, въ 1855 году).

Въ октябрѣ 1857 года, въ виду затруднительности въ совмѣщеніи въ одномъ лицѣ должности цензора съ другими должностями, академическая конференція, по порученію м. Григорія, вошла въ Святѣйшій Синодъ съ представленіемъ объ образованіи въ С.-Петербургѣ духовно-цензурнаго коми-

---

[1]) Объ одобреніи имъ въ 1852 г. ораторіи—Stabat Mater—Собр. мнѣній и отзыв. М. м. Филарета т. дополнит. Спб. 1887 г. № 90 стр. 328 и 330.—О замѣчаніяхъ Іоанна на Синодальный періодъ Исторіи Русской церкви, Филарета, епископа Рижскаго, см. Письма Филарета, къ А. В. Горскому въ Приб. къ Тв. св. отц. 1885 г. кн. IV,—письма 121 и 126.

тета изъ лицъ, свободныхъ отъ занятій по другимъ должностямъ, съ оставленіемъ въ ономъ существовавшаго числа членовъ и чиновъ; жалованье членамъ полагалось увеличить до 1000 рублей, секретарю до 300 и двумъ письмоводителямъ до 100 рублей каждому. 23-го декабря тогоже года послѣдовало на это Высочайшее соизволеніе съ утвержденіемъ новаго штата для цензурнаго комитета [1]). На должности членовъ опредѣлены были: ректоры—Орловской семинаріи архимандритъ Фотій Романовскій, Саратовской—архим. Сергій Назаретскій, инспекторъ Казанской академіи архим. Ѳеодоръ Бухаревъ и смотритель С.-Петербургскаго Александроневскаго училища архим. Макарій Малиновскій. 1-го марта 1858 года новые члены вступили въ исправленіе своихъ обязанностей, а существовавшій при академіи комитетъ закрытъ и прежніе члены (архим. Нектарій, протоіерей І. К. Яхонтовъ, священникъ К. П. Добронравинъ и профессоръ В. Н. Карповъ), уволены отъ цензорской должности.

Но учрежденіе отдѣльнаго цензурнаго комитета не освободило академію отъ цензурныхъ дѣлъ, такъ какъ въ 1859 году 21 августа Святѣйшимъ Синодомъ предписано было комитету къ непремѣнному исполненію, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда комитетъ, при разсмотрѣніи представляемыхъ въ оный книгъ и рукописей, встрѣтитъ сомнѣнія, на которыя нѣтъ положительныхъ разрѣшеній въ цензурномъ уставѣ, входилъ съ представленіями въ конференцію С.-Петербургской духовной академіи, испрашивая разрѣшенія къ пропуску сомнительныхъ мѣстъ [2]). По журналамъ конференцій видно, что случаевъ примѣненія этого постановленія было не мало.

Съ первыхъ 60-хъ годовъ кругъ дѣйствій духовной цензуры началъ значительно расширяться съ изданіемъ новыхъ духовныхъ журналовъ—въ С.-Петербургѣ (Странникъ съ 1860 года, Духъ Христіанина съ 1861 года), Москвѣ (Православное Обозрѣніе, Душеполезное Чтеніе) и Кіевѣ (Вѣст-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXXII, № 32587.

[2]) Сборникъ законопол. и распор. по дух. цензурѣ. Спб. 1870 года, стр. 162.

никъ Западной и Югозападной Россіи, съ 1862 года) и епархіальныхъ вѣдомостей во многихъ епархіяхъ.—Между тѣмъ въ это время уже предпринятъ былъ пересмотръ общаго цензурнаго устава. Въ іюнѣ 1862 года Высочайше учрежденная коммиссія для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій о книгопечатаніи, имѣя въ виду оставить безъ всякаго измѣненія ст. 37 устава о цензурѣ и сохранить учрежденіе духовной цензуры на существующихъ основаніяхъ, признала, однако, полезнымъ внести въ уставъ духовной цензуры тѣ дополненія и измѣненія, которыя, по указанію духовнаго вѣдомства, могутъ быть съ пользою сдѣланы; вслѣдствіе чего и просила оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сообщить свои предположенія по этому предмету. Святѣйшимъ Синодомъ предварительное обсужденіе этого дѣла поручено было конференціи С.-Петербургской академіи, а конференція образовала для сего коммиссію изъ своихъ членовъ: протоіереевъ М. И. Богословскаго и І. К. Яхонтова и профессоровъ академіи В. Н. Карпова и И. А. Чистовича.

Въ 1869 году 30 мая Высочайше утвержденъ былъ новый уставъ духовныхъ академій. Академіямъ предоставлено имѣть собственную цензуру для своихъ изданій; но общее положеніе духовной цензуры и духовно-цензурныхъ учрежденій осталось не опредѣленнымъ. Предсѣдательствовавшій въ комитетѣ по пересмотру академическаго устава, Нектарій, архіепископъ Харьковскій, въ представленіи Святѣйшему Синоду отъ 11 августа 1869 года, изъяснилъ, что комитетъ не призналъ подлежащимъ ему дѣломъ обсужденіе 2 отд. 2 части прежняго академическаго устава о цензурномъ комитетѣ, полагая, что устройство духовно-цензурныхъ учрежденій требуетъ особаго положенія, отдѣльнаго отъ устава академій, и что положеніе это можетъ быть проектировано только лицами компетентными, по особому благоусмотрѣнію и распоряженію Святѣйшаго Синода [1]).

---

[1]) Дальнѣйшее движеніе дѣла о духовной цензурѣ состояло въ томъ, что, за утвержденіемъ новаго устава духовныхъ академій и въ виду учрежденной по Высочайшему повелѣнію 2 ноября 1869 г., подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя С. Н. Урусова, особой коммиссіи для пересмотра дѣйствующихъ

VI. Академическая библіотека.

Академическая библіотека, съ самаго основанія зданія академіи, помѣщалась въ обширномъ залѣ въ два свѣта съ лѣвой стороны церкви. Въ нижней части зала, во 2-мъ этажѣ, помѣщалась библіотека древнихъ языковъ; въ верхней части, въ 3-мъ этажѣ, на устроенныхъ вокругъ всего зала галлереяхъ—библіотека новыхъ языковъ; въ прилегающихъ къ залу, въ 3-мъ этажѣ, двухъ комнатахъ, помѣщалась дополнительная библіотека, составившаяся изъ библіотеки купленной у наслѣдниковъ прот. Меглицкаго, изъ пожертвованій митрополита Григорія, Кирилла епископа Мелитопольскаго и др. лицъ и изъ книгъ, вновь пріобрѣтаемыхъ покупкою.—Библіотека находилась въ завѣдываніи двухъ лицъ: библіотекаря, съ жалованьемъ 200 руб. въ годъ, и его помощника, съ жалованьемъ 128 руб. 70 к. въ годъ. Должность библіотекаря занималъ въ продолженіи 20 лѣтъ, съ 1834 по 1854 годъ, профессоръ *В. Н. Карповъ*, завѣдывавшій библіотекою новыхъ языковъ. Помнимъ, какъ этотъ почтенный старецъ съ невозмутимою терпѣливостію выдавалъ студентамъ и принималъ отъ нихъ книги, въ нетопленомъ холодномъ корридорѣ, съ каменнымъ поломъ, гдѣ онъ принужденъ былъ проводить два или три раза въ недѣлю по нѣскольку часовъ, записывая, кромѣ того, въ каталоги вновь поступающія книги.

постановленій о цензурѣ и печати, образована была при Святѣйшемъ Синодѣ коммиссія подъ предсѣдательствомъ архіепископа Литовскаго Макарія изъ слѣдующихъ лицъ: члена С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета архимандрита Ефрема (впослѣдствіи епископа Пермскаго, находящагося нынѣ на покоѣ), протоіерея I. К. Яхонтова, профессора академіи И. А. Чистовича, юрисконсульта при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода В. А. Степанова, и. д. директора канцеляріи оберъ-прокурора И. А. Ненарокомова и дѣлопроизводителя А. Забѣлина,—для представленія Святѣйшему Синоду соображеній о необходимыхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ настоящемъ уставѣ духовной цензуры. Представленныя этою коммиссіею соображенія Святѣйшій Синодъ призналъ правильными и соотвѣтствующими своей цѣли и въ 1871 году 20 января постановилъ передать ихъ на разсмотрѣніе высшей коммиссіи, учрежденной по дѣламъ цензуры 2 ноября 1869 г. подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Урусова,—въ которую они тогда же и переданы.

Должность помощника библіотекаря занималъ съ 1839 года профессоръ *В. И. Долоцкій,* завѣдывавшій нижнею библіотекою древнихъ языковъ и небольшаго количества бывшихъ въ то время въ академіи рукописей. Въ 1854 году *Долоцкій* опредѣленъ библіотекаремъ; помощникомъ къ нему—баккалавръ *С. В. Михайловскій;* послѣ него, съ 31 октября 1856 года, *М. О. Кояловичъ,* а съ 4 февраля 1859 года *И. Т. Осининъ,*—завѣдывавшіе верхнею библіотекою русскою и новыхъ иностранныхъ языковъ. Послѣ оставленія В. И. Долоцкимъ, въ 1864 году, должности библіотекаря, должность эту занялъ *И. Т. Осининъ.*

Передача въ академію рукописей и старопечатныхъ книгъ изъ Новгородской-Софійской и Кирилловской библіотекъ.—Академическая библіотека рукописей до 1858 года была весьма незначительна: въ ней находилось только 432 рукописи различнаго содержанія. Но въ 1858 году, 27 октября, по ходатайству митрополита Григорія, Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ перевезть находящуюся въ Новгородскомъ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ библіотеку въ С.-Петербургскую духовную академію, оставивъ въ той библіотекѣ только такія книги, которыя по усмотрѣнію академическаго правленія окажутся для академіи излишними.—За тѣмъ 10 декабря того же года разрѣшено передать въ академическую библіотеку старопечатныя книги и рукописи, находящіяся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Для пріема книгъ и рукописей Софійской библіотеки въ декабрѣ того же года командированъ былъ въ Новгородъ баккалавръ А. И. Предтеченскій, а для принятія и доставки книгъ и рукописей Кирилло-Бѣлозерской библіотеки командированъ былъ въ іюнѣ 1859 года экстраординарный профессоръ И. В. Чельцовъ.—А. И. Предтеченскій донесъ потомъ, что имъ приняты всѣ рукописи Софійской библіотеки, 485 старопечатныхъ книгъ, нѣсколько раскольническихъ и 22 книги на иностранныхъ языкахъ.—И. В. Чельцовымъ приняты—1355 рукописей и 383 №№ старопечатныхъ книгъ.

Каталогъ рукописей Новгородско-Софійскихъ, составлен-

ный еще въ Новгородѣ особою коммиссіею (въ 3-хъ книгахъ), содержитъ описаніе 1575 рукописей. Въ немъ обозначены подробно: оглавленіе статей каждой рукописи, приблизительное указаніе времени ея происхожденія, количество листовъ въ ней, форматъ, переплетъ и другія особенности.—Каталогъ рукописей Кирилло-Бѣлозерскихъ, въ одной книгѣ, составленъ также еще до поступленія ихъ въ академическую библіотеку. Онъ содержитъ описаніе 1355 рукописей; но въ немъ обозначены только общія названія рукописей, безъ оглавленія частныхъ статей, находящихся въ каждой; ни количества листовъ и никакихъ внѣшнихъ отличій рукописей не помѣчено. Впослѣдствіи уже эти рукописи были занумерованы по листамъ и описаны съ подробнымъ обозначеніемъ содержащихся въ нихъ статей.

Для помѣщенія рукописей и охраненія ихъ отъ хищеній и пожара отдѣлано было въ 1858 году особое помѣщеніе, занимаемое прежде двумя наставническими квартирами, въ нижнемъ этажѣ главнаго академическаго зданія, съ устройствомъ наружныхъ желѣзныхъ дверей и таковыхъ же наружныхъ ставней, и съ отопленіемъ помѣщенія изъ прилегающаго коридора. Приспособленіе это, вмѣстѣ съ устройствомъ шкафовъ, стоило 2776 руб. 36 коп.—Для приведенія образовавшейся библіотеки рукописей въ порядокъ и наблюденія за нею въ 1859 году учреждена особая должность библіотекаря рукописей, съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ. Должность эту занялъ профессоръ *Чельцовъ*.

Въ 1863 году баккалавръ *И. Т. Осининъ* уволенъ отъ должности библіотекаря академіи. Академическое правленіе, принимая во вниманіе, что библіотека находится въ довольно разстроенномъ видѣ по той причинѣ, что каталогъ ея составленъ въ 1834 году и съ той поры ни разу не перемѣненъ, между тѣмъ какъ въ теченіи этого времени число книгъ библіотеки значительно увеличилось и вмѣстѣ съ тѣмъ не малое количество книгъ утрачено, и что совмѣщеніе должности библіотекаря съ должностію наставника неудобно, ходатайствовало о назначеніи на должность библіотекаря академіи

особаго лица, избравъ для сего окончившаго курсъ въ академіи іеромонаха *Владиміра Никольскаго.* Представленіе это утверждено было Святѣйшимъ Синодомъ 12 іюля.—Іеромонахъ Владиміръ перенесъ библіотеку древнихъ языковъ, на которую менѣе заявляется требованій, изъ нижняго этажа въ галлереи верхней библіотеки, а новыхъ языковъ—въ нижнее помѣщеніе, и составилъ новые каталоги русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и прочихъ книгъ. Въ 1865 году іеромонахъ Владиміръ перемѣщенъ былъ на должность инспектора въ Казанскую семинарію. (Нынѣ—епископъ Пермскій).

Послѣ іеромонаха Владиміра должности библіотекаря и помощника его опять были раздѣлены между наставниками академіи:—на первую опредѣленъ экстраординарный профессоръ *Ѳ. С. Надеждинъ;* на должность помощника библіотекаря—баккалавръ *Л. А. Павловскій.* Въ 1866 года 17 мая баккалавръ Л. А. Павловскій, вслѣдствіе поступленія его священникомъ въ Институтъ Слѣпыхъ, уволенъ отъ должности помощника библіотекаря и на его мѣсто назначенъ баккалавръ *Т. В. Барсовъ.* Ему же, послѣ смерти Ѳ. Надеждина, поручено было 7 сентября 1866 года исправленіе должности библіотекаря

Т. В. Барсовъ, во время завѣдыванія библіотекою, принялъ изъ ризницы Александроневской лавры находившуюся тамъ обширную библіотеку покойнаго митрополита Григорія. Изъ этой библіотеки книги собственнаго сочиненія м. Григорія переданы, согласно его волѣ, наслѣдникамъ; книги, касавшіяся раскола, препровождены въ библіотеку Казанской духовной академіи; книги русскаго отдѣла—въ библіотеку С.-Петербургской духовной семинаріи, а книги на иностранныхъ языкахъ поступили въ библіотеку С.-Петербургской духовной академіи.

Въ 1867 году завѣдывавшій библіотекою рукописей И. В. Чельцовъ и помощникъ библіотекаря Т. В. Барсовъ уволены отъ этихъ должностей.—21 сентября того же года должность библіотекаря академіи поручена была, въ видѣ временной мѣры, при предстоявшемъ пересмотрѣ академиче-

*

скаго устава, кандидату философіи Копенгагенскаго университета *Размуссену,* съ вознагражденіемъ его по трудамъ, по усмотрѣнію академическаго правленія.

Въ 1869 году 23 августа, при введеніи новаго устава въ академіи, Размуссенъ уволенъ былъ отъ этой должности.—2 сентября того же года помощникомъ библіотекаря опредѣленъ бывшій баккалавръ академіи *П. Ѳ. Комаровъ,* съ порученіемъ ему завѣдыванія академическою библіотекою; въ томъ же году 11 декабря, по избранію Совѣта, утвержденъ библіотекаремъ.

Для академіи выписывались русскіе журналы и газеты и иностранныя періодическія изданія—богословскія и философскія; напримѣръ, въ 1867 году выписывались: изъ русскихъ газетъ и журналовъ: Московскія вѣдомости, С.-Петербургскія вѣдомости, Русскій Вѣстникъ, Отечественныя Записки, и иностранныя: Journal des eglises reformées; Allgemeine Kirchenzeitung, Allgemeine Kirchliche Zeitschrift, Zeitschrift für Protestantismus und Kirche, Zeitschrift für historische Theologie, Zeitschrift für gesammte luterische Theologie und Kirche, Zeitschift für wissenschaftliche Theologie; Studien und Kritiken, Sion, Chilianeum, Archiv für Katholische Kirchenrecht; Iahrbücher für Deutsche Theologie, Evangelische Kirchenzeitung, Neue evangelische Kirchenzeitung, Theologische Quartalschrift, Natur und Offenbarung, Chuch Rewiew и Christian Remembrancer. Русскія газеты и журналы выписывались на особую ежегодно ассигнуемую для того сумму 71 руб. 40 коп., а иностранныя—на общія библіотечныя средства.

Въ томъ же 1867 году въ академіи устроена была читальная комната, въ которой преподаватели академіи, въ промежутки между лекціями, могли видѣть каждый новый номеръ журнала и вновь выписываемыя для библіотеки книги.

VII. Экономія академіи.

Оклады содержанія наставниковъ и прочихъ должностныхъ лицъ.—По штату 1836 года ординарнымъ профессорамъ академіи полагалось жалованья по 858 рублей, экстраорди-

нарнымъ профессорамъ и баккалаврамъ по 429 рублей въ годъ. Ординарныхъ профессоровъ полагалось 6, баккалавровъ 12. Профессорскія каѳедры распредѣлены были по одной на классы—богословскихъ наукъ, философскихъ, словесныхъ, историческихъ, физико-математическихъ и языковъ. Вслѣдствіе этого, когда въ той или другой группѣ наукъ ординатура была уже занята, прочимъ преподавателямъ приходилось по 10 и 15 лѣтъ жить на жалованьѣ 429 руб. Всего чаще это приходилось на долю баккалавровъ богословскихъ наукъ, такъ какъ профессорская каѳедра этого класса почти всегда занята была ректоромъ академіи. Но вслѣдствіе той же причины происходили и обратныя явленія. За отказомъ ректора преосв. Аѳанасія Дроздова отъ преподаванія въ академіи, вакансія ординарнаго профессора (единственная въ богословскомъ классѣ) предоставлена была инспектору академіи, архимандриту Макарію Булгакову. Назначенный на мѣсто Аѳанасія ректоромъ преосв. Евсевій Орлинскій желалъ быть преподавателемъ: но такъ какъ профессорская каѳедра была занята, то онъ и не былъ опредѣленъ профессоромъ и только, удовлетворяя своему желанію, сперва читалъ студентамъ обоихъ курсовъ исторію жизни Іисуса Христа по Евангелію отъ Матѳея, потомъ комментировалъ изданную имъ книжку „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“.

Опытъ убѣждалъ, что существующее число каѳедръ перестало соотвѣтствовать дѣйствительной потребности, особенно послѣ того, какъ въ разныя времена введены были въ академіи новыя науки: патристика, церковное законовѣдѣніе, пастырское богословіе, введено отдѣльное преподаваніе отечественной исторіи гражданской и церковной и открыты особыя миссіонерскія отдѣленія противъ раскола. Въ виду устраненія этихъ затрудненій, въ 1856 году 27 октября послѣдовало Высочайшее соизволеніе—опредѣлять въ академіи, сверхъ положеннаго числа наставниковъ, еще до двухъ ординарныхъ профессоровъ и до четырехъ баккалавровъ, съ окладами жалованья изъ духовно-учебныхъ суммъ и съ правами службы равными тѣмъ, какими пользуются прочіе академическіе на-

ставники. Такимъ образомъ число ординарныхъ профессоровъ увеличилось съ 6 на 8, баккалавровъ съ 12 на 16: но оклады жалованья оставлены прежніе. Содержаніе наставниковъ (ординарныхъ профессоровъ на 858 и баккалавровъ на 429 руб.) дѣлалось не возможнымъ. Прежде всѣхъ отозвался на эту нужду Московскій митрополитъ Филаретъ. Въ 1865 году онъ назначилъ на возвышеніе окладовъ содержанія служащимъ въ Московской академіи, изъ неокладныхъ суммъ Московской каѳедры, по 7795 руб. въ годъ, при чемъ ординарный профессоръ сталъ получать 1200, экстраординарный профессоръ 900, баккалавръ 700 руб. Вслѣдъ за тѣмъ возвышены были оклады наставниковъ и С.-Петербургской академіи до тѣхъ же размѣровъ—ежегоднымъ отпускомъ, изъ средствъ Александроневской лавры, по 7316 руб., каковой отпускъ и продолжался до утвержденія новаго штата академій въ 1869 году.

Оклады прочихъ должностныхъ лицъ академіи были такъ малы, что на нихъ нельзя было содержать особыхъ по каждой должности чиновниковъ, почему должности эти соединяемы были съ преподавательскими должностями; именно, секретарю полагалось жалованья 200 руб., помощнику его 128 руб. библіотекарю 200, помощнику его 128 руб. 70 к., экопому 286, помощнику его 200, двумъ помощникамъ инспектора по 171 руб. 60 коп. Всѣ эти должности, включая также должности секретаря цензурнаго комитета и казначея редакціи Христіанскаго чтенія, распредѣляемы были между наставниками и съ экономической стороны составляли дополненіе къ ихъ содержанію.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ окладъ жалованья увеличиваемъ былъ въ видѣ награды за продолжительную службу, или по уваженію къ особому положенію наставника. Такъ, по выслугѣ профессоромъ В. Н. Карповымъ 30 лѣтъ, прибавлено было ему къ жалованью 429 руб.; въ 1861 году за 35 лѣтъ службы прибавочное жалованье увеличено до 858 руб.—Въ 1858 году баккалавру греческаго языка, архимандриту Григорію Веглерису, добавлено къ получаемому имъ содержанію, за труды по переводу присылаемыхъ отъ высшаго начальства

греческихъ рукописей, по 429 руб. въ годъ.—Въ 1860 году назначено преподавателю еврейскаго языка Д. А. Хвольсону, въ добавокъ къ получаемому имъ содержанію (429 руб.), по 143 руб. въ годъ.—Въ 1865 году, по представленію обозрѣвавшаго академію высокопреосвященнаго митрополита Исидора, назначена была профессору В. И. Долоцкому, въ видѣ особой награды за долговременную отличную службу, прибавка къ получаемому имъ содержанію по 429 руб. въ годъ, т. е. половина получаемаго имъ профессорскаго оклада.

Семейные наставники, жившіе внѣ академіи, получали квартирное пособіе: ординарные профессоры по 250 руб., экстраординарные профессоры и баккалавры по 114 руб. въ годъ и съ 1858 года по 24 сажени дровъ.

Наставники, состоявшіе въ духовномъ санѣ, а также хотя не состоявшіе въ ономъ, но не вышедшіе изъ духовнаго званія, получали классные оклады по степени доктора по 143 руб. въ годъ, по степени магистра по 100 руб. 10 к., кандидата по 71 руб. 50 к.

Баккалавры-іеромонахи обыкновенно возводимы были въ званіе *соборныхъ іеромонаховъ*, учрежденное 18 декабря 1797 года, при императорѣ Павлѣ и получали присвоенное этому званію содержаніе по 33 руб. 23 к. въ годъ.

Вспомогательный и премiальные капиталы академіи.— Для поощренія наставниковъ и воспитанниковъ академіи въ распоряженіи академіи находятся капиталы, образовавшіеся частію изъ собственныхъ сбереженій академіи въ прежнее время, частію изъ суммъ, пожертвованныхъ на этотъ предметъ разными лицами.

До 1869 года существовали для этой цѣли три капитала: 1) такъ называемый *вспомогательный и поощрительный*, образовавшійся съ 1812—1818 года, съ назначеніемъ (по Высочайше утвержденному 7 августа 1819 года проэкту онаго) $^{1}/_{3}$ части капитала на пособіе, поощреніе и награду служащимъ въ академіи. Къ 1828 году капиталъ этотъ возросъ до суммы 229.000 руб. ассигн.; но въ 1830 году значительная часть этого капитала—именно 77.462 руб.

отослана была въ Коммиссію духовныхъ училищъ по ея требованію; за тѣмъ на счетъ его отнесены были вновь открытыя должности въ академіи; къ 1869 году капитала оставалось только 16.000 руб. серебромъ.

2) *Ивановскій капиталъ,* образовавшійся изъ внесенной по завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иванова [1]) въ Опекунскій Совѣтъ суммы въ 7.143 руб., съ тѣмъ, чтобы наростающіе на нее проценты были употребляемы: въ первыя пять лѣтъ въ пользу воспитанниковъ С.-Петербургскаго университета, во вторыя 5 лѣтъ—въ пользу воспитанниковъ С.-Петербургской духовной академіи, а за третьи 5 лѣтъ—воспитанникамъ Медико-хирургической академіи. Согласно волѣ жертвователя, высшая награда изъ этой преміи не можетъ быть болѣе 300 руб. и низшая менѣе 150 руб. Право присужденія принадлежитъ академическому начальству безъ испрашиванія дальнѣйшаго на то утвержденія. Въ каждомъ изъ вышепомянутыхъ учебныхъ заведеній сумма изъ процентовъ, за 5 лѣтъ получаемая, должна быть назначаема къ раздачѣ при торжественномъ актѣ, совершаемомъ по окончаніи курса наукъ тѣмъ изъ студентовъ, которые, при постоянной нравственности, окажутъ отличные успѣхи въ наукахъ. Награды эти имѣютъ раздаваться подъ именемъ Ивановскихъ премій.—По соглашенію Министерства Народнаго Просвѣщенія съ Духовнымъ вѣдомствомъ, первое 5-лѣтіе для С.-Петербургскаго университета положено было считать съ 31 мая 1850 года, для Духовной академіи—съ 1 мая 1855 года. Первое назначеніе премій изъ % съ этой суммы состоялось въ 1856 году выдачею окончившему курсъ въ 1855 году іеромонаху Валеріану 164 руб. и въ 1857 году—тремъ первымъ воспитанникамъ Осинину, Нильскому и Парвову по 150 руб.

3) *Юбилейный капиталъ,* образовавшійся въ академіи изъ пожертвованій разныхъ лицъ (бывшихъ воспитанниковъ и наставниковъ академіи) въ память 50-лѣтія академіи. Ка-

---

[1]) Скончался 11 сентября 1848 года.

питалъ этотъ составилъ сумму по номинальной цѣнѣ въ 10.804 руб. [1]). Проценты съ него положено употреблять на награды за лучшія сочиненія оканчивающихъ курсъ студентовъ, на пріобрѣтеніе нужнѣйшихъ книгъ для академической библіотеки и на преміи за ученыя и учебныя сочиненія по разнымъ частямъ академическаго образованія, написанныя лицами духовнаго вѣдомства, особенно же наставниками академіи.

4) *Премiальный капиталъ Литовскаго м. Іосифа.*—Покойный Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко († ноября 1868 г.) завѣщалъ—пожалованные ему два алмазныхъ креста на клобукъ, а также алмазные орденскіе знаки Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, препроводить въ Кабинетъ Его Величества и испросить слѣдующія за нихъ деньги, свыше 9000 руб., и за тѣмъ пріобрѣсть на нихъ непрерывный 4% билетъ и доходъ отъ этого билета обращать ежегодно на преміи за лучшія выпускныя сочиненія воспитанникамъ четырехъ академій, по очереди для каждой. Если дохода будетъ не ниже 300 руб., то премію можно раздѣлить на двѣ: такимъ образомъ раздача премій участится и лучше достигнута будетъ цѣль пожертвованія—возбудить полезное соревнованіе и доставить хотя маленькое пособіе лучшимъ воспитанникамъ академій. Кабинетъ доставилъ за купленные имъ бриллiанты 9888 руб. Святѣйшій Синодъ, 21 января 1870 года, постановилъ производить поочередно, въ каждый годъ въ двѣ академіи (въ С.-Петербургскую и Кіевскую въ нечетные годы, въ Московскую и Казанскую въ четные), по 250 руб. для употребленія ихъ согласно волѣ завѣщателя.

---

[1]) Наиболѣе значительныя пожертвованія сдѣлали: Донской архіепископъ Іоаннъ—билетъ въ 1.700 руб. и деньгами 300 руб.; Варшавскій архіепископъ Арсеній 300 руб.; Тамбовскій епископъ Макарій, бывшій ректоръ академіи, 300 руб.; протопресвитеръ В. Б. Бажановъ съ подвѣдомымъ духовенствомъ 420 руб.; Астраханскій архіепископъ Аѳанасій, бывшій ректоръ академіи, 160 руб.; архіепископъ Черниговскій Павелъ и экзархъ Грузіи Евсевій по 100 руб.; архимандритъ Аввакумъ 100 руб.; С.-Петербургское столичное духовенство 1600 руб. Кромѣ того поступили пожертвованія, въ разныхъ суммахъ изъ разныхъ епархій, семинарій и отдѣльныхъ лицъ.

Должность *эконома* занимали: профессоръ *М. А. Голубевъ* до 1856 года; профессоръ *И. В. Чельцовъ* съ 1 ноября 1851 года былъ помощникомъ эконома, съ 1856 до 14 января 1859 года экономомъ; помощникомъ эконома былъ при немъ *Н. И. Глоріантовъ.*

Въ 1859 году должности эконома и помощника его соединены были въ одномъ лицѣ и на должность эконома опредѣленъ былъ смотритель Лаврской киновіи іеромонахъ *Герасимъ;* послѣ него—іеромонахъ *Антоній* до декабря 1862 года; съ декабря 1862 года—баккалавръ *П. А. Лебедевъ.* По выходѣ его изъ академіи—съ 1863 года до 3 мая 1867 года—должность эконома исправлялъ экстраординарный профессоръ *А. И. Предтеченскій.* Въ 1867 году опредѣленъ былъ исправляющимъ должность эконома, а въ ноябрѣ 1868 года утвержденъ экономомъ, священникъ *Алексѣй Соколовъ,* изъ экономовъ Виѳанской семинаріи.

Хозяйственная часть академіи, помимо недостаточнаго жалованья наставниковъ и служащихъ, и недостаточной суммы для академической библіотеки, къ половинѣ семидесятыхъ годовъ оказывалась въ неудовлетворительномъ состояніи и относительно содержанія казеннокоштныхъ студентовъ и академическихъ зданій. Не смотря на то, что положенный по штату комплектъ студентовъ къ этому времени былъ далеко не полный (вмѣсто 120 около 70-ти), академія не могла заготовлять для нихъ ни приличнаго бѣлья, ни обуви, ни нѣкоторыхъ принадлежностей верхней одежды (напр. шляпы, перчатокъ, галстуховъ и пр.); причитавшіяся по смѣтѣ на эти вещи деньги, съ разрѣшенія начальства, выдавались обыкновенно на руки самимъ студентамъ [1]). Мно-

[1]) Въ 1865 г. нужно было выдать студентамъ по шейному шелковому платку, по парѣ лѣтнихъ перчатокъ и по 3 пары нитяныхъ носковъ. Студенты просили выдать деньгами, чтобы подѣлать калоши. Положено (22 марта) выдать деньгами по 3 рубля.—Въ 1866 году докладывалось: выдать студентамъ сапоги или деньги за сапоги. Положено: по примѣру прежнихъ лѣтъ выдать деньги. Иногда студенты скидывали нѣсколько копѣекъ съ подрядной цѣны, чтобы, вмѣсто поставленной вещи по подряду, самимъ купить—что кому болѣе нужно было.

гаго не доставало въ столовой посудѣ и бѣльѣ, и многое оказывалось совсѣмъ негоднымъ относительно постельныхъ принадлежностей и чистоты бѣлья; о заведеніи собственной прачешной и особой кастелянши для наблюденія за порядкомъ, исправностію и чистотою студенческаго, столоваго и постельнаго бѣлья, не могло быть и рѣчи, такъ какъ семейнымъ профессорамъ, и даже служителямъ, не дозволялось имѣть помѣщенія въ академическихъ зданіяхъ. Академическая больница, съ сырымъ поломъ и окнами, обращенными не на югъ или юговостокъ, а на сѣверозападъ, ветхіе деревянные сараи для академическихъ экипажей, отсутствіе какихъ либо сараевъ для дровъ и т. п.—все это требовало неотложнаго исправленія; при всемъ томъ счеты, представлявшіеся правленію академіи подрядчиками и поставщиками провизіи и другихъ предметовъ, могли быть уплачиваемы только до конца перваго полугодія; уплата же представляемыхъ за второе полугодіе обыкновенно отлагалась до новаго года. Всѣ эти мало по малу накопившіеся недостатки, со вступленіемъ въ должность ректора І. Л. Янышева постепенно исправлялись и притомъ, за исключеніемъ переустройства больницы и новыхъ зданій для прачешной и сараевъ, безъ испрашиванія особенныхъ суммъ отъ Святѣйшаго Синода. Ко времени введенія новаго устава 1869 года комплектъ студетовъ былъ уже полный и уплата всѣхъ счетовъ по академическому правленію производилась своевременно безъ затрудненія.

II. Преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній въ 1867—1869 г. г.

Въ 1866 году оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Д. А. Толстой, во всеподданнѣйшей докладной запискѣ писалъ: „Главная сила церкви заключается въ непосредственныхъ ея органахъ—духовныхъ пастыряхъ съ твердымъ нравственнымъ направленіемъ, достаточно подготовленныхъ быть разумными руководителями въ дѣлахъ вѣры и незыблемымъ оплотомъ ея вѣковыхъ учрежденій противъ посягательствъ невѣрія и лжевѣрія. Посему на духовно-учебныя заведенія, имѣющія назначеніе приготовлять достойныхъ служителей церкви, было обращено самое бдительное вниманіе. При вступленіи моемъ въ должность синодальнаго оберъ-прокурора они находились въ томъ переходномъ состояніи, когда прежніе порядки и устройство признаны были неудовлетворительными по опыту, а новая организація не была еще выработана“.

Въ мартѣ 1866 года Государю Императору всемилостивѣйше благоугодно было назначить изъ суммъ государственнаго казначейства 1.500.000 руб. въ годъ, съ разсрочкою отпуска этой суммы на 5 лѣтъ, на усиленіе средствъ духовно-учебныхъ заведеній, а вслѣдъ за тѣмъ Высочайше было повелѣно вновь составить коммиссію для окончательнаго обсужденія всѣхъ имѣющихся данныхъ относительно преобразованія духовно-учебныхъ заведеній и для составленія проэкта устава сихъ заведеній па началахъ, сообразныхъ съ духомъ православной церкви и съ требованіями современной педагогики.

Въ апрѣлѣ того же года образованъ былъ при Святѣйшемъ Синодѣ комитетъ [1], для преобразованія духовныхъ семинарій и училищъ. Комитетъ прежде всего занялся обсужденіемъ всѣхъ данныхъ, которыя могли служить матеріаломъ для его работъ, какъ то проэктовъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній 1808 года, работъ комитета 1860—62 г. г. и отзывовъ относительно этихъ трудовъ, представленныхъ епархіальными преосвященными и выраженныхъ въ печати. Установивъ общія основанія для предположенной реформы, одобренныя Святѣйшимъ Синодомъ, комитетъ приступилъ за тѣмъ къ составленію проэктовъ уставовъ духовныхъ семинарій и училищъ. Составленіе проэктовъ уставовъ этихъ заведеній окончено было къ концу 1866 года. Два члена комитета изъ духовенства, архимандриты Филаретъ и Михаилъ, не согласились съ заключеніемъ комитета и представили свой отдѣльный проэктъ. Проэктъ большинства, разсмотрѣнный и одобренный Святѣйшимъ Синодомъ, получилъ Высочайшее утвержденіе 14-го мая 1867 года [2].

Преобразованіе Духовныхъ Академій въ 1869 году.

Но еще при дѣйствіи этого комитета и до утвержденія устава семинарій и училищъ, приступлено было къ пересмотру устава Духовныхъ Академій. Въ 1867 году 24 января оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Д. А. Толстой, предложилъ конференціямъ духовныхъ академій представить

---

[1]) Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ Кіевскій *м. Арсеній;* но за отбытіемъ его вскорѣ въ епархію, предсѣдательство поручено было преосв. *Нектарію,* еп. нижегородскому. Членами комитета назначены были: ректоръ Кіевской академіи архим. *Филаретъ Филаретовъ,* инспекторъ Моск. академіи архим. *Михаилъ Лужинъ,* главный свящ. арміи и флота прот. *М. И. Богословскій,* законоучитель Николаевскаго Сиротскаго института прот. *И. В. Лебедевъ,* ректоръ Спб. Университета *А. А. Воскресенскій,* членъ совѣта Мин. В. Д. *Ржевскій,* состоявшій при Мин. Народ. Пр. *А. Н. Тихомандрицкій* и директоръ канцеляріи оберъ-прок. Св. Синода *Н. А. Сергіевскій.*

[2]) Тогдаже (14 мая 1867 г.) послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи *Духовно-Учебнаго управленія* и учрежденіи *Учебнаго Комитета при Свят. Синодѣ.*

свои соображенія о перемѣнахъ. какія по теченію времени и указанію опыта оказывается нужнымъ произвесть въ существующемъ устройствѣ духовныхъ академій въ учебномъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи.

Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ, созвалъ конференцію, пригласивъ, кромѣ академическихъ профессоровъ, и всѣхъ внѣшнихъ членовъ— изъ духовенства [1]). Конференція нашла нужнымъ, для предварительной подготовки дѣла и установленія общихъ основаній реформы, образовать коммиссію подъ предсѣдательствомъ ректора, въ составъ которой выбраны были: инспекторъ академіи архимандритъ Хрисанѳъ, профессоры В. И. Долоцкій, И. А. Чистовичъ, М. О. Кояловичъ и И. Т. Осининъ. Коммиссія полагала дать академіямъ видъ богословскихъ факультетовъ, удержавъ изъ общеобразовательныхъ наукъ только такія, которыя прямо и существенно необходимы для богословскаго образованія, и исключивъ изъ него науки физико-математическія и гражданскую исторію; за тѣмъ важнѣйшія богословскія и общеобразовательныя науки сдѣлать общеобязательными, прочія спеціальными; кандидаты же на семинарскія должности по наукамъ, исключаемымъ изъ академическаго курса, должны приготовляться въ университетскихъ факультетахъ.

Въ общемъ собраніи конференціи (15 и 27 марта) большинство членовъ пошло еще дальше въ спеціализаціи академіи по типу богословскаго факультета и полагало исключить изъ учебнаго курса ея еще нѣкоторые предметы общаго образованія, оставивъ только философію и необходимые для изученія богословія древніе и новые языки. Но восемь членовъ представили отдѣльное мнѣніе, въ которомъ находили полезнымъ и необходимымъ, для приготовленія наставниковъ въ семинаріи, преподавать въ академіи всѣ тѣ науки, которыя преподаются или будутъ преподаваться въ семинаріяхъ.

[1]) Членами конференціи были тогда протоіереи: І. Д. Колоколовъ, Ѳ. Ѳ. Сидонскій, Г. С. Дебольскій, И. Ѳ. Солярскій, І. К. Яхонтовъ, К. И. Добронравинъ и В. В. Гречулевичъ.

какъ то: физику, математику, общую и русскую гражданскую исторію, исторію литературы и славянскихъ нарѣчій.

Конференція представила оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода свой проэктъ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ 8-ми членовъ, 31 марта 1867 года. Въ апрѣлѣ и маѣ того же года представлены были и прочими академіями ихъ соображенія, съ замѣчаніями на нѣкоторыя изъ постановленій Московской академической конференціи митрополита Филарета.

Сводъ мнѣній академическихъ конференцій напечатанъ былъ въ Сѣверной Почтѣ, въ №№ 143—146-мъ 1867 года, а за тѣмъ соображенія всѣхъ четырехъ конференцій напечатаны сполна въ Христіанскомъ Чтеніи, издаваемомъ при С.-Петербургской духовной академіи (1867 года, ч. II стр. 273—345, 460—470, 610—648 и 817—848).

Независимо отъ того, архіепископъ Казанскій Антоній (Амфитеатровъ), при отношеніи къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода отъ 27 марта, представилъ свои соображенія о мѣрахъ къ лучшему устройству миссіонерскаго отдѣленія при Казанской академіи.

Въ январѣ 1868 года, съ Высочайшаго соизволенія, учрежденъ былъ комитетъ для пересмотра по симъ представленіямъ устава Духовныхъ Академій. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ присутствовавшій въ Святѣйшемъ Синодѣ архіепископъ Нижегородскій *Нектарій;* членами: главный священникъ арміи и флота протоіерей М. И. *Богословскій;* предсѣдатель Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерей І. В. *Васильевъ;* ректоръ С.-Петербургской духовной академіи протоіерей І. Л. *Янышевъ;* ректоръ С.-Петербургской семинаріи архимандритъ *Павелъ,* 4-го сентября того же года посвященный въ санъ епископа; директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода *Н. А. Сергіевскій;* профессоры: Историко-филологическаго Института А. Д. *Гамаховъ,* С.-Петербургскаго Университета И. Е. *Андреевскій* и С.-Петербургской духовной академіи И. А. *Чистовичъ* и Е. И. *Ловягинъ* (послѣдній—въ качествѣ члена и дѣлопроизводителя комитета).

Собранія комитета начались 23-го января и продолжались до Пасхи. Въ совѣщаніяхъ комитета выработаны были слѣдующія главныя основанія преобразованія: всѣ науки академическаго курса распредѣлены по тремъ отдѣленіямъ: специіально-богословскому, богословско-историческому и философскому. Въ одной С.-Петербургской академіи предполагалось учредить четвертое отдѣленіе физико-математическое, на довольно широкихъ основаніяхъ. Ученыя степени предположено было специализировать по отдѣленіямъ, а въ отдѣленіяхъ по группамъ однородныхъ наукъ. Вмѣсто конференціи положено было учредить Совѣтъ, съ правомъ профессоровъ принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ академіи; учредить званіе приватъ-доцентовъ; принять годичный курсъ вмѣсто двухгодичнаго; открыть доступъ въ академію лицамъ всѣхъ состояній и возвысить оклады жалованья наставникамъ. Послѣ того, какъ выяснены были главныя основанія реформы, редактированъ былъ проэктъ устава и составлена объяснительная къ нему записка [1]: и, по разсмотрѣніи ихъ комитетомъ, напечатаны и отъ имени оберъ-прокурора разосланы къ преосвященнымъ митрополитамъ Кіевскому и Московскому, архіепископамъ (бывшимъ ректорамъ академіи)—Литовскому Макарію, Казанскому Антонію, Могилевскому Евсевію и къ бывшему инспектору академіи епископу Подольскому Леонтію, и кромѣ того напечатаны въ Сѣверной Почтѣ 1868 года (№№ 147—153).

Въ концѣ 1868 года Литовскій архіепископъ Макарій вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ февралѣ слѣдующаго 1869 года С.-Петербургскій Университетъ праздновалъ свое 50-лѣтіе. Московская и Казанская академіи прислали на этотъ университетскій праздникъ своихъ депутатовъ, первая—ректора академіи протоіерея А. В. Горскаго, вторая—ординарнаго профессора Н. П. Соколова. Отъ Кіевской академіи поручено было привѣтствовать университетъ находившемуся въ С.-Петербургѣ

[1]) Въ редакціи проэкта устава принимали главное участіе И. Е. Андреевскій и Н. А. Сергіевскій; объяснительная записка составлена была И. А. Чистовичемъ.

на чредѣ священнослуженія, ректору Кіевской семинаріи, архимандриту Ѳеоктисту (нынѣ архіепископъ Рязанскій).

14 февраля преосвященный Макарій и названные депутаты отъ академій приглашены были въ академическій комитетъ для разсмотрѣнія поступившихъ замѣчаній на проэктъ устава. Преосвященный Макарій предполагалъ преобразовать академіи въ высшія богословскія училища и, сдѣлавъ нѣкоторые предметы общеобязательными, прочіе богословскіе предметы раздѣлить на три отдѣленія—богословское или церковно-теоретическое, церковно-историческое и церковно-практическое; затѣмъ одну или двѣ академіи назначить для приготовленія преподавателей по общеобразовательнымъ предметамъ, образовавъ ихъ изъ отдѣленій—богословскаго, историко-филологическаго и физико-математическаго. Первое изъ этихъ предположеній принято было комитетомъ, но послѣднее не нашло поддержки въ комитетѣ. Преосвященный Макарій присутствовалъ только въ одномъ засѣданіи (14 февраля 1869 г.); прочіе депутаты присутствовали еще въ трехъ засѣданіяхъ. Затѣмъ составлена была новая редакція проэкта устава и объяснительной къ нему записки [1]).

11 апрѣля преосвященный Нектарій внесъ ихъ въ Святѣйшій Синодъ, при чемъ представилъ также особое мнѣніе члена комитета, протоіерея М. И. Богословскаго, о введеніи въ совѣты академій членовъ изъ епархіальнаго духовенства.

Въ маѣ (12, 14, 18, 23 и 26 чиселъ) проэктъ устава разсмотрѣнъ былъ въ Святѣйшемъ Синодѣ [2]), а 30 мая 1869 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе онаго.

---

[1]) Составленіе новой редакціи устава поручено было И. Е. Андреевскому и И. А. Чистовичу, объяснительной записки—протоіерею І. Л. Янышеву.

[2]) Въ видѣ приложеній къ соотвѣтственнымъ §§ устава, въ Святѣйшій Синодъ внесены были особыя положенія: объ испытаніяхъ на ученыя степени и на званіе дѣйствительнаго студента академіи и—о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовной академіи и получающихъ отъ оной ученыя степени. Но положенія эти въ то время остались не разсмотрѣнными. *Положеніе объ испытаніяхъ на ученыя степени*, составленное въ Учебномъ Комитетѣ, утверждено Святѣйшимъ Синодомъ въ 1870 году.—*Положеніе о правахъ и преимуществахъ лицъ духовно-учебной службы, получившихъ ученыя степени въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ*—Высочайше утверждено 24 октября 1876 года.

Уставъ духовныхъ академій 1869 года.

По Уставу 1869 года управленіе академіею по учебной и воспитательной частямъ сосредоточивается въ *Совѣтѣ* академіи. Хозяйственная часть отдѣлена въ вѣдѣніе *Правленія*. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи, составляютъ три его помощника по учебной части, инспекторъ и по два профессора отъ каждаго изъ трехъ отдѣленій академіи. Въ такомъ составѣ совѣтъ завѣдываетъ всѣми, по порученнымъ ему частямъ, дѣлами, кромѣ важнѣйшихъ. Эти послѣднія дѣла обсуждаются въ особо созываемыхъ *общихъ собраніяхъ* совѣта, членами которыхъ состоятъ всѣ ординарные и экстраординарные профессоры; въ случаѣ нужды въ эти собранія приглашаются и прочіе преподаватели, съ совѣщательнымъ голосомъ.—*Правленіе* академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ три помощника его по учебной части, инспекторъ и почетный блюститель по хозяйственной части.

Какъ въ совѣтѣ, такъ и въ правленіи, всѣ дѣла, въ отношеніи къ рѣшенію ихъ, раздѣлены на три разряда, сообразно съ степенью важности ихъ: одни, меньшей важности, рѣшаются самимъ совѣтомъ; другія, превышающія власть совѣта, рѣшаются преосвященнымъ, и третьи, зависящія отъ Святѣйшаго Синода, представляются на его разрѣшеніе. Совѣту вмѣнено въ обязанность всѣ журналы представлять преосвященному и по утвержденіи имъ—печатать, съ соблюденіемъ указанныхъ въ уставѣ правилъ.

Ректора академіи прежнимъ уставомъ положено было назначать изъ трехъ кандидатовъ, изъ коихъ одинъ былъ представляемъ епархіальнымъ архіереемъ, а два академическою конференціею. Не смотря на то, съ давняго времени ректоры прямо *назначались* Синодомъ изъ духовныхъ лицъ, имѣющихъ степень магистра. Это выработанное и усвоенное практикою право оставлено за Святѣйшимъ Синодомъ и по новому уставу, съ тѣмъ впрочемъ измѣненіемъ, чтобы назначаемый Святѣйшимъ Синодомъ въ ректора академіи непремѣнно имѣлъ высшую ученую степень—доктора бого-

словія и преподавалъ одинъ изъ предметовъ академическаго курса. На ректора, какъ лице ближайшимъ образомъ завѣдывающее академіею, возложено главное наблюденіе за направленіемъ преподаванія и точнымъ выполненіемъ программъ, объединеніе дѣятельности преподавателей въ достиженіи одной общей цѣли академіи и высшій надзоръ за нравственностію студентовъ и ихъ занятіями. Въ этой дѣятельности ректору академіи помогаютъ по учебной части три его помощника, избираемые изъ профессоровъ трехъ отдѣленій академіи, составляющихъ отдѣльныя спеціальныя группы наукъ академическаго курса, а по нравственной части—инспекторъ, при содѣйствіи помощника, избираемый также изъ профессоровъ академіи.

Въ составѣ преподавателей сдѣлано также значительное измѣненіе. По новому уставу, для преподаванія въ академіи, кромѣ профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ и доцентовъ (прежде назывались баккалаврами), введены еще лекторы для новыхъ языковъ и привать-доценты, т. е. такіе нештатные преподаватели, изъ которыхъ постепенно должны подготовляться доценты и будущіе профессоры академій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возвышены требованія въ отношеніи къ условіямъ избранія ординарныхъ профессоровъ. По новому уставу ординарными профессорами могутъ быть только имѣющіе степень доктора одной изъ богословскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи; впрочемъ, въ отношеніи къ небогословскимъ наукамъ академическаго курса дозволено и получившаго степень доктора въ одномъ изъ русскихъ университетовъ избирать на академическую каѳедру, соотвѣтствующую его спеціальности.

Въ отношеніи къ способу избранія преподавателей въ новомъ уставѣ предъявлены условія, прежде или не существовавшія, или же не соблюдавшіяся, именно: ищущіе мѣста преподавателя въ академіи избираются всею корпораціею профессоровъ, участвующихъ въ совѣтѣ, и если въ числѣ кандидатовъ окажутся не извѣстные совѣту своими преподавательскими способностями, то подвергаются предварительно

*

испытанію посредствомъ пробныхъ лекцій; самое же избраніе совершается посредствомъ закрытой баллотировки.

По прочимъ должностямъ въ академіи сдѣланы слѣдующія измѣненія: должности секретаря и библіотекаря не могутъ быть соединяемы, какъ прежде, съ должностями преподавателей, но возлагаются на отдѣльныхъ лицъ; кромѣ того, для секретаря и библіотекаря новымъ уставомъ назначены помощники.

Учебной части въ академіи дано совершенно новое устройство. Вмѣсто двухъ двухгодичныхъ курсовъ назначены четыре одногодичныхъ и изъ нихъ четвертый курсъ сдѣланъ по преимуществу практическимъ, въ смыслѣ спеціальнѣйшаго подготовленія къ семинарскому преподаванію. Науки приведены въ стройное единство, а самый составъ ихъ освобожденъ отъ прежняго излишества: такъ, напримѣръ, исключены физико-математическія науки, преподаваніе коихъ въ академіи не существенно необходимо для богословской науки, и по коимъ всегда возможно получать хорошихъ преподавателей для семинарій изъ университетовъ, гдѣ физика и математика преподаются въ качествѣ общеобразовательныхъ предметовъ. Удержанныя въ новой академической программѣ науки, изучавшіяся прежде всѣми студентами, новымъ уставомъ, въ устраненіе очевидной невозможности молодому уму обнять все множество ихъ, распредѣлены по группамъ. Пять наукъ, важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ для богослова-преподавателя, а также одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ, сдѣланы общеобязательными для всѣхъ студентовъ академіи; затѣмъ остальныя науки раздѣлены на три спеціальныя группы или отдѣленія; притомъ каждая наука получила особаго преподавателя, а нѣкоторыя важнѣйшія, какъ напримѣръ св. писаніе, церковная исторія и философія—по два и даже по три преподавателя; вслѣдствіе чего новый составъ преподавателей увеличился противъ прежняго почти вдвое.—Преподавателямъ каждаго отдѣленія предоставлено по временамъ составлять изъ себя, подъ предсѣдательствомъ помощника ректора, коммиссіи для разработки вопросовъ, касающихся

ихъ научныхъ интересовъ и подлежащихъ обсужденію въ совѣтѣ.

Въ студенты академіи, по новому уставу, положено принимать молодыхъ людей всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, имѣющихъ аттестаты о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса наукъ семинаріи или классической гимназіи. Кромѣ того уставъ открылъ доступъ къ высшему богословскому образованію въ академіи и другимъ лицамъ. въ качествѣ постороннихъ слушателей, предоставивъ совѣту и преосвященному установить точныя для сихъ слушателей правила.

Академіямъ предоставлено открывать, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, публичныя лекціи, учреждать ученыя общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и вообще матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію церкви; имѣть собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, ими издаваемыхъ.

Съ обновленіемъ духовныхъ академій по административной, учебной и ученой сторонамъ, возвышены и экономическіе ихъ способы. Прежніе штаты духовныхъ академій, существовавшіе съ 1836 года и совершенно не соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ потребностямъ жизни и положенію академій, какъ высшихъ духовно-учебныхъ установленій, значительно расширены и оклады какъ содержанія служащимъ, такъ и по всѣмъ другимъ статьямъ, увеличены до размѣровъ вполнѣ удовлетворительныхъ. Такъ какъ опытъ указалъ уже норму содержанія высшихъ учебныхъ заведеній вообще, и она выразилась. между прочимъ, въ новыхъ штатахъ университетовъ, къ которымъ такъ близко подходятъ и духовныя академіи, особенно въ ихъ новомъ строѣ: то эта же норма взята и для академій. Ординарнымъ профессорамъ академій назначено содержанія въ годъ по 3.000 руб., вмѣсто прежнихъ 858 руб.; экстраординарнымъ профессорамъ по 2.000 руб. вмѣсто 429 руб.; доцентамъ (прежнимъ баккалаврамъ) по 1200 руб. вмѣсто 429; лекторамъ по 300 руб. и на вознагражденіе приватъ-доцентовъ

3.000 руб.; помощникамъ ректора 3-мъ по 300 руб.; ректорамъ и инспекторамъ, сверхъ того, назначено прибавочнаго жалованья: первымъ по 1500 руб. вмѣсто 858 руб., послѣднимъ по 800 руб. вмѣсто 286 руб.; помощнику инспектора 800 руб.; равнымъ образомъ увеличено содержаніе и всѣмъ остальнымъ должностнымъ лицамъ академіи, какъ-то: секретарю 1.000 руб., помощнику его 500 руб., библіотекарю 800 руб., помощнику его 500 руб., эконому 800 руб., врачу 500 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилена сумма и по прочимъ статьямъ содержанія академій. На библіотеку и періодическія изданія назначено по 1600 руб. въ годъ, вмѣсто прежде отпускавшихся 571 руб. 40 к.; на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ положено въ С.-Петербургской академіи—по 225 руб. на каждаго, вмѣсто 128 руб. 56 к.; всего на 120 человѣкъ 27.100 руб. въ годъ; на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій 3.000 руб., на канцелярскіе расходы и на писцовъ 850 руб., на содержаніе дома и прислуги 12.000 руб. (въ 1875 году добавлено еще съ 1876 года по 1800 руб.); на содержаніе церкви 300 руб., на содержаніе больницы 1400, на мелочные и экстраординарные расходы 350 руб.

I. Перемѣны въ составѣ начальственныхъ и должностныхъ лицъ академіи съ 1869 до 1884 г.

Введеніе въ дѣйствіе новаго устава академій.—По воспослѣдованіи Высочайшаго утвержденія новаго устава духовныхъ академій, немедленно приступлено было къ приведенію его въ дѣйствіе. На основаніи Высочайше одобреннаго, въ главныхъ положеніяхъ, порядка исполненія этого важнаго дѣла, Святѣйшій Синодъ, согласно представленнымъ ректоромъ І. Л. Янышевымъ предположеніямъ, опредѣлилъ подробности онаго, имѣя въ виду соблюденіе постепенности и строгое охраненіе, въ періодъ преобразованія, учебнаго строя въ академіяхъ. Преобразованіе академій положено было произвесть въ два срока, именно С.-Петербургской и Кіевской

академій съ начала 1869—70 учебнаго года, Московской и Казанской съ 1870—71 учебнаго года.

За тѣмъ совѣту С.-Петербургской академіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 13-го іюня 1869 года, относительно введенія новаго академическаго устава съ наступающаго учебнаго года, предписано было: 1) избрать кандидатовъ на вновь открывающіяся каѳедры и должности; 2) составить инструкціи и правила, требуемыя § 86-мъ устава; 3) озаботиться приспособленіемъ академическихъ зданій къ требованіямъ новаго устава; 4) ректора и ординарныхъ профессоровъ академій, хотя бы они не имѣли степени доктора богословія, признать въ настоящихъ должностяхъ, съ присвоеніемъ имъ правъ и преимуществъ по новому уставу, а баккалавровъ академій переименовать въ доцентовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было отобрать отъ ординарныхъ профессоровъ академіи подписки въ томъ, что они въ теченіе трехъ лѣтъ по утвержденіи новаго устава и штата академіи озаботятся представленіемъ диссертацій или ученыхъ сочиненій, по относящимся къ ихъ каѳедрамъ предметамъ, для полученія степени доктора.

Открытіе Совѣта и первое общее собраніе его.—30 іюня 1869 года, въ день храмоваго праздника академіи, совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе въ академической церкви по случаю Высочайше дарованныхъ академіи, вмѣстѣ съ новымъ уставомъ, высшихъ способовъ къ достиженію ея цѣли. Въ тотъ же день открыто *общее собраніе совѣта,* а для открытія *обыкновенныхъ собраній совѣта* и *правленія* избраны помощники ректора и члены отъ отдѣленій.

Тогда же преподаватели отмѣненныхъ изъ академическаго курса наукъ—математики ординарный профессоръ *Е. И. Ловягинъ* и физики—экстраординарный профессоръ *Н. И. Глоріантовъ* избраны были первый—на каѳедру греческаго, второй—на каѳедру латинскаго языка.

Въ слѣдующемъ собраніи, 4 іюля, произведено было избраніе кандидатовъ на вакантныя каѳедры и на вновь от-

крывшіяся должности въ академіи, и проэктированъ вызовъ воспитанниковъ въ составъ новаго перваго курса академіи. За тѣмъ собранія совѣта отложены были до 15 августа—начала слѣдующаго учебнаго года.

Составъ совѣта и правленія академіи.—31-го іюля послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода, которымъ избранные на должности помощниковъ ректора и членовъ совѣта утверждались въ этихъ должностяхъ съ 15 августа 1869 года. Такимъ образомъ составъ обыкновенныхъ собраній совѣта образовали слѣдующія лица: ректоръ, протоіерей І. Л *Янышевъ;* помощники ректора: по богословскому отдѣленію—ординарный профессоръ И. А. *Чистовичъ,* по церковно-историческому—ординарный профессоръ И. В. *Чельцовъ,* по церковно-практическому—ординарный профессоръ В. И. *Долоцкій;* членами отъ отдѣленій: богословскаго—профессоры М. А. *Голубевъ* и И. Т. *Осининъ,* церковно-историческаго—М. О. *Кояловичъ* и И. Ѳ. *Нильскій,* церковно-практическаго—Е. И. *Ловягинъ* и Н. И. *Глоріантовъ.*

На должность *секретаря* совѣта и правленія избранъ былъ преподаватель С.-Петербургской дух. семинаріи, кандидатъ *А. В. Бѣлецкій;* на должность помощника его—окончившій въ томъ (1869) году курсъ Н. А. *Сосняковъ.*

Съ началомъ новаго учебнаго года и съ прибытіемъ вызванныхъ воспитанниковъ семинарій, совѣтомъ составлены были „правила о пріемѣ въ студенты С.-Петербургской академіи“.

Между тѣмъ, за окончаніемъ въ 1869 году курса студентами прежняго высшаго отдѣленія, оставшіеся студенты низшаго отдѣленія, пробывшіе уже два года въ академіи, образовали собою составъ 3-го одногодичнаго курса, такъ что въ 1869—1870 учебномъ году въ академіи были студенты только 1-го и 3-го курсовъ; въ 1870—71 учебномъ году—1, 2 и 4-го курсовъ, и только съ 1871—72 учебнаго года образовался полный составъ курсовъ въ академіи. По этому въ 1870 и и 1872 годахъ не было выпуска студентовъ изъ С.-Петербургской, какъ и Кіевской академіи, но былъ выпускъ въ эти

годы изъ академій Московской и Казанской, преобразованныхъ годомъ позже.

При введеніи новаго устава потребовались многія приспособленія въ зданіяхъ академіи къ условіямъ этого устава. Вслѣдствіе этого, по представленіямъ академическаго правленія, Святѣйшимъ Синодомъ 2-го іюля 1869 года, разрѣшено было произвесть капитальныя работы въ зданіи академіи—по этому приспособленію, а также по устройству вентиляціи и отопленія академическихъ зданій посредствомъ пневматическихъ печей—на сумму 17.758 руб. Работы эти произведены были въ теченіе времени съ 1869 по 1871 годъ; въ 1872 году въ зданіи академіи потребовалось произвесть капитальныя исправленія водопроводовъ; въ 1873 и 1874 годахъ въ студентческихъ комнатахъ, находящихся въ 3-мъ этажѣ надъ бывшею квартирою ректора, а также въ больницѣ, устроены паркетные полы.

Избраніе графа Д. А. Толстаго въ почетные члены академіи.—Въ 1870 году 17 декабря академія, „въ выраженіе благодарности оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, графу Д. А. Толстому, за содѣйствіе его къ преобразованію духовныхъ академій, семинарій и училищъ, за постоянно оказываемое имъ покровительство духовному просвѣщенію, за предначинаніе его къ пересмотру устава духовной цензуры и преобразованіе духовно-цензурныхъ установленій и за всѣ совершонные и предпринятые имъ труды на пользу церкви“, избрала его въ свои почетные члены.

Защищеніе профессорами академіи диссертацій на степень доктора богословія.—Между тѣмъ ординарные профессоры академіи приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ обязательства пріобрѣсть, въ теченіи трехъ лѣтъ, степень доктора богословія и въ 1870—1873 годахъ представили и публично защитили свои диссертаціи: *И. В. Чельцовъ* (27 сент. 1870 г.), *И. А. Чистовичъ* (11 апр. 1871 г.) и *Е. И. Ловягинъ* (5 ноября 1872 г.).—Но профессоры *Долоцкій* и *Лучицкій*, въ виду того, что крайній срокъ учебной академической службы ограниченъ 35 годами (§ 59 устава) и что до этого

срока первому изъ нихъ оставалось только 3 года, а послѣднему 5 лѣтъ, не пожелали искать степени доктора богословія.— Въ 1870 году удостоенъ степени доктора, послѣ публичнаго защищенія диссертаціи 25 октября, экстраординарный профессоръ *И. Ѳ. Нильскій;* въ 1874 году—экстраординарный профессоръ *М. О. Кояловичъ.* Публичныя защищенія диссертацій были новымъ явленіемъ въ духовныхъ академіяхъ и привлекали множество публики какъ духовной, такъ и свѣтской.

Увольненіе ректора академіи протоіерея І. Л. Янышева въ годичный отпускъ.—Наибольшая и самая важная доля заботъ и трудовъ по управленію академіи по всѣмъ ея частямъ, учебной, воспитательной и хозяйственной, и по приспособленію академическихъ зданій къ требованіямъ новаго устава, естественно упадала на ректора академіи, предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ и правленіи и, кромѣ того, несшаго обязанности редактора „Христіанскаго чтенія" и профессора по двумъ предметамъ—нравственному богословію и педагогикѣ, изъ которыхъ на каждый посвящаемо было не менѣе 3-хъ лекцій въ недѣлю: по двѣ въ первыхъ трехъ курсахъ, и по одной для практическихъ занятій въ 4-мъ курсѣ, итого 6-ть лекцій въ недѣлю; кромѣ того назначеніе и чтеніе проповѣдей студентовъ и упражненіе ихъ въ проповѣдничествѣ, въ первые годы по введеніи новаго устава, лежало также исключительно на ректорѣ академіи. Послѣ того, какъ въ теченіи двухъ лѣтъ прочно установился новый порядокъ жизни въ академіи, ректоръ протоіерей І. Л. Янышевъ просилъ и 12 ноября 1871 года получилъ увольненіе, для поправленія здоровья, отъ исполненія обязанностей въ академіи, срокомъ на одинъ годъ. На время отсутствія его исполненіе обязанностей ректора поручено было старшему изъ помощниковъ ректора, профессору *Долоцкому.*—Въ 1872 году І. Л. Янышевъ представилъ сочиненіе на степень доктора богословія подъ заглавіемъ: „Состояніе ученія о совѣсти, свободѣ и благодати въ православномъ систематическомъ богословіи и попытка къ разъясненію этого ученія",

которое, по разсмотрѣніи его въ академіи, представлено было въ Святѣйшій Синодъ.

Выходъ изъ академіи профессоровъ Долоцкаго, Чистовича и Лучицкаго.—Въ 1873 году оставили службу при академіи бывшіе помощниками ректора, ординарные профессоры *В. И. Долоцкій*, за окончаніемъ положеннаго уставомъ срока службы, и *И. А. Чистовичъ*, приглашенный на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія.—Въ слѣдующемъ 1874 году вышелъ изъ академіи, также за окончаніемъ срока службы, инспекторъ академіи, ординарный профессоръ *К. И. Лучицкій*.

Общая ревизія академій съ 1874—75 года.—Послѣ того, какъ окончены были всѣ таковыя же подготовительныя дѣйствія по введенію устава и сформированы были полные курсы и въ прочихъ, позже преобразованныхъ академіяхъ, и какъ опытъ могъ уже показать дѣйствіе новаго академическаго устава, Святѣйшій Синодъ въ 1874 году призналъ благовременнымъ приступить къ ревизіи академій и возложилъ оную на присутствовавшаго въ Синодѣ, архіепископа Литовскаго Макарія.—Преосвященный Макарій въ томъ же году обозрѣлъ академіи Кіевскую и Казанскую, а въ 1875 году С.-Петербургскую и Московскую, присутствовалъ на лекціяхъ преподавателей и производилъ устныя и письменныя испытанія студентовъ.—Обозрѣніе это дало весьма утѣшительные результаты и удостовѣрило, что академіи вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Состояніе С.-Петербургской духовной академіи ревизоръ призналъ, несмотря на нѣкоторые частные, впрочемъ не многіе и незначительные недостатки, вообще очень удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ—научномъ, нравственномъ, административномъ и экономическомъ, и ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о начальственномъ вниманіи къ тѣмъ лицамъ (поименно), которые своею ревностію и трудами содѣйствовали и содѣйствуютъ такому состоянію академій. Въ общихъ замѣчаніяхъ и соображеніяхъ относительно преподаванія наукъ въ академіяхъ, преосв. Макарій указалъ на то, что нѣкоторыя науки, которыя надлежало бы преподавать по

частямъ двумъ или тремъ курсамъ преемственно, и въ одномъ курсѣ начинать, а въ другомъ или третьемъ продолжать и оканчивать, преподаются одновременно и совмѣстно студентамъ всѣхъ этихъ курсовъ. Въ С.-Петербургской академіи допущеніе этого замѣчено чаще, нежели въ прочихъ академіяхъ; напримѣръ, библейская археологія читается разомъ всѣмъ студентамъ II-го и III-го курсовъ богословскаго отдѣленія; исторія философіи, священное писаніе новаго завѣта преподается разомъ студентамъ II-го и III-го курсовъ всѣхъ отдѣленій; древняя церковная исторія, новая церковная исторія, исторія русской церкви, исторія русскаго раскола—разомъ студентамъ II-го и III-го курсовъ церковноисторическаго отдѣленія; церковная археологія и литургика, церковное право—разомъ студентамъ II-го и III курсовъ церковно-практическаго отдѣленія.—Въ устраненіе этого неудобства, Святѣйшій Синодъ предписалъ совѣту назначать нѣкоторымъ преподавателямъ большее число учебныхъ часовъ, нежели сколько они имѣютъ въ настоящее время (по 2 часа въ недѣлю), и рекомендуя преподавателямъ проходить извѣстные и болѣе разработанные отдѣлы наукъ короче, посвящать болѣе времени менѣе извѣстнымъ и менѣе разработаннымъ частямъ наукъ. Святѣйшій Синодъ призналъ неудобнымъ и не полезнымъ такой порядокъ совмѣстнаго преподаванія и въ томъ отношеніи, что нѣкоторымъ курсамъ приходилось начинать изученіе наукъ не съ начала, а съ средины и даже почти съ конца, и въ первый годъ выслушивать послѣднія или предпослѣднія части той или другой науки, а уже во второй или даже въ третій годъ первыя.

Въ отчетъ о ревизіи С.-Петербургской академіи преосв. Макарій занесъ также весьма важное заявленіе, сдѣланное ему профессорами здѣшней, Кіевской и Казанской академій, объ оказавшихся, по указаніямъ 5-лѣтняго опыта, значительныхъ неудобствахъ введеннаго распредѣленія преподаваемыхъ въ академіи наукъ на общеобязательныя для студентовъ, и спеціальныя по отдѣленіямъ, и о томъ что было бы полезно пересмотрѣть и измѣнить это распредѣленіе; было объяснено даже, какія именно науки слѣдуетъ сдѣлать изъ спе-

ціальныхъ обязательными и какія перенесть изъ одного отдѣленія въ другое. Преосв. Макарій, съ своей стороны, полагалъ, что для рѣшенія этого важнаго вопроса, а также и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ онъ касался въ своихъ отчетахъ по ревизіи академій (о недостаткѣ времени для прохожденія полнаго курса наукъ, о неудобствахъ одновременнаго преподаванія той или другой науки совмѣстно студентамъ нѣсколькихъ курсовъ), всего лучше было бы составить, когда окончится ревизія и послѣдней (Московской) академіи, хотя небольшую коммиссію изъ спеціалистовъ чтобы они со всѣмъ вниманіемъ обсудили данные вопросы и представили свой проэктъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода. По заявленію преосв. Макарія это было бы самымъ желаннымъ плодомъ произведенныхъ имъ ревизій. Графъ Д. А. Толстой съ своей стороны, находилъ это справедливымъ и полезнымъ [1]) но предположеніе это не осуществилось.

Продолженіе защищенія преподавателями академій диссертацій на степень доктора богословія.—Между тѣмъ преподаватели академіи продолжали представлять и защищать свои ученыя сочиненія на степень доктора. Въ 1875 году 27 апрѣля публично защитилъ свою диссертацію экстраорд. профессоръ *И. Е. Троицкій;* въ 1877 году—экстраорд. профессоръ *А. Л. Катанскій;* въ 1884 году 16 мая—доцентъ *Н. А. Скабаллановичъ* и 28 мая—Ѳ. Г. *Елеонскій.*—Въ 1873 году *архим. Хрисанѳъ* представилъ на соисканіе степени доктора богословія 1-й томъ „Исторіи древнихъ религій". Сочиненіе это было разсмотрѣно и одобрено богословскимъ отдѣленіемъ и допущено совѣтомъ къ публичной защитѣ: но защищеніе не состоялось.

Послѣдующія перемѣны въ составѣ совѣта, инспекціи и прочихъ должностныхъ лицъ академіи.—За выходомъ изъ академіи проф. *Чистовича,* исполненіе обязанностей помощника ректора по богословскому отдѣленію поручено было ректору академіи І. Л. Янышеву, исполнявшему эти обязанности до февраля 1876 года. 15 февраля богословское отдѣленіе избрало время

---

[1]) Отчетъ преосв. Макарія о ревизіи С.-Петербургской духовной академіи 26-го февраля 1875 года.

на должность помощника ректора ординарнаго профессора *Д. А. Хвольсона;* но совѣтъ академіи, въ виду приближавшагося 25-лѣтія срока службы его по учебному вѣдомству, не представилъ его къ утвержденію въ должности. 25 августа того же года онъ оставленъ былъ на 5-лѣтіе службы при академіи, но въ февралѣ 1877 года заявилъ, что, по личнымъ обстоятельствамъ, не можетъ принять на себя должности помощника ректора; тогда же на эту должность избранъ былъ ординарный профессоръ *А. Л. Катанскій.*

Въ 1878 году 5 марта скончался помощникъ ректора по церковно-историческому отдѣленію, ординарный профессоръ *Чельцовъ.* 23 марта того же года на должность помощника ректора избранъ былъ ординарный профессоръ *М. О. Кояловичъ.*

Послѣ выхода изъ академіи заслуженнаго ординарнаго профессора *Долоцкаго* въ 1873 году, на должность помощника ректора по церковно-практическому отдѣленію избранъ и утвержденъ былъ ординарный профессоръ *Е. И. Ловягинъ.*

Въ апрѣлѣ 1870 года помощникъ секретаря совѣта и правленія *Сосняковъ* опредѣленъ въ г. Радомъ, на должность священника и законоучителя тамошнихъ учебныхъ заведеній; въ тоже время къ исправленію должности помощника секретаря допущенъ и 11 іюня утвержденъ бывшій надзиратель С.-Петербургской Введенской прогимназіи, *Н. Граціанскій,* изъ воспитанниковъ здѣшней академіи; въ маѣ 1872 года онъ перешелъ на должость помощника инспектора въ Пермскую семинарію;—на мѣсто его избранъ и 22 декабря утвержденъ помощникомъ секретаря *В. Ужинскій* изъ студентовъ семинарій.

Въ 1873 году секретарь совѣта *Бѣлецкій* по прошенію уволенъ отъ службы при академіи (нынѣ—окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа); на мѣсто его 10 сентября 1873 года опредѣленъ и. д. секретаря кандидатъ здѣшней академіи, *В. Смѣлковъ.*

Въ 1875 году 27 марта *Ужинскій* уволенъ отъ должности помощника секретаря, для опредѣленія на должность

секретаря при астраханскомъ архіереѣ (преосв. Хрисанѳѣ); въ мартѣ того же года помощникомъ секретаря опредѣленъ кандидатъ богословія *Н. Каратыгинъ;* но въ слѣдующемъ году по болѣзни оставилъ службу въ академіи, а на его мѣсто избранъ кандидатъ богословія *А. П. Садовъ.* По увольненіи его отъ этой должности въ 1878 году, исправленіе должности помощника секретаря поручено было временно, 12 іюня 1878 года, бывшему смотрителю Великолуцкаго духовнаго училища, *Г. Тубасову.*

Въ 1882 году *Смѣлковъ* удаленъ отъ должности секретаря: на мѣсто его исправляющимъ должность секретаря 29 октября того же года избранъ бывшій псаломщикъ православной церкви въ Нью-Іоркѣ, магистръ *А. П. Лопухинъ;* но въ слѣдущемъ 1883 году 2 ноября онъ избранъ былъ и утвержденъ доцентомъ по каѳедрѣ сравнительнаго богословія.— Должность секретаря занялъ послѣ него, состоявшій съ 5-го февраля при канцеляріи совѣта, кандидатъ *А. В. Княжинскій.*

За оставленіемъ инспекторомъ *Лучицкимъ* въ 1874 году службы при академіи, на должность инспектора избранъ былъ и утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ ординарный профессоръ *М. О. Кояловичъ;* въ 1878 году по окончаніи четырехлѣтняго срока инспекторской службы и вслѣдствіи избранія на должность помощника ректора, *Кояловичъ* уволенъ отъ инспекторской должности; инспекторомъ же академіи избранъ и 27 сентября утвержденъ былъ ординарный профессоръ *И. Ѳ. Нильскій.*—Помощникомъ инспектора опредѣленъ 22 августа 1869 году окончившій курсъ въ томъ же году *М. Д. Никифоровскій:* въ 1872 году 14 октября онъ уволенъ былъ отъ этой должности для поступленія на должность секретаря при С.-Петербургскомъ митрополитѣ (нынѣ священникъ Знаменской церкви въ С.-Петербургѣ); на его мѣсто 17 октября 1872 года опредѣленъ кандидатъ П. *Медвѣдковъ;* въ 1875 году 24 октября онъ поступилъ священникомъ и законоучителемъ въ Ремесленное училище Цесаревича Николая; послѣ него помощникомъ инспектора опредѣленъ 1 ноября 1875 года кандидатъ богословія А. В. *Васильковъ.*

Въ 1880 году, въ виду значительнаго увеличенія числа какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ студентовъ, при академіи учреждена, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 11 января, должность *втораго помощника инспектора*, съ окладомъ содержанія въ 800 руб. при казенной квартирѣ. На эту должность 13 февраля тогоже года избранъ помощникъ инспектора Самарской семинаріи, кандидатъ богословія, А. *Синайскій;* въ 1883 году 7 сентября Синайскій опредѣленъ на должность смотрителя Уральскаго духовнаго училища, а на мѣсто его избранъ и 22 сентября утвержденъ преподаватель Смоленской семинаріи, кандидатъ богословія, *В. А. Налимовъ;* въ 1885 году Налимовъ перемѣщенъ на должность преподавателя гражданской исторіи въ С.-Петербургскую семинарію, и на его мѣсто 16 сентября избранъ окончившій курсъ и оставленный при академіи для приготовленія къ преподавательской должности іеромонахъ *Антоній Храповицкій.*

Должность *эконома* академіи занимали: съ 1869 года до 1874 года священникъ *А. Соколовъ;* съ 1874 года священникъ Череповскаго Воскресенскаго собора *А. Боголюбовъ* († 28 марта 1880 г.); съ 1880 года свящ. Старорусскаго уѣзда, Новгородской епархіи, *В. Лавровъ.*

Состоявшій съ 1848 года *врачемъ* при академіи *И. И. Лебединскій* въ 1873 году уволенъ отъ службы при академіи, съ оставленіемъ его въ качествѣ вольнонаемнаго врача и съ сохраненіемъ содержанія; въ мартѣ 1877 года д. с. с. Лебединскій вышелъ совсѣмъ изъ академіи, при чемъ совѣтъ выразилъ ему благодарность за почти 30-лѣтнюю службу его при академіи.—15-го марта того же года врачемъ опредѣленъ ординаторъ Обуховской больницы, *Д. А. Пахомовъ.*

Назначеніе оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева.—Въ 1881 году на должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода назначенъ членъ Государственнаго Совѣта, *Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ,* котораго академія еще съ 1878 года имѣла честь считать своимъ почетнымъ членомъ.

Ректоръ—преосвященный Арсеній.—Въ маѣ 1883 года ректоръ академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ, отправился въ Москву ко времени коронованія Ихъ Величествъ, въ качествѣ духовника Государыни Императрицы; но по возвращеніи изъ Москвы уже не вступалъ въ должность ректора и 14 октября уволенъ отъ оной согласно прошенію. 23 октября было последнее служеніе его въ академической церкви, за которымъ онъ простился съ академіею.—Обязанности ректора съ 9 апрѣля исполнялъ, по распоряженію преосвященнаго митрополита, старшій изъ помощниковъ ректора, заслуженный профессоръ Е. И. Ловягинъ.

22 октября 1883 года ректоромъ академіи назначенъ, съ Высочайшаго соизволенія, первый викарій С.-Петербургской епархіи, преосвященный *Арсеній Брянцовъ*, епископъ Ладожскій.—Преосвященный Арсеній, сынъ причетника Смоленской епархіи, окончилъ курсъ въ Кіевской академіи въ 1867 году; въ 1868 году рукоположенъ въ священники; въ 1873 году избранъ и утвержденъ ректоромъ Таврической семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ протоіерея; въ 1875 году вступилъ въ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1882 году рукоположенъ въ епископа Ладожскаго, викарія С.-Петербургской епархіи.

II. Составъ академическихъ каѳедръ и распредѣленіе предметовъ академическаго образованія на общеобязательные и спеціальные по отдѣленіямъ.

По уставу 1869 года въ академіи положено 29 каѳедръ, считая въ томъ числѣ 3 каѳедры новыхъ языковъ. Для преподаванія предметовъ академическаго курса по этимъ каѳедрамъ назначалось такое же число наставниковъ, именно 9 ординарныхъ профессоровъ, 9 экстраординарныхъ, 8 доцентовъ и 3 лектора.

Въ помощь штатнымъ преподавателямъ и для спеціальной разработки важнѣйшихъ отдѣловъ наукъ полагалось не-

опредѣленное число приватъ-доцентовъ, на вознагражденіе которыхъ назначена была особая сумма, именно въ С.-Петербургской академіи 3000 рублей, въ прочихъ академіяхъ по 2000.

Изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ однѣ сдѣланы общеобязательными для всѣхъ студентовъ, прочія распредѣлены по отдѣленіямъ.

1) Общеобязательные предметы.

Къ общеобязательнымъ предметамъ отнесены: священное писаніе, основное богословіе, философія, логика, психологія и метафизика, исторія философіи, педагогика, одинъ изъ древнихъ языковъ и одинъ изъ новыхъ.

Священное писаніе.

По уставу 1869 года для преподаванія священнаго писанія назначены, вмѣсто одного, два преподавателя.

Занимавшій, съ 1847 года, каѳедру священнаго писанія ординарный профессоръ, *Моисей Александровичъ Голубевъ*. вскорѣ (22 августа 1869 года) скончался.

На каѳедру *священнаго писанія новаго завѣта* избранъ былъ преподаватель С.-Петербургской семинаріи (магистръ 1865 года здѣшней академіи) *Василій Гавриловичъ Рождественскій,* съ званіемъ доцента; въ 1874 году опредѣленъ профессоромъ богословія въ С.-Петерб. университетъ, съ принятіемъ сана священника; въ 1880году 18 сентября утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора.—Въ 1878 году издалъ „Историческое обозрѣніе священныхъ книгъ Новаго Завѣта“.—Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщено имъ нѣсколько библіографическихъ разборовъ разныхъ книгъ и статьи: Годъ Рождества Христова (1870). Чтенія объ исторической достовѣрности и божественномъ характерѣ евангельской исторіи (1884). Фрейзингенскіе фрагменты италійскаго перевода посланій св. апостола Павла (1876).

Въ 1871 году 22 сентября чтеніе лекцій въ академіи по

священному писанію ветхаго завѣта поручено было, въ качествѣ привать-доцента, окончившему въ томъ году курсъ, кандидату *Ивану Степановичу Якимову;* въ 1874 году, по полученіи степени магистра, онъ утвержденъ былъ 22 мая штатнымъ доцентомъ; въ 1876 году командированъ былъ съ 15 августа за границу, съ ученою цѣлію, на одинъ годъ, съ сохраненіемъ штатнаго содержанія и съ назначеніемъ 300 руб. пособія на путевыя издержки; въ 1883 году 31 октября утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора.—Магистерская диссертація его: Отношеніе перевода LXX толковниковъ къ еврейскому мазоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи. Спб. 1874 года.—Кромѣ того напечатаны имъ: Толкованіе на книгу пророка Іереміи. Вып. I—II. Спб. 1879—1880.—Толкованіе на книгу пророка Исаіи, 1883.—Въ Христіанскомъ чтеніи: „Неповрежденность книги пророка Іереміи“ (1876).—„Критическія изслѣдованія текста славянскаго перевода ветхаго завѣта, въ зависимости его отъ текста перевода LXX толковниковъ“ (1878).—„Опытъ соглашенія библейскихъ свидѣтельствъ съ показаніемъ памятниковъ клинообразнаго письма“ (1884).—„Когда пророчествовалъ Авдія“ (1829).—Въ Церк. вѣстникѣ: „По поводу мнѣнія преосв. Ѳеофана о значеніи русскаго перевода ветхоз. книгъ, изд. по благословенію Святѣйшаго Синода“ (1876, № 13, 19 и 35).

Основное богословіе.

Каѳедру основнаго богословія продолжалъ занимать *Николай Павл. Рождественскій.* Преосвященный Макарій, въ отчетѣ о ревизіи академіи въ 1875 году, писалъ о немъ: „доцентъ основнаго богословія Н. Рождественскій—одинъ изъ самыхъ лучшихъ преподавателей академіи, съ умомъ свѣтлымъ, съ познаніями основательными, съ счастливымъ даромъ слова... Внимательно слѣдитъ за ходомъ своей науки и направленіями ея въ иностранной литературѣ“. Въ 1877 году Н. П. возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора, но, къ общему сожалѣнію, скончался въ 1882 году.—Въ Христіанскомъ

чтеніи напечатана магистерская его диссертація: „О древности человѣческаго рода (критическій разборъ съ богословской точки зрѣнія теорій новѣйшаго естествознанія по вопросу о происхожденіи міра и человѣка)“ и статьи: Исторія апологетики и современно-научная ея постановка.— Старая и новая вѣра Штрауса (1873).—Антихристъ—Ренана (1874).—Современное невѣріе на западѣ Европы и общій характеръ западной апологетики христіанства (1873).—Обзоръ западной апологетической литературы за 1874 годъ.—Очеркъ новѣйшей западной противомусульманской литературы.—Новыя иностранныя сочиненія объ основныхъ вопросахъ религіи.—Обзоръ новѣйшихъ апологетическихъ сочиненій по вопросу о жизни Іисуса Христа.—По поводу изданія богословскихъ лекцій о. Сидонскаго (1876).—Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры (критическій разборъ апологетическихъ сочиненій профессора Н. А. Сергіевскаго).—Символика Гасса.— Съ 1872 года онъ помѣщалъ въ Христіанскомъ чтеніи и Церковномъ вѣстникѣ обозрѣнія религіозной жизни на Западѣ.—Въ Церковномъ вѣстникѣ напечатано также много его статей: Матеріализмъ, разсматриваемый съ политико-соціальной точки зрѣнія.—Религіозныя воззрѣнія Шеллинга.—Соціалистическо-атеистическое движеніе въ Германіи.—О спиритизмѣ и пр.—По смерти его академіею, подъ редакціею профессора А. И. Предтеченскаго, напечатаны лекціи его, читанныя студентамъ въ 1881—82 учебномъ году, подъ заглавіемъ: „Курсъ основнаго богословія или христіанская апологетика“.

Занятіе съ студентами 4-го курса по предмету основнаго богословія поручено было временно (28 сентября 1883 г.) экстраординарному профессору *В. Г. Рождественскому*.

Въ маѣ 1884 года богословское отдѣленіе представило совѣту, для замѣщенія этой каѳедры, окончившаго въ томъ году курсъ, кандидата богословія, іеромонаха *Михаила Грибановскаго*. Послѣ публичной защиты имъ, въ собраніи профессоровъ и преподавателей, диссертаціи pro venia legendi, подъ

заглавіемъ „Религіозный элементъ въ философіи Гераклита“ и двухъ прóбныхъ лекцій, іеромонахъ Михаилъ 14 іюня 1884 года допущенъ къ преподаванію въ академіи основнаго богословія въ качествѣ приватъ-доцента, съ возложеніемъ на него обязанностей штатнаго преподавателя.

Философскія науки.

Каѳедру *исторіи философіи* занималъ ординарный профессоръ *И. А. Чистовичъ*. Въ 1871 году утвержденъ въ степени доктора богословія. Въ 1873 году перешелъ на службу въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Нынѣ членъ совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія и Управляющій контролемъ при Святѣйшимъ Синодѣ, членъ Учебнаго Комитета при Святѣйшимъ Синодѣ, членъ-корресподентъ Императорской Академіи Наукъ, почетный членъ С.-Петербургской и Казанской дух. академій и дѣйств. членъ Общества ист. и древн. росс. при Моск. университетѣ и Императорскаго Археологическаго.—Въ 1871 году издалъ сочиненіе „Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка. Въ 1873 году напечаталъ „Исторію перевода библіи на русскій языкъ“. Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены его статьи: Идея безсмертія въ древней греческой философіи и христіанское ученіе о воскресеніи (1871).—Въ память графа М. М. Сперанскаго (1871).—Въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей: Ѳеофилакта. архіепископа Рязанскаго—опроверженіе примѣчаній на книгу: Эстетическія разсужденія, Ансильйона: (1872 г. кн. 1.).

Въ 1868 году 9 іюня, опредѣленіемъ бывшей академической конференціи, по заявленію профессора И. А. Чистовича, постановлено было: въ виду несомнѣнной и особенной способности наставника Московской семинаріи, *Михаила Ивановича Каринскаго,* къ разбору метафизическихъ вопросовъ, предназначить его, въ случаѣ открытія каѳедры по метафизикѣ. къ занятію оной, безъ особаго конкурса, и безъ пред-

ставленія имъ въ конференцію новыхъ сочиненій. Тогда же возбуждено было ходатайство о командированіи его въ Германію для возможно лучшаго приготовленія къ занятію означенной каѳедры: но въ то время ходатайство это не было удовлетворено за непослѣдовавшимъ еще утвержденіемъ новаго устава духовныхъ академій. Съ открытіемъ въ академіи по уставу 1869 года каѳедры *метафизики,* Каринскій признанъ избраннымъ на должность доцента съ 15 августа 1869 года.— Въ іюнѣ 1870 года возобновлено было ходатайство о командированіи его въ Германію, съ цѣлію ознакомленія съ состояніемъ преподаваемой имъ науки, на что и послѣдовало разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. Каринскій командированъ былъ съ апрѣля 1871 по апрѣль 1872 года. Въ видѣ отчета М. И. Каринскій издалъ: Критическій обзоръ послѣдняго періода Германской философіи. Спб. 1873 года.—Въ томъ же году 24 сентября утвержденъ былъ въ званіи экстраординарнаго профессора; въ 1874 году 13 мая перешелъ на каѳедру *исторіи философіи;* въ 1880 году С.-Петербургскимъ университетомъ утвержденъ въ степени доктора философіи послѣ публичной защиты диссертаціи подъ заглавіемъ „Классификація выводовъ"; 7 іюня того же года избранъ и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1885 году издано переведенное подъ его редакціею сочиненіе Целлера": Очеркъ исторіи греческой философіи". Кромѣ того напечатаны его статьи: въ Православномъ обозрѣніи: Къ вопросу о позитивизмѣ (1875).—Борьба противъ силлогизма въ новой философіи (1880 г.)—Явленіе и дѣйствительность.—Темное свидѣтельство св. Ипполита о философѣ Анаксименѣ (1881).—О связи философскихъ взглядовъ съ физико-астрономическими въ древнѣйшій періодъ греческой философіи (1884).—Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: Подложные стихи въ сочиненіи Іудейскаго философа Аристовула (1875).—Аполлоній Тіанскій (1876). Перешедши въ 1874 году на каѳедру исторіи философіи, М. И. Каринскій продолжалъ временно преподавать метафизику до половины 1876 года.

Въ 1876 году 16 сентября допущенъ былъ къ чтенію

лекцій по этому предмету, въ качествѣ приватъ-доцента, съ вознагражденіемъ по 900 руб. въ годъ, преподаватель Харьковской семинаріи (кандидатъ С.-Петербургской академіи 1874 года) М. И. *Смоленскій,* защитившій диссертацію pro venia legendi: „Механическое объясненіе природы и телеологическое ея истолкованіе“. Но молодой и даровитый преподаватель этотъ вскорѣ (4 января 1881 года) скончался.

На объявленный конкурсъ для занятія каѳедры метафизики въ 1882 году явился кандидатъ С.-Петербургскаго университета, дѣлопроизводитель департамента народнаго просвѣщенія, *Николай Григ. Дебольскій* и представилъ свои ученые труды: О діалектическомъ методѣ.—Философія будущаго.—О нравственномъ воспитаніи.—Введеніе въ ученіе о познаніи.—По сдачѣ установленныхъ лекцій pro venia legendi и по представленіи программы, онъ допущенъ былъ къ преподаванію метафизики въ качествѣ приватъ-доцента, съ вознагражденіемъ по 900 руб. въ годъ.

Логику и психологію продолжалъ преподавать *А. Е. Свѣтилинъ.*—Въ 1870 году онъ издалъ „Учебникъ логики“ и потомъ тщательно пересматривалъ и исправлялъ его при каждомъ новомъ изданіи.—Въ 1874—1875 г. г. напечаталъ нѣсколько критическихъ статей по логикѣ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1875 году 25 сентября утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Въ февралѣ 1884 года подвергся тяжкой болѣзни и оставилъ службу въ академіи.

Въ 1871 году 21 сентября допущенъ былъ къ чтенію лекцій въ академіи по *антропологіи,* въ качествѣ приватъ-доцента, окончившій въ томъ году курсъ, кандидатъ *Ѳедоръ Ѳедор. Гусевъ:* но въ слѣдующемъ году 12 января утвержденъ былъ въ званіи штатнаго доцента Кіевской академіи по каѳедрѣ логики и метафизики. Скончался въ 1878 году 27 августа. (Объ ученыхъ, трудахъ и нравственномъ характерѣ его—въ статьѣ, посвященной его памяти, въ Прав. обозр. 1878 года, октябрь).

Педагогика.

По уставу 1869 года преподаваніе педагогики соединено было въ одной каѳедрѣ съ преподаваніемъ нравственнаго богословія. Ректоръ академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ принялъ на себя преподаваніе какъ нравственнаго богословія, такъ и педагогики, которую онъ преподавалъ уже съ 1867 года.

Но въ 1871 году 28 сентября къ чтенію лекцій въ академіи по педагогикѣ и дидактикѣ допущенъ былъ, въ качествѣ приватъ-доцента, окончившій въ томъ году курсъ, кандидатъ *Серг. Алекс. Соллертинскій*.—Въ Христіанскомъ чтеніи напечатана его статья: Наказанія въ системѣ христіанскаго воспитанія. Опытъ педагогическаго анализа (1876).

Древніе языки.

Въ 1869 году, съ прекращеніемъ преподаванія въ академіи физико-математическихъ наукъ, на каѳедру *греческаго языка* перешелъ бывшій преподаватель математики, ординарный профессоръ Е. И. *Ловягинъ*, занимающій эту каѳедру и въ настоящее время; въ 1872 году утвержденъ въ степени доктора богословія и въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора.

Сочиненія его: Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ. Спб. 1872 года (докторская диссертація).—Въ 1874 году перевелъ съ греческаго на русскій языкъ Маккавейскія книги, въ видѣ приготовительнаго труда къ изданію Святѣйшимъ Синодомъ русскаго перевода книгъ свящ. писанія;— участвовалъ въ переводѣ „Собранія древнихъ литургій" издан. при Христіанскомъ чтеніи;—въ 1854 году издалъ особою книгою переводъ съ новогреческаго языка „Камень соблазна" Иліи Минятія; въ 1877 году подъ его редакціей изданы творенія св. Меѳодія, еп. Патарскаго, въ русскомъ переводѣ. Составилъ учебную греческую книгу для духовныхъ семинарій, подъ заглавіемъ: „Избранныя мѣста изъ греческихъ

писаній святыхъ отцовъ церкви до IX вѣка“, въ двухъ частяхъ: первая напечатана въ 1884 году, вторая въ 1885 году.

Въ 1876 году 16 сентября допущенъ былъ къ преподаванію греческаго языка, въ званіи приватъ-доцента, кандидатъ Московской академіи, защитившій диссертацію pro venia legendi „О состояніи нынѣшняго греческаго языка сравнительно съ древнимъ“, грекъ *Дмитрій Менагіосъ,* съ вознагражденіемъ по 400 руб. въ годъ.

Отдѣльной каѳедры *латинскаго языка* въ академіи не было до 1869 года. Преподаваніе его поручаемо было одному изъ профессоровъ другихъ предметовъ, и до 1869 года преподавалъ его профессоръ русской словесности, *К. И. Лучицкій.*—Съ введеніемъ новаго устава и учрежденіемъ отдѣльной каѳедры латинскаго языка, преподаваніе его поручено было (съ 15-го августа 1869 года) бывшему преподавателю физики, экстраорд. профессору *Н. И. Глоріантову.*

По заявленію преосвященнаго Макарія, ревизовавшаго въ 1875 году С.-Петербургскую академію, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 30 мая 1875 года совѣту академіи предложено было принять мѣры къ усиленію изученія классическихъ языковъ. Совѣтъ академіи 9 декабря 1875 года проэктировалъ для этого рядъ мѣръ; но, въ тоже время, для осуществленія ихъ призналъ необходимымъ имѣть, при профессорахъ древнихъ языковъ, способныхъ приватъ-доцентовъ, которымъ могли бы быть назначены опредѣленныя занятія съ студентами первыхъ двухъ курсовъ, и за недостаткомъ штатной приватъ-доцентской суммы на ихъ вознагражденіе ходатайствовалъ объ отпускѣ дополнительной на это суммы; вслѣдствіе чего, по опредѣленію Святѣйшаго Синода 5 мая 1878 года, къ имѣвшимся отъ распредѣленія приватъ-доцентской суммы 400 руб., добавлено съ 1 сентября 1877 года еще 800 руб.

Въ 1877 году 22 марта экстраордин. профессоръ *Глоріантовъ* по разстроенному здоровью уволенъ отъ службы при академіи, но съ особаго разрѣшенія Святѣйшаго Синода исполнялъ преподавательскія обязанности до конца учебнаго года.—Въ августѣ того же года допущенъ былъ къ препода-

ванію латинскаго языка въ качествѣ привать-доцента кандидатъ академіи *А. И. Садовъ*.

Въ октябрѣ 1877 года изъявилъ желаніе баллотироваться на каѳедру латинскаго языка въ академіи ординарный профессоръ университета св. Владиміра, докторъ римской словесности, *В. И. Модестовъ*, и по баллотировкѣ утвержденъ съ 17 октября въ званіи ординарнаго профессора академіи.

Введеніе обязательнаго для всѣхъ студентовъ изученія обоихъ древнихъ языковъ.—Между тѣмъ въ февралѣ 1877 года оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода предложилъ Синоду журналъ Учебнаго комитета отъ 16 февраля о пользѣ совмѣстнаго изученія академическими воспитанниками обоихъ древнихъ языковъ.—Святѣйшій Синодъ, предварительно окончательнаго сужденія по этому дѣлу, поручилъ Учебному комитету (опредѣленіемъ 6 апрѣля—20 мая 1877 года) войти въ болѣе подробное и обстоятельное разсмотрѣніе его, обративъ вниманіе на то, не отниметъ ли осуществленіе этого предположенія времени, необходимаго для успѣшнаго изученія студентами прочихъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи.

Озабочиваясь въ тоже время устраненіемъ возможныхъ затрудненій къ замѣщенію преподавательскихъ вакансій въ академіяхъ по этимъ предметамъ, Святѣйшій Синодъ поручилъ академическимъ совѣтамъ (указомъ отъ 10 іюня 1877 года) представить свѣдѣнія о томъ, какія ими приняты или принимаются мѣры для замѣщенія могущихъ открыться преподавательскихъ вакансій въ академіяхъ по этимъ предметамъ.

Вслѣдствіе этого Учебный комитетъ по первому изъ сихъ вопросовъ просилъ совѣты академій сообщить свои предположенія, съ указаніемъ числа лекцій въ недѣлю, которое могло бы быть назначено во всѣхъ отдѣленіяхъ для преподаванія каждаго изъ названныхъ языковъ.—Въ С.-Петербургской академіи для предварительнаго обсужденія этого вопроса составлена была коммиссія изъ трехъ профессоровъ, по одному отъ каждаго отдѣленія (Е. И. Ловягина, М. О. Кояловича и А. Л. Катанскаго). Коммиссія полагала назначить для классиче-

скихъ языковъ такое число уроковъ, какое назначалось тогда для обоихъ языковъ вмѣстѣ, именно не менѣе 6-ти уроковъ въ недѣлю, сверхъ практическихъ занятій; обязательное изученіе обоихъ языковъ ввести съ 1878—89 учебнаго года только для студентовъ 1-го курса; въ слѣдующемъ году—для 1-го и 2-го и т. д.—Профессоръ Катанскій полагалъ распространить обязательность изученія этихъ языковъ и на студентовъ IV-го курса, избиравшихъ въ то время для изученія одинъ изъ нихъ.—Профессоръ Кояловичъ предлагалъ, въ виду крайняго обремененія, сравнительно съ прочими отдѣленіями, церковно-историческаго отдѣленія, перенесть два или по крайней мѣрѣ одинъ изъ предметовъ этого отдѣленія въ другія отдѣленія.—При обсужденіи этихъ предположеній въ совѣтѣ, 17 октября 1877 года, тремя членами (профессорами И. Е. Троицкимъ, М. И. Каринскимъ и Ѳ. Г. Елеонскимъ) заявлено было особое мнѣніе, состоящее въ томъ, чтобы изученіе древнихъ языковъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ студентовъ 1-го курса; затѣмъ дальнѣйшее, болѣе спеціальное, преподаваніе вести на второмъ и третьемъ курсахъ только одного изъ отдѣленій академіи, всего лучше—церковно-практическаго; почему студентамъ этого отдѣленія предоставить также право избирать классическіе языки своею спеціальностію въ 4-мъ курсѣ; въ замѣнъ же этого освободить ихъ отъ изученія по крайней мѣрѣ двухъ общеобязательныхъ предметовъ.— Совѣтъ представилъ какъ предположенія коммиссіи, такъ и отдѣльныя мнѣнія, на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода, признавъ, съ своей стороны, необходимымъ воспользоваться восьмилѣтнимъ опытомъ жизни по новому академическому уставу для пересмотра §§ 111—114 и 134 академическаго устава.

По разсмотрѣніи этихъ предположеній, а также отзывовъ совѣтовъ прочихъ духовныхъ академій по сему предмету, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго комитета, 16 марта—4 апрѣля 1878 года постановилъ: 1) обязательное для всѣхъ студентовъ изученіе обоихъ древнихъ языковъ ввести въ духовныхъ академіяхъ съ 1878—89 учебнаго года, начавъ оное съ 1-го вновь имѣющаго составиться курса студентовъ

и продолжая оное постепенно въ томъ же порядкѣ и въ слѣдующихъ курсахъ; 2) для преподаванія древнихъ языковъ назначить въ каждомъ изъ трехъ первыхъ курсовъ не менѣе двухъ лекцій въ недѣлю по каждому языку; 3) обязательное изученіе этихъ языковъ распространить и на студентовъ IV курса съ тѣмъ, чтобы приготовляющіеся къ преподаванію сихъ языковъ въ семинаріяхъ и избирающіе для спеціально-практическихъ занятій въ IV курсѣ одинъ изъ древнихъ языковъ при одномъ изъ богословскихъ предметовъ, въ тоже время обязательно слушали лекціи и по другому языку, въ качествѣ дополнительнаго предмета ихъ спеціальныхъ занятій и испытанія на степень магистра.—Предположеніе профессора Кояловича о перенесеніи одного или двухъ предметовъ изъ церковно-историческаго отдѣленія въ другія отдѣленія, особое мнѣніе трехъ профессоровъ той же академіи съ соображеніями относительно предлагаемой ими постановки классическихъ языковъ въ духовныхъ академіяхъ и наконецъ заявленіе совѣта о пересмотрѣ §§ 111, 112, 113, 114 и 134 академическаго устава, признаны Святѣйшимъ Синодомъ выходящими за предѣлы той спеціальной задачи, которая, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, предложена была на обсужденіе академическихъ совѣтовъ.

По второму вопросу—относительно обезпеченія академій преподавателями по древнимъ языкамъ, Святѣйшій Синодъ постановилъ: поручить каждой изъ академій избрать двухъ вполнѣ благонадежныхъ и достаточно подготовленныхъ молодыхъ людей изъ оканчивающихъ или окончившихъ академическій курсъ, для командированія ихъ, при первомъ къ тому удобномъ случаѣ, за границу, съ цѣлію приготовленія на преподавательскія должности по древнимъ языкамъ въ академіи; въ случаѣ же неимѣнія въ виду такихъ лицъ изъ академическихъ воспитанниковъ, войти въ сношеніе съ университетскими начальствами, прося ихъ рекомендовать для изъясненной цѣли молодыхъ людей изъ окончившихъ курсъ по историко-филологическому факультету со степенью кандидата съ тѣмъ, чтобы они дали обязательство прослужить потомъ на преподавательской долж-

ности въ духовной академіи соотвѣтствующее время за полученные ими способы къ заграничной командировкѣ, а окончившіе академическій курсъ—и за свое образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи устава этихъ заведеній (указъ Святѣйшаго Синода 10 іюня 1877 г.).

С.-Петербургская академія (10 іюня 1878 г.) рекомендовала для командировки за границу по латинскому языку привать-доцента кандидата *А. Садова,* а по греческому—окончившаго въ 1878 году академическій курсъ кандидата *Я. Смирнова.* Садовъ изъявилъ желаніе предъ отправленіемъ за границу ознакомиться съ пріемами преподаванія его спеціальности въ С.-Петербургскомъ университетѣ и воспользоваться совѣтами и указаніями профессоровъ-филологовъ; вслѣдствіе чего сдѣлано было сношеніе съ начальствомъ университета о предоставленіи ему способовъ къ удовлетворенію заявленнаго имъ желанія. Въ университетѣ Садовъ слушалъ чтенія профессора И. В. Помяловскаго и преподавателей Лапшина и Шебора. Указомъ отъ 4 декабря того же года Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ командировать Садова за границу срокомъ на одинъ годъ, съ 1-го марта 1879 по 1 марта 1880 года, съ отпускомъ на содержаніе его во время командировки 1.500 руб.—Относительно же Смирнова постановлено, что такъ какъ до сихъ поръ изъ духовныхъ академій командировались въ заграничные университеты для усовершенствованія въ тѣхъ или другихъ наукахъ лица уже состоявшія на преподавательской службѣ, или по крайней мѣрѣ ознакомившіяся съ постановкою изучаемыхъ ими небогословскихъ наукъ въ нашихъ русскихъ университетахъ: то окончившаго курсъ въ настоящемъ году кандидата Смирнова, предварительно отправленія за-границу, командировать, по бывшимъ примѣрамъ, въ здѣшній Университетъ и Историко-филологическій институтъ, для ознакомленія въ оныхъ съ преподаваніемъ греческаго языка и его словесности, съ назначеніемъ ему на содержаніе, во время пребыванія въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ по 1-е сентября 1879 года, по 50 руб. въ мѣсяцъ. По окончаніи занятій въ Университетѣ

и Историко-филологическомъ институтѣ, Смирновъ командированъ былъ въ сентябрѣ 1879 году на годъ за-границу съ назначеніемъ на содержаніе его 1.500 руб.

Срокъ командировки Садова продолженъ былъ, послѣ 1-го марта 1880 года, еще на шесть мѣсяцевъ. Между тѣмъ 8 января 1880 года уволенъ былъ отъ службы при академіи, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, профессоръ *В. И. Модестовъ*. Для преподаванія латинскаго языка приглашенъ былъ окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, кол. сов. Н. Ѳ. *Фокковъ* (съ 22 января 1880 г.).—Садовъ, по возвращеніи изъ за-границы получилъ степень магистра и 2 ноября 1883 года утвержденъ въ должности доцента.

Въ томъ же 1880 году 12 февраля, до окончанія срока командировки Смирнова, оставилъ службу при академіи приватъ-доцентъ греческаго языка *Менагіосъ*. Преподаваніе лекцій по этому предмету до возвращенія Смирнова принялъ на себя профессоръ греческаго языка Е. И. Ловягинъ.—Смирновъ, по возвращеніи изъ за-границы, допущенъ былъ къ чтенію лекцій 18 сентября 1881 года въ качествѣ приватъ-доцента; но въ 1883 году 10 ноября прекратилъ чтеніе лекцій, поступивъ священникомъ къ церкви миссіи нашей въ Дрезденѣ.—Преподаваніе греческаго языка студентамъ 1-го курса поручено было до окончанія учебнаго года преподавателю латинскаго языка Н. Ѳ. *Фоккову*.

Новые языки.

Лекторомъ *нѣмецкаго* языка избранъ былъ 16 сентября 1869 года исправлявшій должность академическаго библіотекаря, кандидатъ Копенгагенскаго университета, *Людв. Павл. Размуссенъ*.

Французскій языкъ продолжалъ преподавать *А. И. Поповицкій*. Въ 1881 году 1 сентября по прошенію онъ уволенъ отъ службы при академіи.—На мѣсто его лекторомъ французскаго языка избранъ былъ преподаватель 3-й С.-Петербургской гимназіи *А. Тепферъ*.

Англійскій языкъ преподавалъ съ 1867 года коллежскій совѣтникъ П. М. *Нурокъ*.

2) Спеціальные предметы богословскаго отдѣленія.

Къ богословскому отдѣленію отнесены были слѣдующіе спеціальные предметы: 1) догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ; 2) нравственное богословіе; 3) сравнительное богословіе; 4) патристика; 5) еврейскій языкъ и библейская археололія.

Догматическое богословіе.

Догматическое богословіе продолжалъ преподавать *А. Л. Катанскій*, утвержденный 30 октября 1869 года, согласно избранію совѣта, въ званіи экстраординарнаго профессора; въ 1877 году—въ степени доктора богословія и въ званіи ординарнаго профессора.

Сочиненіе его на степень доктора: Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ-писателей церкви до Оригена включительно. Историко-догматическое изслѣдованіе. С.-Петербургъ 1877 года.—Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены его статьи: Объ историческомъ изложеніи догматовъ (1871 г.).—Объ изученіи библейскаго новозавѣтнаго періода въ историко-догматическомъ отношеніи (1872).—Сказанія о нерукотворенномъ образѣ Спасителя, восточныя и западныя (1874).—Характеристика православія, римскаго католичества и протестантства (1875).—Введеніе въ собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ, въ переводѣ на русскій языкъ (1874 г.).—Къ исторіи литургической стороны таинства брака 1880).—Очеркъ исторіи обрядовой стороны таинства елеосвященія (1880).—Кромѣ того А. Л. Катанскій съ 1881 до 1885 года былъ редакторомъ Церковнаго вѣстника, въ которомъ помѣщено весьма много его статей и замѣтокъ.

Въ 1876 году 20 октября допущенъ былъ къ чтенію лекцій, въ качествѣ приватъ-доцента, по предмету изложенія

догматовъ по священному писанію ветхаго завѣта, кандидатъ богословія *Алексѣй Лебедевъ* послѣ защищенія диссертаціи pro venia legendi, подъ заглавіемъ „Ангелъ Іеговы". Въ 1878 году поступилъ законоучителемъ въ С.-Петербургское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и прекратилъ чтеніе лекцій въ академіи. Въ Христіанскомъ чтеніи онъ напечаталъ статьи: Ученіе Іисуса Христа въ Его собственныхъ устахъ и въ устахъ апостоловъ (1875 г.) и—Лжеученіе Аполлинарія и его значеніе въ исторіи догматики (1878 г.).

Нравственное богословіе.

Нравственное богословіе преподавалъ ректоръ академіи, протоіерей І. Л. *Янышевъ.*—Обозрѣвавшій академію въ 1875 году преосв. Макарій, архіепископъ Литовскій, въ отчетѣ своемъ о ревизіи, писалъ о немъ: „Ординарный профессоръ нравственнаго богословія (съ 1869 г.) ректоръ академіи, прот. Іоаннъ Янышевъ, обладаетъ отличнымъ преподавательскимъ талантомъ: излагаетъ свои лекціи предъ слушателями ясно, отчетливо, съ большою энергіею и одушевленіемъ, словомъ живымъ, свободнымъ, изящнымъ, часто увлекательнымъ. Различаетъ въ своей наукѣ три части: въ первой говоритъ *о нравственности вообще,* раскрывая понятія о нравственномъ чувствѣ, о совѣсти, о свободѣ, о нравственномъ законѣ, объ основныхъ требованіяхъ нравственнаго закона и проч.; во второй—*о нравственности христіанской—православной,* въ отличіе отъ нехристіанской и неправославной, и здѣсь въ частности ведетъ рѣчь о нравственности у языческихъ народовъ, о нравственности ветхозавѣтной, о нравственности собственно христіанской, объ особенностяхъ нравоученія въ латинской церкви и въ протестантскихъ обществахъ и проч.; въ третьей—*о проявленіяхъ христіанской нравственности въ жизни,* именно: о проявленіяхъ религіозной добродѣтели или вѣры, о проявленіяхъ аскетической добродѣтели и о проявленіяхъ общежительной добродѣтели. Первую часть науки о. протоіерей уже написалъ и отлитографировалъ для студентовъ".

Въ 1886 году напечатана въ Православномъ обозрѣніи, и потомъ выпущена отдѣльною книжкою, значительная часть академическихъ чтеній І. Л. Янышева, подъ заглавіемъ: „Изъ лекцій по нравственному богословію“.

Сравнительное богословіе.

Каѳедру сравнительнаго богословія продолжалъ занимать экстраординарный профессоръ И. Т. *Осининъ;* въ 1882 году 23 іюня утвержденъ въ званіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора. Въ 1883 году 15 августа оставилъ службу при академіи. —Даровитый преподаватель, непрестанно слѣдившій за всѣми новыми явленіями въ области религіозной жизни запада и за вновь выходившими сочиненіями по предмету его специальности, онъ въ тоже время принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ С.-Петербургскаго Отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія, былъ нѣсколько разъ по порученіямъ его за-границей для участія въ конференціяхъ старокатоликовъ и, хотя въ послѣднее время своей академической службы занималъ важный и отвѣтственный постъ начальника С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій, не переставалъ однакожъ, трудиться для богословской науки. При оставленіи имъ учебной службы, академія избрала его въ свои почетные члены. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ высшее назначеніе на должность почетнаго опекуна и предсѣдателя Учебнаго комитета вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, но въ февралѣ 1887 года скончался.

Послѣ него на каѳедру сравнительнаго богословія изъявилъ желаніе перейти и. д. секретаря совѣта и правленія, магистръ *Алекс. Павл. Лопухинъ* и 2 ноября утвержденъ доцентомъ этой каѳедры.—Лопухинъ, по окончаніи академическаго курса въ 1878 году, въ маѣ 1879 года поступилъ на должность псаломщика русской православной церкви въ Нью-Іоркѣ; по возвращеніи изъ Америки опредѣленъ былъ и. д. секретаря совѣта и правленія.—До избранія на эту каѳедру, кромѣ множества статей, помѣщенныхъ въ разныхъ перio-

дическихъ изданіяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, А. П. издалъ слѣдующія сочиненія: Римскій католицизмъ въ Америкѣ. Спб. 1881 г. (магистерская диссертація).—Законодательство Моисея. Спб. 1881 г.—Жизнь за океаномъ. Спб. 1882.—Религія въ Америкѣ. Спб. 1881 г.

Патристика.

Въ 1871 году доцентъ священникъ *Л. А. Павловскій* оставилъ службу при академіи.—Въ 1873 году къ чтенію лекцій по патристикѣ допущенъ былъ въ качествѣ приватъ-доцента кандидатъ *А. А. Приселковъ*.

Въ Протоколахъ совѣта 1875 года 11 іюня напечатанъ обширный отзывъ его объ изданіи профессора церковной исторіи въ Вѣнскомъ университетѣ, доктора Отто, подъ заглавіемъ: Corpus apologetarum christianorum saeculi secundi. Jenae, 1847—1872.

Еврейскій языкъ и библейская археологія.

Еврейскій языкъ постоянно преподавался въ академіи, но библейская археологія введена вновь уставомъ 1869 года. Преподаваніе этого предмета принялъ на себя, вмѣстѣ съ еврейскимъ языкомъ, преподаватель этого языка въ академіи, экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, Д. А. *Хвольсонъ,* сначала съ жалованьемъ доцента; но въ 1870 году 16 ноября утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора; 31 августа 1875 года—въ званіи ординарнаго профессора. Въ 1883 году 15 августа Д. А. оставилъ службу при академіи.—Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его изслѣдованія: О послѣдней пасхальной вечери Іисуса Христа и днѣ Его смерти (1875).—Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ его переводовъ въ отношеніи къ подлиннику и между собою.—Новооткрытый памятникъ моавитскаго царя Меши (1870 г.).

Въ 1870 году студенты 4-го курса, И. Якимовъ, Г. Смир-

новъ, М. Симашкевичъ и А. Полисадовъ перевели съ нѣмецкаго краткую „Еврейскую грамматику“ Леви, съ измѣненіями и дополненіями, сдѣланными подъ руководствомъ профессора Хвольсона. Эта грамматика была налитографирована и служила учебнымъ пособіемъ для начинающихъ изучать въ академіи еврейскій языкъ.

Послѣ Д. А. Хвольсона преподаваніе еврейскаго языка и библейской археологіи поручено 24 сентября, въ качествѣ приватъ-доцента, преподавателю Курской семинаріи *Ивану Гавр. Троицкому* [1]).

Къ богословскому отдѣленію, кромѣ преподавателей спеціальныхъ предметовъ, отнесены были преподаватели общеобязательныхъ предметовъ: свящ. писанія, основнаго богословія, логики и психологіи, метафизики, исторіи философіи и педагогики.

3) Спеціальные предметы церковно-историческаго отдѣленія.

Къ церковно-историческому отдѣленію отнесены были: библейская исторія, общая церковная исторія, исторія русской церкви, исторія и обличеніе русскаго раскола, общая гражданская исторія и русская гражданская исторія.

Библейская исторія.

Преподаваніе библейской исторіи введено въ академіи по уставу 1869 года. На эту каѳедру опредѣленъ въ 1870 году 24 сентября, съ званіемъ доцента, преподаватель Литовской духовной семинаріи, магистръ здѣшней академіи 1863 года, *Ѳедоръ Герас. Елеонскій.*—Во время служенія въ Вильнѣ, онъ принималъ участіе въ разборѣ историческихъ памятниковъ Западнаго края и изданіи Археографическаго сборника. Послѣдующіе труды его направлялись спеціальностью каѳедры,

[1]) Вступительная лекція его 24 сентября 1883 года—„Значеніе древнееврейскаго языка въ научномъ отношеніи“ напечатана въ Христіанскомъ чтеніи 1884 года № 1—2.

*

на которую онъ былъ назначенъ. Въ 1875 году 25 сентября онъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора; въ 1884 году возведенъ въ степень доктора богословія, послѣ публичнаго защищенія диссертаціи: „Исторія Израильскаго народа въ Египтѣ“; въ томъ же году 11 іюня утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора.

Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены его статьи: Разборъ мнѣній отрицательной критики о времени написанія Пятокнижія (1872).—Ѳеократическое и экономическое состояніе ветхозавѣтнаго левитства и священства.—Судебное устройство по законамъ Пятокнижія.—Постановленія Второзаконія о царской власти и пророчествѣ и время ихъ происхожденія (1875). Къ вопросу объ особенностяхъ оригинальнаго текста, какимъ пользовались LXX толковниковъ (1881).—Краткій обзоръ важнѣйшихъ результатовъ египтологіи въ отношеніи къ повѣствованію Моисея 1883).—Египетское сказаніе о потопѣ (1883).

Общая церковная исторія.

Преподаваніе общей церковной исторіи уже съ 1857 года раздѣлено было на двѣ каѳедры—древней и новой церковной исторіи. Раздѣленіе это сохранено было и по уставу 1869 года.

Каѳедру древней церковной исторіи занималъ ординарный профессоръ *И. В. Чельцовъ*. Въ 1870 году послѣ публичнаго защищенія диссертаціи подъ заглавіемъ: „Древніе формы символовъ вѣры“ утвержденъ въ степени доктора богословія; въ 1876 году 29 сентября—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. Въ 1878 году 5 марта внезапно скончался. Смерть даровитаго, уважаемаго и много обѣщавшаго наставника вызвала общія сожалѣнія и была чувствительною потерею для академіи и для науки.—Послѣднимъ трудомъ его былъ—переводъ посланія апостола Варнавы съ Тишендорфова изданія Синайской библіи и изслѣдованіе о текстѣ и времени происхожденія этого посланія.

Чтеніе лекцій по древней исторіи поручено было временно преподавателю новой церковной исторіи И. Е. Троицкому.

Въ 1879 году 2 ноября на должность доцента древней церковной исторіи избранъ окончившій курсъ въ томъ году и 28 октября защитившій диссертацію на степень магистра, *Василій Вас. Болотовъ*.—Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его статьи: Нѣмецкая богословская литература (1881).—Къ исторіи внѣшняго состоянія Константинопольской церкви подъ игомъ Турецкимъ (1882).—Иностранная богословская литература (1882).—Изъ церковной исторіи Египта (1884—1886).

Каѳедру новой церковной исторіи занималъ экстраорд. проф. *И. Е. Троицкій*. Въ 1874 году совѣтомъ С.-Петербургскаго университета приглашенъ на каѳедру церковной исторіи въ университетѣ, каковую занимаетъ и по настоящее время съ званіемъ ординарнаго профессора (съ 1884 г.). Въ 1875 году 28 мая утвержденъ въ степени доктора богословія; 11 іюня—въ званіи ординарнаго профессора; въ 1886 году удостоенъ званія заслуженнаго профессора; въ томъ же году избранъ въ почетные члены Филологическаго общества въ Константинополѣ, въ 1888 году въ почетные члены учено-литературнаго общества Ανάκλασις въ Аѳинахъ; кромѣ того состоитъ членомъ Археологическаго общества и Филологическаго при С.-Петербургскомъ университетѣ.—Въ 1867—1872 гг. напечаталъ въ Христіанскомъ чтеніи сочиненіе подъ заглавіемъ: Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій, и арсениты (къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ); въ 1875 году издалъ сочиненіе: Изложеніе вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, каѳоликосомъ армянскимъ по требованію боголюбиваго государя грековъ Мануила. Историко-догматическое изслѣдованіе въ связи съ вопросомъ о возсоединеніи армянской церкви съ православною (сочиненіе на степень доктора богословія). Весьма много статей его, оригинальныхъ и переводныхъ, помѣщено въ Христіанскомъ чтеніи и Церковномъ вѣстникѣ; между прочимъ имъ напечатаны на страницахъ Христіанскаго чтенія: Грамата константинопольскаго патріарха Паисія 1-го къ всероссійскому патріарху Никону (1881) и автобіографія византійскаго императора Михаила Палеолога въ подлинникѣ съ рус-

скимъ переводомъ и примѣчаніями, (1885 г.) а съ 1881 года онъ состоитъ редакторомъ Христіанскаго чтенія. Въ 1880 году И. Е., по порученію Академіи Наукъ, разсматривалъ представленный архимандритомъ Амфилохіемъ на соисканіе Уваровской преміи печатный трудъ подъ заглавіемъ: „Греческій Кондакарій XII—XIII вѣка“ и за рецензію получилъ отъ академіи золотую медаль; въ 1885 году и въ 1887 (вторично)—сочиненіе Теплова подъ заглавіемъ: Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ, представленное на соисканіе Уваровской преміи; въ 1883 году, по порученію Учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ—сочиненіе профессора А. Лебедева подъ заглавіемъ: Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи, Москва, 1881 г. представленное на соисканіе преміи митрополита Макарія.

Въ 1871 году 15 сентября допущенъ былъ къ чтенію лекцій *по церковной географіи и статистикѣ*, въ качествѣ приватъ-доцента, кандидатъ А. А. *Автономовъ;* но въ слѣдующемъ году 11 сентября оставилъ службу при академіи. Въ Христіанскомъ чтеніи 1871 года напечатана статья его: Православная церковь въ Австрійско-Германской имперіи.

Въ 1880 году церковно-историческое отдѣленіе, признавая необходимымъ открытіе при каѳедрѣ новой общей церковной исторіи приватъ-доцентуры *по исторіи славянскихъ церквей*, въ виду научной и практической важности этой исторіи, ходатайствовало предъ совѣтомъ академіи о замѣщеніи предполагаемой приватъ-доцентуры окончившимъ въ томъ году курсъ, магистромъ *Ив. Сав. Пальмовымъ*, и о командированіи его на годъ или на два въ Славянскія земли для большаго ознакомленія на мѣстѣ съ уцѣлѣвшими тамъ памятниками церковной жизни. Совѣтъ отнесся къ этому предположенію съ полнымъ сочувствіемъ. Вслѣдствіе ходатайства его, Пальмовъ командированъ былъ за-границу, на два года, съ производствомъ ему содержанія во время командировки по 1.500 руб. Впослѣдствіи срокъ командировки продолженъ былъ до начала 1884—85 учеб-

наго года [1]). По возвращеніи изъ за-границы онъ началъ въ академіи съ 1885—86 учебн. года чтеніе лекцій по Исторіи славянскихъ церквей, въ качествѣ временнаго преподавателя.

Исторія русской церкви.

При введеніи въ дѣйствіе устава 1869 года, экстраординарный профессоръ русской церковной и гражданской исторіи М. О. Кояловичъ заявилъ, что желаетъ оставить за собою каѳедру русской гражданской исторіи; но такъ какъ преподаваніе ея должно было начаться съ 1870—71 учебнаго года, то онъ принялъ на себя въ 1869—70 учебномъ году преподаваніе русской церковной исторіи.

Затѣмъ на эту каѳедру 28 октября 1871 года избранъ и 30 января 1872 года утвержденъ, съ званіемъ доцента, священникъ *Павелъ Ѳедоровичъ Николаевскій,* окончившій курсъ академіи въ 1865 году; въ 1882 г. утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора.—Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены статьи его: Ученые труды Евгенія Болховитинова по предмету русской церковной исторіи (1872).—Кіевопечерскій монастырь въ древней Россіи (1876).—Учрежденіе патріаршества въ Россіи (1879).—Сношенія русскихъ съ востокомъ объ іерархической степени Московскаго патріарха (1880).—Рецензія на книгу профессора Горчакова: О тайнѣ супружества (1881).—Увѣщаніе Московскаго патріарха Іосифа II духовенству—о книгѣ св. Іоанна Златоуста о священствѣ и о Жезлѣ правленія (1881).—Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII столѣтія (1882).—Обстоятельства и причины удаленія патріарха Никона (1883).

Въ 1875 году 25 сентября допущенъ былъ къ чтенію лекцій въ академіи, въ качествѣ приватъ-доцента, *по исторіи русской церкви въ періодъ синодальнаго управленія,* кандидатъ *Евгеній Мих. Прилежаевъ,* съ вознагражденіемъ по 700 руб.

[1]) Отчетъ о занятіяхъ его за-границею съ ноября 1881 по августъ 1882 года напечатанъ въ Проток. акад. 29 ноября 1882 года.

въ годъ. Онъ напечаталъ нѣсколько статей: въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: Новгородская Софійская казна.—Въ Христіанскомъ чтеніи: Наказъ и пункты синодальному депутату въ Коммиссіи о составленіи новаго уложенія (1876 ч. 2).—Новгородскія епархіальныя школы въ Петровскую эпоху (1877 ч. 1).—О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова (1878 ч. 1).—Царствованіе Александра I въ исторіи русской духовной школы.—Рѣчь произнесенная въ собраніи академіи 12 декабря 1877 года по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Александра I (1878).—Духовная школа и семинаристы въ исторіи русской науки и образованія (1879).—Обзоръ статей по русской церковной исторіи, напечатанныхъ въ свѣтскихъ журналахъ за 1877 г. (1878), за 1878—(1879) и за 1879 г. (1880). Въ 1884 году 1 сентября, по случаю введенія новаго, пересмотрѣннаго устава, отмѣнившаго приватъ-доцентовъ въ академіи, Прилежаевъ оставилъ службу при академіи.

Исторія и обличеніе русскаго раскола.

Исторію и обличеніе русскаго раскола продолжалъ преподавать экстраординарный профессоръ *И. Ѳ. Нильскій*. Въ 1870 году возведенъ въ степень доктора богословія; 4 ноября утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора; въ 1882 году 23 іюня—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. Въ 1869 году издалъ сочиненіе, представленное потомъ въ качествѣ диссертаціи на степень доктора богословія: Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ; въ 1864 году—нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ.—Въ 1875 году, по порученію Академіи Наукъ, разсматривалъ сочиненіе профессора Московской академіи Н. И. Субботина, представленное на соисканіе Уваровской преміи и за рецензію получилъ золотую Уваровскую медаль. Весьма много статей его помѣщено въ духовныхъ журналахъ. *Въ Христіанскомъ чтеніи:* Библіографическая замѣтка о книгѣ: Обозрѣніе Пермскаго раскола, арх. Палладія.—Нѣсколько словъ о самосожигательствѣ раскольниковъ.—

Библіографическія замѣтки: о книгахъ: „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“. Н. Варадинова (исторія распоряженій по расколу).—„Новыя изданія по расколу“, сочиненія игум. Пороенія (1864 года).—„Разборъ безпоповщинскаго ученія о лицахъ, имѣющихъ право совершать крещеніе“.— Библіографическая замѣтка о „Сборникахъ Н. Попова изъ исторіи и для исторіи старообрядчества“.—Разборъ основаній, на которыхъ раскольники безпоповцы утверждаютъ свой обычай перекрещивать православныхъ при переходѣ ихъ въ расколъ.—„Особенность въ ученіи поморцевъ касательно крещенія“.—„Объясненіе“ по поводу „отвѣта“ Н. Попова (1865 года),—По поводу брошюры: „Споры безпоповцевъ преображенскаго кладбища и покровской часовни о бракѣ“, К. Надеждина (1866—67 г.).—Нужно ли преподавать въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ ученіе о расколѣ (1868 г.). „О единовѣріи“ (1870 г.).—„Чѣмъ объяснить долголѣтіе раскола“.—„Отвѣтъ на письмо Т. И. Филипова“ о бракѣ въ русскомъ расколѣ (1871).—„О клятвѣ московскаго собора 1667 года“.— „Библіографическая замѣтка“ о книгѣ: „Раскольники и острожники“, Ѳ. Ливанова (1872 года).—Рѣчь по поводу разсужденій о нуждахъ единовѣрія, сказанная 25 февраля въ засѣданіи С.-Петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія (1873 г.).—Двѣ рѣчи по тому же поводу, сказанныя 4 февраля 1873 г. и 20 марта 1874 г. (1874 г.).— Нѣсколько словъ по поводу статьи: „о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову“.—„Критическія замѣтки о 1, 2 и 3 книжкахъ Братскаго слова“ (1875 г.). „Нѣсколько словъ о современномъ положеніи раскола“.— „Нѣсколько словъ къ вопросу объ изданіи въ свѣтъ раскольническихъ рукописей“ (1876 г.).—„Еще нѣсколько словъ о спорныхъ вопросахъ изъ первоначальной исторіи безпоповщины“.—„О перстосложеніи противъ раскольниковъ: критико-библіографическій очеркъ.—„Три брошюры московскаго единовѣрческаго іеромонаха Пафнутія“ (1877 г.).—„Нѣсколько словъ по поводу новаго изданія грамоты константинопольскаго патріарха Паисія 1-го къ моск. патр. Никону“ (1881).—

Библіографическая замѣтка о сочиненіи г. Сырцова: „Возмущеніе соловецкихъ монаховъ старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ". (1883).—„Къ исторіи споровъ объ аллилуіа" (1884 г.).—„Къ исторіи раскола въ Остзейскомъ краѣ" (1885).—Въ Церковномъ вѣстникѣ: „По поводу послѣднихъ ходатайствъ единовѣрцевъ объ измѣненіи существующихъ правилъ о единовѣріи" (1880).—„Воспоминаніе о прошломъ съ цѣлію найти урокъ для настоящаго" (1881).—„Кое-что изъ міра раскольниковъ-безпоповцевъ".—„Новѣйшія извѣстія изъ Рѣжицы" (1882).—Въ Церковно-общественномъ вѣстникѣ: „Вынужденное объясненіе" (1877).

Общая гражданская исторія.

По уставу 1869 года для общей гражданской исторіи положено двѣ каѳедры: общей исторіи древней и новой.

Древнюю исторію преподавалъ экстраординарный профессоръ *А. И. Предтеченскій;* въ 1880 году удостоенъ званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора. Съ 1874 до 1881 года былъ редакторомъ Христіанскаго чтенія и Церковнаго вѣстника, въ которыхъ помѣщено много его статей и замѣтокъ. Въ послѣдующее время напечатаны въ Христіанскомъ чтеніи его статьи: Атеизмъ и народное развитіе (1881).—О происхожденіи и развитіи религіи (1883).—Теократическій принципъ ислама и слѣдствія этого для мусульманъ и христіанъ.—Римскія катакомбы послѣ новѣйшихъ изслѣдованій въ нихъ Росси (1883).

На каѳедру *новой* исторіи въ 1871 году избранъ былъ магистръ С.-Петербургскаго университета П. И. Люперсольскій (окончившій курсъ въ здѣшней академіи въ 1859 году), но Министерство Народ. Просв. не изъявило согласія на увольненіе его отъ службы за полученную имъ стипендію на командировку за-границу. За тѣмъ, по заявленію доцента С.-Петербургскаго университета, *В. Г. Васильевскаго*, о томъ, что онъ готовъ принять на себя временно преподаваніе по второй каѳедрѣ гражданской исторіи съ исполненіемъ всѣхъ обязанностей штатнаго

доцента и за вознагражденіе, соединенное съ этимъ званіемъ, онъ приглашенъ былъ къ временному занятію этой каѳедры на одинъ годъ съ 15 августа 1872 по 15 августа 1873 года.

Въ 1873 году 7 сентября каѳедра эта замѣщена штатнымъ преподавателемъ магистромъ *Николаемъ Аѳан. Скабаллановичемъ,* въ званіи доцента; въ 1884 году онъ утвержденъ въ степени доктора богословія и въ томъ же году 17 августа—въ званіи экстраординарнаго профессора.—Сочиненія его: Объ апокризисѣ Христофора Филалета (магистерская диссертація) Спб. 1873 года.—Византійское государство и церковь отъ смерти Василія Болгаробойцы до воцаренія Алексѣя Комнина (диссертація на степень доктора) Спб. 1884. Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его статьи: Религіозный характеръ борьбы османскихъ турокъ съ греко-славянскимъ міромъ (1878).—Галилей предъ судомъ римской куріи (1878).—Политика турецкаго правительства по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ и ихъ религіи (1879).—Византійская наука и школы въ XI в. (1884).—Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ (1884).—Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства (1875).

Въ 1870 году 12 ноября допущенъ былъ къ чтенію лекцій въ академіи *по византійской исторіи,* въ качествѣ приватъ-доцента, исправлявшій должность наставника С.-Петербургской семинаріи (окончившій курсъ въ 1869 году) *Герасимъ Яредъ.* Въ 1871 году постриженъ въ монашество; въ 1876 году оставилъ службу при академіи вслѣдствіе назначенія ректоромъ Псковской семинаріи. Въ Христ. чтеніи напечатана его магистерская диссертація: „Отзывы о Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ, его современниковъ, въ связи съ исторіей политическихъ партій византійской имперіи (1872 г.).

Русскую гражданскую исторію преподаетъ профессоръ *М. О. Кояловичъ.*—Въ 1873 году 13 іюня утвержденъ въ степени доктора богословія послѣ публичнаго защищенія диссертаціи: „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ до настоящаго столѣтія"; въ томъ

же году утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Академія Наукъ удостоила его за упомянутое сочиненіе, Уваровской преміи. По отзыву ревизовавшаго академію въ 1875 году преосв. Макарія, архіепископа Литовскаго „почтенный профессоръ—извѣстный спеціалистъ по своей наукѣ; въ преподаваніи заботится прежде всего знакомить студентовъ какъ можно обстоятельнѣе съ источниками и литературою своей науки, а въ самой исторіи останавливается преимущественно на тѣхъ фактахъ, которые служатъ къ уразумѣнію внутренняго быта Россіи въ данное время, и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за обнаруженіями тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя давали и даютъ русскому народу возможность исторически жить и развиваться“. Въ 1881 году 3 іюля М. О. утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора; кромѣ того состоитъ членомъ Археографической коммиссіи, Археологическаго общества и Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ. Въ 1870 году, по порученію Академіи Наукъ, разсматривалъ сочиненіе Н. Розанова: „Исторія Московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія Святѣйшаго Синода“, представленное на Уваровскій конкурсъ; въ 1871 году, въ качествѣ депутата отъ академіи, привѣтствовалъ Императорское Археологическое общество по случаю 25-ти лѣтія его существованія; въ 1883 году, по порученію Академіи Наукъ, разсматривалъ сочиненіе профессора Петрова: „Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, представленное на соисканіе Уваровской преміи; въ 1872 году издалъ, по порученію Археографической коммиссіи, 1 томъ Русской Исторической библіотеки, заключающій въ себѣ памятники, относящіеся къ смутному времени, извлеченные изъ рукописей Императорской Публичной библіотеки и Главнаго штаба; въ 1874 году редактировалъ, по порученію Археографической коммиссіи, вторую половину выпуска Великихъ Четій-Миней, октябрь мѣсяцъ, дни 4—18; въ 1880 году—новый выпускъ Миней, октябрь мѣсяцъ, дни 19—31; сличалъ памятники этого выпуска съ другими редакціями ихъ по рукописямъ Софійской и Кирилло-

Бѣлозерской библіотекъ и нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, по греческимъ и латинскимъ подлинникамъ; въ 1883 г. напечаталъ рѣчь, сказанную имъ въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ 23 января: Объ исторической живучести русскаго народа и ея культурныхъ особенностяхъ; въ 1884 г. составилъ адресъ университету Св. Владиміра отъ лица академіи по случаю пятидесятилѣтняго юбилея; въ 1884 году издалъ свои лекціи по русской исторіи подъ заглавіемъ: Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ.

4) Спеціальные предметы церковно-практическаго отдѣленія.

Къ церковно-практическому отдѣленію академіи отнесены были предметы: пастырское богословіе, гомилетика и исторія проповѣдничества въ церкви православной и на западѣ, церковная археологія и литургика, церковное право, теорія словесности и исторія русской литературы, съ обзоромъ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ, русскій языкъ и славянскія нарѣчія; и изъ общеобязательныхъ предметовъ—древніе языки.

Пастырское богословіе и гомилетика.

По уставу 1869 года гомилетика соединена была въ одну каѳедру съ пастырскимъ богословіемъ. Преподавателемъ этихъ предметовъ избранъ былъ въ 1869 году преподаватель С.-Петербургской семинаріи *Н. И. Барсовъ*, съ званіемъ доцента; въ слѣдующемъ 1871 году 11 февраля утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора.—Сочиненія его: Русскій простонародный мистицизмъ Спб. 1869 г.—Изъ неизданныхъ памятниковъ древне-русской литературы. Спб. 1870 г.—Новый методъ въ богословіи. По поводу пражскаго изданія сочиненій Хомякова. Спб. 1870 г.—Духовные стихи секты людей Божіихъ. Спб. 1871.—Изъ записокъ Стурдзы о судьбѣ православной церкви въ царствованіе Алек-

сандра I. Спб. 1874 г.—Историческіе, критическіе и полемическіе опыты. Спб. 1879 г.—Протоіерей Г. П. Павскій. Біографія по неизданнымъ матеріаламъ. Спб. 1880 г.—Вопросъ о религіозности русскаго народа въ нашей печати. По поводу сужденій о народѣ Достоевскаго, Кавелина, Градовскаго. Спб. 1881 г.—Князь А. Н. Голицынъ и архимандритъ Фотій. Спб. 1881 г.—Іеродіаконъ Невскаго монастыря Макарій. Эпизодъ изъ біографіи Ѳеофана Прокоповича. Спб. 1881 г.—Слово о полку Игоревѣ, въ переводѣ Г. П. Павскаго. Спб. 1881 г.—Книга Пѣснь пѣсней въ переводѣ Г. П. Павскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1881. Матеріалы для біографіи Московскаго митрополита Филарета. Спб. 1882.—Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова, архіепископа Херсонскаго. Вып. 1. Спб. 1884.—Въ 1878 году подъ его редакціею издано Высочайше учрежденною при Святѣйшемъ Синодѣ коммиссіею Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода—т. II ч. 2 (1722 г.) и въ 1883 году т. VI (1726). Кромѣ того много статей его помѣщено въ Христіанскомъ чтеніи, Церковномъ вѣстникѣ и Русской старинѣ.

Церковная археологія и литургика.

Каѳедру эту занималъ ординарный профессоръ *В. И. Долоцкій;* въ 1870 году 24 октября утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора; въ 1872 г. 16 апрѣля пожалованъ чиномъ дѣйств. статскаго совѣтника (прежде гражданскихъ чиновъ не получалъ); въ 1873 г. оставилъ службу при академіи; въ 1880 г. избранъ въ почетные члены академіи.—Скончался 20 ноября 1885 года.—Чтеніе лекцій по литургикѣ временно поручено было профессору *А. Л. Катанскому*.

Съ 19 сентября 1874 года церковную археологію и литургику началъ преподавать, съ званіемъ приватъ-доцента, кандидатъ академіи *Николай Вас. Покровскій;* въ августѣ 1876 года командированъ былъ за-границу для возможно лучшаго изу-

ченія преподаваемыхъ имъ въ академіи наукъ; въ 1880 г. 7 іюня, по полученіи степени магистра, утвержденъ доцентомъ академіи; въ 1881 г. участвовалъ въ занятіяхъ 5-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ; въ 1883 году—на 6-мъ съѣздѣ въ Одессѣ; въ 1883 г. 31 октября возведенъ въ званіе экстраординарнаго професора. Н. В. Покровскій преподаетъ также церковныя древности въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ институтѣ. Въ 1884 году напечатана магистерская диссертація его: „Происхожденіе христіанской базилики". Въ Христіанскомъ чтеніи помѣщены его статьи: „Символическія формы агнца въ древне-христіанскомъ искусствѣ" (1878).—„Добрый пастырь въ древне-христіанской символикѣ" (1878).—„Замѣчательный образецъ византійской живописи X—XI вѣка (1878)".—„Памятники древняго христіанства въ Сиріи и Константинополѣ" (1881).— Высшія задачи христіанской археологіи (1880).—Объ археологическихъ рѣдкостяхъ Гелатскаго монастыря (1882). Брачные вѣнцы и брачныя короны (1882).—Ипатьевская лицевая псалтирь 1591 года (1883).—Исторія христ. искусства въ первыя 8 столѣтій (1883).—Раскопки на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ (1886).

Церковное право.

Церковное право продолжалъ преподавать, въ званіи доцента, магистръ *Т. В. Барсовъ.*—Въ апрѣлѣ 1870 года назначенъ былъ членомъ Комитета по преобразованію судной части по духовному вѣдомству; въ томъ же году 12 ноября утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора; въ 1879 году 25 января опредѣленъ оберъ-секретаремъ Святѣйшаго Синода, съ оставленіемъ въ профессорской должности при академіи. Сочиненія его: „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію". „Объ управленіи русскимъ военнымъ духовенствомъ" Спб. 1878. Въ Православномъ обозрѣніи и отдѣльно: О каноническомъ элементѣ въ церковномъ управленіи. (1883). Въ Христіанскомъ чтеніи: О вселенскихъ соборахъ (1869 г.).—Правила и

практика древней вселенской церкви относительно принятія неправославныхъ священнослужителей въ православную церковь съ повтореніемъ и безъ повторенія рукоположенія.—О духовномъ судѣ (1870 г.). Процессы духовнаго суда въ древней вселенской церкви (1871).—О судопроизводствѣ по проступкамъ и преступленіямъ, подвергающимъ духовныхъ лицъ свѣтскому суду (1875).—О преподаваніи церковнаго права въ нашихъ университетахъ (1876).—Объ участіи государственной власти въ дѣлѣ охраненія древней вселенской церкви и ея вѣры (1877).—О правилахъ Карѳагенскихъ соборовъ (1876—1879 г.).—О послѣдствіяхъ расторженія брака въ случаѣ нарушенія однимъ изъ супруговъ супружеской вѣрности (1883).—Въ 1871—1872 гг. большею частію имъ переведено и напечатано въ Христіанскомъ чтеніи „Краткое изложеніе каноническаго права, митроп. Андрея Шагуны". Въ Церковномъ вѣстникѣ помѣщенъ рядъ статей по вопросу о свободѣ совѣсти (1876—1877).—О церковной вѣротерпимости (1877).—О началахъ и формахъ развитія епархіальнаго управленія въ русской церкви (1882—1888).—Въ Страннинѣ: Христіанство и его отношеніе къ жизни и исторіи человѣчества (1870).—Вѣра, надежда и любовь, и ихъ значеніе въ жизни человѣчества (1870).—О взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства (1871—1872).—Объ участіи обвинительной и административной власти въ рѣшеніи вопросовъ о преданіи суду и прекращеніи дѣла (1873).—Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ (1882 г.).

Теорія словесности и исторія русской литературы.

Каѳедру эту продолжалъ занимать ординарный профессоръ *К. И. Лучицкій*; въ 1869 году командированъ былъ депутатомъ отъ академіи въ Кіевъ на 50-лѣтній юбилей Кіевской духовной академіи 28 сентября того года; въ 1870 году 24 августа утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора; въ 1874 году оставилъ службу при академіи; въ

1879 году избранъ въ почетные члены оной.—Скончался 28 іюля 1886 года.

Послѣ выхода изъ академіи К. И. Лучицкаго, къ чтенію лекцій по каѳедрѣ словесности приглашенъ былъ (27 сентября 1874 г.) экстраординарный профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея и преподаватель Училища правовѣдѣнія *Владиміръ Вас. Никольскій* (магистръ здѣшней духовной академіи 1859 г.). Въ 1875 году ревизовавшій академію, Литовскій архіепископъ Макарій, въ виду того, что временно приглашенные преподаватели—русскаго языка и славянскихъ нарѣчій профессоръ университета Ламанскій и словесности—профессоръ Александровскаго лицея Никольскій исполняютъ свои обязанности совершенно удовлетворительно, предложилъ совѣту, не признаетъ-ли онъ возможнымъ избрать ихъ, если они сами того пожелаютъ, въ число постоянныхъ и штатныхъ преподавателей, и тѣмъ поставить ихъ въ ближайшее и болѣе прочное отношеніе къ академіи, какъ это сдѣлано уже относительно профессора еврейскаго языка Хвольсона. Вслѣдствіе этого В. В. Никольскій возведенъ былъ въ 1877 году 6 октября въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1882 г. по случаю тяжкой болѣзни отправился за границу, а въ слѣдующемъ году 15 марта скончался.

Въ томъ же 1874 году, когда Никольскому поручено было преподаваніе словесности въ академіи, совѣтъ допустилъ, съ 1 октября, къ чтенію лекцій по отдѣлу словесности, именно по „обзору важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ“ кандидата здѣшней академіи *А. И. Пономарева*, въ званіи приватъ-доцента. По смерти В. В. Никольскаго Пономареву поручено было съ 1 апрѣля 1883 года исполненіе обязанностей штатнаго преподавателя по каѳедрѣ словесности; въ 1886 году, послѣ защиты диссертаціи и полученія степени магистра богословія, онъ утвержденъ въ званіи доцента, а въ 1887 году—въ званіи экстра-ординарнаго профессора по каѳедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ. Съ 1880 года А. И. Пономаревъ, вмѣстѣ съ помощникомъ инспектора, А. В. Васильковымъ, состоитъ редакторомъ

и издателемъ журнала „Странникъ“. Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны имъ статьи: О книгахъ—Весселя: „Иконографія Бога и святыхъ“ и Эберта: „Исторія христ. латинской литературы“ (1875 г.).—Діалоги Григорія Вел. и средневѣковыя легенды о загробной жизни (1878 г.).—Синодикъ Кириллова монастыря (1878 г.).—Латинофранцузская рукопись съ миньятюрами (1879 г.).—Труженикъ русской науки. Строевъ (1880 г.).—Средневѣковыя мистеріи, ихъ церковное и историческо-литературное значеніе (1880 г.).—Византія и византійцы (по поводу сочиненія Περὶ Βυζαντίνων, 1880 г.). Рукописный сборникъ актовъ французскихъ протестантскихъ синодовъ (1880 г.).—Кромѣ того, съ 1875 года по 1880 годъ включительно, А. И. принималъ постоянное участіе въ „Церковномъ вѣстникѣ“ и помѣстилъ въ немъ много разныхъ статей.

5) Русскій языкъ и славянскія нарѣчія.

По уставу 1869 года, независимо отъ каѳедры общей словесности съ исторіею литературы, введено было въ академіи преподаваніе русскаго языка и славянскихъ нарѣчій. Къ чтенію лекцій по этимъ предметамъ совѣтъ академіи 25 сентября 1869 года пригласилъ временно прикомандированнаго къ С.-Петербургскому университету магистранта *Антона Сем. Будиловича* въ качествѣ приватъ-доцента. Впродолженіи двухъ учебныхъ лѣтъ онъ прочиталъ въ академіи слѣдующіе курсы: общій топографическо-этнографическій очеркъ славянства, теоретическое изложеніе нормъ древне-славянскаго языка и важнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій и историческій очеркъ важнѣйшихъ явленій въ области славянскаго языкознанія: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомилъ студентовъ съ памятниками церковно-славянской письмености и новославянскихъ литературъ; въ сентябрѣ 1871 года Будиловичъ удостоенъ историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета степени магистра славянской филологіи и 27 сентября избранъ на должность доцента академіи. Въ томъ же году опредѣленъ препо-

давателемъ славянскихъ нарѣчій въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ, съ оставленіемъ и при академіи; но въ слѣдующемъ году оставилъ службу при академіи. Нынѣ ординарный профессоръ и деканъ историко-филологическаго факультета въ Варшавскомъ университетѣ.

Въ 1872 году 13 ноября приглашенъ для чтенія лекцій русскаго языка и славянскихъ нарѣчій профессоръ С.-Петербургскаго университета, докторъ славянской филологіи, *Владиміръ Ив. Ламанскій,* въ качествѣ нештатнаго преподавателя, съ вознагражденіемъ по 1.200 руб.; въ 1877 году вознагражденіе увеличено до 2.000 руб.

б) Особые ученые труды наставниковъ академіи и исполненіе ими особыхъ порученій начальства.

Назначеніе двухъ членовъ академической конференціи къ участію въ обсужденіи въ Совѣтѣ Министра Народнаго Просвѣщенія вопроса объ условіяхъ, при которыхъ преподаватели церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія въ университетахъ могутъ достигать профессорскаго званія.

Въ 1871 году 24 апрѣля Министръ народнаго просвѣщенія, въ отношеніи къ преосвященному митрополиту С.-Петербургскому, изъяснилъ, что по §§ 13 и 15 университетскаго устава въ составъ университетскаго преподаванія входятъ церковная исторія и церковное законовѣдѣніе, между тѣмъ какъ университеты не могутъ удостоивать ученыхъ степеней по этимъ предметамъ, а потому при замѣщеніи каѳедръ церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія постоянно встрѣчаются затрудненія въ пріисканіи на эти каѳедры лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ университетскаго устава. Для устраненія этихъ затрудненій Министръ полагалъ предложить на обсужденіе своего Совѣта вопросъ объ опредѣленіи условій, при которыхъ преподаватели вышепоименованныхъ предметовъ могутъ достигать профессорскаго званія въ университетахъ и вслѣдствіе этого просилъ для всесторонняго и полнаго обсужденія вышеизло-

*

женнаго вопроса назначить для присутствованія въ означенномъ засѣданіи Совѣта министра народнаго просвѣщенія двухъ членовъ отъ здѣшней духовной академіи. Академическій совѣтъ избралъ ординарнаго профессора церковной исторіи Чельцова и экстраординарнаго профессора каноническаго права Барсова. Постановленіе Совѣта Министра по сему предмету, утвержденное министромъ 17 января 1873 г., напечатано въ Сборникѣ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія т. V, 1871—1873 г.г. № 268. Спб. 1881 г.

Участіе профессоровъ академіи въ трудахъ С.-Петербургскаго Отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Въ 1872 году 26 марта, съ благословенія Святѣйшаго Синода и Высочайшаго соизволенія, открытъ былъ въ С.-Петербургѣ Отдѣлъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, поставившій своею задачею—въ виду возбужденнаго церковно-религіознаго движенія на Западѣ (старокатолическаго движенія), а также въ виду религіозныхъ вопросовъ, занимавшихъ наше общество, способствовать разъясненію этихъ вопросовъ посредствомъ чтеній и изданій какъ научныхъ, такъ и популярныхъ и поддерживать сношенія съ поборниками православной истины за границею, оказывая имъ нравственную опору. Въ Отдѣлѣ предположено было соединить силы какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго общества, и самую дѣятельность Отдѣла направить, такъ, чтобы она не имѣла никакого оффиціальнаго характера. Почетное предсѣдательство въ Отдѣлѣ изволилъ принять первый учредитель онаго, его императорское высочество, великій князь Константинъ Николаевичъ; предсѣдателемъ Отдѣла избранъ былъ генералъ-адъютантъ Н. В. Зиновьевъ; членами совѣта: протоіереи І. В. Васильевъ и І. Л. Янышевъ, князь Д. А. Оболенскій, Б. П. Мансуровъ, А. Ѳ. Гильфердингъ и И. Т. Осининъ; секретаремъ А. А. Кирѣевъ; за тѣмъ членами совѣта были: К. П. Побѣдоносцевъ, Т. И. Филипповъ и главный священникъ арміи, протоіерей П. Е. Покровскій. Въ числѣ 36 членовъ—учредителей Отдѣла, принадлежащихъ частію къ выс-

му
Т.
по-
въ
овъ
ак-
ва,
на,

со-
ція
ніе,
ую
ад-
ю-
ес-
ой
съ
іи-
бы
ми
ий-

ои-
къ,
ие-
ов-
лъ
на-
ко-
хъ
ес-
къ
ей
ко-
ля

Russian books 7

(72)

16 Serebrennikov, The history of the ecclesiastical Academy of ~~Moscow~~ Kiev during the years 1750-1819, Kiev, 1897, 1,50 $ 0,75

17 Muhin, History of the monastery of the confraternity of Kiev (This monastery is the seat of the famous ecclesiastical Acade-

шему свѣтскому обществу, частію къ духовенству и ученому сословію,—находились (кромѣ ректора І. Л. Янышева) И. Т. Осининъ, И. А. Чистовичъ, И. В. Чельцовъ, М. О. Кояловичъ, А. А. Катанскій и И. Е. Троицкій. Впослѣдствіи въ члены Отдѣла избраны были: И. Ѳ. Нильскій, Т. В. Барсовъ и Н. П. Рождественскій.—12-го мая образована была редакціонная коммиссія изъ членовъ: протоіерея І. В. Васильева, архим. Хрисанѳа, Т. И. Филиппова и профессоровъ: Осинина, Чистовича, Катанскаго и Чельцова,

Первымъ предметомъ занятій Отдѣла и чтеній въ собраніяхъ его было начавшееся тогда (послѣ провозглашенія догмата папской непогрѣшимости) *Старокатолическое движеніе*, въ виду котораго Отдѣлъ Общества желалъ поставить на прочную практическую почву вопросъ о нашихъ сношеніяхъ съ западною церковію. Въ 1871 году происходилъ конгрессъ старокатоликовъ въ Мюнхенѣ. Бывшій на этомъ конгрессѣ профессоръ Осининъ въ отчетѣ своемъ заявилъ объ усмотрѣнной имъ готовности многихъ старокатоликовъ сблизиться съ православными. С.-Петербургскій Отдѣлъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія и образовалъ собою какъ-бы центръ для людей, близко интересующихся религіозными вопросами и дающій притомъ возможность совокупнаго дѣйствія духовенству и свѣтскимъ лицамъ.

Въ сентябрѣ 1872 года протоіерей І. Л. Янышевъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ секретаремъ Отдѣла А. А. Кирѣевымъ, на конгрессѣ старокатоликовъ въ Кельнѣ, въ качествѣ делегата С.-Петербургскаго Отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія и въ засѣданіи 22 октября сообщилъ Отдѣлу отчетъ объ этомъ конгрессѣ, о намѣреніяхъ и надеждахъ старокатоликовъ и о томъ глубокомъ сочувствіи, которое было возбуждено появленіемъ нашихъ уполномоченныхъ въ Кельнѣ.—Въ засѣданіи 29 ноября того же года профессоръ А. Л. Катанскій прочиталъ статью: „Краткій очеркъ исторіи и характеристика попытокъ къ соединенію церквей греко-восточной и римско-католической за весь восьмивѣковой періодъ раздѣленія церквей“.—Въ засѣданіи 30 апрѣля

1873 года профессоръ Чистовичъ имѣлъ чтеніе „По поводу старокатолическаго движенія“, въ которомъ разъяснилъ условія сближенія церквей, указалъ на трудности этого дѣла и старался устранить тѣ предубѣжденія противъ русской церкви, которыя утвердились на Западѣ.

Но входя въ сношенія съ поборниками православной истины за границею, оказывая имъ нравственную поддержку и способствуя уясненію въ заграничной публикѣ понятій о православной церкви, Общество столь же существенною задачею поставило для себя дѣятельность у себя дома, внутри Россіи, направляя ее къ тому, чтобы возбудить въ средѣ православнаго общества интересъ къ религіознымъ вопросамъ и способствовать изученію и уясненію вопросовъ, касающихся собственно православной церкви. Въ этихъ видахъ въ 1873 г., въ засѣданіяхъ 18-го января, 25 февраля и 28 марта, Т. И. Филипповъ сдѣлалъ сообщеніе *„О нуждахъ единовѣрія“*. На это сообщеніе, кромѣ краткихъ возраженій протоіерея Васильева и профессоровъ Чистовича и Чельцова, сдѣлалъ возраженіе, въ пространной рѣчи, профессоръ И. Ѳ. Нильскій (статья котораго о единовѣріи, помѣщенная въ майской книжкѣ Христіанскаго чтенія за 1870 годъ, между прочимъ, была въ виду Т. И. Филиппова при его чтеніи).—Т. И. Филипповъ съ своей стороны въ обширномъ чтеніи возражалъ профессору Нильскому [1]). Разсужденія продолжались и въ слѣдующемъ 1874 году, 26 февраля, 13 и 20 марта [2]).

Въ сентябрѣ 1873 года происходилъ конгрессъ старокатоликовъ въ Констанцѣ. На этомъ конгрессѣ присутствовали протоіерей І. В. Васильевъ и А. А. Кирѣевъ, сообщившіе Обществу свѣдѣнія о немъ 31-го октября.

Въ 1874 году 31 января присутствовалъ въ засѣданіи, въ качествѣ гостя, деканъ Вестминстерскаго аббатства, д-ръ Стенли (бывшій въ С.-Петербургѣ по случаю бракосочетанія

---

[1]) Сборникъ протоколовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Спб. Отдѣлъ. Годъ первый. 1872—73. Спб. 1873 г.

[2]) Сборникъ протоколовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Спб. Отд. Второй годъ. 1873—74. Спб. 1874 г.

великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ, много лѣтъ изучавшій восточную церковь и ея исторію и издавшій въ 1861 году „Чтенія объ исторіи восточной церкви". Привѣтственная рѣчь К. П. Побѣдоносцева по этому случаю и отвѣтъ д-ра Стенли напечатаны въ протоколѣ засѣданія 31 января 1874 года.

Въ сентябрѣ того же 1874 года на старокатолической конференціи въ Боннѣ присутствовалъ протоіерей І. Л. Янышевъ. Въ засѣданіи Общества онъ сдѣлалъ сообщеніе объ этой конференціи. За тѣмъ въ сборникѣ протоколовъ Общества за 1874 годъ напечатаны происходившія въ засѣданіи 29 декабря того же года объясненія (между І. Л. Янышевымъ и Т. И. Филипповымъ) по поводу Боннской конференціи [1]).

Въ августѣ 1875 года происходила въ Боннѣ вторая конференція друзей церковнаго единенія. На этой конференціи присутствовали І. Л. Янышевъ и И. Т. Осининъ. По возвращеніи Осининъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ изложилъ свѣдѣнія объ этой конференціи.

Подъ редакціей І. Л. Янышева сдѣланъ переводъ отчета профессора Рейша объ этой конференціи, напечатанный въ Христіанскомъ чтеніи 1876 года ч. 1 стр. 154—258 и переводъ сочиненій: „Разность въ ученіи о Троицѣ между западною и восточною церковію, историко-догматическое изслѣдованіе доктора Лангена, ординарнаго профессора Боннскаго университета" (напечат. въ Сборникѣ протоколовъ Общества, 4-й годъ, Спб. 1876 г.); „Краткій катихизисъ, изданный въ Боннѣ по порученію старокатолическаго синода" и „Руководство къ обученію каѳолической вѣрѣ въ высшихъ школахъ, изданное по порученію старокатолическаго синода въ Боннѣ, 1875 года, (напечатаны въ Христіанскомъ чтеніи 1876 года ч. 2 и въ Церковномъ вѣстникѣ 1876 года №№ 5—12 и въ Сборникѣ протоколовъ Общества, годъ пятый, Спб. 1876 года).

Пятый конгрессъ старокатоликовъ происходилъ въ сентябрѣ 1876 года въ Бреславлѣ: но на немъ не было нарочи-

---

[1]) Сборникъ протоколовъ. Третій годъ. Спб. 1875 г.

таго делегата отъ Общества: присутствовалъ только Висбаденскій протоіерей А. В. Тачаловъ.

Между тѣмъ въ началѣ этого (1876) года Ѳ. Г. Тернеръ имѣлъ чтеніе, въ которомъ поставилъ нѣсколько тезисовъ *о нѣкоторыхъ вопросахъ современной церковной жизни*, требующихъ разрѣшенія, и въ томъ числѣ—о свободѣ совѣсти и о духовно-религіозномъ воспитаніи, и о желаемомъ содѣйствіи со стороны Общества любителей духовнаго просвѣщенія къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Въ засѣданіи 25-го апрѣля протоіерей І. Л. Янышевъ предложилъ чтеніе по поводу перваго изъ этихъ предметовъ—о свободѣ совѣсти.—Профессоръ Н. П. Рождественскій прочиталъ весьма оживленную статью „О мусульманствѣ и христіанствѣ“.

Въ февралѣ и мартѣ 1877 года протоіерей І. Л. Янышевъ предложилъ четыре чтенія „О сущности христіанства съ нравственной точки зрѣнія“ [1]).—Собранія Отдѣла продолжались до марта 1879 г., но потомъ прекратились.

О составленіи объясненій неудобопонятныхъ словъ и выраженій въ книгахъ священнаго писанія ветхаго завѣта.

Въ 1876 году Святѣйшій Синодъ, по бывшемъ разсужденіи о неудобопонятности для читателей неспеціалистовъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ книгахъ священнаго писанія ветхаго завѣта, и необходимости, вслѣдствіе сего, особыхъ объясненій такихъ словъ и выраженій,—возложилъ составленіе упомянутыхъ объясненій, которыя могли бы быть напечатаны въ видѣ выписокъ, внизу страницъ сдѣланнаго Святѣйшимъ Синодомъ русскаго перевода библіи, на профессоровъ и преподавателей духовныхъ академій, по усмотрѣнію совѣтовъ оныхъ, раздѣливъ сей трудъ между академіями слѣдующимъ образомъ: составленіе объясненій по Моисеевымъ книгамъ—предоставилъ С.-Петербургской академіи, по историческимъ—Московской, по учительнымъ—Кіевской и по пророческимъ—Казанской академіи (Указъ Святѣйшаго Синода отъ 20 ноября 1876 года).

Совѣтъ С.-Петербургской академіи поручилъ составленіе

---

[1]) Сборн. проток. Общества. Пятый годъ. Спб. 1877 г.

объясненій по Моисеевымъ книгамъ коммиссіи изъ преподавателей священнаго писанія, еврейскаго языка, библейской археологіи и библейской исторіи, съ тѣмъ чтобы она, по изготовленіи объясненій, представила оныя совѣту. Въ мартѣ слѣдующаго 1877 года, при исполненіи такогожъ порученія въ Кіевской академіи, совѣтъ этой академіи, въ видахъ достиженія единства въ общемъ трудѣ четырехъ академій по составленію объяснительныхъ примѣчаній къ русскому переводу библіи, призналъ необходимымъ составить предварительныя общія для сего правила и съ своей стороны препроводилъ въ С.-Петербургскую академію проэктъ правилъ, составленныхъ профессоромъ Олесницкимъ и одобренныхъ совѣтомъ. Коммиссія наставниковъ С.-Петербургской академіи, сдѣлавши нѣкоторыя замѣчанія по поводу этихъ правилъ, представила также свои правила, которыя совѣтъ и препроводилъ въ Кіевскую академію [1]). Въ 1878 году профессоры Хвольсонъ и Елеонскій и доценты священникъ Рождественскій и Якимовъ представили объясненія непонятныхъ для читателя неспеціалиста словъ и выраженій, встрѣчающихся въ Моисеевыхъ книгахъ.

Изданіе Христіанскаго чтенія и съ 1875 года Церковнаго вѣстника.

Редакторами Христіанскаго чтенія были ректоры академіи. Но въ сентябрѣ 1871 года, вслѣдствіе заявленія назначеннаго къ исправленію должности ректора, по случаю увольненія въ отпускъ І. Л. Янышева, профессора В. И. Долоцкаго, что по слабости здоровья онъ не можетъ исполнять обязанностей редактора и цензора Христіанскаго чтенія, Совѣтъ академіи предоставилъ избраніе редактора и цензора общему собранію наставниковъ, которымъ 27 сентября того же года избранъ на должность редактора и цензора ординарный профессоръ Чельцовъ.

Въ 1874 году 13 мая редакторомъ Христіанскаго чтенія избранъ былъ профессоръ *А. И. Предтеченскій* съ порученіемъ ему разсмотрѣнія и цензурнаго одобренія статей, печатаемыхъ

[1]) Журналъ Сов. акад. 22 апрѣля 1877 г.

въ журналѣ, а въ 1875 году 3 апрѣля опредѣленъ помощникомъ редактора доцентъ *Н. П. Рождественскій*, съ предоставленіемъ ему, въ случаѣ болѣзни или увольненія въ отпускъ редактора, всѣхъ правъ и обязанностей редактора.

Въ январѣ 1871 года преосвященный митрополитъ внесъ въ Святѣйшій Синодъ составленный ректоромъ академіи, по соглашенію съ директоромъ Хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, проэктъ изданія при журналѣ „Христіанское чтеніе". — „Церковнаго вѣстника". Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ проэктъ „Церковнаго вѣстника", предполагаемаго къ изданію при академіи подъ одною съ Христіанскимъ чтеніемъ цензурою и редакціею, нашелъ это изданіе полезнымъ и соотвѣтствующимъ своей цѣли, почему, и принимая во вниманіе дешевизну назначаемой за это изданіе годовой платы по 2 руб. съ доставкою и пересылкою и по 1 руб. 50 коп. безъ доставки и пересылки, 7-го апрѣля того же года постановилъ разрѣшить изданіе Церковнаго вѣстника на предположенныхъ основаніяхъ и назначилъ оный вмѣсто журнала „Духовная бесѣда" оффиціальнымъ органомъ для публикованія законоположеній и правительственныхъ распоряженій по духовному вѣдомству, а также и всего того, что Святѣйшій Синодъ признаетъ полезнымъ помѣстить въ Церковномъ вѣстникѣ. Въ ноябрѣ того же года академія заявила о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ въ изданіи означеннаго журнала на утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ основаніяхъ и представила проэктъ измѣненій въ этихъ условіяхъ; но Святѣйшій Синодъ, не уваживъ сихъ затрудненій, отмѣнилъ состоявшееся распоряженіе объ изданіи означеннаго журнала и представленный проэктъ измѣненій оставилъ безъ послѣдствій.

Въ 1874 году 29 октября преосвящ. митрополитъ вновь представилъ Святѣйшему Синоду о разрѣшеніи С.-Петербургской духовной академіи съ 1875 года издавать журналъ Христіанское чтеніе еженедѣльно и при немъ ежемѣсячно „Прибавленія къ Христіанскому чтенію". Святѣйшій Синодъ 27 ноября утвердилъ представленную програму изданія, поручивъ ака-

демiи дать еженедѣльному отдѣлу журнала наименованiе, соотвѣтствующее его содержанiю. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было объявить циркулярно по духовному вѣдомству, что съ изданiемъ журнала „Христiанское чтенiе“ по новой программѣ всѣ законоположенiя и правительственныя распоряженiя, постановляемыя по духовному вѣдомству или непосредственно къ вѣдомству сему относящiяся и вообще все то, что отъ имени Синода или подвѣдомственныхъ ему учрежденiй печатается въ журналѣ „Духовная бесѣда“ [1]), будетъ печататься въ оффицiальной части журнала „Христiанское чтенiе“, который, такимъ образомъ, имѣетъ быть, вмѣсто Духовной бесѣды, оффицiальнымъ органомъ Святѣйшаго Синода и центральныхъ учрежденiй его вѣдомства. Измѣненiе это сдѣлано обязательнымъ съ 1876 года [2]). Въ декабрѣ того же 1874 года преосвященный митрополитъ представилъ Святѣйшему Синоду, что изданiе С.-Петербугскою духовною академiею журнала „Христiанское чтенiе“ по новой программѣ начнется съ 1-го января 1875 года, причемъ академiею положено дать еженедѣльному отдѣлу журнала названiе „Церковный вѣстникъ“, сохранивъ за ежемѣсячнымъ прибавленiемъ прежнее наименованiе — „Христiанское чтенiе“. Святѣйшiй Синодъ 22 января 1875 года утвердилъ эти предположенiя.

Редакцiя „Христiанскаго чтенiя“ до 1881 года соединена была съ редакцiею „Церковнаго вѣстника“; но съ 1881 года онѣ раздѣлены: редакторомъ „Христiанскаго чтенiя“ избранъ былъ ординарный профессоръ *И. Е. Троицкiй*, „Церковнаго вѣстника“—*А. Л. Катанскiй*. Имъ поручена была также и цензура статей, помѣщаемыхъ въ этихъ изданiяхъ.

Съ предпринятымъ Святѣйшимъ Синодомъ изданiемъ съ 1888 года *Церковныхъ вѣдомостей* въ качествѣ органа Святѣйшаго Синода, Церковный вѣстникъ перестадъ быть такимъ органомъ.

Для исторiи академической редакцiи акад. журнала за-

[1]) Духовная бесѣда съ 1858 г. издавалась при С.-Петербургской духовной семинарiи; съ 1 мая 1862 г. изданiе передано было, съ разрѣшенiя Св. Синода, протоiерею I. К. Яхонтову.

[2]) Ук. Св. Синода отъ 10 дек. 1875 г. за № 54. Церк. Вѣстн. 1876 г. № 1.

служиваетъ упоминанія тотъ фактъ, что съ октября 1875 по августъ 1879 годъ редакція „Христіанскаго чтенія“ приняла въ пользу славянъ и въ пользу раненыхъ и больныхъ русскихъ воиновъ 37.657 р. 46 к., доставленныхъ въ редакцію большею частію духовенствомъ разныхъ епархій. До апрѣля 1877 г. денежныя и вещевыя пожертвованія направлялись въ Славянскій комитетъ, а со времени объявленія Россіею войны Турціи только $^1/_3$ денежныхъ пожертвованій отправляема была въ означенный комитетъ, а $^2/_3$ и всѣ тюки съ вещами редакція отправляла въ Главное управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ русскихъ воинахъ [1]).

Переводъ древнихъ литургій, восточныхъ и западныхъ, на русскій языкъ.

Въ 1873 году редакціею журнала: „Христіанское чтеніе“ предпринято было изданіе древнихъ литургій, восточныхъ и западныхъ, въ русскомъ переводѣ. Въ 1874 г. вышелъ 1-й выпускъ собранія литургій, заключающій въ себѣ разрядъ литургій Іерусалимско-Антіохійскихъ. Проф. Катанскій предпослалъ переводу общее введеніе, въ которомъ сообщилъ предварительныя свѣдѣнія о составѣ и цѣли предпринятаго сборника; а проф. Чельцовъ сдѣлалъ сводъ древнихъ свидѣтельствъ о литургіи. Въ этомъ же 1-мъ выпускѣ помѣщенъ переводъ литургіи Апостольскихъ постановленій, съ предисловіемъ профессора Чельцова, и греческой литургіи св. апостола Іакова, переведенной и комментированной проф. Ловягинымъ.

Во 2-мъ выпускѣ, вышедшемъ въ 1875 году, помѣщены (изъ того же разряда Іерусалимско-Антіохійскихъ литургій) литургіи: Сирская св. апостола Іакова, греческая и сирская св. Василія великаго, литургія св. Іоанна Златоустаго и литургія св. Григорія, просвѣтителя Арменіи. Сирская литургія переведена съ латинскаго экстраорд. проф. Н. И. Глоріантовымъ, армянская—проф. И. Е. Троицкимъ, прочія же греческія—проф. Е. И. Ловягинымъ.—Въ приложеніи къ 1-му отдѣлу литургій во 2-мъ выпускѣ помѣщено: св. Прокла, патрі-

[1]) Журн. Сов. акад. авг. 1879 г.

арха Константинопольскаго—Слово о преданіи божественной литургіи.

Въ 1876-мъ году вышелъ 3-й выпускъ, заключающій въ себѣ 2-й отдѣлъ литургій, или разрядъ литургій Александрійскихъ: литургію Еѳіопскаго текста Апостольскихъ постановленій, литургію св. апостола и евангелиста Марка, Коптскую св. Кирилла Александрійскаго и общую Еѳіопскую литургію.—Въ приложеніи ко 2-му отдѣлу литургій помѣщено: Іакова, епископа Едесскаго—Письмо къ Ѳомѣ пресвитеру о древней Сирской литургіи.

Въ 1877 году вышелъ 4-й выпускъ собранія древнихъ литургій, заключающій въ себѣ отдѣлы 3-й (разрядъ литургій Месопотамскихъ) и 4-й (разрядъ литургій Западно-греческаго типа). Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщены: литургія св. апостоловъ Ѳаддея и Марія и литургія Несторія; въ приложеніи къ этому отдѣлу—Слово св. Евтихія, патріарха Константинопольскаго, о пасхѣ и св. евхаристіи. Въ 4-мъ отдѣлѣ помѣщены: литургіи Галльская и Испано-Готфская, литургія Галликанская и литургія Испанская или Мозарабская.

Въ 5-мъ выпускѣ, вышедшемъ въ 1878 году, помѣщены: литургія Медіоланская, относящаяся къ 4-му отдѣлу, и составляющія 5-й отдѣлъ (разрядъ литургій Западно-римскаго типа): литургіи—папы Геласія, папы Григорія Великаго и Римско-католическая, получившая начало съ Тридентійскаго собора. Въ заключеніе помѣщенъ переводъ греческой литургіи Преждеосвященныхъ даровъ.—Переводы, предисловія и примѣчанія въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ выпускахъ литургій принадлежатъ проф. Ловягину.

Изданіе журнала „Странникъ“.—Духовный журналъ „Странникъ“ основанъ и издавался съ 1860 года протоіереемъ В. В. Гречулевичемъ. Послѣ вступленія его въ монашество и полученія назначенія, сдѣлавшаго изданіе этого журнала не удобнымъ для него, редакціею и изданіемъ его завѣдывали нѣкоторое время протоіерей В. И. свящ. и С. В. Протопоповы; но въ 1880 году 21 октября Св. Синодъ разрѣшилъ помощнику инспектора С.-Петербургской духовной

академіи А. Васильнову и привать-доцентамъ А. Пономареву и Е. Прилежаеву быть редакторами и издателями этого журнала и продолжать изданіе его по представленной ими программѣ.

7) Студенты.

Пріемъ студентовъ въ академію.—Уничтоженіе учебныхъ округовъ.—Казеннокоштные и своекоштные студенты.

Время пріема студентовъ въ академію новымъ уставомъ оставлено прежнее, т. е. въ послѣдней половинѣ августа. Сохраненъ также прежній порядокъ вызова студентовъ изъ семинарій на казенный счетъ, но открытъ доступъ въ академію и постороннимъ лицамъ изъ окончившихъ курсъ семинарій и классическихъ гимназій.

Учебные округа по уставу 1869 года были уничтожены. Но тѣмъ не менѣе, при вызовѣ воспитанниковъ въ академіи, Святѣйшимъ Синодомъ предписано было придерживаться прежняго распредѣленія семинарій по округамъ.

Пріемъ въ академію совершался повѣрочнымъ испытаніемъ въ знаніи предметовъ семинарскаго или гимназическаго курса. Въ 1870 году (по поводу примѣненія къ духовно-учебному вѣдомству Высочайше утвержденныхъ 8 іюня 1869 г. дисциплинарныхъ правилъ для учащихся въ открытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ) указомъ Святѣйшаго Синода отъ 18 ноября 1869 года поручено академическимъ совѣтамъ представлять Святѣйшему Синоду подробныя свѣдѣнія о результатахъ повѣрочныхъ испытаній при пріемѣ молодыхъ людей въ духовныя академіи.

По уставу лучшіе изъ выдержавшихъ повѣрочное испытаніе принимались на казенное содержаніе, остальные—своекоштными. Число казенныхъ вакансій оставлено прежпее—120. Но сколько могло быть принято своекоштными—прямо не опредѣлено. Въ уставѣ (§ 154) сказано было, что своекоштные студенты принимаются по мѣрѣ вмѣстительности академическихъ зданій—или полными пансіонерами, или въ качествѣ

полупансіонеровъ, не получающихъ изъ полнаго содержанія только одежды. Могутъ-ли своекоштные студенты помѣщаться внѣ академіи — также не было рѣшено, такъ какъ число учащихся на первой порѣ новаго устава не превышало установленной нормы.

Между тѣмъ вскорѣ число желающихъ поступить въ академію начало сильно возрастать. Независимо отъ общаго стремленія къ образованію, на это имѣли вліяніе разныя причины. Законоположеніемъ 16 апрѣля 1869 года (Высочайше утвержденнымъ заключеніемъ Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства) постановлено было при возведеніи на высшія степени въ церковномъ причтѣ наблюдать два условія: 1) порядокъ постепенности т. е. на мѣста младшихъ священниковъ или помощниковъ настоятелей назначать только прослужившихъ нѣкоторое время въ званіи псаломщиковъ или діаконовъ; *на вакансіи псаломщиковъ—изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи* или же лицъ, которые по окончаніи сего курса пробыли не менѣе трехъ лѣтъ учителями въ народныхъ школахъ, а на мѣста настоятелей опредѣлять изъ младшихъ священниковъ; 2) лѣта отъ рожденія, именно: въ санъ діакона рукополагать только достигшихъ 25 лѣтъ отъ роду, а въ санъ священника по возможности не моложе 30 лѣтъ [1]). Вслѣдствіе этого постановленія, окончившіе курсъ въ семинаріяхъ, не надѣясь найти въ званіи псаломщика положенія, которое бы соотвѣтствовало вознагражденію ихъ за 10—12 лѣтъ, проведенныхъ въ трудахъ пріобрѣтенія образованія, притомъ же по уставу 1867 года весьма усиленныхъ, устремились въ высшія учебныя заведенія—въ духовныя академіи, университеты, медико-хирургическую академію и въ технологическій институтъ. А это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими причинами, было въ свою очередь причиною того, что во многихъ епархіяхъ обнаружился недостатокъ въ кандидатахъ священства, о чемъ начали поступать заявленія въ Святѣйшій Синодъ.

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, бывшій вмѣстѣ

---

[1]) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Св. Синода за 1869 годъ.

съ тѣмъ и министромъ народнаго просвѣщенія, желая съ одной стороны урегулировать этотъ прибой духовныхъ воспитанниковъ въ университеты, а съ другой по возможности направить этихъ воспитанниковъ по тому пути, къ которому они приготовлялись семинарскимъ образованіемъ, принялъ рядъ мѣръ, какія казались ему соотвѣтствующими положенію дѣла.

Въ 1873 году въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія возбужденъ былъ вопросъ о возвышеніи уровня познаній воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и желающихъ поступить въ университетъ. Журналомъ Совѣта министра отъ 17 января этого года постановлено было, чтобы съ весны 1876 года воспитанники духовныхъ семинарій, прошедшіе полный семинарскій курсъ и удостоенные званія студента, для полученія права на поступленіе въ университетъ подвергались въ гимназіяхъ испытанію зрѣлости изъ обоихъ древнихъ и русскаго языковъ, а воспитанники, оставляющіе съ тою же цѣлью семинарію, не выслушавъ спеціальнаго семинарскаго курса—таковому же испытанію изъ обоихъ древнихъ языковъ, математики и русскаго языка, наравнѣ и въ одно время съ воспитанниками гимназій; въ переходное же время до 1876 года повѣрочными испытаніями въ университетахъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, желающихъ поступить въ студенты, назначены два древніе и русскій языки и математика, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ былъ подвергаемъ болѣе строгому противъ бывшаго до сего времени испытанію лишь изъ трехъ изъ числа вышеозначенныхъ предметовъ, по ближайшему усмотрѣнію университетскихъ совѣтовъ, смотря по факультетамъ, въ которые поступить воспитанники изъявятъ желаніе [1]).

Въ 1875 году декабря 26, съ Высочайшаго соизволенія, пріемъ воспитанниковъ семинарій въ университеты оставленъ на существовавшихъ въ послѣдніе три года основаніяхъ впредь до пересмотра уставовъ всѣхъ духовно-учебныхъ заве-

[1]) Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія т. V. № 271. Спб. 1881.

деній и до дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій [1]). Въ 1879 г. Высочайше утвержденнымъ 30 марта заключеніемъ „Особаго совѣщанія“ изъ всѣхъ министровъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся учебныя заведенія, постановлено было прекратить доступъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія воспитанникамъ семинарій, если они не подвергнутся испытанію въ гимназіяхъ или въ реальныхъ училищахъ вѣдомства означеннаго министерства наравнѣ съ тѣми, кои не окончили курсъ въ сихъ гимназіяхъ или училищахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признано было возможнымъ, по уваженіямъ, высказаннымъ графомъ Толстымъ и изложеннымъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ, сохранить право поступленія изъ семинарій въ Историко-филологическій институтъ и въ Ярославскій Демидовскій лицей, предоставивъ Министру народнаго просвѣщенія установить при этомъ тѣ ограниченія, какія онъ признаетъ нужными, дабы со временемъ и въ эти заведенія пріемъ изъ семинарій былъ допускаемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ университеты и прочія высшія учебныя заведенія [2]).

Число семинаристовъ, желающихъ поступить въ академіи, начало сильно увеличиваться. До 1872 года студентовъ было отъ 102 до 129; къ 1873 г. было уже 140; къ 1874 г.—143; къ 1875 г.—167; къ 1876—171, къ 1877—163, къ 1878—187, къ 1879—199, къ 1880—233.—За исключеніемъ 120 казеннокоштныхъ студентовъ и нѣсколькихъ стипендіатовъ, всѣ остальные были своекоштные, которые, прибывая въ академію на свой счетъ, сами должны были изыскивать средства для своего содержанія. Академія также давала у себя пріютъ нѣсколькимъ своекоштнымъ студентамъ, помѣщая ихъ въ качествѣ полупансіонеровъ: но это сопряжено было съ разными неудобствами и допускалось только вслѣдствіе крайней необходимости.

При такихъ обстоятельствахъ ректоръ академіи, прото-

---

[1]) Сборникъ постановленій по Министерству народнаго просвѣщенія, т. VI, № 327. СПб. 1878 г.

[2]) Сборникъ постановленій т. VII № 379. СПб. 1883 г.

іерей І. Л. Янышевъ, въ 1879 году, заявивъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, что число ежегодно прибывающихъ на свой счетъ воспитанниковъ семинарій для поступленія въ духовную академію постоянно увеличивается, что такихъ своекоштныхъ студентовъ въ С.-Петербургской духовной академіи въ 1878—1879 учебномъ году было до 67 человѣкъ и что въ наступающемъ 1879—80 учебномъ году, вслѣдствіе установленія новыхъ правилъ относительно пріема воспитанниковъ семинарій въ высшія гражданскія учебныя заведенія, приливъ семинаристовъ въ духовныя академіи, по всей вѣроятности, еще болѣе усилится противъ прежняго,—ходатайствовалъ объ увеличеніи въ духовныхъ академіяхъ казенныхъ стипендій. Графъ Д. А. Толстой призналъ это заявленіе вполнѣ уважительнымъ и просилъ отзыва митрополита С.-Петербургскаго о томъ: 1) на какое количество признается необходимымъ увеличить положенное по штату число казеннокоштныхъ вакансій въ С.-Петербургской академіи; 2) сколько студентовъ изъ числа имѣющихъ поступить на вновь открытыя вакансіи могутъ быть помѣщены въ существующихъ академическихъ зданіяхъ и 3) какія затѣмъ понадобятся приспособленія въ академическихъ зданіяхъ для помѣщенія остальнаго числа студентовъ. Въ заключеніи, сообщенномъ по сему предмету митрополитомъ Исидоромъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода отъ 24 іюля 1879 года, изъяснено было—на первый вопросъ—что, въ виду постоянно возрастающаго числа своекоштныхъ студентовъ полагалось бы необходимымъ увеличить число казеннокоштныхъ вакансій по крайней мѣрѣ до 60; на второй вопросъ—что въ академическихъ зданіяхъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, можно помѣстить только 144 студентовъ; что, за исключеніемъ изъ этого числа 120 казеннокоштныхъ вакансій и 3 временныхъ стипендій, остается только 12 вакансій, которыя могутъ быть замѣщены въ началѣ слѣдующаго учебнаго года; по поводу послѣдняго вопроса—о приспособленіяхъ въ академическихъ зданіяхъ—сообщено было, что зданіе академіи при постройкѣ въ 1819—1821 г. разсчитано было на помѣщеніе 120 студентовъ, но съ увеличеніемъ числа студентовъ сдѣлалось малопомѣстительнымъ.

Затрудненія особенно обнаружились послѣ преобразованія академіи въ 1869 году: прежнія аудиторіи (высшаго и низшаго отдѣленій), разсчитанныя на два курса и на 60 человѣкъ въ каждомъ курсѣ, не могли быть достаточными для четырехъ курсовъ, изъ которыхъ малолюдный былъ болѣе 60-ти, а болѣе многолюдные превышали 100 студентовъ; равнымъ образомъ жилыя помѣщенія и спальни, разсчитанныя на 120 казеннокоштныхъ студентовъ, не могутъ быть достаточными для 200 человѣкъ. Изъ многихъ способовъ, какими можно было бы достигнуть увеличенія аудиторій, жилыхъ и спальныхъ комнатъ и столовой, напримѣръ наймомъ или постройкою новаго дома для помѣщенія студентовъ, надстройкою новаго четвертаго этажа надъ академическимъ зданіемъ и т. п., признано наиболѣе цѣлесообразнымъ очистить обширныя помѣщенія, занимаемыя въ двухъ этажахъ библіотекою печатныхъ книгъ, въ третьемъ—библіотекою рукописей, а равно и пять квартиръ—ректора академіи, секретаря и его помощника и библіотекаря съ помощникомъ, и воспользоваться всѣми этими помѣщеніями для вышеуказанной цѣли. Для библіотеки же и для пяти квартиръ вышепоименованныхъ должностныхъ лицъ можно было бы построить отдѣльный домъ на академической же землѣ, примыкающей къ главному академическому зданію со стороны Обводнаго канала. Помѣщенія постоянно увеличивающейся библіотеки, теперь разрозненныя и съ каждымъ годомъ требующія дополнительныхъ приспособленій, такимъ образомъ получили бы желательный просторъ, единство, прочность и безопасность; ректоръ академіи, равно какъ секретарь и библіотекарь съ ихъ помощниками, не встрѣтили бы никакого неудобства въ исполненіи своихъ обязанностей и продолжали бы пользоваться казенными квартирами, положенными имъ по штату; удобства для инспекторскаго надзора и для веденія академической экономіи остались бы тѣ же, что и доселѣ; а между тѣмъ открылась бы полная возможность къ увеличенію и приспособленію не только всѣхъ аудиторій и столовой комнаты, но и новыхъ помѣщеній для 80 воспитанниковъ, сверхъ положенныхъ по штату 120.

*

Вмѣстѣ съ тѣмъ преосвященный митрополитъ обращалъ вниманіе на недостаточность одного, положеннаго по штату, помощника инспектора и на необходимость, въ случаѣ увеличенія академическихъ помѣщеній чрезъ построеніе новаго дома, соотвѣтственнаго увеличенія ассигнуемой штатной суммы на содержаніе дома.

Оберъ-Прокуроръ предложилъ объ этомъ Святѣйшему Синоду. Святѣйшій Синодъ, въ виду, съ одной стороны, распространенія на воспитанниковъ духовныхъ семинарій извѣстныхъ правилъ, постановленныхъ въ законѣ для поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, а съ другой въ виду новыхъ правъ, предоставленныхъ лицамъ съ высшимъ образованіемъ, поступающимъ на учебную службу въ духовныя училища, призналъ справедливымъ, для облегченія молодымъ людямъ способовъ къ полученію высшаго образованія въ духовныхъ академіяхъ и къ содержанію ихъ въ теченіе академическаго курса, увеличить положенное число казеннокоштныхъ студентческихъ вакансій въ духовныхъ академіяхъ (въ С.-Петербургской, Кіевской и Московской по 120, въ Казанской 100) на 60; самое же увеличеніе произвесть въ теченіе 4-хъ лѣтъ, начавъ съ 1879 — 80 учебнаго года, по 15 вакансій въ годъ, и кромѣ того въ С.-Петербургской академіи учредить должность втораго помощника инспектора съ окладомъ содержанія въ 800 р. — Это опредѣленіе Святѣйшаго Синода Высочайше утверждено 11 января 1880 года.

Между тѣмъ еще въ іюлѣ 1879 г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода разрѣшилъ Хозяйственному управленію составить, по соглашенію съ академическимъ начальствомъ, чертежи и смѣты какъ на постройку отдѣльнаго зданія для академической библіотеки съ квартирами для ректора академіи, секретаря и библіотекаря съ ихъ помощниками, такъ и на приспособленіе освободившихся помѣщеній для аудиторій, столовой и спаленъ студентовъ академіи, и за тѣмъ внести ихъ на утвержденіе установленныхъ порядкомъ. Въ 1881 г. утверждены были проэктъ и смѣта постройки но-

ваго флигеля, а также двухъ трехъ-этажныхъ каменныхъ пристроекъ къ главному академическому корпусу. Работы отданы были съ торговъ купцу 1-й гильдіи Гордѣеву за объявленную имъ цѣну 180 т. р. Тогда же начаты были приготовительныя работы.—1 августа освящена закладка новаго зданія, а чрезъ годъ оно было уже настолько готово, что можно было приступить къ перенесенію въ него библіотеки и къ перемѣщенію подлежащихъ квартиръ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было приспособить очищенныя помѣщенія для новыхъ цѣлей. Всѣ эти работы окончены были къ концу октября 1882 г. и 31 октября старое и новое академическія зданія были освящены въ присутствіи высокопреосвященнаго митрополита Исидора.

Такимъ образомъ по постановленію 1879 г. полагалось въ С.-Петербургской академіи: на 1879—1880 учебный годъ 135 казеннокоштныхъ вакансій; на 1880—1881 г.—150; на 1881—1882 г.—165 и на 1882—1883 г.—180. Между тѣмъ наличное число студентовъ въ эти годы значительно превышало указанныя цифры; именно къ началу 1879 г. было 199, къ началу 1880 г. 233 студента, къ 1882 г.—327, къ 1883 г.—392, къ 1884—372.

Стипендіи.—Нѣкоторая часть студентовъ пользовалась учрежденными при академіи стипендіями разныхъ лицъ.

Сверхъ прежде учрежденныхъ стипендій—въ 1876 г. протоіерей Іоаннъ Вас. *Рождественскій* пожертвовалъ 5 т. руб. на учрежденіе стипендіи его имени для одного студента, преимущественно такого, который изъявилъ бы твердое намѣреніе посвятить себя, по окончаніи академическаго курса, служенію церкви въ званіи наставника при духовно-учебныхъ заведеніяхъ или въ санѣ священнослужителя.

Въ томъ же году преосвященный *Софонія*, епископъ Туркестанскій, пожертвовалъ 3 т. руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы содержался въ академіи одинъ студентъ, изъ расположенныхъ къ духовному званію и заявляющихъ твердое намѣреніе и по окончаніи курса остаться въ немъ навсегда; на случай недостатка этой суммы преосв.

Софонія предоставилъ въ распоряженіе академіи 500 экземпляровъ изданныхъ имъ сочиненій съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ продажи ихъ деньги приложить къ основному капиталу. Въ маѣ 1877 г. учреждена въ академіи стипендія имени преосвященнаго Софоніи на % съ капитала 4,500 руб.

Въ 1877 г. 8 января священникъ церкви Института слѣпыхъ, Л. А. Павловскій, представилъ преосвященному митрополиту Исидору 5% билетъ государственнаго банка въ 5,000 р. на учрежденіе, по завѣщанію вдовы генералъ-маіора Е. М. *Поляковой*, въ С.-Петербургской духовной академіи стипендіи ея имени.

Въ томъ же году учреждена стипендія имени умершаго Ораніенбаумскаго купца В. П. *Дундукова* съ капитала въ 4,500 р.

Въ 1878 г.—имени покойнаго архіепископа Херсонскаго *Іоанникія* (Горскаго) на пожертвованный братомъ его, колл. сов. Георгіемъ Горскимъ, капиталъ въ 4,500 руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты содержался одинъ изъ наиболѣе нуждающихся своекоштныхъ студентовъ изъ воспитанниковъ преимущественно С.-Петербургской и Новгородской семинарій.

Въ 1879 г.—имени умершаго С.-Петербургскаго купца Н. А. *Погребова*, на сумму 5,000 р., поступившую по его завѣщанію, съ тѣмъ, чтобы на % съ этихъ денегъ содержался одинъ студентъ, который окажетъ склонность непремѣнно принять священническій санъ, чтобы впослѣдствіи могъ поминать имя завѣщателя.

Въ 1880 г.—имени Государя Императора Александра Николаевича, на проценты съ капитала, пожертвованнаго духовенствомъ *Таврической* епархіи въ память 25-лѣтія царствованія Государя Императора, съ тѣмъ, чтобы на эту стипендію содержался въ С.-Петербургской духовной академіи одинъ изъ воспитанниковъ Таврической семинаріи.

Въ томъ же году—имени преосвященнаго *Герасима*, епископа Астраханскаго, на проценты съ пожертвованнаго покойнымъ преосвященнымъ капитала въ 5,000 р.

Въ томъ же году учреждена была временная стипендія на 900 р., пожертвованныхъ Харьковскимъ купцомъ

Куличенко, съ тѣмъ чтобы на эту сумму воспитывался въ С.-Петербургской духовной академіи въ продолженіи четырехъ—годичнаго курса одинъ изъ воспитанниковъ Харьковской семинаріи.

Въ 1881 г.—двѣ стипендіи имени покойнаго дѣйств. ст. сов. *Наѳанаила Петровича Соколова*, бывшаго профессора Казанской академіи, изъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ академіи капитала въ 10,000 руб.

Въ томъ же году учреждены при Могилевской семинаріи и С.-Петербургской академіи 3 стипендіи имени покойнаго архіепископа (бывшаго Полоцкаго) *Василія* на °/₀ съ пожертвованнаго имъ капитала 7,838 р., составлявшаго въ 1881 г. сумму 10,000 р.

Въ 1882 г.—вторая стипендія имени покойнаго члена Святѣйшаго Синода, протоіерея *І. В. Рождественскаго*, на проценты съ завѣщаннаго имъ капитала въ 5,000 р.

Въ 1885 г.—въ ознаменованіе 50-лѣтняго служенія высокопреосвященнаго митрополита *Исидора* въ архіерейскомъ санѣ, учреждена въ академіи стипендія его имени на проценты съ капитала 4,500 р., пожертвованные присутствовавшими на юбилеѣ архипастырями, принявшими хиротонію отъ его высокопреосвященства. (Указъ Св. Синода, 17 янв. 1885 г. № 221).

Въ томъ же году учреждена стипендія имени преосвященнаго *Хрисанѳа*, бывшаго епископа Нижегородскаго, на проценты съ завѣщаннаго имъ капитала 4,500 р.

Нѣкоторому числу студентовъ (10—12-ти) оказывала помощь Александроневская лавра, давая имъ помѣщеніе и столъ.

Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи.

Но наиболѣе значительному числу студентовъ оказывало помощь помѣщеніемъ, вещами и деньгами, учрежденное въ 1877 г. Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи.

Въ 1878 году распорядительный комитетъ Общества, желая избавить недостаточныхъ изъ своекоштныхъ студентовъ отъ тѣхъ крайнихъ неудобствъ, какъ въ матеріальномъ, такъ

и въ учебномъ отношеніи, которыя неизбѣжно испытывали они при частомъ перемѣщеніи съ квартиры на квартиру, нанялъ для нихъ (приблизительно для 15 человѣкъ) въ домѣ Александроневскаго монастыря осóбую квартиру, которую Духовный Соборъ лавры уступилъ обществу по уменьшенной цѣнѣ. Затѣмъ комитетъ пріобрѣлъ на средства Общества необходимую мебель и всѣ вещи потребныя для домашняго обихода. Академическіе наставники, всѣ безъ исключенія состоявшіе членами Общества, отчисляли изъ суммъ редакціи академическихъ періодическихъ изданій по 200 р. на удовлетвореніе нуждъ недостаточныхъ студентовъ академіи.

Въ 1881 г. 18 мая, во вниманіи къ засвидѣтельствованію преосвященнаго митрополита о благотворной дѣятельности предсѣдателя и членовъ Общества, Святѣйшій Синодъ преподалъ благословеніе, съ выдачею грамотъ: предсѣдателю протоіерею П. О. Никитскому, членамъ—протоіереямъ А. А. Желобовскому, А. П. Щепину, К.Б. Селинину, І. Г. Покровскому, В. М. Маслову, профессорамъ И. Е. Троицкому и В: В. Никольскому и непремѣннымъ членамъ комитета—бывшему инспектору профессору М. О. Кояловичу и инспектору профессору И. Ѳ. Нильскому.

Размѣщеніе своекоштныхъ студентовъ внѣ академическихъ зданій дѣлало затруднительною инспекцію; поэтому въ 1882 г. Святѣйшимъ Синодомъ постановлено было, что своекоштные студенты допускаются въ академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ. Число ихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій. Внѣ зданій академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей.

Въ академическомъ корпусѣ студенты размѣщались во всѣхъ трехъ этажахъ корпуса и занимали (по отчету преосв. Макарія въ 1875 г.) 32 комнаты. Въ этихъ комнатахъ студенты размѣщены были по курсамъ и отдѣленіямъ курсовъ, такъ что каждый курсъ и каждое отдѣленіе курса имѣли свои особыя опредѣленныя комнаты. При каждой занятной комнатѣ студентовъ находилась и ихъ спальная комната.

Учебныя занятія студентовъ.—Удостоеніе ученыхъ степеней.

Уставомъ 1869 года учебный курсъ академіи распредѣленъ былъ на 4 года: первые три года назначались для изученія общеобязательныхъ и спеціальныхъ по отдѣленіямъ предметовъ, а послѣдній—четвертый—годъ для практическо-спеціальныхъ занятій избранною группою предметовъ, по которой студентъ готовился къ магистерскому испытанію и къ преподаванію въ семинаріи. Въ первые два года студенты занимались слушаніемъ лекцій и составленіемъ семестровыхъ сочиненій; третій годъ, кромѣ лекцій, назначался для составленія сочиненій на степень кандидата. Сочиненія эти замѣнили собою прежнія курсовыя сочиненія, которыя писались на 4-мъ году академическаго курса.

Въ 1871 г. ректоръ академіи предложилъ отдѣленіямъ войти въ обсужденіе вопроса о свойствѣ и размѣрѣ наградъ студентамъ 3-го курса за ихъ сочиненія. Отдѣленія представили совѣту, что самою приличною наградою было бы награжденіе ихъ медалями, золотыми и серебряными, въ размѣрѣ, какой позволятъ средства академіи, подобно тому, какъ это дѣлается въ университетахъ, медико-хирургической академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ; но такъ какъ медалей таковыхъ для выдачи за лучшія сочиненія въ академіи не установлено, то отдѣленія признавали возможнымъ выдавать денежныя награды студентамъ за лучшія сочиненія (изъ % съ капиталовъ—Ивановскаго, митр. Іосифа и юбилейнаго) въ размѣрѣ 100 р. на каждое отдѣленіе, съ раздѣленіемъ этой суммы, въ случаѣ надобности, на двѣ части.— Совѣтъ утвердилъ это заключеніе 11 февраля 1871 г.

Въ 1875 году 25 мая, по представленію ревизовавшаго академію преосв. архіепископа Литовскаго Макарія, Св. Синодъ предписалъ совѣту академіи печатать въ протоколахъ засѣданій совѣта полныя рецензіи кандидатскихъ сочиненій.

Студенты, перешедшіе въ четвертый курсъ съ правомъ на степень кандидата, но еще не утвержденные въ этой степени, занимались изученіемъ тѣхъ изъ предметовъ своего отдѣленія, по которымъ желали держать экзаменъ на степень

магистра и быть преподавателями въ семинаріяхъ. Кромѣ того студенты IV курса знакомились, сколько позволяло время, съ образцовыми педагогическими курсами (при здѣшней Андреевской школѣ), съ педагогическимъ музеемъ управленія военно-учебныхъ заведеній и занимались практическими уроками въ одномъ изъ пріютовъ столицы.

По утвержденному Св. Синодомъ въ 1874 году положенію объ испытаніяхъ на ученыя академическія степени, предметы магистерскихъ испытаній распредѣлены были на 8 группъ: 1) священное писаніе и еврейскій языкъ для студентовъ богословскаго отдѣленія и греческій—для студентовъ другихъ отдѣленій; 2) богословіе основное, догматическое и нравственное; 3) пастырское богословіе, гомилетика, литургика и каноническое право; 4) всеобщая церковная исторія и исторія русской церкви; 5) всеобщая гражданская и русская исторія и одинъ изъ богословскихъ предметовъ; 6) словесность съ исторіей литературы и логика, и одинъ изъ богословскихъ предметовъ; 7) психологія, исторія философіи и педагогика, и одинъ изъ богословскихъ предметовъ; 8) одинъ изъ древнихъ языковъ и одинъ изъ богословскихъ предметовъ.

Кромѣ занятій по предметамъ своихъ спеціальностей, студенты IV курса обязаны были написать и представить по одной проповѣди въ теченіе года. Означенныя проповѣди, по разсмотрѣніи ректоромъ, совмѣстно съ преподавателемъ гомилетики, произносимы были частію въ академической церкви, частію въ соборѣ Александроневской лавры.

Для утвержденія въ степени кандидата и полученія права на степень магистра требовалось, при окончаніи курса, устное испытаніе. Выдержавшіе это испытаніе, если при томъ диссертаціи ихъ, представленныя при концѣ III курса, признаны были удовлетворительными, утверждались въ степени кандидата, съ правомъ на степень магистра, по напечатаніи и публичномъ защищеніи диссертаціи; неудовлетворившіе этимъ условіямъ утверждались въ степени кандидата, съ обязанностію при соисканіи степени магистра сдать новое устное испытаніе.

Изъ окончившихъ курсъ при дѣйствіи этого устава,

степени *кандидата* удостоены: въ 1871 году 65, изъ нихъ 57 съ правомъ на степень магистра безъ новаго устнаго испытанія; въ 1873 году—59, изъ нихъ магистрантовъ 25; въ 1874 году—23, изъ нихъ 19 магистрантовъ; въ 1875 году—37, изъ нихъ 35 магистрантовъ; въ 1876 году—35, изъ нихъ 28 магистрантовъ; въ 1877 году—40; въ 1878 году—32, изъ нихъ магистрантовъ 6; въ 1879 году—44, изъ нихъ 37 магистрантовъ; въ 1880 году—34, изъ нихъ 28 магистрантовъ; въ 1881 году—51, изъ нихъ 34 магистранта; въ 1882 году—49, изъ нихъ 37 магистрантовъ; въ 1883 году—76, изъ нихъ 58 магистрантовъ.—Съ званіемъ дѣйствительнаго студента выпущены по окончаніи 3-го курса: въ 1875—2; въ 1876—3; въ 1877—4; въ 1878—2; въ 1879—7; въ 1880—1; въ 1882—5; въ 1884—1.

Степени *магистра* удостоены, послѣ публичнаго защищенія диссертацій:

Въ 1873 году—кандидатъ Н. А. *Скабаллановичъ*, защитившій диссертацію: „Объ Апокризисѣ Христофора Филалета".

Въ 1874 году—приватъ-доцентъ академіи И. С. *Якимовъ*. Соч.: „Отношеніе греческаго перевода LXX толковниковъ къ еврейскому мазоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи".

Преподаватель Казанской семинаріи А. Ѳ. *Гусевъ*. Соч.: „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству".

Въ 1875 году—преподаватель Псковской семинаріи, кандидатъ Сергѣй *Кохомскій*. Соч.: „Ученіе древней церкви объ исхожденіи Святаго Духа".

Преподаватель Подольской семинаріи, кандидатъ Митрофанъ *Симашкевичъ*. Соч.: „Пророчество Наума о Ниневіи. Экзегетическое изслѣдованіе, съ очеркомъ исторіи Ассирійскаго государства и историко-критическимъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи книги пророка Наума".

Въ 1879 году 25 февраля—священникъ дворцовой его императорскаго высочества, великаго князя, Михаила Николаевича церкви кандидатъ Г. И. *Титовъ*. Соч.: „Исторія священства и левитства ветхозавѣтной церкви отъ начала ихъ установленія при Моисеѣ до основанія церкви Христовой и отношеніе ихъ

къ жречеству языческому. Библейско-археологическое изслѣдованіе".

Въ 1879 году—преподаватель Литовской семинаріи, кандидатъ Неофитъ *Богородскій.* Соч.: Ученіе св. Іоанна Дамаскина объ исхожденіи Св. Духа, изложенное въ связи съ тезисами Боннской конференціи 1875 года.

6 мая—преподаватель Нижегородской семинаріи, кандидатъ Ѳедоръ *Елеонскій.* Соч.: „Ученіе Оригена о Божествѣ Сына Божія и Духа Святаго и объ отношеніи ихъ къ Отцу".

4 ноября—преподаватель С.-Петербургской семинаріи, кандидатъ А. П. *Мальцевъ.* Соч.: „Историческое изложеніе и критическій разборъ основныхъ началъ нравственной философіи утилитаризма".

Въ 1879 году—преподаватель Вятской семинаріи, кандидатъ Михаилъ *Чельцовъ.* Соч.: „Полемика между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI—XII вѣкахъ".

28 октября—окончившій курсъ въ 1879 году, кандидатъ В. В. *Болотовъ.* Соч.: „Ученіе Оригена о св. Троицѣ".

Въ 1880 году 25—мая приватъ-доцентъ Н. В. *Покровскій.* Соч.: „Происхожденіе христіанской базилики".

Въ 1881 году 18 января—преподаватель Самарской семинаріи Д. Н. *Дубакинъ.* Соч.: „Вліяніе христіанства на семейный быть русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя".

10 іюня—кандидатъ И. С. *Пальмовъ.* Соч.: „Гусситское движеніе. Вопросъ о чашѣ въ Гусситскомъ движеніи".

4 октября—псаломщикъ православной русской церкви въ Нью-Іоркѣ А. П. *Лопухинъ.* Соч.: „Римскій католицизмъ въ Америкѣ. Изслѣдованіе о современномъ состояніи и причинахъ быстраго роста римско-католической церкви въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки".

25 октября—преподаватель Воронежской семинаріи В. Х. *Преображенскій.* Соч.: „Восточныя и западныя школы во времена Карла Великаго, ихъ отношеніе между собою, къ классическимъ и древне-христіанскимъ, и постановка въ нихъ богословія.

22 ноября—помощникъ инспектора С.-Петербургской

семинаріи В. И. *Жмакинъ*. Соч.: „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“.

Въ 1883 году 16 января—преподаватель Полоцкаго духовнаго училища *Жуковичъ*. Соч.: „Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени“.

12 іюня—приватъ-доцентъ С. А. *Соллертинскій*. Соч.: „Дидактическое значеніе священной исторіи въ кругу элементарнаго образованія“.

22 октября—приватъ-доцентъ А. *Садовъ*. Соч.: „Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма“.

18 декабря—преподаватель Варшавскаго духовнаго училища Владиміръ *Завитневичъ*. Соч.: „Палинодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI—XVII вѣка.

Въ 1884 году 22 апрѣля—преподаватель Александроневскаго духовнаго училища Г. *Труссманъ*. Соч.: „Введеніе христіанства въ Лифляндіи“.

7 іюня—преподаватель Псковской семинаріи Ѳ. *Тихомировъ*. Соч.: „Трактаты Ѳеофана Проковича о Богѣ единомъ по существу и Троичномъ въ Лицахъ“.

По штату 1869 года на печатаніе протоколовъ совѣта и магистерскихъ диссертацій назначено по 3 т. руб. въ годъ. Въ 1874 году право печатаніе на казенный счетъ по опредѣленію Святѣйшаго Синода ограничено сочиненіями, составленными до окончанія ихъ авторами академическаго курса. Такъ напечатаны сочиненія Скабаллановича, Якимова, Гусева, Симашкевича, Кохомскаго, Богородскаго, Елеонскаго, Мальцева, Чельцова, Болотова, Пальмова, Преображенскаго, Жуковича и Труссмана. Въ 1884 году совѣтъ академіи ходатайствовалъ, чтобы право печатать диссертаціи на казенный счетъ распространить и на тѣхъ воспитанниковъ, которые представили свои сочиненія въ теченіи трехъ лѣтъ по окончаніи курса и чтобы могущіе быть остатки отъ суммы, ассигнуемой на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій, не подлежали возврату, а оставались въ распоряженіи

академіи для употребленія на напечатаніе магистерскихъ диссертацій. Но Святѣйшій Синодъ 27 іюля, предоставилъ совѣту право печатать на казенный счетъ диссертаціи только тѣхъ академическихъ воспитанниковъ, которые представятъ оныя не позже двухъ лѣтъ по окончаніи курса, съ тѣмъ, чтобы расходы производились въ предѣлахъ суммы, ассигнуемой ежегодно на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій.

Распредѣленіе окончившихъ курсъ студентовъ.— Обязательство выслуги за казенное содержаніе.—Назначеніе третнаго, не въ зачетъ, жалованья опредѣляемымъ на наставническія должности въ духовныя семинаріи и училища.—Уравненіе по окладамъ жалованья учителей училищъ, имѣющихъ академическія степени, съ учителями семинарій.

По уставу семинарій 1867 года опредѣленіе преподавателей предоставлено было епархіальнымъ преосвященнымъ, по представленіямъ правленій, основаннымъ на предварительномъ испытаніи ищущаго преподавательской должности посредствомъ трехъ пробныхъ уроковъ; а при неимѣніи въ виду правленія лицъ, желающихъ занять каѳедру—по сношенію съ академическими конференціями. Въ августѣ того же года правленіямъ семинарій поставлено въ обязанность доставлять не позже 15 мая *въ одну изъ академій по своему усмотрѣнію* свѣдѣнія о вакантныхъ наставническихъ мѣстахъ, на которыя они не имѣютъ собственныхъ кандидатовъ и предоставляютъ испытаніе и назначеніе ихъ конференціи той или другой академіи. Опредѣленныхъ такимъ порядкомъ правленія и преосвященные обязаны были принимать безъ повторенія испытаній.

Въ 1870 г. 12 іюня Святѣйшимъ Синодомъ предписано, чтобы въ аттестатахъ, выдаваемыхъ обучавшимся на казенномъ содержаніи въ духовныхъ академіяхъ воспитанникамъ, было непремѣнно прописываемо, что воспитанники сіи обязаны выслужить положенное за воспитаніе въ академіи число лѣтъ въ духовномъ вѣдомствѣ и что до выслуги этого срока они не могутъ быть уволены изъ духовнаго вѣдомства безъ особаго

разрѣшенія Святѣйшаго Синода, при чемъ показывать и самое число лѣтъ обязательной службы. Въ 1871 г. 29 ноября постановлено—тѣхъ изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которые оставляя академію до окончанія въ ней курса, по нежеланію продолжать ученіе, не выполнятъ требованія о взносѣ денегъ за казенное содержаніе, возвращать въ распоряженіе прежняго ихъ епархіальнаго начальства, для опредѣленія на время обязательнато срока службы въ тѣ должности по епархіи, на занятіе коихъ они имѣютъ право по своему происхожденію и воспитанію.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 16 іюня—14 іюля 1843 г. положено было выдавать на обзаведеніе воспитанникамъ духовныхъ академій, поступающимъ на наставническія должности, по 50 р. каждому.—Въ 1874 г. 21 мая Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по представленію графа Д. А. Толстого, опредѣляемымъ на учительскія мѣста въ духовныя семинаріи и училища воспитанникамъ духовныхъ академій и семинарій и другимъ лицамъ, предоставлено право на полученіе изъ казны третнаго не въ зачетъ жалованья. Назначеніе же вышеозначеннаго пособія въ 50 р. оставлено только для тѣхъ изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ духовныхъ академій, которые поступятъ на учебпую службу въ духовныя академіи или на должности помощника инспектора въ семинаріи, такъ какъ новое положеніе до сихъ должностей не относится. (Опред. Св. Синода 7 іюня 1875 г.)

Въ 1874 г. Высочайше утвержденнымъ 25 мая опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода распредѣленіе воспитанниковъ духовныхъ академій на учебныя должности изъято изъ вѣдѣнія совѣтовъ академій и сосредоточено въ Учебномъ комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтамъ академій предписано сообщать не позже 15 мая въ Учебный комитетъ списки кончившихъ курсъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявятъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ обозначеніемъ мѣстъ ихъ происхожденія, принадлежности къ тому или другому отдѣленію академіи, спеціальныхъ занятій

въ IV курсѣ, отмѣтокъ по успѣхамъ и поведенію и на какую учительскую каѳедру въ семинаріяхъ признается кто болѣе способнымъ; дозволено присовокуплять и заявленія лучшихъ воспитанниковъ о желаніи ихъ поступить на духовно-учебную службу въ ту или другую епархію.

Въ 1878 году 9 декабря состоялось Высочайше утвержденное опредѣленіе Святѣйшаго Синода, которымъ лица академическаго образованія, поступающія на службу въ духовныя училища, по окладамъ содержанія и пенсій сравнены съ наставниками семинарій.

Утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ при дѣйствіи прежняго устава.

Ко времени введенія въ дѣйствіе устава 1869 года оставалось весьма много студентовъ, не утвержденныхъ въ ученыхъ степеняхъ, за непредставленіемъ курсовыхъ сочиненій. Для безпрепятственнаго опредѣленія ихъ на учебныя должности положено было (опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 17 сентября—6 октября 1869 г.) снабжать ихъ при выпускѣ изъ академій удостовѣрительными свидѣтельствами о выслушаніи ими предметовъ академическаго ученія и поведеніи. Въ тоже время, чтобы побудить таковыхъ лицъ къ скорѣйшему исполненію этой ихъ обязанности, Святѣйшимъ Синодомъ 13 октября поручено было епархіальнымъ начальствамъ объявить имъ, чтобы озаботились представленіемъ сочиненій непремѣнно къ 15 августа 1870 года и предварить ихъ, что не исполнившіе этого къ указанному сроку должны подлежать перемѣщенію изъ семинарій на учительскія мѣста въ духовныя училища для выслуги обязательнаго 4-лѣтняго срока за воспитаніе въ академіи. Преосвященнымъ поручено, по истеченіи означеннаго времени, озаботиться непремѣннымъ приведеніемъ такой мѣры въ безотложное исполненіе; а тѣхъ, которые и за настоящимъ распоряженіемъ не представятъ курсовыхъ сочиненій по крайней мѣрѣ къ 15 августа 1871 года, утверждать въ ученыхъ степеняхъ не иначе, какъ по выдер-

жаніи ими, при представленіи курсоваго сочиненія, новыхъ самыхъ строгихъ устныхъ испытаній въ академіи по всѣмъ предметамъ академическаго курса, распространивъ такую мѣру и на не состоящихъ на духовно-училищной службѣ воспитанниковъ академіи.

Между тѣмъ возбужденъ былъ вопросъ о порядкѣ утвержденія таковыхъ лицъ въ ученыхъ степеняхъ, т. е. утверждать-ли ихъ по прежнему порядку, или требовать отъ нихъ печатанія и защищенія магистерскихъ диссертацій. Въ совѣтѣ академіи, при обсужденіи этого вопроса, мнѣнія раздѣлились. Большинство членовъ полагало: тѣхъ изъ окончившихъ курсъ, которыхъ диссертаціи на ученую степень будутъ признаны удовлетворительными для степени магистра и которые имѣютъ право на эту степень по устному экзамену, обязать напечатать свои диссертаціи и публично защитить ихъ, согласно съ требованіями новаго устава. Меньшинство находило несправедливымъ и неудобнымъ подвергать окончившихъ курсъ до 15 августа 1869 года тѣмъ операціямъ, коимъ должны подвергаться студенты, имѣющіе учиться и оканчивать курсъ при дѣйствіи новаго устава. Митрополитъ выразилъ согласіе съ мнѣніемъ меньшинства—что окончившимъ академическій курсъ ученія до введенія новаго устава не нужно поставлять въ обязанность печатать свои курсовыя разсужденія и публично защищать ихъ, если они представятъ разсужденія не позже даннаго имъ отъ Святѣйшаго Синода послѣдняго срока. Святѣйшій Синодъ, 2 марта 1870 года, постановилъ, что относительно этого предмета должны остаться въ силѣ требованія и условія прежняго устава.

По этому порядку утверждены: въ 1870 году—въ степени магистра 6, въ степени кандидата 9; въ 1871 году въ степени магистра 8, въ степени кандидата 9, въ званіи дѣйствительнаго студента 1; въ 1872 году въ степени магистра 12, въ степени кандидата 15, въ званіи дѣйствительнаго студента 2; въ 1873 году въ степени магистра 6, въ степени кандидата 4, въ званіи дѣйствительнаго студента 1; въ 1874 году въ степени магистра 2; въ 1875 году въ степени кандидата 1.

Въ 1868 году священникъ г. Перми *Евгеній Поповъ* (окончившій курсъ въ Пермской семинаріи въ 1844 г.) представилъ въ академическую конференцію свои печатныя сочиненія и просилъ объ удостоеніи его за нихъ степени магистра. Совѣтъ академіи 19-го марта 1870 года объявилъ ему, что не можетъ удостоить его степени магистра безъ выдержанія имъ устнаго испытанія и притомъ предварительно—на степень кандидата.

Въ 1872 году ректоръ Благовѣщенской духовной семинаріи, архимандритъ *Іаковъ Домскій* (нынѣ епископъ Якутскій), кандидатъ здѣшней академіи 1849 года, сдавшій въ академіи устное испытаніе на степень магистра богословія, согласно требованіямъ новаго академическаго устава, представилъ для полученія означенной степени печатное сочиненіе: „Русское проповѣдничество, историческій его обзоръ и взглядъ на современное его направленіе“ которое, по признаніи его со стороны совѣта удовлетворительнымъ, допущено къ публичному защищенію. Между тѣмъ по службѣ онъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту своего назначенія. Посему Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ совѣту утвердить его въ степени магистра безъ публичнаго защищенія имъ диссертаціи.

Учрежденіе новыхъ премій для наставниковъ и студентовъ академіи.

Въ 1883 году поступили въ академію по завѣщанію покойнаго митрополита Московскаго Макарія 25,000 руб., на учрежденіе премій за лучшія сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ академіи. По утвержденному Святѣйшимъ Синодомъ, въ декабрѣ 1885 года, положенію объ этихъ преміяхъ, ежегодная сумма процентовъ съ этого капитала дѣлится на 2 части, изъ которыхъ одна въ 800 руб., съ наросшими на нихъ процентами, назначается на премію за лучшее изъ сочиненій наставниковъ академіи; другая, въ 450 руб., на премію за лучшее изъ сочиненій студентовъ. На соисканіе студентческой преміи могутъ представлять свои сочиненія студенты

С.-Петербургской духовной академіи не позже двухъ лѣтъ по окончаніи курса и притомъ такія сочиненія, которыя не были назначены совѣтомъ къ напечатанію на казенный счетъ. Сочиненія, удостоенныя уже какой либо другой преміи, къ конкурсу не допускаются.—Какъ наставническую, такъ и студентческую преміи совѣтъ, въ случаѣ надобности, можетъ раздѣлить при ея присужденіи на двѣ меньшія преміи: наставническую—въ 500 и 300 руб., студентческую въ 250 и 200 руб. Сочиненія на преміи представляются не позже сентября каждаго года [1]).

Въ 1885 году поступили по завѣщанію бывшаго профессора академіи В. И. Долоцкаго 1600 руб. на преміи его имени за лучшія кандидатскія сочиненія по церковной археологіи и литургикѣ.

Въ томъ же году учреждена премія имени бывшаго ректора академіи, нынѣ протопресвитера I. Л. Янышева, на % съ пожертвованнаго служащими въ С.-Петербургѣ, бывшими воспитанниками его, капитала въ 900 руб. за лучшія сочиненія воспитанниковъ академіи по нравственному богословію.

[1]) На соисканіе этихъ премій въ 1886 году представлено было только одно сочиненіе, но не удостоено награжденія преміею. Въ 1887 году присуждены три преміи наставническихъ изъ процентовъ отъ 1886 года—протоіерею П. Ѳ. Николаевскому за сочиненіе: Жизнь Патріарха Никона въ ссылкѣ и заключеніи послѣ осужденія его на Московскомъ соборѣ 1666 года, (въ 500 руб.), и А. И. Пономареву за сочиненіе: Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни (въ 300 руб.) и изъ процентовъ 1887 года—С. А. Соллертинскому за сочиненіе: Пастырство Христа Спасителя (въ 800 руб.). Студентческая же премія еще не была присуждена.

*

III. Пересмотръ и измѣненіе академическаго устава въ 1884 году.

Со времени введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 30 мая 1869 г. устава духовныхъ академій обнаружились на опытѣ нѣкоторыя несовершенства сего устава: вслѣдствіе чего въ 1881 г. поручено было ректорамъ духовныхъ академій, по совѣщанію съ преподавателями, представить соображенія о тѣхъ измѣненіяхъ въ организаціи сихъ высшихъ духовно-учебныхъ учрежденій, какія представлялись бы нужными и полезными.—Для ближайшаго разсмотрѣнія и обсужденія доставленныхъ академіями соображеній и для рѣшенія вопроса, какія именно измѣненія могли бы быть сдѣланы въ существующемъ уставѣ духовныхъ академій, учреждена была 19 ноября 1881 г. при Святѣйшемъ Синодѣ коммиссія подъ предсѣдательствомъ присутствовавшаго въ Синодѣ архіепископа Казанскаго, нынѣ Кишиневскаго, Сергія; членами коммиссіи назначены были: предсѣдатель Учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерей I. В. Васильевъ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора тайн. сов. И. А. Ненарокомовъ, инспекторъ С.-Петербурской академіи орд. профессоръ И. Ѳ. Нильскій, орд. профессоръ той же академіи И. Е. Троицкій, съ возложеніемъ на него обязанностей дѣлопроизводителя коммиссіи, заслуженные ордин. профессоры—Кіевской академіи В. Ѳ. Пѣвницкій, Московской В. Д. Кудрявцевъ и инспекторъ Казанской академіи экстраорд. профессоръ И. С. Бердниковъ. Послѣ смерти протоіерея I. В. Васильева въ коммиссію назначенъ былъ протоіерей А. И. Парвовъ.

Выработанныя коммиссіею проэкты измѣненныхъ устава и штата духовныхъ академій разосланы были къ нѣкоторымъ преосвященнымъ.—За тѣмъ въ 1884 году проэкты эти, вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ трудами коммиссіи и отдѣльными замѣчаніями преосвященныхъ, подвергнуты были тщательному

разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи митрополита Московскаго Іоанникія и архіепископовъ Холмско-Варшавскаго Леонтія и Тверскаго Саввы, и послѣ нѣкоторыхъ исправленій признаны соотвѣтствующими желаемому улучшенію положенія духовныхъ академій.

Въ томъ же году 20 апрѣля означеныя проэкты устава и штата духовныхъ академій удостоились Высочайшаго утвержденія, съ предоставленіемъ Святѣйшему Синоду ввести оныя въ дѣйствіе съ начала 1884—85 учебнаго года.

1. Уставъ и штаты духовныхъ академій 1884 г.

Высочайше утвержденнымъ 20 апрѣля 1884 г. уставомъ духовныхъ академій положено было усилить, въ отношеніи управленія академіями, власть епархіальныхъ архіереевъ какъ попечителей, и ректоровъ—какъ непосредственныхъ начальниковъ академій.

Преосвященнымъ предоставлено начальственное наблюденіе не только за исполненіемъ устава, но и за направленіемъ преподаванія и воспитанія въ академіи, и право давать совѣту и правленію академіи предложенія для исполненія. Равнымъ образомъ, кромѣ присвоеннаго имъ уставомъ 1869 года права утверждать въ должностяхъ второстепенныхъ должностныхъ лицъ академіи, избираемыхъ совѣтомъ и правленіемъ, предоставлено имъ прямое участіе въ назначеніи на должность ректора и инспектора академіи и представленіе Святѣйшему Синоду кандидатовъ на эти должности.

Такъ же опредѣлительно и твердо поставлена и власть *ректора* академіи, прежде раздѣлявшаяся между нимъ и его помощниками по учебной части. Ему предоставлено наблюдать за исполненіемъ всѣми служащими въ академіи своихъ обязанностей и въ случаѣ надобности дѣлать замѣчанія и внушенія; на него же возложено главное наблюденіе не только за учебными занятіями, но и за нравственно-религіознымъ направленіемъ студентовъ, съ правомъ подвергать ихъ, въ случаѣ проступковъ, взысканіямъ по своему усмотрѣнію. Для удобства же въ выполненіи имъ многочисленныхъ и трудныхъ

обязанностей, положено не возлагать на него обязанностей штатнаго профессора, но предоставить ему преподаванie одного изъ богословскихъ предметовъ, по своему избранiю, при двухъ лекцiяхъ въ недѣлю.

Въ постановкѣ должности *инспектора* сдѣланы слѣдующiя измѣненiя. Избранie его совѣтомъ замѣнено назначенiемъ отъ Святѣйшаго Синода, по представленiю преосвященнаго, безъ ограниченiя срока службы; причемъ предположено назначать на эту должность предпочтительно профессоровъ, имѣющихъ духовный санъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ усилены средства инспекцiи учрежденiемъ во всѣхъ академiяхъ двухъ помощниковъ инспектора изъ лицъ, избираемыхъ самимъ инспекторомъ.

Существовавшiя прежде въ академiяхъ три отдѣленiя (богословское, церковно-историческое и церковно-практическое), по которымъ распредѣлена была большая часть предметовъ академическаго курса, упразднены, такъ какъ духовныя академiи имѣютъ цѣлiю доставлять высшее образованie во всей области богословскаго вѣдѣнiя и сообщать полное и цѣльное богословское образованie своимъ воспитанникамъ; посему всѣ богословскiя науки, за немногими исключенiями, и философскiя науки, какъ вспомогательныя для богословскаго образованiя, сдѣланы обязательными для всѣхъ студентовъ, а прочiе предметы общаго образованiя, какъ второстепенные, раздѣлены на два отдѣла, съ предоставленiемъ воспитанникамъ изучать одинъ изъ нихъ по выбору.

Для предоставленiя студентамъ возможности изучать весь кругъ богословскихъ наукъ, вмѣстѣ съ группою наукъ второстепенныхъ, четвертый годъ академическаго курса, назначавшiйся прежде для практическо-специальныхъ лекцiй по избранному каждымъ студентомъ предмету, введенъ въ общiй академическiй курсъ, наряду съ тремя предшествующими годами.—Званie дѣйствительнаго студента, которое получали нѣкоторые студенты по окончанiи трехлѣтняго обученiя въ академiи, положено предоставлять только по окончанiи полнаго четырехлѣтняго курса.—Удостоенie степеней кандидата и магистра богословiя оставлено на прежнемъ основанiи, съ тою

лишь отмѣною, что защита диссертаціи на степень магистра должна происходить въ особомъ ученомъ собраніи, въ которое приглашаются только лица извѣстныя совѣту и компетентныя въ дѣлѣ богословской науки. Для пріобрѣтенія степени доктора богословія положено не требовать не только устнаго испытанія, но и защищенія диссертаціи.

Въ соотвѣтствіе съ установленными въ 1808 году золотыми крестами, носимыми въ петличкѣ, для магистровъ академій, имѣющихъ духовный санъ, установлены такіе же серебряные кресты для имѣющихъ духовный санъ кандидатовъ академій.

Прежній порядокъ замѣщенія профессорскихъ и вообще преподавательскихъ должностей въ академіяхъ избраніемъ на эти должности въ академическомъ совѣтѣ закрытою баллотировкою замѣненъ открытою подачею голосовъ.—Отмѣнено правило объ ограниченіи учебной службы при академіи 25-ти лѣтнимъ срокомъ.—Упразднена должность приватъ-доцентовъ; тѣже приватъ-доценты, которымъ поручено чтеніе лекцій по вакантнымъ преподавательскимъ каѳедрамъ, оставлены съ званіемъ исправляющихъ должность доцентовъ, но съ обязательствомъ получить степень магистра не позже, какъ въ теченіе двухъ лѣтъ, считая съ 1 іюля 1884 года.

Наконецъ академіямъ предоставлено право производить, чрезъ своихъ профессоровъ, ревизіи семинарій въ учебно-воспитательномъ отношеніи и принимать ближайшее участіе въ назначеніи своихъ воспитанниковъ на должности по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлено распредѣленіе семинарій на четыре округа по числу академій: С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій и Казанскій. Къ С.-Петербургскому духовно-учебному округу отнесены семинаріи: С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Рижская, Архангельская, Олонецкая, Литовская, Холмская, Могилевская, Минская, Витебская и Тверская.

Нѣкоторыя измѣненія произведены и въ *штатѣ академій*. Въ виду того, что ректоръ не будетъ занимать штатной профессорской каѳедры, содержаніе ему, вмѣсто двухъ прежнихъ окладовъ (ректорскаго 1.500 руб. и профессорскаго 2.700 р.),

назначено совокупно за обѣ должности, въ размѣрѣ 4.200 р.; сокращено число ординарныхъ профессоровъ—8 вмѣсто 9; увеличено число доцентовъ—9 вмѣсто 8. Но общее число преподавателей осталось тоже, что и прежде. Увеличена сумма: по содержанію зданій всѣхъ духовныхъ академій съ 35.200 руб. до 53.800 руб.; на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ—съ 89.600 руб. до 148.300 руб. и на академическія библіотеки—съ 6.400 руб. до 10.000 руб. Въ общемъ итогѣ, по новому штату, расходъ изъ спеціальныхъ средствъ Св. Синода на содержаніе 4-хъ духовныхъ академій увеличенъ на 92.800 руб. (вмѣсто 420.100 руб.—512.900 руб.).

2. Введеніе въ дѣйствіе новаго устава и перемѣны въ составѣ начальствующихъ и должностныхъ лицъ съ 1884 года.

Предъ введеніемъ новаго устава въ дѣйствіе, совѣтомъ академіи составлена была коммиссія изъ ординарныхъ профессоровъ Ловягина, Кояловича и Катанскаго для соображенія о примѣненіи новаго учебнаго плана къ занятіямъ всѣхъ существующихъ четырехъ курсовъ и для выработки какъ нормальнаго плана лекцій для всѣхъ курсовъ, такъ особеннаго на переходный учебный годъ. Представленныя коммиссіею предположенія были утверждены Святѣйшимъ Синодомъ. По этимъ предположеніямъ студентамъ наличнаго IV курса вмѣнено было въ обязанность выслушать лекціи по тѣмъ наукамъ, которыхъ они не изучали на предшествующихъ курсахъ и которыя сдѣланы обще-обязательными.

Ректоръ—преосвященный Арсеній. При введеніи новаго устава ректоромъ академіи былъ преосвященный Арсеній, епископъ Ладожскій; инспекторомъ—ординарный профессоръ *И. Ѳ. Нильскій.*

Инспекторъ—архимандритъ Антоній.—Въ іюлѣ 1885 г. профессоръ Нильскій, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, уволенъ, съ начала 1885—86 учебнаго года, отъ инспекторской должности, а 12 августа перемѣщенъ на эту

должность въ С.-Петербургскую духовную академію инспекторъ Казанской академіи, архимандритъ *Антоній Вадковскій.*

Архимандритъ Антоній, сынъ священника Тамбовской епархіи, по окончаніи курса въ Казанской духовной академіи со степенью магистра, состоялъ съ 27 октября 1870 года доцентомъ Казанской академіи; въ 1883 г. постриженъ въ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1884 году возведенъ въ званіе экстраорд. профессора и опредѣленъ инспекторомъ Казанской академіи; въ 1885 году перемѣщенъ въ С.-Петербургскую академію на должность инспектора.

Ректоръ—преосвященный Антоній.—Въ 1887 г. 28 марта преосвященный Арсеній перемѣщенъ на епархіальную каѳедру въ Ригу. На мѣсто его ректоромъ академіи 15 апрѣля назначенъ инспекторъ, архимандритъ *Антоній,* съ возведеніемъ въ санъ епископа Выборгскаго, втораго викарія С.-Петербургской епархіи. 24 апрѣля послѣдовало Высочайшее утвержденіе доклада Святѣйшаго Синода о возведеніи его въ санъ епископа, 1 мая совершено нареченіе, а 3 мая посвященіе въ санъ епископа. Въ томъ же году Святѣйшимъ Синодомъ возложено было на него наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Въ 1888 году 16 января преосвященный Антоній переименованъ первымъ викаріемъ С.-Петербургской епархіи.

Инспекторъ—архимандритъ Михаилъ.—Съ назначеніемъ архимандрита Антонія ректоромъ академіи, исправляющимъ должность инспектора назначенъ 29 апрѣля 1887 года исправляющій должность доцента, іеромонахъ *Михаилъ Грибановскій,* съ предоставленіемъ ему права участвовать въ собраніяхъ совѣта и правленія академіи; въ слѣдующемъ 1888 году 5 апрѣля возведенъ въ санъ архимандрита, а 1 декабря утвержденъ въ должности инспектора академіи.

Помощникъ инспектора, іеромонахъ *Антоній Храповицкій,* въ 1885 году по прошенію уволенъ былъ отъ службы при академіи, но вскорѣ потомъ получилъ назначеніе на должность преподавателя въ Холмскую семинарію. На мѣсто его помощникомъ инспектора опредѣленъ 15 августа 1886 года

окончившій въ томъ же году курсъ кандидатъ *Евгеній Петровичъ Аквилоновъ.*—Другимъ помощникомъ инспектора состоитъ съ 1875 года *А. В. Васильковъ.*

3. Составъ Совѣта и Правленія академіи.

Весьма важную особенность новаго устава составляетъ то, что уничтожено раздѣленіе собраній совѣта на общія и обыкновенныя. Дѣла, подлежавшія обсужденію въ обыкновенныхъ собраніяхъ совѣта, перенесены въ правленіе, завѣдывавшее дотолѣ только хозяйственною частію. Такимъ образомъ правленіе получило опять то значеніе, какое имѣло до 1869 г., а совѣту приданъ тотъ видъ, какой имѣла прежняя конференція.

Ректоръ академіи, по своему званію, есть предсѣдатель, а инспекторъ—членъ совѣта и правленія. Въ засѣданіяхъ совѣта участвуютъ всѣ профессоры; въ правленіи—три члена изъ ординарныхъ профессоровъ, а по дѣламъ хозяйственнымъ, кромѣ того,—почетный блюститель и экономъ.

Членами академическаго правленія изъ профессоровъ академіи утверждены бывшіе уже таковыми по прежнему уставу, какъ помощники ректора: *Е. И. Ловягинъ, М. О. Кояловичъ* и *А. Л. Катанскій.*

Экономъ академіи, священникъ *В. Лавровъ,* въ 1888 г. 9-го сентября опредѣленъ на вакансію настоятеля церкви при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ того же года на должность эконома опредѣленъ столоначальникъ С.-Петербургской консисторіи *А. Быстроумовъ.*

Секретаремъ совѣта и правленія со 2 ноября 1883 года состоитъ *А. В. Княжинскій.*—*Помощникъ секретаря* Тубасовъ 1 марта 1885 года уволенъ отъ этой должности; на его мѣсто опредѣленъ студентъ С.-Петербургской семинаріи *Н. Зимневъ:* но въ концѣ года поступилъ на священническое мѣсто и уволенъ отъ службы при академіи. Въ 1886 году 16 марта на должность помощника секретаря опредѣленъ окончившій академическій курсъ въ 1885 году *П. Случевскій.*

4. Перемѣны въ составѣ академическихъ каѳедръ и въ личномъ составѣ преподавателей.

Священное писаніе.

Въ 1885 году 16 мая скончался экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ изъясненія *Священнаго писанія ветхаго завѣта, И. С. Якимовъ.* Сказанныя при погребеніи его рѣчи ректора академіи преосвященнаго Арсенія, сослуживцевъ—преподавателей, студентовъ и редактора журнала Христіанское чтеніе, напечатаны въ этомъ журналѣ (1885 г., кн. 7—8) подъ заглавіемъ: „Вѣнокъ на могилу профессора И. С. Якимова". Въ XI—XII книжкѣ того же года помѣщена статья А. И. Савельева: „Памяти И. С. Якимова". Профессоръ Ѳ. Г. Елеонскій напечаталъ въ Церковномъ вѣстникѣ 1886 года: „О дѣятельности И. С. Якимова по составленію комментарія на книги ветхаго завѣта. Въ 1887 году напечатаны въ Христіанскомъ чтеніи сохранившіяся изслѣдованія его: „О происхожденіи книги Екклезіаста" (1887 г., кн. 3—4), книги Премудрости Соломоновой (1887 г., кн. 7—8), книги Премудрости Іисуса сына Сирахова (1884 г.) и книги Пѣснь Пѣсней (1887 г.).

Послѣ него каѳедра эта предоставлена была инспектору академіи, архимандриту *Антонію Вадковскому*; но, съ назначеніемъ на должность ректора академіи, преосвященный Антоній избралъ для своего преподаванія исторію проповѣдничества, а на каѳедру Священнаго писанія ветхаго завѣта 17 сентября 1887 года опредѣленъ, съ званіемъ исправляющаго должность доцента, не за долго предъ тѣмъ оставившій академію, преподаватель Холмской семинаріи, іеромонахъ *Антоній Храповицкій.* Въ 1888 году 9 февраля о. Антоній утвержденъ въ должности доцента. Въ 1887 году напечаталъ въ „Практическомъ руководствѣ для сельскихъ пастырей" статью: „О постановкѣ проповѣдничества и проповѣдницеской науки"; въ 1888 году—въ „Церковномъ вѣстникѣ": „Бесѣды о нравственномъ превосходствѣ православнаго пониманія. Евангелія

сравнительно съ ученіемъ Л. Толстаго". Кромѣ того нѣсколько статей его по разнымъ богословскимъ. религіознымъ и общественнымъ вопросамъ напечатано въ Страннникѣ, Руководствѣ для сельскихъ пастырей, и другихъ изданіяхъ.

Преподаваніе *Священнаго писанія новаго завѣта* продолжаетъ экстра-ординарный профессоръ, протоіерей *В. Г. Рождественскій.*

Библейская исторія.

Ординарный профессоръ библейской исторіи *Ѳ. Г. Елеонскій* печатаетъ въ Христіанскомъ чтеніи „Толкованіе на книгу пророка Исаіи" (продолженіе толкованія покойнаго профессора Якимова); кромѣ того помѣстилъ въ томъ же журналѣ статью: Результаты новыхъ изысканій въ за-Іорданской Палестинѣ и Сѣверной Сиріи (1886 г.).

Введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ.

Приватъ-доцентъ введенія въ богословіе, іеромонахъ *Михаилъ Грибановскій,* въ 1884 году 15 августа переименованъ исправляющимъ должность доцента; въ 1888 году, по утвержденіи въ степени магистра, утвержденъ штатнымъ доцентомъ и съ утвержденіемъ въ должности инспектора возведенъ въ санъ архимандрита.

Догматическое богословіе.

Профессоръ догматическаго богословія *А. Л. Катанскій* въ 1889 г. удостоенъ званія заслуженнаго ординарнаго профессора.—А. Л. завѣдывалъ до 1885 года редакціею Церковнаго вѣстника. Въ 1885 году напечаталъ въ немъ статьи: Святѣйшій Синодъ въ первые годы своего существованія.—Религіозно-образовательныя потребности нашей церкви.—Первый день Воскресенія Христова.—Въ 1886 году:—Вопросъ о времени учрежденія христіанской церкви и церковной іерархіи, и рядъ

статей—Объ основныхъ началахъ церковнаго устройства, по поводу книги Елагина: „Чего нужно желать для нашей церкви“. Не мало также помѣстилъ въ Церковномъ вѣстникѣ за 1885—1889 гг. и другихъ статей и замѣтокъ.

Нравственное богословіе.

По уставу 1869 года нравственное богословіе соединено было въ одной каѳедрѣ съ педагогикой; но по уставу 1884 года педагогика отдѣлена отъ каѳедры нравственнаго богословія и присоединена къ другой каѳедрѣ—пастырскаго богословія и гомилетики.

Каѳедру нравственаго богословія, послѣ І. Л. Янышева, занималъ, ректоръ академіи преосвященный *Арсеній*; но такъ какъ новымъ уставомъ ректору академіи предоставлено, не занимая профессорской каѳедры, преподавать одну изъ богословскихъ наукъ по своему избранію, то на означенную каѳедру избранъ и утвержденъ въ званіи доцента, съ 15 августа 1884 года, преподаватель Псковской духовной семинаріи, магистръ *Ѳеофанъ Алексѣевичъ Тихомировъ*. Тотъ же предметъ избралъ для своего преподаванія и ректоръ академіи, преосвященный Арсеній, и преподавалъ часть онаго до своего назначенія на епархіальную каѳедру.

Патристика.

Приватъ-доцентъ по каѳедрѣ патристики *А. А. Приселковъ* переименованъ 15 августа 1884 года исправляющимъ должность доцента; въ 1884 г. по болѣзни уволенъ отъ службы при академіи. Временное преподаваніе патристики поручено было экстраординарному профессору гомилетики *Н. И. Барсову*.—Въ 1887 году 20 ноября Приселковъ, приготовившій и печатавшій сочиненіе для пріобрѣтенія степени магистра: „Обозрѣніе посланій святаго Климента, епископа Римскаго, къ Коринѳянамъ. Выпускъ первый“ вновь зачисленъ былъ преподавателемъ этого предмета; но вслѣдъ за тѣмъ (29 ноября)

скончался.—На вакантную каѳедру патристики избранъ въ 1888 году, съ званіемъ исправляющаго должность доцента, преподаватель Витебской семинаріи, кандидатъ *Тим. Налимовъ.*

Церковная археологія и литургика.

Церковную археологію и литургику преподаетъ экстраорд. профессоръ *Н. В. Покровскій.*—Въ 1888 году съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода онъ командированъ былъ съ 15 іюня до 1 января 1889 года съ ученою цѣлію за границу—на Аѳонъ, въ Грецію и нѣкоторые пункты Западной Европы, для непосредственнаго обозрѣнія древнихъ памятниковъ Византійской богослужебной письменности, и вчастности памятниковъ Византійской иконографіи, а также для ознакомленія со строемъ и характеромъ греческаго богослуженія и вчастности церковнаго пѣнія.—Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его статьи: Опредѣленіе Стоглава о святыхъ иконахъ.—Синодальный художникъ Алексѣй Антроповъ. Изъ исторіи мѣръ къ улучшенію иконописанія въ XVIII вѣкѣ (1887);—въ Вѣстникѣ археологіи и исторіи: О древностяхъ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря (1885); въ Трудахъ Одесскаго археологическаго съѣзда: „Изслѣдованіе о страшномъ судѣ, по памятникамъ византійскимъ и русскимъ“; въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества: „О миніатюрахъ Гелатскаго евангелія XII вѣка“.—„Объ изображеніи Св. Троицы“, и нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ. Кромѣ того онъ издалъ 4-й томъ Записокъ русскаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго общества.

Церковное право.

Церковное право преподаетъ экстраорд. профессоръ *Т. В. Барсовъ.* Въ 1884 году назначенъ членомъ и дѣлопроизводителемъ учрежденной при Святѣйшемъ Синодѣ, съ Высочайшаго соизволенія, коммиссіи по вопросу объ устройствѣ управленія церквами и духовенствомъ военнаго вѣдом-

ства; въ 1888 году утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ въ степени доктора каноническаго права; въ 1889 году удостоенъ званія заслуженнаго экстраорд. профессора.—Въ 1885 году напечаталъ первый томъ „Сборника дѣйствующихъ и руководственныхъ церковныхъ и церковно-гражданскихъ постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія. С.-Петербургъ 1885 года;—въ Церковномъ Вѣстникѣ 1887 года: Разсужденіе о второмъ бракѣ для священнослужителей.

Общая церковная исторія.

Для общей церковной исторіи, по новому уставу, назначена одна каѳедра, которую занимаетъ экстраорд. профессоръ *В. В. Болотовъ*. Продолженіе трудовъ его составляютъ напечатанныя въ Христіанскомъ чтеніи статьи: Изъ церковной исторіи Египта. Церковно-историческіе очерки и наброски. (1885—1886 гг.).—Рецензія на книгу Кипарисова: „О свободѣ совѣсти“ представленную на соисканіе преміи м. Макарія (1886 г.).—Описаніе двухъ эѳіопскихъ рукописей, пожертвованныхъ въ библіотеку С.-Петербургской академіи Анатоліемъ, епископомъ Острогожскимъ (1887).

Исторія русской церкви.

Исторію русской церкви преподаетъ экстраординарный профессоръ протоіерей *П. Ѳ. Николаевскій*.—Въ 1886 г. издалъ отдѣльною книгою сочиненіе: „Жизнь патріарха Никона въ ссылкѣ и заключеніи послѣ осужденія его на Московскомъ соборѣ 1666 г. Историческое изслѣдованіе по неизданнымъ документамъ слѣдственнаго дѣла.

Исторія православныхъ славянскихъ церквей.

Въ 1885 г. 14 марта положено было открыть въ С.-Петербургской академіи, съ начала 1885—1886 учебнаго года, каѳедру славянскихъ церквей, съ отнесеніемъ этого предмета

къ числу обязательныхъ для всѣхъ студентовъ академіи и съ назначеніемъ содержанія преподавателю въ размѣрѣ содержанія доцентовъ академіи, по 1.200 руб. въ годъ. Чтеніе лекцій по этой каѳедрѣ поручено магистру *И. С. Пальмову*. Въ 1887 году эта временная каѳедра обращена Святѣйшимъ Синодомъ въ постоянную штатную, съ предоставленіемъ совѣту удостоивать преподавателя по этой каѳедрѣ того или другаго профессорскаго званія и съ ассигнованіемъ на жалованье преподавателю полнаго профессорскаго оклада. Вслѣдствіе этого временный преподаватель Пальмовъ 19 ноября тогоже года переименованъ въ доценты; 16 декабря возведенъ въ званіе экстраорд. профессора. Въ Христіанскомъ чтеніи напечатаны его статьи: Религіозно-реформаторскіе идеалы оппозиціонно-либеральной партіи начала XV в. и отношеніе ихъ къ реформаторскимъ тенденціямъ Виклефа (1881).—Кирилло-Меѳодіевскія преданія у юго-западныхъ Славянъ католическаго обряда. Рѣчь въ собраніи академіи 6 апрѣля 1885 года.—Къ вопросу о сношеніяхъ Чехо-Гусситовъ съ восточною церковію въ половинѣ XV в.—Рецензія на соч. профессора Малышевскаго: Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители Славянъ. Кіевъ, 1886 г. (1888 г.). Кромѣ того нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ статей его напечатано въ „Церковномъ вѣстникѣ“ и въ „Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго общества“.

Пастырское богословіе, педагогика, гомилетика и исторія проповѣдничества.

До 1884 г. пастырское богословіе соединено было съ гомилетикой. По новому уставу прибавлена къ нимъ исторія проповѣдничества и соединена съ ними отдѣленная отъ каѳедры нравственнаго богословія педагогика. Для предметовъ этой каѳедры назначены два преподавателя.

Наставники остались прежніе: *Н. И. Барсовъ* и *С. А. Соллертинскій*.—Соллертинскому, кромѣ педагогики, поручено преподаваніе пастырскаго богословія; Барсову—сверхъ гоми-

летики—исторія проповѣдничества; но въ 1887 году преподаваніе исторіи проповѣдничества принялъ на себя преосвященный Антоній, ректоръ академіи.

Доцентъ С. А. *Соллертинскій* въ 1885 году 14 іюня возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора; въ 1888 году 9 мая рукоположенъ во священники къ Морскому Богоявленскому собору съ оставленіемъ при академіи.—Въ 1888 году издалъ сочиненіе: „Пастырство Христа Спасителя". Выпускъ 1-й.—Въ Христіанскомъ чтеніи 1885 г.:—О мученической кончинѣ св. Іоанна Предтечи.

Экстраординарному профессору *Н. И. Барсову* Свят. Синодомъ предоставлена, съ 3 августа 1887 года, штатная каѳедра ординарнаго профессора, съ званіемъ исправляющаго должность ординарнаго профессора и съ присвоеннымъ этой должности содержаніемъ.—Въ 1885 году онъ издалъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Исторія первобытной христіанской проповѣди до IV вѣка". Въ 1886 году: „Представители догматико-полемическаго вида проповѣди въ IV вѣкѣ на Востокѣ" и въ 1887 году—второй томъ „Матеріаловъ для біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго". Кромѣ того напечаталъ: въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей—Письма къ архіепископу Херсонскому Иннокентію ученыхъ Кіевлянъ (1885 г.); въ Христіанскомъ чтеніи: Мнѣніе Иннокентія, архіепископа Херсонскаго о катихизисахъ Филарета (1885 г.).—Малоизвѣстные западные проповѣдники IV вѣка (1885 г.).—Григорій Нисскій, какъ проповѣдникъ (1887 г.).—Изъ новооткрытыхъ памятниковъ христіанской проповѣди: Слово св. Аристида, аѳинскаго философа (1887 г.).—Въ Странникѣ: Спорные вопросы изъ исторіи первобытной христіанской проповѣди (1888 г.). Въ журналѣ „Вѣра и Разумъ:"—Изслѣдованіе по вопросу о времени учрежденія іерархіи въ церкви Христовой (1888 г.). Кромѣ того помѣщалъ статьи въ Церковномъ вѣстникѣ.

Философскія науки.

По случаю тяжкой болѣзни преподавателя логики и психологіи, экстраординарнаго профессора *А. Е. Свѣтилина*, преподаваніе этихъ предметовъ временно поручено было съ 1 сентября 1884 г. приватъ-доценту метафизики *Н. Г. Дебольскому*.—Въ 1886 г. 1 октября на каѳедру логики и психологіи опредѣленъ, въ качествѣ и. д. доцента, кандидатъ *Александръ Павл. Высокоостровскій*; а съ выходомъ изъ академіи Дебольскаго, 15 авг. 1887 г. Высокоостровскій изъявилъ желаніе преподавать, вмѣстѣ съ логикою, и метафизику.—На кафедру же психологіи избранъ (съ 26 сентября) въ качествѣ и. д. должность доцента, окончившій курсъ въ 1886 году кандидатъ *Виталій Степ. Серебренниковъ*.

Исторію философіи преподаетъ ординарный профессоръ *М. И. Каринскій*.

Предметы академическаго курса, раздѣленные на двѣ параллельныя группы, изъ которыхъ выборъ той или другой для изученія предоставленъ студентамъ.

Первую группу составляютъ слѣдующіе предметы:

Теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ.

Приватъ-доцентъ по этой каѳедрѣ, *А. И. Пономаревъ*, въ 1884 г. 15 августа переименованъ исправляющимъ должность доцента; въ 1886 г. утвержденъ въ степени магистра и въ должности доцента; въ 1887 г. 31-го авг. возведенъ въ званіе экстра-ордин. профессора. Съ окт. 1880 г.—редакторъ „Странника“ (вмѣстѣ съ А. В. Васильковымъ), въ которомъ помѣстилъ нѣсколько своихъ изслѣдованій: „Къ исторіи древнерусской церковной словесности и литературы“.— „Святый Кириллъ Туровскій и его молитвы“.— „Игуменъ Даніилъ и его хожденіе по Св. Землѣ“ (1880). Русскіе народные листы и картинки духовнаго содержанія: Вступи-

тельная статья.—Изображенія изъ ветхаго завѣта по Палеѣ и лицевой Библіи (1881). „Іосифъ прекрасный".—„Царь Давидъ и Соломонъ Премудрый" (1882).—Преп. Несторъ лѣтописецъ.—„Вопросъ о языкѣ въ дѣлѣ св. Кирилла и Меѳодія. (Чтеніе въ собраніи академіи 6 апр. 1885 г.).

Русскій и церковно-славянскій языки и исторія русской литературы.

Вмѣсто существовавшей по уставу 1869 г. каѳедры русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, въ 1884 г. учреждена каѳедра русскаго и церковно-славянскаго языка и исторіи русской литературы (отдѣленной отъ каѳедры теоріи словесности съ обзоромъ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ). Каѳедра эта предоставлена преподававшему въ академіи славянскія нарѣчія, ординарному профессору С.-Петербургскаго университета, *В. И. Ламанскому*.

Еврейскій языкъ съ библейской археологіей.

Приватъ-доцентъ *И. Г. Троицкій* въ 1885 году, послѣ утвержденія въ степени магистра, утвержденъ въ должности доцента.—Въ „Христіанскомъ Чтеніи" статьи его: „Психологическія и историческія условія сохраненія свящ. преданія у древнихъ евреевъ" (1885 г.).—Результаты изслѣдованій о хеттейскихъ памятникахъ, добытые въ западно-европейской литературѣ—(1887). „Силоамская надпись" (1887).—Рѣчь, произн. въ собраніи академіи 4 марта 1887 года—въ день столѣтія со дня рожденія покойнаго протоіерея Г. П. Павскаго.—Кромѣ того И. Г. Троицкій ведетъ въ Церковномъ вѣстникѣ отдѣлъ обозрѣнія духовныхъ журналовъ.

Вторую группу составляютъ предметы:

Исторія и разборъ западныхъ исповѣданій.

Сравнительное богословіе, составлявшее предметъ отдѣльной каѳедры, вошло по новому уставу въ содержаніе науки „исторіи и разбора западныхъ исповѣданій", ставшей пред-

*

метомъ отдѣльной каѳедры. Преподававшій сравнительное богословіе, доцентъ *Лопухинъ,* остался за штатомъ; а каѳедру исторіи и разбора западныхъ вѣроисповѣданій, образовавшуюся чрезъ сліяніе прежнихъ каѳедръ новой общей церковной исторіи и сравнительнаго богословія, занялъ ординарный профессоръ, преподававшій новую общую церковную исторію, *И. Е. Троицкій.* Въ 1884 году 14 ноября исполнилось 25-лѣтіе его профессорской службы; въ 1886 году присвоено ему званіе заслуженнаго ординарнаго профессора.

Исторія и обличеніе русскаго раскола.

Каѳедру исторіи и обличенія русскаго раскола занимаетъ заслуженный ординарный профессоръ *И. Ѳ. Нильскій.*—И. Ѳ. продолжалъ печатать свои изслѣдованія въ духовныхъ журналахъ: въ „Христіанскомъ Чтеніи“: Къ вопросу о безсвященнословныхъ бракахъ безпоповцевъ (1886).—Къ исторіи духоборчества и молоканства (1886); и въ „Церковномъ вѣстникѣ“: Газетная полемика по вопросу объ ученіи ѳедосѣевцевъ о бракѣ (1885).—„Критическая оцѣнка взгляда г. Мельникова на семейную жизнь безпоповцевъ вообще и ѳедосѣевцевъ въ частности; послѣдствія ѳедосѣевскаго ученія о всеобщемъ безбрачіи.—Объ отношеніи ѳедосѣевцевъ и другихъ раскольниковъ къ государству; поспѣшныя сужденія и преувеличенныя похвалы“ (1886).—Библіографическая замѣтка о сочиненіи Ѳ. Круглова.—Нужно ли вѣнчать обратившихся къ церкви раскольниковъ, вступившихъ въ брачные союзы до присоединенія къ православію.—Нѣсколько словъ о внутренней жизни современнаго ѳедосѣевскаго раскола (1887).—Въ 1887 году академія привѣтствовала его по поводу 30-лѣтія со времени назначенія на каѳедру.

Общая гражданская исторія.

Въ 1885 году 13 іюня заслуженный экстраординарный профессоръ *древней общей гражданской исторіи, А. И. Предтеченскій,* утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ въ званіи исправляющаго должность ординарнаго профессора и въ томъ же

году по болѣзни оставилъ службу при академіи.—А. И. въ продолженіи 30 лѣтъ занималъ академическую каѳедру; принималъ живое участіе въ организаціи „Церковнаго вѣстника“ и былъ его первымъ редакторомъ; онъ же составилъ проэктъ вспомогательно-пенсіонной кассы для наставниковъ академіи.

Послѣ А. И. Предтеченскаго на каѳедру общей древней исторіи опредѣленъ, 15 августа того же года, бывшій доцентъ академіи по каѳедрѣ сравнительнаго богословія, *А. П. Лопухинъ.*—Въ 1885 году онъ издалъ читанныя имъ публичныя лекціи: Современный западъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи; въ 1886—1887 годахъ: Заокеанскій западъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи; въ 1888 году: Руководство къ библейской исторіи ветхаго завѣта.—Руководство къ библейской исторіи новаго завѣта.—Кромѣ того онъ перевелъ съ англійскаго сочиненія Ф. В. Фаррара: Жизнь Іисуса Христа (съ 30-го англійскаго изданія).—Жизнь и труды св. апостола Павла, съ учеными приложеніями и примѣчаніями, Спб. 1887 года.—„Соломонъ, его жизнь и его время“—въ „Страннинѣ“ 1887—88 гг. — Въ этомъ же журналѣ помѣщены обширныя его статьи: „Церковныя богатства римскаго католицизма въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки“ (1881).—Библія и научныя открытія на памятникахъ древняго Египта (1884).—Первые дни христіанства. Спб. 1887 г.—„Единство законовъ бытія“ перев. соч. англійск. проф. Друммонда (1889).—Кромѣ того онъ ведетъ въ Странникѣ двухмѣсячное обозрѣніе иностранной церковной жизни и въ Церковномъ вѣстникѣ—еженедѣльную лѣтопись церковной и общественной жизни.

Новую гражданскую исторію преподаетъ экстраординарный профессоръ *Н. А. Скабаллановичъ.* Съ 1885 года онъ завѣдуетъ редакціею Церковнаго вѣстника, въ которомъ помѣщено много его статей; кромѣ того помѣщено нѣсколько статей его въ „Христіан. чтеніи: Византійскія наука и школы въ XI в.“ (1884).—Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ. (1885).—О нравахъ византійскаго общества въ средніе вѣка (1886 г.).

Русская гражданская исторія.

Заслуженный ординарный профессоръ русской гражданской исторіи, *М. О. Кояловичъ*, напечаталъ: Рѣчь, сказанную въ Славянскомъ обществѣ 14 февраля 1885 года подъ заглавіемъ: Грюнвальденская битва 1410 года.—Разборъ критики К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. Корсакова на сочиненіе: „Исторія русскаго самосознанія". Въ 1886 году помѣстилъ въ „Церковномъ вѣстникѣ" рядъ статей о своемъ путешествіи по Западной Россіи; въ 1889 г.—Къ предстоящему 50-лѣтію возсоединенія уніатовъ.

Древніе и новые языки.

По уставу 1884 года студенты изучаютъ одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ.—Для древнихъ языковъ, которые имѣли прежде по два преподавателя, назначено по одному преподавателю.

Греческій языкъ продолжаетъ преподавать заслуженный ординарный профессоръ *Е. И. Ловягинъ*.

Доцентъ *латинскаго* языка, А. И. *Садовъ*, въ 1887 году 19-го мая утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора.—Въ „Христіанскомъ Чтеніи" напечатаны его статьи: „Религіозно-нравственные взгляды Кв. Горація Флакка (1886).—Міръ усопшихъ по изображенію П. Виргилія Марона (1887).—Новое изслѣдованіе объ отношеніи философа Сенеки къ христіанству. (1887).—О міровоззрѣніи Овидія Назона (1888). Кромѣ того онъ ведетъ въ „Церк. вѣстникѣ" отдѣлъ „лѣтописи церковной и общественной жизни въ Россіи".

Лекторомъ *нѣмецкаго* языка состоитъ *Л. П. Размусенъ*.

Въ 1886 году скончался лекторъ *французскаго* языка *Тепферъ*. На мѣсто его въ октябрѣ утвержденъ лекторомъ бывшій учитель французскаго языка при главномъ нѣмецкомъ училищѣ евангелической церкви въ С.-Петербургѣ и 4-й С.-Петербургской прогимназіи, *И. И. Фаснахтъ*.

Въ 1888 году 29 янв. скончался лекторъ *англійскаго* языка *П. Нурокъ*. 1 сент. того же года должность лектора этого языка

предоставлена лектору англ. языка въ Кіевской академіи, кандидату *Алексѣю Ив. Михайловскому.*

5. Студенты.

По уставу 1884 года своекоштные студенты допускаются въ академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ. Число ихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій. Вслѣдствіе этого своекоштные студенты, жившіе внѣ академіи, постепенно перемѣщаемы были въ академическое общежитіе. Въ концѣ 1883—84 учебнаго года въ академіи было 372 студента. Въ 1884—85 учебномъ году было 349 студентовъ; изъ нихъ 180 пользовались казеннымъ содержаніемъ, 21 содержались на особыя суммы Святѣйшаго Синода; кромѣ того помѣщались въ академическомъ общежитіи 15 человѣкъ въ качествѣ пансіонеровъ; прочіе 133 жили внѣ академическихъ зданій. Въ 1885—86 учебномъ году въ академіи было 310 студентовъ; изъ нихъ въ академическомъ корпусѣ помѣщались 228 студентовъ: 180 казеннокоштныхъ, 22 стипендіата и 26 пансіонеровъ; остальные 82 жили внѣ академическихъ зданій. Въ 1886—87 г. изъ 280 студентовъ въ академическомъ зданіи помѣщались, въ качествѣ пансіонеровъ, 39 своекоштныхъ студентовъ; всѣхъ же, съ казенными и стипендіатами, находилось въ академическомъ общежитіи 249; остальные 31 жили внѣ академіи.

Въ 1887 году 3 іюня, въ виду того, что количество обучающихся въ духовныхъ академіяхъ воспитанниковъ оказалось превышающимъ дѣйствительную въ нихъ потребность для духовно-учебныхъ заведеній, Святѣйшій Синодъ постановилъ уменьшить число казеннокоштныхъ вакансій въ академіяхъ, на 60 въ каждой изъ академій (съ 180 на 120), производя это уменьшеніе постепенно, по 15 вакансій въ годъ, начиная съ 1887—88 учебнаго года.—Вмѣстѣ съ тѣмъ положено прекратить содержаніе, ассигнуемое для четырехъ воспитанниковъ

западнаго края, послѣ окончанія сими воспитанниками курса въ академіи.

Въ 1887—88 году было 264 студента; изъ нихъ 164 на казенномъ содержаніи; 27 содержались на стипендіи; кромѣ этихъ студентовъ въ академическомъ зданіи помѣщались еще 55 въ качествѣ пансіонеровъ; остальные 18 жили внѣ академическихъ зданій.—Къ началу 1889 года состояло въ академіи всего 255 студентовъ; изъ нихъ 150 получали казенное содержаніе по штату, 11 содержались на особыя суммы Святѣйшаго Синода, 12 на состоящія въ распоряженіи академіи стипендіи, 1 на стипендію имени Императора Александра II, 1 на суммы учрежденій Императрицы Маріи и 2 на стипендіи Александроневской лавры, назначенныя на содержаніе 2-хъ студентовъ-сиротъ; всѣ эти 177 студентовъ жили въ академическомъ зданіи; но кромѣ того въ немъ помѣщались еще 58 студентовъ въ качествѣ пансіонеровъ; остальные 20 студентовъ въ качествѣ своекоштныхъ жили въ домахъ родителей.

Въ 1887 и 1888 г. г. настоятель Вышенской пустыни, Шацкаго уѣзда, *архимандритъ Аркадій*, пожертвовалъ 562 руб. 50 коп. на содержаніе въ академіи одного пансіонера.

Въ 1888 г. — настоятельница С.-Петербургскаго Воскресенскаго женскаго монастыря, *игуменія Валентина*, пожертвовала 225 руб. на содержаніе въ академіи 1 пансіонера въ теченіи 1888—89 учебнаго года.

Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи продолжаетъ оказывать самое дѣятельное пособіе недостаточнымъ студентамъ, внося въ правленіе академіи плату за полное (225 р.) или половинное содержаніе въ академіи, снабжая живущихъ внѣ академіи одеждою и обувью и оказывая однимъ ежемѣсячное, другимъ—временное денежное воспособленіе въ разныхъ количествахъ.

Въ 1885 г., въ виду требованія устава, обязывающаго всѣхъ студентовъ жить въ зданіяхъ академіи, Святѣйшій Синодъ предписалъ преосвященнымъ митрополитамъ С. Петербургскому,

Кіевскому и Московскому и архіепископу Казанскому предложить совѣтамъ академій, чтобъ они ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяли студентамъ, въ продолженіе курса ученія, вступать въ бракъ, и тѣхъ изъ нихъ, кои не пожелаютъ сему подчиниться, увольняли бы вовсе изъ академіи со взысканіемъ денегъ по разсчету за казенное въ ней содержаніе. (Указъ Св. Синода 15 іюля 1885 г. за № 2430).

Въ академіи, въ продолженіи нѣскольких лѣтъ, не было вступленія студентовъ въ монашество. Но при ректорѣ преосвященномъ Арсеніѣ нѣкоторые студенты заявили о своемъ желаніи принять монашество, что и было имъ разрѣшено. Въ 1884 г. постриженъ преосвященнымъ Арсеніемъ въ академической церкви студентъ М. *Грибановскій* (въ монашествѣ Михаилъ); въ 1885 году А. *Храповицкій* (въ монашествѣ Антоній) и И. *Алексѣевъ* (въ монашествѣ Іоаннъ); въ 1886 году *А. Турбинъ*, изъ бывшихъ воспитанниковъ Училища Правовѣдѣнія (въ монашествѣ Сергій).

Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 іюня 1885 года предложено академическимъ совѣтамъ въ годичныхъ отчетахъ о состояніи академій помѣщать возможно-подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія какъ о поведеніи и направленіи студентовъ, такъ равно о дѣятельности академической инспекціи и мѣропріятіяхъ совѣта по воспитательной части. Въ виду этого требованія, чтобы имѣть данныя для обстоятельнаго и подробнаго отчета о поведеніи и направленіи студентовъ и дѣятельности инспекціи, совѣтъ предоставилъ инспектору академіи: 1) завести особую книгу для записи въ оной какъ проступковъ студентовъ и нарушенія ими академическихъ правилъ и студентческихъ обязанностей, такъ и взысканій, налагаемыхъ за оныя по распоряженіямъ инспектора или ректора академіи; 2) представлять ежемѣсячно въ правленіе академіи рапорты о поведеніи студентовъ, съ обозначеніемъ въ оныхъ въ теченіе мѣсяца общаго проявленія студентческой жизни, ея характера, направленія, исправнаго посѣщенія богослуженія, утреннихъ и вечернихъ молитвъ и лекцій, замѣченныхъ проступковъ и мѣръ взысканія, и 3) вмѣстѣ съ рапортомъ ежемѣсячно пред-

ставлять вѣдомость о поведеніи студентовъ, выраженномъ цифрами.

6. Удостоеніе ученыхъ степеней.

Со времени введенія въ дѣйствіе новаго устава, степени *магистра* удостоены, послѣ защищенія диссертацій въ коллоквіумѣ:

Въ 1884 г. 20 декабря—преподаватель Курской семинаріи, *А. Бронзовъ.*—Сочиненіе: „Аристотель и Ѳома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности".

Въ 1885 году: 24 февраля—испр. должность доцента *И. Г. Троицкій.*—Сочиненіе: Религіозное, общественное и государственное состояніе евреевъ во время Судей.—Рѣчь его предъ защитою диссертаціи—„О примѣненіи сравнительнаго метода къ исторіи ветхозавѣтныхъ евреевъ"—въ Христ. чтен. 1885 г., май—іюнь.

17 ноября—преподаватель С.-Петербургской семинаріи, *И. Г. Рождественскій.*—Сочиненіе: Книга Есѳирь въ текстахъ еврейско-мазоретскомъ, греческомъ, древнелатинскомъ и славянскомъ.

Въ 1886 году 30 марта—учитель Виленскаго духовнаго училища, *Г. В. Мирковичъ.*—Сочиненіе: О времени пресуществленія св. даровъ. Споръ бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

4 апрѣля—инспекторъ 2-й Московской женской гимназіи и преподаватель 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, *Д. В. Цвѣтаевъ.*—Сочиненіе: Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ.

29 мая—законоучитель Императорскаго Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, священникъ *А. С. Лебедевъ.* Сочиненіе: Ветхозавѣтное вѣроученіе во времена патріарховъ. Опытъ историко-догматическаго изложенія.

16 ноября—и. д. доцента академіи *А. И. Пономаревъ.*—Сочиненіе: Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни.

Въ 1887 году, 21 декабря—и. д. доцента іеромонахъ *Антоній Храповицкій*. Сочиненіе: „Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтствености“.

Въ 1888 году, 3 апрѣля—и. д. доцента іеромонахъ *Михаилъ Грибановскій*.—Сочиненіе: „Опытъ уясненія основныхъ христіанскихъ истинъ естественною человѣческою мыслью. Выпускъ первый. Истина бытія Божія“. Спб. 1888 г. (Рѣчь предъ защитою диссертаціи—въ Христ. чт. 1888 г. №№ 5—6).

7 іюня—преподаватель Могилевской семинаріи, *Д. Тихомировъ*. Сочиненіе: Св. Григорій Нисскій, какъ моралистъ, (Рѣчь его предъ защитою диссертаціи—въ Христ. чт. 1888 г. №№ 11—12).

9 іюня—учитель С.-Петербургскаго Александроневскаго духов. училища *Ив. Орловъ*. Сочиненіе: Труды св. Максима Исповѣдника по раскрытію догматическаго ученія о двухъ воляхъ во Христѣ.

9 октября—священникъ Благовѣщенской Василье-Островской церкви въ С.-Петербургѣ, *Ив. Пановъ*.—Сочиненіе: Боссюэтъ и его проповѣди.

Въ 1889 году, 26 марта—преподаватель Саратовской Маріинской женской гимназіи, *Н. Соколовъ*. Сочиненіе: Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Т. I. Поповщина до пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Степени *кандидата* удостоены: въ 1885 году—96 окончившихъ курсъ студентовъ, и 1 выпущенный въ 1881 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента; изъ нихъ 30 съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія; 5 выпущены съ званіемъ дѣйствительнаго студента;—въ 1886 году 88 удостоены степени кандидата, изъ нихъ 37 съ правомъ на степень магистра безъ новаго устнаго испытанія и 9 съ званіемъ дѣйствительнаго студента;—въ 1887 г. степени кандитата удостоены 59 окончившихъ въ томъ году курсъ, 3 изъ прежде окончившихъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и 1 поступившій въ 1885 году до окончанія курса въ Пекинскую миссію; изъ этого числа, 29 съ правомъ на степень магистра безъ новаго устнаго

испытанія; 9 удостоены званія дѣйствительнаго студента;—въ 1888 году степени кандидата удостоены 48 человѣкъ, изъ нихъ 35 магистрантовъ, и 5 изъ прежде окончившихъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента; 8 студентовъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

Установленіе особыхъ нагрудныхъ знаковъ для не состоящихъ въ духовномъ санѣ докторовъ и магистровъ духовныхъ академій.

Въ 1808 году комитетомъ о преобразованіи духовныхъ училищъ установлены были для удостоиваемыхъ ученыхъ степеней духовныхъ лицъ два знака отличія: наперсный финифтяный крестъ для докторовъ богословія и золотой (въ видѣ медальйона) носимый въ петлицѣ—для магистровъ.—Въ 1885 г. 24 октября преосвященный Арсеній, ректоръ академіи, предложилъ совѣту, что нѣкоторые изъ преподавателей академіи, вслѣдствіе недавняго установленія нагруднаго знака для университетскихъ докторовъ и магистровъ, выразили желаніе, не найдетъ ли онъ возможнымъ просить высокопреосвященнаго митрополита ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ учрежденіи таковаго же знака для докторовъ и магистровъ православныхъ духовныхъ академій, не состоящихъ въ духовномъ санѣ. При этомъ преосвященный предложилъ донесеніе ординарнаго профессора А. Л. Катанскаго съ соображеніями по сему предмету, въ которыхъ, между прочимъ, изъяснено, что еще прежде университета подобныя знаки ученыхъ степеней усвоены всѣмъ высшимъ спеціальнымъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, чрезъ что всѣ свѣтскія лица съ высшимъ образованіемъ естественно выдѣляются изъ среды лицъ, не получившихъ ученыхъ степеней; въ настоящее время въ средѣ отечественныхъ ученыхъ остаются не отличенными посредствомъ внѣшнихъ ученыхъ знаковъ только доктора и магистры богословія, не имѣющіе духовнаго сана, вслѣдствіе чего они какъ бы уравниваются съ лицами, не имѣющими вышеозначенныхъ степеней; между тѣмъ учрежденіе подобныхъ знаковъ для докторовъ и магистровъ духовныхъ академій послу-

жило бы къ возвышенію духовной учености въ глазахъ общества. Сверхъ того, если бы дозволеніе носить такой знакъ распространено было на всѣхъ имѣющихъ степени доктора и магистра богословія, на какихъ бы поприщахъ государственной службы они ни состояли, то свѣтскій міръ увидѣлъ бы, сколько почетныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы одолжено своимъ воспитаніемъ и образованіемъ духовной средѣ; притомъ и самые духовные питомцы, перешедшіе въ свѣтскую службу, самымъ фактомъ ношенія знака ихъ образованія могли бы побуждаться къ болѣе энергической и открытой, чѣмъ нынѣ, защитѣ церковныхъ интересовъ.—Высокопреосвященный митрополитъ внесъ это ходатайство въ Святѣйшій Синодъ, вслѣдствіе чего Высочайше утвержденнымъ 11 октября 1886 года опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода установлены особые, согласно составленнымъ, по распоряженію его, описанію и рисунку, нагрудные знаки отличія для не состоящихъ въ духовномъ санѣ докторовъ и магистровъ православныхъ духовныхъ академій, съ предоставленіемъ права носить такіе знаки и тѣмъ изъ докторовъ и магистровъ богословія, которые удостоены сихъ ученыхъ степеней въ прежнее время до установленія этихъ знаковъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставленное Высочайше утвержденнымъ 20 апрѣля 1884 г. уставомъ православныхъ духовныхъ академій право ношенія серебрянаго креста распространено и на тѣхъ кандидатовъ, которые удостоены сей степени и приняли духовный санъ въ прежнее время до изданія академическаго устава 1884 года.

6. Академическая библіотека.

До преобразованія академіи на библіотеку и физическій кабинетъ назначалось по 642 руб. 50 коп. въ годъ.

По штату 1869 года на библіотеку положено по 1600 руб. въ годъ. Но и эта сумма оказалась недостаточною. На пополненіе и устройство библіотеки съ особаго разрѣшенія Святѣйшаго Синода употребляется еще часть процентовъ съ юбилейнаго капитала.

Совѣтъ академіи пользовался случаями распродажи би-

бліотекъ, оставшихся послѣ извѣстныхъ ему лицъ, для пополненія академической библіотеки книгами по различнымъ отдѣламъ преподаваемыхъ въ ней наукъ. Такимъ порядкомъ пріобрѣтено много книгъ изъ библіотекъ покойныхъ профессоровъ: В. Н. Карпова, протоіерея С. С. Тапильскаго, и почти вся библіотека протоіерея Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, заключающая въ себѣ болѣе 17 тысячъ названій въ количествѣ свыше 25 тысячъ книгъ [1]); болѣе 150 книгъ пріобрѣтено изъ библіотеки покойнаго профессора И. С. Якимова.

Въ 1874 году поступили въ академію, путемъ обмѣна, изъ Московскаго Румянцевскаго музея 152 церковнославянскихъ старопечатныхъ книги, преимущественно заграничной и южнославянской печати XV и XVI вѣковъ, между которыми есть чрезвычайно рѣдкія и въ настоящее время драгоцѣнныя изданія.

Въ 1875 году ревизовавшій академію преосвященный архіепископъ Литовскій Макарій испросилъ особую сумму на пополненіе въ академической библіотекѣ многотомнаго и дорогаго изданія Миня—Patrologiae Cursus completus, котораго и пріобрѣтено 193 тома въ 196 книгахъ (кромѣ не оказавшихся въ продажѣ 7 томовъ) за 1000 руб. [2]), и на пріобрѣтеніе Mansi—Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio, XXXI томъ въ 16 книгахъ,—каковое изданіе и куплено въ 1876 г., при посредствѣ Висбаденскаго протоіерея Тачалова, за 680 руб.

Изъ поступившихъ въ даръ особенно замѣчательны присланные въ 1874 году, по Высочайшему повелѣнію, изъ II Отд. Собст. Его Величества канцеляріи 95 томовъ 2-го Полнаго собранія законовъ Росс. имперіи.

Въ 1878 году высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ пожертвовалъ въ академическую библіотеку 49 №№ рукописей, заключающихъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для новѣйшей гражданской и церковной исторіи Россіи, о русскомъ расколѣ, западныхъ религіозныхъ обществахъ,

---

[1]) Въ 1888 г. напечатанъ каталогъ книгъ библіотеки Сидонскаго, составленный библіотекаремъ академіи А. С. Родосскимъ (60 листовъ in—4).

[2]) Полное изданіе латинской серіи составляетъ 221 томъ (217 томовъ патрологіи и 4 тома указателей); греческой серіи—161 томъ.

свѣдѣнія о положеніи въ разное время военныхъ дѣлъ на Кавказѣ, матеріалы относящіеся къ исторіи Грузіи, переписку по заграничнымъ дѣламъ, и проч. Совѣтъ академіи относительно сихъ рукописей постановилъ, чтобы безъ особаго разрѣшенія ректора академіи имѣли право пользоватся ими только преподаватели академіи и чтобъ сіи послѣдніе не печатали рукописей или извлеченій изъ нихъ и не дѣлали на нихъ въ печати ссылокъ безъ предварительнаго испрошенія на это разрѣшенія высокопреосвященнаго жертвователя [1]).

Въ 1880 году, по распоряженію Святѣйшаго Синода, препровождены въ академическую библіотеку 29 старыхъ богослужебныхъ уніатскихъ книгъ изъ бывшихъ уніатскихъ церквей Сѣдлецкой губерніи [2]).

Въ 1883 году преосвященный Леонтій, архіепископъ Холмско-Варшавскій, принесъ въ даръ академіи 100 руб., на которые она пріобрѣла недостававшіе 10 томовъ Баронія—Annales ecclesiastici (въ новомъ изданіи Theiner'a, 1874 г.).

Много дорогихъ изданій, въ числѣ которыхъ есть составляющія библіографическую рѣдкость, поступили въ даръ отъ высокопреосвященнаго митрополита Исидора, отъ К. П. Побѣдоносцева, оказывающаго своими пожертвованіями постоянное вниманіе къ академической библіотекѣ,—отъ духовника Ихъ Величествъ, протопресвитера І. Л. Янышева, архіепископовъ Казанскаго Павла, Тверскаго Саввы, епископовъ—Ревельскаго Николая, начальника Японской миссіи (820 книгъ на японскомъ и китайскомъ языкахъ), Люблинскаго Флавіана, отъ покойныхъ преосвященныхъ — Астраханскаго Хрисанѳа, Костромскаго Александра, бывшаго экзарха Грузіи преосв. Евсевія (между прочимъ семь томовъ роскошнаго изданія Актовъ Кавказской Археографической коммиссіи), отъ академика А. Ѳ. Бычкова, отъ профессоровъ академіи—И. Е. Троицкаго, А. И. Предтеченскаго, протоіерея П. Ѳ. Николаевскаго и другихъ лицъ.

---

[1]) Подробное описаніе этихъ рукописей напечатано въ сборникѣ „Сердечный привѣтъ", изд. въ память 50-лѣтія святительскаго служенія высокопр. м. Исидора. (Спб. 1884 г. стр. 157—168).

[2]) Подробное библіографич. описаніе ихъ помѣщено въ Христ. чт. за 1881 г. т. II, стр. 263.

Въ 1882 году библіотека перенесена была изъ главнаго академическаго корпуса въ новое зданіе. По установленіи ея на мѣстѣ, въ 1883 году образована была коммиссія изъ профессоровъ: Кояловича, протоіерея Николаевскаго и Покровскаго и доцента Приселкова, для осмотра настоящаго ея состоянія и для провѣрки книгъ и рукописей. Осмотръ оконченъ ими въ 1885 году.

Всего, по отчету за 1888 годъ, состоитъ въ академической библіотекѣ: печатныхъ книгъ, съ брошюрами, 41,595 названій, въ количествѣ свыше 79,439 экземпляровъ; рукописей—3,761 названіе, въ количествѣ 3,844 экземпляровъ.

Должность библіотекаря занималъ съ 1869 года П. Ѳ. *Комаровъ*. На должность помощника библіотекаря въ 1870 году избранъ и 3 марта утвержденъ кандидатъ *А. С. Родосскій*, (окончившій курсъ въ 1865 г.).—Въ декабрѣ 1875 года Комаровъ, согласно прошенію, уволенъ былъ отъ службы при академіи; на мѣсто его на должность библіотекаря избранъ помощникъ библіотекаря *А. С. Родосскій*, а на его мѣсто, помощникомъ библіотекаря, съ 16 сентября 1876 года, кандидатъ *Михаилъ Як. Рябковъ* (оконч. курсъ въ 1874 году). Въ 1886 году 1 сентября онъ оставилъ службу при академіи.—Къ исправленію должности помощника библіотекаря допущенъ былъ, съ 1 января 1887 года, впредь до усмотрѣнія, бывшій смотритель за учебными пособіями при С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ *Н. Павловъ*.—Въ 1888 г. въ іюнѣ, согласно прошенію, онъ уволенъ отъ исправленія этой должности; и на должность помощника библіотекаря опредѣленъ окончившій въ томъ году курсъ, кандидатъ *В. Емельяновичъ*.

Церковно-историческая коллекція при академіи.

По предложенію ректора академіи, протоіерея І. Л. Янышева, лично осматривавшаго предназначенный къ закрытію Новгородскій земскій музей, въ которомъ находилось много древнихъ церковныхъ принадлежностей, при-

вать-доцентъ Н. В. Покровскій, возвратившійся изъ ученой командировки за границу, въ 1877 году представилъ отдѣленію объ учрежденіи при академіи *Церковно-археологическаго музея.* Отдѣленіе признало, что полезно было-бы пріобрѣтать, вмѣстѣ съ книгами по археологіи и литургикѣ, и предметы христіанскаго искусства въ копіяхъ и снимкахъ, для нагляднаго ознакомленія студентовъ съ древними христіанскими памятниками, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи могъ образоваться при здѣшней академіи хотя небольшой церковно-археологическій музей, отдѣльный отъ общей академической библіотеки. По представленіи отдѣленіемъ подробныхъ соображеній объ основаніи церковно-археологической коллекціи, совѣтъ предоставилъ въ распоряженіе академическаго правленія 2,000 руб. на покрытіе расходовъ по основанію и помѣщенію этой коллекціи изъ капитала на изданіе книгъ, образовавшагося изъ пятой доли % съ вспомогательнаго и поощрительнаго капитала и составлявшаго къ 1878 году сумму въ 5,885 р. Святѣйшій Синодъ, указомъ 30 апрѣля 1879 г., разрѣшилъ совѣту учрежденіе означенной коллекціи. Въ маѣ того же года завѣдываніе коллекціею поручено преподавателю церковной археологіи и литургики Н. В. Покровскому, а въ октябрѣ утверждена преосвященнымъ митрополитомъ инструкція завѣдующему коллекціей.

Въ 1878 году начальникъ Новгородской губерніи, вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго митрополита, передалъ въ вѣдѣніе академіи нѣсколько вещей изъ предназначеннаго къ закрытію Новгородскаго земскаго музея, относящихся къ церковной археологіи.—Тогда же Московское Общество любителей духовнаго просвѣщенія пожертвовало въ музей до 300 иконъ. Въ августѣ 1879 года доцентъ академіи, священникъ П. Ѳ. Николаевскій, принесъ въ даръ коллекціи до 160 мѣдныхъ образковъ и крестовъ, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько замѣчательныхъ экземпляровъ.—Въ апрѣлѣ 1880 года графъ Серг. Гр. Строгановъ пожертвовалъ для академіи 28 предметовъ древности и шкафъ для помѣщенія оныхъ, въ томъ числѣ 10 экземпляровъ старинныхъ русскихъ иконъ лучшаго письма.—

Академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ пожертвовалъ сдѣланные имъ снимки съ лицевыхъ рукописныхъ святцевъ Тихвинскаго монастыря Новгородской епархіи на 24 листахъ.—Въ январѣ 1881 года, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, препровождено въ коллекцію „Служебное Евангеліе", напечатанное въ 1634 году при патріархѣ Филаретѣ.—Въ томъ же году бывшій воспитанникъ академіи, іеромонахъ Китайской миссіи Алексій Виноградовъ, принесъ въ даръ около 300 иконографическихъ рисунковъ.—Въ мартѣ 1883 года высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ препроводилъ: Bibliorum codex Sinaiticus. Petropoli, Ed. Tischendorf. TT. I—IV, Recueil de tous les costumes des ordres religieux, 1778. TT. I—V, Paris, Служебникъ греч., изд. въ Венеціи 1691 г. и Theatrum biblicum 1674 г. съ 478 рис.—Въ 1888 году въ коллекцію поступили: старинное изображеніе св. Амвросія Медіоланскаго (отъ Ф. Ѳ. Лукашевича) и портретъ митроп. Серафима отъ графини М. И. Игнатьевой. Кромѣ того академія имѣетъ портреты митрополитовъ С.-Петербургскихъ: Гавріила Петрова, Амвросія Подобѣдова, Михаила Десницкаго, Серафима Глаголевскаго, Никанора Клементьевскаго, Григорія Постникова, писанный художн. Маловымъ въ 1859 г. и Исидора Никольскаго, и Московскихъ: Филарета Дроздова, Макарія Булгакова (подаренъ въ 1882 г. братомъ его протоіереемъ А. П. Булгаковымъ) и преосв. Ѳеофилакта Русанова, экзарха Грузіи, поступившій въ академію въ 1879 г. по завѣщанію протоіерея Большаго собора Зимняго дворца И. М. Наумова), Иннокентія архіеп. Херсонскаго и протоіереевъ Г. П. Павскаго и А. Ѳ. Орлова.—Общее число предметовъ коллекціи простирается свыше 3,000.

7. Торжественныя собранія академіи въ день годоваго акта—17 февраля.

Первое по уставу 1869 года торжественное собраніе академіи было 17 февраля 1871 года. Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ митрополиты С.-Петербургскій Исидоръ,

Кіевскій Арсеній и Московскій Иннокентій, архіепископы: Полоцкій Василій, Литовскій Макарій и Рязанскій Алексій, преосв. викарные—Павелъ и Тихонъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Д. А. Толстой, Товарищъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, ректоръ С. Петербургскаго университета К. Ѳ. Кесслеръ, академикъ А. В. Никитенко, т. с. И. П. Корниловъ, протоіереи: І. В. Рождественскій, М. И. Богословскій и предсѣдатель Учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ І. В. Васильевъ, многіе профессоры Университета и Историко-филологическаго института.—Первый годичный отчетъ прочитанъ былъ ректоромъ. Послѣ отчета, профессоромъ *М. О. Кояловичемъ* прочитана была рѣчь: „Русскіе еретики стригольники, жидовствовавшіе, Ѳеодосій Косой, и русскіе общественные дѣятели во время борьбы съ ними“.

На актѣ 1872 года рѣчь произнесена была *И. Т. Осининымъ*: „Объ основныхъ условіяхъ соединенія церквей и о значеніи Никео-Цареградскаго символа, какъ главнаго основанія для церковнаго единенія на началахъ православія“.

Въ 1873 году рѣчь произнесъ экстраорд. профессоръ *Т. В. Барсовъ:* „О духовномъ судѣ—въ виду предположенія духовно-судебной реформы“.

Въ 1874 году—экстраорд. профессоръ *А. И. Предтеченскій:* „Іисусъ Христосъ и исторія человѣчества“.

Въ 1875 году—профессоръ *Д. А. Хвольсонъ:* „О вліяніи географическаго положенія Палестины на судьбы древне-еврейскаго народа“.

Въ 1876 году—профессоръ *Е. И. Ловягинъ:* „О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній“.

Въ 1877 году—профессоръ *И. В. Чельцовъ:* „О Павликіанахъ“.

Въ 1878 году—экстраорд. профессоръ *А. Е. Свѣтилинъ:* „Умѣренный матеріализмъ“.

Въ 1879 году—профессоръ *Е. И. Ловягинъ:* „Лингвистическія основанія различія языковъ человѣческихъ“.

Въ 1880 году—профессоръ *М. О. Кояловичъ:* „Три подъ-

ема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во времена самозванческихъ смутъ".

Въ 1881 году—экстраорд. профессоръ священникъ *В. Г. Рождественскій:* „Новѣйшая отрицательная критика и апологетика по вопросу о Евангеліяхъ и Евангельской исторіи".

Въ 1882 году—экстраорд. профессоръ *В. В. Никольскій:* „Идеалы Пушкина".

Въ 1883 году—профессоръ *Ѳ. Г. Елеонскій:* „Краткій обзоръ важнѣйшихъ результатовъ египтологіи въ отношеніи къ повѣствованію Пятокнижія".

Въ 1884 году—экстраорд. профессоръ *И. С. Якимовъ:* „Ветхозавѣтныя священныя книги и вавилонско-ассирійскіе памятники клинообразнаго письма".

Въ 1885 году—экстраорд. профессоръ *Н. В. Покровскій:* „Опредѣленіе Стоглава о св. иконахъ".

Въ 1886 году—экстраорд. профессоръ *Н. А. Скабаллановичъ:* „О нравахъ Византійскаго общества въ средніе вѣка".

Въ 1887 году—экстраорд. профессоръ *С. А. Соллертинскій:* „Объясненіе Матѳ. V, 22, 38—42; VII, 1. Луки VI 37, у графа Л. Толстаго."

Въ 1888 году—экстраорд. профессоръ *В. В. Болотовъ:* „Къ вопросу о соединеніи Абиссиніи съ православною церковью".

Въ 1889 году—экстраорд. профессоръ *А. Садовъ:* „Религіозный скептицизмъ въ Римѣ предъ Рождествомъ Христовымъ.

Въ прилагаемыхъ спискахъ поименованы всѣ окончившіе курсъ въ С.-Петербургской дух. академіи студенты, съ 1857 до 1888 г. включительно, съ показаніемъ мѣстъ ихъ служенія, а также съ указаніемъ—о комъ могли быть собраны свѣдѣнія—ихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ. Такъ какъ свѣдѣнія эти собирались по почину и трудами и средствами одного человѣка, и притомъ частнаго лица, то, конечно, въ нихъ окажется много неточностей, пропусковъ и иного рода погрѣшностей и недосмотровъ. Составитель интересовался этимъ трудомъ, какъ бывшій профессоръ академіи, напечатавшій уже исторію ея за первые пятдесятъ лѣтъ ея существованія. Многіе бывшіе воспитанники

академіи, съ живымъ интересомъ отнесшіеся къ тому изданію, просили довесть его до настоящаго времени: онъ принялъ это предложеніе тѣмъ съ большею готовностью, что большая часть и этого послѣдняго періода жизни академіи прошла передъ его глазами, а во многихъ, и даже значительныхъ, событіяхъ, онъ принималъ непосредственное участіе. Онъ не обольщаетъ себя убѣжденіемъ, что даетъ *полную исторію* академіи, но надѣется что настоящимъ своимъ трудомъ онъ въ значительной мѣрѣ облегчитъ трудъ *будущаго историка* дорогой ему академіи.

Въ спискахъ поименованы только окончившіе курсъ студенты, удостоенные ученыхъ академическихъ степеней и званія дѣйствительнаго студента.

Но кромѣ окончившихъ *полный* курсъ, въ академіи обучалось много лицъ — *русскихъ*, воспитанниковъ большею частью духовныхъ семинарій, которые, пробывъ въ академіи годъ, два и даже три, переходили изъ нея въ другія высшія учебныя заведенія, въ которыхъ и оканчивали курсъ, или же по выходѣ изъ академіи прямо поступали на службу — учебную, духовную или гражданскую; и—*иностранцевъ*, которые поступали въ академію въ разное время года и въ разные курсы, изучали всѣ или только нѣкоторыя науки курса, и затѣмъ, не дожидаясь окончанія курса, отправлялись за-границу въ европейскіе университеты для образованія въ какой либо опредѣленной области знаній, или возвращались на родину.

Изъ числа первыхъ—въ 1861 году перешелъ въ С-Петербургскій Университетъ *М. В. Родевичъ* (Минской сем.): нынѣ дѣлопроизводитель въ Департаментѣ Министерства народнаго просвѣщенія и членъ особаго отдѣла Ученаго комитета.

Въ томъ же году вышли изъ академіи, поступившіе въ нее въ 1859 году: *Мих. Ив. Владиславлевъ* (Новгородской семинаріи), командированный въ 1862 году по Министерству народнаго просвѣщенія за границу, для приготовленія къ профессорской должности: нынѣ ректоръ С.-Петербургскаго университета; *Ф. И. Абрамовичъ* (С.-Петербургской сем.): былъ впослѣдствіи учителемъ Новгородской гимназіи; *Е. Н. Ждановъ* (Арханг. сем.): поступилъ въ Моск. университетъ и по

окончаніи курса былъ мировымъ посредникомъ въ г. Мозырѣ.— *К. Соколовъ;—Н. И. Соколовъ:* служилъ въ Вильнѣ по Министерству нар. просвѣщенія и *И. Я. Спрогисъ* (Рижской сем.): служилъ библіотекаремъ въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Въ 1862 г. выбыли поступившіе въ 1861 г.: *А. И. Чупровъ* (Калужской сем.)—въ Московскій университетъ: нынѣ орд. профессоръ Московскаго университета; *Ор. Лозинскій* (Подол. сем.) и *Вас. Медвѣдевъ* (Витебской сем.)—въ С.-Петербургскій университетъ.

Въ 1865 г. перешли въ С.-Петербургскій университетъ поступившіе въ академію въ 1863 г.: *Ник. Посадскій* (Новгородск. сем.); *К. Соловьевъ; Мих. Піуновскій* (Калужской сем.); *П. Кашменскій* (Вятской сем.) и поступившій въ 1865 году— *М. И. Миролюбскій* (Черниговъ. сем.): нынѣ начальникъ отд. въ хозяйственномъ управленіи при Св. Синодѣ. Въ Медико-хирургическую академію— *К. Маркевичъ.*

Въ 1866 году—въ С.-Петербургскій университетъ на восточный факультетъ, поступившіе въ академію въ 1865 году: *Викт. Матв. Успенскій* (Орлов. сем.): нынѣ консулъ въ Кульджѣ; *Пав. Ст. Поповъ* (Курской сем.): нынѣ генеральный консулъ въ Пекинѣ; *Вас. Дм. Смирновъ* (Пермской сем.): нынѣ ординарн. профессоръ турецко-татарской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ.—Въ тотъ же университетъ: Я. *Зосимовичъ* (Литовской сем.); К. Г. *Стефановскій* (С.-Петерб. сем.): былъ секретаремъ сената, скончался въ 1872 г. членомъ суда въ Полтавѣ; *Конст. Ник. Соловьевъ* (Ярославской сем.).

Въ 1867 году перешли изъ академіи, поступившіе въ нее въ 1865 году, въ С.-Петербургскій университетъ: *Ив. Ник. Ждановъ* (Арханг. сем.):—нынѣ экстраорд. профессоръ русской словесности въ Историко-филологическомъ институтѣ и преподаватель Александровскаго лицея;—въ Историко-филологическій институтъ: *Пав. Петр. Глаголевскій* (Новгород. сем.): былъ послѣ преподавателемъ Кіевской гимназіи. Скончался.

Въ 1868 году—въ С.-Петербургскій университетъ: *Ал. Гр. Ильинскій* (Курской сем.), и *Василій Докучаевъ.*—(Смоленск. сем.). А. *Виноградовъ* (С.-Петерб. сем.) поступилъ изъ академіи

учителемъ живописи и иконописанія въ Ярославскую сем.; окончилъ курсъ въ Демидовскомъ лицеѣ съ званіемъ кандидата юридическихъ наукъ; послѣ вступилъ въ монашество съ именемъ *Алексія* и былъ въ Китайской миссіи.

Въ 1870 году—въ Историко-филологическій институтъ: *Мих. Ник. Гурьевъ* (Олонецк. сем.): нынѣ преподаватель латинскаго языка въ С.-Петербургской семинаріи.

Въ 1871 году въ С.-Петербурскій университетъ—*И. Криницкій* (воспитанникъ Холмской греко-уніатской семинаріи).

Въ 1880 году студентъ 2-го курса *Дмитрій Смирновъ*, пожелавшій вступить въ число миссіонеровъ Японской духовной миссіи, поступилъ въ монашество и по рукоположеніи въ іеромонаха отправился къ мѣсту служенія.

Изъ *иностранцевъ*, кромѣ показанныхъ въ печатныхъ спискахъ между окончившими курсъ, обучались въ академіи: греческій діаконъ изъ Константинополя *Евгеній Депастасъ*, съ 1858 года: въ 1860 году выбылъ за границу для продолженія образованія; и турецкій подданный, принявшій православную вѣру, *Николай Ефенди* въ 1858—1860 гг.

Въ 1859—1861 гг. обучались въ академіи греки: *Евсевій Виласіади* и монахъ *Константинъ*.

Въ 1861 году поступили: черногорецъ *Филиппъ Ябучанинъ*, герцоговинецъ *Спасоэ Перовичъ* и сербъ *Живвоинъ Жуевичъ*: два первые выбыли въ 1862 году на родину, послѣдній перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ.

Въ 1865 году обучался въ академіи эѳіопъ-Абиссинецъ *Абдулъ Масахъ*, монофизитскаго исповѣданія; для наставленія въ православіи порученъ былъ ближайшему руководству іеромонаха Агапія Ставроса, сирійца.

Въ 1866 году слушали академическія науки поступившіе изъ Кіевской академіи въ штатъ здѣшней греческой церкви: діаконъ *Тимоѳей Кустъ* и *Георгій Кефалиди*.

Въ 1867 году принятъ былъ въ академію, состоявшій при С.-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ, священникъ, родомъ французъ, присоединившійся къ православію и принявшій русское подданство, *Викторъ Мордрель*.

Въ 1869 году настоятель С.-Петербургской греческой церкви въ Спб., архим. *Неофитъ Пагидасъ*, просилъ дозволенія слушать лекціи по предметамъ богословскаго отдѣленія, что и было ему разрѣшено.

Въ 1870 году, по ходатайству патріарха православныхъ сербовъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ, Самуила, принятъ былъ въ академію уроженецъ Австрійской Сербіи *Дмитрій Недельковичъ*, окончившій гимназическій курсъ въ Сремскихъ Карловцахъ и выдержавшій examen maturitatis въ Новомъ Садѣ: въ 1873 году выбылъ изъ академіи—изъ 3 курса.

Въ томъ же 1870 году поступилъ въ академію на годъ для полученія ученой степени, чехъ, окончившій курсъ въ богословскомъ факультетѣ Пражскаго университета, *Іосифъ Расточилъ*.

Въ 1872 году поступилъ въ академію греческій уроженецъ *Ѳемистоклъ Вафіадаки*; въ 1873 году грекъ *Константинъ Николаидисъ;* въ 1874 году грекъ изъ Кефалоніи *Діонисій Галіацато*: въ 1875 году они выбыли въ Константинополь.

Въ 1883 году поступилъ въ составъ студентовъ воспитанникъ семинаріи при русской православной миссіи въ Японіи, *Мацуи*, но скончался въ 1886 году не окончивъ курса. Въ 1888 г. окончилъ курсъ японецъ *Ивасава* и въ томъ же году поступилъ въ академію *Кавасаки*.

Въ 1885 году поступилъ въ академію болгарскій уроженецъ *Цухлевъ:* въ 1888 г. выбылъ.

Въ 1886 году поступили два буковинскихъ уроженца, бывшіе студенты, одинъ—Черновецкаго, другой Вѣнскаго университетовъ, родные братья, *Евтихій и Епифаній Балановичи*, изъ старообрядцевъ-поповцевъ присоединившіеся предъ поступленіемъ въ академію къ православной церкви окончившій курсъ въ Бѣлградской семинаріи, сербъ, и *Павелъ Швабичъ*.

Въ 1888 г. перешелъ въ здѣшнюю академію изъ Кіевской сербъ *В. Стояковичъ*.

КІЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

(Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время).

Д. Вишневскаго.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1903.

Печатать дозволяется. 22 Октября 1903 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Платонъ.*

Оттискъ изъ журнала «Труды Кіевск. дух. Академіи» за 1902 и 1903 г.г.

Оглавленіе.

Стран.

Введеніе.

Тревожно во внѣшнихъ судьбахъ, но плодотворно во внутреннемъ ростѣ и развитіи пронеслись для Кіевской Академіи ея скромное младенчество, подъ именемъ *Кіево-Братской школы* (1615—1631 г.), и первые годы отрадной юности, по переименованіи въ *Коллегію* (1632—1651 г.). За ними для нея настала долгій, болѣе чѣмъ тридцатилѣтній періодъ (1651—1685 г.) тяжелыхъ испытаній: на нее обрушиваются и политическія бѣдствія юго-западной Руси, и стихійныя несчастія (пожары), которыя не разъ прекращаютъ и самое ея существованіе!...[1]) И только съ 1686 года, по переходѣ Кіева навсегда къ Россіи, Коллегія оживаетъ снова и—съ бо́льшимъ блескомъ, чѣмъ прежде.

Освободившись, по переходѣ Кіева къ Россіи, отъ стѣсненій со стороны фанатическаго польско-католическаго правительства, Коллегія въ 1689 году[2]) вводитъ въ кругъ предметовъ своего преподаванія православное богословіе и, такимъ образомъ, выступаетъ уже, наконецъ, съ главнѣйшимъ оружіемъ къ достиженію своей жизненно-исторической задачи—

---

[1]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка", Н. И. Петрова, Кіевъ, 1895, стр. 18, 19, 25 и 29 и др.

[2]) Ibid., стр. 47—8.

отвлекать православныхъ юношей отъ латино-польскихъ учебныхъ заведеній, *„да не отъ чуждаго источника* (тамъ) *пиюще, смертоноснаго яда западныя схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся“* [1]).

Правда, одно горе тяготитъ Коллегію и теперь, лишая ее желательной отрады. Это—ея крайняя матеріальная бѣдность и особенно бѣдность студентовъ, часто толкавшая ихъ, для спасенія отъ голода и холода, на путь порока и преступленія [2]), и чрезъ то навлекавшая на Коллегію (ректора, учителей и учениковъ) много „обидъ и утѣсненій со стороны Кіевскихъ жителей и градоправителей. Чтобы избавиться отъ такого горя, Коллегія въ 1693 году обратилась (чрезъ митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Ивана Мазепу) къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ съ ходатайствомъ оказать ей, какъ такому разсаднику, чрезъ который „можетъ всегда вящшее расти приумноженіе хвалы Божіей, а... великимъ государямъ всенародная слава“, матеріальную помощь и пожаловать ее, какъ преподающую „ученія не токмо Поетики и Риторики, но и Философіи и Богословіи“, правомъ собственнаго суда надъ своими воспитанниками, предоставляя ей самой „неспокойныхъ и вражды творящихъ (студентовъ) унимать и смирять и ни до какова своевольства ихъ не допускать“, чтобы, такимъ образомъ, „всякихъ чиновъ ратные люди разныхъ полковъ, и Кіевскаго и иныхъ полковъ же полковники, и козаки, и кіевскій войтъ, и мѣщане никакихъ ректору и учителемъ и ученикамъ, въ школѣ будучимъ, обиды и утѣсненія не чинили“ [3]).

---

[1]) Изъ письма кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Θеодоровичу (Архивъ Юго-запад. Россіи, ч. I, т. VI, № CCXIX).

[2]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. И. Петрова, стр. 89—90.

[3]) Что объ этомъ именно просила Коллегія, заключаемъ по отвѣтной грамотѣ.

Просьба Коллегіи была уважена: 11 января 1694 года послѣдовала царская грамота [1]), правда, слишкомъ мало облегчившая ея матеріальную нужду (ею назначалось Коллегіи всего по 50 рублей и 50 четвертей хлѣба въ годъ), но за то предоставившая ей право внутренняго самоуправленія съ собственнымъ судомъ надъ учащимися, безъ всякаго вмѣшательства воинскихъ и гражданскихъ чиновъ и властей, и тѣмъ самымъ давшая ей основаніе къ наименованію себя съ этого времени *Академіей* [2]).

---

[1]) См. ее въ „Памятникахъ, изд. Коммиссіею для разбора духовныхъ актовъ", Кіевъ, 1846, т. II, стр. 310—312.

[2]) Историки Академіи—іером. (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) Макарій Булгаковъ („Исторія Кіевской духовной Академіи", Спб. 1843, стр. 86) и В. Аскоченскій („Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею, Кіевъ, 1856, ч. I, стр. 262) видятъ переименованіе Кіевской Коллегіи въ Академію въ грамотѣ имп. Петра Великаго отъ 26 сентября 1701 года (См. ее въ „Памятникахъ, изд. Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ", т. II, стр 325—334)... Называть себя *Академіею* Кіевская Коллегія стала *сама* до грамоты 26 сентября 1701 года (см. „Кіев. Акад. во второй половинѣ XVII в.", Н. И. Петрова, стр. 124—125. Въ первой половинѣ мая 1701 г. Кіевскою Академіею подано было Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому прошеніе о защитѣ академическихъ правъ, нарушаемыхъ разными лицами. Прошеніе это, между прочимъ, подписали—

„*Академіи* Его царскаго пресвѣтлаго величества Кіевской префектъ... Иннокентій Поповскій..., Его царскаго величества пресвѣтлаго стольникъ Кононъ Зотовъ, во *Академіи* Кіевской учащійся..., Григорій Голубъ именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во *Академіи* Кіевской",

см. „Труды Кіев. дух. Акад.", 1900 г., № 12, стр 604. Называлъ Кіевскую Коллегію Академіею и Петръ Великій до грамоты 1701 г.; см. его указъ отъ 17 августа 1700 года, препровождающій стольника Конона Зотова „для наукъ свободныхъ во *Академію* въ Кіевъ", въ „Кіевской Старинѣ", 1883 г., сентябрь, стр. 138) я. безъ сомнѣнія, болѣе всего на основаніи грамоты 11 января 1694 года (См. „Кіевская Акад. во второй полов. XVII в." Н. И. Петрова, стр, 125), которая хотя не называла ее Академіей, но давала ей права, соотвѣтствовавшія такому имени. (По сознанію самой Коллегіи, выраженному ею въ указанномъ выше прошеніи къ митрополиту Варлааму Ясинскому, такія права приравнивали ее къ „*академіямъ* въ государствахъ иноземческихъ"). Права эти, значительно ограниченныя было указомъ 1700 г. (см. слѣдующее примѣчаніе), вновь подтверждены

Эти два обстоятельства—введеніе преподаванія богословія и пріобрѣтеніе права внутренняго самоуправленія, вновь подтвержденнаго импер. Петромъ Великимъ грамотою 26 сентября 1701 года. (Съ нея мы и начинаемъ свое настоящее изслѣдованіе: „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія"), по просьбѣ самой Академіи [1],—возвышая

за Коллегіею грамотою отъ 26 сентября 1701 г., повторившею и этимъ повтореніемъ, такъ сказать, санкціонировавшею, признавшею за Коллегіею и соотвѣтствующее жалуемымъ правамъ названіе Академіи, *усвоенное ей самими ея учителями и студентами* въ ихъ челобитной къ митрополиту Варлааму Ясинскому, исходатайствовавшему чрезъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго означенную грамоту.

Имя Академіи Кіевская Коллегія сдѣлала своимъ *постояннымъ* уже во второй половинѣ XVIII в., когда завела у себя и „Печать *Академіи* Киевскія". (Первую такую печать мы встрѣтили въ дѣлѣ 20 октября 1761 года, въ архивѣ Кіевской духовной консисторіи); въ первой же половинѣ XVIII в. у нея еще была „Печа[т] собранія по[д] имене Благовѣщенія Пр. Бцы Коллегіу[м] Кіево-Могилеа[н] Братского", и сама она больше именовала себя „Коллегіей". (Имя это для нея было дорогимъ, по связаннымъ съ нимъ воспоминаніямъ о жизни ея при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ) и просто „школами" (иногда и „университетомъ"; см. одинъ изъ бѣловыхъ листковъ въ концѣ рукописи библ. Кіево-Михайлов. монастыря, № 1691).

[1]) Поводомъ къ такой просьбѣ Академіи было нарушеніе дарованныхъ ей грамотою 11 января 1694 года правъ со стороны кіевскихъ жителей. Студенты послѣ грамоты 1694 года стали производить въ Кіевѣ „безчинства странная" („Кіев. Старина", 1885, сентябрь, стр. 137—144), воровство, грабежи и цѣлыя побоища. („Сборникъ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива при университетѣ св. Владиміра". И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. Кіевъ, 1890, стр. 351—353; ср. „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в" Н. И. Петрова, стр. 123—4; см. Архивъ (Московскій) Министерства Иностр Дѣлъ, отд. Малорос., д. 1700 г., № 23), такъ что мѣщане вынуждены были обратиться съ жалобою на нихъ къ Петру Великому (см. челобитную мѣщанъ въ указанномъ дѣлѣ архива Министер. Иностр. Дѣлъ). Получивъ въ отвѣтъ отъ царя указъ (изъ Воронежа), разрѣшавшій судить своевольныхъ студентовъ по государственнымъ правамъ въ приказной избѣ, если имъ не будетъ чинить довольнаго наказанія ректоръ, мѣщане, нужно думать стали злоупотреблять этимъ указомъ (Онъ былъ данъ, кажется, 1 апрѣля 1700 г.; см. его и грамоту по поводу его въ указанномъ дѣлѣ). И вотъ Академія, въ свою очередь, 12 іюня 1701 года, чрезъ митрополита рязанскаго Стефана Яворскаго (къ нему писали просьбы объ этомъ Кіев. митрополитъ Варлаамъ Ясин-

ея образовательное и внѣшнее положеніе и тѣмъ привлекая въ нее большое, прежде небывалое, число воспитанниковъ, имѣли чрезвычайно важное значеніе для нея въ первой половинѣ XVIII вѣка. Они открыли ей въ первой половинѣ XVIII в. возможность не только болѣе широкаго выполненія своей прямой исторической задачи, но и возможность,—что не менѣе важно,—выступить на великое служеніе русскому просвѣщенію, дать чрезъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ жизнь и силы почти всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, возникшимъ въ то время въ Россіи, и тѣмъ справедливо заслужить себѣ громкую славу.

Къ сожалѣнію, этотъ періодъ жизни Кіевской Академіи не достаточно изслѣдованъ. Историки Академіи—іером. (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) Макарій Булгаковъ („Исторія Кіевской духовной Академіи", Спб., 1843 г.) и В. Аскоченскій („Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею", Кіевъ, 1856 г., ч. 1-я и 2-я)—въ своихъ трудахъ даютъ ему слишкомъ мало мѣста (лишь нѣсколько страницъ) и, что особенно грустно, не всегда остаются (какъ увидимъ ниже) вѣрными исторической истинѣ.

Это, думаемъ, зависѣло (помимо другихъ причинъ, на которыя указываетъ С. Т. Голубевъ[1]), положившій начало критической исторіи Академіи) главнымъ образомъ отъ скудости бывшихъ въ ихъ распоряженіи историческихъ документовъ объ Академіи за первую половину XVIII вѣка. (Въ самой Академіи за это время сохранилось всего толь-

скій, учителя и студенты Академіи) обратилась къ импер. Петру Великому съ жалобою на мѣщанъ и съ просьбою подтвердить права, дарованныя ей грамотою 1694 года (ibid. д. 1701 г., № 28); см. „Труды Кіев. дух. Акад" 1900 г., декабрь, стр. 571. Въ отвѣтъ на это и послѣдовала царская грамота 26 сентября 1701 г.

[1]) См. его „Исторію Кіевской духовной Академіи", вып. I, Кіевъ, 1886, стр. III.

ко 35 дѣлъ [1]), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, касаясь лишь Братскаго монастыря, почти ничего не заключаютъ въ себѣ объ Академіи. Ими въ своихъ трудахъ пользовались и преосв. Макарій Булгаковъ и В. Аскоченскій)...

Поставивши своею цѣлью провѣрить и восполнить новыми данными указанныя спеціальныя изслѣдованія объ Академіи, мы постарались извлечь все, пригодное для нашей задачи, изъ многихъ (почти исключительно рукописныхъ) [2]) источниковъ, коими не пользовались прежніе историки.

Такими источниками для насъ были преимущественно дѣла 1) архива Кіевской духовной консисторіи [3]) и 2) архива Святѣйшаго Правительствующаго Синода; 3) рукописи библіотекъ: а) Кіевской духовной Академіи и б) Церковно-Археологическаго Музея при ней [4]); в) Кіевской духовной семинаріи; г) Кіево-Печерской Лавры, д) Кіево-Софійскаго собора, е) Кіево-Михайловскаго монастыря и ж) Смоленской духовной семинаріи; отчасти дѣла архивовъ: I) Кіево-Печерской Лавры, II) Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской церкви, III) Смоленской духовной консисторіи и IV) Главнаго (Московскаго) архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

---

[1]) Въ первомъ томѣ „Актовъ Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи, собранныхъ В. Аскоченскимъ (рукоп. библ. церковно-археол. музея при Кіевской духовной Академіи).

[2]) Изъ печатныхъ источниковъ, давшихъ намъ немало неизвѣстнаго писавшимъ раньше объ Академіи, мы должны указать „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Пр. Синода“ (т. I—IV; VI—VIII) и „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго исповѣданія Россійской имперіи“ (т. I—VII); другіе источники будутъ указаны въ самомъ изслѣдованіи.

[3]) Въ числѣ ихъ немалую пользу оказали намъ найденные нами „реестры“ бумагъ, входившихъ въ канцелярію Кіевскаго митрополита и исходившихъ изъ нея. Мы пересмотрѣли такіе реестры за 1739—1749 г.г.

[4]) Въ числѣ рукописей этого музея находится и собранные нами въ 1895 г. „Акты, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII столѣтіе“, изъ которыхъ мы почерпнули немало данныхъ для своего изслѣдованія.

Новыя свѣдѣнія, добытыя нами изъ этихъ источниковъ, восполняя весьма многіе пробѣлы прежнихъ изслѣдованій, все-таки не дали намъ возможности *вполнѣ* возстановить историческую картину жизни Академіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Совершенно полное возстановленіе ея *въ настоящее время* и невозможно: съ одной стороны, много документовъ объ Академіи исчезло отъ огня и времени, а съ другой,—не все, совершавшееся въ судьбахъ Академіи въ первой половинѣ XVIII в., заносилось въ свое время на бумагу. Довольно сказать, что Академія того времени не хранила у себя даже списковъ своихъ студентовъ! [1])...

(Разумѣется, *со временемъ*, когда будутъ приведены въ извѣстность сокровища всѣхъ нашихъ архивовъ и книгохранилищъ, количество свѣдѣній объ Академіи за первую половину XVIII в. увеличится, и чрезъ это откроется возможность пополнить нашъ трудъ, дать представленному нами, такъ сказать, остову академической исторіи больше плоти и крови).

Изображеніе внѣшней жизни Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка намъ привелось дѣлать на основаніи матеріала, собраннаго по крупицамъ, крайне отрывочнаго, порой состоящаго чуть ли не изъ однихъ какъ бы мимоходомъ брошенныхъ выраженій и намековъ въ разныхъ документахъ. Для изображенія же болѣе важной внутренней ея жизни, при совершенномъ почти отсутствіи документальныхъ извѣстій, характеризующихъ эту жизнь, мы обратились, между прочимъ, къ анализу рукописныхъ учебниковъ Академіи первой половины XVIII в. Изучить полно и обстоятельно массу сырого и при томъ трудно читаемаго матеріала, представляемаго ими (Списокъ ихъ, въ хронологическомъ

---

[1]) См. свидѣтельство объ этомъ самой Академіи въ дѣлѣ № 11 изъ актовъ, отмѣченныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Означенное свидѣтельство помѣщено нами въ концѣ I-й главы настоящаго изслѣдованія.

порядкѣ, съ обозначеніемъ и мѣста ихъ храненія, нами приводится при обзорѣ учебнаго дѣла Академіи),—для этого нужны долголѣтнія усилія, и не одного лица. И мы ограничились только общимъ ихъ обзоромъ, чтобы, насколько возможно было при этомъ, опредѣлить основной характеръ и направленіе, указать источники и отмѣтить главные моменты развитія каждой академической науки.

Жизнь Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка въ своемъ изслѣдованіи мы разсматриваемъ съ трехъ сторонъ: административной (I-я глава: система управленія Академіи, списки ея ректоровъ и префектовъ) [1]), матеріально-бытовой (II-я глава: средства Академіи и ея помѣщенія; способы содержанія учителей и учениковъ) и учебно-воспитательной (III-я глава: характеристика умственно-образовательныхъ средствъ Академіи, съ перечисленіемъ извѣстныхъ преподавателей каждой науки и указаніемъ рукописныхъ учебниковъ, сохранившихся до настоящаго времени; библіотека Академіи; число учениковъ и нравственно-воспитательныя средства Академіи).

---

[1]) Въ своемъ настоящемъ изслѣдованіи мы не имѣли задачею излагать ихъ біографіи, равно какъ біографіи профессоровъ Академіи того времени и—ставшихъ впослѣдствіи знаменитыми—ея воспитанниковъ. (Это, по нашему мнѣнію. матеріалъ, болѣе пригодный для особыхъ монографій). Для точныхъ біографій ихъ необходимо перерыть архивы чуть-ли не всѣхъ епархій, при чемъ о многихъ, напр., профессорахъ, закончившихъ свои дни въ тихихъ келіяхъ уединенныхъ монастырей, можно и ничего ненайти.. Лишь тамъ, гдѣ мы имѣли вѣрныя документальныя данныя, которыя могли дать новыя, или восполнить и исправить прежнія печатныя свѣдѣнія, нами сдѣланы посильныя указанія.

ГЛАВА I-я.

Система управленія Академіи; ректоры и префекты Академіи.

Высшею административною инстанціею въ системѣ управленія Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка была власть Кіевскаго митрополита. Значеніе его, какъ главнаго администратора Академіи, не было ослаблено и учрежденіемъ Святѣйшаго Синода въ 1721 году.

Правда, въ первый же годъ своего существованія, 21 іюля, Св. Синодъ *какъ бы* отнялъ у Кіевскаго митрополита значеніе верховнаго безапелляціоннаго правителя и рѣшителя академическихъ дѣлъ, учредивши Типографскую Контору (подъ управленіемъ „школъ и типографій протектора", архимандрита Ипацкаго монастыря Гавріила Бужинскаго) и подчинивши ей Кіевскія школы, разумѣется, вмѣстѣ съ Кіевскою Академіею [1]). Но Типографская Контора, съ которою Академія,—вѣроятно, не имѣя надобности,—не входила ни

---

[1]) „... Кіевскія и Черниговскія (училища), аще и надлежать должны до своихъ архіереевъ, обаче, егда имѣти имутъ нужду какую до Свят. Пр. Синода, писать имъ въ (Типографскую) Контору". (Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. I, № 402, стр. 464). Объ этомъ синодальномъ распоряженіи Кіевская духовная консисторія (съ 1718 по 1722 г. митрополита на кіевской каѳедрѣ не было) 28 іюля 1721 г. увѣдомила указомъ отъ себя тогдашняго ректора и префекта Кіевской Академіи іером. Іосифа Волчанскаго. Такой указъ былъ повторенъ ею 28 октября 1723 г. и 16 октября 1724 г. (Архивъ Кіевской Борисо-Глѣбской церкви, 2-я книга указовъ, л. 190 и слѣд.).

въ какія сношенія (по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не встрѣтили даже и намека на нихъ), скоро (28 февраля 1726 года) была упразднена [1]), и Академія (вмѣстѣ съ прочими Кіевскими школами) снова была поставлена Св. Синодомъ попрежнему въ полную и непосредственную зависимость отъ мѣстнаго митрополита [2]). Получивши синодальный указъ объ этомъ, Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ писалъ въ Св. Синодъ, что исполнять по нему будетъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы „ректоръ и префектъ,—прибавлялъ онъ,—моему смиренію были повольными и послушными, понеже не малое уже оттуду... усмотрѣхъ ропщущее упрямство и несыновнее послушаніе, каковое единымъ токмо старческимъ моимъ молчаніемъ и болѣзненнымъ терпѣніемъ сношу“ [3]). Очевидно, академической корпораціи, успѣвшей

---

[1]) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи, т. V, № 1740, стр. 321; сн. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. I, № 402, стр. 468—471.

[2]) Ibid.

[3]) Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. I, № 402, стр. 471. Характерна резолюція (22 ноября 1727 г.) Св. Синода, оставлявшая безъ послѣдствія жалобу Варл. Ванатовича на непослушаніе академической корпораціи. „Понеже, говорится въ ней, имянно никакой противности не показано, того ради и дѣйства никакого по сему чинить не велѣно; ибо хотя бъ кто и воспротивился, долженъ онъ, архіерей, самъ смирять по своему разсмотрѣнію“ (ibid.).

Отмѣтимъ кстати особый (безучастный) характеръ отношенія Св. Синода въ первой половинѣ XVIII в. къ такому разсаднику просвѣщенія, какимъ была тогда Кіевская Академія,—что особенно замѣчается, если принять во вниманіе совсѣмъ иной характеръ его отношеній къ Московской Академіи за это время. Въ самомъ дѣлѣ, при первой же надобности въ ученыхъ людяхъ Св. Синодъ всегда (и чуть ли не ежегодно) обращается къ Кіевской Академіи, требуетъ отъ нея выслать ихъ „безъ всякихъ отмѣнъ и отрицаній“ (Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Правит. Синода, т. III, № 38, стр. 77), нисколько не сообразуясь съ тѣмъ, какой отъ этого можетъ быть вредъ для самой Академіи, и даже не обращая вниманія на ея жалобы по этому поводу. (Бывали случаи, что Академія, выславъ нѣсколькихъ ученыхъ по требованію Синода, иногда сама оставалась безъ учителей. См. Полное собраніе постан. и распор.

отвыкнуть отъ митрополичьяго надзора въ періодъ отсутствія митрополита на Кіевской каѳедрѣ (1718—1722) [1]), желательно было остаться свободною отъ него и по вступленіи на митрополичій престолъ болѣзненнаго [2]) архіеп. Варлаама Ванатовича,—тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ его правленія (до синодальнаго указа 28 февраля 1726 года) она могла указывать на Типографскую Контору, юридически имѣвшую для нея высшее значеніе, чѣмъ власть мирополита. Но послѣ указа 28 февраля 1726 г. академическая корпорація должна была навсегда оставить свое стремленіе къ автономіи, въ виду собственнаго же блага, потому что какъ въ церковно-іерархическомъ (академическая корпорація всегда состояла изъ лицъ монашествующихъ), такъ и въ матеріальномъ [3]) отношеніяхъ она почти всецѣло зависѣла отъ митрополита.

по вѣдом прав. испов. Россійск. имперіи, т. V, № 1490. стр. 27. Хотя подобное ея сиротство бывало и не особенно продолжительнымъ, но во всякомъ случаѣ довольно ощутительнымъ въ учебномъ отношеніи. Не напрасно, напр., 29 декабря 1721 года, прося Св. Синодъ объ отсрочкѣ до вакаціи поѣздки Кіевскихъ учителей въ Москву, Кіевская консисторія писала, что въ противномъ случаѣ академическіе классы „будутъ праздны, и... ученики... принуждены будутъ разойтиться врозь и за границы для исканія ученія“; Опис. докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. I. № 627, стр 676). Малѣйшее замедленіе со стороны Академіи (въ виду собственныхъ учебныхъ интересовъ) высылкою ученыхъ, по требованію Синода, имѣло слѣдствіемъ „дупликаты“ и „трипликаты“ синодальныхъ указовъ ей; а заявленіямъ ея о болѣзни требуемыхъ лицъ въ Синодѣ мало вѣрили (ibid., т. III, № 38, стр. 77—78)... Входить въ объясненіе причинъ такого отношенія Св. Синода къ Академіи мы не считаемъ своей задачей.

[1]) Всѣми дѣлами Кіевской митрополіи въ этотъ періодъ завѣдывала Кіевская духовная консисторія; но она, во-первыхъ, не входила, да и не могла входить во внутреннюю жизнь Академіи, потому что дѣла по учебной и воспитательной части были внѣ ея компетенціи. (Она могла лишь вѣдать хозяйственныя дѣла Академіи, связанной въ этомъ отношеніи съ Братскимъ монастыремъ), а во-вторыхъ, въ числѣ ея членовъ постоянно былъ ректоръ Академіи, который всегда могъ отстаивать академическіе интересы, какъ свои личные.

[2]) „Труды Кіевской духовной Академіи“, 1861 г., № 3, стр. 280.

[3]) См. ниже о способахъ содержанія учителей.

И дѣйствительно, въ первой половинѣ XVIII вѣка главнымъ и полновластнымъ начальникомъ Академіи былъ Кіевскій митрополитъ, почему она обыкновенно и называлась „Академіею Его Преосвященства“ [1]). Зависимость же ея отъ Св. Синода была чисто формальною и состояла лишь въ томъ, что Академія, по синодальному указу отъ 8 февраля 1737 года, должна была ежегодно „во опредѣленное время“ представлять въ Синодъ вѣдомости (по выданной отъ Синода же формѣ) „о обучающихся въ Кіевскихъ школахъ студентахъ“ (и при томъ, какъ говорилось въ указѣ, „точію объ однѣхъ священно и церковно причетническихъ дѣтяхъ, которые, по силѣ Ея Императорскаго Величества имянныхъ указовъ, неотмѣнно въ школьномъ обученіи быть одолжаются..., и о... разночинцовихъ дѣтяхъ въ ученіи пребывающихъ пріобщать при томъ толко перечневіе извѣстіи, колико таковыхъ въ которомъ году будетъ въ каковомъ обученіи“) [2]) и, во 2-хъ, въ томъ, что Св. Синодъ иногда назначалъ ей ректора. Впрочемъ, назначеніе Синодомъ ректора было лишь одно въ изслѣдуемый нами періодъ, и то—по представленію Кіевскаго митрополита [3]). На вѣдомости въ Св. Синодѣ, по-

---

[1]) Архивъ Кіев. дух. консисторіи, дѣло 1744 г., № 714; д. 1749 г., № 542 и мн. др. дѣла, гдѣ какъ учившіе, такъ и учившіеся въ Академіи всегда именуютъ себя въ бумагахъ, писанныхъ на имя митрополита, членами „Академіи Вашего Преосвященства“.

[2]) Указъ этотъ оставался безъ исполненія даже послѣ повторенія его, какъ видно изъ синодальнаго указа отъ 7 марта 1738 г. (См. Акты Кіево-Братск. учил. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, д. № 8). Послѣдній указъ вызванъ былъ отвѣтомъ митрополита Рафаила Заборовскаго Св. Синоду, что свѣдѣній о прежнихъ учителяхъ и ученикахъ (съ 1730 по 1737 г.) представить нельзя (какъ требовалъ указъ отъ 8-го февраля 1737 г.) потому, что ихъ невозможно составить (см. объ этомъ ниже). Впервые вѣдомость о числѣ учителей и учениковъ Кіевской Академіи и объ ихъ содержаніи была представлена Св. Синоду, по его требованію, архіеп. Варлаамомъ Ванатовичемъ въ 1727 г. См. Описаніе докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, № 223, стр. 238—239 и Прилож. VIII, ст. CXVI—CXXX.

[3]) Разумѣемъ назначеніе архим. Сильвестра Ласкоронскаго.

видимому, также обращалось весьма мало вниманія [1]).

Всѣ академическія дѣла рѣшались съ согласія Кіевскаго митрополита. И нужно сказать, что митрополиты, какъ главные начальники Академіи, съ большимъ участіемъ входили во всѣ подробности академической жизни, дѣлая относительно ихъ свои распоряженія. Назначеніе и удаленіе членовъ академической корпораціи [2]), пріемъ и увольненіе учениковъ [3]), судъ надъ тѣми и другими [4]), ходатайство за нихъ предъ разными общественными и государственными

---

[1]) Въ архивѣ Св. Синода уцѣлѣли вѣдомости Кіевской Академіи лишь за 9 лѣтъ (съ 17³⁶/₃₇ по 17⁴⁴/₄₅ учеб. годъ); см. ихъ въ дѣлѣ 1737 г., № 380.

[2]) См. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. в акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 23; Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ дѣлъ митрополичьей канцеляріи за 1746 г., подъ № 150. отъ 16 августа, значится „опредѣленіе учителей въ Академію Кіевскую для преподаванія на слѣдующій 1747 г. школъ“; см. мн. др. подобныя дѣла.

[3]) Арх. Кіев. дух. консисторіи. Реестръ дѣлъ канцеляріи митрополита за 1745 г., гдѣ подъ № 131, отъ 22 сентября, значится опредѣленіе митрополитомъ вышедшаго изъ Польши Евстафія Матковскаго въ число студентовъ Академіи; подъ № 24, отъ 25 февраля, записано поступившимъ (на имя митрополита) прошеніе ритора Василія Березовскаго объ увольненіи его, по болѣзни, изъ Академіи. См. мн. другія дѣла такого же рода.

[4]) Тамъ же, Реестръ дѣлъ 1746 г., гдѣ подъ № 15, отъ 5 февраля, записано поступившимъ къ митрополиту „доношеніе отъ учителей Кіев. Академіи школы инфимы Івана Мокіевскаго да фары Василія Крыжановскаго о чинимыхъ имъ отъ префекта Академіи Кіевск. же іером. Михаила Козачинскаго обидахъ“ и проч.; см. еще Реестръ 1749 г., гдѣ, подъ № 73, отъ 13 марта, записано „дѣло ученика школы философіи Ѳеодора Олшанскаго о причиненномъ ему Ѳеодору маетности Брат.-училищнаго монастыря села Карпиловки отъ городничаго Акинеа нещадномъ тиранскомъ бои“ и пр. (самое дѣло объ этомъ см. въ „Актахъ, относящихся къ исторіи Кіевск. Акад. за XVIII ст.“, собранныхъ нами въ 1895 г. и переданныхъ въ библ. Церков.-Арх. Музея при Кіев. дух. Академіи; изложено дѣло это нами въ очеркахъ „Изъ быта студентовъ старой Кіевской Академіи“, въ „Кіевской Старинѣ“ 1896 г., февраль, стр. 188—194); см. еще „Кіев. Старину“, 1896, январь, стр. 38—39; мартъ, стр. 311—312.

учрежденіями [1]) и т. п. [2])—все это всецѣло зависѣло отъ митрополита. Даже просьбы учениковъ обычно шли на его имя, при томъ не только такія, которыя касались многихъ изъ нихъ [3]), но даже подаваемыя однимъ изъ воспитанниковъ Академіи [4]). Къ сожалѣнію, воспитанники иногда злоупотребляли такимъ вниманіемъ митрополитовъ, нерѣдко адресуясь къ нимъ съ просьбами, мало справедливыми и законными, и даже съ жалобами на свое ближайшее начальство, какъ это случилось въ 1733 году, когда студенты философскаго класса подали митрополиту Рафаилу Заборовскому общую петицію на тогдашняго префекта Академіи

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ дѣлъ канцел. митроп. 1745 г.; тутъ, подъ № 5, отъ 10 января, записано „доношеніе отъ учителя школы грамматики іерод. Θеофана да ученика школы грамматики жъ Петра Зеленецкихъ съ прошеніемъ куда надлежитъ о представленіи, дабы отказано было отъ владѣнія вахмистру гусарскаго полку отъ отческихъ ихъ добръ и о порученіи оныхъ зятю ихъ Петрашевичу; см. Реестръ 1747 г., гдѣ, подъ № 73, отъ 31 мая, записано „доношеніе отъ іером. Досиѳея о побои инспектора Ивана Даниловскаго жителемъ Кіевскимъ Договскимъ и о протчемъ, съ прошеніемъ о томъ, къ кому надлежитъ писать"; въ Реестрѣ 1745 г., подъ № 108, отъ 13 августа, занесено поступившимъ „доношеніе отъ ученика К. Ак. Θеодора Леонтовича съ прошеніемъ представленія къ губернатору Леонтьеву о выдачѣ ему въ Польскую область, въ городъ Львовъ для свиданія со сродниками изъ Кіево-Губернской канцеляріи пашпорта".

[2]) Ibid, Реестръ 1747 г., гдѣ, подъ № 45, отъ 4 апр, записано „доношеніе отъ учениковъ школы философіи, риторики и протчихъ, съ прошеніемъ, кому надлежитъ, приказать, дабы имъ на покупки греческихъ грамматикъ денегъ было выдано"; см. Реестръ 1746 г., гдѣ, подъ № 146, отъ 17 октября, значится „доношеніе отъ іером. Арсенія Сергіева, слышателя богословія, съ прошеніемъ о переведеніи его съ (изъ) Брат.-училищнаго монастыря и о позволеніи ему гдѣ индѣ жить"...; см. переданное нами въ библ. Церк.-Археол. Музея при Кіевск. дух. Акад. дѣло объ опредѣлтніи митроп. Щербацкимъ—ритора Голѣнковскаго инспекторомъ, и мн. др. дѣла

[3]) Акты, относящ. къ исторіи Кіевск. Акад. за XVIII ст., собранные нами въ 1895 г., д.д. №№ 8, 21 и др.

[4]) Ibid., д № 10; сн. арх. Кіев. дух. конс., д. 1735 г. № 86 (просьба ученика грамматики Стефана Соколовскаго о назначеніи ему „концесса"; о „концессахъ" см. 2-ю главу настоящаго изслѣдованія).

Стефана Калиновскаго [1]). Поэтому митрополитъ Заборовскій (въ своей Инструкціи „Leges academicae docentibus ac studentibus observandae“) 7-го октября 1734 года поставилъ правиломъ, чтобы никто изъ воспитанниковъ не обращался къ высокопоставленнымъ лицамъ со своими просьбами, не получивъ предварительно на это позволенія отъ академическаго префекта или отъ учителя, въ школѣ котораго онъ (воспитанникъ) состоялъ [2]). Съ этого времени, обращаясь къ митрополиту, воспитанники при своихъ просьбахъ представляли ему и письменныя разрѣшенія на нихъ отъ своего начальства. Такъ, въ 1735 году на „доношеніи“ (по дѣлу о наслѣдствѣ) ученика грамматики Стефана Соколовскаго префектъ іером. Іеронимъ Миткевичъ сдѣлалъ такое засвидѣтельствованіе: „Сей студентъ супплѣкуетъ до Вашего Преосвященства за вѣдомомъ коллегіятскимъ, свидѣтельствую, 1735 г., марта 22 дня“ [3]). Засвидѣтельствованія начальства почти всегда заключали въ себѣ аттестацію просителя; напр., въ 1744 г., прошеніе ученика инфимы Θеодора Деміантовскаго (о „продолженіи взиманія концесса для снабдѣнія его во училищахъ“) было засвидѣтельствовано такъ: „Ученикъ сей школи инфѣми за вѣдомомъ и благословеніемъ академическимъ доношеніемъ своимъ смѣлъ утрудить Ваше Высокопреосвященство; въ ученіи добръ и благонадеженъ есть. Іеродіаконъ Θеофанъ Зеленецкій учитель школи инфѣми“ [4]). Въ случаѣ дурной аттестаціи студента, просьба его не была удовлетворяема митрополитомъ. Такъ, на прошеніи студента богословія Петра Величковскаго (о принятіи

---

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII-е стол., собран. Д. Вишневскимъ въ 1895 г., д. № 21 („Кіев. Старина“, 1896 г., мартъ, стр. 311—312).

[2]) В. Аскоченскій „Кіевъ съ древн. его учил. Академіею“, ч. 2, стр. 107, пунктъ XX.

[3]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1735 г., № 86.

[4]) Ibid., д. 1744 г, № 57, ср. д. 1749 г., № 97.

его въ митрополичій домъ лакеемъ или канцеляристомъ), по аттестаціи (12 сентября 1750 года) Георгія Конисскаго, что онъ—Величковскій „прилѣжности во ученіи никакой не показалъ, а потому ниже успѣху, состояніемъ былъ не безчестенъ“, была сдѣлана такая помѣта: „13 сентября отказано“ [1]). Когда же студентъ подавалъ прошеніе безъ засвидѣтельствованія его академическимъ начальствомъ, просьба его оставалась безъ движенія; и на подобныхъ прошеніяхъ часто встрѣчаются помѣты: „ничего не учинено, понеже учитель не засвидѣтельствовалъ“ [2]). Впрочемъ, въ экстраординарныхъ обстоятельствахъ студенты обращались къ митрополиту безъ благословенія академическаго начальства, напр., съ жалобами на самихъ своихъ начальниковъ, и просьбы ихъ были разсматриваемы. Такъ, въ 1749 г. студентъ Ольшанскій жаловался митрополиту Щербацкому на ректора Сильвестра Ляскоронскаго, и дѣло его было разсмотрѣно въ его пользу [3]); въ 1750 году на того же ректора жаловался риторъ Антоній Гонтковскій, и жалоба его была принята митрополитомъ [4])...

Митрополитъ отдавалъ свои приказанія часто безъ представленія Академіи [5]). Письменныя же распоряженія его обыкновенно шли въ Академію чрезъ Консисторію. Иногда митрополиты дѣлали свои приказанія словесно, а потомъ подтверждали ихъ письменной резолюціей. Чаще же дѣла Академіи рѣшались ими по доношенію ея самой, отъ лица ректора и префекта.

---

[1]) Ibid., д. 1750 г., № 154.

[2]) Ibid., д. 1756 г., № 15.

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи за XVIII столѣтіе, д. № 7 („Кіев. Старина“, февраль 1896 г., стр. 193).

[4]) Ibid., д. № 8 (ibid., стр. 184).

[5]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1735 г., 16 января, № 12 (Опредѣленіе митрополитомъ іером. Варлаама Новицкаго учителемъ піитики и іером. Митроф. Довгалевскаго—синтаксимы).

Изъ митрополитовъ, занимавшихъ Кіевскую каѳедру въ первой половинѣ XVIII вѣка, особенно много для Академіи въ административномъ отношеніи было сдѣлано Рафаиломъ Заборовскимъ, который за свои просвѣтительныя и матеріальныя благодѣянія ей былъ справедливо признаваемъ ею самою вторымъ Петромъ Могилою для нея [1]), и имя котораго она считала такимъ же украшеніемъ для себя, какъ и имя своего великаго основателя (собственно преобразователя), долго называясь Академіею Могило-Заборовскою. Онъ далъ Академіи 7 октября 1734 года *первую* инструкцію: Leges academicae docentibus ac studentibus observandae [2]).

Подъ верховнымъ протекторатомъ митрополита, главнымъ правителемъ и ближайшимъ начальникомъ самой Академіи былъ ректоръ, который, всегда состоя настоятелемъ Братскаго монастыря (а иногда и еще какого-либо), имѣлъ до 1732 года санъ игумена, а съ 1732 г—архимандрита [3]). Зависимый по своему назначенію отъ митрополита, ректоръ, при своемъ вступленіи въ должность, приносилъ присягу и получалъ отъ митрополита грамоту (въ общемъ почти тожественную съ грамотами, выдававшимися настоятелямъ монастырей) [4]). Какъ начальникъ Академіи, онъ долженъ былъ

---

[1]) Рукоп. биб. Кіев. духовной Академіи, отд. Р. Муз. № 101, лл. 91—96: „Oratio de laudibus literarum".

[2]) См. ее на латинскомъ языкѣ въ актахъ Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В Аскоченскимъ, т. I, № 4; въ русскомъ переводѣ во 2-й части „Кіевъ съ древн. его училищемъ „Академіею" Аскоченскаго, на стр 102—108. Общность характера этой инструкціи склоняетъ насъ къ признанію ея *первою* по времени письменною инструкціею Академіи.

[3]) Архимандричій санъ исходатайствовалъ ректорамъ Кіевской Академіи у Св. Синода митроп. Рафаилъ Заборовскій 21 марта 1732 г. См. Полное собр. постан и распоряж. по вѣдомству правосл. испов. Росс. имперіи, т. VII. № 2554, стр. 456.

[4]) Въ архивѣ Кіевской духовной консисторіи сохранился черновой экземпляръ грамоты, выданной въ 1746 году митр Рафаиломъ Заборовскимъ на ректорство архим. Сильвестру Ляскоронскому. См. копію съ нея въ I приложеніи къ нашему изслѣдованію.

слѣдить за успѣшнымъ преподаваніемъ наукъ, для чего обязанъ былъ посѣщать классы во время занятій [1]) и присутствовать на студенческихъ диспутахъ [2]), и наблюдать за поведеніемъ какъ учениковъ, такъ и учителей [3]), (которые въ учебное время были подъ вѣдомомъ его и какъ члены братіи Братскаго монастыря).

---

[1]) Это видно изъ гратуляцій de adventu rectoris in scholam, часто встрѣчаемыхъ въ рукописныхъ піитикахъ и риторикахъ Академіи того времени.

[2]) Въ торжественныхъ лишь случаяхъ диспуты велись въ присутствіи ректора; обычно же они (какъ, напр., недѣльные или, по тогдашнему, субботніе и даже мѣсячные) велись безъ него. См. рукоп. библ. Михайл. мон., № 1691. 1-й бѣловой листъ въ концѣ.

[3]) Къ сожалѣнію, права и обязанности ректора (равно какъ и прочихъ членовъ корпораціи) Академіи изслѣдуемаго нами времени не были строго и точно опредѣлены никакою *письменною* инструкціею (Въ противномъ случаѣ, ректоръ архим. Давидъ Нащинскій не просилъ бы въ 1759 году у митр. Арсенія Могилянскаго „архипастырской инструкціи, которою опредѣлены бы были предѣлы *начальничеству ректорскому* надъ учителями, понеже безъ таковаго опредѣленія неравно можетъ послѣдовать (чего жъ когда не бывало?) въ гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшихъ“; „Кіевская Старина“, 1889, апрѣль, стр. 7); и прямыхъ свѣдѣній о нихъ нѣтъ.

Не могутъ имѣть значенія въ данномъ случаѣ, какъ и вообще въ рѣчи о внутреннемъ строѣ Кіевской Академіи первой половины XVIII в., 1) Духовный Регламентъ, излагающій проектъ устройства школъ въ духѣ и характерѣ Кіевской Академіи (Н. И. Кедровъ, Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго, Москва, 1886, стр. 189), 2) „Правила партикулярніи ради лучшаго чина Академіи Московской“ (напечатанныя въ приложеніи VIII ко 2-й части II-го тома Описанія документовъ и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Свят. Правит. Синода, ст. XX—XXXII) и 3) „Regulae tum communes, tum particulares Collegii Smolenscencis“ (напечат. въ Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, за 1870 г., №№ 22 и 23, и 1871 г., №№ 1—3), составленныя еп. Гедеономъ Вишневскимъ (первыя въ бытность его ректоромъ Московской Академіи, а вторыя во время его епископства въ Смоленскѣ), бывшимъ ученикомъ и наставникомъ Кіевской Академіи, а потому въ своихъ правилахъ значительно воспроизводившимъ ея строй, такъ какъ они не представляютъ собою (насколько мы заключили по даннымъ, бывшимъ въ нашемъ распоряженіи) близкой копіи строя Кіевской Академіи.

Ректорами Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка преемственно были:

1) *Прокопій Колачинскій* съ 1697 г.[1]) по 27 марта 1701 г.[2]); нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о немъ находимъ въ „Лѣтописи Самоила Величка" (Кіевъ, 1858 г., т. 3-й, стр. 348—352). Здѣсь, во-1-хъ, приведено письмо къ Колачинскому кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго отъ 24 іюня 1695 г., показывающее, что Колачинскій свое научное образованіе завершилъ въ заграничныхъ школахъ, и что нѣкоторое время онъ былъ ревностнымъ уніатомъ; во 2-хъ, послѣ письма есть замѣчаніе лѣтописца, что Колачинскій былъ „учиненъ ректоромъ (Академіи)... и давалъ философію... и ѳеологію", затѣмъ, состоялъ игуменомъ Кіевскаго-Пустынно-Никольскаго монастыря, откуда переведенъ былъ въ Густинскій Прилуцкій монастырь, гдѣ и умеръ, „будучи 70 или 80 лѣтъ".

2) *Гедеонъ Одорскій* съ конца 170⁰/1 учеб. года (ректоромъ онъ сталъ въ промежутокъ времени между 15 мая

---

[1]) Н. И. Петровъ, „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в., Кіевъ, 1895 г., стр. 56.

[2]) Митроп. Амвросій (Исторія Россійской іерархіи, ч. 1-я, М., 1807, стр. 502), Н. Маркевичъ (ничуть не отступающій въ хронологическомъ перечнѣ ректоровъ Академіи отъ митр. Амвросія; см. Исторію Малороссіи, т. V, М., 1843, стр. 192), митр. Евгеній (Описаніе Кіево-Софійскаго собора, Кіевъ, 1825; Прибавл. стр. 228), іером. Макарій Булгаковъ (Исторія Кіев. дух. Акад., Спб., 1843, стр. 158) и др. (См. Акты Кіево-Брат. учил. монастыря и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. III, д.д. №№ 10 и 41) считаютъ Колачинскаго ректоромъ въ 1702 и даже въ 1703 году.

Но С. Т. Голубевъ въ своей статьѣ: „Гедеонъ Одорскій (бывшій ректоръ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII столѣтія)", помѣщен. въ „Трудахъ Кіев. духовной Акад.", 1900 г., декабрь, доказалъ ошибочность такихъ утвержденій и опредѣлилъ, что ректура Колачинскаго продолжалась по 29 марта 1701 г. (стр. 568—572). Тамъ же онъ разъяснилъ и то, какъ могло случиться, что Прокопій Колачинскій *невѣрно* названъ ректоромъ Академіи въ жалованной грамотѣ царя Петра Алексѣевича, данной Кіевской Академіи 26 сентября 1701 года.

и 29 іюня 1701 г.)[1]) до 1-го мая 1704 года[2]).

3) *Иннокентій Поповскій,* вѣроятно, съ мая мѣсяца 1704[3]) года до начала 170⁶/₇ учеб. года или, быть можетъ, до начала 1707 года[4]).

---

[1]) См. выше указанную статью С. Т. Голубева. Здѣсь подробно изложены и біографическія свѣдѣнія объ Одорскомъ. Нѣсколько,—правда неточныхъ,—сообщеній объ Одорскомъ есть въ (извлеченномъ изъ 3-й книги „Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи", Черниговъ, 1872 г.) „Описаніи Крутицкаго (Батуринскаго) монастыря св. Николая" (стр. 20—21).

[2]) „Труды Кіевской духовной Академіи", 1900 г., приложенія (извлеченія изъ протоколовъ Совѣта Кіев. дух. Академіи) стр. 74.

[3]) Думаемъ, что перемѣщеніе его съ префектуры на должность ректора совершилось въ связи съ выходомъ изъ Академіи ректора Гедеона Одорскаго (см. выше).

[4]) Историческая записка объ Академіи 1773 года (См. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. III, д. № 41) считаетъ его выбывшимъ изъ Академіи 26 апрѣля 1706 г.; но въ надписи на одной изъ дарохранительницъ Кіево-Братскаго монастыря Поповскій именуется игуменомъ этого монастыря (игуменство же въ Братскомъ монастырѣ соединялось съ ректорствомъ въ Академіи) 14 іюня 1706 года (См. Н. Ѳ. Мухина „Кіево Братскій училищный монастырь, Кіевъ, 1893 г., стр. 295—296, подъ № 2) и (почти буквальныя) замѣтки въ концѣ рукописей библ. Кіево-Печерской Лавры X, 49 („Finitus philosophiae biennalis cursus Sub auspiciis... *Collegii* Kijovomohilaeani *Innocentio Popowski rectoris* scholarumque praefecti Christophori Czarnucki, anno 1706 die Iunii 22"), библ. Кіево-Михайл. мон.,] № 1704, и библ. Кіев. дух. семинаріи, VIII. 1. 58 называютъ его ректоромъ 22 іюня 1706 года. Отсюда мы и заключаемъ, что Поповскій ректорствовалъ приблизительно до начала 170⁶/₇ учеб. года. Впрочемъ, мы готовы допустить, что Поповскій былъ ректоромъ даже и въ началѣ 1707 года. Нѣкоторое основаніе этому даетъ намъ то соображеніе, что въ вышеуказанной надписи на дарохранительницѣ, гдѣ говорится о времени начала (14 іюня 1706 г.) и конца (4 января 1707 г.) ея сооруженія, не упоминается о какой-либо перемѣнѣ въ положеніи Поповскаго къ 4 января 1707 года, что сдѣлать, кажется, было бы весьма умѣстно, если бы въ это время игуменствовалъ (и ректорствовалъ) не онъ, а кто-либо другой. Въ такомъ случаѣ авторъ надписи, думается, указалъ бы, при какомъ игуменѣ Братскаго монастыря закончено сооруженіе дарохранительницы. При такомъ допущеніи устраняется трудность въ опредѣленіи того, кто былъ префектомъ въ Академіи во второй половинѣ 1706 и самомъ началѣ 1707 года. Предполагая, что Поповскій оставилъ ректорство предъ началомъ 170⁶/₇ учеб. года, мы должны считать на его мѣстѣ ректоромъ (въ 170⁶/₇ учеб. г.) Христофора Чарнуцкаго, а префектомъ Ѳеофана

4) *Христофоръ Чарнуцкій* со времени вскорѣ послѣ ухода Поповскаго, т. е. если не со второй половины 1706 года, когда онъ могъ исполнять должность ректора въ званіи префекта, то съ начала 1707 г. [1]) до половины 1710 года [2]), если не до второй приблизительно трети 1711 года [3]). Въ

Прокоповича. Но Прокоповичъ, по словамъ его біографовъ (см. ниже списокъ префектовъ), принялъ префектуру не ранѣе 1707 года; слѣдовательно, удобнѣе признать, что Поповскій ректорствовалъ еще и въ самомъ началѣ 1707 г., а затѣмъ, по его уходѣ, ректоромъ сталъ Христофоръ Чарнуцкій, а префектомъ Өеофанъ Прокоповичъ. И дѣйствительно, ранѣе іюня 1707 года, мы нигдѣ не встрѣтили упоминанія о Христофорѣ Чарнуцкомъ въ званіи ректора Академіи.

[1]) 22 іюня 1706 года онъ именуется префектомъ (см. предыдущее примѣчаніе), осенью 1706 г. онъ преподаетъ богословіе, но въ званіи ли префекта или ректора,—неизвѣстно. Въ экземплярѣ богословскихъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ 1706—7 учеб. году, въ концѣ сдѣлана замѣтка (Finitum est *anno 1707* mense *Iunio 25*... sub reverendo et sapientissimo patre ordinario professore ejusdem sacrosanctae Theologiae et Collegii Kijovo-Mohilaeani *rectore* Christophoro Czarnucki; рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 23. л. 403, Н. И. Петровъ, „Описан. рукоп. собран., наход. въ г. Кіевѣ", в. I, стр. 261, № 189), изъ которой видно, что въ іюнѣ 1707 г. онъ уже носилъ званіе ректора.

[2]) Почти всѣ историки Академіи, согласно съ исторической запиской о ней 1773 г., считаютъ его ректоромъ по 1709-й годъ включительно. И дѣйствительно, есть несомнѣнныя данныя, что онъ ректорствовалъ *14 мая 1709 г.* (Главный Московскій архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, дѣла Малорос. 1721 г., № 10) и игуменствовалъ въ Братскомъ монастырѣ (значитъ и ректорствовалъ) *14 августа 1709 г.* (см. цитован. сочиненіе Н. Мухина, стр. 387). Мы же отодвигаемъ его ректуру до половины 1710 г., основываясь на признаніи его авторомъ всѣхъ богословскихъ трактатовъ въ рукописи библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 16, послѣдній изъ которыхъ помѣченъ оконченнымъ въ іюлѣ 1710 года (См. Н. И. Петрова „Описаніе рукоп собр., наход. въ г. Кіевѣ", вып. 1, Москва 1892, стр. 261—2, № 191; ср. рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 227, въ началѣ которой (л.л. 1—187) помѣщены Disputationes theologicae de virtutibus theologicis .. anno 1709 explicatae die 10 Septembris usque ad diem *Iulii 25 anni 1710).* Самъ Чарнуцкій говоритъ лишь, что онъ „ректоромъ *нѣсколько* лѣтъ пробылъ" (См. его духовную въ „Опис. д. и д., хранящ. въ арх. Св. Син.", т. VI, стр. 414).

[3]) Если признать, что Чарнуцкій назначенъ былъ игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря въ 1709 г. (хотя бы около сентября мѣсяца), то тогда трудно предполагать, кто былъ ректоромъ Академіи и преподавалъ въ ней богословіе въ 170⁹/₁₀ и въ 17¹⁰/₁₁ учеб. г.г., потому что, какъ увидимъ ниже, вѣрнѣе думать, что Прокоповичъ преподавалъ богословіе съ 1711—12 учеб. года. Не

концѣ 1709 или въ 1710 [1]) году онъ былъ назначенъ игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря, гдѣ и умеръ 28 іюня 1726 года [2]).

5) *Ѳеофанъ Прокоповичъ* (называемый вторымъ, въ отличіе отъ Ѳеофана Прокоповича I-го [3]) съ 1711 г. [4]) фа-

---

обстояло ли дѣло такъ, что Христофоръ Чарнуцкій, назначенный хотя бы въ 1709 г. въ Пустынно-Никольскій монастырь, продолжалъ быть ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія не только до половины 1710, но и чуть не до половины 1711 года (Митрополитомъ Кіевскимъ былъ въ это время Іоасафъ Кроковскій, который самъ нѣкогда тоже совмѣщалъ ректорство въ Академіи съ игуменствомъ въ Никольскомъ монастырѣ. См. „Труды Кіев. дух. Акад.", 1900 г., декабрь, стр. 569 и 602—3)? За отсутствіемъ данныхъ, вопросы эти (т. е. до какого времени ректорствовалъ Чарнуцкій и кто, если не онъ, преподавалъ богословіе предъ чтеніемъ богословскихъ лекцій Ѳ. Прокоповичемъ) мы оставляемъ открытыми.

[1]) О времени этого назначенія мы не нашли извѣстій.

[2]) Описан. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода, т. VI, № 236, стр. 412—416.

[3]) О Прокоповичѣ 1-мъ см. у В. Аскоченскаго въ его „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею", ч. I, стр. 211—212, и у Н. И. Петрова, въ его „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.", Кіевъ, 1895, стр. 41—42; о Прокоповичѣ II-мъ см. монографію Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время", Спб., 1868 г.

[4]) Чистовичъ говоритъ (стр. 17), что Прокоповичъ былъ опредѣленъ по желанію Петра I-го игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія въ 1711 г. Это справедливо, такъ какъ и самъ Прокоповичъ (въ началѣ 1711 г., именуемый префектомъ, см. ниже списокъ префектовъ) говоритъ, что онъ сталъ ректоромъ въ 1711 году (См. его письмо къ митр. Рафаилу Заборовскому отъ 7 марта 1736 г. въ „Русс. Архивѣ", 1865 г., стр. 320 - 336, и въ „Трудахъ Кіевской Академіи", 1865, № 10, стр. 274 и дал.).

Конечно, если Чарнуцкій оставилъ ректуру въ половинѣ 1710 г. (если даже не въ 1709 г.) то Ѳ. Прокоповичъ долженъ былъ нести обязанности ректора въ званіи префекта. Но мы (какъ видно изъ сказаннаго выше о Чарнуцкомъ) болѣе склонны думать, что Чарнуцкій ректорствовалъ приблизительно до второй трети 1711 г. Упоминаніе въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи" Александра Ригельмана (Москва, 1847 г., ч. 3-я, стр. 95), что 22 іюля 1709 г. Петръ Великій былъ въ Кіевѣ, и что тутъ предъ нимъ *ректоръ* Ѳ. Прокоповичъ говорилъ рѣчь—очевидно, не точно въ обозначеніи служебнаго положенія Прокоповича. Извѣстно, что 15 февраля и 15 іюля 1709 г. Прокоповичъ былъ въ званіи префекта („Исторія Россіи..." С. Соловьева, изд. товарищ. „Обществ. Польза", т. XV, стр. 1546 и 1557). Совершенно непонятно и замѣчаніе въ „Исторической

ктически по осень 1716 г. [1]), номинально же, кажется, до начала 1717 [2]), если не до 2 іюня 1718 года.

запискѣ объ Академіи" 1773 г. (См ее въ „Актахъ Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи", собран. В. Аскоченскимъ, т. III, д. № 41), что Прокоповичъ былъ произведенъ во игумена Кіево-Братскаго монастыря въ 1709 году „чрезъ письмо отъ графа Головкина". По назначеніи Христофора Чарнуцкаго (что могло быть въ 1709 году) игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря, Ѳ. Прокоповичъ не былъ ли помощникомъ Чарнуцкаго (продолжавшаго все-таки ректорствовать въ Академіи) по управленію и Братскимъ монастыремъ и Академіею, пока, наконецъ, въ 1711 г. не сталъ самостоятельно ректорствовать?

[1]) Въ 1716 году Прокоповичъ былъ взятъ ко двору Петра Великаго („Труды Кіевской духовной Академіи", 1861 г., № 3, стр. 268; въ Петербургъ онъ прибылъ 14-го октября 1716 г.; Чистовичъ, стр. 25), гдѣ состоялъ проповѣдникомъ до своей хиротоніи во еписк. Псковскаго, послѣдовавшей 2 іюня 1718 г. („Труды Кіев. дух. Акад.", 1865 г, № 1, стр. 156; въ указателѣ же личныхъ именъ къ 1-й части II-го тома „Описанія документовъ и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода", стр. 80, его хиротонія невѣрно отнесена на 7 апрѣля 1718 г.); слѣдовательно, фактически онъ не ректорствовалъ въ Академіи съ осени 1716 г.

[2]) Сейчасъ ли по пріѣздѣ въ Петербургъ (т. е. осенью 1716 г.) отказался Прокоповичъ отъ ректорства въ Кіев. Акад, или продолжалъ номинально числиться ректоромъ позже,—не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, фактически его ректорское мѣсто въ 1717 г. уже было занято. Говоримъ это вотъ почему. Въ первой половинѣ 1717 г. префектомъ Академіи (см. ниже) называется Іосифъ Волчанскій; значитъ, предшественникъ Волчанскаго по префектурѣ—Пиновскій несетъ въ это время другія обязанности, т. е. состоитъ ректоромъ или, точнѣе, вице-ректоромъ. Было ли это вице-ректорство Пиновскаго, такъ сказать, окончательно утвержденнымъ, или только оно было поручено ему временно, вслѣдствіе отлучки Прокоповича,—намъ неизвѣстно. Но фактъ тотъ, что вице-ректорствуетъ онъ... Такъ какъ въ современной митроп. Самуилу Миславскому черновой исторической запискѣ (см. ее въ архивѣ Кіевск. дух. конс.; копія этой записки есть въ библ. Церк.-Арх музея при Кіев дух. Акад) объ Академіи, между прочимъ, говорится: „1717 года ноября 9 дня ректоръ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Петербургѣ былъ и писался *ректоромъ*", и въ цитованномъ выше указателѣ личныхъ именъ въ „Описаніи докум. и дѣлъ, хранящ въ архивѣ Св. Пр. Синода, сказано, что „Ѳеофанъ Прокоповичъ хиротонисанъ во епископа Псковскаго—изъ *ректоровъ* Кіевской Академіи", то ничто не препятствуетъ номинально признавать Ѳ. Прокоповича ректоромъ Академіи до 2 іюня 1718 г. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что если Прокоповичъ подписывался въ Петербургѣ въ концѣ 1717 года, *какъ ректоръ*, то это не имѣетъ особой силы даже и для того, чтобъ *номинально* признавать его въ это время и позже (до 2 іюня 1718 г.) ректоромъ Кіев. Академіи. Намъ извѣстно, что іером. Варлаамъ Ляшевскій,

6) *Сильвестръ Пиновскій* (Помовскій) съ 1717 [1]), приблизительно чуть ли не до половины 1721 г. [2]); онъ именовался лишь вице-ректоромъ (вѣроятно, потому, что никѣмъ не былъ утвержденъ въ своемъ ректорскомъ достоинствѣ, вслѣдствіе отсутствія съ 1718 по 1722 г. митрополита на Кіевской каѳедрѣ), и ему, какъ говоритъ В. Аскоченскій, „суждена была особенная честь in cathedra mori“ [3]).

7) *Іосифъ Волчанскій* со времени около половины 1721 года [4]) до 23 февраля 1727 года [5]).

оставившій учительство и префектуру въ Академіи 3 мая 1747 г., именовался *префектомъ* Кіев. Академіи 4 сентября 1747 г. (Арх. Св. Синода, д. № 38, по Опис. д. и д., т. 3, л. 330), въ началѣ 1753 г. (ibid , д. 1752 г., № 183) и 2 *февраля 1753 г*, при производствѣ его въ архимандрита Межигорскаго монастыря (см. въ архивѣ Св. Прав. Синода д. 1753 г., № 196).

[1]) Ректорскія обязанности онъ несъ съ осени 1716 г. по іюнь 1718 г. въ званіи префекта.

[2]) 25 января 1721 года онъ подписался подъ Духовнымъ Регламентомъ: „Свято-Богоявленскаго Братскаго монастыря Кіевскаго вице-ректоръ Сильвестръ Помовскій“.

[3]) „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею“, ч. 2-я, стр. 19 (Ср. Акты Кіево-Брат. училищ. монаст. и Академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. II, д. № 26). См. ниже списокъ префектовъ.

[4]) Въ архивѣ Кіевской Борисо-Глѣбской церкви, въ І-й книгѣ указовъ, есть указъ отъ 21 іюня 1721 года на имя *вице-ректора* и префекта Кіевской Академіи Іосифа Волчанскаго. *Вице-ректоромъ* и префектомъ онъ числился до половины 1722 года, вѣроятно, до утвержденія своего въ ректорскомъ достоинствѣ архіеп. Варлаамомъ Ванатовичемъ, прибывшимъ въ Кіевъ въ половинѣ этого года (См. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода, т. II, ч. I, стр. 135, гдѣ Волчанскій называетъ себя вице-ректоромъ и префектомъ въ декабрѣ 1721 г.; см. Полн. Собр. постан. и распор. по вѣд. прав. испов. Р. им., т. 2, с. 28, № 378).

[5]) Архивъ Кіев. духов. консисторіи, д. 1733 г. октября 19 дня („Вѣдомость Кіево-Пустынно-Никольскаго монастыря о остаткахъ въ ономъ монастырѣ денегъ“), по старой описи № 25. Здѣсь, на оборотѣ I-го листа, между прочимъ, прямо сказано, что „... игуменъ Іосифъ Волчанскій принялъ игуменство (въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ) въ году 1727 февраля 23 числа“. Значитъ, митроп. Амвросій въ „Исторіи Россійской іерархіи“, ч. I, стр. 504, а за нимъ іером. Макарій Булгаковъ и В. Аскоченскій невѣрно относятъ это перемѣщеніе

8) *Иларіонъ Левицкій*, вѣроятно, съ 23 февраля 1727 г. [1]) чуть не до конца 1731 года [2]); съ 1729 г. онъ состо-

---

на мартъ мѣсяцъ 1727 г. Въ рукописи библ. Кіево-Соф. собора, подъ № 406, на листѣ 657, въ концѣ метафизики, преподанной въ 1725 г. и оконченной 2 іюля того же года, есть замѣтка: „Hic liber philosophicus traditus est ab admodum reverendo patre Hilario Lewicki *rectore* Colleg. Kijovomohileani". Но эта замѣтка не современна составленію самой рукописи, а сдѣлана позже, тѣмъ же почеркомъ и тогда, какъ и подпись, находящаяся внизу по первымъ листамъ рукописи („Сия философія собственноручными трудами іером. Владимира Каміенского въ мирскомъ чину зовемого Варлаама Каміенскаго писана") и заключаетъ въ себѣ лишь указаніе, *кѣмъ* именно преподанъ философскій курсъ, безъ желанія въ точности обозначить, въ какомъ званіи былъ тогда профессоръ, *впослѣдствіи* уже ставшій *ректоромъ* (что и отмѣтилъ авторъ замѣтки). (Въ замѣткѣ же на оборотѣ послѣдняго бѣловаго листа въ рукописи 1725 г., находящейся въ той же библ. Кіево-Соф. собора, подъ № 230, и сдѣланной рукою, составившей *самую рукопись*, Волчанскій названъ ректоромъ 3 іюля 1725 г.). Такой же характеръ имѣетъ и заглавіе рукописи библ. Кіев. дух. сем. VIII. 1. 7: „Theologiae orthodoxae christianae tractatus duo de Deo et angelis... per reverendum patrem *Hilarionem Levicki*, ejusdem (К.-М.) Collegii *rectorem* anno Domini *1726* expositi". Составитель и этой рукописи озаглавилъ ее, несомнѣнно, уже по окончаніи ея въ 1727 году, обозначивъ, кѣмъ было преподано содержащееся въ рукописи, но не заботясь о точномъ указаніи, въ какомъ званіи былъ при началѣ веденія рукописи Левицкій, ставшій ко времени окончанія ея (въ 1727 г.) уже ректоромъ.

[1]) См. предыдущее примѣчаніе. Іоасафъ Горленко, еп. Бѣлгородскій, въ своихъ запискахъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ, что онъ „въ 1727 г 21 ноября принялъ мантію отъ Иларіона Левицкаго, ректора и игумена въ Братскомъ монастырѣ (Чтенія въ общ. Нестора Лѣтоп., кн. VI. 1892 г., отд. 3: „Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ и записки Іоасафа Горленко, еп. Бѣлгородскаго", стр. 98—99).

[2]) Въ архивѣ Кіев. дух. конс. въ дѣлѣ 1754 г., № 661, онъ называется ректоромъ 14 мая 1731 г. Но такимъ онъ былъ, вѣроятно, и позже, т. е. до своей смерти, послѣдовавшей въ концѣ 1731-го года. (См. „Кіев. Старину", 1889 г., № 6 стр. 41 и сл.) Значитъ, преемникъ Левицкаго по ректурѣ—Амвросій Дубневичъ сталъ называться *ректоромъ* около конца этого года До принятія ректорскаго званія Амвросій Дубневичъ состоялъ префектомъ и титуловался лишь *вице-ректоромъ* (вѣроятно, со дня назначенія Левицкаго игуменомъ Мгарскаго монастыря); съ такимъ званіемъ мы имѣемъ упоминанія о немъ отъ 2 декабря 1730 г. по 30 сентября 1731 г. (Архивъ Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской церкви, 2-я книга указовъ—„Указы... Петра II, составленнии 1727 року, имъ же послѣдуютъ универсалы архіерейскія", л.л. 78 на обор.—86).

ялъ и игуменомъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря [1]).

9) *Амвросій Дубневичъ* съ конца 1731 г. [2]) до августа 1735 года [3]), когда былъ назначенъ настоятелемъ въ Кіево-Михайловскій монастырь.

---

[1]) „Кіевская Старина", 1889, № 6. „Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря", стр. 70—71.

[2]) См. выше. Сн. книги указовъ въ архивѣ Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской це,,кви, гдѣ 23 іюня 1732 г. Дубневичъ называется ректоромъ.

[3]) Архивъ Св Прав. Синода, д. 1737 г., марта 17, № 125, гдѣ есть доношеніе митроп. Рафаила Заборовскаго Синоду отъ 9 августа 1737 г. о назначеніи Дубневича архимандритомъ въ Михайловскій монастырь (Сн. „Кіево-Злато-верхо-Михайловскій монастырь", Кіевъ, 1889, стр. 134) и о произведеніи въ архимандрита Братскаго монастыря Сильвестра Думницкаго, намѣстника Кіево-Соф. Собора. Такъ какъ Амвросій Дубневичъ съ осени 1733 г. до зимы 1735 г. отсутствовалъ изъ Академіи (см. III главу настоящаго изслѣдованія), то его мѣсто, какъ профессора богословія, занималъ Иларіонъ Негребецкій. Такое замѣщеніе, по всей вѣроятности, и явилось причиною того, что Иларіонъ Негребецкій въ надписи подъ его портретомъ, находящимся въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры (подъ № 141), называется префектомъ.

(„... Россія восхотѣ видѣть прославленна,
Егда богословія ея оставленна
Бысть учрежденъ сказатель вышныхъ откровеній
Богословскихъ и *префектъ* свободныхъ ученій,
Возгремѣвъ Бога Слова ученіемъ ясно..„).

Префектомъ въ это время (см. ниже) былъ Іеронимъ Миткевичъ; значитъ, Негребецкій состоялъ лишь учителемъ богословія. Впрочемъ, будучи префектомъ, Миткевичъ могъ исполнять должность отсутствовавшаго ректора Дубневича, а Негребецкій нести за Миткевича обязанности префекта. Въ такомъ случаѣ, приведенныя слова изъ надписи подъ портретомъ Негребецкаго будутъ имѣть нѣкоторое основаніе для себя, хотя, *повторяемъ*, оффиціально префектомъ Негребецкій не числился. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ на это никакихъ указаній. Послѣ Негребецкаго, въ ректорство Дубневича, богословіе преподавали совмѣстно Платонъ Левицкій и Іеронимъ Миткевичъ (см. III-ю главу настоящаго изслѣдованія.). Левицкій, видимо, былъ поставленъ выше, чѣмъ тогдашній префектъ Миткевичъ, тоже читавшій часть богословскаго курса. По крайней мѣрѣ, мы трижды встрѣтили наименованіе Левицкаго, какъ „учителя священной богословіи и Кіево-училищнаго монастиря *директора*", въ сентябрѣ (26 и 27 чиселъ) и въ октябрѣ (14 числа) 1736 года. (Архивъ Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской церкви, 3-я книга указовъ, л.л. 69 на обор., 73 на обор. и 93 на обор.).

10) *Сильвестръ Думницкій* [1]) съ 1 Августа 1737 года [2]) по 31 августа 1740 г., [3]) когда былъ переведенъ въ Кіево-Михайловскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1746 году [4]).

11) *Сильвестръ Кулябка* съ 5-го сентября 1740 г. [5]) до 20 октября 1745 г. [6]) и

---

[1]) До назначенія на должность ректора, Думницкій былъ, въ 1728 г., іеродіакономъ Софійскаго каѳедральнаго монастыря. (Описаніе докумен. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св Цр. Синода, т. VII, № 193; ст. 206), въ 1731 г. экзаменаторомъ (Арх. Кіев. Борисо-Глѣб. церкви, 1-я кн. указовъ) и въ 1733—7 г.г. намѣстникомъ того же монастыря (Арх. Кіев. дух. конс., д. 16 декабря 1733 г. и д. 20 марта 1734 г; Арх. Св. Синода. д. 1737 г., марта 17, № 125).

[2]) „Исторія Кіев. дух. Академіи", іером. Макарія Булгакова, стр. 159.

Приведенное выше извѣстіе, что митроп. Рафаилъ Заборовскій донесъ Св. Синоду 9 августа о назначеніи Думницкаго ректоромъ, не устраняетъ возможности предположить, что самое назначеніе послѣдовало ранѣе этого числа, быть можетъ, и 1-го августа. Поэтому мы и считаемъ (согласно съ іером. Макаріемъ) 1-е августа 1737 года днемъ назначенія Думницкаго ректоромъ.

[3]) Архивъ Кіев. дух. конс., Реестръ 1740 г., гдѣ, подъ № 1030, значится указъ отъ 31 августа ректору Думницкому о переѣздѣ его въ Михайл. монастырь. Слѣдов., Макарій Булгаковъ (стр. 159) невѣрно считаетъ его ректоромъ до 2 октября 1740 г. Уже 5-го сентября Думницкій былъ въ Михайловскомъ монастырѣ (въ архивѣ Кіев. дух. конс., въ Рестрѣ 1740 г., подъ № 1050, отъ этого числа записанъ указъ митрополита Думницкому въ *Михайловскій монастырь*).

[4]) Архивъ Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 129; ср. „Описаніе Кіево-Соф. собора", митр. Евгенія, стр. 229—30.

[5]) Архивъ Кіев. дух. кон., Реестръ 1740 г., гдѣ подъ № 1051, отъ 5 сентября, значится „Указъ учителю богословія Сильвестру о бытіи ему архимандритомъ Братскаго монастыря": грамота же ему дана на Братскую архимандрію 4 октября (ibid. №. 1175). Митр. Амвросій (Ист. Росс. іер. ч. 1, стр. 506) м. Евгеній (Прибав. къ Опис. Кіево-Соф. соб., стр. 230) и іером. Макарій Булгаковъ (Ист. Кіев. дух. Акад., стр. 159), считая его ректоромъ съ 9 августа, сами себѣ противорѣчатъ, такъ какъ ректуру Думницкаго доводятъ до 2 сентября (Амвросій, стр. 505; Евгеній, стр. 229), а Булгаковъ даже до 2 октября (стр. 159).

[6]) Арх. Св. Синода, д. 1744 г., № 83. 20 октяря Высочайше повелѣно было произвести Кулябку въ Костромского епископа; хиротонисанъ же онъ 10 ноября.

12) *Сильвестръ Ляскоронскій* [1]), 23 января 1746 г. [2]) до 28 августа 1751 года [3]).

Такъ какъ ректоры Академіи имѣли много занятій по настоятельству въ Братскомъ (а иногда и въ другомъ еще какомъ-либо) монастырѣ, по членству въ Кіевской духовной консисторіи и по преподаванію богословія, почти всегда веденному ими (см. ниже списокъ преподавателей богословія), то непосредственное участіе ихъ въ администраціи Академіи было слабымъ. Вся же администрація Академіи, внутри ея, велась обычно префектомъ, который былъ ближайшимъ помощникомъ ректора и во всемъ слѣдовалъ его совѣтамъ и указаніямъ.

Административныя обязанности префекта, поэтому, были чрезвычайно сложны. Пріемъ и испытаніе воспитанниковъ [4]), высшій надзоръ за ихъ поведеніемъ [5]), „добронравніи увѣща-

---

[1]) До ректорства онъ былъ учителемъ въ Академіи (см. ниже), нѣкоторое время состоялъ членомъ Кіевской духовной консисторіи, затѣмъ, съ 29 января 1741 года до 13 мая 1744 г. былъ старшимъ іеромонахомъ Виленскаго Свято-Духова монастыря, и, наконецъ, возведенный 21 іюля 1745 года въ санъ ахримандрита (Архивъ С. Синода, д. 1745 г. мая 9, № 156), до августа 1745 г. состоялъ архимандритомъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря (Архивъ Кіев. дух. конс., связка дѣлъ о монастыряхъ Кириловскомъ, Нѣжинскомъ и Межигорскомъ за 1745—6 г.г.), съ августа же 1745 г. до ректорства почему-то жилъ въ Кудрявскомъ митрополичьемъ домѣ (Арх. Св. Синода, д. 1745 г., мая 9, № 156).

[2]) Представленіе о назначеніи его, какъ „человѣка состоянія и ученія добраго и могущаго богословіе учить“, ректоромъ Академіи было сдѣлано въ Св. Синодъ митр. Заборовскимъ 1-го декабря 1745 г. и утверждено синодальнымъ указомъ отъ 23 января 1746 г (ibid.). Грамота на ректорство (см. І-е приложеніе къ нашему изслѣдованію) ему была выдана 23 февраля, а 24-го онъ былъ приведенъ къ присягѣ (Арх. Св. Синода, д. 1745 г. № 156).

[3]) Онъ былъ удаленъ отъ ректорства, вслѣдствіе столкновенія съ митр. Тимоѳеемъ Щербацкимъ, въ Выдубицкій монастырь (Акты Кіево-Брат. учил мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. І, д. № 40), гдѣ и умеръ скоропостижно 8 мая 1754 г. (Арх. Кіев. дух. конс., черновая записка объ Академіи 1760-хъ годовъ).

[4]) Акты, относ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст. д. № 6.

[5]) Инструкція митр. Заборовскаго, пунктъ XXII. „Кіевъ съ древн. его учил. Академіею“, В. Аскоченскаго, ч. 2, стр. 108.

нія" ихъ [1]), судъ надъ ними, штрафы и наказанія виновныхъ [2]), назначеніе сеніоровъ и инспекторовъ младшимъ воспитанникамъ [3]), посѣщеніе ученическихъ квартиръ [4]), завѣдываніе академическими суммами [5]); веденіе списковъ всѣхъ студентовъ, съ обозначеніемъ ихъ успѣхомъ и поведенія [6]), на случай выдачи имъ аттестацій [7]) и свидѣтельствъ при окончаніи курса [8]), разрѣшеніе отпусковъ [9]), хожденія за сборомъ подаяній [10]) и мн. др. всецѣло лежали на одномъ префектѣ.

Правда, въ воспитательномъ дѣлѣ ему помогали учителя, которые были обязаны инструкціею митр. Рафаила Заборовскаго наблюдать каждый за поведеніемъ учениковъ своего класса [11]), и отчасти тѣ старшіе воспитанники, которые назначались сеніорами и инспекторами надъ младшими; но этимъ мало облегчалось трудное дѣло префектуры [12]), всегда связанное еще съ преподавательствомъ въ одномъ изъ высшихъ классовъ—философскомъ или богословскомъ (см. ниже списокъ учителей).

---

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст., д. № 3.

[2]) Ibid, №№ 6 и 9.

[3]) Инструкція митр. Заборовскаго, пунктъ XX (Аскоченскій, ч. 2, стр. 107).

[4]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст., д. № 3; ср. Инструкцію м. Заборов., пунктъ XVIII (Аскоченскій, ч. 2, стр. 106).

[5]) Ibid, № 8.

[6]) Инструкція митр. Заборов., пунктъ XIX (Аскоченскій, ч. 2, стр. 107).

[7]) См. въ библ. Церк-Арх. Музея при Кіев. дух. Акад., переданное нами прошеніе 1749 г. объ опредѣленіи Голѣнковскаго инспекторомъ.

[8]) Инструк. митр. Заборовскаго, пунктъ XXI.

[9]) Ibid., пунктъ V (Аскочен., ч. 2, стр. 103).

[10]) Ibid.

[11]) Инструкція митр. Заборовскаго, пункты XIII, XX и XXI (у Аскоченскаго, ч. 2, стр. 105, 107 и 108). Въ „собраніи учителей" префектъ иногда обсуждалъ важнѣйшіе проступки учениковъ (См. Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст., д. № 9).

[12]) Нѣкоторую помощь префекту оказывалъ еще учитель риторики, ведшій иногда обыкновенную корреспонденцію Академіи. См. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 32.

При единоличномъ почти несеніи всей тяжести академической администраціи, префектъ въ своихъ дѣйствіяхъ, разумѣется, не всегда могъ быть свободнымъ отъ разныхъ погрѣшностей, часто возникавшихъ изъ ничтожныхъ недоразумѣній въ его отношеніяхъ къ учителямъ, подчиненнымъ ему [1]), и къ ученикамъ. Въ такихъ случаяхъ положеніе его бывало очень непріятнымъ. Учителя, недовольные за что-либо префектомъ, оскорбляли его [2]), жаловались на него митрополиту [3]) и даже требовали его удаленія [4]); ученики, когда имъ казалось, что префектъ обращается съ ними не такъ, какъ бы слѣдовало, по ихъ мнѣнію,—„чинили ему противности", подымали противъ него „возмущенія" и составляли на него петиціи митрополиту [5])...

Въ излѣдуемое нами время префектами Академіи послѣдовательно были:

1) *Иннокентій Поповскій* съ 1699 г. [6]) до мая 1704

---

[1]) Инструкція митр. Заборовскаго, пунктъ XXII (см у Асkочен. ч. 2, стр. 108).

[2]) Такъ, въ 1711 г. (см. ниже списокъ учителей) Гедеонъ Вишневскій, учитель риторики, „съ... дерзостію на многочисленномъ пиршествѣ началъ съ ругательствами на... Сильвестра (Пиновскаго), префекта коллегіи"... См. письмо Ѳеоф. Прокоповича къ профессорамъ Академіи, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи", 1865 г., № 1, стр. 152.

[3]) 5-го февраля 1746 г. учителя инфимы Иванъ Мокіевскій и фары Василій Крыжановскій жаловались митр. Заборовскому „о чинимыхъ имъ обидахъ" префектомъ Козачинскимъ, на что митрополитъ отвѣтилъ указомъ, „чтобы оный префектъ къ онымъ никакого дѣла не имѣлъ" (Архивъ Кіев. дух. консист, Реестръ 1746 г., № 15).

[4]) Всѣ учителя Академіи, во главѣ съ Варлаамомъ Лащевскимъ, 28 іюня 1746 г. просили митрополита удалить Козачинскаго „отъ префектовскаго званія" (Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ 1745 г., № 115), что и было исполнено митрополитомъ (Акты Кіево-Брат. уч. мон. и акад., т. I, д. № 13).

[5]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.", № 2 См. „Кіев. Старина", 1896, № 3, стр. 311 и 312).

[6]) Н. И. Петровъ, „Кіев. Акад. во второй половинѣ XVII в.", стр. 71 и др. Впрочемъ, митр Евгеній, митр. Амвросій, іером. Макарій (Булгаковъ) и В.

года, до назначенія его ректоромъ на мѣсто Гедеона Одорскаго [1]).

2) *Христофоръ Чарнуцкій*, вѣроятно, съ мая 1704 г. [2]) и, пожалуй, до первыхъ мѣсяцевъ 1707 года, до назначенія префектомъ Ѳеофана Прокоповича [3]).

3) *Ѳеофанъ Прокоповичъ* съ начала 1707 [4]) приблизитель-

Аскоченскій считаютъ его префектомъ съ 1700 г. Безспорныя указанія на его префектуру мы имѣемъ отъ первой половины мая 1701 г. (Онъ подписался подъ тогдашнимъ прошеніемъ митр. Варлааму Ясинскому о защитѣ академическихъ правъ, нарушаемыхъ разными лицами. какъ „Академія... Кіевской *префектъ школъ*, учитель наукъ философскихъ и *богословскихъ*"; см. „Труды Кіев. дух. Акад.". 1900 г., декабрь, стр. 604) и отъ 13 апрѣля 1702 г. (см. рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 461, л. 384 на обор.: „Patens imitationis causa", съ подписью Поповскаго). Сн. „Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій", С. Т. Голубева, Кіевъ, 1901 г., стр. 99.

[1]) См. выше списокъ ректоровъ.

[2]) Думаемъ, что назначеніе его префектомъ послѣдовало въ связи и одновременно съ переводомъ на ректорскую должность Иннокентія Поповскаго (см. выше списокъ ректоровъ). Во всякомъ случаѣ, въ 1704 г. Чарнуцкій, несомнѣнно, былъ префектомъ; см. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 88, гдѣ на л. 245 приводится поздравленіе, сказанное Мазепѣ *префектомъ* Чарнуцкимъ, не иначе, какъ въ 1704 г., потому что предъ этимъ поздравленіемъ въ рукописи помѣщены префація и другія статьи, составленныя частію въ честь Мазепы, а частію по поводу его присутствія въ Кіев. Акад. *въ 1704 году*.

[3]) См. выше списокъ ректоровъ.

[4]) В. Аскоченскій во 2-й части „Кіевъ съ древн. училищемъ Академіею", на стр 17-й говоритъ, что Прокоповичъ принялъ префектуру въ 1708 г,, а на стр. 307-й первой части, что онъ возведенъ былъ въ званіе префекта въ 1707 году.

И. Чистовичъ („Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время", стр. 14) считаетъ Прокоповича префектомъ и учителемъ философіи съ 1707 года. Дѣйствительно, въ 1707 году Прокоповичъ былъ префектомъ Академіи; такъ, въ піитикѣ, преподанной въ Кіевской Академіи, въ 170$^7/_8$ учеб. году (Idea artis poeseos, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae tradita. . a R. Patre Laurentio Gorka... anno 1707), въ числѣ примѣровъ, профессоромъ приводится exercitatio R. S. S. P. Teophanis Prokopowicz, academiae nostrae *Praefecti* eximii, viri nostrae aetatis doctissimi... (см. экземпляръ этой піитики въ рукописи библ. Кіево-Михайл. монастыря, № 1721, л. 193).

но до второй трети 1711 года [1]) (при чемъ съ половины 1710 г., если въ Академіи уже не былъ ректоромъ Христофоръ Чарнуцкій, онъ исполнялъ и ректорскія обязанности).

4) *Сильвестръ Пиновскій* (не упоминаемый ни въ одномъ печатномъ спискѣ префектовъ), вѣроятно, со второй трети (по переводѣ Прокоповича на должность ректора) 1711 г. приблизительно до 1717 г. (исполнявшій съ осени 1716 г. и должность ректора) [2])..

---

[1]) Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ (дѣла Малорос., 1710 г., № 28) есть указъ, начинающійся такъ: „1711 года марта въ 12-й день великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ... пожаловалъ изъ Кіево-Братскаго монастыря *префекта* Θеофана Прокоповича, который, по его великаго государя указу, былъ на время на Москвѣ для проповѣди слова Божія..., денегъ 50 рублевъ, два косяка камки, пару соболей въ три рубли"... Значитъ, до половины марта 1711 года Прокоповичъ носилъ еще званіе префекта. О времени его перемѣщенія на должность ректора см. выше.

[2]) Всѣ данныя о префектурѣ Пиновскаго—это, во І-хъ, упоминаніе его, какъ „учителя философіи и *префекта* училищъ кіевскихъ" въ многолѣтіи, возглашенномъ въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в. („Кіевская Старина", 1884 г., іюль, стр. 545—6). Многолѣтіе это, по нашему мнѣнію, возглашено было приблизительно въ половинѣ 1711 года. Сообщившій это многолѣтіе П. Л—въ относитъ время его возглашенія къ 1718—22 г.г., „когда, по смерти митроп. І. Кроковскаго, 4 года митрополичья каѳедра въ Кіевѣ оставалась вакантною"; такъ какъ въ этомъ многолѣтіи, разсуждаетъ онъ, „нѣтъ имени кіевскаго архипастыря, между тѣмъ какъ не забытъ кіевскій войтъ". Но умолчаніе объ архипастырѣ въ данномъ „многолѣтіи" объясняется тѣмъ, что многолѣтіе ему возглашалось въ стереотипной всегдашней формѣ, которую, какъ постоянную, и не было надобности вписывать въ исключительное, академически-праздственное возглашеніе многолѣтій. Послѣднее же, какъ произносившееся разъ—два въ годъ, записывалось для возглашавшаго его діакона. Возглашеніе этого многолѣтія мы относимъ къ половинѣ 1711 г. вотъ по какимъ соображеніямъ. Гедеонъ Вишневскій, по словамъ В. Аскоченскаго (ч. 2-я, стр. 45—6) и архіеп. Филарета (Обз. рус. дух. литер., кн. 2, стр. 64—5), выбылъ изъ Кіев. Академіи въ 1712 г. (въ началѣ или въ концѣ,—неизвѣстно); значитъ, онъ былъ преподавателемъ Академіи въ 17¹¹/₁₂ учеб. году (или же въ самомъ только началѣ 17¹²/₁₃ уч. года). Преподавалъ онъ риторику, „отклонивши назначеннаго туда о. (Іосифа) Волчанскаго" (См. письмо Θ. Прокоповича къ профессорамъ Академіи въ „Труды К. д. Акад." 1865 г., янв., стр. 151—2). Въ многолѣтіи упоминается Волчанскій, но не упоминается Вишневскій; слѣдовательно, оно возглашено или до учительства Вишневскаго, или послѣ. Если

допустить, что оно возглашено послѣ ухода Вишневскаго изъ Академіи, то непонятно, почему Волчанскій, названный въ немъ учителемъ грамматики, не получилъ каѳедры Вишневскаго, кандидатомъ на которую онъ былъ ранѣе самого Вишневскаго.. Значитъ, легче признать, что многолѣтіе возглашено до учительства Вишневскаго. Этому предположенію можетъ, пожалуй, благопріятствовать и другое, что Епифаній Тихорскій, названный въ многолѣтіи учителемъ инфимы, видимо, къ концу 1712 года состоялъ уже намѣстникомъ Кіево-Братскаго монастыря и, значитъ, не былъ, вѣроятно, учителемъ (Думаемъ, что съ должностью намѣстника, при сложности монастырскаго хозяйства, невозможно было соединеніе учительства въ Академіи). Что онъ состоялъ въ указанное время намѣстникомъ, заключаемъ изъ такихъ словъ Ѳ. Прокоповича въ его письмѣ къ митроп. Рафаилу Заборовскому: „... съ 1711 года, получивъ я чинъ ректорскій, и *потомъ* тщательнаго намѣстника, блаженныя памяти Епифанія, бывшаго послѣ Бѣлградскаго архіерея..., когда осмотрѣли мы села и деревни..., тотчасъ явилось...“ (Труды Кіев. дух. Ак., 1865 г., X, стр. 274). Эти слова не даютъ права считать Тихорскаго намѣстникомъ Брат. монастыря при самомъ началѣ ректорства Прокоповича; значитъ, онъ сталъ намѣстникомъ позже, спустя нѣкоторое время, „*потомъ*“ (быть можетъ, въ концѣ 1711 года). (Чрезъ нѣкоторое время Тихорскій былъ сдѣланъ игуменомъ Глуховскаго Петро-Павловскаго монастыря; См. „Описаніе Глухов. Петро-Павл. мон.“, извлеченное изъ 3-й кн. „Истор.-стат. опис. Черниг. епархіи“, 1872 г., стр. 5, гдѣ говорится объ универсалѣ, выданномъ 15 сент. 1718 г. игумену Тихорскому). Во 2-хъ, такое упоминаніе о немъ въ одномъ изъ дѣлъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ: „въ (1)712 году августа въ первыхъ числѣхъ присланы были изъ Кіева отъ митрополита ігуменъ Кирилловскій Евстратій Самбуровичъ да *префектъ училищъ Кіевскихъ Селивестръ Пиновскій* для осмотру по церквамъ благочинія въ протопопію Гадяцкую“ (См. „Труды Кіев. дух. Акад.“, 1901 г., ноябрь, стр. 375). Въ 3-хъ, двѣ такія замѣтки въ исторической запискѣ объ Академіи 1760-хъ годовъ въ архивѣ Кіев. дух. конс., копія есть въ библ. Церковно-Археол. Музея при Кіев. дух Академіи): а) „Сильвестръ Пиновскій *префектъ* и философіи учитель, потомъ былъ вице-ректоръ Братскій Кіевскій, а далѣе и ректоръ“; и б) „1716 г. вице-ректоръ братскій Кіевскій іеромонахъ Сильвестръ Пиновскій 1716 г. былъ, потомъ онъ былъ и ректоромъ 1721 г., въ коемъ и преставился. Прежде былъ *префектъ* и философіи учитель въ Академіи Кіевской“; и въ 4-хъ, такое замѣчаніе Ѳ. Прокоповича о немъ въ письмѣ къ профессорамъ Академіи въ 1718 году: „Не забыли, конечно, вы, съ какою дерзостью на многочисленномъ пиршествѣ Вишневскій (Гедеонъ) напалъ съ ругательствами на почтеннаго о. Сильвестра, *префекта коллегіи*“... („Труды Кіев. дух. Акад.“, 1865 г., январь, стр. 152).

Такимъ образомъ, три свидѣтельства говорятъ о префектурѣ Пиновскаго, но ни одинъ изъ нихъ не обозначаетъ точно, сколько времени она продолжа-

5) *Іосифъ Волчанскій*[1]) съ 1717 года [2]) до половины

лась. Имѣя въ виду начало ректуры Прокоповича и начало префектуры Волчанскаго, не трудно опредѣлить и годы префектуры Пиновскаго.

[1]) Указанный печатными списками префектовъ Академіи предъ Волчанскимъ префектъ Іосифъ Томиловичъ долженъ быть вычеркнутъ, какъ никогда не бывшій на самомъ дѣлѣ префектомъ въ Кіевской Академіи.

Свѣдѣнія о Томиловичѣ (правда, очень скудныя), изложенныя В. Аскоченскимъ (ч. 2, стр. 18) и С. Смирновымъ („Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи", Москва, 1885 г., стр. 205),—не вѣрны.

Аскоченскій говоритъ, что Томиловичъ былъ „сотрудникомъ Прокоповича въ профессорскомъ дѣлѣ" (ч. 2, стр. 18), и приводитъ заглавія будто бы имъ составленныхъ—риторики 1711 г. (Regia sublimibus Eloquentiae alta columnis nobili Roxolanae juventuti extructa) и философіи въ 1715 г. (Philosophia tripartita, doctrinam Aristotelis de rebus dialecticis, phisicis et metaphisicis comprehendens), которыя, по его словамъ, „ни мало не отступаютъ отъ программы, какой въ свое время слѣдовалъ самъ Ѳеофанъ" (ibid., сн. стр. 497, примѣч. 19).

Смирновъ же пишетъ, что Томиловичъ былъ префектомъ Московской Академіи „съ 1712 *до* 1713 г., *изъ префектовъ Кіевской Академіи*".

Во всемъ этомъ справедливо лишь одно, что Томиловичъ былъ префектомъ Московской Академіи,—только онъ былъ тамъ дольше, чѣмъ какъ думаетъ Смирновъ (По крайней мѣрѣ, въ октябрѣ 1713 г. онъ былъ еще префектомъ въ Москвѣ; см. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. II, ч. I, № 187, стр. 270, 282 и др.), все же прочее невѣрно. Во-1-хъ, префектомъ Москов. Акад. Томиловичъ былъ назначенъ не изъ префектовъ Кіевской Академіи, а изъ учителей Московской же Академіи, гдѣ онъ и закончилъ свое образованіе, по переходѣ туда въ 1702 г. изъ Кіевской Академіи (ibid., т. VII, прилож. VIII, ст. CLI; рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 461, л.л. 384—5); во-2-хъ, будучи въ Москвѣ до 1713 г. (если не позже), онъ не могъ читать въ Кіевѣ ни риторики 1711 г., которую ему приписалъ Аскоченскій (Мы сильно сомнѣваемся, въ Кіевской ли Академіи преподана эта риторика, почему и не указываемъ ее въ спискѣ академическихъ учебниковъ), ни философіи 1715 г., которая приписана ему по неосмотрительности Аскоченскаго; такъ какъ изъ трехъ экземпляровъ учебника по философіи 1715 г. (одинъ въ библ. Кіев. дух. Акад., I. 11. 73. 14; другой въ библ. Кіево-Печер. лавры X, 62, третій въ библ. Кіево-Мих. мон. № 1706) два (послѣднихъ) прямо надписаны именемъ Іосифа Волчанскаго, который въ 1715 г., дѣйствительно, преподавалъ философію (см. ниже). Томиловичъ былъ въ Кіев. Академіи лишь учителемъ богословія въ 1717—20 г.г. (см. ниже), послѣ чего состоялъ настоятелемъ Кіево-Кирилловскаго монастыря (См. его подпись подъ Духовнымъ Регламентомъ).

[2]) Въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи", 1865 г., № 1, стр. 152, примѣч. 1, говорится, что онъ былъ префектомъ съ 1721 г., но въ заглавіи рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1703, онъ имъ называется въ 1717 году. Въ этомъ за-

1722 [1]) г.

6) *Платонъ Малиновскій* съ половины 1722 г. [2]) до половины 1724 г., когда, по указу Свят. Синода, былъ переведенъ на ту же должность въ Московскую Академію [3]);

7) *Иларіонъ Левицкій* съ половины 1724 г. [4]), вѣроятно, до 23 февраля 1727 года [5]).

главіи (см. „Описан. рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. 2, № 447, стр. 142) говорится: „Philosophia universa doctrinam Peripathethicam.. complectens.., extructa annis 1717 et 1718 optimo professore ac ordinario *praefecto* protunc scholarum R. Patre Iosepho Wolczanski“. Въ рукописи содержится начало философскихъ лекцій, читанныхъ съ осени 1717 г., значитъ, въ эту пору Волчанскій былъ уже префектомъ.

Въ рукописи же Кіево-Печер. лавры X, 62 (Philosophia tripatrita, doctrinam Aristotelis de rebus dialecticis, phisicis compraehendens, in Collegio Kijovo-Mohilaeano inchoata anno Domini *1715* 7-bris die 13), въ заглавіи метафизики, преподанной въ концѣ 2-го года философскаго курса, начатаго осенью 1715 г., значитъ, читанной *весною* 1717 г., сказано, что она преподана І. Волчанскимъ, *protunc praefectum;* слѣдов., безъ сомнѣнія, онъ сталъ префектомъ въ началѣ 1717 г. (если даже не въ концѣ 1716 г.).

[1]) См. консисторскій указъ 30 января 1721 года („Кіев. Старина“, 1891, іюль, докум., извл. и зам., стр. 150), гдѣ І. Волчанскій называется префектомъ. Послѣ января 1721 г. Волчанскій, оставаясь префектомъ, состоялъ вице-ректоромъ, вѣроятно, до половины 1722 г. (см. выше).

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. II, стр. 732.

[3]) Полное собраніе постан. и распоряж. по вѣдом. правосл. испов. Росс. имп., т. IV, № 1169, стр. 20—21; сн. Описан. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. IV, ст. 135.

[4]) Какъ непосредственный преемникъ Малиновскаго, онъ принялъ префектуру сейчасъ же, вѣроятно, по уходѣ Малиновскаго въ Москву.

[5]) См. выше о времени назначенія его ректоромъ. На одномъ изъ колоколовъ Кіево-Братскаго монастыря имѣется такая надпись: „сей звонъ есть Кіево-Могилянскій: сдѣланъ за преподобнато отца префекта Іларіона Левицкаго. Anno MDCCXXVII“. („Кіево-Братскій учил. монастырь“, Н. Мухина, Кіевъ, 1893, стр. 285). Эта надпись сама по себѣ не можетъ служить твердою основою для точныхъ хронологическихъ построеній о префектурѣ Левицкаго, потому что неизвѣстно, что именно ею выражено: то ли, что колоколъ сдѣланъ въ знакъ благодарности за здравіе, благополучіе или за какое-либо обстоятельство въ жизни префекта Левицкаго, или то, что онъ сооруженъ *во время* префектуры

8) *Амвросій Дубневичъ*, вѣроятно, съ 23 февраля 1727 г., т. е. со времени назначенія Левицкаго ректоромъ [1]), до конца почти 1731 года [2]).

Левицкаго. Ничто не препятствуетъ думать, что колоколъ сооруженъ на средства префекта Левицкаго, данныя имъ въ 1727 году по случаю его назначенія ректоромъ Академіи, въ знакъ благодарности Богу за такую милость. Самый звонъ могъ быть отлитъ въ такомъ случаѣ и въ концѣ 1727 г. Но возможно и то предположеніе, что звонъ былъ заказанъ Левицкимъ по какому-либо иному побужденію во время его дѣйствительной префектуры въ началѣ 1727 года.

[1]) Въ рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 9, на оборотѣ 14-го листа значится, что *20 ноября 1727 г.* Амвросій Дубневичъ состоялъ префектомъ.

[2]) Съ 1727 г. онъ былъ и вице-ректоромъ; см. выше списокъ ректоровъ, гдѣ, въ примѣчаніи къ тексту о ректурѣ Левицкаго, указано время вице-ректорства Дубневича.

Въ архивѣ Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской церкви, во 2-й книгѣ указовъ, между прочимъ, есть указъ отъ *2 декабря 1730 г.*, содержащій въ себѣ опредѣленіе, кому быть членами консисторіи со дня этого указа. Тутъ *ректоромъ* названъ Иларіонъ Левицкій, *вице-ректоромъ* Амвросій Дубневичъ и *префектомъ* и учителемъ философіи Стефанъ Калиновскій (см. л. 78 на обор.—79); 28-го же января 1731 г. въ указахъ той же книги *префектомъ* называется Дубневичъ, а Калиновскій *только* учителемъ философіи; въ февралѣ, мартѣ, августѣ и сентябрѣ (30-го) 1731 г. опять же Дубневичъ вице-ректоромъ и *префектомъ*, а Калиновскій *только* учителемъ философіи. Выходитъ, стало быть, что Калиновскій въ концѣ 1730 г. былъ префектомъ. Но въ такомъ случаѣ, почему онъ не несъ префектуры въ самомъ началѣ 1731 года? Не явилось ли въ указѣ 2-го декабря 1730 г. названіе Стефана Калиновскаго префектомъ чисто случайно? Поименовавъ ректора, вице-ректора, но не зная, или упустивъ изъ виду, что послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и префектомъ, писецъ сообразилъ, что префектомъ по обычному академическому порядку долженъ быть учитель философіи—а такимъ былъ Калиновскій,—и назвалъ его префектомъ. Что тутъ имѣетъ мѣсто именно неудачное соображеніе писца, открывается изъ того, что и въ началѣ 1730 года префектомъ былъ Амвросій Дубневичъ (13 января этого года, по словамъ записокъ Я. Марковича, въ погребеніи гетманши Анастасіи Скоропадской участвовалъ *префектъ* коллегіума Кіевскаго Амвросій Дубневичъ, который тогда же и предику пространную говорилъ; см. выдержку изъ указанныхъ записокъ въ извлеченномъ изъ 4-й книги Историко-статист. описан. Черниговъ. епархіи „Описанія Гамалѣевскаго Харлампіевскаго монастыря", Черниговъ, 1872 г., стр. 9). Если же вѣрить означенному указу, то нужно признать Калиновскаго префектомъ только въ части 1730 года. Но тогда на вопросъ, почему онъ былъ поставленъ префектомъ въ означенномъ году и почему, затѣмъ, въ короткій срокъ лишенъ

9) *Стефанъ Калиновскій* съ конца 1731 г., [1]) чуть-ли не до декабря 1733 [2]);

10) *Іеронимъ Миткевичъ*, какъ непосредственный преемникъ Калиновскаго, вѣроятно, съ декабря 1733 г. [3]) и почти до конца августа мѣсяца 1737 г. [4]), послѣ этого былъ до половины 1739 г. учителемъ богословія (см. ниже), а затѣмъ,

---

этого званія въ томъ же году,—ничего нельзя сказать, такъ какъ трудно даже и подозрѣвать (въ виду общаго состава тогдашней академической корпораціи и происходившихъ въ ней служебныхъ передвиженій) какія-либо особенныя пертурбаціи, такъ быстро игравшія судьбою Калиновскаго.

[1]) По префектурѣ онъ былъ непосредственнымъ преемникомъ Дубневича.

[2]) 29 сентября 1732 г. онъ былъ вызванъ на ту же должность въ Москву (Полн. собраніе постан. и распор. по вѣдом. прав. исп. Росс. имп., т. VII, № 2613, ст. 556), куда и отправился въ 1733 г. (См. его подпись въ званіи префекта Кіев. Академіи 4 февраля 1733 г., въ дѣлѣ подъ № 3, въ I томѣ Актовъ Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ). Въ архивѣ Кіев. дух. конс., въ дѣлахъ 1770 г., есть черновой набросокъ біографіи митр. Гавріила Кременецкаго, гдѣ, между прочимъ, говорится, что Кременецкій „выбылъ въ Великороссію бѣлцемъ Кіевской Академіи съ префектомъ Стефаномъ Калѣновскимъ въ 1733 г. декабря въ московскія славено-латинскія школы, по указу Св. Синода отправившимся“.

С. Смирновъ почему-то считаетъ его префектомъ Московской Академіи съ 1 августа 1732 г. („Исторія Моск. Сл.-Гр. Лат. Академіи“, стр. 208), когда онъ еще не былъ даже вызванъ туда. (Въ архивѣ Св. Синода, въ дѣлѣ 1734 г., № 369/Б, есть „справка“ о томъ, „колико съ состоянія Св. Прав. Синода, изъ Кіевской епархіи и кто именно, и по какимъ опредѣленіямъ, и въ каковы мѣста іеромонахи, іеродіаконы и монахи взяты, и въ которыхъ годѣхъ“. Въ „справкѣ“ указано, что изъ Кіево-Братскаго монастыря взятъ *въ 1727 г.* Стефанъ Калиновскій, но на полѣ замѣчено: „Онаго Калиновскаго высылка была учинена въ 1732 году“. О вызовѣ его указано въ той же справкѣ и подъ 1732 г. Видимо, справка отмѣчаетъ только время вызова, но не время самой *высылки* перечисляемыхъ въ ней лицъ).

[3]) О префектурѣ его 19 іюля 1734 г. свидѣтельствуетъ его подпись въ это число подъ паспортомъ ритора Григорія Левицкаго. (Этотъ паспортъ см. въ Арх. Кіев. дух. конс., въ дѣлѣ 1742 г., № 1).

[4]) 26 іюня 1737 г. онъ еще состоялъ префектомъ. (См. Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, № 5). Преемникъ же его Кулябка опредѣленъ въ префекты въ концѣ августа (см. ниже).

былъ назначенъ намѣстникомъ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго монастыря [1]).

11) *Сильвестръ Кулябка*, съ конца августа 1737 г. [2]) по 3-е іюня 1740 года [3]).

12) *Михаилъ* [4]) *Козачинскій*, съ 3 іюня 1740 г. [5]) по 29 іюня 1746 года [6]).

---

[1]) Ср. его подписи въ 1737 г., какъ префекта, и въ 1740 г., какъ намѣстника; ibid., д.д. №№ 5 и 9. Въ 1739 г. онъ былъ намѣстникомъ Софійскаго монастыря, какъ видно изъ дѣла 1739 г. (въ архивѣ Кіев. дух. конс.) по доношенію Максима Богдановича о принятіи его въ Софійскій мон.

[2]) См. доношеніе іером. Сильвестра Кулябки митр. Р. Заборовскому 1740 г. (въ концѣ мая), въ которомъ онъ прямо говоритъ: „Въ прошломъ 1737 году августа въ послѣднихъ числѣхъ... опредѣленъ я въ Академіи префектомъ" (Подлинное доношеніе находится у профессора С. Т. Голубева). Утвержденіе митр. Евгенія и іером. Макарія Булгакова, что онъ сталъ префектомъ съ 1738 г., не вѣрно.

[3]) Архивъ Кіев. духов. конс., Реестръ 1740 г., гдѣ подъ 3 іюня, за № 574, значится указъ митрополита, увольняющій Кулябку, согласно его желанію, отъ префектуры. Уволненъ былъ Кулябка отъ должности префекта резолюціею митрополита, положенною 1 іюня 1740 г. на доношеніи Кулябки м-ту съ просьбою освободить его отъ префектовской службы, въ виду занятій богословіемъ. (См. доношеніе у профессора С. Т. Голубева). Тою же резолюціею префектомъ на мѣсто Кулябки назначенъ былъ іеромонахъ Михаилъ Козачинскій.

[4]) Митр. Амвросій („Исторія Росс. іерархіи", ч. 1, стр. 505) ошибочно называетъ его Максимомъ.

[5]) Въ архивѣ Кіев. дух. конс., въ Реестрѣ 1740 г., № 574, этимъ числомъ помѣченъ указъ о назначеніи Козачинскаго на мѣсто Кулябки; резолюція же митрополита о назначеніи его послѣдовала 1-го іюня 1740 г. (см. выше).

[6]) Въ „реестрѣ вхожихъ дѣлъ (въ канцелярію митрополита) въ 1746 г.", подъ № 115, отъ 28 іюня, записано „доношеніе отъ учителей Академіи Кіевскія Варлаама Лащевскаго и протчіихъ съ прошеніемъ объ отдаленіи Академіи Кіевской префекта іеромонаха Михаила отъ префектовскаго званія ради показанныхъ въ томъ доношеніи на его префекта причинъ". Вслѣдствіе этого доношенія Козачинскій былъ уволенъ отъ префектуры, видимо, не ранѣе 29 числа. (Самъ Козачинскій неопредѣленно говоритъ, что уволенъ „іюня послѣднихъ чиселъ"; Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 23), такъ какъ въ дѣлахъ архива Кіево-Печерской лавры (связка дѣлъ № 2) есть прошеніе ученика грамматики Григорія Полянскаго, засвидѣтельствованное учителемъ богословія и *префектомъ* Михаиломъ Козачинскимъ 29 *іюня* 1746 года.

Къ свѣдѣніямъ о Козачинскомъ, изложеннымъ у В. Аскоченнскаго (ч. 2, стр. 54—57) и у преосвящ. Филарета („Обзор. рус. дух. литературы", кн. 2-я, стр. 67—8), мы находимъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія.

Возвратившись изъ Сербіи въ августѣ 1738 г. (Акты Кіево-Врат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I. д. № 11, хотя самъ Аскоченскій на основаніи этого же дѣла говоритъ, что Козачинскій возвратился въ 1739 г.) безженный (Рукоп. библ. Кіев. дух Акад.; отд. Р. Муз., № 650, д. 1739 г.; ср. „Подолія", изд. П. Н. Батюшкова, Спб., 1891, стр. 175), іерей Мануилъ Козачинскій поступилъ въ Кіево-Выдубицкій монастырь, желая принять здѣсь постриженіе въ монашество. 9 августа 1739 г., послѣдовалъ указъ Св. Синода о его постриженіи (Акты Кіево-Брат. учил мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, л. 101 на обор.; которое было совершено 16 января 1740 г.,—ibid., л. 121), и онъ съ сентября 1739 г. началъ въ Академіи свои уроки по философіи (ibid., д. № 13). Съ 3 іюня 1740 г. былъ префектомъ до „доношенія" Варлаама Лящевскаго „съ протчими учителями" (см. выше), когда, „прежде суда и мира" съ жалобщиками (Акты, т. I, № 23), былъ устраненъ митрополитомъ отъ префектуры, 29 іюня 1746 г., оставаясь все-таки до 28 іюля учителемъ богословія (ibid., подпись его на прошеніи митрополиту въ этотъ день). (Въ числѣ документовъ, принадлежащихъ профессору Кіев. дух. Академіи С. Т. Голубеву, есть доношеніе Кіевскому митрополиту Р. Заборовскому префекта Академіи Михаила Козачинскаго отъ 15 мая 1746 г. Подъ этимъ прошеніемъ Козачинскій подписался *учителемъ философіи* и префектомъ. Несомнѣнно префектъ Козачинскій былъ въ 1746 г. учителемъ *богословія*,—см. III-ю главу настоящаго изслѣдованія; а почему онъ подписался учителемъ *философіи*, а не богословія, объ этомъ мы свои соображенія выскажемъ ниже, гдѣ будетъ идти рѣчь о Козачинскомъ, какъ профессорѣ богословія). 31 іюля 1746 г., по прошенію, былъ опредѣленъ въ Выдубицкій монастырь (На прошеніи Козачинскаго объ отставкѣ замѣчено: „31 іюля указъ Выдубицкому игумену—принять, опредѣлить ему келію честную и порцію обыкновенную и въ особенномъ респектѣ своемъ и любвѣ содержать"), отсюда былъ назначенъ игуменомъ Красногорскаго Гадяцкаго монастыря (Непонятно, какимъ образомъ Аскоченскій, ч. 2-я, стр. 55, связываетъ это игуменство Козачинскаго съ его службою въ Академіи, когда приводимое имъ же самимъ на стр. 504, прим. 75, стихотвореніе подъ портретомъ Козачинскаго, хранящимся въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, не даетъ никакого основанія для такой связи); въ концѣ 1748 г. былъ переведенъ въ Слуцкъ (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1750 г., № 1280) и здѣсь 1 августа 1749 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита на Слуцкую архимандрію (Арх. Кіев. дух конс., д. 1749 г., № 34), гдѣ и умеръ „въ жолтачки и опуху" 5 августа 1755 г. (Арх. Кіевск. дух. конс. д. 1755 г., № 648. По Аскоченскому, онъ умеръ въ Выдубицкомъ монастырѣ и какъ бы раньше, чѣмъ въ 1755 г.).

13) [1]) *Варлаамъ Лящевскій* съ 30 іюня 1746 года [2]) по 3-е мая 1747 года, когда онъ выѣхалъ въ Петербургъ для

---

[1]) Послѣ Козачинскаго историки Академіи (м. Амвросій „Ист. Росс. іер.“, ч. 1-я, стр. 505; митроп. Евгеній „Описан. Кіево-Соф. собора“, Приб., с. 230; іером. Макарій Булгаковъ „Ист. Кіев. дух. Акад.“, стр. 160, В. Аскоченскій, ч. 2-я, стр. 109, и еписк. Черниговскій Филаретъ, „Обзоръ рус. дух. литер.“, кн. 2, стр. 68) префектомъ Академіи называютъ Тихона Александровича, отводя на его префектуру 1745 годъ (Козачинскаго они ошибочно считаютъ префектомъ только до 1745 г.). Такъ дѣлаютъ они, быть можетъ, въ томъ соображеніи, что почти весь 1745 г., съ весны до декабря мѣсяца (См. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 23) Козачинскій пробылъ въ Петербургѣ. Но имъ, очевидно, неизвѣстно было ни то, что замѣстителемъ Козачинскаго на это время былъ Варлаамъ Лящевскій (Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ 1745 г., гдѣ подъ № 119, отъ 27 августа записано поступившимъ въ канцелярію митрополита доношеніе отъ іеродіакона Киприіана Аравскаго съ просьбою „опредѣлить его на жительство въ Кіево-Братскій монастырь, ради обученія въ Академіи“, съ такою отмѣткою канцеляріи: „Посланъ указъ къ іеромонаху Варлааму Лащевскому о принятіи въ монастырь“, и подъ № 146, отъ 4 ноября— „доношеніе отъ *префекта* Академіи Кіевской іеромонаха Варлаама съ протчіи учителями съ прошеніемъ, къ кому надлежитъ, о представленіи, дабы за учиненное отъ капитана... Сергія Суворова студентамъ нападеніе учинено было разсмотрѣніе и о проч.), ни то, что самъ Козачинскій, по своемъ возвращеніи изъ Петербурга, еще префектствовалъ съ 8 января (Въ Арх. Кіев. дух. конс., въ реестрѣ входящихъ въ канцелярію митрополита дѣлъ 1746 г., подъ № 3, отъ 8 января, значится поступившимъ „доношеніе отъ іером. Варлаама Лащевскаго съ прошеніемъ о(бъ) уволненіи его отъ званія префектовскаго ради показаніхъ въ томъ доношеніи резоновъ“, при чемъ сдѣлана такая канцелярская замѣтка: „По резолюціи его Преосвященства посланы указы: единъ къ оному Лащевскому о уволненіи его отъ того званія, другой къ префекту Михаилу о принятіи префектурской должности и о проч.“) по 29 іюня 1746 г. (см. выше). На самомъ дѣлѣ никогда въ Кіев. Академіи не было префекта Тихона Александровича. И напрасно, значитъ, Аскоченскій, считающій какого-то Тихона Александровича префектомъ даже въ 1743 г. (ч. 2, стр. 109, вѣроятно забывъ, что нѣсколькими страницами раньше, ч. 2, стр. 54, въ этомъ году онъ вполнѣ вѣрно назвалъ префектомъ Козачинскаго), изобрѣталъ для 1743 г. учителя піитики Тихона Александровича „П“. Тѣмъ болѣе это странно, что въ актахъ, бывшихъ подъ руками у Аскоченскаго, іеродіаконъ Тихонъ Александровичъ въ 1743 г. пишется лишь учителемъ піитики, а *префектомъ* Мих. Козачинскій (См. Акты Кіево-Бр. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоч., т. I, д. № 22).

[2]) См. выше. Ср. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 30.

провѣрки новаго перевода славянской библіи [1]), и

14) *Георгій Конисскій* съ мая 1747 года по августъ 1752 года [2]).

Понятно, при значительной сложности (зависѣвшей главнымъ образомъ отъ большого количества учившихся) [3]) внутренней академической жизни, веденіе ея администраціи почти однимъ префектомъ (безъ помощи суперъ-интендента, должность котораго, какъ непосредственнаго помощника префекту, была учреждена въ Академіи во второй половинѣ XVIII в., съ улучшеніемъ академическихъ средствъ) не могло имѣть точной оффиціальности и строгой упорядоченности. И отсутствіе ихъ во внутренней жизни Академіи было такъ велико, что она до 1734 года не выработала себѣ никакого письменнаго устава или инструкціи, въ которой бы излагались хотя общія начала ея внутренней жизни; весь же строй послѣдней постепенно созидался безъ письменной регламентаціи и держался, какъ „обыкновеніе академическое", однимъ устнымъ изложеніемъ его „по школамъ" (что практиковалось и позже, во второй половинѣ XVIII вѣка) [4]), нерѣдко измѣ-

---

[1]) 30 апрѣля 1747 г. Лящевскому былъ выданъ паспортъ на проѣздъ въ Петербургъ послѣ „трипликата" Синодальнаго указа о высылкѣ его. (См. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. III, ст. 78), но выѣхалъ онъ туда 3 мая 1747 г. (Такъ донесъ Св. Синоду митр. Заборовскій; см. самое дѣло. описанное въ указанномъ изданіи). Въ 3-й связкѣ дѣлъ архива Кіево-Печерской Лавры есть аттестаты, выданные 30 апрѣля 1747 г. слушателямъ богословія Григорію Новопольскому и Ивану Полянскому, и аттестатъ, выданный слушателю философіи Семену Юнѣцкому *3 мая 1747* г., за подписью „учителя священной богословіи и Академіи Кіевской *префекта* Варлаама Лящевскаго". (2 февраля 1753 г. Лящевскій былъ произведенъ во архимандрита Межигорскаго, а 1-го мая того же года Синодальнымъ указомъ назначенъ архимандритомъ Донского Ставропигіальнаго монастыря; арх. Св. Синода, д. 1753, № 196).

[2]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 39.

[3]) О числѣ ихъ см. ниже.

[4]) См., напр., „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст." д.д. №№ 22 и др.

13) [1]) *Варлаамъ Лящевскій* съ 30 іюня 1... а и по-
по 3-е мая 1747 года, когда онъ выѣхалъ въ Г... ной нрав-
... мимоходомъ
...ической жизни,
... и точной опре-
...кція не всегда вы-
...я пунктовъ префектъ
...ліотеку, для справокъ и
...иски учениковъ, составленные
... и общій списокъ ихъ, со всѣми
...каждой школы, ихъ умственныхъ и нравственныхъ и др. ка-
...ствахъ; между тѣмъ въ 1738 году на требованіе Св. Си-
...нода представить ему вѣдомость „о обучающихся студен-
тахъ", митр. Заборовскій отвѣчалъ, что свѣдѣній о нихъ (равно какъ и объ учителяхъ) представить нельзя, такъ какъ ихъ невозможно составить [2]) (очевидно, потому, что установленныя инструкціею 1734 года записи не велись или не хранились); въ 1751 году на требованіе митр. Тимоѳ. Щербацкаго дать окончившему Академію Іоанну Вишневскому „о состояніи и ученіи во всѣхъ школахъ аттестатъ", префектъ Георгій Конисскій сдѣлалъ такое „представленіе" (Приводимъ его, какъ любопытное во многихъ отношеніяхъ, цѣликомъ) въ митрополичью канцелярію:

„1751 г, октября 10 дня въ Академіи Кіевской о бывшомъ богословіи слышателевѣ Іоанну Вишніовскомъ чинена справка, какъ именно со всякой школи онъ въ обикновенниxъ школниxъ каталіогахъ записанъ, почему явилось, яко онъ Вишніовскій записанъ

З інфими такъ: По Рождествѣ Христовомъ не по достоинству пришолъ, и мало або и ничего даже до конца вразумѣлся.

---

[1]) Послѣ Ковачинскаго исторіи Академіи ч. 1-я, стр. 505; митроп. Евгеній „Описан. Кіе... іером. Макарій Булгаковъ „Ист. Кіев. дух... ч. 2-я, стр. 109, и еписк. Черниговскій... кн. 2, стр. 68) префектомъ Академіи... на его префектуру 1745 годъ (Ко... только до 1745 г.). Такъ дѣлѣ... почти весь 1745 г., съ все... мон. и Акад., собр. В. ... Петербургѣ. Но ни... Ковачинскаго н... Реестръ 1745 ... канцеляріи... бою „ог... въ Ак... Вар... „д... у...

[1]) Пунктъ XXI. См. у В. Аскоченскаго, ч. 2, стр. 107—8.

[2]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 8; см. выше.

3 грамматики: Дитя заиковатое весма подло училось.

..гой годъ зъ грамматики жъ: по натурѣ заиковатій
..й грамматикъ мало что въ художествѣ своемъ ус-

..ими: Средственъ въ понятности и разсужденіи,
..подъ страхомъ, школному дѣлу довлетворить

..оетики: разсужденія послѣднего, показовался быти прилѣжнимъ въ ученіи, и въ школѣ часто бывалъ; однакъ должности своей не довлетворилъ гораздо и весма мало успѣлъ въ поетики.

Другой годъ съ поетики жъ: друголѣтнѣй поета, пришолъ въ школу Сентября 4 дня, прилѣжно учился поетики, успѣлъ з средственними, сидя даже до окончанія.

С философіи: честенъ, не лѣнивъ, не несмисленъ

Съ фари же и риторики тѣхъ годовъ, когда онъ тоя школи трактовалъ, каталіоговъ обикновенныхъ не сискалось, яко *таковимъ каталіогамъ особитнаго храненія и здачи съ рукъ на руки понинѣ не было*, да из богословіи отъ господина отца архимандрита Братскаго Сѵльвестра Ляскоронскаго о бывшихъ его ученикахъ каталіога нѣтъ же" [1])...

Впрочемъ, Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, строго разсуждая, пожалуй, и не было необходимости аккуратно вести и тщательно хранить списки своихъ воспитанниковъ, такъ какъ она, не будучи спеціальнымъ заведеніемъ, не готовила ихъ къ извѣстному, точно опредѣленному положенію или служенію, а лишь старалась удерживать ихъ отъ опаснаго для ихъ православія обученія въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ; съ другой же стороны, ея воспитан-

---

[1]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст.", д. № 11.

ники, когда имъ хотѣлось, *безпрепятственно* [1]) оставляли ее, такъ какъ она не могла обязывать ихъ къ полному окончанію своего учебнаго курса, не давая имъ для этого никакихъ матеріальныхъ средствъ, при отсутствіи у нея таковыхъ.

---

[1]) Ненормальность такого явленія хотѣлъ прекратить Св. Синодъ. Онъ, разсуждая, что лучше Академіи имѣть немного учениковъ, но такихъ, которые бы проходили ея полный курсъ, кажется (заключаемъ по отвѣту митр. Заборовскаго), предлагалъ митр. Заборовскому ограничить число поступающихъ воспитанниковъ, съ тѣмъ, чтобы, давая имъ содержаніе изъ средствъ митрополичьей каѳедры, заставить ихъ учиться до полнаго окончанія академическаго курса. Но митр. Заборовскій нашелъ такое предложеніе невыполнимымъ и отвѣтилъ Св. Синоду въ 1738 году: „если всѣхъ учениковъ, записавъ въ книгѣ, на коштѣ указанномъ содержать (на средства каѳедры епископской) и впредь свободный приходъ и отлученье изъ училищъ Кіевскихъ заградить, то изъ зарубежныхъ людей польской и другихъ націй (которымъ свободно высокомонаршими грамотами, на коллегію Кіевскую данными, приходить учиться позволено, коихъ большая часть въ училищахъ Кіевскихъ обрѣтается) никого не будетъ, а изъ малороссіянъ, которые на своемъ коштѣ учатся, когда имъ свободный отпускъ унять изъ училищъ Кіевскихъ, безохотно разбѣгутся и тая коллегія Кіевская, которая отъ своего начала чрезъ долгія лѣта за свободу... довольно учениковъ имѣла, въ крайнее оскудѣніе придти можетъ“ (Архивъ Кіев. дух. консист. Доношеніе Рафаила въ синод. указ. 1738 г. Цит. изъ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдом.“ за 1876 г., № 5; лично же намъ, при всемъ стараніи, не удалось отыскать этого доношенія въ консисторскомъ архивѣ).

ГЛАВА II-я.

Средства Академіи и ея помѣщенія; способы содержанія ея учителей и учениковъ.

Возникшая безъ собственныхъ средствъ, достаточныхъ для независимаго матеріальнаго существованія, и жившая со дня своего основанія главнымъ образомъ поддержкою Братскаго монастыря [1]) и щедротами своихъ благотворителей, Кіевская Академія оставалась въ такихъ же условіяхъ матеріальной жизни и во всю первую половину XVIII-го столѣтія [2]). Собственныя ея средства и въ это время были

[1]) Братскій монастырь за это пользовался всѣми, время отъ времени жертвуемыми на Академію,—правда совмѣстно съ нимъ,—землями и помѣстьями и получалъ ея первое царское жалованье по грамотѣ 1694 года; словомъ, всѣми ея средствами.

[2]) Въ виду зависимости Академіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ матеріальномъ отношеніи отъ Братскаго монастыря, историку Академіи за означенный періодъ, разумѣется, надлежало бы изслѣдовать экономическое состояніе монастыря въ указанную эпоху.

Но, къ сожалѣнію, по отношенію къ изучаемому нами времени самое тщательное изслѣдованіе объ экономіи Братскаго монастыря ничего не даетъ для исторіи *собственно Академіи*, вслѣдствіе того, что въ документахъ (по крайней мѣрѣ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи) не сохранилось ясныхъ и точныхъ указаній, какъ и насколько именно увеличеніе монастырскихъ средствъ улучшало матеріальное положеніе Академіи. Мы лишь нашли свидѣтельство (см. ниже) о

очень скудны. Они увеличились, сравнительно съ прежними [1]), лишь двумя стами рублей, нѣкоторое время ежегодно отпускавшимися на Академію изъ войскового малороссійскаго скарбу.

Съ какого *именно* времени стала отпускаться Академіи эта сумма, точно сказать нельзя, за отсутствіемъ данныхъ [2]). Вѣроятнѣе всего, она впервые выдана ей гетманомъ Иваномъ Мазепою. (Думаемъ такъ потому, что въ 1732 году Академія, ставши хлопотать о прекращенной на время выдачѣ ея, выражалась неопредѣленно, что двѣсти рублей выдавались ей *„якъ за прежнихъ гетмановъ*, такъ и за гетмана Скоропадскаго“. Забыть скоро, кто изъ гетмановъ впервые назначилъ ей двѣсти рублей, она едва-ли могла; если же она его не называла по имени, то, очевидно, этому

томъ, что получала Академія (ея профессора и студенты; впрочемъ, касательно послѣднихъ слова документа кратки и неопредѣленны) въ извѣстномъ (отмѣченномъ ниже) году отъ монастыря, да встрѣтили два-три (приводимыя ниже) указанія на (допустимую, пожалуй, и простимъ предположеніемъ) зависимость нѣкотораго улучшенія академическаго быта (собственно профессорскаго стола) отъ увеличенія монастырскихъ средствъ. Вотъ почему мы и ограничиваемся только приведеніемъ этихъ свидѣтельствъ, не вдаваясь въ подробное изображеніе (безплодное для нашей прямой задачи, вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ) матеріальнаго состоянія Братскаго монастыря.

[1]) См. первое примѣчаніе къ этой главѣ. Не говоримъ о двухъ-трехъ вотчинахъ, вновь пожертвованныхъ Академіи, до 1728 г., которыми владѣлъ тотъ же Братскій монастырь.

[2]) В. Аскоченскій (ч. 2, стр. 91) и іером. Макарій Булгаковъ (стр. 113) говорятъ, что эти двѣсти рублей стали выдаваться съ 1742 г., по указу императр. Елизаветы Петровны, вмѣсто прежде отпускавшихся съ 1694 г., по грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, 50 рублей денегъ и 50 четвертей хлѣба. Во-первыхъ, 200 рублей Академія получала раньше 1742 г, какъ увидимъ ниже; во-вторыхъ, и послѣ грамоты Елизаветы Петровны ей производилась выдача 50 рублей и 50 четвертей хлѣба (См. Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 21); только съ 1700 года 50 четвертей ржи были замѣнены 30 рублями денегъ (ibid.).

Въ другомъ мѣстѣ (ч. 2. стр. 157) Аскоченскій упоминаетъ о 80 рубляхъ, получавшихся Академіею изъ Кіевской Губернской Канцеляріи, не говоря объ ихъ происхожденіи. Это и были деньги, выдававшіяся по грамотѣ 1694 года.

была какая-нибудь иная причина, и, кажется, стараніе Академіи не упоминать о Мазепѣ, запятнавшемъ себя черною измѣною Россіи [1]). Въ 1722 году Малороссійская Коллегія, учрежденная по смерти гетмана Ивана Скоропадскаго, прекратила выдачу двухъ сотъ рублей Академіи. И Академія почему-то (можетъ быть, не имѣя подтвердительной грамоты на свое право) долго медлила ходатайствомъ о возобновленіи выдачи ей такой суммы. Лишь митроп. Рафаилъ Заборовскій взялся за это дѣло. 11-го января 1732 года онъ чрезъ ректора Академіи Амвросія Дубневича обратился къ гетману Даніилу Апостолу съ просьбою, чтобы гетманъ для пользы учащихся „учинилъ разсмотрѣніе о возобновленіи“ въ училищномъ монастырѣ церкви и школъ, которыя, какъ „з'давна устроенныя“, уже „весма обетшали“. Амвросій Дубневичъ, съ своей стороны, подалъ гетману челобитную, въ которой жаловался, „что якъ за прежнихъ гетмановъ, такъ и за гетмана Скоропадскаго на учителей (Академіи) ко удовольствованію ихъ видавано ежегодно по двѣстѣ рублевъ денегъ изъ скарбу войскового. Но по смерти гетмана Скоропадскаго, означенная на содержаніе тѣхъ учителей денежная дача за бывшой малороссійской коллегіи удержана и понынѣ съ 1722 года не производится“. Указавъ, затѣмъ, на пользу, приносимую учителями, на скудость ихъ содержанія, вслѣдствіе бѣдности Братскаго монастыря, и на указъ императрицы отъ 17 марта 1730 года (о возобновленіи обветшавшихъ храмовъ и объ учрежденіи и матеріальномъ обезпеченіи училищъ), онъ просилъ гетмана войти съ ходатайствомъ

---

[1]) Мазепа, устроившій для Академіи каменное зданіе (см. ниже), естественно, могъ позаботиться и о матеріальномъ обезпеченіи учителей ея. Академія, цѣнившая благодѣянія его въ отношеніи къ ней, даже называла себя (до его измѣны) Могило-*Мазепіанской* Коллегіей. См. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 21, л. 225; VIII. 1. 90, л. 231 на обор.; и VIII. 1. 111, л 89 (Н. И. Петровъ. Опис. рукоп. собр., находящ. въ г. Кіевѣ, в. 1, М. 1892, №№ 190, 244 и 245, стр. 261 и 281), и заглавный листъ рукописи Кіево-Соф. библ. № 463.

въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, чтобы „на содержаніе учителей повсягодно видавано бъ было денежное жалованье з скарбу войскового противъ прежнего обыкновенья по 200 рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ „отъ 1722 году удержанные (Малороссійскою Коллегіею) деньги видани были“ [1]).

Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ доношеніи на имя императрицы Анны Іоанновны, основываясь на Высочайшемъ манифестѣ 17 декабря 1731 года (какъ на выраженіи монаршихъ заботъ о благоустройствѣ „доволныхъ и добрихъ училищъ“), и будучи самъ „извѣстенъ, что за антецессеровъ (его) бывшихъ гетмановъ вышеписанные деньги з скарбу войскового повсягодно въ жалованье учителемъ по двѣстѣ рублевъ видавалися“, и удержаны лишь Малороссійскою Коллегіею, выразилъ отъ себя мнѣніе, что просьбѣ ректора слѣдуетъ удовлетворить [2]). Доношеніе это, съ приложеніемъ челобитной ректора Амвросія Дубневича, 14 января 1732 года было отправлено въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Имѣло ли оно тогда въ Коллегіи какое-либо движеніе, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ просьба Рафаила Заборовскаго, 29 декабря 1734 г., къ князю Алексѣю Шаховскому о „многомощномъ ходатайствѣ“ его по этому дѣлу [3]) говоритъ за то, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ ничего не предпринимала до означеннаго года для удовлетворенія Академіи [4]). И кажется, что дѣло не имѣло никакого хода до

---

[1]) Изъ доношенія гетм. Даніила Апостола импер. Аннѣ Іоанновнѣ. См. II-е приложеніе къ нашему труду.

[2]) Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1732 г., № 327. Копія этого доношенія передана нами въ библіотеку Церковно-Археол. Музея при Кіев. духовной Академіи. См. II-е приложеніе къ нашему труду.

[3]) См. переданное нами въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіевск. духовн. Акад. черновое письмо митроп. Заборовскаго къ князю Шаховскому.

[4]) Въ 1732 г. Св. Синодъ, съ своей стороны, обращался въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ относительно означенной суммы; Коллегія чрезъ три года

1740 года, когда оно было поднято снова и уже нѣсколько инымъ путемъ.

Въ 1740 году митрополитъ Рафаилъ Заборовскій вошелъ въ сношеніе съ еп. Псковскимъ Стефаномъ Яворскимъ, прося его совѣта и возможнаго съ его стороны содѣйствія успѣху предпринятаго дѣла. Стефанъ Яворскій „чрезъ сообщенную въ (своемъ отвѣтномъ) писаніи цидулу“ совѣтовалъ: „ежели (какъ чаю) по сіе время о выдачѣ нигдѣ не опредѣлено, то... приказать стряпать честному отцу Вікарію Григоровичу, приславши ему надлежащую о томъ инструкцію и точную съ произведеннаго дѣла копію, и свое, куда надлежитъ, а можно и въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, о томъ доношеніе“, и съ своей стороны обѣщалъ полную готовность „въ чемъ возможно будетъ, спомоществовать во всемъ“ [1]). Митрополитъ Заборовскій, пользуясь такимъ „любовнымъ“ совѣтомъ, 24 мая [2]) отправилъ чрезъ Викарія Григоровича доношенія въ Св. Синодъ и въ Правит. Сенатъ, адресовавшись при этомъ опять къ тому же Яворскому съ просьбою его опытнаго руководства въ такомъ важномъ дѣлѣ [3]).

(въ сентябрѣ 1735 г.) отвѣтила ему, что указомъ 1728 г. изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта велѣно малороссійскіе доходы употреблять на войсковые расходы; остатковъ же не расходовать безъ Высочайшаго указа (Арх. Св. Синода, д. 1732 г., сентября 27, № 321).

[1]) „Цидула“ эта передана нами въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіевск. Академіи.

[2]) См. въ архивѣ Кіевск. духов. консист. „Протоколъ или краткую записку доношеній и репортовъ въ Св. Синодъ и въ другія. . канцеляріи, 1740 года“, гдѣ подъ 23 мая, за №№ 531 и 532, отмѣчены доношенія въ Сенатъ и Синодъ „о выдачѣ удержанныхъ 200 рублей..., съ мнѣніемъ гетмана Даніила Апостола“. (На другой день, т. е. 24 мая, эти доношенія и были вручены Викарію Григоровичу).

[3]) Онъ писалъ ему, что отправляетъ съ Григоровичемъ доношеніе въ Синодъ запечатанное, доношеніе въ Сенатъ „подъ оттворчатою печатью“, „бланкетъ за своею рукою, чтобы на немъ, буде по усмотрѣнію покажется неугодное или подлежалобъ куда інде къ написанію и подачѣ“, адресованное въ Сенатъ доношеніе, написать новое, и, запечатавши, подать, куда будетъ слѣдовать, и

Въ своемъ доношеніи въ Св. Синодъ митрополитъ Заборовскій писалъ, что изъ войскового малороссійскаго скарбу ежегодно выдавалось на содержаніе учителей Академіи по 200 рублей „за прежнихъ въ Малой Россіи бывшихъ гетмановъ и за гетмана Скоропадскаго", выдача ихъ прекращена съ 1722 года; ходатайства о возобновленіи ея предъ гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ (при чемъ представлялась и копія съ „доношенія" гетмана въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ въ 1732 году) и предъ княземъ Алексѣемъ Шаховскимъ въ 1734 году остались безъ результата; и, такъ какъ „учителя Кіевобратскихъ школъ..., повсягодно не имѣя къ содержанію имъ опредѣленія, претерпѣваютъ скудость", просилъ Синодъ сдѣлать представленіе „куда надлежитъ" о возобновленіи ежегодной выдачи 200 рублей [1]).

Св. Синодъ сдѣлалъ представленіе въ Кабинетъ, гдѣ 10 сентября 1740 года послѣдовала резолюція, чтобы снова выдавать изъ войскового малороссійскаго скарбу на содержаніе учителей Кіево-Братскихъ школъ и на возобновленіе церкви (Братской) и школъ ежегодно по двѣсти рублей, если это было такъ прежде и если на это „по указамъ запрещенія не имѣется" [2]). Но объ удержанныхъ за прежнее время деньгахъ Кабинетъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій.

5 января 1741 года еп. Стефанъ Яворскій увѣдомилъ о такой резолюціи митроп. Заборовскаго, говоря, между прочимъ, что резолюція Кабинета „отослана въ Правительствующій Сенатъ для того, чтобы о томъ изъ Сената, куда над-

еще . особенно съ подписомъ своей руки бланкетъ..., буде по усмотрѣнію (Яворскаго) доведется о тѣхъ двухъ стахъ рублевъ писать куда надлежитъ подъ Высочайшимъ именемъ"... Это черновое письмо передано нами въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіев. Академіи.

[1]) Черновикъ доношенія переданъ нами туда-же, вмѣстѣ съ черновикомъ доношенія въ Сенатъ, которое, вѣроятно, не было подаваемо по назначенію. Думаемъ, что подачу его нашелъ ненужною еп. Яворскій.

[2] Архивъ Кіев. духов. консист., д. 1741 г., № 318 (Черновое письмо м. Заборовскаго къ генералъ-губернатору Леонтьеву).

лежало, указъ послать, *а за прошедшіе годы какъ того, чтобъ выдать, такъ и того, чтобъ не выдавать, ничего не изображено, и потому надежда еще, кажется, вовся не пресѣчена*" [1]).

Синодальный указъ о резолюціи Кабинета былъ посланъ митрополиту Рафаилу Заборовскому 27 апрѣля 1741 года (полученъ 2-го іюня); а Сенатскій—Малороссійской Генеральной Войсковой Канцеляріи 3-го марта того же года.

Такимъ образомъ, послѣ восьмилѣтнихъ стараній (1732—1741 г.), *Академія начала съ 1741 года снова получать на содержаніе своихъ учителей по 200 рублей ежегодно* [2]). Денегъ же за прошлые годы, съ 1722 по 1740 г. включительно, ей такъ и не удалось получить.

Правда, умолчаніе Кабинетной резолюціи объ этихъ деньгахъ и слова Яворскаго въ письмѣ къ митрополиту Заборовскому, что (въ виду указаннаго умолчанія) надежда на полученіе ихъ не вполнѣ пресѣчена, дали поводъ митрополиту Заборовскому обратиться съ письменною просьбою объ ихъ выдачѣ къ генералъ-губернатору Леонтьеву. Леонтьевъ 30-го іюня 1741 г. отвѣтилъ ему, что „безъ указу такой знатной суммы" самъ онъ выдать не можетъ, а потому сдѣлалъ представленіе въ Сенатъ „съ требованіемъ (на это) указа" [3]). Для успѣха представленія Леонтьева, митрополитъ Рафаилъ писалъ къ еписк. Яворскому и къ оберъ-секретарю Св. Синода, прося ихъ „возъимѣть старательство, и совѣтомъ

---

[1]) Подлинникъ этого письма въ архивѣ Кіев. духов. конс., въ дѣлѣ 1741 г., подъ № 318.

[2]) Впрочемъ, она иногда не получала ихъ сполна; такъ, за 1745 г. получила 192 рубля, а за 1746 г.—197 руб. Арх. Кіевск. дух. конс. д.д. 1745 г., №№ 301 и 467; 1746 г. №№ 466 и 512; 1747 г. №№ 203 и 296. Этотъ недочетъ шелъ въ пользу канцеляристовъ Войсковой Канцеляріи, которые требовали себѣ вознагражденія за канцелярскіе труды по дѣлу выдачи академическихъ денегъ.

[3]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1741 г., № 318.

своимъ, гдѣ надлежитъ, представить" [1]), и одновременно съ этимъ обратился къ Демьяну Галяховскому (состоявшему, по окончаніи Кіевской Академіи въ 1740 году [2]), переводчикомъ при Кабинетѣ Императрицы) со справкою, можно ли бить челомъ, гдѣ надлежитъ, о деньгахъ, не выданныхъ за прошлые годы изъ войскового скарбу.

Галяховскій (чрезъ своего отца—Глуховскаго протопопа Алексѣя Галяховскаго) 13 декабря 1741 года отвѣчалъ: „Я мню такъ, что якъ съ показаннаго (т. е. съ 1722 г.) года у Кіевѣ бывшихъ учителей converted понинѣ не имѣеться всѣхъ, но нѣкоторіи у отлучки, другіе же и померли, такъ и денегъ давать нѣтъ кому, съ сего же настоящаго года учителямъ кіевскимъ ежегодно за силу отправленнаго отселѣ указа имѣютъ быть даванни денгы непремѣнно. Лутше бы было (якъ кажеться мнѣ), когда бы Его Преосвященство изволилъ къ ея Императорскому Величеству челобитье прислать съ прошеніемъ прямо, дабы ради настоящей радости всероссійской что ни есть на учителей Кіевскихъ нонѣшнихъ или на школы и на церковь обетшалую Кіевобратскую пожаловано, понеже Ея Императорское Величество многихъ такожъ и на церквы обетшаліе жаловать изволитъ подъ нинѣшное время. А паче когда бы прошеніе присланно къ Ея Величеству съ поздравленіемъ о возшествіи Ея Величества на дѣдично прародительній свой всероссійскій престолъ. Я же, когда такое челобитье съ Кіева съ приложеніемъ вѣрчой (т. е. довѣренности) отъ Его Преосвященства ко мнѣ будетъ прислано, то Ея Императорскому Величеству самъ подать и у своихъ патроновъ о скорѣйшемъ произвожденіи на то указа просить, такожъ о лутшей ползѣ не лѣностно постараться здѣсь охо-

---

[1]) Ibid.

[2]) Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ 1740 г., гдѣ подъ № 831, отъ 22 іюля значится выданный ему „за рукою Преосвященства (митроп. Р. Заборовскаго) аттестатъ съ рекомендаціею о бытіи его во училищахъ при честномъ обхожденіи" и проч.

чусь“ [1]). Такимъ совѣтомъ митрополитъ Заборовскій воспользовался: 7 мая 1742 года онъ отправилъ челобитную Государынѣ съ просьбою вспомоществованія всему духовенству Кіевской епархіи, [2]) но для Академіи онъ на этотъ разъ просилъ лишь подтвердительной грамоты на ежегодную выдачу ей 200 рублей, ни слова не говоря о деньгахъ, не выданныхъ ей за прежнее время. Дѣло въ томъ, что 8 января 1742 года былъ изданъ Высочайшій указъ, повелѣвавшій „пенсіоновъ денежныхъ, также и сверхъ надлежащихъ окладовъ прибавочнаго жалованья кому въ тѣ два бывшія правительства (Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича) опредѣлены..., не производить“ [1]), и Генеральная Войсковая Канцелярія, опираясь на него, отказала Академіи въ выдачѣ

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1741 г., № 718.

[2]) Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ (бумагамъ, исходившимъ изъ канцеляріи митрополита въ) 1742 г., гдѣ подъ 7 мая, за № 418, обозначена эта челобитная, а за нею—„писанія“ (къ какому-то) дѣйств. статскому совѣтнику о вспомоществованіи архимандриту Сильвестру въ его нуждахъ въ Москвѣ. Архимандритъ Сильвестръ Кулябка былъ въ Москвѣ съ двадцатыхъ чиселъ февраля 1742 г.; Арх. Кіев. дух конс., реестръ дѣлъ, входившихъ въ канцелярію митрополита, повѣта Кіевскаго, 1742 г.; тутъ отъ 23 февраля указаннаго года, подъ № 26, записано „доношеніе“ Сильвестра Кулябки митрополиту о Бирковскомъ грунтѣ, въ то время захваченномъ Кіевскимъ магистратомъ, съ просьбою о надлежащей „интерцессіи“ со стороны митрополита; при чемъ сдѣлана такая помѣтка: „По сему не писано, понеже самъ архимандритъ въ Москву поѣхалъ и за тымъ бить челомъ имѣлъ въ Глуховѣ“. Тамъ же подъ № 34, отъ 20 марта, записанъ и указъ къ префекту іеромонаху Михаилу (Козачинскому) о содержаніи правленія Братскаго монастыря за отсутствіемъ архимандрита Сильвестра въ Москву), къ Румянцевой и какому-то дѣйствительному камергеру о предстательствѣ у Государыни; къ оберъ-секретарю—съ просьбой наставленія относительно подачи челобитной; къ архимандр. Сильвестру въ Москву съ посылкой ему самой челобитной на имя Государыни, и, наконецъ, доношеніе въ Св. Синодъ съ сообщеніемъ копіи челобитной на имя Государыни.

Въ томъ же реестрѣ, подъ № 743, отъ 1-го іюля 1742 г. и еще значится „доношеніе въ Св. Синодъ, для представленія, куда надлежитъ, объ опредѣленіи на учителей Академіи Кіевской жалованья и проч.“.

[1]) 1-е полное собраніе законовъ Россійской имперіи, т. XI, № 8496.

назначенной ей въ 1741 г. суммы[1]). Понятно, при такомъ неожиданномъ поворотѣ обстоятельствъ уже не время было думать о давней утратѣ, а нужно было заботиться, чтобы не потерять и послѣдняго. Вотъ почему митрополитъ Заборовскій отказался отъ попытки исходатайствовать удержанную за прошлые годы сумму и просилъ у Императрицы лишь подтвердительной грамоты на недавно дарованное Академіи право ежегоднаго полученія изъ Генеральной Войсковой Канцеляріи 200 рублей. Грамота эта и была дана 11-го декабря, 1742 года[2]).

Получая (съ 1741 г.) ежегодно по 200 рублей изъ войскового малороссійскаго скарбу, Академія оставляла себѣ изъ нихъ лишь по 35 рублей въ годъ (О назначеніи ихъ скажемъ ниже), остальные же отдавала Братскому монастырю за его помощь ей[3]).

Братскій монастырь, пользуясь почти всѣми академическими средствами, только давалъ ея учителямъ квартиру, съ освѣщеніемъ и отопленіемъ, и столъ, и питалъ нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ ея воспитанниковъ. Большей помощи онъ и не могъ дать Академіи, такъ какъ его собственное матеріальное благосостояніе въ первой половинѣ XVIII в. было не всегда вполнѣ удовлетворительнымъ[4]).

---

[1]) Даже послѣ грамоты Елисаветы Петровны (11 декабря 1742 г.) Войсковая Канцелярія не осмѣливалась выдать Академіи денегъ, пока не испросила на это (копія представленія ея по этому поводу передана нами въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіевской дух. Акад.) для себя спеціальнаго Высочайшаго разрѣшенія, такъ что деньги за 1742 г. Академія получила послѣ долгой переписки, лишь 24 іюля 1743 года; см. Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1743 г., № 1926.

[2]) См. ее въ Памятникахъ, изд. Комиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. II, Кіевъ, 1846 г., стр. 363—367.

[3]) 130 рублей собственно на содержаніе учителей, а 20 на Братскую церковь.

[4]) Н. Мухинъ. Кіево-Братскій училищный монастырь. Кіевъ. 1893, стр. 141—156. Тутъ оно изображается за разное время первой половины XVIII в. то не „особенно отраднымъ“ (стр. 142), то „удовлетворительнымъ“ (стр. 140),

Вотъ, напр., какъ очертилъ печальное состояніе Братскаго монастыря архимандритъ Сильвестръ Кулябка въ своемъ доношеніи митрополиту Рафаилу Заборовскому на требованіе последняго отъ 28-го ноября 1743 года: „Понеже монастыръ Братскій за девятнадцать лѣтъ, начавъ отъ (1) 722, зъ войскового скарбу малороссійскаго не получа ни полушки въ полегченіе монастырю, всякого времени съ монастырской казны принужденъ былъ учителей, изъ разныхъ монастырей опредѣляемыхъ, естнимъ и питейнимъ съ крайнею нуждою, паче же въ прошедшое военное время за умаленіемъ въ отчинахъ подданнихъ и за крайнимъ онихъ оскудѣніемъ, снабдѣвать, съ чего въ такую пришелъ скудость, что насилу и братію, имѣющуюся въ монастырѣ, зъ приходовъ зъ мает-

---

порою улучшавшимся (стр. 158) или ухудшавшимся до недостатка въ средствахъ (стр. 162), и даже до нищеты (стр. 153)

Дни сравнительно тяжелые въ экономическомъ отношеніи Братскій монастырь переживалъ въ самомъ началѣ, срединѣ и концѣ первой половины XVIII в. См. письмо Ѳеофана Прокоповича къ митроп. Рафаилу Заборовскому, отъ 8 марта 1736 г.; Рус. Архивъ, 1865 г., стр 329 и дал.; сн. Труды Кіевск. дух. Акад., 1865 г., кн. X, стр. 274—6. Изъ этого письма видно, что митроп. Заборовскій жаловался Ѳеофану Прокоповичу на крайнюю бѣдность Братскаго монастыря, доходившую (предъ 1736 годомъ) до того, что учители (Академіи) и... братія (монастыря) и къ повседневному пропитанію не имѣли довольства". Ѳеоф. Прокоповичъ вспоминаетъ о подобномъ оскудѣніи экономіи монастыря предъ своимъ ректорствомъ, т. е. предъ 1711 годомъ. Жалобы митрополита Рафаила Заборовскаго на плохое экономическое состояніе Братскаго монастыря въ 1732 и 1740 г.г. см. выше, въ извлеченіяхъ изъ его челобитной (доношенія) 1732 г. гетм. Даніилу Апостолу и доношенія 1740 г. въ Св. Синодъ... Въ дѣлѣ архива Кіев. дух. конс. 1754 г, № 234, есть доношеніе ректора Академіи отъ 31 іюля означеннаго года къ кіевскому митрополиту. Жалуясь, что Братскій монастырь „въ крайнюю скуду приходитъ", вслѣдствіе того, что монастырскіе грунты въ Кириловкѣ и Ядловкѣ постепенно, одинъ за другимъ, отошли въ чужія руки,—одни—10, другіе—20, третьи—30 и даже 40 лѣтъ тому назадъ,—ректоръ, между прочимъ, говоритъ въ этомъ доношеніи, что въ прежніе годы „въ (Братскомъ) монастирѣ для исправленія всякихъ потребностей готовой денги не неставало (такъ какъ монастырь владѣлъ прибыльнымъ шинкомъ), виключивши одно время за бывшаго предо мною архимандрита... Ляскоронскаго, за котораго... монастырь не въ маліе долгы впалъ".

ностей своихъ препитать могль, и саміе тіе жъ деньги, якіе бъ къ строенію монастырскому и келій учительскихъ и братерскихъ самонужнѣйшее употреблять надобно, на учителей здержать принужденъ по возможности, отъ чего все строеніе вездѣ поопало"[1]). И въ такомъ положеніи былъ монастырь, не смотря на вспомоществованіе ему за содержаніе учителей Академіи еще и со стороны митрополитовъ[2]).

Итакъ, отдавая всѣ свои скудныя средства Братскому монастырю за содержаніе (да и то неполное) имъ учителей, Академія въ прочихъ нуждахъ оставалась безъ опредѣленныхъ источниковъ для ихъ удовлетворенія. Къ счастію, она въ изучаемый нами періодъ имѣла такихъ благотворителей, которые своею помощью спасали ее отъ совершенной нищеты. Изъ нихъ страницы исторіи Кіевской Академіи за первую половину XVIII вѣка съ глубокимъ уваженіемъ должны отмѣтить въ себѣ особенно имена гетмана Ивана Мазепы и Кіевскихъ митрополитовъ Іоасафа Кроковскаго и Рафаила Заборовскаго. Только благодаря ихъ усердію, Академія, помѣщавшаяся до 1704 года въ самыхъ убогихъ, близкихъ къ паденію[3]) хижинахъ, въ этотъ періодъ имѣла у себя удоб-

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г., № 2406, и д. 1757 г., № 19.

[2]) Нельзя сказать, какую сумму отпускали Братскому монастырю предшественники митр. Заборовскаго. Единственное указаніе на это – въ доношеніи Св. Синоду архіеп. Варлаама Ванатовича въ 1727 г. (См. Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII, Прил. VIII, ст. CXXIX—CXXX),—и то очень неопредѣленно („...дается на всякъ годъ на пропитаніе учителемъ на рибу и на прочія ихъ персональныя нужды... изъ казны архіерейской, отъ боку моего смиренія, елико по силѣ моей мощно"...). При митр. Рафаилѣ Заборовскомъ въ Братскій монастырь на учителей „опредѣлено было... изъ катедральной Святософійской суммы въ годъ на рибу давать по сто рублевъ, которые и даваны были до опредѣленія двоихъ сотъ рублевъ изъ войсковаго малороссійскаго скарбу зборовъ" (значитъ, вѣроятно, съ 1732 по 1741 г.). См. переданное нами въ библіотеку Церк.-Арх. Музея при Кіев. Академіи черновое доношеніе митр. Рафаила Св. Синоду въ февралѣ 1744 г.

[3]) В. Аскоченскій. Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею, ч. 1-я, стр. 211.

ное (какого раньше никогда у нея не было) помѣщеніе для аудиторій и болѣе или менѣе удовлетворительное для нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ.

Осенью 1703 года гетманъ Мазепа заложилъ для помѣщенія академическихъ классовъ каменное зданіе (извѣстное теперь подъ именемъ „стараго" академическаго корпуса), съ верхнимъ деревяннымъ этажемъ [1]), которое было окончено постройкою въ 1704 или 1705 году [2]). Вмѣсто деревян-

[1]) Іером. Макарій Булгаковъ (Ист. Кіев. Акад стр. 50) говоритъ, что Мазепинское зданіе было одноэтажнымъ, но на гравюрѣ, поднесенной Прокопію Колачинскому приблизительно въ 1705 г, оно изображено двухъ-этажнымъ. Единственный экземпляръ этой гравюры находится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора. Фототипія съ нея (въ размѣрѣ значительно уменьшенномъ противъ подлинника) помѣщена въ „Кіевской Старинѣ", 1882 г., № 2. (Такія фототипіи есть въ Церк. Археол. Музеѣ при Кіев. дух. Акад.); точный снимокъ ея см. у Д. А. Ровинскаго: „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ". Изд. съ фототипіями и портретами Спб, 1888 г., т. III, 465, и „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в. Посмертное изданіе съ фототипіями и цинкографіями въ текстѣ. Спб. 1895 г., т. II, столб. 1236. О неточностяхъ въ описаніи этой гравюры „Кіевскою Стариною" и Ровинскимъ см. „Труды Кіев. дух. Акад., 1900 г., декабрь, стр 621, примѣч. 111.

[2]) Eodem (1704 года) vere (ante festum Konstantini et Helenae) coeperunt aedificari lapideae scholae in Collegio, ipsa vero fundamenta adhuc autumno jacta fuerunt, такъ говоритъ замѣтка на оборотѣ послѣдняго бѣлового листа рукописнаго сборника, хранящагося въ библ. Кіево-Софійскаго собора подъ № 219. Замѣтка эта впервые напечатана И. Шляпкинымъ въ „Кіевской Старинѣ" 1890 года, ноябрь, стр. 333; затѣмъ Н. И. Петровымъ (Кіевская Академія во второй половинѣ XVIII в., Кіевъ, 1895 г., стр. 126); наконецъ, С. Т. Голубевымъ. Имъ же высказаны и сужденія объ исторической вѣрности этой замѣтки въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи", 1900 г., декабрь, въ статьѣ: „Гедеонъ Одорскій (бывшій ректоръ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII столѣтія)", стр. 594—5 и 619—621, примѣчаніе 110-е.

Митр. Евгеній (Приб. къ Опис. Соф. соб., стр. 217), за нимъ іеромонахъ Макарій Булгаковъ (Ист. Кіев. Акад., стр. 49—50) и В. Аскоченскій (ч. I-я, стр. 258) основаніе этого зданія относятъ къ 1693 году, году закладки большой каменной Братской церкви. Впрочемъ, В. Аскоченскій, вообще часто противорѣчащій самому себѣ, въ другомъ мѣстѣ (ч. 2-я, стр. 291—292) вѣрно указываетъ годъ (1703-й) закладки зданія; г. Мухинъ же (Кіев.-Брат. уч. мон., стр. 134, прим. 2-е), ссылаясь на послѣднее, вполнѣ вѣрное показаніе Аскоченскаго, но

наго этажа митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ въ 1735 году былъ возведенъ, по плану архитектора Шейдена, каменный, съ огромною колоннадою тосканскаго ордена, и тамъ же устроена конгрегаціонная Благовѣщенская церковь, освященная 1-го ноября 1740 года [1]).

Для бѣднѣйшихъ учениковъ, не могшихъ на свои средства нанять квартиры, по южную сторону Братскаго монастыря, въ его оградѣ, на мѣстѣ бывшей при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ гостинницы, 1-го августа 1719 года, на суммы, завѣщанныя митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ [2]),

---

какимъ-то образомъ видя 1705 годъ, вмѣсто 1703, говоритъ, что сооруженіе этого зданія нужно отнести къ болѣе раннему времени, такъ какъ Колачинскому, предшественнику Одорскаго, былъ поднесенъ адресъ, съ изображеніемъ этого корпуса". Но гравюра-панегирикъ, поднесенная Колачинскому, могла появиться не ранѣе 1704 г., когда Колачинскій уже не былъ въ Академіи (см. списокъ ректоровъ). Если же въ надписи къ ней онъ и называется ректоромъ, то это не больше, какъ для напоминанія ему отъ автора о мѣстѣ его прежней административно-ученой дѣятельности (во всякомъ случаѣ здѣсь нѣтъ ни tunc, ни pro-tunc, обычно употреблявшихся въ надписаніяхъ XVIII в., при обозначеніи современнаго надписанію положенія того или другого лица), тѣмъ болѣе, что самая гравюра поднесена ему была, вѣроятно, въ знакъ признательности отъ Академіи за его ходатайства (предполагать которыя вполнѣ естественно) предъ Мазепою во время ректорства въ Академіи о построеніи изображеннаго на гравюрѣ зданія.

[1]) Іером. Макарій Булгаковъ. „Ист. Кіев. Акад." стр. 113; В. Аскоченскій „Кіевъ съ древн. его учил. Академіею", ч. 2 я, стр. 81. Видъ этого зданія см. на снимкѣ гравюры № 2368 въ Церковно-Арх. Музеѣ при Кіев. дух. Акад. Въ „Протоколѣ или краткой запискѣ доношеній и репортовъ въ Св. Синодъ и другія... канцеляріи" (изъ канцеляріи Кіевскаго митрополита отправленныхъ) 1740 г., подъ № 811, отъ 19 іюля, занесено доношеніе (въ Синодъ) „о построеніи на Кіевскихъ школахъ латинскихъ церкви во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы" (См. Кіев. Епарх. Вѣд., 1893 г., № 1, стр. 17, гдѣ говорится и о томъ, что митр. Рафаилъ Заборовскій далъ на эти академическія постройки съ 1731 г. по 1737 г. своихъ собственныхъ денегъ 1640 рублей).

[2]) Префектъ Академіи іером. Самуилъ Миславскій въ 1758 г. въ доношеніи на запросъ Консисторіи, кѣмъ воздвигнута бурса, требовавшая въ то время ремонтировки, отвѣчалъ, что объ этомъ „письменнаго вида въ Академіи нѣтъ..., однакъ съ подпису въ риторицкой бурсѣ на сводовѣ можно смакать..., что домъ тотъ коштомъ Преосвященнаго митрополита Іоасафа Кроковскаго 1719 года ав-

былъ воздвигнутъ особый деревянный домъ, называвшійся „бурсою“, отремонтированный потомъ, около 1741 года [1]), на средства митрополита Рафаила Заборовскаго.

Хотя эти помѣщенія были не вполнѣ удовлетворительными въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи [2]) и далеко недостаточными для Академіи, тѣмъ не менѣе они были несравненно лучше тѣхъ, какія она имѣла въ XVII вѣкѣ. И Академія, получивъ ихъ безъ всякихъ собственныхъ средствъ, была настолько признательна къ лицамъ, соорудившимъ ихъ, что имена ихъ связывала со своимъ собственнымъ. Такъ, она сначала называла себя (правда, сравнительно недолго: кажется, съ 1704 года до измѣны Мазепы)

густа 1 дня соорудился“. (Акты Кіево-Брат. учил. монастыря и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 1). Іером. Макарій Булгаковъ (стр. 112) и В. Аскоченскій (ч. 2-я, стр. 80—81) думаютъ, что помимо этой бурсы была еще другая, воздвигнутая будто бы митр. Заборовскимъ. Но объ этомъ нигдѣ (даже тамъ, гдѣ бы нужно было) не говоритъ ни самъ митр. Заборовскій (см. слѣдующее примѣчаніе), ни Академія. Напр., въ исторической запискѣ о себѣ, представленной 4 февраля 1773 года митр. Гавріилу Кременецкому, Академія ни словомъ не упомянула о бурсѣ, которая бы была построена митр. Заборовскимъ (Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Академіи, собр В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 41).

[1]) Такъ мы думаемъ вотъ почему. 24 мая 1740 года митр. Рафаилъ писалъ въ Св. Синодъ... „школы въ... училищномъ Кіево-Братскомъ монастырѣ, ради прежней обветшалости возобновлятись начатые (Понятно, что здѣсь рѣчь идетъ не о каменномъ академическомъ корпусѣ, отстроенномъ въ 1735 году и потому еще не успѣвшемъ обветшать), совершенно совсѣмъ за скудость денежную еще не возобновлены“ (см. черновое доношеніе Заборовскаго отъ 24-го мая 1740 г. въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіев. дух. Акад.), а въ доношеніи въ Синодъ отъ 1-го іюля 1742 г. (черновое см. тамъ же) онъ уже говорилъ: „...школы старательствомъ моимъ по возможности уже возобновлены“.

[2]) Въ „Реестрѣ вхожихъ дѣлъ въ канцеларію митрополита“ (находящемся въ архивѣ Кіев. дух. консист.) за 1747 годъ, подъ № 145, есть помѣтка о поступленіи къ митрополиту 19 октабря этого года „доношенія отъ сеніора бурсы Кіевской съ прошеніемъ о предложеніи къ архимандриту Братскому, дабы оный архимандритъ имъ бурсакамъ для устроенія афедрона мѣсто опредѣлилъ“ (съ замѣткой на сторонѣ: „предложено“... Какой результатъ имѣла эта просьба, ниоткуда не видно.

Могило-*Мазепіанскою*[1]), а затѣмъ съ 6-го января 1735 года [2]) Могило-*Заборовскою*.

Обязанная щедротамъ благотворителей своими помѣщеніями, Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія имъ же и болѣе всего Кіевскимъ митрополитамъ была обязана и содержаніемъ своихъ учителей.

Главныя средства содержанія учителямъ Академіи, какъ мы уже упомянули выше, давалъ Братскій монастырь. Получая пособіе отъ правительства и митрополитовъ, онъ предоставлялъ учителямъ Академіи помѣщеніе, освѣщеніе, отопленіе и столъ, нисколько не удовлетворяя однако ихъ другимъ нуждамъ (учебныя пособія, одежда, обувь и т. п. [3]). Удо-

---

[1]) См. выше одно изъ примѣчаній.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, отд. Р. Муз., № 101, л.л. 91—96: oratio de laudibus literarum.

[3]) Содержаніе каждаго учителя Братскому монастырю среднимъ числомъ обходилось ежегодно болѣе 80 рублей, если переводить на деньги стоимость всего, издерживавшагося имъ на это содержаніе, по цѣнамъ сороковыхъ годовъ XVIII вѣка. 17-го декабря 1743 г. ректоръ Академіи архимандритъ Сильвестръ Кулябка (по требованію митрополита, хлопотавшаго предъ Св. Синодомъ о назначеніи учителямъ Кіевской Академіи жалованья, по примѣру Московской) въ особой вѣдомости сдѣлалъ такое перечисленіе расходовъ Братскаго монастыря на содержаніе учителей Академіи:

„На осми нынѣ имѣющихся человѣкъ учителей на хлѣбъ муки ржаной на тиждень (недѣлю) виходитъ одна четверть, въ годъ четвертей пятьдесятъ двѣ, з одной четверти хлѣбовъ сорокъ два, на день осми человѣкамъ хлѣбовъ шесть; на язическаго одинъ, на реторическаго (нынѣ... въ казнодѣи опредѣленнаго) одинъ хлѣбъ, на поетицкого, синтактицкого одинъ хлѣбъ, на граматицкого, інфимѣского одинъ хлѣбъ, на фарiского полхлѣба, итого на день на осми шесть, а въ годъ двѣ тисячи сто девятьдесятъ хлѣбовъ, смякая хлѣбъ по двѣ копѣйки денегъ, сорокъ два рубли восѣмъдесятъ копѣекъ.

Пива на философѣйскаго гарцовъ два, а на протчіихъ по гарцу, на осми на денъ гарцовъ девять, а въ годъ три тисячи восѣмъдесятъ пять гарнецъ, смякая по три копѣйки денегъ, девятьдесятъ восѣмъ рублей пятьдесятъ пять копѣекъ.

Муки пшеничной на булки, на галушки, на одного въ годъ по три четверти, на осми въ годъ четвертей двадцать чтири, смякая на денгу четверть по рублю, денегъ двадцать четири рубля.

влетворенію послѣднихъ болѣе всего помогали митрополиты, выдавая имъ консоляціи, изъ которыхъ однѣ были постоянныя, ежегодныя, а другія—случайныя, временныя.

Каковъ былъ размѣръ постоянныхъ митрополичьихъ консоляцій до времени митрополита Рафаила Заборовскаго, нельзя сказать за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ (вполнѣ завися отъ воли дававшаго, онъ едва ли всегда бывалъ одинаковымъ). При митрополитѣ Заборовскомъ въ пользу учителей изъ митрополичьей консоляціи (190 рублей, изъ которыхъ 25 рублей предназначалось на бурсу) ежегодно раздѣлялось 160 рублей по слѣдующему росписанію: „На теологійского двадцатьпять рублей, на философійского двадцать, на греческого двадцатьпять рублей, на реторицкого сѣмнадцатъ рублей пятъдесятъ копѣекъ, поетицкого пятнадцать рублей, синтактицкого пятнадцать рублей, граматицко-

---

Муки гречаной на одного по три четверти, на осми въ годъ четвертей двадцать чтири, смякая на деньгу четверть по пятидесятъ копѣекъ, денегъ дванадцать рублевъ.

Пшона на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей четири, четверть по рублю по сороку копѣекъ, денегъ пять рублей восѣмъдесятъ коп. (?).

Крупъ гречаныхъ на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей чтири, смякая на деньгу четверть по восѣмъдесятъ копѣекъ, денегъ три рубли двадцать копѣекъ.

Гороху на одного по полчетверти, въ годъ четири четверти на осми, смякая на деньгу четвертъ по рублю, денегъ четири рубли.

Сира, масла на одного двѣ дѣжки, на осми въ годъ шестнадцать, смякая дѣжку по полтора рубли, денегъ двадцать чтири рубли.

На свѣжую рибу (по справки съ книгами монастырскими зашнурними, на сметану, на яйцы, на молоко, кромѣ опредѣленныхъ (вѣроятно, 130 рублей изъ двухсотрублевой суммы, отпускавшейся изъ малороссійскаго скарбу), въ годъ виходитъ на осми денегъ двѣстѣ пятьдесятъ рублей тридцать двѣ копѣйки и три полушки.

Вялой рибы на одного тисяча, на осми въ годъ тисячъ восемъ, смякая на деньгу тисячу по три рубля, денегъ двадцать чтири рубли.

Грибовъ на одного по тисячи, на осми въ годъ тисячъ восемъ, смякая на деньгу тисячу по рублю, денегъ восѣмъ рублей.

Соли на одного по тисячи, на осми въ годъ тисячъ восемъ, смякая на деньгу тисячу по рублю, денегъ восѣмъ рублей.

му дванадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ, фарискому дванадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ [1])."

О размѣрахъ случайныхъ консоляцій со стороны митрополитовъ нѣтъ свѣдѣній [2]). Онѣ выражались частью въ денежныхъ даяніяхъ на разныя „персональныя нужды" [3]) учителей, напр., „на одѣяніе" [4]) и т. п., частью въ даяні-

---

Варива бураковъ бочка, капусти бочка на одного, а на осми въ годъ шестнадцать, сиякая на денгу бочку по рублю, денегъ шестнадцать рублей.

Олѣи на осми по двѣ кварти на день, кварта по десять копѣекъ; въ году, постнихъ дней напримѣръ сто тридцать сѣмъ, виходитъ квартъ двѣстѣ сѣмъдесятъ четири, денегъ двадцать сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ.

Цибулѣ на одного вѣнковъ тридцать, на осми въ годъ двѣстѣ сорокъ, сиякая на денгу вѣнокъ по три копѣйки, денегъ сѣмъ рублей двадцать копѣекъ.

На свѣчки на осми въ годъ тридцать рублей.

На частноку, на петрушку, на капусту и на протчое зѣлля на осми въ годъ десятъ рублей.

На корѣніе на осми въ годъ десятъ рублей.

На кухара десятъ рублей.

Горѣлки на осми въ годъ дается разовъ четири, на философійского по шестъ квартъ, а на протчихъ семи учителей по четири кварти, въ годъ на осми сто тридцать шестъ квартъ, сиякая на денгу кварту по десяти копѣекъ, денегъ тринадцать рублей шестъдесятъ копѣекъ.

Дровъ на варѣние кушання и на опалъ келій на одного по пятъдесятъ колодъ, на осми въ годъ колодъ четириста, плитовъ четири, плитъ сиякая на денгу по семи рублей, денегъ двадцать восѣмъ рублей.

Итого всѣхъ денегъ шестьсотъ пятъдесятъ пять рублей восѣмъдесятъ сѣмъ копѣекъ и три полушки" (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г., безъ №, и д. 1757 г., № 19) Вѣдомость эта напечатана нами въ „Кіевской Старинѣ" за 1896 г, іюнь, от. II, стр. 81 и д.

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г., безъ № и д. 1757 г., № 19.

[2]) Лишь въ архивѣ Кіев. дух. консисторіи, въ ветхомъ „реестрѣ денегъ, принятыхъ отъ архидіакона и израсходованныхъ", вѣроятно, экономомъ митрополитанскаго дома въ 1731—2 г.г., мы встрѣтили глухую запись подъ 26 декабря 1732 г.: „Принялъ отъ мене отецъ архидіаконъ для учителей на консоляцію рублей осмнадцать".

[3]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, Прил. VIII, ст. CXXIX.

[4]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собр. В. Асвоченскимъ, т. II, д. № 21.

яхъ самымъ „платьемъ“ [1]), и бывали „когда единъ разъ, а иногда и дважды“ въ годъ, какъ это было при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ [2]).

Благодѣтельствуя лично отъ себя учителямъ Академіи, митрополиты старались изыскивать и другія средства къ ихъ содержанію. Такъ, они предоставили въ пользу учителей употреблять сборы съ „вѣнечныхъ памятей“ [3]) въ нижнемъ городѣ Кіевѣ. Когда впервые было присвоено Академіи право выдачи этихъ „памятей“, неизвѣстно. Ректоръ Амвросій Дубневичъ, прося 21 іюля 1732 года митрополита возвратить это, отнятое было у Академіи на время [4]), право, въ своемъ прошеніи выразился слишкомъ неопредѣленно: „отъ антецессоровъ Вашего Преосвященства вѣнечныхъ памятей дача вручена была Кіевобрацкого монастыря ректорамъ“ [5]). Половину этихъ сборовъ (они не были, да и не могли быть одинаковыми) получалъ ректоръ, другая же половина шла въ раздѣлъ между учителями, по всей вѣроятности, соотвѣтственно ихъ старшинству. Такъ, ректоръ Сильвестръ Кулябка въ своемъ доношеніи митрополиту въ декабрѣ 1743 года писалъ: „зъ квѣтовихъ [6]) денегъ, якихъ до моего начальства чрезъ три года собралося, а именно 1741 года отъ генваря 8 до ноября 11 чиселъ шестьдесятъ два рубли шестъ-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) „Вѣнечною памятью“ назывался письменный видъ, выдаваемый духовными властями на совершеніе брака, не подлежащаго никакому сомнѣнію.

[4]) Отнято оно было, кажется, въ 1731 году, въ силу Синодальнаго указа отъ 28 мая 1731 г. о взиманіи съ вѣнечныхъ памятей пошлинныхъ и лазаретныхъ денегъ (См. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго исповѣданія Рос. имперіи, т. VII, стр. 270, № 2449).

[5]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 1.

[6]) „Вѣнечныя памяти“ иногда назывались „вѣнечными квѣтами (квітами)“. См Акты, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи за XVIII столѣтіе, собранные нами въ 1895 году, д. № 16 (въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіевск. дух. Академіи).

десятъ двѣ копѣйки; за 1742 сорокъ пятъ рублей дванадцатъ копѣекъ, за 1743 тридцатьдевять рублей тридцатъ три копѣйки, половина на ректора, а половина на учителей дается, а съ тѣхъ денегъ не равно себѣ учители раздѣляютъ" [1]).

По распоряженію митрополитовъ же, вѣроятно, учителя Академіи получали слѣдовавшую имъ часть доходовъ изъ тѣхъ монастырей, постриженцами которыхъ они состояли [2]). Ректоръ Давидъ Нащинскій въ своемъ доношеніи митрополиту, въ 1759 году, писалъ, что учителя содержались, между прочимъ, „изъ присылаемаго подѣлу отъ того монастыря, котораго учитель пострыженцомъ есть" [3]).

Наконецъ, источникомъ содержанія учителей были сборы съ учениковъ, дѣтей богатыхъ и знатныхъ родителей, являвшіеся „обычнымъ благодареніемъ за школы" [4]). Бóльшая часть этихъ сборовъ шла въ пользу префекта, къ которому всѣ ученики должны были являться изъ дому „съ поклономъ и знатною консоляціею" [5]); незначительную же часть („малую толику" [6]) получалъ и каждый учитель съ учениковъ

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г., безъ №, и д 1757 г., № 19.

[2]) Въ каникулярное время учителя обычно и жили въ этихъ монастыряхъ (Это видно изъ постоянныхъ требованій митрополитами, въ началѣ каждаго учебнаго года, отъ разныхъ монастырей высылки учителей въ Академію. Такъ, напр., въ опредѣленіи м. Заборовскаго учителей на 174²/₃ учебный годъ читаемъ: учителей, „кои не въ Кіево-Братскомъ монастырѣ жительство имѣютъ, отъ кого надлежитъ, въ Кіево-Братскій монастырь требовать". Арх. Кіев. дух конс., д. 1742 г., № 128; Ср. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д.д №№ 13, 22 и 28; Арх. Кіев. дух. конс., д.д. 1739 г., № 30; 1744 г., № 8) на ихъ полномъ содержаніи.

[3]) Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. II, д. № 21. Конечно, части доходовъ монастырскихъ, дѣлимыхъ на всѣхъ членовъ братіи каждаго монастыря, были небольшими.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII столѣтіе, собр. Д. Вишневскимъ, д № 6.

[5]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. II, д. № 21.

[6]) Ibid.

своей школы. Приблизительное представленіе о размѣрахъ такихъ сборовъ даютъ слова ректора Давида Нащинскаго (въ его доношеніи отъ 12 декабря 1759 г. Кіевскому митрополиту), что учителя Академіи одѣвались „изъ консоляціи архіерейской“ и „изъ приносимой консоляціи паничевской и изъ калефакторства, которое отецъ префектъ за половину года со всѣхъ школъ взимаетъ, а за другую половину учители всякъ изъ своей школы со всякой, а изъ всякой школы за всякой разъ можно до 15 рублей, а наименьше до 10 рублей взять“ [1]).

Иногда, можно предполагать, на долю учителей выпадали и совершенно случайныя средства (какъ, напр., въ 1742 г., изъ суммы, оставшейся по смерти игуменіи Памфиліи, имъ пришлось получить восемь рублей, по назначенію Кіевской духовной консисторіи [2])) со стороны разныхъ благотворителей; но о нихъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ извѣстій [3]).

---

[1]) Ibid. Родители „паничей“ обсылали учителей еще иногда „водкою и протчимъ напоемъ“.

[2]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 1723. Ректоръ получилъ особо 50 рублей.

[3]) Въ числѣ случайныхъ средствъ, выпадавшихъ на долю иныхъ профессоровъ, можно, пожалуй, упомянуть „награжденіе“, которое иногда получалъ профессоръ, посылавшійся отъ Академіи (и митрополита) къ гетману съ новогоднимъ поздравленіемъ.

26 декабря 1751 г. митроп. Тимоѳей Щербацкій, посылая съ такимъ поздравленіемъ префекта и учителя богословія Георгія Конисскаго, писалъ гетману: „*Прежде*, за антецессоровъ ясновельможности вашей, антецессоры мои, преосвященные митрополиты кіевскіе, въ начатіи нового лѣта съ Академіи Кіевской съ поздравленіемъ и для сказованія проповѣдей *ежегодно* къ онимъ антецессорамъ... духовныхъ персонъ посылали“ („Кіев. Старина“, январь, 1890 г., 118 стр.).

Гетманъ графъ К. Разумовскій въ отвѣтѣ митрополиту (9 января 1752 г.), между прочимъ, говорилъ: „Нарочно присланной сюда отъ Вашего... Преосвященства Кіевской Академіи префектъ іеромонахъ отецъ Георгій имѣлъ въ присутствіи нашемъ двѣ предики сего генваря 1 и 6 чиселъ, и оной при семъ возвратно... со учиненіемъ ему за тотъ его трудъ *пристойного награжденія* отпущенъ“ (Подлинное письмо передано нами въ библ. Церк.-Археолог. Музея при Кіевск. дух. Академіи).

Таково было содержаніе учителей Академіи въ первой половинѣ XVIII в. Главнѣйшимъ вознагражденіемъ имъ за ихъ профессуру было пропитаніе, право на которое, поэтому, ими весьма ревниво и оберегалось [1]); прочія же средства, которыя, замѣтимъ, и распредѣлялись ими между собою неравномѣрно, а соотвѣтственно положенію и старшинству каждаго въ академической корпораціи [2]), были не особенно велики и—главное—случайны [3]).

---

[1]) Акты Кіево-Брат. учил. монастыря и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. II, д. № 21.

[2]) Это видно изъ приведеннаго нами выше росписанія, какъ дѣлилась между учителями митрополичья консоляція, и изъ упоминанія о неравенствѣ дѣленія между ними оборовъ съ вѣнечныхъ памятей...

Подобное дѣленіе имѣло въ виду поощрять (при отсутствіи другого способа къ этому) учителей въ несеніи ими своихъ преподавательскихъ трудовъ, при постепенномъ переходѣ профессоровъ отъ учительства въ низшихъ классахъ къ учительству въ высшихъ, наиболѣе благодарныхъ въ матеріальномъ отношеніи. „Понеже не всѣхъ учителей равенъ есть трудъ, но якоже океанъ каплю едину, сице богословскія догматы превосходятъ ученіе грамматическое, того ради праведно судится бытии, дабы и мзда неравна была, но по пропорціи труда и жалованье... Не ровное бо .. жалованье видится приличное пропорціи, сіесть неравенству школъ и учителей, и можетъ поощряти меншихъ учителей къ большимъ трудамъ въ церквѣ Божіей. Къ чему бо меншому учителеви въ болшіе труды непрестанные и тяжкіе вступити, аще за меншіе и легшіе столко жалованья пріиметъ, сколько и за болшіе?“ Такъ разсуждалъ по этому поводу Гедеонъ Вишневскій въ своихъ „Правилахъ партикулярныхъ ради лучшаго чина Академіи Московской“ (Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. II, ч. 2-я, Прилож. VIII, § 3, п. 11, ст. XXIV). Даже столъ старшихъ учителей Академіи, поэтому, бывалъ обильнѣе младшихъ: имъ выдавались порціи больше, чѣмъ младшимъ (см. выше вѣдомость расходовъ Братскаго мон. на содержаніе учителей), что дало поводъ Давиду Нащинскому саркастически замѣтить: неужели учитель за преподаваніе двухъ языковъ (а ему выдавалось двѣ порціи) и ѣсть долженъ за двоихъ учителей? (Акты Кіево-Братск. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. II, д. № 21).

[3]) Судить о томъ, достаточны ли были для профессоровъ всѣ получаемыя ими средства,—можно неодинаково, въ зависимости отъ точки зрѣнія на этотъ предметъ. Принимая во вниманіе, что всѣ почти профессора были лица монашествующія (а не свѣтскія, обремененныя семьями), мы признаемъ, что ихъ матеріальное положеніе было вполнѣ обезпеченнымъ (готовая квартира, отопленіе,

Желая предоставить учителямъ Академіи болѣе или менѣе обезпечивающее и постоянное содержаніе, митрополитъ Рафаилъ Заборовскій І-го іюля 1742 года обратился въ Святѣйшій Синодъ. Изобразивъ бѣдственное положеніе Братскаго монастыря, содержавшаго учителей Академіи („вотчины оного монастыря... крайне скуднія, съ коихъ толко малое число хлѣба получается и тѣмъ заледво братія оного монастыря препитаніе имѣть можетъ"), и скудное обезпеченіе послѣднихъ („учители по возможности моей отъ мене содержатся, однакожъ *въ трудахъ своихъ совершеннаго удоволствія не имѣютъ*"), митрополитъ просилъ Св. Синодъ „куда надлежитъ, милостиво представить, даби обрѣтающимся въ Кіево-Братско-училищномъ монастырѣ учителямъ, яко въ общей ползѣ и въ проповѣди слова Божія труждающимся, противо Московской Академіи учителей, или какъ Вашему Святѣйшеству заблагоразсудится, учинено было въ жалованнѣ милостивое опредѣленіе, взирая на то, что многими Ея Императорскаго Величества указами изъ монастырей... моихъ Кіевскихъ для опредѣленія къ разнимъ мѣстамъ всегда требуются учителніе люди" [1]).

Въ отвѣтъ на это изъ Св. Синода 25 октября 1743 г. послѣдовалъ указъ (за № 2576), повелѣвавшій митрополиту Рафаилу „во объявленіе" къ поданному имъ доношенію „прислать Св. Синоду достовѣрное извѣстіе: бывія на прежде сего въ кіевскихъ училищахъ учители чѣмъ и откуду имянно въ содержаніи своемъ доволствовались; такожъ и нынѣшніе от-

---

освѣщеніе, столъ, денежныя и вещественныя получки отъ митрополитовъ и изъ другихъ источниковъ). Но сами профессора находили, кажется, свое содержаніе не особенно удовлетворительнымъ. Они, какъ можно видѣть изъ челобитной ректора Дубневича (въ 1732 г.) гетм. Даніилу Апостолу (см. выше) и изъ ходатайства Академіи, въ 1742 году, предъ Синодомъ о назначеніи ея профессорамъ жалованья, по примѣру Московской Академіи (см. ниже), считали, что все получаемое ими недостаточно вознаграждало ихъ за ихъ учебную дѣятельность.

[1]) Арх. Кіевск. дух. конс., д. 1742 г., № 743.

кудужъ все то получаютъ; и всѣ ль равное; и къ тѣмъ прежнымъ своимъ доходамъ,—такожъ и къ получаемимъ на содержаніе реченныхъ училищъ изъ войскового скарба на каждой годъ по двѣсти рублей сколко на тѣхъ учителей въ добавокъ денежной суммы и протчаго по разсужденію Вашего Преосвященства въ году быть потребно" [1]). Получивши 21 ноября такой указъ, митрополитъ Рафаилъ 28 числа потребовалъ отъ ректора Академіи архим. Сильвестра Кулябки „извѣстія" о томъ „сверхъ опредѣленнаго учителемъ на рибу (т. е. 130-и рублей, выдѣляемыхъ изъ общей 200-рублевой суммы, отпускавшейся изъ войсковой Генеральной Канцеляріи) денегъ, сколко виходитъ въ годъ имъ на естное и питейное и чего имянно; и сколко, смякая на денгу, денегъ за все то надобно бъ, такожъ и съ присылаемой отъ насъ консоляціи по чему имъ учителемъ даетъся, и сколько въ годъ квитовихъ денегъ въ собраніи бываетъ; и по чему какому учителю въ раздѣлъ даетъся жъ, и въ добавокъ того, для удоволствія, сколко на тѣхъ же учителей денежной суммы, и протчаго въ годъ быть потребно" [2]). По исполненіи (приблизительно въ половинѣ декабря мѣсяца) ректоромъ этого требованія [3]), митрополитъ Заборовскій въ февралѣ слѣдующаго уже 1744 года отвѣтилъ въ Синодъ на его указъ отъ 25 октября 1743 года. Исчисливъ всѣ средства содержанія учителей Академіи, онъ дабавлялъ, что, по его мнѣнію, „*для совершеннаго удоволствія* на обрѣтающихся нынѣ учителей осми человѣкъ потребно въ годъ денегъ сѣмъ сотъ восѣмъдесятъ рублей; буди же кромѣ ректора особенный для преподаянія богословіи учрежденъ будетъ учитель и проповѣдникъ и нѣмецкаго языка учитель, то на одинадцать чело-

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г., безъ №; ср. д. 1757 г., № 19.
[2]) Ibid.
[3]) Отвѣтъ ректора см. тамъ же.

вѣкъ потребно тисяча рублей“ [1])... Но переписка эта не имѣла никакого результата.

Не будучи, такимъ образомъ, въ состояніи собственными средствами болѣе или менѣе обезпечить даже своихъ учителей (и содержа ихъ лишь при поддержкѣ Братскаго монастыря, кіевскихъ митрополитовъ и др. благотворителей), Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка тѣмъ болѣе не могла оказывать матеріальнаго вспомоществованія своимъ воспитанникамъ, большинство которыхъ, состоя изъ круглыхъ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей (дѣтей „мужичихъ, козачихъ“ [2]) и т. п.), всегда нуждалось и въ самомъ необходимомъ для своего существованія (пищѣ, одеждѣ, обуви и пр.).

Конечно, воспитанники, имѣвшіе богатыхъ родителей, не знали во время академической жизни никакой нужды: они пользовались удобными квартирами [3]), хорошимъ столомъ и роскошно („по модѣ“ [4]) одѣвались на средства своихъ родителей. Равнымъ образомъ безъ горя жили и воспитанники-монахи, снабдѣваемые въ своемъ содержаніи тѣми монастырями, постриженцами которыхъ они состояли. Иногда въ

---

[1]) Ibid.: Копія доношенія митроп. Заборовскаго въ Св. Синодъ есть и въ библіотекѣ Церк.-Археол. музея при Кіевск дух. Академіи (Передана нами).

[2]) Рукоп. библ Кіево-Михайл. мон. № 1710, л.л. 164—166: „Табель школи Піитики о ученикахъ 1737 г...“; ср. л.л. 245—254: „Catalogus syntacticorum anno Domini 1736 in annum Salvatoris 1737; сн. списокъ приблизительно 1730 г., помѣщенный въ X-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

[3]) Иные изъ нихъ даже покупали себѣ дома на время обученія въ Академіи, какъ видно изъ просьбы ректора Кулябки въ Синодъ (отъ 16 іюля 1742 г.) о запрещеніи постоя военнымъ людямъ въ квартирахъ студентовъ (Архивъ Св. Синода, д. 1742 г., № 594).

Въ этой просьбѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „издревле какъ великороссійскихъ, такъ малороссійскихъ людей всякихъ чиновъ дѣти, пріѣзжая въ Кіевъ на цѣлорочное прожитіе для изученія наукъ въ Латинскихъ училищахъ, *иные* въ своихъ *собственныхъ*, нарочно для того купленныхъ, дворахъ живутъ, а иные у Кіевскихъ жителей квартиры со всякимъ должнымъ виктомъ и съ дровами не малою цѣною нанимаютъ“.

[4]) XVI пунктъ Инструкціи митр. Заборовскаго (В. Аскоченскій: „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею“, ч. 2-я. стр. 106).

учебное время они даже жили въ этихъ монастыряхъ, если послѣдніе были вблизи Академіи [1]), въ большинствѣ же случаевъ, „чтобы ежеденно къ училищамъ ходить“ и „чтобы за далнымъ разстояніемъ, а паче во время грязное“ не лишаться возможности аккуратнаго посѣщенія классовъ, помѣщались въ Братскомъ монастырѣ, которому ихъ монастыри такъ или иначе за это отплачивали [2]).

Но положеніе воспитанниковъ-бѣдняковъ было чрезвычайно тяжелымъ. Однимъ изъ нихъ (приблизительно двумъ стамъ человѣкъ [3]) Академія безплатно давала только малоудовлетворительное, вслѣдствіе его тѣсноты и сырости [4]), помѣщеніе (и то *безъ отопленія и освѣщенія*) въ бурсѣ (по имени которой и жившіе въ ней студенты назывались *бурсаками* [5]), предоставляя имъ самимъ заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ прочихъ своихъ нуждъ.

---

[1]) Въ архивѣ Кіев дух. конс., въ „реестрѣ дѣлъ повѣта Кіевскаго, вшедшихъ въ канцелярію (митрополита) и Духовной Консисторіи 1749 г., подъ № 96, отъ 24 апрѣля, значится „доношеніе отъ іеродіакона Кіево-Греческаго монастыря Іосифа Саввича сл*(ушателя)* школы фило*(софіи)* съ прошеніемъ о повелѣніи Ігумену греческому Евгенію никакихъ ему, Саввичу, обидъ и препятствій въ монастырѣ греческомъ не чинить и о проч.“.

[2]) Такъ, іеродіаконъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря Іоилъ, обучаясь въ Академіи, жилъ сперва (до 1751 г.) на Подолѣ, на подворьѣ своего Переяславскаго монастыря, а затѣмъ (съ 1751 г.) послѣ просьбы (мотивированной вышеуказаннымъ образомъ) былъ принятъ въ Братскій монастырь. Здѣсь „и келія ему къ житью опредѣлена была“ и онъ отсюда ходилъ на лекціи, живя тутъ (въ Братскомъ монастырѣ) „на коштѣ (Переяславскаго) Преосвященнаго Никодима“ (Арх Кіев. дух. конс, д. 1751 г., № 328).

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII столѣтіе, собранные нами въ 1895 г., д. № 3.

[4]) Ibid; ср. „Кіев. Старина“, 1896 г., январь, стр. 39.

[5]) „...бурсаки: понеже на чужомъ коштѣ живутъ“, такъ объяснено это названіе, кажется, митр. Арсеніемъ Могилянскимъ на небольшой замѣткѣ, находящейся въ (переданномъ нами въ библіотеку Церков.-Арх. Музея при Кіев. Академіи) дѣлѣ 1766 г. „о выдачѣ бурсакамъ денегъ на порубку дровъ и пр.“.

Правда, въ виду крайней нищеты бурсаковъ, Академія, не имѣя спеціальныхъ средствъ на ихъ содержаніе [1]), отдавала имъ [2]), можетъ быть, часть, такъ называемыхъ, конгрегаціонныхъ сборовъ [3]). Сборы эти, какъ поступавшіе собственно на академическую конгрегаціонную церковь (о чемъ рѣчь будетъ впереди) [4]), по всей вѣроятности, выдавались на бурсу рѣдко, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ не было необходимости для прямого ихъ назначенія, и выдавались въ маломъ количествѣ, такъ какъ и въ цѣлой своей

---

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи № 725, актъ № 12.

[2]) Изъ 200-рублевой суммы (получавшейся изъ малороссійскаго скарбу) Академія ежегодно выдѣляла себѣ по 35 рублей на починку „школъ". Но ихъ она, кажется, не отдавала бурсѣ ни разу. Въ первое полученіе 200 рублей, т. е. до 1722 года, выдѣлялось ли изъ нихъ 35 рублей, даже неизвѣстно... Неизвѣстно и то, отдавались ли 35 рублей бурсѣ и позже. Въ черновой замѣткѣ (въ дѣлѣ 1757 г. № 19 архива Кіев. дух. конс.) о распредѣленіи 200 руб., отпускавшихся на Академію, показано, что ежегодно, съ 1741 по 1746 г. включительно, изъ нихъ по 35 руб. оставалось при митрополичьей каѳедрѣ „на починку школъ"... Отдавались на бурсу лишь деньги, пожертвованныя кѣмъ-либо прямо на нее. Эти деньги хранились вмѣстѣ съ конгрегаціонными суммами. Между прочимъ, бурсакамъ было пожаловано нѣсколько денегъ импер. Елисаветой Петровной. Это видно изъ того, что 28 февраля 1749 г. сеніоръ бурсы Николай Загайкевичъ „со всею нищетною братіею" просилъ (съ вѣдома префекта Академіи) митроп. Тимоѳея Щербацкаго разрѣшить „неякое число изъ *жалованныхъ отъ Ея Императорскаго Величества* и при *конгрегацыи содержащихся бурсацкихъ* денегъ выдать — для роздѣлу чимъ прокормитись не имѣющимъ, такъ какъ „прошеннымъ хлѣбомъ" они не могли пропитаться „въ трудное время". (Отъ митрополита былъ отправленъ 1-го марта указъ къ префекту о присылкѣ извѣстія, сколько имѣется тѣхъ денегъ). Акты. собр. нами въ 1895 г., д. № 8.

[3]) Мы только предполагаемъ, что изъ такихъ именно денегъ нѣкоторые ученики школъ философіи и риторики просили митрополита 4 апрѣля 1747 г. разрѣшить выдачу имъ нѣкоторой суммы на покупку греческихъ грамматикъ. (Доношеніе съ этою просьбою значится подъ № 45, въ „реестрѣ входящихъ дѣлъ въ канцелярію митрополита. 1747 г.", въ арх. Кіев. дух. конс.). Но основаній для своего предположенія мы не имѣемъ. И очень вѣроятно, что тутъ имѣлись въ виду какія-либо пожертвованныя на бурсу деньги.

[4]) Насколько вѣрно утвержденіе В Аскоченскаго (ч. І-я, стр. 266—7), что при конгрегаціонной церкви была особая „сборная кружка на содержаніе бѣдныхъ учениковъ", сказать не можемъ.

суммѣ бывали не велики (въ позднѣйшее время, напр., въ 1756 году они состояли изъ 60 рублей, въ 1757 году—изъ 88 рублей [1]). Эти деньги (не говоря уже о томъ, что онѣ и не всегда выдавались), понятно, имѣли мало значенія для двухъ сотъ бурсаковъ: онѣ были малою каплею, незамѣтно исчезавшею въ морѣ нищеты...

Больше облегчала нужды бурсаковъ людская благотворительность; и ею только бурсаки могли поддерживать хоть кое-какъ свое существованіе въ академическіе годы.

Братскій монастырь, обременяемый содержаніемъ учителей, питалъ нѣсколькихъ бурсаковъ [2]) и предоставлялъ имъ, кажется, небольшой кусокъ земли для посѣва овощей [3]); дру-

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1757 г., № 71.

[2]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1740 г., безъ № („Видѣніе. . при какихъ монастырей и протопопій Кіевской епархіи церквахъ свѣчи продаются... и имѣются ль вездѣ богадѣльнѣ и пр."): „Въ Кіево-Братскомъ (монастирѣ)... во мѣсто богадѣльнѣ *бурса студенская* имѣется, въ которой живущіе *многю* изъ того монастыря *кормятся*". Эти малоопредѣленныя слова могутъ быть основаніемъ къ утвержденію, что Братскій монастырь, съ которымъ Академія была въ связи, въ первой половинѣ XVIII ст. не незначительно вспомоществовалъ бѣднякамъ-студентамъ Академіи. Въ виду возможности такого утвержденія, мы считаемъ необходимымъ сказать, что помощь студентамъ со стороны Братскаго монастыря въ изслѣдуемый нами періодъ времени имѣла чисто случайный характеръ (нормы для нея и обязательства не существовало) и была, вѣроятно, довольно слабой. Митроп. Рафаилъ Заборовскій въ своемъ доношеніи Св. Синоду 30 мая 1737 года, указавши источники содержанія профессоровъ Академіи, о содержаніи студентовъ прямо писалъ: „а ученикъ (Академіи) всякъ содержится на своемъ партикулярномъ коштѣ или на какомъ кто можетъ" (Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. І-й). Разумѣется, еслибы Братскій монастырь оказывалъ значительную, или хотя бы и небольшую, но опредѣленную и постоянную помощь студентамъ Академіи, митроп. не преминулъ бы упомянуть объ этомъ.

[3]) Первое упоминаніе о бурсацкомъ огородѣ („бурсацкихъ клѣткахъ") мы встрѣтили въ дѣлѣ 1766 г. (въ архивѣ Кіев. дух. конс., подъ № 119). Когда и кѣмъ онъ былъ данъ бурсакамъ, кѣмъ и какъ онъ обработывался, берегся и т. п., неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, обработывалъ и засѣвалъ его Братскій монастырь, который и далъ его бурсѣ; берегли же его сами бурсаки, такъ какъ они въ 1760-хъ годахъ (какъ видно изъ указаннаго дѣла) просили себѣ особыхъ средствъ на починку ограды вокругъ своихъ „клѣтокъ".

гіе кіевскіе монастыри [1]) дѣлали имъ „малое временемъ провизіонное подаяніе“ [2]); частныя лица нерѣдко жертвовали на нихъ деньгами, хлѣбомъ, одеждою и т. п. [3]), но больше другихъ благотворили имъ кіевскіе митрополиты... „Даетс̃я на всякъ годъ на пропитаніе... ученикомъ, въ бурсѣ живущимъ, на дрова и на нужныя ихъ потребы изъ казны архіерейской, отъ боку моего смиренія, елико по силѣ моей мощно, денежнымъ и протчіимъ даткомъ по содержанію прежнихъ антецессоровъ моихъ митрополитовъ кіевскихъ“; такъ писалъ въ 1727 году архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ Св. Синоду [4]).

Каковъ былъ размѣръ ежегоднаго денежнаго вспомоществованія бурсѣ со стороны митрополитовъ, точно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, на ихъ деньги всегда пріобрѣталисъ

---

[1]) Постановленіе Духовнаго Регламента (§§ 11 и 12) по отношенію къ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII в. не приводилось въ исполненіе. (Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода, т. VII, Прил. VIII ст. CXXIX—CXXX), и указъ объ исполненіи его впервые былъ данъ лишь 30 мая 1754 г. (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1754 г., № 167) Кіевскою консисторіею.

[2]) Рук. библ. Кіев. дух. Академіи S. 1. 26.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 487, л. 77. Здѣсь о Тимоѳеѣ Щербацкомъ, бывшемъ въ т͑о время архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры, говорится, что онъ „многимъ въ Академіи Кіевской убогимъ студентамъ и пищу, и денги и одѣянія благоволилъ подати“. Въ 1762 г. Щербацкій, будучи въ Москвѣ уже, прислалъ оттуда „на бурсачковъ-павперовъ отъ себе“ 50 рублей и „собранныхъ“ 25 руб. (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1762 г., № 37). По смерти игуменіи Памфиліи, изъ ея денегъ въ 1742 г. дано было на бурсу 15 руб. (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 1728). Безъ сомнѣнія, бурсаки сами часто обращались съ письменными просьбами о помощи къ разнымъ лицамъ, покровительствовавшимъ образованію (меценатамъ), что у нихъ считалось даже за обычай. См. Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 487, л.л. 85, 86: „Praxis I-ma, qua academici Kijovienses sua egestate pressi ex *consveto more* apud munificos *maecenates* petunt sibi eleemosinam“.

[4]) Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, прил. VIII, ст. CXXIX.

дрова для ея отопленія [1]). Кромѣ этого, митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ ежегодно назначалось бурсакамъ 25 рублей изъ 190-рублевой консоляціи, выдававшейся имъ Академіи [2]).

Не сохранилось равнымъ образомъ никакихъ извѣстій о случайныхъ и вещественныхъ даяніяхъ митрополитовъ на бурсу, которыя, безъ сомнѣнія, бывали часто, какъ можно заключать, напр., по просьбѣ студента Петра Явоновскаго въ 1746 году у митрополита Заборовскаго о снабженіи его „подъ наставшее зимное время кожухомъ“ [3]); а еще болѣе по такимъ словамъ Георгія Конисскаго въ его надгробной рѣчи митрополиту Рафаилу: „Недоволенъ единъ языкъ (о великой потерѣ)... исповѣсти; нехай убо многочисленными языками съ жалостію нынѣ исповѣдуетъ многочисленный оный домъ, общее учащихся нищихъ прибѣжище, бобиле, глаголю, бурсацкіе, безгрунтовіи, безденежніи, чрезъ шестнадцать лѣтъ милостію преосвященнаго архипастыря оправляеми, огрѣваеми и многообразно ежечаснимъ его... подаяніемъ снабдѣваеми“... [4])

Однако и при всѣхъ указанныхъ благотвореніяхъ, какъ далеко недостаточныхъ, бурсаки были въ полномъ смыслѣ слова „нищетною братіею“ [5]). Временами они не имѣли даже

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1766 г., № 119. Тутъ въ справкѣ, представленной въ Кіевскую дух. консисторію 11 декабря 1766 г., префектъ Кіевской Академіи іеромонахъ Рувимъ, между прочимъ, говоритъ, что „для топлива (бурсацкихъ) печей прежде (т. е. до 1766 г.) выдаваны были денги съ казни Архіерейской на два плита дровъ до старой бурси“. (Новая бурса была начата построеніемъ въ 1760 г., какъ видно изъ дѣла того же архива за 1766 г., № 126 и докончена къ 1766 г.; Арх. Кіев. дух. конс., д. 1766 г, № 110).

[2]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г, безъ №; ср. д. 1757 д., № 19.

[3]) Арх. Кіев. дух. конс. д. 1746 г., № 1094.

[4]) Рукоп. библ. Михайл. мон., № 1748, л л. 23—33; ср. Кіев. Епарх. Вѣдомости 1876 г., № 7.

[5]) Такъ называли себя сами бурсаки,—и въ оффиціальныхъ случаяхъ. См., напр., прошеніе бурсацкаго сеніора Николая Загайкевича къ митроп. Тимоѳею Щербацкому 28 февр. 1749. (Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст., д. № 8).

куска хлѣба и по необходимости должны были „мирковать“ [1]) о себѣ, кто какъ могъ. Иногда они пріискивали себѣ занятія, какого бы то ни было рода; напр., нанимались за самое ничтожное вознагражденіе читать псалтирь надъ покойниками [2]); но преимущественно „пищу, одѣяніе, призрѣніе“, въ случаяхъ постигавшихъ болѣзней, старались получать „съ прошенія отъ доброхотныхъ дателей милостины“ [3]). Свои прошенія „милостины“ „нужда бурсацкая“ сопровождала характернымъ „обикновеніемъ“—„спѣваньемъ“ [4]). Являясь къ какому-либо дому для испрошенія подаянія, бурсаки (компаніей ли то, или въ одиночку) „спѣвали“ разные канты, чтобы возбудить въ благотворителяхъ большее сочувствіе къ себѣ. Какъ явленіе, повторявшееся ежедневно въ обѣденное [5]) и вечернее [6]) время, это „спѣванье“ хорошо было извѣстно кіевлянамъ [7]), и они по возможности старались надѣлять „спѣвателей“; но люди, враждебно настроенные противъ студентовъ, смѣялись надъ ними и порою даже издѣвались [8])... Весьма вѣроятно, что въ виду такихъ случаевъ (если вообще не для полнаго избавленія себя отъ непріятнаго „крохобор-

---

[1]) Употребляемъ это слово въ смыслѣ—промышлять вообще (какъ объясняетъ его М. З. Лиличевскій въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, 1870 г., сентябрь, стр. 584).

[2]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст., д № 23; ср. Арх. Кіев. дух. конс. д. 1737 г., № 711.

[3]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1766 г. № 119; для испрошенія такихъ подаяній студентамъ Академія выдавала свидѣтельства; см. инструкц. Заборовскаго, пунктъ V (у Аскочен., ч. 2, с. 103).

[4]) Акты относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст., д. № 17.

[5]) „Описаніе Кіево-Соф. соб.“, митр. Евгенія, прилож., стр. 215.

[6]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст, д. № 7.

[7]) Да и на языкѣ бурсы „спѣвать“ и „просить“ были синонимами (ibid.).

[8]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст., д. № 17. Сами студенты иногда злоупотребляли этимъ „спѣваньемъ“, такъ что митроп. Заборовскій (см. V пунктъ его Инструкціи у В. Аскоченскаго „Кіевъ съ древн. его учил. Акад.“ ч. II, стр, 103) распорядился, чтобы они безъ свидѣтельствъ академическихъ не ходили по городу для испрошенія подаяній.

чества"), нѣкоторые бурсаки брали къ себѣ въ бурсу подобныхъ же себѣ бѣдняковъ—„нищихъ" (какъ они назывались), дѣлились съ ними своимъ тѣснымъ пріютомъ, обучали ихъ грамотѣ и „заправляли Альвара" (т. е. знакомили съ начатками латинскаго языка, чтобы подготовить къ поступленію въ Академію [1]), за что эти „нищіе" и кормили ихъ тѣми крохами, какія они вымирковывали себѣ, ходя по Кіеву, избавляя уже такимъ образомъ студентовъ отъ непріятнаго попрошайничества.

Лучшимъ временемъ для сбора подаяній у бурсаковъ были дни праздниковъ Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія, когда они ходили по домамъ кіевскихъ обывателей „со славеннымъ" (т. е. съ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній во славу Спасителя [2]), за что, равно какъ и за „вѣншованіе" (привѣтствіе) [3]) хозяевъ поздравительными виршами, ораціями, діалогами и т. п. [4]), были надѣляемы въ каждомъ домѣ болѣе щедро, чѣмъ въ какую другую пору. Иногда „на денгахъ, собираемыхъ святами рождественскими и воскресенскими", бурсаки находили возможность содержать даже „стопниковъ" [5]) для отопленія и присмотра своего помѣщенія, что было особою роскошью, такъ какъ обычно эти обязанности, за отсутствіемъ

---

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1766 г., № 119. Въ 1768 г. такихъ нищихъ въ бурсѣ было 24 человѣка, въ 1769 г.—14, и Академія выдѣляла имъ уже нѣсколько денегъ изъ бурсацкихъ средствъ (ibid.). Что эти „нищіе" были не „калѣки", видно изъ 8 и 9 пунктовъ „Инструкція находящимся по школамъ при церквахъ Кіево-Подольскихъ студентамъ"..., помѣщенной въ III приложеніи къ настоящему труду.

[2]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII стол., д. № 2.

[3]) Ibid. См. наши очерки „Изъ быта студентовъ старой Кіевской Академіи" („Кіев. Старина" 1896 г., январь).

[4]) О вертепныхъ представленіяхъ (о которыхъ говорятъ историки Академіи, напр., іером. Макарій Булгаковъ, стр. 107 и др.) студентовъ въ изслѣдуемое нами время мы не встрѣтили никакихъ упоминаній. Вѣроятно, они, какъ во второй половинѣ XVIII в. (См. Н. И. Петрова: „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.", Кіевъ, 1895, стр. 91), не особенно практиковались.

[5]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1766 г., № 119.

средствъ для найма прислуги, кажется, исполнялись, самими бурсаками [1]).

Въ каникулярное время (иногда и раньше наступленія его [2]) бурсаки расходились по разнымъ мѣстностямъ Россіи, чтобы просьбами и всевозможными занятіями собрать какія-либо средства для своего содержанія въ учебное время. Такія путешествія, называвшіяся хожденіями на *эпетиціи*, разрѣшало само академическое начальство, выдавая студентамъ отпуски и свидѣтельства (пашпорты [3]). Но иногда студенты и тайно, безъ паспортовъ, уходили на эпетиціи, оставивъ свои занятія. Это вызвало со стороны митрополита Рафаила Заборовскаго указъ 20 іюня 1732 года [4]) (повторенный 2-го іюня 1734 г.) [5]), гласившій: „студентамъ, безъ пашпорта всечестнаго префекта Кіевомогиліянскаго, за подписаніемъ его власной руки, на эпетиціи, самовольно оставивши за времени ученія школніе, тайно исходящимъ, милости въ требованіи ихъ не творить“. Путешествуя на эпетиціи, студенты частью пристраивались въ разныхъ мѣстахъ на извѣстное время, и за условленную плату брались за всякаго рода занятія, начиная отъ учительства въ церквахъ [6]) и домахъ и

---

[1]) Какъ говоритъ м. Евгеній („Опис. Кіево-Соф. соб.“, стр. 222), худшими воспитанниками, называвшимися калефакторами.

[2]) Каникулы начинались въ іюлѣ мѣсяцѣ (какъ скажемъ ниже); а на эпетиціи студентамъ разрѣшалось отлучаться въ началѣ мая (Труды Кіев. дух. Акад. 1870, сентябрь, стр. 584), и даже, кажется, когда угодно (См. 8-й пунктъ „Инструкціи“..., въ III приложеніи. Бѣднякамъ студентамъ, разумѣется, лучше было странствовать весною и лѣтомъ.

[3]) Образчикъ такихъ паспортовъ см. у В. Аскоченскаго: „Кіевъ съ древн его училищемъ Академіею“, ч. I, стр. 354, примѣч. 402.

[4]) М. Лилеевъ: „Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Черниговской духов. семинаріи. Спб., 1880, стр. 99, № 122.

[5]) Архивъ Кіевской Борисо-Глѣбской церкви; 1-я книга указовъ..., л. 128.

[6]) Митропол. Заборовскій указомъ 2 іюня 1734 г. предписалъ: „проповѣдей сѣдящимъ студентамъ отнюдь въ церквахъ впредь не позволять говорить, понеже, сами еще несовершенни будучи въ ученіи своемъ къ тому и млады, какъ могутъ старѣйшихъ и разумнѣйшихъ научать, юношескою недосконалостію и самовольнымъ

оканчивая самою черною работою; частью же кочевали отъ одного селенія до другого, миркуя спѣваньемъ, виршами, ораціями и т. п.

Такъ горька была жизнь бурсаковъ, питавшихся „прошенним хлѣбомъ“ [1]), а иногда не имѣвшихъ и его [2])!..

Не лучшею была и жизнь другихъ бѣдняковъ-воспитанниковъ, которые, не находя мѣста въ бурсѣ, должны были заботиться и о пріисканіи себѣ квартиръ.

Исключеніемъ являлись студенты старшихъ классовъ— богословы, философы и отчасти успѣшнѣйшіе риторы, да сироты—дѣти священнослужителей. Старшимъ благонравнѣйшимъ студентамъ, чтобы избавить ихъ отъ унизительнаго хожденія за сборомъ подаяній, академическое начальство предоставляло *инспекторство* или репетиторство младшихъ студентовъ [3]), преимущественно дѣтей достаточныхъ родителей, за что они получали отъ послѣднихъ квартиру, столъ и, быть можетъ, жалованье, и рекомендавало ихъ на *кондиціи* (т. е. для обученія дѣтей) въ дома „господъ“ кіевскихъ и другихъ мѣстъ, что тоже оплачивало ихъ трудъ и, такимъ образомъ, давало имъ средства къ существованію, болѣе надежныя и привлекательныя, чѣмъ „крохоборство“. Не даромъ же студенты такъ ревниво относились къ правамъ своего

хотѣніемъ водним? надлежитъ бо, по Регламенту Духовному, проповѣднику слова Божія отъ Академіи быть апробовану“... (Ibid.).

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Кіевской Академіи за XVIII ст., д. № 8.

[2]) Ibid. Въ такихъ случаяхъ имъ выдавались пожертвованныя кѣмъ-либо на бурсу деньги, хранившіяся при конгрегаціи. Но давалось ли имъ что-нибудь изъ *конгрегаціонныхъ* собственно суммъ, неизвѣстно.

[3]) Не исключая и малоуспѣшнѣйшихъ риторовъ. См. „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII стол.“, д. № 9; ср. переданное нами въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіев. дух. Акад. „дѣло по прошенію учениковъ Кіевск. Академіи объ опредѣленіи имъ... Стефана Голѣнковскаго... инспекторомъ“.

инспекторства [1]) и полученія кондицій [2]), что позволяли себѣ открыто выражать префекту Академіи неудовольствіе, въ случаяхъ несоблюденія имъ должной постепенности въ распредѣленіи между ними подобныхъ назначеній. Богословъ былъ недоволенъ, если префектъ, обходя его, предоставлялъ репетиторство философу; философъ обижался, если ему предпочитался риторъ [3])... Впрочемъ, иногда за свое репетиторство студенты не получали условной платы отъ договаривавшихъ ихъ лицъ, если послѣдними бывали люди недобросовѣстные [4]).

Сироты-дѣти священнослужителей со времени и по распоряженію митрополита Рафаила Заборовскаго, чрезвычайно заботившагося о подъемѣ образованія въ средѣ духовенства кіевской митрополіи [5]), пользовались доходами съ парохій, на которыхъ при своей жизни служили ихъ отцы. Обыкновенно въ парохіи служилъ викарій и за это получалъ часть (смотря

---

[1]) Думаемъ, что имѣть репетиторовъ или инспекторовъ младшіе воспитанники *были обязываемы* академическимъ начальствомъ. Въ противномъ случаѣ трудно понять, чѣмъ, напр., руководился префектъ Давидъ Нащинскій, прося (въ 1754 г.) митр. Тимоѳея Щербацкаго назначить инспекторовъ тѣмъ воспитанникамъ, которые отказывались отъ таковыхъ якобы по волѣ своихъ родителей (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1754 г., № 318). . И воспитанники сами, вѣроятно, въ силу обязательности имѣть инспекторовъ, разсуждали, что „безъ инспектора (который можетъ „проексплѣковати и новое что полезное имъ въ наставленіе при регулахъ росказати“) хотя и малое время.., жити въ малихъ школахъ сущимъ не прилично“, чѣмъ иногда и мотивировали свои просьбы о назначеніи его имъ (См. указанное выше дѣло объ опредѣленіи Голѣнковскаго инспекторомъ).

[2]) На кондиціи внѣ Кіева студенты были отпускаемы иногда раньше наступленія вакацій и окончанія учебныхъ занятій въ Академіи (арх. Кіев. дух. конс., д. 1758 г., № 38), и притомъ нѣкоторые даже на нѣсколько лѣтъ, числясь все-таки въ студенческихъ спискахъ (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 1).

[3]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіевской Академіи за XVIII столѣтіе“, д. № 21.

[4]) Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ. 1746 г., № 152, гдѣ значится поступившимъ къ митрополиту доношеніе о неотдачѣ студенту денегъ за наученіе имъ племянника монахини Макаріи начаткамъ латинскаго языка.

[5]) Онъ священническимъ дѣтямъ заблаговременно выдавалъ „концессы“ на просимыя парохіи, чтобы только побудить ихъ учиться въ Академіи „до совершенныхъ наукъ“. Ibid, д. № 5.

по опредѣленію митрополита) доходовъ, а остальное шло воспитаннику-сиротѣ „для снабдѣнія его во училищахъ", если на то у него имѣлся „концессъ" отъ митрополита [1]).

Прочіе—бѣднѣйшіе воспитанники жили, какъ кому приходилось. Иные, способные къ церковному чтенію и пѣнію и желавшіе навыкнуть тому и другому [2]), ютились въ приходскихъ школахъ, существовавшихъ въ первой половинѣ XVIII в. почти при всѣхъ Кіево-Подольскихъ церквахъ, именно: 1) Добро-Никольской, 2) Покровской, 3) Борисо-Глѣбской, 4) Духовской, 5) Набережно-Никольской, 6) Ильинской, 7) Спасской, 8) Воскресенской, 9) Рождественской, 10) Царе-Константиновской, 11) Васильевской (казацкой), 12) Введенской и 13) Притиско-Никольской [3]). Пользуясь здѣсь убогимъ помѣщеніемъ, часто служившимъ и квартирою для нихъ и классомъ для занятій школьниковъ [4]), студенты должны были ходить въ церковь (ежедневно по два или по три человѣка, а въ праздничные и торжественные дни всѣ) [5])

---

[1]) Арх. Кіев. дух конс. д.д. 1738 г., № 923; Реестръ 1740 г., № 49, д. 1743 г., № 1517; 819. Реестръ №№ 1 и 6; д. 1745 г, № 57; д. 1748 г, № 48; д. 1750 г., № 78 и мн. др. Концессы выдавались, кажется, и раньше митроп. Заборовскаго. Такъ, въ записяхъ консисторскихъ опредѣленій за 1742 г. (сохранивш. въ архивѣ Кіев дух. конс.), между прочимъ, подъ 4 іюля, есть такая: „По челобитной Снѣтинской попадьи, судъ приговорилъ: если ея дѣти будутъ учиться въ латинскихъ школахъ, то викарій долженъ давать ей треть доходовъ",

[2]) См. въ III приложеніи къ нашему труду: „Инструкцію находящимся по школамъ при церквахъ Кіево-Подольскихъ студентамъ"..., пунктъ 1.

[3]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст.", д. № 3. Въ Притиско-Никольской школѣ приблизительно съ 1735 по 1741 г. студенты не жили (ibid., ср. д. № 1). Не жили здѣсь они, вѣроятно, и въ первой четверти XVIII в. („Кіев. Стар.", январь 1896 г., стр. 44), вслѣдствіе запрещенія митр. Ясинскаго, послѣ грамоты ему отъ 26 апрѣля 1699 г. патр. Адріана („Кіев. Стар.", 1885 г, сентябрь, стр. 137—144), писанной по поводу жалобъ кіевскихъ мѣщанъ на безчинства студентовъ, жившихъ въ школахъ (именно, какъ кажется, Притиской и Соборно-Успенской; см. „Кіев. Стар." 1896 г., январь, стр. 43—44).

[4]) См. III приложеніе къ настоящему труду, пунктъ 3.

[5]) Ibid., пунктъ 2.

для исполненія обязанностей чтецовъ, пѣвцовъ и даже пономарей [1]) и помогать дьякамъ въ обученіи мѣщанскихъ дѣтей, преимущественно „въ заправленіи ихъ Альвара" [2]). За участіе въ церковныхъ службахъ настоятели церквей удѣляли студентамъ частицы доходовъ церковныхъ [3]) и своихъ личныхъ [4]); за обученіе же дѣтей ихъ вознаграждали мѣщане,— кто дровами, кто деньгами, кто хлѣбомъ и т. п. [5]). Но этими вознагражденіями, какъ скудными и неопредѣленными (по зависимости отъ личнаго расположенія настоятеля и мѣщанъ), студенты прожить не могли, и, подобно бурсакамъ, должны были промышлять о себѣ спѣваньемъ [6]), хожденіемъ на ѳпетиціи [7]), хожденіемъ въ рождественскіе и пасхальные дни „подъ протекціею" дьяковъ „со славеннымъ" [8]), содержаніемъ при себѣ „нищихъ" [9]) и т. п. [10]). Такая горемычная жизнь ихъ временами становилась буквально невыносимою.

---

[1]) Ibid., пунктъ 2 и 9.

[2]) Ibid, пунктъ 5; ср. „Акты относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.", д. № 3.

[3]) Напр., въ Борисо-Глѣбской церкви въ 1735 г. имъ еженедѣльно давалось по двѣ копѣйки и дѣлались особыя подачки на запусты и разговѣнья; въ 1737 г. вмѣстѣ съ дьячкомъ на нихъ вышло въ годъ 40 копѣекъ; въ 1745 г., дьяку, студентамъ и „паламару" выдавалось по 5 копѣекъ въ недѣлю; въ 1742 г. студентамъ за то, что они выносили изъ церкви, во время пожара дома близь ея, „церковніи обради", было дано „копѣекъ 10". (Архивъ Кіевск. Борисо-Глѣб. церкви; Реестръ 1735 и слѣдующихъ годовъ, л.л. 66, 67, 72 на обор. и 76 на обор. См. „Труды Кіев. дух. Академіи, 1896, февраль, стр. 281).

[4]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.", д. № 3.

[5]) Ibid.

[6]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1740 г., № 171.

[7]) См. III-е приложеніе къ настоящему труду, пунктъ 8.

[8]) Ibid., пунктъ 10; ср. „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.", д. № 2.

[9]) Ibid., пунктъ 8.

[10]) Иногда жившіе въ школахъ студенты брали къ себѣ товарищей—мѣщанскихъ и священническихъ дѣтей, чтобы за предоставляемую имъ квартиру питаться отъ нихъ; но это было запрещено „Инструкціею... 1750 г.", см. 8 пунктъ ея въ III приложеніи.

Дѣло въ томъ, что студенты, жившіе въ школахъ, нерѣдко безъ надлежащаго почтенія относились къ настоятелямъ [1]), отъ которыхъ почти всецѣло зависѣло ихъ большее или меньшее благоденствіе [2]), часто вооружали противъ себя дьяковъ, переманивая отъ нихъ къ себѣ, въ матеріальныхъ интересахъ, мѣщанскихъ дѣтей, обучавшихся русской грамотѣ [3]) (чего они не должны были дѣлать безъ воли ихъ родителей и настоятелей [4]); нерѣдко, наконецъ, возмущали противъ себя и мѣщанъ, позволяя себѣ колотить ихъ дѣтей— школьниковъ, если, напр., эти дѣти, „въ голосъ" (громко) занимаясь въ школѣ, тѣмъ самымъ препятствовали ихъ занятіямъ [5]). Все подобное имъ такъ не обходилось, а влекло множество бѣдъ и огорченій... Впрочемъ, и безъ поводовъ съ ихъ стороны, у нихъ были всегдашними врагами дьяки, матеріальные интересы которыхъ значительно страдали отъ участія студентовъ въ доходахъ школы. Они-то болѣе всего дѣлали студентамъ непріятностей: они смѣялись надъ ними, бранили самыми площадными словами, часто ничего не удѣляли имъ изъ того, что давалось мѣщанами на школу (лишали ихъ даже дровъ), поднося имъ „дулѣ подъ носъ" и продѣлывая съ ними такія вещи, „о которихъ встидно сказать", обвиняли ихъ въ воровствѣ безъ всякаго основанія и даже били ихъ! [6]) Бывали, конечно, и священники, относившіеся къ студентамъ, жившимъ въ школѣ, не лучше дьяковъ. Таковъ былъ, напр., священникъ Притиской церкви о. Романъ Антоновичъ. Онъ не только самъ, хотя „ему, какъ освященной персонѣ", слѣдовало бы „къ наученію доброхот-

---

[1]) Ibid., пунктъ 12.

[2]) Ibid., пункты: 1, 4, 5, 6, 7 8.

[3]) Ibid., пунктъ 5.

[4]) Ibid.

[5]) „Акты, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст.", д. № 3; „Кіев. Старина". 1885, сентябрь, стр. 137—144.

[6]) Ibid., ср. „Кіевская Старина", 1896, январь, стр. 44—53.

ствовать и защищать", гналъ студентовъ въ 1741 г. изъ Притиской школы, но побуждалъ „еще и мірскихъ людей къ недоброхотству" къ нимъ; онъ возбудилъ противъ нихъ настоящее гоненіе чрезъ дьяка, поддячаго и ктиторовъ, которые „цѣлую почти парохію Притискую двинули къ подпису" подъ „доношеніемъ" въ Кіевскій магистратъ о запрещеніи студентамъ жить въ Притиской школѣ... Лишь энергія префекта Михаила Козачинскаго отстояла студентовъ, оправдавъ ихъ отъ всѣхъ обвиненій, которыя были вымышлены въ этомъ доношеніи... [1]) Въ виду подобныхъ столкновеній между студентами, дьяками и священниками, академическое начальство было вынуждено выработать въ февралѣ 1750 года особую инструкцію, которою и опредѣлило права положенія студентовъ въ приходскихъ школахъ [2]).

Нѣкоторые бѣдняки-студенты изъ-за куска хлѣба во время ученія поступали на какую-либо службу. Такъ, риторъ Антоній Гонтковскій въ 1750 году жилъ у ключника Братскаго монастыря іеродіакона Кирилла, „послуговая ему, дабы за то имѣть при ученіи препитаніе" [3]); упомянутый священникъ Романъ Антоновичъ, будучи въ 1733 году риторомъ, жилъ у свящ. Якова Жураковскаго „какъ наймитъ", „гной возилъ, коны пасъ, дрова рубилъ, коляску погонялъ" [4]); студентъ Італѣнскій три года (1735—37) состоялъ письмоводителемъ у подольскаго протопопа („ради перекопіевання указовъ") [5]); многіе были „служителями" у своихъ же товарищей—„господскихъ дѣтей" [6]), если у послѣднихъ не бы-

---

[1]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст.", д. № 3. См. его изложеніе въ „Кіевской Старинѣ", 1896, январь, стр. 39—54.

[2]) См. ее въ III приложеніи къ настоящему труду.

[3]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.", д. № 8.

[4]) Ibid., д. № 1.

[5]) Архивъ Кіев. дух. конс., д. 1741 г., № 904; 87.

[6]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.", д. № 9.

вало „хлопцевъ“ изъ крѣпостныхъ [1]); особенно же старались поступать студенты въ митрополичій домъ на службы канцеляристовъ [2]), пѣвчихъ [3]) и даже лакеевъ [4]).

Было, наконецъ, немало и такихъ студентовъ, единственнымъ средствомъ существованія которыхъ было Христово имя, побираясь которымъ они расхаживали по Кіеву, довольствуясь всякимъ пристанищемъ и ночлегомъ и испытывая при этомъ всѣ невзгоды и страданія обездоленныхъ людей. Такіе бѣдняки большею частью соединялись въ компаніи, сообща нанимали себѣ убогую квартирку и, добывая себѣ такія или иныя средства, существовали ими на артельныхъ началахъ [5]).

Поставленные, такимъ образомъ, въ необходимость ежедневно заботиться о своемъ пропитаніи, бѣдняки-студенты теряли на это очень много времени, которое можно было бы употреблять на занятіе науками, и даже не всегда могли посѣщать аудиторіи, что весьма печально и отражалось на ихъ успѣхахъ.

Вотъ какъ сѣтовалъ бѣднякъ-студентъ на свою бѣдность, какъ на причину своей малоуспѣшности, въ письмѣ

---

[1]) Нужно замѣтить, что „хлопцы“ „паничей“ или „господскихъ дѣтей“, навыкая отъ послѣднихъ грамотѣ, иногда „заправлялись Альвара“ и посѣщали, какъ студенты, академическія аудиторіи („Кіевлянинъ“ 1876 г., № 42). Очень можетъ быть, что они бывали отпускаемы, затѣмъ, на волю своими владѣтелями, какъ люди ученые.

[2]) Арх. Кіев. дух. консисторіи, д. 1742 г., № 21, № 42 и др.

[3]) Ibid., д. 1756 г., № 15.

[4]) Ibid , д. 1750 г., № 154. При митр. Арсеніи Могилянскомъ митрополичьи лакеи „сверхъ хлѣба и варива, на покупку рибы и мяса денги отъ монастыря катедральнаго по двѣ, а съ конторы Его Преосвященства по одной копѣйки“ получали, да жалованья по 23 рубля въ годъ (Ibid., д. 1771 г., № 13).

[5]) Указаніе на существованіе артельнаго строя жизни у нѣкоторыхъ студентовъ можно видѣть въ XV-мъ пунктѣ инструкціи м. Заборовскаго (см. у В. Аскочен., ч. 2, стр. 106).

къ своему отцу, у котораго онъ просилъ матеріальной поддержки:

„Woli W. M. P. y D. we wszystkim stosuiąc się staramsię o to, aby w szkole inter postremos nie siedzial, iednak pluribus intempestatibus nie moge tak, iako chce y W. M. P. sobie życzysz, in studia litterarum excurrere. Przy Wyrgiliuszu dosic iątą occupatione przyuczac się musze do glodu y zimna, ale artes non bene conveniunt z naukami wyzwolonemy. Trudna bardzo lacina inter honestos uczyc się, oszarpano chodzic, inter saturos fame laborare. Codzięna moia ocupatia mislic o barwaszu na suknią niemasz iako do xięg ręku zawinąc aby się lokcie prętkanie wipluly. Ieżeli W. M. oraz za iedne pieniądze tak wiele mi się każesz uczyc, zgola nie widolam, una mercede duas res assequi nie podobna. Musze się y szkoly chować, żeby się barwa do ostatku nie wytarla; late domi jejunus, aniżeli vacuus ventre studia apparere; ustaie sitis et fames scientiae, kiedy chleb na misle, y ciężą pod pachą xiężki, gdy w keszeni pusto“ [1])...

Съ другой стороны, прибѣгая ко всѣмъ, даже самымъ унизительнымъ средствамъ, чтобы утолить свой голодъ и прикрыть свою наготу, теряя на это много времени, и при

---

[1]) Рукоп. библ. Кiев дух. Акад. J. Ш. 92. 13, л. 120: „Epistola petitoria, qua filius a patre supplementum necessarium ad studia litterarum *(petit)*“.

Тяжесть жизненныхъ условій дѣлала то, что многіе студенты Академіи, явившись къ началу учебнаго года въ Кіевъ, не могли просуществовать тутъ до конца годичныхъ занятій. У иныхъ изъ нихъ не было средствъ ни на покупку хлѣба, ни на плату за квартиру. Префектъ Академіи, отвѣчая митроп. Рафаилу Заборовскому на его указъ отъ 23 марта 1737 г. (по поводу представленія въ Св. Синодъ свѣдѣній объ ученикахъ Академіи), писалъ, между прочимъ, что въ началѣ учебнаго ($17^{36}/_{37}$) года въ Академію собралось учащихся до 600 человѣкъ, но теперь, къ концу марта мѣсяца, „за утѣсненіемъ квартеръ и за оскудѣніемъ препитанія, яко свободни суще, свободно мусили, за нужду предреченную, *многіи*, ученіе свое оставивши, отъ училищъ устранитись“, такъ что въ Академіи осталось всего 364 студента (Арх Св. Синода, д. 1737 года, № 380, томъ 1).

томъ все-таки бѣдствуя въ матеріальномъ отношеніи, бѣднѣйшіе воспитанники Кіевской Академіи переживали и сильныя нравственныя страданія. Стыдъ за положеніе, въ какое ихъ ставила горькая нужда, и мучительное сознаніе, что выйти изъ него не въ ихъ силахъ, вотъ что причиняло имъ эти глубокія моральныя терзанія. Послѣднія, лишая человѣка нравственнаго равновѣсія духа, психологически-естественно, легко влекутъ его на преступный путь. Къ сожалѣнію, на этотъ путь иногда попадали и воспитанники Академіи изслѣдуемаго нами времени. Нужда въ кускѣ насущнаго хлѣба толкала ихъ къ воровству, грабежу и т. п. [1]). Но набросимъ завѣсу на эту темную сторону ихъ жизни... Въ свое время имъ былъ и жестокій судъ, и кровавая даже расправа. Судъ исторіи, по нашему мнѣнію, долженъ отнестись къ нимъ снисходительнѣе, принимая во вниманіе, съ одной стороны, ихъ бѣдность и страданія отъ нея, а съ другой,—что еще важнѣе,—ихъ собственное, полное горькой досады сознаніе, что все то, что они дѣлали, совершалось ими съ болѣзненно-мучительною рѣшимостью на послѣдній шагъ для избавленія себя отъ незаглушимаго голода.

Вотъ слабое, но вѣрное эхо той душевной дисгармоніи, какая разыгрывалась въ душѣ каждаго бѣднаго питомца Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка:

---

[1]) Описаніе Кіева Н. Закревскаго, М 1868, стр. 78; Лилеевъ—Описаніе рукописей, принадл. библ. Черниговск. дух. семин., стр. 179—80; № 266; Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т II, д. № 21; за воровство, которымъ студенты промышляли не только по ночамъ, въ „ночную добу“ (пору) (См „Акты, относ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.“, д.д. №№ 3 и 27), но и днемъ, даже во время хожденій „со славеннымъ“ (См. Инструкцію, находящимся по школамъ студентамъ..., пунктъ 10, въ III приложеніи къ настоящему труду), они снискали себѣ у кіевлянъ репутацію воровъ (См. „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.“, д. № 3).

„Неизбѣжная нужда всякаго или учитъ, или нудитъ къ тому, къ чему бы ненужное (т. е. достаточное) состояніе никогда не привело... Всѣ довольно знаютъ... *какъ не любо и какъ досадно прошакомъ слыти, однакъ нужда и къ такимъ досадамъ убѣждаетъ, когда не велитъ о имени, но о вещи старатися... Нужда* всего сильнѣйшая есть: *убѣждаетъ, къ чему бы ничто не убѣдило; ведетъ, до чего бы ничто не привело, гонитъ, куда бы никто не пригналъ.* Сія и наше крайное убожество убѣдила, привела, пригнала... почти общимы просителеми здѣлатися“ [1]).

Если въ этихъ, представляющихъ собою отрывокъ изъ ученическаго класснаго упражненія, а потому какъ бы оффиціальныхъ, строкахъ звучитъ тонъ какого-то отчаяннаго сѣтованія на свою судьбу, то что же, спрашивается, происходило въ самой душѣ почти нищаго питомца Академіи первой половины XVIII вѣка? И однако нужда и голодъ не убивали въ немъ стремленія къ свѣту науки!...

Поэтому цѣна страданій (физическихъ и моральныхъ), перенесенныхъ воспитанниками Академіи изслѣдуемаго нами періода во имя науки и просвѣщенія, думаемъ, можетъ значительно оправдывать ихъ предъ судомъ исторіи за нѣкоторыя темныя пятна въ ихъ жизни...

Правда, нѣкоторые воспитанники Академіи изнемогали въ борьбѣ съ гнетущею нуждою, порой становясь готовыми и „школы остановить“ изъ-за куска хлѣба [2]), и иногда даже „безвѣстно“ убѣгали изъ нея, „по разнимъ мѣстамъ воло-

---

[1]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. собора; № 487, л.л. 85 и 86: Praxis I. qua academici Kijovienses sua egestate pressi *ex consveto more* apud munificos maecenates petunt sibi eleemosinam.

[2]) Такъ, въ 1750 г., риторъ Ярмолѣнскій изъявлялъ готовность оставить Академію, лишь бы стать *служителемъ* у своихъ сотоварищей—„господскихъ дѣтей“ Родзевичей. См. Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст., д. № 9.

часъ“ потомъ[1]), если имъ не удавалось устроить свою судьбу болѣе или менѣе порядочно. Но такихъ малодушныхъ бывало не много...

---

[1]) Такъ доносилъ въ 1745 г. митр Заборовскому студентъ Иванъ Тимошевскій о своихъ братьяхъ—Семенѣ и Александрѣ, бѣжавшихъ изъ Академіи въ 1740 г. См. Арх. Кіев. дух. конс., д. 1745 г., № 690 Ср. статью П. Житецкаго: „Странствующіе школьники въ Малороссіи“, въ „Кіевской Старинѣ“, 1892 г., февраль.

ГЛАВА III-я.

Задача академическаго образованія и средства ея выполненія (Пріемъ учениковъ; общесословный ихъ составъ; возрастъ). Науки, преподававшіяся въ Академіи (преподаватели и сохранившіеся учебники). Общее направленіе ихъ. Библіотека Академіи и внѣклассныя занятія учителей. Общее состояніе нравственно-воспитательнаго дѣла въ Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Оставаясь неизмѣнно вѣрною своей начальной исторической задачѣ—отвлекать православное юношество отъ обученія въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, „*да не отъ чуждаго источника (тамъ) пиюще, смертоноснаго яда западния схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся*“ [1]), Кіевская Академія въ первой половинѣ

---

[1]) Изъ письма кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Θеодоровичу. Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. VI № CCXIX.

Въ риторикѣ, преподанной въ Кіевской Академіи въ первой четверти XVIII в., (Praecepta artis Rhetoricae, ad utilitatem studiosae juventutis variis praxibus probata), въ числѣ примѣровъ, есть похвальное слово на день памяти кіевскаго митрополита Петра Могилы. Въ словѣ этомъ прямо говорится, что митроп. Петръ Могила „училища сія (т. е. Кіев. Академію) созда не ради коей иной вины, точію да будутъ исполненіемъ Церкви Христовой и аки десница *во защищеніе отъ нахожденій еретическихъ*“. (См. рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 474, л. 174 на обор.; см. рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1722, л. 177).

XVIII вѣка для выполненія такой задачи [1]) ограничивалась, въ общемъ, почти тѣми же средствами, какъ и въ концѣ XVII вѣка. Говоря такъ, мы разумѣемъ, что Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія удержала тотъ же строй и характеръ въ своей внутренней учебно-воспитательной жизни, какой былъ у нея въ концѣ XVII вѣка [2]), слѣдуя по прежнему въ этомъ отношеніи, за малымъ исключеніемъ, школьной системѣ іезуитскихъ и піарскихъ учебныхъ заведеній, насколько, разумѣется, ихъ система могла быть примѣняема ею у себя безъ явнаго и существеннаго ущерба православію, служить интересамъ котораго было святымъ призваніемъ Академіи.

Такое подчиненіе школьной системѣ латино-польскихъ учебныхъ заведеній въ особенности отразилось на постановкѣ учебно-образовательнаго дѣла Академіи въ изслѣдуемый нами періодъ ея жизни.

Къ сожалѣнію, для обзора состоянія учебно-образовательнаго дѣла въ Академіи за это время не достаетъ инструкцій, по которымъ оно здѣсь велось. Сохранившіяся отъ того времени Leges academicae docentibus et studentibus ob-

---

[1]) Насколько велика была забота Академіи о выполненіи ея въ изслѣдуемое нами время, видно, между прочимъ, изъ того, что Кіевская консисторія, прося 29 декабря 1721 года Св. Синодъ объ отсрочкѣ до вакаціи поѣздки вызванныхъ въ то время профессоровъ Кіевской Академіи въ Москву, мотивировала такую свою (и вмѣстѣ съ тѣмъ академическую) просьбу тѣмъ, что съ отъѣздомъ указанныхъ профессоровъ школы Кіевской Академіи „будутъ праздны, и собранные ученики... принуждены будутъ разойтиться врознь и за границы для исканія ученія, что не безъ закрытія (вѣроятно, слѣдуетъ читать: „*не безъ зазрѣнія*“) *имѣетъ быть* Кіевскому училищу *отъ Римскаго народу*“ (См. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Прав. Синода, т. I, ст. 676). Такъ ревниво относилась Академія къ исполненію своего историческаго призванія! Еще яснѣе эта ея ревность видна изъ того духа и направленія какими было проникнуто ея образованіе, рѣчь о коемъ у насъ еще впереди.

[2]) См. о характерѣ учено-воспитательной жизни Академіи въ концѣ XVII вѣка въ изслѣдованіи Н. И. Петрова: „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, Кіевъ, 1895.

servandae [1]), данныя Академіи 7 октября 1734 года митроп. Заборовскимъ, имѣютъ въ виду почти исключительно нравственно-воспитательную задачу и почти не касаются учебно-образовательной задачи Академіи. И хотя іеромонахъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) Макарій Булгаковъ говоритъ, что первая учебная инструкція, „до насъ, впрочемъ, не дошедшая", была дана Академіи тѣмъ же митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ [2]), но,—въ виду того, во-первыхъ, что сохранившаяся инструкція Заборовскаго—Leges academicae... (отъ которой Булгаковъ отличаетъ предполагаемую имъ „не дошедшую" учебную его инструкцію), направленная на нравственно-воспитательную сторону академической жизни, все же заключаетъ въ себѣ кое-что, спеціально относящееся къ учебному строю Академіи (отчасти VI, а главнымъ образомъ VII ея пункты [3]), что, несомнѣнно, скорѣе нашло бы себѣ мѣсто въ его учебной инструкціи, еслибы таковая, дѣйствительно, была дана имъ Академіи; и во-вторыхъ, что Академія про предполагаемую Макаріемъ Булгаковымъ инструкцію ни разу не вспомнила даже въ ближайшее къ ней время (что едва ли бы случилось, если бы она ее имѣла), напр., въ 1752 году, когда митроп. Тимоѳей Щербацкій потребовалъ отъ ректора Академіи архим. Георгія Конисскаго „мнѣнія о порядкѣ, коимъ въ школахъ Академіи преподавать ученія мнится быти полезно" [4]);—мы думаемъ, что въ изслѣдуемый нами періодъ Академія еще не имѣла письменныхъ учебныхъ инструкцій, а „всѣ... учрежденія ея, какъ говоритъ митроп. Евгеній, постепенно время отъ времени вводились и утверждались обык-

---

[1]) См. ее на латинскомъ языкѣ въ „Актахъ Кіево-Брат. учил. мон. и акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 4, и въ русскомъ переводѣ во 2-й части. „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею", В. Аскоченскаго, на стр. 102—108.

[2]) „Исторія Кіевской Академіи", стр. 125.

[3]) „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею", ч. 2, стр. 103—104.

[4]) „Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 46.

новеніемъ, безъ всякаго письменнаго устава" [1]). Это тѣмъ болѣе справедливо, что инструкція 1752 года имѣла цѣлью точно опредѣлить курсы преподаванія въ каждомъ академическомъ классѣ, чтобы „учители не что всякъ по своему мнѣнію... обучали",—какъ, предполагается, водилось раньше, безъ существованія подобной инструкціи,—а что будетъ указано въ ней [2]). Поэтому мы и считаемъ инструкцію 1752 года [3]) первою, и, такъ какъ она, по всей вѣроятности, представляла собою приблизительное изображеніе прежнихъ академическихъ „обикновеній", будемъ имѣть ее въ виду, при обзорѣ состоянія учебной части въ Академіи первой половины XVIII-го вѣка.

При отсутствіи письменной учебной инструкціи, курсъ академическій, само собою разумѣется, все-таки имѣлъ общее раздѣленіе на классы, и, несомнѣнно, въ общемъ было намѣчено, что въ каждомъ классѣ былъ обязанъ пройти учитель со своими учениками. (Это ясно видно изъ рукописныхъ учебниковъ Академіи, почти однородныхъ по предметамъ и планамъ своего содержанія), за выполненіемъ чего слѣдили ректоръ и префектъ.

Курсъ Академіи въ изслѣдуемое нами время состоялъ, какъ и въ концѣ XVII вѣка, изъ восьми классовъ или „школъ", какъ они тогда назывались: *фары* или *аналогіи*, *инфимы*, *грамматики*, *синтаксимы*, *поэтики*, *риторики*, *философіи* и *богословія*. Это были ординарные классы; съ 1738 года къ нимъ прибавлены были и экстраординарные классы языковъ: греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго, изученіе которыхъ предоставлялось лишь желавшимъ. Для прохожденія полнаго курса ординарныхъ школъ нормальнымъ срокомъ пола-

---

[1]) Приб. къ опис. Кіево-Соф. соб. и Кіев іерархія, стр. 225.

[2]) „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею" В. Аскоченскаго, ч. 2-я, стр. 161.

[3]) Она приведена у В. Аскоченскаго, на стр. 162 и слѣд. во 2-й части его „Кіевъ съ древн. его учил. Академіею".

галось двѣнадцать лѣтъ: по году—для низшихъ классовъ, два—для философскаго и четыре—для богословскаго, при чемъ оставаться въ одномъ и томъ же классѣ ученикъ могъ сколько угодно по собственному желанію, „по искательству совершеннаго знанія и науки“ [1]), и даже могъ, „въ большихъ школъ возвращаясь въ низшія, подтверждать ученіе“ [2]). Въ случаяхъ же выдающихся успѣховъ воспитанника первыхъ классовъ, допускался переходъ его изъ низшаго класса въ высшій раньше окончанія учебнаго года [3]).

Учебный академическій годъ начинался въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца и продолжался до среднихъ чиселъ іюля [4]). Въ первыхъ же числахъ сентября обычно производился и пріемъ новыхъ учениковъ (впрочемъ, какъ видно изъ многихъ документовъ [5]), онъ производился цѣлый годъ, а главнымъ образомъ въ осенніе мѣсяцы) въ различные классы, послѣ предварительнаго устнаго и письменнаго испытанія поступавшихъ префектомъ [6]).

---

[1]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.“. собран. нами въ 1895 г., д. № 6. Напр., Григорій Левицкій числился въ риторическомъ классѣ 7 лѣтъ (1734—1741). Все это время онъ состоялъ „инспекторомъ“ дѣтей у бунчуковаго товарища Ивана Забѣлова въ мѣстечкѣ Коропѣ, Нѣжинскаго полка. Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1742 г., № 1.

[2]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.“, д. № 6. Очень можетъ быть, что иногда ученики переводились изъ высшаго класса въ низшій за нѣкоторые проступки, какъ это было во второй половинѣ XVIII в. (См. Инструкцію 1763 г., въ Кіев. Епарх. Вѣдом. за 1893 г., № 20).

[3]) „Акты, относ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.“, д. № 25; Ср. „Кіев. Старина“, 1896, февраль, стр. 179, примѣч.

[4]) См. Инструкцію митроп. Рафаила Заборовскаго, пунктъ V: „Всѣ студенты должны поспѣвать въ Академію къ самому началу ученія въ первыхъ числахъ сентября и ожидать окончательнаго роспуска школъ въ среднихъ числахъ іюля“... („Кіевъ съ древн. его учил. Академіею“, ч. 2-я, стр. 102).

[5]) Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1749 г., № 88; Реестръ 1744 г., № 25; Реестръ 1740 г., №№ 5 и 6 и др.

[6]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст., собран. нами въ 1895 г., д № 6. Ср. Духов. Регламентъ, л. 54, пунктъ 17.

Принимались въ Академію всѣ, искавшіе образованія, безъ различія ихъ званія и положенія, лишь бы были православнаго исповѣданія [1]). Правительственныя мѣропріятія первой половины XVIII-го столѣтія, направленныя къ поднятію образовательнаго и нравственнаго уровня въ средѣ духовенства [2]), повидимому, должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ наполненіе академическихъ аудиторій, главнымъ образомъ, дѣтьми священно-церковно-служителей. Но, какъ показываютъ сохранившіеся до насъ списки учениковъ, духовенство не особенно заботилось объ образованіи своихъ дѣтей. Это потому, что оно, кажется, было увѣрено, что приходы или мѣста должны непремѣнно переходить наслѣдственно отъ отца къ сыну, независимо отъ образованія послѣдняго [3]). И дѣйстви-

---

[1]) Въ грамотѣ 1694 года говорилось, что въ Кіевскія школы можно принимать дѣтей Россійскаго народа всякихъ чиновъ, и изъ иныхъ странъ приходящихъ, *благочестивой Греко-Россійской вѣры ревнителей*. То же было повторено и въ грамотахъ—Петра Великаго 1701 г. 26 сентября и Елизаветы Петровны 1742 года.

[2]) См. Полн собр. законовъ Росс. Имп., т. IV, №№ 2186, 2308; т. V, № 2778, т. VI, №№ 3854, 4105, 4126; т. VII, №№ 4291, 4450 и особенно т. X, № 7364; Полн. собр. постан. и распоряж. по вѣд. Прав. испов. Р. имп. т. VII, № 2628.—Кіевскіе митрополиты, съ своей стороны, дѣлали строгія распоряженія о доставленіи духовенствомъ своихъ дѣтей въ Академію; см., напр., указы м. Раф. Заборовскаго отъ 10 января 1733 года (Лилеевъ—Опис. рукописей, хран. въ библ. Черниг. дух. семинаріи, стр. 98, № 122, л. 15), 1741 г. (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1760 г., № 164), отъ 17 ноября 1743 г. (Лилеевъ, стр. 104, № 123, л. 68), угрожая духовенству въ противномъ случаѣ денежными штрафами (указъ отъ 24 марта 1744 г.,—см. въ первой книгѣ указовъ, принад. Кіев. Борисо-Глѣб. церкви, л. 171; Лилеевъ, стр. 104, № 123, л. 78), и всегда, при назначеніи на мѣста, предпочитая лицъ, получившихъ образованіе въ Академіи (см. указъ м. Заборовскаго отъ 2 іюня 1734 г., въ I-й книгѣ указовъ, принадлежащей Кіев. Борисо-Глѣб. церкви) лицамъ необразованнымъ, которымъ мѣста давались лишь въ крайнихъ случаяхъ, если не было ученыхъ, но отнюдь „не обходя“ послѣднихъ (см. указъ того же Заборовскаго отъ 11 января 1746 г.—ibid.).

[3]) Говоримъ такъ на основаніи указа м. Р. Заборовскаго протопопамъ отъ 2 іюня 1734 г., въ которомъ онъ поповъ и попадей за ихъ увѣренность въ такомъ „безумномъ наслѣдіи“ называетъ „бестолковыми дураками“ (см. 1-ю книгу

тельно, процентъ дѣтей священно-церковно-служителей между учениками Академіи въ это время былъ сравнительно малый (приблизительно—съ небольшимъ тридцатый), напр. въ $17^{36}/_{37}$ учебномъ году изъ числа 112 учениковъ синтаксимы только 32 были дѣтьми духовенства [1]); въ $17^{44}/_{45}$ г. изъ духовнаго званія въ Академіи было 338, а малороссійскихъ и заграничныхъ разночинцевъ 762 [2]).

Не былъ опредѣленъ для поступавшихъ въ Академію и возрастъ, почему было весьма естественнымъ большое разнообразіе въ лѣтахъ между учениками одного и того же класса [3]). Обращалось лишь вниманіе на то, чтобы всякій поступавшій въ Академію былъ уже обученъ начальной грамотѣ (т. е. умѣлъ читать по-русски и славянски, писать и считать, насколько этому могли научить приблизительно тогдашнія церковно-приходскія школы, имѣвшія въ самомъ Кіевѣ, по всей вѣроятности, значеніе приготовительнаго класса для желавшихъ попасть въ число студентовъ Академіи) и по возможности „заправленъ Альвара", т. е. ознакомленъ нѣсколько съ начатками латинскаго языка [4]). Все это нужно было для того, чтобы поступившій въ Академію могъ въ первомъ ея классѣ, называвшемся *фарою* или аналогіею,

указовъ, принад. Кіев. Борисо-Глѣб. церкви, л. 127; см. нашу статью: „Кіевскій митроп. Рафаилъ Заборовскій и его мѣры къ исправленію духовенства", въ Кіев. Стар. 1899 г., мартъ, стр 402)

[1]) По списку рукоп. библіот. Кіево-Михайл. мон., № 1710, л. 245—254.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. ниже.

[3]) См. X приложеніе къ настоящему изслѣдованію.

[4]) „Заправлять Альвара" готовившихся къ поступленію въ Академію охотно брались бѣднѣйшіе изъ студентовъ, преимущественно же бурсаки (См. Архивъ Кіев дух. конс., д. 1766, № 119, гдѣ говорится, что въ 1766 году въ бурсѣ жило „съ заправляющимися латин. языку 320 человѣкъ") и жившіе въ церковно-приходскихъ школахъ (См. ibid., гдѣ указано, что въ 1766 г. „въ приходскихъ школахъ проживало студентовъ съ заправляющимися отъ нихъ началамъ латинскаго языка—345", см. III приложеніе къ нашему изслѣдованію, пунктъ 5), получая за это со своихъ кліентовъ такое или иное вознагражденіе (см. выше).

прямо приступить къ изученію грамматики и грамматическаго разбора рѣчи русской, польской, а затѣмъ и латинской, общія правила простого словосочетанія которой, съ переводомъ латинскихъ отрывковъ простой конструкціи и съ усвоеніемъ латинской орѳографіи [1]), и составляли собою почти весь курсъ этого класса, имѣвшаго значеніе преддверія къ классамъ собственно грамматическимъ. (Впрочемъ, можно думать, что фаристамъ иногда преподавался сокращенный катехизисъ) [2]).

Учителями въ школѣ *аналогіи*, вслѣдствіе несложности ея учебнаго курса, были по большей части студенты богословскаго класса, отличавшіеся въ средѣ своихъ товарищей особенными успѣхами и примѣрнымъ благонравіемъ.

За весь изслѣдуемый нами періодъ академической исторіи изъ учителей этого класса *достовѣрно* [3]) извѣстны лишь

---

[1]) См. мнѣніе Георгія Конисскаго, „чего въ которой школѣ учить", въ Актахъ Кіево-Братскаго училищ. монаст. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 46; ср. Инструкцію митроп. Р. Заборовскаго, пунктъ VII (Аскоч., ч. 2, стр. 104).

[2]) О преподаваніи катехизиса въ Академіи см. ниже.

[3]) Такъ какъ учителя Академіи въ изслѣдуемое нами время обычно (за весьма рѣдкими исключеніями) начинали свою профессорскую дѣятельность съ низшихъ классовъ и постепенно переходили къ учительству въ высшихъ, то возможно съ большею или меньшею вѣроятностью назвать бóльшее число именъ учителей низшихъ классовъ, чѣмъ какое приведено у насъ... Но мы удерживаемся отъ вѣроятностей, легко могущихъ быть ошибочными. Предпочитая быть строго документальными, мы называемъ только тѣхъ учителей, имена которыхъ мы встрѣтили въ тѣхъ или иныхъ источникахъ.

Считаемъ умѣстнымъ сказать, что источниками для составленія нами списковъ лицъ академической корпораціи были (кромѣ немногихъ *документальныхъ* извѣстій, напечатанныхъ ужъ въ разныхъ историческихъ работахъ) главнымъ образомъ

1) хронологически датированные документы, съ опредѣленнымъ указаніемъ въ нихъ должностей, какія несли, и предметовъ, которые преподавали тѣ или другія лица академической корпораціи въ извѣстное, *точно обозначенное* въ этихъ документахъ время;

2) „представленія" (иногда именуемыя „мнѣніями") академическаго начальства Кіевскимъ митрополитамъ о кандидатахъ, способныхъ къ учительству въ той или иной академической „школѣ" (представленія эти дѣлались предъ началомъ учебнаго года);

слѣдующіе:

---

3) „опредѣленія“ митрополитами учителей изъ числа кандидатовъ, представленныхъ отъ академическаго начальства; и

4) надписи и замѣтки въ рукописныхъ академическихъ лекціяхъ изслѣдуемаго нами періода, указывающія иногда, въ какихъ годахъ и какими профессорами были прочитаны лекціи въ Академіи.

Свѣдѣнія, заключающіяся въ источникахъ первой категоріи, какъ стоящія внѣ всякаго сомнѣнія въ ихъ достовѣрности за время, ими указываемое, были самыми дорогими. Но, къ сожалѣнію, такихъ источниковъ было *очень недостаточно*. Въ оффиціальныхъ дѣловыхъ бумагахъ, касавшихся Академіи (кромѣ документовъ 2-й и 3-й категорій) обыкновенно называются лишь имена ея административныхъ лицъ (ректора и префекта); имена же учителей въ нихъ встрѣчаются сравнительно рѣдко, при чемъ упоминанія объ учителяхъ въ подобныхъ бумагахъ иногда и ограничиваются только извѣстіемъ объ учительствѣ указываемаго лица въ Академіи въ *одинъ* обозначаемый документомъ день. Къ документамъ этой категоріи, между прочимъ, должны быть отнесены реестры бумагъ, входившихъ въ канцелярію Кіевскаго митрополита и исходившихъ изъ нея, и подписи учителей подъ различными дѣлами, напримѣръ, подъ вѣдомостями объ ученикахъ, представлявшимися Академіею въ Св. Синодъ (На основаніи однѣхъ подписей въ данныхъ вѣдомостяхъ, строго говоря, можно лишь утверждать, что подписавшійся учительствовалъ въ день своей подписи).

Если бы при составленіи списковъ начальниковъ и наставниковъ руководиться только однимъ этимъ источникомъ, какъ самымъ достовѣрнымъ, то за цѣлое полстолѣтіе намъ пришлось бы, во-1-хъ, перечислить весьма *немногихъ* лицъ, и, во 2-хъ, изъ этихъ немногихъ значительную часть отмѣтить бывшими въ Академіи только то время, какое указывается извѣстнымъ документомъ, иногда — *одинъ* лишь *день* (О рѣдкихъ профессорахъ Академіи мы встрѣчали въ такихъ документахъ нѣсколько упоминаній за одинъ учебный годъ).

Вслѣдствіе такой скудости свѣдѣній въ источникѣ этой категоріи мы обращались къ „представленіямъ“ и „опредѣленіямъ“ (тѣхъ и другихъ вмѣстѣ сохранилось не болѣе, какъ за 10 лѣтъ) учителей въ Академію. Эти документы, иной разъ ясно обозначающіе служебныя положенія нѣкоторыхъ лицъ академической корпораціи за годы, предшествовавшіе времени „представленій“ и „опредѣленій“, *такою стороною* служили несомнѣнными основами для нашихъ списковъ; а вообще были для насъ только хорошими *направителями* въ изысканіяхъ о томъ, кто на самомъ дѣлѣ въ извѣстномъ году преподавалъ тотъ или другой предметъ въ Академіи. Непоколебимыми основаніями для нашихъ заключеній они становились только послѣ соотношенія ихъ къ даннымъ первой категоріи. Дѣло въ томъ, что иной разъ изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, представленныхъ митрополиту, ни одинъ не опредѣлялся имъ на извѣстный предметъ, а назначался не представленный; иногда же изъ лицъ, опредѣленныхъ митрополитомъ, нѣкоторыя или вовсе не состояли въ томъ году преподавателями (за отъѣздомъ, болѣзнью, смертью и

1) *Геннадій Шпаковскій*, учительствовавшій около $17^{11}/_{12}$ г. [1]);

2) іеродіаконъ *Леонтій Злотнѣцкій*—въ $17^{27}/_{28}$ г. [2]);

другими обстоятельствами), или же преподавали не тѣ предметы, какіе имъ указывались въ митрополичьемъ „опредѣленіи".

Надписи и замѣтки, встрѣчающіяся въ рукописныхъ лекціяхъ Академіи, съ указаніемъ именъ и времени учительства въ Академіи того или другого лица, становились для насъ достовѣрными тоже только послѣ провѣрки ихъ извѣстіями въ документахъ первой категоріи. Подобныя надписи и замѣтки непосредственные слушатели лекцій иногда дѣлали спустя нѣсколько времени послѣ слушанія ихъ; отсюда въ нихъ могли являться неточности (Примѣры подобныхъ неточностей нами отмѣчены. Правда, неточности эти касаются сана или служебнаго положенія профессора, которые отъ начала чтенія профессоромъ лекцій *ко времени сдѣланной замѣтки* измѣнялись). Отсутствіе точности въ подобныхъ обозначеніяхъ особенно чувствуется въ ихъ указаніяхъ на время чтенія лекцій, такъ какъ часто на лекціяхъ стоитъ одинъ годъ. Что онъ собою означаетъ: время начала или время окончанія лекцій,—не всегда можно опредѣлить, если нѣтъ ни въ самыхъ лекціяхъ, ни въ другихъ несомнѣнныхъ документахъ разъясняющихъ данныхъ..

Такимъ образомъ, многое, встрѣченное нами въ источникахъ 2, 3 и 4-й категорій, но не нашедшее себѣ полнаго и всесторонняго подтвержденія въ источникахъ первой категоріи, можетъ мѣстами не имѣть строгой точности. Но въ такихъ случаяхъ, *если помнить скудость источниковъ первой категоріи*, вина не наша...

Нѣсколько ниже мы приводимъ имена профессоровъ, учительствовавшихъ въ изслѣдуемый нами періодъ въ младшихъ классахъ Академіи,—но неизвѣстно, въ какихъ именно изъ этихъ классовъ. Со временемъ, быть можетъ, найдутся гдѣ-либо указанія, которыя помогутъ опредѣлить все это.

[1]) „Кіевская Старина", 1884 г., іюль, стр. 545—6: „Многодѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в." (Наше сужденіе о времени его возглашенія изложены выше), гдѣ такъ поименованы члены академической корпораціи: Өеофанъ (Прокоповичъ), игуменъ обители Богоявленскія братскія, ректоръ и богословіи учитель; мысленнаго винограда дѣлатели трудолюбивые: Сильвестръ (Пиновскій), учитель философіи и префектъ училищъ Кіевскихъ; Өеодосій (Глѣнскій) реторицкій; Симонъ (Кохановскій) поэтицкій; Аөанасій (Хмарный) синтаксискій; Іосифъ (Волчанѣцкій) грамматицкій; Епифаній (Тихорскій) инфимискій; Геннадій (Шпаковскій) аналогійскій, въ православномъ собраніи Кіевскомъ учители.

[2]) „Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода", т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI (Тутъ помѣщенъ „реестръ учителей и учениковъ, въ коллегіумѣ Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающихся, року *1727* поданный". Синодальный указъ, вызвавшій составленіе этого реестра, былъ разосланъ изъ Св. Синода

3) студентъ богословія (reverendus pater) *Іоасафъ Горленко*—въ $17^{29}/_{30}$ г. [1]);

4) іеродіаконъ *Веніаминъ Григоровичъ*—въ $17^{34}/_{35}$ г. [2]);

5) *Іовъ Терешковскій*—въ $17^{35}/_{36}$ г. [3]);

6) *Іаковъ Величковскій*—въ $17^{36}/_{37}$ г. [4]);

въ равныя епархіи 22 августа, какъ видно изъ того же „Описанія“, № 223, ст. 238, слѣдовательно, реестръ составленъ около послѣдней четверти 1727 г.; значитъ, почти въ началѣ 1727—28 *учебнаго* года). Въ 1742—3 г. мы видимъ Леонтія Злотнѣцкаго игуменомъ Густинскаго монастыря (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 94; см. запись въ реестрѣ бумагамъ, исходившимъ изъ митрополичьей канцеляріи того же года, подъ № 1524).

[1]) Въ рукоп библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 10, на оборотѣ заглавнаго листа сдѣлана замѣтка на латинскомъ языкѣ (Она цѣликомъ напечатана Н. И Петровымъ въ его „Описаніи рукоп. собран., находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. 1, стр. 266, № 201), содержащая въ себѣ списокъ студентовъ богословія, вмѣстѣ съ коими авторъ замѣтки началъ вести въ 1729 году запись содержащихся въ рукописи богословскихъ лекцій. Въ числѣ этихъ студентовъ указанъ R(*everendus*) P(*ater*) Ioasaphus Horlenko *doctor Analogiae*. Самъ Горленко говоритъ о себѣ: „Въ годѣ 1729, въ мѣсяцѣ августѣ послѣднихъ числъ опредѣленъ въ училища Кіевскія во учителя, и въ томъ потрудился послушаніи, пробывъ чрезъ 3 года“... (Чтенія въ истор. обществѣ Нестора Лѣтописца, кн VI, Кіевъ, 1892, отд. III: „Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ и записки Іоасафа Горленко, еп. Бѣлгородскаго“, стр. 98—99); слѣдов., ложно утвержденіе В. Аскоченскаго (ч. II, стр. 48), что Горленко опредѣленъ учителемъ въ 1728 г. Объ учительствѣ Горленко см. ниже, въ спискѣ учителей синтаксимы.

[2]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII стол., собран. нами въ 1895 г., д. № 2, гдѣ онъ называется учителемъ аналогіи въ февралѣ 1735 года („Кіев. Старина“, 1896 г., № 1. стр. 38) Въ концѣ 1737 г. синодальнымъ указомъ (отъ 8 ноября былъ вызванъ въ Петербургъ Веніаминъ Григоровичъ для производства во архимандрита въ Лондонъ (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1737 г., № 52; письмо гр. А. Румянцева къ митроп. Р. Заборовскому отъ 20 декабря). 25 января 1740 г. (какъ видно изъ записи въ „протоколѣ или краткой запискѣ доношеній и репортовъ въ Св. Синодъ и другія... канцеляріи“ подъ № 100,—въ арх. Кіев. дух. конс.) былъ вызываемъ изъ Кіева въ Москву нѣкій Григоровичъ, экономъ. Но это былъ другой Григоровичъ Викарій.

[3]) См. опредѣленіе учителей на $17^{35}/_{36}$ учеб. годъ, переданное нами въ библ. церковно-археол. музея при Кіев. дух. Академіи.

[4]) Архивъ Св. Пр. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, л. 111 и дал. (вѣдомость объ учителяхъ и ученикахъ Академіи за 1736—37 учеб. г., составленная въ 1737 г., въ маѣ мѣсяцѣ).

7) іеродіаконъ *Сильвестръ Добрына*—въ $17^{37}/_{38}$ [1]) и $17^{38}/_{39}$ г.г. [2]);

8) монахъ *Василій Лащевскій*—въ $17^{39}/_{40}$ г. [3]);

9) іеродіаконъ *Варлаамъ Иваницкій*—въ $17^{40}/_{41}$ г.[4]);

10) іерод. *Іоиль Врублевскій*—въ $17^{41}/_{42}$ г. [5]);

---

[1]) Ibid., л. 375 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи, составл. въ январѣ 1738 г. и посланная въ Синодъ 21 февраля 1738 г.). Учительствовать въ Академіи Сильв. Добрыня пересталъ въ іюлѣ 1744 г. (22 числа этого мѣсяца онъ былъ произведенъ во игумена Кіево-Кирилловскаго монастыря; см. ниже), *по осмолѣтнихъ* (какъ онъ писалъ въ прошеніи митроп. Тимоѳею Щербацкому, отказываясь отъ назначенія на настоятельство въ Виденскомъ монастырѣ; о времени этого назначенія см. ниже, въ спискѣ учителей риторики) *учительскаго послушанія* въ Кіевской Академіи *трудахъ* (См. С. Т. Голубева: Матеріалы для исторіи западно-русской церкви—XVIII-е столѣтіе,—Кіевъ, 1895 г.). Если считать за полные годы первое полугодіе 1737—38 г. и второе 1743—44 г., то началомъ учительства Добрыни въ Академіи будетъ 1737—38 учеб. годъ.

[2]) Ibid., т. II, л. 799 (Вѣдомость объ ученикахъ Академіи, отправл. въ Синодъ 24 декабря 1738 г.). См. еще о немъ ниже.

[3]) Ibid., т. III (Вѣдомость объ ученикахъ Кіевской Академіи за 1739—40 учебн. годъ, составленная 9 декабря 1739 года). Онъ родился около 1704 г., въ Польской области (Арх. Св. Синода, д. 1734 г., № 369/Б). Въ 1740 г. онъ принялъ монашество съ именемъ Варлаама; 20 сентября этого года (см. въ арх. Кіевск. дух. конс. реестръ бум. исход. изъ канцел. Кіевск. митроп. за 1740 г., № 1137) ему была выдана свидѣтельствованная грамота о посвященіи его во іеромонахи.

[4]) Архивъ Смоленской дух. конс., дѣла о поступкахъ черняго духовенства за 1756 г., д. № 10; ср. Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Акад. за 1740—41 г., составленная отъ 4 сентября 1740 г. и отправленная въ Синодъ 21 февраля 1741 г.). Онъ (въ мірѣ Василій) былъ сынъ священника мѣстечка Кобыльницы, Перемышльскаго повѣта, Польской области; родился около 1704 г., постриженъ въ монашество въ 1740 г., въ Кіевск. Пустынно-Никольскомъ монастырѣ (Арх. Смол. дух. конс., дѣла объ исполненіяхъ за 1759 г., д. № 12, табель монашествующихъ Авраамієвскаго Смолен. монастыря; сн. Арх. Св. Пр. Синода, д. 1734 г, № 369/Б, гдѣ есть просьба митроп. Р. Заборовскаго въ Синодъ отъ 12 января 1738 г. о постриженіи студента богословія Василія Иваницкаго, 34 лѣтъ, въ Кіев. Пустынно-Никол. монастырѣ. Въ Актахъ Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Асвоченскимъ, въ дѣлѣ № 13 есть указаніе на требованіе выслать Иваницкаго изъ Никольскаго монастыря въ школы. Еще о немъ см. ниже, въ спискѣ учителей синтаксимы.

[5]) Арх. Св. Пр. Синода, д. 1737 г., № 380, т. 4 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за 1741—42 учеб. г., л. 145—169). Онъ (въ мірѣ Іосифъ)

11) іеродіаконъ *Ѳеофанъ Зеленецкій*—въ $17^{42}/_{43}$ г.[1]);
12) іерод. *Іоанникій Венерацкій*—въ $17^{43}/_{44}$ г. [2]);

былъ сынъ купца изъ села Воробьевъ, Прилуцкаго полка; родился приблизительно въ 1709 г. (Арх. Св. Пр. Синода, д. 1734 г., № 369/Б). 22 августа 1740 г. Академія представляла его (вмѣстѣ съ студентомъ богословія Іаковомъ Влонницкимъ, который въ 1741 г. былъ вызванъ въ Новгородскую семинарію; Смирновъ „Исторія Москов. Слав.Греко-Латин. Академіи", стр. 220—1) кандидатомъ на должность учителя аналогіи (Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 13), однако онъ не учительствовалъ въ означенномъ году (учительствовалъ Иваницкій, см. выше). Въ монашество Врублевскій постриженъ въ 1740 г. (Арх. Св. Пр Синода, д. № 1734 г, № 369/Б; грамота о посвященіи во іеродіакона ему была выдана 11 ноября 1740 г, Арх Кіев. дух. конс., Реестръ бумагъ, исход. изъ канцеляріи митроп. въ 1740 г., № 1388) въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ. Проучительствовавъ одинъ годъ, онъ жилъ въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ (Арх. Кіев. дух. конс., полулистъ 30 іюня 1742 г., № 1382 съ подписью іеродіакона Врублевскаго, безъ званія учителя); 29 октября 17 2 г. былъ предназначенъ Св. Синодомъ къ отправленію въ Пекинъ, но это предназначеніе было отмѣнено опредѣленіемъ его учителемъ синтаксимы въ Москов. Академію (Арх. Св. Синода, д. 1742 г., 31 августа, № 589). Посланъ же онъ былъ въ Пекинъ въ началѣ 1743 г., гдѣ и умеръ 21 апрѣля 1744 г. (ibid., д. 1756 г., январь 15, № 381).

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., 26 августа, № 128 (опредѣленіе учителей на 1742—43 учеб. годъ), сн. д 1743 г., № 819 (Просьба митрополиту аналогиста Якова Дубяновскаго въ мартѣ 1743 г. о выдачѣ ему „концесса"; на этой просьбѣ засвидѣтельствованіе „іеродіакона Ѳеофана Зеленецкаго, *учителя школы первой*"); сн. Арх. Св. Прав. Синода, д. 1738, № 380, т. IV, вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Акад. за 1742—43 г., посланную въ Синодъ 17 января 1743 г., л. 612 и далѣе, гдѣ Ѳеофанъ Зеленецкій подписался учителемъ инфимы (объ этомъ см. ниже) и *учителемъ аналогіи*. Онъ былъ сынъ купца изъ г. Будищъ, Полтавскаго полка, родился около 1717 г. (См. Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, списокъ студентовъ философіи за $17^{36}/_{37}$ учеб. годъ); состоя послушникомъ Кіево-Софійскаго монастыря въ 1740 г., онъ ходилъ въ Академію „ради обученія богословія" (Арх. Кіев. дух. конс. Реестръ бумагъ, входившихъ въ канцелярію митрополита въ 1740 г., гдѣ подъ № 77, въ октябрѣ мѣсяцѣ записано доношеніе отъ Ѳеодора Зеленецкаго объ отпускѣ его въ Кіево-Братскій училищный монастырь обучаться богословію; сн. реестръ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи митрополита въ томъ же году; тутъ подъ № 1330 отъ 29 октября значится „указъ ректору о принятіи Ѳеодора Зеленецкаго ради обученія богословіи").

[2]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 22 (Мнѣніе объ учителяхъ Академіи на $17^{43}/_{44}$ учеб. годъ, представленное 4 августа 1743 г.); Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л. 53—76 (вѣдо-

13) іерод. *Гавріилъ Данилевичъ*—въ $17^{44}/_{45}$ г. [1]);

14) *Василій Крыжановскій*—въ $17^{45}/_{46}$ г. [2]);

15 и 16) *Іоаннъ Кременецкій* и *Іоаннъ Ярошевскій*—оба въ $17^{46}/_{47}$ г. [3]);

мость объ ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{43}/_{44}$ г. съ 4 сентября 1743 г., посланная въ Синодъ 24 декабря 1743 г.); Арх. Кіев. дух. конс., д. 1744 г., № 8, откуда видно, что онъ былъ родомъ изъ г. Полтавы, и что постриженіе въ монашество принялъ въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ (Въ 1740 г. онъ числился въ этомъ монастырѣ „футорнымъ" монахомъ; арх. Кіев. дух. конс., д. 1740 г., № 2500; въ 1741 г. онъ былъ въ бѣгахъ за границу; ibid., д. 1741 г., № 16).

[1]) См. принадлежащее профессору С. Т. Голубеву представленіе митрополиту ректора Сильвестра Кулябки о кандидатахъ на профессорскія должности, въ августѣ 1744 г.; см. Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л. 345—384, вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{44}/_{45}$ г., съ 12-го сентября 1744 г., послан. въ Синодъ 7 января 1745 г. Даниловичъ родился около 1716 г., въ Польской области (ibid., т. I, списокъ учениковъ синтаксимы за $17^{36}/_{37}$ учеб. годъ).

[2]) См. „Опредѣленіе" учителей на $17^{45}/_{46}$ учеб. г. (имѣющееся у профессора С. Т. Голубева). Крижановскій былъ сынъ посполитыхъ родителей изъ мѣстечка Межибожа, Польской области; родился около 1716 г. (Арх. Св. Пр. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, списокъ учениковъ Академіи за $17^{36}/_{37}$ учеб. г.). Еще о немъ см. ниже.

[3]) Предъ началомъ $17^{46}/_{47}$ учеб. года были „опредѣлены" преподавать въ этомъ году:

богословіе—Варлаамъ Лащевскій,
философію—Гедеонъ Сломинскій,
риторику—Тихонъ Александровичъ,
піитику—Георгій Конисскій,
синтаксиму—Досиѳей Галяховскій,
грамматику—Ѳеофанъ Зеленецкій,
инфиму—Василій Крижановскій и
фару—Іоаннъ Кременецкій (См. Акты Кіево-Братск. учил. мон. и Академія, собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 28). Въ концѣ же $17^{46}/_{47}$ учеб. года (См. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. III, стр. 78, примѣч. 1-е), именно—2 мая 1747 г. (См. въ архивѣ Св. Синода дѣло объ исправленіи библіи. т. III, л. 303: свидѣтельство, данное въ указанный день іером. Гедеону Сломинскому объ его болѣзни и удостовѣреніе въ ней отъ его товарищей) мы видимъ преподавателями

риторики—Досиѳея Галяховскаго,
піитики—Георгія Конисскаго,

17) *Феодоръ Гиричичъ*—въ $17^{47}/_{48}$ г. [1]);

синтаксимы—Іоанникія Венерацкаго,
грамматики—Василія Крыжановскаго,
инфимы—Іоанна Кременецкаго и
аналогіи—Іоанна Ярошевскаго

Спрашивается: когда произошли такія перемѣны? Быть можетъ, въ самомъ началѣ учебнаго года не всѣ лица, указанныя въ опредѣленіи, вступили въ отправленіе своихъ назначеній? Прямого отвѣта на это нигдѣ нѣтъ... Въ октябрѣ мѣсяцѣ, мы знаемъ (см. ниже, списокъ учителей риторики) умеръ Тихонъ Александровичъ. Неужели его смерть вызвала передвиженіе всѣхъ почти членовъ академической корпораціи? Едва ли. Достаточно было перевести на его мѣсто Галяховскаго, а на мѣсто послѣдняго назначить Венерацкаго. Когда же получили передвиженіе прочія лица? Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1748 г. митроп. Тимоѳей Щербацкій писалъ, между прочимъ, въ своемъ доношеніи въ Синодъ: „Въ 1746 году (т е въ $17^{46}/_{47}$ учебномъ году) латинскихъ школъ учители три человѣки мірскіи: грамматики Іоаннъ Мокіевскій, инфимы Василій Крыжановскій, *аналогіи Іоаннъ Кременецкій*, изъ которыхъ І. Мокіевскій въ дожиданіи монашества умре, Василій Крыжановскій, стуживъ себѣ долгимъ ожиданіемъ образа монашескаго, отшелъ въ Сербію, Іоаннъ Кременецкій отлучился въ С.-Петербургъ" (Архивъ Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187). Изъ этихъ словъ, очевидно, имѣющихъ въ виду составъ корпораціи ранѣе 2 мая 1747 г. (какъ отличный отъ корпораціи этого дня), мы можемъ заключить, что Ѳеофанъ Зеленецкій въ $17^{46}/_{47}$ г. вовсе не начиналъ профессорской дѣятельности, что грамматику въ началѣ этого года преподавалъ Мокіевскій (а въ концѣ Крыжановскій). Когда же Мокіевскій умеръ, вѣроятно, и совершился переводъ на его мѣсто Крыжановскаго, а на мѣсто Крыжановскаго—Кременецкаго, и послѣдовало назначеніе въ *аналогію* Іоанна Ярошевскаго. Состоялось это передвиженіе, вѣроятно, 30-го марта 1747 г., отъ котораго въ реестрѣ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи митрополита за этотъ годъ (въ архивѣ Кіев. духов. конс. Очень можетъ быть, что въ это время былъ опредѣленъ и Іоанникій Венерацкій преподавать синтаксиму, а до сей поры ее могъ преподавать Галяховскій, одновременно учительствуя и въ риторикѣ) подъ № 41, занесенъ „указъ до префекта Академіи Кіевскія іеромонаха Варлаама объ опредѣленіи учителей по резолюціи Его Преосвященства"...

Іоаннъ, по постриженіи въ монашество Іоасафъ Ярошевскій былъ сынъ священника села Ярошовки, Лубенскаго полка (Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380. т. V, л. 54—76, списокъ студентовъ Академіи за $17^{43}/_{44}$ учеб. годъ).

[1]) Архивъ Св. Синода, д. 1745 г., 29 ноября, № 187, доношеніе митр. Щербацкаго въ Св. Синодъ, въ сентябрѣ 1748 г. Въ доношеніи митроп. говоритъ, что въ 1747 (т. е. въ $17^{47}/_{48}$ учебномъ) году „прибавилось число мірскихъ учителей: пять уже стало - еврейскаго и нѣмецкаго языковъ Михаилъ Максимовичъ, синтаксимы—Григорій Щербацкій, который притомъ и греческаго языка обучалъ, грамматики—Даніилъ Нашинскій, инфимы—Іоаннъ Ярошевскій, *аналогіи*—Ѳео-

18 и 19) *Павелъ Θеодоровичъ* [1]) и *Кондратъ Соколовскій*—въ $17^{48}/_{49}$ г. [2]);

дорь Гирчичъ". Θеодоръ Гирчичъ былъ сынъ купца изъ г. Полтавы, родился около 1720 г. (См. списокъ учениковъ аналогіи за $17^{37}/_{38}$ г., въ дѣлѣ 1737 г., № 380, т. I, Архивъ Св. Синода); по постриженіи въ монашество онъ принялъ имя Θомы. См. о немъ ниже.

[1]) Арх. Св. Синода, д. 1745 г., 29 ноября, № 187, доношеніе митр. Щербацкаго въ Св. Синодъ, писанное въ сентябрѣ 1748 года, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „Въ нынѣшнемъ... 1748 году... число тое (т. е. число свѣтскихъ учителей въ Академіи) приросло, шесть уже мірскихъ человѣкъ учителей есть: еврейскаго и нѣмецкаго языка... Михаилъ Максимовичъ, греческаго языка и поэтики Григорій Щербацкій, синтаксимы Даніилъ Нащинскій, грамматики Θеодоръ Гирчичъ, инфимы Григорій Гиновскій, *аналогіи* Павелъ Θеодоровичъ". Такъ какъ *достовѣрно* извѣстно, что въ $17^{48}/_{49}$ уч. году учителемъ аналогіи былъ и Кондратъ Соколовскій (см. ниже), то, думаемъ, что Θеодоровичъ учительствовалъ лишь въ самомъ началѣ этого года и очень небольшое время (Впрочемъ, въ виду того, что на поданномъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ доношеніи митроп. Тимоθея Щербацкаго въ Синодъ не помѣчено *число* мѣсяца, не невозможно предположить, что оно было написано по назначеніи Θеодоровича на учительство, слѣдовательно, можетъ быть, до вступленія его въ учительскую должность. Поэтому, не невѣроятно, что Θеодоровичъ могъ по своемъ назначеніи, отказаться отъ учительства въ $17^{48}/_{49}$ г. и начать таковое уже въ слѣдующемъ учебномъ году, по принятіи монашества).

[2]) Архивъ Смоленской дух. конс., дѣла о поступкахъ черного духовенства, д. 1749 г., № 8; сн. дѣла объ исполненіяхъ 1759 г., № 12. Тутъ приложенъ слѣдующій аттестатъ, данный Соколовскому отъ Кіев. Академіи: „Объявитель сего, почтенный господинъ Ко(н)дратъ Соколовскій, окончивши ученіе священныя богословіи, *съ 1748 по 1749 годъ въ Академіи Кіевской школы аналогіи учителемъ былъ*, въ которомъ званіи надлежащимъ до той школы ученіемъ учениковъ своихъ изрядно наставилъ, такожъ и всякимъ добродѣтелемъ ихъ же, учениковъ своихъ, не точію словеснимъ увѣщаніемъ, но и примѣромъ своего добродѣтельнаго житія довольно поучилъ. Въ чемъ ему господину Соколовскому для удостовѣренія сей при обыкновенной академійской печати въ академіи данъ аттестатъ 1749 года сентября 15.

Кіево-училищного Братского монастыря архимандритъ ректоръ Сильвестръ Ляскоронскій. Академіи Кіевскія префектъ іеромонахъ Георгій Конѣсскій". (Копія аттестата передана нами въ библ. церк.-арх. музея при Кіев. дух. Акад.). Соколовскій былъ мѣщанскій сынъ изъ г. Богодуховки, Ахтырскаго полка; въ октябрѣ 1749 г. поступилъ въ учителя въ Смоленскую семинарію, гдѣ впослѣдствіи былъ префектомъ и ректоромъ (См. И. П. Сперанскаго „Очеркъ исторіи Смоленской дух. семинаріи"..., Смоленскъ, 1892 г.).

и 20) іерод. *Платонъ Θеодоровичъ*[1])—въ $17^{49}/_{50}$ г.[2]).

За фарой или аналогіей шли грамматическіе классы, въ строгомъ смыслѣ слова: низшій или *инфима* (infima classis); средній, называвшійся собственно *грамматикою* (media classis grammatices); и высшій (suprema classis) или *синтаксима*. Въ нихъ почти исключительно изучался латинскій языкъ, на которомъ велось тогда преподаваніе всѣхъ академическихъ наукъ.

Учебнымъ руководствомъ при изученіи латинскаго языка въ Академіи была грамматика іезуита Эммануила Альвара— Institutiones linguae latinae, служившая въ то время учебникомъ всей западной Европы, Польши и почти всѣхъ нашихъ школъ восемнадцатаго вѣка [3]). Указомъ Св. Синода отъ 28 августа 1721 года, предписано преподавать въ академіяхъ латинскій языкъ „по толкованію и переводу россійскаго нарѣчія“ [4]).

Учебникъ этотъ изложенъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Въ началѣ, въ основаніяхъ (rudimenta), послѣ ученія о буквахъ и слогахъ, въ немъ систематически даются основныя понятія объ имени существительномъ, прилагательномъ, мѣстоименіи, глаголѣ, причастіи, предлогахъ и союзѣ. Затѣмъ, въ первой книгѣ Institutionum подробно изложены правила спряженій и склоненій. Въ концѣ помѣщены соотвѣтствующіе примѣры съ готовыми переводами для заучиванія наизусть. Вторая часть излагаетъ синтаксисъ, заключающій въ себѣ 31 главу de octo partium orationis constructione, de concordantiis, de constructione figurata и проч. Такъ какъ грамматика Альвара во многихъ своихъ пунктахъ „малымъ дѣтямъ крайне темна, не вразумительна, не порядочна, а въ

[1]) Въ мірѣ—упоминаемый выше Павелъ Θеодоровичъ.

[2]) См. III-е приложеніе къ настоящему труду.

[3]) Знаменскій „О духовныхъ школахъ“, стр. 437—441.

[4]) „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“. т. I, С.-Петербургъ, 1869 г., № 167, стр. 188 и 189.

нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаточна, а въ оныхъ премного лишняго имѣетъ" [1]), то профессора Академіи первой половины XVIII в. старались ее упростить, выдавая ученикамъ свои рукописныя лекціи и правила по грамматикѣ [2]).

Опредѣленной программы на то, что именно въ каждомъ классѣ слѣдовало пройти изъ латинской грамматики, не было; а каждый учитель поступалъ „всякъ по своему мнѣнію". Это ясно изъ „училищнаго проэкта" Манассіи Максимовича (1751 г.), въ которомъ онъ настаиваетъ „здѣлать опредѣленіе на цѣлой годъ, въ какой школѣ, чего именно, и по сколько, и за какое время, и какимъ порядкомъ... учители аналогійскій, инфимисскій, грамматицкій и синтактицкій обучать должни" [3]), чтобы тѣмъ самымъ устранить царившую въ ихъ преподаваніи неопредѣленность границъ прохожденія грамматики. Тѣмъ не менѣе въ этихъ классахъ Академіи латинскій языкъ изучался настолько хорошо, что уже ученики синтаксимы могли на немъ говорить и составлять задачи не только грамматически правильно, но и краснорѣчиво [4]). Такому успѣшному изученію латинскаго языка много помогалъ болѣе живой, чѣмъ книжный характеръ его преподаванія въ Академіи.

---

[1]) Такъ отзывалась о ней Академія въ началѣ второй половины XVIII в., мотивируя свое желаніе составить собственную грамматику латинскаго языка (См. ст. М. Линчевскаго: „Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущ. древней Кіев. Академіи", въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи", 1870 г., августъ, стр. 456). Впрочемъ, И. А. Шляпкинъ въ своемъ изслѣдованіи: „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709)". Спб., 1891, стр. 332—3, того мнѣнія, что грамматика Альвара „ничего особенно труднаго или темнаго въ себѣ не заключаетъ".

[2]) См. напр., въ библ. Кіев. дух. семинаріи рукописи VIII. 1. 115; VIII. 1. 134; VIII. 1. 135 (Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ, вып. 1, №№ 260, 269 и 270, стр. 286 и 288).

[3]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 42.

[4]) „Труды Кіев. дух. Академіи, 1870 г., августъ, стр. 454.

Постоянные „школьные (латинскіе) разговоры“ [1]), обязанность учениковъ, начиная съ грамматическаго класса, говорить по-латыни даже дома [2]), ежедневныя письменныя упражненія [3]), наконецъ, всегдашнее чтеніе и переводъ латинскихъ классиковъ—все это дѣлало питомцевъ Кіевской Академіи хорошими латинщиками. Многіе изъ нихъ по окончаніи Академіи слу-

---

[1]) О характерѣ этихъ разговоровъ см. въ „Трудахъ Кіев. дух. Акад.“, 1870 г., августъ, стр. 456—459; примѣры ихъ см. въ рукописяхъ библ. Кіев. дух. Академіи (отд. Р. Муз. № 502; въ началѣ этой рукописи помѣщены Phrases seu formulae pure latine dicendi classicis authoribus conscriptae neo Retor... usui et commodo in Academia Kijovo-Mohilo-Zaborovsciana exporrectae, anno Domini 1739 calendis octobris, sub reverendo patre Sylvestro Lascoronskij); Кіево-Соф. собора (№ 469, л. 65—105: Ludus literalis, in arena scholastica nobilissimae juventuti orthodoxae in media classi Grammatices ad certandum expositus anno Domini 1721, mense 11 Januarii, sub reverendo patre Sophronio Mihalewicz; и л.л. 166—230: Laurus in horto supremae classis plantata, demum ad coronanda tempora nobilissimae orthodoxae juventuti contexta anno, quo aeternae Sapientiae Magister a supremis ad ima descendit 1721 d. 7-bris, sub reverendo patre Sophronio Mihalewicz); и Кіево-Мих. монаст. (№ 1721, л. 82 et sq.: Certamina scholastica, 1706 и 1707 г.).

[2]) Инструкція митр. Рафаила Заборовскаго, пунктъ VII (Асночевскій, ч. 2, стр. 104). Говорившему не по-латыни, или хотя и по-латыни, но ошибочно, вѣшали на шею „калькулюсъ“ (ibid.). Калькулюсомъ назывался длинный, столбцеватый листъ, вкладывавшійся въ деревянный футляръ. На немъ записывалось имя провинившагося въ незнаніи латинскаго языка (а также и въ дисциплинарномъ отношеніи). Самымъ нерадивымъ считался тотъ, у кого этотъ листъ переночевывалъ, что и отмѣчалось такъ: „pernoctavit apud dominum N“ (См. Труды Кіев. дух. Акад.“, 1870 г., августъ, стр. 452, 462).

[3]) Классныя (scholasticae) упражненія назывались exercitia, домашнія (domesticae) же—occupationes. Для послѣднихъ ученики имѣли особыя тетрадки, озаглавливаемыя Labor, Codex laborum, Occupationes, и т. п. Образцы такихъ упражненій сохранились въ рукописяхъ библ. Кіево-Софійскаго собора (№ 469, въ началѣ которой есть Liber, in quo exercitia et occupationes variae compositae juventute orthodoxa propter institutionem loquendi lingua polonica et latina, scriptus methodo infimae classis per me Paulum Skripczynski in Collegio Kiovensi anno Domini 1720, sub reverendo patre Victore Lubieniecki, съ замѣткою на оборотѣ 16-го листа: scripta sunt sub reverendo patre Parthenio Janowicz, anno Domini 1719); Кіево-Михайл. мон., №№ 1712, 1721; Кіев. дух. Академіи, отд. Р. Муз., № 532 и др. Для перевода обычно давались тропари, кондаки, молитвы, variae sententiae и т. п.

жили переводчиками въ государственныхъ [1]) и ученыхъ учрежденіяхъ, оставивъ послѣ себя большое количество переводовъ [2]).

Изъ учителей *инфимы* за первую половину XVIII вѣка извѣстны:

1) *Епифаній Тихорскій*, служившій около $17^{10}/_{11}$ учеб. года [3]);

2 и 3), іеродіаконъ *Парѳеній Яновичъ и Викторъ Любинецкій*—оба въ $17^{19}/_{20}$ г. [4]).

4) *Іосифъ Лавровскій*,—въ 1725 г. [5]);

5) іерод. *Ѳеофанъ Трофимовичъ*—въ $17^{27}/_{28}$ г. [6]);

---

[1]) Напр., въ февралѣ 1708 г. къ канцлеру графу Головкину были посланы кіев. митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ „для переводу нуждныхъ дѣлъ государскихъ" богословъ Павелъ Черняховскій и философъ Андрей Волянскій (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, отд. Малорос., д. 1708 г., № 25).

[2]) Напр., Кирьякъ Кондратовичъ, долгое время въ срединѣ XVIII ст. состоявшій переводчикомъ въ Академіи Наукъ (Перечень его переводовъ см. въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1858 г., № 8).

[3]) „Кіев. Старина" 1884 г., іюль, стр. 545—6 (Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст.). О Тихорскомъ см. у Аскоченскаго, ч. I, стр. 313—314; и у другихъ изслѣдователей XVIII вѣка въ русской церковной жизни.

[4]) См. вышеприведенную замѣтку на оборотѣ 16 л. рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 469, гдѣ послѣ нѣсколькихъ екзерцицій и оккупацій инфимическаго класса написано: scripta sunt sub reverendo patre Parthenio Janowicz anno Domini 1719, что говоритъ о непродолжительности учительства Яновича (вѣроятно, послѣ 2—3 мѣсяцевъ учительства онъ былъ взятъ архіеп. Варлаамомъ Ванатовичемъ „до катедри на послушаніе казнодѣйское и экзаминаторское"; „Полное собр. постан. и распор. по вѣдом. Прав. исп. Рос. Имперіи". т. IV, № 1169; затѣмъ, въ 1724 г. онъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ, пробывъ въ Академіи учителемъ синтаксимы, піитики и риторики, умеръ въ 1728 г.; Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. Св. Прав. Синода, т. IV, № 205, ст. 355, см. т. VII, № 193, ст. 205—6; С. Смирновъ въ своей „Исторіи Москов. Слав.-Греко-Лат. Акад.", стр. 218, противорѣчитъ такимъ свѣдѣніямъ) и о замѣщеніи его—Любинецкимъ (См. 1-й листъ той же рукописи Кіево-Соф. собора).

[5]) Труды Кіев. дух. Академіи, 1892 г., октябрь, стр. 307: „Рукописи Иркутской духов. семинаріи"... № 2. Тутъ въ спискѣ студентовъ богословія 1725 года поименованъ R(everendus) D(ominus) P(ater) *infimae* Josephus Lawrowski.

[6]) Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI; „Реестръ учителей и учениковъ Кіев. Академіи" за $17^{27}/_{28}$ учеб. годъ. Еще о немъ см. ниже.

6) *Өеофанъ Жолтовскій*—въ 1729 г. [1]);

7) *Амвросій Негребецкій*—въ $17^{35}/_{36}$ г. [2]);

8) іером. *Викарій Григоровичъ*—въ $17^{36}/_{37}$ г. [3]);

9) іерод. *Иннокентій Мигалевичъ*—въ $17^{37}/_{38}$ г. и $17^{38}/_{39}$ г. [4]);

10) іерод. *Сильвестръ Добрына*—въ $17^{39}/_{40}$ г. [5]);

11) іерод. *Титъ Русичевскій*—въ $17^{40}/_{41}$ г. [6]);

---

[1]) Рукоп. библ. Кiев. дух. семинаріи VIII. 1. 10; оборотъ заглавнаго листа, гдѣ сдѣлана замѣтка, содержащая списокъ студентовъ богословія, вмѣстѣ съ которыми авторъ замѣтки началъ *въ 1729 году* вести запись содержащихся въ рукописи богословскихъ лекцій; въ числѣ студентовъ тутъ названъ R. P. Theophanus Zoltowsky, *eodem* anno fuit *doctor infimae* (См. Н. И. Петрова „Опис. рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ". вып. I, стр. 266, № 201). Въ сентябрѣ 1750 г. Жолтовскаго мы видимъ игуменомъ Полтавскаго монастыря (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1750 г., № 1449).

[2]) Опредѣленіе учителей на $17^{35}/_{36}$ г. (въ библ. цер.-арх. музея при Кіев. дух. Акад.).

[3]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, л. 111 (Вѣдомость объ учителяхъ и ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{36}/_{37}$ уч. годъ).

[4]) См. первые богословскіе тезисы, въ концѣ рукоп. библ. Кіево-Мих. мон., № 1691, озаглавленные: „Defensae et oblatae conclusiones a R. P. Innocentio Mihalewicz sacrae theologiae auditore et *infimae professore*... 1737 Novembris 29; сн. Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, л. 375 и т. II, л. 799 и далѣе (Вѣдомости объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{37}/_{38}$ и $17^{38}/_{39}$ учебные годы).

[5]) Арх. Св. Пр. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III, вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Акад. за $17^{39}/_{40}$ годъ.

[6]) Изъ Кіево-Печерской лавры онъ вызванъ въ учителя инфимы 20-го сентября 1740 г. (Арх. Кіев. дух. конс., реестръ бумагамъ, исходившимъ изъ канцеляріи митрополита въ 1740 г., гдѣ подъ № 1131, отъ 20 сентября помѣчено „письмо къ намѣстнику лавры о высылкѣ іеродіакона Тита Русичевскаго *во учителя* школы *инфимы*"; сн. Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскочевскимъ, т. I, д. № 13, гдѣ есть „представленіе" академическимъ начальствомъ отъ 22 августа 1740 г. кандидатовъ на учительство въ $17^{40}/_{41}$ учеб. г. и черновой указъ въ Лавру о высылкѣ Русичевскаго на учительство въ школѣ инфимѣ; и арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III, вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{40}/_{41}$ г.). Въ $17^{43}/_{44}$ г. и $17^{44}/_{45}$ г. онъ былъ учителемъ въ Смоленской семинаріи (Арх. Св Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л. 277 и дал. и л. 482 и дал.; сн. И. П. Сперанскаго: „Очеркъ исторіи Смоленск. дух. сем."..., Смоленскъ, 1892, стр. 28).

12) іером. *Діонисій Мужиловскій*—въ $17^{41}/_{42}$ г. [1]);

13) іерод. *Аѳанасій Ясниковскій*—въ первой половинѣ $17^{42}/_{43}$ г. (до **ноября** мѣсяца приблизительно) [2]).

14) іерод. *Ѳеофанъ Зеленецкій*, приблизительно съ ноября мѣсяца въ $17^{42}/_{43}$ г. [3]) и въ $17^{43}/_{44}$ г. [4]);

---

[1]) Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV, л.л. 145—169 (вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{41}/_{42}$ уч. годъ); арх. Смоленской дух. консист., дѣла о поступкахъ чернаго духовенства за 1756 г., д. № 10; тутъ, между прочимъ, есть показаніе Петра (въ монашествѣ Поликарпа) Павловскаго (прибывшаго въ Смоленскъ 5 апрѣля 1756 г., по требованію еп. Гедеона Вишневскаго учителей изъ Кіев. Академіи), что онъ учился въ Кіев. Академіи аналогіи у іером. Варлаама Иваницкаго (въ 1756 г. Иваницкій былъ архимандритомъ Смоленскаго Авраамієвскаго монастыря), *инфимѣ* у іером. Кіево-Софійскаго монастыря Мужилѣвича (имя его было забыто Павловскимъ), грамматикѣ у іером. Кіев. Пустынно-Никольскаго монастыря Аѳанасія Яснѣковскаго, синтаксимѣ—у іером. Софійскаго монастыря Климента Богдановича. (Послѣ этого, съ 1744 г. Павловскій въ Московской Академіи проходилъ піитику и риторику, философію же и богословіе слушалъ въ Кіевской Академіи).

[2]) Въ „опредѣленіи" учителей на $17^{42}/_{43}$ учеб. годъ (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 128) онъ назначенъ учителемъ *инфимы*. Но проучительствовалъ онъ въ *инфимѣ* недолго, приблизительно до *ноября* мѣсяца 1742 г. Въ это время онъ былъ переведенъ на учительство въ *грамматику* (Арх. Св. Синода, д. 1742 г., августа 31, № 589, доношеніе митроп. Рафаила Заборовскаго въ Синодъ отъ 12 ноября 1742 г. Тутъ говорится, что „учитель *грамматики* іеродіаконъ Ѳеодосій Сморжевскій отправленъ, по указу Ея Императорскаго Величества, въ Синодъ (въ началѣ 1743 г. Сморжевскій былъ отправленъ въ Пекинъ, откуда возвратился въ 1755—6 г. и 22 февраля 1757 г. былъ назначенъ архимандритомъ въ Спасскій Сѣвскій монастырь; ibid., д. 1746 г., января 15, № 381), изъ *инфимы* (учитель) въ *грамматику* переведенъ, (а) *инфиму* и фару обучаетъ одинъ" (разумѣется Ѳеофанъ Зеленецкій, см. о немъ въ спискѣ учителей аналогіи и въ дальнѣйшихъ спискахъ).

[3]) Собственно онъ былъ въ этомъ году учителемъ аналогіи, учительство же въ *инфимѣ* на него было возложено вслѣдствіе перевода учителя послѣдней въ грамматику. (См. предыдущее примѣчаніе). О совмѣщеніи Зеленецкимъ одновременно учительства въ двухъ классахъ говоритъ его подпись какъ учителя *инфимы* и *аналогіи* подъ списками учениковъ этихъ классовъ, посланными въ Синодъ 17 января 1743 г. (Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV, л. 612 и далѣе).

[4]) Акты Кіево-Врат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 22; („мнѣніе" объ учителяхъ Академіи на $17^{43}/_{44}$ учеб. г., писанное 4 ав-

15) іером. *Іоанникій Венерацкій*—въ 17⁴⁴/₄₅ г. [1]).

16) *Іоаннъ Мокіевскій*—въ 17⁴⁵/₄₆ г. [2]);

17 и 18) *Василій Крыжановскій* и *Іоаннъ Кременецкій*—въ 17⁴⁶/₄₇ г. [3]);

густа 1743 г.); Арх. Кіев. дух. конс., д. 1744 г., 21 іюня, № 57; арх. Св. Синода, д. 1737 г, № 380, т. V, л.л. 54—76 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіевск. Академіи за 17⁴³/₄₄ учеб. г.).

[1]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л.л. 345—384 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за 17⁴⁴/₄₅ учеб. г.); ср. имѣющееся у насъ доношеніе іером Мелхиседека Богдановича митр. Рафаилу Заборовскому, писанное въ октябрѣ 1743 г., съ подписью на немъ Венерацкаго.

[2]) Въ „опредѣленіи“ учителей на 17⁴⁵/₄₆ учеб. г. (оно имѣется у проф. С. Т. Голубева) учителемъ инфимы на указанный годъ назначенъ Іоанникій Венерацкій. Но начиналъ-ли Венерацкій въ этомъ году учительствовать въ инфимѣ,—трудно сказать. Въ виду же того, что въ „реестрѣ дѣлъ, вхожихъ въ канцелярію митрополита въ 1746 г.“ (въ архивѣ Кіев. дух. конс.), подъ № 15, отъ 5 февраля, значится поступившимъ „доношеніе отъ учителей Академіи Кіевскія *школы инфимы Ивана Мокіевскаго*, да фари Василія Крыжановскаго о чинимыхъ имъ отъ префекта Академіи Кіевской же іеромонаха Михаила Ковачинскаго обидахъ и о протчемъ“ (см. примѣчаніе въ 1-й главѣ нашего изслѣдованія, въ рѣчи о префектахъ академіи), и въ виду полнаго отсутствія всякихъ извѣстій, что въ означенномъ году въ *инфимѣ* учительствовалъ *Венерацкій*, мы говоримъ, что учителемъ аналогіи въ этомъ году былъ Мокіевскій. Весьма вѣроятно, что Венерацкій въ 17⁴⁵/₄₆ г. совсѣмъ не былъ профессоромъ, такъ какъ въ это время онъ чувствовалъ себя не особенно здоровымъ. По крайней мѣрѣ, въ октябрѣ 1744 года, письменно отказываясь отъ поѣздки въ Вильно на „казнодѣйское“ послушаніе, куда предназначался митр. Рафаиломъ Заборовскимъ, онъ выражался о себѣ, что „при слабости здравія“ находится (документъ объ этомъ имѣется у насъ); чрезъ годъ, когда улучшилось здоровье, онъ снова сталъ профессорствовать (см. списокъ учителей синтаксимы). Назначеніе Мокіевскаго преподавать инфиму, должно быть, произошло (вслѣдствіе ухода изъ Академіи Венерацкаго, если не вслѣдствіе случившагося въ началѣ 17⁴⁵/₄₆ учеб. г. передвиженія другихъ членовъ академической корпораціи,—см. списки учителей риторики и философіи за этотъ годъ) 27 августа 1745 г., такъ какъ въ реестрѣ бумагъ, исходившихъ въ этомъ году изъ канцеляріи митрополита, подъ № 120, отъ означеннаго числа помѣчено: „Опредѣленіе учителей въ Академію Кіевскую ради преподаянія школъ латинскихъ на слѣдующій 1746 годъ“. „Опредѣленіе“ же, имѣющееся у профес. С. Т. Голубева, состоялось 8 августа 1745 г., что обозначено на этомъ же „опредѣленіи“.

[3]) См. предыдущее примѣчаніе; ср. выше примѣч. въ рѣчи объ учительствѣ въ аналогіи Іоанна Ярошевскаго.

19) *Іоаннъ Ярошевскій*—въ $17^{47}/_{48}$ г. [1]);

20) *Григорій Гиновскій*—въ $17^{48}/_{49}$ г. [2]); и

21) іерод. *Іоасафъ Ярошевскій*—въ $17^{49}/_{50}$ [3]) и $^{50}/_{51}$ г.г. [4]).

Изъ учителей *грамматики*:

1) *Іосифъ Волчанскій*—около $17^{10}/_{11}$ г. [5]);

2) *Серапіонъ Копцевичъ*—въ 1718 г. [6]);

3) *Софроній Мигалевичъ*—въ 1721 г. [7]);

4) іером. *Климентъ Чарнѣцкій*—въ $17^{27}/_{28}$ г. [8]);

5) *Сильвестръ Ляцкоронскій*—въ $17^{34}/_{35}$ и $17^{35}/_{36}$ г.г. [9]);

6) *Амвросій Негребецкій*—въ $17^{36}/_{37}$ г. [10]);

---

[1]) См. выше примѣч. къ рѣчи объ учительствѣ въ аналогіи Θеодора Гирчича.

[2]) См. выше примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ въ аналогіи Павла Θеодоровича. Гиновскій родился въ г. Кіевѣ въ 1717 г. (См. списокъ студентовъ Кіев. Акад. за 1738 г.; арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I).

[3]) См. III-е приложеніе къ нашему изслѣдованію. Въ мірѣ онъ—Іоаннъ Ярошевскій, упоминаемый выше.

[4]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 39; арх. Кіев. дух. конс., отдѣльный полулистъ 4 іюля 1751 г. съ подписью Ярошевскаго, какъ учителя *инфимы*.

[5]) Кіевская Старина 1884 г., іюль, стр. 545—6 („Многолѣтіе, возглашенное въ г. Кіевѣ въ началѣ XVIII столѣтія").

[6]) Рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1718, т. I-й, л. 1—84: „Liber occupationum et exercitionum ad intelligendam bene constructionem traditus *in Grammatica* sub P. Seraphiono Kopciewicz anno Domini 1718"...

[7]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 469, л. 65—105: Ludus literalis in arena scholastica nobilissimae juventuti orthodoxae *in media classi Grammatices* ad certandum expositus anno Domini 1721 mense Januarii, sub reverendo patre *Sophronio Mihalewicz* (См. ниже объ учительствѣ въ грамматикѣ Плат. Малиновскаго).

[8]) Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII, Прилож. VIII, ст. CXVI, „Реестръ учителей и учениковъ Кіев. Акад." за $17^{27}/_{28}$ учеб. г.

[9]) Кіевская Старина", 1896 г., № 1, стр. 38, гдѣ онъ названъ учителемъ грамматики въ февралѣ 1735 г., см. опредѣленіе учителей на $17^{34}/_{35}$ г. (въ библ. церк.-арх. музея при Кіев. дух. Академіи).

[10]) Арх. Св. Синода, д. 1737 г. № 380, т. I, л. 111 (Вѣдомость объ учителяхъ и ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{36}/_{37}$ г.).

7) *Викарій Григоровичъ*—въ $17^{37}/_{38}$ г. [1]);

8) *Захарій Козловичъ*—въ $17^{38}/_{39}$ г. [2]);

9) іерод. *Иннокентій Мигалевичъ*—въ $17^{39}/_{40}$ г. [3]);

10) іером. *Сильвестръ Добрына*—въ $17^{40}/_{41}$ г. [4]);

11) *Титъ Русичевскій*—въ $17^{41}/_{42}$ г. [5]);

12) *Өеодосій Сморжевскій*—въ началѣ $17^{42}/_{43}$ г., не позже, какъ до начала ноября [6]);

13) *Аөанасій Ясниковскій*—приблизительно съ ноября мѣсяца въ $17^{42}/_{43}$ г. [7]) и въ $17^{43}/_{44}$ г. [8]);

14) іерод. *Өеофанъ Зеленецкій*—въ $17^{44}/_{45}$ [9]) и $17^{45}/_{46}$ г.г. [10]);

15 и 16) *Іоаннъ Мокіевскій* и *Василій Крыжановскій*—въ $17^{46}/_{47}$ г. [11]);

---

[1]) Ibid., л. 375 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{37}/_{38}$ уч. г.).

[2]) Ibid., т. II, д. 799 и далѣе (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{38}/_{39}$ уч. г.).

[3]) Ibid , т. III (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{39}/_{40}$ уч. г.) Въ $17^{41}/_{42}$ г, онъ былъ префектомъ и учителемъ піитики въ Новгородскихъ школахъ).

[4]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Асноченскимъ, т. I, д. № 13 (представленіе учителей отъ 22 августа 1740 г. на $17^{40}/_{41}$ учеб. г.); ср. Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III, вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{40}/_{41}$ учеб. г.

[5]) Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV, л.л. 145—169 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{41}/_{42}$ учеб г.).

[6]) См. выше, примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ въ инфимѣ Аөанасія Ясниковскаго.

[7]) Ibid.

[8]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академія, собран. В. Асноченскимъ, т. I, д. № 22 (представленіе учителей на $17^{43}/_{44}$ учеб. г.); см. Арх. Св. Синода, д. 1737 г, № 30, т. V, л.л 54—76 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{43}/_{44}$ учеб. г.).

[9]) Опредѣленіе учителей на $17^{44}/_{45}$ учеб. г. (имѣющееся у проф. С. Т. Голубева); см. Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л.л. 345—384 (Вѣдомость отъ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{44}/_{45}$ учеб. г.).

[10]) Опредѣленіе учителей на $17^{45}/_{46}$ учеб. г., имѣющееся у проф. С. Т. Голубева.

[11]) См. выше, примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ въ школѣ аналогіи Кременецкаго и Ярошевскаго.

17) *Даніилъ Нащинскій*—въ $17^{47}/_{48}$ г. [1]);
18) *Өеодоръ Гирчичъ*—въ $17^{48}/_{49}$ г. [2]); и
19) *Гавріилъ Гиновскій*—въ $17^{49}/_{50}$ г. [3]) и позже [4]).

Изъ учителей *синтаксимы*:

1) *Иларіонъ Мигура-Плаксичъ*—около 1702—3 г. [5]);
2) *Лаврентій Горка*—въ 1706—7 г. [6]);
3) *Аөанасій Хмарный*—въ $17^{10}/_{11}$ г. [7]);
4) *Софроній Мигалевичъ*—въ $17^{21}/_{22}$ г. [8]);

---

[1]) Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187 (Выписку изъ этого дѣла см. выше, въ примѣчаніи къ рѣчи объ учительствѣ въ аналогіи Өеодора Гирчича. Нащинскій былъ сынъ козака изъ г. Полтавы, родился около 1721 г. (ibid., д. 1737 г., № 380, т. I, списокъ учениковъ грамматики въ $17^{36}/_{37}$ г.).

[2]) См. выше, примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ въ школѣ аналогіи Павла Өеодоровича.

[3]) См. III приложеніе къ нашему изслѣдованію.

[4]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 39.

[5]) Арх. Кіев. дух. конс., записка (составленная въ 1760-хъ годахъ) „о архидіаконахъ каеедры митрополіи Кіевскія"; въ этой запискѣ, между прочимъ, читаемъ: „1704 (года). Архидіаконъ Иларіонъ Мѣгура-Плаксичъ, бывшій учитель первѣе синтаксимы, потомъ піитики; произведенъ онъ 1709 года октября во игумена въ Батуринскій монастырь. Мирское имя ему было Іоаннъ; умѣлъ искуство купферштихерское; посему, будучи профессоромъ, архидіакономъ и игуменомъ, многимъ знатнымъ лицамъ приписавши, издалъ на мѣди вырѣзанныи конклюзіи, какъ о томъ многимъ числомъ въ Кіево-Софійскомъ каеедральномъ монастырѣ имѣющіися, мѣдныя рѣзанныя таблицы свидѣтельствуютъ".

[6]) Рукопис. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1721. Тутъ, на л.л. 175—391 помѣщена піитика, преподанная Лаврентіемъ Горкою въ Кіевской Академіи въ $170^{7}/_{8}$ учеб. году (заглавіе ея нами приведено ниже); а предъ піитикою помѣщены домашнія упражненія синтаксиста Якова Рудинскаго въ $170^{6}/_{7}$ г. и Brevis doctrina de epistolis..., tradita iu Syntaxi anno Domini 1707 mense Aprili die 25 (л л. 60—81 и 164—168). Все это писано однимъ и тѣмъ же Рудинскимъ. Думаемъ, что Рудинскій, учившійся у Горки піитикѣ, у него же учился и синтаксимѣ.

[7]) „Кіевская Старина", 1884 г., іюль, стр. 545—6 („Многолѣтіе, возглашенное въ г. Кіевѣ въ началѣ XVIII столѣтія").

[8]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 469, л. 166: Laurus in horto *supremae classis* (т. е. синтаксимы) plantata, demum ad coronanda tempora nobilissimae orthodoxae juventuti contexta anno... 1721 d. 7-bris, sub reverendo patre

5) *Григоровичъ*, вѣроятно, *Иларіонъ*—въ 1725 г.[1]);
6) *Амвросій Яскевичъ*—въ $17^{27}/_{28}$ г. [2]);

Sophronio Myhalewicz. 31 октября 1721 г. Св. Синодъ предписалъ архимандриту Кіево-Печерскаго монастыря Іоаннякію Сенютовичу выслать Мигалевича вмѣстѣ съ другими кіевскими учеными монахами въ Москву. Въ отвѣтъ на это Сенютовичъ 6 февраля 1722 г. просилъ Св. Синодъ отсрочить отправленіе его до слѣдующей вакаціи, т. е. до 15 іюля (потому что, по высылкѣ его, некого другого опредѣлить на его мѣсто); см. Описан. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода, т. I, № 627, ст. 675—6. Въ 1722 г. мы видимъ Мигалевича уже въ Москвѣ (ibid., № 628, ст. 678; сн. т. VIII, № 524, ст. 516. Поэтому В. Аскоченскій, ч. 2, стр. 68,—и С. Смирновъ,—Исторія Моск.-Слав.-Гр.-Лат. Акад., стр. 198,—невѣрно пріурочиваютъ его появленіе въ Москвѣ къ 1726 г.). Въ жизни Мигалевича было нѣсколько фактовъ, рисующихъ его въ непривлекательномъ свѣтѣ; см. арх. Св. Синода, д. 1737 г., марта 17, № 125, и арх. Кіев. дух. конс., д. 1752 г , № 21, гдѣ есть просьба братіи Кіев. Пустынно-Никольскаго монастыря къ митрополиту о не назначеніи имъ въ игумены Мигалевича.

[1]) „Труды Кіев. дух. Акад.“, 1892 г., октябрь: „Рукописи Иркут. дух. семин. южно-русскаго происхожденія“, стр. 307, № 2. Въ рукописи подъ этимъ № содержатся богословскіе трактаты, чтеніе которыхъ закончено въ Кіев. Академіи 3 іюля 1725 г., и помѣщенъ списокъ студентовъ, прослушавшихъ полный (четырехгодичный) курсъ богословія. Въ числѣ этихъ студентовъ и поименованъ R(everendus) P(ater) *Syntaxeos* Hryhorowicz. Что это былъ *Иларіонъ* Григоровичъ, думаемъ потому, что въ 1725 г. онъ именно былъ въ числѣ учителей Академіи, какъ видно изъ такой эпитафіи надъ его могилой (въ усыпальницѣ Сарскихъ и Подонскихъ епископовъ, въ придѣльномъ храмѣ бывшаго Крутицкаго архіерейскаго дома): Здѣсь погребенъ Св. Пр. Синода членъ. Преосвящ. Иларіонъ, Епископъ Сарской и Подонской, которой рожденъ въ Малороссіи въ лѣто отъ Р. Х. 1696, декабря 20, въ городѣ Сосницѣ. Въ 1714 г. пришелъ въ Кіевъ обучаться въ Кіевской Академіи въ Братскомъ училищномъ монастырѣ и, окончивъ ученіе, пожелалъ монашескій чинъ воспринять въ томъ же Братскомъ монастырѣ, въ которомъ и постриженъ 1721 года того жъ монастыря Богословскимъ учителемъ Іосифомъ Волчанскимъ и того жъ года въ должность учительскую опредѣленъ, въ которой трудился четыре года“... (См. „Изслѣдованіе о древней области Вятичей“, въ Чтеніяхъ въ импер. общ. исторіи и древ. росс. при Москов. универс., 1862 г., т. II, стр. 112—113)... Что преподавалъ онъ въ прочіе три года, извѣстій не сохранилось.

[2]) Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI („Реестръ учителей и учениковъ Кіев. Акад.“ за $18^{27}/_{28}$ уч. г.). Онъ постриженъ въ монашество по указу Св. Синода отъ 26 февраля 1725 г.; см. „Полное собр постан. и распор. по вѣдом. прав. испов. Росс. имперіи“, т. V, № 1490 (Здѣсь онъ называется Юскевичемъ. Быть можетъ, это извѣстный

7) *Іоасафъ Горленко*—въ $17^{31}/_{32}$ г. [1]);

8) *Варлаамъ Новицкій*, вѣроятно, съ сентября 1734 года до 16 января 1735 года [2]).

9) *Митрофанъ Довгалевскій*—съ 16 января 1735 г. до начала 1736—7 учеб. г. [3]);

10) *Сильвестръ Ляцкоронскій*—въ $17^{36}/_{37}$ г. [4]);

11) *Амвросій Негребецкій*—въ $17^{37}/_{38}$ и $17^{38}/_{39}$ г.г. [5]);

Новгородскій епископъ Амвросій Юшкевичъ, нѣсколько свѣдѣній о которомъ см. у В. Асноченскаго, ч. I, стр. 314—316).

[1]) Онъ самъ говоритъ: „Въ годѣ 1732, въ недѣлю седмую по Пасхѣ святыхъ отецъ, въ той часъ случившуюся маія 21 дня, въ преподаваніи школи Синтаксиса, дедиковалъ діалогъ привѣтствовательный вшествіемъ на престолъ Кіевской епархіи преосв. Рафаилу Заборовскому"... (Чт. въ истор. общ. Нестора лѣтоп., кн. VI, Кіевъ, 1892, отд. III, стр. 98—99). См. о немъ ниже.

[2]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1735 г., № 12. Тутъ (по поводу назначенія въ январѣ 1735 г. новаго намѣстника въ Кіевскій Златоверхо-Михайловскій монастырь) имѣется слѣдующая резолюція митроп. Рафаила Заборовскаго: „По избранію пречестнаго архимандрита съ братіею, честному іеромонаху Гервасію Линцевскому быти намѣстникомъ въ Михайловскомъ монастырѣ..., а на его мѣсто въ школу піитику для ученія опредѣляется отъ насъ честный іеромонахъ Митрофанъ Довгалевскій. 1735 г. Іаннуарія 16 дня". Непосредственно за этими словами митрополитомъ приписано: „Аще въ школу піитику для ученія и опредѣленъ былъ отъ насъ іеромонахъ Митрофанъ Довгалевскій, но отставляется тое опредѣленіе; а опредѣляется въ тую школу честный іеромонахъ *Варлаамъ Новицкій, учитель синтаксическій;* а честный іеромонахъ Довгалевскій опредѣляется въ школу синтаксиму для ученія".

[3]) См. предидущее примѣчаніе. Сн. „Акты, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи за XVIII столѣтіе", собран. нами въ 1895 г., д. № 1 („Кіевская Старина", 1796 г., № 1, стр. 38), гдѣ онъ около 7 февраля 1735 г. называется „учителемъ синтаксимы"; сн. переданное нами въ библ. Церк.-Археол. Музея при Кіевской дух. Академіи „опредѣленіе учителей на $17^{35}/_{36}$ учеб. г.; см. ниже списокъ учителей піитики.

[4]) Архивъ Свят. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, л. 111 (Вѣдомость объ учителяхъ и ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{36}/_{37}$ учеб. годъ).

[5]) Ibid., л. 375 и дал. (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{37}/_{38}$ учеб. г.), и т. II, л. 799 и далѣе (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{38}/_{39}$ уч. г.).

12) іером. *Іоаннъ* (по всей вѣроятности *Козловичъ* [1])) въ $17^{39}/_{40}$ г. [2]);

13) *Даніилъ Яхимовичъ*—въ $17^{40}/_{41}$ г. [3]);

14) *Варлаамъ Иваницкій*—въ $17^{41}/_{42}$ г. [4]);

15) *Евстафій Скерлетовъ* [5])—въ $17^{42}/_{43}$ г. [6]);

---

[1]) Думаемъ такъ потому, что въ $17^{38}/_{39}$ г. преподавалъ грамматику, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, Захарій *Козловичъ* (см. выше), въ монашествѣ же Захарій принялъ имя *Іоанна* (арх. Св. Синода, д. 1734 г., № 369/Б. Тутъ есть просьба митрополита Рафаила Заборовскаго въ Св. Синодъ отъ 12 января 1738 г. и разрѣшеніе постричь въ монашество нѣсколькихъ лицъ въ монастыряхъ Кіевской митрополіи. Въ числѣ этихъ лицъ указанъ Захарій Яковлевъ Козловичъ, сынъ мѣщанскій, родомъ изъ Польской области, города Луцка, учившійся въ Кіевѣ, слушавшій богословіе, имѣющій отъ роду 35 лѣтъ, и 5 лѣтъ находившійся въ искусѣ въ монастырѣ Кіево-Софійскомъ). См. о немъ въ спискѣ учителей риторики.

[2]) Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III, вѣдомость объ ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{39}/_{40}$ учеб. г.

[3]) Акты Кіево-Братск. учил. монастыря и Академіи. собран. В. Аскоченскимъ, т. I, дѣло № 13 (представленіе учителей на $17^{40}/_{41}$ уч. г.); сн. арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III (вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{40}/_{41}$ уч. г.). Яхимовичъ (въ мірѣ Димитрій) былъ сынъ священника села Олманъ Польскаго государства; родился въ 1710 г.; монашество принялъ въ Кіево-Печерской лаврѣ; тамъ же 20 декабря 1739 г. былъ посвященъ во іеродіакона тогдашнимъ Переяславскимъ епископомъ Арсеніемъ Берло (Арх. Кіево-Печерской лавры, 1-я связка дѣлъ, л. 472, сн. реестръ монашествовавшихъ Лавры за 1738—39 г.г., въ той же связкѣ, л.л. 383—502).

[4]) Арх. Св. Синода. д. № 380, 1737 г., т IV, л.л. 145—169 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{41}/_{42}$ уч. г.).

[5]) Скерлетовъ, по происхожденію, сербъ. Онъ родился въ 1703 г. въ Далматской области отъ родителей военнаго званія. 25 января 1727 г. игуменомъ Липовицкаго монастыря Ѳеодосіемъ постриженъ въ расофорнаго монаха; затѣмъ, Хорватскимъ епископомъ Симеономъ Филипповичемъ былъ посвященъ (не женатымъ) во іерея. Около 1740 г. онъ прибылъ въ Кіевъ для поступленія въ Академію. Здѣсь онъ, принятый на жительство въ Братскій монастырь 19 іюля 1741 г., слушалъ въ 1742 г. богословіе; 15 августа этого года постриженъ въ монашество (Арх Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 107) и 26 августа опредѣленъ учителемъ синтаксимы (ibid., д. 1742 г., № 128, опредѣленіе учителей на $17^{42}/_{43}$ уч. г.).

[6]) Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV, л. 612 и дал. (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{42}/_{43}$ учеб. г.).

16) *Климентъ Богдановичъ*—въ $17^{43}/_{44}$ г. [1]);

17) *Аѳанасій Ясниковскій*—въ $17^{44}/_{45}$ г. [2]);

18) *Досиѳей Галяховскій*—въ $17^{45}/_{46}$ г. [3]) и въ началѣ $17^{46}/_{47}$ г. [4]);

19) *Іоанникій Венерацкій*—въ 1747 г. [5]);

20) *Григорій Щербацкій*—въ $17^{47}/_{48}$ г. [6]) и

21) *Даніилъ Нащинскій*—въ $17^{48}/_{49}$ [7]) и $17^{49}/_{50}$ [8]) и (по постриженіи въ монашество, съ именемъ *Давида*) въ $17^{50}/_{51}$ г.г. [9]).

---

[1]) Ibid., т. V, л. 54—76 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{43}/_{44}$ учеб. г.); сн. Арх. Кіев. дух. конс. д. 1743 г., № 73, гдѣ Богдановичъ названъ учит. синтаксимы въ іюнѣ 1744 года. Онъ (въ мірѣ Косьма) былъ сынъ священника изъ г. Воронкова, Переяславскаго полка; родился приблизительно въ 1714 г. (ibid., т. I, списокъ студентовъ богословія за $17^{36}/_{37}$ г.); въ 1741 г. былъ соборнымъ писаремъ Софійскаго монастыря (Арх. Кіев. дух. конс, д. 1741 г., № 61); въ октябрѣ 1744 г. назначенъ казнодѣею въ Виленскій монастырь (документы объ этомъ имѣются у насъ).

[2]) Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л. 345—384 (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{44}/_{45}$ учеб. г.).

[3]) Опредѣленіе учителей на $17^{45}/_{46}$ учеб. г. (имѣющееся у профес. С. Т. Голубева).

[4]) См. выше въ спискѣ учителей аналогіи примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ Кременецкаго и Ярошевскаго. 25-го октября 1746 г. митроп. Раф. Заборовскій писалъ намѣстнику Кіево-Печерск. лавры: „Такъ какъ Тихонъ Александровичъ умеръ († 21 октября), а на мѣсто его опредѣленъ изъ *синтаксимы* іером. Досиѳей Галяховскій; для обученія же синтаксимы опредѣленъ Кіево-Печ. лавры іерод. Спиридонъ Лазаревичъ, то прошу отпустить послѣдняго въ Академію". Лазаревичъ отказался отъ этого назначенія, соглашаясь преподавать не ниже, какъ въ риторикѣ, потому что онъ уже до этого преподавалъ риторику въ Тверской Академіи и былъ приглашаемъ на піитику въ Москов. Академію (Арх. Кіево-Печер. лавры, 1-я связка дѣлъ, л.л. 142 и 143, по общему счету).

[5]) См. выше, въ спискѣ учителей аналогіи, примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ Кременецкаго и Ярошевскаго.

[6]) Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187 (См. выше, въ спискѣ учителей аналогіи, примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ Ѳеодора Гирчича).

[7]) Ibid. (см. примѣчаніе къ рѣчи объ учителѣ аналогіи Пав. Ѳеодоровичѣ).

[8]) См. III приложеніе къ нашему изслѣдованію.

[9]) Акты, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII стол., собран. нами въ 1895 г., д. № 13.

Кромѣ названныхъ нами учителей младшихъ классовъ Академіи, можно съ несомнѣнностью указать еще нѣсколькихъ лицъ, но безъ точнаго опредѣленія, въ какомъ именно классѣ они профессорствовали или къ какому именно году относится ихъ дѣятельность въ Академіи.

Лица эти слѣдующія:

1) *Викентій Покорный*,

2) *Досиѳей Чарнуцкій*,

3) *Дороѳей Кроткевичъ* и

4) *Игнатій Миштальскій*, учительствовавшій въ Академіи въ $170^1/_2$ учеб. году [1]).

5) *о. Муравскій*,—въ концѣ $170^0/_1$ учеб. года преподававшій риторику (точнѣе діалектику въ риторическомъ классѣ, послѣ высылки въ Москову Іосифа Туробойскаго [2])), очень *можетъ быть* предъ этимъ преподавалъ въ одномъ изъ низшихъ классовъ, а затѣмъ продолжалъ учительствовать въ какомъ-либо классѣ и въ $170^1/_2$ учеб. году;

6) Арсеній Берло, бывшій учителемъ грамматики около 1709—10 г. [3]).

---

[1]) Учителя Покорный, Чарнуцкій и Кроткевичъ были вызваны въ іюлѣ 1702 года изъ Кіевской Академіи въ Москву. Кроткевичъ и Миштальскій отправлены изъ Кіева въ Москву въ октябрѣ 1702 г. См. Труды Кіевской дух. Академіи, 1901 г., ноябрь, стр. 401—402. Предположеніе о томъ, чтὸ преподавалъ Миштальскій въ Кіевѣ, см. ниже, въ спискѣ учителей риторики.

[2]) См. Труды Кіевской духовной Академіи, 1901 г., ноябрь, стр. 404.

[3]) Библіотека Кіево-Печ. лавры, портретъ Арсенія Берло, подъ № 119. Въ надписи подъ этимъ портретомъ сказано, что Арсеній былъ постриженецъ Кіево-Печерскаго монастыря, былъ тамъ въ званіи трапезномъ, *послѣ въ Братскомъ монастырѣ граматицкимъ бѣ профессоромъ*; по моровой язвѣ въ катедрѣ Свято-Софійской Кіевской былъ архидіакономъ, затѣмъ архимандритомъ Межигорскимъ (См. Опис. докум. и дѣлъ, хран. въ арх. Св. Пр. Синода, т. X, прилож. XIX, ст. 1140, гдѣ говорится, что Синодальный указъ о посвященіи архидіакона Берло въ архимандрита посланъ въ Межигорскій монастырь 2 августа 1722 г.; опредѣленіе же о назначеніи Берло архимандритомъ состоялось въ Синодѣ 1 іюня 1722 г.“, см. Полн. собр. пост. и распор. по вѣдом. Прав. испов. Росс. имперіи, т. II, № 650, стр. 319), епископомъ Бѣлорусскимъ и, наконецъ,

7) *Маркеллъ* (въ мірѣ Николай Романовъ) *Родышевскій* учительствовалъ во время службы въ Академіи Өеофана Прокоповича, около 1712—1713 года [1]).

8) іеромонахъ *Михаилъ Рогузскій*—въ 1713 или 1714 году [2]);

еп. Переяславскимъ... Моровая язва была въ Кіевѣ 1710 г. (См. замѣтки о религіозныхъ процессіяхъ съ Братской иконой Богоматери во время этой язвы въ маѣ 1710 г., въ рукоп. библ. Кіев. дух. сем. VIII. 1. 16, л. 474 на обор. и л. 484). Въ черновомъ спискѣ 1760-хъ годовъ „о архидіаконахъ каѳедры митрополіи Кіевскія" (въ архивѣ Кіев. дух. конс.) читаемъ: „1712—22 архидіаконъ Арсеній Берло, постриженецъ Печерскаго монастыря; изъ архидіаконства былъ архимандритомъ въ Межигорскомъ монастырѣ 1722; потомъ года (пропускъ)... былъ еп. Бѣлорусскій; потомъ года (снова пропускъ)... еп. Переяславскій; тамъ и умре".

[1]) Въ своемъ рукописномъ сочиненіи: „житія еретика Өеофана Прокоповича", Маркеллъ пишетъ, что когда Өеофанъ началъ распространять въ Академіи и за Академіею ложныя еретическія понятія, то, видя его на Церковь еретическія укоризны, Кіевскаго Братскяго монастыря *учители*—іеродіаконъ *Маркеллъ Родышевскій* и Гедеонъ Вишневскій—часто отъ Божественнаго писанія съ нимъ спориваля и его нечестивое ученіе дерзко и смѣло обличали всенародно, а *въ 1713 году* въ Братскомъ училищномъ монастырѣ публично обличали. И сверхъ того, учитель Гедеонъ, прибывъ въ Москву, объявилъ о томъ его еретическомъ ученіи письменно преосвященному Стефану и всему Освященному собору (И. Чистовичъ. „Өеофанъ Прокоповичъ и его время", стр. 155, сн. 302—303, 307). Точно ли это показаніе Родышевскаго (полагавшагося, вѣроятно, исключительно на свою память) въ хронологическомъ отношеніи,—сказать трудно. Выше (въ первой главѣ, въ примѣчаніи къ рѣчи о префектурѣ Сильвестра Пиновскаго) мы, ссылаясь на труды архіеп. Филарета и В. Аскоченскаго, предположили, что Гедеонъ Вишневскій оставилъ Академію въ 1712 г... Если же вѣрить показанію Родышевскаго, то выходъ Гедеона изъ Академіи долженъ быть отнесенъ не ранѣе, какъ къ 1713 году, значитъ и учительство Гедеона нужно отнести къ $17^{12}/_{13}$ году или къ $17^{13}/_{14}$... Точное рѣшеніе этого вопроса и другихъ, связанныхъ съ нимъ, мы оставляемъ будущему, которое, вѣроятно, найдетъ какія-либо данныя для отвѣта на нихъ.

[2]) И. Чистовичъ, „Ө. Прокоповичъ и его время", стр. 307. Въ своихъ показаніяхъ на допросѣ Маркеллъ Родышевскій, между прочимъ, говоритъ: „А что онъ архіерей (Өеофанъ Прокоповичъ) святыя великомученицы Варвары мощи хулилъ и поносилъ и за то мучимъ былъ бѣсомъ, о томъ *въ 1713 или въ 1714 годахъ* сказывалъ ему ‚Родышевскому, Кіевской школы *учитель* іеромонахъ Михаилъ Рагузскій"...

9) *Іеронимъ Колпецкій*, монахъ Кіево-Печерской Лавры, состоялъ учителемъ Академіи приблизительно три года,—съ 1719 до 1722 г. [1]);

10) *Платонъ Малиновскій* былъ учителемъ грамматики приблизительно около 1720 учеб. года [2]);

11) *Иларіонъ Григоровичъ*,—въ 1725 г. состоявшій учителемъ синтаксимы въ Кіевской Академіи, учительствовалъ въ младшихъ классахъ Академіи съ 1721 по 1725 г. [3]);

12) *Іоасафъ Горленко*, въ 17 $^{31}/_{32}$ г. учительствовавшій въ синтаксимѣ (см. выше, списокъ учителей этого класса), преподавалъ въ младшихъ классахъ Академіи въ $17^{29}/_{30}$ и $17^{30}/_{31}$ учеб. г.г. [4]);

---

[1]) См. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VIII, № 134; тутъ излагаются нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ; именно говорится, что онъ былъ взятъ изъ Кіево-Печер. монастыря въ *Кіевскія школы* и въ оныхъ школахъ *труждался 3 года*; затѣмъ, въ 1 22 г. изъ Кіевской Академіи былъ перемѣщенъ въ Московскія Славяно-Греко-Латинскія школы, „ради ученія жъ школьнаго", здѣсь учительствовалъ и проповѣдовалъ четыре года; послѣ чего, въ 1726 году посланъ былъ въ Голландію къ полномочному министру графу И. Г. Головкину. Въ 1728 году возвратился въ Москву и 19-го марта этого года опредѣленъ Св. Синодомъ въ число братства Кіево-Печерскаго монастыря; сн. т. X, ст. 1310.

[2]) Онъ въ 1727 г, будучи префектомъ Московской Академіи, просилъ Св. Синодъ уволить его на покой въ Кіево-Печерскій монастырь. Просьбу свою онъ мотивировалъ разстройствомъ своего здоровья, вслѣдствіе продолжительныхъ школьныхъ занятій, которыя онъ началъ въ Кіевѣ преподаваніемъ сначала *грамматики*, а потомъ и философіи. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII, ст. III, № 101. О времени преподаванія имъ философіи въ Кіевской Академіи см. ниже Сколь-же долго и непосредственно ли предъ философіей преподавалъ Малиновскій въ *грамматикѣ* (годъ или болѣе),—неизвѣстно.

[3]) См. выше списокъ учителей синтаксимы, примѣчаніе къ рѣчи объ Иларіонѣ Григоровичѣ.

[4]) Самъ Горленко говоритъ: „Въ годъ 1729, въ мѣсяцѣ августѣ послѣднихъ чиселъ опредѣленъ во училища Кіевскія во учителя и въ томъ потрудился послушаніи, пробывъ чрезъ три года" (въ томъ числѣ одинъ въ синтаксимѣ; „Чтенія въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца", кн. VI, Кіевъ, 1892 г., отд. III, стр. 98—99).

13) *Стефанъ Калиновскій*, бывшій въ 17[27]/28 учебномъ году учителемъ риторики, вѣроятно, началъ свою службу въ Академіи ранѣе указаннаго года [1]), и

14) нѣкій іеромонахъ *Георгій*, учительствовавшій въ Кіевской Академіи (неизвѣстно—въ какомъ классѣ) и умершій *ранѣе* 1730 г.[2]).

Конечно, курсъ низшихъ четырехъ классовъ Академіи въ изслѣдуемый нами періодъ времени не ограничивался изученіемъ одного только латинскаго языка. Въ нихъ изучались еще славянскій, русскій и польскій языки,—почему Академія, въ оффиціальныхъ бумагахъ иногда и называла себя *„Полоно-Славяно-Латинскою“* [3]),—иногда катихизисъ и изрѣдка, быть можетъ, ариѳметика.

Преподаванію *польскаго* и *русскаго языковъ*, нужно думать, въ Академіи не давалось серьезной постановки, въ виду того, что главное вниманіе здѣсь обращалось на языкъ латинскій, какъ языкъ тогдашней науки. Поэтому, хотя въ двухъ-трехъ низшихъ классахъ ученики и говорили на нихъ между собою [4]) и на нихъ *внушалась* имъ учителями *сила*

---

[1]) Свое образованіе въ Академіи Калиновскій окончилъ въ 1725 г.; см. Труды Кіев. дух. Акад., 1892 г. Октябрь: „Рукописи Иркутской дух. семинаріи южно-русскаго происхожденія“, № 2. Будучи въ 1739—1745 г.г. Псковскимъ епископомъ, („Списки іерарховъ“..., П. Строева; 1877 г., стр. 381), Калиновскій почему-то называется Яворскимъ. См. 2-ю главу нашего изслѣдованія.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. X, прилож. XXIX, ст. 1310.

[3]) Архивъ Кіевск. дух. конс., д. 1742 г., № 1, паспортъ, выданный въ 1734 году ученику школы риторики Григорію Левицкому, за подписью префекта Іеронима Митковича.

[4]) Инструкція митр. Заборовскаго, пунктъ VII (у В. Аскоченскаго, ч. 2, стр. 104); ср. рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 469, озаглавленную такъ: Liber in quo exercitia et occupationes variae, compositae juventute orthodoxa *propter institutionem loquendi lingua polonica et latina,* scriptus methodo infimae classis, 1720 г.

латинскаго языка [1]), и хотя до риторическаго класса включительно всѣ воспитанники должны были на нихъ попеременно представлять свои письменныя работы (occupationes) [2]), однако въ результатѣ оказывалось, что студентъ вполнѣ владѣлъ только тѣмъ языкомъ, какой для него былъ роднымъ, на какомъ говорила та мѣстность, уроженцемъ которой онъ былъ. По крайней мѣрѣ, 15 іюня 1749 года, по поводу требованія кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева прислать къ нему изъ студентовъ Академіи переводчика съ польскаго языка на русскій, тогдашній префектъ Академіи іером. Георгій Конисскій писалъ митр. Тимоѳею Щербацкому, что „способный къ таковому дѣлу въ Академіи... не сискался. Хотя бо многыи суть полскій языкъ гораздо вѣдающіи, однакъ тіи русскаго язика совершенно не знаютъ; а напротивъ, которіи на русскомъ языкѣ, какъ и породившіися зде, искусны, тіи полскаго... не вѣдаютъ"; и препроводилъ при этомъ студента богословія Павла Грамацкаго, аттестуя его, какъ человѣка лишь „мѣрнаго искусства въ язикы полскомъ" [3]). Къ концу же изслѣдуемаго нами періода времени преподаваніе польскаго языка, кажется, и совсѣмъ не велось въ Академіи, такъ что въ 1750 году студентъ Максимъ Огіевскій бѣжалъ было изъ Академіи въ Польшу потому, между прочимъ, что... „въ Академіи польскій діалектъ не производится, точію учителе всегда слѣдують ученіе діалектомъ латинскимъ и русскимъ" [4]).

---

[1]) Мнѣніе Георгія Конисскаго; Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 46 (Ср. В. Аскоч. „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею", ч. 2, стр. 523, примѣч. 215).

[2]) Инструкція митроп. Раф. Заборовскаго, пунктъ VII (у В. Аскоч., ч. 2, стр. 104).

[3]) Архивъ Кіев. духов. консист., д. 1749 г., № 80.

[4]) „Кіевлянинъ" 1876 г., № 42. Учителя польскаго языка мы видимъ въ Академіи въ 1760-хъ г.г. (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1766 г., № 119).

Катехизисъ въ низшихъ (равно и въ высшихъ) классахъ Академіи не всегда былъ предметомъ *классного* изученія, во-первыхъ, потому, что преподавателями въ нихъ часто бывали студенты старшихъ школъ, для преподаванія его имѣвшіе мало свободнаго времени, какъ обязанные посѣщать свои аудиторіи; и еще болѣе потому, во-вторыхъ, что Академія ставила его у себя *дѣломъ церковнымъ*, а не классныиъ, посвятивъ изложенію его для младшихъ студентовъ такъ называвшуюся *малую инструкцію* [1]), а для старшихъ *великую инструкцію*. Иногда только, если учителя бывали усердными и располагали временемъ, изученіе катехизиса бывало и класснымъ, на что посвящались послѣобѣденные часы въ субботніе дни. Это видно изъ такого добавленія митрп. Тимоѳея Щербацкаго къ утвержденному имъ 6 октября 1752 года училищному проекту архидіакона Манассіи Максимовича: „опроче же школьнихъ ученій въ меньшихъ школахъ шести, какъ и *прежде бывали* такіи изрядніи установленія, учители по вся субботы, по обѣднему времени, въ своихъ школахъ до самаго финалнаго пулса (но не до самаго Филиппова поста; какъ прочиталъ эти слова В. Аскоченскій“ [2])) по части катехизиса обучали бъ“ [3]).

Наконецъ, *ариѳметика* въ низшихъ классахъ преподавалась, вѣроятно, только въ нѣкоторые годы [4]), въ большинствѣ же случаевъ она не изучалась въ нихъ (отчасти по

---

[1]) Объ этихъ инструкціяхъ у насъ рѣчь будетъ впереди.

[2]) См. его „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею, ч. 2, стр. 165.

[3]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. I д. № 46, л. 453 на оборотѣ. Такой школьний катихизисъ изъ риторики Fons Castalius, 1700—1701 г., изданъ въ русскомъ переводѣ, въ шестомъ приложеніи къ изслѣдованію Н. И. Петрова „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Кіевъ, 1895 года.

[4]) Что она иногда преподавалась, предполагаемъ потому, что такъ было въ другихъ коллегіяхъ того времени (напр., въ Смоленской; см. „Смоленск. Епарх. Вѣдом.“, 1871 г, № 1, стр. 4). Свѣдѣній же документальнихъ, которыя би подтверждали наше предположеніе, мы нигдѣ не нашли.

недостаточности времени у преподавателей, а еще скорѣе потому, что средневѣковая система наукъ, которой держалась всдѣдъ за іезуитскими школами и Кіевская Академія, помѣщала ее въ разрядъ философскихъ наукъ, какъ ихъ особую часть, и излагала ее при нихъ, какъ отрасль собственно естественной (naturalis) философіи [1]); такъ можно заключить изъ того, что она изрѣдка излагалась въ піитическомъ классѣ [2]) и разъ была предложена вмѣстѣ съ геометріей (Ѳеофаномъ Прокоповичемъ) въ философскомъ классѣ [3]); и воспитанники пріобрѣтали знаніе ея самостоятельно внѣклассныиъ трудомъ.

---

[1]) Рукоп библ. Кіев. дух. Академіи, I. 11. 67. 8, л. 6; ср. рукопись той же библ. I. 11. 61. 2, praefatio.

[2]) Напр., въ піитическомъ классѣ она была преподана въ $17^{19}/_{20}$ г.; см. рукопись библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 96, л. 166: Supellex quorundam numerum arithmeticae, начинающійся такъ: „Etsi singularis est totius tractandi de numeris in Mathesi, tamen quia etiam opus est doctibus tunc ad facilius componenda carmina chronostica et cabalistica, tum etiam ad alia supplementa, ideo aliquas partes numerorum appono et trado, et maxime numerationem, additionem, subtractionem, multiplicationem et, si tempus concedet, de caeteris agemus numerorum partibus..., и дающій самыя начальныя понятія о нумераціи, о различіи численныхъ знаковъ римскихъ и славянскихъ, и объ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ надъ простыми числами (рукопись не оканчиваетъ рѣчи о дѣленіи, л. 175 на об.).

[3]) Ариѳметика Прокоповича, начинающаяся изложеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній (См. рукоп. библ. Кіевской дух. Академіи, отд. Р. 65, л.л. 257—335: „Duo primi et uberrimi rerum mathematicarum fontes Arithmetica et Geometria in gratiam studiosae Roxolanae juventutis in Academia Kijovo-Mohileana explicatae anno Domini 1707“), ведетъ къ предположенію, что слушатели ея раньше, до философскаго класса, не имѣли и ихъ. В. Аскоченскій („Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею, ч. I, стр. 289), между прочимъ, въ объясненіе поводовъ преподаванія Прокоповичемъ (ариѳметики и) геометріи, пишетъ: „въ 1707 году, по предложенію митрополита Варлаама Ясинскаго, возобновлено въ Академіи преподаваніе геометріи. Распоряженіе это родилось вслѣдствіе вопіющей потребности имѣть ученыхъ свидѣтелей при размежеваніи земель, принадлежавшихъ училищу. Умный архипастырь предупреждалъ этимъ злоупотребленія насылаемыхъ землемѣровъ, которые своей всемогущей астролябіей надѣлали такихъ дѣлъ, при отмежеваніи для Меньшикова Почепской волости“. Но во 1-хъ, преподаваніе геометріи Прокоповичемъ едва ли было „возобновленіемъ“ прежняго, существованіе котораго достаточно сомнительно (см. „Исторію Кіевской духовной Академіи“ С. Т. Голубева, Кіевъ, 1890, вып. I, стр. 205—6) и,

За грамматическими классами начинались уже классы собственно академической науки — піитическій и риторическій. Классы піитики и риторики особенно были любимы питомцами Академіи [1]) въ силу духа тогдашняго времени, придававшаго чрезвычайное значеніе искусству слагать вирши и ораціи какъ для пріятной приправы къ обыденной жизни, такъ и для блестящаго украшенія къ оффиціальной [2]).

Піитика и риторика въ Академіи были самостоятельными и отдѣльными науками, почему и на ученіе каждой изъ нихъ назначался особый классъ съ годичнымъ курсомъ. Но въ своемъ содержаніи онѣ не всегда были строго разграничены между собою; онѣ соприкасались одна съ другой въ изложеніи словесныхъ правилъ, одинаково необходимыхъ какъ для піитическаго, такъ и для риторическаго искусства. Преимущественными (часто сообщавшимися въ піитическомъ классѣ) пунктами ихъ соприкосновенія были спеціально-риторическіе трактаты о распространеніи словъ и мыслей [3]), о пе-

---

во 2-хъ, поводъ ея преподаванія, указываемый Аскоченскимъ (ниже мы выскажемъ свое предположеніе о побужденіяхъ, руководившихъ Прокоповичемъ при изложеніи ея), заключаетъ въ себѣ значительный анахронизмъ: городъ Почепъ пожалованъ былъ Меньшикову въ 1709 году и отмежеваніе земель въ Почепу было произведено въ 1719—20 г.г (См. „Историческій Вѣстникъ", 1883 г., апрѣль, стр. 97—8, сн. Лѣтопись Самовидца, стр. 305)

[1]) Это доказывается тѣмъ, что они въ этихъ классахъ съ охотою сидѣли по нѣсколько лѣтъ; напр., Иванъ Каменскій, прослушавши годъ риторику въ Черниговскомъ коллегіумѣ, слушалъ ее еще 3 года въ Кіев. Академіи (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1789 г., № 59).

[2]) См. мысли кіевскихъ студентовъ о томъ, почему науку краснорѣчія „паче всѣхъ" нужно чтить, въ рукописи библ. Кіев. дух. Академіи I. Ш. 90. 11, стр. 104—106. „Повнегда краснорѣчіе и отъ самихъ простолюдинъ надъ другіе науки бить почитаемое дознали ми,—говорится здѣсь, между прочимъ,—то ни оное паче ихъ чествовать не долженствуемъ-ли"?... „Вся ученія, съ краснорѣчіемъ соравненніи, въ меншомъ проти его почитанія должни бить"...

[3]) См., напр., піитику Георгія Конисскаго, по рукописи библ. Кіев. дух. акад. I. Ш, 82. 3, кн. 3, введеніе.

ріодахъ, хріяхъ [1]), тропахъ и фигурахъ [2]), о чтеніи книгъ [3]) и объ эпистолахъ [4]). Трактаты объ этихъ предметахъ являлись, съ одной стороны, пособіемъ для самой піитики [5]), а съ другой—приготовленіемъ къ риторикѣ, облегчавшимъ предстоявшій трудъ ея изученія ученикамъ и учителю въ риторическомъ классѣ [6]). Трактаты эти излагались въ піитикѣ, конечно, короче, чѣмъ въ риторикѣ, съ опущеніемъ того, что, по словамъ Лаврентія Горки, „превышаетъ понятіе новичковъ" [7]).

Піитика, преподававшаяся въ Академіи въ изслѣдуемое нами время, обычно дѣлилась на двѣ части: общую и частную.

Въ *первой* части, послѣ опредѣленія науки и ея предмета—поэзіи, объясненія имени, происхожденія и природы поэзіи, указанія ея пользы, важности и цѣли, излагались общія правила составленія всякихъ вообще поэтическихъ произведеній,—правила, касавшіяся основныхъ элементовъ этихъ произведеній: формы и матеріи (содержанія). Въ отдѣлѣ о формѣ поэтическихъ произведеній давалось опредѣленіе стиха, объяснялся его механизмъ и сообщались просодическія правила строенія разныхъ (до тридцати) [8]) родовъ

---

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. сем. VIII. 1. 96, л.л. 143—165.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух Акад., I. III. 92. 13. ч. I, пунктъ 2.

[3]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., 0.4.7, л. 272 на обор.: „Doctrina de bene et utiliter legendis latinis scriptoribus".

[4]) Рукоп. библ. Смолен. дух. семин., № 871. (Піитика 1729—30 г. Варлаама Старжицкаго), л.л. 101—123.

[5]) На это иногда указывается и самыми учебниками; см., напр., рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1710, tract. I, cap. I; рук. библ. Кіев. дух. Акад. I. III. 92. 13, ч. I, пунктъ 2.

[6]) См. піитику Георгія Конисскаго, по рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. I. III. 82. 3.. кн. III.

[7]) См. его піитику, по рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., 0.7; ч. I, кн. 1, гл. I.

[8]) См., напр., піитику Варлаама Старжицкаго, по рукописи библіот. Смоленской духовной семинаріи, № 870, л. 15.

стиха, выработанныхъ какъ въ классическое, такъ и въ средневѣковое время (такъ называемыхъ забавныхъ или курьезныхъ, напр., каббалистическихъ, акростиховъ въ различныхъ видахъ, стиховъ съ чертежами въ формѣ яйца, бокала, пирамиды, сѣкиры и т. п.). При этой главѣ для облегченія поэту соблюдать размѣръ стиха иногда помѣщался и сводъ однозначущихъ словъ [1]).—Въ отдѣлѣ о содержаніи (матеріи) поэтическихъ произведеній говорилось объ изобрѣтеніи этого содержанія какъ собственнымъ вымысломъ (fictione) поэта, такъ и чрезъ подражаніе (imitatio) другимъ поэтамъ, и предлагались правила для такихъ видовъ изобрѣтенія. Тутъ почти всегда присоединялась глава de subsidiis poёseos (о поэтическихъ пособіяхъ), въ которой (для поэтической эрудиціи) излагалась вкратцѣ греко-римская миѳологія [2]) или, по крайней мѣрѣ, приводились изъ нея имена поэтическихъ боговъ и богинь, рѣкъ, вѣтровъ [3]) и проч., предлагались эрудиціи, въ стихотворной формѣ [4]) и индексы сентенцій, примѣровъ и т. п. изъ классическихъ писателей [5]).

Вторая, *частная* половина піитики говорила о родахъ поэтическихъ произведеній, опредѣляла каждый изъ нихъ и указывала его виды. Тутъ подробно обозначалось, чтó можетъ служить содержаніемъ каждаго вида поэтическаго творчества, и какимъ стихотворнымъ размѣромъ и языкомъ его слѣдуетъ писать [6]). Такъ какъ самыя основанія для дѣленія

---

[1]) Ibid., л.л 25—33: Congeries substantivorum per alphabetum collectum.

[2]) См. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., 0.7, ч. I, кн. I, гл. 4; § 9; рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1713, sepimentum 1, flos 2, tract. 2.

[3]) Рукоп. библ. Смоленской дух. семинаріи, № 870, л.л. 48—57.

[4]) Ibid.

[5]) См. 3-е примѣчаніе на этой страницѣ.

[6]) Конспекты нѣкоторыхъ піитикъ приведены въ „Исторіи Кіев. дух. Акад.“, іером. Макарія Булгакова, на стр. 149—150; болѣе же подробно о со-

поэтическихъ произведеній на роды и виды въ пiитикахъ Академіи были шаткими и неопредѣленными (какъ опиравшіяся на внѣшнихъ, случайныхъ качествахъ поэтическихъ произведеній или особенностяхъ ихъ содержанія), то и дѣленіе ихъ на роды было различнымъ. Такихъ родовъ насчитывалось отъ трехъ до девяти [1]), но изъ нихъ большее вниманіе, какъ показываютъ сохранившіеся пiитическіе опыты учениковъ, обращалось на лирическую (канты, элегіи, carmina gratulatoria или привѣтственные стихи на разные случаи) и отчасти драматическую поэзію, потому что только эти виды поэтическаго искусства имѣли наибольшую практическую пригодность въ жизни Академіи и каждаго ея воспитанника въ частности, такъ и въ жизни всей тогдашней образованной юго-западной Руси. Всякій академическій праздникъ, каждый выдающійся случай академической жизни обязательно имѣли своихъ стихотворцевъ въ лицѣ воспитанниковъ или профессоровъ пiитическаго класса. Праздновался день ангела ректора, префекта или какого учителя, шелъ праздникъ Пасхи или Рождества Христова, посѣщалъ митрополитъ или другой какой почетный и сановитый гость пiитическую школу, умиралъ студентъ-товарищъ, избирался префектъ конгрегаціи и т. п.,—все это было поводомъ и служило темой для академическаго стихотворства. Оставлялъ студентъ на время стѣны своего учебнаго заведенія и отправлялся, напр., на эпетиціи, за сборомъ подаяній, и тутъ

держанія пiитики см. въ статьѣ Н. И. Петрова: „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.“ (Въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., 1866 г., №№ 7, 11 и 12, и 1867 г., № 1) и отчасти въ статьѣ Линчевскаго: „Педагогія древ. братскихъ школъ и преимущ. древн. Кіев. Акад.“ (ibid. 1870 г., августъ).

[1]) См. напр., пiитику 1729—30 г. Варнавы Старжицкаго (рукоп. библ. Смол. дух. семин., № 870), гдѣ указываются слѣдующіе виды поэзіи: эпиграмматическій, лирическій, буколическій, сатирическій, эпическій или героическій, элегическій, эклогическій, трагическій и комическій.

ему всегда нужны были стихи; ими онъ располагалъ къ себѣ своихъ благодѣтелей (carmina petitoria) и меценатовъ; ими же онъ и благодарилъ ихъ, восхваляя ихъ щедрость къ бѣднымъ труженикамъ науки. Съ особеннымъ же усердіемъ старалась блеснуть Академія своимъ поэтическимъ искусствомъ въ дни нарочитыхъ своихъ торжествъ, когда она въ своихъ стѣнахъ принимала гостей—любителей и покровителей просвѣщенія. Въ такіе дни она иногда устраивала у себя сценическія представленія, приготовляя для нихъ драматическія произведенія [1]).

Изъ произведеній этого рода извѣстны за первую половину XVIII столѣтія 1) „Свобода“, представленная въ 1701 г.; 2) „Мудрость предвѣчная“, 1703 г.; 3) трагедокомедія „Владиміръ“ Ѳеофана Прокоповича 1705 г.; 4) „Іосифъ патріархъ“ Лаврентія Горки, 1708 г.; 5 и 6, два „разговора“—Ѳеофана Прокоповича: одинъ „гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ или пѣвцомъ“ и другой—„съ тектономъ или древодѣлемъ“; 7) „Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмѣльницкаго свободившая“, 1728 г.; 8) трагедо-комедія Сильвестра Ляскоронскаго, около 1729 г.; 9) „Комическое дѣйствіе“ на Рождество Христово, 1736 г., и 10) „Властотворный образъ человѣколюбія Божія“, 1737 г., Митрофана Довгалевскаго; 11) „Брань честныхъ добродѣтелей“, 1737 г.; 12) „Образъ страстей міра сего“, 1739 г.; 13) „О тщетѣ міра сего“ Варлаама Лящевскаго, около 1742 г.; 14) „Благоутробіе Марка Аврелія“, по случаю посѣщенія императрицею Елизаветою Петровною Кіева въ 1744 г. и 15) Панегирикъ ей—

---

[1]) Составленіе этихъ произведеній лежало на обязанности учителей піитики. Ученики иногда лишь могли писать интерлюдіи къ нимъ, какъ даетъ поводъ предполагать аттестація Митроф. Довгалевскимъ ученика піитики Саввы Лебединскаго: „magister comaediae“. (См. рукоп. библ. Кіево-Михайл. монастиря, № 1710. л. 253).

Михаила Ковачинскаго; 16) діалогъ двухъ учениковъ предъ Елизаветою Петровною, 1744 г.; и 17) трагедо-комедія Георгія Конисскаго „о воскресеніи мертвыхъ", 1747 г. [1]), и др. (Со временемъ, можно надѣяться, найдется еще не мало подобныхъ произведеній).

Изъ преподавателей піитики Академіи изслѣдуемаго нами періода съ несомнѣнностью могутъ быть названы слѣдующіе:

1) *Иларіонъ Ярошевицкій* или *Ярошевскій,* учительствовавшій въ 1702 году [2]).

Преподанная имъ піитика, подъ заглавіемъ: „Cedrus Apollinis pharetrati Rossiaco Orpheo ob bicornem extruendam cytharam bino poëseos ac rhetorices stylo instructam pennis gloriae mentibus ac montibus instans, in bicolli Kijovo-Mohyleano Parnasso erecta et ad fluvium Borystenem pegaseis fontibus irrigata *anno 1702*", есть въ библіотекѣ Кіевской духовной семинаріи (рукоп. VIII. 1. 99) [3]).

---

[1]) Драматическія произведенія Кіев. Академіи представляютъ особый интересъ потому, что въ нихъ школьная поэзія наиболѣе сближалась съ народною южно-русскою жизнію. Анализъ содержанія всѣхъ этихъ произведеній, съ указаніемъ исторіи ихъ развитія и опредѣленіемъ ихъ историко-литературнаго значенія, сдѣланъ профес. Н. И. Петровымъ въ „Очеркахъ изъ исторіи Украинской литературы XVIII вѣка", Кіевъ, 1880, и особыхъ статьяхъ въ „Трудахъ Кіев. дух. академіи", 1866 г., ноябрь, стр. 352—388, и 1865, мартъ 311—331.

[2]) Въ 170⁰/₁ учеб. году онъ преподавалъ въ Кіевской Академіи *синтаксиму,* какъ это видно изъ письма митрополита Варлаама Ясинскаго къ митроп. Стефану Яворскому, отъ 29 марта 1701 года. Вызванный въ началѣ 1701 г. въ числѣ другихъ кіевскихъ учителей въ Москву, Ярошевскій не поѣхалъ туда вслѣдствіе болѣзни (См. „Труды Кіев дух. Акад.", 1901 г., ноябрь, стр. 399—404). Что онъ преподавалъ піитику въ 1702 г, говоримъ на томъ основаніи, что на передней доскѣ піитики 1702 г. (заглавіе которой, какъ преподанной имъ въ 1702 г., мы приводимъ ниже) есть замѣтка: „Haec poesis scripta... sub reverendo patre *Hilarione Iaroszewickj,* pie defuncti anno Domini 1704".

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собран, находящ. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 279, № 241. Когда на рукописи, содержащей запись лекцій, читанныхъ въ Кіев. Академіи, стоитъ *одинъ* годъ, а въ самой рукописи нѣтъ никакихъ хро-

2) *Иларіонъ Мигура-Плаксичъ*—около 1703—4 г. [1]);
3) *Өеофанъ Прокоповичъ*—въ 1705—6 г. [2]).

Одинъ экземпляръ его піитики, озаглавленной: „De arte poëtica libri III, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kijoviae in orthodoxa Academia Mohyleana anno Domini 1705 [3]), есть въ библ. Кіев. дух. Академіи подъ знакомъ: I. Ш. 93. 14 [4]); четыре экземпляра—въ библ. Кіевской духовной семинаріи, подъ значками: VIII. 1. 86; VIII. 1. 87 и VIII. 1. 77, л. 1—97, съ тѣми же заглавіями, какъ и академическій экземпляръ; и VIII. 1. 111, л. 1—88, безъ заглавія [5]); и одинъ экземпляръ—въ библ. Кіево-Печерской Лавры, подъ значкомъ XI, 110 (Лаврскій экземпляръ озаглавленъ: „Liber de arte poëtica in duas classes divisus, nempe in ligatam et solutam orationem, itaque

---

нологическихъ датъ, какъ, напр., на указанной піитикѣ Яроmевскаго, то трудно угадать, какъ его понимать: въ смыслѣ гражданскаго года, составляющаго первую,—или въ смыслѣ гражданскаго года, составляющаго вторую половину учебнаго года; вѣроятно, годъ, поставленный въ началѣ учебника, означаетъ первую половину учебнаго года.

[1]) См. выше, списокъ учителей синтаксимы.

[2]) В. Аскоченскій („Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею, ч. I, стр. 307) считаетъ его учителемъ піитики съ 1704 г. Справедливо ли это, или нѣтъ,—рѣшить трудно. Приводимыя нами заглавія піитики Прокоповича называютъ его учителемъ этого класса въ 1705 и 1706 г., такъ что его учительство мы относимъ на 170⁵/₆ уч. г., не простирая на 170⁴/₅, на что пока не имѣется твердыхъ основаній.

[3]) Предъ піитикой Прокоповича было преподано краткое риторическое руководство для приступающихъ къ поэзіи: „Arctos in Parnasso Mohilo-Mazepiano exorta, neoequites humanioris literaturae orthodoxos Pegasum gerentes bino idearum cursu ad altiora tam ligati, quam soluti eloquii culmina evehens anno, quo bella parat Rossus spreto de Caesare Mota, т. е. 1705 года, см. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. I. 111., л.л. 89—115, ср. указаніе на него въ рукоп. той же библ. I. Ш. 90, л. 231.

[4]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукописей церк.-археол. музея при Кіев. дух. Академіи, вып. 2, 1877 г., стр. 385, № 417.

[5]) Его же, Описаніе рукоп. собр., находящихся въ г. Кіевѣ, вып. I, стр. 281—2; №№ 246, 247, 248 и 245.

in collegio Kijovo-Mohylaeano tractatus anno, qUo orbeM Cara Dej soboLes Ingressa peralta, т. е. 1706 г. [1])).

4) *Лаврентій Горка*—въ $170^7/_8$ г. [2]).

Одинъ экземпляръ его піитики, подъ заглавіемъ: „Idea artis poeseos ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae tradita in orthodoxa Academia Kijoviensi a R. Patre Laurentio Gorka, professore poeseos, anno, quo Praesule Barlaamo Kijoff detracta parentat...., scilicet 1707,—есть библ. Кіев. дух. Акад. (0.4.7) [3]), а другой—въ рукописи библ. Кіево-Михайл. монастыря (№ 1721, л.л. 175—415);

5) іером. *Максентій Щирскій*—въ 1708 году [4]).

6) *Паисій Клепицъ*—въ 1709 г. [5]).

Экземпляръ преподанной имъ піитики есть лишь въ библ. Кіево-Софійскаго собора (подъ № 463); она озаглавливается такъ: „Lyra Heliconis intra regiam aviti tentorii supremi domini mecaenatis patris pastoris illustrissimi san-

---

[1]) Ibid. вып 2, стр. 108, № 306.

[2]) См. заглавіе преподанной имъ піитики. В. Аскоченскій въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о немъ (ч. 2, стр. 47) объ учительствѣ его въ Академіи не упоминаетъ.

[3]) Н. И. Петрова „Описаніе рукоп. церк.-археол. музея“, стр. 387, № 420.

[4]) В. Аскоченскій, ч. 2, стр. 9—11, подробно описываетъ картину, (сохранившуюся ли гдѣ-либо до сей поры,—не знаемъ), исполненную Максентіемъ Щирскимъ, учителемъ поэтики (что обозначено въ приводимой В. Аскоченскимъ надписи внизу картины), и поднесенную отъ лица Академіи осенью 1708 г. Кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому.

[5]) На послѣднемъ бѣловомъ листкѣ преподанной имъ піитики замѣчено: Finitus hic labor anno Domini 1709 sub reverendo piae memoriae patre Paisio Klepic, qui tempore pestis Kijoviae fates ccssit; значитъ, онъ умеръ въ началѣ 1710 г., когда въ Кіевѣ свирѣпствовала моровая язва (См. В. Аскоченскаго „Кіевъ съ древн. его учил. академіею“, ч. 2, стр. 12; см. рукоп. библ. Кіев. духов. семинаріи VIII. 1. 16, л.л. 474 на обор. и 484, гдѣ есть двѣ замѣтки о церковныхъ процессіяхъ съ иконою Братской Богоматери въ маѣ 1710 г., во время моровой язвы; см. Н. И. Петрова „Опис. рукоп. собр“, вып. I, стр. 262).

ctissimo digito citata atque geminum solutae nempe et ligatae orationis melos in alma MohiloMa (*χερiana*) Academia Roxolanis neovatibus ejusdem benedictionis auspiciis concinnans..., sub reverendo patre Paisio Klepic.

7) *Симонъ Кохановскій*—въ $17^{10}/_{11}$ г. [1]).

Піитики: 1) 1713 г.: De arte poetica libri quatuor, ligatae et solutae orationis doctrinam complectens, ad usum et institutionem studiosaé juventutis Roxolanae in Collegio Kiiovomohileano, dictati anno Domini 1713,—находящаяся въ библ. Черниговской дух. семинаріи [2]); 2) $17^{18}/_{19}$ г.—Himethus extra Atticam duplici tramite neovatibus scandendus, sev Poësis bipartita tum ligatae, tum solutae orationis praeceptionibus instructa Roxolanaeque iuventuti in Collegio Kijovo-Mohil. proposita Anno, quo Turca ab deleto pax nata gubernat in orbe hJC DoMJnans terrJs Cara teraXque VJret (по сложеніи большихъ числительныхъ буквъ получается 1719 годъ)—въ библ. Кіево-Печерской Лавры (XI, 122); 3) $17^{19}/_{20}$ г.:—Parnassus aliis Apollinis Cithara nobis exercitium poëticum in Collegio Kievo-mohilano traditum et explicatum anno Verbi Incarnati 1719 in annum 1720—въ библ. Кіево-Михайл. мон. (№ 1718, т. II, л.л. 1—157) и въ библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 96) [3]); 4)—1721 г.: Fons Poëseos..., (въ которой приведенъ примѣръ хроностическаго стиха на 1721 г. [4])—въ библ. Кіево-Печерской

---

[1]) Кіевская Старина, 1884 г., іюль, стр. 545—6 („Многолѣтіе, возглашенное въ г. Кіевѣ въ началѣ XVIII столѣтія“).

[2]) М. И. Лилеевъ, Описаніе рукописей, принадл. библ. Черниговской духовной семинаріи, СПБ., 1880, стр. 204—5, № 182.

[3]) См. Н. И. Петрова „Описаніе рукоп. собр.“, вып. 1, стр. 283, № 252.

[4]) См. 174 л. этой рукописи; тутъ подъ поэтическими упражненіями есть слѣдующія имена студентовъ: Іоаннъ Квитка, Симеонъ Сулима, Іоаннъ Скутневскій, Іоакимъ Тропцкій, Андрей Горленко, Павелъ Суковичъ, Маркъ Маркевичъ, Стефанъ Лукомскій, Григорій Венерацкій и Димитрій Кармазинскій.

Лавры (XI. 119) и 5)—1722 г.: Apollo musaeo Rossiacae Palladis praesidens sev praecepta Poëseos explanans anno, quo cara salus visit Rossos in pace togata 1722,—въ библ. той же Лавры (XI, 120),—преподаны неизвѣстно кѣмъ.

8) *Нектарій Трояновскій*—въ $17^{23}/_{24}$ г. [1]).

Піитика: Via poëtarum ad fontes Castalidum vario genere tam ligatae, quam solutae orationis redundantes annuo cursu trita atque in tres metas divisa, quarum prima in se includit constructiones artis Poëticae, secunda—praecepta periodorum et chriae, tertia—epistolarum anno facti Viatoris de coelo in terram Dei 1724, *sub reverendissimo patre professore Nectario Trojanowski*—есть въ библ. Кіево-Софійскаго собора (№ 481) и въ библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 101) [2]).

Піитика 1724—25 г.: Adagia ad usum Roxolanae juventutis,—неизвѣстно кѣмъ преподанная,—есть въ библ. Кіевской дух. Академіи (Р. Муз. № 533).

9) *Митрофанъ Слотвинскій* въ $17^{26}/_{27}$ г. [3]).

Его піитика, безъ заглавія, есть въ библ. Кіев. дух. Академіи (I. III. 92. 13) [4]).

---

[1]) На учительство его въ отмѣченное время указываетъ приводимое нами заглавіе экземпляра риторики этого года, хранящ. въ библ. Кіево-Соф. собора.

[2]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ, вып. I, стр. 284, № 254. Въ заглавіи рукописи библ. Кіев. дух. семинаріи нѣтъ словъ, напечатанныхъ курсивомъ.

[3]) Въ піитикѣ, приписываемой нами ему, есть надпись: „sub reverendissimo professore Mitrophano Slotvinski“ (См. „Описаніе рукописей церк.-археол. музея при Кіев. дух. Академіи“, Н. И. Петровъ, стр. 387—388, № 421). Въ $17^{27}/_{28}$ г. Слотвинскій былъ уже учителемъ философіи и префектомъ бѣлгородскихъ школъ; см. „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, В. Пекарскаго, т. I, VI, стр. 109—110; сн. Описаніе докум. и дѣлъ, хран. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII, прилож. VIII, ст. CXXXV.

[4]) Н. И. Петровъ, Опис. рукоп. церк.-археол. муз., стр. 387—8, № 421.

10) *Иннокентій Нероновичъ* [1])—въ $17^{27}/_{28}$ г. [2]).

Преподанная, вѣроятно, имъ піитика, подъ заглавіемъ: Bicollis Parnassus..., есть въ библ. Кіево-Михайл. монастыря (№ 1731) [3]).

11) *Ѳеофанъ Трофимовичъ*—въ $17^{28}/_{29}$ г. [4]).

Одинъ экземпляръ его піитики, подъ заглавіемъ: Via ingenuos Poëseos candidatos in Bicollem Parnassum et ad prima Palatii eloquentiae atria ducens et iisdem in Kijovo-Mohilaeano orthodoxo Collegio ostensa et retecta anno Domini 1729, sub reverendissimo patre Theophano Trochymowicz, tradente Poësim anno Domini 1729,—есть въ библ. Кіево-Печерской Лавры (XI, 118, ч. I-я), а другой—въ библ. Кіево-Софійскаго собора (№ 477, л. 1—69).

12) *Варнава Старжицкій* въ $17^{29}/_{30}$ г. [5]).

---

[1]) Посвященъ въ монашество по указу Св. Синода отъ 26 февраля 1725 г. (Полное собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. Росс. имперіи, т. V, № 1490).

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII. прил. VIII, ст. CXVI. (Реестръ учителей и учениковъ въ коллегіумѣ Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающихся, року 1727 поданный). Въ половинѣ 1728 г. онъ былъ вызванъ въ Москву въ учителя риторики (ibid. т. VIII, № 338, ст. 336).

[3]) Піитика эта (in 4°, на 144 листкахъ) не имѣетъ въ себѣ никакихъ указаній ни о составителѣ ея, ни о времени ея составленія. Но въ той же библіотекѣ Кіево-Михайл. монастыря въ рукоп. № 1702, на л.л. 30—60, есть датированное 1727 годомъ *введеніе*, очевидно, къ курсу этой піитики, такъ какъ оно озаглавлено слѣдующимъ образомъ: „Prodromus ad *bicollem Parnassum* Apollo neopoëtis Roxolani Jovis eximiis decoribus tum via Claudia Poëseos, tum via latina periodorum, demum via regia epistolarum praesentatus anno Domini 1727". На этомъ основаніи и самую піитику „Bicollis Parnassus" мы относимъ къ 1727 г. и рѣшаемся приписать ее Нероновичу, какъ состоявшему въ $17^{27}/_{28}$ г. учителемъ піитическаго класса.

[4]) См. заглавіе преподанной имъ піитики. Съ 1729 г. онъ былъ архидіакономъ (Описаніе докум. и дѣлъ хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. X, ст. 464, № 273). Съ 1733 г. онъ состоялъ игуменомъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря („Кіев. Старина", 1889, № 6, стр. 76 прилож., ср. стр. 71).

[5]) См. заглавіе перваго указываемаго нами экземпляра преподанной имъ піитики и замѣтку на оборотѣ заглавнаго листа въ Лаврскомъ экземплярѣ.

Два экземпляра его пiитики, озаглавленной: Tabulae praeceptorum Poëseos in parnasso Kijovomohilaeano traditae atque ad usum Roxolonae juventuti per capita et puncta explicatae ex anno Raeparationis nostrae 1729 in annum 1730 repraesentatae neouatibus, sub reverendissimo patre Barnaba Starzicki — есть въ библ. Смоленской дух. семинарiи (A. 870. 0.5 и A. 871. 0.6) [1]) и одинъ въ библ. Кiево-Печерской Лавры (XI. 109) [2]).

Пiитика: Fons castalidum variis conceptuum tam solutae, quam ligatae orationis rivis scaturiens de bicolli Petro-Mohiliano Parnasso aurea alati Pegasi solea excussus ad uberriores artium scientiarum ve fontes proficiscenti ingenuae juventuti Roxolanae ob reficiendas vires apertus et concessus anno ab incarnatione aeterni Verbi Divini 1731 Ianuarii 11,—неизвѣстно кѣмъ преподанная, есть въ библ. Кiевской дух. семинарiи (VIII. 1. 78; л.л. 110—172) [3]).

13) *Iеронимъ Миткевичъ*—около 1732—3 г. [4]).

14) *Гервасiй Линцевскiй*, по всей вѣроятности, съ сентября 1734 г. до 16 января 1735 г. [5]).

---

[1]) См. составленное нами „Описанiе рукописныхъ собранiй, находящихся въ г. Смоленскѣ", Смоленскъ, 1901 г., вып 1, стр. 33—34, №№ 45 и 46.

[2]) Этотъ экземпляръ писанъ, кажется, рукою самого Старжицкаго. На оборотѣ заглавнаго листа есть такая замѣтка: „Haec Poësis ex libris Barnabae Starzycki, per quem etiam et tradita est Kijoviae, anno in fronte suprascripto (т. е. 1729—30).

[3]) Н. И. Петровъ. Описанiе рукоп. собр., наход. въ г. Кiевѣ, вып. 1, стр. 285. № 259.

[4]) Архивъ Кiев. дух. конс., д. 1740 г., № 220, гдѣ упоминается (Петровымъ уроженцемъ г. Козельска, учившимся въ Кiевской Академiи) о немъ, какъ учителѣ пiитики въ указанное время. Вѣроятно, послѣ учительства въ пiитикѣ Миткевичъ былъ назначенъ префектомъ Академiи' (См. 1-ю главу настоящаго изслѣдованiя).

[5]) Ibid., д. 1735 г., № 12 (См. выписку изъ этого дѣла въ примѣчанiи къ рѣчи объ учительствѣ въ синтаксимѣ Варлаама Новицкаго). 16 января 1735 г. онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кiево-Михайл. монастыря (ibid.); по Синодальному указу, 24 января 1743 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита

Преподанное имъ, вѣроятно, руководство: Epitome meditationis poëticae circa amplificationis rudimenta cultum orationis utriusque et ligaturam versifice in Academia Russorum orthodoxa Kijovomohylaeana juventuti patriae explicata ex anno Salutis 1734 in annum 1735 octombris die 18, хранится въ библ. Кіево-Софійскаго собора (въ рукописи № 485, л. 1—140).

15) *Варлаамъ Новицкій*—съ 16 января 1735 г. до половины 1736 г. [1]).

Его піитика: Via lactea in praeclaro coelo almae orthodoxae academiae Kijovo-mohilaeano—Zaborovscianae proposita duplici tramite, ligata scilicet et soluta oratione scandenda ingenuis neovatibus Roxolanae juventutis ad bicollem Parnassum notitiam nimirum artis Poëseos et principiorum Tullianae eloquentiae anhelantibus declarata eXtJtJt Ut MUnDJs CeLsa saLUtJs In astra haC oVJUM praesUL DUX RaphaeL fUerat (вѣроятно, 1736 г.) есть въ библ. Кіево-Софійскаго собора (№ 485, л. 140—277) и въ библ. Кіево-Печерской Лавры (XI. 101, часть 2-я рукописи) [2]).

16) *Митрофанъ Довгалевскій*—въ $17^{36}/_{37}$ г. [3]).

и 23 февраля того же года (вмѣстѣ съ іером. Ѳеодосіемъ Сморжевскимъ и іерод. Іоилемъ Врублевскимъ) отправленъ въ Пекинъ къ русской церкви для проповѣди, гдѣ пробылъ около 11 лѣтъ (преемникъ ему, учитель піитики Москов. академіи Амвросій Юматовъ былъ назначенъ 18 марта 1753 г.) Арх. Св. Синода, д. 1756 г., января 15, № 381.

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1735 г., № 12 (см. выше примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ его въ синтаксическомъ классѣ). Въ $17^{36}/_{37}$ г. учителемъ піитики былъ уже Митрофанъ Довгалевскій.

[2]) Піитика, заключающаяся на первыхъ 39 листкахъ рукописнаго сборника библ. Кіев. дух. Академіи (I. Ш. 91. 12; сн. Н. И. Петрова, „Описаніе рукоп. церк.-арх. музея", стр. 390, № 424), и озаглавленная „Praecepta de arte poëtica, in usum Roxolanae juventuti in alma ac orthodoxa Kijovo-Mohylo-Zaborowsciana Academia tradita et explicata, 1735 г., кажется, представляетъ собою экстрактъ изъ піитики Новицкаго.

[3]) См. заглавіе его піитики въ семинарскомъ экземплярѣ; сн. замѣтку въ піитикѣ, находящейся въ рукоп. Кіево-Михайл. мон., подъ № 1710, на обор.

Его піитика: Hortus poëticus legendi gratia flores et fructus ligatae et solutae orationis in alma Kijoviensi Academia. Mohylo-Zaborowsciana in majus alimentum Roxolano abdolonimo ejusque orthodoxae patriae penes Iordanicum et marianum pontum pastinatus anno... (въ заглавіи семинарскаго экземпляра ея стоитъ 1737 г., съ добавленіемъ, что она преподана *sub reverendissimo professore Mytrophane Dowhalewski*) quo eximie lecta urbs gladiis Ozow jussit ut anno Calendis 8—bris 1, 1736,—есть въ библ. Кіево-Михайл. монастыря (№ 1710, л. 1—162) и въ библ. Кіев. дух. семинаріи (VIII. 1. 91).

17) *Сильвестръ Ляцкоронскій*—въ $17^{37}/_{38}$ г. [1]).

18) іеродіак. *Павелъ Канючкевичъ* въ $17^{38}/_{39}$ и $17^{39}/_{40}$ г.г. [2]).

Піитика, преподанная имъ во второй годъ: Regia regis animorum Apollinis, id est Structura Poëseos in supremis Parnassi collibus erecta, generosae juventuti Roxolanae in almo Athenaeo Kijovo-Mohylo-Zaborowsciano anno supremi Regis regum 1739 in annum 1740 ad inhabitandum tradita,—есть въ библ. Кіево-Печерской Лавры (XI. 103, часть 1-я рукописи).

---

161 л.: „Hyeromonachus Mytrophanes Dowhalewskj ordinarius Professor Poëseos", и на л. 194, гдѣ въ концѣ „Комическаго дѣйствія", послѣ 4-го канта Рождеству Христову, замѣчено: „1736 году декабря 25 отправляемое дѣло; авторъ его іерей Митрофанъ Довгалевскій учитель піитики"; ср. д. архива Св. Пр. Синода 1737 г., № 380, т. 1, л. 111, и дал., гдѣ въ вѣдомости объ ученикахъ Кіевской академіи за $17^{36}/_{37}$ у. г. Довгалевскій именуется учителемъ піитики.

[1]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1737 г., № 31, гдѣ есть прошеніе, подписанное Ляцкоронскимъ 10 октября 1737 г. (онъ ходатайствовалъ предъ митрополитомъ за своего брата) въ званіи учителя піитики; сн. Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. 1, л. 375 и дал., вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{37}/_{38}$ учеб. годъ.

[2]) Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. II, л. 799 и дал. и т. III (вѣдомости объ ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{38}/_{39}$ и $17^{39}/_{40}$ учеб. г.г.).

19) *Варлаамъ Лящевскій*—въ $17^{40}/_{41}$ г. [1]).

20) *Сильвестръ Добрына*—въ $17^{41}/_{42}$ и въ $17^{42}/_{43}$ г. [2]).

Піитика, преподанная въ $17^{42}/_{43}$ г., вѣроятно, имъ: Liber de arte poëtica in duas classes ligatam scilicet et solutam orationem divisus et in alma Kijovo-Mohylo-Zaborowsciana Academia publice tractatus ex anno Domini 1742 in annum 1743,. mense septembris 24 die, sub reverendissimo professore Sylvestro *Dobryna* (это слово написано по выскобленному),—есть въ библ. Кіево-Софійскаго собора (XV, 1. л.л. 9—164) [3]);

---

[1]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и академіи, собр В. Асноченскимъ, т. 1, д. № 13 (представленіе учителей отъ 22 августа 1740 г. на $17^{40}/_{41}$ уч. г.); сн. Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. Ш, вѣдомость объ ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{40}/_{41}$ учеб. годъ.

[2]) См. имѣющееся у насъ доношеніе префекта Михаила Ковачинскаго митроп. Р. Заборовскому отъ 6 мая 1742 г., гдѣ Добрына называется учителемъ піитики около 30 апрѣля 1742 г.; сн. Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV, л.л. 145—169, и 612 и слѣд. (вѣдомости объ ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{41}/_{42}$ и $17^{42}/_{43}$ уч. г.г.).

[3]) Эта піитика надписана именами Сильвестра Даниловича и Даніила Яхимовича, и въ концѣ ея (л. 164) замѣчено: „Haec Poësis et chria incepta est ac tradita usque ad tropos a Sylvestro Danilewicz, finita vero a professore hyeromonacho Monasterii Peczariensis Daniele Jakimowicz". Думаемъ, что Сильвестръ Данилевичъ—это Сильвестръ Добрына, названный по отчеству (отецъ его именовался Даниломъ; см. Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. 1, списокъ студентовъ философіи Кіев. Акад. за $17^{36}/_{37}$ учеб. г.). Даніилъ же Яхимовичъ указанъ тутъ, какъ профессоръ, временно заступившій, вѣроятно, мѣсто Добрыны (за болѣзнію или отлучкою послѣдняго) во второй половинѣ учебнаго года. (Что Добрына именно былъ преподавателемъ піитики въ первой половинѣ $17^{42}/_{43}$ учеб. года, это видно изъ упоминанія его въ этомъ званіи 12 ноября 1742 г.—арх. Св. Синода, д. 1742 г. 31 августа, № 589, и 17 января 1743 г.; ibid., д. 1737 г. № 3°0, т. IV, л. 612 и дал.). Считая учительство Даніила Яхимовича въ піитикѣ лишь случайнымъ замѣстительствомъ Добрыны (по неизвѣстной намъ причинѣ), который, повидимому, числился профессоромъ піитики, мы не ставимъ имени Яхимовича въ спискѣ учителей этого предмета.

4 августа 1743 г. Даніилъ Яхимовичъ былъ предназначенъ преподавать риторику въ $17^{43}/_{44}$ г. (См. Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Асоочен., т. 1, д. № 22), такъ какъ Сильвестра Добрыну имѣлось въ виду сдѣлать

21) *Тихонъ Александровичъ*—въ $17^{43}/_{44}$ г. [1]).

Преподанная имъ піитика: Praecepta de arte poëtica ad usum Roxolanae juventutis in alma orthodoxa ac celeberrima Kijovo-Mohylo-Zaborowsciana Academia tradita et explicata anno 1743 ad nobiles poëseos auditores, Reverendis. patre T. Alexandrowicz [2]), есть въ библ. Кіево-Печерской Лавры, въ двухъ экземплярахъ (въ рукописи XI, 103, часть 2-я, и XI, 92, тоже вторая часть рукописи [3]).

академическимъ проповѣдникомъ (ibid.; быть можетъ, Сильв. Добрына въ концѣ $17^{42}/_{43}$ учеб. г. и состоялъ уже такимъ проповѣдникомъ, почему Яхимовичъ нѣкоторое время и преподавалъ піитику). Яхимовичъ состоялъ въ числѣ братіи Кіево-Печер. Лавры; 8 августа 1743 г. лаврскому архимандриту была послана просьба выслать Яхимовича (вмѣстѣ съ другими монахами, предназначенными на учительство) въ Академію (Арх. Кіево-Печер. Лавры, 1-я связка дѣлъ, л. 120). Яхимовичъ, по болѣзни, отказался отъ преподавательской службы (см. вышеуказанное дѣло изъ „Актовъ“, собр. В. Аскоченскимъ). Вслѣдствіе этого отказа Яхимовича и, затѣмъ, отказа отъ учительства въ философіи Варнавы Старжицкаго (см. ниже списокъ учителей философіи), учредить должность проповѣдника не пришлось, и Сильвестръ Добрына былъ опредѣленъ преподавать риторику.

[1]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 22; мнѣніе объ учителяхъ на $17^{43}/_{44}$ учеб. г.; Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л. 54—76. (Вѣдомость объ ученикахъ Кіев. Академіи за $17^{43}/_{44}$ учеб. годъ).

[2]) Въ концѣ 4-й ея части, преподанной во второй половинѣ учебнаго года, въ примѣрѣ хроностическаго стиха значится 1744 годъ, слѣдовательно, піитика прочитана въ $17^{43}/_{44}$ учеб. г. Въ концѣ той же рукописи есть Codex totius anni laboris syntacticis, Poëticis et ad finem rhetoricis negotiis refretus atque in celeberrima Academia Kijovo-Mohylo-Zaborovsciana per professorem hyerodiaconum Tychonem Alexandrowicz traditus et explicatus, anno a Christo nato 1743 Septem. 1-ma cum Deo inchoatus; тутъ содержатся упражненія, писанныя въ піитическомъ классѣ.

[3]) Въ „Описаніи рукописныхъ собр., находящ. въ г. Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. 2, стр. 108, № 327, содержаніе Лаврской рукописи XI, 92 указано неотчетливо. Въ этой рукописи 4 части; I-я содержитъ упражненія, писанныя въ піитическомъ классѣ и озаглавленныя такъ же, какъ и вполнѣ однородныя упражненія, находящіяся въ концѣ рукописи XI, 103 (въ послѣдней рукописныхъ упражненій больше); въ заглавіи этой части стоитъ *1744* годъ, и Тихонъ Александровичъ названъ іеродіакономъ (въ августѣ 1744 г. онъ былъ іеромонахомъ; см. находящееся у профессора С. Т. Голубева „опредѣленіе“ учителей на

22) іером. *Гедеонъ Сломинскій*—въ 17^{44}/$_{45}$ г. [1]).

23) *Георгій Кониcскій*, кажется, въ 17^{45}/$_{46}$ г. [2]) и въ 17^{46}/$_{47}$ г. [3]).

Преподанная имъ піитика: „Praecepta de arte poëtica ex autoribus, qui genuinam poëseos rationem attigerunt sum-

---

17^{44}/$_{45}$ г.; въ августѣ же 1743 г.—только—іеродіакономъ; см. Арх. Кіево-Печ. Лавры, 1-я связка дѣлъ, л. 120); но внизу заглавнаго листа есть и 1743 годъ. Во второй части—піитика, съ тѣмъ же заглавіемъ, что и въ рукописи XI, 103; на этой піитикѣ 1743 й годъ поставленъ рукою, кажется, позднѣйшею написанія піитики; въ третьей—риторика 1744 г. и въ четвертой—риторическія упражненія, начатыя 10 октября (разумѣется, 1744 г., со второй половины котораго Александровичъ учительствовалъ въ риторикѣ).

[1]) Донесеніе (оно у профес. С. Т. Голубева) ректора академіи Сильвестра Кулябки митрополиту Рафаилу Заборовскому въ августѣ 1744 г., съ представленіемъ учителей на 17^{44}/$_{45}$ учеб. г., гдѣ іером. Гедеонъ Сломинскій поставленъ первымъ кандидатомъ на учительство въ піитикѣ (съ нимъ представленъ былъ „панъ Копѣнскій, который такъ доволній въ поетики, что какъ бы родился въ ней", и „панъ Даніилъ Галяховскій". Послѣднимъ двумъ кандидатамъ долженъ былъ быть предпочтенъ *Сломинскій*, какъ іеромонахъ (См. взглядъ кіевскихъ митрополитовъ на академическихъ учителей—монаховъ ниже). И дѣйствительно, Сломинскій былъ назначенъ учителемъ піитики 20 августа, какъ видно изъ помѣты на томъ же доношеніи, и состоялъ таковымъ въ этомъ учебномъ году. Упоминаніе о немъ, какъ учителѣ піитики, мы имѣемъ отъ 7 января (Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. V, л.л. 345—384, вѣдомость объ ученикахъ Кіевской Академіи съ 12 сентября 1744 г., посланная въ Синодъ 7 января 1745 г., гдѣ Сломинскій подписался учителемъ піитики), отъ 8 марта (доношеніе, переданное нами въ библ. церк.-археол. музея при Кіевской дух. Академіи, ректора Академіи архимандрита Кулябки кіевскому митрополиту отъ этого числа), и отъ 19 іюня 1745 года (переданный нами въ ту же библіотеку рапортъ намѣстника Кіево-Брат. монастыря въ канцелярію кіевскаго митрополита, отъ указаннаго числа).

[2]) 8 августа 1745 г. іеродіаконъ каѳедральнаго монастыря Георгій Кониcскій былъ назначенъ (согласно соотвѣтствовавшему представленію по этому предмету) митрополитомъ на 17^{45}/$_{46}$ учеб. г. преподавать піитику (См. утвержденное митрополитомъ „представленіе" учителей на 17^{45}/$_{46}$ г., у профес. С. Т. Голубева). Вѣроятно, онъ и учительствовалъ весь этотъ годъ, продолживъ свое учительство въ піитикѣ и въ слѣдующемъ году (см. слѣдующее примѣчаніе).

[3]) См. опредѣленіе учителей на 17^{46}/$_{47}$ учеб. г. (Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 28) и заглавіе піитики Кониcскаго.

matim cum pernecessariis observationibus collecta atque ad usum studiosae juventuti in alma ac orthodoxa Academia Mohilo-Zaborowsciana tradita nec non explicata sub Reverendissimo Patre professore Poёseos Georgio Koniski (anno) 1746" есть въ библ. Кіевской дух. Академіи (I. III. 82. 3) и въ библ. Кіево-Софійскаго собора, въ рукописномъ піитическомъ сборникѣ, подъ № 489 (Этотъ экземпляръ не имѣетъ заглавія).

24) іерод. *Іоакинѳъ Карпинскій*—въ $17^{47}/_{48}$ г. [1];

25) *Георгій Щербацкій*—въ $17^{48}/_{49}$ г. [2]; и

26) *Ѳома Гиричичъ*—въ $17^{49}/_{50}$ г. [3]).

Піитика, преподававшаяся всѣми названными учителями, въ своемъ содержаніи представляетъ очень малое и притомъ не особенно существенное разнообразіе, за исключеніемъ лишь руководства, изложеннаго Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Это объясняется тѣмъ, что піитика въ Кіевской Академіи изслѣдуемаго нами времени не была самостоятельною наукою: она (какъ и въ концѣ XVIII в.), въ своемъ внутреннемъ развитіи, рабски слѣдовала піитикѣ латино-польской. Попытку освободить ее отъ такого рабства первымъ сдѣлалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ своею критикою латино-польской піитической

---

[1]) Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187. Тутъ есть доношеніе, поданное Св. Синоду въ мартѣ 1748 г. Кіевскимъ митрополитомъ Тимоѳеемъ Щербацкимъ. Митрополитъ пишетъ, что въ академіи учителемъ піитики состоитъ „отпущенный зъ Бѣлградской епархіи на время для обученія іеродіаконъ". Въ другомъ доношеніи, поданномъ Св. Синоду въ сентябрѣ того же 1748 г. (см. въ томъ же дѣлѣ) митрополитъ пишетъ: „меньшую инструкцію прошедшаго (т. е. $17^{46}/_{47}$ учеб. г.) года обучалъ бывшій поэтики учитель іеродіаконъ Іакинѳъ Карпинскій, который теперь, какъ монахъ Бѣлградской епархіи, отпущенъ въ свою епархію".

[2]) Арх. Св. Синода, д. 1745 г, № 187. Въ доношеніи, поданномъ Синоду въ сентябрѣ 1748 г., митроп. Тимоѳей Щербацкій пишетъ, что учителемъ „въ нинѣшнемъ... 1747 году... греческаго языка и *поэтики* (состоитъ) Григорій Щербацкій" (мірской человѣкъ).

[3]) См. III-е приложеніе къ нашему изслѣдованію.

науки сильно поколебалъ кредитъ послѣдней въ Академіи и значительно ослабилъ то обаяніе, какое производили латино-польскіе іезуитскіе образцы на кіевскихъ ученыхъ, всегда почти рекомендовавшихъ эти образцы въ примѣръ для подражанія своимъ ученикамъ. Самъ Прокоповичъ свою піитику построилъ на чисто классической почвѣ, не внесши въ ея содержаніе ни тѣхъ наростовъ, какіе явились въ піитической наукѣ въ средніе вѣка (курьезные стихи), ни тѣхъ,—какіе были введены въ нее собственно польско-латинскими учеными. При этомъ и въ образцы для піитическаго творчества онъ поставилъ преимущественно произведенія классическихъ авторовъ или же искусныхъ и талантливыхъ подражателей имъ. Какъ существенный плодъ такой реформы Прокоповича, въ исторіи академической піитики первой половины XVIII-го столѣтія необходимо отмѣтить, во 1-хъ, начавшееся со времени Прокоповича, хотя и слабое, сближеніе школьной академической піитики съ народною жизнью[1]), лучшимъ средствомъ для чего явился новый, до Прокоповича не употреблявшійся въ Академіи, родъ драматическихъ произведеній—*трагедокомедія*, и, во-вторыхъ, появленіе въ піитическихъ руководствахъ Академіи послѣ Прокоповича правилъ русскаго стихосложенія, сближающихъ его съ латинскимъ классическимъ стихомъ. Самъ Прокоповичъ почти не коснулся теоріи русскаго стихосложенія. Но онъ, осудивши риѳму въ латинскомъ стихѣ и вообще забавный или курьезный стихъ, этимъ самымъ подорвалъ къ послѣднему уваженіе кіевскихъ піитовъ и далъ имъ толчекъ сопоставлять русскій стихъ не съ курьезнымъ стихомъ (которому русскій стихъ отчасти обязанъ своимъ происхожденіемъ), а съ классическимъ латинскимъ, и въ силу такого сопоставленія исправлять рус-

---

[1]) До Прокоповича академическая піитика не имѣла почти никакой связи съ современною политическою и общественною жизнью. (См. „Труды Кіев. дух. Академіи", 1866 г., ноябрь, стр 362, 368 и др.).

скій стихъ по образцу латинскаго. О русскомъ стихѣ,—который и раньше существовалъ внѣ теоріи, слагаясь по образцу латино-польскаго,—и заговорили кіевскія піитики лишь послѣ Прокоповича. (Прежде, до Прокоповича, говоря о латинскомъ и польскомъ стихѣ, кіевскіе піитики ни словомъ не касались русскаго стиха, что и доказываетъ, насколько велико было ихъ рабство латино-польской піитикѣ), съ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія, постепенно давая рус. стиху все болѣе и болѣе мѣста на ряду съ польскимъ[1]), пока, наконецъ Георгій Конисскій изложилъ правила его составленія значительно шире, чѣмъ польскаго[2]).

Оказавши такое важное вліяніе на дальнѣйшее развитіе піитической науки въ Академіи, реформа Прокоповичевой піитики все-таки не вполнѣ привилась въ Академіи. Правда, одни изъ преемниковъ Прокоповича по каѳедрѣ піитики, дѣйствительно, старались идти за нимъ, излагая въ своихъ урокахъ его теорію и часто приводя въ примѣръ его поэтическія произведенія[3]); но другіе слѣдовали его предшественникамъ или всецѣло[4]), или хотя только отчасти[5]). Отсюда,

---

[1]) См. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 96, л. 105--115; ср. рукоп. библ Кіево-Михайл. мон., № 1721, tract. 1, pars 3, c. 3, appendix, также піитику Тихона Александровича.

[2]) См. рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи J. III. 82. 3, кн. 1, гл. 2. Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ указанной выше статьѣ профес. Н. И. Петрова: „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи".

[3]) См., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, J. III. 82. 3, л. 121—122.

[4]) Напр., непосредственный преемникъ Прокоповича—Лаврентій Горка. Онъ даже о курьезномъ стихѣ, только-что осужденномъ Прокоповичемъ, въ своей піитикѣ распространился съ большею подробностью, чѣмъ кто другой изъ профессоровъ Кіев. Академіи, хотя и назвавъ курьезные стихи „пустыми упражненіями" (рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи О. 7, ч. 1, кн. 3, гл. 6).

[5]) Напр., Георгій Конисскій, особенно чтившій Прокоповича и преимущественно ему слѣдовавшій, не уклонился отъ рѣчи о курьезныхъ стихахъ и, только сказавши о нѣкоторыхъ изъ нихъ, замѣтилъ: Praeter haec multa alia sunt, quae..., ut inutiles, omittuntur (рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, J. III. 82. 4, л. 120).

въ развитіи піитической науки въ Академіи послѣ Прокоповича въ первой половинѣ XVIII вѣка большею частью замѣчается два направленія, параллельно идущія одно съ другимъ: іезуитское латино-польское и ѳеофановское, съ большимъ всетаки преобладаніемъ перваго. И нужно сказать, что, когда піитика преимущественно держится направленія, сообщеннаго ей Прокоповичемъ, она имѣетъ и больше связи съ народною жизнью въ своихъ произведеніяхъ. Это замѣчается, напр., въ интерлюдіяхъ Митрофана Довгалевскаго (являющихся самыми живыми и народными произведеніями, по сравненію со всѣми предшествовавшими имъ піитическими опытами Кіевской Академіи[1]) и отчасти въ трагедокомедіяхъ, написанныхъ въ Академіи послѣ Прокоповича его подражателями.

Преподававшаяся въ Академіи *риторика* въ изслѣдуемый нами періодъ предварялась длинными введеніями (сообщавшими понятія объ ея предметѣ, цѣли, матеріи и пособіяхъ,—въ числѣ послѣднихъ главнымъ образомъ о чтеніи книгъ[2]). Состояла она, какъ и піитика, изъ двухъ частей: общей и частной. *Общая* говорила объ 1) изобрѣтеніи для

---

[1]) См статью Н. И. Петрова: „Мистеріи и комедіи учителя піитики въ Кіев. Академіи іором. Митрофана Довгалевскаго", въ Трудахъ Кіев. дух. Акад, 1865 г., мартъ, стр. 311—331, его же „Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII в.", Кіевъ, 1880 г., и „Кіевскую Старину", октябрь и ноябрь 1897 г, въ приложеніи.

[2]) Отдѣлъ о чтеніи книгъ, нерѣдко помѣщавшійся, какъ мы уже упоминали, въ піитикахъ (см. напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., О. 47, л. 272 и сл.), любопытенъ какъ для опредѣленія тѣхъ источниковъ, откуда студенты Академіи почерпали свои знанія, помимо лекцій, такъ и для характеристики самихъ этихъ знаній. Тутъ для чтенія студентамъ рекомендовались писатели классическаго міра (историки, ораторы, поэты), отцы Церкви (больше западной), и писатели новѣйшіе, „которые удачно (non infeliciter) подражали древнимъ". напр., Perpinianus, Muretus, Manucius, Maiorasius, Famianus Strada, Sannazarius, Sarbievius (рукоп. библ Кіев. дух. Акад. J. Ш. 92 13 л. 137 на обор.), Busieres, Barclaius, Epotorius, Cromerus, Fridro, Puteano Petiot, Plinius polonicus pater Kwiatkiewicz (рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 79, л. 223), и давались совѣты, какъ ихъ читать, и въ чемъ имъ подражать (по Caussin-y).

(прологицій) ораторскихъ произведеній доказательствъ—научающихъ (путемъ общихъ риторическихъ мѣстъ—внутреннихъ и внѣшнихъ) и убѣждающихъ (чрезъ распространеніе мыслей и словъ), о 2) расположеніи и 3) выраженіи ихъ; 4) о памяти и 5) о произношеніи оратора. *Частная* излагала спеціальныя правила для составленія различныхъ видовъ ораторскаго искусства и преимущественно панегирическаго, а отчасти совѣщательнаго и судебнаго.

Какъ наукѣ собственно *краснорѣчія*, риторикѣ часто предпосылался ея преподавателями особый отдѣлъ, предлагавшій ея начинающимъ слушателямъ „риторическое млеко (mammulae eloquentiae“), въ формѣ чистыхъ и изящныхъ фразъ для выраженія одного и того же понятія, чтобы въ стилѣ молодого оратора, имѣющаго эти фразы уже готовыми ad os et manum, не было nil fucati, nil laevati[1]). Отдѣлъ этотъ отличался удивительною скрупулезностью и мелочностью[2]); списывался самими учителями и въ классѣ диктовался учени-

---

[1]) См. рукоп. библ. Кіев. дух. академіи, Р. Муз., № 101, praefatio, л. 1—29.

[2]) Напр., для выраженія мысли: valetudine bona utor предлагались такіе обороты: bene me habeo; mihi bene est; satis commode, satis bene habeo; bene valeo; commode valeo; mihi est, ut volo; quales cupio, vires possideo; viribus utor firmis; roboris, virium, valetudinis habeo satis и т. д. (См. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз , № 101, л. 28 на обор.). Впрочемъ, и вся риторика, желавшая опредѣлить каждый шагъ оратора, изобиловала подобными мелочными правилами; напр., въ рѣчи объ эпистолахъ (правила ихъ составленія вкратцѣ сообщались иногда даже въ синтаксическомъ классѣ; см., напр., въ рукописи библ. Кіево-Михайл. мон., № 1721, л. 164—168: Brevis doctrina de epistolis..., tradita in Syntaxi anno 1707; равно какъ въ немъ же порой диктовались ученикамъ и выбранныя изъ разныхъ авторовъ наиболѣе изящныя выраженія въ алфавитномъ порядкѣ, напоминающія собою mammulae eloquentiae; см , напр., рукоп. той же библ., № 1712, л. 203—222) указывались всѣ возможные способы для обозначенія времени и мѣста составленія ихъ: data vel datum Kijowiae anno Domini, Christi nati, a Christo nato, a Christi natali, a Christi nativitate, post Christum natum, a partu Virginis, a partu virgineo, anno partus salutiferi humanae salutis... 1727 primo die mensis Januarii, tertio Julii... vel ipsis calendis, nonis,

камъ[1]). Соотвѣтственно своему назначенію, онъ и озаглавливался иногда Enchridion oratorum[2]).

Въ самой риторикѣ наибольшею обширностью отличались главы объ изобрѣтеніи доказательствъ и о расположеніи, такъ какъ въ этихъ главахъ трактовалось о такихъ предметахъ, рѣчь о которыхъ не могла быть краткою. Напр., въ главу объ изобрѣтеніи доказательствъ входили толкованія гербовъ, собственныхъ именъ (notationes nominum proprium)[3]), списки примѣровъ, исторій, достопамятныхъ изреченій, притчей или апологовъ, пословицъ, сентенцій, символовъ, гіероглифовъ, древнихъ обычаевъ и т. п.[4]). Отдѣлы такого рода служили „аппаратами“ для прикрасы рѣчи оратора[5]). Въ

---

idibus Januaris, vel Januariis... etc. (см. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. Ш. 92. 13. л. 154—155; ср. рукопись той же библ. Р. Муз., № 101, cap. VII, л. 46—47, буквально сходные между собою).

[1]) Это видно изъ заглавій этихъ отдѣловъ, напр.: Purae elegantes et copiosae latinae phrases ab Aldo Manutio Pauli filio conscriptae usui neorhetorum traditae; см. рукопись библ. Кіев. дух. Академіи, Р. Муз., № 101, заглавный листъ.

[2]) См. рукопись той же библ. J 3. 90. 11, л. 165 (по второму счету); чит. praefatio къ ней и ср. praefatio къ риторикѣ 1747 г., въ той же рукописи, л. 273.

[3]) Рукоп библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. I. 88, ч. 2-я; рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, Р. Муз., № 3, стр. 59 и др.

[4]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, Р. Муз., № 611, л. 159—246: Acervus sententiarum tum sacrarum, quam profanarum neorhetori ad majorem animi illustrationem. eruditionemque..., св. proemium той же рукописи (л. 4); ср. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 88, л. 143—8; VIII. 1. 90. л. 5—10; рукоп. библ. Кіев. дух. Академія. J. Ш. 83. 4, л. 224: Sententiae variae, л. 238: Sententiae ex Seneca и т. п.

[5]) Всѣ подобные „аппараты“ составляли *эрудицію* оратора, подъ которою кіевскіе риторы разумѣли все поразительное для глаза и слуха (Eruditio est admirabile aliquid aut visu, aut auditu; см. Orator e mente Tulliana 1687 г..., cap. 1, § VI, рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1729), и которая не столько нужна была для дѣла, сколько для чванливости оратора (какъ отзывается о ней Прокоповичъ; см. его риторику по рукописи библ. Кіев. дух. Академіи, lib. 1, cap. 6, punct. 1, л. 20). Излагая отчасти такіе аппараты въ классѣ, учители рекомендовали ученикамъ самимъ заводить codex-ы (они дѣйствительно и заводи-

нѣкоторыхъ руководствахъ такіе аппараты излагались въ прикладной части риторики небольшими отдѣлами для каждаго рода ораторскихъ произведеній, вслѣдъ за правилами составленія послѣднихъ [1]). Глава о расположеніи бывала обширною, если въ нее входила рѣчь о періодахъ и хріяхъ, въ случаяхъ недостаточнаго сообщенія о нихъ въ піитическомъ классѣ [2]).

Изъ всѣхъ родовъ ораторскаго искусства наиболѣе обращалось вниманія на эпидиктическія рѣчи (относившіяся кіевскими риториками къ изъяснительному роду краснорѣчія) панегирическаго характера, напр., рѣчи поздравительныя на праздники, дни рожденія, именины, брачныя, благодарственныя, просительныя и т. п. Причиною этого служили тѣ же обстоятельства, которыя и піитику больше останавливали на привѣтственныхъ стихахъ и кантахъ,—обстоятельства академической жизни, и жизни юго-западной Руси, гдѣ красно-

---

лись, какъ можно судить по немалому числу сохранившихся ихъ экземпляровъ) и, раздѣляя ихъ на двѣ половины, въ одну вписывать изъ читаемыхъ книгъ voces rariores..., metaphorae elegantiores, adagia phrases, laudandi, vituperandi, suadendi, adhortandi formulae, aliique loquendi modi..., въ другую—exempla, ritus et mores gentium, status regnorum, variae res, eventus, prodigia, *fabulae ingeniosiores*... и т. п. (располагая все это въ алфавитно-предметномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ, откуда что взято; рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., J. Ш. 92. 13, л. 137 на обор.)... Эрудиціи подъ часъ получались самого наивнаго, сказочно-чудеснаго характера (въ родѣ. напр., той, которая сообщаетъ о разныхъ чудесныхъ источникахъ, превращающихся въ вино; напившихся изъ нихъ бѣлыхъ овецъ дѣлающихъ черными и черныхъ бѣлыми, а плавающихъ въ нихъ рыбъ—золотистыми; зажигающихъ потушенные факелы и погашающихъ зажженные; о рѣкахъ скорби, уныніи, забвенія; о рѣкахъ, текущихъ вспять и т. п. См. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. Ш. 88 9, pars III, corollar. 3, apparat. 2 на крещенскую проповѣдь, erudit, 4, 1, 10, 5 и 12) лишь бы чѣмъ *начинить* (ad farciendum, Ploleg. c X, § 151, pag. 132 Theologiae Θ. Прокоповича, т., 1, Lipsiae, 1782 г.) ораторское произведеніе,

[1]) См., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи J. Ш. 92. 13. л. 181 и далѣе.

[2]) Подробнѣе о преподаваніи риторики см. въ статьяхъ профес. Н. И. Петрова, въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи, 1867 г., № 3 и 1866 г., № 1.

рѣчіе въ томъ почти и полагалось, „чтобы прилично поздравлять пріятелей, говорить за бокалами благожелательныя рѣчи друзьямъ и торжественнымъ образомъ встрѣчать годовые праздники“ [1])...

Кто былъ учителемъ риторики въ самомъ началѣ изслѣдуемаго нами времени, т. е. въ 170¹/₂ учеб. году,—не извѣстно. Въ 17⁰⁰/₀₁ г. риторику преподавалъ Іосифъ Туробойскій; изложеніе ея онъ прекратилъ предъ праздникомъ Пасхи въ 1701 г., передавъ чтеніе діалектики въ риторическомъ классѣ больному отцу *Муравскому* [2]). Учительствовалъ ли въ слѣдующемъ—170¹/₂ учеб. году о. Муравскій въ Академіи, и, если учительствовалъ, преподавалъ-ли риторику,—неизвѣстно [3]). Риторическій учебникъ 170¹/₂ учеб. г., озаглавленный: Rostra Tulliana ad formandos in omni arena equites et neotyrones Rossiacos sub Palladis Kijovo-Mohilaeanae scuto militantes et gentiliciis magni heroum principiis Zaporoviensis strenuissimi Martis Joannis Mazepa luminaribus certantes in thaumaturgis nempe divinissimis tutelarium nostrorum Barlaami et Joasaphi fundamentis erecta, praeceptis rhetoricis et variis ad plausum perennem gloriam laboriosissime praxibus munita ac illustrata anno Verbi Incarnati 1701 in Colegio Kijovo-Mohylaeano, есть въ рукописяхъ библіотекъ Кіево-Софійскаго собор. (№№ 460 и 461, л.л. 12—176) и Кіевской духовной Академіи (Р. Муз. № 611).

---

[1]) De arte rhetorica Ѳ. Прокоповича, по рукоп. библ. Кіев. дух. Акад.; lib. 1, cap. 2, л. 10.

[2]) См. Труды Кіев. дух. Академіи, 1901 г., ноябрь, стр. 404. Имя о. Муравскаго было *Діонисій*, какъ видно изъ рукописи библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1—80, гдѣ на л. 118 есть упражненія reverendi patris Dionysii Murawski.

[3]) Мы готовы предположить, что въ 170¹/₂ учеб. году преподавалъ риторику о. Игнатій Миштальскій. Въ означенномъ учебномъ году онъ, видимо, учительствовалъ въ Кіев. Академіи. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1702 г., въ числѣ другихъ лицъ былъ отпущенъ изъ Кіева въ Москву „для ученія въ латинскихъ школахъ“ отецъ Игнатій Миштальскій „въ монастыря Братскаго Кіевскаго“ (Труды Кіев. дух. Академіи, ноябрь, 1901 г. стр. 401—402). Что̀ именно преподавалъ Миш-

Съ $170^2/_3$ г. извѣстны слѣдующіе преподаватели риторики:

1) *Иларіонъ Ярошевицкій* учительствовавшій, кажется, въ $170^2/_3$ и $170^3/_4$ учеб. г.г. [1]).

Риторика преподанная имъ въ $170^2/_3$ учеб. году подъ заглавіемъ: Oriens illustrissimus Jasinscianae Cynthiae Tulliano coelo currenti per altissimi virtutem illustrissimum tentorium abbatis Peczariensis obumbrantem foederatus, sev quatuor oratorii anni partes totam vitam humanam vernante pueritia et adolescentia, aestate floridae juventutis, autumno virili et bruma senum complectens a neorhetoribus Kijoviensibus vitae in eloquentia formandae studiose impensae, anno, quo eloquens in terris Verbum primam infantiae adiit aetatem 1703, sub reverendo patre Ilarione Jaroszewicki, cui aeterna sit requies, есть въ рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 95 [2]).

тальскій въ указанномъ году,—отвѣтомъ на это, пожалуй, могутъ служить такія слова изъ черноваго списка учителей Кіев. Академіи, составленнаго въ 1760-хъ годахъ (онъ хранится въ архивѣ Кіев. дух. конс.). „Іеромонахъ Игнатій Миштальскій, намѣстникъ Братскій Кіевскій, былъ учителемъ школы піитики и *риторики*; преставился въ моровое лѣто 1709“ (Сказанное такъ въ спискѣ учителей риторики почти буквально повторено и въ тоговременномъ спискѣ учителей піитики). Этими словами послѣднимъ учительствомъ Миштальскаго въ Кіевѣ считается *риторическое*. Если Миштальскій не учительствовалъ тутъ, по возвращеніи изъ Москвы, предъ намѣстничествомъ въ Братскомъ монастырѣ, то, очевидно, въ Москву онъ уѣхалъ послѣ преподаванія въ Кіевѣ *риторики* въ $170^1/_2$ учеб. году. Сколько времени (годъ или болѣе) преподавалъ онъ риторику, и предъ нею піитику,—неизвѣстно.

[1]) На учительство его въ $170^2/_3$ учеб. году указываетъ заглавіе риторики, относимой нами къ этому году. Въ этомъ заглавіи (сдѣланномъ послѣ смерти Ярошевицкаго, т. е. не ранѣе конца 1704 г., см. ниже, списокъ учителей философіи) говорится, что риторика преподана въ 1703 г. Другая риторика, приписываемая нами Ярошевицкому, какъ видно изъ ея заглавія, начата осенью 1703 г., значитъ преподана въ $170^3/_4$ учеб. году.

[2]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 279, № 242.

Риторика, преподанная въ $170^3/_4$ г. подъ заглавіемъ: Arbor Tulliana Jasinsciano de caelo illustrissimis gratiarum syderibus collustrata et inundata ad gemmeas Borysthenis undas ampliata mystico Jordanis per ss. Triadem fluvio tunc sacrata, dum lignum aeternae vitae crux virgineum in tempore fructum semper boni nunquam mali contulit Christum anno 1703, septembri 21, есть въ рукописи той же библіотеки VIII. 1. 88[1]).

2) *Ѳеофанъ Прокоповичъ*—въ $170^6/_7$[2]) учеб. г.

Преподанная имъ риторика озаглавливается: De arte Rhetorica libri X pro informanda Roxolana juventute utriusque eloquentiae studiosa bono religionis et patriae a Reverendo P. Theophano Procopowicz traditi Kijoviae in celebri et orthodoxa Academia Mohylaeana anno Domini 1706. По одному экземпляру ея есть въ библ. Кіев. дух. Академіи I. III. 83. 4[3]) и въ библ. Кіево-Михайл. монастыря (1723); два экземпляра въ библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII 1. 77, л.л. 126—290 и VIII. 1. 103, л.л. 1—224)[4]).

3) *Ѳеодосій Глѣнскій*—около $17^{10}/_{11}$[5]) учеб. г.

---

[1]) Ibid., стр. 280, № 243.

[2]) Время его учительства въ риторикѣ опредѣляемъ въ виду указанія 1706 года въ заглавіяхъ преподанной имъ риторики, при чемъ беремъ во вниманіе его учительство предъ этимъ въ піитикѣ (см. выше) и, затѣмъ, послѣ риторики, въ философіи (см. ниже). И. Чистовичъ („Ѳ. Прокоповичъ и его время“, стр. 9) говоритъ, что Прокоповичъ перешелъ въ классъ риторики въ 1706 году.

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-арх. музея при Кіев. дух. Академіи, стр. 385, № 418.

[4]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 282, №№ 248 и 249. И. Чистовичъ („Ѳ. Прокоповичъ и его время“) говоритъ, что экземпляры риторики Прокоповича есть въ библ. Черниговской, Новгородской и Вологодской дух. семинарій.

[5]) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII столѣтія („Кіевская Старина, 1884 г., іюль, стр. 545—6). Въ 1722 г. мы видимъ Глѣнскаго намѣстникомъ Кіевскаго Петро-Павловскаго мон. (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1731 г., № 913), въ 1730 г. игуменомъ Кіевскаго Кирилловскаго монастыря (Описаніе докум. и дѣлъ, хран. въ арх. Св. Пр. Синода, т. X, № 273).

Риторика (Emprorium oratoriae facultatis...), находящаяся въ библ. Кіево-Печерской Лавры (XI, 128), вѣроятно, преподана имъ [1]), или же ее преподалъ

4) *Гедеонъ* [2]) *Вишневскій* около 1712 г. [3]).

Риторика 1713—14 г.: Methodus parandae omnis eloquentiae secundum doctrinam et praecepta Cypriani Soarii accomodata ad captum et praxim faciliorem studiosae Roxolanae juventutis in Colegio Kijovo Mohylaeano proposita anno Domini 1713, mense septembri 15—есть въ библ. Кіев. дух. семинаріи (VIII. 1. 98) [4]) и въ библ. Черниговской духовной семинаріи [5]).

5) *Иларіонъ Левицкій*—въ 1716 году [6]).

---

[1]) Думаемъ такъ потому, что въ этой риторикѣ, въ числѣ примѣровъ поздравительной рѣчи, есть поздравленіе ректору Ѳеофану Прокоповичу, ставшему носить имя ректора, какъ онъ самъ говорилъ (Труды Кіев. дух. Академіи, 1865, X, стр. 274), въ 1711 году

[2]) Вишневскій служилъ въ Кіев. Академіи, будучи свѣтскимъ человѣкомъ (В. Аскоч., ч. 2, стр. 47), но какое имя онъ носилъ въ мірѣ,—не знаемъ.

[3]) В. Аскоченскій (ч. 2, стр. 44—6) и архіеп. Филаретъ (Обзоръ рус. дух. литер., кн. 2, стр. 64—5) говорятъ, что въ 1712 г. (въ началѣ или концѣ—неизвѣстно) Гедеонъ Вишневскій уже выбылъ изъ академіи; значитъ въ 17¹¹/₁₂ г. или въ началѣ 17¹²/₁₃ учеб. года онъ преподавалъ риторику, „отклонивши назначеннаго туда о. (Іосифа) Волчанскаго“ (См. письмо Ѳ. Прокоповича къ профессорамъ Академіи въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, 1865 г., январь, стр. 151—2).

[4]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., наход въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 283, № 251.

[5]) Лилеевъ, Описаніе рукоп., принад. библ. Черниго. дух. семин., стр. 205, 183.

[6]) См. заглавіе его риторики. Вѣроятно, онъ былъ учителемъ риторики до половины 1719 г., до перехода въ философскій классъ. Въ библ. Смоленской дух. семинаріи есть Epitome sev praeambulum philosophicae artis nobili juventuti in Tulliano limite traditum, ad faciliorem normam sev modum in eundo in grates nobilis doctrinae Aristotelicae germinantes hortos Duce ac Magistro adm. r. p. Hilarione Lévicki anno 1717 enunciatum,—Рукоп. А. 849. О. I, л. 98—127, съ такою замѣткою въ концѣ: tradita et descripta anno Domini 1718 (См. наше „Описаніе рукописныхъ собраній, находящ. въ г. Смоленскѣ, вып. 1, Рукописи на латинскомъ языкѣ Смоленской семинарской библіотеки, Смоленскъ 1901 г. стр. 32, №13).

Его риторика: Classis oratoria inter Tulliana flumina fructibus eloquentiae impleta in Collegio Kijovo-Mohylaeana tradita, anno Domini 1716, sub reverendissimo patre (J) Larion Lewicki—есть въ библ. Кіево-Печерской Лавры (XI, 105).

6) *Веніаминъ Богацкій*—въ $17^{20}/_{21}$ г. [1]).

Его риторика: Opus de arte rhetorica, in 4 libros divisum instituendae Roxolanae juventuti pro modo ac faciliore norma bene dicendi in insigne religionis orthodoxae patriae suae et avitae domus augmentum traditum in almo Collegio Kievomohylaeano anno Dominis 1720— есть въ библіотекахъ Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1720, часть 2-я рукописи. Тутъ приведенное заглавіе риторики продолжено словами: sub reverendo P. Веніаминъ Bogacki, professore classis Rhetoricae ordinario), Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 79, л. 1—214. Тутъ заглавіе рукописи продолжено: sub reverendissimo ac piissimo patre Beniamin Bogacki) [2]) и Смоленской дух. семинаріи (А. 849. О. 1. л.л. 1—97. Тутъ въ заглавіи, послѣ слова traditum, сказано: professore reverendissimo Veniamino Bogacki) [3]).

7) *Иларіонъ Негребецкій*—въ $17^{22}/_{23}$ г. [4]).

Его риторика: Certantibus argo Boristheni fixa ad fortunatas eloquentiae insulas Rossiacum Jasonem revehens sev Modus omni praeceptionum genere atque regulis ad perfectio-

---

[1]) См. его риторику. Пожалуй, онъ учительствовалъ въ риторикѣ съ половины 1719 г., преемствуя Левицкому, до половины 1722 г. Въ 1730-хъ годахъ онъ состоялъ въ числѣ братіи Кіево-Пустынно-Николаев. мон. (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1752 г., № 21).

[2]) Н. И. Петровъ, Опис. рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 283, № 253.

[3]) Д. Вишневскій. Описаніе рукоп. собр., наход. въ г. Смоленскѣ, вып. 1, рукописи на латин. языкѣ Смолен. семинарской библ., Смоленскъ, 1901 г., стр. 32, № 43.

[4]) Въ его риторикѣ (въ библ. Кіево-Михайл. мон.) есть замѣтка на 102 и 155 л.л.: „Exaravit Michael Dowhalewski... sub reverendissimo magistro Hilarione Nehrebecki... anno Domini 1723“.

rem scientiae notitiam Rhetorices dirigens ad superandos difficultatis scopulos expositus anno, quo Argo Spiritu Divino deaurata salutem Orbi naufrago exposuit 1722—есть въ библіотекахъ Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1730), Кіево-Печерской Лавры (XI, 108) и Смоленской духовной семинаріи (А. 861. О. 13)[1].

8) *Стефанъ Калиновскій* въ $17^{27}/_{28}$ г.[2]).

Его реторика: Institutionum rhetoricarum libri IX Roxolanae juventuti in Collegio Kijovo-Mohylaeano traditi et explicati anno Domini 1727 sub sapientissimo ac religiosissimo patre Stephano Kalinowskj—есть въ библіотекахъ Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 81, л. 12—101)[3]) и Кіевской духов. Академіи (J. III. 92. 13, л. 139—330)[4]).

---

[1]) Въ этомъ экземплярѣ заглавіе не сохранилось. См. указанное наше „Описаніе рукоп. собр., находящ. въ г. Смоленскѣ, вып. 1, стр. 33, № 44.

[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI, гдѣ въ „Реестрѣ учителей и учениковъ, въ коллегіумѣ Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающихся, року 1727 поданномъ“ (см. выше болѣе точное опредѣленіе времени составленія этого реестра) онъ именуется учителемъ риторики. Въ концѣ $17^{27}/_{28}$ учеб. года (позже марта мѣсяца) онъ, по одному преданію, одновременно съ риторикой будто преподавалъ и философію. Послѣ 19 марта 1728 г. Синодъ предписалъ кіевскому архіепископу Варлааму Ванатовичу выслать въ учителя въ Москву, въ числѣ прочихъ лицъ, и Калиновскаго. Ванатовичъ въ отвѣтѣ Синоду просилъ оставить Калиновскаго въ Кіевѣ „при *проходимой имъ должности* учителя *риторики* и философіи“ (Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII, № 193, стр. 206). Разъясненіе этого см. ниже, въ спискѣ учителей философіи. Кто преподавалъ риторику въ слѣдующемъ ($17^{28}/_{29}$) учеб. году, неизвѣстно. Отъ этого года сохранилась риторическая тетрадь (Sylloge duplex quaestionum alta, alta exercitiorum rhetoricorum juventuti eloquentiae studiosae in orthodoxo Collegio Kijovo-Mohilaeano proposita anno Domini 1729), экземпляры которой, съ обозначеніемъ 1729 года, есть въ библіотекахъ Кіевской дух. семинаріи (въ рукописи VIII. 1. 81, л.л. 152—184) и Кіево-Михайлов. монастыря (№ 1702, л.л. 107—128; ср. рукоп. № 1711, т. 2, л. 1—25).

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., находящ. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 284, № 258.

[4]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея, стр. 387—8, № 421.

9) *Игнатій Бузановскій*—въ $17^{29}/_{30}$ г.[1]).

Его риторика Congeries praeceptorum rhetoricorum cum praxibus variis orthodoxae Roxolanae juventuti ad usum proposita in Academia Kijevo-mohileana anno Domini 1729, sub reverendo Patre Ignatio Buzanowski—есть въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1711, часть 1-я рукописи), Кіево-Печерской Лавры (XI. 118, часть 1-я рукописи. Въ заглавіи этого экземпляра сказано, что риторика преподана a doctissimo magistro Ignacio Buzanovski) и Кіевской духовной Академіи (J. III. 89. 10, часть 1-я рукописи, съ обозначеніемъ, что она преподана въ 1729—30 г.г., но безъ указанія—кѣмъ)[2]).

10) *Іасифъ Оранскій*—въ $17^{30}/_{31}$ г.[3]).

---

[1]) См. заглавія преподанной имъ риторики.

[2]) Н. И. Петровъ. Опис. рукоп. церк.-археол. музея при Кіев. дух. акад. стр. 388—9, № 422.

[4]) Въ чисто случайномъ документѣ архива Кіевской духовной консисторіи,—прошеніи къ митрополиту Ивана Каменскаго о посвященіи его во іерея (д. 1739 г., № 59), мы встрѣтились съ такимъ показаніемъ Каменскаго, что онъ учился въ Кіевской академіи отъ аналогіи до риторики, при чемъ риторику слушалъ сначала въ Черниговскомъ коллегіумѣ годъ „подъ отцемъ Болдинескимъ", а затѣмъ уже три года въ Кіевской академіи: „подъ отцемъ Оранскимъ годъ, другой подъ отцемъ Скорачинскимъ и Кувичинскимъ, третій годъ подъ Кулябкою". 19 октября 1739 г. Сильвестръ Кулябка (въ то время префектъ и учитель богословія) писалъ митрополиту въ аттестаціи Каменскаго, что послѣдній „слушалъ риторику подо мною въ 1733 году, когда я первый годъ риторику трактовалъ". Спрашивается, кто такіе были Оранскій, Скорачинскій и Кувичинскій, и въ какое время каждый изъ нихъ преподавалъ риторику? Преподавали они предъ Кулябкой. Когда же *первый годъ* преподавалъ Кулябка? Былъ ли это $17^{32}/_{33}$ учебный годъ, или же $17^{33}/_{34}$? Самъ Кулябка въ своемъ доношеніи митрополиту Забоговскому отъ 8 марта 1745 года, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе о себѣ, что онъ „неослабно учительство производитъ чрезъ тринадцать годъ", но и изъ этихъ словъ нельзя вывести *точно*, съ какого именно учебнаго года сталъ учительствовать Кулябка, а затѣмъ и того, съ какого класса онъ началъ свою педагогическую дѣятельность. А въ документахъ несомнѣннаго рода нѣтъ извѣстій объ учительствѣ Кулябки до начала $17^{33}/_{34}$ учебнаго года...

Нѣкоторый свѣтъ на все это проливаютъ другіе случайные документы. Въ архивѣ той же консисторіи, въ запискѣ, составленной позже 1763 года и оза-

Его риторика: Hortus variis praeceptorum Rhetorices floribus venustus ad ornandam Roxolanam juventutem in Tullianis

---

главленной: „О Случчинѣ, какъ она пришла во владѣніе князей Радзѣвиловъ", въ спискѣ Слуцкихъ архимандритовъ мы читаемъ слѣдующее: „1732 (*годъ*). Архимандритъ Іосифъ Оранскій, *бывый учитель* академіи кіевскія *школы риторики*, постриженецъ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго монастыря, произведенъ въ сей Слуцкій монастырь во архимандрита 1732 года іюля 2 дня и былъ 1744 года" (Затѣмъ, Оранскій былъ архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры, въ каковомъ званіи и умеръ). Значитъ, въ словахъ Каменскаго подъ Оранскимъ нужно разумѣть *Іосифа* Оранскаго, который преподавалъ риторику предъ іюлемъ мѣсяцемъ 1732 года. Кто былъ Скорачинскій, неизвѣстно. О Кувечинскомъ (или Кувичинскомъ), именуемомъ Антоніемъ, въ справкѣ (справка эта, кажется, небезупречна въ отношеніи точности. По крайней мѣрѣ, по ней, напр., Стефанъ Калиновскій взятъ изъ Кіева въ 1732 году, а по другимъ извѣстіямъ—въ 1733 г.; (см. списокъ префектовъ въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія) о томъ, „съ состоянія Св. Прав. Синода колико изъ кіевской епархіи и кто имяны.. взяти"... (въ дѣлѣ архива Св. Синода 1734 г., подъ № ^{349}/Б), кратко, на ряду съ другими лицами, замѣчено: „1732 г. изъ Братскаго (монастыря) *учитель школы философіи* іеромонахъ Антоній Кувечинскій... (и другіе) по опредѣленію Синода, 29 сентября въ Спасскій училищный монастырь (по своимъ званіямъ)".

Въ архивѣ Кіево-Печерской Лавры (1-я связка дѣлъ) есть „вѣдомость, сколько іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ прошлаго 1732 г. по 1737 по апрѣль мѣсяцъ умерло и избѣгло"...; тутъ (на л. 289, по общему счету листовъ въ цѣлой связкѣ дѣлъ) сказано: „Того жъ (т. е. 1733) года февраля 23 іеромонахъ Антоній Кувѣчинскій по указу изъ Св Прав. Синоду въ Московскую Славяно-Латинскую Академію отъѣхалъ". И въ вѣдомости (въ той же связкѣ дѣлъ, на л.л. 602–620, по общему счету листовъ въ связкѣ) о всѣхъ монашествовавшихъ Кіево-Печерской Лавры 1749 г. (Тутъ есть такія свѣдѣнія, что „Антоній Кувѣчинскій былъ сынъ священника изъ города Будищъ, родился въ 1705 году, былъ въ училищъ, вѣроятно, заграничныхъ; обученъ, видимо, тамъ книжному искусству русскому, латинскому, французскому и нѣмецкому, постриженъ въ монашество архимандритомъ Кіево-Печерскаго монастыря Романомъ въ 1731 г., во іеродіакона и іеромонаха посвященъ въ 1732 г. митроп. Рафаиломъ Заборовскимъ") то же сказано, что онъ отправленъ въ Москву „1733 г. 23 февраля. по указу". Отсюда мы заключаемъ, что Антоній Кувичинскій, (если онъ одно лицо съ Кувичинскимъ Каменскаго) преподавалъ риторику въ академіи не позже 17^{31}/$_{32}$ учеб. года. Слова приведенной справки: „*учитель школы философіи* іером. Антоній Кувечинскій", кажется, нужно понимать не какъ указаніе на служебное положеніе Кувичинскаго въ Кіевѣ, а какъ указаніе на его назначеніе въ Москвѣ. 29 сентября 1732 г. Св. Синодъ опредѣлилъ вызвать на должность префекта и учителя богословія въ Московскую Академію префекта Кіевской Академіи Сте-

Kijevo-Mohylaeanae Academiae campis plantatus 1730 in 1731

фана Калиновскаго, на должности же учителя философіи и проповѣдника онъ поручилъ Кіевскому митроп. Рафаилу Заборовскому выбрать двухъ персонъ „оное званіе понести могущихъ“. Одною изъ такихъ персонъ и былъ Кувичинскій, вѣроятно, рекомендованный митрополитомъ въ учителя философіи. Сказать, что Кувичинскій въ началѣ $17^{32}/_{33}$ г. былъ учителемъ философіи въ Кіевѣ, мы затрудняемся вотъ почему.

Въ сентябрѣ (30) 1731 г., значитъ, въ началѣ $17^{31}/_{32}$ учеб. года учителемъ философіи былъ Калиновскій (см. въ 1-й главѣ примѣчаніе къ словамъ о префектурѣ Амвросія Дубневича). По всей вѣроятности онъ, какъ не получившій въ теченіе этого года новаго назначенія, оставался таковымъ весь этотъ учебный годъ. Если же въ началѣ слѣдующаго учебнаго ($17^{32}/_{33}$) года философію преподавалъ Кувичинскій, то, понятно, почему Калиновскій въ срединѣ своего философскаго курса (начатаго осенью 1731 г., см. ниже списокъ учителей философіи) на время уступаетъ Кувичинскому мѣсто, которое затѣмъ (по отъѣздѣ Кувичинскаго въ Москву) занимаетъ снова (см. ниже). Затѣмъ, заключаемъ, что въ одинъ и тотъ же годъ съ Кувичинскимъ преподавалъ (нѣсколькими мѣсяцами раньше) риторику Скорачинскій, и что, далѣе, Оранскій былъ учителемъ риторики въ $17^{30}/_{31}$ учеб. году. Послѣднему заключенію благопріятствуетъ встрѣтившееся намъ въ дѣлѣ, касающемся Московской академіи (арх. Св. Синода, д. 1731 г., № 259) *доношеніе ректора ея Софронія Мигалевича отъ 6 іюня 1731 г. объ опредѣленіи въ Московскую академію изъ Кіева іеромонаха Оранскаго*, „который въ Братскомъ монастырѣ учитъ *риторику*“. (Въ полномъ собраніи постановленій и распоряж. по вѣдомству прав. испов. Росс. имперіи, т. VII, № 2486, на стр. 351 излагается заслушанное Св. Синодомъ 10 сентября 1731 г. указанное доношеніе Мигалевича, но тутъ вмѣсто „Оранскаго“, напечатано „Орайскаго“). Если же всѣ эти заключенія вѣрны, то—заключаемъ еще, наконецъ,—Кулабка, преемствовавшій каѳедру риторики (какъ вытекаетъ изъ словъ Каменскаго) послѣ Кувичинскаго, первый годъ занималъ ее въ $17^{32}/_{33}$ учеб. году... Подтвержденіемъ этому могутъ быть, во 1-хъ такое заглавіе первой части рукописи библ. Кіево-Соф. собора, № 483: „Purae elegantes et copiosae phrases ab Aldo Manutio Pauli filio conscriptae usui neorhetorum in Kievomoh. Collegio traditae et quoniam rhetorico fonte promanaverint, breviusculo unicuique parum titulo commentario subjecto demonstratae per hieromonachum Silvestrum Kulabka, ejusdem scholae praeceptorem anno Domini 1733 die (17 septembris, какъ видно изъ экземпляра такой же рукописи въ библ. Кіев. дух. Акад., отд. Р. Муз. № 101, л.л. 1—29) *2-do suae ab ipso informationis*, во 2-хъ, надпись на 116 листѣ рукописи библ. Кіевской духовной Академіи Р. Муз., № 101: „Praxes variae ex variis propositionibus ab Hieromonacho Sylvestro Kulabka R. Praeceptore Rhetorices anno Domini 1734 in annum 1735 *tertio suae in schola anno professionis*“ и, въ 3-хъ, слова домашняго учителя Якова и Василія Кула-

Novembri 16 die—есть въ рукописи библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 477 (л.л. 70—182)[1]).

11) и 12) о.о. *Скорачинскій* и *Кувичинскій*—оба въ $17^{31}/_{32}$ г.[2]).

Риторика, преподанная, вѣроятно, ими: Liber rhetorices de eloquentia ecclesiastica et civili continens in se artem inveniendi, disponendi et eloquendi nec non modos docendi, movendi et delectandi ac imprimis amplificandi in usum Rossiacae juventutis in Coll. Kijevo-Mohylaeno anno 1732 Jannuarii 11 die есть въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1717, л.л. 1—39).

13) *Сильвестръ Кулябка*, кажется, въ $17^{32}/_{33}$ г.[3]) и въ $17^{33}/_{34}$ и $17^{34}/_{35}$ г.г.[4]).

Курсы риторикъ, преподанныхъ имъ въ два послѣднихъ года ($17^{33}/_{34}$—Praeceptiones quaedam de eloquentia comparanda per hieromonachum Silvestrum Kulabka anno Domini 1733 observatae atque per eundem anni ejus professorem Roxolanae juventuti in Kijvomohileano Collegio traditae et explicatae, и $17^{34}/_{35}$—Libri V de arte Rhetorica in Collegio Mohylo-Raphalaeano Roxolanae juventuti anno Domini 1734 Septembr. die

---

бовъ въ 1736 году, что ихъ братъ Сильвестръ Кулябка въ Кіевской академіи „eloquentiam *tres annos* profiteretur". (Рукопись библіотеки Кіевской духовной академіи J. Ш 91. 12, введеніе, ср. л. 39), если только въ приведенныхъ выраженіяхъ счетъ годовъ не гражданскихъ, а учебныхъ. (См. выше, слова Кулябки въ его доношеніи митрополиту 8 марта 1745 г., въ которыхъ онъ считаетъ свое учительство, видимо, съ $17^{32}/_{33}$ учеб. года).

[1]) Непосредственно за этой риторикой слѣдуетъ (преподанная послѣ нея въ риторическомъ классѣ) діалектика, озаглавленная такъ: Eurippus philosophicae scientiae guttatim oratorium spargens hortum seu breve dialecticae compendium, ad Rhetorici anni conclusionem traditum in Coll. K.-Moh. anno Domini 1731 Maii 5-ta.

[2]) См. выше. Вѣроятно, Скорачинскій тождественъ со Стефаномъ Скоржачинскимъ, подписавшимся на одной рукописи. См. „Описаніе рукоп. собраній", Н. Петрова, вып. 2, № 477, стр. 158.

[3]) См. выше.

[4]) См. заглавія его риторикъ.

27 tradendum et explicandum resumpti ab hieromonacho Sylvestro Kulabka) есть въ библіотекахъ Кіевской духовной Академіи (Р. Муз. № 101, л.л. 30—115 и Муз. № 51, л.л. 58—201; 224—366)[1] и Кіево-Софійскаго собора (№ 483, часть 2-я рукописи, л.л. 78—145).

14) *Варнава Старжицкій*—въ $17^{35}/_{36}$ г. [2]).

Его риторика: Regina artium eloquentiae vulgo rhetorica dicta Athenis Kijovomohilaeanis Tullianae juventuti tradita atque per capita, nec non theoremata luculentissime exposita illustrissimis sub auspitiis Raphaelo-Zaborowscianis ab indigno nominis

---

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея, стр. 327, № 304 и стр. 389, № 423. Въ рукописи библ. Кіевской дух. акад. (J. Ш. 91. 12, л. 39—169) есть риторика: Manuductio ad copiose loquendi scientiam duobus libris comprehensa in usum magnificis ac gener. D D. Jacobo et Basilio Kulabka instituta et explicata Lubnis in aedibus propriis eorum anno Domini 1736, составленная на основаніи уроковъ Кулябки (какъ видно изъ предисловія къ ней), и такого же характера другая: Summulae praeceptionum rhetoricarum ex labore.. Sylvestri Kulabka, преподанная въ 1737 г. Василію Кулябкѣ его домашнимъ учителемъ Тимоѳеемъ Александровичемъ,—въ рукописи библ. Кіево-Печерской Лавры (XI. 99).

[2]) См. заглавіе его риторики; см. опредѣленіе учителей на $17^{35}/_{36}$ г. (въ библ. церк.-археол. музея при Кіевской духовной академіи).

Варнава (въ мірѣ Василій) Старжицкій, сынъ купца (а по вѣдомости о монашествовавшихъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ въ 1740 г.—мѣщанина) изъ г. Глухова, родился около 1707 г.; обучался въ Кіевской академіи, пострижень въ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ въ 1727 г., былъ справщикомъ въ Печерской типографіи, во іеродіакона посвященъ архіеп. Варлаамомъ Ванатовичемъ, во іеромонахи 12 декабря 1737 г. митроп. Рафаиломъ Заборовскимъ (См. въ архивѣ Кіево-Печерской Лавры, въ 1-й связкѣ дѣлъ, реестръ новопостриженныхъ около 1727 года, и вѣдомость о всѣхъ монашествовавшихъ въ 1740 г.). Въ 1738 г. онъ былъ игуменомъ Дятловицкаго монастыря (см. въ той же связкѣ, на л. 383 пашпортъ Старжицкому отъ 14 іюля указаннаго года). Въ концѣ мая 1740 г. онъ былъ уволенъ отъ этого послушанія и опредѣленъ въ Кіево-Печерскій Троицкій больничный монастырь, откуда чрезъ годъ былъ назначенъ начальникомъ Китаевской пустыни. 26 мая 1741 г. онъ, ссылаясь на свою неспособность и слабость, просилъ уволить его отъ этой службы, а оставить лишь экзаменаторомъ. Такъ и было сдѣлано. (См. въ той же связкѣ, л. 546) До 1750 г. (въ дѣлахъ Лаврскаго архива) встрѣчается подпись его въ званіи „соборнаго старца Кіево-Печерскаго монастыря“ (Еще о немъ см. ниже).

et honoris sui cultore H. Barnaba Starzyckj anno, quo Magni consilii Angelus solio dimissum ab alto salutem toti terrarum orbi nunciavit 1735 in annum 1736—есть въ библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи (А. 859. О. 11 л.л. 22—143)[1]).

15) *Варлаамъ Новицкій*—въ $17^{36}/_{37}$ и $17^{37}/_{38}$ г.г.[2]).

Риторика, преподанная имъ въ *первый* годъ: Idea artis oratoriae ad informandos genios Russorum Hortensiorum expressa in alma Academia Kijovo-Mohylaeano-Zaborowsciana anno... 1736 in annum 1737 inchoata octobris, есть въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры (XI, 101, часть 1-я рукописи) и Кіевской дух. Академіи. Муз. № 3, л, 1—344)[3]); преподанная во *второй* годъ: Lumen eloquenttae splendorem praeceptorum rhetoricorum tum universalium tum particularium praeseferens ad usum recte dicendi in quavis materia Roxolano neo- Tullio in celebri et orthodoxa academia Mohilo-Zaborowsciana Kijoviensi accensum anno luminis justitiae ex Maria orti 1737 in annum 1738, sub reverendo Barlaam Nowickij,—въ библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 93, л.л. 30—180)[4]).

16) *Сильвестръ Ляцкоронскій*—въ $17^{38}/_{39}$[5]) и $17^{39}/_{40}$ г.г.[6]).

---

[1]) См. наше „Описаніе рукописныхъ собраній, находящ. въ г. Смоленскѣ“, вып. 1, № 48, стр. 35.

[2]) См. подписи его подъ списками учениковъ риторики за $17^{36}/_{37}$ и $17^{37}/_{38}$ учеб. г.г., въ вѣдомостяхъ Кіевской Академіи за эти годы, находящихся въ архивѣ Св. Синода, въ д. № 380, т. 1, л. 111 и далѣе, и л. 375 и далѣе. Время отсылки въ Синодъ этихъ вѣдомостей указано нами выше, въ спискахъ профессоровъ низшихъ классовъ Академіи.

[3]) Н. И. Петровъ, Опис. рукоп. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Акад. стр. 390, № 425.

[4]) Его же, Опис. рукоп. собр., наход. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 286, № 262. Тетрадь классныхъ риторическихъ упражненій, написанныхъ въ учительство Новицкаго, есть въ рукописи Кіево-Печерской Лавры XI, 100, въ концѣ 3-й части. Тетрадь эта озаглавлена такъ: „Praxes, quae elaboratae in schola rhetorica a reverendissimo Patre Barlaam Nowicki“.

[5]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380. т. II, л. 799 и далѣе (вѣдомость Кіевской Академіи за $17^{38}/_{39}$ учеб. г.).

[6]) Ibid., т. III, вѣдомость Кіевской Академіи за $17^{39}/_{40}$ учеб. г. 2 августа 1740 г. онъ состоялъ еще учителемъ риторики (ему въ этотъ день было пору-

Его риторика *перваго* года: Aerarium eloquentiae ad elegantium styli et non vulgarem dicendi in omni genere modum praeceptis rhetoricis et praxibus refertum ad usum et imitationem rossiacis orthodoxis rhetoribus reseratum in Collegio Mohylo-Zaborovsciano anno reseratae Salutis—1738—есть въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры (XI, 100, часть III-я рукописи) и въ библіотекѣ Черниговской духовной семинаріи [1]); *второго* года: Institutiones oratoriae eloquentiae candidatis ad stylum dicendi comparandum in collegio Mohylo-Zabcrovsciano traditae et explicatae anno Domini 1739—въ библіотекахъ Кіево-Печерской Лавры (XI, 100, часть 5-я рукописи) и Черниговской духовной семинаріи [2]).

17) *Іоаннъ Козловичъ*—въ $17^{40}/_{41}$ г. [3]).

чено митрополитомъ слѣдственное дѣло; см. запись объ этомъ въ хранящемся въ архивѣ Кіев. дух. конс.—реестрѣ бумагъ, исходившихъ изъ митрополичьей канцеляріи въ 1740 г, подъ № 881, отъ 2 августа). До учительства въ Академіи онъ былъ реентомъ въ Кіев. консисторіи (арх. Кіев. дух. конс., д. 1735 г., № 68). Послѣ учительства, 14 декабря 1740 г. Сильвестра Ляцкоронскаго мы видимъ экзаменаторомъ (тотъ же реестръ, № 1580), а затѣмъ съ 29 января 1741 г. „старшимъ" т. е. игуменомъ Виленскаго Св.-Духова монастыря (см. выше, списокъ ректоровъ); см. въ реестрѣ 1741 г. (въ арх. Кіев. дух. конс.) подъ № 24 „дѣло о посылкѣ въ монастырь Виленскій Сильвестра Ляцкоронскаго".

1) Лилеевъ, Описаніе рукоп., принадл. библ. Черниговской дух. семинаріи, стр. 207, № 187, л. 73—219.

2) Ibid., л. 219. Въ рукописи Кіево-Печерской Лавры, XI, 100, въ 4-й ея части, есть діалектика, преподанная Ляцкоронскимъ въ риторическомъ классѣ. Она озаглавлена такъ: Instrumentum sciendi ambientibus sacra altiorum scientiarum intrare penetralia atque earum aspirantibus augustissima conscendere solia sev Dialectica, includens doctrinam de definitione, divisione et argumentatione anno Domini 1739 calendis Maii. Въ концѣ 5-й части той же рукописи помѣщено Congeries praxium (риторическихъ) per reverendissimum Patrem Sylves. Laskoronski. Въ рукописи библ. Кіевской духов. Акад. (Р. Муз., № 502) есть Phrases seu formulae pure latine dicendi classicis authoribus conscriptae neo- Rhetorum usui et commodo in Academia Kiiovo-Mohylo-Zaborowsciana exporrectae anno Domini 1739, calendis octobris, sub reverendo patre Sylvestro Laskoronskiy.

3) Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 13, представленіе учителей на $17^{40}/_{41}$ учеб. г.; ср. діалектику, преподанную Козловичемъ въ риторическомъ классѣ въ 1741 г., въ рукописи библ. Кіево-

Его риторика: Manuductio ad artem eloquentiae duobus libris comprehensa et ad usum Roxolanae juventuti in orthodoxa Academia Mohylo-Zaborowsciana instituta ac explicata Kijoviae anno Domini 1740 pridie nonarum Novembris inchoata—есть въ библіотекѣ Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 97, л.л. 1—181) [1]).

18) *Варлаамъ Лящевскій*—въ $17^{11}/_{42}$ г. [2]).

19) *Арсеній Пятницкій* (Піонтнѣцкій)—въ $17^{42}/_{43}$ г. [3]).

Его риторика: Thesis principis Tullii firma et cathegorica rhetoricae praecepta artis complectens in literaria Kijovo-Mohylo-Zaborowsciani aede collegii ad perennem oratoriae basim scientiae communi et solido Rossiae neorhetori exposita ac candidis rerum exemplis stabilita anno 1742 die 22 octobris—есть въ библ. Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 97, л. 182—281) [4]).

20) *Сильвестръ Добрына*—въ $17^{43}/_{44}$ г. [5]).

Печерской Лавры XI, 100. часть 6-я; сн. архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III, вѣдомость Кіевской Академіи за $17^{40}/_{41}$ учеб. г. Въ 1742 г. (но не въ 1743 г., какъ говорятъ С. Смирновъ, стр. 209, и В. Асвоченскій. ч. 2, стр. 118) онъ былъ вызванъ въ префекты въ Москов. академію.

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп собран., наход. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 287, № 265. Въ библ. Кіево-Печерской Лавры, въ рукоп. XI, 100, въ 6-й части, есть Introductio ad philosophicam scientiam sev Dialectica Roxolanis *rhetoribus* ad Logicam praeparandis propter usum et utilitatem compediose exposita in celeberrima Academia Kijewo-Mohilo-Zaborowsciana anno Domini 1741 Maii die 5, sub reverendissimo patre ordinario professore Rhetorices tractata, nimirum Joanne Kozlowicz.

[2]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV, л. 145—169, вѣдомость Кіевской Академіи за $17^{41}/_{42}$ учеб. годъ.

[3]) Архивъ Кіевской духовной конс., д. 1742 г., № 128, опредѣленіе учителей на $17^{42}/_{43}$ учеб. г.; сн. арх. Св. Синода. д. 1737 г., № 380, т. IV. л. 612 и дал. (вѣдомость Кіевской Академіи за $17^{42}/_{43}$ учеб. г.). До 12 августа 1741 г. онъ былъ учителемъ риторики въ Смоленской семинаріи; затѣмъ, годъ жилъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ (Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV, вѣдомость Смоленской семинаріи за $17^{41}/_{42}$ г.).

[4]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., вып. 1, стр. 287, № 265.

[5]) См. заглавіе его риторики; сн. доношеніе Кулябки (съ указаніемъ на учительство въ 1744 г. Сильвестра Добрыни въ риторикѣ) отъ 8 марта 1745 г.

Его риторика: Libri octo de facilius... comparanda eloquentia ab Hyeromonacho Sylvestro Dobryna in tradendum et explicandum nobilissimae Roxolanae juventuti in alma Kijovo-Mohylo-Zaborowsciana Academia... anno Domini 1743 mense Octobri 3 die—есть въ библіотекахъ Кіевской духовной Академіи (Р. Муз. № 750) и Иркутской дух. семинаріи [1]).

митроп, Щербацкому (въ церк.-археол музеѣ при Кіев дух. Акад.) и д. арх. Св. Синода 1737 г., № 380, т. V, л. 54—76 (вѣдомость Кіевской Академіи за $17^{43}/_{44}$ г.). 22 іюля 1744 г. онъ былъ произведенъ во игумена Кіево-Петро-Павловскаго монастыря (Арх. Св. Синода, д 1744 г., іюля 23, № 518); въ концѣ 1748 г., мы видимъ его игуменомъ Кіево-Кирилловскаго мон. (арх Кіев дух. конс. д. 1747 г, № 571; см. ветхую книгу записей протоколовъ консисторскихъ, 1749 г., № 24, 2-го февраля; игуменствовалъ онъ тутъ, какъ сказано въ отмѣченныхъ ниже „Матеріалахъ", съ 25 янв. 1748 г.; 30 января 1749 г. былъ назначенъ „старшимъ" Виленскимъ (ibid..., копія вѣдомости о монастыряхъ за 1750-й годъ, въ дѣлахъ 1751 г.; см. копію указа,—въ томъ же архивѣ,—„объ іером. Сильв. Добринѣ, старшомъ Виленскомъ", писанную 4 марта 1756 г., гдѣ сказано, что онъ „на Виленское старшинство *опредѣленъ* въ *январѣ* мѣсяцѣ *1749 г.* съ игуменства Кіево-Кирилловскаго". См. С. Т. Голубева „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви—XVIII столѣтіе".—Кіевъ, 1895 г., гдѣ днемъ назначенія Добрыни въ Вильно считается 29 ноября 1748 г); въ 1760 г. онъ былъ архимандритомъ Глуховскаго Петро-Павловскаго монастыря (ibid., д. 1760 г., № 135). Въ „Описаніи Глуховскаго Петро-Павловскаго мон." (извлеч. изъ 3 кн. „Истор.-статист. опис. Черниг. епархіи, Черниговъ, 1872 г.) говорится, что Добрыня состоялъ настоятелемъ этого монастыря съ 1756 года. Когда въ 1763 г. начальство намѣревалось поручить о. Сильвестру другой монастырь, то братія просила (читаемъ въ „Описаніи") начальство не лишать ихъ добраго настоятеля). „Мы, писали они, сего архимандрита святостію житія, обхожденіемъ благосклоннымъ, по обители трудолюбіемъ весьма довольны, и, по отъѣздѣ бывшаго намѣстника, нынѣ въ тишинѣ и спокойствіи живемъ". Умеръ Сильвестръ Добрыня въ этомъ монастырѣ въ 1766 году.

[1]) Труды Кіев. дух. Акад., 1892 г., № 10, стр. 311, № 9. Упражненія (Praxes ad usum rhetorices in schola rhetorica labore reverendissimi in Christo patre Sylvestri Dobrina ordinarii eo tempore professoris Rhetorices assumptae), писанныя при немъ въ риторическомъ классѣ, есть въ библ. Кіев. дух. Акад. (Муз. № 51, л. 424; см. Н. И. Петрова, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея, стр. 328, № 304).

21) *Тихонъ Александровичъ*—въ $17^{44}/_{45}$ г.[1]) и $17^{45}/_{46}$[2])

---

[1]) См. „опредѣленіе" учителей на $17^{44}/_{45}$ учеб. г. (оно находится у проф. С. Т. Голубева); сн. архивъ Св. Пр. Синода, д. 1745 г., 4 марта № 370 (Св. Синодъ своимъ указомъ отъ 16 марта 1745 г. требовалъ выслать іеромонаха Тихона Александровича для назначенія его въ Московскую академію. Митроп. Рафаилъ Заборовскій *17 апрѣля* того же *1745 г*, отвѣчая на этотъ указъ, писалъ Св. Синоду: „Архимандритъ Сильвестръ Кулябка—богословіе, а іером. Михаилъ Козачинскій—философію, за крайнюю здѣсь (въ Кіевской Академіи) въ учителяхъ нужду, уже шестой годъ преподаютъ, и ректора (т. е. Кулябку) слѣдуетъ отъ тѣхъ долговременныхъ трудовъ, такъ какъ онъ и прежде въ ученіи школъ довольно трудился, увольнить, а префекта (т. е. Козачинскаго) опредѣлить въ богословію; если же выслать Александровича, (то) некому (будетъ) преподавать философію". Ясно, что Александровичъ въ день такихъ словъ митрополита учительствовалъ въ риторикѣ; сн. д. 1737 г., № 380, т. V, л.л. 345—384 (вѣдомость Кіевской Академіи за $17^{44}/_{45}$ учеб. г., съ подписью Александровича, какъ учителя риторики, подъ спискомъ учениковъ риторическаго класса).

[2]) 8-го августа 1745 г. Тихону Александровичу было опредѣлено преподавать въ $17^{45}/_{46}$ учеб. г. *философію*, а на *риторику* былъ назначенъ іером. Гедеонъ Сломинскій. (Опредѣленіе это имѣется у профес. С. Т. Голубева). Но Тихонъ Александровичъ отказался отъ своего назначенія. Въ своемъ письмѣ отъ 31 августа 1745 г. на имя архимандрита Кіево-Печерской Лавры Тимоѳея Щербацкаго онъ писалъ, что признаетъ себя „недовольнимъ" къ преподаванію философіи, какъ къ дѣлу, требующему многихъ трудовъ и долговременаго приготовленія, при чемъ указывалъ на свою внутреннюю болѣзнь и свое проповѣдническое послушаніе въ Лаврѣ (лишиться котораго онъ крайне не желалъ). Нужно было, продолжалъ онъ, заблаговременно объявить мнѣ о такомъ назначеніи, чтобъ я могъ по возможности подготовиться къ преподаванію новаго предмета. Между тѣмъ до 18 августа я ни отъ кого не слышалъ о своемъ новомъ назначеніи. Подготовиться же за такой краткій срокъ мнѣ никакъ невозможно было, тѣмъ болѣе, что къ 5 сентября я составляю проповѣдь. Въ заключеніи письма Александровичъ просилъ архимандрита ходатайствовать, чтобы митрополитъ оставилъ его—Александровича „за силу изображенныхъ резоновъ въ преподаяніи *риторики* по прежнему". (Письмо это имѣется у насъ). Александровичъ и былъ оставленъ въ риторикѣ. Это видно, помимо указаній въ заглавіяхъ риторическихъ учебниковъ $17^{45}/_{46}$ г., изъ того, что учителемъ философіи въ этомъ году былъ Гедеонъ Сломинскій (см. ниже списокъ учителей философіи), и изъ того, что 26 августа 1746 года Александровичъ былъ опредѣленъ преподавать риторику и на $17^{46}/_{47}$ учеб. г. (См. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 28; сн. архивъ Кіево-Печерской Лавры, 1-я связка дѣлъ, л. 125, письмо митрополита Рафаила Заборовскаго къ Лаврскому намѣстнику объ отпускѣ изъ Лавры въ Академію къ 1-му сентября 1746 г. іером. Тихона Александровича, назначеннаго преподавать риторику на 1747 годъ).

и въ началѣ $17^{46}/_{47}$ г. [1]).

Риторика, преподанная имъ въ *первый* годъ: Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus factis praeceptorum delecta tyronibus eloquentiae ab imis fundamentis sensim ad difficiliora et summa justissimo ordine manuducendis et prudenter instituendis accomodata in usumque Roxolanorum oratorum in alma orthodoxa ac celeberrima Academia Kijovo-Mohylo-Zaborovsciana superaddita et explicata anno Salutiferi partus 1744, есть въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры (XI, 91; XI, 92, часть 3-я рукописи; и XI, 103, часть 3-я рукописи); преподанная во *второй* годъ: Congeries praeceptorum rhetoricorum cum variis praxibus ad comparandam bene dicendi artem instituta atque in usum orthodoxae Roxolanae juventuti in Academia Kijovo-Mohylo-Zaborowsciana per *biannalem* eloquentiae professorem R. patrem Tychonem Alexandrowicz proposita et explicata ex anno 1745 in annum 1746 calend. Octob., есть въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора (№ 487).

22) *Досиѳей Галяховскій* приблизительно съ конца октября 1746 года до половины 1749 года [2]).

---

[1]) См. выше. 21 октября 1746 г. Александровичъ умеръ (см. замѣтку въ концѣ 2-й части рукописи библ. Кіево-Печерской Лавры XI, 103; см. въ томъ же архивѣ, связку 2-ю, вѣдомость 1746 г., указывающую тотъ же день смерти Александровича).

[2]) Предъ началомъ $17^{46}/_{47}$ учеб. года онъ былъ назначенъ преподавать *синтаксиму* (Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 28). 2 мая 1747 г. онъ именуется (и состоитъ) учителемъ *риторики* (см. выше). Вѣроятно, онъ сталъ преподавать риторику послѣ смерти Тихона Александровича (см. выше), въ концѣ октября или въ ноябрѣ мѣсяцѣ. (См. примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ въ аналогіи Кременецкаго и Ярошевскаго). Отъ 16-го іюня 1747 года мы имѣемъ (архивъ Кіев. дух. конс., д. 1745 г., № 704) его подпись, какъ *учителя риторики*, подъ засвидѣтельствованіемъ прошенія ученика риторики Іоанна Тимошевскаго къ митрополиту (о выдачѣ просителю съ братьями его части доходовъ съ прихода покойнаго отца). См. заглавія преподанныхъ имъ риторикъ. 17 августа 1749 г. онъ былъ назначенъ каѳедральнымъ писаремъ (Арх. Кіев. дух. конс, д. 1753 г., безъ №; ср. Акты Кіево-Братскаго училищ. мон. и академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 32).

Три курса преподанной имъ риторики есть въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи (J. III. 90. 11) [1]. *Первый* курсъ озаглавленъ: Institutiones Rhetoricae pro informanda Roxolana juventute utriusque eloquentiae studiosa bono ecclesiae ac patriae Kijoviae in celebri et orthodoxa Academia Mohylo-Zaborowsciana traditae atque ad explicandum propositae anno Domini 1746 mense novembri 19 die; *второй*: De arte rhetorica libri septem, quibus sub calcem praxes in schola compositae suo ordine adjectae sunt Roxolanae juventuti cum pernecessariis observationibus ex variis praeclaris authoribus collectis accurato studio in tradendum atque explicandum resumpti in orthodoxa Academia Mohylo-Raphalaeana Kijoviae anno Domini 1747 mense Decembri 2 die, и *третій*: Liber rhetoricus instituendis juvenum optimae spei animis eloquentiae studiosis delecto institutionum, quae ante hac biennis prodierint ordine justiori, nempe ab imis nec non facilioribus ortus fundamentis in memoria defingendis ad sublimiora manducendis accomodatus... exhibitus... atque... praxibus illustratus Kijoviae, anno Domini 1748 in annum 1749 [2]); и

23) *Георгій Щербацкій*—въ $17^{49}/_{50}$ г. [3]).

Академическая риторика первой половины XVIII столѣтія такъ же, какъ и піитика, въ общемъ была наукой рабской, повторявшей то, что говорили латино-польскіе учебники ея, составлявшіеся по іезуитскимъ руководствамъ Ки-

---

[1]) Н. И, Петровъ, Опис. рукоп. церк.-арх. музея, стр. 391—2, № 427.

[2]) Въ той же рукописи (л.л. 217—260) есть Manuductio ad Logicam sive Dialectica, Roxolanae juventuti, ad logicam praeparandae, pro complemento rhetorices compendiose tradita et explicata in Academia Kijovo-Mobilo-Zaborowsciana a doctissimo professore nec non reverendissimo Dositheo Galachowski, anno. . 1747 Mai die 18 explicari incepta; и (л.л. 261—270, по первому счету, л.л. 143—164, по второму счету, и л.л. 103—134, по третьему счету) риторическія упражненія (praxes), писанныя въ учительство Галаховскаго.

[3]) См. III-е приложеніе къ нашему изслѣдованію; ср. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 39.

пріана Соареца (Soarii), Мендозы, Кавзина и позднѣйшихъ авторовъ (напр., Квяткевича[1]) и др.). Это видно отчасти изъ самыхъ заглавій академическихъ учебниковъ[2]), а еще болѣе изъ ихъ содержанія, гдѣ часто фигурируютъ имена разныхъ составителей латино-польскихъ риторикъ[3]) и приводятся выдержки изъ послѣднихъ, нерѣдко подкрѣпляемыя образцами польскаго краснорѣчія. Такое рабство значительно ослабѣло со времени Өеофана Прокоповича. Онъ, указавши, какъ на причины низкаго уровня академической риторики, между прочимъ, на забвеніе классицизма и на ложность царившаго до него въ Академіи мнѣнія, что только въ польскихъ гимназіяхъ можно научиться краснорѣчію[4]), самъ преподалъ риторику съ классической теоріей краснорѣчія, съ методомъ строгой серьезной школы. Преемникамъ его оставалось лишь слѣдовать ему. Но преемники эти какъ бы не рѣшались начать новый способъ преподаванія, порвавши связь съ прежнимъ направленіемъ академической риторики, имѣвшей за собою авторитетъ латино-польскихъ учебныхъ заведеній и прелесть

---

[1]) Въ библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи есть рукописная риторика, списанная съ печатнаго руководства Іоанна Квяткевича, изд. въ Калишѣ въ 1682 г. (Phoenix rhetorum sev rarioris atticismi nec vulgaris eloquentiae fundamenta et species Auctore P. Joanne Kwiatkiewicz, Societatis Jesu in usum oratorum propositae. Calissii. Typis Collegii S. J. repetitis A. D. 1682; см. наше „Описаніе рукоп. собр., наход. въ г. Смоленскѣ“, вып. 1, стр. 27, № 38. Изъ нея часто встрѣчаются выписки въ риторическихъ учебникахъ Кіевской Академіи первой половины XVIII столѣтія.

[2]) См. выше заглавіе риторики 1713—14 г.

[3]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, 1865 г., т. 1, „Выдержки изъ рукописной риторики Ө. Прокоповича, содержащія въ себѣ изображеніе папистовъ и іезуитовъ“, стр. 635—6. Здѣсь Прокоповичъ называетъ Юнія Мельхіора, Еразма Роттердамскаго, автора дворца (palatium,) Кипріана Соареца, Мендозу, Кавзина, Фаміана Страду, Понтана, автора энциклопедіи наукъ, и др. авторовъ, очевидно, бывшихъ руководителями въ риторической наукѣ Кіевской Академіи.

[4]) De arte rhetorica Прокоповича, lib. 1, cap. 7, punc. 2, л. 28, по рукописи библіотеки Кіевской духовной Академіи.

своеобразнаго (хотя и сильно ослабленнаго Прокоповичемъ[1])) обаянія. Они какъ бы опасались того, чтобы,—взявшись за новый способъ, но не справившись съ нимъ, при недостаткѣ силъ и средствъ[2]), съ такимъ успѣхомъ, какъ Прокоповичъ,—не очутиться чрезъ это безъ лестной славы риторовъ, которую, между тѣмъ, легко было пріобрѣсти теченіемъ по традиціонному направленію. Съ другой же стороны, преемникамъ Прокоповича не было возможности и совсѣмъ забыть его. Мощное ироническое слово Прокоповича по адресу латино-польскаго краснорѣчія и послѣ его учительства какъ бы звучало еще въ риторической аудиторіи, которая при немъ была наполняема студентами съ такою охотою, какъ ни одна аудиторія прочихъ профессоровъ[3]). Слово это, шедшее по традиціи и запискамъ отъ поколѣнія риторовъ, учившихся у Прокоповича, къ позднѣйшимъ поколѣніямъ кіевскихъ учениковъ краснорѣчія, громко говорило въ пользу превосходства той постановки, какую Прокоповичъ далъ риторической наукѣ въ своихъ лекціяхъ. Отсюда въ риторикѣ Кіевской Академіи изслѣдуемаго нами періода послѣ Прокоповича замѣчается два направленія—прежнее латино-польское и новое. Они порою смѣняютъ другъ друга, но большею частью идутъ совмѣстно. Такъ, Сильвестръ Кулябка въ первомъ курсѣ своей риторики всецѣло вѣренъ латино-польскому направленію[4]), а во второмъ вполнѣ слѣдуетъ Ѳ. Прокоповичу, отчасти лишь, съ внѣшней стороны, видоизмѣ-

---

[1]) Ibid., л. 1, сар. VI, см. „Труды Кіев. дух. Акад.", 1865 г., „Выдержки изъ рукописной риторики Ѳ. Прокоповича"..., стр. 627—637 („О проповѣдахъ польскаго іезуита Ѳомы Млодзяновскаго").

[2]) См. объ этомъ ниже (о библіотекѣ академіи и проч.).

[3]) На это указывалъ самъ Ѳ. Прокоповичъ; см. его риторику по академической рукописи, praefatio, л. 2.

[4]) Лишь въ V главѣ de recta et pura versione unius linguae in aliam онъ упомянулъ о Прокоповичѣ, предлагая студентамъ въ образецъ чистаго перевода въ особенности (praecipue) его conciones post obitum et in obitu Петра Великаго (рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, Р. Муз, № 101, л. 35—37).

нивъ его лекціи). Такъ какъ критическіе удары предшествовавшей риторикѣ были направлены Прокоповичемъ, главнымъ образомъ, на ея отдѣлъ о церковномъ краснорѣчіи[2]), то преимущественно вліяніе Прокоповича на развитіе академической риторики и отразилось въ ея отдѣлѣ о церковной проповѣди.

Теорія церковнаго краснорѣчія въ первой половинѣ XVIII столѣтія излагалась въ каждомъ курсѣ академической риторики. Но риторика иногда не усматривала строгаго различія между свѣтской ораторской рѣчію и проповѣдью[3]), а если порою и рѣшительно отдѣляла церковное краснорѣчіе отъ свѣтскаго[4]), то все-таки не указывала опредѣленно и отчетливо специфическаго свойства церковнаго витійства; это свойство *впервые* отмѣтилъ Прокоповичъ, положивъ его въ духѣ проповѣди, въ дѣйственности и силѣ ея слова[5]), и поставивъ обязательнымъ требованіемъ проповѣди ея учительность или педагогичность. Даже тѣ преемники Прокоповича, которые въ изложеніи риторики оставались вѣрными прежнему латино-польскому ея направленію, въ отдѣлѣ о церковномъ краснорѣчіи подчинялись теоріи Прокоповича. Такъ, составитель риторики 1713—14 г.г., излагая ее по Кипріану Соарецу (что онъ отмѣтилъ и въ самомъ заглавіи ея[6]), въ главѣ „о священ-

---

[1]) Собственно этотъ курсъ списанъ съ риторики Прокоповича. Но Кулябка, желая это скрыть, передѣлалъ внѣшній планъ Прокоповича. См. статью П. Залѣсскаго: „Сильвестръ Кулябка, архіепископъ С.-Петербургскій, какъ духовный писатель". („Труды Кіевской дух. Академіи", 1883 г., сентябрь, и 1884 г, февраль).

[2]) См. Н. И. Петрова: „Изъ исторіи Гомилетики въ старой Кіевской Академіи", въ „Трудахъ Кіевской духовной Академіи", 1866 г., № 1, стр. 86—124; ср. „Труды Кіев. дух. Акад.", 1865 г., т. I, стр. 627-637.

[3]) Arbor Tulliana, 1703 г., pars III, corollarium ultimum „de oratore ecclesiastico" по академической рукописи.

[4]) Rostra Tulliana..., 1701 г.

[5]) De arte rhetorica, lib. IX, de sacra eloquentia.

[6]) См. выше.

номъ краснорѣчіи“ свелъ въ одно характернѣйшія мысли Прокоповича о проповѣдяхъ, не допустивши ни одной схоластической черты [1]) и не привнесши ни одной новой, сравнительно съ Прокоповичемъ [2]). Отдѣльныя же замѣчанія Прокоповича разсыпаны по многимъ риторикамъ, напр., въ риторикѣ Игнатія Бужановскаго, обосновавшаго свою теорію на краснорѣчіи отцевъ церкви [3]), и другихъ [4]).

---

[1]) Самое лучшее знакомство съ схоластическимъ строеніемъ проповѣдей, практиковавшимися въ Кіевской Академіи до Прокоповича, можно получить изъ риторики 1703 г. Arbor Tulliana... (полное ея заглавіе см. выше), представляющей собою послѣднее слово кіевской схоластической науки не только по *суммировкѣ* гомилетическаго матеріала, но и по нѣкоторымъ привнесеннымъ чертамъ, какихъ раньше 1703 г. не видно ни въ одной риторикѣ Кіевской Академіи.

[2]) См. cap. VII, lib. II этой риторики, по рукоп. библ. Кіевской дух. семинаріи.

[3]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи. J. Ш. 89. 10, первая риторика, pars 2, cap. 1.

[4]) Впрочемъ, излагая теорію церковнаго краснорѣчія по Прокоповичу, сами профессора на практикѣ не всегда держались ея, и порою иныя проповѣди ихъ писались почти въ духѣ пресловутаго Ѳомы Млодзяновскаго, котораго такъ безпощадно осмѣивалъ Прокоповичъ въ своей риторикѣ, и въ духѣ южнорусскихъ проповѣдей XVII столѣтія. Такова, напр., проповѣдь, кажется Георгія Щербацкаго (судя по надписи ея: „...a magistro suae artis anno 1750 martii 25 die...) на день Благовѣщенія, находящаяся въ рукописи. библ. Кіев. дух. Академіи, J. Ш. 89. 10, л.л. 380—388. Вотъ нѣсколько словъ изъ нея: „Его же (рая) нинѣ архангельскимъ благовѣстнимъ гласомъ всему роду нашему входъ свободенъ отверзается; и пламенно—оружній стражъ, взявъ суму, съ караулу въ роту свою отходитъ. Въ онъ же день торжественно мирнѣ молние—блистаемой арміи и всего гражданства небеснаго повелителній Государь и обоихъ сторонъ свѣта единообладателній Імператоръ шествуетъ въ землю нашу... Сего мироприностного і преславнаго шествованія своего на землю Всевишнѣй царь,—якоже обичай есть пристойно государствующимъ монархамъ: приказать предъ лицемъ своимъ, за извѣстие странѣ коей или граду въ должное приуготовленіе къ трактаменту царскому, слѣдовать Генералѣтету,—всерадостнаго днесь вѣстника посилаетъ миру. Коего торжественнаго министра и тайнаго совѣтника своего, аки въ градъ первопрестолній, въ Назаретъ, градъ Іудовъ, въ домъ Давидовъ, ко Преблагословенной Дѣви Марии... съ откритимъ совѣта предвѣчнаго предложениемъ ординуетъ Гавріила... Приходитъ же Архангелъ къ Дѣви, по коммерціи договорной, съ почтеннишимъ Богоматерния достоинства охранени(*емъ*) объявляя

Изученіе піитики и риторики въ Академіи велось не только теоретически, но и практически. Всякое піитическое и риторическое правило усвоялось учениками путемъ продолжительныхъ экзерцицій, составлявшихся въ классѣ подъ руководствомъ профессоровъ [1]), и домашнихъ оккупацій, писавшихся на дому и, затѣмъ, поступавшихъ на профессорское исправленіе [2]). Всѣ эти работы, нужно сказать, отличаются

въ ложестной тоя палатѣ резиденцию верховнаго командира. Кой посолъ, извѣстенъ о тайнѣ, честь, аки матери царевой, отдая, съ доносомъ мирныхъ пактовъ такъ честно и регулярно поступаетъ: шпагу отложивъ, крестообразно препоясався и вѣтвь знаменорадостную въ руцѣ нося, къ дверемъ горницы дѣвичей наближился, со страхомъ отверзлъ, тихо входитъ, и, ставъ ужасенъ, о чудо! молчитъ вѣщатель, ничтоже смѣя проглаголать къ дѣвѣ: зритъ бо назнамованную Матерь, готову сущу къ воспріятію достоинства и.. чести царевой... Пресвятая Дѣва... не кричитъ: почто безъ докладу смѣлъ пріити или недосужнихъ дѣется"... (л.л. 383 на обор.—386; нѣкоторые чисто школьные термины, встрѣчающіеся въ этой проповѣди, не позволяютъ намъ считать ее произнесенною въ церкви).

Напротивъ, тонъ рѣчей о земныхъ лицахъ и предметахъ отличался своеобразною выспренностью. Напр., въ привѣтственной рѣчи Никодиму, Епископу Переяславскому, есть такія выраженія: „Гласъ гортани твоея, аки гласъ сладчайшій Іисусовъ, насъ пренасыщаетъ; и благоувѣтливая Богоглаголивыхъ устенъ твоихъ словеса, аки труба, богогласнѣ вѣщающая, веселитъ сердца наша; глава же твоя, купно же и брада святителская молние-лучными блистающаяся сѣдинами аки миро точитъ намъ... разумъ; очеса твои ангеловидніи перлородную кроплятъ намъ росу...; руцѣ твои благословителныи воню благоуханную искапаютъ намъ кадилоприносную смирну благостини. Нозѣ твои правошественни предводительствуютъ насъ въ райское благолѣпіе, и все тѣло твое онебесенное, аки столпъ огненній, горящъ на востоцѣ, всякими добродѣтелными силами просвѣщающеся, духовними насъ озаряетъ смисли"... (Рукопись та же, л. 319 на обор.: Gratulatoria patroni Nicolai Illustrissimo ac honorandissimo D. Nicodemo Srebniecki, Dei gratia Episcopo Perejaslaviensi et Borispoliensi).

[1]) См., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз., № 101, л. 131: „Praxes variae a reverendissimo magistro Rhetorices Sylvestro Kulabka cum discipulis in schola composita", и др.

[2]) См. напр., рукопись библ. Кіев. дух. Семинаріи VIII. 1. 96, л. 177: „Sexternio carminum polonorum", съ учительскими помѣтками: pulchre; Deus benedicat; legi, laudo; bene и т. п. (л. 183, 185, 189); ср. рукоп. библ. Кіев. дух

формализмомъ и даже какимъ-то механизмомъ, рѣдко становясь выше простыхъ имитацій. Поэтому, разумѣется, онѣ мало могли способствовать развитію самостоятельной мысли студентовъ. Правда, студентамъ піитики и риторики необходимо было пріобрѣтать для своихъ виршей и орацій „эрудицію“ чрезъ чтеніе книгъ, настойчиво рекомендовавшееся имъ учителями; но, какъ показываютъ правила, сообщавшіяся имъ для этого чтенія [1]), послѣднее не могло быть особенно благотворнымъ: оно велось не столько для пріобрѣтенія положительныхъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ знанія, сколько для запаса матеріаловъ къ украшенію рѣчи и внѣшнему блеску піитико-риторическихъ произведеній.

Нужно замѣтить, что сообщеніе студентамъ положительныхъ свѣдѣній, напр., историческихъ, географическихъ и т. п., въ первой половинѣ XVIII в. не ставилось Академіею въ свою задачу. Правда, были профессора, которые, очевидно, располагая свободнымъ временемъ, иногда нѣсколько знакомили студентовъ съ исторіею, какъ, напр., Калиновскій, изложившій въ риторическомъ классѣ Isagoge in histeriam monarchicam et ecclesiasticam [2]), но почти всегда эти свѣдѣнія пріобрѣтались студентами самостоятельно изъ разныхъ читавшихся ими книгъ, и были весьма скудными (понятно, за исключеніями). Такъ, въ іюлѣ 1758 г. учитель еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, указывая митрополиту Арсенію Могилянскому „резоны“, по которымъ онъ не могъ

Академіи Р. Муз. 611, л. 281—288: „Occupationes domi compositae“, съ подобными же помѣтками.

[1]) См. выше. Впрочемъ, лишь немногіе студенти могли удѣлять время для чтенія книгъ. Бѣдность и нищета лишали многихъ этой возможности.

[2]) См. рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1702, л.л. 61—104; ср. рукоп библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 81, л.л. 185—212.

заниматься съ учениками переводомъ присланныхъ владыкою для этой цѣли французскихъ и нѣмецкихъ газетъ, выставилъ на видъ, между прочимъ, то, что студенты (а они были старшихъ классовъ), изучающіе языки, „географіи *крайне* не знаютъ, а къ совершенному разумѣнію и переводу газетъ географію хотя *произверховно* знать крайне нужно“ [1]).

Между риторическими упражненіями студентовъ всего менѣе встрѣчается опытовъ церковной проповѣди. Это обстоятельство находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ распоряженіи митрополита Рафаила Заборовскаго, запретившаго особымъ указомъ (отъ 2 іюня 1734 г.) свѣтскимъ (не имѣющимъ священнаго сана) студентамъ говорить проповѣди (см. выше), какъ лицамъ, „самимъ еще добрѣ въ постоянныхъ нравахъ не обученнимъ“ [2]); и еще большее—въ томъ, что Академія въ изслѣдуемое нами время не была еще спеціальнымъ *духовно*-учебнымъ заведеніемъ, а потому, если и учила церковному краснорѣчію, то упражняться въ немъ и совершенствоваться предоставляла охотѣ желавшихъ. (Въ силу этого и обученіе студентовъ церковному чтенію и пѣнію, классы которыхъ были открыты въ 1899—1804 г.г., въ Академіи первой половины XVIII в. велось путемъ практическимъ и, вѣроятно, не было общеобязательнымъ) [3]). Отсюда легко происходило, что по окончаніи Академіи иной студентъ не въ состояніи былъ написать проповѣдь (какъ замѣтилъ архидіаконъ Манассія Максимовичъ въ своемъ „училищномъ проэктѣ“ 1751 г., оговаривая это тѣмъ, „что,

---

[1]) Архивъ Кіев. дух. консисторіи, д. 1758—9 г., № 36.

[2]) Архивъ Кіевской Борисо-Глѣбской церкви, первая книга указовъ, л. 128, пунктъ 4.

[3]) См. 1-й пунктъ инструкціи въ III приложеніи къ настоящему труду.

хотя и въ риторики правила и основа предикъ показуется, еднакъ въ томъ упражнятися другое многодѣлество не допущаетъ"), почему въ началѣ второй половины XVIII-го в. было уже постановлено, чтобы студенты, *желавшіе получить священный санъ* по окончаніи курса, непремѣнно въ старшихъ классахъ упражнялись въ составленіи и произношеніи проповѣдей[1]).

Какъ видно изъ самыхъ заглавій философскихъ трактатовъ[2]), читанныхъ въ Академіи въ первой половинѣ XVIII в., главнымъ руководителемъ ея философской мысли былъ Аристотель. Но его философія въ Академіи преподавалась, разумѣется, не въ подлинной системѣ, а „на смѣтяхъ интерпретовъ" [3]), въ толкованіяхъ на нее перипатетиковъ[4]) (какъ древнихъ, такъ въ особенности средневѣковыхъ схоластическихъ) и множества позднѣйшихъ іезуитскихъ комментаторовъ. Слѣдовательно, строго говоря, философія Кіевской Академіи этого времени систему Стагирскаго мудреца, въ сущности, имѣла лишь своимъ исходнымъ пунктомъ; въ предѣлахъ же ея основныхъ принциповъ (опредѣлявшихъ собою планъ академическихъ философскихъ курсовъ) излагала по возможности почти все, что было высказано существеннаго по поводу аристотелевской философемы ея послѣдователями до позднѣйшаго времени.

Въ академическихъ учебникахъ часто перечисляются мнѣнія главнѣйшихъ послѣдователей и толкователей Аристо-

---

[1]) Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 42.

[2]) Напр., Syntagna totius Aristotelicae philosophiae... и др.; см. ниже.

[3]) Такъ выражался Георгій Конисскій (Акты Кіево-Братскаго училищ. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д № 50).

[4]) Иногда учебники философіи и озаглавливались: „Philosophia peripathetica"... см. ниже.

теля. Напр., въ одномъ изъ нихъ отвѣтъ на вопросъ: An logica sit proprie scientia et an sit ars? начинается такъ: Circa primum puncti quaesitum duplex est authorum sententia: 1-ma negans logicam scientiam, ita: Averroes (*XIII в.*), quem citat Zabarella (*1533—1589)* lib 1. cap. 2; Mirandulanus, Themistius, Vallius et Pollisius; 2-da affirmans logicam... proprie scientiam esse. Ita Thoma (*Аквинатъ* + *1274*), (*Дунсъ)* Scotus (+ *1308*), Albertus Magnus, Avicenna, Arriaga et fere omnes philosophi (разумѣется,—лишь схоластическаго направленія, какъ увидимъ ниже), cum quibus sit conclusio nostra [1])... Отвѣту же на вопросъ: Quodnam sit objectum attributionis logicae? предшествуетъ замѣчаніе, что въ рѣшеніи этого вопроса авторы divisi sunt maxime, при чемъ они дѣлятся на шесть категорій: 1, Arriaga, Comptonus, Vasquez et nonnulei alii; 2. Oviedo cum pluribus Scottistis et nonnullis recentioribus (опять таки, разумѣется, схоластиками); 3. Suazez, Robius, Forseca et multi alii; 4. Pallavicinus, Rodez, Semerij et cet.; 5, Lyncaeus; и 6, alii... plurimi *recentiores* approbatissimi, *cum quibus et ego priori cursu tenebam* (Это признаніе автора весьма важно для опредѣленія источниковъ и пособій, которыми пользовались профессора Академіи при составленіи своихъ философскихъ лекцій), singulas difficile est recensere, *quas Lyncaeus ad 20 numerat* [2])...

Философскій курсъ обычно начинался введеніемъ (префаціей), посвященнымъ рѣчи объ имени, задачахъ, свойствахъ, пользѣ и достоинствѣ философіи, съ указаніемъ ея дѣленій и съ присоединеніемъ иногда похвалы (laus [3]) ей.

Опредѣлялась философія, какъ познаніе всѣхъ вещей (какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, по своимъ началамъ)

---

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух Акад. J. 11. 66. 7, л. 86.

[2]) Ibid., л. 119, quaestio 4, punct. 1; ср. л. 121 и мн. др.

[3]) Рукопись библ. Кіево-Печерской Лавры X, 66.

божескихъ и человѣческихъ [1]), изучить (существо) основанія, причины которыхъ (ipsae causae rerum) и составляло ея задачу [2]). Дѣлилась же она [3]) на *раціональную*, цѣлью которой было научить управлять (regere) дѣйствіями ума; *моральную*, имѣвшую цѣлью опредѣлить дѣйствія воли или нравы (voluntatis actiones, hoc est, mores instituit), и *натуральную* или естественную съ задачею изслѣдовать все (остальное), что есть въ природѣ. Натуральная философія, въ свою очередь, подраздѣлялась на *физику*, обнимавшую вещественную природу (corpoream naturam); *математику*, разсуждавшую о величинѣ (magnitudine) этой природы; и *метафизику*, трактовавшую о томъ, что выше природы,—о Богѣ и объ ангелахъ, и потому называвшуюся естественнымъ богословіемъ [4]).

Раціональную философію составляла логика, которая (чисто схоластически) дѣлилась на малую и большую, или діалектику и собственно логику.

Діалектика или logica minor называлась porta ad reliquas scientias, introductio in totam philosophiam, fax rationalis... ad philosophiam praelucens, mentis lucerna и т. п. [5]) Своею задачею она ставила наученіе правильному разсужденію чрезъ изложеніе способовъ опредѣленія, раздѣленія и аргументаціи (finem dialecticae esse rectam dissertationem...,

---

[1]) Rerum cognitio ut sunt; res omnes ut esse suum suis causis debent scientia humanarum et divinarum rerum (См. definitio philosophiae, въ рукоп. библ. Кіев дух. Акад. J. 11. 67. 8, л. 3). Подъ *res* разумѣли omnia, quae humano intellectu sciri possunt (Ibid.).

[2]) Ibid., ср. рукоп. той же библ. J. 11. 66. 7, л. 4—5.

[3]) Ibid., л. 5; см. л. 507; ср. praefatio въ курсѣ Георгія Конисскаго и др.

[4]) См. рукоп. J. 11. 66. 7, л. 507.

[5]) См. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 67. 8, л. 5 (ср. рукопись той же библ. Р. Муз. № 3, л. 345).

qua docet modum definiendi, dividendi et argumentandi [1]) понятій, почему и трактовала о трехъ формахъ мышленія: понятіи, сужденіи и умозаключеніи (de termino, propositione, argumentatione и de syllogismo). Она указывала всѣ правила ихъ логическаго образованія, присоединяя иногда къ этому и подробныя замѣчанія de legibus rectae disputationis cum aliis [2]). Діалектика часто преподавалась въ риторическомъ классѣ [3]), въ философскомъ же лишь тогда, когда ее не успѣвалъ изложить въ своемъ классѣ учитель риторики.

Logica major или *логика* въ собственномъ смыслѣ говорила о дѣйствіяхъ разсудка болѣе подробно, чѣмъ діалектика, такъ что діалектика по отношенію къ ней являлась, дѣйствительно, какъ бы ключемъ (clavis [4]). Въ большой логикѣ получала уже мѣсто и рѣчь о природѣ, свойствахъ, предметѣ. раздѣленіи логики и т. п. Въ отличіе отъ діалектики, изслѣдованіе дѣйствій разсудка въ большой логикѣ велись доказательнымъ путемъ (тутъ неизбѣжно являлась полемическая часть, совершенно чуждая діалектикѣ); при чемъ въ логикѣ уяснялся генезисъ (происхожденіе) каждой формы мышленія со всѣми ея частными видами, чтобы этимъ самымъ показать, почему именно правила діалектики имѣютъ силу несомнѣнности [5]). Самое значительное вниманіе здѣсь удѣлялось

---

[1]) Рукоп. той же библ. J. 11. 66. 7, л. 7.

[2]) Рукоп. той же библ. J. 11, 61, 2, стр. 49—54; сн. начало рукоп. той-же библ. P. 65, lib 5-tus de legibus et regulis rectae disputationis aliis instituendae, представляющей собою конецъ діалектики Ѳ. Прокоповича, логика котораго обозначена въ той же рукописи (л. 10) книгою *шестою*.

[3]) См., напр., діалектики, преподанныя въ риторическомъ классѣ въ рукоп. библ. Кіево-Соф. собора № 483, въ рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. Р. Муз. № 3 и № 101, въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры X, 100, ч. 6-я рукописи, и др.

[4]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 66. 7, л. 5.

[5]) Значитъ, большая логика была въ своемъ родѣ гносеологіею.

изложенію схоластическихъ споровъ объ универсіяхъ (общихъ понятіяхъ), въ чемъ собственно полагалось и altum officium большой логики [1]).

Моральная философія, иначе—этика или иеика, предлагалась въ философскомъ классѣ очень рѣдко, большею частью въ концѣ курса [2]), если позволяло время, и при томъ въ самомъ сжатомъ видѣ. Въ ней, послѣ вводныхъ разсужденій, говорилось о принципахъ и свойствахъ человѣческихъ дѣйствій, съ цѣлью установить понятіе о высочайшемъ благѣ (de summo bono), какъ конечной цѣли человѣческаго существованія, и указать „главныя" или „основныя" добродѣтели (justitia, temperantia, prudentia et fortitudo), ведущія человѣка къ достиженію блага [3]). Нѣкоторые профессора, кажется, намѣренно опускали этику, предпочитая, вмѣсто нея, изложить въ философскомъ классѣ какой-либо трактатъ изъ богословія [4]).

Физика, составлявшая самую обширную часть натуральной (естественной) философіи, прежде всего [5]), рѣшала вопросъ о началахъ (principiis) вещей, подробно говорила о матеріи и формѣ, ихъ сущности и свойствахъ, и разбирала мнѣнія схоластическихъ философовъ о первоматеріи, о томъ, можетъ ли матерія существовать безъ всякой формы, quid

---

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 61. 2, compendium logicae, tractatus 2-dus, стр. 13.

[2]) См ниже.

[3]) См., напр., этику 1740 г. въ курсѣ Михаила Ковачинскаго; рукопись библ. Кіево-Печерской Лавры X, 70.

[4]) Напр., Іосифъ Волчанскій, изложившій въ 1717 г. въ философіи Controversa theologia о таинствахъ (рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 73. 14, стр. 991—1042), Иларіонъ Левицкій, предложившій въ 1725 г. Controversiae theologicae (рукоп. библ. Кіево-Соф. собора № 406, л. 658—667) и др.

[5]) Планъ философскихъ лекцій у каждаго профессора въ частностяхъ былъ свой

sit definitive forma et est ne tota quidditas compositi и т. п. Затѣмъ, обстоятельно изъясняла значеніе слова natura, указывала принадлежности и свойства природы, говорила объ искусствѣ, стараясь опредѣлить, что можно сдѣлать его помощью и чего нельзя [1]), немало трактуя при этомъ о магіи естественной и искусственной (artificali). Въ послѣднемъ трактатѣ на первомъ мѣстѣ ставился вопросъ о причинахъ удивительныхъ (mirabilium) явленій, которыя излагались по Кирхеру Скотту, Дельріо и др. Къ такимъ причинамъ относились, во-первыхъ, симпатія и антипатія между предметами; напр., между ягненкомъ и волкомъ существуетъ антипатія, поэтому если поставить два барабана, одинъ—обитый кожей ягненка, а другой—волчьей, и ударить во второй, то кожа на первомъ треснетъ сама собою; вслѣдствіе подобной антипатіи лошадь, хотя бы и голодная, никогда не станетъ ѣсть овса, который лежалъ въ шкурѣ волка, и пр., (Prima causa est qua vocatur sympatia et antypatia, sev virtus emittendi ex se occultas aliquas qualitates amicas vel inimicas, quae solent appellari sympatia et antypatia; et sic datur antypatia inter agnum et lupum; quare si tympanum lupino corio obductum fuerit, si pulsaretur, corium agninum in alio tympano distante rumperetur. Propter similem antypatiam equus, etsi famelicus, nunquam comedet auenam, quae fuerat in corio lupi deposita. Item plumae aquilinae exerunt et pellunt plumas anserinas... [2]). Второю причиной явленій удивительныхъ считалось гніеніе и разложеніе тѣлъ, третьею—противодѣйствіе (antiperistasis), четвертою—сильное воображеніе; пятою—вліяніе звѣздъ, шестою—дѣйствіе различныхъ врачебныхъ зелій и т. п.

---

[1]) Напр., An per artem chimicam aurum verum fieri possit? См. punct. 1, quaest. 1 изъ Disput. de arte, magia et miraculis въ курсѣ Христофора Чарнуцкаго 1701—6 г. (рукопись библ. Кіево-Печерской Лавры X, 49).

[2]) Ibid., Disputatio de arte magia et miraculis; quaestio 2, punctum 1, de magia naturali; ср. рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи. J. 11. 67, 8, л. 513 и далѣе.

Вторая часть физики посвящалась изслѣдованію внѣшнихъ началъ или причинъ вещественнаго тѣла (de causis extrinsecis corporis naturalis. Тутъ говорилось о причинѣ и дѣйствіи вообще (in communi), и рѣшались вопросы, скорѣе относящіеся къ метафизикѣ, чѣмъ физикѣ, напр., о дѣйствующей причинѣ сотворенной и несотворенной; о томъ, какъ Богъ вступаетъ въ общеніе съ тварями, о твореніи, сохраненіи, о причинахъ формальной, матеріальной, конечной и случайной (de fortuna et fato, quae causae per accidens sunt) [1]).

Третья часть излагала ученіе о свойствахъ тѣлъ—движеніи и покоѣ, дѣйствіи и страданіи, съ особыми диспутаціями de infinito. de continuo, о мѣстѣ (de ubi seu de loco, о пустотѣ и пространствѣ воображаемыхъ) и времени.

Съ четвертой части начиналась собственно вторая половина физики, говорившая о видахъ естественныхъ тѣлъ. Половина эта представляла собою настоящую энциклопедію. Тутъ была и *космогонія* (трактовалось о числѣ міровъ, о совершенствѣ видимаго міра, съ указаніемъ времени, когда—qua parte anni, quo mense et die—онъ сотворенъ, [2]) и съ рѣшеніемъ вопросовъ, свободно ли его сотворилъ Богъ, могъ ли міръ произойти отъ вѣчности и т. п.), и *эсхатологія* (о признакахъ послѣдняго суда, объ антихристѣ, о всеобщемъ воскресеніи, о небѣ и преисподней и о возобновленіи видимаго міра), и *метеорологія* (о блуждающихъ огняхъ, падающихъ звѣздахъ, молніи, громѣ, кометахъ, радугѣ, вѣтрѣ, облакахъ, дождѣ, градѣ и проч.) и *уранографія* (о свойствѣ неба, о числѣ и движеніи небесъ [3]), о звѣздахъ, о

---

[1]) Ibid, pars 2 phisicae; см. курсъ Георгія Конисскаго (по академич. рукописи) л. 176—177.

[2]) См. курсъ Амвросія Дубневича, по академич. рукописи, л. 417, punctum 2.

[3]) Нужно замѣтить, что физика, преподававшаяся въ Академіи изслѣдуемаго нами времени, считала землю неподвижною (Основанія этому высказаны въ

вліяніи ихъ на человѣческую волю и о предсказаніяхъ астрологіи, о солнцѣ, лунѣ, о затменіяхъ и ложныхъ звѣздахъ), и *физіологическая психологія* въ связи съ общими *зоологическими* разсужденіями (о рожденіи и разрушеніи всего живущаго вообще, о происхожденіи людей [1]), о душѣ vegetativa—прозябательной, sensitiva и rationali, о силахъ разумной души, о снѣ, возрастахъ, темпераментахъ и пр.,) и пр.

Физика занималась и рѣшеніемъ такихъ вопросовъ: чѣмъ должно представлять себѣ рай [2]), существуетъ ли рай въ

рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 67. 8, л. 691 на обор.) главнымъ образомъ въ виду ученія Св. Писанія, которое passim terrae stabilitatem tribuit (ibid., л 692, ср. рукоп. той же библ. J. 11. 66. 7, л. 468 и рукоп. J. 11. 61. 2, стр. 218—219). Правда, она излагала и систему Коперника, съ картезіанскимъ дополненіемъ къ ней, и систему Tycho-de-Brache, датскаго астронома, но всецѣло держалась системы Птоломея, который и считался astronomorum perfectissimus (рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. О. 4. 6, л 438 на обор.), какъ не противорѣчившей своей системой буквѣ Св. Писанія. Лишь болѣе даровитые преподаватели, какъ Прокоповичъ и Кониссвій, не выражали своей привязанности къ Птоломею, равно какъ и къ другимъ. Non sola, замѣчалъ Прокоповичъ, p'ane historica de astronomorum opinionibus notitia contenti, alienam litem non ingredimur" (рукоп. той же библ., Р. 65, л. 150; ср. рук. J. 11. 61. 2., л. 217—221).

[1]) Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчается немало разсужденій, безполезныхъ для строгаго вкуса и тяжелыхъ для цѣломудреннаго чувства. Напр., здѣсь ставятся такіе вопросы: quid est generatio viventium? quid requiritur ad originem animalis? quod semen et quando concurrat ad generationem animalis? an semen ex omnibus partibus decidat? quo ordine fiat generatio prolis sev formatio factus? говорится о менструаціяхъ, о причинахъ неплодія и т. п. Неумѣстность подобныхъ вопросовъ особенно чувствуется потому, что на ряду съ рѣшеніемъ ихъ идетъ рѣчь о лицахъ и предметахъ высочайшей святости, напр., рождествѣ Богоматери (См. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., О. 4. 6, л 531—533, рукоп. Кіево-Печерской Лавры X, 49, pars 6. disp. 3; въ позднѣйшихъ руководствахъ этотъ отдѣлъ излагается болѣе сдержанно, см. напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 66 7 л.л. 445 на обор.—448).

[2]) Sciendum... paradisum fuisse locum *corporeum* plantis pulcherrimis et arboribus consitum in oriente, prope Mesopotamiam et Arabiam.., при чемъ приводились мнѣнія о мѣстоположеніи рая изъ Корнелія-а-Ляпиде (Рукоп. библ Кіев. дух. Акад., J. 11. 67. 8, л. 652 на обор.).

настоящее время? [1]) какъ великъ былъ рай? [2]) если бы Адамъ не согрѣшилъ, то внѣ рая жили-ли бы люди? были ли въ раю животныя? вещественное ли (corporalis) было древо жизни? какое именно было древо познанія добра и зла (фиговое или яблочное)? были ли воды въ раю? и т. п.

Математика, вторая часть *натуральной* философіи, была выпускаема изъ философскаго курса всѣми преподавателями Кіевской Академіи, за исключеніемъ Θеофана Прокоповича. Такъ, Сильвестръ Кулябка замѣтилъ въ своемъ философскомъ курсѣ прямо, что она „ab omnibus fere philosophiae scriptoribus nostri in collegio omitti solet [3])". Прокоповичъ,

---

[1]) Probabimus esse paradisum, in quo fuit Adam, nunc non existere, sed diluvio Noetuo vastatum et violatum, ita Pererius (Перейра) contra Bellarminum et alios. Ratio videtur esse. Tum quia scriptura omnes montes sine ulla exceptione aquis diluuii coopertos fuisse, cubitis 15 asserit. Утверждать, что,—быть можетъ,—Богу угодно было, чтобы воды потопа не упраздняли рая,—это значитъ вымышлять чудесное безъ необходимости. „Скажешь, что это было необходимо, такъ какъ въ Екклезіастѣ 44 говорится, что Энохъ былъ взятъ въ рай чтобы, пришедши туда, послать людямъ раскаяніе (poenitentiam)... Но.. Энохъ не былъ въ томъ раю, гдѣ былъ Адамъ, а въ другомъ какомъ-то пріятнѣйшемъ (amaenissimo) мѣстѣ. Перейра въ 33 ей главѣ 3 ей книги о Троицѣ, св. Григорій Великій..., Августинъ... говорятъ, что какъ извѣстно, что Энохъ и Елисей живы до сихъ поръ, такъ неизвѣстно, гдѣ они теперь,—въ раю или въ другомъ мѣстѣ" (изъ курса Хр. Чарнуцкаго).

[2]) „...Quantus fuit... paradisus ante diluvium? Paradisum fuisse longum circiter 12 miliarum, ambitum vero ejus 36 vel 40. Pererius putat fuisse instar (подобнымъ) vel *Poloniae* vel Hispaniae. Тутъ же говорится и о невинномъ состояніи нашихъ прародителей (курсъ Христофора Чарнуцкаго, pars 3, disputatio 3-de paradiso 2-dum), приводились мнѣнія о времени пребыванія ихъ въ раю (Aliqui dicebant annos fuisse primos parentes in Paradiso, quot annos Christus in terris fuit, nempe 33. Alii dicebant 40 diebus; tot enim Christus jejunavit... Августинъ, Григорій, Василій, Дамаскинъ говорятъ, eos fuisse plus, quam uno die. Кириллъ, Епифаній, Ефремъ и др, .. fuisse 6 vel ad summum 10 horas in paradiso); о мѣстѣ погребенія Адама (sepultus in monte.., ubi Christus Dominus crucifixus fuit. Ita sentiunt Ciprianus sermone de resurrectione Christi, Epiphanius, *s—слѣдъ католичества*—Augustinus, Athanasius, Ambrosius et c.,) и т. п.

[3]) Рукопись библ. Кіев. дух. Академіи J. 11. 67. 8, л. 6.

понимая больше другихъ всю непригодность для практической жизни схоластической философіи [1]), преподалъ ее въ сжатомъ видѣ, безъ тѣхъ мелочныхъ свѣдѣній, которыми дорожили его товарищи по каѳедрѣ философской мудрости въ Кіевской Академіи, вознаградивъ свои опущенія изложеніемъ ариѳметики и геометріи [2]), какъ болѣе полезныхъ въ житейскомъ отношеніи.

Наконецъ, *метафизика* [3]), составлявшая послѣднюю часть *натуральной* философіи, вела рѣчь (хотя и не строго выдержанную) о метафизическихъ понятіяхъ: о существѣ вообще, о существѣ реальномъ, возможномъ, о свойствахъ существа трансцендентальнаго (de unitate, veritate et bonitate), о противоположеніяхъ сущаго и объ отрицаніи его, о существѣ фиктивномъ или химерическомъ [4]). Затѣмъ, частнѣе говорила о сущемъ несотворенномъ (Богѣ) и сущемъ сотворенномъ. Такъ какъ рѣчь о Богѣ была предметомъ теологіи, усвоявшей это Высочайшее Благо „ex professo“, то матафизика ограничивалась лишь рѣшеніемъ вопросовъ: можетъ-ли demonstrari existentia Dei; quomodo Deus ubique existat; an

---

[1]) В. Аскоченскій (ч. 2, стр. 17) замѣчаетъ, что Прокоповичъ, „какъ бы не хотя велъ науку философіи по проложенной уже его предшественниками тропинкѣ, имѣя въ виду богословіе, котораго суждено было ему стать преобразователемъ“.

[2]) См. ихъ въ рукописи библ. Кіев. дух. Академіи. Р. 65, л.л. 257—335.

[3]) Называлась она такъ потому, что преподавалась большею частью post phisicam (рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 66. 7, л. 508, proloquium) и extendit ultra scientias experimento naturali... infundatas, tractat de majoribus abstractissimis a sensibus (ibid.);—такъ какъ объектомъ ея изслѣдованія служило omne ens, ut ens, sed quatenus tale, abstrahens vel intrinsece vel extrinsece a materia; ens enim in communi abstrahitur a materia tantum per conceptum (рукоп. той же библ. J. 11. 67 8, л.л. 311—312).

[4]) Въ примѣръ такого существа брался hircocervus. „Cognosco non tantum entitatem hirci, non tantum entitatem cervi, sed in entitate inter hircum et cervum“. (См., напр., метафизику изъ курса Хр. Чарнуцкаго; ср. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 67. 8, л.л. 333—5 и 350—355).

admittenda sunt in Deo potentia sev facultates; quaenam operationum genera destribuant (тутъ говорилось о разумѣ и волѣ Божіихъ); quaenam sunt praecipua Dei attributa; и общими разсужденіями объ ангелахъ [1]). Въ отдѣлѣ о сущемъ сотворенномъ говорилось de ente per se (о бытіи субстанціальномъ), de ente in alio, de potissima proprietate substantiae scilbcet suisistentia, съ замѣчаніемъ, что de subsistentia tractatus per se spectat ad Theologiam, et haec innotuit (становится извѣстнымъ) ex fide: nam ex fide docemur, quod aliud quid est natura et aliud subsinstentia in uno, enim fides docet, quod in Deo unica sit natura, tres subsistentiae sev hypostases [2]).

Излагалась философская наука въ Академіи методомъ чисто схоластическимъ, съ чрезвычайно дробными дѣленіями и подраздѣленіями. Тутъ всегда, сверхъ общаго дѣленія ученія на двѣ части—положительную, въ которой statuuntur conclusiones (въ различномъ числѣ), и отрицательную, занимавшуюся рѣшеніемъ возраженій (soluuntur objectiones), мы видимъ disputatio, quaestio, punctum и paragraphus.

Первымъ преподавателемъ философіи въ изслѣдуемый нами періодъ былъ

Иннокентій Поповскій. Онъ началъ чтеніе философскихъ лекцій въ Академіи, кажется, съ 1699-1700 учеб. года [3]) и продолжалъ, вѣроятно, до конца $170^1/^2$ учеб. года.

Опредѣлить точно время прекращенія Поповскимъ преподаванія философіи очень трудно. 29 марта 1701 г. Попов-

---

[1]) См. метафизику въ рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи J. 11. 67. 8 (ср. метафизику Чарнуцкаго).

[2]) Ibid., tractatus 2, de ente particulari.—См. въ „Исторіи Кіевской Академіи“, іером. Макарія Булгакова, на стр. 145—148, конспектъ философскаго курса, преподаннаго Георгіемъ Конисскимъ.

[3]) Н. И. Петровъ: „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в., стр. 56.

скій, несомнѣнно, преподавалъ философію и, повидимому, былъ уже преднамѣченъ митроп. Варлаамомъ Ясинскимъ къ занятію въ Академіи богословской каѳедры, освободившейся послѣ перевода ректора Прокопія Колачинскаго 27 марта того же года на игуменство въ Кіевскій Пустынно-Никольскій монастырь.

Митроп. Варлаамъ Ясинскій въ письмѣ къ митроп. Стефану Яворскому, отъ 29 марта 1701 г., касаясь академическихъ дѣлъ, писалъ вотъ что: „..Отецъ Туробойскій не докончилъ риторики и здѣсь зѣло былъ надобенъ на маистровство философіи послѣ моего племянника *(Иннокентія Поповскаго)*... А что о магистрахъ ѳилосоѳіи, говорилъ митрополитъ въ томъ же письмѣ, разве мой племянникъ принужденъ будетъ *трилѣтнюю ѳилосоѳію*, какъ ни есть, продолжати, покамѣсть не сыщется иной послѣ его“ [1]). Смыслъ этихъ словъ митроп. Ясинскаго, кажется, можно понять такъ: Туробойскій занялъ бы философскую каѳедру (послѣ Поповскаго) съ началомъ 170¹/₂ учеб. года, но онъ отпущенъ въ Москву; значитъ, Поповскому, долженствующему преподавать съ началомъ 170¹/₂ учеб. г. богословіе (и, думаемъ, послѣ Колачинскаго приступившему къ чтенію его), придется *„какъ ни есть“*, съ особымъ трудомъ, преподавать въ указанное время и философію уже *третій* годъ (1699—1700, 1700—1701; 1701—1702), до той поры, пока не найдется кто либо замѣнить его въ философскомъ классѣ.. Возможно еще и такое пониманіе. Ректоръ Колачинскій назначенъ игуменомъ; теперь преподаваніе богословія слѣдуетъ возложить на учителя философіи Поповскаго; вести два предмета Поповскому трудно; могъ бы Туробойскій преподавать философію, но его берутъ въ Москву. Значитъ, остается до поры до времени Поповскому „какъ ни есть“ читать трилѣтнюю философію, т. е. продолжать преподаваніе ея уже 3-й годъ. Но

---

[1]) „Труды Кіевской духовной Академіи“, 1901 г., ноябрь, стр. 404.

при такомъ пониманіи нужно одно изъ двухъ: или считать, что Поповскій началъ учительствовать въ философскомъ классѣ въ $16^{98}/_{99}$ учеб. году (это I-й; второй—1699—1700 и третій 1700 1701-й) или думать, что митроп. Ясинскій второе полугодіе 1699 г. и первое 1701 посчиталъ за полные годы...

Читалъ философію Поповскій и позже, именно въ первой половинѣ мая 1701 г. Въ это время Академіею было подано кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому прошеніе о защитѣ академическихъ правъ. Подъ прошеніемъ отъ имени профессоровъ подписался „Академіи... Кіевской префектъ школъ, учитель наукъ *философскихъ* и богословскихъ іеромонахъ Иннокентій Поповскій“ [1]). Изъ этой подписи ясно, что Поповскій послѣ ухода Колачинскаго, дѣйствительно, преподавалъ одновременно съ философіею *и богословіе* (въ маѣ 1701 г.).

Между 15 мая и 29 іюня 1701 г. ректоромъ въ Академію былъ назначенъ Гедеонъ Одорскій. Возложено ли было на Одорскаго преподаваніе богословія или нѣтъ,— ясныхъ извѣстій не имѣется. Но такъ какъ 1, въ началѣ (въ концѣ января или въ самомъ началѣ февралѣ) 1703 г., по распоряженію Государя, былъ вызываемъ въ Москву Иннокентій Поповскій „трудившій (трудящійся) въ училищахъ монастыря Братскаго Кіевскаго (постриженецъ Кіево-Печерскаго монастыря)“, и 2, въ грамотѣ къ Кіевскому митрополиту (2 февраля 1703 г.), посланной по этому поводу, была включена оговорка, что, если Иннокентія Поповскаго, „префекта школъ кіевскихъ“, *ради богословскаго ученія* невозможно отпустить“, то взамѣнъ его отправить Амвросія Бѣлиневича, игумена Мгарскаго“ [2]);—то мы утвер-

---

[1]) См. введеніе къ нашему изслѣдованію; сн. „Труды Кіевской духовной Академіи, 1900 г., декабрь, стр. 569 и 604.

[2]) „Труды Кіев. дух. Акад.“ 1901 г., ноябрь, стр. 402.

ждаемъ, что Одорскій *не преподавалъ богословія* въ Кіевской Академіи. Если допустить, что на него возложено было это преподаваніе, то тогда окажется необъяснимымъ, почему же онъ не велъ его до конца своей службы въ Академіи, а передалъ его, хотя бы въ началѣ 1703 г., Поповскому (когда Поповскій, несомнѣнно, преподавалъ богословіе, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ о вызовѣ его въ Москву въ данное время). Вѣроятно, каѳедра богословія не предоставлена была Одорскому потому, что ему былъ предпочтенъ Поповскій, митрополичій племянникъ, [1]), достойный этой каѳедры (если не назначенный на эту каѳедру раньше опредѣленія Одорскаго ректоромъ), какъ уже учившій въ философіи (и чуть-ли не получившій образованіе за границею, кажется, въ Прагѣ [2]); слѣдовательно не уступавшій въ учености Одорскому, видимо, закончившему свое образованіе въ Ольмюнцѣ [3]). Предложить Одорскому, какъ ректору, каѳедру философіи было не въ обычаяхъ Академіи той поры.

Итакъ, Поповскій въ ректорство Одорскаго преподавалъ богословіе (начавши его, вѣроятно, до ректуры Одорскаго, послѣ 29 марта 1701 г.) и, кажется, *одновременно*, до конца $170^1/_2$ учеб. года продолжалъ читать и лекціи по философіи.

Философскій курсъ, преподанный, нужно думать, Поповскимъ, начатый въ 1699 г. и содержащій въ себѣ логику [4]). физику и метафизику, озаглавленъ такъ: Universa philosophia, commentariis scholasticis illustrata, doctrinam peripateticam complectens, ingenuo auditori Roxolano exposita 1699.

---

[1]) О такомъ родствѣ Поповскаго митроп. Ясинскому см. „Труды Кіевской духовной Академіи“, 1901 г., ноябрь, „Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія“, С. Т. Голубева.

[2]) См. ниже.

[3]) „Труды Кіевской дух. Акад.“. 1900 г., сентябрь, стр. 149.

[4]) Діалектика въ 1700 г. была преподана въ риторическомъ классѣ. Она (съ обозначеніемъ 1700 г. и съ указаніемъ на ея преподаваніе въ риторикѣ) есть въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры (XI, 121, часть 2-я рукописи).

Два экземпляра его есть въ рукописяхъ библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря (№№ 1706 и 1707, съ замѣткою въ концѣ перваго экземпляра: Finita est ultima lectio metaphysices anno 1702 julio 27-mo publice multo cum plausu); одинъ—въ библ. Кіево-Софійскаго собора (№ 366); одинъ—въ библ. Кіевской духовной Академіи (О. 4. 6, безъ начальныхъ листовъ; съ замѣткою на 66 листѣ, что философскія диспутаціи propositae et explicatae anno Domini 1700 et sequenti) и одинъ, неполный, въ библ. Кіево-Печерской Лавры (VII 18, часть 2-я рукописи, гдѣ содержится Pars secunda philosophiae vulgo phisica seu scientia naturalis ad mentem peripateticorum anno 1700 aprilis 24, съ замѣткою на оборотѣ 550 л. Anno Domini 1701 Octobris 25 naturalis Philosophia finita est nobis и на оборотѣ 597 л. съ такою же замѣткою, какъ и въ рукописи библ. Кіево-Михайл. монастыря, № 1706). Имени профессора нѣтъ ни на одномъ изъ этихъ экземпляровъ.

Съ началомъ $170^2/_3$ учеб. года мѣсто Поповскаго въ философскомъ классѣ заступилъ

2. *Христофоръ Чарнуцкій* [1]), который учительствовалъ тутъ приблизительно до начала $170^4/_5$ учеб. года.

Преподанный имъ курсъ (не имѣющій общаго заглавія) состоялъ изъ *діалектики* (Manuductio ad Logicam sive Dialectica genorosae juventuti ad rationalem philosophiam praeparandae in campo Kijovo-Mohilaeano exporrecta.., *a reverendo patre Christophoro Czarnucki illustrata* Anno... 1702 7-bris 8-vo, разумѣется, начатой: она окончена была 22 октября, какъ видно изъ замѣтокъ въ другихъ указываемыхъ нами экземплярахъ), экземпляры которой есть въ рукоп. библіотекъ Кіево-Печерской Лавры (X, 59 и X, 58), Кіево-Софійскаго

---

[1]) Имя его, какъ *профессора философіи*, съ указываемой поры обозначено въ приводимомъ нами заглавіи преподанной имъ діалектики, по экземпляру ея въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры X, 59.

собора (№№ 400 и 399) и Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 56; *логики*: Organum Aristotelis seu aurea scientiarum clavis ad universam rationalis philosophiae portam A(nno) 1702 octobris die 23 (начатой, оконченной же 12 мая 1703 г., какъ видно изъ вышеуказанныхъ экземпляровъ въ тѣхъ же рукописяхъ, кромѣ семинарской); *физики*: Philosophia naturalis sev Physica, начатой 14 мая 1703 г. и оконченной 7 апрѣля 1704 г. (ея и метафизики нѣтъ въ рукописи семинарской и въ рукоп. № 399 Кіево-Софійскаго собора, но въ рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 401 есть физика, на которой стоитъ 1704 г.), и *метафизики*: Ultra naturalis scientia seu metaphysica anno 1704 (7 апрѣля оконченной). По окончаніи этого курса, Чарнуцкій (ставшій, вѣроятно, съ мая мѣсяца 1704 г. префектомъ, см. 1-ю главу настоящаго труда) былъ освобожденъ отъ преподаванія философіи, которое повелъ

3. *Иларіонъ Ярошевицкій.* Но Ярошевицкій учительствовалъ въ философскомъ классѣ слишкомъ недолго, приблизительно, *съ сентября* (*8-го*) *по ноябрь мѣсяцъ 1704 г.* (онъ умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ). (На оборотѣ заглавнаго листа рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры X, 71, содержащей запись философскихъ лекцій, начатыхъ въ 1704 году, есть такая замѣтка: Reverendo in Christo patri Hilarioni Jaroszewicki sit requies aeterna, qui docebat scholas in Kioviensi Collegio 5-que annos et 6-to anno incepto cursu Philosophiae finivit cursum vitae suae post Dialecticam, anno 1705-to mense Novembri die. Указаніе въ этой замѣткѣ 1705 года ошибочно: курсъ философскій начатъ Ярошевицкимъ въ 1704 г; умеръ Ярошевицкій, *начавши этотъ курсъ*; значитъ, не въ 1705 г., а именно въ томъ же 1704 году, что подтверждаетъ и находящаяся на передней доскѣ рукописи библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 99. такая замѣтка: „Haec poësis scripta per me..., sub reverendo patre Hilarione Jaroszewicki, pie defuncti anno Domini 1704; сн. при-

водимую ниже замѣтку о смерти Ярошевицкаго изъ рукописи библ. Кіевской духовной Академіи.)

Cursus philosophicus doctrinam Aristotelis Stagiritae ea methodo, qua traditur in scholis, complectens; inchoatus sub R. P. Hilarione Jaroszewicki in Collegio Kijovomohilaeano anno argumentati servi Dei hominis 1704 die 8 septembris, съ точнымъ указаніемъ, сколько изъ него успѣлъ изложить Ярошевицкій до своей смерти (введеніе въ философскій курсъ и начало логики, озаглавленной: Philosophia universa, in partes tres logicam scilicet, physycam et metaphisicam distributa...), есть въ рукописи библіотеки Кіевской духовной Академіи (Р. Муз. № 149, л. л. 1—79 [1]), и, безъ такого указанія, въ рукописяхъ библіотекъ Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1704), Кіево-Софійскаго собора (№ 403), Кіево-Печерской Лавры (X, 71) и Смоленской духовной семинаріи (А. 836. О. 4.) [2]).

По смерти Ярошевицкаго, снова сталъ преподавать (кажется, съ 1-го декабря 1704 г. [3]). въ философскомъ классѣ

4. *Христофоръ Чарнуцкій* [4]), закончившій чтеніе курса, начатаго Ярошевицкимъ, 22 іюня 1706 года.

Прочитанный имъ курсъ (логика, оконченная 21 мая 1705 г., физика, начатая 23 мая того же года, и метафизика, начатая 6 мая 1706 г. и оконченная 22 іюня того

---

[1]) На 79 страницѣ этой рукописи сдѣлана такая замѣтка: „Sit finis logicae nostrae, non finitis prooemialibus ejusdem; cum 1-um 5-ae quaestionis prooemialis punctum dictanti Magistro ultimum fecit punctum vitae, philosophicam ordinem et dispositionem interrumpens verenda Magistra mors

Ample dispositos odit mors atra labores

Caeptum insperato fine coronat opus.

[2]) См. 1-й выпускъ составленнаго нами „Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Смоленскѣ“, 1901 г., стр. 19, № 26.

[3]) Этимъ числомъ помѣчено начало преподаннаго Чарнуцкимъ второго курса въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры X. 49.

[4]) Имя его, какъ профессора философіи съ 1 декабря 1704 г., указано въ рукописи библіот. Кіево-Печерской Лавры X, 49.

же года) есть въ рукописяхъ библіотекъ Кіево-Печерской Лавры (Х. 49, это чуть ли не автографъ Чарнуцкаго), Кіево-Софійскаго собора (№ 403 [1]) и 402, въ послѣдней есть только *неоконченная* физика изъ этого курса), Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1704, л. л. 56—288, логика; и № 1705, физика), Смоленской духовной семинаріи (А. 836. 0. 4, логика) [2]) и Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 58, VIII. 1. 51, VIII. 51 и VIII. 1. 67, физика и метафизика) [3]).

5. *Θеофанъ Прокоповичъ*,—приблизительно съ 1707 г. [4]) и, кажется, до конца 170$^{9}/_{10}$ учеб. года [5]).

Экземпляръ (безъ начальныхъ листовъ) преподаннаго имъ курса, заключающаго въ себѣ діалектику, физику, метафизику, ариѳметику, геометрію и иѳику, есть въ библ. Кіевской дух. Академіи (Р. 65) [6]).

---

[1]) Іеромонахъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) Макарій Булгаковъ ошибочно отнесъ (См. „Исторія Кіевской духовной Академіи“, стр 66) этотъ курсъ къ 1679 году.

[2]) См. наше „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Смоленскѣ“, вып. I, стр. 19, № 26.

[3]) Н. И. Петровъ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. I, стр. 248—249, №№ 157—159.

[4]) Въ этотъ годъ онъ былъ префектомъ и, по словамъ И. Чистовича, преподавалъ философію (см. 1-ю главу настоящаго изслѣдованія). Впрочемъ, очень возможно, что годы преподаванія Прокоповичемъ піитики и риторики нами указаны не вполнѣ точно (такъ какъ и самыя основы для этихъ указаній лишены точности), и, можетъ быть, Прокоповичъ началъ преподавать философію въ 160$^{6}/_{7}$ учеб. году. При этомъ ничто не препятствуетъ предполагать, что онъ въ означенномъ году преподавалъ ее одновременно съ риторикой. Иѳику (см. ниже), которою законченъ философскій курсъ, Прокоповичъ преподалъ въ 1708 г.; значитъ, начатъ былъ курсъ въ 170$^{6}/_{7}$ учеб. году.

[5]) Съ слѣдующаго учебнаго года онъ, по нашему мнѣнію (см. ниже списокъ профессоровъ богословія), началъ преподавать въ Академія богословіе.

[6]) На 247 листѣ, къ иѳикѣ, замѣчено, что она преподана in Academia Kioviensi anno 1708. Думаемъ, что преподавать философію ему было поручено раньше, чѣмъ онъ сдѣланъ былъ префектомъ (См. 1-ю главу настоящаго изслѣдованія).

6. *Сильвестръ Пиновскій*, вѣроятно, съ $17^{10}/_{11}$ учеб. года до половины, повидимому, 1715 г. [1]).

Изъ преподаннаго имъ сохранились Disputationes philosophicae in Collegio Kievo-Mohilaeano Roxolano genorosae indoli propositae anno Domini 1713 die 6 (въ Лаврской рукописи—8), septembris (содержащіе въ себѣ діалектику, оконченную 20 октября 1713 года, логику, начатую 20 октября 1713 г., какъ видно изъ Лаврскаго экземпляра, физику, оконченную 1 іюня 1714 г., и метафизику); они есть въ библ. Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1701) и Кіево-Печерской Лавры (X, 60, здѣсь только діалектика и логика).

7. *Іосифъ Волчанскій*—съ $17^{15}/_{16}$ по $17^{18}/_{19}$ учеб.г. [2]).

Первый (1715—1717 г.) преподанный имъ курсъ (Philosophia tripartita, doctrinam Aristotelis de rebus dialecticis sive logicis, phisicis et metaphisicis compraehendens, in Collegio Kijovo-Mohylaeano inchoata anno Domini 1715, 7—bris die 13) есть въ библ. Кіево-Печерской Лавры (X, 62, тутъ заключаются *діалектика*, начатая 13 сентября, *логика*, начатая 15 ноября, *физика*, обозначенная 1716 годомъ съ указаніемъ имени Іосифа Волчанскаго, и *метафизика*, начатая въ 1717 г., съ указаніемъ того же имени и съ добавленіемъ „protunc praefectum“), Кіевской дух. Академіи (J. 11. 73 14, въ этомъ экземплярѣ указано, что метафизика начата 7 іюня 1717 г.) [3]); *второй* (1771—1719 г. Philosophia universa, doctrinam peripatheticam ad mentem principis philosophorum Aristotelis Stagyritae complectens, commentationibus scholasticis illustrata atque in alma Kijoviensi Academia orthodoxa Mohiliana ingenuo auditori Roxo-

---

[1]) На преподаваніе имъ философіи указываетъ „многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст.“ („Кіев. Старина“, 1884 г., іюнь, стр. 545, см. выше, списокъ учителей аналогіи).

[2]) См. заглавія преподанныхъ имъ курсовъ.

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея, стр. 22—23, № 44.

lano extradita annis 1716—1718, (1717 et 1718 optimo professore ac ordinario praefecto protunc scholarum R. Patre Josepho Wolczanski, какъ значится въ содержащемъ лишь логику экземплярѣ Кіево-Михайловскаго монастыря)—въ библіотекѣ Кіевской духовной семинаріи, въ двухъ экземплярахъ (VIII. 1. 62. и VIII. 1. 44; тутъ есть физика и метафизика, tradita anno Domini 1719 mense Junio 1-mo) [1]); изъ этого курса логики и метафизики есть въ библ. Кіево-Михайловскаго монастыря (первая—въ рукописи № 1703, а вторая—въ рукописи № 1708, т. II, л. л. 301—322).

8. *Иларіонъ Левицкій*—въ $17^{19}/_{20}$ и $17^{20}/_{21}$ учеб. г г. [2]).

Полный преподанный имъ курсъ: Appia trita seu Atrium scientiarum philosophicae vulgo Dialectica dicta, quae intellectus neophilosophorum conducit atque dirigit ad consequendum trinum et cognoscendum unum, verum, bonum utile et honestum juxta illud..., sub reverendissimo patre Hilarione Lewicki, anno Domini 1719 Octobri 2-da die (физика этого курса начата 13 іюня 1720 г., метафизика окончена 23 іюля 1721 г.),—есть въ двухъ экземплярахъ въ библ. Кіево-Печерской Лавры (X, 66, X, 64), въ одномъ—въ библ. Кіево-Михайл. монастыря (№ 1699), а логика и физика изъ него въ библ. Кіевской духовной Академіи (I. 11. 60 1) [3]).

---

[1]) Его-же, Описаніе рукоп. собраній, вып. 1, стр. 250, №№ 164 и 165.

[2]) См. приведенное нами по рукописи библ. Кіево-Печерской Лавры X, 66 заглавіе преподанной имъ философіи. См. замѣтку въ концѣ метафизики, преподанной имъ (по рукоп. библ. Кіево Михайл. мон. № 1699): „Anno 1721 Julii 23 die ad festum S. Joannis Baptistae sub professore reverendi Patris Hilarionis Lewicki“; см. заглавіе (буквальное съ приведеннымъ нами) его курса по академической рукописи. По окончаніи философскаго курса, Левицкій состоялъ „казнодѣей“ Свято-Софійскимъ и членомъ Кіевской духовной консисторіи (въ этой должности мы его видимъ въ февралѣ 1722 года; см. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. II, стр. 138, примѣч. 2-е), а, затѣмъ въ 1723 снова поступилъ преподавателемъ въ философскій классъ Академіи (см. ниже).

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея, стр. 23, № 45.

9. *Платонъ Малиновскій*—въ $17^{21}/_{22}$ и $17^{22}/_{23}$ учеб. г. г. [1]).

Полный преподанный имъ курсъ: Olympia philosophica ad cursum biennalem decertantibus sapientiae amatoribus in Collegio Kievo-Mohilaeano proposita anno quo Aeterna Sapientia Christus ut Gigas cucurrit ad viam Salutis humanae 1721 die 15 septembris, m(*anu*) p(*ropria*) Malinovscii [2])—находится въ рукописи библ. Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 47[3])); полный экземпляръ есть въ рукоп. библ. Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1708, т. I и т. II, л. 1—300); физика изъ его курса есть въ рукоп. той же библ. (№ 1703) [4]); діалектика, логика и метафизика—въ рукоп.

---

[1]) См. приведенное нами по семинарской рукописи заглавіе преподанной имъ философіи; сн. заглавіе преподанной имъ физики (по рукоп. Кіево-Михайл. мон., № 1703), въ которомъ сказано, что она начата 18 сентября 1722 г. sub reverendo P. P. Malinowski; ср. Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VI, ст. 355, гдѣ содержится донешеніе ректора Московской Академіи, архимандрита Гедеона Вишневскаго объ опредѣленіи въ этой Академіи учителей на $17^{26}/_{27}$ учеб. годъ. Тутъ архимандритъ Гедеонъ предполагаетъ поручить преподаваніе богословія іеромонаху Платону Малиновскому, который *обучалъ философію въ Кіевѣ* въ продолженіе двухъ лѣтъ и въ Москвѣ два года былъ конціонаторомъ. Сн. т. VIII, ст. III, № 101, гдѣ есть просьба Малиновскаго, въ мартѣ 1727 года, объ увольненіи его отъ должности префекта въ Московской Академіи. Въ просьбѣ этой Малиновскій говоритъ, что онъ въ Московскихъ школахъ находился *съ 1723 г.*, и что школьные труды свои онъ началъ въ Кіевѣ преподаваніемъ сначала грамматики, а потомъ и *философіи*. Слѣдовательно, въ Москву Малиновскій прибылъ въ 1723 г., послѣ двухлѣтняго преподаванія философіи въ Кіевской Академіи; значитъ, это преподаваніе онъ велъ въ $17^{21}/_{22}$ и $17^{22}/_{23}$ учеб. г.г. (См. о Малиновскомъ у свящ. Н. Стеллецкаго: „Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г.“, Харьковъ, 1895 г, стр. 27—28).

[2]) Логика изъ этого курса была окончена 24 мая 1722 г., физика начата 18 сентября 1722 г. и метафизика начата 15 мая 1722 г. (по рукоп. же Кіево-Михайл. мон. и Кіево-Печерской Лавры: 25 мая).

[3]) Н. И. Петровъ, Опис. рукоп. собр., вып. I, стр. 250, № 166.

[4]) Ibid, вып. II, стр. 142, № 448.

библ. Кіево-Печерской Лавры (X, 75), логика и метафизика въ рукоп. библ. Черниговской дух. семинаріи [1]).

10. *Иларіонъ Левицкій*—въ $17^{23}/_{24}$ и $17^{24}/_{25}$ учеб. г.г. [2]), вторично.

Полные экземпляры этого его курса (Его составляли 1) Dialectica sev breve compendium inicialis Aristotelicae philosophiae in subsidium neophilosophis porrectum in Collegio Kijevo-Mohileano anno Domini 1723...; 2) логика—scientia rationalis..., anno Domini 1723 octobris 14 inchoata; 3) philosophia naturalis sev phisica, disputationibus illustrata anno Domini 1724 die Junii 12 inchoata, и 4) philosophia ultranaturalis sev metaphisica juxta morem scholasticum in Collegio Kijoviensi tradita anno Domini 1725, оконченная 2 іюля того же года) имѣются въ библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 60) [3]), Кіево-Софійскаго собора (№ 406) и Кіево-Михайл. монастыря (№ 1697); діалектика, логика и физика изъ него—въ библ. Кіево-Печерской Лавры (X, 78), діалектика и физика—въ библ. Черниговской дух. семинаріи [4]) и Кіево-Печерской Лавры (X, 67).

11. *Амвросій Дубневичъ*—съ $17^{25}/_{26}$ по $17^{29}/_{30}$ учеб. г.г. [5]).

---

[1]) Лилеевъ. Описаніе рукописей, принадлеж. библ. Черниговской дух. семинаріи, стр. 207, № 185, л. 172—309.

[2]) Въ рукописи Кіево-Михайл. мон. внизу заглавнаго листа къ философскому курсу Левицкаго есть запись: Michael Dowhalewski a (*uditor*) Philosophiae exaravit sub reverendissimo Hylario Lewicki professore et doctore Philosophiae 1723. Въ рукописи Кіево-Печерской Лавры X, 67 въ заглавіи физики, помѣченной 1725 годомъ, добавлено: „R. Patris Hilarionis Lewicki orthodoxi". Въ рукописи Кіево-Софійскаго собора № 406, на л. 657 замѣчено (*рукою позднѣйшею записи лекцій*): Hic liber philosophicus traditus est ab admodum reverendo patre Hilario Lewicki, rectore Colleg. Kijovo-Mohileani (см. I-ю главу настоящаго изслѣдованія).

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., вып. 1, стр. 251, № 167.

[4]) Лилеевъ, Описаніе рукописей, принадл. библ. Черниговской дух. семинаріи, стр 207, № 185, л. 172—309.

[5]) На оборотѣ 439 л. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 9 за лекціей, читанной въ январѣ 1727 г. (на л. 437 есть помѣта: 1727 Januar die

Первый курсъ: Cursus philosophicus biannalis in orthodoxa Academia Kijovo-mohileana ingenuo auditori Roxolano expositus nec non scholasticis commentationibus illustratus anno Viatoris Dei hominis 1725 in annum 172...die 10 (въ немъ діалектика, логика, начат. 30 октября 1725 г.) есть въ библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 9, л. 276—528) [1]; *второй* (1727—1729 г.): Philosophia peripathetica juxta mentem ac veram principis philosophorum Aristotelis Stagiritae doctrinam ingenuo auditori Roxalano exposita per reverendissimum Patrem Ambrosium Dubniewicz ac anno Jncarnatae Sapientiae 1727 septembris 16 Kijoviae in alma et orthodoxa Academia Mohiliana inchoata (по академической рукописи)—въ библ. Кіевской дух. Академіи (J. 11. 66. 7) [2] и Кіево-Печерской Лавры (X, 76); физика и метафизика изъ него—въ библ. Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1746) и Смоленской дух. семинаріи (A. 846. 0. 3) [3],

12. *Стефанъ Калиновскій*—съ $17^{29}/_{30}$ по $17^{32}/_{33}$ учеб. г. [4]).

---

23), въ физикѣ, преподанной Дубневичемъ, есть замѣтка, начинающаяся такъ: Hic inscripta sunt nomina philosophorum insignium, cum quibus haec scripta est alacriter lectio sub reverendissimo religiosissimoque patre doctore *Hilarione* (имя Дубневича замѣнено именемъ тогдашняго ректора Левицкаго *Иларіона*) nomine, cognomineque Dubniewicz...; въ рукоп. Кіево-Михайл. мон. (№ 1746), содержащей въ себѣ физику, начатую 7 іюня 1728 г., и метафизику, начатую 10 и оконченную 29 іюня 1729 г., на л. 372 и на обор. 431, есть указанія, что онѣ преподаны профессоромъ и префектомъ Амвросіемъ Дубневичемъ; въ указываемой у насъ рукописи Смоленской дух. семинаріи, въ заглавіи физики сказано, что она anno Domini 1728 inchoata sub reverendissimo in Christo patre Ambrosio Dubniewicz. Учителемъ философіи въ концѣ 1727 г. онъ именуется въ „Реестрѣ учителей и учениковъ въ коллегіумѣ Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающихся, року 1727 поданномъ" (въ Св. Синодъ). См. описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI.

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., вып. I, стр. 265, № 200.

[2]) Его-же, Описаніе рукоп церк.-археол. музея, стр. 24, № 49.

[3]) См. составленное нами „Описаніе рукоп. собраній, находящ. въ г. Смоленскѣ", вып I, стр. 22, № 30.

[4]) Объ учительствѣ его въ 1729—31 г.г. говоритъ приводимое заглавіе преподанной имъ философіи и дѣло 1754 г. (гдѣ отъ 14 мая 1731 г. есть его

Полный преподанный имъ *первый* курсъ въ 1729—31 г.: Cursus philosophicus in Collegio Kijovo-Mohylaeano ingenuis sapientiae amatoribus explicatus 1729 ad annum 1730 sub reverendissimo in Christo patre Stephano Kalinovski—есть въ библ. Кіево-Печерской Лавры (X, 83); логика и метафизика изъ него—въ библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 46, л. 2—238)[1]); записей же лекцій *второго* курса не сохранилось.

13. *Іеронимъ Миткевичъ*—въ $17^{33}/_{34}$ и $17^{34}/_{35}$ г.г. [2]).

подпись, какъ учителя философіи; сн. въ 1-й главѣ списокъ префектовъ) архива Кіевской дух. консисторіи. Въ концѣ $17^{27}/_{28}$ (позже 19 марта 1728 г.) учеб. года Св. Синодъ предписалъ кіев. архіеп. Варлааму Ванатовичу выслать въ учителя въ Москву, въ числѣ прочихъ лицъ, и Калиновскаго. Архіеп. Ванатовичъ въ отвѣтъ Синоду просилъ оставить Калиновскаго въ Кіевѣ „при проходимой имъ должности учителя риторики и философіи (Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, № 193, ст. 206). *Думаемъ*, что въ послѣднихъ словахъ учительство Калиновскаго въ философіи имѣется въ виду, какъ предполагаемое только съ наступленіемъ новаго учебнаго года (когда Дубневичу, заканчивавшему двухгодичный философскій курсъ, могло быть дано какое-нибудь новое назначеніе), но не какъ дѣйствительное въ концѣ $17^{27}/_{28}$ учеб. года. Приведенныя нами выше замѣтки изъ рукописей говорятъ, что въ 1728 г. философію преподавалъ Амвросій Дубневичъ... Можетъ быть, Амвросій Дубневичъ былъ во время отвѣта архіеп. Ванатовича Синоду въ отпускѣ, или болѣлъ; тогда за него Калиновскій, учительствовавшій въ риторикѣ, могъ временно преподавать и въ философскомъ классѣ. Но это болѣе, чѣмъ сомнительно: вѣдь профессоръ долженъ имѣть чрезвычайную подготовку для неожиданнаго замѣщенія другой каѳедры. Поэтому, намъ представляется болѣе вѣроятнымъ наше первое предположеніе. А что онъ былъ учителемъ и въ $17^{31}/_{32}$—$17^{32}/_{33}$ г.г., это мы говоримъ на томъ основаніи, что въ данное время ректоромъ Академіи былъ Амвросій Дубневичъ, читавшій богословіе (см. списокъ ректоровъ и профессоровъ богословія), а префектомъ Калиновскій; съ обязанностью же префекта всегда соединялось чтеніе философіи (иногда даже богословія), которую, дѣйствительно, около марта 1733 г. Калиновскій и преподавалъ въ Академіи. Ясное указаніе на это есть въ дѣлѣ № 21, въ „Актахъ, относящихся къ исторіи Кіевской Академія за XVIII ст.", собранныхъ нами въ 1895 г. (Выписка изъ этого дѣла о возмущеніи студентовъ философіи противъ Калиновскаго приведена нами ниже).

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собраній; вып. I, стр. 252, № 169.

[2]) Указаніе на преподаваніе имъ философіи есть въ рукоп. библ. Смоленской дух. семинаріи А. 833. О. 1, гдѣ въ самомъ заглавіи философскаго курса,

Преподанная имъ философія: Liber Philosophiae quadripartitus, id est logica, metaphysica, phisica et ethica ad mentem Aristotelis Stagyrytae ea methodo, qua traditur in scholis, biennio scribendus et explicandus in Collegio Kijovomohylano, sub ejusdem Collegii sapientissimo ac munificentissimo protectore illustrissimo Raphaële Zaborowski Archypraesule Kijoviensi, inchoatus anno Domini 1733 septembris 17 die—есть въ библ. Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 64)[1]) и часть ея (діалектика, логика, начало метафизика и часть физики) въ библ. Смоленской духовной семинаріи (А. 833. О. 1)[2]).

14. *Сильвестръ Кулябка*—съ августа 1735 г. до конца $17^{38}/_{39}$ учеб. г. [3]).

Первый (1735—37 г.г.) его курсъ: Philosophia quatuor suis partibus biennium ex more claudens die mense septembris 17 anno 1735 cum Deo inchoata per R. Patrem Hieromonachum Sylvestrum Kulabka (логика окончена 18 мая, 1736 г., метафизика 19 іюня 1736 г., физика 12 іюня 1737 г., этика—15 іюня 1737 г.) есть въ библ. Черниговской дух. семинаріи [4]) и Кіево-Печерской Лавры (X, 79), а *второй* (1737—39 г.г.): Cursus philosophicus ingenuis sa-

---

начатаго 17 сентября 1733 г., сказано, что онъ traditus sub dignissimo professore Hyeronymo Mitkewicz, и, затѣмъ, то же самое повторено въ заглавіи физики, начатой 18 сентября 1734 г., и въ заглавіи метафизики, начатой 16 мая 1734 г. Въ 1733—35 г.г. Митковичъ былъ префектомъ (см. выше), а богословіе читалось въ Академіи Иларіономъ Негребецкимъ (см. ниже).

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., вып. I, стр. 252, № 170.

[2]) См. составленное нами „Описаніе рукоп. собр., наход. въ г. Смоленскѣ", вып. I, стр. 23, № 31.

[3]) См. опредѣленіе учителей (на $17^{35}/_{36}$ учеб. г.) отъ 28 августа 1735 г. (передано нами въ библ. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Академіи); сн. вѣдомости объ ученикахъ Кіев. Академіи (представленныя въ Св. Синодъ) за $^{36}/_{37}$, $^{37}/_{38}$ и $^{38}/_{39}$ учеб. г.г., гдѣ онъ именуется учителемъ философіи.

[4]) Лилеевъ, Опис. рукоп. собр, принадл. библ. Черниговъ. дух. сем., стр. 195, № 159.

pientiae amatoribus, in Academia Kijovo-Mohylo-Zaborovsciana iteratim expositus, nec non scholasticis commentationibus tritus anno Domini 1737 ex die septembris, 19 ab admodum in Christo patre Sylvestro Kulabka protunc philosophiae professore scholarumque praefecto,—въ библ. Кіевской дух. Академіи (J. 11 67. 8)[1]; діалектика и логика изъ него есть въ библ. Смоленской дух. семинаріи (А. 696. 0. 1, л. л. 278—405)[2] и физика въ рукоп. библ. Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 46, л. л. 239—587)[3].

15. *Михаилъ Козачинскій*—съ $17^{39}/_{40}$ по $17^{44}/_{45}$ учеб. г.[4].

Первый (1739—1741 г.) его курсъ: Cursus philosophicus entis naturalis per quaestiones philosophicas ad sequens consvetumque biennii tempus juxta usum in scholis Peripatheticorum praeceptum ingenuo auditori Roxolano in alma ac orthodoxa Academia Mohylo-Zaborowsciana... expositus et explicatus..., anno 1739 septem. 18 die inchoatus Kijoviae, sub reverendissimo patre Michaele Kozaczynskj, оконченный 3 іюля 1740 г., въ двухъ экземплярахъ, есть въ библ. Кіево-Печерской Лавры (X, 70 и рукоп. Лат. 47); *второй* (1741—43 г.): Syntagma totius Aristotelicae Philosophiae ad usum scholae Peripateticae in celebri orthodoxa Academia Kiewo-Mohylo-Zaborowsciana... in 5 libros divisum, Roxolano auditori ex consvetis per biennium traditum et explicatum, nec non publicis disputationibus ac... argumentis viva voce prolatis illustratum, inchoatum Kijoviae anno... 1741 septembris 18 die,—въ библ. Кіево-Печерской Лавры (X, 85), Кіевской духов. Академіи (Р. Муз. № 637) и С.-Петербургской

---

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-арх музея, стр. 24—25, № 50.

[2]) См. составленное нами „Описаніе рукоп. собран., находящ. въ г. Смоленскѣ", вып. I, стр. 50, № 64.

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собр., вып. I, стр. 252, № 169.

[4]) См. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 13 и № 23; сн. вѣдомость объ ученикахъ Кіевской Академіи за

дух. Академіи [1]); *третій* (1743—45 г.): Philosophia Aristotelica ordine scholae peripathetica ex consvetis in alma et orthodoxa Academia Kijovo-Mohylo-Zaborovsciana per biennium dic-

---

17³⁹/₄₀ учеб. г. (въ архивѣ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III, гдѣ подъ спискомъ учениковъ философскаго класса 9 декабря 1739 года подписался „учитель іерей Мануилъ Ковачинскій (о времени принятія Ковачинскимъ монашества см. въ 1-й главѣ, списокъ префектовъ); сн. такія же вѣдомости и за дальнѣйшіе годы.

Въ представленіи учителей (на 17⁴³/₄₄ учеб. г.) отъ 4 августа 1743 г. на Михаила Козачинскаго предположено было возложить чтеніе богословія, а преподаваніе философіи поручить іером. Варнавѣ Старжицкому (См. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 22). 8 августа 1743 г. митроп. Рафаилъ Заборовскій просилъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры выслать (вмѣстѣ съ другими лицами, назначенными въ учителя Академія изъ Лаврскихъ монаховъ) Старжицкаго къ занятію опредѣленнаго ему служенія. Варнава Старжицкій въ это время находился въ г. Глуховѣ. 12 августа Лаврскій архимандритъ Тимоѳей Щербацкій увѣдомилъ Старжицкаго о состоявшемся опредѣленіи. Старжицкій 28 числа отвѣтилъ Щербацкому, что онъ при отъѣздѣ своемъ въ Глуховъ, для окончанія „книгъ правныхъ“, обязался переписать и привезти въ Лавру „книгу правную“; что сейчасъ онъ переписалъ бо́льшую половину этой книги (Въ архивѣ Кіево-Печерской Лавры сохраняется книга, озаглавленная „*Комиссіи перевода и свода книгъ правнихъ проэкти*“, гдѣ съ 16 главы есть подпись „*іером. Варнавы Старжицкаго Кіево-Печерской Лавры соборнаго старца*“); и что оставить дѣло дальнѣйшей переписки книги не можетъ, вслѣдствіе отлучки писаря Луки въ вотчины (Архивъ Кіево-Печер. Лавры, 1-я связка дѣлъ. л. л. 120 и 122). 7 сентября архимандритъ Щербацкій изъ Смѣлого отправилъ „дубликатъ“—вторичное письмо Старжицкому въ Глуховъ. 11 сентября Старжицкій, въ виду требованія, чтобы онъ непремѣнно явился преподавать философію, отвѣтилъ: „По довольномъ разсужденіи такой школы тяжесть и трудность, а силъ моихъ оскудѣніе и крайнюю за часто находящими природными болѣзньми моими немощь узнаю себе быть неудобна“ (Ibid., л. 123). Послѣ этого, 20 сентября архимандритъ Тимоѳей Щербацкій сдѣлалъ запросъ къ Лаврскому намѣстнику о томъ, нѣтъ ли кого между Кіево-Печерскими иноками на мѣсто Старжицкаго въ учителя философіи (ibid., л. 121). Что было слѣдствіемъ такого запроса,—не знаемъ.. Видимо, каѳедру философіи оказалось необходимымъ оставить по прежнему за Козачинскимъ... 20 августа 1744 г. Ковачинскій снова былъ оставленъ въ философскомъ классѣ на 17⁴⁴/₄₅ учеб. г. (См. опредѣленіе учителей на 17⁴⁴/₄₅ учеб. г. у профес. С. Т. Голубева). Въ 17⁴⁵/₄₆ учеб. г. мы видимъ Козачинскаго профессоромъ богословія (см. ниже).

[1]) „Описаніе 432 рукописей, принадлежащихъ С.-Петербургской дух. Академіи“, А. Родосскаго, СПБ., 1893 г., стр. 218, № 203.

tata.., inchoata anno... 1743 septembris 23 die Kijoviae, patre praefecto academiae ordinario professore philosophiae Michaële Kozaczynskj—въ библ. Кіевской дух. Академіи (J. 11. 63. 4) [1]) и Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1. 41 и VIII. 1. 43, не полный) [2]).

16. *Гедеонъ Сломинскій* [3]) въ $17^{45}/_{46}$ учебномъ году по май 1747 г. [4])

Преподанная имъ философія: Cursus philosophicus de rerum divinarum et humanarnm cognitionem contendentibus in Academia Mohylo-Zaborowsciana institutus nec non doctis celeberri-

---

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея. стр. 25, № 52.

[2]) Его-же, Описаніе рукоп. собр.; вып. I, стр. 252—3, №№ 171 и 172.

[3]) Сынъ священника мѣстечка Жолкви, польской націи, Сломинскій былъ постриженъ въ монашество на 29 году отъ роду, 24 марта 1744 г. въ Кіево-Михайл. мон. (Архивъ Кіев. дух. консисторіи д. 1743 г., № 127 и д. 1744 г., 24 апрѣля, № 839. О времени назначенія его учителемъ философіи см. выше. Вызванный въ началѣ 1747 г. въ Петербургъ для провѣрки новаго перевода славянской библіи, Сломинскій оставался въ Кіевѣ для излѣченья своей болѣзни (Онъ въ маѣ мѣсяцѣ отказывался отъ этой поѣздки своею болѣзнію—„трясавицею, отъ которой и ноги спухли, почему и въ школу съ великимъ бѣдствіемъ и то только въ такіе дни, въ которые пароксизми не бываютъ, едва ходить можетъ") почти до конца 1747 года; Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх Св. Пр. Синода, т. III, № 38, ст. 78. Думаемъ, что до конца $17^{46}/_{47}$ учеб. г. онъ состоялъ учителемъ философіи; съ началомъ же слѣдующаго учеб. года преемникомъ ему былъ назначенъ іером. Георгій Конисскій, назначенный въ маѣ мѣсяцѣ префектомъ Академіи на мѣсто Варлаама Лящевскаго (см. І-ю главу нашего изслѣдованія). Аскоченскій почему-то считаетъ Сломинскаго собственно учителемъ *риторики*, а на преподаваніе имъ философіи смотритъ какъ на дѣло случайное, возложенное на него вмѣсто Лящевскаго, преподававшаго богословіе за больного ректора Ляскоронскаго (ч. 2, стр. 140) Но такому своему домыслу, кажется, не вѣрилъ и самъ Аскоченскій (ч. 2, стр. 167—169). Лящевскій состоялъ преподавателемъ богословія одинъ годъ (съ осени $17^{46}/_{47}$ до 3-го мая 1747 г., см. ниже). *философіи* же никогда не читалъ (В. Аскоченскій не правъ, считая Лящевскаго профессоромъ философіи; см. ч. 2, стр. 127) слѣдовательно, замѣщать его каѳедру по философіи Сломинскому не приходилось; Учителями же риторики въ его время были въ $17^{45}/_{46}$ г.—Тихонъ Александровичъ и въ $17^{46}/_{47}$ г.—Досиѳей Голяховскій (см. выше)..

[4]) 8 августа 1745 г. митрополитомъ, согласно соотвѣтствовавшему представленію, былъ опредѣленъ на учительство въ философскомъ классѣ іером. Ти-

morum authorum commentationibus imprimis clarissimi logici Bartholomaei.. mani quoad fieri potuit tritus anno 1765 (поправлено 1746) sub reverendissimo patre Gedeono Slominski, philosophiae professore eruditissimo есть въ библ. Иркутской дух. семинаріи (по инвентарю ея каталога подъ № 21) [1]); и

17. *Георгій Конисскій*—съ $17^{47}/_{48}$ учеб. г. до 26 августа 1751 г. [2]).

Первый его курсъ (1747—9 г.): Philosophia peripathetica juxta numerum quatuor facultatum quadripartita, continens in se logicam, physicam, metaphysicam et ethicam, tractata, tradita ad mentem principis philosophorum Aristotelis S. Kijowiae in alma et orthodoxa Academia Mohylo-Zaborowsciana annis 1747 et 1748 Professore Reverendissimo Patre Georgio Koniski, Academiae Kijovensis praefecto,—въ двухъ экземплярахъ, есть въ библ Черниговской дух. семинаріи [3]); *второй* же (1749—51): Philosophia juxta numerum quatuor facultatum quadripartita complectens Logicam, Ethicam, Physicam et Methaphysicam, tradita in Academia Kijevensi anno Domini 1749 et

---

хонъ Александровичъ. Александровичъ отказался отъ этого назначенія и былъ оставленъ на учительствѣ въ риторикѣ (см. выше списокъ учителей риторики), Вслѣдствіе этого Гедеону Сломинскому, опредѣленному того же 8 августа на учительство въ риторикѣ, было предоставлено преподаваніе философіи, вѣроятно, въ началѣ сентября 1745 г., такъ какъ Тихонъ Александровичъ свой отказъ отъ философіи написалъ на имя Лаврскаго архимандрита Тимоѳея Щербацкаго 31 августа. Что именно Сломинскій преподавалъ философію въ $17^{45}/_{46}$ г., это подтверждается указаніемъ на таковое учительство его около *1 мая 1746 г.* въ доношеніи (имѣющемся у профессора С. Т. Голубева) префекта Михаила Ковачинскаго отъ 15 мая 1746 г. къ митроп. Рафаилу Заборовскому. О преподавательствѣ же его въ $17^{46}/_{47}$ уч. г. въ философскомъ классѣ см. примѣчаніе къ рѣчи объ учителяхъ аналогіи Кременецкомъ и Ярошевскомъ.

[1]) „Труды Кіев. дух. Акад.“, 1892 г., октябрь: „Рукописи Иркутской дух. семинаріи южно-русскаго происхожденія“, стр. 311—312, № 10.

[2]) См. заглавія преподанныхъ имъ курсовъ; сн. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 39.

[3]) Лилеевъ, Опис. рукоп., принад. библ. Черниигов. дух семин.; стр. 197, №№ 171 и 172.

1750, sub R. P. Professore Georgio Koniskj,—въ библ. Кіево-Софійекаго собора (№ 410), С.-Петербургской дух Академіи [1]) и Кіевской дух. Академіи (Р. Муз. № 102, и J, 11. 61 2) [2]); физика изъ него въ—библ. Кіевской дух. Академіи (J. 11. 64. 5) [3]).

Философскія руководства, преподанныя перечисленными преподавателями Академіи, не только одинаковы по содержанію и по (одному и тому же схоластическому) духу, но и по буквѣ мѣстами представляютъ слабое отличіе одно отъ другого [4]). Нельзя сказать, конечно, что это были списки одного и того же учебника; нѣтъ, всякая система имѣетъ свой объемъ и свое изложеніе, отличающіе ее отъ другой. Очевидно, каждый профессоръ въ составленіи своихъ лекцій хо-

---

[1]) „Описаніе 432 рукописей, принадлеж. С.-Петербургской дух. Академіи", А. Родосскаго, СПБ., 1893, стр. 217, № 202.

[2]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея, стр. 25, № 51.

[3]) Ibid., стр. 26, № 54.

[4]) Порою цѣлые трактаты одного руководства буквально повторялись въ другомъ; ср. напр., л.л. 146 на обор,—151 на обор. изъ рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. Р. 65 съ л.л. 217—221 изъ рукоп. той же библ. J. 11. 61. 2; второй курсъ Кулябки (по академической рукоп.) во многихъ мѣстахъ (особенно въ отдѣлѣ: de elementis imparticulari) до буквальности сходенъ съ курсомъ Дубневича (по академ. рукоп.); ср. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. О. 4. 6; л. 531 et sq. съ л. 445 et sq. рукописи той же библ. J. 11. 66. 7; и мн. др. Отзывъ М. Линчевскаго о значительной самостоятельности философскаго курса М. Козачинскаго, будто бы сдѣлавшаго „первую попытку освобожденія" отъ „рабскаго подчиненія системѣ Аристотеля", и о Г. Конисскомъ, какъ слѣдовавшемъ Аристотелю „только въ логикѣ и діалектикѣ", а въ остальныхъ частяхъ философіи „достаточно самостоятельномъ" (См. „Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіев. Академіи" въ „Трудахъ Кіев. дух. Акад.", 1870 г., т. III, стр. 537—8),—одно недоразумѣніе, явившееся, конечно, внѣ всякаго знакомства съ лекціями Козачинскаго и Конисскаго и сравненія ихъ съ руководствами другихъ профессоровъ, близкихъ къ нимъ по времени. Курсы Козачинскаго сходны съ курсами Дубневича, Кулябки и др., а лекціи Конисскаго съ курсомъ Прокоповича (см. ниже), и ничуть не свободны отъ рабства схоластическому аристотелизму, что видно даже изъ самыхъ заглавій ихъ. Лекціи Козачинскаго и Конисскаго только болѣе чужды груза схоластическихъ тонкостей и подробностей.

тѣлъ быть по возможности самостоятельнымъ и не желалъ имѣть руководствомъ систему своего предшественника. Но, съ другой стороны, весьма ясно, что у кіевскихъ профессоровъ были часто одни и тѣ же источники для философскихъ лекцій: многочисленные комментаріи на Аристотеля [1]) и различныя западно-европейскія іезуитскія руководства по философіи, нерѣдко именуемыя и самими преподавателями въ ихъ лекціяхъ [2]). Разумѣется, трудно предполагать, чтобы каждый профессоръ въ теченіе двухъ лѣтъ своего преподавательства въ философскомъ классѣ (при занятіяхъ помимо профессоры, какъ, напр., при несеніи обязанностей префектуры и т. п.) успѣвалъ изучить или даже прочитать все то, что имъ цитовалось въ лекціяхъ. Естественнѣе допустить, что преподаватели философіи Кіевской Академіи свои лекціи со ставляли, не самостоятельно изучая Аристотеля и его комментаторовъ, а списывая и передѣлывая, насколько кто могъ, цѣлые трактаты изъ печатныхъ и рукописныхъ философскихъ учебниковъ, преподававшихся въ различныхъ іезуитскихъ латино-польскихъ академіяхъ и коллегіяхъ.

Мы пересмотрѣли почти всѣ латино-польскія печатныя и рукописныя руководства по философіи, находящіяся въ кіевскихъ книгохранилищахъ и въ библ. Смоленской дух. семинаріи, и думаемъ, что рукописныя руководства болѣе, чѣмъ печатныя, служили для профессоровъ Академіи источниками

---

[1]) См. приведенную нами выше выписку рукоп. изъ библ. Кіев. дух. Академіи J. 11. 66. 7. л. л. 86 и 119. Весьма многихъ изъ цитуемыхъ комментаторовъ на Аристотеля въ философскихъ курсахъ Академіи изслѣдуемаго нами періода въ настоящее время нѣтъ въ библ. Кіев. дух. Академіи (Время и пожары истребили почти все, чѣмъ пользовалась древняя Академія); очень же много ихъ сочиненій есть въ библ. Волынской дух. семинаріи (см. л. 112—125 ея каталога, составленнаго въ 1917 г., въ библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз. № 629).

[2]) См. напр. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 66. 7, л, 119, 121, 126, 275 на обор. и мн. др. Болѣе другихъ профессоровъ такихъ указаній сдѣлано Амвросіемъ Дубневичемъ.

ихъ лекцій. Это, кажется, происходило изъ стремленія Кіевской Академіи стоять въ научномъ отношеніи наравнѣ съ латино-польскими учебными заведеніями. Въ силу такого своего желанія Академія и старалась имѣть у себя всегда рукописныя лекціи, читавшіяся тамъ, чтобы, такимъ образомъ, вполнѣ владѣть ихъ „оружіемъ“ и стоять съ ними на одномъ уровнѣ. Что, дѣйствительно, она пользовалась такими рукописными лекціями, видно изъ письма митроп. Варлаама Ясинскаго къ Прокопію Калачинскому отъ 24 іюня 1695 г. (См. лѣтопись Самуила Величко, т. III, стр. 348 и дал., Кіевъ, 1855 г.), гдѣ указывается и на то, что въ библіотекѣ Кіевскаго Братства, кромѣ печатныхъ, было много и *рукописныхъ* книгъ по философіи. Послѣднихъ, къ сожалѣнію, не сохранилось до настоящаго времени, а между тѣмъ онѣ могли бы дать главный ключъ къ опредѣленію источниковъ философской науки Кіевской Академіи первой половины XVIII вѣка.

Сходствомъ (если не тожествомъ) источниковъ и объясняется весьма близкое сродство руководствъ по философіи, преподанныхъ въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Всѣ они имѣютъ одинаковый планъ и различаются между собою лишь нѣкоторымъ перемѣщеніемъ иныхъ трактатовъ съ одного мѣста на другое, большею или меньшею полнотою объема и слабымъ разнообразіемъ языка.

Единственное, что представляетъ собою нѣкоторое уклоненіе отъ общаго хода въ преподаваніи философіи за все полстолѣтіе, это—изложеніе въ философскомъ курсѣ ариѳметики и геометріи Ѳ. Прокоповичемъ [1]) и вообще значительное облегченіе имъ этой науки отъ безполезныхъ схоластическихъ тонкостей. Прокоповичъ въ своемъ курсѣ удержалъ лишь существенныя положенія философской науки, обычно

[1]) См. объ этомъ выше.

читавшейся въ аудиторіи Кіевской Академіи, совершенно удаливъ изъ своихъ лекцій праздныя разсужденія [1]), и замѣнивъ ихъ, по мѣстамъ, болѣе полезными сообщеніями. Напр., въ физикѣ, вмѣсто схоластическихъ вопросовъ, подобныхъ тому: въ какое время года, въ какой мѣсяцъ и день (qua parte anni, quo mense et die) сотворенъ міръ [2]), онъ прочиталъ: „Hexaemeron ex M. Basilio, Ambrosio, Chrisostomo, Eustathio Antiocheno, Theodoreto“ [3]). Онъ же преподалъ въ философскомъ классѣ въ 1708 г. (находящееся въ рукописи библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 227, на л. л. 364—383), направленное, главнымъ образомъ, противъ лютеранина Іоанна Гербинія (Joannes Herbinius, Lutheri testator, qui Kijoviam subterraneam seu cryptos Kijovienses, latine descripsit, edito libello Regiomonti in Prussia anno 1675), съ обращеніемъ вниманія и на то, что ставили противъ почитанія мощей въ своихъ научныхъ положеніяхъ Joannes Zahm (въ сочиненіи „Speculum mundi“) и Daniel Sennertus (въ кн. „De principiis chimicis“): „Dissertatio de integritate sanctorum, quae in cryptis Kijoviensibus sunt, corporum,—num ea naturae viribus tribui possit?“ (Въ приведенномъ заглавіи сдѣлано добавленіе, дающее намъ основаніе считать разсужденіе прочитаннымъ въ философскомъ классѣ, въ курсѣ физики, заключавшей въ себѣ и физіологію: „Excerpta ex Phisiologia, tradita in Collegio Kijoviensi anno 1708 parte 3, lib. 1, c. 7. Это же разсужденіе есть въ рукописи библ. Черниговской духовной семинаріи, по описанію Лилеева, стр. 196—7, № 161, л. 234, послѣ философскаго курса, оконченнаго 2 іюля 1747 г.. Тутъ оно оза-

---

[1]) Напр., вопросъ объ универсіяхъ, занимавшій въ другихъ руководствахъ большую часть логики, у него изложенъ всего лишь на шести листахъ (см. его философію, л. 30—36).

[2]) См. курсъ Дубневича, по академ. рукописи, л. 417 и дал.

[3]) См. его философію, л. 155—161.

главлено: „Apologia sacrarum Reliquiarum Patrum nostrorum, qui post suum obitum in cryptis nostris Kijoviensibus quieverunt... quod scilicet hac divina supernaturali virtute dotem integritatis sortita incorrupta servantur". Вѣроятно, оно списано съ печатнаго изданія (такъ же озаглавленнаго) разсужденія Ѳ. Прокоповича, помѣщеннаго въ вышедшей въ Бреславлѣ въ 1745 г. книгѣ: „Illustrissimi ac reverendissimi Theophan. Prokopowicz Miscellanea sacra", на стр. 65—122) [1]). Ѳ. Прокоповичу слѣдовалъ въ своихъ философскихъ чтеніяхъ Георгій Конисскій, по всей вѣроятности, и руководившійся лекціями Прокоповича [2]).

За философскимъ классомъ, наконецъ, былъ классъ высшей академической науки — *богословія*.

На изложеніе полнаго курса богословія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII в. полагалось четыре года. Такая продолжительность богословскаго курса зависѣла отъ того характера, какой имѣла богословская наука, преподававшаяся въ это время въ Академіи.

Историки Кіевской Академіи, касаясь преподаванія въ ней богословія, обычно ограничиваются въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь общими замѣчаніями, что въ богословіи Академіи господствовалъ Ѳома Аквинатъ [3]), что такой то профессоръ при изложеніи богословія пользовался Ѳомою Акви-

---

[1]) На русскомъ языкѣ „Разсужденіе о нетлѣніи мощей", съ сокращеніями, напечатано неоднократно. Мы имѣли подъ руками 6-е изданіе, печатанное въ типографіи Кіево-Печерской Лавры въ 1890 г.

[2]) Говоримъ такъ, имѣя въ виду весьма большое сходство лекцій ихъ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ; ср., напр., изъ курса Прокоповича изложеніе шестоднева съ таковымъ же въ курсѣ Конисскаго, изложеніе системъ міра у того и другого, и пр..

[3]) „Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст.". С. Т. Голубева, въ „Трудахъ Кіевской духовной Академіи", 1901 г., ноябрь, стр. 330.

натомъ, а такой-то читалъ его по Ѳомѣ Аквинату и т. п. [1]).

Но однимъ ли только Аквинатомъ руководились и пользовались профессора Кіевской Академіи при составленіи своихъ богословскихъ лекцій?

Христофоръ Чарнуцкій въ своихъ лекціяхъ, при рѣшеніи вопроса: „An Christus fuerat liber in moriendo? [2])—излагаетъ и разбираетъ отвѣты на него: 1. Thomistarum (ѳомистовъ); 2. Gregorii de Valentii (Григорія Валенскаго † 1603), Meracii; 3. Amici, Arriagae, Prosmer; 4. Molinae (Люд. Молины † 1600); 5. Hurtadi, 6. Zuares (Франца Суареца † 1617); 7. Lugonis [3]); 8. Martinez; 9. Bartholomei Decaregni [4]) и 10. Млодзяновскаго [5]).

Иларіонъ Левицкій, по вопросу: „In quonam consistat essentia Dei metaphisica“? [6]) приводитъ мнѣнія, въ числѣ прочихъ, Alberti (Великаго), Comptoni, Toleti, Antonii Peres, Pallavicini, Mlodzianowsk'аго и др.

И другіе профессора Академіи [7]) въ изложеніи своихъ курсовъ постоянно имѣютъ дѣло со всѣми главнѣйшими средне-

---

[1]) См., напр., у іером. Макарія Булгакова, стр. 61 и 69, у Н. И. Петрова (Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, стр. 53, 56, 115 и 146.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 21, л. 190 на обор., ср. соотвѣтствующее мѣсто въ курсѣ Иларіона Левицкаго, по рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. I. 11. 17. 17, л. 105 на обор. (по второму счету), о рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 231.

[3]) Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ курсѣ Левицкаго, вмѣсто „Lugonis“ (въ библ. Волынской дух. семинаріи есть „Theologicae disputationes“ Ioannes de Lugo, 1633—1651, Lugduni; см. ея каталогъ въ библ. Кіевской дух. Акад., Р. Муз., № 629, л. 25, №№ 47—53), стоитъ: „Hugonis“.

[4]) Въ курсѣ Левицкаго приведенъ еще отвѣтъ Rodes-a (et aliorum citantium per se Zuarez, см. по рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 231).

[5]) См. его богословскія сочиненія (Praelectiones theologicae de Deo et sanctissima Trinitate; de Angelis; de peccatis et gratia; de jure et justitia; 1646—1681, edit Dancig, Cracoviae и Leopoli) въ указанномъ каталогѣ библ. Волынской дух. семинаріи, л. 25 на обор., № 85 и д.

[6]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз., № 616, л. 6 на обор.—7.

[7]) Въ данномъ случаѣ мы исключаемъ Ѳ. Прокоповича, о богословіи котораго скажемъ особо.

вѣковыми богословскими мнѣніями, начиная отъ непосредственно возникшихъ послѣ Ѳомы Аквината и Дунсъ-Скотта[1]); со всѣми лучшими коментаторами на того и другого, писанными въ теченіе четырехъ столѣтій (XIV—XVII)[2]); и съ наиболѣе выдающимися трудами католическихъ богослововъ до конца XVII вѣка[3]).

Значитъ, для составленія своихъ лекцій по богословію профессора Кіевской Академіи, помимо Ѳомы Аквината, знако-

---

[1]) См., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз., № 616, л.л. 32—35.

[2]) Напр., Bartholomei de Medina (ibid., л. 7 на обор.) и мн. др; равнымъ образомъ всегда цитуются мнѣнія католическихъ комментаторовъ св. Писанія, Корнелія-а-Ляпиде, Мендовы, Salazar-а (рукоп библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 21, л.л. 134, 189 и др) и мн. др.

[3]) См. выше упоминанія о Суарецѣ, Млодзяновскомъ, Альфонсѣ Мендозѣ и т. п. Много цитуемыхъ именъ католическихъ богослововъ въ лекціяхъ профессоровъ Кіевской Академіи не легко отгадываются и опредѣляются, безъ основательнаго знакомства съ католическою богословскою литературою. Нѣтъ возможности безъ такого знакомства сказать, напр., положительно, какого именно Molin-у указываетъ Чарнуцкій въ приведенномъ у насъ мѣстѣ своихъ лекцій— Людовика, какъ мы предположили, или же Альфонса; равнымъ образомъ, какого онъ разумѣетъ Hurtad-а—Hurtad-а ли de Mendosa или же другого. Трудность подобныхъ опредѣленій увеличивается еще неточностями, часто вкрадывавшимися въ записи студентовъ, вслѣдствіе ошибокъ слуха (напр., въ одной записи стоитъ имя Lugonis, а въ другой Hugonis) и т п. Въ одномъ экземплярѣ рукописныхъ богословскихъ лекцій Кіев. Академіи первой половины XVIII в. мы нашли на небольшомъ клочкѣ бумаги, сложенномъ на двое, такой Circulus antiquorum Theologorum, написанный въ двухъ столбцахъ:

R. Aquinas.	R. Scotus.
R. Isquirdo.	R. Hurtado.
R. Arriaga.	R. Ouiedo.
R. Caietanus.	R. Comptonus
R. Gonzaga.	R. Młodzianowski.
R. Peres.	R. Zuarec major.
R. Kircher.	R. Zuarec junior
R. Beda.	R. Fonseca.
R. Albertus.	R. Fassolus.
R. Vasquec.	R. Tannerus.
R. Arientinas.	R. Toletanus.
R. Pallavicinus.	R. Philiponus.

мились, повидимому, со всею католическою богословскою наукою, развившеюся послѣ Аквината по XVII в. включительно [1]).

Но нужно сказать, что знакомство кіевскихъ профессоровъ съ обширною католически - богословскою литературою (изучить которую стоило неимовѣрнаго труда и самой упорной энергіи) было, кажется, не всегда непосредственнымъ, а пріобрѣталось чрезъ богословскія руководства, преподававшіяся въ тогдашнихъ латино-польскихъ академіяхъ и коллегіяхъ. Такія руководства и были собственно для профессоровъ ближайшими и прямыми источниками при составленіи ихъ лекцій, читанныхъ въ Кіевской Академіи. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого, достаточно только обратить вниманіе на то, почему, напр., въ лекціяхъ *православныхъ* профессоровъ Кіевской Академіи, въ подтвержденіе *православныхъ* взглядовъ и положеній, неоспариваемыхъ *инославными*, иногда приводятся ссылки на опредѣленія соборовъ *католической* церкви (напр., Латеранскихъ, Тридентскаго) [2]), на творенія отцовъ и учителей церкви, *по преимуществу западной* (напр., на творенія блаженнаго,—называемаго въ лекціяхъ кіевскихъ профессоровъ вслѣдъ за католиками *святымъ*,—Августина [3]), *святаго* Іеронима, Иларія Пиктавій-

R. Rubius.	R. Arrubal.
R. Zomel.	R. Szwidlecki.
R. Martynec.	R. Ruic.
R. Herize.	R. Elize.
R. Hawnollus.	R. Huz.

Эти 34 имени теологовъ, быть можетъ, заучивались студентами богословскаго класса Академіи.

[1]) Такое знакомство видно и у профессоровъ Академіи конца XVII в.; см. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 28, л. 229, 234 на обор. и др. Объясненіе необходимости этого для нихъ см. ниже.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 21, л. 12 и др.; рукоп. библ. Смоленской дух. семинаріи, по нашему описанію № 2, трактатъ о покаяніи.

[3]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз. № 616, disput. 1, quaest. 2, л. 1 на обор. и 2.

скаго, Оптата Милевитскаго, Лактанція, Арнобія и мн. др.) [1]); для уясненія нѣкоторыхъ священно-историческихъ событій берутся примѣры изъ исторіи Польскаго государства (такъ, напр., для поясненія, что при правленіи Маккавеевъ Іудеею скипетръ не былъ отнятъ у Іуды, указывается на то, что линія Ягеллонскаго дома не прервалась на польскомъ престолѣ при Сигизмундѣ III, такъ какъ послѣдній по матери принадлежалъ къ роду Ягеллоновъ [2]) и т. п. Конечно, все это дѣлали профессора Кіевской Академіи потому, что такъ было въ руководствахъ латино-польскихъ учебныхъ заведеній. И стоитъ сравнить богословскія лекціи кіевскихъ профессоровъ съ богословскими руководствами латино-польскихъ учебныхъ заведеній конца XVII и первой половины XVIII вв. [3]), и вѣрность нашего сужденія окажется достаточно твердою. Это сравненіе показываетъ, что содержаніе своихъ лекцій почти цѣликомъ, за исключеніемъ лишь пунктовъ, въ которыхъ православіе *ясно для южно-русской богословской мысли* расходилось съ католичествомъ и протестантствомъ, профессора Кіевской Академіи брали изъ руководствъ латино-польскихъ. Такую слабую сторону богословской науки Кіевской Академіи, съ ея невысокими источниками, отмѣтилъ—и даже очень рѣзко—Ѳ. Прокоповичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. „Если по милости Божіей,—говорилъ онъ,—въ головахъ ихъ (Московскихъ латын-

[1]) Рук. библ. Кіев. дух. Акад. I, 1. 47. 47; л. 20, 45 и др.

[2]) Рук. библ. Кіев. дух. семин. VIII. 1. 21. л. 34, quaestio 5, de existentia incarnationis.

[3]) Ср., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, изъ Мѣлецкаго монастыря № 1268 (по „Описанію рукоп. собран., наход. въ г. Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. 1, стр. 230, № 121), по своему содержанію весьма близкую къ трактатамъ „О Богѣ, единомъ по существу и троичномъ въ лицахъ“, читаннымъ въ Кіев Академіи; см. рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 34, л л. 90—131; VIII. 1. 29, л. 1—106 (ibid., стр. 257, № 183 и стр. 258, № 185), рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. I, 1. 45. 45; I. 1. 48. 48; I. 1. 44. 44 и др. (см. по „Описан. рукоп. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Акад.“, Н. И. Петрова, №№ 81, 82, 97, стр. 36 и 41), очень сродныя съ соотвѣтствующими имъ богословскими трактатами, преподанными въ Кіев. Академіи въ изслѣдуемое нами время.

щиковъ; а богословствованіе ихъ, какъ большею частью выходившихъ изъ Кіевской Академіи, было воспроизведеніемъ кіевскаго; см. „Исторію Московской Слав.-Гр.-Латинской Академіи“ С. Смирнова) найдется нѣсколько богословскихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ когда-то какимъ-нибудь славнымъ іезуитомъ изъ какихъ-нибудь твореній схоластическихъ, епископскихъ, языческихъ, плохо сшитыхъ, попавшихъ въ ихъ потѣшную кладовую, быть можетъ, *изъ сотаго источника*, неудовлетворительныхъ и плохихъ самихъ въ себѣ, еще хуже искаженныхъ, то наши латынщики воображаютъ себя такъ мудрыми, что для ихъ знанія ничего уже не осталось [1]).

Пользованіе латино-польскими богословскими руководствами для профессоровъ Кіевской Академіи, можно сказать, было неизбѣжностью. Преподаваніе богословія Кіевская Академія ввела въ кругъ своихъ наукъ въ 1689 г. [2]). Преподаваніемъ его она имѣла въ виду удовлетворить *на мѣстѣ* той жаждѣ къ рѣшенію богословскихъ вопросовъ, какая была возбуждена въ южно-русскомъ обществѣ его постояннымъ и опаснымъ столкновеніемъ съ латино-польскою іезуитскою пропагандою, и предостеречь православное южно-русское юношество отъ стремленія въ католическія учебныя заведенія для изученія тамъ богословія. Академіи, рѣшившейся преподавать богословіе, предстояла задача создать строго православную систему богословской науки. Но сдѣлать это сразу Академія, разумѣется, не могла.

Быстро выработать православную богословскую систему своими собственными усиліями Академіи было немыслимо: въ Россіи до XVII в. не было органическаго развитія богословской мысли; заимствовать эту систему съ востока было трудно

---

[1]) „Труды Кіевской духовной Академіи“, 1865 г., т. 1, стр. 146—147.

[2]) Н. И. Петровъ „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Кіевъ, 1895 г., стр. 48.

при незнаніи греческаго языка, который въ это время не изучался въ Академіи [1]). Вотъ почему Академія рѣшила предстоявшую ей задачу способомъ легкимъ, простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно цѣлесообразнымъ. Она ввела у себя богословіе, преподававшееся въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, очищая и исправляя его, гдѣ было нужно, въ православномъ духѣ. Этимъ она сразу стала противовѣсомъ гремѣвшей въ то время латино-польской богословской наукѣ, и eo ipso, казалось, овладѣла наилучшимъ средствомъ для выполненія своей исторической цѣли. Конечно, такой путь преподаванія богословія въ Кіевской Академіи въ первую пору его введенія у нея можетъ быть признанъ неизбѣжнымъ и даже необходимымъ, въ виду постоянной нужны ея считаться съ католическимъ богословіемъ, обличать его отступленія отъ православія. (Такъ, дѣйствительно, и было: въ лекціяхъ кіевскихъ профессоровъ обличаются эти отступленія даже почти въ такомъ порядкѣ, какъ они излагались въ латино-польскихъ богословскихъ руководствахъ; см., напр., въ рукописи библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1.27, на л. 80 и далѣе, католическое ученіе de processione Spiritus Sancti, изложенное въ 1740 г. въ Виленской іезуитской академіи, и срав. съ планомъ его изложенія порядокъ его опроверженія въ трактатахъ Кіевской Академіи. Замѣтимъ, между прочимъ, что Руководства Виленской Академіи не особенно близки въ своемъ содержаніи къ руководствамъ Кіевской Академіи), при отсутствіи силъ и средствъ создать его въ болѣе лучшемъ видѣ, чѣмъ католическое.

Вслѣдствіе пользованія латино-польскими богословскими руководствами и происходило, что лекціи профессоровъ Кіевской Академіи являлись слишкомъ сродными между собою, мѣстами становясь буквальнымъ почти повтореніемъ однѣхъ

---

[1]) Ibid., стр. 79—80.

другими [1]), что, разумѣется, для самихъ профессоровъ едва-ли и могло быть извѣстнымъ, если одинъ изъ нихъ дѣлалъ заимствованія изъ того-же латино-польскаго руководства, которымъ пользовался другой, не зная про послѣднее обстоятельство.

Само собою понятно, что качества источниковъ сильно отражались во всѣхъ лекціяхъ профессоровъ Кіевской Академіи, и богословіе ея было повтореніемъ богословія латино-польскаго, только очищеннымъ, конечно, усердіемъ ея православныхъ профессоровъ *по возможности* (см. ниже) отъ римско-католическихъ уклоненій отъ православія.

Въ латино-польскихъ академіяхъ и коллегіяхъ конца XVII и начала XVIII вѣка преподавалось богословіе схоластическое. Оно, созидаясь на примѣненіи къ истинамъ вѣры діалектическихъ началъ аристотелической философіи, не столько излагало положительное богооткровенное ученіе, сколько, для простора діалектики, искало въ ученіи о Богѣ сторонъ трудныхъ и непостижимыхъ, на которыя почти нѣтъ отвѣта въ Откровеніи. Какъ результатъ послѣдняго обстоятельства, такое богословіе по необходимости представляло собою энциклопедію порой совершенно даже непримиримыхъ мнѣній, которыя были высказаны по каждому схоластическо-богословскому вопросу наиболѣе выдающимися схоластическими теологами въ теченіе четырехъ вѣковъ (XIII—XVII). Такъ какъ высшимъ богословскимъ авторитетомъ въ католической церкви считалась Summa Theologiae Өомы Аквината, то вся подобная энциклопедія непремѣнно строилась по плану аквинатовской системы, озаглавливаясь Scholastica commentaria in primam или secundam и т. д. partem divi Thomae Aquinati или Tractatus in primam partem и т. д.

---

[1]) Ср., напр., трактаты Иларіона Левицкаго, по рукоп. библіот. Кіево-Михайл. мон. № 1682, съ трактатами Христофора Чарнуцкаго, по рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, №№ 223 и 224; они даже буквально начинаются.

Точно такое же богословіе преподавалось и въ Кіевской Академіи первой половины XVIII вѣка. И здѣсь оно зиждилось на примѣненіи аристотелическихъ началъ къ истинамъ вѣры и представляло собою сводъ главнѣйшихъ попытокъ такого примѣненія со стороны схоластовъ нѣсколькихъ вѣковъ. (Напр., въ богословскомъ курсѣ Христофора Чарнуцкаго, въ одной изъ диспутацій трактата de incarnatione Verbi Divini, quaestio tertia: An satisfactio Christi per opera Theandrica fuerat rigorose justificalis? предваряется прямо такъ: Sensus quaestionis: an in satisfactione Christi *secundum omnem rigorem Aristotelicum* servatae sunt omnes leges sev conditiones perfectae justitiae [1]).

И здѣсь оно задавало себѣ большею частью такіе вопросы, прямого отвѣта на которые нѣтъ въ Откровеніи, напр.: Ubi nam sint creati angeli (in quo nam coelo [2]) sint creati, in empireo ne, vel in sydereo, aut certe in aliquo alio inferiori [3])? de loco angelorum [4]); de motu angelorum [5]), de intellectu angelorum; an et quomodo angeli cognoscant Deum; an et quomodo angeli cognoscant se ipsos et alios angelos [6]); an et quomodo angeli cognoscant supranaturalia? [7]) de speciebus intellectibus angelorum [8]); de locutione et illuminatione angelorum [9]). Для рѣшенія подобныхъ вопросовъ богословіе

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 21, л. 92. Чисто философскій характеръ имѣютъ разсужденія кіевскихъ богослововъ о пресуществленіи св. Даровъ въ таинствѣ евхаристіи.

[2]) О числѣ небесъ мысли Кіев. Акад. излагаются въ ея физикахъ первой половины XVIII в.; см., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 11. 61. 2. стр. 218—219.

[3]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 1. 47. 47, л 298.

[4]) Ibid., л. 314.

[5]) Ibid., л. 319.

[6]) Ibid., л. 327, 328 и далѣе.

[7]) Ibid., л. 333 на обор.

[8]) Ibid., л. 337—348.

[9]) Ibid., л. 348.

Кіевской Академіи толковало мѣста свящ. Писанія въ такомъ смыслѣ, который могла отыскать только страсть къ утонченнымъ изслѣдованіямъ[1]). И богословіе Кіевской Академіи ставило себѣ, безъ всякой нужды, вопросы празднаго любопытства чаще, чѣмъ излагало предметы существенной важности; напр., послѣ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: an Deus corporeus[2]) ставился вопросъ: an Deus possit videri oculo corporeo[3]), или, послѣ обширнаго разсужденія о Богѣ, какъ высочайшей правдѣ, шли *длинныя* умствованія о томъ, можетъ ли Богъ лгать, говорить двусмысленности, быть виною человѣческой лжи и людскихъ ошибокъ[4]). Не находя на такіе вопросы, какъ мы сказали, прямыхъ отвѣтовъ въ Откровеніи, богословіе прибѣгало за рѣшеніемъ ихъ къ разуму и согласію богослововъ схоластическихъ. Доказательства отъ разума, при рѣшеніи вопросовъ о тайнахъ вѣры, представляютъ въ кіевскихъ лекціяхъ, какъ и вообще въ схоластикѣ, большею часть, безплодныя покушенія ума объяснить необъяснимое, и являются сборомъ умозаключеній и догадокъ произвольныхъ и мало полезныхъ для вѣры; таково, напр., стремленіе объяснить изъ началъ разума ученіе de processione divinarum personarum, или рѣшеніе вопроса: an attributa Dei inter se et ab essentia distinguantur ex natura?[5]) При стремленіи же согласить богослововъ, собирались ихъ мнѣнія, разногласившія одно съ

---

[1]) См. такого рода толкованія въ трактатахъ de angelis.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 1. 13. 13, л. 13.

[3]) Ibid., л. 27.

[4]) Рукоп. библ Кіев. дух. Акад. J. 1. 42. 42, л. 322, 323 и далѣе.

[5]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. О., л. 5 (богослов. курсъ 1746—7 г.), л. 76 и далѣе. Излишняя довѣренность къ соображеніямъ разума давала въ богословскихъ лекціяхъ мѣсто и мудрованію языческихъ писателей; см., напр., въ рукописи библ. Кіев. дух Академіи J. 1. 13. 13. на л. 128—129, въ богословскомъ трактатѣ стихи изъ Селенція и цѣлый листъ изъ Сивилъ. Иногда соображенія разума въ богословскихъ трактатахъ Кіевской Академіи являются не болѣе, какъ

другимъ, и изъ нихъ иногда не дѣлалось никакого вывода, или же эти мнѣнія были оцѣниваемы и разбираемы порознь, послѣ чего было принимаемо одно изъ нихъ, какъ лучшее— probabilior sententia, при чемъ авторитетъ Ѳомы Аквината ставился выше другихъ. Все это вмѣстѣ превращало богословскую науку скорѣе въ діалектическія диспутаціи, чѣмъ въ религіозныя трактаціи (Иногда значительные отдѣлы въ лекціяхъ посвящены исключительно изложенію схоластическихъ споровъ о предметахъ, далекихъ для здраваго богословія; напр., о томъ, какъ различаются essentia Dei phisica и essentia Dei metaphisica [1]) и т. п. [2]).

Такое свое схоластическое [3]) содержаніе богословіе Кіевской Академіи, по примѣру латино-польскаго, излагало въ

игрою воображенія. Напр., въ курсѣ Христофора Чарнуцкаго, со словъ (доминиканца) Рибейры и другихъ католическихъ богослововъ (juxta Ryberam et alios) говорится, что объемъ преисподней заключаетъ въ себѣ 300,000 стадій, что, по правдоподобнымъ словамъ Lessius-а, въ преисподней нѣтъ ни земли обитаемой, ни долины (infernum non habere solum seu planitiem), на которой осужденные могли бы гулять или стоять, что она въ центрѣ земли представляетъ собою пустоту, въ срединѣ которой—озеро, горящее сѣрою; такъ что центръ озера, преисподней и земли—одинъ. Затѣмъ, идутъ вычисленія, сколько осужденныхъ можетъ помѣститься на одной милѣ преисподней и во всемъ ея объемѣ. Всѣ эти произвольныя мысли излагаются тономъ увѣреннымъ, докторальнымъ. Dico igitur, cum Lessio,—заключаетъ профессоръ,—diametrum inferni ad summum esse duorum miliarum polonicorum; caetera proprio studio et lectioni et labori commendo auctores (Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 224, л. 236. Предъ этимъ разсужденіемъ ведется рѣчь о томъ, есть ли въ преисподней вода, холодъ, жаръ и т. п.).

[1]) Essentia Dei phisica означала полноту всѣхъ дѣйствительныхъ совершенствъ Божіихъ, а metaphisica—сочетаніе свойствъ Божіихъ представляемыхъ разумомъ.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз., № 616, quaestio 6, л.л. 32 на оборотѣ—35.

[3]) На свой схоластическій характеръ богословскія лекціи указывали самыми своими заглавіями, въ родѣ, напр., Theologia scholastica (см. ниже) и т. п. Отличительныя особенности схоластическаго богословія профессора указывали въ своихъ префаціяхъ de natura theologiae. Схоласты раздѣляли душевныя способ-

отдѣльныхъ трактатахъ, мало внутренно связанныхъ между собою, вслѣдствіе отсутствія строго опредѣленной единой и объединяющей ихъ мысли. Если бы и была такая мысль, то при постоянныхъ уклоненіяхъ богословскихъ разсужденій въ діалектическія схоластическія тонкости, она легко могла ускользнуть, ставя профессора въ необходимость прибѣгать къ внѣшнему, чисто механическому сцѣпленію одного трактата съ другимъ [1]). Трактаты же располагались по плану той же Summa Theologiae Ѳомы Аквината. Такое подчиненіе ей ясно указывалось въ самыхъ заглавіяхъ нѣкоторыхъ трактатовъ [2]);

ности (habitus) человѣка на теоретическія (intellegentia, scientia, sapientia согласно Аристотелю), практическія (ars, prudentia и т. п.) и смѣшанныя (mixta). Богословіе считалось наукою практическою, или со смѣшаннымъ характеромъ (habitus mixtus, но не naturalis, какъ философія, а supranaturalis, поскольку оно было результатомъ дѣйствія божественной благодати въ душѣ человѣка), и опредѣлялось, какъ virtus, intellectualis, media inter sapientiam et fidem; оно subtilius scrutatur de Deo, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ. Они отличали его отъ положительнаго (positiva, изъясняющаго догматы, изложенные отцами по четверозкому смыслу Писанія), полемическаго (controversa) и моральнаго (moralis; см., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, Р. Муз., № 616, disputatio 1 quaestio 1, л. 1–2), которыхъ Академія отдѣльно не преподавала. Впрочемъ, полемическое богословіе по частямъ входило въ схоластическое, трактаты котораго въ такихъ случаяхъ и озаглавливались иногда tractatus theologiae controversae (См., напр., рукопись библ. Кіево-Софійскаго собора, № 219 и 221, вторую часть), а иногда сообщалось отдѣльно отъ него и даже въ философскомъ классѣ (см. выше).

[1]) См., напр., рукопись библ. Кіево-Софійскаго собора, № 223, л. 271 (Postquam absolverimus Deo adjuvante..); рукоп. той же библ. № 230, л. 107 (Post tractatum de augustissimo mysterio incarnationis), и л. 383 (Post tractatum de ultimo fine) и т. п. Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 33, начало трактата объ ангелахъ: Post ineffabile mysterium mysteriorum videlicet incarnationem Verbi Divini subtilem angelorum materiem incumbit vobis contemplare.

[2]) См. рукоп. библ. Кіево Соф. собора № 221, стр. 1 (по второму счету): Tractatus in primam partem Summae Theologiae doctoris angelici divi Thomae de Deo... „Porro theologiae divisio examinatur ex professo in 1-a parte doctoris Angelici, такъ говорится во введеніи къ полемическимъ трактатамъ Иннокентія Поповскаго, чѣмъ и указывается на зависимость плана его богословскихъ лекцій отъ плана Аквината.

всякое же отступленіе отъ ея плана всегда почти оговаривалось профессорами [1]).

Отъ свойствъ такого схоластическаго содержанія и зависѣла обширность богословскихъ курсовъ Кіевской Академіи, не менѣе происходившая, впрочемъ, и отъ тѣхъ схоластическихъ пріемовъ, какихъ держались профессора при изложеніи его. Обыкновенно, прежде, чѣмъ дать отвѣтъ на такой или иной богословскій вопросъ, профессора въ своихъ лекціяхъ составляли опредѣленія и дѣленія главныхъ понятій въ такомъ вопросѣ (quaestio), и для поясненія ихъ иногда приводили мнѣнія схоластическихъ богослововъ и философовъ. Затѣмъ, давали на вопросъ отвѣтъ, состоявшій изъ одного или нѣсколькихъ положеній (conclusiones). Каждое положеніе доказывалось, если возможно было, мѣстомъ изъ св. Писанія; доказательство это подкрѣплялось (confirmatur) ученіемъ отцовъ и учителей Церкви и богословскими мнѣніями схоластовъ. Послѣ отвѣта (punctum primum) приводились возраженія противъ него (punctum tertium и далѣе) и дѣлалось опроверженіе ихъ (solvuntur objectiones, ad soluendas alias objectiones). Возраженія брались или изъ исторіи церковной полемики, или изъ исторіи схоластицизма; первыя направлялись противъ ученія различныхъ сектъ, возникавшихъ въ Церкви, особенно на Западѣ; послѣднія—противъ различныхъ схоластическихъ тонкостей.

Не смотря на всѣ схоластическіе недостатки [2]), въ богословскихъ лекціяхъ Кіевской Академіи изслѣдуемаго нами

---

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз., № 616, л. 187, tractatus tertius de jure et justitia (начинающійся такъ: Quamvis ordo doctrinae ab Aquinate illisque theologis observatus"...); см. рукоп. библ. Кіево-Софійск. собора № 221, стр. 1 (по второму счету), рукоп. той же библ. № 223, л. 313 и др.

[2]) Даже формы языка богословскихъ трактатовъ Кіев. Академіи брались изъ западныхъ схоластическихъ учебниковъ, гдѣ для выраженія утонченныхъ понятій и отвлеченностей, при недостаточности классическаго римскаго языка, былъ свой языкъ, созданный схоластикой, изобрѣвшей новыя слова, (ubicatio

періода замѣтно чрезвычайное стремленіе сохранить неприкосновенною чистоту православнаго ученія. Впрочемъ, это стремленіе порой не вполнѣ достигало своей благой цѣли, и въ академическихъ лекціяхъ изслѣдуемаго нами періода встрѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ православія, уклоненія богословской мысли кіевскихъ профессоровъ въ католичество. Это мы подмѣтили, напр., въ ученіи нѣкоторыхъ кіевскихъ профессоровъ о времени евхаристическаго пресуществленія и въ ученіи о непорочномъ зачатіи пр. Дѣвы Маріи.

Въ 1689 году на Малороссійскомъ соборѣ, бывшемъ, вѣроятно, послѣ третьего посланія [1]) патріарха Іоакима на имя кіевскаго митрополита Гедеона и Кіево-Печерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго (по поводу происходившихъ тогда въ Москвѣ споровъ о времени пресуществленія св. Даровъ), Кіевская Академія, въ лицѣ своихъ ректора Θеодосія Гугуревича и префекта Іоасафа Кроковскаго, дала обѣщаніе „о(бъ) евхаристіи святой мудрствовать согласно съ греческимъ православнымъ ученіемъ [2])“. Тѣмъ не менѣе въ на-

---

entitas, quidditas, inprincipiatus, aseitas, futuritio и т. п.), или классическимъ словамъ придавшей новый условный смыслъ и значеніе, понятный лишь для посвященнаго въ схоластическія тайны.

[1]) Оно написано было патріархомъ 5 марта 1689 г (См. „Братья Лихуды“, М Сменцовскаго, СПБ, 1899 г., стр. 219—220).

[2]) Въ сборникѣ Синодальнаго Архива № 544 есть копія такого документа (Онъ, можетъ быть, представляетъ собою копію съ записей Малороссійскаго собора по поводу 3-го—см. указанное изслѣдованіе М. Сменцовскаго, стр. 216,—посланія, патр. Іоакима по вопросу о времени пресуществленія св. Даровъ къ кіевскому митроп. Гедеону, или копію краткой записи постановленія этого собора послѣ 4-й грамоты патріарха. Изъ Кіева отвѣтъ на 4-ю грамоту патріарха был посланъ 22 августа 1689 г.; отвѣтъ этотъ напечатанъ въ Архивѣ Юго-Запад. Россіи, т. V стр. 287—290; см. указанное изслѣдованіе М. Сменцовскаго, стр. 220): „Отъ созданія мира 7197 (1689) году. Мѣсяца Марта 5 дня, отъ Святѣйшаго патріарха Іоакима написана была грамота въ Кіевъ до Преосвященнаго Гедеона, митрополита Кіевскаго, и до всечестнаго Архимандрита Печерскаго, извѣствующая о томъ, яко гречестіи православнии учителіе святыи единодушно

чалѣ XVIII в. она продолжала держаться въ ученіи объ этомъ таинствѣ южно-русскаго образа мыслей конца XVII стол., что,—скажемъ словами архіеп. Лазаря Барановича,— „словесы Христа Господа реченными: пріимите, ядите и проч. и пійте отъ нея вси и проч. бываетъ пресуществленіе хлѣба въ пречистое и животворящее Тѣло, такожде и вина во пре-

---

и единогласно и пишутъ и глаголютъ и проповѣдуютъ основаніе бити святыя евхаристіи таинства Господня глаголы сія: пріимѣтѣ, ядѣте и проч, пійте отъ нея вси и проч., совершатися же Духа Святаго неизреченнымъ нашествіемъ призыванія ради іереева и чрезъ крестное знаменіе: сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего, а еже въ чашѣ честную кровь Христа Твоего, преложивъ я Духомъ Твоимъ Святымъ: аминь, аминь, аминь. И сія Святѣйшій Іоакимъ написа, извѣщавая, да будетъ таковое исповѣданіе утверждено и въ Малой Россіи. Сія вся освященный Малороссійскій соборъ разсмотрѣвши, яко не суть церквѣ святѣй восточнѣй противная, но многимъ о евхаристіи святой изданнымъ книгамъ согласующая, всесмиренно отписа, соизволяя на тое Святѣйшаго патріарха Іоакима о евхаристіи святой предложеніе и сице мудрствовати обѣщая со подписаніемъ властныхъ рукъ.

Смиренный Гедеонъ, недостойный митрополитъ Кіевскій.

Кіевскаго Печерскаго монастыря недостойный Архимандритъ Варлаамъ.

Монастыря Свято-Никольского Пустынного Кіевского недостойный Ігуменъ Антоній.

Монастыря Михайловскаго Золотоверхого Кіевского недостойный Ігуменъ Силвестръ.

Монастыря Свято-Троицкого Кіево-Кириловского недостойный Ігуменъ Іннокентій.

Монастыря общежителнаго Межигорского Кіевского недостойный Ігуменъ Өеодосій.

Өеодосій Гугуревичъ Ректоръ и игуменъ монастыря и коллегіумъ Братского Кіевскою.

Іосафъ Кроковскій, Префектъ Коллегіумъ Кіевскою.

Іеромонахъ Іоасафатъ, Намѣстникъ Лавры Кіево-Печерскія

Іеромонахъ Іннокентій Духовникъ Печерскій и блюститель пещеры Преподобнаго Өеодосія.

Смиренный іеромонахъ Лукіанъ Уставникъ Печерскій.

Недостойный іеромонахъ Митрофанъ Екклесіархъ Печерскій.

Іеромонахъ Варлаамъ Блюститель пещеры Преподобнаго Антонія.

Іеромонахъ Аѳанасій Одинецъ, Старецъ соборній монастыря Печерскаго.

Іеромонахъ Софоній Начальникъ типографіи Кіево-Печерской.

Недостойный протопопъ Кіевскій Іоаннъ Углицкій.

чистую и животворящую Кровь Господню"[1]). Напр., въ курсѣ *Иннокентія Поповскаго* въ полемическомъ трактатѣ о таинствѣ евхаристіи въ Controversia 1-ma (Quïbus verbis sit conversio eucharistica) имѣется praenotandum, въ которомъ прямо говорится, что „вновь проникаетъ ошибочное мнѣніе нѣкоторыхъ, утверждающихъ, что евхаристическое преложеніе совершается не силою словъ Христа: „пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое", но силою молитвы священнодѣйствующаго іерея и словъ св. Василія: „сотвори, Господи, хлѣбъ сей честное тѣло Сына Твоего". Послѣ этого профессоромъ ставится первая конклюзія въ томъ смыслѣ, что достаточно однихъ словъ Христа Господа для евхаристическаго преложенія. Въ подкрѣпленіе этого авторъ ссылается на авторитетъ св. отцовъ, какъ восточной, такъ и западной церкви (напр., Григорія Двоеслова, Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Иринея, Григорія Нисскаго, на соборы противъ Николая Кавасилы и прочихъ немногихъ (paucos) новаторовъ (Irrepsit noviter erronea quorundam opinio dicentium conversionem eucharisticam fieri non pro verba Christi: accipite et manducate: hoc est corpus Meum, sed per orationem sacerdotis consecrantis et per verba S. Basilii: „fac, Domine, panem hunc honoratum corpus Filii Tui... Conclusio 1-a: Verba Christi Domini soli sufficiunt eucharisticae conversioni и т. д.[2]).

Тотъ же самый смыслъ въ ученіи о таинствѣ евхаристіи удержанъ и въ положительномъ трактатѣ Поповскаго объ этомъ предметѣ. Во второй части трактата о таинствѣ евхаристіи 3-я секція посвящена Поповскимъ рѣчи de forma Eucharistiae. Тутъ § 1-mus ставитъ вопросъ: Quibus verbis constat essentialis forma consecrationis Eucharisticae. Отвѣтъ

---

[1]) „Щитъ Вѣры", л. 215. цитуемъ по указанному сочиненію М. Смендовскаго.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 219, л. 2 на обор.

на него начинается такъ: „De hoc dictum est abunde in materia controversa Theologica; caeterum et hic pauca sunt commemoranda. Dico 1-mo: Essentialis forma consecrationis panis constitit in his omnibus verbis: Accipite et manducate..., calicis in his omnibus: bibite.. Ita orthodoxa orientalis Ecclesia [1]). А по вопросу: одними ли словами Господа совершается пресуществленіе, или также sequentibus verbis, expessis in liturgia D. Basilii et Chrisostomi: fac Domine..., дѣлается лишь замѣчаніе: ad quod responsum peterendum est ex Theologia controversa [2]).

Въ курсѣ *Христофора Чарнуцкаго* та же мысль, что и у Поповскаго. Онъ, указавши на то, что сущность формы освященія (consecrationis) хлѣба заключается во всѣхъ словахъ Спасителя: „пріимите“ и т. д., и освященія чаши въ словахъ: „пійте“... и т. д., и замѣтивъ, что такъ учитъ православная Церковь противъ римлянъ, которые утверждаютъ, что освященіе состоитъ только въ этихъ словахъ: сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя (Essentia formae consecrationis panis constitit in his omnibus verbis: accipite... Jam vero... essentia formae consecrationis calicis constitit in his verbis: bibite... Ita orthodoxa Ecclesia contra Romanos, qui dicunt consecrationem consistere in his solis verbis: „hoc est corpus Meum“, „hic est sanguis Meus“ [3]), прямо говоритъ: весьма многіе изъ нашихъ *безъ достаточнаго основанія* думаютъ, что преложеніе не совершается во время словъ, положенныхъ въ формѣ освященія, и что оно совершается во время молитвъ и призыванія іерея, да снизойдетъ Св. Духъ и совершитъ преложеніе даровъ. Они приводятъ въ доказательство древнія литургіи св. апостола Іакова и Іоанна Златоуста, въ которыхъ послѣ словъ освященія положены мо-

[1]) Рукоп. библ. Смоленской дух. семинаріи, л. 198.
[2]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 222, л. 194 на обор.
[3]) Ibid., № 226, л. 166.

литвы призыванія Св. Духа. Но эти молитвы нужно понимать такъ, что іерей молитъ не о преложеніи хлѣба въ тѣло, а молитъ о томъ, чтобы преложенные дары Богъ обратилъ въ пользу нашего освященія (sanctificationem). (Quod plurimi enim ex nostris sine fundamento solido censent non verbis inquunt in forma consecrationis positis fieri conversionem panis in corpus Christi et vini in sanguinem Christi, sed precibus et oratione sacerdotis post verba formae petentis, ut Spiritus sanctus descendat et faciat panem corpus Christi et c... Adducunt enim per (pro) fundamento liturgias, ut s. Jacob apostoli et Chrisostomi, in quibus post verba consecrationis supponantur preces postulates sanct... panem in corpus Christi... и т. д.[1]).

Со второй четверти XVIII стол. Кіевская Академія оставляетъ католическій образъ мыслей о времени евхаристическаго пресуществленія. Такъ, въ курсѣ *Іосифа Волчанскаго*, во второй части трактата о таинствахъ (de sacramentis in specie) 7-я квестія посвящена рѣчи de verbis consecrationis. Тутъ 2-я конклюзія начинается такъ: „Освященіе таинства евхаристіи совершается въ призываніи Бога и Св. Духа и молитвахъ іерея и церкви, но не словами Господа: „Сіе есть тѣло Мое“ и т. д. (Consecratio sacramenti Eucharistiae perficitur in vocatione Dei et Spiritus Sancti atque precibus sacerdotis et Ecclesiae, non a verbis Illius Christi unde perlatis: „hoc est corpus Meum...“). Указавши, въ подтвержденіе такого ученія на книгу Марка, еп. Ефесскаго: о словахъ освященія, Николая Кавасилу, Симеона Солунскаго; Гавріила, еп. Филадельфійскаго; Іеремію, патр. Константинопольскаго; авторъ говоритъ, что такъ учитъ et universim tota Ecclesia orientalis contra Latinos, и что этому ученію грековъ наиболѣе благопріятствуютъ Св. Писаніе и апостольское преданіе[2]).

---

[1]) Рукопись библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 226, л. 171 на оборотѣ.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры, VII. 2.

Иларіонъ Левицкій, слѣдовавшій въ своемъ курсѣ курсу Христофора Чарнуцкаго, изложилъ отвѣтъ объ освященіи евхаристическихъ даровъ сходно съ Іосифомъ Волчанскимъ, только нѣсколько кратче [1]).

Іеродіаконъ Макарій (родомъ изъ г. Миргорода), проживавшій въ Кіевскихъ монастыряхъ, однажды въ концѣ первой четверти XVIII ст. поднялъ въ Кіевской консисторіи споръ съ консистористами объ отступленіяхъ Кіевской церкви отъ Великороссійской, въ томъ числѣ и по вопросу о времени пресуществленія... Въ 1712 г. по указу царевны Наталіи Алексѣевны іерод. Макарій былъ взятъ въ ея домъ изъ Богоявленскаго (что за иконнымъ рядомъ) монастыря. Предъ этимъ Макарій въ названномъ монастырѣ прожилъ, повидимому, недолго (положимъ, полгода приблизительно); до житья въ монастырѣ онъ полгода пробылъ въ домѣ митроп. Рязанскаго Стефана; предъ житьемъ у митрополита съ годъ жилъ въ упомянутомъ Богоявленскомъ монастырѣ, до этого же онъ года три былъ въ Черниговскомъ Троицкомъ монастырѣ, явившись сюда изъ Кіева. Значитъ, въ Черниговъ Макарій прибылъ (1712 безъ 5) около 1707—8 г. Къ означенному времени онъ былъ посвященъ митроп. Іоасафомъ Кроковскимъ во іеродіакона, что произошло чрезъ 4 года жизни Макарія въ Кіевскомъ Николаевскомъ Пустынномъ монастырѣ при келіяхъ, *для ученія*. (Не учился ли Макарій въ Кіев. Академіи?... Если да, то въ его время богословіе здѣсь преподавалъ Иннокентій Поповскій). Въ 1726 г. Макарій подалъ въ Св. Синодъ „тетради о несогласіи Малороссійской Церкви съ Великорусской“, между прочимъ, и въ вопросѣ объ евхаристическомъ пресуществленіи (Опис. докум. и дѣлъ хранящ. въ Архивѣ Св. Синода, т. VI, № 195, прилож. CLXXIII). Аѳанасій еп. Вологодскій, разсматривалъ, по порученію Синода, эти тетради и въ докладѣ Синоду по сему поводу, между прочимъ, писалъ, что онъ нашелъ въ письмахъ противнымъ греческой и великороссійской Церкви папежское мнѣніе южно-русской церкви о времени пресуществленія Св. Даровъ (Макарій указывалъ на книги: Требникъ Петра Могилы, Миръ съ Богомъ и Ключъ разумѣнія). „А что у него же (Макарія),—писалъ еп. Аѳанасій,—о хуленіи и похваленіи жертвы римскія написано, отвѣтствую: худо разсуждалъ Іосифъ Волчанскій, когда говорилъ, жертва де папежская такъ важна, якобы и благочестивыхъ, а гораздо худши и весьма безумно онъ—іерод. Макарій говорилъ, что жертва ихъ мертва, бездушна и безумна, мерзка и проклята (Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ Архивѣ Св. Пр. Синода, т. VI, прил. XVI, ст. CLXXII—CLXXIII). Быть можетъ, въ словесныхъ бесѣдахъ I. Волчанскій высказывалъ иногда и не чисто православное мнѣніе о времени евхаристическаго пресуществленія.

[1]) Ср. изъ курса Левицкаго по рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 13. Questio 12: De verbis consecrationis Eucharistiae съ Quaestio 7-a: de verbis consecrationis въ курсѣ Волчанскаго, по рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 2.

(Ученіе Кіевской Академіи въ началѣ XVIII ст. объ евхаристическомъ пресуществленіи, напр., въ курсѣ Иннокентія Поповскаго, чрезвычайно сходно съ тѣмъ изложеніемъ его, какое читаемъ въ „Книгѣ о пресуществленіи словесы Христовыми, содѣйствіемъ Св. Духа совершающемся, Иннокентія Манастирскаго, Игумена Кирилского Кіевскаго, противу Ликудіевыхъ, словеса Христовы бездѣльны творящихъ. Написана въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1689, въ постъ великій) [1]).

Въ ученіи Кіевской Академіи о непорочномъ зачатіи Богоматери замѣчается полная неустойчивость богословской мысли.

Въ началѣ изслѣдуемаго нами періода въ богословскихъ лекціяхъ (напр., Иннокентія Поповскаго) рѣшительно говорится о совершенной непричастности Богоматери первородному грѣху (Deipara Virgo pro nulla unquam instanti contraxit peccatum orіginale); утверждается, что такъ по этому вопросу учитъ церковь Восточная и Западная (Ita Sacrosancta Orientalis Ecclesia imo et occidentalis [2]). Считать пр. Дѣву причастною первородному грѣху кіевскіе богословы опасались, чтобы не сдѣлать сомнительною безгрѣшность Спасителя (Si B. Virgo originali vitio fuisset deturpata, caderet in magnam ignaminiam et dedecus Christi) [3]). Основанія, которыя они приводили въ доказательство непорочнаго зачатія пр. Дѣвы, были тѣ же, что и у католическихъ богослововъ, начиная съ Пасхазія Радберта (напр., Радбертъ, приписывая чистоту

---

[1]) Рукоп. Императ. Публичной Библ. Q. I. 668, см. „Церковно-Историческіе матеріалы“, собран. и издан. М. Смеицовскимъ (въ дополнительныхъ приложеніяхъ къ изслѣдованію „Братья Лихуды“), СПБ., 1899, гдѣ эта книга напечатана въ полномъ ея объемѣ, на стр. 70—149.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 221, л. 205, сн. № 219, л. 104 на оборотѣ.

[3]) Ibid., № 219, л. 110, сн. № 221, л. 218.

рожденію, а не зачатію Богородицы, разсуждалъ: „Церковь празднуетъ только то, что свято, а она празднуетъ рождество св. Дѣвы, слѣдовательно, оно свято“ [1]), и т. д.). Въ лекціяхъ Иннокентія Поповскаго доказательства начинаются такъ: „Si conceptio Deiparae non esset immaculata, erraret Ecclesia, proponenda eam speciali festivitate colendam et. c.“ [2]); затѣмъ указывается на авторитетъ соборовъ и согласіе обѣихъ (восточной и западной) церквей, которое ясно показываетъ (non obscure ostendunt), что мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери справедливо. Praedicatur enim illibata conceptio Mariae in Ecclesiis, propugnatur in scholis, colitur in sodalitiis, personat in publicis colloquiis, ubique apud omnem gentem triumphat. Съ особымъ, повидимому, удовольствіемъ профессоръ отмѣчаетъ мѣры Римской церкви, направленныя къ охраненію ученія о непорочномъ зачатіи пр. Дѣвы (и въ числѣ ихъ и то, что non licet legere libros, in quibus pia sententia, cultus immaculatae conceptionis in dubium revocantur), говоря, что всѣ онѣ установлены decretis pontificum sub gravibus censuris et paenis, и внушаетъ своимъ слушателямъ, что и имъ Beatissimam esse immaculate conceptam licet publice sive in lectionibus, sive in conclusionibus, aliisque actibus publicis et libris docere et probare directe [3]).

Въ положительной части богословскихъ лекцій, въ трактатѣ de vitiis et peccatis, въ 5-й квестіи (An omnes Adam

---

[1]) „Разности церквей Восточной и Западной въ ученіи о пр. дѣвѣ Маріи Богородицѣ, по поводу латинскаго догмата о непорочномъ зачатіи“, полемико-догмат. изслѣд. прот. Ал. Лебедева, Варшава, 1881, стр. 19—20.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 219, л. 113; сн. рукоп. той же библіотеки № 221, стр. 223—224.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 221, стр. 223—224; сн. рукоп. той же библ. № 219, л. 113; то же самое мы читаемъ въ курсѣ Стефана Яворскаго, изъ котораго, кажется, списанъ этотъ отдѣлъ Поповскимъ, съ незначительными выпусками; см. рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 217, л. 122.

posteri re ipsa contragant peccatum originale?) 3-й диспутаціи, между прочимъ, Поповскій говоритъ: Beatissima Virgo non contraxit peccatum originale. Haec conclusio esto de fide; non sit neque definita in conciliis, pie tum tenenda a catholicis tamquam proxima fidei dogmati. Nec probatur hic ex professo, cum supponitur ex materia controversa probata sufficienter (рѣшаетъ только вопросъ о томъ, какъ во Адамѣ всѣ согрѣшили) [1]).

Христофоръ Чарнуцкій въ своихъ лекціяхъ прямо готоритъ: „Beatissima Vergo perservata est... a macula originali“ [2]). Но позже профессора Кіевской Академіи слабѣе настаиваютъ въ своихъ лекціяхъ на непреложности мнѣнія о непорочномъ зачатіи Богоматери, благоразумно указывая на то, что вопросъ объ этомъ не получилъ рѣшенія на вселенскихъ соборахъ. Такъ, *Іосифъ Волчанскій* въ трактатѣ de incarnatione Dei, въ послѣдней (22-й) диспутаціи: de Beatissima Virgine Maria, первымъ вопросомъ ставитъ: An Beatissima Virgo contraxerit peccatum originale? и отвѣчаетъ на него, что всѣ древніе схоластики (Ѳома, Альбертъ, Бонавентура, Ричардъ, Durandus, Paludanus) и другіе изъ латинянъ, кои были ante Scotum, утверждали, что пр. Дѣва зачата въ первородномъ грѣхѣ; такого мнѣнія были также всѣ греки (in eadem quoque sententia sunt omnes graeci)“; въ доказательство этого мнѣнія приводитъ онъ мѣста изъ св. Писанія и разныя соображенія, утверждающія въ той мысли, что Богоматерь подлежала и слѣдствіямъ первороднаго грѣха. „Новѣйшіе же богословы, послѣ Дунсъ-Скотта, начали учить противоположному (Qui tamen post Scotum ex recentioribus contrarium docere ceperunt). Волчанскій излагаетъ ихъ ученіе, основаніе коего въ томъ, что Христу, какъ новому

---

[1]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 222, л. 331 на обор.; сн. рукоп. библ. Смоленской дух. семин., по нашему описанію № 2, л. 318.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 224, л. 94.

Адаму, надлежало родиться отъ матери благословенной, но не отъ дѣвы, подлежавшей проклятію (ex Matre Benedicta, non maledicta), потому что и первый Адамъ былъ созданъ отъ земли, еще не проклятой. Въ разсужденіи о Богоматери, если она рождена отъ плотской похоти,—заключаетъ Волчанскій,—неизвѣстно, Іисусъ Христосъ былъ ли Спасителемъ и Врачемъ, сохранившимъ только ее отъ грѣха, или же—исцѣлившимъ ее совершенно отъ него (An Christus respectu Bitissimae Virginis salvator et medicus fuerit solum perservatus non curativus paenieas (*penitus*), incertum est, praesertim, si nata est ex concupiscentia carnali [1]).

Иларіонъ Левицкій въ трактатѣ de incarnatione Verbi Divini ставитъ (восьмую) квестію: Quo modo verum sit Beatissima a Verbo perservata a peccato originali? Хотя въ этомъ мѣстѣ лекцій онъ не распространяется по данному вопросу (hoc... alibi solet decerni, ut pie etiam a Christianis, quamvis non omnibus, creditur, говоритъ онъ), но ходъ его мыслей идетъ въ доказательство непорочнаго зачатія Богоматери [2]). Такое зачатіе онъ и признавалъ [3]).

Иларіонъ Негребецкій говоритъ о рождествѣ Богоматери: Что церковь прославляетъ празднованіемъ рождество (ortum) Богоматери, въ этомъ ничего нѣтъ сомнительнаго, такъ какъ это рождество (ortus) было святымъ. Итакъ, мы, вслѣдствіе того, что церковь торжествуетъ *праздникъ зачатія*, нисколько не сомнѣваемся въ вѣрности того заключенія, что и зачатіе ея было святымъ (Et nos ergo ex eo, quod Ecclesia celebrat festum conceptionis, nil dubitamus conceptionem illam sanctam

---

[1]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 2; сн. рукоп. той же библіотеки VII, 21.

[2]) Ibid., VII. 24, л. П-й, считая по ½ въ каждомъ листѣ, какъ обозначено въ самой рукописи.

[3]) См. рукоп. библ. Кіево Соф. собора, № 231, л. 432: „An Beata Virgo Mate Dei fuit sancta". Тутъ доказывается, что Дѣва Марія была безъ первороднаго грѣха.

aliquo modo fuisse ac saltem rationem officii, ad quod assumebatur[1]).

Амвросій Дубневичъ говоритъ почти буквально сходно съ Левицкимъ [2]).

Сильвестръ Ляскоронскій въ диспутаціи: De matre Verbi incarnati gloriosissima, видимо, удерживается отъ мысли о непорочномъ зачатіи Богородицы. „Adverte, говоритъ онъ, quod Scotus et alii cum illo dicunt Beatissimam Virginem ne originaliter, quidem a primo instanti suae conceptionis peccare potuisse, sed *haec doctrina non est definita ab Ecclesia* [3]).

Даже въ „Видѣніи, какъ всякому о своемъ званіи вопрошающему содалесъ отвѣтствовать долженствуетъ", Кіевская Академія, поставляя однимъ изъ званій (обязанностей) содалеса „утверждать, что Марія (Дѣва) не токмо безъ грѣха дѣйствителнаго смертнаго или простителнаго, но и безъ первороднаго есть", дѣлала такую оговорку: „Обаче не суть еретики и сіи: иже въ грѣсѣ первородномъ мнятъ быти рожденную" [4]).

Такимъ образомъ, мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери въ лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ Кіевской Академіи, нужно сказать, не было рѣшительнымъ въ первой половинѣ XVIII ст. (за исключеніемъ лекцій Иннокентія Поповскаго, Христофора Чарнуцкаго и нѣкот. др). Оно считалось лишь благочестивымъ мнѣніемъ, при чемъ не исключалось и не осуждалось и мнѣніе противное. Тѣмъ не менѣе почти во всѣхъ рукописныхъ лекціяхъ Кіевской Академіи за изслѣдуемое нами время (и въ началѣ и концѣ курсовъ) составители ихъ дѣлали посвященія своихъ трудовъ во славу

---

[1]) Рукоп. библ. Кіево.Печерской Лавры VII. 33, послѣдняя страница.

[2]) Ср. изъ курса Дубневича, по рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 235, часть 2-я, л 536, 16 quaestio de Beatissima Virgine Maria съ указанной нами выше диспутаціей о томъ же Левицкаго.

[3]) См. по рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 241.

[4]) См. IV приложеніе къ нашему настоящему изслѣдованію.

пресвятаго Бога и *пр. дѣвы Маріи, sine labe originali conceptae.*

Ученіе о непорочномъ зачатіи Богоматери проникло въ юго-западную церковь изъ церкви католической. Посылалъ ли (какъ говорится въ Христіанскомъ Чтеніи, 1859 г., ч. 2-я, стр. 397—8) патріархъ Іоакимъ кіевскому митрополиту Гедеону, въ виду такого ученія, сочиненіе Севаста Киминита Трапезунтскаго (гдѣ съ особою обстоятельностью, на 100 листахъ, опровергается латинское ученіе о непорочномъ зачатіи Богоматери), и было ли это сочиненіе извѣстно профессорамъ богословія Кіевской Академіи, — объ этомъ намъ не пришлось найти никакихъ извѣстій.

Близость мысли кіевскихъ профессоровъ къ католическимъ воззрѣніямъ замѣчается и въ другихъ пунктахъ богословской науки, напр., въ ученіи о первородномъ грѣхѣ, при чемъ есть ссылки на опредѣленія Тридентскаго собора (см., напр., въ курсѣ Иннокентія Поповскаго), отчасти въ ученіи объ оправданіи, въ ученіи о происхожденіи человѣческихъ душъ [1]).

Конечно, эти отступленія должны быть разсматриваемы, какъ наслѣдія отъ XVII стол., когда, при отсутствіи собственныхъ опредѣленныхъ и устойчивыхъ богословскихъ воззрѣній, въ южно-русской церкви (и въ Кіевской Академіи), подъ вліяніемъ діалектически сильнаго католичества, легко могли утвердиться воззрѣнія неправославнаго характера.

---

[1]) Въ ученіи о происхожденіи человѣческихъ душъ мысль кіевскихъ богослововъ согласовалась съ тогдашнею мыслью католическою (хотя въ этомъ вопросѣ католическая мысль собственно никогда не была твердою и рѣшительною до утвержденія догмата о непорочномъ зачатіи Богоматери, послѣ чего догматическій характеръ получила теорія о непосредственномъ твореніи души Богомъ). Напр., въ курсѣ Платона Лѣвицкаго (по рукописи библіотеки Кіево-Печерской Лавры VII. 4) говорится: Animae rationales omnium posterorum Adami non fiunt ex traduce a parentibus per prosemination em naturalem, sed per se immediate creantur in Deo et creanda corpora infunduntur.

Мнѣнія такого неправославнаго характера могли быть усвоены безсознательно, *безъ отчетливаго представленія ихъ достоинства*. (Они были и въ церкви Великороссійской, напр., въ изданномъ отъ имени собора 1667 г. „Жезлѣ правленія“). Но по мѣрѣ укрѣпленія богословской мысли въ Кіевской Академіи, временныя отступленія ея отъ православія мало-помалу исчезали изъ лекцій ея профессоровъ, такъ что вліяніе католическихъ богословскихъ руководствъ на эти лекціи хотя было большимъ, но по отношенію къ православной догмѣ оказывалось все-таки лишь формальнымъ, внѣшнимъ, *почти* не воспринимавшимся въ самое существо православнаго ученія. И профессора Академіи, подчиняясь такому вліянію католическихъ руководствъ съ формальной стороны, не щадили никакихъ авторитетовъ тамъ, гдѣ нужно было запрещать внутреннее содержаніе православнаго ученія. Такая ревность о чистотѣ православнаго ученія особенно видна въ трактатѣ объ исхожденіи Св. Духа, который во всѣхъ лекціяхъ писанъ въ строго полемическомъ духѣ, и въ трактатахъ о таинствахъ, составленныхъ съ обстоятельнымъ опроверженіемъ всѣхъ католическихъ, лютеранскихъ, кальвинскихъ и другихъ исповѣдныхъ заблужденій.

Разоблачая католическія отступленія отъ православія, профессора Кіевской Академіи смѣло называли католическую церковь, богословскими трудами которой сами пользовались для составленія своихъ лекцій, *схизматическою* и даже еще рѣшительнѣе—*еретическою*. „Romani *schismatici haeretici* novatores negant Spiritum Sanctum procedere a solo Patre asseruntque etiam a Filio“ [1]). Такъ мы читаемъ въ томъ самомъ курсѣ Иннокентія Поповскаго, гдѣ онъ держится католическаго ученія о времени евхаристическаго пресуществленія и ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери. Отсюда мы заклю-

---

[1]) Рукоп. библ. Кіево Соф. соб., № 220, л. 166, disputatio 6-ta: de sanctissima Frinitate, sectio 1-ta; сн. рукоп. той же библ., № 221, стр. 455, по первому счету; тутъ, впрочемъ, нѣтъ слова: *haeretici*.

чаемъ, что если ученые Кіевской Академіи повинны въ нѣкоторыхъ уклоненіяхъ въ католическія воззрѣнія, то повинны въ малой степени. Ихъ уклоненія, видимо, происходили безсознательно, просто по невѣдѣнію, какъ *правильнѣе православно* мыслить по тому или другому богословскому вопросу. Если бы они были хорошо знакомы съ ученіемъ Восточной Церкви, съ твореніями ея отцовъ и учителей,—несомнѣнно, они твердо устояли бы въ православіи, защита котораго была цѣлью дѣла и жизни кіевскихъ ученыхъ. Но при незнаніи греческаго языка (до 1740-хъ годовъ), при необходимости дать богословскую пищу своимъ ученикамъ, не худшую той, какую давали католическія учебныя заведенія, они вынуждены были пользоваться католическою богословскою литературою; а эта литература по инымъ вопросамъ смущала ихъ мысль, не имѣвшую на чемъ твердо опереться, и порой склоняла ее въ католическія заблужденія.

Для полемическихъ отдѣловъ своихъ лекцій профессора Академіи, вѣроятно, пользовались предшествовавшею имъ южно-русскою полемико-богословскою литературою противъ католиковъ, во главѣ съ Tractatus theologici orthodoxi de processione Spiriti Sancti a solo Patre Адама Зерникава, написанными въ 1680-хъ годахъ [1]); отчасти и полемикой протестантовъ противъ католиковъ, и наоборотъ.

Преподаваніе богословія въ Академіи изслѣдуемаго нами періода, какъ и преподаваніе другихъ наукъ, обычно велось

[1]) См. „Труды Кіев. дух. Акад.“, 1860 г., кн. 3-я, стр. 192. Его сочиненіемъ пользовался и Ѳеофанъ Прокоповичъ (ibid, стр. 173). Могли служить такими источниками и тѣ сочиненія, которыя стали появляться у насъ (въ Москвѣ) въ переводахъ съ греческаго языка въ концѣ XVII вѣка. Досиѳей митропол. Сучавскій, во время своего пребыванія въ Москвѣ, перевелъ съ греческаго языка посланія Игнатія Богоносца и многія изъ твореній Симеона Солунскаго. Свои труды въ 1693 году митроп. Досиѳей переслалъ Кіевскому митроп. Варлааму Ясинскому (Описан. рукоп. Синодд. библіот. II, 2, № 109, стр., 14, 499—500).

однимъ лицомъ (преимущественно старшимъ членомъ академической корпораціи—ректоромъ или префектомъ, какъ мы упоминали выше). Возложить преподаваніе его на нѣсколькихъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ (что было бы очень полезно для болѣе основательнаго изложенія его студентамъ) Академія не могла по недостатку у нея матеріальныхъ средствъ Тѣмъ не менѣе дважды въ первой половинѣ XVIII столѣтія мы видимъ въ Академіи одновременно двухъ профессоровъ по богословію: разъ, *кажется* [1]), въ 1721 году, и другой—въ $17^{35}/_{36}$ и $17^{36}/_{37}$ учебн. гг.

Въ первый разъ это произошло, по всей вѣроятности, потому, что іером. Іоасафъ Томиловичъ, начавшій свой курсъ богословскихъ чтеній въ Академіи съ $17^{17}/_{18}$ учебн. г. и долженствовавшій его закончить къ исходу $17^{20}/_{21}$ учеб. года, нужно думать, не успѣлъ изложить его къ указанному времени. (Онъ прерывалъ свои чтенія, приблизительно съ апрѣля по сентябрь мѣсяцъ 1719 года [2]), а закончилъ его, вѣроятно, въ началѣ $17^{21}/_{22}$ учеб. года, когда (въ виду оставленія Томиловичемъ Академіи [3]) уже начатъ былъ въ Академіи новый курсъ богословскихъ чтеній іером. Іосифомъ Волчанскимъ.

---

[1]) Говоримъ такъ неувѣренно потому, что, при отсутствіи всякихъ ясныхъ данныхъ, мы находимъ болѣе вѣроятнымъ понять весьма неопредѣленныя выраженія приводимыхъ нами въ VIII приложеніи къ настоящему изслѣдованію документовъ въ смыслѣ указаній на это именно время. Дѣло въ томъ, что о преподаваніи богословія Іос Волчанскимъ мы имѣемъ извѣстія не ранѣе второй половины 1721 г. (см. ниже), а потому одновременное съ нимъ учительство въ богословскомъ классѣ Томиловича только и можемъ пріурочить къ этому времени.

[2]) См. подробнѣе объ этомъ ниже, въ спискѣ учителей богословія.

[3]) Около 1720 года (точно не знаемъ) Томиловичъ былъ назначенъ игуменомъ Кіево-Кирилловскаго монастыря; его подпись въ этомъ санѣ есть подъ Духовнымъ Регламентомъ 25 января 1721 года. Будучи игуменомъ, онъ, разумѣется, могъ преподавать въ Академіи богословіе.

Другой разъ въ Академіи два профессора по богословію были въ $16^{35}/_{36}$ и $17^{36}/_{37}$ учеб. годахъ [1]).

Все же прочее время изслѣдуемаго нами періода богословіе читалось однимъ лицомъ.

По выходѣ изъ Академіи ректора Прокопія Колачинскаго 27 марта 1701 года [2]), преподаваніе богословія было возложено на тогдашняго префекта Академіи и профессора философіи іером. *Иннокентія Поповскаго*. Это видно изъ (не разъ уже приведенной нами выше) подписи Поповскаго въ первой половинѣ мая 1701 года въ званіи „учителя наукъ философскихъ и *богословскихъ*". — Между 15 мая и 20 іюня 1701 года [3]) на ректорское мѣсто былъ назначенъ Гедеонъ Одорскій, но преподаваніе богословія, видимо, продолжалъ вести Поповскій. Такъ мы *предполагаемъ* на томъ основаніи, что Поповскій въ самомъ началѣ (въ январѣ и февралѣ) 1703 г. въ документахъ именуется учителемъ богословія [4]). Если бы Одорскій, по принятіи ректуры, началъ преподавать въ Академіи богословіе, то непонятно, что вынудило бы его оставить это преподаваніе къ указанному времени, т. е. къ январю-февралю 1703 г.

Почему Поповскій могъ быть оставленъ при преподаваніи богословія, по назначеніи въ ректоры Одорскаго, свои догодки объ этомъ мы высказали раньше. Насколько же вообще вѣрны всѣ наши соображенія о томъ, что богословіе преподавалъ Поповскій въ $170^1/_2$ учеб. г., рѣшить это могутъ со временемъ документальныя лишь данныя. Впрочемъ, нѣкоторый ключъ къ рѣшенію этого вопроса (собственно о препо-

---

[1]) См. ниже списокъ профессоровъ богословія, а въ приложеніяхъ къ настоящему изслѣдованію см. „Извлеченія изъ документовъ относительно преподаванія въ Кіевской Академіи богословія въ $17^{36}/_{36}$ учебномъ году."

[2]) См. I-ю главу настоящаго изслѣдованія.

[3]) Ibid.

[4]) См. „Труды Кіевской духовной Академіи", 1901 г., ноябрь, стр. 402, сн. ниже списокъ учителей философіи.

давателѣ богословія (*въ первой половинѣ 1702 года*) можемъ указать и мы.

3-го іюня 1702 года,—какъ видно изъ замѣтки на 119 листѣ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII, 18, буквальной съ рукописью библ. Кіево-Софійскаго собора № 219,—былъ законченъ чтеніемъ въ богословскомъ классѣ Кіевской Академіи Tractatus theologicae controversae de impeccabilitate Matris Christi. Въ этомъ трактатѣ профессоръ, между прочимъ, указываетъ, съ какою чрезвычайною торжественностью празднуется и чтится во всѣхъ академіяхъ католическаго міра непорочное зачатіе пресвятой Дѣвы Маріи и какъ,—что онъ видѣлъ *своими глазами*,—въ Пражскомъ Университетѣ въ праздникъ Богоматери всѣ доктора университета съ достойнымъ похвалы благоговѣніемъ направлялись въ древнюю церковь, которая стоитъ на площади города Праги, и тамъ произносили клятвенные обѣты о свидѣтельствованіи непорочнаго зачатія Богоматери. (Non commemoro, quali cultu honorificentissimo illibata Mariae conceptio in universis catolici orbis academiis colatur, adoretur, ut *experientaliter* in Pragensi Universitate *oculis hisce vidi* insingulis Beatissimae festis omnes Universitatis Doctores cum plausibili cultu et devotione processionaliter ad...[1]) ecclesiam quam extat in foro antiquam civitatis Pragensis praeparasse; ibidemque vota juramentaria emisisse pro testatoria immaculatae Beatissimae conceptionis, quod fieri solet in singulis in annis[2]). Такимъ образомъ, профессоръ, читавшій приведенныя строки, бывалъ въ Прагѣ и Пражскомъ университетѣ. (Изъ біографическихъ данныхъ объ Одорскомъ[3]), не усматривается, чтобы онъ по-

---

[1]) Пропущенное нами слово написано неразборчиво въ рукописи.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 219. л. 113, ср. рукоп. той же библ., № 221, стр. 223—224.

[3]) См. статью С. Т. Голубева: „Гедеонъ Одорскій (бывшій Ректоръ Кіевской Академіи) въ началѣ XVIII ст.“, „Труды Кіев. дух. Акад.“, октябрь, 1901 г.

сѣщалъ Прагу. Неизвѣстно этого и объ Иннокентіи Поповскомъ, хотя предполагать, что Поповскій бывалъ и даже учился въ Прагѣ,—позволительно. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, приходившійся дядею Поповскому и отправлявшій молодыхъ людей въ заграничныя учебныя заведенія, могъ, разумѣется, направить туда и Поповскаго).

Правда, весь трактатъ, изъ котораго мы привели интересующее насъ мѣсто, *почти* буквально списанъ профессоромъ 1702 года изъ лекцій Стефана Яворскаго [1]), тѣмъ не менѣе *слова о Прагѣ—собственныя* профессора 1702 г. Нѣсколько ниже нами приводятся указанія на то, что богословскія лекціи 170⁴/₅ года читались въ Академіи тѣмъ же лицомъ, что и лекціи полемическаго богословія въ началѣ 1702 года.

Въ 1702 учеб. году были преподаны въ богословскомъ классѣ полемическіе трактаты de sacramentis, de Verbo incarnato, de impeccabilitate Beatissimae Matris Christi, de ecclesia Dei и de processione Spiritus Sancti. Эти трактаты сохранились въ трехъ экземплярахъ, въ рукописяхъ библіотекъ Кіево-Софійскаго собора № 219 и 221 (часть 2-я рукописи) и Кіево-Печерской Лавры VII. 18 [2]).

---

[1]) Ср. указанный нами трактатъ съ соотвѣтствующимъ трактатомъ у Яворскаго по рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 217, л. 113 на обор.—122.

[2]) Въ рукописи библ. Кіево-Софійскаго собора № 219 первый изъ означенныхъ трактатовъ въ своемъ заглавіи имѣетъ хронологическую дату. Тутъ мы читаемъ: Tractatus theologicae controversae de sacramentis *anno Domini 1701 Januarii 21 feliciter inceptus.* Въ рукописи № 221 нѣтъ никакихъ хронологическихъ указаній. Въ рукописи же Кіево-Печерской Лавры мы находимъ, во 1-хъ, на заглавномъ листѣ помѣту: *Anno Domini 1702*; во 2-хъ, на оборотѣ 42 листа, послѣ третьей контроверсіи 1-го трактата замѣтку: Haec controversia finita est Martii 6-to nonarum Anno M. T. Domini 1702; въ 3-хъ, на 49 л., послѣ 4-й контроверсіи: „Finita haec controversia Martii ipsis nonis MDCCII; въ 4-хъ, на 62 л., послѣ 8-й контроверсіи: „Anno Domini 1702 Martii pridie Iduum finita est"; и въ 5-хъ, на л. 119, послѣ трактата de impeccabilitate Matris Christi, замѣтку: „Finita haec controversia 1702 junii d(ie) 3". Въ виду *пяти* такихъ указаній мы считаемъ означенные трактаты преподанными въ первой половинѣ

Эти полемическіе трактаты были заключеніемъ къ изложенію *положительнаго* богословскаго ученія. Въ предисловіи къ нимъ авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Porro theologiae divisio examinatur ex professo in 1-a parte doctoris Angelici, nobis tantum inpraesens ocurrit perquam necessaria, perquam facilis dignissima scitu controversiae theologiae materia [1]). Изъ такихъ словъ видно, что кое-какія подробности въ положительномъ богословіи профессоромъ были опущены въ видахъ удѣленія времени на болѣе полезные, по его мнѣнію, полемическіе трактаты. Изъ послѣднихъ же трактатовъ ясно, что слушателямъ ихъ положительное богословіе было уже изложено. Напр., во второй контроверсіи трактата: de impeccabilitate Beatissimae Matris Christi, отвѣчая на вопросъ: An Beata Deipara Virgo saltem in Adamo peccaverit contraxeritque peccatum originale, профессоръ даетъ краткое лишь опредѣленіе первороднаго грѣха, говоря, что подробное разъясненіе этого пункта agitur ex professo in speculativa Theologia, ubi de peccatis [2]).

1702 года; отмѣтку же на экземплярѣ ихъ въ рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 219 21-мъ января 1701 г. вынуждаемся оставить неразгаданной. Возможно (безъ опасенія выставить свое предположеніе, какъ курьезъ) допустить, или, во 1-хъ, что надпись эта сдѣлана ошибочно: рукою не привыкшею къ цифрѣ *новаю* 1702 г., поставлена цифра только что минувшаго 1701 г. (Указанное тутъ 21 января можетъ быть признано за день начала чтенія трактатовъ; потому что 42 листа, in 4°, этого трактата, по рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 18, были прочитаны къ 6 марта; слѣдовательно, могли быть начаты около 21 января); или, во-вторыхъ, что надпись эта была сдѣлана спустя нѣсколько лѣтъ послѣ составленія самой рукописи, почему точность времени, когда именно *было начато* чтеніе трактатовъ, исчезла изъ памяти слушавшаго ихъ; или, наконецъ, въ 3-хъ, что какъ въ 1701 г., такъ и въ 1702 г. читались одни и тѣ же полемическіе трактаты въ богословскомъ классѣ. Впрочемъ, при послѣднемъ предположеніи надо считать ихъ начатыми Прокопіемъ Колачинскимъ.

[1]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 221.

[2]) Ibid., л. 205; сн. рукоп. той же библ. № 219, л. 104 на обор.

Съ начала $170^2/_3$ учеб. года по $170^5/_6$ учеб. годъ былъ изложенъ въ классѣ теологіи полный четырехгодичный курсъ богословія.

Онъ состоялъ изъ трактатовъ: 1) in primam partem Summae Theologiae doctoris angelici divi Thomae de Deo optimo maximo uno et trino[1]); 2) de jure et justitia, 3) de augustissimo incarnationis Verbi Divini mysterio[2]), 4) de angelis, beatitudine et actibus humanis, 5) de sacramentis[3]), 6) de virtutibus, vitiis, peccatis, justificatione et meritis[4]), 7) de virtutibus theologicis fide, spe et charitate, и 8) de paenitentia, сохранившихся въ рукописяхъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 220 (первыхъ четыре трактата, съ нѣкоторой перетасовкой въ послѣднемъ нѣсколькихъ диспутацій, сравнительно съ другими его записями), № 221 (стр. 1—502, по второму счету, и стр. 1—291, по третьему счету;—два первыхъ трактата) и № 222 (трактаты 5-й и 6-й). Кіевской духовной семинаріи (VIII. 1. 25, трактаты 3—8)[5]) и Смоленской духовной семинаріи (А. 820. О. 7, трактаты 5—8; тутъ эти трактаты имѣютъ и такое общее заглавіе: Cursus biannalis theologiae sacrosanctae, auditus sub

---

[1]) Въ рукоп. библ. Кіево-Соф. собора № 221 предъ этимъ трактатомъ помѣщенъ Index primae partis S. Theologiae de Deo uno, trino et perfecto *anno Domini 1703*, но, разумѣется, индексъ написанъ по окончаніи трактатовъ.

[2]) Въ рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 220 помѣченъ „anno 1703“; въ семинарской указано, что онъ начатъ 10 сентября 1703 г.

[3]) Въ рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи помѣченъ 1704 годомъ; въ рукоп. же Смоленской дух. семинаріи въ этомъ трактатѣ на л. 163, послѣ общаго ученія о таинствахъ, сдѣлано заключеніе: finita est prima pars de sacramentis in communi anno 1705 januarii 17, а послѣ частнаго ученія о томъ же, на л. 251 приписано: Consumatus est tractatus sacrosanctae Theologiae de sacramentis mense Martii 6-a anno 1705.

[4]) Въ рукоп. библ. Кіев. дух. Семинаріи помѣченъ anno Domini 1705 Martii 6-ta, а въ рукоп. библ. Кіево-Соф. соб. № 222 *оконченнымъ* anno 1705 Junii 30.

[5]) Н. И. Петровъ, Описан. рукоп. собран., наход. въ г. Кіевѣ, вып. 1, стр. 260—1, № 188.

admodum reverendo patre Innocentio Popowski in Collegio Kijovomohylaeano anno Domini 1705 et 1706") [1]).

Всѣ перечисленные трактаты мы признаемъ преподанными *Иннокентіемъ Поповскимъ*, котораго и называемъ *первымъ* профессоромъ богословія въ Кіевской Академіи за изслѣдуемый нами періодъ.

Имя его, какъ профессора богословія, указано лишь въ заглавіи трактатовъ, находящихся въ рукописи библ. Смоленской дух. семинаріи, обозначенныхъ 1705 и 1706 годами. Первый изъ находящихся здѣсь трактатовъ (de sacramentis in communi), какъ оконченный чтеніемъ 17 января 1705 года (см. выше), начатъ былъ, несомнѣнно, осенью 1704 года, потому что для прочтенія 158 листиковъ in 4-о (трактатъ этотъ содержится въ рукописи на л. 5—163) необходимо было не малое время; и, судя по первымъ строкамъ этого трактата: „Universale gratiarum omne principium et salutis nostrae Autorem Christum consideravimus *anno superiori* (Мы усматриваемъ въ этихъ словахъ указаніе на то, что въ предшествовавшемъ учебномъ году профессоръ изложилъ трактатъ de augustissimo incarnationis Verbi Divini mysterio, въ составъ коего входила и рѣчь о единствѣ Ипостаси во Христѣ Іисусѣ при двухъ естествахъ въ Немъ, что и даетъ понять профессоръ въ дальнѣйшихъ цвѣтистыхъ словахъ своей лекціи), начатъ онъ былъ *въ первую лекцію* 170⁴/₅ учебнаго года. Въ начальныхъ строкахъ,—а это для насъ весьма важно,—профессоръ указываетъ, что̀ было имъ прочитано въ богословскомъ классѣ и anno superiori. Такое указаніе прямо уже говоритъ за то, что Поповскій былъ профессоромъ богословія и въ 170³/₄ учеб. году. Свидѣтельство о профессурѣ его въ началѣ 1703 г. мы привели выше. И свидѣтельство это мы считаемъ возможнымъ

[1]) См. составленное нами „Описаніе рукописныхъ собраній, находящ. въ г. Смоленскѣ", вып. 1, стр. 5, № 2.

(потому что нѣтъ свѣдѣній, чтобы въ срединѣ $170^1/_2$ учеб. года произошла смѣна профессора богословія) распространить и на послѣднюю половину 1702 года, отводя, такимъ образомъ, весь $170^2/_3$ учеб. годъ на профессуру Поповскаго. (Въ $170^2/_3$ г. имъ и были прочитаны два первыхъ трактата изъ перечисленныхъ нами, такъ какъ 3-й трактатъ начатъ былъ 10 сентября 1703 года).

Наконецъ, въ виду того, что Поповскій въ своихъ трактатахъ *о таинствахъ* $170^4/_5$ учеб. года не разъ отсылаетъ своихъ слушателей къ полемическимъ (разумѣется, уже прочитаннымъ) трактатамъ о таинствахъ, мы рѣшаемся и послѣдніе трактаты приписать ему и, слѣдовательно, признать его профессоромъ богословія въ первой половинѣ 1702 года.

Напр., излагая положительное ученіе о сущности таинства евхаристіи, онъ говоритъ (въ заключеніи перваго параграфа), что errores (заблужденія, уклоненія отъ правильнаго ученія...) sunt refutati in Theologia polemica seu controversa de sacramentis[1]); на то же полемическое богословіе онъ указываетъ при рѣшеніи вопроса о томъ, какой хлѣбъ необходимъ для таинства евхаристіи[2]), и въ какой моментъ литургіи совершается пресуществленіе Св. Даровъ (во время ли произнесенія словъ Спасителя или во время дальнѣйшихъ словъ, находящихся въ литургіяхъ Свв. Василія Великаго и Іоанна Златоуста; sequentibus verbis, expressis in liturgia D. Basilii et Chrisostomi: *fac Domine...*, ad quod responsum peterendum est ex T(*heologia*) controversa)[3]).

Въ силу приведенной выше подписи Поповскаго въ первой половинѣ мая 1701 г., какъ мы уже сказали, можно

---

[1]) Рукоп. библ Кіево-Софійскаго собора № 222, л. 175.

[2]) Ibid., л. 182.

[3]) Ibid., л. 194 на обор.; см. еще л. 331, отвѣтъ на вопросъ: An omnes Adam posteri re ipsa contragant peccatum originale?

считать его профессоромъ за весь $170^1/_2$ учеб. годъ и за конецъ $170^0/_1$ учеб. г., послѣ ухода Колачинскаго.

Въ виду того, что въ печати [1]) высказано полусомнѣніе относительно двухъ рукописей Кіево-Софійскаго собора №№ 220 и 221 (богословскіе трактаты коихъ мы приписываемъ Поповскому), въ Кіевѣ ли онѣ были писаны, и не копіи ли онѣ съ учебниковъ католическихъ, мы считаемъ умѣстнымъ разсѣять такое полусомнѣніе.

Рукопись подъ № 221 составлена *тою же самою рукою*, что и рукопись подъ № 222. А послѣдняя *кіевскаго* происхожденія, потому что авторъ ея посвящаетъ свой трудъ во славу Бога и преподобныхъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ (см. л.л. 253 и 351; на 351-мъ листѣ авторъ, заканчивая свой трактатъ Ad majorem Dei gloriam s(*anctorum*) que O(*mnium*), добавляетъ: praecipue S(*ancti*) Joannis Baptistae mei liberalissimi Patroni, почему можно думать, что такое славословіе сдѣлано Иннокентіемъ,—вѣроятно, въ мірѣ Іоанномъ,—Поповскимъ [2]). Такъ какъ первые два трактата рукописи № 220 (собственно относительно православія этихъ трактатовъ и высказано полусомнѣніе) буквальны съ соотвѣтствующими имъ трактатами изъ рукописи № 221 (въ послѣдней 2-й трактатъ—de jure et justitia начинается предложеніемъ, опущеннымъ въ рукописи № 221: Justitia praeparat sedem Deo, juxta psalm. 22; дальше обѣ буквальны), то, очевидно, обѣ онѣ одного автора; слѣдовательно, разъ рукопись № 221 кіевская, то такова и № 220. (Рукопись № 220 по 179 л. писана—съ оборота 179 л. письмо въ ней болѣе

---

[1]) См. „Труды Кіевской дух. Академіи“, 1900 г., ноябрь, Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи за 1899 г., стр. 87.

[2]) На послѣднемъ (412) листкѣ этой рукописи (два-три послѣднихъ листка ея писаны старательнѣе всей рукописи) есть такая замѣтка: Haec materia finita est sub die festi sanctorum apostolorum Petri u Pauli ad adventum illustrissimi ac invictissimi Ducis Rossiaci protunc *Kijoviam* anno 1705 Junii 30.

разборчивое,—кажется, тою же самою рукою, что и рукопись библіотеки Смоленской духовной семинаріи, содержащая трактаты Попоскаго о таинствахъ, 1705 и 1706 гг.).

Православнаго ли онѣ происхожденія? Рѣшить это легко. Въ 6-й диспутаціи этихъ трактатовъ — de sanctissima Trinitate, 1-я секція, указывая еретическія заблужденія о троичности лицъ, говоритъ: „Romani schismatici *haeretici* (въ рукописи № 221 этого слова нѣтъ) novatores negant Spiritum Sanctum procedere à solo Patre asseruntque etiam a Filio (рукоп. № 221, стр. 455, по первому счету; рукоп. № 220, л. 166).— Секція, посвященная отвѣту на вопросъ: „An Spiritus Sanctus distinguatur a Filio, quamvis non procedat ab Jllo“, начинается такъ: „Dico affirmative. Ha *orientalis orthodoxa Ecclesia* et plures gravissimi DD(doctores) *latinae Ecclesiae*, ut Scottus, Aureolus, P(*F*)ontius, Runius, Palanicinus, Mlodzianowski и т. д. (Рукоп. № 221, стр. 496, по 1-му счету; рукоп. № 220, л. 183 на обор.).—Ясно, что такъ говоритъ не католикъ, а православный.

Иннокентію Поповскому преемствовалъ

2. *Христофоръ Чарнуцкій*, учительствовавшій съ 170$^{6}/_{7}$ по 170$^{9}/_{10}$ учеб. годъ [1]).

Имъ были прочитаны трактаты: 1) de Deo secundum se et atrributis divinis, начатый 13 сентября 1706 г., какъ видно изъ приводимыхъ нами заглавій лекцій Чарнуцкаго, 2) de sanctissima Trinitate или de Deo, ut trino; 3) de jure et justitia, начатый 21 апрѣля 1707 г. [2]), оконченный 25 іюня 1707 г. [3]); 4) de ineffabili mysterio incarnationis Divinae, нача-

---

[1]) Время его преподавательства въ богословскомъ классѣ мы опредѣляемъ, имѣя въ виду время его ректорства и основываясь исключительно на данныхъ въ рукописныхъ богословскихъ лекціяхъ, называющихъ его имя, какъ профессора богословія.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Михайл. монастыря № 1687, т. 2-й.

[3]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи. VIII. 1. 23, л. 403.

тый 10-го сентября 1707 г. и оконченный 31 января 1708 г.[1]); 5) de angelis, начатый 3 февраля 1708 г.[2]) и оконченный 15 мая того же года[3]); 6) de ultimo fine, beatitudine hominis et actibus humanis, оконченный 22 іюня 1708 года[4]); 7) de sacramentis in genere et specie, начатый 10 сентября 1708 г.[5]), оконченный въ 1709 году[6]); 8) de peccatis et gratia, начатый 24 февраля 1709 г.[7]); 9) de virtutibus theologicis, nimirum fide, spe et charitate, начатый 10 сентября 1709 г.[8]), оконченный 9 іюля 1710 г.[9]); 10) de paenitentia, prout est virtus, оконченный 25 іюля 1710 г.[10]); и 11) de paenitentia, ut est sacramentum, 1709 г.[11]) (трактатъ этотъ не имѣетъ конца), сохранившіеся въ рукописяхъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора №№ 223 (трактаты 1—3; эта рукопись озаглавлена: Theologia scholastica de Deo teroptimo maximo, in Collegio Kijovo-Mohilaeano dictata atque disputationibus illustrata", anno incarnatae Sapientiae 1706 die septembris 13-ta inchoata); 224 (трактаты 4—6), 225 (трактаты 4 и 5; въ этой рукописи они имѣютъ такое общее заглавіе: Theologia scholastica de incarnatione Verbi Divini, disputationibus et quaestionibus... illustrata in Collegio Kijovomohylaeano anno incarnati Ejusdem Verbi Domini 1707), 226 (трактаты 7 и 8) и 227 (трактаты 9 и 10); библіотеки Кіевской духовной се-

---

[1]) Ibid, л. 1 и 224; рукоп. библ. Кіево-Соф. собора № 224, л. л. 1 и 163.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 23, л. 225.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 224, л.л. 163 и 236.

[4]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 21, л. 393; рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 224, л. 260.

[5]) Рукоп. библ. Кіево-Михайл. монастыря № 1692.

[6]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 16.

[7]) Рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон. № 1692, л. 185; рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 226, л. 207.

[8]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., № 227, л. 1.

[9]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 16, л. 252.

[10]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 227, л. 1.

[11]) Рукоп. библ. Кіевской дух. семинаріи VIII. 1. 16, л. 390—494.

минаріи VIII. 1. 23 (трактаты 1—3; съ заглавіемъ, какъ рукопись библ. Кіево-Соф. собора № 223), VIII. 1. 21 трактаты 4—6) и VIII. 1. 16 (трактаты 7, 9 и 10, безъ конца) [1]); Кіево-Михайловскаго монастыря № 1687 (трактаты 1—6; съ заглавіемъ, какъ и въ рукописи библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 223) и 1692 (трактаты 7 и 8); и Кіевской духовной Академіи I. 1. 42. 42 (трактаты 7 и 8) [2]).

3. *Θеофанъ Прокоповичъ.* Преподавать богословіе онъ началъ, вѣроятно, съ $17^{10}/_{11}$ учеб. года и велъ его, должно быть, по сентябрь 1716 г., когда выѣхалъ въ Петербургъ [3]). Говоримъ, что онъ сталъ читать богословіе въ Академіи съ $17^{10}/_{11}$ учеб. года, на основаніи его собственныхъ словъ: „...Θеофанъ не преставалъ въ школахъ учить разныхъ ученій, въ томъ числѣ *и богословіи чрезъ пятолѣтное время*“ [4]). Если въ этихъ словахъ Θ. Прокоповичъ ведетъ счетъ своей профессуры по учебнымъ годамъ, то, начиная ее съ $17^{10}/_{11}$

---

[1]) Н. И. Петровъ, „Описаніе рукоп. собраній“, вып. 1, стр. 261—2, №№ 189—191.

[2]) Его же, „Описан. рукоп. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Акад.“, стр. 34, № 74.

[3]) См. I-ю главу настоящаго изслѣдованія.

[4]) Рукопись библ. Кіево-Софійскаго собора № 593, л. 76. „Копія съ пунктовъ, сочиненныхъ преосвящ. архіеп. Θ. Прокоповичемъ, писанныхъ собственною рукою, хранящихся подлинникомъ въ библ. Его Сіятельства графа Петра Борисовича Шереметева“, л. 4-й этой копіи „Пункты“ писаны въ 1731—2 году, потому что на л. 7 въ нихъ сказано: „...А какъ Θеофанъ изъ Кіева, уже тому 15 лѣтъ“; оставилъ же Прокоповичъ Кіевъ осенью 1716 г. (см. 1-ю главу настоящаго изслѣдованія). И. Чистовичъ („Θ. Прокоповичъ и его время“) говоритъ (стр. 17), что Прокоповичъ опредѣленъ игуменомъ Братскаго монастыря, ректоромъ Академіи и *профессоромъ богословія* по возвращеніи Петра Великаго изъ турецкаго похода, въ 1711 году. Въ нѣкоторыхъ трудахъ, напр., въ біографіи Прокоповича, приложенной къ Готскому изданію его сочиненія: „De processione Spiritus Sancti,—Gotha, 1772 an.; въ статьѣ профес. М. Ф. Ястребова: „Высокопреосвященный Иннокентій Борисовъ, какъ профессоръ богословія Кіевской духовной Академіи“ (помѣщенной въ „Трудахъ“ той же Академіи, декабрь, 1900 г., стр. 548) говорится, что Прокоповичъ началъ преподавать богословіе съ 1712 года и преподавалъ его по 1715 или до 1716.

учеб. года и доводя до начала (приблизительно по сентябрь мѣсяцъ) $17^{16}/_{17}$ учеб. года, мы получимъ 6 лѣтъ для нея. Но обычно въ первой половинѣ XVIII в. въ Академіи время считали не учебными годами, а гражданскими, причемъ первая половина учебнаго года, такъ сказать, умалчивалась (это было въ большинствѣ случаевъ). Напр., „Опредѣленіе“ учителей на $17^{45}/_{46}$ учеб. годъ записывается опредѣленіемъ на 1746 годъ [1]), „опредѣленіе“ учителей на $17^{46}/_{47}$ учеб. годъ—опредѣленіемъ на 1747 годъ [2]). Если такимъ способомъ подсчитать и годы богословскаго учительствованія Прокоповича въ Академіи (1711, 1712, 1713, 1714, 1715, не принимая за цѣлый годъ первой половины 1716 года [3]), то получимъ пять лѣтъ. Конечно, на такой счетъ мы не имѣемъ безспорнаго (въ данномъ случаѣ) права, но рѣшаемся принять его, въ виду (*пока* ясной, кажется) необходимости признавать Прокоповича преемникомъ Христофора Чарнуцкаго какъ по несенію ректорскихъ обязанностей [4]), такъ и по преподаванію богословія. (Оно должно было перейти по обычному порядку къ префекту, каковымъ и былъ Прокоповичъ. Думать, что обязанности ректора и профессора богословія исполнялъ послѣ Чарнуцкаго, до назначенія ректоромъ Прокоповича, кто-

---

[1]) Архивъ Кіевской духовной консисторіи, Реестръ дѣлъ Кіевскаго повѣта, 1745 г., гдѣ подъ № 120, отъ 27 августа 1745 г. записано „опредѣленіе учителей въ Академію Кіевскую ради преподаянія школъ латинскихъ на *слѣдующій 1746 годъ*.

[2]) Ibid., „Реестръ повѣта Кіевскаго вхожихъ (въ канцелярію Кіевскаго митрополита) дѣлъ, 1746 г. Генваря мѣсяца 1-го дня заведенный“, гдѣ подъ № 150, отъ 16 августа 1746 года записано „опредѣленіе учителей въ Академію Кіевскую для преподаванія на *слѣдующій 1747 годъ* школъ“. То же самое замѣчается и въ другихъ документахъ.

[3]) Чуть ли не всю первую половину (быть можетъ, еще и конецъ 1715 г.) 1716 г. Ѳ. Прокоповичъ проболѣлъ. Вызванный въ Петербургъ въ 1715 г., онъ вслѣдствіе своей болѣзни поѣхалъ туда лишь осенью 1716 г. (См. у И. Чистовича, стр. 24 и 25).

[4]) См. въ 1-й главѣ настоящаго изслѣдованія.

либо неизвѣстный намъ,—у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній).)

Имъ были преподаны трактаты: 1) de Theologia (въ печатныхъ изданіяхъ озаглавливаются три первыхъ его трактата общимъ именемъ: Prolegomena); 2) de Scriptura Sacra, 3) de conciliis, traditionibus et dictis patrum in rebus Theologicis, 4) de Deo (ad intra), quantum ad essentiam, existentiam et attributa; 5) de mysterio s. s. Trinitatis, ubi de Divinitate Filii et Spiritus Sancti, 6) de relationibus, notitionibus et processionibus Divinarum personarum, sed potissimum de processione Spiritus S. a solo Parte; 7) de creatione et providentia communi; и 8) de statu hominis integri[3]), имѣющіеся въ рукописи библіотеки Смоленской духовной семинаріи (А. 821. О. 8 и А. 830. О. 4)[1]).

По отъѣздѣ Прокоповича осенью 1716 года въ Петербургъ, въ Кіевѣ неизвѣстно, кажется, было, возвратится ли онъ оттуда (это окончательно опредѣлилось осенью 1717 г.). Поэтому, мѣсто Прокоповича въ богословскомъ классѣ, видимо, оставалось незанятымъ до начала $17^{17}/_{18}$ учеб. года. *Съ началомъ же означеннаго* учебнаго *года* учительствовать въ богословскомъ классѣ сталъ

4. *іером. Іоасафъ Томиловичъ*[2]). (Такому нашему

---

[3]) Эти трактаты, какъ преподанные Прокоповичемъ, указаны были ректоромъ Академіи Давидомъ Нащинскимъ въ спеціальномъ донесеніи митроп. Арсенію Могилянскому 11 января 1759 г. (См. „Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад.". собран. В. Аскоченскимъ, т. 2, л. д. 259—260), съ замѣчаніемъ, что „оставалось ему (Прокоповичу) еще трактовать по своему расположенію о сихъ вещахъ", при чемъ перечислялось еще 13 трактатовъ (помѣщенныхъ въ печатныхъ изданіяхъ Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae Theologiae Ѳ. Прокоповича), „однакожъ сихъ лекцій, которыя имѣли быть предлагаемы и толкуемы, не видно нигдѣ сочиненныхъ, почему та богословія Ѳеофанова конца своего не имѣетъ" (ibid.) См. объ изданія и дополненіи курса Ѳ. Прокоповича въ сочиненіи „Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ", Я. Горожанскаго, Кіевъ, 1894 г., стр. 96 и 97.

[1]) См. составленное нами „Описаніе рукописн. собрн., находящ. въ г. Смоленскѣ", вып. 1, стр. 8, №№ 6 и 7.

[2]) См. о немъ въ спискѣ префектовъ и въ VIII приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

предположенію благопріятствуетъ заглавіе преподаннаго Томиловичемъ трактата, *начальнаго* въ богословскомъ курсѣ: „Theologia theoretica de Deo uno et trino, commentariis et disputationibus scholasticis illustrata, doctrinam orthodoxam complectens, ingenuo Roxolano auditori exp sita anno Domini *1717 in annum 1718 die 9-na septembris incboata* ab admodum reverendo patre Ioazapho Tumilowicz“ [1]). Учительство Томиловича въ богословской школѣ продолжалось [2]) до начала учительства въ ней же Іосифа Волчанскаго и даже шло нѣкоторое время совмѣстно съ Волчанскимъ [3]).

Преподанные Томиловичемъ трактаты: 1) de Deo uno et trino, и 2) de jure et justitia in secunda secundae a quaestione 57 usque ad quaestionem 79-am inclusive et de reliquis virtu-

---

[1]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 228, л. 1-й. Возможно, конечно, что Томиловичъ сталъ преподавать богословіе въ Академіи въ началѣ 1717 г., и что онъ могъ тутъ прочитать какой-нибудь не сохранившійся до насъ трактатъ. Но такому предположенію мы не имѣемъ ровно никакихъ основаній.

[2]) На учительство Томиловича въ 1718 г. могутъ указывать „Conclusiones theologicae, propugnatae publice in alma Universitate Kijowiensi, sub praesidentia R. P. Ioasaphi Tomilowicz 1718“, находящіеся и одномъ бѣловомъ листкѣ, въ концѣ рукописи № 691 библ. Кіево-Михайловскаго монастыря.

Приблизительно съ апрѣля мѣсяца и, вѣроятно, по сентябрь 1719 г. Томиловичъ отсутствовалъ изъ Кіева. Онъ, по царскому указу, былъ взятъ въ Петербургъ, а затѣмъ, въ Москву (не знаемъ—для чего). 25 августа (этимъ числомъ помѣчено доношеніе Томиловича) 1719 г. Томиловичъ подалъ на имя государя доношеніе, въ которомъ писалъ: „Въ нынѣшнемъ 1719 г. по твоему великаго Государя указу (въ посольскомъ приказѣ Томиловичъ показалъ, что этотъ указъ былъ присланъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) былъ *я* взятъ... съ Кіева *изъ школъ* въ С.-Петербургъ, а нынѣ отпущенъ по твоему великаго государя указу изъ С.-Петербурга въ Москву“, и просилъ „съ Москвы... отпустить въ Кіевъ въ *тыя же школы ради окончанія прежде начатаго богословскаго ученія*“. Доношеніе это подписалъ „Іеромонахъ Іоасафъ учитель богословія“. На доношеніи помѣчено: „27 августа отпущенъ“ (Московскій архивъ Министер Иностр. Дѣлъ, д. Малорос., д. 1719 г., № 37: „Отпускъ іером. Іоасафа Томиловича изъ С.-Петербурга по прежнему въ Кіевъ“). Возвратившись въ Кіевъ, Томиловичъ продолжалъ преподавать богословіе.

[3]) См. VIII приложеніе къ настоящему изслѣдованію.

tibus moralibus—есть въ рукописяхъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 228, а трактаты: 3) de incarnatione, 4) de sacramentis et gratia, 5) de tribus virtutibus theologicis fide, spe et charitate, и 6) de angelis—сохранились въ рукописи библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 20 [1]).

Такъ какъ 5, *Іосифъ Волчанскій* началъ (сохранившійся до насъ съ указаніемъ имени Волчанскаго) богословскій курсъ съ $17^{21}/_{22}$ учеб. года [2]), то, слѣдовательно, Томиловичъ былъ профессоромъ богословія приблизительно по конецъ 1721 г., послѣ чего преподавалъ богословіе одинъ Іосифъ Волчанскій по $17^{24}/_{25}$ уч. годъ.

Преподанный Волчанскимъ курсъ озаглавливается: Theologia Christiana' orthodoxa pro diversitate materiarum in varios tractatus, tum disputationes et quaestiones divisa, in Collegio orthodoxo Kijovo-Mohileano tradita et explicata..., incepit anno 1721 mense septembri 22 die [3]). Онъ состоялъ (кромѣ вводныхъ разсужденій de natura theologiae) изъ трактатовъ: 1) de Deo uno et trino; 2) de Deo trino in personis; 3) de angelis (оконченнаго 19 января 1723 г.) [4]); 4) de homine in statu innocentiae; 5) dé incarnatione Dei; 6) de sacramentis; 7) de tribus virtutibus theologicis; 8) de ultimo fine hominis et acti-

---

[1]) Н. И. Петровъ, „Описаніе рукоп. собр.", вып. 1, стр. 263, № 193. Эти трактаты озаглавлены: „Tractatus theologicus, comprehendens orthodoxam doctrinam, traditus et explicatus anno Domini 1719 mense Octombris 2 die. при чемъ рукопись начинается трактатомъ de augustissimo misterio incarnationis, Verbi Divini, котораго въ началѣ рукописи нѣтъ; онъ помѣщенъ въ концѣ ея на л. л. 408—534.

[2]) О богословскомъ учительствѣ Волчанскаго въ 1721 г. свидѣтельствуетъ приведенная нами выше (въ спискѣ учителей младшихъ классовъ Академіи) надпись надъ гробницею Иларіона Григоровича, еп. Крутицкаго. Въ надписи говорится, что Григоровичъ пострижепъ въ монашество 1721 года *богословскимъ* учителемъ Іосифомъ Волчанскимъ.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 2; VII. 21; рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон. № 1686 (заглавные листы).

[4]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 2.

bus humanis; 9) de peccatis; 10) de gratia. Полный экземпляръ преподаннаго имъ курса есть въ рукописи библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1686) и два—въ рукописи библіотеки Кіево-Печерской Лавры (одинъ—VII. 2. и другой—VII. 21+VII. 16; вторая рукопись есть продолженіе первой, обѣ онѣ писаны одною рукою); отдѣльные трактаты de sacramentis, de homine in statu innocentiae и de ultimo fine hominis et actibus humanis есть въ рукописи библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 230 и Кіево-Михайловскаго монастыря № 1681, при чемъ въ послѣдней рукописи есть еще и трактаты de tribus virtutibus theologicis fide, spe et charitate, de peccatis и de gratia (л. л. 152—323); трактаты: de angelis и de incarnatione—въ рукописи библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря № 1693 [1]). Оконченъ богословскій курсъ Волчанскимъ былъ 3 іюля 1725 г. [2]).

6. *Иларіонъ Левицкій*—съ $17^{25}/_{26}$ г. [3]) по $17^{28}/_{29}$ учеб. г. [4]).

Прочитанный имъ курсъ: Theologia scholastica de Deo Teroptimo Maximo in Collegio Kijovo-Mohilano dictata, consve-

---

[1]) Въ „Описаніи рукоп. собран., наход. въ г. Кіевѣ", Н. И. Петрова, вып. 2, Москва, 1896 г., стр. 148, № 469 трактаты эти невѣрно приписываются, повидимому, Иларіону Левицкому. Они, по сличеніи, оказались буквальными съ трактатами въ другихъ рукописяхъ съ именемъ Іосифа Волчанскаго, и несходными съ такими же трактатами съ именемъ Левицкаго. Въ „Трудахъ Кіев. дух. Акад.", 1900 г., декабрь, стр. 548, въ 1-мъ примѣчаніи, Іосифу Волчанскому приписаны трактаты 1725—27 г. (преподанные Левицкимъ) безъ всякаго основанія и даже съ явнымъ противорѣчіемъ 2-му примѣчанію, которое считаетъ Левицкаго профессоромъ богословія въ 1726 году, когда, слѣдовательно, Волчанскій не могъ преподавать трактатовъ 1725—27 г.г.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон. № 1681, л. 323; ср. рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 230, л. 542 на обор.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб. № 231; ср. „Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода", т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI; ср. о времени его ректорства въ I гл. настоящаго изслѣдованія.

[4]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 8, л. 316.

tis disputationibus et auctoribus illustrata..., inchoata anno incarnatae Sapientiae 1725 septembris 13 [1]) состоялъ, кромѣ введенія, изъ трактатовъ: 1) de Deo secundum se et attributis divinis (оконченнаго 29 апрѣля 1726 г.) [2]); 2) de Deo, ut trino; 3) de jure et justitia; 4) de incarnatione Verbi Divini (начатаго 16 сентября 1726 г.) [3]); 5) de angelis; 6) de fine ultimo, beatitudine hominis et actibus humanis (начатаго въ 1727 г.) [4]); 7) de peccatis; 8) de nomine juris et legis aeterni naturalis divini Veteris et novi Testamenti; 9) de gratia [5]), 10) de tribus virtutibus theologicis fide, spe et charitate (начатаго въ 1728 г. [6]) 23 сентября) [7]); 11) de sacramentis (оконченнаго 4 іюля 1729 г.) [8]), и 12) de homine in statu innocentiae [9]). Трактаты этого курса сохранились въ рукописяхъ библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 7 (трактаты 1—3); VIII. 1. 24 (тоже); VIII. 1. 26 (трактаты 4—6); VIII. 1. 17 (трактаты 4 и 5); VIII. 1. 8 (трактаты 6, 7, 9-12); VIII. 1. 9 (трактаты 6, 8-11); и VIII. 1. 11

---

[1]) Тотъ же день начала его указанъ въ рукоп. библ. Кіево-Соф. собора № 231, въ рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 24 и въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 24 (заглавные листы).

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон. № 1682, л. 182.

[3]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семин. VIII. 1. 26, л. 1; Кіево-Соф. соб. № 233 въ рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон. № 1682 этотъ трактатъ помѣщенъ на л.л. 211—313; здѣсь на л. 281 помѣчено: „post nativitatem 1727“.

[4]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 26, л. 305, и VIII. 1. 8, л. 1.

[5]) Въ рукоп. библ. Кіев. дух. семин. VIII. 1. 9, въ этомъ трактатѣ (на л.л. 85—130) есть на 113 л. помѣта: „1728 Maii 29“.

[6]) Ibid, VIII. 1. 8, л. 147.

[7]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 13, ч. 4-я; рукоп. библ. Кіев. дух. сем. VIII. 1. 9, л. 131, при чемъ почти въ концѣ этого трактата, на л. 203 (а трактатъ помѣщенъ на л.л. 131—216) есть помѣта: incepta haec lectio scribi anno 1729 Martii die 18.

[8]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 8, л. 240—316; см. рукоп. той же библіотеки VIII. 1. 9, л. 275; рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 3.

[9]) Ср. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, стр. 259—260.

(трактаты 12, 6, 7, 9 и 10)[1]; Кіево-Печерской Лавры VП. 24 (трактаты 1-4); VII 13 (трактаты 5, 6, 9-11) и VП. 3 (трактаты 6-9 и 11); Кіево-Софійскаго собора № 232 (трактаты 1-3), № 233 (трактаты 4 и 5), № 231 (трактаты 1-5); № 234 (6-9 тракт.); № 235 (трактаты 6-11); Кіевской дух. Академіи J. 1. 17. 17[2]) и Р. Муз. № 616 (трактаты 1-2); Кіево-Михайловскаго монастыря № 1682 (трактаты 1-5); Иркутской духовной семинаріи (по инвентарю ея каталога) № 4$^1/_8$ [3]) (трактаты 6-11) и Черниговской духовной семинаріи № 15 [4]) (трактаты 4 и 5).

7. *Амвросій Дубневичъ* съ 17$^{29}/_{0}$ [5]) по 17$^{32}/_{33}$ учеб. годъ [6]).

Полный экземпляръ его курса (въ рукописи библ. Кіево-Софійскаго собора № 237), озаглавленнаго: Cursus quadriennalis Theologiae Christianae orthodoxae pro varietate materiarum in varios tractatus divisus, in Collegio orthodoxo Kijovomohylaeano ingenuo auditori Roxolano traditus et explicatus, incepit anno Domini 1729 mense septembris 22 die..., sub reverendissimo in Christo patre Ambrosio Dubniewicz и состоящаго (не считая введенія) изъ трактатовъ: 1) de Deo uno in essentia et

---

[1]) Н. И. Петровъ, Описан. рукоп.собр., вып. I, стр. 263—264; № 194—199,

[2]) Его же, Описан. рукоп. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Акад., стр. 35, № 76.

[3]) „Труды Кіев. дух. Акад.“, 1892 г., Октябрь, стр. 307—309, № 4.

[4]) По описанію Лилеева, стр. 12. Въ представленіи ректора Кіев. Акад. Давида Нащинскаго кіевскому митроп. Арсенію Могилянскому (11 янв. 1759 г.) указанъ такой порядокъ богословскихъ чтеній Левицкаго: 1) de natura Theologiae, 2) de Deo et attributis Ejus, 3) de providentia, praedestinatione et reprobatione, 4) de mysterio SS. Trinitatis, 5) de angelis bonis et malis, 6) de incarnatione Verbi Divini, 7) de jure et justita, 8) de homine in statu innocenti, 9) de ultimo fine hominis, 10) de peccato, 11) de gratia, 12) de sacramentis и 13) de tribus virtutibus theologicis-fide, spe et charitate (Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Асхоченскимъ, т. 2, л.л. 259—260).

[5]) См. приводимое нами заглавіе преподаннаго имъ курса; сн. 1-ю главу настоящаго изслѣдованія; сн. дальнѣйшія примѣчанія.

[6]) См. дальнѣйшія примѣчанія.

trino in personis (оконченнаго 1-го іюля 1830 года [1]); 2) de homine in statu innocentiae; 3) de incarnatione Verbi Divini; 4) de angelis; 5) de beatitudine et actibus humanis (оконченнаго 1-го мая 1732 г.) [2]); 6) de gratia; 7) de sacramentis и 8) de tribus virtutibus theologicis, fide, spe et charitate, есть въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора № 237 и Кіевской духовной Академіи J. 1. 47. 47 [3]); нѣкоторые трактаты въ рукоп. библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 10 (четыре первыхъ) [4]), Кіево-Софійскаго собора № 235 (тоже, на лл. 211—532), Кіево-Печерской Лавры VII. 3 (первый трактатъ) и Кіево-Михайловскаго монастыря № 1678 (тоже) [5]).

8) *Иларіонъ Негребецкій* [6])—въ $17^{33}/_{34}$ и въ $17^{34}/_{35}$ учеб. гг. [7]).

---

[1]) Рукопись библіотеки Кіево-Софіскаго собора № 235, л, 357, рукопись библ, Кіево-Михайловскаго монастыря № 1678, замѣтка въ концѣ.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 237, л. 413.

[3]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея при Кіевской дух. Академіи, стр, 35, № 79.

[4]) Его же, Описаніе рукоп. собран., вып. 1, стр. 266, № 201. Въ этой рукописи обозначенъ 22 мъ декабря 1729 г. день начала ея писька, но не начала чтенія ея Дубневичемъ.

[5]) Въ рукописи библ. Черниговской дух. семинаріи № 25 (по описанію Лилеева, стр. 16) на л. 445 имѣются Theses ex *universa* Theologia, quam tradebat anno Domini 1733 in Kijovomohylaena Academia R. P. Abrosius Dubniewicz, Abbas et Rector ejusdem Academiae, ordinarius S. Theologiae professor; ср. тезисы публичнаго диспута 12 іюля 1733 г., въ рукоп. Кіево-Михайл. мон № 1691, на одномъ изъ послѣднихъ листовъ ея.

[6]) Послѣ преподаванія риторики (см. выше) Негребецкій состоялъ въ числѣ братіи Кіево-Печерской Лавры, что видно изъ студенческой гратуляціи ему, уже въ санѣ архимандрита Лавры, съ такимъ обращеніемъ къ нему гратулятора: mitto largos illos sudores tuos, quibus *e caenobis evocatus* ad profitendam Theologiam scholasque ad mirificam fertilitatem studentium animos inriguneras" (рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. Ш. 91. 12, л. 108 на обор. см. гравюру № 2368 въ церк.-археол. музеѣ при Кіев. дух. Акад.). Введеніе въ свои богословскія чтенія Негребецкій началъ такъ: Jam ter quinquennium proxime elabitur, postquam non nihil in Theologicis progressi alio tenti opere delituimus (рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 8). Въ 1736 году онъ былъ игуменомъ Новопечерскаго Зміевскаго монастыря; 8 мая 1737 г. возведенъ во архимандрита Кіево-Печерской Лавры (Архивъ Св. Синода, д, 1736 г., 1 октабря, № 95).

[7]) Объ учительствѣ Негребецкаго въ богословскомъ классѣ въ $17^{33}/_{34}$ и

Имъ преподаны трактаты: 1) de Deo optimo, maximo, uno in essentia, trino in personis..., explanatus ex anno 1733 in annum 1733, очевидно, нужно исправить на 1734 [1]); die 21 septembris..., studio et opere admodum reverendi Ilarioni Nebrebecki professoris diligentissimi accurate ostensus in Collegio Kijevo-Mohylaeano; 2) de beatitudine et actibus humanis; 3) de angelis и 4 de homine in statu innocentiae, которые есть въ рукописи библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 33; VII, 8 (первый трактатъ; онъ, какъ обозначено въ рукописи VII. 33, оконченъ 21 Junii, разумѣется, 1734 года; въ рукописи VII. 8 въ этомъ трактатѣ есть много хронологическихъ датъ, идущихъ чрезъ 8—9 листиковъ; тутъ указываются 10, 24 сентября, 14 октября, 7 ноября, 31 декабря, 11 января 1734 года, 11 и 27 марта и 27 апрѣля; при чемъ вторая часть трактата тутъ неокончена [2]); и въ рукоп. библ. Кіево-Михайловскаго монастыря № 1691 (первый трактатъ);

9 и 10. *Платонъ Левицкій и Іеронимъ Миткевичъ*— сначала въ $17^{35}/_{36}$ и $17^{36}/_{37}$ учеб. гг. [3]) оба вмѣстѣ, а, за-

---

$17^{34}/_{35}$ г. г. (помимо приводимыхъ нами заглавій преподаннаго имъ богословскаго трактата и студенческой гратуляціи) говоритъ просьба Св. Синоду Амвросія, еп. Вологодскаго, въ апрѣлѣ 1738 г., о разрѣшеніи постричь въ монашество Андрея Васильева Чайковскаго. Послѣдній учительствовалъ въ Вологодской семинаріи съ 1736 г., а предъ этимъ „слушалъ богословія въ Кіевскихъ училищахъ и окончилъ подъ учителемъ Кіево-Печерскаго монастыря архимандритомъ *Иларіономъ Негребецкимъ.*" (Арх. Св. Синода, д. 1734 г., № $^{260}/_{Б}$).

[1]) Какъ и стоитъ въ однородномъ экземплярѣ этого трактата въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 8 и въ рукоп. библ. Кіево-Михайл. монастыря № 1691.

[2]) Послѣ нея вставлена часть трактата объ ангелахъ, начинающаяся словами: „In proemiali disputatione Theologiae"... Точно такъ же начинается трактатъ объ ангелахъ въ курсѣ Іосифа Волчанскаго; см. рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон. № 1686, т. II-й

[3]) См. опредѣленіе учителей на $17^{35}/_{36}$ учеб. г. (передано нами въ библ. церк.-археол. музея при Кіевской дух. Академіи); см. VIII приложеніе къ настоящему изслѣдованію; см. архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. 1, л. III (вѣдѣніе учителей училищъ Кіевскихъ).

тѣмъ въ $17^{37}/_{38}$ и $17^{38}/_{39}$ гг. [1]) одинъ Іеронимъ Миткевичъ.

Платономъ Левицкимъ, кажется, прочитаны трактаты (кромѣ вводнаго—de natura theologiae): 1) de Deo ut trino; 2) de homine in statu innocentiae; 3) de ultimo fine hominis et actibus humanis и 4) de tribus virtutibus theologicis, заключающіеся въ рукописи библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 4. Изъ прочитаннаго Миткевичемъ въ первые два года сохранился лишь Tractatus theologicus tum positive, tum controversive procedens de Decalogo cum casibus ac de lege Evangelica respicien te Decalogum caeterisque reducendis ad eum ad mentem interpretum sacrae scripturae expositus benedicente Illustrissimi Raphaelis Archiepiscopi Kijoviensis et parvae Russiae, Protectoris ac praeparatoris suae Kijoviensis Academiae munificentissimi, mandato institutus in alma Kijoviensi Academia dictatus ac expositus anno 1735 in annum 1736, въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII. 33. Чтеніе лекцій de Decalogo et de casibus было возложено на Іеронима Миткевича митроп. Рафаиломъ Забровскимъ 7 сентября 1735 г. [2]). Этимъ обстоятельствомъ остался недоволенъ primarius учитель богословія— Платонъ Левицкій и просилъ митрополита отмѣнить такое распоряженіе, предоставивъ Левицкому чтеніе указаннаго трактата въ риторическомъ, а не въ богословскомъ классѣ. Дѣло это было передано митрополитомъ на разсмотрѣніе Консисторіи. Рѣшеніе Консисторіи намъ неизвѣстно, но такъ какъ Левицкій и Миткевичъ подписываются въ $17^{36}/_{37}$ учеб. году учителями богословія, то мы думаемъ, что Консисторія

---

[1]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г. № 380, т. 1, л. 375 и т. II, л. 779 и далѣе (Вѣдомости объ ученикахъ Кіевской Академіи за $17^{37}/_{38}$ и $17^{38}/_{39}$ учеб. годы); сн. Defensae et oblatae conclusiones a R. P. Innocentio Mihalewicz,— sacrae theologiae auditore et infimae professore, praeside R. P. *Hieronymo Mitkiewicz* in.., K.-M.-Z. Academia *ordinario .sacrae theologiae professore* tipis... Laurae Peczariensis *1737 Novembris 29,* въ концѣ рукописи библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря № 1691.

[2]) См. VIII приложеніе къ настоящему изслѣдованію.

рѣшила дѣло согласно опредѣленію митр. Заборовскаго, почему и трактатъ de Decalogo cum casibus считаемъ прочитаннымъ Миткевичемъ. Трактаты же, изложенные имъ въ послѣдніе два года, въ двухъ экземплярахъ, есть въ рукописи библ. Черниговской духовной семинаріи №№ 19 и 20 [1]).

11. *Сильвестръ Кулябка*—съ $17^{39}/_{40}$ [2]) по $17^{44}/_{45}$ учеб. годъ [3]).

Онъ, кажется, началъ свой курсъ изложеніемъ тѣхъ трактатовъ, до которыхъ дошелъ его предшественникъ Миткевичъ, именно трактатомъ de ultimo fine hominis. Заключивъ ими курсъ Миткевича (они сохранились въ рукописи библіотеки Кіевской духовной Академіи. J. 1. 43. 43, л. 1—616 [4]):

---

[1]) По описанію Лилеева, стр. 14 Видѣть эти трактаты намъ не пришлось по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ насъ,

[2]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. III, вѣдомость Кіевской Акад. за $17^{39}/_{40}$ уч. г,

[3]) Ibid, д. 1745 г., 4 марта, № 370. 17 апрѣля 1745 г. митроп. Рафаилъ Заборовскій, отвѣчая на синодальный указъ о высылкѣ изъ Кіев. Академіи Тихона Александровича, писалъ: „Кулябка богословіе, а Козачинскій философію за крайнюю здѣсь во учителяхъ нужду уже *шестой* годъ преподаютъ, и ректора слѣдуетъ отъ тѣхъ долговременныхъ трудовъ,—такъ какъ онъ и прежде въ ученіи школъ довольно трудился,—увольнить, а префекта опредѣлить въ богословію; если выслать Александровича, некому (*будетъ*) преподавать философію Осенью 1745 г. (см. І-ю главу настоящаго изслѣдованія) архим. Кулябка выбылъ изъ Академіи. Раньше его отъѣзда, 8-го августа 1745 г., учителемъ философіи былъ опредѣленъ Тихонъ Александровичъ (Это опредѣленіе у профес. С. Т. Голубева). Александровичъ отказался отъ этого назначенія (см. выше, примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ въ философскомъ классѣ Гедеона Слонинскаго). Значитъ, прежній учитель философіи іером. Михаилъ Козачинскій былъ опредѣленъ преподавать богословіе. 28 іюля 1746 г. Михаилъ Козачинскій, прося митрополита о своемъ увольненіи отъ службы въ Академіи, писалъ, между прочимъ, что онъ началъ служить въ Академіи съ 1739 г. и что шесть лѣтъ онъ преподавалъ философію, а *седьмой* годъ—богословіе (Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 23). О времени оставленія Козачинскимъ Академіи см. въ 1-й главѣ настоящ. изслѣдованія; сн. сказанное объ учительствѣ Козачинскаго въ богословскомъ классѣ.

[4]) Н. И. Петровъ, Опис. рукоп. церк-арх. музея при Кіев. дух. Акад., стр. 37, № 85.

Tractatus theologicus de ultimo fine hominis) къ концу $17^{40}/_{41}$ учеб. года, онъ съ $11^{41}/_{42}$ учеб. года приступилъ къ чтенію обычной начальной части богословія. Прочитавъ ее (Она, подъ заглавіемъ: Tractatus theologici pro diversitate materiarum varii certa methodo ac ratione in disputationes atque quaestiones tributi..., explicati in aedibus Academiae Kijoviensis... 1741 septembris 29... scripti opera Sacrosanctae Theologiae P. O. P. Sylvestri Kulabka ejusdemque Academiae Kijowiensis Abbatis atque Rectoris; окончена 22 іюня 1743 г., какъ значится въ академическомъ экземпярѣ J. 1. 13. 13 [1]), есть въ рукоп. библ. Кіевской духовной Академіи J. 1. 13. 13 и J. 1. 43. 43, на лл. 617—1098 [2]); и Кіево-Печерской Лавры лит. 47, часть вторая рукописи) къ концу $17^{42}/_{43}$ учеб. года, Кулябка изложилъ, такимъ образомъ, цѣлый четырехгодичный богословскій курсъ. *Второй* же курсъ, начатый, подобно первому, трактатомъ: de beatitudine et actibus humanis, Сильвестръ Кулябка прочиталъ въ два года (съ $17^{43}/_{44}$ по $17^{44}/_{45}$) [3]), озаглавивъ его: Theologiae Sacrae Summa (вслѣдствіе необычайной его краткости, сравнительно со всѣми раньше преподанными въ Академіи) post quadriennalem theologicarum rerum Solemnem hic pertractationem oculis deinceps animisque theologiae in Academia Kijoviensi studiosorum subjecta atque ne quomodo russus diversos orthodoxae ecclesiae sitae hostes doctrinam in ea caelestem aut depravantes, aut opprimentes perhorrescat,

---

[1]) Въ представленіи ректора Академіи Давида Нащинскаго (11 января 1759 г.) митроп. Арсенію Могилянскому сказано, что Сильвестръ Кулябка въ 1741 и 1742 г г. изложилъ: 1) de Theologia, 2) de Deo uno in essentia et attributis Dei, 3) de Deo trino in personis, 4) de incarnatione Filii Dei, 5) de antichristo, 6) de Virgine Beatissima, 7) de angelis и 8) de homine in statu innocentiae (Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, л. 259—260).

[2]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Акад., стр. 36—37, №№ 84 и 85 (ср. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. 2, л. 260).

[3]) См. выше о времени его ректорства.

prava vero quaevis et a fide aliena consectantium commentis abripiatur sicque agatur in trarsvorsum ipsi, quasi in tabella quadam proposita methodo, quam sibi praesens annus repetendarum materiarum impatiens perscripsit anno Christi quidem, ex quo propitiatorem posuit pro peccatis nostris **1743** septembr. **27**, collecta per Sylvestrum Kulabka o. ss. theol. professorem, abbatem et rectorem Academiae Kijoviensis,—и включивъ въ него, кромѣ указаннаго трактата, еще три трактата: de tribus virtutibus theologicis acque sacramentis; de Deo uno in essentia et trino in personis и de Redemptore hominum, сохранившіеся въ рукописи библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 37 [1]) и С.-Петербургской дух. Академіи [2]).

12. *Михаилъ Козачинскій* — $17^{45}/_{46}$ г. (по 29 іюня **1746** г. [3]).

---

[1]) Н. И. Петровъ, Описаніе рукоп. собран., вып. 1, стр. 267, № 204.

[2]) А. Родосскій, Опис. 432 рукоп., принадл. СПБ, дух. Акад. № 78.

[3]) См. выше, примѣчаніе къ рѣчи объ учительствѣ въ богословіи Сильвестра Кулябки, см. въ 1-й главѣ примѣчаніе къ рѣчи о префектурѣ Козачинскаго. Тамъ мы упомянули, что сохранился документъ отъ 15 мая 1746 г., съ подписью „Академіи Кіевскія, префекта *учителя философіи* Михаила Козачинскаго". Въ этомъ самомъ документѣ упоминается, что *мая первыхъ чиселъ* (1746 г.) *учителемъ философійскимъ* въ Академіи былъ іеромонахъ Гедеонъ Сломинскій. Мы знаемъ, что 10 февраля (См. въ 3-й связкѣ дѣлъ, въ архивѣ Кіево-Печерской Лавры аттестатъ отъ этого числа ритору Семену Лосецкому), 13-го (аттестатъ отъ этого числа богослову Тимоѳею Юскевичу; переданъ нами въ библ. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Акад.) и 20-го апрѣля (свидѣтельство ему же; передано нами туда же) 1746 г. Козачинскій подписывался префектомъ и *учителемъ богословія*. Учителемъ *богословія* подписывался онъ и въ *іюнѣ* (29 числа, см. 3-е примѣчаніе къ рѣчи о префектурѣ Козачинскаго, въ 1-й главѣ настоящаго изслѣдованія) и въ *іюлѣ* (28) мѣсяцахъ 1746 г. Выходитъ, слѣдовательно, что въ самой срединѣ мая 1746 г. на небольшое время Козачинскій былъ почему-то устраненъ отъ преподаванія богословія. Естественно, можетъ явиться предположеніе о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1746 г. академическія дѣла были въ тревожномъ положеніи.—Дѣйствительно, въ 1746 г. въ академической жизни были нѣкоторыя волненія: корпорація почему-то не ладила съ Козачинскимъ, какъ *префектомъ*. Такъ, 5 февраля учитель инфимы Иванъ Мошевскій и учитель фары Василій Крыжановскій жаловались митрополиту на обиды,

Изъ его богословскихъ лекцій ничего не сохранилось. Впрочемъ, онъ не могъ и изложить многаго въ богословскомъ классѣ, такъ какъ первую половину учебнаго года (по 25 декабря 1745 г. [1]) онъ отсутствовалъ изъ Кіева [2]).

13. *Вирлаамъ Лящевскій*—въ $17^{46}/_{47}$ г., вѣроятно, по 3 мая 1747 г. [3]).

чинимыя имъ со стороны префекта Козачинскаго. 28 іюня учителя Академіи, во главѣ съ Варлаамомъ Лящевскимъ, просили митрополита удалить Козачинскаго отъ префектуры, что и было исполнено митрополитомъ. (Источники этихъ свѣдѣній указаны нами въ 1-й главѣ). Но ни откуда не видно, чтобы въ *первой половинѣ мая* были жалобы на Козачинскаго (Если бы подобная жалоба поступала къ митрополиту, то она, думаемъ, была бы отмѣчена въ реестрѣ бумагъ, входившихъ въ канцелярію митрополита и исходившихъ изъ нея въ 1746 г. Реестръ самый уцѣлѣлъ въ архивѣ Кіевской дух. консисторіи), и что Козачинскій, вслѣдствіе неудовольствія на него, какъ на *префекта*, былъ *въ срединѣ мая* 1746 г. переведенъ изъ богословскаго класса въ философскій... Другимъ поводомъ къ такому передвиженію могло быть назначеніе новаго преподавателя въ богословскій классъ или удаленіе изъ академической корпораціи Гедеона Сломинскаго. Но ничего подобнаго не было (26 августа 1746 г. Сломинскій былъ опредѣленъ учителемъ философіи и на $17^{46}/_{47}$ учеб. г.). Поэтому мы на подпись Козачинскаго 15 мая 1746 г. смѣло смотримъ какъ на ошибочную, явившуюся слѣдствіемъ вѣроятной торопливости Козачинскаго при подписываніи бумаги, дѣломъ безсознательнаго размаха его руки, привыкшей за шесть лѣтъ къ подписи учителя *философіи* и не свыкшейся еще за короткое сравнительно (см. слѣдующее примѣчаніе) время къ подписи учителя *богословія*.

[1]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 23.

[2]) 15 іюня 1745 г. аттестатъ Матеею Ядрыло и 16 августа 1745 г. аттестатъ Ивану Лятошевичу (оба эти аттестата см. въ 3-й связкѣ дѣлъ архива Кіево-Печерской Лавры) подписывалъ іером. Варлаамъ Лящевскій, священныхъ языковъ Еврейскаго и Греческаго учитель, очевидно, потому, что исполнялъ обязанности префекта за Михаила Козачинскаго, котораго не было въ это время въ Кіевѣ. Когда именно уѣхалъ изъ Кіева Козачинскій,—не знаемъ; 11 октября 1745 г. онъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ въ доношеніи, поданномъ Св. Синоду, пояснилъ, что онъ отпущенъ „для своихъ нуждъ въ С.-Петербургъ къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому“ (при Козачинскомъ было 6 студентовъ Кіев. Академіи: Андрей Краснолуцкій, Григорій Щербацкій, Игнатій Балабуха, Максимъ Малаховскій, Михаилъ Лабзинъ и Доментіанъ Кременецкій; Архивъ Св. Синода, д. 11 октября 1745 г., № 369).

[3]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 28, опредѣленіе учителей на $17^{46}/_{47}$ учеб. г.; см. Описаніе докум. и дѣлъ,

Онъ изложилъ, не считая введенія (Prolegomena theologica—de natura theologiae), трактаты: 1) de Deo uno in essentia, trino in personis и 2) de creatione et providentia (Этимъ трактатамъ дано было такое общее заглавіе: Argumentatrix theologia sancta pro varietate materiarum varios in tractatus divisa et inclyta in orthodoxa academia Mohylo-Zaborovsciana Kijoviensi ex more pridem recepto, nunc autem *propter accidentem ordinis docentium vicissitudinem* non nihil mutato tradi et explicari incepit anno Domini 1746 [1]) Januarii 13 die...); они есть въ рукописяхъ библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 13 (лл. 44—259, съ подписью на послѣднемъ листѣ: Barlaam Laczczewskij; помѣщенныя на лл. 3—41 этой рукописи Prologomena theologica—читаны Лящевскимъ) и VIII. 1. 44, и библ. Кіевской духовной Академіи (О. л. 5).

Послѣ Лящевскаго преподаваніе богословія, въ силу синодальнаго указа, возложено было на тогдашняго ректора Академіи архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго.

14. *Сильвестръ Ляскоронскій*, вѣроятно, началъ чтеніе богословскихъ лекцій съ 6 мая 1747 г. [2]) и продолжалъ

хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. 3, № 38, ст. 77, гдѣ говорится, что 21 января 1747 г. Св. Синодъ усмотрѣлъ для исправленія библіи достойныхъ лицъ—Кіевской Академіи префекта и священной *богословіи учителя*, іером. Варлаама Лящевскаго и философіи учителя іером. Гедеона Сломинскаго. О немедленной высылкѣ ихъ посланъ былъ указъ кіев. митроп. Рафаилу Заборовскому, съ тѣмъ, чтобы преподаваніе въ Академіи богословія возложено было на ректора, архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго, а философіи—кому Его Преосвященство заблагоразсудитъ. 30 апрѣля былъ выданъ Варлааму Лящевскому паспортъ на проѣздъ въ Петербургъ, куда онъ и выѣхалъ 3 мая (См. въ І-й главѣ настоящ. изслѣдованія списокъ префектовъ. 3-го мая 1747 г. аттестатъ Семену Юнѣцкому подписалъ „учитель священной богословіи и Академіи Кіевскія префектъ Варлаамъ Лящевскій").

[1]) Тутъ долженъ стоять *1747* годъ. (См. о передвиженіи лицъ академич. корпораціи въ 17⁴⁶/₄₇ уч. г. выше, въ примѣч. къ рѣчи объ учителяхъ аналогіи Кременецкомъ и Ярошевскомъ).

[2]) Такъ мы думаемъ потому, что первый прочитанный имъ трактатъ de angelis значится въ рукописи библ. Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 13 начатымъ 6 мая 1747 года.

ихъ до конца 17⁵⁰/₅₁ учеб. года, состоя учителемъ богословія до 28 августа 1751 г. [1]).

Сильвестръ Ляскоронскій, продолжая курсъ Лящевскаго, прочиталъ трактаты: 1) de angelis, начатый 6 мая и оконченный 26 іюня 1747 г. [2]), 2) de gratia, merito, peccato, poenitentia, nec non de fine ultimo ad beatitudinem hominis (explicatus ex anno 1747 in annum 1748 [3]), оконченный въ іюлѣ 1748 г. [4]), 3) de tribus virtutibus theologicis fide, spe et charitate (оконченный 15 февраля 1749 г. [5]); 4) de sacramentis (оконченный 26 іюня 1749 г. [6]). Трактаты эти сохранились въ рукописяхъ библіотеки Кіевской духовной семинаріи VIII. 1. 13 (два первыхъ трактата) и VIII. 1. 14 (два послѣднихъ) [7]); Кіевской духовной Академіи О., л. 5

---

[1]) 28 августа 1751 г. въ „опредѣленіи" учителей на 17⁵¹/₅₂ учеб. г. митрополитъ Тимоѳей Щербацкій написалъ: такъ какъ архим. Сильвестръ Ляскоронскій „священную богословію цѣлій курсъ (разумѣется 4 учебныхъ года) видавалъ, а впредь отъ преподаванія (ея)... за свою немощь о уволненіи насъ пастиря просилъ двократно, того ради по онимъ его превелебности резоннимъ прошеніямъ отъ того преподаванія... пастирско уволняемъ. А опредѣляемъ оную священную богословію преподавать пречестнѣйшему Академіи нашея префекту ієром. Георгію Конѣскому, въ коемъ преподаваніи прилежное обереженіе его пречестности имѣть, дабы что не было въ конклюзіяхъ богословскихъ вѣри православнаго исповѣданія противное, какъ то на нѣкоторыхъ прежде преподававшихъ оную священную богословію нарекательная въ нѣкоихъ съ прямою священно-православною богословіею несходствахъ послѣдовала отъ другихъ предосудительная задача" (Акты Кіево-Брат. учил мон. и Акад.", собр. В. Асксченскимъ, т. I, д. № 39).

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 13, л. 260 304, гдѣ обозначено, что трактатъ этотъ написанъ sub illustrissimo abbate Sylvestro Laskoronskij.

[3]) Ibid., л. 306—363; сн. рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, О., л. 6.

[4]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 239, л. 239. Изъ proemium-а къ этому трактату видно, что раньше говорилось объ ангелахъ.

[5]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 4, л.л. 415—472.

[6]) Ibid., л.л. 473—519; сн. рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. О. л. 6, л. 251.

[7]) Н. И. Петровъ, Описан. рукоп. собран., вып. 1, стр. 267—8, №№ 205 и 206.

(первый трактатъ) и О. л. 6 (три послѣднихъ) [1]) и въ рукописи библ. Кіево-Софійскаго собора № 239 (второй трактатъ). Въ $17^{49}/_{50}$ и $17^{50}/_{51}$ г.г. Ляскоронскимъ изложено всего три трактата: 1) de Deo uno et trino, dictatus ex anno 1749 in annum 1750 [2]); 2) de jure et justitia, anno 1750 inchoatus, оконченный 2 іюля 1750 г. [3]) и 3) de misterio Divinae incarnatae Sapientiae, anno... 1750 in annum 1751... mense septembr. 29 die inchoatus [4]), находящіеся въ рукописяхъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 240 и (первый трактатъ) № 241, Черниговской духовной семинаріи № 25 [5]) и Кіевской духовной Академіи J. 1. 14. 14 [6]).

Изъ нарочно сдѣланнаго нами указанія трактатовъ (по возможности) каждаго профессора видно, что всякій профессоръ предлагалъ ихъ почти одни и тѣ же, но только не одинаково распологалъ. Значитъ, у профессоровъ Академіи былъ одинаковъ общій планъ для содержанія богословскихъ чтеній (онъ брался, какъ замѣчено выше, у Ѳомы Аквината, пользованіе которымъ почти этимъ и ограничивалось со стороны ихъ); если же онъ не у всѣхъ ихъ точно выдерживался въ самомъ изложеніи, то это, вѣрно, происходило отъ обширности схоластическаго матеріала, побуждавшей каждаго изъ нихъ сообщить своимъ слушателямъ прежде наиболѣе существенное, а потомъ уже, смотря по количеству оставшагося времени, наименѣе важное, такъ какъ полной богословской схоластической системы за 4 года нельзя было изложить. Отсюда, между прочимъ, и происходило отсутствіе не только внутренней, но порой даже и внѣшней связи между тракта-

---

1) Его же, Описан. рукоп. церк.-археол. музея, стр. 37—38, №№ 87 и 88.

2) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 241, заглавный листъ.

3) Ibid., стр. 316—503.

4) Ibid., л. 1 (по второму счету листовъ въ рукописи).

5) По описанію Лилеева, стр. 16.

6) Н. И. Петровъ, Опис. рукоп. церк.-археол. музея, стр. 39, № 89.

тами. Наиболѣе замѣтна нѣкоторая связь только между трактатами Кулябки, явившаяся, конечно, вслѣдствіе большей свободы ихъ отъ схоластицизма какъ въ содержаніи, такъ и въ изложеніи, и трактатами Ляскоронскаго, несомнѣнно, слѣдовавшаго Кулябкѣ, что видно изъ сравненія ихъ лекцій. Лишь трактаты одного Прокоповича во весь этотъ періодъ представляютъ отрадное явленіе между системами академическаго богословія. Прокоповичъ, одинъ изъ всѣхъ профессоровъ, не слѣдовалъ обычному въ Академіи схоластическому методу въ изложеніи богословской науки. Онъ первый въ Кіевской Академіи отдѣлилъ богословіе догматическое отъ нравственнаго [1]), специализировавъ то и другое и точно опредѣливъ ихъ задачи; онъ первый ввелъ новый методъ въ академическое богословіе,—методъ учено-историческій, выработанный протестантскою наукою, основанный не на изъясненіи истинъ вѣры, какъ логическихъ только понятій, а болѣе на изученіи св. Писанія и исторіи церкви; онъ первый уяснилъ въ Академіи начала богословія, какъ науки, самъ строго подчинившись этимъ началамъ въ своихъ трактатахъ [2]). По словамъ профессора М. Ф. Ястребова (Труды Кіев. дух. Акад., 1900 г., декабрь, стр. 550, примѣчаніе), система Прокоповича представляетъ наибольшее совпаденіе съ системой Каловія—Systema locorum theologicorum, 1675—1677 г.

---

[1]) См., напр., рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. О, д. 6, гдѣ въ трактатѣ о вѣрѣ (л. 112—133) говорится о вѣрѣ, какъ добродѣтели, и вмѣстѣ съ тѣмъ о Богѣ, какъ предметѣ вѣры, о св. Писаніи и св. Преданіи; гдѣ (л.л. 50—102) вмѣстѣ съ ученіемъ о покаяніи, какъ душевномъ сокрушеніи, излагается ученіе о немъ, какъ таинствѣ, и др. Это показываетъ, что въ Академіи догмат. богосл. не разграничивалось отъ нравственнаго.

[2]) См. подробнѣе о значеніи Прокоповича въ исторіи русской богословской науки въ ст. Чернявовскаго: „Введеніе въ богословіе Ѳ. Прокоповича" (Христ. Чтеніе 1876—8 г.г.) и въ соч. проф. Чистовича: „Ѳ. Прокоповичъ и его время", Спб., 1868 г.

Къ сожалѣнію, такая великая реформа геніальнаго Прокоповича для Академіи первой половины XVIII в. осталась чуждой. Очевидно, путь, указанный академической богословской мысли его реформой, устрашалъ преподавателей Академіи или тѣмъ, что требовалъ отъ нихъ большаго труда, чѣмъ традиціонный путь преподаванія ими богословія, или тѣми нареканіями, какія сыпались на Прокоповича за нѣкоторую свободу въ его богословскихъ разсужденіяхъ... И иные изъ профессоровъ съ той самой каѳедры, на которой нѣкогда, казалось, произносился Ѳеофаномъ смертный приговоръ схоластическому богословію въ Кіевской Академіи, не скупились на рѣзкую полемику противъ смѣлаго профессора [1]) и съ особымъ усердіемъ поддерживали полуразбитую имъ схоластическую теологію, какъ бы предчувствуя, что дни ея царству въ Академіи уже подсчитываются [2])...

Для лучшаго усвоенія студентами философской и богословской наукъ въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка изученіе ихъ сопровождалось классными коллоквіумами или *диспутами*. Они, замѣняя собою экзерциціи и оккупаціи низшихъ классовъ, были *недѣльными* (sabbativae, называясь такъ потому, что устраивались по субботнимъ днямъ), *мѣсячными* (menstruae) и *заключительными* (finales), производившимися по окончаніи извѣстнаго цѣлостнаго отдѣла науки, напр., по окончаніи въ философскомъ классѣ всей логики, или по изложеніи въ богословскомъ курсѣ цѣлаго

---

[1]) См. рукоп. библ. Кіевской духов. семинаріи VIII. 1. 17; ср. Н. И. Петрова „Описан. рукоп. собраній", вып. I, стр. 263, № 196.

[2]) Со второй половины XVIII в. богословіе въ Кіев. Академіи преподавалось уже въ духѣ и по системѣ Ѳ. Прокоповича.—Конспекты нѣкоторыхъ богословскихъ трактатовъ, преподанныхъ въ первой половинѣ XVIII в. въ Кіев. Академіи, представлены іер. Макаріемъ Булгаковымъ въ его „Исторіи Кіев. дух. Академіи.

какого-либо трактата [1]). Диспуты велись студентами по очереди, опредѣляемой профессоромъ и состоявшей не болѣе, какъ изъ четырехъ человѣкъ въ каждый разъ, при чемъ одинъ изъ диспутантовъ былъ дефендентомъ тезисовъ, назначавшихся для коллоквіума, а прочіе его оппугнантами [2]). Предъ диспутомъ однимъ изъ его участниковъ произносилась орація [3]) и краткая префація [4]), посвященная главному предмету предстоявшихъ состязаній, которыми всегда руководилъ профессоръ. Иногда (кажется, дважды въ году: разъ—въ концѣ стараго или въ самомъ началѣ новаго *гражданскаго* года [5]), а другой—въ концѣ *учебнаго* года [6]) академическіе диспуты велись и публично въ присутствіи кіев-

---

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи, I. 11. 66. 7, л л. 264 на оборотѣ—268: „Index cooperationum cum defendentibus et cum oppugnantibus". Тутъ, во 1-хъ, приведены тезисы для (домашнихъ, вѣроятно) *начальныхъ* (initiales) философскихъ (изъ логики] преній между студентами философіи; во 2-хъ—для диспутацій *мѣсячныхъ*, въ 3-хъ,—*субботнихъ* и, въ 4-хъ, для *заключительныхъ*, по окончаніи всей логики. Тезисы эти раздѣлены на группы (отъ 4-хъ до 12-ти въ каждой), и для каждой группы назначены по именамъ дефенденты (по одному) и оппугнанты (по три) изъ студентовъ-философовъ.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) См. рукоп. библ. Черниговской дух. семинаріи (по описанію Лилеева отд. III, № 159), л. 278: Oratio magna de principiis corporis naturalis in genere ac speciatim de materia, dicta a me Gregorio Cholawka. A(nno) 1738 Novembris 28 die; и л. 287: Oratio magna pro disputationibus ex tractatu de distinctionibus 1738 A(nno) dictata.

[4]) Praefationes ad menstruas disputationes, habitae in Kollegio Kiovo-mohilaeano a magnifico domino Theodoro Jasnopolski... anno Domini 1705 die 15 Mai, a domino Wladimiro Lomikowski anno 1704 9 octobris; въ рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры VII, 41; см. рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи J. 1. 42. 42, л. 392: Praefatio ad menstruas disputationes theologicas de fide, dicta anno Domini 1709 sub festum Epiphaniorum coram Jll. Domino Metrop.

[5]) Ibid., см. въ концѣ рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон. № 1691: Defensae et oblatae conclusiones a R. P. Innocentio Mihalewicz sacrae theologiae auditore et infimae professore... 1737 *Novembris 29.*

[6]) Рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1691: Theses..., defensae *publice...* 1733 die *Julii 22.*

скаго митрополита [1]) и знатнѣйшихъ кіевскихъ и случайно бывавшихъ въ Кіевѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ [2]). Для такихъ диспутовъ тезисы ихъ обычно печатались [3]), украшались разными виньетками и предъ открытіемъ состязаній подносились болѣе почетнымъ академическимъ гостямъ съ приличествовавшимъ каждому изъ нихъ особымъ посвященіемъ на самомъ спискѣ тезисовъ [4]). Наибольшею торжественностью отличались академическіе публичные диспуты, устраивавшіеся въ чрезвычайные дни академической жизни, напр., при посѣщеніи ея малороссійскими гетманами или членами Императорскаго дома [5]).

---

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи J. 1. 42. 42, л. 392 (см. выше).

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 88, л. 233: Alia (oratio), ejusdem (1704) anni habita in praesentia magni Ducis Rossiae (т. е. гетмана Ивана Мазепы), ad menstruas disputationes, quibus aderat illistrissimus metropolita Kiioviensis, episcopus Pereiaslaviensis, metropolita Effrem Boigariensis, archimandrita et simul rector protunc Collegii Kijovo-Mobilaeani Egumenus S. Nicolai, insignis clerus et saeculares officiosi quam plurimi et caet. a Domino Woynarowsky (л. 233—234).

[3]) 28 августа 1721 г. Св. Синодъ особымъ указомъ ректорамъ и префектамъ академій, запретилъ печатать богословскія и философскія конклюзіи (или тезисы для диспутовъ) „донелѣже въ Синодѣ прежде объявлены будутъ" („...се для опасенія, дабы когда въ таковыхъ конклюзіяхъ благочестію нашему не было издано что противное"; Полн. собр. постан. и распор. по вѣдом. прав. исп. Росс. имперіи, т. 1, № 167, стр. 188). Объ отмѣнѣ этого указа Академія въ 1728 г. просила Синодъ чрезъ архіеп. Варлаама Ванатовича (ibid., т. IV, № 2159, стр. 218).

[4]) См. нѣсколько листовъ съ такими тезисами, украшеніями и посвященіями въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. Академіи. При поднесеніи тезисовъ почетнымъ лицамъ, подносившій студентъ иногда произносилъ рѣчь, приличествовавшую такому случаю. См., напр., Oratio impressa dedicatoria conclusionis oblatae illustrissimo Domino Joanni Mazepae Duci Magno Rossiae a domino Wladimiro Lomikowskj (Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII, 1. 88, л. 232 на обор.—233; см. л. 236—237).

[5]) Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 43. Здѣсь говорится о посѣщеніи Академіи импер. Петромъ Великимъ въ 1709 г. и императрицей Елизаветой Петровной въ 1744 г. Тезисы для философскихъ диспутовъ, въ присутствіи послѣдней, были отпечатаны во Львовѣ (два экземпляра ихъ есть въ библ. Кіев. дух. Акад.).

Многіе изъ студентовъ неаккуратно являлись на диспуты, что, конечно, и отражалось на ихъ знаніи невыгоднымъ образомъ. (Поэтому митр. Тимоѳей Щербацкій въ 1752 г. вынужденъ былъ приписать Академіи особыя мѣры къ побужденію нерадивыхъ философовъ и теологовъ внимательно относиться къ диспутамъ, „установленнымъ ради ихъ самихъ пользы“ [1]).

Изученіе языковъ—греческаго, нѣмецкаго и еврейскаго, введенное въ академическій курсъ въ 1738 году митр. Рафаиломъ Заборовскимъ [2]), шло въ Академіи параллельно. На первыхъ порахъ и самое преподаваніе ихъ велось съ 1738 почти до конца іюня 1742 г. [3]) однимъ учителемъ Симономъ Тодорскимъ,—какъ говоритъ Аскоченскій [4]), уче-

---

[1]) Акты Кіево-Врат. учил. мон. и Акад. собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 46.

[2]) См. предисловіе къ философскому курсу, начатому въ августѣ 1739 г. (по рукописямъ Кіево-Печерской Лавры X, 70 и Лат. 47), гдѣ о преподаваніи этихъ языковъ говорится, какъ о дѣлѣ уже введенномъ въ Академіи митроп. Р. Заборовскимъ ранѣе августа 1739 года. См. ниже заглавіе нѣмецкой грамматики, переписанной въ Кіев. Академіи 7 ноября 1738 года. Это заглавіе прямо говоритъ, что въ 1738 г. нѣмецкій языкъ (одновременно съ которымъ введено и преподаваніе еврейскаго и греческаго языковъ) преподавался въ Кіевской Академіи. См. Архивъ Кіев. дух. консист., Реестръ бумагъ, входившихъ въ канцелярію Кіев. митрополита въ 1739 г. Тутъ, подъ № 8, отъ *23 января* записано „доношеніе отъ Симона Тодорскаго, учителя школы греческой, съ прошеніемъ о принятіи его въ катедральный монастырь для полученія монашества“. (Самое доношеніе см. въ архивѣ Кіев. дух. консист., д. 1739 г. № 7; содержаніе этого доношенія см. въ дѣлѣ архива Св. Синода 1739 г, марта 29, № 193). Въ томъ же консисторскомъ архивѣ, въ реестрѣ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи митрополита въ 1740 г, подъ № 1102, отъ 12 сентября записано: „свидѣтельствованная грамота дана о посвященіи монаха катедральнаго монастыря С. Тодорскаго во іеромонахи“. См. VII прилож. къ нашему настоящему изслѣдованію.

[3]) Архивъ Кіев. дух. консист., Реестръ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи Кіев. митрополита въ 1742 г.; здѣсь подъ № 619, отъ 23 іюня, записано: „донесеніе въ Св. Синодъ о высылкѣ въ Москву іеромонаха Симона Тодорскаго“.

[4]) „Кіевъ съ древн. училищемъ его Академіею“, ч. 2, стр. 142—144; см. VII прилож. къ нашему настоящему изслѣдованію.

никомъ и другомъ Михаэлиса, извѣстнаго оріенталиста того времени.

Конечно, преподаваніе трехъ языковъ однимъ лицемъ, какъ оно велось Тодорскимъ, было большимъ бременемъ для учителя, да и не всегда возможно было найти человѣка, который бы могъ преподавать всѣ ихъ. Это, очевидно, сознавали и академическая корпорація и митрополитъ Рафаилъ Заборовскій. По крайней мѣрѣ, въ августѣ 1743 года, въ „опредѣленіи“ учителей на предстоявшій учебный годъ, митр. Рафаилъ Заборовскій писалъ: „нѣмецкаго языка мѣсто спустить на имя Леонтовича“ [1]). Мѣсто это не было замѣщено Леонтовичемъ (см. ниже), потому что въ слѣдующемъ 1744 г. въ доношеніи въ св. Синодъ митроп. Заборовскаго (при ходатайствѣ о выдачѣ жалованья учителямъ Кіевской Академіи наравнѣ съ учителями Московской) учрежденіе учителя нѣмецкаго языка, отдѣльно отъ еврейскаго и греческаго, имѣется еще лишь въ виду [2]). Уже въ 1746 г. мы видимъ назначеніе отдѣльныхъ преподавателей языковъ еврейскаго, нѣмецкаго и греческаго [3]). Такъ какъ изученіе этихъ языковъ было предоставлено лишь желавшимъ изъ студентовъ трехъ старшихъ классовъ [4]), то, разумѣется, число изучавшихъ языки было не велико, тѣмъ болѣе, что въ изуче-

---

[1]) Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, л. 215 на обор. Это, вѣроятно, іеродіаконъ Антоній Леонтовичъ, упоминаемый въ спискѣ студентовъ богословія 1742 г. (рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. 1. 13. 13, л. 116 на обор.), бывшій, слѣдовательно, ученикомъ Тодорскаго. Впрочемъ, въ томъ же спискѣ упоминается и другой Леонтовичъ—Θеодоръ.

[2]) См. выше, во II главѣ выписку изъ этого доношенія; копія доношенія передана нами въ библ. Церк.-Арх. музея при Кіев. дух. Акад.

[3]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 28.

[4]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры X, 70, въ proloquium—ѣ въ которой говорится (Мих. Козачинскимъ), что еврейскій, греческій и нѣмецкій языки „дѣятельно преподаются между *избранными* и учеными юношами (Кіевской Академіи), грамматически изучаются и ежедневно по извѣстному методу изъясняются“; ср. В. Аскоченскаго „Кіевъ съ древн. его учил. Академіею“, ч. 2, стр. 245—6.

ніи ихъ студенты не видѣли для себя ощутительной практической пользы.

Самое преподаваніе этихъ языковъ въ Академіи стояло на достаточно удовлетворительной степени (если принять во вниманіе, что блестящему ихъ изученію сильно препятствовала матеріальная бѣдность Академіи, лишавшая ее возможности имѣть необходимое количество даже и плохихъ „ординарныхъ лексиконовъ“ [1]), доказательствомъ чего могутъ служить дошедшія до насъ письма студентовъ Академіи изслѣдуемой нами эпохи на греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ [2]).

Курсъ изученія *греческаго языка* продолжался три года. Такъ, *Симономъ Тодорскимъ* въ $17^{38}|_{39}$ г. была преподана греческая грамматика, въ $17^{39}|_{40}$ г. синтаксисъ, просодія подъ заглавіемъ: „Institutiones de syllabarum dimensione seu prosodia... graecae poëseos“, и Institutiones de dialectis graecae linguae“; въ 1741 г.—„Elegantiae graecae linguae seu formulae bene et ornate dicendi“ (нѣчто въ родѣ латинскихъ „школьныхъ разговоровъ“) [3]). Послѣ Тодорскаго, съ $17^{42}|_{43}$ учеб. года [4]) и, кажется, до 3 мая

---

[1]) На недостатокъ хорошихъ лексиконовъ въ академической библіотекѣ жаловался учитель еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ Константинъ Крижановскій въ іюлѣ мѣсяцѣ 1758 г. въ своемъ отношеніи къ тогдашнему префекту Академіи. Архивъ Кіев. дух. конс., д. 1758—9 г., № 36.

[2]) См. напр., въ библ. Псковской дух. семинаріи (Щ. $^{7}|_{41}$ „Письма и нѣкоторыя мелкія бумаги, принадл. Симону Тодорскому“, между которыми есть нѣсколько писемъ къ нему студентовъ Кіевской Академіи (13. 14); одно изъ нихъ писано на греческомъ языкѣ студентами Даніиломъ Галяховскимъ, Григоріемъ Стриндою, Григоріемъ Конисскимъ, Тимоѳеемъ Медицкимъ, Григоріемъ Гиновскимъ и Тихономъ Софоновичемъ, 20 апрѣля 1742 г.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской Лавры XII, 130; рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. S. 1. 56. 56 (Н. И. Петровъ, Описан. рукоп. церк. Арх. музея стр. 29 - 30, № 67); рукоп. Черниговъ. дух. семин. № 195 (по описанію Лилеева, стр. 211).

[4]) См. въ архивѣ Кіев. дух. консист., д. 1742 г., № 128 (опредѣленіе учителей на $17^{42}|_{43}$ учеб. годъ); сн. дѣло того же архива 1743 г., № 20 (о наставленіи въ православной вѣрѣ еврея Мошко Шломовича), изъ коего видно, что отъ 3 марта до средины іюля 1743 г. учителемъ греческимъ былъ Варлаамъ Лащев-

1747 г. [1]) греческій языкъ преподавалъ *Варлаамъ Лящевскій* [2]). При немъ съ 1746 года была введена въ Академіи въ руководство при изученіи греческаго языка уже печатная грамматика, изданная въ Бреславлѣ подъ именемъ Лящевскаго [3]), замѣнившая собою выдававшіяся прежде записи преподавателей. Наконецъ, съ $17^{47}|_{48}$ г. греческому языку въ Академіи обучалъ (одновременно учительствовав-

---

скій; см. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 22 (назначеніе учителей на $17^{43}|_{44}$ учеб. годъ); „опредѣленіе" учителей на $17^{44}|_{45}$ (у профес. С. Т. Голубева); см. сказанное о Лящевскомъ ниже.

¹) См. о немъ въ 1-й главѣ нашего изслѣдованія.

²) Въ „опредѣленіи учителей" на $17^{46}|_{47}$ учеб. годъ (Акты Кіево.-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. 28) преподаваніе греческаго языка возлагалось на Іоанна Мокіевскаго. Мокіевскій въ означенномъ году преподавалъ въ грамматикѣ. (См. 3-ю главу настоящаго изслѣдованія, примѣчаніе къ рѣчи объ учителяхъ аналогіи Іоаннѣ Кременецкомъ и Іоаннѣ Ярошевскомъ). Такъ какъ онъ былъ, вѣроятно, больной (онъ умеръ въ томъ же учеб. году; см. тамъ же), то мы думаемъ, что греческій языкъ едва ли онъ преподавалъ; скорѣе это преподаваніе велъ Варлаамъ Лящевскій, прежній учитель. Если же Мокіевскій и обучалъ нѣкоторое время греческому языку, то по смерти Мокіевскаго преподаваніе греческаго языка было возложено на Варлаама Лящевскаго. (Что преподаваніе этого языка велось въ апрѣлѣ 1747 года, видно изъ того, что 4-го числа этого мѣсяца Кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому было подано „доношеніе отъ учениковъ школы философіи, риторики и протчихъ, съ прошеніемъ, кому надлежитъ, приказать, дабы имъ на покупки греческихъ грамматикъ денегъ было видано". См. въ архивѣ Кіев. дух. консист. Реестръ дѣлъ, вхожихъ въ канцелярію митрополита 1747 года. Въ реестрѣ при указанной записи замѣчено: „посланъ о томъ къ префекту *іеромонаху Варлааму* указъ по резолюціи Его Преосвященства").

³) Справедливость требуетъ замѣтить, что грамматика Лящевскаго представляетъ собою буквальное повтореніе лекцій Тодорскаго Rudimenta linguae graecae... Это даетъ чувствовать и самъ Лящевскій, писавшій въ предисловіи своей грамматики: „Сколько... пользы, если къ изученію грамматики присоединять чтеніе Св. Новозавѣтнаго кодекса, предписанное методомъ, которымъ, равно какъ и остальными пособіями къ изученію этого священнаго языка, сколько *учащіе*, столько и учащіеся всецѣло обязаны славнѣйшему... Симону Тодорскому, бывшему предъ этимъ въ Кіев. Академіи учителемъ, вѣрнѣе—и первымъ и трудолюбивѣйшимъ отцомъ священныхъ языковъ". (См. экземпл. его граматики въ библ. Кіев. дух. Акад. Уч. 5, 56).

шій и въ ординарныхъ классахъ) *Григорій Щербацкій* [1]).

На изученіе *нѣмецкаго языка* полагалось два года: въ первый годъ изучалась орѳографія и этимологія, во второй синтаксисъ и просодія Изученіе его велось, какъ видно изъ заглавій рукописныхъ лекцій того времени [2]), по руководствамъ печатнымъ, которыя, быть можетъ, упрощались или дополнялись преподавательскими записками.

Извѣстій о преподаваніи въ Академіи нѣмецкаго языка послѣ Симона Тодорскаго нѣтъ. Мы думаемъ, что съ $17^{42}|_{43}$ учеб. года и до $17^{45}|_{46}$ или же до $17^{46}|_{47}$ учеб. года языкъ этотъ не изучался въ Академіи. Въ „опредѣленіи“ учителей на $17^{42}|_{43}$ учеб. годъ. [3]) объ учителѣ нѣмецкаго языка нѣтъ рѣчи. [4]) На $17^{43}|_{44}$ учеб. годъ преподаваніе нѣмецкаго языка имѣется въ виду предоставить Леонтовичу. [5]) Но онъ не учительствовалъ въ $17^{43}|_{44}$ году. [6]) Въ „опредѣленіи“ учителей на $17^{44}|_{45}$ уч. годъ (оно имѣется у проф. С. Т. Голубева) о Леонтовичѣ и вообще объ учителѣ нѣмецкаго

---

[1]) Архивъ Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187. См. III-ю главу настоящаго изслѣдованія, списки учителей аналогіи.

[2]) „Грамматика къ обученію языка нѣмецкаго зъ надлежащими его правилами грамматическими и по примѣру грамматики въ преславной Санктпитербургской Академіи напечатанной изданная въ Академіи Кіевской року 1738 ноября 7 дня“ (рукоп. библ. Кіев. дух. Академія Р. Муз. № 501).

[3]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 128 („опредѣленіе“ неполное и притомъ черновое).

[4]) Греческій языкъ въ этомъ году (вѣроятно, и *еврейскій*, потому что въ позднѣйшее время еврейскій языкъ преподавалъ вмѣстѣ съ греческимъ іером. Варлаамъ Лящевскій) преподавалъ іером. Варлаамъ Лящевскій (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г., № 20, гдѣ указывается, что отъ 3-го марта до средины іюля 1743 года *учитель греческій* Варлаамъ Лящевскій наставлялъ въ истинахъ православія еврея Мошко Шломовича).

[5]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Асноченскимъ, т. I, д. № 22.

[6]) Мы имѣемъ ясныя указанія о томъ, что въ декабрѣ 1743 г. въ Академіи былъ „язическій учитель одинъ“ лишь (разумѣется, Лящевскій); что одинъ онъ былъ и въ февралѣ 1744 года, при чемъ учрежденіе особаго нѣмецкаго учителя

языка нѣтъ рѣчи, при назначеніи іером. Варлаама Лящевскаго въ этомъ „опредѣленіи“ преподавать въ $17^{44}|_{45}$ г. еврейскій и греческій языки. Нѣтъ упоминанія объ учителѣ нѣмецкаго языка (равно и другихъ языковъ) и въ „опредѣленіи“ (оно имѣется у С. Т. Голубева) учителей на $17^{45}|_{46}$ уч. годъ.

Въ „опредѣленіи“ учителей на $17^{46}|_{47}$ уч. г. [1]) преподавать нѣмецкій языкъ возлагается на Михаила Максимовича (Можетъ быть, Максимовичъ преподавалъ этотъ языкъ и въ $17^{45}|_{46}$ уч. г.) [2]).

Какъ велось въ Академіи преподаваніе *еврейскаго языка*, объ этомъ не сохранилось никакихъ современныхъ

въ Академіи только имѣется въ виду (См. во II-й главѣ настоящаго изслѣдованія выписки изъ доношенія ректора архим. Сильвестра Кулябки митр. Рафаилу Заборовскому, отъ 17-го декабря 1743 г.; и изъ доношенія митроп. Рафаила Заборовскаго въ Св. Синодъ, въ февралѣ 1744 года).

[1]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., соб. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 28.

[2]) Въ архивѣ Кіев. дух. конс., въ спискѣ 1760-хъ годовъ „*О архидіаконахъ каѳедры митрополіи Кіевскія*“ читаемъ: „1749 г. Архидіаконъ Манассія Максимовичъ; онъ уроженецъ полку Миргородскаго, мѣстечка Сорочинецъ, сынъ отца званія посполитого; обучался въ Кіевской Академіи отъ аналогіи до богословіи; философію слушалъ у префекта іером. Михаила Козачинскаго, окончилъ оную 1744 г. іюня мѣсяца, а 1745 г. сентября мѣсяца опредѣленъ учителемъ языковъ еврейского и нѣмецкого, и слушалъ богословіи у префекта іером. Варлаама Лящевскаго по 1746 г. мѣсяцъ іюль; еврейскую и нѣмецкую школу преподавалъ онъ 4 года, а 1749 года въ Петровъ постъ постриженъ въ Кіево-Софійскомъ мон. въ монаха и того жъ года произведенъ во архидіакона, въ якомъ чину будучи, онъ нѣсколько мѣсяцей ѣздить было изъ Каѳедральнаго мон. для преподаванія школи еврейской и нѣмецкой; потомъ онъ 1755 г. сентября 1 рукоположенъ во іеромонаха, и того жъ сентября 8 дня 1755 г. произведенъ во Братскій мон. во игумена и опредѣленъ богословіи учителемъ и Кіевской Академіи ректоромъ; потомъ 1755 г. ноября 25 произведенъ онъ... во архимандрита“ (Сн. Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187, выписка изъ него приведена нами выше; и д. 1754 г., № 189, въ которомъ сказано, что Максимовичъ возведенъ 1 сентября 1755 г. во іеромонаха, 8-го во игумена и 25 ноября— во архимандрита) Кіево-Братскаго монастыря.

извѣстій. Изъ позднѣйшихъ же данныхъ [1]) видно, что въ первый годъ изучалась грамматика, во второй—синтаксисъ языка, при чемъ читалось Пятокнижіе Моисея. Учебникомъ, несомнѣнно, служила грамматика Генриха Михаэлиса, въ то время бывшая наилучшимъ учебнымъ руководствомъ. По крайней мѣрѣ, ею пользовались въ Кіевской Академіи студенты уже въ 1744 году, что видно изъ слѣдующей надписи, сдѣланной на одномъ экземплярѣ еврейской грамматики, принадлежащей библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи: „Timotheus Sczerbacky emit hunc librum sui clienti et obligato mihi Gregorio Sczerbacky 1744 г. 25 апр...“ [2]) Послѣ *Тоборскаго* (1738—1742 г.г.) и *Лящевскаго* ($17^{42}|_{43}$—$17^{45}|_{46}$ учеб. г.) [3]) преподаваніе еврейскаго языка велось *Манассіею Максимовичемъ* ($17^{46}|_{47}$—1750 уч. г.) [4]), а затѣмъ было

---

[1]) Отчетъ Академіи 1759 г., поданный митр. Арсенію Могилянскому: „обикновенно курсъ еврейскаго ученія кончится всегда въ два года“. (Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, стр. 365.

[2]) См. по систематическому каталогу книгъ библ. Кіев. дух. Акад., т. 1, № 1098, стр. 133: „Michaelis Joh. H. Erleichterte hebräische grammatica oder richtige Anführung zur herbäischen Sprache. Halle im Magdeburgischen, 1738, 8-о, А Ш $^{8}/_{374}$“.

[3]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., соб. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. д. №№ 22 и 28.

[4]) Думаемъ, что извѣстіе приведенной нами выше записи „О(бъ) архидіаконахъ каѳедры митрополіи Кіевскія“ не точно въ указаніи времени, съ какого Максимовичъ началъ преподавать *еврейскій* языкъ (Относительно преподаванія имъ нѣмецкаго языка см. выше). Въ „опредѣленіи учителей (отъ 26 августа 1746 г.) на $17^{46}/_{47}$ учеб. годъ назначается учителемъ (богословія и) *еврейскаго* языка Варлаамъ Лящевскій (греческаго Іоаннъ Мокіевскій), а Михаилъ Максимовичъ только учителемъ *нѣмецкаго* языка. Въ виду того, что Лящевскій въ $17^{44}/_{45}$ г. преподавалъ *еврейскій* и греческій языки (Арх. Кіево-Печер. Лавры, 3-я связка дѣлъ, гдѣ есть подъ разными бумагами подписи Лящевскаго, какъ „священныхъ языковъ еврейскаго и греческаго“ учителя, отъ 3 марта, 15 и 26 іюня и 16 августа 1745 г.), и что онъ же предназначается преподавать еврейскій языкъ на $17^{46}/_{47}$ уч. г , мы полагаемъ, что онъ преподавалъ еврейскій языкъ и въ $17^{45}/_{46}$ учеб. г. Отсюда выводимъ, что Максимовичъ могъ начать преподаваніе еврейскаго языка съ сентября 1746 г., но не 1745 г. (какъ говорится въ

возложено, кажется, на ученика Лящевскаго [1]) *Іоанна* (въ монашествѣ Іоакинѳа) *Павинскаго*, который, уже въ санѣ іеромонаха, по точнымъ извѣстіямъ, [2]) былъ учителемъ еврейскаго языка въ ноябрѣ 1750 года.

Вотъ и всѣ науки, составлявшія собою образовательный курсъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Степень усвоенія каждой изъ нихъ Академія провѣряла еже-

---

приведенномъ извѣстіи). Такъ какъ въ $17^{46}/_{47}$ уч. году Лящевскій состоялъ префектомъ (см. 1 главу настоящаго изслѣдованія) и учителемъ богословія (см. списокъ учителей богословія), почему ему, вѣроятно, преподавать еврейскій языкъ (тѣмъ болѣе, что онъ же, вѣроятно, въ этомъ году велъ и преподаваніе греческаго языка) было некогда, то съ осени 1746 г. учителемъ еврейскаго языка могъ быть назначенъ Максимовичъ (быть можетъ, уже обучавшій нѣмецкому языку). Но такъ какъ намъ извѣстно (помимо приведенныхъ словъ изъ консисторскаго документа), что Максимовичъ постриженъ въ монашество позже сентября 1748 года (въ доношеніи митр. Тимоѳея Щербацкаго Св. Синоду въ сентябрѣ 1748 г. Михаилъ Максимовичъ именуется еще мірскимъ человѣкомъ; между тѣмъ онъ не помѣщается въ томъ же доношеніи митрополита въ спискѣ мірскихъ учителей Академіи $17^{46}/_{47}$ уч. г., а только въ спискѣ учителей $17^{47}/_{48}$ г.), то мы вопросъ о томъ, преподавалъ ли Максимовичъ еврейскій языкъ въ $17^{46}/_{47}$ уч. г. оставляемъ открытымъ... Признать Максимовича въ этомъ году учителемъ нѣмецкаго языка (какъ требуетъ того „опредѣленіе" учителей на $17^{46}/_{47}$ уч. г., и, затѣмъ, *еврейскаго* (предполагая,—въ виду словъ консисторскаго списка объ этомъ преподаваніи,—въ виду словъ консисторскаго списка объ этомъ преподаваніи,—что Лящевскій могъ отказаться въ $17^{46}/_{47}$ г. отъ обученія еврейскому языку) можно было бы, допуская предположеніе, что м. Тимоѳей Щербацкій въ своемъ доношеніи Синоду сѣтуетъ на недостатокъ въ $17^{46}/_{47}$ г. монаховъ—профессоровъ въ *ординарныхъ* школахъ Академіи, *не упоминая о томъ, мірскія лица или монахи преподаютъ языки*. Но допустить это трудно, въ виду непосредственно идущихъ словъ митрополита относительно положенія академическихъ дѣлъ въ $17^{47}/_{48}$ уч. г.: „въ слѣдующій 1747 (т. е. $17^{47}/_{48}$ учеб.) годъ прибавилось (слѣд., раньше, въ $17^{46}/_{47}$г.,—въ которомъ о Максимовичѣ митрополитъ и не упоминаетъ,—не было) число мірскихъ учителей: пять уже стало: еврейскаго и нѣмецкаго языка Михаилъ Максимовичъ, синтаксимы Григорій Щербацкій, который, притомъ, и греческаго языка обучалъ"... и т. д.

[1]) Рукоп. библ. Иркутской духовной семинаріи № 21, л. 162 на оборотѣ. (Труды Кіев. дух. Академіи, 1892 г., т. Т, № 21. стр. 311.).

[2]) Архивъ Кіев. дух. консист., д. 1750 г., № 1636, гдѣ говорится, что учитель „школы еврейскія" І. Павѣнскій руководилъ новопоставленнымъ іереемъ, въ ноябрѣ 1750 года.

годными испытаніями студентовъ или экзаменами, послѣ которыхъ собственно происходилъ переводъ воспитанниковъ изъ одного класса въ другой. Какъ производились эти экзамены —однимъ ли профессоромъ въ его школѣ, или нѣсколькими, неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего въ низшихъ классахъ они велись только ихъ учителями, каждымъ въ своемъ классѣ; а въ двухъ старшихъ—въ присутствіи префекта, ректора а иногда и митрополита. При этомъ въ низшихъ классахъ испытанія были устныя и письменныя [1]), а въ двухъ старшихъ лишь устныя, состоявшія въ диспутахъ. И вѣнцомъ всего академическаго ученія, показателемъ, насколько оно „тщательно и разумно“ усвоялось студентомъ, признавалась „отправленная похвально“ послѣднимъ „разсудительная диспута“ по богословію [2]).

Окончившіе академическій курсъ получали аттестатъ. *Точной* и постоянной формы для этихъ аттестатовъ не было; [3]) они удостовѣряли, что „объявители“ (предъявители) ихъ выслушали полный курсъ академическаго ученія.

Примѣчаніе. О распредѣленіи времени классныхъ занятій въ Академіи въ изслѣдуемый нами періодъ не сохранилось достаточныхъ данныхъ. Можно сказать только одно, что занятія въ классахъ были какъ утреннія, такъ и послѣобѣденныя (Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1 д. № 9; сн. „Труд. Кіевск. духов. Академіи“, 1892 г. октябрь, стр. 309, № 4, л. 209; сн. VIII прилож. къ настоящему изслѣдованію.) Равнымъ образомъ не дошло до насъ никакихъ документальныхъ

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1896 г. февраль, стр. 180, примѣч.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Акад., Р. Муз., № 650, дѣла 1789 года.

[3]) Въ X приложеніи къ своему настоящему труду мы приводимъ образецъ такого аттестата.

извѣстій и о классныхъ порядкахъ (Общія краткія свѣдѣнія о нихъ, не лишенныя, по нашему мнѣнію, идиллическаго характера, скорѣе умѣстнаго въ школахъ съ малолѣтними дѣтьми, чѣмъ въ Академіи, вмѣщавшей въ своихъ аудиторіяхъ довольно взрослыхъ людей,—изложены митроп. Евгеніемъ, описавшимъ ихъ со словъ старожиловъ; см. Прилож. къ Описан. Кіево-Софійск. собора и Кіев. іерархіи, стр. 219 и д. [1]).). Характернымъ явленіемъ въ школьной жизни Академіи было существованіе такъ называемыхъ аудиторовъ. Они назначались изъ лучшихъ учениковъ (См. Инструкцію митр. Рафаила Заборовскаго, п. VII, у В. Аскоченскаго „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею", ч. 2, стр. 104.) въ помощь учителямъ низшихъ классовъ, не имѣвшимъ возможности переспросить даже десятой части изъ ста или полуторасотъ человѣкъ бывшихъ въ этихъ классахъ. Ученики каждаго класса распредѣлялись между своими аудиторами приблизительно поровну. Списки учениковъ, подлежавшихъ вѣдѣнію аудитора, назывались нотатой. Предъ урокомъ аудиторъ выслушивалъ своихъ учениковъ и въ нотатѣ противъ фамилій дѣлалъ помѣтки, насколько каждымъ усвоенъ урокъ. Отмѣтки дѣлались такъ: scit, nescit, non tota, errabat, aeger (боленъ) prorsus nescit (совершенно ничего не знаетъ) и т. п. (Часть аудиторской нотатки сохранилась на переднемъ оберточномъ

---

[1]) Намъ кажется, что сказанное митроп. Евгеніемъ о классныхъ порядкахъ Академіи изображаетъ таковые за вторую половину XVIII ст.

листѣ рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря № 1730). Кромѣ обычныхъ нотатъ, существовала генеральная, вручавшаяся генеральному аудитору (auditor auditorum), которому поручались для выслушиванія другіе аудиторы. Генеральный аудиторъ обязанъ былъ представлять профессору, когда онъ явится въ классъ, нотаты всѣхъ младшихъ аудиторовъ. Профессоръ, сидя на каѳедрѣ,—имѣвшей видъ огражденнаго со всѣхъ сторонъ возвышенія, съ дверкою и спинкою, въ родѣ церковнаго кіота (Въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной Академіи сохранилась подобная каѳедра начала XIX в. Думаемъ, что въ изслѣдуемое нами время академическія каѳедры были такія же.),—просматривалъ отмѣтки, провѣрялъ нѣкоторыя, и опредѣлялъ наказаніе тѣмъ ученикамъ, противъ фамилій которыхъ стояло nescit. Провѣрка пройденнаго производилась по субботамъ, почему и наказанія за малоуспѣшность носили названіе субботниковъ—sabbativa („Труды Кіев. духов. Акад., 1892 г., октябрь, стр. 309, № 4, л. 134 на оборотѣ).

Направленіе всѣхъ наукъ академичегскаго курса, какъ видно изъ представленной нами общей характеристики ихъ, было, можно сказать, чисто формальнымъ. Во все время своего образованія въ Академіи студентъ долженъ былъ вращаться почти въ однѣхъ формахъ: отъ формъ языка онъ переходилъ къ формамъ піитической и риторической рѣчи, отъ формъ рѣчи—къ формамъ мысли; наконецъ, всѣ эти формы онъ пріучался прилагать къ разнымъ богословскимъ

положеніямъ, которыя и являлись почти единственнымъ ихъ содержаніемъ. Болѣе или менѣе положительныя свѣдѣнія студенты, слѣдовало бы ожидать, могли получить изъ физики. Но и отъ нея въ этомъ отношеніи нельзя было требовать желательнаго удовлетворенія. Входя въ составъ философіи, которая въ Академіи по средне-вѣковой традиціи трактовалась какъ ancilla theologiae, физика была наукою не положительно-эмпирическою, а спекулятивной (scientia proprie talis, speculativa versans circa corpus naturale, ut naturale est [1]), строившеюся изъ компиляціи разныхъ комментаріевъ на физику Аристотеля, а потому нерѣдко сообщавшею немало вздорныхъ и баснословныхъ сказаній.

Разумѣется, такое направленіе академическаго образованія въ первой половинѣ XVIII-го вѣка нельзя назвать высокимъ, но и осуждать за него Академію съ исторической точки зрѣнія нельзя. (Академія, и при такомъ направленіи своего образованія принесла въ то время неоцѣнимую пользу Православной церкви и русскому просвѣщенію).

Академія держалась отмѣченнаго нами направленія въ образованіи потому, что оно въ то время было господствовавшимъ въ наиболѣе популярныхъ тогда латино-польскихъ іезуитскихъ и піарскихъ школахъ. Выступивши въ противовѣсъ имъ, чтобы прекратить стремленіе туда русскихъ юношей и тѣмъ сохранить ихъ членами православной церкви, Академія видѣла лучшее (легчайшее) средство для достиженія своей задачи во введеніи у себя по возможности всего того, что было тамъ, и что манило туда русскихъ юношей (сообщивъ лишь всему вводимому духъ, соотвѣтствовавшій своимъ православнымъ цѣлямъ). Конечно, поступивши такъ, Академія не ошиблась. Ставъ такимъ путемъ почти на одномъ учебно-

---

[1]) „Философія Аристотелева по умствованію перипатетиковъ.... публичными диспутами освидѣтелствованная"...., Мих. Козачинскаго, 1745 г., Львовъ. (въ библ Кіев. дух. Акад. В. 510).

образовательномъ уровнѣ съ латино-польскими школами, и сообщая въ своихъ аудиторіяхъ почти то же, что могли дать и онѣ, Академія тѣмъ самымъ отвлекла отъ нихъ православныхъ юношей [1]). И, замѣтимъ, Академія не обольщалась своимъ успѣхомъ, пріобрѣтаемымъ такимъ путемъ. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей она все-таки сознавала, что достигаетъ своей цѣли хотя и вѣрными, но сравнительно не высокими пріемами, рабствуя предъ латино-польскою ученостію; признавала, что эта ученость не такъ высока, чтобы на ней успокоиться, и была убѣждена, что ей самой необходимо стать на самостоятельную научную дорогу. Выразителемъ этого сознанія въ изслѣдуемое время былъ Ѳ. Прокоповичъ, рѣзко осудившій латино-польское направленіе академической науки, самъ почти всю ее поставившій на новый, болѣе высокій, путь, и своимъ соработникамъ—профессорамъ Академіи, оставляя ихъ, давшій совѣтъ: *„не идти только по дорогѣ, протоптанной другими учеными, но слѣдовать самостоятельнымъ научнымъ воззрѣніямъ*, которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знатоковъ, а не торгашей науки. Такого рода самостоятельныя научныя воззрѣнія,—говорилъ онъ,—никогда не стыдились являться предъ обществомъ, и просвѣщенному міру уже опротивѣла до тошноты (если можно такъ выразиться) та наука, которая не истекаетъ изъ первоначальныхъ источниковъ, но капля по каплѣ въ испорченномъ видѣ течетъ сквозь пожелтѣвшую бумагу изъ болотъ неискусныхъ потѣшныхъ учителей (скомороховъ—ludimagistrorum), и не оставляетъ въ умахъ человѣческихъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ собственной мудрости, какого-то мрака, сновидѣнія и призрачности“ [2])... Безпорочную цѣну дѣла Прокоповича для академической на-

---

[1]) См. ниже.

[2]) Такъ писалъ Прокоповичъ профессорамъ Кіевской Академіи предъ своимъ посвященіемъ во епископа, сложивъ съ себя званіе ея ректора. См. „Труды Кіев. дух. Академіи“, 1865 г., т. I, письмо 3-е, стр. 158.

уки и несомнѣнную справедливость указаннаго имъ ей пути профессора Академіи не могли не признавать, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, въ изложеніи академическихъ наукъ слѣдовали лекціямъ Ѳ. Прокоповича [1]). Но ни одинъ изъ нихъ все-таки не смогъ пойти личнымъ самостоятельнымъ усердіемъ по дорогѣ, открытой и начатой великимъ новаторомъ, чтобы внести хоть слабую лепту своего труда на созданіе собственной православно-русской науки, которая бы стала выше латино-польской; а большинство ихъ,—и вполнѣ спокойно и увѣренно, какъ бы совсѣмъ не зная про дѣло Прокоповича,—шло въ своихъ лекціяхъ по традиціонной до-Ѳеофановской стезѣ.

Главною причиною этому, по нашему мнѣнію, была матеріальная бѣдность Академіи въ излѣдуемое нами время. Она лишала Академію всякой возможности быть знакомой съ лучшими теченіями въ наукѣ, зарождавшимися тогда въ западной Европѣ. Профессора Кіевской Академіи были всѣ ея же учениками, иногда бывавшими (напр., кажется Иннокентій Поповскій [2]), Гедеонъ Одорскій [3]), Гедеонъ Вишневскій [4]),

---

[1]) См. выше.

[2]) См. выше.

[3]) См. статью С. Т. Голубева объ Одорскомъ, въ Тр. Кіев. д. Академіи. 1900 г., № 12.

[4]) В. Аскоченскій „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею“, ч. 2, стр. 45. Въ „Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи“ (Спб., 1864 г. стр. 99) указывается, что въ кладовой Смоленскаго каѳедральнаго собора хранится „посвященіе“, составленное для еп. Гедеона Вишневскаго диспутантами Смоленской семинаріи въ 1752 году, и что въ этомъ „посвященіи“ сказано, что Гедеонъ Вишневскій завершилъ свое образованіе въ Вильно, Краковѣ и Львовѣ. Мы нигдѣ въ Смоленскѣ не нашли этого „посвященія“; видимо, оно исчезло, бесслѣдно.

Намъ нигдѣ не удалось отыскать документовъ и о путешествіяхъ другихъ профессоровъ Академіи изслѣдуемаго періода, для довершенія свое о образованія, въ заграничныя учебныя заведенія, кромѣ одного Симона Тодорскаго, собственное показаніе котораго, какъ имѣющее для насъ особенный интересъ, мы приводимъ въ VII приложеніи къ нашему изслѣдованію.

для довершенія своего образованія, въ латино-польскихъ іезуитскихъ коллегіяхъ, а потому не могшими стать выше воспитавшихъ ихъ заведеній. Если же нѣкоторые изъ нихъ (кромѣ Прокоповича[1]), какъ, напримѣръ, Симонъ Тодорскій[2]), Варлаамъ Лящевскій[3]), и Давидъ Нащинскій[4]), и могли быть знакомы съ лучшею постановкою образованія, чѣмъ латино-польская, то имъ не приходилось заявить себя измѣненіемъ теченія академической науки, такъ какъ Тодорскій и отчасти Лящевскій почти все свое служеніе въ Академіи посвятили преподаванію языковъ, а Нащинскій въ изслѣдуемый нами періодъ только-что еще выступалъ на педагогическое поприще въ низшихъ классахъ.

Лишенная возможности имѣть у себя профессоровъ, *непосредственно* знакомыхъ съ лучшимъ направленіемъ образованія, чѣмъ латино-польское, Академія, по недостатку матеріальныхъ средствъ, не могла знать о научныхъ движеніяхъ Западной Европы и путемъ литературнымъ[5]). Изъ своихъ ничтожныхъ средствъ она не могла ничего удѣлять для пріобрѣтенія сочиненій новѣйшихъ европейскихъ мыслителей, разрушавшихъ средневѣковый строй понятій.

Положимъ, въ Академіи изслѣдуемаго нами періода была своя *библіотека*, получившая начало еще при митроп. Петрѣ Могилѣ[6]). Но она состояла, вѣроятно, исключительно

---

[1]) И. Чистовичъ „Θ. Прокоповичъ и его время", стр. 4—8.

[2]) В. Аскоченскій, ч. 2, стр. 142; срав. съ VII приложеніемъ къ нашему изслѣдованію.

[3]) Ibid., стр. 127.

[4]) Ibid., стр. 128. Сама Академія не имѣла средствъ на посылку за границу молодыхъ людей для подготовленія къ занятію ея каѳедръ.

[5]) Такое знакомство съ новыми научными движеніями, несомнѣнно, имѣлъ Θ. Прокоповичъ, читавшій съ Як. Марковичемъ Бекона, Декарта, Буддея и т п. (Дневныя замѣтки малороссійскаго подскарбія, генерала Я. Марковича, М. 1859 г.).

[6]) На это часто указывается, между прочимъ, въ словахъ, произносившихся въ день его поминовенія въ Академіи въ первой половинѣ XVIII в.

изъ книгъ латино-польской литературы, изученіе которой, необходимое для борьбы съ нею же, было главнѣйшимъ и единственнымъ источникомъ академической науки, вмѣстѣ съ рукописными учебниками, читавшимися въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ и привозившимися оттуда бывавшими въ нихъ русскими людьми [1]). Думать, что въ ней были произведенія новѣйшей европейской литературы, нѣтъ достаточныхъ основаній. Правда, въ лекціяхъ профессоровъ Кіев. Академіи иногда слышатся имена позднѣйшихъ европейскихъ ✓

---

[1]) См. выше. Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, есть, напр., принадлежавшія библіотекѣ старой Кіевской Академіи слѣдующія рукописи (№№ 577, 447, 454):

1) Arithmetica et Mathematica, на лат. яз., преподанная во Львовѣ (л. 149), писанная въ 1630-хъ гг., съ обозначеніемъ на 2 листкѣ, внизу: „*Ex Bibliotheca Kievo-Mohilana*“;

2) Сборникъ риторическихъ, богословскихъ и философскихъ руководствъ конца XVII в. Въ сборникѣ этомъ, между прочимъ, заключаются 1) Polonia extra Poloniam circumferenda, sev Methodus orationum continno domi, extra subinde, Polonae juventuti usui futurarum tradita in Collegio Sapiehano-Brestensi Societatis Iesu..., anno... 1686 in annum 1687..., съ замѣткою внизу 3 листка: „*Ex Biblioteca Kiiovo-Mohilana*“, 2) діалектика 1687, преподанная въ Люблинской коллегіи и 3) Summulae dialecticae, преподанныя въ томъ же 1687 году въ коллегіи Brestensi Sapiehano;

3) Partitiones oratoriae sev Orator compendiose instructus praeceptise Tullio petitis anno Domini 1693 Jaroslaviae, съ подписью на 3 листкѣ: „*Ex Bibliotheca Kiovomohilana*“; и

4) Латинское богословіе (рукоп. № 216) 1690-хъ годовъ (на 743-й стр. рукописи помѣчено: Lectio 1 anni 1692), съ надписью на первомъ листкѣ: „*Ex Bibliotheca Mohylaeana*“.

Въ академической библіотекѣ были и списки лекцій профессоровъ кіевскихъ. Списки эти въ библіотеку отдавали, вѣроятно, студенты Академіи. Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, въ числѣ рукописей, есть, напримѣръ, риторика, преподанная въ Кіев. Академіи въ 1688 г.: Fons Castalius in duplices divisus rivulos solutam scilicet et ligatam orationem, съ надписью: „*Ex libris Bibliothecae Collegii Kijoviensis Mohilaeani*“; и другая: Penarium Tullianae eloquentiae ad usus politicos Roxolanae juventuti in Collegio Kijovo-mohylaeano a reverendo patre praefecto et professore Rhetorices Ioasaph Krokowski accomodatum et reservatum..., съ надписью внизу 57 и 58 листковъ: „*Ex bibliotheca Kiowomohilaeana*“. (Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., №№ 446 и 444).

мыслителей, напр., Декарта и картезіанцевъ [1]); но, называя ихъ, профессора (кромѣ Ѳ. Прокоповича) едва ли были знакомы съ сочиненіями ихъ самостоятельно; они являлись лишь отголоскомъ того, что говорила о нихъ іезуитская наука. Это, напримѣръ, видно изъ такого осужденія Декарта въ философскихъ лекціяхъ Академіи: „...quidam author, nomine Carthesius, qui conatus est de novo evertere totam philosophiam *Aristotelis*, *Thomae*, *Scoti*, *Alberti magni* et omnium fere philosophorum, excogitando nova principia rerum..., falso sbi persuadet“ [2]). Тутъ слышится голосъ человѣка, благоговѣющаго предъ схоластическими корифеями, голосъ іезуита, который и указанъ въ самыхъ лекціяхъ; это Antonius Goudin [3]). Еще яснѣе можно заключать объ отчужденности Академіи отъ всего лучшаго въ тогдашней наукѣ, кромѣ іезуитской, объ отсутствіи въ ея библіотекѣ новѣйшихъ сочиненій, значительно опередившихъ латино-польскую схоластику, по тому сожалѣнію, какое выражали ея профессора о тратѣ времени и силъ на изученіе іезуитско-схоластическихъ твореній, когда имъ случайно попадалось въ руки какое-нибудь новѣйшее сочиненіе, болѣе или менѣе далекое отъ мертвящаго схоластицизма. Такъ, напр., Георгій Конисскій 13 сентября 1755 г., уже будучи посвященнымъ во епископа Бѣлорусскаго, давая кіевскому митрополиту отзывъ о присланныхъ ему послѣднимъ для разсмотрѣнія (въ видахъ введенія въ

Наконецъ, въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора въ настоящее время находится еще рукопись (in 4-o, на 364 л.), подъ заглавіемъ: Wody Żywotne ze zrzodel Zbawicielowych, to iest (in nomine tuo, dulcissime Jesu) Nauki z Ewangeliey o Rozmyslaniu smierci... (перев. съ лат. яз. на польск. Іеронима Крусинскаго, соч. Генрика Kyspennigiusz, 1624 г.); съ помѣтою на верху перваго листка: „*Ex bibliotheca Mohileana Ciovien A° 1641 Julij 26*“.

[1]) Рукоп. библ. Кіев. дух. Академія I. 11. 66. 7, л. 275, 302 и др.

[2]) Ibid.

[3]) Въ академической библіотекѣ есть его Philosophia juxta inconcussa tutissimaque divi Thomae dogmata, t. 1—2, Coloniae Agr., 1726 г. (По систематическому каталогу ея, т. 2, вып. 4, Кіевъ, 1896 г., см. на стр. 89, № 8186).

Академіи въ учебники) философіяхъ Баумейстера и Пурхоція, между прочимъ, писалъ: „Я окружно (цѣликомъ) не вичиталъ, якожъ и *не имѣлъ* ихъ, когда самъ въ философіи по должности на мене бывшей положенной упражнялся, что особливо за *нещастіе* свое причитую, ибо на смѣттяхъ интерпретовъ Аристотелевихъ времени всуе не потерялъ бы было“ [1]).

Состоя изъ книгъ преимущественно іезуитско-схоластическаго содержанія, печатныхъ и рукописныхъ, библіотека Кіевской Акадміи образовывалась со времени Петра Могилы исключительно изъ пожертвованій разныхъ благотворителей. Много-ли уцѣлѣло въ ней книгъ, собранныхъ такимъ путемъ, со времени Петра Могилы до начала XVIII в., послѣ всѣхъ несчастій, постигавшихъ Академію во второй половинѣ XVII в., сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, не смотря на неоднократно постигавшіе Академію пожары во второй половинѣ XVII в., и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, въ библіотекѣ ея и въ настоящее время насчитывается до десяти книгъ, пожертвованныхъ митроп. Петромъ Могилой [2]). Принимая во вниманіе, что къ началу 1780 года академическая библіотека состояла изъ 8632 книгъ на разныхъ языкахъ [3]), и исключая изъ этого числа 1) 479 книгъ, пожертвованныхъ ей Иларіономъ, еп. Сарскимъ и Подонскимъ въ 1758 году [4]); 2) 34 книги, поступившія въ нее по смерти игумена Кіево-Кирилловскаго монастыря Мелхиседека Орловскаго, въ 1765 году [5]); 3) 872 (129 русскихъ и 743 ино-

---

[1]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Асксченскимъ, т. 1, д. № 50.

[2]) В. Аскоченскій ошибается, утверждая (ч. 1, стр. 290), что въ академической библ. сохранилась отъ времени Петра Могилы только одна книга.

[3]) Архивъ Кіев. дух. консист., д. (о пожарѣ академич библ. 29 февраля 1780 г.) 1780 г., № 34.

[4]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 2.

[5]) Архивъ Кіев. дух. консисторіи, д. 1765 г., № 309.

странныхъ) книги, поступившія въ нее въ 1774 г., по смерти архимандрита Донскаго Ставропигіальнаго монастыря Варлаама Лящевскаго [1]), 4) нѣсколько латинскихъ книгъ, доставшихся ей по смерти преосвященнаго Варлаама Ленницкаго [2]), въ 1742 г., 5) 100 учебныхъ руководствъ, пріобрѣтенныхъ въ нее въ 1771 году [3]); и 6) нѣсколько другихъ ея (предполагаемыхъ нами) пріобрѣтеній съ 1750 по 1780 г.;—можно съ вѣроятностію сказать, что къ концу 1750 г. въ ней было до 7000 книгъ, отчасти уцѣлѣвшихъ отъ митроп. Петра Могилы [4]), отчасти перешедшихъ въ нее изъ Гойской Коллегіи [5]), частію поступившихъ отъ другихъ жертвователей [6]), но главнымъ образомъ составившихся изъ по-

---

[1]) Архивъ той же консисторіи, д. 1774 г., № 87/103. У іером. Макарія Булгакова („Исторія Кіев. дух. Акад.", стр. 134), вслѣдъ за митрополитомъ Евгеніемъ, почему-то указано не 872, а 864 книги.

[2]) Архивъ Кіев. дух. консист., Реестръ бумагъ, исходившихъ изъ канцел. кіев. митроп. въ 1742 г.; тутъ отъ 21 окт. за № 1391 (свѣдѣнія о Ленницкомъ см. у В. Аскоченскаго, въ его „Кіевъ съ древн. его учил. Академіею", ч. 1, стр. 300—301), записано „доношеніе въ Св. Синодъ объ опредѣленіи въ Академію Кіев. книгъ латинскихъ, оставшихся по измершомъ священ. Варлаамѣ Ленницкомъ".

[3]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 3, стр. 283.

[4]) Много изъ этихъ книгъ въ первой половинѣ XVIII в. было увезено изъ академической библіотеки нѣкоторыми ея профессорами; напр., Гедеономъ Вишневскимъ, въ числѣ книгъ котораго въ Смоленской духов. семинаріи есть экземпляры съ подписью самого Могилы и съ обозначеніемъ того, что они были въ библ. Кіев. Академіи; есть такія же книги и въ библ. Черниговской духовной семинаріи.

[5]) Одна изъ такихъ книгъ (Florida Mariana, seu de laudibus sanctissimae Deiparae Virginis Mariae Panegyrici XXIV—Abrahami Bzovi), принадлежавшая ректору Гойской коллегіи игумену Митрофану Судовскому (умер. 5 дек. 1678 г., какъ значится въ рукописной замѣткѣ на послѣдней страницѣ книги), была увезена Гед. Вишневскимъ изъ академич. библіотеки, и отъ него поступила въ библіотеку Смоленской духовной семинаріи.

[6]) Въ библ. Смоленской дух. семинаріи, въ числѣ книгъ Гед. Вишневскаго, есть „Sylvae allegoriarum totius Sacrae Scripturae in indicem redactae. Authore F. Hieronimo Laureto. Venetiis. MDL—XXXVIII", съ такою надписью

жертвованій кіевскихъ митрополитовъ въ первой половинѣ XVIII в.—Варлаама Ясинскаго [1]), Іоасафа Кроковскаго [2]) и Рафаила Заборовскаго [3]). Собственныхъ пріобрѣтеній въ свою библіотеку Академія въ изслѣдуемое нами время не дѣлала: на это у нея не было никакихъ средствъ.

Чтенію книгъ и такой библіотеки, всегда находившейся въ завѣдываніи учителя риторики [4]), профессора не могли посвящать достаточнаго количества времени, а ограничивались, по всей вѣроятности, только пересмотромъ наиболѣе необходимыхъ для своихъ лекцій пособій и источниковъ. Это потому, что профессора Академіи первой половины XVIII в. располагали весьма малымъ количествомъ часовъ, свободныхъ отъ обязательныхъ занятій.

Начиная почти всегда свою учительскую карьеру съ низшихъ классовъ, чтобы затѣмъ (употребимъ выраженіе Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго изъ его письма

на заглавномъ листѣ: „Ex bibliotheca Collegii Mohilaeani; (изъ Святой Софіи, Митрополія Кіева ad Bibliothecam Collegii Mohilaeani Kijoviensis legatus" (№ 118, по старому каталогу), и на 1-й и на 570 стр. (другой рукою): „Ex bibliotheca Collegii Kijovo Mohilaeani Sanctorum Epiphanorum".

[1]) В. Аскоченскій, ч. 1, стр. 290.

[2]) В. Аскоченскій, ч. 2, стр. 21.

[3]) Отъ него въ академической библіотекѣ до настоящаго времени сохранились: 1) Библія, изданная въ Краковѣ въ 1575 г.; на ней есть неразборчивая помѣта рукою самого Заборовскаго; 2) Καινὴ διαθήκη, изд. MDCCXXXIV г.; 3) Vetus Testamentum, изд. MDCCXXXIII, съ надписью 1741 года: „Hunc librum applicavit bibliothecae academiae Kijovensis illustrissimus Raphael Zaborovski, Dei gratia archiepiscopus Kijovensis, conditor munificentissimus, per me infimum suum clientem hieromonachum Simonem Todorski, linguarum orientalium ibidem professorem publicum ordinarium; 4) Apparatus criticus, Lexicon graecolatinum in Novum Testamentum, изд. MDCCXXXV. Georg. Pasoris,—въ трехъ томахъ, съ такою же надписью, какъ и предыдущая; 5) Полидора Виргилія Урбинскаго „Осмь книгъ о изобрѣтенія вещей", изд. въ Москвѣ, въ 1720 г., по повелѣнію Петра Вел.; и нѣк. др.

[4]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад. собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 32. Эта библіотека была общею для учителей и учениковъ. (Начало спеціальной ученической библіотеки было положено позже, около 1768 г., ibid., т. III, д. № 31).

къ митроп. Рафаилу Заборовскому [1]) successive (послѣдовательно) преподавать въ высшихъ, они всегда должны были готовиться не только къ настоящей, но и къ будущей своей преподавательской дѣятельности. Это было вполнѣ необходимымъ для избѣжанія того вреда, который могъ происходить, безъ должной подготовки съ ихъ стороны; потому что нерѣдко въ срединѣ учебнаго года выбывалъ учитель высшаго класса, и его мѣсто долженъ былъ заступить учитель низшаго. Отказаться отъ назначенія на учительство въ высшій классъ учитель низшаго класса едва-ли и могъ, потому что академическіе классы въ то время были своего рода рангами, возвышавшими и внѣшнее достоинство и матеріальное положеніе учителя; слѣдовательно, на повышеніе изъ класса въ классъ учитель долженъ былъ смотрѣть, какъ на обстоятельство желательное.

Независимо отъ этой тяжелой необходимости, профессора всегда были обременены другими работами: на нихъ, кромѣ классныхъ занятій, исправленія ученическихъ тетрадей на дому, составленія къ торжественнымъ собраніямъ и разнаго рода домашнимъ праздкествамъ Академіи рѣчей [2]), привѣтствій, діалоговъ, поэтическихъ и драматическихъ произведеній, часто возлагались еще посторонніа дѣла. Такъ, Императоръ Петръ Великій чрезъ кіевскаго губернатора кн. Д. Голицина не разъ давалъ профессорамъ Академіи переводить разнаго рода книги [3]). Кіевскіе митрополиты, съ своей стороны, часто присылали имъ для этой же цѣли раз-

[1]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 10.

[2]) Объ этомъ см. ниже.

[3]) Ихъ здѣсь было переведено не мало, что видно изъ сохранившихся на книгахъ надписей, напр., „Министерство или правительство кардинала Рихилія (Ришелье) и Мазарини 1623—1651 г. (съ франкфуртскаго изданія 1652 г.), *учинено* въ 1712 г. стараніемъ кіевскаго губернатора Д. М. Голицина *въ тамошней Академіи*“; и т. п. (См. В. Иконникова. „Опытъ русской исторіографіи“, Кіевъ, 1892 г., т. I, кн. 2, стр. 1078—1079).

ныя бумаги, дѣловую переписку [1]); иногда даже поручали имъ и составленіе книгъ.

Такъ, напр., ректоръ Академіи архимандритъ Сильвестръ Кулябка въ 1744 и 1745 г.г., по порученію митр. Рафаила Заборовскаго, занимался составленіемъ книги: *„О собственныхъ всякаго чина должностяхъ и о прочемъ“*, при сотрудничествѣ въ 1744 году учителей—Сильвестра Добрыны и Варлаама Лящевскаго (архимандрита Кіево-Печерской Лавры Іосифа Занкевича, іеромонаховъ Лавры—Варнавы Старжицкаго и Арсенія Пятницкаго и іером. Кіево-Михайлов. мон. Гедеона Сломинскаго) и въ 1745 г.—учителя піитики Гедеона Сломинскаго (и того же Сильвестра Добрыны, уже игумена Кіев. Петро-Павловскаго монастыря [2]). Ректоръ Академіи всегда (а иногда префектъ и учитель философіи [3]) несъ обязанности члена Кіевской духовной консисторіи, почему часто присутствовалъ въ ея засѣданіяхъ и исполнялъ ея

---

[1]) Напр., 18 мая 1749 г. митроп. Тимоѳей Щербацкій присылалъ въ Академію перевести 18 писемъ Парѳенія, патріарха іерусалимскаго (Арх Кіев. дух. конс., д. 1749 г., № 75); въ мартѣ 1743 г. были даны „два листа греческіе для переводу“ Варлааму Лящевскому (см. переданное нами въ библ. Церк.-Арх. музея при Кіев. дух. Акад. его письмо къ ректору Академіи отъ 2 марта 1743 г. по дѣлу о наставленіи въ истинахъ православной вѣры еврея Ицки Шмулева).

[2]) См. переданное нами въ ту же библіотеку церк.-археол. музея доношеніе ректора Кулябки митроп. Щербацкому, отъ 8 марта 1745 г. (Пятницкій и Старжицкій занимались составленіемъ этой книги и до назначенія Кулябки въ сотрудничество имъ; Лящевскій же въ октябрѣ 1744 г. отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ; ibid. 21 августа 1744 г. въ своемъ доношеніи въ Св. Синодъ (по поводу требованія послѣднимъ высылки изъ Кіева ученыхъ людей въ Москов. Академію) митроп. Рафаилъ Заборовскій, между прочимъ, писалъ, что „Гедеонъ Сломинскій, рукоположенный во іеромонахи, опредѣленъ къ сочиненію книжицы о собственныхъ всякаго чина должностяхъ“ (Архивъ Св. Синода, д. 1744 г., іюля 23, № 518).

[3]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1754 г. № 661, гдѣ упоминаются ректоръ Академіи, префектъ и учитель философіи, какъ члены Кіев. консисторіи 14 мая 1731 года. Они назначены были членами консисторіи 2 декаб. 1730 г. См. Опис. докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. X, ст. 471.

разныя порученія [1]). На немъ же вмѣстѣ съ префектомъ лежала и цензура рѣчей и проповѣдей, которыя произносились учителями по ихъ собственному желанію [2]) и по обязанности [3]). Ректоръ Академіи Амвросій Дубневичъ съ осени 1733 до зимы 1735 г. состоялъ членомъ комиссіи, на которую возложено было составленіе перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи [4]). Нѣкоторые профессора несли разныя должности по Братскому монастырю [5]); иные состояли каѳедральными экзаменаторами, обязанными производить испытанія кандидатамъ на церковно-священническія мѣста [6]). Впрочемъ, послѣдняя обязанность иногда распространялась митрополитомъ одинаково на всѣхъ учителей [7]), равно какъ и порученіе имъ наставить въ истинахъ вѣры того или другого иновѣрца [8]). Если ко всему этому принять еще во вни-

---

[1]) Напр., въ 1732 г. ректору Амвросію Дубневичу было поручено разслѣдованіе дѣла о чудотворной иконѣ; Арх. Кіев. дух. конс., д. 1732 г. № 40.

[2]) Напр., при встрѣчѣ новаго кіевскаго митрополита (рукоп. биб. Кіев. дух. Акад. J. III. 91. 12, л. 108 на обор.), или при погребеніи умершаго (рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1748, л. 23—33).

[3]) Въ праздничные и торжественные дни „большею частью“ учителя Академіи произносили проповѣди въ каѳедральномъ монастырѣ (Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187); о проповѣдничествѣ ихъ въ Брат. мон. см. ниже. Обязательное очередное проповѣдничество для учителей Академіи было установлено съ 16 октября 1758 г. (Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоч., т. 2, д. № 9).

[4]) „Кіевскія Университ. Извѣстія“, 1878 г., № 11, стр. 812; см. „Кіев. Старина“ 1896 г., № 7—8, стр. 17 и 18 второго отдѣла; см. Арх. св. Синода, д. д. 1735 г., № 339; и 1736 г. марта 26, № 212.

[5]) Напр., Сильвестръ Добрына въ 1742 г. былъ экклесіархомъ Братскаго мон. (см. переданное нами въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіев. дух. Академіи доношеніе Ковачинскаго митроп. Рафаилу Заборовскому, отъ 6 мая 1742 г.).

[6]) Напр., въ 1740 г. учитель риторики Сильвестръ Ласкоронскій (Арх. Кіев. дух. конс., реестръ 1740 г., № 1580, 14 декабря; см. Арх. Св. Синода, д. 1745 г., 29 ноября, № 187).

[7]) Арх. Кіев. дух. конс., д. д. 1748—1751 г.г. о посвященіяхъ въ іерейскій чинъ.

[8]) Напр., Симону Тодорскому 19 ноября 1740 г. былъ порученъ протестантъ Карлъ Трумлеръ (Арх. Кіев. дух. конс., реестръ 1740 г., № 1393 и

маніе то обстоятельство, что почти всѣ профессора Академіи изслѣдуемаго нами времени были лицами монашествовавшими, въ учебное время входившими въ число братій Братскаго монастыря (своего главнаго кормителя), отправлявшими по седмицамъ служеніе въ церквахъ этого монастыря, и ежедневно ходившими на клиросы въ его храмы пѣть и читать, „не имѣючи въ томъ никакого зазрѣнія“ [1]),—то мы поймемъ, какъ трудно имъ было выбрать часъ-другой для чтенія книгъ своей академической библіотеки [2]).

1406); префекту Козачинскому 30 марта 1742 г. католикъ Петръ Ортинскій (ibid., реестръ 1742 г. и д. 1742 г., № 38); ректору С. Кулябкѣ 7 іюля 1743 г. римлянинъ Стефанъ Бодѣцкій (ibid., реестръ 1743 г., № 33); въ августѣ того же года жидъ Бенишъ Мошковичъ (ibid., д. 1743 г., № 95); Лящевскому 3 марта 1743 г. еврей Мошко Шломовичъ (ibid., д. 1743 г., № 20); Іоакинеу Павѣнскому въ ноябрѣ 1750 г. римлянинъ Антоній Добровольскій (ibid., д. 1750 г., № 1636), и мн. др.

[1]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад. собр. В. Аскочен., т. 2, д. № 21.

[2]) Еще болѣе трудно было профессорамъ найти время для свободной учено-литературной дѣятельности; поэтому мы и не удивились, нигдѣ не встрѣтивъ никакихъ памятниковъ и даже слѣдовъ ихъ научныхъ работъ (*за время пребыванія ихъ въ Академіи*, кромѣ соч. Ѳеоф. Прокоповича: „Распря Павла и Петра о игѣ неудобоносимомъ“, 1712 г. (см. И. Чистовича: „Ѳ. Прокоповичъ и его время“, стр. 19); и кромѣ участія нѣкоторыхъ въ составленіи упомянутой книги „О должностяхъ всякаго званія“. Разумѣется, говоря такъ, мы выдѣляемъ ихъ профессорскія работы, составлявшіяся ими ex officio, къ числу которыхъ относимъ указываемые ниже 2 панегирика, составл. М. Козачинскимъ. По выходѣ изъ Академіи *многіе* профессора ея заявили себя въ XVIII столѣтіи учено-литературными трудами. По ихъ примѣру работали и ихъ ученики. Изъ трудовъ академическихъ профессоровъ первой половины XVIII-го стол. въ печати появились въ то время (кромѣ привѣтственнаго слова Ѳеофана Прокоповича Петру Великому въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, 15 іюля 1709 г., см. „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. Соловьева, С.-Петер. изд. товарищества „Обществ. Польза“, т. XV, стр. 1557—1559; см. И. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“, стр. 14—15. Это похвальное слово было напечатано въ типографіи Кіево-Печерской Лавры на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ) только:

1) *Панегирикъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ*, составленный префектомъ іеромонахомъ Мих. Козачинскимъ въ 1744 г., напеч. въ типографіи Кіево-Печер. Лавры (Панегирикъ этотъ представляетъ собою довольно сложный драматическій діалогъ, съ прологомъ и эпилогомъ, съ различными салтами и ни-

Не будучи, такимъ образомъ, въ состояніи (при отсутствіи почти всякой возможности къ тому) стать выше латино-польской науки, и чуть не по необходимости рабствуя предъ ней (какъ мы сказали) и повторяя её, лишь съ сообщеніемъ ей, конечно,—*по возможности* (см. выше)—православнаго духа, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII в. и этимъ путемъ съ полнымъ успѣхомъ выполняла свое высокое православно-историческое призваніе.

О широтѣ осуществленія ею своей высокой задачи достаточно краснорѣчиво говорятъ самыя цифры ежегоднаго числа ея учениковъ, которые, получая въ ея аудиторіяхъ тотъ же запасъ свѣдѣній и знаній, какой предлагали въ то время латино-польскія коллегіи и академіи, этимъ самымъ,

---

терлюдіями. Задача и содержаніе его указаны въ немъ самомъ: „Кіевъ, обрадованъ... прибытіемъ... Императрицы, да здравствуетъ Елисаветъ Петровна, Маркъ Аврелій вѣка нашего..., исторію о маркѣ Авреліи въ память приводя, съ прологомъ и эпилогомъ, трема дѣйствіи чрезъ учениковъ академіи кіевскія всенародно торжествуетъ“. См. анализъ этого произведенія въ „Сочиненіяхъ М. Максимовича“, 1880 г., Кіевъ, т. IV, стр. 737—745); и

2) *Панегирикъ графу А. I. Разумовскому*, составленный въ 1745 г. тѣмъ же Козачинскимъ и напечатанный во Львовѣ, въ типографіяхъ Ставропигіальной и Іезуитской (См. объ этомъ произведеніи въ „Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1871 г., № 1, стр. 11—19; сн. о литературной дѣятельности Козачинскаго, въ „Очеркахъ изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 90 и слѣд.).

Экземпляры обоихъ названныхъ произведеній есть въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи.

Изъ *студенческихъ трудовъ, напечатанныхъ* въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, намъ извѣстенъ лишь одинъ. Это—„Domus sapientiae, illustrissimo ac reverendissimo patri P. Joasapho Krokowski, Archipraesuli Metropolitae Kiioviensi...-Andrea Chmarny A. A. Ю. Ю. Sacrosanctae Theologiae Auditore, in perpetuum, Rossiacae infulae cultum praesentata anno, quo *M*an*D*at fronte *C*oronata reserare serenas ar*C*es, q*VI* penetrans *I*nter*I*ora tenet (т. е. 1708 г.). Mense Iunis die 24-г. Произведеніе это (in folio., на 20 листахъ)—панегирикъ въ честь кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго; напечатано оно въ типографіи Кіево-Печерской Лавры. (Экземпляръ Domus Sapientiae есть въ Императорской Публичной библіотекѣ; когда закончено было нами наше настоящее изслѣдованіе мы пріобрѣли экземпляръ Domus Sapientiae у одного антикварія).

въ большой массѣ, отвлекались отъ послѣднихъ и чрезъ то сохранялись Академіею вѣрными дѣтьми своей родной православной церкви. Не смотря на множество школъ, возникшихъ въ первой половинѣ XVIII в. въ разныхъ епархіяхъ, число учившихся въ Академіи въ это время въ общемъ всегда было большое. Напр., въ 1710 г. въ Академіи было „болѣе 2000“ студентовъ [1]); въ 1715 году всѣхъ студентовъ въ Академіи было 1100 человѣкъ [2]); въ 1715—17 г.г. въ философскомъ классѣ было 54 человѣка [3]); въ 1725 году въ богословскомъ классѣ было 31 [4]); въ 1727 г. всѣхъ въ Академіи было 652 человѣка [5]). Особенно велико было число учившихся въ Академіи во времена митроп. Рафаила Заборовскаго. Такъ, напр., въ годахъ, предшествовавшихъ $17^{36}|_{37}$ учебному „бывало учениковъ по семи и по восьми сотъ“; и къ началу $17^{36}|_{37}$ учебн. года „было собралось на 600“, но къ концу марта мѣсяца 1737 г., „за утѣсненіемъ квартиръ и за оскудѣніемъ препитанія“, многіе изъ студентовъ, „яко свободны суще, свободно мусили за нужду (такую), ученіе свое оставивши, отъ училищъ устраниться“ [6]), такъ что въ концѣ марта въ Академіи на лицо было всего лишь 364 чело-

---

[1]) По словамъ датскаго посланника при Петрѣ Великомъ—Юста Юля, бывшаго въ срединѣ 1711 г. въ Кіевѣ (см. переводъ записокъ Юста Юля, Ю. Н. Щербачевымъ, въ *Чт. Импер. Общ. Исторіи и Древн. при Московскомъ Универ.*, 1899 г., кн. 3, отд. III, стр. 346), по словамъ же Расмуса Эребо (ibid., выдержки изъ его автобіографіи, стр. 458), ихъ было „*тысячъ шесть*“. Какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ словамъ, кажется, нельзя отнестись съ полною вѣрою. Они нуждаются въ подтвержденіи болѣе точными документальными извѣстіями.

[2]) „Исторія Кіев. дух. Академіи“ іером. Макарія Булгакова, стр. 108, примѣч. 3-е.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Печерск. Лавры X, 62, послѣдній листъ.

[4]) Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 230.

[5]) Списокъ ихъ см. въ „Описаніи докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода“, т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI—CXXIX.

[6]) Изъ доношенія префекта Іеронима Митковича митропол. Заборовскому въ началѣ 1737 г., при вѣдомости объ ученикахъ Кіев. Акад. за $17^{36}/_{37}$ г. (Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. 1).

вѣка [1]); въ $17^{37}|_{38}$ г. (по вѣдомости 21 февраля 1738 г.) было 494 человѣка [2]); въ $17^{38}|_{39}$ г.—444 человѣка (въ томъ числѣ дѣтей духовенства 92 человѣка [3]); въ $17^{39}|_{40}$ г.—536 человѣкъ (дѣтей духовенства изъ нихъ—146 [4]); въ $17^{40}|_{41}$ г. —564 человѣка (изъ духовнаго сословія 152 [5]); въ $17^{41}|_{42}$ г. —687 человѣкъ (изъ духов. сословія 213 [6]); въ $17^{42}|_{43}$ г.—822 (въ этомъ числѣ дѣтей священнослужителей 265, и панамарскихъ 1 [7]); въ $17^{43}|_{44}$ г.—902 человѣка (въ томъ числѣ 255 дѣтей священнослужителей, 1 сынъ дьяка и 2 панамарскихъ сына [8]); въ $17^{44}|_{45}$ г.—1100 человѣкъ (въ томъ числѣ священническихъ дѣтей 323, діаконскихъ 3 и дьяковскихъ 12 [9]); въ 1746 году въ философскомъ классѣ —60 человѣкъ [10]).

Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что число студентовъ Академіи въ первой половинѣ XVIII в. не было постояннымъ даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Это происходило потому, что въ Академіи былъ обычай, по которому „учащіеся, какъ писалъ митроп. Заборовскій въ своемъ доношеніи въ Синодъ 30 мая 1737 г., свободно приходили и, по сколько кто желалъ, учились, и паки свободно,—куда похощетъ, въ какое кто званіе,—отлучались“ въ любое время [11]).

---

[1]) Такое число указано въ доношеніи Митковича, а по вѣдомости ихъ было 367 человѣкъ.

[2]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г. № 380, т. 1.

[3]) Ibid., т. II.

[4]) Ibid.. т. III.

[5]) Ibid., т. III.

[6]) Ibidem, т. IV.

[7]) Ibid.

[8]) Ibid., т. V.

[9]) Ibid.

[10]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1748 г., № 124; см. „Кіевлянинъ“ за 1876 г., № 28.

[11]) Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I. Желая устранить такое обыкновеніе, митроп. Раф. Заборовскій въ 1738 году ходатайствовалъ объ этомъ предъ Св. Синодомъ, на что Синодъ въ своемъ указѣ ему, между прочимъ, отвѣ-

Вслѣдствіе этого на требованіе Св. Синодомъ представить ему вѣдомости объ учившихся и учащихся съ 1730 по 1737 г. митр. Заборовскій 10 іюля 1738 г. и отвѣтилъ въ Синодъ, что исполнить его предписаніе онъ не можетъ вполнѣ. При этомъ митрополитъ въ такихъ выраженіяхъ очертилъ обстоятельства, лишавшія его возможности выполнить распоряженіе Св. Синода: „Студенты (Кіев. Академіи) всякъ на своемъ коштѣ—хотя иные и скудномъ—учатся; суть люди разнаго званія въ Малороссіи, а паче большое число зъ зарубежа Польской области приходящіи; яко свободніи люде, въ школахъ кіевскихъ свободно принимаются, и, сколько кто пожелаетъ, учатся; и *всегда съ временемъ прибавляются, а съ временемъ убываютъ ученики.* Иныи въ другія училища: Черниговскія и Харьковскія, а иные за рубежъ Польской области, близь Кіева лежачій, ради обученія отходятъ; иные же въ разныя, какія кто похоцетъ когда, званія, по древнимъ здѣшнимъ обыкновеніямъ, отлучаются. И по древнему здѣшнему обыкновенію, учащіеся въ школахъ Кіевскихъ ежегодно... въ маѣ и іюнѣ изъ училищъ,—иные для взисканія себѣ спрошиваніемъ супплементу на предбудущее время въ училищахъ, а иные по домахъ своихъ или кто куда похоцетъ, какъ свободные,—отлучаются; прочіе же всѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ по обыкновенію распущаются и, куда кто похоцетъ, въ разныя мѣста отходятъ, изъ которыхъ многіе въ училища не возвращаются, когда въ сентябрѣ школы начаты бываютъ,... многіе въ домахъ остаются и разніи званіи входятъ“ [1]).

чалъ: „о вольности Кіевскихъ училищъ студентовъ, до разсмотрѣнія, быть по прежнему обыкновенію, какъ о томъ грамматами Высокомонаршими повелѣно“ (рапортъ м. Заборовскаго 28 ноября 1738 г. о полученіи синодальнаго указа; ibid., л. 730).

[1]) Вслѣдствіи этого нельзя усматривать чего-либо страннаго въ тѣхъ случаяхъ, когда за одинъ и тотъ же учебный годъ мы встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій о числѣ учениковъ, съ значительною разницею въ ихъ цифрахъ. Разница эта зависитъ отъ времени составленія списковъ или счета студентовъ. Напр.,

Въ числѣ воспитанниковъ Академіи въ изучаемый нами періодъ ея жизни (какъ видно даже изъ помѣщаемыхъ нами въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію отрывковъ изъ вѣдомости 1736 года и изъ полнаго списка учениковъ синтаксимы за $17^{36}/_{37}$ учебный годъ, помѣщеннаго на л. 245—254 рукописи библ. Кіево-Михайловскаго монастыря № 1710 [1]) были уроженцы почти всѣхъ южныхъ и западныхъ [2]) губерній нынѣшней Россіи и даже иногда отдаленныхъ сѣверныхъ (напр., Новгородской [3]). Не мало было между ея питомцами и иностранцевъ какъ жителей единовѣрныхъ съ Россіею славянскихъ странъ, такъ и православныхъ жителей католическихъ земель. Сравнительно много ихъ стало появляться

по каталогу въ рукоп. биб. Кіево-Михайлов. мон., № 1710, л.л. 245—254, въ $17^{36}/_{37}$ г. въ синтаксимѣ значится 112 учениковъ, а въ вѣдомости за тотъ же годъ—всего 71. Вѣроятно, первое число было въ самомъ началѣ учебнаго года, а второе—въ послѣдней его половинѣ (около 23 марта, см. арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I). Въ піитикѣ, по каталогу той же рукописи (л. 164—166), къ началу $17^{37}/_{38}$ учеб. г. должно было быть 64 человѣка; было же въ ней, по вѣдомости за этотъ годъ (арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. 1) 67 человѣкъ. По д. № 20 въ первомъ томѣ „Актовъ", собр. В. Асхоченскимъ, къ 1740 г. всѣхъ студентовъ въ Академіи было „до тысячи". По іером. Макарію („Истор. Кіев. дух. Акад.", стр. 103, примѣч. 3-е) и В. Асхоченскому (ч. 2-я, стр. 111), въ 1742 г. въ Академіи было 1234 студента; по вѣдомостямъ гораздо меньше (см. выше), а по подписямъ на присяжномъ листѣ 1742 года—студентовъ значится 940, (что болѣе близко къ вѣдомости), вмѣстѣ съ служителями—995, а со „всѣми чинами въ Братскомъ монастырѣ"—1184 (см. копію этого листа въ библ. Церк.-Археол. муз. при Кіевской дух. Академіи). Мы думаемъ, что и показанія іером. Макарія и Асхоченскаго не теряютъ своего значенія при существованіи даже указаннаго списка, потому что разница эта могла быть чисто случайнаго характера. Для этого слѣдуетъ сравнить подписи студентовъ богословія 1742 г. на присяжномъ листѣ со спискомъ ихъ въ рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. I. 1 13. 13, л. 116 на оборотѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, новыя фамиліи, а съ другой—недостатокъ названныхъ въ присяжномъ листѣ.

[1]) Въ вѣдомостяхъ, представлявшихся Академіею въ Св. Синодъ, указывалось мѣсто происхожденія только студентовъ—дѣтей священнослужителей (кромѣ вѣдомости за $17^{36}/_{37}$ годъ).

[2]) „Кіевская Старина" 1896 г., февраль, стр. 202.

[3]) Акты Кіево-Брат. учил. мон и Акад., собр. В. Аскоч.. т. I, д. № 27.

въ стѣнахъ Академіи во второй четверти XVIII в., когда стараніями митроп. Рафаила Заборовскаго Кіевская Академія въ учебно-образовательномъ отношеніи была поставлена на такую степень высоты (чрезъ введеніе въ ея курсъ изученія языковъ), на какой раньше она никогда не бывала.

Въ это время въ числѣ воспитанниковъ Академіи мы видимъ не только грековъ (іеродіакона Іосифа Саввича [1]), австрійскихъ и венгерскихъ сербовъ—ихъ было больше всѣхъ иностранцевъ—(напр., въ 1733 г. Іакова Іоанновича, Іоанна Поповича [2]), іерод. Діонисія Новаковича [3]), іером. Арсенія Иванова [4]), іером. Аввакума Ковачевича [5]), іером. Амвросія Лукина [6]), іером. Симеона Бѣлича [7]), Алексѣя Кертиса [8]), Богдана Петрова, Савву Дмитріева, Михаила Мирковича [9]), Ивана Дубровскаго, Ивана Дементьева [10]), іером. Моисея [11]), іером. Исаію Новаковича, Павла Вуича [12]), іером. Арсенія, іерод. Фоку, іером. Прохора изъ г. Петроварадина [13]), Іоанна Бочневича, сына священника изъ Венгерскаго города

---

[1]) Архивъ Кіев. дух. консисторіи, Реестръ 1749 г. № 96.

[2]) Архивъ Св. Синода, д. 1786 г., марта 26, № 212.

[3]) Арх. Кіев. дух. консист., д. 1737 г., № 20. (Онъ проучился съ 1726 по 1737 г. и возвратился на родину).

[4]) Ibid., д. 1751 г., № 92. (Онъ учился съ 1741 по 1751 г., и возврат. на родину).

[5]) Ibid., Реестръ дѣлъ канцеляріи Кіев. митроп. 1744 г., № 16.

[6]) Ibid., д. 1743 г. № 124.

[7]) Ibid., № 25.

[8]) Ibid., д. 1746 г., № 687.

[9]) Ibid., д. 1749 г., № 88 и реестръ дѣлъ канцеляріи Кіев. митроп. того же года № 144.

[10]) Ibid., реестръ дѣлъ канцеляріи Кіев. митроп. 1749 г., №№ 148 и 160.

[11]) Ibid., д. 1749 г., № 97 (Онъ поступилъ въ 1748 г. въ піитику изъ Переяславской семинаріи).

[12]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад. собр. В. Аскоченск., т. I, д. № 35.

[13]) Арх. Кіев. дух. консист., реестръ д. канцеляріи Кіев. митр. 1744 г. №№ 38, 41 и 44.

Бардиксимъ [1]), іерод. Арсенія Стойкова Тарбука [2]), но даже подданныхъ Венеціанской республики (напр., Константина Секура [3]).

Давая образованіе такому множеству православныхъ юношей, удерживая столькихъ изъ нихъ отъ поступленія въ латино-польскія учебныя заведенія, гдѣ за равноцѣнный свѣтъ знанія русскимъ людямъ почти всегда приходилось платить самымъ дорогимъ своимъ сокровищемъ—родною православною вѣрою (Вся система латино-польскихъ учебныхъ заведеній въ отношеніи къ православнымъ ученикамъ въ томъ и состояла, чтобы обращать ихъ въ католичество; для этого тамъ всякій профессоръ до той поры „roznemi sposobami męczyl" каждаго православнаго своего ученика, его религію „zchizmą urągal przeklętą; zbytecznemi okkupacyami, pensami, y innymi sposobami aggravowal" его и „toż samo y pan dyrector czynil" надъ нимъ, пока попавшіе въ подобное мучительство юноши, pudore, timore, dolore oppressi, volens-nolens не принимали католичество, лишь бы избавиться отъ несноснаго положенія [4]), Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка этимъ самымъ, безспорно, принесла неоцѣнимую услугу православной церкви. Но заслуги Кіевской Академіи этимъ далеко не ограничиваются: онѣ величественны и въ другомъ отношеніи. Въ лицѣ своихъ питомцевъ первой половины XVIII вѣка Кіевская Академія дала Православной церкви множество просвѣщенныхъ по тому времени пастырей [5]) и

---

[1]) Рукопись библ. Кіево-Михайловскаго мон. № 1710, л. 245—254, подъ № 54.

[2]) Арх. Св. Синода, д. 1735 г., окт. 20, № 275; сн. д. 1736 г., марта 26, № 212.

[3]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., соб. В. Аскоч., т. I, д № 21.

[4]) Такъ писалъ въ своемъ respons'ѣ на рефлексію анонимнаго католическаго автора, составленную послѣднимъ по поводу жалобъ православныхъ Варшавскому сейму въ 1753 г. на притѣсненія католиковъ, Михаилъ Козачинскій, архимандритъ Слуцкаго монастыря. (Респонсъ этотъ имѣется у насъ).

[5]) Напр., изъ 52 студентовъ, бывшихъ въ 1729 г. въ богословскомъ классѣ, уже къ 1734 году 16 было въ духовномъ санѣ. (Рукоп. библ. Иркут. дух

архипастырей, съ цѣлымъ рядомъ между ними великихъ борцовъ за православіе съ католичествомъ, напр., архимандритовъ Слуцкаго монастыря—Іосифа Оранскаго, Михаила Кавачинскаго, Досифея Галяховскаго, Давида Нащинскаго, настоятелей Виленскаго Свято-Духоваго монастыря—Амвросія Юшкевича, Сильвестра Добрину, Сильвестра Ляскоронскаго, бѣлорусскихъ епископовъ—Арсенія Берло, Іосифа Волчанскаго и особенно Георгія Конисскаго [1]), которые за одно со своею alma mater совершали великое дѣло охраненія и защиты православія.

Блестяще выполняя такимъ путемъ свою православно-религіозную миссію, Кіевская Академія, будучи въ первой половинѣ XVIII вѣка высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, своими многочисленными учениками оказала и величайшую просвѣтительно-образовательную услугу нашему отечеству, пробудившуюся въ то время къ свѣту науки и знанія, и отчасти даже единовѣрнымъ намъ славянскимъ народамъ.

Лучшихъ учениковъ Академіи въ то время на расхватъ требовали всѣ концы Россійской имперіи.

Даже Московская Академія и Харьковскій коллегіумъ, поставленные въ болѣе благопріятныя условія существованія, чѣмъ Кіевская Академія,—и тѣ не могли обойтись въ учебномъ отношеніи безъ ея помощи и содѣйствія.

„Съ 1704 года до временъ Платона митрополита Московская Академія большею частью имѣла наставниковъ изъ Кіева,

---

семинаріи, № 4, л. 107 на оборотѣ; См. „Труды Кіев. духов. Акад.", 1892 г., т. 3, стр. 308—309). И вообще значительная часть студентовъ Академіи всегда принимала этотъ санъ.

[1]) „Бѣлоруссія и Литва", изд. П. Н. Батюшкова, 1890 г., стр. 297. Свѣдѣнія о болѣе знаменитыхъ дѣятеляхъ, вышедшихъ изъ воспитанниковъ Кіевск. Академіи первой половины XVIII в., есть у В. Аскоченскаго въ его „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею". Разумѣется, эти свѣдѣнія должны быть восполнены и исправлены на основаніи документовъ, отчасти обнародованныхъ послѣ труда В. Аскоченскаго, а отчасти еще не изданныхъ

которые въ преподаваніи слѣдовали учебнымъ руководствамъ кіевскимъ, и ввели въ жизнь Академіи порядки, изстари заведенные въ Кіевѣ, словомъ, сообщили ей свой духъ, свое направленіе",—такъ говоритъ историкъ Московской Академіи С. Смирновъ [1]). На первыхъ порахъ для ускоренія образованія Московская Академія даже выписывала учениковъ изъ Кіевской. Такъ, 13 апрѣля 1702 г. туда уѣхали, очевидно, по приглашенію м. Стефана Яворскаго [2]), ученикъ философіи Іоасафъ Томиловичъ, ученикъ риторики Петръ Стрепковскій, ученики піитики: Стефанъ Левандовскій, Іоаннъ Нагирнѣчевскій, Іоаннъ Прибиловичъ, ученикъ синтаксимы

---

[1]) „Исторія Москов. Слав.-Грек.-Латин. Академіи, Москва, 1855, стр. 81. Въ архивѣ Св. Синода, между прочимъ, въ дѣлѣ 1734 г., № 369/Б. выведено на справку, сколько вызвано изъ Кіева, со времени учрежденія Св. Синода, ученыхъ монаховъ въ Московскую Академію. Тутъ указаны за 1721 г. *Германъ Копцевичъ*, *Іеронимъ Конецкій*, *Софроній Мигалевичъ*, *Іустинъ Рудзинскій*; за 1724 г. *Исакій Хмарный*, *Паисій Тыніовскій*, *Серафимъ Иллевичъ*; за 1727 г. *Иннокентій Нероновичъ*, *Сильвестръ Шумскій*, монахъ (вѣроятно, Лука) *Конашевичъ*, за 1732 г.—префектъ *Стефанъ Калиновскій*, учитель философіи *Антоній Кувечинскій*. (Въ архивѣ Кіево-Печерск. Лавры, въ 1-й связкѣ дѣлъ, „въ вѣдомости сколько іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ прошлаго 1732 по 1737 г. по апрѣль мѣсяцъ умерло и избѣгло въ великой Кіево-Печерской Лаврѣ и въ подсудныхъ къ той монастырѣхъ", на л. 289 сказано, что іеромонахъ Антоній Кувечинскій взятъ, по синодальному указу, изъ Кіево-Печерской Лавры въ Московскую Академію въ 1733 г.) и проповѣдникъ *Діонисій Раковскій*. Все это питомцы Кіевской Академіи. До 1721 г. *точныхъ* извѣстій о дѣятеляхъ изъ кіевлянъ въ Моск. Академіи нѣтъ почти. Знаемъ, напр., что съ 1709 г. по 1714 г тамъ учительствовалъ питомецъ Кіев. Акад. іером. *Іоакимъ Богомодлевскій*. (Моск. Арх. Мин. Иностр. Д., д. Малорос., 1714 г., № 23). Въ 1739 г. былъ вызванъ изъ Кіево-Печерск. Лавры въ Московскую Академію воспитанникъ Кіев. Академіи, іеродіаконъ *Самуилъ Рубчаковскій*. (Арх. Кіево-Печерск. Лавры 1-я связка дѣлъ № 432). Другія указанія о лицахъ, вызванныхъ изъ Кіева въ Моск. Академію за время отъ 1721 по 1730 г., имѣются въ вѣдомости Моск. Акад., помѣщен. въ X томѣ „Описан. документ. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода".

[2]) „За повадомъ ближнихъ своихъ сродниковъ, тамъ при князяхъ, боярахъ и иныхъ панахъ зостаючихъ и за писаніемъ учителей тамошнихъ" (см. слѣд. примѣч.).

Аѳанасій Корчевскій, и ученики грамматики: Василій Зборовскій, Григорій Павловскій, Илья Комаринскій и Іоаннъ Скринскій [1]). И въ позднѣйшее время часто вмѣстѣ съ учителями переходили изъ Кіевской Академіи въ Московскую и ученики; такъ, напр., въ 1733 году вмѣстѣ съ префектомъ Стефаномъ Калиновскимъ выбылъ туда, по окончаніи философіи, Григорій (впослѣдствіи кіевскій митрополитъ Гавріилъ) Кременецкій [2]), въ 1736 г. положившій вмѣстѣ съ Андреемъ

---

[1]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 461, л. 384—385. Тутъ, въ числѣ упражненій, выписанъ, для подражанія, такой документъ (Patens imitationis causa):

„Всѣмъ обще еже о Христѣ православнимъ мира, здравія и долгоденствия отъ всемогущаго Владики Господа: при залѣценю наволнихъ услугъ и недостойнихъ молитвъ нашахъ увичивши, а особливе ихъ милостямъ П: паномъ властителемъ и всѣмъ всякого чину людемъ, а особливе ихъ милостямъ, которимъ о томъ вѣдати належатъ, на достоинствахъ такъ въ Малой, яко и въ великой Россіи зостаючимъ извѣстно творимъ, ижъ оказателие писания сего студенти Коллегіумъ нашего Киево-Могилиянскаго Братскаго, именно Іоанъ Томиловичъ зъ школи фолисофии, Петръ Стрепковски зъ школи Реторики, Стефанъ Левандовскій, Іоанъ Нагирнѣчевскій, Іоанъ Прибиловъ зъ школи поетики; Афтанасій Корчевскій зъ школи синтачини; Василій Зборовскій, Григорій Павловскій, Илия Комаринскій, Иоанъ Скринскій зъ школи грамматики время немало въ цвѣченю наукъ визволіонихъ во всемъ искусгѣ и богодѣйственнѣ пребивши во всякихъ надлежащихъ до себѣ добродѣтелехъ и учтивостехъ заховуючихься отходяще за благословеннемъ всѣхъ насъ въ царствующій великій градъ Москву, то за повабомъближних своихъ сродниковъ тамъ при князахъ, болярахъ и иннихъ панахъ зостаючихъ и за писаннемъ учителей тамошнихъ, то аби удобнѣйшимъ способомъ могли доступити наукъ болшихъ. Чесо ради яко о достойнихъ всякой вѣри звишименованихъ младенцехъ не токмо должное воздаемъ свѣдителство, но и о всемъ смиренно ласкъ вашихъ молитвуемъ, даби онимъ всюдѣ волни и невозбранни билъ проходъ и милостивое во всемъ призрѣніе, яко странникъ, било. Извѣстнѣйшаго же ради пишеннихъ утвержденія созволихомъ дати имъ свѣдителствованное сие писаніе з валдою печатию минстира нашего Братцкаго Киевскаго и подписаніемъ власной руки нашой утвержденное.

Року 1702 мца Априля дня 13.

Іннокентій Поповскій префектъ школъ Брацкихъ Киевскихъ рукою власною".

[2]) Арх. Кіев. дух. консист., черновая замѣтка между дѣлами 1770 года. Эта замѣтка вошла въ составъ статьи о Кременецкомъ помѣщ. въ „Кіев. Епарх.

Степановичемъ Зертисъ-Каменскимъ, тоже ученикомъ Кіевской Академіи (завершившимъ свое образованіе во Львовской), начало прочному устройству С.-Петербургской Невской семинаріи [1]).

Харьковскій коллегіумъ, основанный ученикомъ Кіевской Академіи, епископомъ Бѣлгородскимъ Епифаніемъ Тихорскимъ, въ изслѣдуемое нами время тоже почти всѣхъ своихъ начальниковъ и наставниковъ имѣлъ изъ питомцевъ Кіевской Академіи (напр., ректоровъ—Платона Малиновскаго [2]), Митрофана Слотвинскаго, префектовъ—Иларіона Григоровича, Кирилла Флоринскаго, Аѳанасія Топольскаго, Стефана Витынскаго и др.) [3]), нерѣдко привлекая ихъ къ себѣ еще со студенческой скамьи для окончанія образованія

Вѣдом." 1899 г., № 2. Свящ. Н. Стеллецкій (см. его „Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г.", стр. 49—50) напрасно считаетъ Кременецкаго ученикомъ Харьковскаго коллегіума, гдѣ Кременецкій, по подробнымъ біографическимъ указаніямъ обозначенной нами замѣтки, никогда не былъ.

[1]) „Первоначальная исторія СПБ. Александро-Невской Академіи (1721—1740 г.)". въ „Христіанскомъ чтеніи" 1853 г., ч. 2, стр. 483—486. (Свѣдѣнія о Кременецкомъ и Зертисъ-Каменскомъ см. у В. Аскоченскаго, въ его „Кіев. съ древн. его училищ. Академіею, ч. 2, стр. 50 и 62). Зертисъ-Каменскій учился въ Кіев. Академіи съ 1720 по 1728 г.; затѣмъ, въ Польшѣ до 1733, и, наконецъ, съ ноября 1733 по 1735 г: въ Москвѣ. (Арх. Св. Синода, д. 1734 г., № ³⁶⁹/Б.).

[2]) Въ 1-й связкѣ дѣлъ въ Архивѣ Кіево-Печерск. Лавры есть такое (неизвѣстное историкамъ Харьковской семинаріи) письмо (отъ 24 іюля 1728 г.) кн. Михаила Голицына къ Кіево Печерскому архимандриту: „По прибытіи моемъ нынѣ въ Бѣлгородъ, просилъ меня преосвященный Епифаній, еп. Бѣлогородскій, къ вамъ о(бъ) инстанціи въ томъ, понеже надѣюсь и вашей превелебности небезызвѣстно, что начатая школа въ Харьковѣ уже приходитъ ко окончанію, гдѣ имѣетъ быть и экономиста, дабы васъ просить о присылкѣ къ той школѣ обрѣтающихся въ Свято-Печер. Кіев. Лаврѣ изъ трехъ персонъ кого вы за благо изберете: брата вашего, или Негребецкаго, или Платона Малиновскаго. Того ради и я Вашей превелебности, яко давняго моего благодѣтеля, прошу изъ оныхъ приказать отправить, дабы та зачатая школа чрезъ и ваше стараніе не оставлена была, ибо вы не безызвѣстны, что при его катедрѣ способныхъ къ тому монаховъ не обрѣтается".

[3]) Н. Стеллецкій „Харьковскій коллегіумъ до преобраз. его въ 1817 г., стр. 27—28, 37—38.

уже въ немъ (въ числѣ такихъ, между прочимъ, можно отмѣтить Алексѣя впослѣдствіи Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, перешедшаго въ Харьковскій коллегіумъ въ 1727 г.)[1]).

Что же касается другихъ учебныхъ заведеній („школъ при архіерейскихъ домахъ", коллегіумовъ, семинарій) того времени, то почти всѣ они, безъ исключенія, какъ возникшія до изданія Духовнаго Регламента, начиная съ Черниговскаго коллегіума, перваго отпрыска Кіевской Академіи[2]), такъ въ особенности послѣ него, обязаны были Кіев. Академіи и своимъ устройствомъ и своими учителями, которыхъ они всегда отсюда вызывали, испрашивая на это нерѣдко разрѣшенія у Св. Синода. Напр., 22 февраля 1727 года такое разрѣшеніе было дано вышеупомянутому Епифанію, еп. Бѣлгородскому[3]). 21 октября 1728 г. его получили только что возникшія Смоленскія „школы„[4]), и уже 21 марта 1729 года въ Смоленскъ прибыли изъ Кіева окончившіе богословскій курсъ: Павелъ Маковецкій, Владиміръ Любарскій и Өеодоръ Павловскій[5]). И во весь изслѣдуемый нами періодъ требованія учителей въ Смоленскъ не прекращались; напр., въ 1738—1739 г. здѣсь изъ Кіева былъ учитель піитики Серапіонъ Лехницкій[6]), и еще въ это время были отправлены сюда, по требованію Смоленскаго епископа Гедеона, Іоасафъ Гортинскій, Симеонъ (Сисой) Шмигельскій, Іоаннъ

---

[1]) Ibid., стр. 49.

[2]) „Черниգов. Епарх. Вѣдомости", 1870 г., № 20, Прибавл. „Первые годы существованія Черниגов. семинаріи" Н. Докучаева, стр. 406 и далѣе.

[3]) Полн. собраніе постановл. и распор. по вѣд. прав. испов. Росс. имп., т. V, № 1911.

[4]) Ibid., т. VI, № 2178.

[5]) Ibid., № 2212.

[6]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, стр. 97 (см. И. Сперанскаго „Очеркъ исторіи Смоленской дух. сем.", Смоленскъ, 1892 г., стр. 26—30); Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, л. 209—318.

Скабовскій и Мелхиседекъ Богдановичъ [1]); въ 1743 г.— былъ присланъ Титъ Русичевскій [2]); въ 1749 г.—Кондратъ Соколовскій и Петръ Скраговскій [3]); и въ 1750 г. нѣсколько человѣкъ [4]), съ Мануиломъ Базилевичемъ [5]) во главѣ.

Разумѣется, снабжать своими питомцами учебныя заведенія, близкія разстояніемъ къ Кіеву (какъ Черниговскій и Харьковскій коллегіумы, Переяславскую семинарію [6]) и т. п.), Академіи было сравнительно легко: воспитанники ея ѣхали туда охотно. Труднѣе оказывалось уговаривать ихъ отправляться „въ званіе учительское“ на дальній сѣверъ и за предѣлы родной Руси. И тѣмъ не менѣе Академія всегда почти возбуждала въ нихъ полную готовность послужить великому дѣлу народнаго просвѣщенія и тамъ; они, оставляя свое смущеніе предъ дальнимъ краемъ и долгимъ путемъ усердно несли и туда свѣтъ пріобрѣтенной ими въ Академіи науки, озаряя имъ мракъ областей, жаждавшихъ и искавшихъ научнаго просвѣта.

Къ сожалѣнію, слишкомъ мало сохранилось точныхъ свѣдѣній о просвѣтительныхъ услугахъ со стороны Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія сѣверу Россіи и нѣкоторымъ славянскимъ государствамъ. Извѣстно, напр., что въ 1702 году нѣсколько студентовъ Академіи было послано въ Сибирь, по просьбѣ Филоѳея, митрополита сибирскаго и тобольскаго, для обученія въ тамошнихъ шко-

---

[1]) Ibid., д. д. №№ 7, 10 и 16 (Богдановичъ въ 1744—48 г.г. былъ старшимъ игуменомъ Виленскихъ монастырей).

[2]) И. Сперанскій, стр. 28; см. выше, списокъ учителей.

[3]) Архивъ Смоленской духов. консист., д. 1749 г., № 149.

[4]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 36.

[5]) Рукоп. библ. Смоленской дух. семин., № 868; см. „Смолер. Епарх. Вѣдом.“ 1897 г., № 3, стр. 16.

[6]) „Кіевская Старина“ 1888 г., № 10, „Ученики переяславской славяно-латинской школы“; см. Архивъ Кіевской дух. консист., д. 1746 г., 2 сентября (объ учителѣ Симеонѣ Прокоповичѣ).

лахъ [1]); въ 1740 году снова было отправлено туда митроп. Рафаиломъ Заборовскимъ двое, по просьбѣ тобольскаго митроп. Никодима [2]). Въ мартѣ 1736 года, по просьбѣ еп. Амвросія Юшкевича, былъ отправленъ въ *Вологду* студентъ Андрей (въ монашествѣ Ааронъ) Чайковскій и др. [3]). —8 февраля 1733 г. былъ посланъ въ *Псковъ* изъ Кіево-Печерской Лавры воспитанникъ Кіевской Академіи іером. Варлаамъ Косачъ [4]); 6-го іюня 1737 г. отпущенъ туда же студентъ богословія Григорій Андріевскій [5]). Первымъ учителемъ семинаріи въ *Переяславѣ* Рязанскомъ въ 1728—29 г.г.

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1893 г., сентябрь, документы, извѣстія и замѣтки, стр. 139, гдѣ говорится объ указѣ Петр. Вел. отъ 10 августа 1702 г. о пропускѣ лицъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ отъ митроп. Филоеея за покупкою церковныхъ вещей и книгъ грамматическихъ „и *для взятя* исъ Кіева черныхъ монаховъ и спеваковъ и *студентовъ*“ (Ср. „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.“, Знаменскаго, стр. 23—26).

[2]) Арх. Кіев. духовной конс. „Реестръ дѣлъ повѣту генералнаго, вшедшихъ въ канцелярію Его Преосвященства, заведенный 1740 г. съ мѣсяца генваря“, гдѣ, подъ № 91, значится поступившимъ „писаніе митр. тобольскаго Никодима объ отпускѣ зъ Академіи Кіевской двохъ учителнихъ какихъ студентовъ въ оную Тобольскую епархію для обученія школъ“, при чемъ сдѣлана помѣта: „отпущено подъ № 85 сего 1740 г.“.

[3]) Вологод. Епарх. Вѣдом., 1865 г., стр. 304—5; см. Арх. Св. Пр. Синода д. 1734 г., № 369/Б, гдѣ. въ просьбѣ Амвросія, еп. Вологодскаго, въ апрѣлѣ 1738 г., о разрѣшеніи постричь въ монашество Андрея Васильева Чайковскаго, говорится, что Чайковскій (сынъ шляхетскій, родомъ изъ деревни Чайковицы, Самборскаго уѣзда, Польской націи) съ 1715 г. учился въ Львовѣ, „въ латинской школѣ, и послѣ оной, прошедъ прочія науки, слушалъ богословіе въ кіевскихъ училищахъ и окончилъ подъ учителемъ Кіево-Печерскаго монастыря архимандритомъ Иларіономъ Негребецкимъ“.

[4]) Арх. Кіево-Печер. Лавры, 1-я связка дѣлъ, „Вѣдомость, сколько іеромонаховъ и монаховъ прошлаго 1732 по 1737 г.... умерло и избѣгло въ великой Кіево-Печер. Лаврѣ“.. Тутъ, между прочимъ, сказано: 1733 г. февраля 8 іером. Митрофанъ Косачъ, по указу изъ Св. Синода, къ преосв. Варлааму, архіеп. Псков. и Нарвскому, для обученія дѣтей латинскаго языка отъѣхалъ“.

[5]) Акты Кіево-Брат учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 6; см. Арх. Св. Пр. Синода, д. 1740 г., февр. 26, № 190, гдѣ есть указаніе, что Андріевскій въ Псковскихъ славяно-латин. школахъ учительствовалъ съ 1737 года.

былъ Кирьякъ Кондратовичъ [1]), состоявшій долгое время въ срединѣ XVIII столѣтія переводчикомъ при Академіи Наукъ. Въ 1740 г. былъ посланъ въ *Рязань* „для обученія въ новоучрежденной тамошней Академіи школъ“ философъ Кондратій Григоровичъ [2]). Въ 1741 г. высланъ въ *Новгородъ* Іаковъ Блонницкій [3]). Въ 1742 г. нѣсколько человѣкъ было отправлено въ *Вятку* [4]). Въ 1743 году въ *семинарію*, заведенную въ 1742 году (по синодальному указу) [5]) *въ Троице-Сергіевой Лаврѣ*, былъ посланъ іеродіаконъ Геласій Маляховскій [6]); въ томъ же году и тамъ же былъ

---

[1]) См. подробныя свѣдѣнія о немъ въ „Библіографическихъ Запискахъ“ за 1858 г., № 8.

[2]) Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ дѣлъ канцеляріи кіев. митроп. 1740 г., гдѣ подъ № 733 отъ 6 іюля, занесено „писаніе къ преосвящ. Рязанскому съ посылкою ученика школы философіи Кондрата Григоровича для обученія въ новоучрежденной тамошней Академіи школъ“, и подъ № 738 (отъ 7 іюля) обозначена выдача этому Григоровичу паспорта.

[3]) С. Смирновъ. „Исторія Московъ. Сл.-Гр.-Лат. Акад.“, стр. 220—221. (Въ 1743 г. Блонницкій—онъ былъ іеромонахомъ Мгарскаго монастыря—отправленъ былъ въ Москву учить греческому языку. Арх. Св. Пр. Синода д. 1743 г., іюля 21, № 293). Раньше былъ посланъ въ *Новгородъ* Иннокентій Мигалевичъ, въ 1741—42 учеб. году состоявшій уже префектомъ и учителемъ піитики въ Новгородской семинаріи (Арх. Св. Пр. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV). Позже, предъ 1749 годомъ, тамъ учительствовалъ воспитанникъ Кіевской Академіи *Игнатій Чишкевичъ* (3 сентября 1749 г. письмомъ изъ Москвы Арсеній, архіеп. Переяславскій, просилъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры прислать къ нему въ семинарію находившагося въ ту пору въ Печер. Лаврѣ Чишкевича, *бывшаго учителемъ въ Новгородѣ*. Письмо это см. въ архивѣ Кіево-Печер. Лавры, въ 1-й связкѣ бумагъ, л. 154. (На письмѣ помѣчено: „посланъ“). Тамъ же, л. 155, есть письмо того же архіепископа изъ Петербурга отъ 14 февраля 1750 г. къ Лавр. архим. съ благодарностью за присланнаго Чишкевича.

[4]) Арх. Кіев. дух. конс., реестръ дѣлъ канцел. Кіев. митроп. за 1742 г., гдѣ подъ № 1322 означено: „писаніе до преосвящ. епископа Вятскаго и Великопермскаго отвѣтное на требованіе изъ ученыхъ Академіи Кіевскія людей“.

[5]) Архивъ Св. Пр. Синода, д. 1742 г., авг. 31, № 589.

[6]) Арсеній, еп. Переяславскій, письмами отъ 9 іюля 1743 г. и отъ 3 августа того же года къ архим. Кіево-Печер. Лавры просилъ выслать къ нему двухъ (хотя бы и мірскихъ) человѣкъ, годныхъ къ ученію риторическому и піитиче-

учителемъ питомецъ Кіевской Академіи Симеонъ Ивановъ Метенскій [1]); въ 1749 г. посланъ былъ въ ту же семинарію Игнатій Чишкевичъ [2]). Въ 1742 году посланъ былъ въ *Тверь* на учительство въ тамошней симинаріи вышеупомянутый Симеонъ Метенскій [3]); въ 1746 г. въ этой семинаріи преподавалъ риторику іерод. Спиридонъ Лазаревичъ [4]); тамъ же и въ томъ же году учительствовалъ іером. Порфирій

скому (см. 1-е письмо во 2-й и 2-е въ 1-й связкѣ бумагъ въ архивѣ Кіево-Печ. Лавры). Лаврскій архимандритъ отправилъ іеродіакона *Геласія Маляховскаго* (онъ—въ мірѣ Григорій—былъ шляхетскій сынъ изъ польскаго мѣстечка Паволочи; родился въ 1711 г., въ монашество постриженъ въ Кіево-Печ. Лаврѣ въ 1741 г.; ibid., 1-я связка, л. 679), „который въ Академіи Кіевской, философскаго ученія слушалъ"; обѣщая въ своемъ письмѣ прислать еще іером. Іоанникія Соколовича, „богословіи слушавшаго" (ibid., 1-я связка лл. 116 и 117).

[1]) Въ Арх. Кіево-Печ. Лавры есть прошеніе Метенскаго (отъ 12 ноября 1743 г.) о постриженіи его въ монашество. Метенскій, какъ видно изъ этого прошенія (онъ въ прошеніи именуетъ себя Симеономъ Іоанновичемъ, имѣющимъ 32 года отъ роду. Метенскимъ называетъ его архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Кириллъ въ паспортѣ, выданномъ 12 іюня 1743 г.), родился въ польскомъ городѣ Дрогобичѣ, съ молодыхъ лѣтъ обучался въ Кіев. Академіи, одинъ годъ слушалъ богословіе; затѣмъ, кіевскимъ митрополитомъ былъ посланъ въ *Тверскую семинарію* для обученія латинскаго діалекта, гдѣ обучалъ синтаксиму и піитику въ 1742 г., а въ 1743 г. былъ позванъ для заводу семинаріи въ Троице-Сергіев. монастырь, откуда и пріѣхалъ въ Кіевъ для постриженія въ монашество (1-я связка дѣл.).

[2]) См. выше примѣчаніе къ рѣчи объ Іаковѣ Влонницкомъ.

[3]) См. выше.

[4]) 26 октября 1746 г. намѣстникъ Кіево-Печ. Лавры на письмо (отъ 25 окт.) Кіев. митр. Тимоѳея Щербацкаго о высылкѣ изъ Лавры въ Академію на учительство въ синтаксическомъ классѣ, іерод. Спиридона Лазаревича, отвѣтилъ, что „когда *(было)* объявлено (Лазаревичу о распоряженіи митрополита), то онъ (Лазаревичъ) представилъ, что онъ, бывши въ *Тверской Академіи* (сюда онъ былъ посланъ 8 марта 1746 г. Такъ мы думаемъ потому, что въ вѣдомости Кіево-Печ. Лавры за 1746 г.,—см. ее во 2-й связкѣ бумагъ въ Лаврскомъ архивѣ,—значится: „8 марта іерод. Спиридонъ посланъ въ Тверь учить риторику") *давалъ риторику*, да и въ Москвѣ, въ Московской Академіи, въ переѣздъ его изъ Твери, оставливанъ для преподаянія поэтики, и нынѣ де онъ здѣсь (въ Кіевской Академіи) риторику давать можетъ, а синтаксимы не можетъ". (Архивъ Кіево-Печ. Лавры, 1-я связка бумагъ, л. 142 и 143).

Падуновскій [1]). Въ 1749 г. отправленъ во *Владиміръ* іером. Гедеонъ Новопольскій [2]).

Въ 1750 г. были посланы на учительство въ *Тверскую* семинарію монахъ Пахомій Кувѣчинскій (28 марта) и іерод. Иларіонъ Грабовіецкій (25 іюня) [3]).

Въ 1739 г. посланъ былъ въ *Коломну* іером. Никодимъ Родзѣнскій [4]).

14 января 1750 г., по просьбѣ еп. Луки Конашевича, были посланы въ *Казань* богословы Өеодоръ Игнатовичъ и Леонтій Кременецкій [5]). А сколько именъ питомцевъ Кіевской Академіи, потрудившихся на пользу просвѣщенія въ

---

[1]) Архивъ Кіево-Печер. Лавры, 2-я связка бумагъ, вѣдомость 1746 г., гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „іером. Константинъ Бродскій 17 іюля посланъ въ Московскую Академію; іером. *Порфирій Падуновскій* 5 сентября посланъ въ учителя въ *Тверь*, по письму Митрофана, архіепископа Тверского; 20 ноября Арсеній Піонтнѣцкій, по синодальному указу къ митроп Рафаилу, посланъ преподавать философію въ Покровскій *Харьковскій* монастырь".

[2]) Арх. Кіево-Печер. Лавры, 1-я связка бумагъ, л. л. 149—151, гдѣ есть письмо (отъ 5 мая 1749 г.). Платона, еп. Владимірскаго, къ Лаврскому архимандриту, съ просьбою выслать во Владиміръ, „въ семинарію, вновь многотрудно заводящуюся", хотя одного человѣка, и къ кіев. губернатору о выдачѣ паспорта Гедеону Новопольскому, отправляющемуся въ Москву къ преосвящен. Владимірскому.

[3]) Архивъ Кіево-Печ. Лавры, 1-я связка бумагъ, л. л. 163—165 (письма Митрофана, архіеп. Тверск. къ Кіево-Печерск. архим. отъ 20 янв. и 23 февр. 1750 г.; помѣта на 1-мъ письмѣ о высылкѣ Кувѣчинскаго; и паспортъ Грабовіецкому на проѣздъ въ Тверь).

[4]) Архивъ Кіево-Печер. Лавры, 1-я связка бумагъ. Тутъ, въ записахъ о монахахъ, выбывшихъ въ *1739 г.* изъ Лавры, читаемъ: „августа 17 іерод Арсеній Піонтнѣцкій, по указу, посланъ въ Смоленскъ въ тамошнія латинскія школы; іерод Самуилъ Рубчановскій посланъ въ Москов. Академію; въ *декабрѣ іером. Никодимъ Родзѣнскій, по указу, посланъ въ Коломну;* см. л. 432.

[5]) Архивъ Кіев. дух. конс., д. 1750 г., № 7. Раньше въ *Казани* учителями бывали студенты Кіев. Академіи, напр., въ 1738 г.—Василій (въ монашествѣ Веніаминъ) Григоровичъ и Стефанъ Гловацкій (Арх. Св. Синода, д. 1737 г. № 380, т. I, вѣдомость о Казанской семинаріи); около 1741—2 г. Филиппъ Скаловскій (ibid., д. 1741 г., декаб. 28, № 512); въ 1751 г. туда были посланы окончившіе въ 1748 г. Академію Филиппъ Ядрыло и Григорій Халчинскій (ibid.).

разныхъ мѣстахъ нашего отечества, скрыто временемъ, мало разобранными и не обнародованными документальными памятниками первой половины XVIII столѣтія![1])...

Еще менѣе мы можемъ сказать о питомцахъ Кіевской Академіи того времени, которые заносили сѣмена ея просвѣщенія къ родственнымъ намъ славянскимъ племенамъ. На первыхъ порахъ, послѣ приглашенія ихъ, напр., въ Сербію въ 1721 г. тамошнимъ митрополитомъ Моисеемъ Петровичемъ, они не рѣшались (конечно, по уважительнымъ матеріальнымъ причинамъ) отправляться на далекую чужбину [2]), но, затѣмъ, вѣроятно, успокоенные въ своихъ тревогахъ, ѣхали туда уже не безъ удовольствія, въ сознаніи величія предстоявшаго имъ дѣла. Изъ такихъ просвѣтителей извѣстны пока Михаилъ Козачинскій и Петръ Падуновскій съ нѣсколькими еще студентами [1]), отправленные въ Сербію, для заведенія тамъ училищъ, митроп. Заборовскимъ, по просьбѣ

---

¹) Нѣкоторыя свѣдѣнія о питомцахъ Кіевской Академіи первой половины XVIII столѣтія, потрудившихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи на школьномъ поприщѣ, можно найти въ трудахъ Знаменскаго („Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.“), Пекарскаго („Наука и литература при Петрѣ Великомъ“), И. Чистовича („Ѳ. Прокоповичъ и его время“), и въ спеціальныхъ исторіяхъ духовныхъ семинарій и академій.

²) Полное собраніе постановл. и распор. по вѣдом. правосл. испов. Росс. имперіи, т. II, № 610, стр. 271 и д.

³) См. принадлежащее намъ письмо Мануила Козачинскаго къ митр. Заборовскому изъ Карловцевъ отъ 22 августа 1735 г. Тутъ Козачинскій подписался префектомъ славяно-латинскихъ Карловѣцкихъ школъ, а Петръ Падуновскій учителемъ піитики и синтаксимы. См. свѣдѣнія о Козачинскомъ въ статьѣ: „записка (у краткомъ изводу) изъ рукописне кньиге Іоанна Раича, архимандрита, подъ именемъ: Точное изображеніе катихисма“... (напечатанной въ сербскомъ альманахѣ „Голубица“ за 1840-й г., ч. 1, отд. 1, гл. 6, стр. 5 и 6). Въ бытность свою въ Карловцахъ М. Козачинскій, между прочимъ, написалъ (по обязанности профессора) въ 1733 г.: „Трагедію сирѣчь печальную повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша пятаго и о паденіи сербскаго царства“. (Она была издана въ Сербіи въ 1798 г. Іованомъ Райчемъ; у насъ она напечатана профессоромъ А. И. Соболевскимъ въ XVI книгѣ „Чтеній Историческаго общества Нестора-Лѣтописца“, и отдѣльными оттисками, Кіевъ, 1901 г.

сербскаго епископа Викентія Іовановича (Свядновича) въ 1733 году [1]), и потрудившіеся тамъ нѣсколько лѣтъ [2]). О другихъ же, подобныхъ имъ и даже вмѣстѣ съ ними работавшихъ [3]) на пользу славянъ, студентахъ Кіевской Академіи того періода ничего неизвѣстно; неизвѣстны и ихъ имена, кромѣ одного—Симеона Тодорскаго, $1^1/_2$ года состоявшаго учителемъ у венгерскихъ грековъ (около 1737—8 г.г.) [4])...

Такъ щедро распространявшая лучи своего просвѣщенія на всѣхъ, искавшихъ его, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, нужно замѣтить, никогда не закрывала своихъ дверей для такихъ воспитанниковъ, которые съ малымъ успѣхомъ или съ недостаточнымъ усердіемъ усвояли сообщавшіяся имъ ею познанія. Предписаніе инструкціи митр. Рафаила Заборовскаго увольнять изъ Академіи учениковъ, оказывающихся до того тупоумными, что отъ нихъ никакой пользы не можетъ ожидать ни церковь, ни отечество [5]), едва-ли имѣло у нея свою силу. По крайней мѣрѣ, частыя (напр., въ приводимомъ нами въ X приложеніи къ настоящему изслѣдованію отрывкѣ изъ вѣдомости 1736-го года, отзывѣ Георгія Конисскаго объ успѣхахъ Іоанна Вышневскаго [6]), и др.) аттестаціи многихъ воспитан-

Въ дѣлѣ архива Св. Пр. Синода 1736 г. марта 26, № 212, есть показаніе сербскаго іеродіак. Арсенія (учившагося въ 1736—36 г. въ Кіев. Академіи), что онъ, по порученію бѣлградскаго митрополита Викентія Іоанновича, уѣхалъ изъ Кіева въ Сербію 25 авг., 1733 г., „поднявъ съ собою самовольно пожелавшихъ ѣхать въ Сербію для ученія латинскаго языка людей зъ кіевскихъ школъ, имянно: Мануила (мірское имя) Козачинскаго, слышателя богословіи; и Петра Падуновскаго, слышателя философіи, *съ протчими студентами*“:

[1]) Арх Св. Синода, д. 1736 г., марта 26, № 212. См. соч. Димитрія Руварацъ, у Земуну, 1886 г., стр. 12—45.

[2]) Ibid., см. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад. т. 1, д. № 23.

[3]) Ibid.

[4]) См. VII-е приложеніе къ нашему изслѣдованію.

[5]) Пунктъ X, см. у В. Аскоченскаго, ч. 2, стр. 105.

[6]) См. I-ю главу настоящаго изслѣдованія.

никовъ, что они ученія „лѣниваго“, „худаго„ и даже „безнадежнаго“, что иной изъ нихъ „прилежности въ ученіи никакой не показалъ“ [1]), — даютъ основаніе считать это предписаніе не исполнявшимся и думать, что Академія была довольно снисходительною къ своимъ малоуспѣвающимъ ученикамъ.

Большею частью студенты оставляли Академію сами или по болѣзни [2]); или вслѣдствіе матеріальной безпомощности [3]), или, вполнѣ возмужавъ, по влеченію къ самостоятельно-семейной жизни [4]); или же по другимъ обстоятельствамъ, и чаще всего—пріискивая себѣ должности въ гражданскомъ вѣдомствѣ [5]), болѣе заманчивомъ по своимъ матеріальнымъ выгодамъ, чемъ духовная служба того времени (Поэтому студенты, не имѣвшіе служить по духовному вѣдомству, преимущественно бросали Академію, прослушавши піитику и риторику). Академія же исключала только такихъ изъ своихъ студентовъ, которые совершали нетерпимыя уклоненія отъ исполненія ея нравственно-воспитательныхъ требованій.

Нравственное воспитаніе въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка въ значительной мѣрѣ было проникнуто религіозно-церковнымъ направленіемъ. Такой характеръ своему воспитанію Академія должна была сообщить уже въ виду своей основной жизненной задачи.

---

[1]) Архивъ. Кіев. дух. конс д. 1750 г., № 151.

[2]) Ibid. реестръ 1745., № 24, гдѣ отъ 25 февраля записано поступившимъ прошеніе ритора Василія Березовскаго „о увольненія его отъ ученій латинскихъ за болѣзнью“.

[3]) См. выше. Къ числу такихъ относятся, вѣроятно, absentes cito a schola (піитики) medietate Februarii (1737 г.) Андрей Козачинскій, Евстратій Барановичъ, Іоаннъ Росѣнскій старшій и Іаковъ Росѣнскій (рукоп. библ. Кіево-Михайлов. мон., № 1710, л. 166); и много другихъ.

[4]) Арх. Кіев. дух. конс, д. № 179, въ которомъ Петръ Яминицкій, учившійся въ Академіи съ 1746 по 1750 г., и дошедшій до философіи, пишетъ въ прошеніи митрополиту, что онъ—Яминицкій „съ принужденія родителки, зъ дѣвицею бракомъ сочетался“.

[5]) Архивъ Кіев дух. консист., д. 1749 г., № 135 и мн. др.

Имѣя цѣлью своего существованія—отвлекать православныхъ юношей отъ латино-польскихъ іезуитскихъ и піарскихъ школъ, гдѣ вся задача воспитанія сводилась единственно къ тому, чтобы дѣлать своихъ питомцевъ усерднѣйшими слугами католической церкви, Академія, въ прямой противовѣсъ этимъ школамъ, свое воспитаніе должна была направить къ тому, чтобы ея студенты становились непоколебимо вѣрными и беззавѣтно преданными чадами церкви православной. Для достиженія такой воспитательной задачи (помимо, разумѣется, теоретическихъ доказательствъ студентамъ въ учебныхъ курсахъ величія и святости православія и его превосходства надъ католичествомъ и протестантствомъ), Академія воспользовалась отчасти тѣми же средствами, какими владѣли для своихъ цѣлей латино-польскія школы; но только—примѣнительно къ православію.

Главнымъ подобнымъ воспитательнымъ средствомъ у нея (по примѣру католическихъ школъ [1]) были *конгрегаціи*, учрежденіемъ которыхъ у себя [2]) она наиболѣе успѣшно могла укрѣплять въ студентахъ религіозный православно-церковный духъ, такъ какъ конгрегаціи сильно привязывали ихъ къ православному храму съ его ученіемъ и богослуженіемъ.

---

¹) См. Historya szkól w Koronie i w Wielkem Księstwie Litewskim, I. Лукашевича, Познань, т. I, 1849 г., стр. 252—256 и дал.

²) Конгрегація введена въ Академіи Кіевскимъ митроп. Петромъ Могилою (См. „Описан. Кіево-Софійскаго собора" митр. Евгенія, прилож., стр. 213; сн. Н. И. Петрова „Кіев. Акад. во второй половинѣ XVII в., стр. 103 и д.; ср. „Опись имущества, принадлежащаго Кіевской дух. Академіи, недвижимаго и движимаго, составленную въ 1868 г.",—въ Правленіи Кіев. дух. Академіи; въ этой описи на оборотѣ 97 листа, подъ № 5, значится церковное блюдо, подаренное *конгрегаціи* 5 февраля 1635 г. Анастасіей Яковлевной); возобновлена же Іоасафомъ Кроковскимъ въ концѣ XVII в. (См. надпись на евангеліи конгрегаціонной церкви,—числящемся въ указанной описи академическаго имущества на 97 л., подъ № 3,—гдѣ Кроковскій названъ *Erector Congregationis... post Mogilam... primus*". Сн. Труды Кіев. Дух. Академіи, 1901, ноябрь, стр. 381—2, примѣч. 56).

Конгрегаціей называлось студенческое братство во имя Пресвятой Богородицы (Societas Mariana), которое въ изслѣдуемый нами періодъ въ Академіи дѣлилось на конгрегацію *большую* (major congregatio) или старшую, членами (sodales) которой были студенты богословскаго и философскаго классовъ, и *меньшую* или младшую (minor congregatio), состоявшую изъ студентовъ прочихъ классовъ.

Цѣль этихъ конгрегацій прямо въ томъ и полагалась, чтобы члены ея были неотступными сынами Православной церкви, преданными ей защитниками, до готовности „умрети, аще бы за сіе настояло“ [1]). Въ непреложной вѣрности такому высокому служенію члены конгрегацій, при своемъ вступленіи въ нихъ, давали клятвенное обѣщаніе [2]), обязываясь при этомъ, въ частности, быть подражателями своей Небесной Покровительницѣ въ Ея добродѣтеляхъ и благочестіи, руководя къ этому и другихъ; быть прилежными въ изученіи наукъ, чтобы дать отвѣтъ всякому вопрошающему о чести Богоматери; и быть усердными къ братству Ея имени (конгрегаціи съ конгрегаціонной церковью), по возможности споспѣшествуя этому братству или личными услугами, или матеріальными средствами [3]).

Конгрегаціонный храмъ (сперва Братскаго монастыря, а съ 1740 года уже собственный академическій, во имя Благовѣщенія) былъ предметомъ преимущественнаго вниманія членовъ конгрегацій: здѣсь они учились вѣрѣ и благочестію, тутъ они воспитывали свое усердіе къ православному храму, служа ему лично и вещественно.

Въ конгрегаціонномъ храмѣ студенты на малыхъ и великихъ *инструкціяхъ* въ воскресные дни [4]) изучали кати-

---

[1]) См. IV приложеніе къ настоящему труду.

[2]) См. VI приложеніе.

[3]) См. IV приложеніе.

[4]) Инструкція митрополита Заборовскаго, п. IX (Аскоч., ч. 2, стр. 104).

хизисъ и усвояли себѣ смыслъ свящ. Писанія; во время церковныхъ службъ изучали строй православнаго богослуженія и навыкали церковному чтенію и пѣнію.

Преподаванію катихизиса посвящалась *малая инструкція*, ведшаяся обычно учителемъ одного изъ младшихъ классовъ [1]) и бывшая, вѣроятно, довольно разнообразною по своему содержанію. По крайней мѣрѣ, для новопоступавшихъ въ члены конгрегаціи она излагалась, нужно думать, на первыхъ порахъ въ объемѣ „заповѣдей содалѣстомъ", съ указаніемъ имъ, между прочимъ, и ихъ обязанностей, какъ членовъ конгрегацій [2]): и уже, вѣроятно, становилась болѣе обширною для студентовъ старшихъ, соотвѣтственно степени усвоенія ими катихизическихъ понятій за время по поступленіи въ Академію [3]).

На *великой инструкціи* студентамъ старшихъ классовъ толковалось и изъяснялось свящ. Писаніе Новаго Завѣта, на основаніи твореній св. отецъ [4]). Велась эта инструкція, „по обычаю академѣйскому" [5]), большею частью учителями высшихъ школъ богословіи, философіи и восточ. языковъ [6]), иногда же и учителемъ риторики, который собственно, нося обязанности „конгрегаціоннаго патерства", и былъ главнымъ

---

[1]) Архивъ Кіев. духов. консист., д. 1739 г. № 11.

[2]) См. IV и V прилож. къ настоящ. труду; очевидно, онѣ были написаны для фаристовъ.

[3]) См. выше объ изученіи катихизиса въ Академіи. Такъ какъ инструкціями преподаваніе его въ Академіи почти и ограничивалось, то студентамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность присутствовать на нихъ (Инструкція м. Заборовскаго, п. IX).

[4]) См. въ библ. цер.-арх. муз. при Кіев. дух. Акад. опредѣленіе м. Заборовскимъ учителей на $17^{35}/_{36}$ г. (сн. выше).

[5]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1763 г., № 150.

[6]) Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187. Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоч., т. I, л. 440—442, откуда видно, что Георгій Конисскій велъ ее и во время своей префектуры и ректорства, съ малымъ перерывомъ.

завѣдующимъ всѣми дѣлами конгрегацій. Помощниками конгрегаціоннаго „патера“ были префекты конгрегацій—бо̀льшей и меньшей, выбиравшіеся самими воспитанниками изъ своей среды. Выборъ этотъ, обставлявшійся довольно торжественно и называвшійся *элекціей*, производился за мѣсяцъ до конгрегаціоннаго праздника зачатія св. Анны (другой праздникъ конгрегаціи былъ въ день Благовѣщенія; онъ считался, *кажется*, праздникомъ бо̀льшей конгрегаціи, а первый—меньшей). Подача голосовъ въ пользу того или другого электанта производилась посредствомъ карточекъ, свернутыхъ въ трубочку и заключавшихъ въ себѣ имена кандидатовъ. Карточки эти по перечетѣ были запираемы въ ящикъ и за печатью конгрегаціоннаго настоятеля хранились до самого праздника. 9-го декабря, послѣ литургіи, все академическое начальство и воспитанники обѣихъ конгрегацій, вмѣстѣ съ гостями—членами конгрегацій не изъ академической среды [1]), собирались въ конгрегаціонную залу; приносимъ былъ балотировочный ящикъ, и ректоръ громогласно объявлялъ кандидатовъ въ префекты, а одинъ или нѣсколько членовъ братства отмѣчали число голосовъ, поданныхъ въ пользу того или другого воспитанника. По счисленіи голосовъ, на кого выпадало ихъ большинство, тотъ и объявляемъ былъ префектомъ; это называлось *промульгаціей* (promulgatio). Новоизбранныхъ привѣтствовали риторъ—ораціей [2]) и піитъ стихотворной гратуляціей [3]). Тутъ же обоимъ префектамъ придавалось по два ассистента [4]) или вице-префекта, и

[1]) Большая часть ихъ, вѣроятно, состояла изъ бывшихъ воспитанниковъ, обязывавшихся (см. Прилож. IV и VI къ настоящ. труду; см. послѣсловіе Антонія Стреповскаго къ евангелію, сооруженному, по его иниціативѣ, 21 ноября 1702 г., въ Москвѣ бывшими 114 воспитанниками Академіи, послѣсловіе это („Извѣщеніе вкратцѣ како соорудися Божественное евангеліе“), въ полномъ видѣ, С. Т. Голубевымъ перепечатано въ Труд. Кіев. дух. Акад. 1900 г. № 12) при вступленіи въ конгрегаціи, всегда до конца жизни памятовать о нихъ.

[2]) Рукоп. библ. Кіев. духов. Акад. J. Ш. 90. П, л. 157.

[3]) Рукоп. той же библ. J. Ш. 82. 3, л. 143.

[4]) Рукоп. той же б. J. I. 13. 13, л. 116 на обор.

по одному или по два секретаря (нотаріусъ и вице-нотаріусъ) [1]). Эти лица выбирались изъ воспитанниковъ состоятельныхъ и дѣлали отъ себя посильный взносъ въ кассу конгрегацій [2]). По мѣрѣ возможности, такіе взносы дѣлались, вѣроятно, и другими болѣе состоятельными воспитанниками. Префекты конгрегацій имѣли чистую прошнурованную книгу, за подписью ректора и конгрегаціоннаго настоятеля, которая называлась *album* [3]). Въ нее, съ вѣдома своихъ ассистентовъ и секретарей, какъ бы контролировавшихъ префекта, послѣдній заносилъ всякія пожертвованія какъ членовъ конгрегацій, такъ и другихъ благотворителей.

Размѣръ составлявшихся такимъ путемъ конгрегаціонныхъ средствъ былъ не великъ (въ позднѣйшее время,—

---

[1]) Рукоп. той же библ. R. 269 л. 117 на обор. Профессоромъ С. Т. Голубевымъ (см. его рѣчь, произнесенную на торжественномъ актѣ Кіевской духовной Академіи 26 сентября 1901 г., помѣщенную въ „Трудахъ" той же Академіи, 1901 г., № 11) напечатаны подписи на прошеніи представителей конгрегацій, отъ 5 ноября 1725 года. Подписи эти слѣдующія: „Θеодоръ Трофимовичъ, большой конгрегаціи *Префектъ*. Андрей Нарожнѣцкій—*Ассистентъ першій* той же конгрегаціи.—Тиховъ Щербацкій, *Секретарь* той же конгрегаціи.—Николай Величковскій, *Ассистентъ* той же конгрегаціи.—Θеодоръ Волянскій, *нотарій* того же собранія.—Иванъ Богдановичъ, *префектъ* меншой конгрегаціи.—Василій Заруднѣй, *ассистентъ* первій той же конгрегаціи.—Михайло Велецкій, *Ассистентъ* вторій. Іоанъ Пѣковецъ, *секретарь* меньшой конгрегаціи.—Петръ Галѣцкій *вицесекретарь*. (Документъ, съ приведенными подписями, хранится въ *Собраніи рукоп. Лукашевича*, № 375, въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ).

[2]) Въ пользу такого утвержденія говорятъ, во 1-хъ, пожертвованіе въ конгрегаціонную церковь въ 1701 г. префектомъ меньшаго собранія Антоновъ Антоновичемъ (вмѣстѣ съ матерью своею) серебряной чаши (Аскоченскій, ч. 1. стр. 261;—фактъ, свидѣтельствующій сколько усердіе, столько и достатокъ семейства) и, во 2-хъ, такая замѣтка въ таблицѣ расхода денегъ одного воспитанника 1754 года: „8 руб. 50 коп. въ складку академическую, какъ поставленъ префектъ" (Архивъ Кіев. дух. конс., д. 1754 г., № 26).

[3]) В. Аскоченскій, ч. 1, стр. 266—7. Ср. сказанное о конгрегаціяхъ у митроп. Евгенія (въ прибавл. къ „Опис. Кіево Соф. соб.", Кіевъ, 1825 г.), у іером. Макарія („Истор. Кіев. дух. Акад.") и у профес. С. Т. Гогубева („Тр. Кіев. дух. Акад." 1901 г., № 11, стр. 324—326).

напр., въ 1756 г., какъ мы уже указывали, ихъ было собрано 60 руб., въ 1758 г.—88 рублей) [1]). Прямое назначеніе ихъ было идти на увеличеніе благолѣпія конгрегаціоннаго храма [2]), по выдѣленіи изъ нихъ суммы на устройство скромной трапезы въ день храмового праздника гостямъ Академіи [3]). *Можетъ быть*, иногда, въ случаяхъ отсутствія настоятельныхъ нуждъ въ конгрегаціонномъ храмѣ, изъ суммъ, собиравшихся на него, выдѣлялась малая часть бурсакамъ Академіи на пропитаніе [4]).

Студенты, не имѣвшіе матеріальнаго достатка, несли при своемъ конгрегаціонномъ храмѣ обязанности чтецовъ, пѣвцовъ и пономарей [5]). Предъ уроками и послѣ уроковъ всѣ студенты ходили въ свой конгрегаціонный храмъ, „чтобы вознести къ Богу хотя коротенькія молитвы", говѣли здѣсь каждый постъ (кромѣ уѣзжавшихъ изъ Академіи), а въ четыредесятницу даже дважды, и всякій праздничный и вос-

---

[1]) См. выше. Въ общемъ, однако, конгрегаціонныя суммы иногда были довольно значительны, и изъ нихъ конгрегаціи порою даже выдавали въ ссуду тѣмъ или другимъ (извѣстнымъ конгрегаціямъ) лицамъ немалое количество денегъ. Напр., документъ, въ которомъ находятся приведенныя нами выше подписи должностныхъ лицъ конгрегацій, заключаетъ въ себѣ жалобу конгрегаціи о возвращеніи взятыхъ у нея заимообразно *1000 злотыхъ* („Труды Кіев. дух. Акад." 1901 г., № 11, стр 383).

[2]) Въ описи имущества конгрегаціонной церкви значится нѣсколько очень цѣнныхъ предметовъ, сооруженныхъ для нея „*коштомъ конгрегаціи*", „*иждивеніемъ собранія*" (См. указанную опись академическаго имущества, л. 96, № 2; и л. 99, №№ 1 и 2).

[3]) В. Аскоченскій, ч. 1, стр. 267.

[4]) См. выше. Сами мы не нашли документальныхъ подтвержденій этому.

[5]) Арх. Кіев. дух. конс., д. 1784 г., № 307, гдѣ говорится, что „особаго причта при конгрегаціяхъ не было; должность же дьячковскую исправляли академическіе пѣвчіе (Это и были, по всей вѣроятности, тѣ нѣсколько человѣкъ, которыхъ, какъ мы упоминали, питалъ Братскій монастырь), и къ пономарской опредѣлялемы были студенты". Студенты же, нужно думать, заботились и о внѣшней чистотѣ своего храма, производя мытье и метеніе его половъ и т. п.

кресный день обязывались посѣщать всѣ церковныя службы и особенно литургію [1]).

Такая постоянная близость студентовъ, какъ членовъ конгрегацій, къ своему храму на нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывала глубокое вліяніе, располагая ихъ еще во время обученія принимать монашество. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ студентовъ мы часто встрѣчаемъ имена монаховъ. О числѣ принимавшихъ монашество не сохранилось достаточно данныхъ, но и на основаніи нѣкоторыхъ извѣстій можно сказать, что оно было всегда внушительнымъ. Такъ, напр., въ 1725 г. было пострижено въ монахи сразу 10 человѣкъ студентовъ, окончившихъ четырехлѣтній богословскій курсъ Академіи [2]).

---

[1]) Въ великомъ посту студенты, вѣроятно, присутствовали на пассіяхъ, совершавшихся въ Братскомъ монастырѣ и сопровождавшихся профессорскими проповѣдями; см., напр., проповѣдь на пассію въ рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. Ш. 90. 11, л. 88—94 (по третьему счету).

[2]) Полн. собраніе постан. и распоряж. по вѣд. Правосл. испов. Росс. имп., т. V, № 1490, с. 26. 28 января 1723 г. былъ изданъ законъ о непостриженіи вновь въ монашество и объ опредѣленіи на убылыя мѣста въ монастыри отставныхъ солдатъ (1-е Полное собраніе законовъ Росс. имперіи, № 4151; Полн. собр. пост. и распор. по вѣд. Прав. испов. Росс. имп., т. Ш. № 997, сравн. ibid. №№ 1069 и 1153). Законъ этотъ, не имѣвшій въ виду Малороссіи (какъ видно изъ синодальныхъ его разъясненій; см. Полн. собр. постан. и распор. по вѣдомству Прав. испов., т. V, № 1632, стр. 163), до разъясненій, вызванныхъ его неопредѣленностью, заставилъ, между прочимъ, архіеп. Варлаама Ванатовича въ концѣ 1723 г. (см. примѣч. на 21 страницѣ четвертаго тома Полн. собр. пост. и распор. по вѣд. Прав. испов.) обратиться въ Св. Синодъ съ просьбою разрѣшить постригать въ монашество желавшихъ студентовъ философіи и богословія (ibid., т. IV, № 1169, стр. 19—21), на что 10 января 1724 г. отъ Св. Синода послѣдовало такое постановленіе: „Обрѣтающихся въ кіевскихъ училищахъ студентовъ, которые требуютъ постриженія въ монашество, о ихъ неподозрительномъ житіи и о количествѣ лѣтъ и кто какого ученія и какъ въ коемъ ученіи силенъ и можетъ ли искусно школы учить и слово Божіе проповѣдывать, о всемъ обстоятельно освидѣтельствовать, и, съ того свидѣтельства учиня вѣдомости, прислать и впредь присылать въ Св. Синодъ, по которымъ и резолюція въ Синодѣ чинена будетъ". Вѣдомости эти, нужно думать, были посылаемы въ Синодъ.

Студентъ, желавшій постриженія въ монашество, долженъ былъ просить на это благословенія и разрѣшенія у митрополита, представивъ ему при этомъ, „лучшаго ради вѣроятія“ отъ своего начальства „зъ Академіи при печати коллегіатской свидѣтельство о (своемъ) свободномъ желаніи и о необовязаніи никакими дѣлами важными, ни долгами“, и свидѣтельство отъ своихъ товарищей о томъ же [1]).

Понятно, вліянія церковности, благотворно дѣйствовавшей на развитіе въ нѣкоторыхъ студентахъ православно-церковнаго духа, было недостаточно для полнаго нравственнаго воспитанія студентовъ, значительная часть которыхъ сильно нуждалась въ немъ. Круглые сироты, иногда съ самой колыбели не имѣвшіе необходимаго воспитательнаго надзора за собою, дѣти людей низшаго сословія („сынъ мужичій“, „сынъ козачій“ и т. п.), чуждаго и представленія о правильномъ нравственномъ воспитаніи, поступая въ Академію съ сомнительными нравственными задатками, требовали отъ нея, конечно, самого внимательнаго присмотра за ихъ нравственнымъ развитіемъ.

Но воспитанія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка своимъ студентамъ

---

[1]) Архивъ Кіев. дух. консист., д. 1742 г., № 1. Въ этомъ дѣлѣ сохранилось два свидѣтельства студентовъ 1741 года, данныхъ ими своимъ товарищамъ, желавшимъ постричься въ монашество. Вотъ они:

a) „Мы ниже сего подписавшіися въ самую сущую правду свидѣтельствуемъ и созваемъ сие: что показатель сего слишатель богословіи въ академіи Кіевской Андрей Яснѣковскій честнаго и неподозрительнаго состоянія, и якъ прежде за собой никакихъ долговъ не имѣлъ, такъ и теперь весма никому не обдолженъ. Чего для во вѣрность саморучно и подписуемся. Тимоѳей Александровичъ слишатель богословія. Даніилъ Галяховскій слишатель богословіи“.

b) „Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Владыко! По требованію Григорія Левѣцкаго о своемъ постоянствѣ свидѣтельства, и не обязанъ ли какими долгами, симъ писаніемъ свидѣтельствую, что онъ Григорій Левѣцкій честной и во всемъ житіи своемъ постояненъ и никакими долгами не обовязанъ. Михаилъ Малѣцкій слишатель школи реторики“.

дать не могла. (Задачами такого воспитанія она и не задавалась). Ея воспитатели—ректоръ, префектъ и учителя, занятые исполненіемъ прямыхъ преподавательскихъ обязанностей, не могли наблюдать за жизнью и дѣйствіями своихъ воспитанниковъ, многочисленныхъ и при томъ жившихъ, гдѣ кто хотѣлъ, чтобы благовременно, замѣтивъ въ томъ или другомъ изъ нихъ дурное качество, парализовать его разумною мѣрою, добрымъ словомъ и вразумленіемъ („добронравными увѣщаніями") [1]) и тѣмъ предупредить еще большее развитіе и укрѣпленіе его въ юной душѣ. Они, узнавая какимъ-либо путемъ [2]) неприглядные проступки своихъ учениковъ, наказывали ихъ за нихъ. Обычнымъ наказаніемъ въ Академіи были розги, при чемъ сѣченіе ими практиковалось не только какъ кара („сатисфакція") за проступокъ, но и какъ средство добиться признанія отъ студента, заподозрѣннаго въ чемъ-либо, что все вмѣстѣ считалось и способомъ предостереженія отъ зла невинныхъ („чтобъ другимъ не повадно было") [3]). Сѣкли виновныхъ и „келейно" (въ келіяхъ педагоговъ) и „публично" (среди бурсы и академическаго двора) „подъ оглашеніемъ школьнаго звонка" [4]). Такія мѣры если и удаляли въ студентахъ одно зло, то поселяли другое, рождая въ нихъ страхъ и скрытность предъ воспитателями, желчное озлобленіе и ненависть къ нимъ, дававшія себя знать въ случаѣ, когда воспитатели превышали мѣру наказанія (на взглядъ студентовъ) [5]) очень бурными вспышками со стороны послѣднихъ.

---

[1]) „Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII столѣтіе", собран. нами, д. № 3.

[2]) Чрезъ сеніоровъ (старшихъ въ квартирахъ студентовъ) или инспекторовъ, которымъ поручалъ префектъ надзоръ за поведеніемъ младшихъ студентовъ; или отъ совершенно постороннихъ лицъ, обиженныхъ студентами (Ibid. д.д. № 2 и др.), или отъ оскорбленныхъ ими товарищей (ibid., д. № 8).

[3]) Ibid., д. № 9.

[4]) Ibid., ср. „Кіевлянинъ" 1876 г., № 28.

[5]) Дѣло въ томъ, что правилъ и нормъ дисциплинарныхъ взысканій и наказаній провинившихся студентовъ въ Академіи не было; а они опредѣлялись

Такъ, въ 1733 г. студенты философіи, оскорбленные несправедливымъ, вѣроятно, наказаніемъ своего товарища Пантелеимона Чарнѣцкаго префектомъ Калиновскимъ, прекратили посѣщеніе его лекцій и подали на него жалобу митроп. Рафаилу Заборовскому. По разслѣдованіи дѣла, митрополитъ 15 марта 1733 года постановилъ: Чарнѣцкаго, „какъ непотребнаго философа, противника и продерзателя..., яко всему философическому возмущенію primum causatorem, въ брамѣ вънутрь цвінтара, зазвонывши въ звонокъ школный, плетьми выбить; при собраніи протчихъ студентовъ, дать ему шестьдесятъ плягъ, и изъ школъ выексклюдовать. Протчихъ философовъ, а именно: Ивана Яворскаго, яко перваго къ противности учителю своему возмутителя и въ домъ свой для составленія челобитья на префекта зазывателя, Илію Команѣцкаго, Демьяна Аскоронскаго, Николая Зеленецкаго, Θедора Яновича, Лащевскаго, Тодорскаго, Марковича и Александровича бить плетьми. Остальныхъ же двадцати человѣкъ за презрѣніе лекціи префектовской наказать плетьми въ келіи архимандричей, то есть бывшихъ на кондиціи, а жившихъ въ бурсѣ въ недѣлю цвѣтоносную держа въ рукахъ свѣчи предъ иконою Богоматери чрезъ всю литургію на колѣнахъ стоять“ [1]) (послѣднее наказаніе вполнѣ въ духѣ религіозно-церковнаго направленія академическаго воспитанія). Фактъ такого возмущенія побудилъ митр. Заборовскаго хоть нѣсколько регламентировать воспитательную сторону академической жизни письменною инструкціею, чтобы предотвратить, по крайней мѣрѣ, возможность повторенія подобной исторіи—возстанія студентовъ на своихъ начальниковъ и наставниковъ. И онъ 7 октября 1734 года далъ Академіи

личнымъ усмотрѣніемъ воспитателей, руководившихся „обычаемъ академѣйскимъ“ (см. ниже).

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Кіев. Акад. за XVIII ст.“, собр. нами, д. № 21.

Leges academicae docentibus ac studentibus observandae, съ пунктомъ (XI), рѣшительно запрещавшимъ буйство студентовъ противъ своихъ наставниковъ, и предписавшимъ „такихъ буяновъ строго наказывать, или лучше изгонять“ [1]). Но полной воспитательной системы для Академіи въ этой своей инструкціи архипастырь не начерталъ, а ограничился лишь опредѣленіемъ общихъ правилъ академической жизни, давъ при этомъ наставникамъ въ воспитательномъ отношеніи ихъ къ студентамъ полную свободу поступать съ ними по своимъ соображеніямъ „ни слишкомъ строго, ни слишкомъ слабо, а держась средины, какъ повелѣваетъ долгъ просвѣщенія и вѣжливости“ [2]). Да и трудно было проводить какую-либо строго и точно опредѣленную систему воспитанія по отношенію къ студентамъ, большинство которыхъ, въ силу тяжелыхъ условій своего матеріальнаго быта, въ силу свойствъ той среды, съ какою имъ приходилось вступать въ соприкосновеніе [3]), для надлежащаго нравственнаго перерожденія нуждались въ совершенномъ измѣненіи самыхъ условій своей жизни. Безъ послѣдняго всякая строгость взысканій съ нихъ за нравственные проступки была не столько исправленіемъ, сколько раздраженіемъ ихъ, что, очевидно, сознавала Академія, относясь къ весьма многимъ темнымъ явленіямъ въ нравственной жизни [4]) своихъ студентовъ довольно снисходительно. Съ грустью и болью въ сердцѣ, съ суровостью и строгостью она смотрѣла на нѣкоторыя безчинства своихъ студентовъ, и хотя порой жестоко наказы-

---

[1]) См. у В. Аскоченскаго, ч. 2, стр. 105.

[2]) Ibid., пунктъ XII.

[3]) „Кіев. Старина“, 1896 г., февраль, стр. 187—201.

[4]) Нѣкоторыя изъ этихъ явленій, на основаніи собранныхъ мною и переданныхъ въ библ. церков.-археол. музея при Кіев. дух. Академіи „Актовъ, относящихся къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII столѣтіе“, изложены мною въ „Кіевской Старинѣ“ 1896 г., №№ 1—3, въ статьѣ: „Изъ быта студентовъ старой Кіевской Академіи“.

вала виновныхъ изъ нихъ плетьми и розгами, не скупясь числомъ ударовъ [1]), но ее всегда въ такихъ случаяхъ тяготило сознаніе, что, напр., голодный студентъ не могъ не уворовать чего-либо, чтобы утолить свой голодъ, и т. п., а еще болѣе смущало опасеніе, что наказываемый ею можетъ иной разъ озлобиться на нее и совсѣмъ оставить ее [2]), направившись затѣмъ въ какую-либо латино-польскую школу [3]), не избавить отъ которой православнаго юношу Академія считала своимъ грѣхомъ. Вотъ почему Академія предпочитала руководиться въ своей дисциплинѣ „обычаемъ академѣйскимъ", который она имѣла возможность примѣнять какъ угодно, сообразуясь съ общимъ взглядомъ на каждаго виновнаго студента. Тутъ не могло быть внѣшней формальной справедливости, отсутствіе которой бываетъ обиднымъ для неодинако осуждаемыхъ за равное преступленіе; но за то здѣсь была своего рода педагогическая сообразительность—(конечно, ошибочная порой, что зависѣло отъ степени знанія воспитателемъ своихъ учениковъ), опредѣлявшая наказаніе соотвѣтственно съ общимъ нравственнымъ достоинствомъ провинившагося. Вотъ почему иного изъ студентовъ она за

---

[1]) Иногда давалось по 60 ударовъ розгами. „Кіевлянинъ", 1876 г., № 28; см. „Акты, относ. къ исторіи Кіев. Академіи за XVIII ст.", д. № 9, ср. доношеніе префекта Мих. Ковачинскаго митроп. Рафаилу Заборовскому отъ 15 мая 1746 г., гдѣ говорится, что студентъ Прокоповичъ Ѳеодоръ (изъ школы аналогіи) былъ „отъ учителя своего безъ всякаго пощадѣнія публѣчно наказанъ въ школѣ" (Подлинное доношеніе имѣется у профес. С. Т. Голубева).

[2]) Такъ, предчувствуя жестокое наказаніе за побои одного дьяка, оставилъ Академію въ 1735 г. риторъ Андрей Обоянскій (См. „Кіевская Старина", 1896 г., № 1, стр. 38—39).

[3]) Въ половинѣ XVII в. „много студентовъ своевольнихъ (Кіевской Коллегіи) до іезуитскаго (бывшаго въ то время въ Кіевѣ на Подолѣ) Коллегіума перейшло, для того, что который студентъ, что въ Коллегіумъ рускомъ преступилъ, тотъ, за свое преступленіе наказанія боялся, заразъ до Коллегіумъ іезуитского утекалъ, и уже безопаснымъ тамъ былъ и до латинской вѣры приставалъ". (См. „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в." Н. И. Петрова, стр. 20, см. стр. 130).

извѣстное преступленіе наказывала слабо, другого строго, а третьяго и совсѣмъ изгоняла [1]). И исключала она очень и очень рѣдко, и преимущественно такихъ, которые неспособны были къ исправленію и не подавали никакой доброй надежды, напр., бунтовщиковъ, неисправимыхъ воровъ, клятвопреступниковъ [2]) и т. п.

Все дѣло нравственнаго воспитанія своихъ студентовъ Академія, такимъ образомъ, въ силу разныхъ обстоятельствъ, должна была поставить въ зависимость отъ ихъ личной чуткости и воспріимчивости ко всему доброму и прекрасному, укрѣплявшейся и развивавшейся въ нихъ по мѣрѣ большаго и большаго роста ихъ самосознанія, подъ воздѣйствіемъ примѣра начальниковъ и наставниковъ. Послѣднему Академія придавала весьма большое воспитательное значеніе [3]), и для сообщенія ему бóльшей силы всегда замѣщала свои каѳедры лицами монашествующими, предпочитая ихъ самымъ даровитымъ свѣтскимъ людямъ, которыхъ, по ея мнѣнію, „ученики... не похотятъ такъ, какъ монаховъ, слушаться, и повиноваться имъ“ [4]),

Кромѣ этого, Академія, по мѣрѣ возможности, старалась окружать студенческую жизнь многимъ такимъ, что хотя нѣсколько могло отвлекать ихъ отъ грубыхъ и низкихъ

---

1) См. указанную нашу статью въ „Кіевской Старинѣ“.

2) Ibid., сн. п. VIII инструкціи митроп. Заборовскаго (В. Аскоченскій ч. 2, стр. 150).

3) См. II и XII пункты инструкціи митроп. Раф. Заборовскаго.

4) Полн. сбор. постан. и распор. по вѣдом. Прав. испов. Росс. имперіи, т. V, № 1490. Ходатайствуя въ 1748 г. предъ Св. Синодомъ о постриженіи въ монашество нѣкоторыхъ свѣтскихъ профессоровъ Академіи, митр. Щербацкій, между прочимъ, писалъ въ Синодъ: „Диковинка то когда-сь въ здѣшнемъ Кіев. Коллегіумъ бивала, ежели одинъ который изъ учителей случится мирскій человѣкъ. а теперь отъ времени диво тое умаляется, и повсягодно, за крайнимъ оскудѣніемъ монаховъ, изъ мірскихъ людей учители множатся“ (Въ $17^{46}/_{47}$ г. ихъ было 3; въ $17^{47}/_{48}$—5; въ началѣ $17^{48}/_{49}$—было—6; арх. Св. Синода д. 1745 г., ноября 29, № 187).

пороковъ (пьянства и т. п.). Она для эстетическаго развитія студентовъ разрѣшала имъ занятіе пѣніемъ, музыкой [1]) и рисованьемъ. (Послѣднее было любимымъ занятіемъ воспитанниковъ. Они всегда довольно искусно и затѣйливо разрисовывали богословскія и философскія конклюзіи для диспутовъ, украшали разнаго рода виньетками и изображеніями свои учебники и ученическія тетрадки), и устраивала у себя разные праздники, которые, будучи торжественно обставляемы, должны были оказывать большое развивающее вліяніе на воспитанниковъ. Одни изъ этихъ праздниковъ отличались лишь торжественностью богослуженія; какъ, напр., храмовой праздникъ Академіи—Благовѣщеніе; другіе же, напр., день поминовенія основателя Академіи—митр. Петра Могилы (31 декабря), праздникъ Богоявленія (храмовой Братскаго монастыря) и т. п. обставлялись очень парадно и съ внѣшней стороны. Въ эти дни въ храмахъ академическихъ говорились проповѣди [2]), а послѣ литургіи устраивались собранія, на которыхъ профессорами произносились рѣчи: такъ, въ день Богоявленія ежегодно учителемъ риторики, въ присутствіи митрополита и знатной публики, говорилась орація de laudibus literarum, въ которой давалась характеристика академическихъ наукъ, какъ бы для показанія публикѣ высоты академическихъ занятій, которыя послѣ рождественскаго праздничнаго перерыва снова открывались 7-го января (отсюда эти ораціи въ риторикахъ Академіи часто надписываются „pro studiis literarum"), и возносилась похвала всѣмъ меценатамъ Академіи какъ умершимъ, такъ и живымъ [3]).

Къ другимъ торжественнымъ днямъ (напр., имянинамъ митрополита, ректора, учителей, дню окончанія экзаменовъ и т. п.) учителя и ученики составляли рѣчи, стихи, діалоги

---

[1]) См. п. XIX инструкціи митр. Заборовскаго.

[2]) Рукоп. библ. Кіево-Михайлов. мон. № 1722, л. 174—179.

[3]) Рукоп. библ. Кіево-Печерской лавры X, 117 и мн. др.

и драматическія произведенія, всему этому придавая возможный блескъ, особенно въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ, напр., гетмана, или кого-либо изъ членовъ Царскаго дома. (Въ ожиданіи Высочайшихъ Особъ Академія готовилась къ ихъ встрѣчѣ весьма долго и очень усердно)[1]).

Способствуя умственному и эстетическому развитію, академическіе праздники и торжества пріучали студентовъ къ внѣшней благовоспитанности. Они, ставя ихъ лицомъ къ лицу съ отборнымъ обществомъ, заставляли ихъ обращать вниманіе на свой внѣшній видъ и свои внѣшніе пріемы и давали возможность поучиться у другихъ...

Значитъ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ своей жизни и жизни своихъ студентовъ, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII в. не могла поставить дѣла нравственнаго воспитанія послѣднихъ надлежащимъ образомъ. (Она заботилась лишь о томъ преимущественно, чтобъ воспитать въ студентахъ преданность православной церкви). Когда нѣсколько позже обстоятельства эти измѣнились, она позаботилась и объ измѣненіи и улучшеніи мѣръ нравственнаго воздѣйствія на своихъ питомцевъ. Это произошло уже во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Такимъ образомъ, ожившая въ концѣ XVII в., Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія значительно возвысилась и во внѣшнемъ своемъ благоустройствѣ

---

[1]) Такъ, въ ожиданіи посѣщенія Кіева импер. Елисаветою Петровною въ 1744 г. митр. Заборовскій особымъ указомъ объявилъ протопопамъ 8 іюня, чтобы ни шляхта, ни священники, дѣти коихъ обучались въ Академіи, не брали ихъ на вакаціи и не присылали за ними подводъ. Очевидно, все лѣто до сентября, когда Академію посѣтила Монархиня, шли здѣсь приготовленія къ ея встрѣчѣ. См. рукоп. сборникъ библ. Черниговъ. дух. семинаріи, по описанію Лилеева, № 123, л. 78, стр. 104).

и во внутренней своей жизни, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ того и другой въ XVII столѣтіи.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія Кіевская Академія, никогда не оскудѣвая учителями, которые были ея же родными воспитанниками, иногда завершавшими свое образованіе въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, — всегда вмѣщала въ своихъ аудиторіяхъ большое число учениковъ, стекавшихся въ нее не только изъ разныхъ концовъ Россіи, но даже и изъ-за предѣловъ ея. Большинство изъ ея питомцевъ, не будучи обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, должно было бороться съ голодомъ и холодомъ и переносить различныя страданія, стремясь къ даваемому имъ ею свѣту науки. Правда, наука въ Кіевской Академіи этого времени была отвлеченнаго, формально-схоластическаго характера. Но и съ нею и ею, какъ равновѣсною наукѣ латино-польской, Академія, съ одной стороны, принесла неоцѣнимую услугу Православной церкви, съ успѣхомъ выполняя свое высокое православно-историческое призваніе: ею она отвлекала множество православныхъ юношей отъ губившихъ православную вѣру іезуитскихъ школъ [1]), тогда могучихъ еще обаяніемъ сво-

---

[1]) Что въ первой половинѣ XVIII в. случаи поступленія русскихъ православныхъ людей въ іезуитскія школы были довольно рѣдки, объ этомъ можно заключать изъ словъ Михаила Козачинскаго (въ вышеупомянутомъ его отвѣтѣ на рефлексію католическаго автора), что напрасно католики обвиняютъ православныхъ за насильное отнятіе ими своихъ православныхъ дѣтей отъ католическихъ школъ, такъ какъ тутъ насилія не бываетъ, а все дѣлается по доброй волѣ; при этомъ Мих. Козачинскій указываетъ на двоихъ православныхъ дѣтей (только), учившихся въ 1753 г. въ Слуцкой іезуитской коллегіи. Да и сами католическія коллегіи не безъ разбора принимали въ число своихъ слушателей студентовъ, обучавшихся въ Кіевской Академіи. Такихъ людей католическія учебныя заведенія не могли поколебать въ преданности православію, а потому и смотрѣли на нихъ, какъ на „волковъ отъ лѣсовъ кіевскихъ“ („Странствованія Василія Григоровича-Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока съ 1723 по 1744 г. г.“ Изд. Прав. Палест. Общ., Спб., 1884 г., стр. V). Такъ, Львовская Іезуитская Академія, по словамъ В. Григоровича-Барскаго, въ 1720-хъ годахъ не принимала въ число своихъ студентовъ людей православныхъ, *наипаче же Кіевскихъ*. По-

его образованія; съ другой же стороны,—съ нею и ею, какъ *высшею* наукою въ Россіи въ то время, когда у насъ только началось учрежденіе учебныхъ заведеній, она имѣла универсально-образовательное значеніе для всей Россіи, давая ей въ лицѣ своихъ питомцевъ главнѣйшихъ просвѣтителей. Многіе ея воспитанники въ первой половинѣ XVIII вѣка заводили въ разныхъ концахъ Россіи училища, давали имъ такое же устройство и сообщали имъ тотъ же православно-церковный духъ, какой они выносили изъ своей alma mater. И можно сказать, почти всѣ училища Россіи того времени обязаны или своимъ возникновеніемъ, или своимъ ростомъ, или своимъ внутреннимъ строемъ Кіевской Академіи.

Имѣя въ виду такое высокое просвѣтительное значеніе Кіевской Академіи для Россіи, вотъ что, между прочимъ писалъ Смоленскій епископъ Гедеонъ Вишневскій (17 іюля 1739 г.) къ Кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому: „изобиловала всегда учеными людьми Академія Кіевская и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала; и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила“ [1]).

Православно-просвѣтительная дѣятельность Академіи была извѣстна даже за предѣлами Россіи, какъ показываютъ

этому-то Барскому и его товарищу Іустину Леницкому, поступившимъ хитростью (Они объявили себя уроженцами польскаго Бара) въ Академію Львовскую, послѣдняя объявила (когда былъ раскрытъ ихъ обманъ) „эксклюзію, си есть причину изгнанія“ ихъ изъ Академіи. Смыслъ этой эксклюзіи былъ такой: „Понеже Іустинъ и Василій, по пронменованію Барскій, познашася, яко отъ странъ кіевскихъ сутъ и противніи Каѳолической Римской церкви, для того по регуламъ и правиламъ Академіи нашей езуитской Лвовской не имутъ въ ней мѣста, но изганяются явѣ“ (Ibid., стр. 6—7).

Ясно, что въ Кіевской Академіи католическія учебныя заведенія видѣли могучую силу для утвержденія учившагося юношества въ преданности православной Церкви!

[1]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоч., т. 1, д. № 10.

слова Венеціанскаго подданнаго Константина Секура въ его прошеніи къ митр. Заборовскому о пріемѣ въ Академію [1]). Родственныя Россіи по вѣрѣ славянскія земли въ это время очень часто посылали сюда для образованія своихъ молодыхъ людей и даже просили у Академіи присылки къ себѣ ея ученыхъ.

Вотъ въ какой славѣ была Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII в. за свои православно-просвѣтительныя услуги! Въ этомъ отношеніи слава ея, дѣйствительно, велика и неувядаема, и имена ея великихъ питомцевъ того времени (знаменитаго русскаго путешественника Барскаго-Григоровича, русскаго философа Григорія Саввича Сковороды, многихъ архипастырей и пастырей,—Луки Конашевича, Іоасафа Горленко, Георгія Конисскаго, Сильвестра Кулябки, Иннокентія Нероновича, Симона Тодорскаго, Митрофана Слотвинскаго, Иларіона Григоровича, Варлаама Лащевскаго, Гедеона Сломинскаго, Іакова Блонницкаго [2]), Михаила Козачинскаго и многихъ-многихъ другихъ ревнителей православія и сѣятелей науки и знанія въ Россіи XVIII в., всегда будутъ ярко блестѣть на страницахъ исторіи русской церкви и русскаго просвѣщенія, составляя гордость воспитавшей ихъ Almae Matris!...

---

[1]). Акты Кіево-Братскаго училищ. монаст. и Академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 21.

[2]) Иларіонъ Григоровичъ, Варлаамъ Лащевскій, Гедеонъ Сломинскій и Іаковъ Блонницкій потрудились въ дѣлѣ исправленія славянскаго перевода Библіи для изданія. 18 декаб. 1751—30 апрѣля 1752 г. г. (См. М. Смеицовскаго „Братья Лихуды“, СПБ., 1899 г., стр. 426—434).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе І-е.

Копія съ черновой грамоты, выданной 23 февраля 1746 года митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ ректору Кіевской Академіи, архимандриту Сильвестру Ляскоронскому [1]).

„По титлѣ Архипастырской.

Всѣмъ чтущимъ и слышащимъ сіе наше писаніе, особливо же пречестнимъ Академіи нашей Кіевской учителемъ и всей во Христѣ братіи монастыря Кіево-Богоявленскаго Братского училищного благопослушнимъ церкве православно восточныя Россійскія и нашего смиренія сыномъ, Божіе благословеніе и наше Архіерейское препославше, извѣстно чинимъ: Указомъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, настоящаго 1746 года Генваря отъ 23 къ намъ отпущеннымъ, яковъ нами сего февраля 22 чиселъ полученъ, велѣно: прежде произведенному въ Нѣжинскій монастырь во архимандріта Сильвестру Ляскоронскому въ Кіево-братско-

---

[1]) Архивъ Кіевской дух. консисторіи. Связка дѣлъ о монастырахъ Кирилловскомъ, Нѣжинскомъ и Межигорскомъ за 1745—46 г.г. Въ XVII вѣкѣ былъ даже особый „чинъ благословенія ректора". См. Чиновникъ Архіерейскій, въ рукописи 1650 года, въ Кіево-Соф. Библіотекѣ, № 77.

училищномъ монастырѣ архимандритомъ и ректоромъ быть. И во исполненіе онаго Ея Императорскаго Величества указа, оный превелебнѣйшій Архимандріть Сильвестръ Ляскоронскій въ показанной братско-училищной Богоявленской монастырь нашъ во Архімандріта и Ректора определенъ и ему превелебнѣйшему Архімандріту Сильвестру отъ насъ вся правленія монастырскаго власть, какъ для порядочного Академіи нашей, такъ и того монастыря братіи содержанія и монастырскихъ дѣлъ и порядковъ устроенія и смотрѣнія, вручена. Въ началѣ же долженствуетъ онъ въ церквѣ того Кіево-братско-училищного Богоявленскаго монастыря по чиноположенію церковному ко всещедрому Господу Богу обикновенныя творити молитви и содержать оной монастырь въ надлежащемъ благолѣпіи и благочиніи, такожъ въ правленіи всѣхъ дѣлъ монастырскихъ тщательный и неусыпный имѣти присмотръ, аки добрый домостроителъ, братію добрѣ, смиреннѣ, Богоугодно и по чину монашескому жительствующихъ въ пристойной любвѣ, аки отецъ чада, содержать; противно же дѣлающихъ съ приговоромъ писменнымъ начальнѣйшей братіи и зъ своею децизіею правильно наказиватъ и смиратъ духомъ кротости, о развращенныхъ же и по наказанію неисправныхъ намъ доносить, и прилежное смотреніе имѣть, дабы всѣ того монастыра братія церковнаго ко Господу Богу моленія не оставляли, и безъ вѣдома изъ монастира не исходили, и не скиталися бъ по мірскимъ домамъ; въ протчемъ же всемъ ему превелебнѣйшему Архімандріту Сильвестру исправляться по правиламъ святыхъ Апостолъ, Богоносныхъ отецъ, Регламенту Духовному, указамъ Ея Императорскаго Величества и нашимъ пастырскимъ предложеніямъ непремѣнно; а быть ему образомъ добродѣтельнаго житія, да тако за труди своя вѣнецъ блаженства отъ руки Господней купно со всею во Христѣ братіею воспрійметъ, глаголюще: се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ. О чемъ извѣстясь, Академіи нашей учители и братія онаго монастыря

должни ему превелебнѣйшему Архімандріту Сvльвестру всякое при подобающей чести отдавать послушаніе, безъ роптанія; и вся по благому его совѣту дѣйствовать; во знаменіе же того нашего пастырскаго опредѣленія ему превелебнѣйшему Архімандриту Сvльвестру сія граммата за подписаніемъ руки нашей Архіерейской при печати катедральной видана въ катедрѣ н(*ашей*) М(*итрополитанской*) Кіевской. 1746 года февраля 23 дня".

Приложеніе II-е.

Копія доношенія Гетмана Даніила Апостола императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ 1732 г. 14 января [1]).

„Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества вѣрній подданій Гетманъ Данило Апостолъ со всѣмъ войскомъ обоихъ сторонъ Днѣпра Запорожскимъ, падше предъ Всеавгустѣйшимъ Вашего Императорского Величества Маестатомъ у стопи ногъ Монаршихъ всесмиренно до лица земли, челомъ бю: сего Генваря 11 дня настоящаго 1732 г. Преосвященній Рафаилъ Заборовскій, Архіепископъ Кіевскій, Галицкій і малія Россіи листомъ своимъ чрезъ Ректора и Ігумена монастира Богоявленского училищного Кvевского, Іеромонаха Амвросія Дубневича писалъ ко мнѣ, что въ томъ училищномъ монастырѣ церковь и школи здавна устроенные весма обетшали, и чтобъ о возобновленіи оныхъ для пользи учащихся учинить мнѣ разсмотрѣніе, а помянутій Ректоръ того училищного монастира подалъ мнѣ подъ іменемъ Вашего Императорского Величества челобитную, что якъ за прежнихъ Гетмановъ, такъ и за Гетмана Скоропадского на учителей къ удоволствованію ихъ видавано ежегодно по

---

[1]) Архивъ Кіев. дух. консисторіи, д. 1732 г., № 327. Копія есть и въ библіотекѣ церк.-археол. музея при Кіев. дух. Академіи (передана нами).

двѣстѣ рублевъ денегъ въ скарбу войскового, но по смерти Гетмана Скоропадского означенная на содержаніе тѣхъ учителей дача за бывшой Малороссійской Коллегіи удержана и понинѣ съ 1722 году не производится, а помянутіе учители, на честь Божію и къ ползѣ Государства въ томъ ученіи труждающіися, ниякого въ награжденіи и доволствію своемъ опредѣленія не имѣютъ и претерповаютъ скудость; которые же при томъ училищномъ монастирѣ Богоявленскомъ Братскомъ маетности имѣются, тіе за скудостію грунтовъ не токмо къ удоволствію учителей, но и къ содержанію братіи, въ томъ монастирѣ имѣючойся, не доволни; и вышепомянутая церковь свято-Богоявленская Братская, въ тѣхъ училищахъ будучая, и саміе школи, въ кровлѣ и протчемъ за давностю и недоволствомъ обетшаліе, требуютъ подчинки; да около тихъ училищъ ограда каменная недостроена и колоколня не построена. А Всемилостивѣйшимъ Вашего Императорского Величества указомъ, 1730 году марта 17 дня состоявшимся, между протчими въ ползу Россійской имперіи учрежденіями по достохвалному Вашего Імператорского Величества намѣренію повелѣно, якъ храми святія, которія отъ скудости, или инимъ коимъ образомъ обетшали, возобновлять, такъ и училища учредить и всѣми потребними удоволствовать, а въ чемъ якое исправленіе надлежитъ учинить, о томъ представлять и требовать Вашего Императорского Величества указу и во всемъ тщатися, что принадлежитъ къ болшей чести и хвалѣ Всемогущаго Бога. И дабы на возобновленіе въ оныхъ училищахъ церкви, школъ и протчіе потребности вышшозначенные отъ 1722 году удержанные денги видани были, такожъ на содержаніе учителей повсягодно видавано бъ было денежное жалованє зъ скарбу войскового противъ прежняго обыкновенія, просилъ онъ— Ректоръ, чтобъ я о томъ писалъ Вашего Імператорского Величества въ Государственную Коллегію Іностранныхъ Дѣлъ.

А понеже Превысочайшое Вашего Імператорского Величества попеченіе о учрежденіи доволнихъ и добрихъ училищъ, въ которихъ молодіе люди не токмо въ страсѣ Божіи и въ православномъ христіанскомъ законѣ, но и во всякихъ другихъ пристойнихъ и государству полезнихъ наукахъ воспитани и обучени быть могутъ, явственно есть зъ манѣфестовъ, минувшого 1731 году декабря 17 д. учиненнихъ, якіе при Высокомонаршой Вашего Імператорского Величества грамотѣ для публѣкаціи въ Малой Россіи тогожъ декабря 28 д. мною получени, ктомужъ я извѣстенъ, что за антецессоровъ моихъ бывшихъ Гетмановъ вышшеписанные деньги въ скарбу войскового повсягодно въ жалованe учителемъ по двѣстѣ рублевъ выдавалися, токмо оніе удержаны по состояніи бывшой Малороссійской Коллегіи, безъ якого определенія учителѣ тѣхъ Кіевскихъ школъ увнаютъ нужду, также церковь оного училищного монастира и школи обетшали, и требуютъ возобновленія, на которые для строенія за тихъ же Гетмановъ чинено вспоможеніе дачею денегъ зъ оного жъ скарбу войскового; Сего ради яко вышшеписанную онихъ училищъ Ректора съ братіею поданную мнѣ подъ именемъ Вашего Імператорскаго Величества челобитную при всенижайшомъ моемъ рабскомъ писаніи посилаю Вашего Императорского Величества въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, что по мнѣнію моему вышшепоказанніе денги надлежитъ противъ прежнаго обыкновенія и определенія, которіе учителемъ онихъ Кіевскихъ школъ латинскихъ по состояніи бывшой Малороссійской Коллегіи удержани и не отдани, видать на возобновленіе церкви и школъ обетшалихъ и впредь помянутимъ учителемъ для содержанія ихъ въ жалованe по двѣстѣ рублевъ ежегодно давать зъ скарбу войскового.

Оное мое всеподданнѣйшое мнѣніе предаю въ Высочайшее Вашего Императорского Величества благоразсмотреніе и въ всемилостивѣйшое определеніе; при томъ Скипетро-

державную Вашего Імператорского Величества десницу духомъ лобызая пребываю

Вашего Императорского Всепресвѣтлѣйшого
Величества вѣрній подданій,
всенижайшій рабъ и подножокъ,
Войска Вашего Імператорского Величества
Запорожского обоихъ сторонъ
Гетманъ Данило Апостолъ.

Генваря 14 д.
1732 году
Глуховъ".

Приложеніе III-е

„Инструкція находящимся по школамъ при церквахъ Кіево-подольскихъ студентамъ, въ Академіи Кіевской 1750 года февраля „8" д. сочиненная" [1]).

1.

Въ началѣ, которіе студенты желаютъ въ школѣ жить, входили бъ въ онія непремѣнно за благословеніемъ настоятелей, которимъ студентомъ, ежели будуть угодни къ пѣнію или чтенію церковному, или хотя и не угодни явятся, однакъ ежели не съ природы не угодни, но только потому, что въ томъ не обучалися, а обучатися прямо желаютъ, отъ отцевъ настоятелей, ежели не послѣдуетъ добримъ, прежде вшедшимъ въ школу, студентамъ утѣсненія, не будетъ возбранено въ школахъ жить.

---

[1]) „Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и Академіи", собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 34. Въ экземплярѣ этой инструкціи, имѣющемся въ дѣлѣ 8 іюня 1754 г., № 175, въ архивѣ Кіев. духов. консисторіи, время составленія ея обозначено полно: „8 февраля 1750 года". Недавно „Инструкція" напечатана профес. С. Т. Голубевымъ (Труды Кіев. дух. Акад., 1901 г., № 11, стр. 378—381) съ копіи, хранящейся въ архивѣ Кіево-Выдуб. монастыря); но эта копія, какъ и находящаяся въ Актахъ, собр. В. Аскоченскимъ, короче консисторской, печатаемой нами.

2.

На утреню ежеденно долженъ учрежденій сеніоръ висилать двоихъ студентовъ очередно, и буде ли гдѣ ихъ студентовъ много живетъ, то и болше, для чтенія псалтири, каноновъ, и для пѣнія; а въ которой день въ школахъ латинскихъ не обучаются, яко то: въ недѣлніе, праздничніе, а наипаче викторіалніе и высокоторжественніе дни,—то всѣ, сколко ихъ живетъ въ школѣ, должни быть на всѣхъ отправахъ церковныхъ на крилосахъ, развѣ единаго оставить на куренѣ, и то такого, которій до криласа менше годится.

3.

Гдѣ въ якой школѣ двѣ избѣ, то одна должна быть студентамъ въ жилье, а другая дячку для обученія прихожанскихъ дѣтей, ежели онихъ прихожанскихъ дѣтей будетъ доволно и по пропорціи числа студентовъ; буди же малое число таковихъ прихожанскихъ дѣтей, а студентовъ много, то студенти и въ дячковской избѣ должни мѣститись, безъ всякой обыди дячку. А естли въ школѣ одна изба, то должни быть въ ней два стола: еденъ для студентовъ, а другой для дячка, и для прихожанскихъ, у него обучающихся дѣтей, и тіе столи были бъ такожъ по пропорціи студентовъ и прихожанскихъ дѣтей, почему студенти дѣтей прихожанскихъ отъ ихъ стола отгонять и книжками ихъ объ землю бросать отнюдь не должни.

4.

Церковніе книги для клироса въ дячковомъ вѣдомствѣ быть должни и безъ вѣдома настоятеля или дячка онихъ студенти отнюдь не брали бъ къ себѣ.

5.

Учащихся дѣтей у дячка русской грамоти до себе студенти не отнимали бы и не переманивали бы, развѣ бы

самъ настоятель по усмотрѣнію своему или родитель учащагося (яко въ волѣ отеческой дѣти состоятъ) вручилъ сина своего въ наученіе студенту; и въ такомъ случаи, такожъ и когда уже дѣти заправляются латини, дячокъ студентамъ не долженъ мѣшать.

6.

Естли покажется въ якой школѣ сварливой между студентами, или непостоянный, или къ церквѣ вовся лѣнивій, то священникъ приходскій, по третомъ увѣщаніи словесномъ, силенъ такого вислать изъ школи безъ сношенія съ академіею.

7.

Мѣста въ школѣ и коморки въ жилье студентамъ, гдѣ кому по достоиству школи, прилѣжанію въ ученіи, постоянству, способности и раченію къ церквѣ, опредѣлитъ настоятель, тѣмъ бы всякъ и доволствовался, а сами бъ собою мѣстъ и коморокъ не занимали.

8.

Опредѣлено въ первомъ пунктѣ, чтобы никто безъ настоятельскаго вѣдома въ школу не входилъ, а здѣсь опредѣляется, чтобы и живши въ школѣ, ежели которому на вакаціи либо апетиціи случится изъ школи отлучитися, то возвратившися съ вакацій, паки долженъ благословитися у отца настоятеля входить въ школу. Такожъ и ежели бы якого съ собою нищаго привелъ, и того долженъ отцу настоятелевѣ представить и благословеніе на него взять. А многихъ мѣщанскихъ или священническихъ дѣтей, могущихъ на квартерахъ прокормитись, въ школу вводить и съ ними коморки занимать, и тѣмъ другихъ утѣснять отнюдь студенты не дерзали бы.

9.

Гдѣ въ шпиталяхъ калѣки не могущіе, или старцовъ мало, или вовся ихъ нѣтъ, то, когда звонить во всѣ звони надобно, таковая услуга хлопцами студенскими или самимя студентами меншихъ школъ отправлятися должна.

10.

О праздникахъ Рождества и Воскресенія Христова съ крестомъ по прихожанамъ не должни всѣ студенти, въ школи жіючіе, ходить, но имѣетъ сеніоръ очередно, по три или четири человѣка, опредѣлять, для полученія на всю бурсу милости, и чтобъ опредѣленніе, ходя, не пхищали, не упивались и не задирались ни сами съ собою, ни съ дячкомъ.

11.

Чистоту по школамъ въ метеніи избы, обережность въ паленіи печи и всякій порядокъ, противъ общей бурси, во всемъ по школамъ содержанъ быть долженъ.

12.

Наконецъ, вси студенти, жіючіе по школамъ, священникомъ, а найпаче отцомъ настоятелямъ досаждать, договарывать, фугать и противъ ихъ глаза викривлять, и какъ нибудь презирать ихъ весма не дерзали бъ; но напротивъ того должное имъ почитаніе чинили бъ и со всякою учтивостію предъ ними обходилися бы, чимъ особливую къ себѣ отцевъ настоятелей склонность и благопрѣзрѣніе могутъ снискать; а противніи какъ сему конечному, такъ всѣмъ здѣ означенимъ пунктамъ, безъ респекту, гдѣ надлежитъ, будутъ наказани".

Въ экземплярѣ этой инструкціи, имѣющемся въ архивѣ Кіевской духов. консисторіи, читаемъ еще:

„Все сіе студенти, по школамъ живущіе, вѣдали бъ и исполненіе чинили бъ непремѣнно; предлагаемъ года и мѣсяца вышеозначеннаго.

Академіи Кіевскія префектъ іеромонахъ Георгій Кониcскій.

Риторики учитель іеромонахъ Георгій Щербацкій.

Піитики учитель Ѳома Гирчичъ.

Учитель синтаксимы Даніилъ Нащинскій.

Грамматики учитель іеромонахъ Гавріилъ Гиновскій.

Инфимы учитель іеродіаконъ Іосифъ Ярошевскій.

Аналогіи учитель іеродіаконъ Платонъ Ѳеодоровичъ".

Приложеніе IV-е

ВИДѢНІЕ,

какъ всякому о своемъ званіи вопрошающему содалесъ отвѣтствовать долженствуетъ [1]).

Вопросъ. Что есть содалесъ?

Отвѣтъ. Содалесъ есть рабъ Божій и Богоматери, Ей же свободною волею, клятвою, креста и евангелія цѣлованіемъ в доживотнимъ слугою общенароднѣ себе быть утвердивій.

Вопросъ. Какое званіе содалеса есть?

Отвѣтъ. Богоматере, изъ Нея же родися Христосъ Господь, совершенній человѣкъ, свойства—дѣвство и рождество недовѣдомо совокупленное крѣпко защищать отъ іеретиковъ, и аще бы за сіе умерети настояло, готову быть и въ послѣднемъ издиханіи не инако исповѣдать, и что Марія не токмо безъ грѣха дѣйствителнаго смертнаго или простителнаго, но и безъ первороднаго есть утверждать (*обаче не суть еретики и сіи: иже въ грѣсѣ первородномъ мнятъ быти рожденную* [2]); аки сынъ матерь свою во всѣхъ добродѣтелехъ подражать и въ дѣвствѣ аще же не токмо не в чистотѣ до кончини живота въ честь преславнаго имени

---

[1]) Изъ рукописи библ. Кіевской духов. Академіи, Р. Муз. № 501.

[2]) Курсивъ нашъ.

Ея параклисъ ежеденно прочитовать, и такой ради вины наизустъ научится Отче нашъ и Богородице Дѣво многократие съ умиленіемъ читать, ву Богомоліи упражнятся, себе опасно отъ грѣха блюсти и инныхъ до сего никакимъ примѣромъ не токмо не подвизать, но еще или совѣтомъ или ходатайствомъ укрощевать, учится не лѣностно найпаче свободнихъ наукъ, во еже бы готовому быть на отвѣтъ вопрошающимъ о чести Богоматере, Собранію же Ея или наслуговивать, аще возможно, или по силѣ имѣнія удѣлять гденибудь будучи; совѣсть часто испитивать весма ободолжается.

Вопросъ. И чтожъ есть испитаніе совѣсти?

Отвѣтъ. Совѣсти испитаніе есть помишленій, глаголаній и всѣхъ дѣйствъ до послѣдней части разсудительное исчисленіе:

1.

Благодарилъ ли Бога за низпосилаемія щедроти и благодати Его?

2.

Вовѣрялъ ли себе и дѣла добрая своя волѣ Божіей?

3.

Просилъ ли Бога о откровеніи во познаніе грѣховъ своихъ?

4.

Каялъся ли въ сокрушеніи сердца за грѣхи?

5.

Имѣлъ ли крѣпкое намѣреніе во еже би пособіемъ Божіимъ болшъ не грѣшитъ?

Вопросъ. Что есть содалество?

Отвѣтъ. Содалество есть рабовъ Божіихъ и Богоматере Ея въ помощи ввѣрившихся и собственно на службу себе съ присягою приопредѣлившихъ собраніе.

Вопросъ. Каковъ конецъ собранія Богородична?

Отвѣтъ. Во еже би раби Ея, непостидному ходатайству и твердому заступленію вовѣрившіися, Матери и Госпожи въ добродѣтелехъ подражали, преспѣвая въ совершенѣйшомъ житіи христіанскомъ, якоже и боголюбивие во своемъ чину творятъ монахи.

Вопросъ. Что требуетъ совершенство житія христіанского?

Отвѣтъ. Имѣть вѣру, надежду, любовь и что въ нихъ содержится: на сихъ бо весь законъ и пророцы висятъ.

Вопросъ. Что есть вѣра?

Отвѣтъ. Вѣра есть даръ Божій пре(*ест*)ественній, им-же крѣпко вѣруемъ откровенним, начало и основаніе человѣческаго спасенія, еюже всякъ человѣкъ у число сыновъ Божіихъ достигнути можетъ, или по Апостолу: уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ.

Вопросъ. Что есть символъ вѣры?

Отвѣтъ. Символъ есть правило вѣры нашея простое, вкратцѣ объемлющее первѣшія главизни благочестія православно-католическаго.

Вопросъ. Колико членовъ у символи?

Отвѣтъ. Дванадесятъ, ихъ же первіе апостоли по чину своему оставиша, потомъ же въ Нікеи перваго и въ Константинополѣ втораго собора отци распространиша.

Петръ

Вѣрую въ Бога Отца, всемогущаго Творца неба и земли,

Андрей

и въ Іса Хрта Сна Его, единаго Гда нашего,

Іоаннъ

зачатого отъ Духа святаго, рожденнаго отъ Маріи Дѣви,

Іаковъ Заведеовъ

страдавшого при понтійстѣмъ Пилатѣ, распятого, умершаго и погребеннаго,

Ѳома

и изшедшаго во адъ, третій день воскресшаго изъ мертвихъ,

Іаковъ Алфеовъ

вошедшаго на небеса, сидящого одесную Бога Отца всемогущаго

Филиппъ

оттуда грядущаго судити живихъ и мертвимъ.

Вареоломей

Вѣрую въ Духа Святаго,

Матѳей

во святую церковь каѳолическую;

Симонъ

святихъ общеніе, оставленіе грѣховъ;

Іуда Іаковль

плоти воскресеніе,

Маркъ

и жизнь вѣчную.

Вопросъ. Колико таинствъ церковнихъ?

Отвѣтъ. Крещеніе, миропомазаніе, евхаристія, священство, покаяніе, малженство, елеосвященіе.

Вопросъ. Что есть надежда?

Отвѣтъ. Надежда есть даръ Божій преестественній, имже несумнѣнно спасенія, жизни вѣчнія и блаженства, Богомъ обѣщаннаго, съ терпѣніемъ и молитвою ожидаемъ.

Вопросъ. Молитва Господня: Отче нашъ въ коликія части раздѣляется?

Отвѣтъ. Въ три: у предословіе, въ седмь прошеній, и присловіе, еже папѣсти (*папистьі*) отъ Грековъ зъ литургіи приданное мнятъ быти, но Матѳей, неразлучнѣ въ Евангеліи полагая, онихъ посрамляетъ. Сего ради всякъ сіе наединѣ до конца читать, въ храмѣхъ же за власть иерею оставлять, по повелѣнию церкве, долженъ.

Вопросъ. Цѣлованіе Богородицы отъ кого сложенно есть?

Отвѣтъ. Отъ церкви зъ словесъ Архангеловихъ и Елисаветиниxъ.

Вопросъ. Колико блаженствъ Господемъ въ Евангеліи реченнихъ?

Отвѣтъ. Девять: блаженни нищіи и протчая.

Вопросъ. Что есть любовь?

Отвѣтъ. Любовь есть даръ Божій преестественній, имже любимъ Бога паче всего, исполняюще заповѣди Его, и ближняго, яко самихъ себе.

Вопросъ. Колико заповѣдей отъ Бога Моисеомъ преданнихъ?

Отвѣтъ. 10.

1. Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене.

2. Не сотвориши себѣ кумира и всякаго подобія.

3. Не пріимеши имени Господа Бога твоего всуе.

4. Помни день субботній (сіесть недѣлній), святи его.

5. Чти отца твоего и матерь.

6. Не убіеши.

7. Не прелюби сотвориши.

8. Не украдеши.

9. Не возлжесвидѣтельствуеши.

10. Не вожелаеши жени ближняго и ничесого его.

Вопросъ. Колико заповѣдей церковнихъ?

Отвѣтъ. Девять: молитися Богу и слушати церковное пѣніе, пости чтири хранити, священники чествовати, исповѣдати грѣхи часто, книгъ еретическихъ не читати, молитися о сущихъ на власти и обращеніи еретиковъ, отъ архіерея пости и молитвы ради нѣкіихъ случаевъ уставленнія хранити, церковныя имѣнія добрѣ строити (оберегать), у мирскихъ не похищати, бракомъ у пости не бивати.

Вопросъ. Колико грѣховъ смерти?

Отвѣтъ. Седмь: гордость, сребролюбіе, блудъ, гнѣвъ, зависть, чревонеистовство, униніе.

Вопросъ. Колико грѣховъ противъ Духа Святаго?

Отвѣтъ. Излишнее упованіе на милость Божію безъ творенія добрихъ дѣлъ, отчаяніе благоутробія Божія, прѣніе противъ явной правди.

Вопросъ. Колико грѣховъ призивающихъ на скорое отмѣщеніе?

Отвѣтъ. Чтири: волное убійство, блудъ содомскій, стисненіе убогихъ, сиротъ и вдовъ, удержаніе и уятіе мзди наемничи.

Вопросъ. Какъ приобщаемся чуждымъ грѣхомъ?

Отвѣтъ. Совѣтомъ, повелѣніемъ, соизволеніемъ, похваленіемъ злаго, похуленіемъ добраго дѣла, ненаказаніемъ по долгу и защищеніемъ зло творящаго, приобщеніемъ чуждия вещи и совѣта нечестивихъ и протчая.

Вопросъ. Колико добродѣтелей, грѣхомъ противнихъ?

Отвѣтъ. Седмь: смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, терпѣніе, постъ, братолюбіе, молитва.

Вопросъ. Колико добродѣтелей Евангельскихъ?

Отвѣтъ. Чтири: мудрость, цѣломудріе, правда, мужество.

Вопросъ. Колико совѣтовъ Евангельскихъ?

Отвѣтъ. Три: самоволная нищета, всегдашная чистота, послушаніе человѣку Бога ради.

Вопросъ. Кая суть дѣла любве ко ближнему?

Отвѣтъ. Сугубая: духовная и тѣлесная. Духовная седмь: согрѣшающа исправити; невѣжду научити, усумнѣвающемуся у чесомъ благій и здравій совѣтъ подати, о спасеніи ближняго Бога молити, скорбяща утѣшити, обиди терпѣливо-душно носити, вини и погрѣшенія къ намъ ближняго отпускати. Тѣлесная седмь: алчна напитати, жаждна напоити, нагаго приодѣти, плѣнниковъ искупляти, немощнихъ и въ темници сущихъ посѣщати, странниковъ въ дому своемъ угощати и впокоевяти, мертвихъ погребати.

Вопросъ. Колико человѣку послѣднихъ?

Отвѣтъ. Чтири: смерть, судъ, геенна, и царство небесное [1]).

Приложеніе V-е.

Заповѣди содалѣстомъ" [2]).

Понеже конецъ собранія Преблагословенния Дѣви Маріи есть, да наслѣдствуемъ ю въ добродѣтелехъ и да преуспѣваемъ въ благочестии и совершеніи житиия християнскаго, убо хотящимъ уподобиться Царици своей и взити на путь совершения сие во первихъ дѣлати подобаетъ.

Вопросъ. Что есть содалѣсъ?

Отвѣтъ. Содалѣсъ есть рабъ Преблагословенной Дѣви Маріи, собственною титлою и взаконеніи служити должествующій.

Вопросъ. Кая есть должность его?

Отвѣтъ. Должность его есть, да знаетъ совершенно члени вѣри православной, установленіе христіанское, образъ почитания Богоматере и совершеніе житиия христіанскаго.

Вопросъ. Колико есть членовъ тѣхъ нужнихъ ко познанію?

---

[1]) Въ концѣ стоитъ 1731-й годъ, и сдѣлана приписка: „Сіе содалество войсковаго канцеляристи Петра Милорадовича".

[2]) Изъ рукописи библ. Кіев. дух. семинаріи VШ. 1. 79, л.л. 375--376.

Отвѣтъ. Инніи члени суть потребніи требованіемъ средствія, безъ нихъ же никтоже можетъ отъ человѣкъ вожделѣннаго доспѣти блаженства, и сихъ числомъ 4: а., вѣровати въ единаго Бога, в., вѣровати, яко Богъ мздовоздатель комуждо по дѣломъ его и злимъ злую, благимъ благую мзду обѣщаетъ, г., вѣровати, яко Богъ въ трехъ лицахъ, во единомъ же существѣ отъ насъ почитаеми и славими биваетъ, д., вѣровати, яко синъ Божій воплотилъся нашего ради спасенія. Инніи члени потребованіемъ заповѣди, и сихъ такожде числомъ 4: 1. вѣдати подобаетъ, яко седмь таинъ въ церквѣ обрѣтается, 2. вѣровати, яко всѣ должни есми соблюдати заповѣди церковния, 3. вѣровати, яко десять заповѣдей Господнихъ Моисеемъ намъ предани суть 4. символъ апостольскій, и вся сія яже намъ или писаніе божественное или церковь вѣровати предуставила есть.

Вопросъ. Что есть ко спасенію приводящее житія христіанскаго?

Отвѣтъ. Опасное совѣсти стязаніе, добродѣтели, нарицаемыя богословскія и евангельскія, дѣла милости тѣлеснія и душевнія, блаженства, дари и плоди Духа святаго.

Вопросъ. Что есть стязаніе совѣсти?

Отвѣтъ. Стязаніе совѣсти есть прилѣжное мисли своей и дѣяній прозрѣніе.

Вопросъ. Колико суть стязаній?

Отвѣтъ. Утреніе и вечерние.

Вопросъ. Колико частей имать стязаніе?

Отвѣтъ. 4: 1, благодареніе Богу за подаваемия щедроти; 2, приношеніе самаго себе, 3, жаль за грѣхи, 4, приложеніе еже ктому не обратитися къ грѣху. Здѣ слава во вишнихъ Богу со вниманіемъ чести достоитъ, зане въ славословіи наипаче благодареніе Богу возсилается.

Вопросъ. Колико частей имать стязаніе вечеръное?

Отвѣтъ. Пять: 1. благодареніе Богу за благость изобилную; 2. приношеніе просвѣщенія къ познанію грѣховъ

своихъ, въ сей день содѣяннихъ, и стязаніе совѣсти; здѣ и читати требѣ вся дѣйства дневния; 3, болѣзнь за грѣхи; 4, твердое предложеніе еже болѣе ктому не согрѣшати: слава во вишнихъ Богу“... [1])

Приложеніе VI-е.

Обѣща́ніе.

въ собраніи Прс҃тыѧ Бцы ѿ и́мени пресла́внаго еѧ Блгов҃ѣщеніѧ въ монастирѣ оѵчи́лищномъ Бра́тскомъ кіевскомъ вписꙋющихсѧ [2]).

Прс҃таѧ Дв҃о Бцѐ, Мр҃іе Мт҃и Гд҃а моегѡ̀ Іи҃са Хр҃а, а҆зъ (Андрей Негребецкій) ра́бъ сн҃а твоегѡ̀, и҆ тво́й грѣшный и непотребный, и самогѡ̀ Прт҃а́го лицезрѣ́ніѧ твоегѡ̀ не досто́йный, разже́нный любо́вію и҆ жела́ніемъ по Бозѣ слꙋжити тебѣ̀, имѣѧ несꙋмнѣннꙋю наде́ждꙋ въ твое́й неисповѣди́мой мл҃ти: Дне́сь предъ Бо́гомъ и҆ ст҃ыми нб҃ными силами врꙋча́ю мѧ̀ тебѣ̀ слꙋгѝ и҆ всегда́шнѧго раба̀, соединѧ́ѧсѧ ликꙋ бра́тіи ѡ И҆мени Пресла́внаго Блговѣщеніѧ (*по другой формѣ*: „*Зачатія*“) со́браннꙋ, и҆ ѿ сегѡ̀ днѐ и҆скренне жела́ю имѣ́ти тѧ̀ себѣ̀ Гпж҃ꙋ, Мт҃рь и предстателницꙋ житіѧ̀ и҆ сп҃сеніѧ моегѡ̀: и҆

---

[1]) Далѣе эти „заповѣди“ въ своемъ содержаніи сходны съ помѣщенными выше „видѣніемъ“.

[2]) Двѣ печатныхъ формы этого „обѣщанія“ сохранились вплетенными въ рукописи библ. Кіево-Софійскаго собора № 235; одна на листѣ 2, а другая на л. 441.

клѧтвенно со оусердіемъ обѣщаюсѧ никогдаже оставити тѧ, но наипаче честь достойную Имени твоему престому всегда воздавати, и прочихъ мнѣ врученныхъ къ томуждѣ почитанію оубѣщавати и наставлѧти долженствую: Сегѡ ради ѿ Мти Бжіѧ прилѣжно молю тѧ, и тобою Сна твоегѡ, Мудрость и Слово Бжіе, да мѧ мудрости, еѧже за твоею иштѡ помощію, научитъ, и къ спсенному всѣхъ блгихъ, житію полезныхъ наставитъ познанію, и ѿ находѧщихъ бѣдъ, и напастей избавитъ, и въ часъ смерти матерними твоими преклоненъ молитвами помилуетъ. Аминь.

Дадесѧ з вышшереченнаго собраніѧ. Року. Мцѧ. днѧ.

Приложеніе VII-е.

Краткое собственноручное показаніе Симона Тодорскаго о первыхъ (37-и) годахъ своей жизни[1].

„1701 (*года*) рожденъ въ мѣстечкѣ Золотоноши, полку Переяславскаго; сынъ козацкой. 1718 началъ обучатися въ Академіи Кіевской и пребылъ въ ней неисходно даже до 1727. Въ началѣ же помянутаго года, не окончивши богословіи,

---

[1]) Это показаніе (подлинное нами передано въ библ. церк.-археол. музея при Кіевской дух. Академіи) озаглавлено: По предложенію канцеляріи Каѳедральной Архіепископіи Кіевской обстоятельное извѣстіе". Думаемъ, что такое извѣстіе было потребовано отъ Тодорскаго по поводу просьбы его о постриженіи въ монашество (См. повтореніе свѣдѣній этого „извѣстія" въ дѣлѣ 1739 г. марта 29. № 193, въ архивѣ Св. Синода; срв. д. Арх. Кіев. дух. конс. 1739 г., № 7, гдѣ есть прошеніе Тодорскаго о постриженіи его въ монашество, отъ 23 января 1739 года).

отъѣхалъ въ Санктпетербургъ; въ Санктпетербурха въ Лифляндію, въ Ревель, а оттуду, воспріявши окказію, зъ пашпортомъ на имя Его Імператорскаго Величества блаженнія памяти Петра втораго, въ Губернской Ревелской канцеляріи мнѣ виданнымъ, отъѣхалъ за море 1729 въ Академію Галлы Магдебурскія, въ которой, проходячи ученія къ моему намѣренію и совершенію ученія богословскаго надлежащія, найпаче же ради обученія языковъ Еврейскаго и Греческаго и протчіихъ нѣкіихъ восточныхъ языковъ, даже до 1735 году забавился. А оттуду виѣхавши, полтора года между Езуитами пребылъ на розныхъ мѣстахъ. Потомъ, позванъ отъ Грековъ для нѣкія ихъ церковнія нужды, полтора жъ году при нихъ въ государствѣ Венгерскомъ учителемъ зоставалъ. Прошедшаго же 1738 года въ отечествіе возвратился.

Сіе объявляетъ

Симеонъ Тодорскій

учитель школы Греческія.

Кіевъ 1739. Генваря 28ᵈ.

Приложеніе VIII-е.

Извлеченіе изъ документовъ относительно преподаванія въ Кіевской Академіи богословія въ $17^{35}/_{36}$ учебномъ году [1]).

При обычномъ передвиженіи членовъ академической корпораціи предъ началомъ каждаго новаго учебнаго года, въ $17^{35}/_{36}$ учеб. году богословіе слѣдовало бы начать преподавать префекту-іером. Іерониму Миткевичу. (Тогдашній ректоръ Амвросій Дубневичъ, изложившій полный курсъ богословія, осенью 1735 г. не былъ въ Кіевѣ, а находился въ комиссіи, занимавшейся переводомъ и сводомъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи [2])). Но митроп. Рафаилъ За-

---

[1]) Самые документы, изъ которыхъ мы помѣщаемъ это извлеченіе, переданы нами въ библ. церк.-археол. музея при Кіев. дух. Академіи.

[2]) См. выше, въ 1-й главѣ настоящаго изслѣдованія.

боровскій 28 августа 1735 года, въ своемъ „опредѣленіи, которымъ надлежитъ въ ...академіи Кіевской быть учителямъ, и въ какомъ званіи чія должность имѣетъ быть", предписалъ Миткевичу „имѣть въ своемъ содержаніи: 1-mo, по прежнему званіе префектовское, и оное правленіе, какъ надлежитъ префекту, безъ упущенія содержать, 2-do, инструкцію большой конгрегаціи по воскреснымъ днямъ преподавать тщательно, и чего научать или какое писаніе святое експлѣковать имѣетъ, то тое такъ показывать аккуратно, чтобъ и наименьшой писанію Божественному не было противности, найпаче съ толкованія святыхъ отецъ не ясные и къ разумѣнію трудные изъяснять тексты безуронно, а по своему мнѣнію ничего не толковать; 3-tio,... каменного (новаго) на школахъ (старыхъ) созиданія присмотривать охотно [1]), при тщательномъ управительствѣ (чтобъ оное строеніе чинно, надлежащимъ фундовалося сумптомъ, безъ излишества), поколя въ совершенное пріидетъ оное созиданіе окончѣніе"; при чемъ,—такъ какъ „и тимъ троимъ званіямъ токмо, какъ надлежитъ, удовлетворить пристойно—довольно труда есть",—митрополитъ, уволнивъ его—Миткевича, „для послабленія ему", отъ прежняго преподаванія имъ философіи, опредѣлилъ „преподавать съ начала богословію, начиная оную надлежащимъ схолястическимъ порядкомъ" іеромонаху Платону Левицкому.

Получивши указъ объ этомъ, Іеронимъ Миткевичъ 3 сентября писалъ митрополиту, что онъ будетъ исполнять возложенныя на него обязанности „безъ упущенія". „Обаче, присовокуплялъ онъ, да не отдаленъ буду вовся отъ ученія школьнаго, и да безъ порицанія профессорскую порцѣю употребляти буду, всеприлежно прошу Преосвященства Вашего, донелѣ еще лѣта мои служатъ и охота къ тому

---

[1]) Въ это время надстраивался второй этажъ на зданіи, гдѣ помѣщались академическіе классы (см. 2-ю главу настоящ. изслѣдованія).

имѣется, милостиво да повелитъ мнѣ ваша архипастырская милость въ академіи Вашего Преосвященства Кіевской secundariam a prandiis lectionem ведлугъ диспозицѣи обыкновенной теологического курсу часть якую священной богословіи преподавати, а именно aut de sacramentis, aut de tribus virtutibus theologicis, aut de Decalogo cum casibus, aut de jure et justitia по надлежащему чину схолястическому, а пречестній отецъ Платонъ Левѣцкій, яко primarius, primariam matutinam lectionem по настоящему преподавалъ бы, ни въ чемъ неотмѣнно и безпрепятно. Каковое и по инныхъ академіяхъ обикновеніе имѣется, да и здѣсь, въ коллегіумъ Кіевскомъ, прежде сего, уже за моей памяти, былъ такій образецъ, что двоихъ имѣлося священной Богословіи учителей, и нынѣча да возобновлено будетъ таковое многополезное обученіе въ пользу ученикомъ, въ похвалу коллегіумъ кіевского и въ болшую потомную Вашего Преосвященства славу".

Въ отвѣтъ на такую просьбу митр. Заборовскій 7 сентября прислалъ на имя Миткевича указъ, въ которомъ писалъ: „Разсуждали мы—пастырь, что въ инныхъ странахъ обычай весьма изрядный имѣется: по академіяхъ богословію чтиры учители преподавать опредѣляются; от чего какъ учителямъ полегкость и къ преподаванію и разсужденію довольно времени остается, такъ и ученикомъ богословомъ великая польза изобрѣтается: отъ едного бо, другого, третого, и четвертого учителей можетъ всегда чегось нового научитися и, чего временемъ отъ едного не можетъ поняти ученикъ, то отъ другого, въ експлѣкаціи латвѣйшого, учителя удобнѣйше можетъ изучитися. Да и въ нашей академіи было тое, что два учители богословію преподавали. Такой добрый и благополезный чужихъ странъ обычай намъ весьма подобался, и мы, подражая тому, желали бъ той же порядокъ устроити; но скудость людей учительныхъ того дѣйствовать не допущаетъ; то поне два да будутъ въ академіи нашей

богословіи священной учители, какъ прежде сего было. Того ради, по нашему пастырскому разсмотрѣнію, повелѣваемъ пастырско: пречестному іеромонаху Платону Ліевѣцкому священной богословіи учителю (якъ мы въ опредѣленіи нашемъ архіерейскомъ повелѣли) преподавать зърана лекцію надлежащую ученикомъ своимъ богословомъ, всечестности же твоей по обѣдѣ диктовать лекцію, а имянно de Decalogo et de casibus, и оную чинно и дѣйствительно въ пообѣдное жъ время экспліѣковать ученикомъ для надлежащаго исполненія и для душеспасительной пользы, на которую лекцію пообѣдную всѣмъ богословомъ ходить непремѣнно для писанія оной и слушанія экспліѣкаціи, такожъ философомъ и риторомъ означенную de Decalogo et de casibus лекцію въ разсмотрѣніемъ времени трактовать, яко весьма нужнѣйшую, позволяемъ и архіерейско совѣтуемъ; отъ какого преподаяннія богословіи какъ первому учителевѣ, пречестному Платону, полегченіе будетъ въ писаніи надлежащой лекціи и довольнѣйшое время ко чтенію и ко пріуготовленію на експліѣкацію, такъ и другому учителевѣ, всечестному Іерониму, тожъ къ произвожденію показанного дѣйствія полегкость знайдоватимется зъ доволствіемъ времени, да и самимъ ученикомъ лучшая охота и особливѣйшая польза (въ чемъ весьма надежно) отъ двоекратного ученія и експліѣкаціи двоихъ учителей произыйти можетъ. И въ томъ преподаяннія священной богословіи пречестный Платонъ долженъ primarius учитель теологіи нарицатися, всечестный же префектъ secundarius да именуется. И сей нашъ пастырскій указъ какъ первому учителю богословіи—Платону и честнѣйшимъ всѣмъ учителямъ, такъ всѣмъ ученикомъ богословомъ, философомъ и риторомъ, гдѣ преподается богословія, опублѣковать для надлежащаго вѣдома и дѣйствительнаго исполненія, и какъ о полученіи, такъ и о произвожденіи въ дѣйствіе насъ, пастыря, первому и второму пречестнимъ учителямъ священ-

ной богословіи Платону и Іерониму репортовать непремѣнно архіерейско повелѣваемъ".

Платонъ Левицкій, видимо, почувствовалъ себя обиженнымъ этимъ распоряженіемъ митрополита и рѣшился письменно изъяснить владыкѣ неудобопримѣнимость его указа и попросить объ отмѣнѣ послѣдняго.

„На... высокоповажный Вашего Преосвященства указъ,— писалъ онъ, между прочимъ, въ доношеніи митрополиту 9 сентября,—симъ дерзаю отвѣтствовать нижайше, что въ коллегіяхъ иншихъ націй чтиромъ учителямъ преподавать богословію немалая есть латвость; понеже у нихъ единъ учитъ спекулятиву, другій контроверсу, третій позитиву, четвертый моральну. У насъ же того двомя учительми вомѣстить всячески невозможно, развѣ были бъ по примѣру другихъ націй чтиры учители. А то для того (*потому*), что значала академіи Кіевской, какъ и въ другихъ коллегіяхъ, практикуется, единъ учитель когда преподаетъ богословію чтиролѣтную, тамъ входитъ матерія всѣхъ частей ѳеологическыхъ по порядку схолястическому, иначе же начинати и кончити невозможно. А гдѣ случается, что казусъ дается, таковый профессоръ не бываетъ пообѣднымъ учителемъ, дабы тому учителеви, который ordinariam theologiam учитъ, для выдиктовання надлежащой матеріи не препятствовалъ, и ис такой матеріи de casibus диспута въ Богословіи не правится и къ такому жъ ученію собственная имѣется школа и время. Въ академіи же Вашего Преосвященста, хотя и былъ за нужду единожди таковъ образецъ, что два учители преподавали богословію, то уже за моей памяти таковымъ случаемъ стало, что покойный Томойловичъ кончилъ богословію, нынѣшный же архимандритъ Іосифъ Волчанскій начиналъ; я же нижайшій не окончеваю богословіи, но нынѣ еще началъ, и затимъ мнѣ не облегченіе, но тяжесть примножилася. Преосвященнѣйшій Владыко! нижайше прошу пообѣднего времени мнѣ не отнимать и префекта въ пообѣд-

нето учителя мнѣ не опредѣлять, дабы мнѣ предъ Богомъ и предъ Вашимъ Преосвященствомъ не отвѣтствовать, и у мудрыхъ людей не попасти въ ценсуру вѣкопомную за отнятіемъ охоты къ учительству слѣдующаго ради невомѣстительства съ префектомъ. Къ тому жъ весьма невозможно мнѣ самыми ранками (*т. е. по утрамъ*) надлежащую лекцію повсягодную выдиктовувати за преподаяніемъ *Decaloga* по обѣдѣ, *о которомъ* тàкъ мнѣ сего года слѣдуетъ intra materiam de legibus учить, какъ и повсягодно тотъ на инструкціи не только студентамъ, но и простому народу експлѣкуется. Владыко святый! прошу нижайше и постокротнѣ наложенную мнѣ вомѣсто облегченія отняти тяжесть, и префекту повелѣть (аще невозможно зачимъ быть по первому Вашего Преосвященства благоразсмотрительному опредѣленію) casus преподавать въ реторицѣ, а не въ моей школѣ, на который какъ протчіимъ, такъ и моимъ ученикомъ свободно было бы по изволенію ихъ, а не съ принужденія ходити, и къ моимъ ученикомъ jus rigorosum не имѣлъ бы, и мнѣ и ученикомъ моимъ, по звиклости своей живущему при скудномъ опредѣленіи, не чинилъ бы препятствія, и диспутъ de casibus въ богословіи, какъ уже похвалялся, не дерзалъ бы править: какъ бо реторѣ, слушающіи casusa, могутъ правити диспуту, не знающіи формы діалектической?“

Митроп. Рафаилъ Заборовскій положилъ на доношеніи Левитскаго такую резолюцію: „разсмотрити въ Консисторіи между тѣми прющимися и насъ утруждающими головами и опредѣленіе наше, и намъ предложити. 1735 г. сентября 9 дня“. Какое сужденіе имѣла по этому поводу Консисторія, извѣстій не сохранилось. Несомнѣнно лишь одно, что ею было признано вполнѣ цѣлесообразнымъ желаніе архипастыря, чтобы богословіе въ Академіи преподавалось двумя профессорами, что и было на самомъ дѣлѣ въ Академіи въ теченіе двухъ учебныхъ лѣтъ [1]).

---

[1]) См. списокъ профессоровъ богословія въ 3-й главѣ настоящаго изслѣдованія.

Приложеніе IX-е.

Аттестатъ, выданный Академіею въ 1743 году Тимоѳею Александровичу, по окончаніи имъ академическаго курса [1]).

Оказатель сего, панъ Тимоѳей Александровичъ, довольное время въ Академіи Кіевской обучавшійся и вся уже ученія, обикновенно тамъ преподаемія, прошедъ, свято же и непорочно совершивъ, хотя отъ всякого подобного жъ ему о своемъ ученіи, добронравіи, житія честности доброе и потому уже и совѣстное свѣдительство имѣть можетъ; однакъ, понеже тотъ вездѣ во всѣхъ Академіяхъ обычай есть: кои въ нихъ учители и правители суть, тѣмъ бы о коемуждо ученикове, какъ всякого ученіе и нрави должно свѣдущихъ свѣдителство за прямое и истинное причитаться могло; я поелику въ той же Академіи, по воли и благословенію милостиваго господина моего Отца и Архипастира Преосвященнѣйшаго Киръ Рафаила Заборовскаго, Архіепископа Кіевскаго, Галицкаго и Малія Россіи, чрезъ единонадесятъ лѣтъ, начавъ съ риторики даже до окончанія священную богословію учителствомъ прохожду, и въ тѣхъ школахъ то есть въ риторики, въ философіи и богословіи между протчими и онаго пана Тимоѳея Александровича ученика имѣлъ, къ тому же въ показанних моего учителства годѣхъ чрезъ три лѣта и префектовское званіе содержалъ, котораго какъ всѣхъ школъ учениковъ, такъ и ихъ информаторовъ надсмотрѣвать должность есть, симъ нижеслѣдующое праведно и въ незазорной совѣсти свѣдителствую 1, показанній панъ Тимоѳей Александровичъ реторическое, философское и богословское ученіе совершилъ съ прилежаніемъ доволнимъ, ползою

---

[1]) Подлинный аттестатъ нами переданъ въ библ. Церк.-Археол. музея при Кіев. дух. Академіи.

своею и другихъ превосхожденіемъ; 2. нрави имѣлъ честніе, и безпорочное все въ Академіи Кіевской житіе свое провождалъ; 3. врученнихъ его инфоматорству учениковъ содержалъ со всякою честностію и наставленіемъ добрымъ; 4. ученіемъ преуспѣлъ такъ, что реторику и другія ученія может совершенно, съ похвалою своею и ползою слышащихъ его, преподавать и самъ; 5. прошлого 1741 года на вѣрность службы Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской, да 1742 года о наслѣдіи всероссійскаго престола Его Императорскому Высочеству внуку Петра перваго благовѣрному Государю, великому князю Петру Өеодоровичу присягалъ въ той же Академіи и своеручно подписался. Что все вышпоказанное какъ со всякою вѣрностію, которую я церкви Божіей долженъ, свѣдителствую, такъ тоежъ моею собственною рукою и печатью подтверждаю. Данъ въ Академіи Кіевской 1743 года Марта 16 дня.

Кіево-Братскаго училищнаго монастиря Архимандритъ и Ректоръ Сильвестръ Кулябка m(*anu*) p(*ropria*).

Приложеніе X-е.

Отрывокъ изъ вѣдомости объ ученикахъ Кіевской Акаде міи 17⁸⁶/₈₇ учебнаго года[1]).

„Ученики инфимы:

Имя и прозваніе.	Съ какова чина родителей и откуду.	Какихъ отъ рожденія лѣтъ.	Каковаго ученія.
Михаилъ Веселовскій.	Полку Малороссійскаго, въ города Гадяча, сынъ козачій	14	Ученія добраго.

---

[1]) Этотъ отрывокъ на трехъ полулистахъ сохранился въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи. Слич. полные списки учениковъ инфимы и грамматики за этотъ годъ въ архивѣ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, л.л. 128—133.

Григорій Творинскій въ Полщи, въ мѣста Радружа, сынъ священническій . .	13	Ученія мѣрнаго.
Іоаннъ Косткевичъ въ Полщи, въ мѣста Перемишля, сынъ священническій . . .	18	„ худого.
Іоаннъ Зеленскій Полку Малороссійскаго Гадяцкого, въ города Ƶѣнкова, сынъ козачій	19	„ добраго.
Марко Волковѣцкій Полку Слободского Сумского, въ города Сумъ, сынъ священническій . . .	18	„ доброго.
Романъ Христіянскій въ города Царичина, рода калмицкого	15	„ мѣрного.
Іоаннъ Онискевичъ въ Полщи, въ мѣстечка Бару, мужичій сынъ	22	„ мѣрного.
Іоаннъ Савѣцкій Полку Малороссійского Нѣжинского, въ города Нѣжина, сынъ поповъ	16	„ доброго.
Іосифъ Шишацкій Полку Малороссійского Полтавского, въ мѣстечка Нехворощи, сынъ ковачій. . .	16	„ мѣрного.
Игнатій Василковскій въ города Кіеvа, сынъ мѣщанскій. .	16	„ добраго.
Андрей Иванскій въ Полщи, въ мѣста Дубна, сынъ мѣщанскій	12	„ мѣрного.
Андрей Маковскій въ города Кіеvа, сынъ мужичій	15	„ добраго.

Алексѣй Климковскій зъ Полщи, зъ мѣста Климковки, сынъ мѣщанскій . . .	16	Ученія мѣрнаго.
Андрей Колскій зъ города Кіеvа, сынъ мѣщанскій . . .	11	„ мѣрного.
Александръ Чернявскій зъ Полщи, зъ мѣста Мостищъ, сынъ мѣщанскій. . . .	18	„ добраго.
Андрей Бородаевскій Полку Малороссійского Полтавского, зъ города Будищь, сынъ козачій	19	„ добраго.
Алексѣй Байковскій зъ Полщи, зъ мѣста Славатичъ, сынъ мѣщанскій . , . .	18	„ добраго.
Василій Диримовичъ зъ города Кіеvа, сынъ мѣщанскій. .	15	„ мѣрного.
Василій Кожуховскій Полку Малороссійского Нѣжинского, съ мѣста Дѣвицѣ, сынъ мѣщанскій. . . .	18	„ мѣрного.
Василій Смѣлнѣцкій Полку Малороссійского Стародубовскаго, зъ города Стародуба, сынъ священническій	16	„ добраго.
Василій Бодянскій Полку Малороссійского Лубенского, зъ города Сенчѣ, сынъ священническій . .	16	„ добраго.
Василій Свѣрскій Полку Малороссійского Нѣжинского, зъ города Батурина, сынъ мѣщанскій. . . .	13	„ мѣрнаго.

Евѳимій Вишинскій	Полку Малороссійского Нѣжинского, зъ города Глухова, сынъ священническій . .	16	Ученія мѣрнаго.
Іоаннъ Александровичъ	зъ города Кіеva, сынъ мѣщанскій . .	14	„ добраго.
Іоаннъ Іоанновичъ	Полку Чигиринскаго, зъ мѣстечка Суботова, сынъ козачій. .	17	„ добраго.
Іоаннъ Ильчинскій	зъ Полщи, зъ села Куликова, сынъ мужичій	17	„ мѣрнаго.
Кондратій Градинскій	Полку Малороссійского Прилуцкого, зъ мѣстечка Јчнѣ, сынъ козачій. . . . , .	20	„ добраго.
Козьма Максимовичъ	Полку Прилуцкого, зъ города Прилуки, сынъ мужичій . .	18	„ добраго.
Кириллъ Покорскій	зъ Полщи, зъ мѣста Камянца, сынъ мѣщанскій	18	„ мѣрнаго.
Григорій Щербацкій	Полку Малороссійского Переяславскаго, зъ села Рогозова, сынъ козачій . . .	12	„ добраго.
Григорій Жуковскій	Полку Малороссійского Лубенского, зъ города Глинска, сынъ козачій . . . . ,	15	„ мѣрнаго.
Іоаннъ Вишніовскій	зъ Полщи, зъ города Острога, сынъ дяковскій	12	„ худаго.

Максимъ Чернявскій Полку Малороссійского Переяславскаго, зъ села Войтова, сынъ посполитихъ . 16 Ученія мѣрнаго.

Михаилъ Бурляй Полку Малороссійского Переяславскаго, зъ города Переяславя, сынъ козачій . . . 12 „ худаго.

Матѳѣй Смѣлнѣцкій зъ города Кіево-Печерской крѣпости, сынъ священническій 13 „ мѣрнаго.

Петръ Хмарнѣцкій Полку Малороссійского Нѣжинского, зъ города Нѣжина, сынъ священническій . . 12 „ добраго.

Петръ Стефановичъ зъ города Кіева, сынъ мѣщанскій . . 12 „ мѣрнаго.

Романъ Бурляй Полку Малороссійского Переяславского, зъ города Переяславя, сынъ козачій . . . 11 „ худаго.

. . . .

Ученики грамматики:

. . . .

Іаковъ Евстатинскій Полку Малороссійского Лубенского, зъ города Ромна, сынъ козачій . . . . . 13 „ лѣниваго.

Григорій Бибчинскій зъ Полщи, села Ходакова, сынъ дяковскій. . . . . . . 15 „ тщательнаго.

Данило Сумнѣцкій Полку Слободского, зъ мѣста Сумъ, сынъ мѣщанскій . . . 20 „ неслабаго.

Данило Нащинскій	Полку Малороссійского Полтавского, въ города Полтавы, сынъ козачій . . .	16	Ученія не слабаго.
Стефанъ Гибуричъ	въ Полщи, въ села Колинецъ, сынъ священническій . . .	19	„ не слабаго.
Деміянъ Петрашевичъ	Полку Малороссійского Переяславского, въ мѣстечка Кропивной, сынъ козачій	13	„ не слабаго.
Николай Бѣлѣнскій	въ Полщи, въ мѣстечка Баража, сынъ козачій	19	„ слабаго.
Гордѣй Іаневскій	въ Полщи, въ мѣстечка Бердичева, сынъ козачій	24	„ безнадежнаго.
Іоаннъ Левѣцкій	въ Полщи, въ Стараго мѣста, сынъ поповскій . , . . .	17	„ средняго.
Өеодоръ Шарліевскій	въ Полщи, въ села Дубовецъ, сынъ священническій . .	19	слабаго.
Михайло Өеодоровичъ	Полку малороссійского Нѣжинского, въ города Нѣжина, сынъ козачій . . .	15	средняго.
Стефанъ Атаназѣевичъ	Полку Малороссійского Переяславскаго, въ села Воронкова, сынъ священническій . . .	13	слабаго.

Семенъ Малѣцкій зъ Полщи, зъ мѣстечка Товстого, сынъ мѣщанскій . . . . 20 Ученія безнадежнаго.

Всѣхъ показанныхъ грамматиковъ числомъ 48.

Іеромонахъ Амвросій Негребецкій учитель грамматицкій.

Исправленія и дополненія.

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
6	27	VI—VIII	VI—VIII, X и XII.
8	26	ненайти	не найти.
20	23	Sub	sub
24	9	23 февраля	23 марта.
24	21	т. II, д. № 26	т. III, д. № 10, гдѣ сказано, что Пиновскій (замѣтимъ, что нѣкоторые документы называютъ его Пиковскимъ) „преставился въ 1721 году".
24	36	февраля 23	марта 23 (Самъ Іосифъ Волчанскій на допросѣ въ Св. Синодѣ въ сентябрѣ 1730 года показывалъ, что онъ „состоитъ игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря съ 23 марта 1727 г.; см. Опис. док. и д., хр. въ арх. Св. Пр. Синода, т. X, стр. 463).
24	38	невѣрно	вѣрно,
25	1	23 февраля	23 марта.
30	20	началъ	напалъ.
33	38	—	(*Добавить*:) Въ 5-хъ, наименованіе Пиновскаго префектомъ и учителемъ философіи въ іюнѣ 1713 года въ философскихъ тезисахъ, бывшихъ въ означенное время предметомъ публичнаго диспута въ Кіевской Академіи („ ... assistente... Reverendo Patre Sylvestro Pykowski AA: LL. et Phylosophiae ordinario profes. scholarumque ejusdem Collegii Praefecto. Anno D. 1713 Mense Junio Die); экземпляръ этихъ тезисовъ—въ собраніи церковныхъ древностей, принадлежащихъ

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
			Московской духовной Академіи (см. Богослов. Вѣстникъ, 1903 г., іюль—августъ, стр. 417). Въ 6-хъ, упоминаніе о немъ въ „Автобіографическомъ показаніи Арсенія Маціевича“ (напечат. въ сборникѣ, изд. Бартеневымъ), разсказывающемъ о себѣ, что онъ (проучившись до риторики во Владимірѣ Волынскомъ, Бареняжской и Львовской академіяхъ) въ 1715 г. прибылъ изъ Владиміра въ Кіевъ и явился къ Кіевской Академіи *префекту* іеромонаху Сильвестру Пиновскому.
33	39	три свидѣтельства	шесть свидѣтельствъ
33	40	ни одинъ	ни одно
34	5	Іосифъ	Іоасафъ
„	9	1884	1855
35	6	февраля	марта
36	1	февраля	марта
„	19	—	(*Добавить*:) см. Описан. докум. и дѣлъ, хран. въ арх. Св. Пр. Синода, т. X, ст. 471.
37	2	декабря	іюня.
„	4	декабря	іюня.
„	16	—	(*Добавить*:) Въ іюнѣ 1733 г. было сообщено Св. Синоду (изъ Москвы), что префектъ Стефанъ Калиновскій высланъ изъ Кіева въ Москву (Описан. докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. XII, ст. 398).
40	10	почти весь 1745 г. съ весны до декабря мѣсяца	почти весь конецъ 1745 года, по 25-е число декабря мѣсяца
69	23—24	приблизительно 1730 и	$17^{36}/_{37}$ г.
73	21	S. 1. 26	J. 1, 26.
80	21	1742 г.	1724 г.
90	34	учено-	учебно
113	35	отъ оченикахъ	объ ученикахъ
116	29	1796 г.	1898 г.
119	10	учительствовавшій	учительствовавшіе
120	6	1710 г.	въ 1710 г.
„	15	„Житія	„Житіе

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
121	18	проповѣдовалъ	проповѣдывалъ
„	26	сначала	сперва
122	6	—	*Добавить* къ списку учителей аналогіи, инфимы и грамматики слѣдующее:)

15) *Лаврентій Горка*, учительствовавшій *приблизительно* въ $17^{03}/_{04}$ учеб. г. въ аналогіи; въ $17^{04}/_{05}$ г. въ инфимѣ и въ $17^{05}/_{06}$ г. въ грамматикѣ.— Свидѣтельство объ учительствѣ Горки въ означенныхъ классахъ мы имѣемъ въ показаніи учителя Рязанской школы іеромонаха Ермія, что онъ Ермій въ фарѣ, инфимѣ и грамматикѣ три года учился у Лаврентія Горки. (Въ спискѣ учителей синтаксимы поставили мы имя Горки подъ 1706—7 г.; въ зависимости отъ этого и опредѣляемъ *приблизительно* время его учительства въ фарѣ, инфимѣ и грамматикѣ); а въ синтаксимѣ и піитикѣ былъ въ ученіи у *іером. Хоминскаго*, а какъ его имя,—за многопрошедшими годами не упомнитъ, а въ реторикѣ у о. *Павла Мишталъскаго* (Арх. Св. Пр. Синода. д. 1737 г., т. III, вѣдомость Рязанской семинаріи).

16) *іером. Хоминскій*, учительствовавшій въ синтаксимѣ и піитикѣ; и

17) *о Павелъ Мишталъскій*, преподававшій риторику (см. выше показаніе іером. Ермія). — Трудно съ точностью опредѣлить, когда оба они учительствовали. По всей вѣроятности, въ періодъ отъ 1706 — 7 по 1710 г. (см. списки учителей синтаксимы, піитики и риторики) Вѣрно-ли Хомѣнскій назвалъ имя Мишталъскаго, и не былъ ли этотъ Мишталъскій указаннымъ нами въ спискѣ учителей риторики— *Игнатіемъ* Мишталъскимъ,—рѣшить затрудняемся.

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
			18) Іеродіаконъ *Діонисій Райковскій*, учительствовавшій въ *грамматикѣ* предъ 1733 годомъ (Въ этомъ году онъ былъ высланъ митроп. Рафаиломъ Заборовскимъ въ Москву въ званіе проповѣдника. Въ доношеніи по сему поводу Райковскій называется *бывшимъ учителемъ грамматики* въ Кіевскомъ училищномъ монастырѣ; см. Описан. докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Пр. Синода, т. XII, ст. 398. Въ документѣ архива Кіево-Печерской Лавры Райковскому дана фамилія *Раковскій*; см. 1-е примѣч. на 300-й стр. нашего настоящаго изслѣдованія). 19) Іером. *Никифоръ Грибовскій*, учительствовавшій въ грамматикѣ около 1732 г. (См. списки учителей Академіи, составленные въ 1760-хъ годахъ. Въ нихъ, въ отдѣлѣ: „О(бъ) учителяхъ грамматики“ сказано: „Учитель грамматики іеромонахъ Никифоръ Грибовскій былъ 1732 марта“).
131	13	instructam	instructam ad conceştum
133	30	ccssit	cessit
150	20	ad plausum	ad plausum et
„	22	Colegio	Collegio
152	15	I. III	J· III
153	1	Emprorium	Emporium
155	21	преданію	извѣстію
156	14	2)	1)
„	15	3)	2)
„	17	4)	3)
157	30	вѣроятно, заграничныхъ	(вѣроятно, заграничныхъ)
„	„	видимо, тамъ	(видимо, тамъ)
158	13	то, понятно,	то непонятно,
159	9	Mohylaeno	Mohylaeano
160	10	Raphaelo	Raphaaelo
„	25	1707 г.	1700 г.
162	2	geuere	genere
166	3	factis	facto

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
166	4—5	diffil iciora	difficiliora
167	17	manducendis	manuducendis
173	19	histeriam	historiam
176	15	nonnulei	nonnulli
„	17	Forseca	Fonseca
177	7	естественную	естественную,
178	26	представляющей	представляющее
179	18	натуральной	*натуральной*
181	3	naturalis,	naturalis).
182	16	не противорѣчившей	не противорѣчившій
183	14	scriptura	Scriptura
185	7	scilbcet suisistentia	scilicet subsistentia
187	4	1701-й)	1701-й),
189	13	550 л.	550 л :
190	2	VIII. 1. 56;	VIII. 1. 56);
192	8	VIII. 1. 51, VIII. 51.	VIII. 1. 51.
193	5	die 6	die 9
„	24	1771—1719	1717—1719
194	8	логики и метафизики	логика и метафизика
„	22	1. 11. 60. 1.	J. 11. 60. 1.
„	32—33	а, затѣмъ	а затѣмъ,
196	23	стр. 207, № 185, л. 172—309	стр. 194, № 157
„	36	VIII. 1. 9.	VIII. 1. 9,
198	18—19	закончивавшему	заканчивавшему
199	9	метафизика	метафизики
„	18	мая, 1736 г.,	мая 1736 г.,
„	32	36/37	1736/37
200	3	septembris,	septembris
202	16	№ 839	№ 839)
205	10—11	профессоры,	профессуры,
207	13	cryptos	cryptas
210	6	XVII вѣка [1]).	XVII вѣка [2]).
„	12	симинарія	семинарія
211	4	католически-	католическо-
212	24	I. 1. 47. 47	J. 1. 47. 47.
„	33	I. 1. 45. 45.	J. 1. 45. 45.
„	„	1. 1. 48. 48.	J. 1. 48. 48.
„	„	I. 1. 4. 4.	J. 1. 44. 44.
213	11—12	не оставалось [1])	не оставалось“ [1]).
214	24	Руководства	руководства

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
214	32	—	(*Добавить:*) См. ниже, стр. 234.
217	7	corporeus [2])	corporeus [2]),
218	30	Божіихъ	Божіихъ,
219	16	virtus,	virtus
„	20	disputio 1,	disputatio 1,
221	12	третьего	третьяго
„	20	aseitas	ascitas
225	10	liturgias,	liturgias antiquas,
227	17	ortginale	originale
„	23	ignaminiam	ignominiam
228	21	in lectionibus	in lectionibus, sive in concionibus,
„	26	о пр. дѣвѣ	о пр. Дѣвѣ
230	10	paenieas	paenitus
„	30	л. II-й	л. 11-й
„	33	Mate	Mater
232	11	пр. дѣвы	пр. Дѣвы
233	14	запрещать	защищать
„	33	Frinitate	Trinitate
234	4	*правильнѣе*	*правильнѣе*,
„	16	—	(*Добавить:*) Что именно *незнаніе греческаго языка* было причиною нѣкоторыхъ отклоненій кіевскихъ богослововъ отъ православія, это сознавали тогдашніе великорусскіе (московскіе) богословы. Напримѣръ, инокъ Евфимій, составившій (по повелѣнію патріарха Іоакима) обширный богословскій сборникъ, озаглавленный: „Остенъ" (его позднѣйшая редакція относится ко времени послѣ 1692 г.; см. М. Смендовскаго: „Братья Лихуды", стр. 24), въ одномъ его мѣсѣ (стр. 73, см. цит. изслѣдованіе М. Смендовскаго, стр. 121) говоритъ (устами Епифанія Славинецкаго): „Кіевляне учились и учатся точію по латинѣ и чтутъ книги токмо латинскія и оттуду тако (о пресуществленіи) мудрствуютъ; а греческі не училися и книгъ греческихъ не чтутъ и того ради о семъ (о пресуществленіи) истины не вѣдаютъ и велми въ семъ погрѣшили, зане сіе есть ересь латинская, латини бо тако мудрствуютъ".

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
236	23	догодки	догадки
237	1	(*въ первой*	*въ первой*
„	30	к. 113	л. 113
238	28	находимъ:	находимъ,
240	17	6-й)	6-й),
243	27	писана—	писана,—
244	13	Ha	Ita
245	16	illustrata",	illustrata,
246	7	I. 1. 42. 42.	J. 1. 42. 42.
„	22	л. 76	л. 76:
249	5	exp sita	exposita
„	20	и	на
„	21	№ 691	№ 1691
250	22	[2])	[1])
„	28	[3])	[2])
„	33	[1])	[3])
„	35	[2])	[4])
252	22	№ 233	№ 233;
253	12	$17^{29}/_{0}$	$17^{29}/_{30}$
254	1	1830	1730
„	27	—	*(Добавить:)* Описан. док. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. XII, стр. 398.
„	32	inriguneras	irriguueras
„	40	$17^{34}/_{34}$	$17^{33}/_{34}$
255	18	$17^{66}/_{37}$	$17^{36}/_{37}$
„	„	вмѣстѣ, а,	вмѣстѣ, а
„	30	proemiali	prooemiali
256	11	scripturae	Scripturae
„	13	praeparatoris	Praeparatoris
257	23	философію.	философію".
259	13	Козачинскій—	Козачинскій—въ
„	20	Кіевскія, префекта	Кіевскія префекта
260	5	Вирлаамъ	Варлаамъ
261	13	VIII. 1, 44	VIII. 1. 14
262	32	proemium-a	prooemium-a
267	15	illistrissimus	illustrissimus
„	16	Boigariensis	Bolgariensis
269	11	спустить	опустить
270	28	Стриндою	Стринзою
„	31	Акад. S.	Акад. J.

Стран.	Строка сверху.	Напечано:	Слѣдуетъ:
273	30	преподаванія	преподаянія
274	16	обикноновенно	обикновенно
275	8—9	префектовъ	префектомъ
„	33	учителей:	учителей
„	37	т. Т.	т. III,
283	18	continno	continuo
„	24	praeceptise	praeceptis
284	31	I. 11.	J. 11.
286	20	священ.	преосвящен.
„	31	Bzovi	Bzovii
287	31	NDCCXXXV	MDCCXXXV
„	33	изе.	изд.
289	27	ibid.	ibid..
290	30	нераданное	переданное
291	21	*въ Академіи,*	*въ Академіи),*
„	29—30	появиянсь	появились
292	16	о маркѣ	о Маркѣ
„	20	А. I. Разумовскому	А. Г. Разумовскому
„	29	sapienliae,	sapientiae,
„	31	А. А. Ю. Ю.	A. A. L. L.
„	„	Sacrosanestae	Sacrosanctae
„	34	24-г.	24-о.
294	16	въ теченіе	въ теченіи
296	10	и иностранцевъ	и иностранцевъ,
„	31	l. 1.	J. 1.
300	32	ниязванныхъ	вызванныхъ
„	37	зостаючихъ	зостаючихъ,
301	17	востаючимъ	востаючимъ,
„	20	Прибиловъ	Прибиловичъ
„	33	министира	монастира
303	2	Алексѣя впослѣдствіи Кіевскаго митрополита Арсенія	Алексѣя—впослѣдствіи] Кіевскаго митрополита Арсенія—
304	14	путемъ	путемъ,
„	31	„Смолер.	„Смолен.
307	11	ibld.	ibid.
309	15	[1])	[2])
310	7	сколо	около
„	22	Вышневскаго	Вишневскаго
„	24	1736—36 г.	1731—36 г.
311	13	чемъ	чѣмъ

Стран.	Строка сверху.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
314	19	богословіи	богословія
315	29	Академіи,	Академіи;
317	5	денъ	день
„	21	о возвращеніи	о невозвращеніи
320	25	студентовъ) [5])	студентовъ) [5]),
321	32	ва	за
325	15	и т. п.	и т. п.,
„	18	рѣчи:	рѣчи;
326	26	1744 г.	1744 г.,
328	14	прочимъ	прочимъ,
„	30	изганяются	изгоняются
329	18	другихъ	другихъ)—
342	1	Пилатѣ	Пилатѣ
„	9	всемогущаго	всемогущаго,
347	9	кіевсвомъ	кіевскомъ
348	22	По	„По
349	22—23	корпорацін	корпораціи
354	25	Левитскаго	Левицкаго
355	14	я	я,

КІЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ

СЪ

половины XVIII вѣка до преобразованія ея

ВЪ 1819 ГОДУ.

В. Серебренникова.

Цѣна 1 р. 25 к.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1897.

Изъ журнала „Труды Кіевской д. Академіи“ за 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Открытіе новыхъ документовъ, относящихся къ исторіи Кіевской академіи второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, даетъ возможность дополнить ее новыми свѣдѣніями. Одни изъ новооткрытыхъ документовъ находятся въ рукописяхъ, другіе напечатаны. Къ первымъ относятся найденныя въ архивѣ Кіево-Братскаго монастыря 220 дѣлъ, находящіяся теперь въ рукописной библіотекѣ Кіевской духовной академіи (№ 725). Изъ вторыхъ—болѣе значительные: дневникъ м. Серапіона (Александровскаго), напечатанный въ Трудахъ Кіевской духовной академіи за 1882 г. октябрь стр. 221—246 и ноябрь стр. 336—361 и 1883 г. февраль стр. 314—345; переписка митрополита Серапіона съ разными лицами, напечатанная въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостахъ за 1886 годъ, въ №№ 13, 14, 15, 18, 19, 22, 23, и 24; инструкція Кіевской академіи, составленная въ 1763 году, напечатанная тамъ же въ 1893 г., въ №№ 19, 20, и „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“ (изданіе временной комиссіи. Кіевъ. 1874 г.) и нѣкоторые другіе. Кромѣ того, намъ удалось найти около 70 дѣлъ, относящихся къ исторіи академіи, въ архивѣ Кіевской духовной консисторіи. Дополненіе, на основаніи этихъ документовъ, свѣдѣній о Кіевской академіи за вторую половину XVIII и начало нынѣшняго вѣка до преобразованія ея въ 1819 году и составитъ первую задачу нашего сочиненія.

Не однимъ, однако, дополненіемъ новыми данными свѣдѣній объ академіи за указанный періодъ опредѣляется задача нашей работы. Характеръ ея зависитъ также отъ прежнихъ трудовъ по исторіи Кіевской академіи. Извѣстно два спеціальныхъ сочиненія по этому предмету, разсматривающихъ и помянутый выше періодъ времени: „Исторія Кіевской ака-

деміи—іеромонаха (впослѣдствіи митрополита Московскаго) Макарія Булгакова (СПБ. 1843 г.) и „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—академіей“ В. Аскоченскаго (Кіевъ 1856 г. ч. 2). Первый изъ указанныхъ трудовъ, по замѣчанію историка первоначальнаго періода исторіи Кіевской академіи Голубева, „скуденъ свѣдѣніями“ и лишенъ „научныхъ достоинствъ“; второй заключаетъ „сравнительно болѣе историческихъ свѣдѣній объ академіи“, но авторъ его „при своей работѣ не былъ одушевленъ любовію къ исторической истинѣ и чуждался пріемовъ ученой критики“ [1]). Благодаря этимъ качествамъ указанныхъ трудовъ, необходимо будетъ не только провѣрить, но и заново изучить тѣ источники, которыми они пользовались. Къ послѣднимъ источникамъ относятся: акты, собранные Аскоченскимъ, хранящіеся въ рукописной библіотекѣ Кіевской академіи (подъ зн. О. 13), и копіи съ документовъ, относящихся къ исторіи Кіевской академіи, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, присланныя митрополитомъ Евгеніемъ (рукописная библіотека Кіевской академіи I. 1, 26). Провѣрка прежнихъ сочиненій по исторіи академіи за указанный періодъ составитъ вторую задачу нашего труда.

Въ своемъ сочиненіи мы имѣемъ цѣлью представить жизнь академіи съ трехъ главныхъ сторонъ ея. Въ первой главѣ мы намѣрены изобразить систему академическаго управленія и списки начальниковъ и наставниковъ, бывшихъ ея непосредственными руководителями. Во второй главѣ постараемся представить хозяйственную часть академіи, гдѣ будемъ говорить о средствахъ академіи, академическихъ зданіяхъ, содержаніи учителей и учениковъ. Въ третьей главѣ скажемъ объ учебномъ курсѣ, о внѣклассныхъ занятіяхъ учениковъ и учителей, о библіотекѣ, пріемѣ, курсѣ и судьбахъ учениковъ. Въ заключеніи будемъ говорить о причинахъ упадка академіи и участіи ея въ преобразованіи духовныхъ училищъ при императорѣ Александрѣ I.

---

[1]) „Исторія Кіевской духовной академіи“ С. Голубева.

ГЛАВА I.

Управленіе и списки начальниковъ и наставниковъ кіевской академіи.

Въ половинѣ XVIII вѣка главнымъ начальникомъ Кіевской академіи de facto былъ митрополитъ. Св. Синодъ мало обращалъ на нее вниманія. Зависимость отъ св. Синода академіи выражалась только въ томъ, что она ежегодно посылала въ Синодъ вѣдомости, въ которыхъ, кромѣ списковъ учениковъ духовнаго происхожденія съ указаніемъ мѣста рожденія, лѣтъ, года поступленія ихъ въ академію и успѣховъ, и списка наставниковъ, ничего не помѣщалось, да еще въ томъ, что Св. Синодъ иногда назначалъ академіи ректора. Вызывая академическаго ректора на чреду служенія, или переводя его на новое мѣсто службы, святѣйшій Синодъ вмѣстѣ съ тѣмъ иногда назначалъ ему преемника [1]). Впрочемъ, это бывало рѣдко. На вѣдомости въ св. Синодѣ, повидимому также мало обращали вниманія. За то митрополитъ былъ полнымъ начальникомъ академіи. Она даже называлась обычно академіею „Его преосвященства" [2]). Всѣ почти академическія дѣла рѣшались съ его согласія. Поставляя „первымъ

[1]) Акты Кіево-Братскаго монастыря и академіи №№ 16, 111 (рукописная библіотека Кіевской академіи № 725).

[2]) Архивъ Кіевской дух. консисторіи, дѣло 1754 года, № 167, дѣло 1757 г. № 71.

долгомъ пастырскаго своего званія обратить все свое вниманіе на академію"[1]), митрополиты входили во всѣ подробности академической жизни, дѣлая о нихъ свои распоряженія. Даже просьбы учениковъ обычно шли на имя митрополита, при томъ не только такія, которыя касались всѣхъ или многихъ изъ нихъ[2]), но также и подаваемыя однимъ изъ воспитанниковъ академіи[3]). Иногда митрополиты дѣлали свои приказанія словесно, а потомъ подтверждали ихъ письменною революціей[4]). Письменныя распоряженія ихъ въ академію всегда шли чрезъ консисторію. Митрополиты отдавали свои приказанія иногда безъ представленія отъ академіи[5]). Чаще же дѣла академіи рѣшались митрополитомъ по доношенію ея самой отъ лица ректора и префекта или всей академической корпораціи[6]).

Въ рѣшеніи нѣкоторыхъ академическихъ дѣлъ большое значеніе имѣла консисторія. Дѣла по учебной и воспитательной части не входили въ ея компетенцію[7]). Но за то хозяйственная часть стояла въ зависимости отъ усмотрѣнія кон-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 9 (рук. б. к. ак. № 725); акты Кіево-Братскаго монастыря и академіи, собранные Аскоченскимъ, томъ 3, № 33.

[3]) Консисторскій архивъ, дѣ о 1754 г. № 182; акты К.-Бр. мон. и ак. № 48 (р. б. к. ак. № 725).

[4]) Консисторскій архивъ. Черновой списокъ учителей, составленный около 1765 года, № 30.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собранные Аскоченскимъ, т. 3, №№ 56, 57 и др.

[6]) Общія распоряженія по духовно-учебному вѣдомству дѣлались Св. Синодомъ очень рѣдко и писались на имя митрополита. Онъ руководствовался ими въ своихъ распоряженіяхъ. (Конс. арх. д. 1784 г. № 25; акты К.-Бр. мон. и ак. № 62 (р. б. к. а. № 725).

[7]) Ни въ составленіи инструкцій, ни въ другихъ перемѣнахъ по учебной части, какъ то: введеніи новыхъ предметовъ, опредѣленіи порядка ученія и другихъ, консисторія не принимала участія.

систоріи. Не говоря уже о Братскомъ монастырѣ,—главномъ источникѣ средствъ академіи,— который находился въ зависимости отъ консисторіи, всѣ почти академическіе доходы шли чрезъ консисторію [1]). Когда напр., въ 1754 году префектъ съ учителями просили митрополита о назначеніи „вспоможенія“ отъ монастырей для академіи, митрополитъ отдалъ это дѣло на рѣшеніе консисторіи [2]). Самое распредѣленіе академическихъ суммъ митрополитъ часто отдавалъ на усмотрѣніе консисторіи. Такъ было въ 1780 году. Учитель французскаго языка Василій Люппа попросилъ себѣ у митрополита прибавки жалованья, а онъ отдалъ это дѣло на разсмотрѣніе консисторіи [3]). Впрочемъ, чаще митрополитъ самъ распредѣлялъ академическія суммы [4]), а также отдавалъ на усмотрѣніе академіи [5]). Со всѣми другими учрежденіями академія сносилась чрезъ консисторію [6]).

Зависимость академіи отъ консисторіи выражалась и въ томъ, что послѣдняя иногда принимала участіе въ избраніи ректора и часто брала перевѣсъ въ этомъ дѣлѣ предъ академической корпораціей. Если Св. Синодомъ не назначался ректоръ, а это бывало часто, то обычно происходило избраніе его. Иногда избирали кандидатовъ академическая корпорація и консисторія вмѣстѣ, и кто получалъ больше голосовъ, того митрополитъ утверждалъ своею властію [7]). Такъ совершилось

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725); акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2 № 1.

[2]) Консист. арх., д. 1754 г. № 167.

[3]) Консист. арх., д. 1780 г. № 1638.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., соб. Аскоч., т. 3, №№ 69, 72.

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 87; акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 49, 90, 91 и др. (рук. б. к. акад. № 725).

[7]) Въ грамотѣ, данной Георгію Конисскому по поводу его избранія, между прочимъ, сказано: „поneже мы пастырь... по усмотрѣнію нашему, академіи нашея кіевскія префекта и священныя богословія учителя, іеромонаха Георгія Конисскаго, за его тщательное и доброрадѣтельное академіи нашея управленіе

послѣ смерти ректора Манассіи Максимовича избраніе ректора Давида Нащинскаго. По предложенію митрополита, нужно было избрать одного или двухъ кандидатовъ. Голоса подавали отдѣльно префектъ Самуилъ Миславскій, наставники, члены консисторіи и потомъ нѣкоторые изъ избранныхъ въ кандидаты члены консисторіи особо. Изъ представленныхъ кандидатовъ большинство голосовъ оказалось на сторонѣ Давида Нащинскаго, архимандрита Слуцкаго монастыря, единогласно избраннаго членами консисторіи[1]). Но бывало такъ, что право избранія кандидата въ ректора предоставлялось одной консисторіи. При выборѣ преемника Самуилу Миславскому, консисторія, по повелѣнію митрополита, избрала двухъ кандидатовъ—игумена Кирилловскаго монастыря Тарасія и префекта академіи Никодима. Академія была устранена отъ избранія ректора. Митрополитъ приказалъ избраннымъ кандидатамъ представить письменное заявленіе: „обовязуются ли они богословію учить, и что обязуются, и въ томъ отказиваться не будутъ" [2]). Перваго изъ избранныхъ кандидатовъ митрополитъ утвердилъ.

Зависимый по своему назначенію ректоръ былъ главнымъ начальникомъ въ самой академіи. „Ректоръ въ академіи верховная власть" [3]), „всѣ, всегда и во всемъ въ монастырѣ и въ академіи должны быть послушны „яко главному по академіи и монастырю командиру, и въ потребномъ случаѣ за всякаго порознь и за всѣхъ вообще отвѣтъ дать законамъ одол-

---

и учительство, данною намъ отъ всевышняго Бога архіерейскою властію, настоящаго 1752 года августа 1-го въ Кіево-братско-училищной Богоявленія Господня церкви, въ оной монастырь произвели во архимандрита, и какъ Братско-училищнаго монастыря правленіе, такъ и академіи нашея кіевскія полную дирекцію его превелебности вручили". Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 1, № 39.

[1]) Акты Кіево-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, № 5.

[2]) Тамъ же, т. 3, № 25.

[3]) Инструкція 1763 г., Кіев. Епарх. Вѣд. за 1893 г. № 20, стр. 561.

женному“ [1]). Въ помощь ему назначался префектъ. Онъ всегда назначался властію митрополита [2]). Префектъ былъ вторымъ представителемъ власти въ академіи. Обязанный повиноваться во всемъ ректору [3]), онъ во всемъ былъ его помощникомъ. На обязанности ректора съ помощью префекта лежало наблюденіе прежде всего за учебною частію. „Долженъ ректоръ съ префектомъ, сказано въ инструкціи, посѣтить въ недѣлю двѣ школы, а въ другую недѣлю другія двѣ, и такъ и прочія кругомъ; когда въ школу пріийдутъ, учитель при нихъ учить будетъ, а они слышать, хотя чрезъ полчаса, также и вопросами отвѣдывать учениковъ, знаютъ ли, что уже должно бы имъ знать“ [4]). При этомъ они должны были помнить, что „ежели не чинно пойдутъ ученія и не благопоспѣшно, то они сами суду подпадутъ“ [5]). Они же должны наблюдать, аккуратно ли учителя посѣщаютъ школы „и такъ ли учатъ, какъ подобаетъ, показано-ль то ученикамъ, что подлежало, или нѣтъ, и буди нѣтъ, то зачѣмъ упущено“ [7]). Поведеніе не только учениковъ, но и учителей было подъ ихъ главнымъ надзоромъ.

Учителя переводились изъ класса въ классъ обычно резолюціями митрополита, но новые изъ оканчивающихъ курсъ назначались почти всегда по представленію академической корпораціи. При назначеніи обращалось вниманіе не только на успѣхи опредѣляемаго, его подготовку, но и на природныя качества [6]). Зависимость учителей отъ ректора и префекта была такъ велика, что они безъ вѣдома ихъ не должны были

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 14 (рук. б. к. акад. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 18 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Тамъ же.

[4]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости за 1893 г., стр. 556.

[5]) Кіев. Епарх. Вѣд. за 1893 г. стр. 556.

[6]) Тамъ же, стр. 557.

[7]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр., Аскоч., т. 2, № 19, 24, 32.

никуда, кромѣ прогулокъ, одни или съ учениками, выходить изъ Братскаго монастыря [1]). Въ случаѣ несоблюденія устава учителями, ректоръ и префектъ имѣли право дѣлать имъ замѣчанія, но о такомъ изъ нихъ, кто „противенъ покажется академійскимъ уставамъ и непреклоненъ наставленію ректорскому и префектовскому“, полагалось доносить митрополиту[2]).

Проступки учениковъ наказывать имѣли право не только ректоръ и префектъ, но и учителя. Но они не имѣли права давать ученикамъ болѣе двадцати ударовъ, „а за проступки, вящшаго еще наказанія достойные, всегда доносить префекту“ обязаны [3]). Наиболѣе важные проступки разбиралъ и судилъ префектъ, „на неисправляющихся же долженъ былъ доносить ректору, который, какъ главный начальникъ, всѣхъ всякимъ по разсужденіи наказаніемъ наказывать можетъ“ [4]). Не всѣ, однако, дѣла онъ одинъ долженъ былъ разсматривать. Бывали между ними такія, „по которымъ для лучшаго и безопаснѣйшаго взысканія истины „нужно“ и учителямъ иногда всѣмъ, а иногда нѣкоторымъ, высшихъ только школъ, смотря по дѣлу, при производствѣ присутствовать“. Учителя въ такихъ случаяхъ обязаны были являться въ собраніе [5]). Въ частности, участіе учителей необходимо было въ случаяхъ неудовольствій между учениками и префектомъ. Такія дѣла рѣшалъ ректоръ съ учителями. Если неудовольствіе возникало между однимъ изъ учителей и учениками, то рѣшалъ его префектъ съ остальными учителями [6]).

Для наблюденія за учениками въ помощь префекту существовалъ суперъ-интендентъ. Суперъ-интендентъ главнымъ

---

[1]) Кіев. Епарх. Вѣд., за 1893 г. стр. 556.

[2]) Кіев. Епарх. Вѣд. за 1893 г. стр. 560.

[3]) Тамъ же, стр. 554.

[4]) Тамъ же, стр. 561.

[5]) Кіев. Епарх. Вѣд. за 1893 г., стр. 556.

[6]) Тамъ же, стр. 562—563.

образомъ долженъ былъ наблюдать за воспитанниками, жившими въ сиротскомъ домѣ, приходскія же школы онъ обязанъ былъ посѣщать разъ въ мѣсяцъ. Въ сиротскомъ домѣ онъ долженъ былъ наблюдать при помощи сеньора за всѣми порядками и обо всемъ докладывать высшему начальству, хотя и самъ могъ дѣлать взысканія за маловажные проступки. Онъ долженъ былъ записывать всѣхъ, являющихся въ сиротскій домъ,—отдѣльно тѣхъ, кто былъ на казенномъ содержаніи, и тѣхъ, кто на казенной пищѣ и одѣяніи. Подобную же вѣдомость онъ долженъ вести и объ ученикахъ, жившихъ по школамъ. На его обязанности лежало записывать, кто, сколько, и какой одежды имѣетъ, и вообще наблюдать за благоприличіемъ во внѣшнемъ видѣ воспитанниковъ. Суперъ-интенденту поручено было смотрѣть за порядкомъ ежедневной жизни учениковъ сиротскаго дома [1]). Суперъ-интенденту помогали сеньоры, инспектора и ценворы. Сеньоры выбирались изъ благонадежныхъ по успѣхамъ и поведенію воспитанниковъ высшихъ и даже среднихъ классовъ. Такіе изъ нихъ, которые назначались для отдѣльныхъ комнатъ, назывались также директорами [2]). Должность инспектора была двоякая. Одни изъ инспекторовъ назначались въ качествѣ репетиторовъ къ неуспѣвающимъ ученикамъ и для надзора за ихъ поведеніемъ [3]). Другіе, впослѣдствіи, на основаніи закона 31-го октября 1798 года [4]), назначались въ помощь суперъ-интенденту для надзора за ученика-

---

[1]) Инструкція суперъ интендентская (Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асков., т. 4, № 9). Напечатана В. Аскоченскимъ („Кіевъ съ Академіей", ч. 2, стр. 438—440) и Г. Булашевымъ („Преосв. Ириней Фальковскій, еп. чигиринскій". Кіевъ 1883 г. стр. 182—184).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 9; Описаніе Кіево-Софійскаго собора стр. 221.

[3]) Инструкція 1763 года. Кіев. Епарх. Вѣд.—за 1893 г. № 20, стр. 564—565).

[4]) Полное собраніе законовъ, т. XXV № 18276 и 18.

ми, живущими по квартирамъ и приходскимъ школамъ. Обязанности его по отношенію къ квартирнымъ ученикамъ были тѣ же, что суперъ-интендента по отношенію къ ученикамъ, жившимъ въ сиротскомъ домѣ. Суперъ-интенденту инспекторъ обязанъ былъ доносить обо всѣхъ безпорядкахъ, замѣченныхъ имъ. Онъ долженъ былъ также наблюдать за самими директорами [1]). Въ помощь также суперъ-интенденту для наблюденій за учениками въ церкви, публичныхъ церемоніяхъ [2]) и ночью въ городѣ учреждена была должность фискаловъ или цензоровъ [3]). Отъ этихъ цензоровъ отличались другіе, на обязанности которыхъ лежало смотрѣть за учениками и вообще за порядкомъ въ классѣ [4]). Для наказанія учениковъ лозами назначались такъ называемые калефакторы [5]). Собственными академическими суммами завѣдывалъ префектъ [6]).

Съ такимъ строемъ управленія старая академія существовала почти до конца XVIII вѣка. Но въ 1798 году управленіе академіи значительно измѣнилось. Съ этого времени, желая учредить болѣе строгій надзоръ за духовно-учебными заведеніями, въ томъ числѣ и за Кіевской академіей, Святѣйшій Синодъ указомъ 31-го октября приказалъ въ присылаемыя ему вѣдомости, кромѣ списковъ учащихъ и учащихся, помѣщать еще свѣдѣнія о томъ, что преподавалось въ классахъ въ продолженіе года [7]). Кромѣ того, тѣмъ же указомъ

---

[1]) Инструкція инспекторская (Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 4, № 9). На печатана В. Аскоченскимъ („Кіевъ съ Акад."), ч. 2 стр. 440—412) и Г. Булашевымъ („Преосв. Ириней Фальковскій, епископъ чигиринскій. Кіевъ 1883 г. стр. 184--186).

[2]) Инструкція 1767 года. Кіев. Епарх. Вѣдомости за 1893 г. № 20 стр. 555.

[3]) Инструкція 1767 года. Кіев. Епарх. Вѣдомости за 1893 г. № 20стр. 365.

[4]) Описаніе К.-Соф. собора, стр. 221.

[5]) Тамъ же, стр. 222.

[6]) Акты Кіево-Брат. мон. и акад., собр. Аскоченскимъ, т. 3, № 72; т. 4, № 1.

[7]) Полное собр. закон., т. XXV, № 18726, пун. 16; конс. арх., вѣдом. за 1799.

31-го октября повелѣно: „при академіи быть правленію, въ коемъ присутствовать ректору съ префектомъ; а для производства письменныхъ дѣлъ и исполненія по хозяйству быть при ономъ комиссару и двумъ писцамъ, изъ учениковъ" [1]). 16 декабря тысяча семьсотъ девяносто восьмаго года, на основаніи указа Святѣйшаго Синода, митрополитъ Іероѳей повелѣлъ открыть правленіе при Кіевской академіи [2]). Первоначально въ него вошли ректоръ и префектъ, но чрезъ годъ, четырнадцатаго декабря тысяча семьсотъ девяносто девятаго года, былъ назначенъ, для завѣдыванія академической суммой, казначей [4]). Потомъ онъ сталъ называться экономомъ, а въ помощь ему 19 октября тысяча восемьсотъ седьмаго года „для исправки всѣхъ академическихъ покуповъ, заготовленія снарядовъ и для наблюденія по теченію академическихъ дѣлъ необходимаго порядка и поспѣшнаго выполненія" учреждена должность комиссара [5]). Въ послѣдствіи кромѣ этихъ лицъ назначались въ правленіе членами одинъ или два изъ учителей. Будучи организовано по образцу всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, правленіе составило особую инстанцію въ управленіи академическими дѣлами. Но полной независимости академіи оно все-таки не дало. Окончательное выдѣленіе ея изъ епархіальнаго вѣдомства произошло уже послѣ реформы. Правда, академическое правленіе теперь само, на основаніи указа Св. Синода тысяча семьсотъ девяносто восьмаго года 31-го октября, распоряжалось своими хозяйственными дѣлами, но въ другихъ дѣлахъ оно по прежнему зависѣло отъ митрополита и дикастеріи. Слѣдующій примѣръ подтверждаетъ нашу мысль. Когда, вскорѣ по учрежденіи академическаго правленія, оно спрашивало у митрополита, можетъ ли оно само, по примѣ

---

[1]) Полн. собр. закон., т. XXV, № 18726, п. 10.

[2]) Акты Кіево-Брат. мон. и акад., собр. Аскоченскимъ, т. 3. № III.

[3]) Акты Кіево-Брат. мон. и акад., собр. Аскоченскимъ, т. 4, № I.

[4]) Акты Кіево-Брат. мон. и акад. № 135. (рук. б. к. акад. № 125.

ру другихъ учрежденій, выдавать воспитанникамъ аттестаты, то митрополитъ отвѣтилъ, что безъ дикастерскаго указа духовнымъ воспитанникамъ нельзя выдавать, а можно только разночинцамъ [1])

Списки ректоровъ, префектовъ и учителей Кіевской Академіи съ 1750 по 1817 годъ. Ректоры и учители богословія.

Георгій Конисскій родился 1717 года въ Нѣжинѣ, учился въ Кіевской академіи съ 1728 по 1743 годъ и по окончаніи курса постриженъ въ монашество. Въ 1745 году опредѣленъ учителемъ піитики, а черезъ два года сдѣланъ префектомъ и учителемъ философіи. Чрезъ пять лѣтъ назначенъ былъ ректоромъ и учителемъ богословія и посвященъ въ санъ архимандрита. Съ 1755 года (хиротонисанъ 20-го августа) онъ былъ епископомъ могилевскимъ, 22-го сентября 1783 года пожалованъ въ архіепископа; умеръ 13 февраля 1795 года. Онъ написалъ: догматическое богословіе, въ рукоп.; конспектъ его напечатанъ въ „Исторіи Кіевской академіи" М Булгакова 145—148; издавалъ катихизисъ Ѳ. Прокоповича, Могилевъ, 1768 г.; оставилъ записки по философіи: „Philosophia peripathetica juxta numerum facultatum quadripartita, continens in se logicam, physicam, metaphysicam et ethicam", въ ркп. „Praecepta de arte poëtica (рукоп. библіот. кіевск. акад. I. III. 82. 3. рук. К.-Соф. соб. № 489). Написалъ: „права и вольности исповѣдующихъ греко-восточную вѣру въ Польшѣ и Литвѣ", напеч. 1767 г. въ Варшавѣ; записку о Могилевской семинаріи 1793 г.—въ Могил. губ. Вѣд. 1860 г.; доношеніе императрицѣ о притѣсненіяхъ духовенства,—въ Чтен. Общ. Ист. 1860 г., кн. IV. Письмо его о дѣлахъ уніи

[1]) Акты Кіево-Братскаго монастыря и академіи, собранные Аскоченскимъ. томъ 3 I № 111.

—въ архивѣ ю.-зап. Россіи. т. 2, № 45, 49, 153, 163; т. 3 № 65, 88, 89, 109. Драма о воскресеніи мертвыхъ изд. въ Лѣтоп. русс. литер. 1859 г. Отъ него остались слова, грамоты и сочиненія, напечатанныя въ отд. изданіи. Нѣкоторыя слова, не вошедшія въ отдѣльное изданіе, напечатаны въ „Маякѣ“ 1843 г., Воскр. Чт. 1855 г. № 21; въ Христ. Чт. издано шесть проповѣдей (г.г. 1826, 1832, 1834, 1840, 1841), въ Кіев. Епар. Вѣд. 1893 г. № 1, въ Труд. Кіев. ак. за 1893 г. № 6. стр. 291—327 [1]).

Манассія Максимовичъ—постриженецъ Кіево-Софійскаго монастыря. Былъ архидіакономъ и участвовалъ въ исправленіи „Четіихъ-Миней“ св. Димитрія митрополита Ростовскаго для новаго изданія. 25-го ноября 1755 года посвященъ въ архимандрита Братскаго монастыря и сдѣланъ ректоромъ академіи и учителемъ богословія. Умеръ ректоромъ въ 1758 году 2-го іюля. Написалъ на латинскомъ языкѣ трактатъ о различіи между римскою и греческою церковью, изд. въ Бреславлѣ въ 1754 г. на русскомъ—проэктъ о преподаваніи наукъ въ Кіевской академіи (напечатанъ у Аскоченскаго ч. 2, 161—165) и въ рукописяхъ извѣстны его слова, напр., на день вк.-муч. Варвары [2]).

Давидъ Нащинскій (въ мірѣ Даніилъ), сынъ казака г. Полтавы, учился сначала въ Кіевской академіи, потомъ за границей въ Галицкихъ и Саксонскихъ университетахъ, наконецъ, опять въ Кіевской академіи; постриженъ въ мона-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 41; т. 1. № 45; „Кіевъ съ акад“. В. Аскоченскаго 118—126; „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Росс. церкви“, П. Строева Спб. 1877 г. стр. 494. „О словесн. наукахъ и литер. зан. въ Кіевской академіи отъ начала ея до преобраз. въ 1819 г.“ Н. Петрова. „Труды Кіев. дух. ак. 1866 г. № 7. „Обзор. русс. духовной литературы“ архіепископа Филарета (Гумилевскаго) ч. 2. ст. 366. Труды Кіев. дух. академіи 1894 г. № 1. стр. 128.

[2]) Акти К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 41; т. 1, № 42; „Обзоръ русс. дух. литер.“ архіеп. Филарета, стр. 327.—Исторія С.-Петербургской дух. акад. И. Чистовича, стр. 28.

шество въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ въ 1750 или 1751 году. По окончаніи ученія былъ учителемъ грамматики и синтаксимы до 1751 года; въ 1751 и 1752 годахъ былъ учителемъ піитики и нѣмецкаго языка; въ 1753 г. былъ назначенъ учителемъ риторики и нѣмецкаго языка, а въ концѣ того же года былъ префектомъ и учителемъ философіи; въ ноябрѣ 1755 года онъ уже не занималъ этихъ должностей, а въ 1756 году 10 февраля произведенъ былъ въ архимандрита Слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря и намѣстника митрополіи кіевскія; въ ноябрѣ 1758 г. снова вызванъ былъ въ Кіевскую академію на должность ректора и учителя богословія; 3 сентября 1759 года отставленъ отъ послѣдней должности, а 19 января 1761 года назначенъ на настоятельское мѣсто въ Гамилѣевскій Харалампіевскій монастырь; отсюда въ 1769 году перемѣщенъ въ Глуховскій Петропавловскій монастырь, а въ 1772 г.—Бизюковъ Кресто-Воздвиженскій, гдѣ пробылъ до 1788 года, а въ этомъ году отпущенъ на покой въ Кіевскую Печерскую лавру, въ которой и скончался 5 мая 1793 года. Онъ переводилъ сочиненія Ѳеофана Прокоповича на нѣмецкій языкъ [1]).

Самуилъ Миславскій (въ мірѣ Симеонъ), сынъ священника села Полошекъ, Нѣжинскаго полку [2]). По болѣе вѣроятному мнѣнію, Самуилъ Миславскій родился въ 1731 году 24 мая; учился въ Кіевской академіи, по окончаніи курса въ которой въ 1754 году былъ постриженъ въ монашество въ Кіево Софійскомъ монастырѣ и съ сентября того же года

---

[1]) Консист. арх. д. 1754 г. № 175 и № 91, обрывокъ изъ Вѣдомости неизвѣстнаго года; черновой списокъ ректоровъ, префектовъ и учителей Кіев. академіи, составленный около 1765 г. № 30; акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1 № 39; т. 2 №№ 19, 22. „9; „Словарь историческій о быв. въ Россіи писателяхъ духовнаго чина" митр. Евгенія, ч. 1 стр. 104—106; „Кіевъ съ акад.", В Аскоч. ч. 2, стр. 128—129; Списки іерарх. и настоятелей мон. Росс. Цер". Строева стр. 19, 525, 530, 544 и 599.

[2]) Аскоченскій (ч. 2, 340) неправильно думаетъ, что с. Полошки Пуховскаго полку. См. вѣдомости за 1760 г., Консист. архивъ.

назначенъ учителемъ аналогіи, въ декабрѣ того же года—учителемъ грамматики, въ ноябрѣ 55-го года—учителемъ поэзіи, 13 февраля 56-го года—учителемъ риторики; 7 ноября 1757 года назначенъ префектомъ и учителемъ философіи, которую преподавалъ до 3 сентября 1759 года, когда, оставаясь префектомъ, былъ назначенъ преподавать богословіе. 16 января 61-го года опредѣленъ ректоромъ академіи и по прежнему учителемъ богословія, которое преподавалъ по вакацію 1764 г., когда по болѣзни уволился отъ преподаванія богословія, а съ 1-го ноября 1766 года снова преподавалъ ее [1]. Указомъ Святѣйшаго Синода 12 августа онъ назначенъ былъ архимандритомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря. 28-го декабря того же года хиротонисанъ въ епископа Бѣлгородскаго; 24 сентября 1771 года назначенъ епископомъ Крутицкимъ, при чемъ съ 1771 г. по 1776 г. управлялъ Московскою епархіей; 17 марта переведенъ на каѳедру Ростовскую и Ярославскую, а оттуда 22 сентября 1783 года—въ Кіевъ митрополитомъ; умеръ въ Кіевѣ 5-го мая 1796 года. Написалъ: „Догматы православной вѣры“ на латинскомъ и русскомъ языкахъ; исправлялъ и дополнялъ догматику Ѳеофана Прокоповича; издалъ трактатъ Зерникава о происхожденіи Св. Духа (Kenigsb. въ 1774 г.). Отъ него остались многочисленныя слова и историческое описаніе Кіевской лавры [2].

Тарасій Вербицкій, сынъ кіевскаго мѣщанина, учился въ Кіевской академіи; въ монашество постриженъ 7-го апрѣля 1856 года; 20 августа 1757 года онъ былъ назначенъ учителемъ

---

[1] У Аскоченскаго (ч. 2, 340) неправильно сказано, что съ 1766 г. Самуилъ не преподавалъ богословія. (Акты К.-Бр. мон. и ак.“, собр. Аскоч. т. 3 № 11 и 41).

[2] Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3. № 41 и № 29; т. 2 № 1, 22 и 29; Арх. консист. Черн., списокъ № 30, д. 1754 г. № 258: „Самуилъ Мисл. м. Кіев.“ Рождественскаго. Труды Кіев. дух. акад. 1876 г. мартъ, ноябрь, 1877 г., апрѣль, май.—„Обзоръ Филарета ч. 2 стр. 375—377. „Списки“. Строева стр. 8, 19, 22, 131, 134, 534, 1088. Труды Кіев. д. ак. за 1876 г., мартъ, стр. 510.

инфимы, въ октябрѣ того же года—учителемъ грамматики, а въ концѣ года—учителемъ синтаксимы;—28 августа 1758 года назначенъ проповѣдникомъ Кіево-Софійскаго монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ соборнымъ старцемъ и экзаминаторомъ, и былъ въ этой должности до 14 сентября 1764 года,—этого же числа назначенъ во игумена въ Кіево-Кирилловскій монастырь, 7 октября 1768 года опредѣленъ ректоромъ и учителемъ богословія, въ каковыхъ должностяхъ былъ до 1773 года. Въ февралѣ этого года онъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ на чреду служенія, к указомъ Св. Синода 16 января 1774 году назначенъ въ Антоніевъ Новогородскій монастырь архимандритомъ и Новогородской семинаріи ректоромъ и учителемъ богословія, отсюда въ іюлѣ того же года переведенъ въ Хутынь Спасо-Варлаамієвъ монастырь, 2 апрѣля 1775 года—въ Иверскій Богородичный, на острове Валдайскаго озера, монастырь, а 14 мая 1778 г.—въ Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь; въ 1787 году уволенъ на покой; умеръ 24 февраля 1790 года въ Кіево-Печерской лаврѣ. Слова его: въ день Ап. Андрея первозваннаго,—о трудахъ, достойныхъ воздаянія, СПБ. 1774; о бодрости, съ которою долженъ быть препровождаемъ христіанскій подвигъ, въ день благовѣр. кн. Александра СПБ. 1774 г.; др. слова въ ркп. [1]).

Никодимъ Панкратьевъ, изъ монаховъ Кіево-Софійскаго монастыря, 3 сентября 1759 года назначенъ учителемъ аналогіи, а 15-го учителемъ инфимы; въ началѣ 60-го года посвященъ въ іеромонаха; 14 апрѣля того же года назначенъ учителемъ грамматики и греческаго языка; съ 13 іюня 1761 г. онъ былъ учителемъ синтаксимы и греческаго языка, который преподавалъ до 1762 года; съ 7 января 1764 г.

---

[1]) Акты К. Брат. мон. и ак. собр. Аскоч., т. 2, № 5 и № 6; т. 3, № 29 и № 41; Конс. арх. д. 1757 г. № 71; акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11, 16 и 18 (рук. б. к. ак. № 725); Словарь истор. ч. 2, 264–265. „Обзоръ“.. архіеп. Филарета ч. 2, 360; „Списки“.. П. Строева стр. 16, 19, 27, 52. 53; 60.

былъ учителемъ піитики; съ сентября 1764 года преподавалъ риторику по 8 января 1768 года, а съ этого числа префектъ и учитель философіи; съ 10 сентября 65 года онъ назначенъ былъ учителемъ великой инструкціи; указомъ Св. Синода 16 января 1774 года определенъ былъ ректоромъ, богословію же началъ преподавать съ сентября 1773 года и преподавалъ до конца его; 25-го ноября 1774 года онъ умеръ [1]).

Кассіанъ Лехницкій съ 1762 года по 19 сентября 1768 года былъ учителемъ греческаго языка; въ сентябрѣ 63 года—учителемъ инфимы; съ сентября 1764 г.—учителемъ грамматики; съ 10 сентября 1765 г.—учителемъ синтаксимы по 8 января 1768 г., а съ этого числа учителемъ риторики; съ 1770 года по 1773 г. Кассіанъ преподавалъ великую инструкцію, а съ сентября 1773 года назначенъ учителемъ философіи и снова—греческаго языка; съ 1775 года—одного богословія; между тѣмъ въ мартѣ 1774 года онъ былъ опредѣленъ префектомъ, а въ половинѣ 1775 г.—ректоромъ. 1782 года 24 окт. назначенъ, а 17 декабря уѣхалъ на чреду служенія въ Петербургъ. Лѣтомъ 1784 г. онъ, больной, пріѣхалъ изъ Петербурга и больной жилъ въ Кудрявскомъ митрополичьемъ подворьи, гдѣ и умеръ 12 іюля въ 11-ть часовъ вечера отъ водяной болѣзни. Написалъ онъ для слушателей своихъ руководство „о догматахъ вѣры“; оно было напечатано въ Кіевѣ 1779 года [2]).

Варлаамъ (въ мірѣ Власій) *Миславскій*, родной братъ Самуила Миславскаго; учился въ Кіевской академіи, куда поступилъ въ 1751 году. По окончаніи курса былъ протоіе-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, №№ 1, 22, 25, 32; т. 3, №№ 3, 4, 9, 11, 12, 22, 23; Конс. арх. д. 1761 г. № 5; д. 1763 г. № 150; черн. список. № 30; акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11, 16, 29 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Конс. арх. д. 1763 г. № 150; д. 176?, № 2755; Черновой список. № 30; ркп. К.-Соф. Соб. VIII. 4; акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, № 1; т. 3. №№, 9, 11, 12, 22, 23; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11, 18, 19, 20, 21, 29, 13, 39 (рук. б. к. ак. № 725); „Обзоръ“ архіеп. Филарета ч. ч. 2, 356. У Аскоченскаго (ч. 2, 287) неправильно названъ годъ назначенія Кассіана префектомъ см. указъ митрополита (акты К-Бр. мон. и ак., № 18 (рук. б. к. ак. № 725).

реемъ въ Глуховѣ; 1775 г. Варлаамъ былъ архимандритомъ Покровскаго училищнаго монастыря и ректоромъ коллегіума въ Харьковѣ,—потомъ, въ 1777 г. переведенъ въ Кіево-Михайловскій и оттуда въ томъ же году въ Борисоглѣбскій, въ Ростовской епархіи, монастырь; 10-го августа 1784 г. онъ былъ переведенъ ректоромъ академіи и архимандритомъ Братскаго монастыря; по упраздненіи же его перемѣщенъ 8-го марта 1784 г., съ оставленіемъ ректоромъ, снова въ Кіево-Михайловскій монастырь, гдѣ и умеръ 30 іюля 1791 года. Его рѣчь императрицѣ Екатеринѣ II напечатана Аскоченскимъ [1]).

Іеронимъ Блонскій, сынъ львовскаго священника, учился въ Кіевской академіи, по окончаніи курса въ которой былъ домашнимъ учителемъ у одного харьковскаго помѣщика. По возвращеніи оттуда, Блонскій поступилъ въ Братскій монастырь, гдѣ принялъ монашество и назначенъ былъ экономомъ и намѣстникомъ. Въ 1775 году Іеронимъ назначенъ былъ каѳедральнымъ писаремъ, съ правомъ присутствовать въ консисторіи, а въ 1779 г.—игуменомъ Петро-Павловскаго монастыря. Въ 1782 году произведенъ въ каѳедральнаго намѣстника, а въ 1786 г. въ игумена Выдубицкаго монастыря. Отсюда онъ переведенъ 9 сент. 1791 года въ Михайловскій монастырь и назначенъ ректоромъ академіи; 27 іюля 1795 г. перемѣщенъ въ Пустынно-Николаевскій монастырь и здѣсь умеръ въ 1798 году [2]).

---

[1]) Аскоченскій неправильно называетъ его учителемъ богословія (Арх. Конс. Вѣдом. 1790 г. и росписаніе, кому преподавать въ 1785 году). Акты К-Бр. мон. и ак. № 36, 39, 52, 61 (рук. б. к. ак. № 725); ркп. К.-Соф. соб. VIII. 4; „Кіевъ съ акад". ч. 2. стр. 359—360. „Обзоръ" архіеп. Филарета ч. 2 360; „Списки" П. Строева 16, 19, 342, 967; невѣрно утвержденіе Аскоченскаго, (ч. 2, 323), что Варлаамъ уроженецъ Кіева (См. ркп. Кіево-Соф. соб.. VIII, 4;—ссылка Аскоченскаго на № 41 3-го тома актовъ (ч. 2. стр. 540, прим. 360) невѣрна,—такъ какъ въ цитованномъ № Варлаамъ Миславскій даже не упоминается.

[2]) „Кіевъ съ Акад." Аскоченскаго ч. 2. 320; ссылка Аскоченскаго на акты т. 3 № 41 не имѣетъ въ нихъ основанія. „Списки". Строева, стр. 16, 19, 22, 24; акты Кіево-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, №№ 74, 74, 84; Конс. арх. д. 1790 № 5.

Θеофилактъ Слоницкій—сынъ священника Василія села Прохоровъ, Нѣжинскаго полку. Въ 1756 году онъ поступилъ въ одинъ изъ низшихъ классовъ кіевской академіи. По окончаніи въ 1766 году курса, онъ постригся въ Кіево-Печерской лаврѣ въ монашество и проходилъ въ ней должности корректора типографіи и проповѣдника. Въ 1768 году Слоницкій произведенъ въ перводіакона и назначенъ регентомъ лаврской канцеляріи и присутствующимъ; потомъ назначенъ настоятелемъ больничнаго монастыря, блюстителемъ дальнихъ пещеръ и, наконецъ, въ 1792 году намѣстникомъ лавры,—въ 1793 году онъ былъ произведенъ въ архимандрита. Въ 1795 г., 17 августа Θеофилактъ былъ назначенъ ректоромъ академіи и переведенъ въ Кіево-Михайловскій, а 10 декабря 1798 года въ Кіево-Николаевскій Пустынный монастырь съ оставленіемъ ректоромъ. 26 апрѣля 1803 года онъ хиротонисанъ во епископа Вологодскаго, но 3 января 1808 года отставленъ и жилъ на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ и умеръ 13 августа 1823 года [1]).

Ириней (въ мірѣ Іоаннъ) Фальковскій, сынъ священника Бѣлоцерковской Введенской церкви, нынѣшняго Пирятинскаго уѣзда, Іоакима, родился 28 мая 1762 года, учился сначала въ Кіевской академіи до поэтическаго класса, потомъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Венгріи и, наконецъ, снова съ 1783 года въ Кіевской академіи. Еще будучи студентомъ, 14 декабря 1783 года, онъ назначенъ былъ учителемъ теоретической и практической ариθметики; 18-го октября 1784 года учителемъ нижняго класса грамматики; съ сентября 1785 года—учителемъ средняго класса грамматики, нѣмецкаго языка

[1]) „Кіевъ съ акад." Аскоч., ч. 2, 291—292. „Списки" Строева стр. 16, 19, 22, 31, 733; акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч.. т. 3, №№ 83, 105, 109, 118; акты Кіево-Брат. мон. и ак. № 71 и 102 (рукоп. б. к. ак. № 725) и вѣд. 1764 г.; Конс. арх.-Вѣд. 1760 года.

и по прежнему учителемъ ариѳметики и географіи; съ 28 сентября 1786 года—учителемъ высшаго класса грамматики; съ 1-го сентября 1787 года—учителемъ поэзіи; съ 1-го сентября 1789 года—учителемъ геометріи и алгебры; съ 1 сент. 1791 г. —еще учителемъ архитектуры; съ 4 августа 1793 года—учителемъ философіи и высшаго класса математики; съ 3 сентября 1795 года—учителемъ богословія и смѣшанной математики. Въ 1798 г. 29 ноября онъ сдѣланъ былъ соборнымъ іеромонахомъ Кіево-Печерской лавры, а въ январѣ 1799 г. назначенъ настоятелемъ Гамалѣевскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и оставленіемъ по прежнему въ учительской должности, и въ томъ же году перемѣщенъ архимандритомъ возстановленнаго Кіево-Братскаго монастыря съ обязанностью быть учителемъ богословія и публично толковать апостольскія посланія предъ позднею литургіею, что было поручено ему въ силу указа Св. Синода 1798 года, 31 октября. Въ этой должности Ириней пробылъ до половины 1803 г., когда былъ назначенъ ректоромъ академіи, а 8 сентября того же года переведенъ архимандритомъ въ Кіево-Николаевскій Пустынный монастырь; 25 февраля 1804 года онъ уволился отъ академическихъ должностей. 24 февраля 1807 г. Ириней Фальковскій былъ хиротонисанъ во епископа Чигиринскаго, а 19 февраля 1808 годъ переведенъ въ Смоленскъ на самостоятельную каѳедру,—6 іюля 1813 года онъ обратно былъ переведенъ въ Кіевъ, съ наименованіемъ „коадъютора кіевской митрополіи". Умеръ онъ 29 апрѣля 1823 года. Онъ написалъ: „Orthodoxae theologiae dogmaticae compendium", М. 1802 ап., „сочиненіе, расположенное по плану Ѳеофановой догматики, но далеко лучшее той по содержанію и по изложенію" (архіеп. Филаретъ); толкованіе на посланіе къ Римлянамъ К. 1806 г., на посланіе къ Галатамъ, К. 1807 г., въ ркп., толкованіе на два посланія къ Коринѳянамъ и на два къ Солунянамъ, 1300 извѣстныхъ его проповѣдей (только немногія напечатаны), краткій церковный прологъ „Мартирологъ

(неоконченъ); записку о состояніи Кіевской академіи (напечатана у Аскоченскаго, ч. 2, 423—442 и въ соч. „Преосвящ.Ириней Фальковскій“ Булашева стр. 164—182); „Описаніе церквей Чигиринскаго уѣзда“, „Полнѣйшее историческое извѣстіе о древней и новой іерархіи съ пріобщеніемъ обстоятельной росписи всѣхъ преосвященныхъ митрополитовъ Кіевскихъ“, „Лѣтопись о іерархіи россійской“, „Описаніе Златоверхаго Кіево-Михайловскаго монастыря“, „Сокращеніе и толкованіе находящихся во второй части Кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства“ (напечатана въ „Руков. для сельск. паст.“ за 1876 г. и отдѣльно), Критическія замѣчанія на книги Эккартсгаузена: „Наставленіе мудраго къ испытанному другу, на нѣкоторыя мѣста статей „Сіонскаго Вѣстника за 1806 г., на „Пастырское Богословіе“ Гитвица, переведенное и напечатанное въ С.-Петербургѣ въ 1803 году, (не окончёны) и на книги „Руководство къ истинной жизни христіанина“; по математикѣ—„Сокращеніе смѣшанной математики“, „Сокращеніе церковной хронологіи, называемой просто наукой о пасхаліи“, „Новый способъ скораго сыскиванія вруцѣлѣтъ и златыхъ чиселъ во всякомъ данномъ году“, „Новый способъ дѣленія смѣшанныхъ дробей“, „Новое краткое руководство къ ариѳметикѣ“. Въ стихахъ молитвы и гимны, и др. стихи „Краткое наставленіе о леченіи болѣзней простыми средствами“ и другія [1]).

Іоакимъ (*въ мірѣ Іоаннъ*) *Логановскій*, сынъ Кіевскаго дворянина, учился въ Кіевской академіи съ 1779 по 1793 годъ. По окончаніи курса былъ въ Переяславской семинаріи учителемъ. 1793 года 1-го сентября опредѣленъ въ Кіевской академіи учителемъ высшаго класса грамматики и греческаго языка и преподавалъ эти предметы до 1795 года. Въ этомъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 62, 85, 93, 105, 109; арх. конс. д. 1785 г. росписаніе,—вѣдомости за 1790 г.; акты К.-Бр. мон. и ак. № 35, 70, 84, 87, 88, 91, 102, 111. (рук. б. к. ак. № 425); „Преосвящ.Ириней Фальковскій, еп. Чигиринск“. Г. Булашева. Кіевъ 1883 г.; „Обзоръ“ архіеп. Филарета, ч. 2, 429; „Списки“... Страхова стр. 10, 19, 22, 531, 592.

году Іоакимъ постриженъ былъ въ монашество и назначенъ учителемъ латинской риторики и библіотекаремъ, 20 января 1799 года—учителемъ высшаго краснорѣчія, высшей математики и домашней и сельской экономіи, а 8 мая 1800 года назначенъ префектомъ и учителемъ философіи. Въ 1798 году онъ сдѣланъ соборнымъ іеромонахомъ Кіево-Печерской лавры, а 8 сентября 1803 г. произведенъ во архимандрита Кіево-Братскаго монастыря; 30 марта 1804 года назначенъ ректоромъ и учителемъ богословія. Въ ноябрѣ 1813 года онъ назначенъ былъ въ Курскій второкласный Знаменскій монастырь архимандритомъ, гдѣ и умеръ въ 1817 году [1]).

Іоасафъ Моховъ, изъ Полтавской епархіи, сначала учился въ низшихъ классахъ Кіевской академіи, а потомъ по силѣ указа 1798 г. 31 октября въ высшихъ; по силѣ того же указа въ 1801 году вытребованъ въ Полтавскую семинарію, гдѣ и былъ учителемъ; 1809 года 14 февраля онъ былъ постриженъ въ монашество. Въ 1810 году 10 марта опредѣленъ учителемъ философіи въ Кіевской академіи, съ 5-го ноября—еще префектомъ; въ февралѣ 1814 года онъ назначенъ ректоромъ и учителемъ богословія, а въ декабрѣ 1816 г. былъ удаленъ митрополитомъ отъ ректорства за своевольную продажу монастырскаго желѣза, а 30 іюня 1817 года удаленіе его утверждено Св. Синодомъ. По удаленіи отъ ректорства, Іоасафъ жилъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ и умеръ [2]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 3 №№ 84, 85, 105, 109; т. 4 №№ 7, 12, 36, 45; акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 70, 71, 76, 102, 111, 190 (рук. б. к. ак. № 725). „Изъ дневника м. Серапіона“ „Труды К. дух. акад.“ 1882 г. октябрь и ноябрь. 1883 г. февраль. „Списки“ Строева 19, 638.

[2]) Акты К.-Бр. мон и ак., №№ 155, 157, 158, 159, 178, 182, 186; (рук. б. к. ак № 125); акты К.-Бр. мон. и ак, собр. Аскоч. т. 4, №№ 48 и 51; „Изъ дневника м. Серапіона“. „Труды К. д. ак.“, 1882 г. октябрь и ноябрь. 1883 г. февраль. „Списки“.. Строева 19.

Префекты и учители философіи.

Георгій Щербацкій, постриженецъ Кіево-Софійскаго монастыря, въ 1749 г.—учитель піитики, въ 1750 г. былъ учителемъ риторики, въ 1751 г. сдѣланъ учителемъ философіи и греческаго языка; послѣ Георгія Конисскаго въ 1752 году былъ префектомъ академіи до 1753 года, когда опредѣленъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію префектомъ и учителемъ богословія; умеръ 18 августа 1754 года. Онъ исправлялъ греческую грамматику Варлаама Лящевскаго [1]).

Давидъ Нащинскій—см. выше.

Авраамій (*въ мірѣ Андрей Флїоринскій*, родомъ изъ малороссійскихъ мѣщанъ, обучался въ Кіевской академіи. Съ 1754 года назначенъ учителемъ грамматики и въ этомъ или слѣдующемъ году постриженъ въ монашество, въ 1755 году онъ былъ сдѣланъ уже учителемъ риторики, а 2 ноября префектомъ съ оставленіемъ учителемъ риторики; 6 декабря Авраамій опредѣленъ былъ учителемъ философіи и префектомъ и былъ въ этой должности до конца 1757 г., а съ ноября этого года до 13 іюля 1761 года былъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ, при чемъ съ февраля по 13 іюля 1761 г. преподавалъ великую инструкцію. По указу Св. Синода былъ назначенъ во Владимірскую епархію архимандритомъ Царе-Константиновскаго монастыря и ректоромъ Владимірской семинаріи; отсюда переведенъ въ 1773 году въ Ростовскій Борисо-Глѣбскій на рѣкѣ Устьѣ монастырь, а 27 марта 1775 г. въ Ростовскій Богоявленскій и наконецъ 9 го февраля 1786 года въ

---

[1]) Акты К. Брат. мон. и ак. собр. Аскоч., т. 1, №№ 39 и 45; Конс. арх. дѣло 1754 года № 175; Чернов. список. учит. № 30; „Ист. моск. славяно-греко-лат. ак." С. Смирнова. Стр. 209. Отъ него остались: „*Трагедо-комедія, нарицаемая Фотій*, изд. *Кіевъ 1877* г. и *Слово на Рождество*. См. Опис. рук. ц.-арх. муз. при Кіев. дух. ак." Н. И. Петрова, вып. II, подъ № 305, л. 11.

Ростовскій Спасо-Яковлевскій Дмитріевъ монастырь, гдѣ и умеръ 30 апрѣля 1797 года. Одно изъ многихъ его словъ на память св. Димитрія издано М. 1807 г.; онъ исправлялъ древній переводъ бесѣдъ Златоуста на Матѳея, М. 1781 и на Іоанна М. 1793 г. [1]).

Самуилъ Миславскій, см. выше.

Мелхиседекъ Орловскій въ августѣ 1754 года назначенъ учителемъ инфимы, съ сентября же слѣдующаго года назначенъ архидіакономъ въ каѳедральный монастырь и былъ имъ до 10 сентября 1759 года, когда былъ опредѣленъ учителемъ философіи, а съ 16 января 1761 года и префектомъ, при чемъ съ 15 іюля этого года до конца его преподавалъ великую инструкцію. 30 ноября 1763 г. онъ былъ опредѣленъ игуменомъ въ Кіево-Кирилловскій монастырь къ домовой Его преосвященства Воскресенія Христова церкви; въ управленіе монастыремъ вступилъ 5 декабря. Въ 1765 году за болѣзнью Игнатія Максимовича исполнялъ должность префекта [2]).

Игнатій Максимовичъ съ конца 1757 г. былъ учителемъ грамматики; 28 августа слѣдующаго года назначенъ учителемъ синтаксимы; съ 15 сентября 1759 года былъ учителемъ піитики и малой инструкціи. 15 іюля 61 года былъ опредѣленъ третьимъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ; черезъ годъ,

---

[1]) Консист. арх., д. 1754 г. № 258; д. 1757 г. № 71; д. 1755 г. № 496; Черниг. список. № 30; Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч., т. 1, № 50; т. 2, № 32; т. 3, № 4; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 2 (рук. б. к. ак. № 725); „Списки" Строева стр. 340, 842, 366, 589, 671. „Обзоръ" Филарета, ч, 2, стр. 377. Словарь истор. ч. 1, стр. 10. М. Евгеній, а за нимъ Аскоченскій (ч. 2, 209) неправильно указываютъ 1752 г. началомъ учительской службы, а 1753-й —поступленія въ монашество, ибо въ спискахъ учительской 1752—1753 гг. его нѣтъ (Акт. Аскоч. т. 1 №№ 39 и 45), а въ 1754 году онъ еще—свѣтскій (Конс. арх., д. 1754 г. № 258.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, №№ 1, 25, 29; т. 3 №№ 3 и 4; Конс. арх. д. 1761 г. № 5; д. 1763 г. № 150; д. 1760 № 164; Черновой списокъ учителей; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 5 (рук. б. к. ак. № 725).

7 августа 1762 г. назначенъ учителемъ риторики и великой инструкціи, но отъ преподаванія послѣдней 30 октября 1763 г. по болѣзни отказался; съ декабря этого года онъ былъ префектомъ до 1764 года, а 6 іюля этого года по пути изъ г. Ахтырки проболѣлъ въ Мгарскомъ Лубенскомъ монастырѣ до мая 1765 года. По возвращеніи въ Кіевъ, былъ назначенъ на жительство въ Кіево-Софійскій каѳедральный монастырь. Чрезъ три года онъ былъ опредѣленъ игуменомъ Нехворощанскаго Успенскаго Полтавской епархіи монастыря, отсюда въ 1775 году переведенъ въ Глуховскій Петро-Павловскій монастырь архимандритомъ; въ 1782 году перемѣщенъ въ Новгородскій Вяжицкій монастырь, а 23 ноября слѣдующаго года въ Колязинъ въ Макаріевъ Троицкій монастырь; наконецъ, 15 января 1789 года въ Черниговскій Елецкій монастырь, гдѣ и умеръ 30 ноября 1793 года[1]).

Рувимъ Петулинскій началъ учительскую службу съ 1756 года. Въ слѣдующемъ году былъ учителемъ инфимы, чрезъ годъ 28 августа назначенъ учителемъ грамматики, еще чрезъ годъ 15 сентября опредѣленъ учителемъ синтаксимы; 13 іюля 1761 года былъ учителемъ піитики; съ сентября 1760 года преподавалъ еще и еврейскій языкъ; 30 октября 1763 г. онъ былъ уволенъ отъ піитики и сдѣланъ учителемъ еврейскаго языка и великой инструкціи, съ начала 1764 года онъ вмѣсто піитики преподавалъ риторику, а въ концѣ года за болѣзнію Игнатія Максимовича исполнялъ должность префекта и преподавалъ философію; съ 1766 года онъ былъ утвержденъ въ должностяхъ префекта и учителя философіи и оставался въ этихъ должностяхъ до 1768 года, ког-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, №№ 2, 5, 6, 22, 25, 32; т. 3 №№ 4 и 9; Арх. конс. д. 1761 г. № 5; д. 1763 г. № 150; „Списки Іерарховъ и наст." Строева. стр. 66, 450, 515, 525, 932; Конс. арх. д. 1757 г. № 71. Черн. списокъ уч. № 30.

да 8 января опредѣленъ былъ игуменомъ въ Кіево-Петропавловскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1784 году [1]).

Никодимъ Панкратьевъ, см. выше.

Кассіанъ Лехницкій, см. выше.

Іоаннъ Островскій, сынъ мѣщанина города Кіево-Подола Власа Островскаго, родился въ 1741 году, обучался въ Кіевской академіи; по окончаніи полнаго курса наукъ въ которой, былъ на послушаніи въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ одинъ годъ и два мѣсяца, гдѣ говорилъ проповѣди. 1 января 1769 года онъ былъ опредѣленъ учителемъ средняго класса грамматики. 19 августа 1773 г. назначенъ въ Кіевскую духовную консисторію писаремъ, при чемъ говорилъ проповѣди. 1 сентября 1775 года назначенъ префектомъ и учителемъ философіи; съ 21 октября 1783 г. вмѣсто философіи поручено ему было преподавать богословіе; въ 1784 году послѣ смерти ректора Кассіана онъ три мѣсяца исправлялъ его должность, а по назначеніи ректора Варлаама продолжалъ преподавать богословіе до 27 іюня 1785 года, хотя съ января этого года былъ назначенъ архимандритомъ въ Гамалѣевскій монастырь. Отсюда онъ перемѣщенъ 15 декабря 1789 г. въ Коломенскій Голутвинъ монастырь и чрезъ три года сдѣланъ ректоромъ Коломенской семинаріи, оттуда 6 мая 1795 г. переведенъ въ Новгородскій Антоніевъ монастырь и сдѣланъ ректоромъ Новгородской семинаріи, затѣмъ 25 августа 1796 г. перемѣщенъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, а 17 сентября 1797 г. въ Спасо-Преображенскій, въ Новгородъ-Сѣверскѣ, монастырь; 31 декабря снова былъ переведенъ въ Новгородскій Антоніевъ монастырь; наконецъ, 10 ноября 1798

---

[1]) Консист. арх., д. 1757 г. № 71, д. 1761 г. № 5, д. 1763 г. № 150. Черное. списк. учит. № 30; д. 1764 г. № 321; акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 2, №№ 1, 2, 5, 6, 22, 25 32; т. 3 №№ 3, 4, 9, 11, 12, 22; Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 6 и 11 (рук. б. к. акад. № 125); „Списки“ Строева стр. 28, 528.

года въ Колявинъ въ Макаріевъ Троицкій монастырь. 5 февраля 1800 г. онъ былъ хиротонисанъ въ епископа пермскаго; умеръ 24 декабря 1801 г. [1]).

Димитрій (*въ міръ Даніилъ*) *Устимовичъ*, сынъ кіевскаго подольскаго мѣщанина Іустина, родился въ 1745 г., окончилъ полный курсъ въ Кіевской академіи. По окончаніи курса академіи, съ сентября 1774 г. назначенъ учителемъ высшаго класса грамматики, а съ сентября слѣдующаго года и греческаго языка; въ 1777 году въ сентябрѣ опредѣленъ былъ учителемъ піитики; въ 1778 году 1-го апрѣля постриженъ въ монашество въ Братскомъ монастырѣ, а въ 1779 году опредѣленъ толковать катихизисъ. Съ сентября 1782 года Димитрій назначенъ былъ учителемъ риторики, а съ 9 ноября слѣдующаго года учителемъ философіи; 12 января 1785 г. опредѣленъ префектомъ. Въ сентябрѣ этого же года онъ былъ посвященъ въ игумена Золотоношскаго Красногорскаго монастыря, но за упраздненіемъ его оставленъ при академіи префектомъ и учителемъ богословія, съ половины 1791 г. назначенъ архимандритомъ Вознесенскаго Переяславскаго монастыря; 22 апрѣля 1793 г. ему временно поручено было преподаваніе философіи. 14 августа онъ хиротонисанъ во епископа переяславскаго, викарія кіевской митрополіи; 1 мая 1795 года переведенъ на самостоятельную каѳедру въ Смоленскъ, гдѣ и умеръ въ 1805 году 26 мая. Его слово на день рождества Богородицы издано въ Москвѣ, 1784 г. [2]).

---

[1]) Арх. Консист. Вѣд. о учителяхъ за 1779 г.; Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 11, 29, 31, 33, 35, 39; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, №№ 33 и 62; „Списки“ Строева. стр. 48, 60. 61, 178, 450, 520, 531, 941.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11, 24 27, 32, 35; кон. арх. вѣдом. о учит. за 1779 г., и 1790 г. д. 1785 г. № 1, росписаніе учител. 1785 г. д. 1790 г. № 5; Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 3, №№ 52, 76, 77; „Обзоръ“ Филарета ч.2, 390; „Списки Строева стр. 10, 24, 592, 931, 933; Аскоченскій противорѣчитъ актамъ (см. вѣд. за 1790 г.), когда утверждаетъ (ч. 2, 331), что Димитрій былъ ректоромъ съ 1785 г.

Амвросій (въ міръ Андрей) **Келембетъ**, сынъ діакона Петра, Черниговской епархіи полку Лубенскаго, мѣстечка Чорнухъ; родился въ 1745 году. Въ 1760 году поступилъ въ Кіевскую академію, а въ 1777 году окончилъ полный курсъ. 9 апрѣля этого года онъ постриженъ въ монашество въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ. 1-го сентября 1777 г. назначенъ учителемъ греческаго языка, а съ сентября слѣдующаго года толковалъ катихизисъ до 1779 года; съ 23 февраля 1784 года былъ учителемъ риторики и греческаго языка; съ сентября 1785 г. опредѣленъ учителемъ одной философіи, съ сентября 1791 г. назначенъ былъ и префектомъ. Указомъ Св. Синода 22 марта 1793 года онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ въ Воронежскій Акатовъ монастырь и ректоромъ Воронежской семинаріи, 29 декабря 1796 года перемѣщенъ въ Новгородскій Антоніевъ монастырь и назначенъ ректоромъ Новгородской семинаріи; 17 сентября 1797 года въ Юрьевъ Новгородскій монастырь; 13 ноября 1799 года хиротонисанъ во епископа оренбургскаго; 25 мая 1806 года переведенъ въ Тобольскъ архіепископомъ; тамъ пробылъ до 28 окт. 1822 года, когда уволенъ былъ на покой; послѣ чего жилъ въ Мгарскомъ Лубенскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ 4 іюля 1825 года [1]).

Афанасій въ міръ Андрей) *Корчановъ* изъ разночинцевъ, сынъ Лазаря Корчанова, родился въ 1746 году въ Сумской слободской провинціи,—въ слободѣ Лебединѣ. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Кіевской академіи, 1 сентября 1777 года былъ назначенъ учителемъ средняго класса латинской грамматики; 1 іюля 1778 года въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ постриженъ въ монашество и 1-го сентября этого же года назначенъ учителемъ высшаго класса грамматики; въ

---

[1]) Конс. арх. вѣдом. о ученик. 1760, 1776 и 1777 годовъ, д. 1790 г. № 6; вѣдом. объ учит. 1779 и 1790 гг.; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11, 32, 35, (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 74, 76; „Списки“ Строева стр. 48, 61, 319, 841, 979.

ноябрѣ 1782 г. опредѣленъ преподавать поэзію, а съ 1-го сентября 1785 года—назначенъ учителемъ риторики. Въ 1788 и 1789 годахъ его нѣтъ между учителями; только съ 1 сентября 1890 года онъ снова назначенъ былъ учителемъ французскаго языка, а въ 1793 году опредѣленъ игуменомъ Козелецкаго Георгіевскаго монастыря, оставаясь по прежнему учителемъ; 22 апрѣля 1793 года онъ назначенъ префектомъ, а 4 августа по болѣзни отказался отъ преподаванія французскаго языка, въ 1795 г. онъ назначенъ вице-ректоромъ. Въ 1797 г. 10 іюня переведенъ въ Выдубицкій монастырь, здѣсь произведенъ въ архимандрита, а 21 марта 1799 г. перемѣщенъ въ Черниговскій Елецкій монастырь. 5 сентября 1811 года хиротонисанъ во епископа пензенскаго, а 8 января 1819 года уволенъ на покой. Умеръ 14 декабря 1825 года [1]).

Анатолій Ставицкій происходилъ изъ разночинцевъ черниговскаго намѣстничества, Городницкаго уѣзда, с. Клюсовъ; родился въ 1748 году; имя отца его было Павелъ; обучался сначала въ Черниговской семинаріи, гдѣ дошелъ до риторики, потомъ до 1776 года въ Кіевской академіи, затѣмъ слушалъ философію и польскій языкъ въ базильянскомъ училищѣ въ Умани, наконецъ—въ Венгріи въ Пресбургѣ—философію, исторію, географію, ариѳметику, еврейскій и нѣмецкій языки. По возвращеніи въ Россію, въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ 27 іюня 1782 г. постриженъ въ монашество; съ сентября мѣсяца того же года опредѣленъ учителемъ нижняго класса латинской грамматики; 5 января 1784 г. назначенъ учителемъ исторіи и географіи и средняго клас-

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 11, 32, 59; Конс. арх. вѣдом. объ учит. 1879 и 1790 гг.; росписаніе кому и что преподавать 1785 года; Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. №№ 72, 76, 77, 88, 109; „Списки" Строева стр. 25, 24, 515, 528, 952; М. Евгеній (Опис. К.-Соф. соб. стр. 232), а за нимъ Аскоченскій (ч. 2. 328) неправильно считаютъ 1792 г. временемъ назначенія Аѳанасія префектомъ и пропускаютъ его игуменство въ Козельскомъ Георгіевскомъ монастырѣ (Акты 3 т. № 76).

са грамматики, а съ сентября 1785 г. учителемъ высшаго класса грамматики, исторіи и географіи. Съ 1786 года, по вызову Парфенія Собковскаго, епископа смоленскаго, перешелъ въ тамошнюю семинарію префектомъ; 8 января 1790 г. былъ опять назначенъ учителемъ риторики въ Кіевской академіи, а 1 сентября—и учителемъ нѣмецкаго языка. Въ 1791 году онъ снова былъ вызванъ въ Смоленскую семинарію на должность префекта и учителя богословія, потомъ былъ армейскимъ священникомъ; съ 4-го августа 1793 г. онъ опредѣленъ былъ въ Кіевскую академію префектомъ и учителемъ богословія; 29 августа 1795 года уволенъ изъ академіи по собственному желанію и былъ опредѣленъ въ Кіево-Печерскую лавру съ полученіемъ іеромонашескаго жалованія и кружечныхъ доходовъ наравнѣ съ соборными іеромонахами. Въ 1801 г. онъ назначенъ былъ архимандритомъ въ Паисіевъ Галицкій монастырь Костромской епархіи; въ слѣдующемъ году переведенъ въ Ростовскій Борисо-Глѣбскій монастырь; 1 ноября 1808 г. въ Ростовскій Богоявленскій, а 6 февраля 1820 г. въ Новгородскій Юрьевъ, гдѣ, уволенный въ 1822 г. 21 августа на покой, скончался [1]).

Иннокентій (въ мірѣ Иванъ) Ставицкій родился въ 1761 году, происходилъ изъ польскаго шляхетскаго рода; въ монашество постриженъ въ 1780 году 4 апрѣля въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ; окончилъ полный курсъ въ Кіевской академіи. Въ 1786 г. опредѣленъ въ Переяславскую семинарію учителемъ высшаго класса грамматики, греческаго языка, географіи и исторіи; въ 1788 году опредѣленъ въ Кіевской академіи учителемъ высшаго класса грамматики; 4 августа 1793 года назначенъ учителемъ риторики и ариѳметики, а 7 сентября и нѣмецкаго языка; съ 3 сентября 1795 г. онъ опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи и былъ въ этихъ

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 32, 35 (рук. б. к. ак. № 725); Конс. арх. росписаніе кому и что препод. 1785 г., вѣдом. объ учит. 1790 г. д. 1790 г. № 5; Акты Кіево-Брат. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3 №№ 77, 83, 85; „Списки“ Строева стр. 48, 340, 343, 863; „Кіевъ съ акад.“ В. Аскоченскаго ч. 2. стр. 326.

должностяхъ до мая 1800 года, когда назначенъ архимандритомъ Шаргородскаго Николаевскаго монастыря и ректоромъ Подольской семинаріи, а въ 1806 г. переведенъ въ Каменецкій Троицкій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1808 году [1]).

Іоакимъ Логановскій см. выше.

Меѳодій (*въ мірѣ Михаилъ*) *Пышнячевскій*, сынъ священника Петра, Остерскаго уѣзда, села Остролучья. По окончаніи въ 1797 г. полнаго курса наукъ въ Кіевской академіи, по повелѣнію м. Іероѳея, отправленъ былъ для продолженія образованія въ Московскій университетъ, гдѣ обучался три года. По окончаніи тамъ ученія 2 сентября 1800 года назначенъ учителемъ россійской и латинской поэзіи; 28 марта 1803 года онъ былъ постриженъ въ монашество, а 8 сентября сдѣланъ соборнымъ іеромонахомъ Кіево-Печерской лавры; 18 февраля 1804 г. назначенъ учителемъ высшаго класса чистой математики; 4 марта 1804 г. опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи; съ 5 октября 1805 года по 1 сентября 1808 г. не преподавалъ математики, а съ 1808 г. былъ префектомъ, учителемъ философіи и высшаго класса чистой математики. По указу св. Синода 24 ноября 1809 года назначенъ былъ, а 3 января 1810 г. уѣхалъ въ С.-Петербургскую семинарію для преподаванія философіи; въ декабрѣ этого года онъ возвратился въ Кіевъ и снова занималъ должность префекта. Потомъ былъ ректоромъ Петербургской семинаріи. 27 марта 1812 года произведенъ въ архимандрита Троицко-Сергіевской пустыни близъ Петербурга; потомъ снова былъ префектомъ Кіевской академіи; затѣмъ 21 сентября 1815 года онъ былъ хиротонисанъ во епископа олонецкаго и каргопольскаго, викарія новгородскаго; потомъ съ 7 февраля 1816 года былъ епископомъ полтавскимъ; 24 іюня 1824 г. назначенъ архіепископомъ астраханскимъ и кавказскимъ; съ 30 сентяб-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 58, 69, 74 (рук. б. к. ак. № 725); Конс. арх. вѣдом. объ учит. 1790 г.; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3 № 85, 105, 109, 118; „Списки" Строева стр. 551 и 552.

ря 1825 г. архіепископомъ псковскимъ, лифляндскимъ и курляндскимъ, а 10 мая 1834 г. уволенъ въ Мгарскій Лубенскій монастырь съ управленіемъ его. Умеръ Меѳодій въ 1844 году [1]).

Никита Соколовскій, уроженецъ губерніи Кіевской, повѣта Васильковскаго, с. Половецкой, сынъ священника Іоанна, родился въ 1769 году. По окончаніи курса въ Кіевской академіи съ 1792 по 1794 г. обучался въ Московскомъ университетѣ, гдѣ за отличные успѣхи получилъ серебряную медаль. По окончаніи тамъ курса, 7 сентября 1794 года онъ назначенъ былъ учителемъ россійской риторики и россійской поэзіи, исторіи и географіи; съ 1797 года онъ опредѣленъ былъ также учителемъ нижняго класса россійской риторики и россійской поэзіи. Съ 20 января 1799 года онъ былъ учителемъ латинской и россійской риторики и французскаго языка; въ 1800 году опредѣленъ учителемъ высшаго краснорѣчія и высшаго класса французскаго языка. Въ 1802 году онъ подавалъ заявленіе о желаніи принять монашество, но самъ потомъ отказался. Въ декабрѣ 1809 г. назначенъ былъ префектомъ, учителемъ философіи и французскаго языка; умеръ Никита Соколовскій въ 1810 году ночью съ 4 на 5 ноября [2]).

Іоасафъ Моховъ, см. выше.

Мелетій (*въ мірѣ Иванъ*) *Носковъ*, сынъ священника города Кіева, родился въ 1776 году. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Кіевской академіи, 9 января 1801 года опредѣленъ былъ учителемъ русской школы, а 2-го сентября того же года назначенъ еще учителемъ высшаго ариѳметическаго,

[1]) Акты Кіево-Брат. мон. и акад., №№ 83, 102, 111, 138, 151, 152, 156, 158, 180; (рук. б. к. ак. № 725); Конс. арх. вѣдом. объ учен. 1790 г.; Акты Кіево-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч.. т. 4, №№ 12, 21; „Списки" Строева. стр. 40, 272, 312, 362, 927.

[2]) Акты Кіево-Брат. мон. и акад., собр. Аскоченскимъ, т. 3, №№ 85, 105 и 109; т. 4, №№ 12, 22, 45; Акты К.-Бр. мон. и акад., №№ 83, 154, 156, 157, 158, 159 (рук. б. к. акад. № 725). „Изъ дневника м. Серапіона". Труды К. д. ак." 1882 г. октябрь и ноябрь, 1883 г. февраль.

3-го историческаго и географическаго классовъ; въ 1804 году онъ былъ учителемъ нижняго класса греческаго языка и нижняго чистой математики; съ 16 сент. этого года опредѣленъ учителемъ нижняго класса нѣмецкаго языка, нижняго класса чистой математики и 4 историческаго и географическаго классовъ; 25 апрѣля 1805 г. онъ былъ учителемъ средняго класса грамматики, 2 историческаго и географическаго классовъ; съ 1-го же марта 1808 г. назначенъ еще учителемъ нижняго, а потомъ высшаго класса нѣмецкаго языка. 12 февраля 1809 г. онъ постриженъ былъ въ монашество; въ январѣ 1810 г. назначенъ учителемъ высшаго краснорѣчія и высшаго класса нѣмецкаго языка; 4 ноября ему велѣно быть присутствующимъ въ правленіи. Въ февралѣ 1814 года Мелетій былъ назначенъ префектомъ и учителемъ философіи; 8 сентября 1815 года произведенъ въ архимандрита Выдубицкаго монастыря. По удаленіи ректора Іоасафа, въ декабрѣ 1816 г. онъ исполнялъ должность ректора и учителя богословія, а въ Ноябрѣ 1817 г. назначенъ архимандритомъ Черниговскаго Домницкаго монастыря, инспекторомъ и учителемъ богословія въ Черниговской семинаріи, въ 1818 году переведенъ въ Черниговскій Елецкій монастырь; 5 февраля 1823 г. назначенъ архимандритомъ Острожскаго Спасскаго монастыря и ректоромъ Волынской семинаріи; въ 1826 г. переведенъ въ Мгарскій Лубенскій монастырь и назначенъ ректоромъ Полтавской семинаріи; въ 1838 году былъ перемѣщенъ въ Свіяжскій Богородичный монастырь; умеръ Мелетій на покоѣ въ 1851 году въ Кіево-Печерской лаврѣ [1]).

Учители.

Ѳома Гирчичъ, іеромонахъ, въ 1750 году былъ учителемъ піитики, 1751 и 1752 г. г.—учителемъ риторики. Въ

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр., Аскоч., т. 4, №№ 12, 21, 45, 48, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 82, 138, 140, 158, 159, 176, 178, 186, 207; „изъ дневника м. Серапіона“ Труды К. д Ак. 1883 г. февраль; „Списки“ Строева. стр. 24, 516, 523, 929, 987.

1753 г. опредѣленъ членомъ дикастеріи и проповѣдникомъ. Въ это время онъ участвовалъ въ исправленіи Четьихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго. Выбылъ префектомъ въ Московскую академію [1]).

Гавріилъ Диковскій, іеромонахъ, въ 1750 г. былъ учителемъ грамматики; въ 1751 году его уже не было [2]).

Іоасафъ Ярошевскій, іеродіаконъ, въ 1750 г. былъ учителемъ инфимы, въ 1751 году произведенъ во іеромонаха. Въ этомъ году по указу Св. Синода назначенъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію проповѣдникомъ; въ мартѣ 1753 г. былъ тамъ учителемъ риторики; съ сентября учителемъ философіи; въ 1764 г. проповѣдникомъ. Въ началѣ 1756 г. уволенъ въ Кіево-Софійскій монастырь [3]).

Платонъ Өеодоровичъ, іеродіаконъ, въ 1750 г. былъ учителемъ аналогіи. Въ 1751 году назначенъ къ переводу книги, называемой „jus graeco—romanum", и отъ учительства уволенъ [4]).

Гавріилъ Виноградскій съ 1751 г. назначенъ учителемъ грамматики; въ 1752 г. его нѣтъ между учителями [5]).

Іоакинфъ Павинскій, іеромонахъ, въ 1751 и 1752 г. г. былъ учителемъ синтаксимы и еврейскаго языка, въ 1753 году назначенъ учителемъ піитики и еврейскаго языка и былъ имъ до 1745 года; въ августѣ этого года его уже нѣтъ между учителями; отъ 1706 по 1786 годъ онъ былъ игуменомъ Максаковскаго Спасо-Преображенскаго Черниговской епархіи монастыря [6]).

---

[1]) Конс. арх. д. 1754 года, № 175; Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 1, № 39; „Исторію С.-Петерб. дух. акад." Чистовича стр. 28.

[2]) Консист. арх. д. 1754 г. № 175; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1. № 39.

[3]) Конс. арх. д. 1654 г. № 175; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1. № 39; „Ист. моск. с.-гр.-лат. акад." С. Смирнова стр. 222.

[4]) Конс. арх. д. 1754 г. № 175; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аск., т. 1. № 39.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 1, №№ 39 и 45.

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак.", собр. Аскоч. т. 1, № 39, 45; Консист. арх. д. 1754 г. №№ 91, 258; „Списки" Строева стр. 530.

Геровасій Згурскій, іеродіаконъ, съ 1751 г. назначенъ былъ учителемъ инфимы и былъ имъ до 1753 года [1]).

Ириней Братановскій, іеродіаконъ, съ 1751 года опредѣленъ учителемъ аналогіи; съ 1754 года былъ учителемъ піитики. Въ 1755 году переведенъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію проповѣдникомъ. Съ сентября 1757 года онъ былъ тамъ учителемъ философіи; въ августѣ 1758 г. опредѣленъ префектомъ. Въ 1759 г. за слабостію здоровья уволился отъ ученой службы и произведенъ во игумена Угрѣшскаго, Московской епархіи, монастыря; потомъ 10 августа 1762 г. былъ архимандритомъ Брянскаго Петропавловскаго монастыря, а 4 августа 1770 г. переведенъ въ Ростовскій Яковлевскій монастырь. 26 апрѣля 1775 онъ хиротонисанъ былъ во епископа вологодскаго и въ семъ санѣ умеръ 23-го апрѣля 1796 года. На его гробницѣ надпись: „слова его божественны гремѣли". Извѣстно по ркп. собраніе словъ его, всего до 60; нѣкоторыя слова его изданы въ Ярославѣ, 1876 г. [2]).

Наркисъ, іеродіаконъ, одинъ 1753 годъ былъ учителемъ синтаксимы [3]).

Θеофилъ Нессинъ, священникъ, съ 1752 года назначенъ учителемъ грамматики; въ маѣ 1754 г. былъ учителемъ синтаксимы; въ августѣ 1755 г.—учителемъ піитики, въ 1756 г. учителемъ риторики. Въ этомъ году онъ принялъ монашество и назначенъ игуменомъ Батуринскаго Крупицкаго монастыря, гдѣ былъ до 1762 года [4]).

Константинъ Крыжановскій (*иногда Павловичъ*) священникъ, учился сначала въ Кіевской академіи, потомъ за границей, въ половинѣ 1753 года былъ назначенъ учителемъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 1, №№ 39, 45.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 1, №№ 39, 45; Конс. арх. д. 1754 г. № 258; „Истор. Моск. слав.-гр.-латин. акад." С. Смирнова стр. 210; „Списки" П. Строева стр. 208, 366, 732, 910. „Обзоръ", архіеп Филарета ч.2. 377.

[3]) Акты Кіево-Врат. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 1, № 45.

[4]) Акты Кіево-Бр. мон. и ак., собр. Асхоченскимъ. т. I, № 39 и 45 Конс. арх. д. 1754 г. № 91; Черн. список. учит. № 30. д. 1757 г. № 71 „Списки" П. Строева стр. 526.

нѣмецкаго и еврейскаго языковъ; въ 1753 г. опредѣленъ первымъ учителемъ во вновь открытый французскій классъ; съ 1754 г. былъ священникомъ въ конгрегаціонной церкви, 13 октября 1758 г. онъ былъ назначенъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ и оставленъ учителемъ еврейскаго и французскаго языковъ. Потомъ съ 1770 года онъ былъ протоіереемъ въ Ромнахъ. Переводилъ съ латинскаго языка: „Блаженнаго Августина таинственную богословію“ съ краткими изъясненіями. СПБ. 1788 г., въ 4-хъ кн., СПБ. 1795 г. въ 3-хъ кн. [1]).

Павелъ Волчанскій, іеромонахъ, въ маѣ 1754 г. былъ учителемъ инфимы; въ августѣ того же года и въ 1755 г. былъ учителемъ синтаксимы; потомъ былъ въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ; около 1760 года былъ игуменомъ его, а 3 ноября 1763 года переведенъ въ Слуцкій Троицкій монастырь, гдѣ долгое время былъ архимандритомъ [2]).

Гедеонъ Яновскій, іеродіаконъ, съ мая 1754 года былъ учителемъ аналогіи, въ 1775 г.—учителемъ инфимы [3]).

Викторъ (*въ мірѣ Василій*) *Ладыжинскій* съ 1753 года по 1758 годъ былъ учителемъ греческаго языка; съ 1758 г. назначенъ учителемъ грамматики; въ то же время онъ принялъ монашество; съ сентября 1758 г. былъ назначенъ учителемъ риторики, но по трудности ея отказался отъ греческаго языка. Въ половинѣ 1762 г. его нѣтъ между учителями; вѣроятно, въ это время онъ былъ назначенъ въ Свельскій, Полтавской епархіи, монастырь; въ 1764 г. оттуда онъ былъ переведенъ въ Кіево-Петропавловскій монастырь, гдѣ былъ до 1766 г., при чемъ преподавалъ въ академіи за болѣзнью ректора Самуила Миславскаго богословіе. Въ 1766 г.

[1]) Консист. арх. д. 1754 № 258; д. 1754 г. № 91; Черн. Список. учит. № 30; д. 1757 г. № 71; д. 1759 г. № 14—19; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, №№ 9, 11, 21; „Обзоръ“ Филарета, ч. 2, 358.

[2]) Конс. арх. 1754 г. № 91 и 258, д. 1757 г. № 71; „Списки“ Строева стр. 27, 544.

[3]) Конс. арх. д.754 1 г. № 91; д. 1757 № 71.

онъ переведенъ въ Кіево-Софійскій монастырь намѣстникомъ; въ 1768 г. перемѣщенъ въ Нѣжинскій Низеретъ-Богородичный монастырь архимандритомъ; въ 1770 г. переведенъ въ Курскій Знаменскій монастырь,—въ 1774 г.—въ Колязинъ въ Макаріевъ Троицкій монастырь. Умеръ Викторъ въ 1777 году въ С.-Петербургѣ. Извѣстны двѣ его проповѣди, говоренныя въ Петербургѣ: на новый годъ, СПБ. 1775; на день тезоименит. вел. кн. Наталіи Алексѣевны. СПБ. 1775 года [1]).

Владиміръ Каллиграфъ, перекрещенецъ изъ евреевъ,—одинъ 1754 годъ былъ учителемъ риторики. Въ 1755 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ опредѣленъ учителемъ философіи въ Московской академіи; съ 12 мая 1757 г. онъ былъ префектомъ и учителемъ богословія. Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій, говоритъ о немъ: „архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ, перекрестъ, еще тогда (въ 1757 г.) учитель и проповѣдникъ въ церкви Владимірскія Богородицы въ Москвѣ говорилъ на поученіи плевелы не токмо лютеранскія и кальвинскія, но и жидовскія, о чемъ и представлено было Св. Синоду“. Слѣдствіемъ этого доношенія было удаленіе Каллиграфа 24 іюня 1758 г. въ Архангельскій, въ городѣ Устюгѣ монастырь; въ сентябрѣ 1759 года онъ былъ переведенъ въ Ярославль настоятелемъ Спасскаго монастыря; умеръ послѣ 1760 года въ Троицкой лаврѣ [2]).

Өеодоритъ, іеродіаконъ, въ 1754 году былъ учителемъ математики [3]).

---

[1]) Консист. арх. д. 1754 г. №№ 91, 258; д. 1757 г. № 71; д. 1761 г. № 5; Акты Кіево-Бр. мон. и акад. собр. Аскоч., т. 2. №№ 1, 6, 19, 22, 24; т. 3, №№ 3, 4, 12; Акты К.-Бр. мон. и ак, № 5 (рук. б. к. ак. № 725) „Списки“ Строева. стр. 27, 28, 450, 522, 638; „Обзоръ“ архіеп. Филарета ч. 2, 352.

[2]) Конс. арх. д. 1754 г. №№ 91 и 258; доношеніе Арсенія Св. Синоду съ 1763 г. Дѣло о проповѣди въ арх. Св. Синода, 1757 г. № 348; „Ист. Моск. сл.-гр.-лат. акад. С. Смирнова стр. 209—210; „Списки“ Строева, стр. 338, 740.

[3]) Конс. арх. д. 1754 г. № 91.

Іоакимъ Костенецкій, іеродіаконъ, съ сентября 1755 года былъ учителемъ аналогіи до 1756 г. [1]).

Тихонъ Якубовскій, сынъ мѣщанина города Королл, по окончаніи академическаго курса, принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ. Въ 1756 году онъ былъ учителемъ аналогіи и надсматривалъ за починкой школъ. Отсюда онъ поступилъ законоучителемъ въ Кадетскій корпусъ, а въ 1758 году, посвященный въ архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря, отправленъ былъ въ Кенигсбергъ для основанія тамъ православной церкви. Въ 1764 году 8 августа онъ былъ хиротонисанъ во епископа сѣвскаго, викарія московскаго; 17 декабря 1767 года переведенъ въ Воронежъ, а 19 мая 1775 г.—въ Суздаль, гдѣ и умеръ 4 апрѣля 1786 года. Погребенъ въ Суздальскомъ соборѣ. Отъ него остались слово и рѣчь при открытіи Суздальскаго намѣстничества. М. 1779 г. [2]).

Исаакъ Савицкій, іеромонахъ, въ 1757 г. былъ учителемъ синтаксимы, 6 октября этого года—учителемъ піитики, которую преподавалъ до іюля 1759 года, когда выбылъ изъ академіи намѣстникомъ Кіево-Николаевскаго монастыря [3]).

Іоиль Быковскій, монахъ, въ октябрѣ 1757 г.—учитель аналогіи. Въ половинѣ 1758 года поступилъ іеродіакономъ въ Кадетскій шляхетскій корпусъ [4]).

Сампсонъ Виницкій, монахъ, въ 1758 году былъ учителемъ аналогіи. 3 сентября опредѣленъ третьимъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ; съ сентября мѣсяца назначенъ также учителемъ инфимы,—съ 3 сентября 1759 г.—учителемъ пі-

---

[1]) Конс. арх. д. 1757 г., № 71; д. 1764 г. № 321; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. I, № 50.

[2]) Конс. арх. д. 1757 г., № 71; „Кіевъ съ акад." В. Аскоченск. ч. 2, 212 „Списки"—Строева, стр. 132, 338, 658, 838; „Обзоръ" Филарета, 72, 357,

[3]) Консист. арх. д. 1757 г. № 71; д. 1759 г. № 53, и № 14—19; Акты Кіево-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч., т. 2 № 19.

[4]) Конс. арх. д. 1757 г. № 71; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2 № 10.

тики, а 15 сентября опредѣленъ каѳедральнымъ архидіакономъ [1]).

Гелясій (*въ мірѣ Григорій*) *Горлянскій*, діаконъ, съ 28 августа 1758 года былъ учителемъ греческаго языка и аналогіи. Постриженъ въ монашество въ Кіево-Софійскомъ соборѣ въ сентябрѣ этого года; 5 августа 1759 года умеръ въ Густынскомъ монастырѣ [2]).

Ѳома Халчинскій въ 1758 г., еще будучи студентомъ богословія, назначенъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка; съ сентября 1760 г. онъ сталъ преподавать и французскій языкъ, 20 апрѣля 1765 г. уволился отъ учительства по прошенію [3]).

Василій Ступницкій 20 апрѣля 1765 года былъ назначенъ учителемъ французскаго языка, будучи студентомъ богословія, 31 августа 1770 г. выбылъ изъ академіи [4]).

Ефремъ (*въ мірѣ Емиліанъ*) *Дьяковскій* уроженецъ Малороссіи, учился въ Кіевской академіи [5]), гдѣ, вѣроятно, въ 1758—1759 учебномъ году окончилъ курсъ. По окончаніи курса онъ жилъ на послушаніи, приготовляясь къ монашеству въ Мгарскомъ Лубенскомъ монастырѣ. Отсюда онъ вызванъ былъ въ 1859 году 3 сентября на мѣсто учителя инфимы и греческаго языка и постриженъ въ монашество; чрезъ 12 дней сдѣланъ учителемъ грамматики и греческаго языка. Въ апрѣлѣ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, №№ 5, 6, 22, 24, 25; Конс. арх. чернов. списк. учит. №. 30; д. 1757 г. № 71.

[2]) Конс. арх. д. 1757 г. № 71; д. 1759 г. № 14—19; черн. сп. учит. № 30; акты. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2 № 6.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, №№ 11, 21, 22; т. 3. №№ 4 и 12; Конс. арх. черн. сп. учит. № 30. д. 1761 г. № 5.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3 №№ 12, 22, 30; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 14 (р. б. к. ак. № 725).

[5]) Въ спискѣ, принявшихъ присягу на вѣрность наслѣднику всероссійскаго престола Петру III Ѳеодоровичу, воспитанниковъ кіев. академіи, 1742 г. онъ значится между учениками школы грамматики. „Іером. Ефремъ Дьяков., кіевск. ѳомил. и проповѣд. втор. полов. 18 в.“ Н. П. Труды К. д. ак. 1893 г. іюль стр. 435 и 436.

1760 г. Дьяковскій опредѣленъ былъ вторымъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ, но вскорѣ послѣ этого назначенъ намѣстникомъ въ Максаковскій Спасо-Преображенскій монастырь, а оттуда также вскорѣ проповѣдникомъ въ Нѣжинскій монастырь. Въ 1762 году онъ былъ вызванъ изъ Нѣжинскаго монастыря въ академію для исправленія и составленія сборника изъ проповѣдей Златоуста, Ефрема Сирина, Пролога и др. для тѣхъ священно-служителей, которые сами не могутъ ихъ сочинять. Но такъ какъ Дьяковскій долго не являлся, то митрополитъ приказалъ начинать составленіе сборника, не ожидая прибытія его въ Кіевъ. Въ концѣ 1763 года, однако, Ефремъ былъ въ Кіевѣ, хотя едва ли принималъ участіе въ составленіи сборника, такъ какъ до окончанія его снова уѣхалъ изъ Кіева проповѣдникомъ въ Нѣжинъ. По дорогѣ въ Кіевъ онъ, вѣроятно, заѣзжалъ въ Мгарскій Лубенскій монастырь и сказалъ тамъ слово въ день Благовѣщенія. По рекомендаціи ректора академіи Самуила Миславскаго 20 ноября 1764 года онъ вызванъ былъ въ академію, при чемъ ему предложены были выгодныя условія. „Ему, Ефрему, говорилось въ указѣ митрополита, мѣсто имѣть выше учителя риторики и какъ порціи, такъ и консоляціи получать противъ учителя риторики, а жить въ кельяхъ учительскихъ, гдѣ праздній чуланъ будетъ". Въ Кіевъ онъ прибылъ 23 февраля 1765 года и до вакаціи преподавалъ великую инструкцію. Указомъ св. Синода 26 іюня 1765 г. изъ Кіевской академіи потребованъ былъ священникъ къ православной церкви въ Лондонъ „способный къ такому послушанію и знающій греческій языкъ". Изъ трехъ представленныхъ на это мѣсто кандидатовъ два отказались по болѣзни, а Ефремъ „по монашеству" не захотѣлъ отказаться „отъ такого послушанія". Въ августѣ, испросивши себѣ денежнаго пособія на перевозку своихъ многочисленныхъ книгъ, онъ отправился чрезъ Петербургъ въ Лондонъ. Неизвѣстно, какъ долго Дьяковскій былъ въ Лондонѣ, но послѣ этого о немъ нѣтъ свѣдѣній въ продолженіе 30 лѣтъ. Въ это же время

онъ является въ Нямецкой лаврѣ въ Молдавіи схимникомъ съ именемъ Іоанна. Въ этой лаврѣ онъ и умеръ въ половинѣ марта 1795 года, около 68 лѣтъ отъ роду. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ Кіево-Печерской лавры сохранилось четыре слова съ именемъ Ефрема Дьяковскаго, относящіяся къ 1760—1763 годамъ, и девять безыменныхъ, которыя, однако, могутъ быть ему приписаны [1]). Въ этомъ же сборникѣ находятся имъ написанныя: „порядокъ какъ слагать проповѣди" [2]) и „стихи вспоминати смерть привѣтствомъ" [3]).

Лука Коржевичъ съ 1759 г. назначенъ учителемъ аналогіи; съ 15 апрѣля 1761 г. опредѣленъ въ школу инфимы, и былъ учителемъ до 15 іюля [4]).

Савва Тихоневичъ, іеродіаконъ, съ 5 мая 1760 года назначенъ былъ учителемъ инфимы. Съ сентября 1760 года онъ опредѣленъ „судовымъ писаремъ", а съ 1761 года—каѳедральнымъ экклисіархомъ. Въ 1767 году ему предложено было быть учителемъ грамматики, но онъ отказался [5]).

Никодимъ Колосовскій, іеромонахъ, съ сентября 1760 года назначенъ былъ учителемъ инфимы и учительствовалъ по среднія числа апрѣля 1761 года [6]).

Иванъ Самойловичъ, сынъ священника Герасима, села

---

[1]) Перечень ихъ въ „Трудахъ Кіев. дух. акад." за 1893 г. іюльская книга, стр. 437.

[2]) Напечатанъ тамъ же стр. 448–472.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2 №№ 1, 12, 22, 25; т. 3, № 5, 18; Конст. арх. черн. сп. учит. № 30, д. 1761 г. № 5; Іером. Ефремъ Дьяковскій, Кіевск. гомил. и проповѣдн. втор. пол. XVIII в." Н. П. „Труды К. дух. акад." 1893 г., іюль, стр. 435–448.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2 № 1, т. 3. № 4; Конс. арх. д. 1761 г. № 5; Черн. сп. учит. № 30.

[5]) Конс. арх. д. 1761 г, № 5; ц. 1760 г. № 164; Акты К.-Бр. мон. и ак. собр., Аскоч., т. 3 № 21; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 71 (рук. б. к. ак. № 725).

[6]) Арх. конс. д. 1761 г. № 5; Акты. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3. № 4.

Оксютенецъ, Лубенскаго полку, родился въ 47 году; учился въ Кіевской академіи. Еще до окончанія курса (въ 1760 году онъ былъ въ школѣ риторики) 28 августа 1761 г. былъ назначенъ учителемъ грамматики; съ сентября 1764 г. былъ учителемъ синтаксимы; съ 20 апрѣля 1765 г.—учителемъ нѣмецкаго языка, который преподавалъ до 15 іюля 1775 года. 10 сентября 1765 г. Самойловичъ назначенъ учителемъ піитики, а съ сентября 1773 г. былъ учителемъ риторики. Въ 1782 г. онъ былъ вызванъ по какому то дѣлу въ Петербургъ; вскорѣ же по возвращеніи 23 октября умеръ [1]).

Іоаннъ Леванда, сынъ кіевскаго мѣщанина Скакачки или Скакочки, родился въ 1734 г. въ мартѣ мѣсяцѣ; учился въ Кіевской академіи, гдѣ и перемѣнилъ свою фамилію. Еще будучи студентомъ, онъ 28 августа 1861 г. назначенъ былъ учителемъ инфимы и былъ имъ до конца 1762—1763 учебнаго года. 28 сентября онъ опредѣленъ былъ священникомъ къ Кіево-Подольскому Успенскому собору. 7 августа 1785 г. переведенъ оттуда въ Кіево-Софійскій соборъ штатнымъ каѳедральнымъ протоіереемъ, въ каковой должности и умеръ въ 1814 году. Леванда славился, какъ замѣчательный проповѣдникъ. Онъ отличался необыкновенною способностью произношенія; кромѣ того, по выраженію современника (Вигеля) „съ прекрасною наружностью Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ". Но онъ, по выраженію того же современника „лучше говорилъ, чѣмъ писалъ". По замѣчанію архіепископа Филарета „нѣтъ въ словахъ Леванды ни строго-логическаго развитія мысли, ни твердаго и яснаго разумѣнія словъ Писанія". Слова его изданы въ трехъ частяхъ, СПБ.—1821 г., но не всѣ, при томъ неисправно и даже не вездѣ согласно съ подлинными [2]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч., т. 2, № 1, № 32; т. 3, №№ 3, 4, 9, 11, 12, 22, 23; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11, 32, 36; Конс. арх. д. 1763 г. № 150, чернов. сп. учит. № 30.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч, т. 2 № 32; т. 3 № 3; „Кіево-Соф. протоіер. Іоан. Вас. Леванда" „Труды К. д. Акад." за 1878 г. августъ. Съ тѣмъ же заглавіемъ статья, Кіев. Епар. Вѣд. 1878 г. №№ 19 и 20. „Обзоръ" архіеп. Филарета стр. 413—414.

Стефанъ Яхневичъ 29 августа 1761 г. назначенъ былъ учителемъ аналогіи [1]).

Іоассонъ, ієродіаконъ, въ 1761 г. былъ библіотекаремъ и съ сентября до конца года преподавалъ малую инструкцію. Въ 1764 г. должность библіотекаря занималъ іером. Илія Шумилевичъ. Снова учителемъ онъ является въ 1775 г.; съ этого года по 15 іюля 1777 г. онъ преподавалъ инфиму; съ сентября 1775 г. и весь 1776 годъ малую инструкцію; съ сентября 1777 года по 15 іюля 1778 года былъ учителемъ синтаксимы. Въ этомъ году умеръ [2]).

Порфирій Кованька былъ учителемъ риторики въ харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ постригся въ монашество въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ и въ санѣ іеродіакона назначенъ въ сентябрѣ 1763 года учителемъ піитики; 19 декабря того же года умеръ [3]).

Илія Шумилевичъ, іеромонахъ, съ 7 января 1764 г. былъ назначенъ учителемъ синтаксимы, а съ сентября того же года былъ учителемъ піитики; 10 сентября 1765 г. уволенъ отъ преподаванія піитики, а назначенъ учителемъ малой инструкціи. Когда онъ уволился изъ академіи неизвѣстно. Съ 1773 г. по 1784 годъ онъ былъ архимандритомъ въ Знаменскомъ Тобольскомъ монастырѣ [4]).

Іеремія Бѣлецкій, іеродіаконъ, въ сентябрѣ 1763 г. былъ учителемъ аналогіи; съ сентября 1764 г. опредѣленъ учителемъ инфимы; съ 10 сентября 1765 г. назначенъ учителемъ грамматики. Въ іюнѣ 1767 года опредѣленъ каѳедральнымъ писаремъ [5]).

Тихонъ (въ мірѣ Тимоѳей) Колисниченко, митрополитомъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, № 32; т. 3, № 4.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 4; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 11 (рук б. к. ак. № 725).

[3]) Конс. арх. д. 1763 г. № 150, черн. спис. учит. № 30.

[4]) Консист. арх. д. 1763 г. № 150; черн. списк. учит. № 30; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, №№ 9, 11, 12; „Списки“ Строева стр. 320.

[5]) Конс. арх. д. 1763 г № 150; черн. списк. учит. № 30; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, №№ 9, 11, 12; т. 2 № 1.

Арсеніемъ переименованный въ *Дерота*, опредѣленъ учителемъ аналогіи въ сентябрѣ 1764 года; 12 ноября постриженъ въ монашество. 10 сент. 1765 года назначенъ учителемъ инфимы и еврейскаго языка; 4 ноября 1765 г. умеръ [1]).

Алексѣй Диковскій до назначенія былъ протоіереемъ въ Конотопѣ; 18 ноября 1765 года назначенъ учителемъ инфимы; выбылъ, вѣроятно, во второй половинѣ 1767 года [2]).

Антонъ Злотковскій 18 ноября 1765 года назначенъ учителемъ еврейскаго языка; съ 19-го сентября 1768 г.—учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ; съ сентября 1773 г. преподавалъ инфиму и еврейскій языкъ; былъ учителемъ по 15 іюля 1774 года [3]).

Өеодоръ Александровскій, сынъ священника Полтавскаго полку, м. Решетиловки, родился въ 1744 году; учился въ Кіевской академіи. Вѣроятно, во второй половинѣ 1765 года назначенъ былъ учителемъ аналогіи; рукоположенъ въ священника; вѣроятно, во второй половинѣ 1767 года былъ учителемъ инфимы, а съ 9 января 1768 г.—учителемъ грамматики [4]).

Амвросій Риновскій назначенъ учителемъ грамматики въ сентябрѣ 1767 года; съ 9 января 1768 г. былъ учителемъ синтаксимы; съ сентября 1773 г. преподавалъ піитику: 6 іюля 1774 г. выбылъ. Въ 1772 г. былъ суперъ-интендентомъ сиротскаго дома [5]).

Иринархъ Базилевичъ, іеромонахъ, со второй половины 1767 г. былъ учителемъ аналогіи; съ 9 января 1768 г. на-

---

[1]) Конс. арх. черн. списк. учит. № 30; Акты К.-Бр., мон., собр. Аскоч. т. 3 №№ 11, 12. 20.

[2]) Акты Кіево-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, №, 1, т. 3 № 20.

[3]) Акты К.-Бр мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3 №№ 20, 22; Конс. арх. д. 1768 г. № 2755; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 11 (рук. б. к. ак. № 725).

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч., т. 2, № 1; т. 3 №№ 22 и 23.

[5]) Акты К.-Бр. мон и ак., собр. Аскоч., т. 3, №№ 21 22, 23, 33; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 11 (рук б. к. ак. № 725).

значенъ учителемъ инфимы; съ сентября 1773 г. опредѣленъ учителемъ синтаксимы; съ сентября слѣдующаго года былъ учителемъ піитики; въ 1770 г. съ января по 15 іюля преподавалъ малую инструкцію; учителемъ вообще былъ по 15 мая 1775 года. Потомъ онъ былъ игуменомъ Московскаго Покровскаго монастыря, а съ 1784 г. игуменомъ Козелецкаго Георгіевскаго монастыря; въ 1788 году онъ уволенъ на покой. Одно его слово на день Св. князя Владиміра напечатано въ „Кіев. Епарх. Вѣд." за 1877 года № 18 [1]).

Θеодосій Стефановичъ, іеродіаконъ Кіево-Софійскаго монастыря, назначенъ учителемъ аналогіи 9 января 1768 года; съ сентября 1773 г. опредѣленъ былъ учителемъ грамматики, съ января мѣсяца по 15 іюля 1772 года былъ учителемъ малой инструкціи; выбылъ изъ академіи въ половинѣ 1774 года [2]).

Амвросій Бурживскій, уроженецъ города Митавы, сынъ шляхтича Ивана Бурживскаго, родился въ 1722 году; учился сначала въ Митавѣ, а потомъ въ Кенигсбергѣ; былъ въ военной службѣ въ войскахъ польскаго короля. Въ 1759 г. постригся въ монашество; въ 1767 году прибылъ въ Кіевъ, а въ 1768 году назначенъ учителемъ польскаго языка и ариθметики; съ 1775 года ему поручено преподавать и нѣмецкій языкъ. 14 декабря 1783 г. отъ преподаванія ариθметики былъ уволенъ, а съ 1784 г. уволенъ и отъ преподаванія нѣмецкаго языка, но назначенъ библіотекаремъ съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ правъ. Въ 1785 г. онъ опредѣленъ былъ въ Кіево-Петропавловскій монастырь игуменомъ [3]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3 №№ 22 и 23. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рук. б. к. ак., № 725).

[2]) Акты К.-Бр. м. и ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3 №№ 22, 23.

[3]) Конс. арх. вѣд. объ учит., 1779 г.; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 11, 21, 32, 35; (рукп. б. к. ак. № 725) ркп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго" 310. См. „Преосвящ. Ир. Фальк., еп. Чигир." Г. Булашева, 64, прим. 1.

Иванъ Лапкевичъ, изъ кіевскихъ гражданъ, съ 3 декабря 1772 г. по 15 іюля 1777 года былъ учителемъ французскаго языка. Потомъ до января 1784 г. онъ не былъ въ академіи учителемъ, а въ это время снова былъ назначенъ учителемъ высшаго класса французскаго языка[1]).

Василій Люппа, изъ Лотарингіи, г. Люневиля, сынъ шляхтича, родился въ 1731 г. Учился на родинѣ и тамъ служилъ четыре года; потомъ три года былъ учителемъ французскаго языка въ іезуитской коллегіи въ Варшавѣ, семь лѣтъ частнымъ образомъ преподавалъ французскій языкъ у разныхъ лицъ, одинъ годъ былъ учителемъ у тіатиновъ, наконецъ, полтора года—въ академіи въ Замостьи. Въ 1769 году, по прибытіи въ Россію, принялъ православіе въ Харьковѣ и до 1777 года былъ у разныхъ лицъ учителемъ французскаго языка, а 1 сентября того же года опредѣленъ учителемъ французскаго языка въ Кіевской академіи и преподавалъ его до 13 октября 1783 г., когда выбылъ изъ академіи[2]).

Гавріилъ (*въ мірѣ Григорій*) *Строевскій*, сынъ дьячка с Червленаго, Слободской провинціи, родился въ 1741 году, учился въ Кіевской академіи. Въ 1774 г. назначенъ учителемъ средняго класса грамматики, которую преподавалъ до 1777 года; въ августѣ 1775 года былъ постриженъ въ монашество, а съ 15 сентября этого года опредѣленъ учителемъ еврейскаго языка; съ 9 ноября 1783 г. онъ былъ также учителемъ риторики; 23 февраля 1784 г. назначенъ капелланомъ въ Варшаву къ русской при посольствѣ церкви[3]).

Мелхиседекъ Вербицкій съ сентября 1773 г. по 15 іюля 1775 года былъ учителемъ малой инструкціи; съ января.

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 и 35 (рук. б. к. ак. № 725); Конс. арх. росп. кому и что препод. въ 1785 г.; ркп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго 310. См. „Пр. Ир. Фальк. еп. чигир.“ Г. Булашева. Кіевъ 1883 г., 64.

[2]) Конс. арх, вѣд. объ учит. 1779 г.; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 33 (р. б. к. ак. № 725).

[3]) Конс. ар., вѣд. объ учит. 1779 г.; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 52; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 и 35 (р. б. к. ак. № 725).

1777 года снова учителемъ малой инструкціи, а съ сентября того же года назначенъ учителемъ великой инструкціи, которую преподавалъ до конца 1778 года; съ мая 1775 г. до 15 іюля 1777 г. преподавалъ піитику [1]).

Викторъ (*въ мірѣ Вуколъ*) *Прокоповичъ—Антоновскій*, сынъ священника Антонія с. Перевода, Нѣжинскаго полку, родился въ 1748 г.; поступилъ въ Кіевскую академію въ 1764 г., а окончилъ въ 1777-мъ. По окончаніи курса онъ былъ опредѣленъ учителемъ нижняго класса грамматики; 24 іюня 1778 г. постриженъ въ монашество, а въ сентябрѣ назначенъ учителемъ средняго класса грамматики; съ сентября 1782 г. опредѣленъ учителемъ высшаго класса грамматики; съ сентября 1785 г. назначенъ учителемъ поэзіи; съ февраля 1786 г.—былъ библіотекаремъ и въ 1787 г.—учителемъ риторики. 8 января 1790 года Викторъ выбылъ изъ академіи. Въ 1794 г. онъ былъ произведенъ въ архимандрита Іосифова Успенскаго Московской епархіи монастыря. 14 августа 1799 г. переведенъ былъ въ Лубенскій Мгарскій монастырь; въ 1800 году перемѣщенъ въ Московскій Богоявленскій монастырь, а 29 іюня 1801 г.—въ Донской. 11 Декабря 1809 г. уволенъ на покой; умеръ 28-го апрѣля 1825 года [2]).

Иванъ Ладанинъ былъ учителемъ нижняго класса грамматики съ сентября до конца 1778 года [3]).

Серапіонъ (*въ мірѣ Стефанъ*) *Карбановскій* происходилъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11, 32, 47, 59; Консист. арх., вѣдом. объ ученикахъ за 1776 г. и вѣдом. объ учит. за 1779 годъ; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3. № 72; „Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрест.“ Кіевъ 1874 г. стр. 164. Здѣсь, между прочимъ, въ запискахъ Ѳ. Тимковскаго сказано, что Викторъ былъ родомъ изъ села Погребковъ, но въ Вѣдомостяхъ, которыя должны имѣть оффиціальное значеніе, мѣстомъ рожденія его называется с. Переводъ.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725).

изъ разночинцевъ, родился въ 1747 г. въ м. Устинницахъ, Миргородскаго полку. Учился въ Кіевской академіи, по окончаніи курса, 3 сентября 1779 года, былъ назначенъ учителемъ нижняго класса грамматики; съ сентября 1782 г. былъ учителемъ средняго класса грамматики до половины 1784 года, когда былъ уволенъ, съ посвященіемъ во іеромонаха, въ Черниговскую семинарію учителемъ риторики [1]).

Маргасту де Зеемиляръ, природный французъ, съ сентября 1770 г. числился учителемъ французскаго языка, но такъ какъ, по случаю чумы, занятій въ академіи не было, то онъ не преподавалъ своего предмета. Въ началѣ 1771 г. онъ умеръ [2]).

Карлъ Фегенъ, природный нѣмецъ, бывшій учителемъ нѣмецкаго языка въ харьковскомъ коллегіумѣ. 13 февраля 1784 г. назначенъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка, который преподавалъ до августа 1785 года [3]).

Дмитрій Сигиревичъ, сынъ священника Воронежской епархіи, сначала учился въ Воронежской семинаріи, потомъ съ 1774 г. по 1781—въ Московской академіи и, наконецъ, по недостатку средствъ, перешелъ въ Троицко-Сергіевскую семинарію. Въ началѣ 1784 г. онъ уволился изъ Московской епархіи, а 13 февраля назначенъ учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи въ Кіевской академіи. 8 сентября 1786 г.

---

[1]) Конс. арх., вѣдом. объ учит. 1779 года; Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 11, 35 (рук. б. к. ак. № 725); рукоп. К.-Соф. соб. VIII, 4.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 8 (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 37. Утвержденіе Аскоченскаго (ч. 2, стр. 244) и преосв. Макарія (ист. к. а., 155), что Маргасту-де-Зеемиляръ былъ 6 (съ 1770—1776) лѣтъ учителемъ французскаго языка, невѣрно, такъ какъ Н. Бантышъ-Каменскій въ письмѣ отъ 7 іюля 1771 г. къ ректору Кассіану называетъ его покойнымъ (акты т. 3, № 37), а въ концѣ 1772 г. учителемъ французскаго языка былъ уже Иванъ Лапкевичъ (Акты Кіево-Бр. мон. и ак., № 11 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

назначенъ былъ священникомъ въ Кіево-Софійскій соборъ, въ 1814 г. сдѣланъ былъ протоіереемъ; умеръ въ 1827 году [1]).

Петръ де Коветтъ, природный французъ, 5 января 1784 года былъ назначенъ учителемъ нижняго класса французскаго языка; въ слѣдующемъ году его уже не было въ академіи [2]).

Даміанъ Стефановичъ (*иногда*) *Полянскій*, еще студентомъ богословія, 8 марта 1784 г. назначенъ былъ учителемъ еврейскаго языка; съ 1 сентября 1785 года онъ былъ опредѣленъ учителемъ нижняго класса грамматики, съ 28 сентября 1786 г. былъ учителемъ средняго класса грамматики. Въ августѣ 1788 г. онъ выбылъ въ Смоленскую семинарію учителемъ грамматики и еврейскаго языка [3]).

Иванъ Смѣловецкій, изъ кіевскихъ мѣщанъ, назначенъ учителемъ греческаго языка 8 августа 1785 года; въ 1786 г, онъ былъ также и учителемъ нижняго класса грамматики; выбылъ въ августѣ 1788 года въ Смоленскую семинарію учителемъ нижняго класса грамматики [4]).

Константинъ Лагода—изъ дворянъ, будучи студентомъ богословія, въ 1785 году былъ назначенъ учителемъ ариѳметики [5]).

Александръ Бутоличъ, студентъ богословія, въ началѣ августа 1785 г. назначенъ былъ учителемъ нѣмецкаго язы-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 35, 42, 45 (рук. б. к. ак. № 725); „Извлеченіе изъ вѣдом. 1808 года о священно-служителяхъ Кіево-Соф. собора". Кіев: Епарх. Вѣд 1862 г. № 7; Конс. арх., росписс. кому и что препод. въ 1785 г.; „Памятн. кн. Кіев. Епарх. Вѣд." В. Антонова, Кіевъ 1882 г. стр. 17.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (р. б. к. ак. № 725); Конс. арх., росп. кому и что преподавать въ 1785 году.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 35, 54, 58 (рук. б. к. ак. № 725); Конс. арх., роспис. кому и что препод. за 1785 г.; ркп. К.-Соф. с. VIII. 4.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 8. № 62; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 53, 58 (рук. б. к. ак. № 725); ркп. К.-соф. соб. VIII. 4.

[5]) Ркп. Кіево-соф. соб., VIII, 4.

ка, но не преподавалъ его, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней языкъ этотъ порученъ былъ Ивану Фальковскому [1]).

Ааронъ, іеромонахъ, уроженецъ намѣстничества Новгород-сѣверскаго, сынъ священника села Бырины, родился въ 1750 году. По окончаніи курса онъ былъ постриженъ въ Кіево-Софіискомъ монастырѣ въ монашество и отправленъ священникомъ къ церкви при русской Токайской комиссіи въ Венгріи. Послѣ шестилѣтняго тамъ пребыванія, онъ возвратился въ Кіевскую епархію, а 25 іюня опредѣленъ въ Кіевскую академію, учителемъ эллино-греческаго языка. Ему также поручена конгрегаціонная церковь [2]).

Яковъ Одинцовъ, сынъ священника с. Черевокъ, Лубенскаго уѣзда, родился въ 1762 году. По окончаніи курса въ Кіевской академіи, по вызову комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, въ 1786 г. отправился въ С.-Петербургъ и поступилъ въ учительскую гимназію, а въ 1789 г. по окончаніи ея былъ опредѣленъ въ Кіевской академіи учителемъ средняго класса россійской и латинской грамматики, ариөметики и рисованія [3]).

Максимъ Симигиновскій, родомъ изъ Польши, изъ духовныхъ, родился въ 1758 г.; учился сначала въ г. Острогѣ, а потомъ богословіи въ Кіевской академіи. 2 октября 1786 г. опредѣленъ былъ учителемъ исторіи, географіи и польскаго языка, съ 1 сентября 1790 г. назначенъ учителемъ нижняго класса грамматики. Онъ составилъ: „польскую грамматику", которая была учебникомъ до упраздненія польскаго языка въ Кіевской академіи,—„правила для начинающихъ обучаться латинскому языку въ Кіевской академіи" М. 1791 г. 1794 г. СПБ. 1798 г. „правописаніе россійское и произношеніе буквъ" М. 1794 г. [4]).

---

[1]) Аскоченскій (ч. 2, стр. 348) противорѣчитъ актамъ (т. 8 № 62), когда наоборотъ утверждаетъ, что нѣмецкій яз. предоставленъ былъ сначала Фальковскому, а потомъ вмѣсто него Бутолячу. Въ 1787 году Фальковскаго замѣстилъ Ремеръ (т. 3, № 67).

[2]) Конс. арх. вѣдом. объ учителяхъ за 1790 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 12; Конс. арх. вѣдом.

Яковъ Гиновскій, сынъ священника Кіевскаго намѣстничества, м. Камишановъ, по окончаніи Кіевской академіи, 22 ноября 1789 г. назначенъ былъ учителемъ еврейскаго языка [1]).

Григорій Голованскій, еще студентомъ богословія, 26 авг. 1788 года назначенъ былъ учителемъ средняго класса грамматики; 20-го марта 1789 г. онъ умеръ [2]).

Адамъ Колтовскій, 26 августа 1788 года назначенъ былъ учителемъ нижняго класса грамматики и еврейскаго языка; въ 1789 году онъ преподавалъ также и французскій языкъ; въ 1790 г. его уже не было въ академіи [3]).

Павелъ Брульонъ, природный французъ, 26 августа 1788 г. былъ назначенъ учителемъ ариѳметики и математики; въ слѣдующемъ году онъ отказался отъ учительства. Тимковскій о немъ замѣчаетъ, что онъ „гордился искусствомъ топографа и устроилъ магистрату солнечные часы на ротондѣ фонтана" [4]).

Іосифъ Форинель, природный французъ, 23 сентября 1788г. назначенъ учителемъ французскаго языка; въ 1789 г. его нѣтъ между учителями [5]).

Карлъ Ремеръ, природный нѣмецъ, изъ Пруссіи, уѣзда Левенбургскаго, служилъ въ прусской арміи; потомъ въ кіевской народной школѣ былъ учителемъ нѣмецкаго языка; въ декабрѣ 1787 г. былъ назначенъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Кіевской академіи, и былъ имъ до 1790 года [6]).

объ учит. за 1790 г.; „Кіевъ съ академіей" В. Аскоченскаго, ч. 2, 346. Аскоченскій неправильно полагаетъ, что Симашковскій въ 1775 году назначенъ былъ учителемъ польскаго языка, онъ противорѣчитъ вѣдомости.

[1]) Конс. арх., вѣдом. объ учит. за 1790 г.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 62 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К. Бр. мон. и ак. № 54 (рук. б. к. ак. № 725); Акты Кіево-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 3, № 72.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 58 (рук. б. к. ак. № 725). „Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева". Кіевъ 1874 г. стр. 164.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 59 (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 3, № 88.

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 59, 64 (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоченскимъ т. 3, №№ 67, 72.

Павелъ Логвиновъ въ 1795 г.—учитель низшаго класса краснорѣчія, нѣмецкаго языка и чистой математики [1]).

Михаилъ Семяновскій съ 1 сентября 1793 г. назначенъ былъ учителемъ средняго класса грамматики и нижняго математики; съ 1 сентября 1795 г. былъ учителемъ латинской поэзіи. 1 сентября 1798 г. выбылъ изъ академіи на священническое мѣсто при Кіевской Андреевской церкви [2]).

Осипъ Козачковскій съ сентября 1795 года былъ назначенъ учителемъ высшаго класса грамматики; былъ учителемъ до 1798 г., когда выбылъ изъ академіи [3]).

Григорій Шехновскій, уроженецъ польской области, сынъ священника, родился въ 1767 году. По окончаніи курса въ Кіевской академіи, опредѣленъ 7 января 1794 г. въ ней учителемъ еврейскаго языка, а съ 7 сентября былъ также учителемъ ариеметики, съ 3 сентября 1795 г. былъ назначенъ учителемъ средняго класса грамматики и ариеметики; въ 1797 г. былъ учителемъ нѣмецкаго языка; съ 1 сентября 1798 г. былъ учителемъ поэзіи; въ 1799 году—учителемъ поэзіи и нѣмецкаго языка, а съ слѣдующаго года и ариеметики. Въ 1801 г. онъ посвященъ былъ во священника въ подольской Рождественской церкви. Былъ учителемъ до сентября 1804 года [4]).

Димитрій Иванишевъ, сынъ священника повѣта Борзенскаго, села Парафѣевки, родился въ 1768 году. По окончаніи курса въ Кіевской академіи, съ 3 сентября 1795 г. назначенъ былъ учителемъ нижняго класса латинской грамматики и еврейскаго языка; съ 1 сентября 1798 года былъ учителемъ высшаго класса грамматики, съ сентября 1800 г. на-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 85.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскочен., т. 3, № 85 и 98; Акты К.-Бр. мон. и ак.. № 107 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 3, №№ 85, 98, 105.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3 №№ 85, 105, 109; т. 4 № 12.

значенъ учителемъ риторики и сельской и домашней экономіи; съ сентября 1804 г. онъ преподавалъ также еврейскій языкъ [1]).

Иванъ Бѣловольскій еще студентомъ богословія въ 1795 году былъ учителемъ рисованія [2]).

Стефанъ Семяновскій, сынъ священника м. Орслицы, повѣта Лубенскаго, родился въ 1772 г. По окончаніи курса въ Кіевской академіи, съ 1-го сентября 1795 г. назначенъ учителемъ греческаго языка; съ 1 сент. 1798 года былъ учителемъ средняго класса грамматики и греческаго языка; въ 1799 году 4 февраля онъ назначенъ былъ священникомъ къ Трехъ-Святительской церкви. Со 2 сентября 1800 года онъ—учитель высшаго класса грамматики и греческаго языка; въ 1802 г. преподавалъ одинъ греческій языкъ въ высшемъ классѣ; съ 1807 года преподавалъ риторику и греческій языкъ въ высшемъ классѣ. Въ 1809 г. 9 іюня опредѣленъ былъ священникомъ Софійскаго собора. Риторику и греческій языкъ преподавалъ до 1814 года 24 февраля, а съ этого времени до конца существованія старой Кіевской академіи преподавалъ краснорѣчіе и греческій языкъ. Съ 1824 по 1829 годъ онъ былъ протоіереемъ Софійскаго собора [3]).

Иванъ Невяровскій, еще будучи студентомъ богословія, былъ въ 1795 г. учителемъ польскаго языка [4]).

Тимофей Максимовскій съ 8 октября 1797 года былъ назначенъ учителемъ рисованія и чистой математики; въ 1799 г.

---

[1]) Тамъ же т. 3 №№ 105, 109, т. 4 № 12.

[2]) Тамъ же, т. 3 № 85.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3 №№ 105, 109: 4. № 12, 21, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 158, 184, 186; Конс. арх., вѣдом. объ учит. за 1799 г.; „Изъ вѣдом. о священно-служителяхъ Кіево-Соф. соб.": Кіевск. Епар. Вѣд." 1862 г. № 7; Опис. рукоп. собр. н. въ г. Кіевѣ. Н. И. Петровъ № 277. рки. VIII. 1. 118; „Памятн. кн. Кіев. Епар." Антонова. Кіевъ 1882 г. стр. 17.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и акад. собр. Аскоч., т. 3 № 85.

былъ учителемъ—низшаго класса математики и рисовальнаго искусства [1]).

Савва Стрѣлецкій обучался сначала въ Кіевской академіи до философскаго класса, потомъ одинъ годъ въ Радомышльской семинаріи. Съ 1797 года онъ былъ учителемъ польскаго языка въ Кіевской академіи. Въ 1800 году Стрѣлецкій перешелъ въ Подольскую семинарію учителемъ ариѳметики, низшаго класса грамматики и польскаго языка, пробылъ тамъ до 1801 года, а въ этомъ году снова перешелъ въ Кіевскую епархію. Этимъ оканчиваются оффиціальныя свѣдѣнія о его жизни. По частнымъ свѣдѣніямъ,—словамъ его племянника,—послѣ учительской службы онъ былъ сначала сельскимъ священникомъ, потомъ военнымъ, наконецъ, поступилъ въ монашество съ именемъ Созонта и умеръ на покоѣ въ Мотронинскомъ монастырѣ Кіевской епархіи въ 1828 году. Онъ написалъ „Комедія уніатовъ съ православными“, напечатана въ „Кіев. Еп. Вѣд.“ за 1869 годъ №№ 22, 23 и 24 [2]).

Іоанникій (*въ мірѣ Иванъ*) *Зущинскій* съ 1 сентября 1798 г. былъ учителемъ нижняго класса грамматики, а въ 1799 г. преподавалъ также и ариѳметику. По поступленіи въ монашество сдѣланъ соборнымъ іеромонахомъ Кіево-Печерской лавры. Въ 1802 г. былъ учителемъ высшаго класса латинской грамматики, а съ апрѣля 1804 года назначенъ учителемъ латинской и россійской поэзіи, потомъ былъ учителемъ риторики до 29 апрѣля 1807 г., когда по болѣзни уволенъ въ Кіево-Печерскую лавру на покой [3]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч., т. 3, №№ 98, 105.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3 №№ 93, 98, 105, 109; „Кіев. Епар. Вѣд.“ 1771 г. стр. 285 —286.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3 №№ 105, 109; т. 4, № 12; Акты К.-Бр. мон. и ак., №№ 111, 129; (рук. б. к. ак. № 725); Конс. арх., вѣдом. объ учит. за1799 годъ, ркп. К.-Соф. соб. № 618. См. „Преосвящ. Иринархъ Фальков. еп. Чигир.“ Г. Булашева. стр. 105, прим. 4.

Трофимъ Ляшковъ—сынъ дворянина Козелецкаго повѣта. По окончаніи курса въ Кіевской академіи, съ 1 сент. 1698 г. былъ учителемъ смѣшанной математики. Въ 1798 г. онъ былъ опредѣленъ священникомъ къ Флоровскому монастырю и былъ тамъ протоіереемъ, оставаясь при академіи учителемъ. 3 декабря 1810 г. онъ умеръ [1]).

Самуилъ Храпановъ, родомъ изъ Венгріи, сынъ дворянина, родился въ 1771 году; учился сначала въ Прешовской гимназіи, потомъ богословское образованіе получилъ въ Пресбургѣ. Съ 1797 г. онъ былъ учителемъ высшаго класса нѣмецкаго языка; со 2-го сент. 1801 г. ему также поручено было преподаваніе нижняго класса французскаго языка [2]).

Игнатъ Гловацкій, сынъ протоіерея Радомысльскаго повѣта, родился въ 1771 г.; учился сначала въ Овручской семинаріи, потомъ съ 1793 г.—въ Мозырской, наконецъ, съ 1895 г.—въ Кіевской академіи. Съ 1896 г., еще будучи студентомъ, онъ былъ назначенъ учителемъ польскаго языка и ариѳметики; съ слѣдующаго года преподавалъ одну ариѳметику; со 2 сентября 1880 г. онъ былъ опредѣленъ учителемъ 3 географическаго и высшаго ариѳметическаго классовъ; со 2 сентября слѣдующаго года Гловацкій былъ учителемъ нижняго класса чистой математики и 4 историческаго и географическаго и польскаго языка; съ 16 сентября 1804 г. онъ опредѣленъ учителемъ низшаго класса латинской грамматики, польскаго языка, низшаго ариѳметическаго, 1-го историческаго и географическаго; съ 25 апрѣля 1805 г. былъ учителемъ польскаго языка, низшаго чистой математики, 4 историческаго и географическаго; въ январѣ 1810 года онъ опредѣленъ преподавать вмѣсто низшаго въ высшемъ клас-

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, №№ 105, 109. т. 4. №№ 12, 21; „изъ дневн. м. Серапі." Труды К. д. А. 1882 г., ноябрь, стр. 351.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, №№ 105, 109. т. 4 № 12; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 82 (рук. б. к. ак. № 725).

сѣ математики. Былъ учителемъ этихъ предметовъ до конца существованія старой академіи. Потомъ былъ учителемъ Полтавской семинаріи, а затѣмъ съ 28 августа учителемъ смѣшанной математики въ Кіевской семинаріи [1]).

Каллистратъ Соколовскій, сынъ дворянина м. Баришовки, Переяславскаго повѣта, родился въ 1774 году. Учился сначала въ Переяславской семинаріи, потомъ въ Кіевской академіи. Съ 1799 г. 2 марта онъ былъ назначенъ учителемъ низшаго класса греческаго языка, со 2 сентября 1800 г. опредѣленъ учителемъ низшаго класса грамматики, ариѳметики и 1-го историческаго и географическаго; съ 1804 года 16 сентября онъ былъ учителемъ средняго класса грамматики, средняго ариѳметики и 2 историческаго и географическаго; съ 25 апрѣля слѣдующаго года назначенъ учителемъ высшаго класса грамматики, высшаго ариѳметики и 3 историческаго и географическаго; съ 19 сентября 1810 г. онъ назначенъ учителемъ поэзіи, а 18 октября того же года учителемъ сельской и домашней экономіи; въ 1813 г. онъ опять былъ учителемъ поэзіи, 24 февраля 1814 г. назначенъ учителемъ риторики, а втораго октября того же года учителемъ высшаго класса краснорѣчія; въ слѣдующемъ году онъ преподавалъ также въ высшемъ классѣ ариѳметику, въ 3-мъ исторію и географію, а въ слѣдующемъ и экономію. Былъ учителемъ до конца существованія старой академіи. Потомъ поступилъ священникомъ въ Кіевѣ же къ Притиско-Николаевской церкви и, наконецъ, съ 1829 по 1849 годъ былъ протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора [2]).

Ѳеодосій, изъ лаврскихъ іеромонаховъ, постриженъ 5

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 3, №№ 105, 109; т. 4, №№ 2, 7, 21, 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 82, 111, 158, 169; „Опис. рукоп. собр. наход. въ Кіевѣ". № 277 ркп. VIII. 1. 118. „Перв. учебн. курсъ К. д. Сем." Н. Троцкаго. Труды К. д. Ак. 1898 г. августъ стр. 623—624.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 109; т. 4 №№ 12, 21, 45, 51; Акты К-Бр. мон. и ак., № 111, 169, 170, 186, 209; „Кіевъ съ акад." Аскоч. стр. 484—485, „Памятн. кн. Кіев. епар". Антонова. Кіевъ 1882 г. стр. 17.

марта 1799 года; съ 1802 г. опредѣленъ учителемъ россійскаго класса и былъ имъ до февраля 1804 года, когда уволенъ былъ въ Кіево-Печерскую лавру [1]).

Даніилъ Домонтовъ, сынъ священника Золотоношскаго повѣта; сначала учился въ Кіевской академіи, потомъ съ 1797 г., по избранію академіи и резолюціи м. Іероѳея, отправленъ для довершенія образованія въ Московскій университетъ. По окончаніи курса въ университетѣ, 2 сентября 1800 г. назначенъ учителемъ нижняго класса французскаго языка и 4 историческаго и географическаго, а 3 декабря того же года—нижняго класса чистой математики. Въ 1801 г. 24 іюля отлучился на родину и оттуда не возвращался [2]).

Серафимъ (въ мірѣ Стефанъ) Карачинскій, іеромонахъ, сынъ священника Кіевской губерніи, обучался въ Кіевской академіи. 2 сентября 1800 года Карачинскій былъ назначенъ учителемъ средняго класса грамматики, средняго ариѳметики, 2 историческаго и географическаго; съ апрѣля 1804 года былъ учителемъ высшаго класса грамматики; въ 1805 г. онъ умеръ [3]).

Карлъ Компаніонъ, изъ военныхъ—капитанъ въ отставкѣ, съ 2 января 1802 г. былъ учителемъ практическаго французскаго языка, а со 2 сентября того же года и рисованія; былъ учителемъ до 1804 г. [4]).

---

[1]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аск., т. 4 № 12; Акты К-Бр. мон. и ак. №№ 91, 110 (р. б. к. а. № 725).

[2]) Акты К-Бр. мон. и ак. №№ 82 (рук. б. к. ак. № 725). Изъ этого документа видно, что Аскоченскій произвольно предполагаетъ, будто Даніилъ Домонтовъ посланъ въ Моск. унив. м. Самуиломъ (ч. 2. 342) и что по окончаніи курса около 1787 г. онъ былъ назначенъ префектомъ Переяславской семинаріи (ч. 2. 346). Въ актахъ есть указаніе, что протоіер. Ѳеодоръ Домонтовъ, а не Даніилъ, былъ префектомъ въ Переяславс. семин. (Акты.. с. Аск. т. 3 № 93).

[3]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 12; Акты К-Бр. мон. и ак., № 82, 11, 122 (р. б. к. ак. № 725). Ркп. К-Соф. соб. № 618. См. „Преосвящ. Ир. Фальк.". Г. Булашева. стр. 105, прим. 4.

[4]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аскоченскимъ—томъ 4-й, № 12.

Георгій Барановичъ—сынъ дьяка повѣта Нѣжинскаго; учился сначала въ Черниговской семинаріи, потомъ въ Кіевской академіи; съ сентября 1800 г. онъ былъ учителемъ пѣнія, съ сентября 1802 г. назначенъ также учителемъ нижняго класса французскаго языка; въ 1804 г. Барановичъ вышелъ изъ учителей академіи. Онъ написалъ „правила для нотнаго и ирмойнаго пѣнія" [1]).

Игнатъ Чапскій, діаконъ Андреевской церкви, съ 1803 г. былъ учителемъ въ русской школѣ; въ сентябрѣ 1804 г. онъ выбылъ [2]).

Авксентій (*въ мірѣ Аѳанасій*) *Галинскій*, еще будучи студентомъ, съ 14 сентября 1803 г. назначенъ былъ учителемъ во второй россійскій классъ; съ 1804 г. онъ преподавалъ также греческій языкъ въ нижнемъ классѣ; съ 25 апрѣля 1805 г. онъ былъ назначенъ учителемъ нижняго класса грамматики, нижняго ариѳметики, 1-го историческаго и географическаго и нижняго греческаго языка; 5 октяб. этого года уволенъ отъ преподаванія греческаго языка. Съ 1810 г., вмѣсто нижняго, преподавалъ высшій классъ грамматики, средній ариѳметическій и 2 историческій и географическій. Въ 1814 г. онъ постриженъ въ монашество. Съ 24 февраля этого года Авксентій былъ назначенъ учителемъ поэзіи, а съ 3 октября—учителемъ риторики и нижняго класса французскаго языка и въ этой должности былъ до конца существованія старой Кіевской академіи. Въ 1817 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ и учителемъ богословія въ Воронежскую семинарію, потомъ былъ намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры, а съ 1834 г. архимандритомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря; умеръ 1 апрѣля 1844 года [3]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч.. т. 4 №№ 7, 12; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 82 (рук. б. и ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч., т. 4. № 12.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4. №№. 12, 21, 48, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 123, 158, 169, 176, 186, 197, 201; „Списки" Строева стр. 22; „Кіев. Епар. Вѣд." за 1871 г. № 19.

Аѳанасій Масловскій, учитель медицины съ 1802 до 1804 года [1]).

Гординскій, операторъ Кіевской врачебной, коллежскій ассесоръ, учитель медицины съ 1804 до 1808 года [2]).

Кандидъ (*въ міръ Кондратъ*) *Матушевичъ*, сынъ шляхетскій, Таращанскаго повѣта; сначала былъ протоіереемъ въ Диканкѣ. Съ 16 сент. 1804 года былъ назначенъ учителемъ нижняго класса французскаго языка; съ 7 августа 1806 г. преподавалъ поэзію и французскій языкъ; въ 1807 году пострижень въ монашество. Въ 1810 г. 10 марта былъ назначенъ библіотекаремъ. Былъ учителемъ до конца существованія старой Кіевской академіи. Онъ написалъ въ 1818 г. „Толкованіе Божественныхъ именъ, находящихся въ свящ. Писаніи на еврейскомъ языкѣ“ въ ркп. (ркп. б. к. ак. № 557). На послѣдней страницѣ этой рукописи—замѣтка прот. Г. Павскаго, сдѣланная 17 ноября 1824 года: „Рукопись сія перечитана и къ напечатанію не одобрена“ [3]).

Василій Сербжинскій, сынъ священника повѣта Звенигородскаго, будучи студентомъ философіи, съ 16 сентября 1804 г. назначенъ учителемъ пѣнія и былъ имъ до октября 1809 г., когда по назначенію академіи отправленъ въ С.-Петербургскую академію; потомъ былъ въ ней профессоромъ; умеръ 30 сент. 1833 года. Написалъ: „Основанія алгербы въ пользу юношества обучающагося въ духовныхъ училищахъ“. СПБ. 1820 г. и два слова—въ недѣлю мытаря и фарисея и при погребеніи генерала Архарова. СПБ. 1815 года [4]).

Иванъ Галинскій, сынъ протоіерея Кіевской губерніи, по

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 7.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, №№ 12, 22; Акты Кіево-Бр. мон. и ак., № 113 (рук б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4, №№ 12, 21, 26, 45, 51; Акты К-Бр. мон. и ак. №№ 123, 172.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4 №№ 21, 24; „Обзоръ“ Филарета ч. 2 стр. 439.

окончаніи курса въ Кіевской академіи съ декабря 1800 до 1804 года былъ учителемъ рисованія [1]).

Иванъ Гудима съ 16 сентября 1804 г., будучи студентомъ риторики, назначенъ былъ учителемъ рисованія; былъ имъ и въ 1805 году [2]).

Максимъ Берлинскій, изъ г. Путивля Курской губерніи, сынъ дворянина, съ 1776 по 1786 годъ учился въ Кіевской академіи, потомъ былъ отправленъ въ Петербургскую учительскую гимназію. 1788 года, 24 декабря онъ опредѣленъ комиссіею народныхъ училищъ учителемъ въ Кіевское главное народное училище. 21 октября 1807 г., будучи по прежнему въ главномъ народномъ училищѣ, опредѣленъ въ Кіевской академіи учителемъ высшаго—институтнаго историческаго и географическаго класса и былъ имъ до конца существованія старой Кіевской академіи. Онъ написалъ: „Краткое описаніе Кіева“ СПБ. 1820 г., „Наставленіе о собираніи червеца“ и ему поручено было митрополитомъ Серапіономъ составить „Историческое описаніе Аскольдовой могилы [3]).

Георгій Дейнекинъ, учился въ Кіевской академіи; съ 1806 г. былъ учителемъ сельской и домашней экономіи; съ января 1810 г. назначенъ библіотекаремъ и учителемъ нижняго класса нѣмецкаго языка. Посвященъ во священника къ Кіево-Софійскому собору. Былъ учителемъ до конца старой академіи; умеръ въ 1832 году [4]).

Иванъ Нестеровичъ, сынъ священника Уманскаго повѣта, учился сначала въ польскихъ училищахъ, потомъ въ Кіев-

---

[1]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 82 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты Кіево-Братскаго монастыря и акад., собран. Аскоченскимъ т. 4. № 12; Акты К-Брат. мон. и ак. № 118 (рук. б. акад. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак.. собр. Аскоч.. т. 4 №№ 22, 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 135 (рук. б. к. ак. № 725); изъ дневника м. Серапіона, „Труды К. дух. Акад.“, 1882 г. ноябрь стр. 351; 1883 г. февраль, стр. 319.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч., т. 4 №№ 22, 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 129, 158 (рук. б. к. ак., № 725); „Кіевъ съ акад.“ стр. 486.

ской академіи. Съ 1805 года въ апрѣлѣ назначенъ учителемъ россійскаго класса, съ этого же года постриженъ въ монашество, кажется, съ именемъ Иринея; съ 1 марта 1808 года опредѣленъ былъ учителемъ нижняго класса нѣмецкаго языка; съ 6 января 1810 г. онъ былъ учителемъ нижнихъ классовъ математики и грамматики, а съ 20 сентября—учителемъ средняго класса грамматики. Потомъ, кажется, былъ архимандритомъ,—31 января 1826 г. хиротонисанъ во епископа пензенскаго, а 26 іюля 1830 г. переведенъ къ Иркутскъ; въ 1831 году 28 іюня уволенъ на покой въ Спасо-Прилуцкій монастырь; въ 1848—1864 г.г. управлялъ монастыремъ; умеръ 18 мая 1864 года. Отъ него въ ркп. осталось слово на 31 декабря—день поминовенія основателей и благодѣтелей академіи о томъ, что обязанность каждаго человѣка быть полезнымъ обществу и что одна вѣра показываетъ намъ путь къ исполненію сей должности (рук. б. к. ак. № 556) [1]).

Кириллъ (*въ мірѣ Діонисій*) *Куницкій*, сынъ священника села Гвоздова Кіевской губерніи, родился въ 1781 году. По окончаніи курса Кіевской академіи, съ 15 октября 1805 г. онъ былъ назначенъ учителемъ нижняго класса греческаго языка; въ январѣ 1810 г. опредѣленъ учителемъ нижнихъ классовъ ариѳметики, исторіи и географіи; въ сентябрѣ того же года учителемъ нижняго класса грамматики, а въ ноябрѣ учителемъ высшаго класса французскаго языка и по прежнему греческаго. 7 февр. 1811 г. онъ является учителемъ средняго класса грамматики и прежнихъ экстраординарныхъ предметовъ. Въ 1814 г. онъ былъ постриженъ въ монашество; съ 24 февраля этого года опредѣленъ учителемъ синтаксимы, а 3 октября учителемъ поэзіи; 11 марта 1815 г. назначенъ присутствующимъ въ правленіи, и въ этихъ дол-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. т. 4, №№ 21, 26, 29; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 123, 138, 158 (р. б. к. ак. № 725); „Списки“ Строева стр. 556, 953.

жностяхъ оставался до конца существованія старой Кіевской академіи. Послѣ открытія Кіевской семинаріи, былъ въ ней преподавателемъ словесности, а потомъ ректоромъ. Затѣмъ, онъ былъ архимандритомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, 30-го ноября 1826 г. переведенъ въ Кіево-Братскій монастырь, а 13 мая 1828 г. хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарія Кіевской епархіи; 5 января 1835 г. уволенъ на покой и умеръ въ слѣдующемъ году 16 апрѣля [1]).

Сильвестръ Гогоцкій, сынъ священника Подольской губ., повѣта Литинскаго, учился въ Кіевской академіи и, будучи студентомъ богословія, преподавалъ съ 4 октября 1806 г. еврейскій языкъ; 28 августа 1808 г. онъ былъ вызванъ въ Подольскую семинарію [2]).

Іоакимъ Игнатовичъ, сынъ священника Кіевскаго повѣта с. Гагалецъ, родился въ 1783 году. По окончаніи курса въ Кіевской академіи, съ 1 сентября 1808 г., былъ учителемъ русской школы и еврейскаго языка, 15 мая 1810 года рукоположенъ во священника къ Флоровскому монастырю, гдѣ съ 1821 г. 19 мая былъ протоіереемъ. Съ 1810 г. былъ учителемъ одного еврейскаго языка. Учителемъ онъ былъ до конца существованія старой академіи. Потомъ онъ былъ членомъ конференціи новой академіи, а впослѣдствіи почетнымъ членомъ ея; умеръ 15 марта 1881 года [3]).

Иванъ Петрусевичъ, сынъ священника с. Сосновки, Чигиринскаго повѣта, будучи студентомъ богословія, обучалъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч., т. 4 №№ 21, 45, 51: Акты К-Бр. мон. и ак. №№ 158, 168, 169, 176, 186, 188, 197, 201 (рук. б. к. ак. № 725); „Списки" Строева стр. 10, 19, 23; „Опис. рукоп. собр. хран. въ Кіевѣ" Н. И Петрова № 277 ркп. VIII. 1, 118.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 21; акты К.-Бр. мон. и ак. № 143 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4, №№ 12, 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 138, 145 (рук. б. к. а. № 725); „Кіев. еп. Вѣд." за 1881 г. № 12 „Некрологъ".

рисованію съ 21 октября 1807 года; въ 1813 году онъ преподавалъ также чистую математику въ нижнемъ классѣ, а въ 1815 г. къ тому же и грамматику, также въ нижнемъ классѣ. Послѣ преобразованія академіи онъ былъ землемѣромъ въ Кіевѣ [1]).

Георгій Августиновичъ, сынъ священника Васильковскаго повѣта, родился въ 1786 году. По окончаніи курса въ Кіевской академіи, былъ назначенъ съ октября 1809 г. учителемъ пѣнія; въ октябрѣ 1811 г. былъ учителемъ нижняго грамматическаго класса, а въ 1813 г. еще нижняго ариѳметическаго, историческаго и географическаго; 24 февраля слѣдующаго года назначенъ учителемъ средняго класса грамматики, а въ 1815 году—высшаго. Послѣ преобразованія академіи былъ протоіереемъ Воскресенской, что въ кіевской цитадели, церкви [2]).

Прокопій Левандовскій съ 1806 до 19 окт. 1807 года былъ учителемъ рисованія [3]).

Яковъ Рубанъ опредѣленъ въ октябрѣ 1805 года учителемъ высшаго класса нѣмецкаго языка; преподавалъ также въ высшемъ классѣ чистую математику; 4 февраля 1808 года умеръ [4]).

Наумъ Трипольскій съ 24 сентября 1810—до 1813 года былъ учителемъ россійскаго класса [5]).

Петръ Грекко былъ учителемъ сначала въ Каневскихъ училищахъ, потомъ въ Кіевской гимназіи; по увольненіи от-

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4 №№ 21, 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 185, 169 (рук. б. к.а. № 725); „Кіевъ съ Акад." Аскоч. ч. 2, стр. 485.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4, №№ 21, 34, 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 186, 188 (рук. б. к. а. № 725); „Опис. рук., собр. хр. въ К." Н. И. Петр. № 277. ркп. VIII. 1. 118.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 135 (рук б. к. ак. № 725).

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 138 (рук. б. к. ак. № 725); „Изъ дневн. м. Серапіона". Труды К. дух. акад. за 1882 г., октябрь, стр. 289.

[5]) Акты К.-бр. мон. и ак., № 160 (рук. б. к. ак. № 725).

туда съ конца 1811 г. до 1813 года былъ учителемъ высшаго класса французскаго языка въ Кіевской академіи [1]).

Иванъ Гедарульскій, грекъ, будучи студентомъ философіи, въ 1802 году преподавалъ простой греческій языкъ [2]).

Николай Куницкій въ 1811 году и до конца существованія старой Кіевской академіи былъ учителемъ смѣшанной математики [3]).

Симеонъ Лободовскій съ 1811 года преподавалъ пѣніе, а съ 1815 г. былъ учителемъ ирмойнаго пѣнія и россійскаго класса. Послѣ преобразованія академіи былъ священникомъ; умеръ въ 1855 г. протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора [4]).

Петръ Пелехинъ, еще студентомъ богословія, былъ учителемъ россійскаго класса въ 1813 г. и до 24 февраля 1814 г., а съ этого времени назначенъ учителемъ низшаго класса грамматики, а потомъ средняго. Потомъ былъ учителемъ церковной исторіи и еврейскаго языка въ Кіевской семинаріи. Послѣ онъ былъ докторомъ медицины и профессоромъ Медико-хирургической академіи. Оставивъ профессорство, былъ штатнымъ врачемъ при академіи [5]).

Сильвестръ Цвѣтковъ, „уволенный отъ управленія Смоленскимъ второкласнымъ Авраміевымъ монастыремъ", назначенъ въ началѣ 1812 года временно учителемъ богословія, а въ іюнѣ за оскорбленіе архимандрита Кипріана уволенъ въ Кіево-Печерскую лавру. Потомъ 13 февраля 1813 года онъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 168 (рук. б. к. ак. № 725). „Описан., рукоп. собр. нах. въ Кіевѣ". Н. И. Петрова № 277: ркп. VIII 1, 118.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4 № 7; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 94 (рук. б. к. акад. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4 №№ 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 169 (рук. б. к. ак. № 725).

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4 №№ 45, 51; Акты К.-Бр. мон. и ак., № 200 (рук. б. к. ак. № 725); „Кіевъ и акад." ч. 2, стр. 486.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4 №№ 24, 45, 51; „Опис. рукоп. собр." № 277, ркп. VIII, 1, 118.

назначенъ былъ архимандритомъ Троицкаго Смоленскаго монастыря; въ 1817 году переведенъ въ Авраміевъ монастырь; 27 декабря 1821 года хиротонисанъ въ епископа олонецкаго и каргопольскаго, викарія новгородскаго; умеръ 29 октября 1823 [1]).

Гавріилъ Крыжановскій, сынъ священника Кіевской епархіи, съ 27-го февраля 1814 г. былъ назначенъ учителемъ россійскаго класса, будучи еще студентомъ богословія. Въ апрѣлѣ 1815 года онъ уволился въ Екатеринославскую семинарію учителемъ греческаго языка и математики; въ 1819 году 28 августа онъ переведенъ по прошенію учителемъ словесности въ Кіевскую семинарію [2]).

Павелъ Алышевскій временно преподавалъ философію и былъ библіотекаремъ [3]).

Изъ списковъ учителей видно, что всѣ ректоры и, за исключеніемъ одного, всѣ префекты были монахами. Между учителями почти исключительно монахи были до назначенія на митрополію Самуила Миславскаго. Изъ сорока пяти назначенныхъ до него учителей, не считая ректоровъ и префектовъ, только одинадцать было свѣтскихъ, 5 священниковъ и одинъ иностранецъ, а остальные всѣ монахи. Изъ двадцати трехъ человѣкъ, назначенныхъ при немъ, три было изъ бѣлаго духовенства, одинъ монахъ, пять иностранцевъ, а остальные всѣ были свѣтскіе. Изъ сорока восьми назначенныхъ послѣ Самуила Миславскаго учителей семь было изъ монаховъ, шесть изъ бѣлаго духовенства и три иностранца, а остальные свѣтскіе. Уменьшеніе монашества между учителями объясняется ослабленіемъ значенія малороссійскаго монашества со второй половины XVIII вѣка. Несомнѣнно, что закрытіе

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 4 № 36; изъ дневника м. Серап." Труды К. д. Акад. за 1882 г. ноябрь стр. 357, 360.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр., Аскоч. т. 4 № 51; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 186, 200 (р. б. к. ак. № 725). „Первый учебн. курсъ К. д. сем." Н. Троицкаго. Труды К. д. Акад." за 1893 г. августъ. стр. 623.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 215 (рук. б. к. ак. № 725).

монастырей также имѣло огромное значеніе въ этомъ отношеніи. Умноженіе же числа свѣтскихъ учителей происходило отъ увеличенія числа свѣтскихъ предметовъ въ академіи. По образованію своему почти всѣ наставники принадлежали Кіевской академіи. Изъ всѣхъ наставниковъ этого періода, кромѣ иностранцевъ, только четыре человѣка (Константинъ Крыжановскій, Давидъ Нащинскій, Ириней Фальковскій и Анатолій Ставицкій) оканчивали свое образованіе за границей, три (Никита Соколовскій, Меѳодій Пышнячевскій и Даніилъ Домонтовъ) въ Московскомъ университетѣ, два (Яковъ Одинцовъ и Максимъ Берлинскій) въ учительской гимназіи въ Петербургѣ,—большинство же получили его въ Кіевской академіи. Были и такіе, которые учились въ семинаріяхъ (Сигиревичъ, послѣ Московской академіи въ Троицкой семинаріи, Савва Стрѣлецкій, послѣ Кіевской академіи въ Радомышльской семинаріи). Большею частію учительствомъ не оканчивалась карьера учителей. Рѣдкіе изъ нихъ умирали на академической службѣ. Монашествующіе обычно поступали въ другіе монастыри и иногда достигали до высшихъ степеней іерархіи. Свѣтскіе часто принимали священство, поступая на службу большею частію къ кіевскимъ церквамъ.

ГЛАВА II.

Хозяйственная часть.

Отличительными чертами исторіи Кіевской академіи второй полоны XVIII вѣка въ хозяйственномъ отношеніи были—постепенное отдѣленіе ея отъ Братскаго монастыря и увеличеніе собственныхъ денежныхъ средствъ. Въ предшествующее время и въ началѣ второй половины XVIII вѣка большинство суммъ и всѣ помѣстья и земли, которыя жертвовались частными лицами или правительствомъ, поступали въ совмѣстное пользованіе Братскаго монастыря и академіи. Участіе академіи въ доходахъ съ общихъ владѣній состояло въ полученіи отъ монастыря ректоромъ, префектомъ и учителями квартиръ и жизненныхъ продуктовъ для стола въ сыромъ или приготовленномъ видѣ, а также въ участіи монастыря въ починкѣ академическихъ зданій. Далѣе такія денежныя суммы и помѣстья, которыя должны были употребляться на содержаніе ректора, учителей и школъ, т. е. исключительно—на содержаніе академіи, иногда шли въ общую монастырскую казну и вмѣстѣ съ другими суммами употреблялись на общіе расходы. Отсюда естественно выходило, что такое или иное состояніе Братскаго монастыря отражалось на благосостояніи академіи.

Къ 1728 году Братскій монастырь владѣлъ девятью

селами (Карпиловкой, Позднявами, Плисецкимъ, Мотовиловкой, Стайками [1]), Мостищемъ, Борщаговкой, Бѣльмачевкой и Ядловкой), четырьмя приселками (Лутовкой, Выповзкомъ, Косачевкой и Стритовкой), однимъ хуторомъ (Ивангородскимъ), шестнадцатью дворовыми мѣстами въ Кіевѣ, двумя перевозами (на Днѣпрѣ—около Стаекъ и на Деснѣ—подъ Остромъ), двумя мельницами съ сукновальнями (Кудимовской и Котовской) и однимъ стекляннымъ заводомъ (Гутою—въ Карпиловкѣ) [2]. Кромѣ этого, по грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данной въ 1700 г. [3]), въ пользу академіи велѣно выдавать 50 руб. денегъ и 50 четвертей хлѣба, замѣненныхъ впослѣдствіи 30 рублями. Эти деньги шли въ братскую казну [4]).

Размѣры денежныхъ доходовъ со всѣхъ имѣній Братскаго монастыря, включая и упомянутые 80 рублей, видны изъ отчета, представленнаго братіею монастыря во главѣ съ ректоромъ академіи Амвросіемъ Дубневичемъ и намѣстникомъ іеромонахомъ Кипріаномъ Пясецкимъ въ 1733 году митр. Рафаилу Заборовскому. Въ отчетѣ сказано, что въ теченіе 1730, 1731 и 1732 годовъ въ казну Братскаго монастыря поступило: „изъ губернской канцеляріи государеваго жало-

[1]) Это село пожертвовано м. Іосифомъ Тукальскимъ „на препитаніе учителей" (акты К.-Брат. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 2, № 21.

[2]) К.-Брат. училищн. монастырь—Н. Мухина; Кіевъ 1893 г., стр. 149.

[3]) Копія съ актовъ, относящихся въ исторіи академіи, присланныхъ преосв. Евгеніемъ (рук. библ., Кіев. ак. I 1. 26).

[4]) Акты К.-Брат. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 21. Изъ этого документа видно, что такъ было до 1759 года. Такимъ образомъ, невѣрно мнѣніе преосв. Макарія (Ист. К. ак., 52) и Аскоченскаго (ч. 1, 257), что эти деньги шли на жалованье учителямъ. Послѣ 1759 г. нѣтъ вовсе свѣдѣній объ упомянутыхъ деньгахъ. Можетъ быть онѣ выдавались до 1766 года, когда назначенъ новый окладъ на академію. Во всякомъ случаѣ онѣ уже не упоминаются при перечисленіи средствъ Братскаго монастыря и академіи въ доношеніи митр. Гавріила Св. Синоду 1773 г. (Копія съ актовъ, относящихся къ исторіи академіи, присланныя преосв. Евгеніемъ—рук. б. к. ак. I. 1. 26).

ванья денежнаго и хлѣбнаго двѣсти тридцать восемь рублей двадцать копѣекъ, архіерейскаго жалованья за два года двѣсти рублей, з пляцовъ куничныхъ (съ оброчныхъ мѣстъ), въ Кіевѣ имѣющихся, шестьдесятъ восемь рублей, з шинковъ всѣхъ маетностей триста девенѣсто два рубля пятьдесятъ копѣекъ, з перевозу Карпиловскаго половинной части пришло тридцать шесть рублей, з Гуты (стекольнаго завода) пятьдесятъ два рубля, чиншовыхъ денегъ з разныхъ угодій монастырскихъ війшло сто четыре рубля, мостовыхъ денегъ въ Мостищахъ собралось сорокъ три рубля, валющныхъ (сукновальныхъ) денегъ з млиновъ пятнадцать рублей. Итого всѣхъ рублей 1148 и 70 копѣекъ"[1]). Кромѣ денежнаго дохода, былъ еще значительный сборъ хлѣбомъ.

Съ 1728 года, когда указомъ верховнаго тайнаго совѣта отъ 22-го августа воспрещено было новое пріобрѣтеніе монастырями недвижимыхъ имѣній, имущество Братскаго монастыря уменьшается. Лишившись возможности получать отъ щедрыхъ рукъ благочестивыхъ жертвователей, онъ по прежнему подвергался посягательству на его собственность со стороны людей, которые не прочь поживиться на чужой счетъ. Таковыми людьми по отношенію къ Братскому монастырю были по преимуществу кіевскіе мѣщане и казаки; но не прочь было обогатиться на счетъ его и пограничное дворянство. Несмотря на то, что власть весьма часто защищала монастырь отъ притязаній его враговъ, они, дѣйствуя законными и незаконными мѣрами, отнимали одно за другимъ имѣнія Братскаго монастыря во второй и третьей четверти XVIII вѣка, обременяя его при этомъ тяжелыми судебными процессами. Нужно замѣтить, что и государственная власть въ это время не такъ благосклонно смотрѣла на монастырскія владѣнія, какъ прежде, лишая ихъ прежнихъ привиллегій и обременяя налогами, пока и совершенно не отняла ихъ

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч., т. 1 № 2.

у монастыря въ 1786 году [1]). Къ этимъ причинамъ нужно еще прибавить иногда неумѣлое, а часто и небрежное веденіе монастырскаго хозяйства [2]). А что такъ бывало, это видно изъ того, что даже приходо-расходныя книги монастыря часто велись неаккуратно. Когда митр. Тимоѳей Щербацкій потребовалъ въ 1751 году отъ ректора Сильвестра Ляскоронскаго приходо-расходныя книги для провѣрки, то ректоръ двукратно отказался прислать ихъ, отговариваясь различными причинами. Очевидно,—или книги были таковы, что ихъ нельзя было показать, или ихъ вовсе не было [3]). Въ 1774 году, при назначеніи новаго ректора, понадобилось распоряженіе митрополита, чтобы приходо-расходныя книги впредь писались разборчиво [4]). При сдачѣ монастыря ректоромъ Давидомъ Нащинскимъ не оказалось вовсе описей монастырскаго имущества; справка же показала, „что упомянутый архимандритъ Давидъ ни по какой описи не принималъ К.-Братскаго монастыря, також и за бытность свою въ К.-Братскомъ монастырѣ описи не оставилъ и куда надлежитъ не представилъ" [5]). Были иногда и другія болѣе случайныя причины, разстраивавшія монастырское хозяйство. Благодаря всему этому, доходы съ братскихъ имѣній не всегда были одинаковы. При благопріятныхъ условіяхъ, когда хозяйство монастырское было въ надежныхъ рукахъ и ни съ магистратомъ, ни съ казаками и мѣщанами не было тяжебныхъ дѣлъ, благосостояніе монастыря увеличивалось и, наоборотъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ оно понижалось, въ общемъ же оно почти всегда было неудовлетворительно. Правда, въ семидесятыхъ годахъ Братскій монастырь получалъ почти втрое большую сумму доходовъ, чѣмъ

---

[1]) „К.-Братскій училищн. мон." Н. Мухина, стр. 145—146.

[2]) Тамъ же, стр. 15.

[3]) Акты К.-Брат. мон. и акад., собран. Аскочен. т. 1, № 40.

[4]) Акты К.-Брат. монастыря и академіи, № 18 (р. 6. к. а. № 725).

[5]) Акты К.-Брат. мон. и акад., собр. Аскоч., т. 2 № 29; т. 3, № 8.

въ тридцатыхъ [1]), но нужно принять во вниманіе, что въ это время уже были выпущены ассигнаціи, которыя значительно понизили цѣну денегъ; слѣдовательно, на указанное повышеніе цифры доходовъ нельзя смотрѣть, какъ на дѣйствительное увеличеніе средствъ монастыря. Пониженіе доходовъ, съ одной стороны, съ другой—увеличивавшаяся дороговизна всего вели къ тому, что жалобы на плачевное состояніе имущества Братскаго монастыря, а отсюда и на плохое содержаніе академіи послѣдовательно повторяются въ половинѣ XVIII вѣка и—до конца владѣнія монастыремъ его имуществомъ.

Еще въ 1743 году ректоръ академіи и архимандритъ монастыря Сильвестръ Кулябка, донося въ Св. Синодъ о содержаніи учителей, описывалъ печальное состояніе монастыря. „Понеже монастырь Братскій“, писалъ Кулябка, „за девятнадцать лѣтъ, начавъ отъ 722, з войсковаго скарбу малороссійскаго не получилъ ни полушки въ облегченіе монастырю всякаго времени съ монастыреной казны принужденъ былъ учителей, изъ разныхъ монастырей опредѣленныхъ, естнимъ и питейнымъ съ крайнею нуждою, паче же въ прошедшое военное время за умаленіемъ въ отчинахъ подданныхъ и за крайнимъ оныхъ оскудѣніемъ, снабдѣвать, съ чего въ такую пришелъ скудость, что насилу и братію живущуюся въ монастырѣ з приходовъ з маетностей своихъ крепитель моглъ и саміе тіеже, якіе въ служенію монастырскому и келій учительскихъ и братскихъ самонужнѣйше употреблять надобно, на учителей здержать принужденъ по возможности, отъ чего все строеніе вездѣ попало“ [2]). И далѣе положеніе Братскаго монастыря не улучшилось, хотя онъ и сталъ съ 1741 года получать въ свою казну 200 рублей, выдаваемыхъ изъ скарбу

[1]) Въ это время онъ получалъ денежнаго дохода болѣе 3000 р. въ годъ (рук. библ. К. ак. II. 26, л. 258).

[2]) Архивъ консисторскій д. 1757 г. № 19.

войсковаго малороссійскаго. 8 октября 1751 года намѣстникъ монастыря іеромонахъ Ѳеодосій съ экономомъ Товіей доносили митрополиту Тимоѳею Щербацкому, „что такъ въ крайнемъ оскудѣніи обитель Братская нынѣ состоитъ, что хотя де учителямъ отъ монастыря дровъ на зиму и даже, однако де на свѣчи денегъ давать несчего и не дадутъ, буди оное жалованье (200 рублей изъ малороссійскаго скарбу) не видается; за недавнее въ монастырѣ за предписаннымъ оскудѣніемъ и хлѣбъ печеный съ мѣста нѣсколько дней покупанъ“ [1]. Еще подробнѣе описываетъ оскудѣніе Братскаго монастыря намѣстникъ его Варлаамъ. Въ своемъ доношеніи ректору академіи Давиду Нащинскому отъ 16 января 1759 года онъ жаловался, что „по учиненной въ Кіево-Братскомъ монастырѣ о прежнихъ бывшихъ въ монастырѣ Братскомъ приходахъ справки и по смѣтѣ нынѣшнихъ приходовъ, оныхъ нынѣ почти и третей долѣ, какъ по всякимъ городническимъ и шафарскимъ книгамъ явствуетъ, не является“. Такая „скудость“ произошла отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, монастырю запрещена продажа хлѣбнаго вина, прежде приносившая „до 700 рублей и болѣе прибыли“; теперь это право сдѣлалось привиллегіей города Кіева. Отъ закрытія свободнаго прохода за границу уменьшились доходы съ мельницъ, мостовъ и шинковъ въ пограничныхъ селахъ Плисецкомъ и Мостищахъ. Въ мѣстечкѣ Стайкахъ и селахъ Карпиловкѣ и Поздникахъ „за послѣдовавшимъ вездѣ воды умаленіемъ съ оныхъ становъ довольнаго числа рыбъ въ присылки нѣтъ, почему монастырь какъ свѣжею, такъ и вялою, якова случается, буди за что имѣетъ, покупать принужденъ“. Села Ивангородъ и Бѣльмачевка, находившіяся въ Нѣжинскомъ полку, захвачены жившими тамъ казаками.

---

[1]) Акты К.-Брат. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 1 № 40. Аскоченскій неправильно приписываетъ эти слова митрополиту Тимоѳею Щербацкому (ч. 2, стр. 154.

Это обстоятельство повлекло за собою какъ весьма обременительный для монастыря судебный искъ, такъ и самыя села привело въ такое разстройство, что на поправку ихъ въ 1759 году мало оказалось 5000 рублей. Ко всему этому городничій кіевскій Евстафій Назаревичъ запродалъ „Которскую паперню“ (бумажную фабрику) съ принадлежащими ей грунтами [1]).

Правда, всѣ изложенныя жалобы, какъ писанныя съ цѣлію расположить начальство къ вспомоществованію монастырю, преувеличены, но, конечно, нельзя не видѣть въ нихъ и горькой правды.

Сознавая это, митрополиты нерѣдко старались поднять благосостояніе монастыря, желая тѣмъ улучшить положеніе академіи. Такъ, по просьбѣ академической корпораціи и распоряженію м. Тимоѳея Щербацкаго, консисторія, на основаніи Духовнаго Регламента [2]), въ 1754 году 30 мая приказала, чтобы 11 подвѣдомственныхъ ей монастырей (Максаковскій, Батуринскій, Гамалѣевскій, Глуховскій, Мгарскій, Густынскій, Горчинскій, Полтавскій, Свельскій, Гадяцкій, Великобудищскій) ежегодно вносили въ Братскій монастырь 50 р., 100 ведеръ горилки, 10 в. олѣи, 10 четвериковъ крупъ, 10 четвериковъ муки гречаной, 30 пудовъ масла, 60 пудовъ сыру, 10 четвериковъ муки пшенной, 10 четвериковъ пшена и 10 салъ [3]).

Подобнаго же рода вспомоществованія хлѣбомъ и другими припасами отпускалъ Братскому монастырю на содержаніе академіи каѳедральный Кіево-Софійскій монастырь [4]), а иногда и другіе монастыри [5]).

---

[1]) Акты К.-Брат. мон. и ак., собр. Аскоч. № 16, т. 2-й.

[2]) Въ Регламентѣ (о дѣл. еп. §§ 11 и 12), между прочимъ, сказано: „отъ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей брать всякаго хлѣба двадцатую долю, да отъ земель церковныхъ, гдѣ суть, всякаго же хлѣба брать тридцатую долю“.

[3]) Консист. арх. д. 1754 года, № 167.

[4]) Рукоп. библ. К. ак. II. 26, стр. 2.

[5]) „Кіев. съ ак.“ ч. 2, 531. пр. 282.

Что касается самостоятельныхъ средствъ академіи, то они въ началѣ второй половины XVIII вѣка были незначительны и довольно неопредѣленны.

Это были, во-первыхъ митрополичьи консоляціи, которыя, завися отъ воли дававшаго, не всегда бывали одинаковы по количеству. При митр. Рафаилѣ Заборовскомъ консоляція выдавалась въ размѣрѣ 190 р.; изъ нихъ 25 р. предназначались на бурсу, а остальные—на жалованье учителямъ [1]). Но при митр. Тимоѳеѣ Щербацкомъ консоляція была настолько увеличена, что нѣкоторые годы, кромѣ обычной, т. е. раньше выдаваемой консоляціи, учителя каждый порознь получали въ годъ до 60 руб. [2]). При митр. Гавріилѣ Кременецкомъ на одно жалованье учителямъ отпускалось консоляціи 200 р. [3]). Такъ какъ консоляція выдавалась изъ доходовъ митрополичьей каѳедры, получаемыхъ отъ монастырей, то, естественно, съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ имѣній, послѣдовавшимъ въ Малороссіи въ 1786 году, консоляціи должны были прекратиться и, дѣйствительно, прекратились.

Взамѣнъ этого источника доходовъ для академіи явился новый. Съ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка въ академіи начинаетъ образовываться собственный неприкосновенный капиталъ. Проценты съ этого капитала подъ именемъ „процентной суммы" по волѣ жертвователей должны были, и, дѣйствительно, употреблялись исключительно на нужды академіи; при этомъ жертвователи иногда указывали спеціальное назначеніе жертвуемаго капитала на ту или другую статью расхода. Къ концу существованія старой Кіевской академіи жертвованный капиталъ достигъ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ 1817 году при передачѣ на временное храненіе и пользованіе вновь

---

[1]) Консисторск. арх. д. 1757 г. № 19.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 21.

[3]) Консист. арх. д. 1780 г., № 1638. Деньги, выдаваемыя отъ мит. Гавріила, назывались „граціальными".

открытой, вмѣсто академіи, семинаріи капиталъ равнялся 264,716 руб. 75 к. на ассигнаціи. Съ этого капитала старая академія получала ежегодно 13225 р. 83 коп. [1]).

Невозможно прослѣдить исторически образованія всего процентнаго капитала, однако имена почти всѣхъ жертвователей сохранились. Первый положилъ начало этому благому дѣлу въ 1771 году архимандритъ Донского монастыря Варлаамъ Лящевскій, лично вручившій митр. Гавріилу 4000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ шли на содержаніе учителей греческаго и еврейскаго языковъ. Деньги эти въ январѣ мѣсяцѣ внесены были въ Московскій дворянскій банкъ [2]). Впослѣдствіи, по волѣ жертвователя, проценты съ этой суммы потеряли спеціальное назначеніе, а съ прибавленіемъ къ нимъ вновь пожертвованныхъ Варлаамомъ 3000 рублей соединены были съ общимъ процентнымъ капиталомъ [3]).

Въ 1773 году Московскаго Златоустовскаго монастыря игуменъ и воспитательнаго дома катихизаторъ Варлаамъ Барановичъ внесъ въ Московскій дворянскій банкъ двѣ тысячи рублей въ пользу академіи. Чрезъ два года онъ снова „изъ человѣколюбія своего къ человѣчеству сожалѣнія достойному внесъ... безповоротнаго капитала своего на такомъ же основаніи, какъ въ 1773 году, еще двѣ тысячи рублевъ, т. е. пять процентовъ доставляемы были бы Кіевской академіи для уче-

---

[1]) Дѣло семинаріи 1817г. № 65. Труды К. д. ак. 1893 г. № 6, стр. 578. „Первый учебный курсъ Кіев. дух. семинаріи 1817—1819 гг.“ Прот. П. Троцкій.

[2]) Акты К.-Брат. мон. и ак. № 16 (рук. б. к. ак. № 725). Аскоченскій („Кіевъ съ акад.“ ч. 2, стр. 304) неправильно говоритъ, что пожертвованіе это случилось въ 1779 году; въ цитованномъ нами актѣ, въ письмѣ митроп. Гавріила къ жертвователю указанъ годъ пожертвованія и внесенія въ банкъ.

[3]) Д. арх. Кіевск. акад. внутр. правл. за 1818 г. См. Тр. К. д. Ак. 1893 г. № 6 „Первый учебн. курсъ Кіев. сем. въ 1817—1819 гг. П. Троцкій стр. 578, прим. 1. „Кіевъ съ акад.“ ч. II, стр. 305

циновъ въ буроѣ бѣдственно жительствующихъ, для единственнаго содержанія оныхъ" [1]). Къ этимъ четыремъ тысячамъ Варлаамъ Барановичъ впослѣдствіи прибавилъ 2500 руб. и 26 окт. 1814 г. еще 1320 руб. Этого числа всѣ его пожертвованія были соединены въ одинъ пятипроцентный билетъ Сохранной Казны Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома на сумму 7820 руб. [2]). Самое крупное пожертвованіе въ пользу академіи сдѣлалъ митр. кіевскій Гавріилъ Кременецкій. Онъ внесъ въ кассу Московскаго воспитательнаго дома сначала 34000 руб., изъ коихъ проценты съ 30000 р. предназначилъ въ пользу студентовъ академіи, а—съ 4000 р. —на содержаніе богадѣльни при Трехъ-святительской церкви. Деньги эти по упраздненіи богадѣльни поступили въ пользу академіи. Въ 1779 году митрополитъ снова внесъ туда же 10000 руб. Проценты съ этой суммы онъ назначилъ на академическую библіотеку и больницу и на иновѣрцевъ, принимающихъ православіе. Кромѣ того, согласно завѣщанію митр. Гавріила, изъ оставшихся послѣ него денегъ м. Самуилъ Миславскій приказалъ 1783 г. 22 дек. отослать туда же 7500 р. на Кіевскую академію [3]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 22 (рук. библ. Кіев. акад., № 725). Доношеніе Императорскаго воспитательнаго дома.

[2]) Билетъ за № 51230. Дѣло сем. 1817 г. № 65. Труды Кіев дух. Ак. 1893 г. № 6 „Первый учебн. курсъ К. д. сем. 1817—1819 гг.", стр. 577—78.— Аскоченскій (ч. 2, стр. 304) упоминаетъ только объ одномъ пожертвованіи Варлаама Барановича въ 2000 р., которое было по его предположенію въ 1779 г. Онъ не указываетъ, откуда заимствовалъ свое предположеніе, намъ же о пожертвованіи Варлаама Барановича въ 1779 г. ничего неизвѣстно.

[3]) Консист. архив. указъ митр. Самуила за собственною подписью, безъ номера. Преосв. Макарій говоритъ, что митр. Гавріилъ предъ смертію положилъ въ одинъ разъ въ пользу академіи 58425 руб. серебромъ, каковыя деньги въ 1814 г. по размѣнѣ на ассигнаціи составили сумму въ 228,441 р. Кромѣ пожертвованія митр. Гавріила, онъ упоминаетъ еще о безыменныхъ пожертвованіяхъ на сумму 46000 р., поступившихъ въ пользу академіи отъ 1777 г. по 1779 г. (стр. 118). Аскоченскій (ч. 2, стр. 305) повторяетъ сказанное преосв. Ма-

Въ 1781 году 3 мая архимандритъ ставропигіальнаго Спасо-Симонова монастыря Амвросій Андріевскій пожертво-

---

каріемъ. Намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи говорятъ преосв. Макарій и Аскоченскій о 46000 р., поступившихъ будто бы отъ различныхъ вкладчиковъ въ неприкосновенный капиталъ академіи и о томъ, что митр. Гавріилъ пожертвовалъ въ одинъ разъ 58425 р. и, наконецъ, что именно эти деньги были въ 1814 г. размѣнены на ассигнаціи. Однако сумма, которая образовалась бы при размѣнѣ пожертвованій митр. Гавріила, особенно если согласиться, что м. Гавріилъ пожертвовалъ 58425 р., съ присоединеніемъ къ ней 46000 р. неизвѣстныхъ жертвователей—если бы даже эти деньги были не металлическія, а ассигнаціи (у преосв. Макарія и Аскоченскаго не сказано, серебромъ или ассигнаціями онѣ были пожертвованы)—превысила бы сумму въ 268,716 руб., которая составилась въ академіи къ 1817 г. Но кромѣ этихъ въ академію поступали пожертвованія, имѣющія несомнѣнное документальное подтвержденіе. О тратѣ же неприкосновеннаго академическаго капитала, мы свѣдѣній не имѣемъ; напротивъ, извѣстно, что иногда сама академія изъ своихъ средствъ дѣлала сбереженія, пріобщая ихъ къ постоянному капиталу (акты К.-Вр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4 № 20). О пожертвованіи митр. Гавріила Аскоченскій говоритъ такъ: „Онъ (м. Гавріилъ) въ одинъ разъ положилъ въ пользу ея (академіи) пятьдесятъ восемь тысячъ четыреста двадцать пять рублей серебромъ. Какъ памятникъ истинно отеческой заботливости его объ училищѣ, приводимъ сполна распоряженіе, сдѣланное имъ объ этой суммѣ, въ письмѣ отъ 4 сентября 1779 года къ ректору академіи". И далѣе сполна приводитъ это письмо (ч. 2, стр. 305—307). Но въ письмѣ говорится только о 44000 р., упомянутыхъ нами, и при томъ—что они внесены были въ различное время: сначала 34000 р., потомъ 10000 р. Хотя Аскоченскій не указываетъ, откуда заимствовалъ это письмо, но подлинность его подтверждается другими документами (акты К.-Вр. мон. и ак. № 85.—рук. б. к. ак. № 725). Здѣсь говорится о распредѣленіи пожертвованныхъ м. Гавріиломъ 30000 р. такъ, какъ и въ документѣ, приложенномъ Аскоченскимъ. Наконецъ, въ дѣлѣ о размѣнѣ металлическихъ денегъ 58425 руб. на ассигнаціи вовсе не говорится, что эти деньги пожертвованы м. Гавріиломъ. Изъ дѣла этого скорѣе видно, что это капиталъ сборный: „Академіи Кіевскія капиталъ, состоящій въ золотой и серебряной монетѣ, всего 58425 р." (акты К.-Вр. мон. и ак. № 198. рук. б. к. ак. № 725). Изъ всего сказаннаго вытекаетъ: 1) нельзя согласиться съ преосв. Макаріемъ и Аскоченскимъ, что кромѣ пожертвованія митр. Гавріила академія получила еще въ неприкосновенный капиталъ 46000 руб. пожертвованій безыменныхъ; 2) что м. Гавріилъ не одновременно и не на одну академію внесъ свои пожертвованія. Кромѣ того, пока остается открытымъ вопросъ о количествѣ пожертвованія м. Гавріила и о томъ, были ли вообще пожертвованія безыменныя.

валъ 500 руб. мѣдью и еще 1782 г. 9 февр. 1300 руб. ассигнаціями на академію. Эти деньги 20 янв. 1783 г. соединены были въ одинъ билетъ Сохранной Казны Московскаго Императорскаго воспитательнаго дома. 13 дек. 1782 г. по завѣщанію имъ пожертвована 1000 р. Проценты съ этихъ денегъ онъ назначилъ на содержаніе жившихъ въ бурсѣ бѣдныхъ учениковъ [1]). Въ 1774 г. 15-го марта пожертвовалъ въ пользу академіи 1000 р придворный Ея Императорскаго Величества протодіаконъ Михаилъ Алексѣевъ. Въ 1783 г. 20 января деньги отданы въ Сохранную Казну Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома [2]). 20 декабря 1793 г. арх. Кіево-Михайловскаго монастыря и ректоръ академіи Іеронимъ Блонскій внесъ туда-же въ пользу академіи 2000 р. [3]). Въ 1796 г. 13 авг. по завѣщанію митр. Самуила Миславскаго, внесено туда же 2000 р. Проценты съ нихъ назначались въ пользу сиротъ, учащихся въ академіи [4]). 20 апрѣля 1805 г. положены туда же пожертвованные коллежскимъ ассесоромъ Филипповымъ 1400 р. [5]). Въ 1808 году 2 янв. туда же на имя Кіевской академіи положилъ 2000 р. епископъ тамбовскій Θеофилъ [6]). Это—послѣднее извѣстное имя жертвователя неприкосновеннаго капитала.

Въ 1814 году академическая сумма, заключавшаяся въ золотой и серебряной монетѣ, была размѣнена на ассигна-

---

[1]) Перваго билета № 404, второй билетъ 1798 г. 24 янв. за № 1614. Дѣло внутр. акад. прав. 1817 г. № 65. Тр. к. ак. 1893 г. № 6. Журн. учебн. кур. и д. сем. 1817—1819 г. Пр. Н. Троцкій, стр. 576.

[2]) Билетъ за № 405. Тамъ же.

[3]) Билетъ за № 2358. Изъ 90 рублей процентовъ этого капитала 45 руб жертвователь завѣщалъ выдавать на братію Выдубицкаго монастыря. Воля жертвователя выполняется въ академіи и до сихъ поръ. Тамъ же.

[4]) Билетъ № 4562. Тамъ же.

[5]) Билетъ за № 11,854. Тамъ же. Деньги эти отосланы изъ академіи 3 апрѣля. „Изъ дневника м. Серапіона“. Труды К. д. Ак. 1882г. № 10, стр. 256.

[6]) Билетъ за № 20668. Дѣло внутр. прав. 1817 г. № 65 Труды К. д. Ак. 1893 г. № 6, стр. 577.

ціи. Это „небезмноготрудное сей толико важной для академіи и многозначительной комиссіи исполненіе" поручено было академическому эконому протоіерею Матеею Ревзовскому. Въ золотой и серебряной монетѣ академическихъ денегъ тогда было всего 58425 р. Размѣнявъ эти деньги на ассигнаціи—за каждый металлическій рубль по 3 р. 93 коп. ассигнаціями — къ получившейся суммѣ 228441 р. 75 коп. экономъ присоединилъ еще „значившіеся по двумъ прежнимъ билетамъ 25075 р., отъ чего всего ассигнаціонной суммы составилось уже 253516 р. 75 к." Изъ этой общей суммы въ отдѣльный билетъ соединены были упомянутые выше 7820 р., пожертвованные на академію Варлаамомъ Барановичемъ. Остальныя же деньги 245696 р. 75 к. соединены были въ одинъ сводный билетъ. Изъ перечисленныхъ выше въ оба эти билета не вошли пожертвованія Амвросія Андріевскаго, Михаила Алексѣева, Іероѳея Блонскаго, Самуила Миславскаго, Филиппова и еп. Ѳеофила, хранившіяся въ отдѣльныхъ билетахъ и послѣ 1814 года. Послѣднія перечисленныя пожертвованія вмѣстѣ составили 11,200 р., а вмѣстѣ съ 253,516 рублями и 75 копѣйками, получившимися отъ размѣна всѣхъ металлическихъ денегъ, оне образовали основной процентный капиталъ въ 264,716 р. и 75 коп. [1]).

---

[1]) Такимъ образомъ, основной капиталъ академіи состоялъ изъ 9 билетовъ. 8 изъ нихъ, составившихся изъ перечисленныхъ пожертвованій Барановича, Андріевскаго, Алексѣева, Блонскаго, Миславскаго, Филиппова и еп. Ѳеофила, и девятый сводный, заключавшій въ себѣ 245,696 р. 75 коп., или на металлическія деньги по тому курсу, по которому онѣ размѣнены—62828 р. Изъ какихъ же суммъ составился этотъ билетъ? Несомнѣнно, во-первыхъ, въ него вошли пожертвованія Варлаама Лящевскаго 7000 р. и м. Гавріила, такъ какъ эти пожертвованія подтверждаются документальными данными, а въ числѣ указанныхъ осьми билетовъ не заключаются. Но мы выше оставили открытымъ вопросъ о количествѣ пожертвованныхъ м. Гавріиломъ денегъ. Очевидно теперь, что оно не можетъ равняться 58.425 рублямъ, такъ какъ вмѣстѣ съ 7000 р. Варлаама Лящевскаго оно превыситъ сумму въ 62,838 рублей, въ которой оба пожертвованія должны заключаться. Но мы видѣли, что документально подтвержда-

Съ постепеннымъ увеличеніемъ основного капитала увеличивалась и академическая процентная сумма. Такъ какъ въ самомъ началѣ образованія этой суммы размѣры ея были довольно значительны, благодаря такимъ крупнымъ пожертвованіямъ, каковы митрополита Гавріила, Варлаама Лящевскаго и Варлаама Барановича, то и процентная сумма въ началѣ уже существованія академическаго капитала была довольно значительна.

Еще до образованія основного капитала академіи на ея содержаніе, независимо отъ Братскаго монастыря, начинаютъ отпускаться, благодаря заботамъ правительства, особыя суммы. Къ числу такихъ суммъ прежде всего нужно отнести 200 р., ежегодно выдаваемыхъ изъ малороссійскаго скарбу изъ Глухова [1]).

стоя пожертвованіе м. Гавріиломъ 51,500 рублей. Вмѣстѣ съ 7000 р. пожертвованія Варлаама Лящевскаго эти деньги составляли 58,500 рублей; слѣдовательно, недостаетъ 4338 металлическихъ рублей, чтобы образовался весь сводный билетъ. Документальныхъ данныхъ для объясненія происхожденія этихъ послѣднихъ денегъ нѣтъ. Возможно, что онѣ образовались изъ 4000 р. пожертвованія архимандрита миргородскаго Гавріила. Объ этомъ пожертвованіи упоминаетъ преосв. Макарій (122). Какъ указывающее на опредѣленное имя, это упоминаніе заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ тѣ безыменныя пожертвованія, о которыхъ говорилось раньше,—послѣднія въ постоянномъ капиталѣ академіи, какъ видно изъ всего сказаннаго, не имѣли мѣста. Наконецъ, что касается 338 рублей, то они могли образоваться изъ собственныхъ сбереженій академіи, о которыхъ есть упоминаніе въ актахъ (акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4., № 20).

[1]) Аскоченскій (ч. 2, стр. 91) и преосв. Макарій (стр. 113) думаютъ что эти 200 р. стали отпускаться съ 1742 г. по указу Елисаветы Петровны взамѣнъ прежде отпускавшихся съ 1694 г, по грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, 50 р. денегъ, 60 четвертей хлѣба. Мнѣніе это однако невѣрно. Во-первыхъ, выдача 200 р. изъ малороссійскаго скарбу не была для академіи „новостью“. Нельзя опредѣлить, съ какого именно времени стала академія получать эти деньги, но несомнѣнно она получала ихъ въ первой четверти XVIII в. до 1722 года—времени смерти гетмана Скоропадскаго и образованія малороссійской коллегіи. Съ этого же времени выдача денегъ прекращается до 1741 г., когда повелѣно снова выдавать ежегодно на академію „на содержаніе ректора, учителей и школъ“ по 200 р., а въ слѣдующемъ 1742 году, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ правъ и привилегій академіи, Императрица Елизавета Петровна особо подтвердила и ежегодную выдачу этихъ денегъ. Въ консисторскомъ архивѣ

До 1754 года деньги эти употреблялись такимъ образомъ: ежегодно по 35 руб. отдѣлялось на починку школъ и монастырскихъ церквей, а 130 рублей шло въ общую монастырскую кассу на содержаніе учителей пищею и квартирою. Съ этого года 200 рублей выдѣлены изъ общей монастырской казны и обыкновенно часть ихъ раздѣлялась на жалованье

сохранилось дѣло о возобновленіи ежегодной выдачи этихъ денегъ изъ скарбу войсковою. 11 янв. 1732 г. митр. Рафаилъ Заборовскій доносилъ чрезъ ректора академіи Амвросія Дубневича гетману Даніилу Апостолу, что „въ училищномъ монастырѣ церковь и школы здавна устроенныя весьма обветшали и чтобы о возобновленіи оныхъ для пользы учащихся учинить разсмотрѣніе". При этомъ ректоръ отъ себя подалъ гетману челобитную „что якъ за прежныхъ гетмановъ такъ и за гетмана Скоропадскаго за учителей къ удоволствованію имъ выдавано ежегодно по двѣсти рублевъ денегъ з скарбу войсковогo. Но по смерти гетмана Скоропадскаго означенная на содержаніе тѣхъ учителей денежная дача за бывшой малороссійской коллегіи удержана и по нынѣ съ 1722 году не производится". Далѣе, указывая на пользу, приносимую учителями и скудость ихъ содержанія, по причинѣ бѣдности Братскаго монастыря, на бѣдственное его положеніе и на указъ Императрицы 1730 года 17-го марта, повелѣвавшій возобновлять обветшавшіе храмы и учреждать школы, ректоръ просилъ, чтобы выдача 200 р. изъ малороссійскаго скарбу снова производилась, а вмѣстѣ, чтобы возвращены были всѣ деньги, которыя малороссійская коллегія удержала отъ 1722 г. до 1732 г. Даніилъ Апостолъ отъ себя въ доношеніи на имя Государыни на основаніи указа ея и такъ какъ онъ самъ гетманъ „извѣстенъ, что за антецессоровъ" его „бывшихъ гетмановъ вышеписанныя деньги з скарбу войсковогo повсягодно въ жалованье учителямъ по двѣсти рублевъ выдавались" и удержаны только малороссійской коллегіей,—выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ удовлетворить просьбѣ ректора. Очевидно, просители не имѣли какой либо подтвердительной грамоты своихъ правъ. Тѣмъ не менѣе выдача денегъ считалась такимъ законнымъ дѣломъ академіи, что они просили возвращенія денегъ, удержанныхъ за 10 лѣтъ. Это доношеніе Даніилъ Апостолъ отослалъ въ томъ же 1732 году 14 янв. въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Но оно успѣха не имѣло. Дѣло возобновлено въ 1740 г., но уже инымъ путемъ. 24 мая митр. Рафаилъ обратился въ Святѣйшій Синодъ и отдѣльно къ архіепископу псковскому Стефану Яворскому съ доношеніемъ, въ которомъ изложилъ весь ходъ дѣла. Св. Синодъ вошелъ съ представленіемъ въ Кабинетъ, а 10 сентабря 1740 г. подписана резолюція, чтобы снова выдавать ежегодно по 200 р. на содержаніе учителей и возобновленіе церкви и школъ, если такъ дѣлалось прежде, но объ удержанныхъ за прежнее время деньгахъ онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія. 5 янв. 1741 г. Стефанъ Яворскій уже извѣщалъ объ этомъ митр. Рафаила. Въ малороссійскую коллегію указъ изъ Сената посланъ 3 марта 1741 года. Съ этого года академія и начала снова получать по 200 р. въ годъ. Денегъ же за прошлые годы ей такъ и не удалось получить (Консист. архъ. д. 1757 г. № 19). Вторая непра-

учителямъ [1]). Такой порядокъ раздѣла продолжался во все время выдачи на академію этихъ денегъ, которая по всей вѣроятности производилась до 1786 года [2]).

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, когда начались заботы правительства о преобразованіи духовныхъ училищъ, одною изъ главныхъ ея мыслей было учрежденіе для нихъ штатныхъ окладовъ. Этотъ вопросъ связанъ былъ съ желаніемъ правительства отобрать въ казну церковныя имущества—главный источникъ содержанія духовныхъ училищъ. Отобраніе имуществъ и первые штатные оклады простерлись сначала на Великороссію въ 1765 году [3]). Но, благодаря хлопотамъ кіевскаго генералъ-губернатора Өеодора Ивановича Глѣбова [4]), и Кіевская академія получила въ это время первый штатный окладъ.

Высочайшимъ указомъ 7 апрѣля 1766 года въ Государственную Коллегію экономіи повелѣно отпускать ежегодно по

вильность, допущенная Аскоченскимъ и преосв. Макаріемъ, состоитъ въ томъ что, по ихъ мнѣнію, выдача 100 р. стала производиться взамѣнъ выдачи 50 р. и 50 четвертей ржи. Что эти деньги и послѣ грамоты Елизаветы Петровны выдавались, видно изъ доношенія учителей академіи 28 августа 1759 года, въ которомъ упоминаются пожалованныя по грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей деньги 50 р. и выдаваемые вмѣсто 50 четвертей ржи 30 рублей (акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 21). Въ другомъ мѣстѣ (ч. 2, стр. 157) Аскоченскій упоминаетъ о 80 рубляхъ, получавшихся изъ кіевской губернской канцеляріи, но происхожденія ихъ онъ не указываетъ. Вѣроятно, это и есть деньги, получавшіяся по грамотѣ 1700 г.

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. т. 2, № 21. Обычно, какъ и прежде, отдѣлялось 130 р. на жалованье учителямъ, а 70 р.—по 35—на школы и церкви; но бывало, что на жалованье отдѣлялось менѣе и болѣе 130 рублей. (Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11—рук. библ. к. ак. № 725).

[2]) Преосв. Макарій (стр. 114—115), а за нимъ и Аскоченскій неправильно думаютъ, что выдача денегъ изъ малороссійскаго скарбу продолжалась только до 1766 г. Есть документы о раздѣлѣ этихъ денегъ и въ послѣдующее время. Послѣдній извѣстный документъ о раздѣлѣ 200 р. за 1780 г. (акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 11 и 20. рук. библ. К ак. № 725).

[3]) Дух. школы въ Росс. до реф. 1808 г. П. В. Знаменскій. Пр. Соб. 1880 г. май. стр. 490—491.

[4]) Рук. библ. К.-Соф. соб. № 72.

500 р. изъ губернской канцеляріи и эти деньги „на учащихся и обучающихъ по Его преосвященства разсмотрѣнію употреблять всегда“ [1]). Обычно онѣ дѣлились пополамъ на учащихъ и учащихся. Но бывало, что учащимъ доставалось болѣе, чѣмъ учащимся. Такъ жалованье учителю польскаго языка платилось изъ 250 руб., назначенныхъ на учащихся [2]).

Въ 1786 году и въ Малороссіи послѣдовало отобраніе церковныхъ имуществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ введенъ новый штатный окладъ для Кіевской академіи. Въ указѣ объ этомъ, послѣдовавшемъ 10 апрѣля, между прочимъ сказано, чтобы на Кіевскую академію съ принадлежащими къ ней заведеніями отпускать по 8400 рублей въ годъ [3]). По просьбѣ митр. Самуила, въ слѣдующемъ году къ 8400 рублямъ было прибавлено 600 руб.; слѣдовательно, всего на академію положено было 9000 руб. [4]). Но изъ этой суммы академія обязана была выдавать 500 руб. на содержаніе Переяславской семинаріи [5]).

Съ окладомъ въ 9000 руб. Кіевская академія оставалась до конца царствованія Екатерины II. Въ слѣдующее царствованіе съ новыми реформами духовныхъ школъ послѣдовали и новыя прибавки къ окладамъ, въ томъ числѣ увеличенъ окладъ и Кіевской академіи. Несмотря на то, что указомъ 18 декабря 1797 года сумма на содержаніе вообще духовныхъ училищъ увеличена почти вдвое, Кіевская академія получила добавку только въ 3000 руб., будучи этимъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3 № 26.

[2]) Консистор. арх. д. 1774 г. № 174.

[3]) Полное собр. закон. т. XXII, № 16, 375.

[4]) Полн. собр. зак. т. XXII, № 16, 517.

[5]) Тамъ же; пунктъ 9. Почему-то Аскоченскій (ч. 2, стр. 358), приводя сполна указанный законъ, пропускаетъ распоряженіе объ отпускѣ на Переяславскую семинарію 500 р. Между тѣмъ законъ этотъ оставался въ дѣйствіи въ послѣдующее время, и Кіевская академія высылала эти деньги Переяславской семинаріи (Консист. арх. д. 1791 г. № 80).

сравнена съ другими академіями [1]). Указомъ 31 октября 1798 года распредѣленіе этой суммы по статьямъ расхода предоставлено было самой академіи съ тѣмъ только, чтобы непремѣнно сумма эта расходовалась не менѣе, чѣмъ по тремъ отдѣльнымъ общимъ статьямъ [2]). Наконецъ, въ царствованіе императора Александра I въ 1807 году, на ряду съ другими духовными училищами, академія получила двойной окладъ въ 2400 рублей [3]). Съ этимъ окладомъ старая Кіевская академія оставалась до конца своего существованія.

Кромѣ перечисленныхъ, академія не имѣла вполнѣ опредѣленныхъ денежныхъ средствъ. Но такъ какъ эти средства были недостаточны для ея содержанія, особенно въ началѣ разсматриваемаго нами періода, то, естественно, необходимо было прибѣгать къ другимъ источникамъ доходовъ для пополненія скудной академической казны. И, дѣйствительно, такіе источники были, но они имѣли или временный характеръ, или отличались неопредѣленностью количества денегъ, которое изъ нихъ получалось. Къ числу источниковъ перваго рода нужно отнести временныя пожертвованія, которыя дѣлались и правительствомъ, и частными лицами. Такъ, въ 1744 году, вѣроятно, при посѣщеніи Кіева, Императрица Елизавета Петровна пожертвовала 1000 руб [4]). Въ

---

[1]) Полн. собр. закон. т. XXIV, № 18273 и т. XLIV—книга штатовъ № 18273.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 119. Полное собр. зак. т. XXV, № 18726.

[3]) Во второй половинѣ 1807 года жалованье учителямъ назначалось уже въ двойномъ видѣ, именно въ такомъ, въ какомъ они получали впослѣдствіи. Акты К.-Бр. мон. и ак № 135. Рук. б. к. ак. № 725 По первоначальному исчисленію штатныхъ окладовъ, на Кіевскую академію, какъ и Московскую съ Казанской, положено было 58.800 рублей. (Полное собр. зак. т. XLIV, книга штатовъ № 23. 122).

[4]) Трата этихъ денегъ показываетъ, какъ экономно пользовалась своими деньгами академія. Только въ 1762 году, слѣдовательно, черезъ 18 лѣтъ послѣ пожертвованія, была израсходована та часть денегъ, которая изъ этой тысячи

1787 г., также при посѣщеніи Кіева, пожертвовала на академію 4450 руб. императрица Екатерина II-я, изъ каковыхъ денегъ ректоръ академіи получилъ 1000 руб., префектъ съ учителями 2250 руб. и казенные воспитанники 1200 руб. [1]). Наибольшее временное вспомоществованіе оказано было правительствомъ въ 1812 году, когда академіею „получено изъ Кіевской казенной палаты отпущенныхъ съ Высочайшаго соизволенія изъ процентной церковной суммы на возобновленіе обгорѣвшаго академическаго учебнаго корпуса 29,865 руб.“ [2]). Нерѣдко, впрочемъ, и частныя лица, особенно бывшіе питомцы академіи, не оставляли ее своими приношеніями. Такъ, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вносили на жалованье учителю французскаго языка въ академіи по 50 руб. ежегодно архіепископъ московскій Амвросій и епископъ бѣлгородскій Самуилъ Миславскій, а къ нимъ присоединились и другіе жертвователи [3]), такъ что учителю французскаго языка въ продолженіе десяти лѣтъ производилась добавка жалованья изъ пожертвованной суммы [4]).

Всѣ перечисленныя пожертвованія имѣли случайный характеръ. Наиболѣе послѣдовательности и примѣнимости къ дѣйствительнымъ нуждамъ академіи имѣли пожертвованія митрополичьи. Митрополиты воистинѣ были постоянные благодѣтели академіи. Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ они являлись помощниками для академіи, или жертвуя своими суммами, или изыскивая источники, откуда ихъ получать. Такъ, извѣстно, что митрополитъ Арсеній Могилянскій по-

---

была отпущена на академическую больницу. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 2.

[1]) Аскоч. „Кіевъ съ акад.“ ч. 2. стр. 360. Мак. Булгаковъ „Ист. к. ак.“ стр. 120.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 4, № 42.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 34 и акты К.-Бр. мон. и ак. № 8 (рук. б. к. ак. № 725).

[4]) Консист. арх. д. 1780 г. № 1638.

жертвовалъ на постройку бурсы 2238 руб. и 58 копѣекъ [1]). Онъ же ежегодно отпускалъ сумму денегъ на дрова для бурсы [2]). Дѣлали пожертвованія также митрополиты Гавріилъ Кременецкій [3]) и Самуилъ Миславскій [4]). Послѣ пожара 1811 года пожертвовалъ 5 янв. 1812 руб. 2000 р. на постройку академическихъ зданій митрополитъ Серапіонъ Александровскій [5]).

Жертвуя сами, митрополиты побуждали и другихъ жертвовать. Когда бывала какая нибудь важная нужда для академіи, митрополиты обращались съ просьбою отъ своего лица къ благотворителямъ, и ихъ авторитетъ часто приносилъ помощь. Значеніе авторитета митрополита въ такихъ дѣлахъ сознавали и въ академіи. Намѣреваясь просить денегъ у малороссійскаго гетмана на починку школъ, ректоръ Манассія Максимовичъ писалъ митрополиту Тимоѳею Щербацкому: „понеже мое прошеніе не можетъ имѣть не только успѣха, но и приступу безъ писанія Вашего ясне въ Богу Преосвященства и будетъ недѣйствительное; для того Вашего ясне въ Богу Преосвященства всенижайше прошу къ Его Графскому Сіятельству о семъ архипастырски благословить инстанціальное писаніе послать и мое съ учителями прошеніе при архипастырскомъ писаніи сообщить". На этомъ прошеніи послѣдовала такая резолюція митрополита: „писать отъ насъ съ надлежащимъ показаніемъ прежнихъ патроновъ, ясне вельможныхъ пановъ гетмановъ" [6]). Чаще воззванія митрополитовъ о пожертвованіяхъ не имѣли спеціальнаго характера,

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 1.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 9 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. № 725).

[4]) Аскоч. ч. 2, стр. 341.

[5]) „Изъ дневника м. Серапіона". Труды К. д. Ак. за 1882 г., ноябрь. стр. 386.

[6]) Консист. арх. д. 1754 г. № 71. Неизвѣстно, какое дѣйствіе имѣла эта просьба, но въ 1761 году вмѣстѣ съ 200 р. изъ малороссійскаго скарбу гетманъ прислалъ отъ себя „на бурсу кіевскихъ школъ" 100 рублей (Консисторскій архивъ, д. 1761 г. № 41).

а предназначались для всѣхъ „науки любящихъ". Таково воззваніе митрополита Арсенія Могилянскаго о пожертвованіи на постройку новой бурсы. Изобразивъ бѣдность воспитанниковъ, живущихъ въ бурсѣ, митрополитъ говоритъ о пользѣ, которую они будутъ приносить, изучивъ „честныя искусства, разные языки и полезнѣйшія науки",—церкви, отечеству и „своимъ милостиннодателямъ, наипаче просвѣщая и обогащая ихъ дѣтей разумы основательными и твердыми ученіями". Сказавъ далѣе, что бурса пришла въ полную ветхость, такъ что жить въ ней невозможно, а и безъ нея обойтись нельзя, митрополитъ, „сердечно сожалѣя" о печальномъ положеніи воспитанниковъ и „имѣя неусыпное попеченіе о благостроеніи паствы..., которое посредствомъ учительныхъ людей получаетъ, такожъ и приращенія пользы отечеству и о просвѣщеніи науками умовъ малороссійскаго шляхетства", продолжаетъ: „воспріяли мы намѣреніе оный домъ за крайнію его нынѣшнюю обветшалость вновь соорудить" и потому „употребили средство къ благопоспѣшнѣйшему произведенію въ дѣйство такого нашего о ономъ домѣ, вообще Бурсою именуемомъ, намѣренія пригласить въ помощь къ намъ и прочихъ науки любящихъ, чимъ кто оную къ сооруженію того дому подати восхощетъ. Таковыхъ убо къ благопризрѣнію на учащихся въ нищетѣ и къ поднятію для сооруженія помянутого для нихъ дому, Бурсою именуемаго, по возможности и произволенію сердца всѣхъ обще молимъ и оными апостольскими словесы увѣщеваемъ: „благотворенія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ" [1]). На подоб-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 26. Въ полномъ видѣ это воззваніе напечатано Аскоченскимъ („Кіевъ съ академіей" ч. 2. стр. 224—225). По этому воззванію на построеніе бурсы поступили слѣдующія пожертвованія: отъ епископа сарскаго и подонскаго Исаріона Григоровича 1000 рублей, отъ митрополита московскаго Тимоѳея Щербацкаго 50 рублей, отъ гетмана малороссійскаго графа Кирилла Разумовскаго—100 рублей, отъ архимандрита К.-Печерской лавры Луки Бѣлоусовича 20 рублей, отъ полкового кіевскаго писаря Миткевича 20 рублей и отъ разныхъ мелкихъ вкладчиковъ 109 р. 22 копѣйки. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 1, л. 140.

ные же сборы выдавалъ свое благословеніе митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, при постройкѣ каменной бурсы [1]). Также было и послѣ послѣдняго страшнаго пожара 1811 года [2]). Отъ этихъ вызываемыхъ экстраординарными нуждами сборовъ отличались сборы, производившіеся ежегодно въ пользу академической, называвшейся конгрегаціонною, церкви. Сборы эти производились ежегодно. Обыкновенно сами студенты изъ своей собственной среды выбирали двухъ представителей, называвшихся префектами, которые впродолженіи всего года обязаны были ходить за сборами по домамъ кіевскихъ и повѣтовыхъ гражданъ [3]). Собранныя деньги, хотя и предназначались для конгрегаціонной церкви, но употреблялись и на содержаніе бурсы, и на расходы во время академическихъ праздниковъ [4]), а часть ихъ дѣлилась между учителями [5]). Размѣры денегъ, собиравшихся на бурсу, были

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 21 (рук. б. к. ак. № 725). И эти сборы по обыкновенію имѣли успѣхъ. Изъ одного Ичанскаго правленія за два года 1777 и 1778 было прислано 140 рублей сбора (акты К.-Бр. мон. и акад.. собр. Аскоч. т. 3. № 48).

[2]) На исправленіе погорѣлой академіи по приглашенію митрополита пожертвовали: военный губернаторъ Милорадовичъ 100 р., Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій 1000 р., господарь Ипсиланти 15000 р., Катериничъ 100 р., губернаторъ астраханскій Андреевскій 150 р. и таврскій намѣстникъ 100 р. „Изъ днев. м. Серапіона“. Тр. К. д. Ак. 1882 г., ноябрь, стр. 357.

[3]) „Ист. К. Акад.“ Преосв. Макарія, стр. 104, 105.

[4]) Конс. арх. д. 1757 г. № 71.

[5]) Преосв. Макарій говоритъ, что собираемыя на конгрегаціонную церковь деньги употреблялись большею частію на житейскія нужды содержавшихся въ сиротскомъ училищномъ домѣ“ (стр 105). Но что эти сборы были особою статьею дохода и для учителей, видно изъ доношенія о средствахъ академіи, сдѣланнаго въ 1743 году ректоромъ Сильвестромъ Кулябкою. Тамъ на вопросъ митрополичьяго указа: „сколько въ годъ квѣтовыхъ денегъ въ собраніи бываетъ и по чему какому учителю въ раздѣлѣ дается“? отвѣчено: „а квѣтовыхъ денегъ, якихъ за моего начальства чрезъ три года собралося, а именно, 1741: отъ генваря 8 до ноября 11 числа шестьдесятъ два рубля, шестьдесятъ двѣ копѣйки, за 1742: сорокъ пять рублей, двѣнадцать копѣекъ, за 1743 годъ: тридцать девять рублей, тридцать три копѣйки; половина на ректора, а половина на учителей дается, а съ тѣхъ денегъ неравно себѣ учители раздѣляютъ“ (Консист. арх д. 1757г. № 19) Изъ этой выдержки, во-первыхъ, ясно, что деньги эти дѣлились между ректоромъ и учителями и, во-вторыхъ, что деньги эти получались изъ

не велики; такъ въ 1756 году собрано было 60 руб., въ 1757 году—88 руб.[1]). Былъ также въ академіи обычай „ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ девятого числа до 1 числа сентября отпускать учениковъ риторики, поэтики и синтаксимы бѣдныхъ, нищихъ, родителей лишившихся и во вся никакого же питанія ни откуду не имущихъ для испрошенія себѣ милостыни“ [2]). Иногда такіе ученики, получивъ изъ академіи паспортъ, отправлялись по селамъ и деревнямъ и занимались на сельскія работы [3]). Такъ какъ подобными отпусками ученики часто злоупотребляли, пользуясь ими для того только, чтобы избѣжать ученія, то инструкціею 1763 года повелѣно выдавать паспорты только дѣйствительно нуждающимся ученикамъ и при томъ „отпускать въ малороссійскіе точію и слободскіе полки, а дальше никуды ходить не дозволять“ [4]). Сборы запрещены были Самуиломъ Миславскимъ. Всѣ перечисленные источники доходовъ имѣли характеръ добровольной жертвы, получалась ли она отъ царскаго, митрополичьяго или частнаго благотворенія. Но были и такіе доходы, которые налагались, а иногда и взимались при помощи власти. Къ такимъ доходамъ прежде всего нужно отнести штрафныя деньги, взимавшіяся съ священно и церковно-служителей Кіевской епархіи въ пользу академіи. Денежные штрафы узаконены были Св. Синодомъ. Штрафы

сборовъ; въ-третьихъ, изъ того, какъ опредѣленъ въ приведенномъ доношеніи срокъ, въ какой производился сборъ, нужно заключить, что это тотъ же сборъ, о которомъ только что сказано и о которомъ говоритъ преосв. Макарій (стр. 104—105). Годъ сбора по цитованному документу оканчивался 11 ноября и указанный выше сборъ оканчивался именно въ это время. Обыкновенно за мѣсяцъ до храмового праздника академической церкви, посвященной въ память Зачатія святой Анны и празднуемой 9 декабря, выбирались новые сборщики подаяній, а слѣдовательно оканчивалась дѣятельность прежнихъ. (Ист. К. Акад. преосв. Мак. стр. 104—105).

[1]) Конс. арх. д. 1757 г. № 71.

[2]) Инструкція 1763 г. Кіев. Еп. Вѣд. за 1893 г. № 20,

[3]) Акты К.-Братскаго монаст. и ак. № 609. рук. б. к. д. ак. № 725.

[4]) Кіевск. Еп. Вѣд. за 1893 г., № 20.

были двоякаго рода, смотря по тому, за кого священно и церковно-служители вносили ихъ—за себя и за своихъ дѣтей. Перваго рода штрафы взимались съ духовенства за различныя провинности. Само собою понятно, что этотъ доходъ не имѣлъ определеннаго размѣра, а зависѣлъ какъ отъ строгости власти, такъ и отъ степени исправности самого духовенства. Интересно, что штрафы не всегда взимались деньгами. Провинившихся лицъ изъ духовенства—обычно причетниковъ—прикомандировывали къ академіи для исполненія обязанностей сторожа. Такъ было, напр., въ 1812 году. „Черкасскаго уѣзда села Смѣлчинецъ пономаря Өеодора Руденка за неосновательные его отзывы и ропотъ на невыгодность мѣста самимъ же имъ прошеннаго“ митрополитъ приказалъ „употребить при академическомъ правленіи и бурсѣ чрезъ одну недѣлю въ труды стороже́вскіе“ [1]). Къ штрафамъ второго рода нужно отнести тѣ взносы, которые дѣлались за необученіе дѣтей къ опредѣленному сроку, непредставленіе въ указанныя лѣта въ академію, за укрывательство отъ школы и держаніе у себя бѣжавшихъ изъ школы, и за позднюю явку ихъ послѣ отпуска. Въ первый разъ въ Кіевской академіи распоряженіе о штрафованіи за указанные проступки сдѣлано въ 1760 году. Тогдашній префектъ академіи Самуилъ Миславскій донесъ 1758 году митрополиту Арсенію Могилянскому, что, не смотря на указъ, изданный еще въ 1741 году митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, духовенство въ академію дѣтей своихъ не высылаетъ, а обучающихся уже въ ней удерживаетъ, не давая имъ окончить образованія. Вслѣдствіе этого доношенія въ 1759 году, по распоряженію митр. Гавріила, снова былъ посланъ въ духовныя правленія указъ о томъ же. Когда и

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4. № 38. Штрафы съ духовенства въ пользу академіи собирались до 1823 г., а съ этого времени они стали поступать въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. (Аскоченскій „Кіевъ съ ак.“, прим. 281.

этотъ указъ не имѣлъ успѣха, то на новое доношеніе префекта, по распоряженію митрополита, былъ посланъ вторичный указъ. Въ томъ и другомъ указѣ на основаніи Регламента и указа Св. Синода 1731 года была подтверждена обязательная высылка дѣтей духовенства въ академію, а на основаніи указа Синода 23 февраля 1744 года повелѣно: „учинивъ достовѣрную справку, отъ кого именно и сколько сыновъ въ академію безъ благословныхъ винъ не выслано"; взимать штрафы „съ полученія и объявленія имъ оныхъ прежде отпущенныхъ указовъ за каждой мѣсяцъ съ протопоповъ по два рубля, съ поповъ по рублю съ полтиною, съ діаконовъ по рублю и съ дячковъ и пономарей дѣйствительныхъ, буди гдѣ находятся, съ человѣка по 50 копѣекъ". Деньги эти при вѣдомостяхъ, съ обозначеніемъ, съ кого, сколько и за что онѣ получены, должны отсылаться въ консисторію. О тѣхъ же, которые имѣютъ основательную причину остаться дома—болѣзнь или другую,—рапортовать немедленно въ консисторію, но по удаленіи причины присылать снова въ академію подъ страхомъ двойного штрафа за неявку. Всякому, присланному въ академію, префектъ долженъ выдавать росписку въ томъ, что онъ въ академію явился и принятъ. Исполненіе указа должно быть произведено не позже, какъ въ двухнедѣльный срокъ. За неисполненіе властямъ указъ угрожалъ двойнымъ штрафомъ [1]). Штрафныя деньги назначались на починку и постройку школъ и бурсы [2]).

---

[1]) Консист. арх. д. 1760 г. № 164. Указы о штрафованіи за неприсылку повторялись въ послѣдующее время весьма часто. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 10, № 109 (рук. б. к. ак № 725).

[2]) Деньги эти въ академическихъ приходо-расходныхъ книгахъ иногда разграничивались: однѣ назначались на постройку и починку школъ, а другія на постройку и починку бурсы. (Акты К.-Бр. мон. и ак. № 12. рук. б. к. ак. № 725). Приблизительный доходъ денегъ на школы былъ болѣе ста рублей въ годъ. Это видно изъ того, что въ 1772 году по книгѣ, выданной въ 1768 году, слѣдовательно, за 4 года штрафныхъ денегъ было 541 р. 40 к. На бурсу же въ 1772 г. имѣлось всего только 11 рублей, но не извѣстно, за какое время онѣ получены (тамъ же). Иногда же они шли въ общій счетъ. Съ 1759 г. съ сен-

Другой источникъ дохода, которымъ пользовалась академія, производившійся по приказанію митрополитовъ, были вакантные приходы. Если умиралъ какой нибудь священникъ, то исполненіе его обязанностей поручалось кому-нибудь другому изъ находящихся на мѣстѣ священниковъ. При этомъ половина дохода шла въ пользу исполняющаго должность, а другая половина за вычетомъ пошлинъ назначалась на академію [1]). Наконецъ, въ пользу академіи иногда взималась плата со ставленниковъ [2]). Незначительный доходъ академія имѣла съ книжной лавки, которая учреждена при ней въ 1763 году по приказанію митр. Арсенія. Валовой доходъ отъ продажи книгъ равнялся приблизительно 300 р. [3]).

б) Академическія зданія.

Изъ представленнаго обозрѣнія средствъ академіи за разсматриваемый періодъ времени видно, что, кромѣ вспомоществованія Братскаго монастыря изъ общей казны и нѣкоторыхъ незначительныхъ доходовъ съ вакантныхъ приходовъ, ставленниковъ и штрафовъ, до введенія штатовъ на починку старыхъ и постройку новыхъ академическихъ зданій изъ постоянныхъ академическихъ суммъ отпускалось только 35 р. изъ числа 200 рублей, выдаваемыхъ изъ малороссійскаго войсковаго скарбу. Эти средства были такъ не велики, что

табря по 1767 г. мартъ штрафныхъ денегъ получено 799 р. 18 к. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2 № 1.

[1]) Вотъ какъ распредѣлялись эти доходы Въ селѣ Томашовкѣ за 1776 г. получено всего 29 р. 1 к. доходу. „з того числа, говорится въ рапортѣ томашовскихъ священниковъ, въ силу указа духовной консисторіи оставлено священникамъ за трудъ половину, да на заплату на домъ архіерейскій столовыхъ, мировыхъ, солодовыхъ и на консисторскую канцелярію и на духовное Сиѣлянское правленіе з вакантовой томашовской парафіи части надлежащихъ пять рублей пяти копѣекъ, оставлено въ... для отсылки въ кіевскую академію по указу всего девять рублей сорокъ пять копѣекъ“. Конс. арх. д. 1777 г. № 561.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 1. Здѣсь при перечисленіи денегъ, полученныхъ на постройку бурсы, однажды упомянуты деньги, полученныя „отъ промующихся ставленниковъ“.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 105 (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 92. Кіев. Еп. Вѣд. 1893 г. № 20 „Инструкція“ и.

ихъ не всегда доставало даже для починки старыхъ академическихъ зданій. Поэтому, когда была необходимость воздвигать новыя зданія, то приходилось обращаться къ благотворителямъ за пожертвованіями. Благодаря этому, зданія академическія рѣдко бывали въ благоустроенномъ состояніи. Послѣ назначенія штатной суммы на академію указомъ Екатерины II 15-го марта 1787 года повелѣно „имѣющіяся въ оной строенія содержать въ исправности изъ суммы, на ту академію опредѣленной, исключая что вновь для пользы нужно построить, о томъ сносится съ Нашимъ Генералъ-Губернаторомъ, дабы отъ него по порядку, посредствомъ Сената Нашего Намъ представлено быть могло"[1]). Значительность суммы, постепенно увеличиваемой правительствомъ—съ одной стороны, съ другой—обѣщаніе помощи со стороны правительства[2]) содѣйствовали увеличенію и улучшенію академическихъ зданій. Хотя, благодаря постоянно огромному количеству учащихся, а также частымъ несчастіямъ, постигавшимъ академію въ разсматриваемый періодъ, помѣщеніе академіи, особенно для учащихся, вообще не отличалось большими удобствами.

Въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода академія владѣла двухъэтажнымъ каменнымъ зданіемъ[3]). Въ нижнемъ этажѣ этого дома находилось шесть комнатъ, а въ верхнемъ —двѣ комнаты и между ними зала и конгрегаціонная церковь. Въ комнатахъ находились классы или такъ называемыя школы, поэтому весь корпусъ обычно назывался „классическимъ" или „школами". Въ верхнемъ этажѣ были философскій и богословскій классы, а въ нижнемъ остальные[4]).

---

[1]) Полное собр. зак. Т. XXII, № 16517, п. 1.

[2]) Правительство впослѣдствіи, дѣйствительно, исполнило свое обѣщаніе.

[3]) Построено въ 1693 г. гетманомъ Иваномъ Мазепою въ одинъ этажъ („Ист. Кіевск. акад." Іером. Макарія Булгакова, стр. 49 и 50. Прибавленіе къ описанію Кіево-Софійскаго собора—митр. Евгенія, стр. 217), а въ 1735 г. митр. Рафаиломъ Забо́ровскимъ надстроенъ второй этажъ, украшенный тосканскою колоннадою („Ист. К. ак.", стр. 113, „Кіевъ съ ак." Ч. 2, стр. 81).

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 7, л. 12.

Учительскія квартиры, называвшіяся чуланами, находились частію въ общемъ монастырскомъ помѣщеніи [1]), частію были пристроены къ каменному корпусу [2]). Для учениковъ, не могшихъ на свой счетъ нанять квартиры, существовалъ по южную сторону Братскаго монастыря въ его оградѣ, особый домъ, называвшійся „студентскимъ домомъ", „бурсою" или „великою бурсою". Онъ построенъ былъ по завѣщанію митр. Іоасафа Краковскаго на его собственныя средства [3]).

Всѣ академическія зданія въ это время находились въ плохомъ состояніи. Еще въ 1755 году ректоръ Манасеія Максимовичъ доносилъ митрополиту, что „школы давно уже не малой требуютъ репараціи, а наипаче подъ сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ", „только репарировать оныя мѣста нѣтъ за что". Съ разрѣшенія митрополита починка была

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К-Бр. мон. и акад. № 70 (рук б. к. ак. № 725). По свидѣтельству Новгородцева въ 1784 году въ Братскомъ монастырѣ было „келій 9—начальничья каменная 1, для монашествующихъ деревянныхъ восемь". „Сборникъ матер. для истор. топогр. Кіева" Кіевъ 1874 года, стр. 141.

[3]) Когда донесено было митр. Арсенію Могилянскому о необходимости ремонтировать бурсу, и изъ консисторіи сдѣланъ былъ въ академію запросъ о томъ, между прочимъ, кѣмъ построена бурса, требующая ремонта; то префектъ академіи Самуилъ Миславскій отвѣтилъ, что о томъ „письменнаго вида въ академіи нѣтъ"... однак съ подпису въ реторицкой бурсѣ на сволокѣ можно сказать... что домъ сотъ коштомъ Преосвященнаго митрополита Іоасафа Краковскаго 1719 года августа 1 дня сооруднлся" (Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 2, № 1). Преосв. Макарій („Ист. Кіев. ак." стр. 112) и В. Аскоченскій (ч. 2, стр. 80—81) говорятъ, что кромѣ этого была еще вторая бурса, выстроенная м. Рафаиломъ Заборовскимъ на мѣстѣ бывшей бурсы, устроенной изъ гостинницы Петромъ Могилою. Но правильнѣе, кажется, думать, что митр. Рафаилъ не строилъ бурсы. Во-первыхъ, о ней не упоминаетъ м. Евгеній въ „Описаніи К.-Софійск. собора": во-вторыхъ, нѣтъ о ней никакого упоминанія въ сохранившихся документахъ. Въ нихъ всегда говорится о сиротскомъ домѣ въ единственномъ числѣ, даже и тогда, когда дѣло идетъ о всѣхъ бурсакахъ. Въ такомъ родѣ, т. е. употребляя слово „сиротскій домъ" въ единственномъ числѣ, напримѣръ, доносила академія м. Гаврінлу Кременецкому въ 1772 году, когда онъ спрашивалъ, сколько всѣхъ живущихъ въ немъ, какихъ они классовъ и пр. (акты К.-Бр. м. и ак. (рук. б. к. ак. № 725, № 12). Между тѣмъ въ это время несомнѣнно существовалъ сиротскій домъ, построенный м. Арсеніемъ Могилянскимъ. Въ исторической запискѣ объ академіи, представленной послѣднею въ 1773 году 4 февраля м. Гаврінлу, въ которой, между прочимъ, при изложеніи біогра-

произведена на занятые въ долгъ 100 рублей. Состояла она во вставкѣ стеколъ въ залѣ и другихъ мѣстахъ и починкѣ дверей, а внѣ школы—въ поправкѣ мостковъ и всходовъ. Но школы обветшали настолько сильно, что такой незначительной починкой нельзя было ограничиться. Поэтому уже чрезъ полгода послѣ нея ректоръ снова доносилъ, что „школы приходятъ въ крайнюю обветшалость, которіи репарировать Кіево-Братскій училищный монастырь не въ состояніи“. Поэтому онъ просилъ митрополита—и митрополитъ согласился—просить помощи у гетмана. Между тѣмъ подошла новая нужда: въ конгрегаціонной церкви подгнилъ полъ. Но эта нужда не доставила большого затрудненія. Въ каѳедральной кассѣ хранились деньги, которыя спеціально были назначены на починку Кіево-Братскихъ церквей. Изъ нихъ, по распоряженію м. Тимоѳея Щербацкаго, было взято 70 руб. и въ 1757 г. церковь была уже починена [1].

Дальнѣйшія заботы о школахъ достались на долю м. Арсенія Могилянскаго, занявшаго послѣ Тимоѳея Щербацкаго кіевскую каѳедру. Въ началѣ 1758 года префектъ академіи Самуилъ Миславскій съ учителями доносилъ новому митрополиту, что, хотя при митр. Тимоѳеѣ Щербацкомъ школы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починены, но „покритте школъ толь обветшало есть, что какъ въ школахъ философской, залѣ, богословской, такъ и надъ церковью поверхъ своду надъ крильцомъ обрѣтающимся предъ вышеписанными школами, во время ненастья превеликая бываетъ течь“. Несмотря, однако, на столь настоятельную нужду починки школъ, вниманіе митрополита было обращено на другой не менѣе важный предметъ [2].

фическихъ свѣдѣній о Самуилѣ Миславскомъ говорится весьма подробно о „прежней студентской бурсѣ“, построенной Іоасафомъ Краковскимъ, о ея пожарѣ и о постройкѣ новой при м. Арсеніѣ Могилянскомъ, о бурсѣ построенной при м. Рафаилѣ Заборовскомъ нигдѣ не упоминается даже и въ біографіи ректоровъ, бывшихъ при немъ.

[1]) Консистор. арх. д. 1757 г. № 71.

[2]) Консист. арх. д. 1757 г. № 71.

Сеньоръ бурсы ученикъ философіи Михаилъ Павловскій съ товарищами подалъ прошеніе митрополиту о постройкѣ новой бурсы. Вызвана была эта просьба тѣмъ, что сиротскій домъ „вообще называемый бурса“ пришелъ въ такую обветшалость, „что жить въ ономъ крайне невозможно; ибо въ избахъ нѣкоторыхъ углы поотпадали, а въ другихъ пушаки поперегнивали, почему въ оныхъ дверей и оконъ придѣлывать нельзя, да и саміе избы таки глыбоко въ землю в войшли, что подъ часъ весни и другихъ мокротныхъ временъ нельзя воспятить, дабы в оніе вода не бѣжала, отъ которой на бѣгу не только срубы неоднократно портились, но еще чрезъ происходившіе въ оной заразительные вапори таковіе болѣзни приключились, что миновавшей зимы више тридцати человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ по объявленію здѣшнихъ жильцовъ не бывало“ [1].

Прежде всего были потребованы изъ консисторіи справки, сколько въ наличности имѣется академическихъ суммъ, и сколько нужно денегъ на починку старой бурсы, пока будетъ построена новая. Изъ доношенія академіи видно, что она не располагала никакими средствами къ постройкѣ бурсы. „Консисторіи не безъизвѣстно“, писалось въ доношеніи академіи, „сколько въ скарбцѣ денегъ, такоже церковныхъ и другихъ когрегаційскихъ вещей, коликое число бурсацкихъ денегъ было въ наличности и что оныхъ въ кредитъ ни у кого не имѣется“, изъ наличныхъ же денегъ „нѣкоторые на необходимые вещи уже здержани, а нѣкоторые, тое 65 рублей оставшіеся отъ 100 рублей присланныхъ отъ преосвященнаго Сарскаго и Подонскаго, и нынѣ ради крайнихъ нуждъ больныхъ студентовъ найти въ зимное время обрѣтающихся, также и ради погребенія мертвыхъ въ цѣлости сохраняются“ [2].

Несмотря на скудость академическихъ средствъ, митрополитъ приказалъ академіи представить смѣту на починку

---

[1]) Акты. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. Т. 2, № 1.

[2]) Тамъ же.

старой и постройку новой бурсы. По представленной академіей смѣтѣ предположено было произвести въ старой бурсѣ только самыя необходимыя починки: сдѣлать новыя грубы взамѣнъ совершенно негодныхъ, исправить мало-мальски годныя, вымыть столы, лавки, окна, починить двери, избы снаружи обмазать глиною и потомъ побѣлить; въ слѣдующемъ же году предполагалось построить новую бурсу. По смѣтѣ на исправленіе старой бурсы нужно 8 рубл. Эти деньги приказано взять изъ 31 руб. 36 коп. штрафныхъ денегъ, бывшихъ въ консисторіи. На матеріалъ и плату работникамъ для новой бурсы вычислено было 1054 руб. 70 копѣекъ. Но митрополитъ не удовлетворился этою сравнительно скромною смѣтою и вскорѣ приказалъ представить новую, а вмѣстѣ съ этимъ прислана была консисторіею книга, къ которой приложенъ просительный листъ съ воззваніемъ къ благотворителямъ. Самъ митрополитъ первый пожертвовалъ 400 руб.

Кромѣ того, приказано продать немного негоднаго для постройки лѣсу изъ кущи Карпиловки, а на вырученныя деньги купить годнаго. Привлечены были къ участію въ постройкѣ одиннадцать подвѣдомственныхъ митрополиту монастырей (Софійскій, Пустынно-Николаевскій, Золото-Верхо-Михайловскій, Братскій, Выдубицкій, Кирилловскій, Петропавловскій, Греческій, Флоровскій, Іорданскій и Богословскій). Они должны были представить нѣкоторые матеріалы, необходимые для постройки [1]). Построить новую бурсу предположено было на берегу рѣки Днѣпра, въ приходѣ Набережно-Николаевскомъ. Мѣстомъ для нея послужилъ, во-первыхъ, дворъ, подаренный по просьбѣ студентовъ академіи 20 іюня 1760 года архимандритомъ Кіево-Печерскимъ Лукою Бѣлоусовичемъ [2]).

[1]) Такъ, напримѣръ, Софійскій монастырь, по резолюціи митрополита 15 іюня 1764 года, обязанъ былъ представить на четыре печи кафель и на двадцать окошекъ стеколъ. Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

и, во-вторыхъ, три двора, купленные академіею у полковника слободскихъ полковъ Іоакима Кононовича [1]).

Самая постройка бурсы производилась въ слѣдующемъ порядкѣ. „Бурса студентская, или по новому въ Европѣ принятому названію", такъ писалось въ доношеніи отъ академіи каѳедральному писарю, „сиротскій и нищенскій домъ, строеніемъ (кромѣ забора) совершенно окончены. На оную начало заготовленія матеріала послѣдовало въ 1760 году марта 5 дня, каменный фундаментъ заложенъ 1763 года апрѣля 8. На оный фундаментъ деревянное строеніе начато 1764 г. декабря 2. Оное строеніе окончено сего 1765 года мѣсяца сентября и того-же сентября 24 дня всѣ избы по чиноположенію церковному освящены" [2]). Постройка всей бурсы обошлась въ 5523 р. 37 коп. [3]). Размѣры вновь построенной бурсы были довольно велики, такъ какъ въ ней жило обычно отъ 380 до 400 человѣкъ [4]). Вновь выстроенный домъ вполнѣ замѣнилъ собою старую бурсу, такъ какъ въ слѣдующемъ, послѣ постройки его, году—1766-мъ 14 апрѣля старая бурса, выстроенная Іоасафомъ Краковскимъ, сгорѣла [5]).

Одновременно съ постройкой бурсы дѣлались приготовленія къ тому, чтобы поставить новую крышу на школахъ. Еще по первому доношенію въ 1758 году отъ ректора академіи съ учителями митрополитъ въ іюлѣ 1759 года приказалъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. Т. 3. № 41, т. 2, № 1.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 2, № 1.

[3]) Деньги эти составились изъ пожертвованій митрополита Арсенія и другихъ лицъ, а также штрафныхъ денегъ, коихъ за время постройки бурсы набралось 799 р. 18 к. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч т. 2, № 1.

[4]) Акты К.-Бр., мон. и акад. № 12 (рук. б. к. ак. № 725). О размѣрахъ ея можно судить также по тому, что она стоила болѣе $5^1/_2$ тысячъ рублей, далѣе, что для отопленія всѣхъ ея зданій нужно было 29 печей, а для освѣщенія 180 оконъ. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2 № 1.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр., Аскоч. т. 3, № 41.

представить смѣту того, сколько будетъ стоить новая желѣзная и новая деревянная крыши. На это доношеніе ректоръ Давидъ Нащинскій отвѣтилъ весьма уклончиво, что желѣзная крыша весьма дорога, а деревянная хотя и дешево стоитъ, но въ настоящее время въ Кіевѣ нѣтъ мастера, который могъ бы сдѣлать ее. Между тѣмъ еще въ январѣ мѣсяцѣ 1759 года онъ просилъ митрополита позволить употребить купленныя въ 1755 году тогдашнимъ ректоромъ Георгіемъ Конисскимъ для покрышки школъ 13 бочекъ бѣлой мѣди на обивку деревянной крыши на колокольнѣ Братскаго монастыря съ обязательствомъ возвратить мѣдь или деньги за нее. Занятый заботами о постройкѣ бурсы, митрополитъ позволилъ это сдѣлать—и дѣло покрышки школъ затянулось. Только въ 1761 году, уже въ ректорство Самуила Миславскаго, возвращены были Братскимъ монастыремъ 468 руб. за жесть. Къ нимъ присоединены были 246 р. 70 к., собранные за три года изъ денегъ, выдаваемыхъ изъ малороссійскаго скарбу. Въ это же время 9 іюня 1761 г. выдана была риторическому учителю книга для сбора подаяній на покрышку „классическаго“ корпуса [1]). Вмѣстѣ съ этимъ начата была заготовка матеріала [2]). Къ этимъ деньгамъ митрополитъ отъ себя прибавилъ 1404 р. 77 коп., еще за послѣдующіе годы изъ Глухова получено было 251 руб. 41½ коп., за проданный отъ постройки бурсы остатокъ 36 р. 60 к., да 756 р. 88½ к. штрафныхъ,—всего же на крышу было израсходовано 2960 р. 15 коп. Окончена она въ 1766 году [3]). Такимъ образомъ, въ 1766 году академическія зданія пришли съ внѣшней стороны въ весьма благоустроенное состояніе. Однако это не значитъ, что помѣщеніе академіи было вполнѣ удовлетворительно. Если при-

---

[1]) Но въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла мы не видимъ именъ жертвователей кромѣ самого митрополита.

[2]) Конс. арх. д. 1757 г. № 71. Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аск. т. 2, № 1.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 2, № 1.

нять во вниманіе общее количество учениковъ академіи, обычно равнявшееся приблизительно тысячѣ, то ясно, что оно было весьма недостаточно, а потому и теперь было весьма много такихъ, которые жили по церковно-приходскимъ школамъ, а иные помѣщались въ классическомъ корпусѣ.

Сознавая недостаточность помѣщенія для учениковъ, м. Гавріилъ Кременецкій задумалъ, приведши его совнѣ въ лучшее состояніе, построить при немъ каменную кухню и сдѣлать пристройку. По смѣтѣ на это понадобилось 1549 р. 18 коп.[1]). Уже началось заготовленіе матеріала, но „1775 г. августа 2, ночью, въ 10-мъ часу изполдня близъ сиротинного дому, называемаго бурса, здѣлался изъ мѣщанскаго двора пожаръ, отъ котораго съ иными многими новой сиротинной домъ, съ бывшими въ немъ разными лѣсными припасами, совсѣмъ до основанія сгорѣлъ“[2]). Неотложная нужда построить для бѣднѣйшихъ учениковъ домъ была очевидна. Чрезъ четыре съ половиною мѣсяца митрополитъ „благословилъ, въ надеждѣ Божіей помощи и щедраго любителей наукъ къ пользѣ церкви святой и отечеству предпринимаемыхъ отъ скудныхъ и собою содержаться не могущихъ отроковъ и юношей, подаянія, впредь для прочности отъ пожарнаго (отъ чего Боже избави) случая охраненія сиротопитательный домъ, просто называемый бурса, строит каменнымъ зданіемъ“[3]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 21 (рук. б. к. акад. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 21 (рук. б. к. ак № 725). Отсюда ясна неправильность мнѣнія преосвящен. Макарія („Истор. Кіев. акад.“ стр. 117) и В. Аскоченскаго (ч. 2, 304), что митрополитъ собственнымъ иждивеніемъ построилъ одно-этажную каменную бурсу. Пожертвованія на академію дѣйствительно были. Это видно изъ доношенія Ичанскаго духовнаго правленія отъ 1780 г. 31 января, въ которомъ говорится, что на постройку каменной бурсы по книгѣ, присланной въ 1776-мъ году, собрано 144 р. 16 копѣекъ. 100 руб. изъ нихъ отослано въ академію въ 1777 г., 40 р.—въ слѣдующемъ, а 4 р. 16 коп. посылается теперь. Очевидно и въ другихъ правленіяхъ производился подобный сборъ. Акты К.-Бр. мон. и акад.. собр. Аскоч. т. 3, № 48.

Окончена бурса была въ 1778 году [1]). Она построена была въ одинъ этажъ [2]) и состояла изъ 13 камеръ, при чемъ къ нимъ пристроена была каменная же поварня. Изъ указанныхъ 3 камеръ—2 заняты были больницею [3]). Во дворѣ находились деревянные амбары [4]). Въ такомъ, сравнительно—благоустроенномъ, состояніи академія пробыла до 1785 г. Но около этого времени сгорѣла трапезная во имя свв. Бориса и Глѣба Братская церковь, а съ нею вмѣстѣ—находившаяся на ея второмъ этажѣ библіотека [5]).

Не успѣла академія оправиться отъ одного несчастія, какъ подоспѣло другое. 10 апрѣля 1786 года послѣдовалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Кіевской

---

[1]) Въ этомъ году каѳедральный писарь іером. Іеронимъ и учитель нѣмецкаго и польскаго языковъ іером. Амвросій, завѣдывавшіе работами, отдавали уже отчетъ въ расходахъ на постройку бурсы. Акты К.-Бр. мон. и акад. № 21 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Другой этажъ надстроенъ былъ впослѣдствіи.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч., т. 3, № 98.

[4]) Тамъ же. Т. 4, № 7.

[5]) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Изданіе временной коммиссіи. Кіевъ 1874 г. Извѣстія Новгородцева стр. 144. Записки Тимковскаго стр. 165. Преосв. Макарій (стр. 135) и Аскоченскій (необозначая въ текстѣ—т. 2, стр. 307) въ оглавленіи къ своему труду относятъ пожаръ библіотеки къ 1780 году. На основаніи мнѣнія преосв. Макарія и Н. Мухинъ говоритъ, что пожаръ библіотеки былъ 29 февраля 1780 года. (Нужно замѣтить, что у преосв. Макарія числа мѣсяца вовсе не указано). Съ этимъ однако нельзя согласиться, такъ какъ въ описаніи Кіева Новгородцева сказано, что библіотека находилась тогда на верху трапезной во имя Бориса и Глѣба церкви.

Описаніе Кіева не могло быть составлено имъ ранѣе 1784 года 31-го іюля, каковымъ числомъ помѣчена помѣщенная въ описаніи „Вѣдомость о числѣ кіевскихъ деревей“ („сборникъ“, стран. 125). Новгородцевъ, какъ кіевлянинъ, не могъ не знать о пожарѣ въ Братскомъ монастырѣ, если бы онъ случился во время описанія имъ Кіева. Изъ записокъ И. Ѳ. Тимковскаго (тамъ же, стран. 165), учившагося въ академіи съ 1785 по 1889 годъ, видно, что уже въ началѣ его ученія остатки библіотеки послѣ пожара были перенесены на хоры большой церкви Братскаго монастыря. Слѣд., пожаръ библіотеки былъ въ концѣ 1784 или началѣ 1785 г.

академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ и Кіево-Печерской Лаврѣ, а Братскій монастырь, служащій нынѣ для помѣщенія помянутой академіи, обратить на главную госпиталь по его положенію"[1]). Такимъ образомъ, академіи приходилось разставаться съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она пробыла болѣе, чѣмъ полтораста лѣтъ,—которое благословили константинопольскіе патріархи. Но нужно было покориться. 5 іюня митрополитъ Самуилъ Миславскій уже сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ при Трехсвятительской церкви на Старомъ Кіевѣ новой бурсы для учениковъ. Распорядителемъ работъ назначенъ былъ выдубицкій архим. Іеронимъ[2]). Въ ожиданіи новыхъ помѣщеній академія оставалась въ Братскомъ монастырѣ. Но перемѣщенію академіи не суждено было осуществиться. Въ 1787 году въ Кіевъ пріѣхала сама Государыня Екатерина II. По личному ходатайству м. Самуила, она измѣнила свое прежнее повелѣніе. Теперь она приказала 1) академіи всегда оставаться въ бывшемъ Братскомъ монастырѣ; 2) для академическихъ разнаго званія служителей приказано оставить академіи конюшенный бывшаго Братскаго монастыря домъ, а для выгрузки изъ воды и храненія дровъ—находящійся при Днѣпрѣ такъ называемый Броварный домъ, освободя эти дома отъ постоя; равнымъ образомъ приказано къ академіи оной отвесть загородный домъ и выгонную землю противъ второкласныхъ монастырей; 3) приказано оставить въ пользу академіи каменныя строенія подлѣ каменной колокольни бывшаго Братскаго монастыря для отдачи ихъ въ наймы[3]). Этимъ же указомъ академіи приказывалось „имѣющіяся въ оной строенія содержать къ исправности"[4]). Согласно этому

---

[1]) Полн. собр. зак т. XXII, № 16, 375 п. 6.

[2]) Консистор. арх. д. 1786 г. № 859.

[3]) Указъ 1787 г. 15 марта. Полн. собр. зак. т. XXII, № 16517.

[4]) Тамъ же, п. 1.

повелѣнію, немедленно было приступлено къ исправленію обветшалыхъ академическихъ построекъ. На вновь подаренномъ академіи конюшенномъ дворѣ оказавшіяся въ неисправности избы для служителей, сараи и конюшни въ томъ же 1787 году были частію исправлены, частію вновь выстроены [1]. Чрезъ два года академическое начальство ходатайствовало о позволеніи взамѣнъ обветшалыхъ деревянныхъ учительскихъ келій выстроить новыя, что и сдѣлано было съ разрѣшенія митрополита. Выстроены были: одинъ деревянный домъ о трехъ покояхъ съ келіями для префекта академіи и другой о четырехъ покояхъ для учителей [2]. Въ это же время была исправлена каменная ограда съ западной стороны монастыря [3]. Вѣроятно, вскорѣ послѣ этого была выстроена при учительскихъ келіяхъ каменная поварня [4]. Вмѣстѣ съ приказаніемъ содержать въ исправности академическія зданія въ указѣ приказано было „построить на академическую сумму при студентскомъ каменномъ домѣ каменную больницу и для того оной домъ распространить сколько потребно" [5]. Но, благодаря большимъ расходамъ на исправленіе обветшалыхъ зданій, съ одной стороны, съ другой—потому, что городъ не отводилъ для больницы мѣста [6], приказаніе это не могло тотчасъ исполниться. Больница академическая по прежнему находилась въ сиротскомъ домѣ, вмѣстѣ съ помѣщеніемъ здоровыхъ учениковъ [7].

Только въ 1798 году, когда была уже увеличена штат-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 3, № 66.

[2]) Тамъ же, т. 3, №№ 70 и 98; т. 4, № 7.

[3]) Тамъ же, т. 3, № 70.

[4]) Такъ можно думать на томъ основаніи, что въ 1795 году митрополитъ приказалъ сломать, какъ совершенно ненужную, старую деревянную поварню бывшую при учительскихъ келіяхъ (Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 81).

[5]) Полное собр. зак. т. XXII, № 16, 517, п. 5.

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 98.

[7]) Тамъ же.

ная академическая сумма, начата была постройка новой больницы на броварномъ дворѣ близъ студентскаго дома. Къ декабрю слѣдующаго года она была окончена [1]) и обошлась въ 2161 р. 71 к. штатной суммы [2]). Это было деревянное на каменномъ фундаментѣ зданіе съ десятью окнами, четырьмя печами, отдѣланными изразцами и особымъ помѣщеніемъ для служителей [3]). Въ немъ находилось три покоя и баня [4]). Постройка столь благоустроенной больницы свидѣтельствуетъ, что благосостояніе академіи все увеличивалось и увеличивалось. Академія въ 1801 году нашла для себя возможнымъ даже выстроить собственную баню для всѣхъ учениковъ. Но противъ этого вооружились содержатели городскихъ и общественныхъ бань [5]). Несмотря на неоднократное ходатайство м. Гавріила Бануленко, академія такъ и не могла достигнуть разрѣшенія отъ администраціи на постройку собственной бани [6]). Но за то въ это время академія выстроила каменное одноэтажное зданіе въ три покоя для академическаго правленія [7]). Благодаря увеличенію средствъ, академія получила возможность содержать большее количество учениковъ на казенней пищѣ; а отсюда явилась потребность расширить столовый покой при сиротскомъ домѣ. Въ 1804 году, съ разрѣшенія м. Серапіона, приступлено было къ составленію плана и смѣты для новой пристройки къ старой столовой, при чемъ митрополитъ принималъ во всемъ

---

[1]) Консист. арх. д. 1800 г. № 422.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 120.

[3]) Консист. арх. д. 1800 г. № 422.

[4]) Изъ днев. м. Серапіона. Тр. к. д. ак. 1882 г., октябрь, ст. 228.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 78 (рук. б. к. ак. № 725).

[6]) Въ описаніи академіи, представленномъ въ ноябрѣ 1802 г. графу Завадовскому, нѣтъ упоминанія объ академической банѣ (ак. К.-Бр. мон. и ак. т. 4, № 7).

[7]) Тамъ же.

личное участіе. Въ слѣдующемъ году 28 августа онъ благословилъ и начало работы [1]). Еще чрезъ годъ заключенъ былъ контрактъ на починку иконостаса въ конгрегаціонной церкви [2]). Въ 1807 году средства академіи увеличились вдвое. Это дало возможность въ іюлѣ слѣдующаго года начать постройку второго этажа на каменномъ сиротскомъ домѣ [3]). Чрезъ два года онъ былъ возведенъ, но еще не былъ отдѣланъ [4]), когда академію постигло страшное несчастіе.

9-го іюля 1811 года вспыхнулъ на Подолѣ пожаръ, испепелившій до 1400 домовъ. Жертвою этого пожара была и академія [5]). Изъ всѣхъ зданій послѣ пожара внѣ монастыря остался невредимъ каменный сиротскій домъ, но принадлежавшія ему деревянныя постройки погорѣли всѣ. Изъ монастырскихъ зданій наименѣе пострадала монашеская трапезная, гдѣ на время и была построена Братская церковь [6]). Несмотря на такое опустошеніе, академія продолжала свое существованіе. Сиротскій домъ уцѣлѣлъ для помѣщенія учениковъ. Такъ какъ это было каникулярное время, то въ немъ могли помѣститься почти всѣ ученики. Нѣкоторые же изъ нихъ помѣщены были въ митрополичьемъ домѣ; тамъ же помѣстились и трое изъ учителей [7]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 117 (рук. б. к. ак. № 725) и ак. К.-Бр. м. и ак, соб. Аскоч, т. 4, № 18.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и акад.. собр Аскоч. т. 4, № 19,

[3]) Акты К.-Бр м. и ак. № 141 (рук. б. к. ак. № 725). Изъ дневн. м. Серапіона. Тр. к. д. ак. 1882 г., ноябрь, стр. 340.

[4]) „Изъ дневн. митр. Серапіона". Тр. к. д. ак. 1882 г, ноябрь, стр. 351 и 353.

[5]) „Изъ дневн. м. Серапіона". Тр. к. д. ак. 1882 г., ноябрь, стр. 354. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 33. Здѣсь говорится, что академія сгорѣла 9 іюля, а потому мнѣніе Аскоченскаго (ч. 2, стр. 463—464) о пожарѣ академіи 8 іюля невѣрно.

[6]) „К.-Брат. училищный монастырь" Н. Мухина, стр. 209.

[7]) „Изъ дневн. м. Серапіона" Труды к. д. академіи 1882 г., ноябрь, стр. 354, 367 и др.

Немедленно приступлено было къ поправкѣ академическаго корпуса, въ которомъ находились классы. Наиболѣе пострадала верхняя часть этого зданія, нижняя же часть уцѣлѣла настолько, что въ ней почти не поотпадала штукатурка. Поэтому къ началу учебнаго года нижній этажъ зданія былъ исправленъ, и въ немъ размѣщены всѣ классы. Но такъ какъ такое размѣщеніе было очень стѣснительно, то съ разрѣшенія митрополита нижній грамматическій классъ былъ помѣщенъ въ трапезѣ сиротскаго дома, а россійскій классъ перемѣщенъ въ Софійскій соборный домъ [1]). Въ сиротскомъ же домѣ устроена была конгрегаціонная церковь. Сюда перенесена была церковь изъ лаврскаго митрополичьяго дома [2]). Вслѣдъ за этимъ произведена покрышка академическихъ зданій частію годнымъ старымъ, а частію новымъ желѣзомъ [3]). Контрактъ на покрышку академическихъ зданій былъ заключенъ 7-го декабря 1811 года, а на слѣдующій день митрополитъ приказалъ лаврской типографіи выдать въ долгъ академіи 8000 рублей [4]). Вскорѣ же дана была книга для сбора пожертвованій въ пользу академіи. Въ первые же дни было собрано отъ знатнѣйшихъ лицъ города 4950 рублей, въ томъ числѣ 2000 руб. отъ самого митрополита [5]). Расходовалась также и процентная сумма. Въ апрѣлѣ 1812 года на построеніе погорѣвшей академіи по Высочайшему повелѣнію приказано было выдать 29000 р. [6]). Эти деньги употреблены были на поправку корпуса, въ которомъ помѣщались классы; изъ нихъ же возвращена была сумма, занятая изъ процентныхъ денегъ [7]). Послѣ покрышки корпуса

---

1) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 167 (рук. б. к. ак. № 725).
2) „Изъ дневн. м. Серапіона“ Тр. к. д. ак. 1882 г., ноябрь, стр. 358.
3) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4. № 35.
4) „Изъ днев. м. Серапіона“ Труды к. д. акад., ноябрь, стр. 356.
5) Тамъ же, стр. 356—357.
6) Тамъ же, стр. 359.
7) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 42.

приступлено было къ его отдѣлкѣ. Между тѣмъ доканчивалась отдѣлка второго этажа сиротскаго дома, не оконченная до пожара [1]), а также приступлено было къ постройкѣ деревянныхъ зданій при сиротскомъ домѣ. Въ 1813 году были построены амбары, сараи и заборъ вокругъ сиротскаго дома [2]). Въ слѣдующемъ году приступлено было къ постройкѣ больницы [3]) Чрезъ два года она была окончена и въ присутствіи митрополита освящена 25 марта [4]). Въ 1815 году оконченъ былъ отдѣлкою и такъ называемый классическій корпусъ. По указу дикастеріи назначена была комиссія при участіи трехъ постороннихъ лицъ—протоіереевъ—Алышевскаго, Маньковскаго и Семеновскаго для пріема починеннаго корпуса. По осмотрѣ оказалось, что не все сдѣлано исправно. Подрядчикъ обязанъ былъ исправить указанные недостатки. Приказаніе было исполнено, и въ началѣ слѣдующаго года корпусъ былъ совершенно оконченъ [5]). Очевидно, что въ это время, когда строились академическія зданія, академія не имѣла всѣхъ тѣхъ удобствъ въ помѣщеніи, которыми она пользовалась до пожара. Но въ это же время ей пришлось испытать и новое несчастіе. Въ печальную годину отечественной войны, по приказанію военнаго губернатора Милорадовича, не смотря на несогласіе митрополита, была занята часть сиротскаго дома аптекою—6 комнатъ въ верхнемъ этажѣ и 5 въ нижнемъ, да, кромѣ того, половина поварни. Только въ сентябрѣ 1814 года, послѣ долгихъ хлопотъ митрополита, аптека была переведена изъ сиротскаго дома [6]). Обозрѣніе исторіи академическихъ зданій показываетъ, что въ началѣ разсматриваемаго нами періода помѣщеніе академіи было весьма

---

[1]) Тамъ же, т. 4, № 39.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 183 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) „Изъ дневн. м. Серапіона" Труды к. д. ак. 1883 г., февр., стр. 319.

[4]) Тамъ же, стр. 325.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 194 (рук. б. к. ак. № 725). Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 42.

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 175 (рук. б. к. ак. № 725).

неудовлетворительно. Затѣмъ, оно постепенно улучшалось, исключая времени пожара въ 1775 году. Къ 1811 году академическія зданія достигли значительной степени благоустройства. Нарушенное въ этомъ году пожаромъ, оно мало по малу начало возстановляться къ концу существованія академіи.

в) *Содержаніе учителей.*

Большинство учителей жило на даровыхъ академическихъ квартирахъ, помѣщавшихся въ особыхъ келіяхъ или чуланахъ и называвшихся учительскими. Для учителя каждаго ординарнаго класса была опредѣленная квартира. Перемѣщеніе изъ одного ординарнаго класса вело за собою соотвѣтственное перемѣщеніе изъ одной квартиры въ другую [1]). Учителя экстраординарныхъ классовъ также часто жили въ Братскомъ монастырѣ. Если вновь опредѣленный учитель былъ монахъ, то онъ иногда получалъ квартиру вмѣстѣ съ монастырскою братіею; свѣтскимъ же учителямъ помѣщеніе давалось въ учительскихъ келіяхъ, при чемъ бывали случаи, что въ одномъ чуланѣ жило по двое учителей. Сравнительно немногіе изъ учителей жили внѣ монастыря на собственныхъ квартирахъ. Очевидно, что женатые учителя не могли жить въ монастырѣ. Правда, свѣтскихъ женатыхъ учителей мы видимъ очень малое количество въ старой академіи. Обычао женитьба соединялась съ полученіемъ священническаго мѣста, а съ нимъ соединялась по большей части квартира при церкви. Съ переходомъ во владѣніе академіи—послѣ закрытія Братскаго монастыря—конюшеннаго дома, въ немъ иногда назначались квартиры для учителей. Часто при опредѣленіи квартиры учителю руководились личными его обстоятельства-

---

[1]) При опредѣленіи въ тотъ или другой классъ учителямъ въ указѣ обычно и писалось: „жить въ квартирѣ учителя такого то класса".

ми. Такъ, нерѣдко можно встрѣтить въ распоряженіяхъ объ отводѣ квартиры учителю выраженіе: „по бѣдности" такого-то „дать ему квартиру въ Братскомъ монастырѣ, если окажется". Если учителемъ въ низшій классъ назначался студентъ высшаго класса, то онъ нерѣдко оставлялся на прежней своей квартирѣ, напримѣръ, при дѣтяхъ, которыхъ онъ былъ репетиторомъ.

Кромѣ квартиръ, почти до упраздненія Братскаго монастыря учителя получали изъ него всѣ съѣстные припасы. Среднимъ числомъ содержаніе каждаго учителя стоило болѣе восьмидесяти рублей, если переводить на деньги стоимость издерживаемой провизіи по цѣнамъ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка [1]). Въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ,

[1]) Въ 1743 году ректоръ академіи съ братіею монастыря представилъ вѣдомость сколько издерживается монастыремъ на содержаніе учителей. Эта вѣдомость требовалась въ Св. Синодъ, намѣревавшійся въ то время уравнять содержаніе учителей кіевской академіи съ славяно-греко-латинской московской. Въ вѣдомости слѣдующимъ образомъ исчисляется содержаніе учителей: „на осми нынѣ имѣющихся человѣкъ учителей на хлѣбъ муки ржаной на тиждень (недѣлю) выходитъ одна четверть, въ годъ четвертей пятьдесятъ двѣ, з одной четверти хлѣбовъ сорокъ два, на день осми человѣкамъ хлѣбовъ шесть, на философѣческаго полтора, на язическаго одинъ, на реторическаго, нынѣ указомъ вашего преосвященства въ казнодѣи опредѣленномъ, одинъ хлѣбъ, на граматицкаго інфимѣскаго одинъ хлѣбъ, на фарискаго полхлѣба, и того на день на осми шесть, а въ годъ двѣ тисячи деватьдесятъ хлѣбовъ, смякая хлѣбъ по двѣ копѣйки денегъ, сорокъ два рубля восемьдесятъ копѣекъ; пива на философѣйскаго гарцовъ два и на протчихъ по гарцу, на осми на день гарцовъ девять, а въ годъ три тисячи двѣсти восемьдесятъ пять, гарнецъ смякая по три копѣйки, денегъ деватьдесятъ восемь рублей пятьдесятъ пять копѣекъ; муки пшеничной на булки, на галушки на одного въ годъ по три четверти, на осми четвертей двадцать четири, смякая на деньгу четверть по рублю, денегъ двадцать четири рубля; муки гречной на одного по три жъ четверти, на осми въ годъ четвертей двадцать четири, смякая на денгу четверть по пятьдесятъ копѣекъ, денегъ двадцать рублей; пшена на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей четири, четверть по рублю по сороку копѣекъ, денегъ пять рублей восемьдесятъ копѣекъ; крупъ гречаныхъ на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей четири, смякая на денгу четверть по восемьдесятъ копѣекъ, денегъ три

порціи, выдаваемыя учителямъ, увеличивались или уменьшались. Напримѣръ, когда бывалъ въ монастырѣ медъ, то и его давали учителямъ; сыръ и масло также давались тогда, когда они были въ монастырской „палатѣ". Тоже бывало и съ свѣжею рыбою: иногда она давалась въ одной, а иногда въ двухъ „стравахъ", въ зависимости отъ того, достаточно ли было въ монастырѣ своей рыбы, или ея недоставало[1].

рубля двадцат копѣекъ; гороху на одного по полчетверти, въ годъ четири четверти, на осми, смякая на денгу четверть по рублю, денегъ четири рубли; сира, масла на одного двѣ дѣжки, на осми въ годъ шестнадцать, смякая дѣжку по полтора рубли, денегъ двадцать три рубли; на свѣжую рибу, по справки съ книгами монастирскими зашнурними, на сметану, на яйца, на молоко, кромѣ опредѣленныхъ, въ годъ виходитъ на осми денегъ двѣсти пятьдесятъ рублей тридцат двѣ копѣйки и три полушки; валой рибы на одного тисяча, на осми въ года тисячъ восемь, смякая на денгу тисячу по три рубли, денегъ двадцать чтири рубли; грибовъ на одного по тисячи, на осми въ годъ тисячъ восемь, смякая на денгу тисячу по рублю, денегъ восемь рублей; соли на одного по тисячи, на осми въ годъ тисячъ восемь, смякая на денгу тисячу по рублю, денегъ восемь рублей; варива—бураковъ бочка, капусти бочка на одного, а на осми въ годъ шестнадцать, смякая на денгу бочку по рублю, денегъ шестнадцать рублей; олѣи на осми по двѣ кварти на день, кварти по десяти копѣекъ, въ годъ посныхъ дней, напримѣръ, сто тридцать семь виходитъ квартъ двѣстѣ семьдесятъ четири, денегъ двадцать семь рублей сорокъ копѣекъ; цибули на одного вѣнковъ тридцать, на осми въ годъ двѣстѣ сорокъ, смякая на денгу вѣнокъ по 3 копѣйки, денегъ сѣмъ рублей двадцать копѣекъ; на свѣчки на осми въ годъ тридцать рублей; на частнокъ, на петрушку, на капусту и на протчое зелля на осми въ годъ десять рублей; на корѣнне на осми въ годъ десять рублей; горѣлки на осми въ годъ дается разовъ четири на философійскаго по шесть квартъ, а на протчихъ семи учителей по четири кварти, въ годъ на осми сто тридцать шесть квартъ, смякая на денгу кварту по десяти копѣекъ, денегъ тридцатъ рублей шестьдесятъ копѣекъ; дровъ на вареніе кушанья и на опалъ келій на одного по пятьдесятъ колодъ, на осми въ годъ колодъ четириста плитовъ четири, плитъ смякая на денгу по семи рублей, денегъ двадцать восемь рублей,—итого всѣхъ денегъ шестьсотъ пятьдесятъ пять рублей восемьдесятъ сѣмъ копѣекъ и три полушка" (Арх. Консист. 1757 г. № 19). Нельзя однако считать эту вѣдомость постоянною нормою, отъ которой не было вовсе отступленій.

[1]). Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 21.

Столъ получали учителя обычно въ общей трапезѣ съ братіею. Однако бывали случаи, что провизія въ сыромъ видѣ выдавалась учителямъ на домъ; это бывало съ тѣми изъ нихъ, кто жилъ по квартирамъ [1]). Тѣмъ не менѣе не всѣ учителя получали монастырскія порціи. Обычно учителя изъ иностранцевъ не получали порцій [2]). Не получали ихъ иногда и нѣкоторые изъ природныхъ русскихъ учителей [3]). Какъ видно, учителя получали изъ Братскаго монастыря совершенно достаточное для пропитанія количество пищи. Тѣ же, которымъ выдавалась двойная порція, могли даже продавать остатки изъ столовыхъ продуктовъ. Не смотря на это, учителя не всегда бывали довольны своими порціями. Дѣло иногда доходило даже до жалобъ митрополиту на монастырскихъ— намѣстника и архимандрита [4]).

Неудивительно, что учителя такъ ревниво охраняли свое право на монастырское пропитаніе,—оно было главнымъ источникомъ ихъ содержанія. По сознанію учителей и самого митрополита, учителя старой Кіевской академіи терпѣли большую нужду въ своемъ содержаніи „не по примѣру другихъ академій, коллегій и семинарій“ [5]). Пользуясь, хотя и не всѣ, довольно хорошимъ пропитаніемъ отъ монастыря, для удовлетворенія остальныхъ своихъ нуждъ они получали весьма малое и неопредѣленное денежное вспомоществованіе. Только послѣ введенія въ академію штатнаго оклада жалованье учите-

---

[1]) Вотъ, напр., въ какомъ количествѣ получалъ провизію изъ Братскаго монастыря учитель французскаго языка Василій Люппа: „житной муки дойницъ 8, пшеничной дойницу 1, гречаной дойницъ 2, крупъ гречаныхъ дойницу 1, пшена дойницу съ половиною, гороху ½ дойницы, сала пудовъ 2, соли пудовъ 2, рыбы пеиги 500, олѣи ведеръ 4, масла коровьяго пудовъ 2, пива бочку, сивухи ведеръ 8, на опалъ колодъ 30 (Конс. арх. д. 1780 г. № 1638).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак № 725),

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 12.

[4]) Тамъ же, т. 2, № 16 и 21.

[5]) Консистор. арх. д. 1754 г., № 167.

лей дѣлается болѣе опредѣленнымъ До митр. Тимоѳея Щербацкаго учителя не получали никакого опредѣленнаго жалованья. Источниками для удовлетворенія ихъ насущныхъ нуждъ были такъ называемыя митрополичьи консоляціи и деньги, собираемыя съ учениковъ. Консоляціи были двоякаго рода: однѣ—постоянныя, ежегодныя, а другія—случайныя, временныя. При митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ въ пользу учителей изъ консоляціи ежегодно раздѣлялось 165 руб. по слѣдующему росписанію: „на телеоліологійскаго—двадцать пять рублей, на философійскаго—двадцать, на греческаго двадцать пять рублей, на реторицкаго—семнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, поэтицкаго—пятнадцать рублей, синтаклицкаго—пятнадцать рублей, граматицкому—дванадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, інфимѣскому—дванадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ“ [1]. При митр. Тимоѳеѣ Щербацкомъ консоляція была значительно увеличена. Кромѣ того, митрополитъ „Ясаловалъ особливо на одѣяніе отъ себя денгами, и при оныхъ денгахъ, и платьемъ, и когда единъ разъ, а иногда и дважды“ [2]. При м. Гавріилѣ Кременецкомъ ежегодная консоляція выдавалась въ такихъ же размѣрахъ, какъ и при митрополитѣ Рафаилѣ [3]. Въ послѣдующее время, послѣ отнятія въ казну церковныхъ имуществъ, ежегодныя консоляціи пре-

---

[1]) Консистор. арх. д 1757 г. № 19. Представленное росписаніе уже показываетъ, что учителя получали не равное жалованье. Учителя высшихъ классовъ обычно получали больше учителей низшихъ классовъ. Но не было опредѣленной нормы, по которой бы постоянно производился раздѣлъ. Пропорціональное отношеніе между количествомъ жалованья учителей мѣнялось. Иногда ректоръ получалъ въ три, а то и въ два раза больше, чѣмъ учителя низшихъ классовъ; тоже и учителя высшихъ классовъ иногда получали въ два раза, а иногда въ полтора—больше учителей низшихъ классовъ. Это нужно сказать не о консоляціяхъ только, но и о другихъ суммахъ.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч, т. 2, № 21. При м. Тимоѳеѣ Щербацкомъ консоляція увеличена была на столько, что каждый учитель получалъ изъ нея въ общемъ до 60 рублей (Тамъ же).

[3]) Правда, въ это время на учителей раздѣлялось 200 р. консоляцій-

кратились, но не прекращались частныя пожертвованія митрополитовъ учителямъ [1]).

Сборы съ учениковъ имѣли неопредѣленный характеръ. Большая часть этихъ сборовъ выпадала на долю префекта. Всѣ ученики должны были являться изъ дому къ префекту „съ поклономъ и знатною консоляціею“ [2]). Потомъ, онъ такъ же, какъ и учителя, имѣлъ такъ называемое „калефакторство“ (инспекторскій надзоръ). Префектъ имѣлъ надзоръ общій, а учителя каждый въ своей школѣ. За этотъ трудъ дѣти богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родителей послѣ отпусковъ изъ домовъ своихъ привозили „малую толику“ [3]). Какъ долго существовалъ указанный источникъ доходовъ, сказать трудно; однако въ 1802 году его уже не было [4]).

Со времени митр. Арсенія Могилянскаго по просьбѣ учителей начала раздѣляться имъ на жалованье слѣдуемая часть изъ 200 рублей, выдаваемыхъ изъ малороссійскаго скарбу [5]) Деньги изъ малороссійскаго скарбу всегда раздѣлялись такимъ образомъ: ректоръ и учитель богословія получалъ 16 руб., префектъ и учитель философіи 14 р. 50 коп., учитель риторики 12 р. 40 к., учитель піитики 10 руб., учитель синтаксимы 8 р. 40 коп., учитель грамматики 8 р. 40 коп., учитель аналогіи 8 р. 40 коп., учитель польскаго языка и ариѳметики 4 р. 20 коп., учитель еврейскаго языка 7 р. 85 к., учитель французскаго языка 8 р. 40 коп.; за преподаваніе нѣмецкаго языка платилось 7 р. 75 коп.,—греческаго языка 8 р. 40 коп.; за великую инструкцію 6 р. 50 коп., за малую—

скихъ, но нужно принять во вниманіе, что теперь было большее число учителей (Кон. арх. д. 1780 г. № 1638).

[2]) Случаи такихъ подарковъ нерѣдко упоминаются въ дневникѣ м. Серапіона. Тр. к. д. ак. 1882 г. ноябрь и декабрь и 1883 г. февраль.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 16.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, т. 4, № 7.

[5]) Случаи раздѣленія этой суммы были и при предшествующемъ м. Тим. Щербацкомъ, но они вскорѣ прекратились (ак. К.-Бр. м. и ак., соб. Аск. т. 2, № 21).

4 р. 60 коп.[1]). Съ 1766 года жалованье учителей увеличилось. Съ этого года изъ пожалованныхъ на академію 500 рублей—250 р. раздѣлялось между учителями[2]). Дѣлились они слѣдующимъ образомъ: ректоръ и учитель богословія получалъ 50 руб., префектъ и учитель философіи—30 руб., учитель риторики—20 руб., учитель пiитики—18 руб., учителя синтаксимы, грамматики, инфимы и аналогіи—по 15 руб., учителя языковъ—греческаго, еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго—по 15 руб.; за великую инструкцію платилось 7 руб., за малую—5 руб. Съ введеніемъ преподаванія польскаго языка учителю этого предмета платилось 7 р. 50 коп. изъ 250 рублей, отдѣлявшихся на учащихся[3]). Съ 1775 года за преподаваніе еврейскаго и греческаго языковъ прибавлялось къ жалованью каждому изъ учителей этихъ предметовъ по 60 руб. изъ процентной суммы, пожертвованной на этотъ предметъ Варлаамомъ Лящевскимъ[4]). Съ 1770 года до 1780 къ жалованью учителя французскаго языка дѣлалась прибав-

[1]) Акты к. д. ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) По мнѣнію В. Аскоченскаго (ч. 2, стр. 301) эта сумма до первыхъ лѣтъ управленія кіевскою митрополіею Гавріиломъ Кременецкимъ находилась „въ непосредственномъ распоряженіи ректора“, а онъ раздѣлялъ ее „на учителей и учениковъ“. Но, во-первыхъ, въ самомъ указѣ 7 апрѣля 1765 года „повелѣно означенные деньги дѣйствительно на учащихся и обучающихъ по Его Преосвященства разсмотрѣнію употреблять всегда“ (Акты К. Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 3. № 26); во-вторыхъ, уже въ 1766 г. и въ послѣдующіе годы деньги, какъ показываютъ акты, пополамъ дѣлились на учащихъ и учащихся по распоряженію м. Арсенія Могилянскаго (тамъ же).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 26. Консит. арх. д. 1774 г. № 174. Въ этомъ документѣ сказано, что деньги и прежде всегда такъ раздѣлялись. Въ примѣчаніи 336 (ч. 2, стр. 538) Аскоченскій представляетъ иное раздѣленіе указанныхъ 250 р., бывшемъ въ 1773 г. Но и это раздѣленіе было произведено по указанному выше росписанію, только нѣкоторые учителя получили прибавку жалованья за временное преподаваніе порученныхъ имъ, по отъѣздѣ въ Петербургъ ректора арх. Тарасія, предметовъ (Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 43).

[4]) Акты К. д. ак. № 16 (рук. б. к. ак. № 725). Впослѣдствіи эти деньги употреблялись на другіе предметы.

ка изъ суммы, пожертвованной на этотъ предметъ архіепископомъ Московскимъ, епископомъ Бѣлгородскимъ и другими архіереями [1]). Кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, дѣлалась нѣкоторая прибавка къ жалованью учителей изъ процентной суммы, такъ что всего жалованья, кромѣ митрополичьей консоляціи, въ послѣдніе годы существованія Братскаго монастыря учителя получали по слѣдующему окладу: учитель богословіи получалъ въ годъ 99 руб., учитель философіи 81 руб., учитель риторики латинской 69 руб., учитель риторики и поэзіи россійской 69 руб., учитель латинской поэзіи 60 руб., учителя вышняго, средняго и нижняго грамматическаго классовъ, вышняго класса французскаго языка, ариѳметики и географіи и исторіи по 51 рублю, учителя еврейскаго и греческаго языковъ по 75 руб., учитель нѣмецкаго класса и учитель нижняго класса французскаго языка, какъ иностранцы,—первый—144 р., второй—180 руб.,—всѣ вмѣстѣ учителя получали 1311 р. въ годъ [2]). При митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ учителя получали вознагражденіе за произносимыя ими проповѣди; именно, имъ платилось за каждую произнесенную проповѣдь по 2 р. [3]).

Незадолго до закрытія Братскаго монастыря былъ измѣненъ порядокъ продовольствія имъ учителей. По распоряженію м. Самуила Миславскаго „въ прекращеніе всегдашняго неудовольствія часто неправильно отъ учителей происходящаго и онымъ причиняемаго архимандриту и ректору затрудненія, отпускать изъ денегъ Братскаго монастыря доходовъ на покупку учителями по собственному ихъ изобрѣтенію и произволенію провизіи по нижеслѣдующему: „учителю богословіи, префекту и учителю философіи—по 15 коп. на день,

---

[1]) Акты к. д. ак. № 8 (рук. б. к. ак. № 725). Въ 1780 году была сдѣлана послѣдняя прибавка изъ этой суммы въ 50 рублей. (Консист. арх. д. 1780 г. № 1638).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Консист. арх. д. 1773 г. № 27

учителямъ латинской риторики, россійской элоквенціи и поэзіи и латинской поэзіи—по 14 коп. на день, а остальнымъ—по 13 коп. на день. Кромѣ того, приказано всѣмъ выдавать дрова, хлѣбъ и огородныя овощи,—выдачу производить въ началѣ недѣли или мѣсяца по желанію учителей [1]).

Но такой порядокъ существовалъ недолго. Со времени упраздненія въ 1786 г. Братскаго монастыря и назначенія на академію штатнаго оклада учителя должны были содержаться на одно жалованье, не получая провизіонныхъ. Только съ открытіемъ вновь въ 1799 г. Братскаго монастыря свѣтскіе изъ учителей, жившихъ въ немъ, получали свѣчи и дрова [2]). Но за то указомъ 15-го марта 1787 года позволено зачислять учителей въ число монаховъ Лавры съ назначеніемъ имъ положеннаго по штату Лавры на монаховъ жалованья [3]). Впослѣдствіи, дѣйствительно, многіе изъ учителей состояли соборными іеромонахами Кіево-Печерской Лавры [4]). Между тѣмъ, учителя не сразу послѣ назначенія штатной суммы получили увеличенный окладъ жалованья. Сначала дѣлались только частныя прибавки къ жалованью учителей [5]). Но съ 1789 года учителя начали получать жалованье по слѣдующему увеличенному окладу: за преподаваніе богословіи положено въ годъ 300 р., за преподаваніе философіи — 250 руб., — риторики — 200 р., — піитики — 160 р., — математики — 100 р., — высшей грамматики — 130 р., — средней грамматики — 120 р., — низшей — 100 р., — ариѳметики и рисованія — 100 р. [6]), — еврейскаго языка — 50 р., — французскаго

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак. № 725). Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3. № 59.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 7.

[3]) Полное собр. зак. т. XXII, № 16517, т. II.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 57, 71, 149, 197 и др. (рук. б. к. ак. № 725). Акты К.-Бр. мон. и ак., соб. Аскоч. т. 4, № 7.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 59, 64 (р. б. к, ак. № 725). Ак. К.-Бр. мон. и а., собр. Аскоч. т. 3, № 69.

[6]) Въ росписаніи положено 50 р., но митрополитъ приказалъ прибавить еще 50 рублей.

языка — 400 р., — нѣмецкаго языка — 200 р., — польскаго языка — 50 р., — исторіи — 50 р., — географіи — 50 р.; библіотекарю жалованья 50 р., казначею 50 р. [1]). Это первое росписаніе не было постояннымъ. Оно измѣнялось незначительными прибавками или отбавками. Общая прибавка послѣдовала съ 1798 года, когда вмѣсто 9000 р. академія стала получать 12000 рублей. Нужно, однако, замѣтить, что прибавка послѣдовала не за преподаваніе каждаго предмета; напротивъ, за каждый предметъ учитель сталъ получать меньше. Но такъ какъ теперь было увеличено число предметовъ, то на долю каждаго учителя приходилось преподавать по нѣскольку предметовъ и въ общемъ получать большее жалованье [2]). Въ описаніи академіи Иринея Фальковскаго 1802 года представлено такое росписаніе жалованья учителямъ за каждый предметъ въ отдѣльности:

За богословіе	350 р.,
— философію	300 р.,
— высшій классъ россійскаго и латинскаго краснорѣчія	200 р.,
— россійскую и латинскую риторику	200 р.,
— россійскую и латинскую поэзію	180 р.,
— высшій грамматическій классъ	150 р.,
— средній	130 р.,

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 72.

[2]) Такъ, напр., въ 1798 году учитель богословія преподавалъ еще смѣшанную математику и получалъ за первый предметъ 280 р., а за второй 70 р., — всего 350 р.; учитель философіи и теоретической физики—300 р; учитель риторики и вмѣстѣ библіотекарь—200 р.; учитель латинской поэзіи—130 р.; учитель поэзіи и риторики россійской, исторіи и географіи—350 р.; учитель высшаго класса грамматики—170 р.; учитель средняго класса грамматики и нижняго класса нѣмецкаго языка 220 р.; учитель нижняго класса грамматики и еврейскаго языка—200 р; учитель греческаго языка—130 р., польскаго языка—100 р.;—рисованья и чистой математики—170 р., учитель высшаго класса нѣмецкаго языка—100 р., учитель ариѳметики—100 р. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т 3. № 98.

— нижній	. . . .	110 р.,
— еврейскій языкъ	. . . .	100 р.,
— высшій классъ еллино-греческаго языка	. . .	150 р.,
— нижній	. . . .	100 р.,
— простой греческій	. . . .	70 р.,
— высшій классъ французскаго языка	. . . .	150 р.,
— нижній	. . . .	100 р.,
— практическій	. . . .	150 р.,
— высшій классъ нѣмецкаго языка	. . . . .	150 р.,
— нижній	. . . .	100 р..
— польскій языкъ	. . . .	80 р.,
— смѣшанную математику	. . . .	100 р.,
— высшій классъ чистой математики	. . . . .	80 р.,
— нижній	. . . .	70 р.,
— высшій классъ ариѳметики	. . . .	50 р.,
— средній	. . . .	40 р..
— нижній	. . . .	30 р.,
— четвертый историческій и географич. классы	.	50 р.,
— 3-й	. . . .	40 р.,
— 2-й	. . . .	30 р.,
— 1-й	. . . .	30 р.,
— классъ сельской и домашней экономіи	. . .	150 р.,
— русскую школу	. . . .	80 р..
— рисованіе	. . . .	50 р.,
— и за нотное пѣніе.	. . . .	50 р.[1]

По послѣднему увеличенному окладу учителя стали получать весьма значительное жалованье. Такъ, въ 1813 году жалованье получено въ такомъ размѣрѣ:

ректоръ академіи въ годъ	. . . .	1000 р.,
префектъ	. . . .	600 р.,

учитель—соборный іеромонахъ Мелетій за высшее

---

[1]) Тамъ же т. 4, № 7.

краснорѣчіе 350 р., да за высшій нѣмецкій классъ 300 р.,—

всего. . . . . , ... 650 р.,

учитель—іеромонахъ Кандидъ за нижній французскій классъ 200 р., да за содержаніе библіотеки 150 р.,—

всего . . . . , . . : . . . . . 350 р.

учитель—священникъ Стефанъ Семяновскій за латинскую и россійскую риторику 400 р., да за высшій греческій классъ 200 р.,—

всего . . . . 600 р.

учитель Калистратъ Соколовскій за поэзію 360 р., за высшій ариѳметическій классъ 70 р., за 3-й историческій и географическій—70 р., за экономію 100 р.,—

всего . . . . 600 р.,

учитель Аѳанасій Галинскій за высшій грамматическій классъ 300 р., за 2-й историческій, ариѳметическій и географическій классы 120 р.,—

всего . . . . 420 р.

учитель Діонисій Куницкій за средній грамматическій классъ 260 р., за высшій французскій классъ 300 р., за нижній классъ греческаго языка 200 р., за суперинтендентство 100 р.,—

всего въ годъ . . . . 860 р.,

учитель Григорій Августиновичъ за нижній грамматическій классъ 220 р., за нижній ариѳметическій 50 р., за первый историческій и географическій 50 р.,

всего . . . . 320 р.,

учитель—священникъ Іоакимъ Игнатовичъ за еврейскій языкъ . . . . 100 р.,

учитель—священникъ Георгій Дейнекинъ за нижній нѣмецкій. . . . . 150 р.,

учитель Максимъ Берлинскій за институтный исторический и географическій классы . . . . . 300 р.,
учитель Николай Куницкій за смѣшанную математику . . . , ... 200 р.,
учитель Игнатъ Гловацкій за высшій классъ чистой математики 300 р., за польскій языкъ 150 р., за 4-й историческій и географическій классы 80 р.,—
всего . . . . 530 р.,
учитель Иванъ Петрусевичъ за нижній классъ чистой математики 130 р., за рисованіе 60 р.,—
всего . . . . 190 р.,
учитель россійскаго класса Петръ Пелехинъ. . . 100 р.,
учитель Семенъ Лободовскій за ирмойное пѣніе . 50 р. [1])

Нужно, однако, замѣтить, что всѣ указанные оклады не были строго опредѣленными и постоянными. Часто при назначеніи на тотъ или другой предметъ учителя жалованье ему увеличивалось сообразно съ прежними его заслугами [2]). Бывали случаи, когда окладъ этотъ увеличивался даже вдвое [3]). Часто при назначеніи на мѣсто новому учителю предлагался меньшій окладъ, чѣмъ онъ полагался обычно, по прошествіи же нѣкотораго новаго времени этотъ окладъ увеличивался [4]). Несчастныя обстоятельства, разстраивавшія имущественное состояніе учителей, иногда также сопровождались увеличеніемъ имъ жалованья. Такъ было послѣ пожара 1811 года [5]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 45. В. Аскоченскій (ч. 2, стр. 466) приводитъ неправильное росписаніе жалованья учителямъ за 1813 годъ. Въ этомъ документѣ отдѣльно представлено росписаніе жалованья за каждую половину года. Аскоченскій, просмотрѣвши это, полугодовое жалованье принялъ за годовое.

[2]) Акты К.-Бр мон. и ак. № 186 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Консистор. арх. д. 1763 г. № 110.

[4]) Акты К.-Бр., мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4. № 36.

[5]) Тамъ же, т. 4, № 37.

г) *Содержаніе учениковъ.*

До второй половины XVIII-вѣка въ числѣ имѣній Братскаго монастыря и академіи не было ни вотчинъ, ни какихъ либо другихъ угодій, подаренныхъ на сиротскій домъ и на живущихъ въ немъ [1]). Также и „изъ другихъ какъ кіевскихъ всѣхъ, такъ и заднѣпровскихъ, кромѣ малаго временемъ провизіоннаго подаянія, ничего окладного ни денежнаго, ни провизіоннаго не производилось" [2]). Естественно, что при такомъ положеніи дѣла для академіи было „невозможно въ Бурсѣ живущихъ всѣхъ, яко въ немаломъ всегда числѣ находящихся, снабдить и съ малымъ удовольствіемъ" [3]), по доношенію же академіи 1773 года, въ сиротскомъ домѣ „живало по триста восемдесятъ и до четырохъ сотъ человѣкъ" [4]), „а имѣли оны препитаніе и содержаніе себѣ отъ доброхотныхъ дателей" или „спрошенною милостынею" [5]). Даянія на бурсу были различнаго характера. Иногда они были довольно крупныхъ размѣровъ. Такъ, напр., митрополитъ Арсеній Могилянскій ежегодно выдавалъ деньги на четыре плота дровъ для отопленія бурсы [6]). Такое же ежегодное подаяніе на отопленіе и другія нужды было производимо изъ Кіево-Выдубицкаго монастыря при игуменѣ его Сиѳѣ [7]). Ежегодныя пожертвованія съѣстными припасами и деньгами были и при м. Гавріилѣ

---

[1]) Акты К. Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Копія съ грамотъ и выписей, относящихся къ академіи Кіевской, найденныхъ при Св. Синодѣ (рук. б. к. ак. I. 1. 26).

[3]) Тамъ же.

[4]) Акты К Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. ак. № 725).

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 9, (рук. б. к. ак. № 725).

[7]) „Кіевъ съ академіей" В. Аскоченскаго, т. 2, пр. 282, стр. 581.

Кременецкомъ отъ Софійскаго монастыря [1]). Крупныя пожертвованія на бурсу бывали и отъ частныхъ лицъ [2]).

Но подобныя жертвы были случайны и рѣдки. Обычно ученики содержались „спрошенною милостынею". „По обыкновенію и нуждѣ своей" они расхаживали по Кіеву и пѣли предъ домами болѣе зажиточныхъ гражданъ, выпрашивая подаяніе [3]).

Но со второй половины прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, проникшихъ къ намъ съ запада, какъ само правительство, такъ и лица, ближе стоявшія къ академіи, начинаютъ обращать вниманіе на положеніе учащихся и заботиться объ ихъ содержаніи. Уже въ 1766 году въ указѣ о ежегодномъ отпущеніи 500 рублей на академію повелѣно было половину изъ нихъ употреблять на содержаніе учащихся. Это была первая постоянная сумма, для нихъ предназначенная. По своей незначительности она, однако, не могла удовлетворить всѣхъ нуждавшихся. Изъ этой суммы можно было выдавать ученикамъ только простыя шубки, да сапоги по парѣ на зимнее время [4]). Въ чумное время 1771 и 1772 годовъ, когда въ бурсѣ жило всего около 40 человѣкъ, изъ указанной суммы питомцамъ покупались хлѣбъ и крупа для пропитанія [5]). Видя всю недостаточность существующихъ средствъ для содержанія не только всѣхъ учащихся, но даже тѣхъ, которые жили въ сиротскомъ домѣ, митрополитъ Гавріилъ Кременецкій въ письменномъ завѣщаніи 4 сентября

---

[1]) Копіи съ грамотъ и записей, относящихся къ акад. Кіевск., найденныхъ при св. Синодѣ (рук. б. к. ак. I. I. 26).

[2]) Напримѣръ, отъ малороссійскаго гетмана 100 р. (Конс. арх. д. 1761 г., № 5), или 100 р. отъ полковницы Изюмскаго полку (акты К.-Бр. мон. и ак. № 725); отъ епископа Крутицкаго Самуила Миславскаго 100 р.; отъ Давида Нащинскаго 200 р. (Конс. арх. д. 1757 г. № 71).

[3]) Консист. арх. д. 1765 г. № 496.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 12 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Тамъ же.

1779 года приказалъ ежегодно тратить на учащихся проценты изъ положенныхъ имъ въ банкѣ 30000 р. Деньги распредѣлены были имъ такъ: на 50 человѣкъ студентовъ богословіи отпускать по 1 рублю на мѣсяцъ, на десять учебныхъ мѣсяцевъ 500 рублей; на столько же студентовъ философіи по 80 коп. на мѣсяцъ, на годъ 400 р.; на 50 студентовъ риторики по 60 коп. на мѣсяцъ, 300 р. въ годъ и на 50 учениковъ піитики по 40 к. на мѣсяцъ, 200 рублей на годъ. При этомъ академическому начальству приказывалось соображаться съ дѣйствительною нуждою учащихся, выдавать деньги только не могущимъ на свои средства учиться. Такимъ образомъ, первое благодѣяніе коснулось однихъ старшихъ учениковъ академіи, которыхъ болѣе, чѣмъ младшихъ, стѣснялъ унизительный способъ ихъ обычнаго пропитанія. Ученики же младшихъ классовъ и теперь еще не были освобождены отъ необходимости и „спѣвать" и „мирковать" подъ окнами и дверьми кіевскихъ гражданъ, выпрашивая подаяніе. Подтверждая впослѣдствіи въ 1784 году 10 февраля завѣщаніе м. Гавріила, м. Самуилъ Миславскій приказалъ, чтобы деньги эти выдавали ученикамъ въ началѣ мѣсяца,—впередъ. При этомъ онъ дополнилъ распоряженіе м. Гавріила приказаніемъ варить для учениковъ низшихъ классовъ, живущихъ въ бурсѣ на процентныя деньги, ежедневно щи и кашицу въ мясоѣдъ съ саломъ, а въ постъ—съ постнымъ масломъ, а также выдавать имъ хлѣбъ, соль и другое необходимое. Для завѣдыванія столомъ назначенъ былъ особый надзиратель—іеродіаконъ Кіево-Братскаго монастыря Арсеній Дончевскій. Онъ обязанъ былъ составлять и представлять ежемѣсячныя вѣдомости расходовъ на бурсацкій столъ [1]). Обезпеченіе пищею

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак. № 725). Подлинное завѣщаніе м. Гавріила напечатано у В. Аскоченскаго (ч. 2. стр. 305—307). Съ этого времени борщъ и каша сдѣлались постоянными блюдами учениковъ, живущихъ въ бурсѣ. Въ „Дневникѣ" м. Серапіона, который нерѣдко посѣщалъ бур-

младшихъ учениковъ, жившихъ въ сиротскомъ домѣ, естественно, вызвало запрещеніе ходить по городу за милостынею. Митрополитъ отдалъ строгое приказаніе, чтобы этотъ— теперь уже не необходимый—обычай былъ прекращенъ [1]). Такимъ образомъ, была удовлетворена одна изъ существеннѣйшихъ потребностей жизни учениковъ.

Другой потребности — одѣянію учащіеся должны были удовлетворять сами. Какъ мы видѣли, кромѣ одной пары сапоговъ и теплыхъ шубокъ, выдававшихся ученикамъ съ 1766 года, они ничего отъ академіи не получали. Но немногіе изъ нихъ и сами могли имѣть не только приличную одежду, но даже и бѣлье. Въ какомъ печальномъ положеніи находились многіе изъ жившихъ въ сиротскомъ домѣ учениковъ, показываетъ отвѣтъ академіи на приказаніе м. Самуила Миславскаго въ 1784 г. озаботиться ей пріисканіемъ одной или двухъ прачекъ для мытья ученическаго бѣлья. Академическое начальство доносило митрополиту, что лучше не нанимать прачки „какъ по другимъ резонамъ, такъ особливо и для того, что нѣкоторые изъ живущихъ въ томъ (сиротскомъ) домѣ совсѣмъ почти и не имѣютъ рубахъ, особливо же другого бѣлья, и крайнѣйшую въ томъ узнаютъ нужду". По мнѣнію академіи, утвержденному митрополитомъ, нужно лучше, чѣмъ нанимать прачекъ, пошить неимущимъ бѣлье, потребо-

---

сацкую столовую, есть весьма частыя упоминанія объ академическихъ кушаньяхъ. Вмѣсто борща у него иногда упоминаются щи. О борщѣ иногда говорится, что онъ былъ съ таранью, а одинъ разъ—въ день чудотворца Николая 9 мая—съ мясомъ. Каша обычно называется просяною. Въ день чудотворца Николая вмѣсто каши были галушки съ мясомъ. Но мясное кушанье въ „нарочитые" дни было введено въ послѣдующее время, когда академія съ 1797 года стала получать увеличенный окладъ. Въ распоряженіи м. Самуила о мясѣ нѣтъ упоминанія (акты К. Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 2). Обычно м. Серапіонъ говоритъ, что борщъ и каша бурсацкія были „довольно вкусны". Есть также упоминанія объ ужинѣ. Труды Кіевской дух. академіи 1882 г., ноябрь и декабрь и 1883 года—февраль, стр. 232, 237, 239, 336, 347, 351 и др.

[1]) Акты К.-Бр. мон. и академіи № 45 (рук. б. к. ак. № 725).

вавъ на него холста отъ каѳедральнаго и другихъ монастырей [1]).

Болѣе улучшилось положеніе учащихся со времени увеличенія штатной суммы въ 1797 году. Съ этого времени на содержаніе живущихъ въ сиротскомъ домѣ изъ 12000 рублей штатной суммы отпускалось 4000 рублей. По росписи, сдѣланной академическимъ правленіемъ, на эти деньги могло содержаться 50 человѣкъ на полномъ содержаніи и еще 150 на одной пищѣ. Расходъ денегъ распредѣлялся такимъ образомъ: 1) на чуйку по 12 руб. каждая,—пятидесяти человѣкамъ—600 р. Но такъ какъ чуйка должна служить три года, то всякій годъ должно зачисляться въ расходъ 200 р., а 400 р. нужно считать заимообразными; 2) на 50 шубъ, по 9 р. каждая—450 р. Но такъ какъ и шуба должна служить три года, то въ расходъ зачислять ежегодно 150 р..—впродолженіе трехъ лѣтъ; 3) на 50 шапокъ, по 1 рублю каждая—50 р.; 4) на шляпы лѣтнія, по 60 к. каждая—30 р. 5); на 50 халатовъ, по 2 р. 50 коп.—125 р.; 6) на 150 рубахъ, по 3 рубахи каждому, по 1 рублю рубаха—150 р. 7) нижняго платья по три штуки, каждая 48 коп.—72 руб.; 8) за пошитье бѣлья, по 20 коп. за пару—30 р.; 9) за сто паръ сапоговъ, каждая по рублю—100 р. и 10) за 50 пришвъ, по 80 коп.—40 р.; 11) постели на 50 человѣкъ, по 6 р. каждая—300 р. Но такъ какъ онѣ дѣлаются навсегда и требуютъ только ремонта, то для сего положить всего 100 руб. На харчи для всѣхъ 200 учениковъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ казеннокоштныхъ, считаются 32 человѣка, присылаемые изъ семинарій для продолженія образованія,—нужно 3000 пудовъ ржаной муки; полагая пудъ муки по 45, выходитъ 1350 руб.; 2) пшена и крупъ гречневыхъ 50 четвертей, каждая по 7 р.—350 р.; 3) соли 100 пудовъ по 40 к.—40 р.; 4) са-

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б.к. д. ак. № 725).

ла свиного 50 пудовъ, по 3 р.—150 р.; 5) на говядину въ „нарочитые" дни—50 р.; 6) конопляного масла 50 пудовъ, по 3 р.—150 р.; 7) на варево разнаго рода—80 рублей. Итого—для стола студентскаго слѣдуетъ 2170 рублей [1]). При этомъ было предположено не совсѣмъ обветшалыя чуйки передѣлывать въ халаты [2]). На обязанности эконома лежало имѣть подробную опись одежды каждаго казеннокоштнаго воспитанника съ обозначенiемъ въ ней прочности или обветшалости каждой вещи. Для тѣхъ воспитанниковъ, которые пользовались одною только пищею, одежду должны были представлять ихъ родители и родственники или попечители [3]). Распредѣленiе того, кто изъ родственниковъ или попечителей и сколько долженъ былъ доставлять необходимой для ученика одежды или денегъ для покупки ея, лежало на обязанности дикастерiи [4]) Не смотря на это, многiе изъ питомцевъ „по небреженiю домашнихъ ихъ попечителей" ходили почти нагiе. Нѣкоторые изъ нихъ получали „изъ домовъ своихъ, хотя подлое одѣянiе". а другiе такъ „и вовся всего" лишены были [5]). Чтобы увеличить попечительность родственниковъ о воспитанникахъ академическихъ, правленiе постановило не принимать въ сиротскiй домъ на пищу тѣхъ, у кого не было приличнаго одѣянiя или за кого не поручится попечитель, что будетъ доставлять ему одежду [6]). Суперинтендентамъ бурсы повелѣно было инструкцiею наблюдать, чтобы прибывавшiе въ сиротскiй домъ своекоштные воспитанники имѣли одежду, о неимущихъ же доносить академическому правленiю [7]).

Норма, опредѣленная для сиротскаго дома, почти ни-

---

[1]) Актъ К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 2.

[2]) Тамъ же.

[3]) Попечителями бывали иногда лица, занявшiе приходъ, гдѣ жилъ умершiй отецъ ученика.

[4]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 80 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Акты К.-Бр. мон и ак. № 80 (рук. б. к. ак № 725).

[6]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 89 (рук. б. к. ак. № 725).

[7]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4. № 9.

когда не соблюдалась. Такъ въ 1804 году въ сиротскомъ домѣ сверхъ положенныхъ 50 человѣкъ находилось 75 человѣкъ, принятыхъ разновременно по резолюціямъ митрополитовъ [1]). Всѣхъ же на казенной пищѣ въ это время въ бурсѣ было 258 человѣкъ [2]). Очевидно, что увеличеніе количества бурсаковъ вело за собою ухудшеніе ихъ содержанія, хотя къ штатной суммѣ дѣлались добавки—сравнительно незначительныя—изъ суммы процентной [3]). Увеличеніе оклада въ 1807 году позволило увеличить и число живущихъ въ сиротскомъ домѣ. Въ 1812 году ихъ было около 400 человѣкъ,—число, уменьшившееся, впрочемъ, въ томъ же году до 300, вслѣдствіе занятія части сиротскаго дома военною аптекою [4]).

Но въ сиротскомъ домѣ жили только сироты и тѣ изъ имѣющихъ родителей, которые, дѣйствительно, не могли содержаться на свой счетъ [5]). Остальные же, которые составляли около $^{2}/_{3}$ всего числа учащихся, жили внѣ академіи. Болѣе богатые жили на частныхъ квартирахъ на средства своихъ родителей. Положеніе этихъ зависѣло, конечно, отъ состоянія и заботливости о нихъ ихъ родителей. Бывали между учениками и очень богатые, имѣвшіе возможность пользоваться хорошимъ столомъ и весьма прилично, даже роскошно, одѣваться [6]). На квартирахъ у богатыхъ учениковъ или

---

[1]) Акты. К.-Бр. мон. и ак. № 108 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 117 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Такъ, въ 1801 г. эта добавка сдѣлана въ размѣрѣ 735 р. 29½ коп. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 108 (р. б. ак. ак. № 725).

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Нужно замѣтить, что и дѣти свѣтскихъ принимались наравнѣ съ духовными въ сиротскій домъ. Это ясно изъ вѣдомости 1773 г., гдѣ указаны родители ихъ (акты К.-Бр. мон. и ак. № 12. рук. б. к. ак. № 725). Въ 1801 году воспитанниковъ изъ духовныхъ въ сиротскомъ домѣ было 128, а остальные до нормы—200, или же больше, были свѣтскіе (акты К.-Бр. мон. и ак. № 80. рук. б. к. ак. № 725). Даже иностранцы иногда были принимаемы въ сиротскій домъ (акты К.-Бр. мон. и акад. № 41. рук. б. к. ак. № 725).

[6]) Въ инструкціи Рафаила Заборовскаго ученикамъ, одѣвающимся по модѣ, запрещено смѣяться надъ обычной академической одеждою (акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. I, № 4). Отъ одного изъ умершихъ студентовъ оста-

богатыхъ семействъ жили бѣдные изъ студентовъ высшихъ классовъ въ качествѣ репетиторовъ, такъ называемыхъ „инспекторовъ". За свои труды инспектора получали иногда, кромѣ квартиры и стола, жалованье, а иногда только квартиру и столъ [1]); нѣкоторые же получали одно только жалованье [2]). Размѣры жалованья были весьма различны, завися отъ состоятельности репетируемаго ученика [3]). Приходилось иногда ученикамъ браться и за болѣе тяжелую и унизительную работу. Чтобы получить самое необходимое, они нерѣдко поступали въ услуженіе къ другимъ лицамъ [4]).

Нѣкоторые изъ учениковъ, имѣвшихъ хорошій голосъ, были принимаемы въ митрополичій хоръ и получали содержаніе изъ митрополичьяго дому [5]). Другіе же изъ студентовъ

лась такая цѣнная одежда, что по его смерти она была продана за 240 рублей. Между его одеждой была, напр., фрачная пара, стоившая болѣе 80 р.,— жилетъ, стоившій 7 руб. (акты К.-Бр. мон. и ак. № 187, рук. б. к. ак. № 725).— Бывали и такіе, которые находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ митрополита. Митрополитъ сохранялъ ихъ деньги, выдавая имъ по мѣрѣ надобности. Родители же, съ своей стороны, дѣлали митрополиту за услугу значительные подарки (Кон. арх. д. 1754 г. № 26).

[1]) Конс. арх. д. 1754 г. № 318; Актъ К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 13. Невѣрно, значитъ, утвержденіе В. Аскоченскаго (ч. 2, стр. 173), что инспектора несли свой трудъ „изъ одного лишь тепла да насущнаго пропитанія".

[2]) Консист. арх. д. 1754 г. № 182.

[3]) Такъ, одинъ изъ студентовъ получалъ за обученіе ученика въ годъ 40 р. и по двѣ пары сапогъ и рубахъ (тамъ же), другой за годъ получалъ всего 3 р. (Консист. арх. д. 1769 г. № 36).

[4]) Такъ, наприм., въ 1766 году ученикъ академіи Иванъ Садурскій нанялся у намѣстника Кіево-Видубицкаго монастыря сторожемъ „для смотрѣнія состоящихъ на Звѣринскомъ близъ монастыря грунтѣ проса и пшеницѣ только до жатя, за что обѣщано дать... кожухъ и чоботи" („Кіевъ съ академіей" ч. 2, стр. 227—228; подлинникъ въ архивѣ К.-Видубицкаго монастыря).

Другой ученикъ риторики Іеремія Певеновскій былъ въ услуженіи у своего учителя Ивана Самойловича впродолженіе трехъ—до 1783 года—лѣтъ за одно обѣщаніе вознагражденія (Акты К.-Бр. мон. и ак. № 36 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 137 (рук. б. к. ак. № 725). Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3. № 112.

которые умѣли пѣть и читать въ церкви или, хотя и не умѣли, но имѣли къ тому способность, могли жить въ школахъ, существовавшихъ при нѣкоторыхъ церквахъ. При вступленіи въ школу они должны были получить благословеніе отъ настоятеля и, поступивъ, находились въ полномъ его вѣдѣніи. За квартиру, получаемую при школахъ, они должны были въ обычные дни поочередно по два или больше, а въ воскресные и праздничные—всѣ вмѣстѣ пѣть и читать на клиросѣ, даже звонить, если не было при школѣ сторожа, лежало на нихъ обязанности. Жили они иногда вмѣстѣ, если комната была одна, съ учениками школы и дьячкомъ, а если было двѣ комнаты, то въ одной помѣщались они, а въ другой—дьячекъ съ своими учениками. Обычно дьячекъ обучалъ дѣтей русской грамотѣ, а студенты—учениковъ, уже дошедшихъ до латыни. Студентамъ запрещалось отбивать доходъ у дьячка переманиваніемъ къ себѣ его учениковъ. Только по желанію отца ученика или усмотрѣнію настоятеля, студенту давалось право заниматься съ ученикомъ, обучающимся еще русской грамотѣ. Кромѣ платы за обученіе дѣтей, доходы студентовъ состояли въ сборахъ на праздники Рождества и Воскресенія Христова. Въ эти дни три или четыре изъ живущихъ въ школѣ, по опредѣленію сеньора ея, должны были ходить по прихожанамъ для сбора въ общую пользу [1]). Не смотря на то, что все изложенное подтверждено было инструкціей, оно не всегда исполнялось. Часто въ школахъ жили непоющіе, а поющіе—нерадиво исполняли свои обязанности. Все это вызывало неудовольствіе на студентовъ со стороны причта и прихожанъ [2]). Жившіе въ школахъ студенты обычно не имѣли общаго стола, а питались каждый про себя [3]). Въ такомъ положеніи ученики, жившіе по школамъ, находились до смер-

---

[1]) Консист. арх. д. 1754 г. № 175; Ак. К.-Вр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1, № 34.

[2]) Конс. арх. д. 1754 г. № 175.

[3]) „Изъ дневн. м. Серапіона“ Тр. К. д. Ак. 1882 г., октябрь, стр. 232.

ти м. Іерооея Малицкаго. Онъ же незадолго до своей смерти приказалъ выдавать изъ процентной суммы сиротамъ изъ духовныхъ и разночинцевъ—кормовыя деньги по 90 коп. въ мѣсяцъ. Его преемниками это распоряженіе было утверждено [1]). Съ этого времени м. Серапіонъ приказалъ завести общій столъ для живущихъ по школамъ учениковъ академіи, „особливо же для получающихъ деньги" [2]).

Такимъ образомъ, постепенно улучшалось содержаніе учениковъ академіи.

Заботы объ улучшеніи содержанія учениковъ выразились еще въ постепенномъ приведеніи въ надлежащій порядокъ академической больницы. Въ началѣ разсматриваемаго періода больница находилась въ печальномъ состояніи; на нее не отпускалось никакихъ средствъ. Сеньору бурсы предоставлено было право по всякому случаю обращаться къ начальству съ просьбою объ отпускѣ на больныхъ денегъ [3]). Для больныхъ студентовъ была въ сиротскомъ домѣ особая изба, гдѣ, однако, не всегда всѣ могли помѣститься. Постояннаго лѣкаря не было [4]). Состояніе больницы улучшилось при м. Гавріилѣ Кременецкомъ. Изъ процентовъ съ отпущенныхъ имъ на академію денегъ онъ повелѣлъ часть употреблять на лѣкарство и лѣкарей для больныхъ [5]). Съ этого времени на каж-

---

[1]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 116; Акты К-Бр. мон. и ак. № 113 (р. б. к. ак. № 725). Иногда довольно значительное число учениковъ получало это пособіе. Такъ, въ 1804 г. въ школѣ при Воскресенской церкви изъ 32 жившихъ въ ней студентовъ пособіе получали 12 человѣкъ. Въ тоже время въ школѣ при Николаевской церкви изъ 28 всѣхъ жившихъ въ ней студентовъ пособіе получали 20 человѣкъ. „Изъ дневника м. Серапіона" Тр. К. д. Ак. 1882 г., октябрь, стр. 232.

[2]) Тамъ же.

[3]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аск. т. 3, № 33.

[4]) Вслѣдствіе всего этого и больныхъ въ сиротскомъ домѣ иногда бывало весьма много. Такъ, въ 1769 г. въ февралѣ одновременно болѣло 44 человѣка, а въ другой разъ—29 человѣкъ. (Тамъ же).

[5]) Завѣщаніе м. Гавріила. „Кіевъ съ академіею" 7. 2, стр. 306.

даго больного ученика изъ процентной суммы отпускалось по двѣ копѣйки на день. Еще болѣе улучшилось состояніе больницы при мит. Самуилѣ Миславскомъ. По его порученію, академическое начальство сочло нужнымъ сдѣлать слѣдующія улучшенія въ больницѣ: 1) выдавать вмѣсто двухъ три копѣйки въ день на каждаго больного; 2) сдѣлать изъ холста войлоки, въ которые класть сѣно для постели, и нанять „портомою“ для ихъ мытья; 3) сдѣлать два или три легкихъ „нужника“; 4) сдѣлать ванну; 5) въ случаяхъ заразительныхъ болѣзней приглашать лѣкаря; 6) производить очистку воздуха куреніемъ уксуса, который вытребовать изъ монастырей[1]). Чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ этого въ декабрѣ 1704 года былъ нанятъ для академической больницы особый лѣкарь—іером. Ипатій[2]). По смѣтѣ ему положено было 50 р. жалованья въ годъ[3]). Послѣ іером. Ипатія, во время пребыванія врачемъ оператора Волчанецкаго, больница—хотя для нея было выстроено особое зданіе—была въ плохомъ состояніи по небрежности врача[4]). За небрежное исполненіе своихъ обязанностей Волчанецкій былъ уволенъ отъ должности въ 1801 году, а лѣченіе больныхъ снова предоставлено было іеромонаху Ипатію. Новымъ врачемъ назначенъ былъ Христіанъ Григорьевичъ Бунге. Онъ учился въ медицинскомъ институтѣ въ Петербургѣ и окончилъ образованіе въ Іенскомъ университетѣ[5]). Въ своемъ доношеніи м. Серапіону объ улучшеніи академической больницы онъ описываетъ, въ какомъ положеніи засталъ ее при опредѣленіи въ 1802 году на службу въ академію. „Больные ни малѣйшихъ не имѣли выгодъ,

---

[1]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 42 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т, 3, №№ 91, 96.

[4]) За семь мѣсяцевъ 1801 года умерло 17 человѣкъ, тогда какъ въ прежнее время умирало всего 5, и даже 2 человѣка. Ак. К-Бр. мон. и ак, № 79 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 142 (рук. б. к. ак. № 725).

нѣсколько кроватей стояло безъ постелей, посуды недоставало вовся, не было ни хирургическихъ инструментовъ, ни вѣсовъ, ни лѣкарствъ; за неимѣніемъ лѣкаря смотрѣлъ за больными монахъ, не имѣвшій никакого, или, по крайней мѣрѣ, недостаточное понятіе о медицинѣ" [1]). По ходатайству его, Бунге, при предшественникѣ Серапіона больница была приведена въ лучшее состояніе. 1) Назначено на медикаменты въ годъ 400 р.; 2) данъ помощникъ лѣкарю изъ студентовъ; 3) назначены студенты для прислуживанія больнымъ; 4) собираемы были травы, корни и цвѣты для лѣченія больныхъ. При м. Серапіонѣ „больные получили нужное для постели, больничное одѣяніе, лучшее содержаніе; строеніе больницы исправлено". Но чтобы довести ее „до положенія совершенной госпитали", по мнѣнію Бунге, нужно: 1) окрасить кровати зеленою краскою; 2) на кроватяхъ сдѣлать номера; 3) придѣлать къ каждой кровати дощечки для обозначенія болѣзни и дня принятія больного; 4) при каждой кровати должна быть оловянная кружка съ номеромъ для принятія лѣкарства или питья; 5) между кроватями долженъ быть столикъ; 6) нужно завести нѣкоторые хирургическіе инструменты; 7) сдѣлать шкафъ съ двумя отдѣленіями для лѣкарствъ и инструментовъ и 8) 4 стула для отдыха прохаживающихся больныхъ; 9) нужно 2 ножа съ вилками и 6 оловянныхъ ложекъ; 10) вмѣсто одной пищи для всѣхъ,—какъ было прежде,—теперь нужно готовить для больныхъ наружными болѣзнями ординарную пищу: борщъ или щи съ мясомъ или рыбой, кашу и рыхлый хорошо выпеченный хлѣбъ, для трудно же больныхъ варить нужно мясной или рыбный супъ съ мелкою крупой, кашу съ коровьимъ масломъ и черносливъ или яблоки съ бѣлымъ хлѣбомъ; 11) должно быть не менѣе 24 кроватей; 12) необходимо нанять служителя и 13) купить

[1]) Такой отзывъ сдѣлалъ Бунге объ іеромон. Ипатіѣ. Акты К.Бр. мон. и ак. № 162 (рук. б. к. ак. № 725).

часы. Митрополитъ приказалъ все это сдѣлать. Кромѣ того, ректору поручено имъ имѣть постоянный надзоръ за больницею, а префектъ обязанъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю посѣщать ее, а въ концѣ каждаго мѣсяца рапортовать въ правленіе о состояніи ея. Съ своей стороны Бунге прилагалъ всѣ старанія къ улучшенію больницы. Во избѣжаніе большихъ затратъ, онъ самъ съ студентами собиралъ разныя лѣчебныя травы и ими лѣчилъ больныхъ. Не обязанный лѣчить жившихъ внѣ академіи воспитанниковъ, онъ и имъ оказывалъ медицинскую помощь"[1]).

Постепенное улучшеніе содержанія учениковъ академіи далеко, однако, не дошло до полнаго ихъ обезпеченія. И въ послѣднее время существованія старой академіи только сравнительно небольшая часть ихъ пользовалась полнымъ казеннымъ содержаніемъ, немногіе получали квартиру и пищу, а изъ жившихъ по школамъ—90-копѣечное вспомоществованіе въ мѣсяцъ, остальные же по прежнему должны были жить на свой счетъ.

[1]) Въ какое благосостояніе пришла больница въ первую половину его службы показываетъ слѣдующая таблица:

Годы.	Число вступившихъ въ больницу.	Число выздоровѣвшихъ.	Число умершихъ.	Сумма, издержанная на лѣкарства. Руб.	Коп.
1802	199	185	—	207	94
1803	440	410	5	536	65
1804	355	374	17	355	51
1805	331	320	4	302	51
1806	346	342	6	392	97
1807	327	325	5	397	80
1808	314	315	5	394	45
1809	270	247	4	391	2
1810	444	439	7	377	31
1811	297	299	2	397	93
Всего .	3323	3257	55	3753	65

Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 142, 162 (рук. б. к. ак. № 725).

ГЛАВА III.

Учебно-вспомогательная часть.

Учебный курсъ.

Отъ первой половины XVIII-вѣка не сохранилось ни одной инструкціи,—можно думать, что такой инструкціи въ то время вовсе не было. Существовало общее раздѣленіе академическаго курса на классы и вообще намѣчено, чтó въ каждомъ классѣ долженъ былъ пройти учитель съ учениками. Классы раздѣлялись на ординарные и экстраординарные. Первыхъ было восемь: аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословіе; вторыхъ—три: классы языковъ—греческаго, а потомъ еврейскаго и нѣмецкаго. Въ какомъ же порядкѣ располагать частные предметы каждаго года и какими пользоваться при этомъ пособіями, это зависѣло отъ усмотрѣнія учителя. Провѣрки занятій учителей дѣлались чрезъ представляемые ими отчеты о томъ, чтó пройдено впродолженіе года, и—личный надзоръ ректора во время посѣщенія имъ классовъ. Установленный традиціею, этотъ порядокъ и поддерживался ею.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ этомъ отношеніи сдѣланы были существенныя перемѣны.—Въ 1751 году на существовавшій въ академіи порядокъ обратилъ вниманіе архи-

діаконъ Манассія Максимовичъ,—лицо, не принадлежавшее къ академической корпораціи, но ученое[1]) и, очевидно, интересовавшееся академическими дѣлами[2]). Онъ подалъ митрополиту Тимоѳею Щербацкому проэктъ улучшенія преподаванія предметовъ въ академіи[3]). По мнѣнію Манассіи Максимовича необходимо, чтобы префектъ съ учителями совмѣстно обсудили „чего кромѣ богословіи и философіи, начавъ одъ риторики по аналогію, всякій учитель, сверхъ предметовъ, коихъ тожъ основаніе и расположеніе должно общѣ здѣлатись, долженъ обучать, какихъ авторовъ экспликовать, какіе въ своей школѣ разговоры, а въ меньшихъ школахъ вокабулы ученикамъ означать". Такое упорядоченіе академическаго преподаванія необходимо для того, чтобы „ученики, чего въ одной школѣ научатся, тѣмъ бы могли въ другой школѣ пользоваться и первую школу за приготовленіе почти къ другой школѣ имѣли и учители не что всякъ по своему мнѣнію, но общимъ мнѣніемъ приговорится, обучали; ибо съ того, что еденъ обучаетъ иначе, другой иначе, бываетъ ученикамъ такое въ ученіи помѣшательство, что когда прійдетъ въ другую школу, то всіо дико показуется, какъ на другомъ свѣтѣ". Указавъ обще, что должно пройти въ первыхъ четырехъ школахъ, онъ поставляетъ цѣлью „дабы ученики всякаго штиля (латинскаго), яко то фамиліарного з разговоровъ и епистол, историческаго з гисториковъ и священнаго писанія з Евангелія могли хотя мало что увидѣть, пока до поэтики прійдутъ". О томъ же, какъ этого достигнуть „должно за общимъ согласіемъ здѣлать опредѣленіе на цѣлой годъ, нейначей, какъ бы кто едного

[1]) Въ это время онъ участвовалъ въ исправленіи Четіихъ Миней св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, для новаго ихъ изданія („Истор. СПВ. Д. Ак." И. Чистовича, стр. 28).

[2]) Впослѣдствіи онъ былъ ректоромъ академіи.

[3]) Проэктъ этотъ напечатанъ Аскоченскимъ. „Кіевъ съ Акад." ч. 2, стр. 161—165; Акты К.-Бр. м. и ак., собр. Аскоч. т. I, № 42. У Аскоченскаго пропущены первыя слова его и измѣненъ порядокъ пунктовъ.

человѣка долженъ обучать латинскаго языка еденъ, так тое на части раздѣлити на четирехъ учителей во обществѣ".— Также необходимо опредѣлить порядокъ преподаванія для піитики и риторики. Для этихъ послѣднихъ классовъ, какъ и для нижнихъ четырехъ школъ, опредѣлить, „какихъ кромѣ общеопредѣленныхъ прецептовъ авторовъ читать, какіе экзерцитаціи въ переводѣ и слогѣ такъ русскомъ, якъ и латинскомъ имѣть". Въ виду того, что въ шести низшихъ школахъ были преподаваемы только свѣтскія науки, Манассія Максимовичъ предлагалъ „дабы христіанскіе учители и ученики и въ сей части отъ язычниковъ разнствовали бъ, хорошо бъ и въ малихъ сихъ школахъ христіанскаго закона, хотя по малой части, обучать", а для этого, по его мнѣнію, нужно вмѣнить въ обязанность учителямъ низшихъ четырехъ школъ въ каждое воскресенье кратко объяснять ученикамъ катихизисъ и спрашивать у нихъ раньше объясненное, а учителямъ піитики и риторики объяснять ученикамъ Евангелія и посланія апостоловъ. Такъ какъ „указами Высокомонаршими повелѣвается священническихъ и причетническихъ дѣтей въ школы высылать, а то для того, дабы они въ школахъ вѣры и закона христіанскаго научившися, и другихъ научить могли", для этого всѣхъ студентовъ богословіи и философіи, готовящихся къ священству, заставлять писать по одной проповѣди въ мѣсяцъ, а по написаніи произносить въ школѣ съ каѳедры, а не желающихъ принимать священство заставлять дѣлать переводы съ историковъ, по два листа въ мѣсяцъ, потомъ, исправивъ эти переводы, отсылать ихъ въ митрополичью каѳедру. Къ сему обязать всѣхъ студентовъ богословіи и философіи неопустительно посѣщать диспуты. Наконецъ, учителямъ греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго языковъ предписать представлять въ началѣ года письменную программу того, что они будутъ проходить въ каждую треть или четверть года.

18 го ноября того же 1751 года митрополитъ приказалъ

отослать этотъ проэктъ въ академію для исполненія. Почти чрезъ годъ ректоръ Георгій Конисскій и префектъ Георгій Щербацкій во исполненіе приказанія митрополита представили мнѣніе о порядкѣ преподаванія предметовъ во всѣхъ классахъ, кромѣ философіи и богословіи [1]). Митрополитъ утвердилъ это мнѣніе „какъ полезное и добропорядочное" и прибавилъ къ нему нѣкоторыя правила изъ регламента и то, что было въ проэктѣ Манассіи Максимовича относительно преподаванія катихизиса и св. Писанія, составленія проповѣдей, переводовъ и диспутовъ [2]). Содержаніе инструкціи Конисскаго, изображающей учебный курсъ того времени, слѣдующее.

Въ школѣ аналогіи, подготовительной къ академическому курсу, положено было первое знакомство съ русскимъ и латинскимъ языками. Сообщивъ предварительныя свѣдѣнія, т. е. научивъ „дитинъ" различать части рѣчи, прямо переходили къ изученію латинскаго языка. Относительно этого послѣдняго инструкція предписывала: „латинскаго языка наклоненій и спряженій правильныхъ, ясно читая, учить; малую, что нарицаютъ Syntaxin, показать; генеральные регулы de partibus orationis, de generibus nominum, de declinatione, de praeteritis et supinis показывать; можно совокуплять и латвѣйшія speciales; тіижъ регулы, только читать на латинскомъ языкѣ, для экзерцитаціи въ чтеніи, велѣть и ради мѣстной памяти надлежитъ, а силу русскимъ языкомъ внушать; накло-

---

[1]) Мнѣніе представлено было 6 октября 1752 года. Аскоченскій (ч. 2. стр. 163) и преосв. Макарій Булгаковъ (стр. 126) приписываютъ составленіе указаннаго мнѣнія одному Георгію Конисскому, но это противорѣчитъ какъ приказанію митрополита, такъ какъ по проэкту Максимовича всѣ учителя „обще" должны были составить инструкцію, такъ и собственнымъ словамъ Георг. Конисскаго, представившаго проэктъ не отъ своего лица, а за своею и префекта подписью. Ак. ак., собр. Аскоч. т. I, № 46.

[2]) Мнѣніе Конисскаго напечатано въ „Ист. Кіев. ак." М. Булгакова (стр. 126—128) и въ соч. „Кіевъ съ академіей" Аскоченскаго (ч. 2, стр. 522 пр. 215). Опредѣленіе митрополита находится въ актахъ К.-Бр. мон., собр. Аскоч. т. I, № 46.

ненія и спряженія, читать сформованными цѣлыми рѣчами. Въ сію школу годится—Comenii lum latinatis, что можетъ служить ради такъ нарицаемыхъ оккупацій и экзерцицій. Между всѣмъ тѣмъ прилежно привыкать къ правописанію". Въ слѣдующей за аналогіею школѣ, инфимѣ, положено заниматься повтореніемъ пройденнаго, говорить de partibus orationis, de generibus nominum, de declinatione, de praeteritis—регулы со всѣми исключеніями, объяснять „регулы генеральніи самонужнѣйшіе съ великаго, какъ называютъ, Алвара" [1]), по „orbis pictus". Въ грамматикѣ, слѣдующемъ за инфимой классѣ, кромѣ подробнаго повторенія пройденнаго изучалась дальнѣйшая часть Алвара. Здѣсь присовокуплялась та особенность, что регулы должны были разбираться уже исключительно на латинскомъ языкѣ; кромѣ того, здѣсь вводились практическія занятія—переводы изъ Евангелія Castellionis „ово изъ латинскаго на русскій, ово изъ русскаго на латинскій" и, по возможности, Colloquia Ландіевы. Митрополитъ отъ себя рекомендовалъ употреблять для изъясненія, перевода и усвоенія сентенціи наизустъ Sebastianis Castellionis Sacros dialogos, а въ качествѣ учебника—грамматику, напечатанную въ Парижѣ по приказанію Людовика XIV, похваленную и регламентомъ (на л. 47). Въ послѣднемъ грамматическомъ классѣ, синтаксимѣ, по повтореніи пройденнаго, инструкція повелѣвала оканчивать латинскую грамматику,—„такъ, чтобы ничего въ Алварѣ неразумѣемаго не оставалось, совокупляя и рѣдкаго употребленія регулы; Syntaxin figuratam учить. Далѣе, знакомить учениковъ съ историческимъ стилемъ по исторіи Sulpitii. Митрополитъ кромѣ этого историка, согласно съ проэктомъ Максимовича, рекомендовалъ Іустина, „который есть авторъ чистаго языка латинскаго и переводить его полезно для экзерцитацій". Далѣе, „разсказавши вкратцѣ науку

---

[1]) Объемистая латинская грамматика, напечатанная для польскихъ школъ, а оттуда перешедшая въ русскія.

о періодахъ и о силѣ партикулъ", переводить „удобнѣйшія Цицероновы епистолы". „Въ сихъ школахъ, какъ и вездѣ, хорошо не оставлять чтенія Евангелія на латинскомъ и русскомъ языкѣ". Синтаксимой заканчивался рядъ низшихъ грамматическихъ школъ. Обученные латинскому языку, ученики переводимы были въ высшія школы, начинавшіяся съ піитики и послѣ изученія разнообразныхъ регулъ и формъ языка принимались за изученіе регулъ и формъ піитической и риторической рѣчи. По инструкціи Конисскаго, въ поэтикѣ полагалось повторить изъ грамматики „Syntaxin ornatam", науку о періодахъ и ихъ разборѣ и заниматься переводомъ писемъ Цицерона. Для изученія самой поэзіи преподавалась просодія съ подробными указаніями всѣхъ правилъ ударенія, наука о хріи, наука de generibus carminum съ присовокупленіемъ для примѣра стиховъ на русскомъ языкѣ Ѳеофана Прокоповича или Ломоносова, на латинскомъ—Бухананова, или Sannazarii, или ex fasciculo Fregeri,—изъясненіе троповъ и фигуръ. Въ риторикѣ занятія, главнымъ образомъ, должны были имѣть практическій характеръ. Прежде всего, нужно было „Elementa риторическія и по наукѣ онымъ praxin показать". Потомъ, начиналось чтеніе епистолъ Цицерона и переводъ, сколько возможно, на русскій языкъ „разумно и чисто", показывая при чтеніи „ихъ artificium и расположеніе, какіе тамъ періоды, тропы и фигуры, объявить, какія въ нихъ phrases elegantiores acumina variora, re 1 notatu digniores" и по прочтеніи назначая имитаціи имъ. Затѣмъ должно слѣдовать чтеніе поэмъ Горація, кои „на Россійскій языкъ переводить то стихами, то прозою; тѣже Poëmata переводить in prosam orationem на латинѣ", дѣлая также подробный ихъ разборъ. „Дошедши чтеніемъ до изобрѣтенія и расположенія и элiокуцій большихъ орацій нѣсколько Муретовыхъ рѣчей выучить, а прежде оныя разобрать по диспозиціи и элiокуціи и оныя велѣть ученикамъ съ каѳедры выговорить, чтобъ научиться можно было, что есть достойная

провунція, при такомъ чтеніи внушать, какъ надлежитъ авторовъ читать и имитовать". Въ заключеніе риторическаго курса положено пройти краткую діалектику, „понеже nemo est Rhetor nisi Philosophus". Въ инструкціи, согласно съ требованіемъ проэкта Максимовича, еще сдѣлано краткое указаніе того, что будетъ пройдено въ классѣ греческаго языка впродолженіе года. Здѣсь предположено „первую часть συνταξεως промовить и послѣднюю протолковать; о діалектахъ и просодіи прочитать, Посселліевы Colloquia читать; евангеліе читать; епиграммы назначать; Исократово увѣщаніе перевесть". Этимъ оканчивается инструкція Конисскаго. Въ ней не говорится о преподаваніи философіи и богословіи, согласно съ проэктомъ Манассіи Максимовича, по которому необходимо было только въ шести низшихъ школахъ установить опредѣленный порядокъ преподаванія. Философія и богословіе еще не были стѣснены опредѣленными рамками, изъ которыхъ они не могли выходить. Неизвѣстно, почему преподаватели языковъ еврейскаго и нѣмецкаго не представили конспектовъ своего преподаванія на предстоящій годъ.

Инструкція Георгія Конисскаго не имѣла значенія устава, преобразовывавшаго строй академической науки; ею только упорядочивалось то, что существовало раньше. Мысль объ упорядоченіи и улучшеніи академическаго учебнаго курса, проведенная въ проэктѣ Максимовича и отчасти осуществленная инструкціею Конисскаго, на этомъ не остановилась. Послѣ назначенія Георгія Конисскаго на епископскую каѳедру въ Могилевъ, ректоромъ назначенъ былъ Манассія Максимовичъ, префектомъ въ это время уже былъ Давидъ Нащинскій. Послѣдній, какъ окончившій свое образованіе на западѣ, зналъ, что философія Аристотеля, облеченная въ схоластическую форму, давно уже потеряла тамъ свой кредитъ,—что, поэтому, время и въ Кіевской академіи замѣнить эту устарѣвшую систему новою. Еще раньше Нащинскаго вліяніе новой философіи сказывалось въ чтеніяхъ по ней преподавателей

академіи. Освобожденіе отъ началъ Аристотелевой и схоластической философіи можно замѣчать въ чтеніяхъ Михаила Козачинскаго и Георгія Конисскаго. Но они, сознавая недостаточность принятой ими философской системы, не рѣшались замѣнить ее чѣмъ нибудь другимъ. На это рѣшился Давидъ Нащинскій. Онъ представилъ митрополиту Тимоѳею Щербацкому мнѣніе о необходимости введенія въ курсъ преподаванія системы Бавмейстера (Elementa philosophiae Recentioris),— одного изъ умѣреннѣйшихъ и многостороннѣйшихъ представителей Лейбнице — Вольфіанской философіи [1]). Выборъ Нащинскаго былъ весьма удаченъ. Ничего лучше нельзя было противопоставить разрушительной силѣ тогдашней французской философіи, какъ новыя системы солидной нѣмецкой философіи, особенно Лейбнице—Вольфіанской, наиболѣе благопріятной для философскаго обоснованія религіозныхъ истинъ. Выработанныя ею онтологическія понятія, какъ извѣстно, служатъ главнымъ основаніемъ для построенія всѣхъ раціональныхъ доводовъ, какими и до сего времени пользуются для подтвержденія религіозныхъ положеній. Вполнѣ сознавая превосходство философіи Бавмейстера предъ философіею Пурхоція, которымъ онъ обязанъ былъ руководиться, Нащинскій доказывалъ это превосходство въ доношеніи къ митрополиту. Не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, Тимоѳей Щербацкій обратился за совѣтомъ къ Георгію Конисскому, назначенному уже на Бѣлорусскую каѳедру, но жившему еще въ Кіевѣ. Преосвященный епископъ бѣлорусскій вполнѣ одобрилъ выборъ Нащинскаго. „Бавмейстерова лекція, писалъ онъ митрополиту, зъ большою пользою можетъ быти ученикамъ: ибо что ни учится въ ней, все основательно, твердо и ясно учится, и нѣтъ, кажется, ничего, что бы не было средствіемъ ко мѣтѣ философіи, то есть блаженному человѣческому житію. Логика его отъ смѣття схолястиковъ, можно сказать, седмижды перечищенная. Метафизика твердыя основаніе прочіими

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 4 (рук. б. К. ак. № 725).

дисциплинами по ея должности полагаетъ. Ethica человѣку къ познанію себе и своей должности чувствительно очы отворяетъ. Физики не видѣлъ и подобно нѣтъ ея, однако можно тотъ недостатокъ з Винклера или зъ другого согласнаго и въ принципіахъ сходного тотъ недостатокъ исполнить". Далѣе, какъ на достоинство этой системы, Конисскій указываетъ на ея жизненность, „напротивъ того въ Пурхоціевой философіи мощно сискивать что развѣ въ школѣ годится, а не въ житіи человѣческомъ" [1]). Книгой Бавмейстера, состоявшей изъ логики, метафизики и этики, съ прибавленіемъ къ нимъ физики, опредѣлялся курсъ философіи. Обычно требовалось весьма подробное изученіе книги Бавмейстера „не точно безъ опущенія единаго листа, но безъ оставленія единаго термина, который бы аккуратно, съ привнесеніемъ объ ономъ разныхъ философскихъ мнѣній, не изъясненъ былъ" [2]). Каѳедра философіи считалась труднѣйшею изъ всѣхъ другихъ каѳедръ и часто была не по силамъ наставникамъ [3]).

Послѣ упорядоченія преподаванія философіи, очередь оставалась за богословіемъ. Въ преподаваніи его все еще господствовала полная свобода. Первымъ возсталъ противъ нея Давидъ Нащинскій. Тотчасъ послѣ своего назначенія на ректорство онъ обратился къ митрополиту съ просьбою—точно опредѣлить, что онъ долженъ преподавать ученикамъ по богословію [4]). Такъ какъ еще не существовало опредѣленныхъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. I, № 50.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак.., собр. Аскоч. т. 2, № 23. Потомъ это опредѣленіе было внесено въ инструкцію.

[3]) Такъ въ 1759 году отъ нея отказался назначенный на нее Ѳеофилъ Леонтовичъ. „За слабостью силъ, писалъ онъ въ своемъ доношеніи, къ такому многотрудному дѣлу требуемыхъ, ученикамъ удовлетворенія сдѣлать не въ состояніи". Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 25.

[4]) Такое поведеніе, можетъ быть, было вызвано двусмысленнымъ отзывомъ о его преподавательской способности, сдѣланнымъ при избраніи его на ректорство Самуиломъ Миславскимъ. Рекомендуя Нащинскаго на должность ректора, учителя богословія и настоятеля Братскаго монастыря, Самуилъ замѣтилъ: „въ отправленіи означенныхъ должностей достаточенъ архимандритъ Слуцкій Да-

правилъ о преподаваніи этого предмета, то митрополитъ приказалъ руководствоваться въ преподаваніи богословія конспектами прежнихъ ректоровъ и—представить мнѣніе о наилучшей постановкѣ этого предмета въ академіи. Представляя митрополиту на усмотрѣніе конспекты предшествующихъ ректоровъ для выбора, что преподавать ученикамъ, Давидъ Нащинскій утверждалъ необходимость изученія „исповѣданія каѳолической и апостольской церкви“. Для учениковъ богословія, писалъ Нащинскій, „могла бы сія книжица служить имъ въ мѣсто цыносуры“ и по ней они отличали бы у каждаго автора истинное отъ ложнаго [1]). Митрополитъ сдѣлалъ обязательнымъ не только въ богословскомъ классѣ, но по субботамъ во всѣхъ классахъ —изученіе наизусть этой книги [2]). Этимъ и окончилась дѣятельность Нащинскаго въ преобразованіи преподаванія богословія, такъ какъ возникшій вскорѣ споръ между нимъ и академическою учительскою корпораціею отвлекъ его вниманіе на другіе предметы и лишилъ довѣрія митрополита.

Основаніе этой распри, имѣвшей вліяніе впослѣдствіи какъ на ходъ учебнаго дѣла, такъ и вообще на академическіе порядки, положено было еще при самомъ началѣ ректорской службы Давида Нащинскаго. Избраніе его на ректорство случи-

---

видъ Нащинскій буди только далекое мѣста разстояніе къ порученію помянутому архимандриту оныхъ должностей не воспрепятствуетъ: а притомъ буди оный архимандритъ прилежнѣе будетъ въ преподаваніи Богословія трудится, нежели въ показаніи философіи обращался“. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 5.

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 13. Въ урокахъ Давида Нащинскаго главное мѣсто дѣйствительно и занимало толкованіе „исповѣданія каѳолической апостольской Церкви“; остальная часть курса состояла: изъ изученія двухъ догматовъ—о преданіяхъ неписанныхъ и о добрыхъ дѣлахъ, необходимыхъ ко спасенію, по „Камню Вѣры“, изъ прочтеній евангелія отъ Матѳея съ толкованіемъ, изъ опроверженія неправославныхъ мнѣній и диспутовъ. Ак. К.-Бр. мон. и ак., соб. Аскоч. т. 2, № 23.

[2]) Тамъ же, т. 2, № 13.

лось противъ воли учителей, желавшихъ видѣть ректоромъ своего префекта Самуила Миславскаго,—главнымъ образомъ, по желанію членовъ консисторіи. Уже это одно не расположило учителей къ новому ректору. Если же еще прибавить сомнѣніе префекта и учителей въ преподавательскихъ способностяхъ Нащинскаго, его расположеніе къ монастырской братіи, съ которой у учителей въ это время была вражда изъ за содержанія ихъ столомъ, то нерасположеніе къ нему учителей еще болѣе объясняется. Новый ректоръ съ своей стороны, зная нерасположеніе учителей и надѣясь на поддержку консисторіи, чтобы поставить себя въ независимое положеніе по отношенію къ подчиненной ему академической корпораціи, просилъ „архипастырской инструкціи, которою опредѣлены бы были точнѣе предѣлы начальничеству ректорскому надъ учителями, понеже безъ таковаго опредѣленія неравно можетъ послѣдовать (чего жъ когда не бывало?) въ гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшимъ" [1]). Такая строгость, очевидно, еще болѣе подливала масла въ огонь. Скрытое неудовольствіе скоро перешло въ открытую вражду. Вражда эта, сопровождавшаяся неоднократными доношеніями митрополиту и окончившаяся сначала удаленіемъ Нащинскаго отъ преподаванія богословія, а потомъ и отъ ректорства [2]), еще ярче выдвинула вопросы,—о преподаваніи богословія, власти ректора, отношеніи его къ учителямъ и объ обязанностяхъ ихъ,—поставленные удаленнымъ ректоромъ и обнаружили другіе безпорядки, существовавшіе въ академіи. Между тѣмъ академія не имѣла опредѣленныхъ правилъ, на основаніи которыхъ можно бы было указанные вопросы разрѣшить [3]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 13.

[2]) Подробно описана она въ „Кіевской Старинѣ", 1889 г., апрѣльская книжка, „Очерки изъ ист. Кіевской Академіи" С. Голубева. Въ Актахъ К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоченскимъ, она изложена въ 2 т., №№ 4, 5, 13, 21 и 22.

[3]) Когда на просьбу Нащинскаго дать инструкцію для преподаванія богословія и опредѣленія отношеній ректора къ учителямъ митрополитъ прика-

Такимъ образомъ, сама собою возникала необходимость упорядочить академическія дѣла.

Новый ректоръ, Самуилъ Миславскій, совмѣстно съ академическою корпораціею весьма ревностно принялся за составленіе новой, обнимающей всѣ стороны академической жизни, инструкціи. Митрополитъ принималъ въ этомъ дѣлѣ живое и дѣятельное участіе. Сперва было составлено академіею мнѣніе о томъ, что, какъ, въ какомъ порядкѣ и въ какіе часы въ какой школѣ преподавать,—о поведеніи учителей въ школахъ и внѣ ихъ и о правахъ и обязанностяхъ ректора съ префектомъ. Вѣроятно, по желанію митрополита академическое мнѣніе отдано было на обсужденіе какому-то постороннему лицу, которое и представило свои критическія примѣчанія на него [1]). Въ нихъ нѣкоторые изъ пунктовъ академическаго мнѣнія измѣнены, другіе признаны совершенно неправильными, замѣчены нѣкоторые пропуски. Примѣчанія были представлены на разсмотрѣніе въ академію. Академическая корпорація, критически обсудивъ примѣчанія, написала на нихъ разсужденіе [2]). Принявъ во вниманіе многія

залъ разыскать и представить прежнія инструкціи, то найдены были только: 1) наставленіе 1735 г., 4 апр., данное, по случаю отлучки ректора, префекту Амвросію Митькевичу, 2) инструкція Георгія Конисскаго и 3) наставленіе о преподаваніи богословія, данное въ 55 году при назначеніи на ректорство Манассіи Максимовича, въ которомъ говорилось о необходимости преподавать его въ строго-православномъ духѣ, чтобы не заслужить упрека въ неправославіи, какъ случилось съ нѣкоторыми изъ прежнихъ ректоровъ. Ак. К.-Бр. мон. и ак. т. 2, № 13.

[1]) Что это было по желанію митрополита, такое предположеніе оправдывается вниманіемъ академической корпораціи, съ которымъ она отнеслась къ примѣчаніямъ, составленнымъ этимъ лицомъ. Однако, нельзя здѣсь предполагать Давида Нащинскаго, такъ какъ о немъ составитель примѣчаній говоритъ въ 3-мъ лицѣ (п. 1) и такъ какъ въ примѣчаніяхъ сдѣлано возраженіе противъ введенія въ академ. курсъ философіи Баумейстера (п. 29), а онъ введенъ въ академію, какъ сказано раньше, по инціативѣ самого Нащинскаго.

[2]) Аскоченскій (ч. 2, стр. 530—531, пр. 277) приписываетъ это разсужденіе Нащинскому совершенно неправильно. Заглавіе его: „разсужденіе на примѣчанія, противу мнѣнія его преосвященству представленныя, 1763 года, сочи-

замѣчанія, академическая корпорація другія изъ нихъ отвергла, измѣнила нѣкоторыя изъ своихъ мнѣній и дополнила новыми и свое разсужденіе представила митрополиту, который, просмотрѣвъ его и сдѣлавъ свои отмѣтки, отправилъ снова въ академію [1]). Изъ всего такимъ образомъ составившагося матеріала въ академіи было составлено новое мнѣніе и 30 октября 1763 года представлено на утвержденіе митрополита, а чрезъ полтора мѣсяца (30 декабря) оно было утверждено имъ и получило значеніе обязательной для академіи инструкціи [2]). Инструкція составлена на основаніи уже сложившихся обычаевъ, письменной инструкціи Георгія Конисскаго и присоединеннаго къ ней опредѣленія митрополита Тимоѳея Щербацкаго, духовнаго регламента, монаршихъ грамотъ и другихъ постановленій высшаго свѣтскаго и духовнаго правительства и критическаго обсужденія нѣкоторыхъ сторонъ академической жизни и науки. Другой столь полной и обстоятельной инструкціи, касающейся учебно-воспитательной и административной частей, неизвѣстно во все дальнѣйшее существованіе старой Кіевской академіи. Въ послѣдующее время, если и дѣлались постановленія, то они касались какихъ нибудь частныхъ сторонъ академической учебно-воспитательной жизни, измѣняя и дополняя то, что въ ней заключено. Въ учебномъ курсѣ эта инструкція произвела значительныя перемѣны, а также установила опредѣленный порядокъ преподаванія въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ его до сихъ поръ еще не было.

Главнымъ подвигомъ академической корпораціи было то, что она рѣшилась забраковать столь авторитетный тогда учебникъ латинской грамматики Альвара. Вмѣсто Альвара

тября 26 дня въ академіи учиненное" показываетъ ясно его происхожденіе; кромѣ того, въ самомъ разсужденія есть насмѣшливый отзывъ о латинской грамматикѣ Ландія, переведенной съ нѣмецкаго языка Давидомъ Нащинскимъ (п. 1).

[1]) Примѣчанія на мнѣніе академическое и разсужденіе находятся въ актахъ К.-Бр. мон. и ак. № 4 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Инструкція эта напечатана С. Голубевымъ въ Кіевскихъ епарх. вѣдомостяхъ за 1893 г., №№ 19 и 20.

рѣшено было составить собственнымъ трудомъ новую грамматику, поручивъ это дѣло „двоимъ острѣйшимъ, надежнѣйшимъ и довольно въ грамматической наукѣ успѣвшимъ учителямъ“. Составлена она должна быть компилятивнымъ способомъ, на польскомъ языкѣ и разсмотрѣна сначала каждымъ учителемъ отдѣльно, а потомъ ректоромъ и префектомъ. „Донеле-же опредѣленные учители сочинятъ вновъ грамматику, то учить по грамматикѣ Scholarum piarum ad usum iuventutis въ Варшавѣ 1760 году напечатанной“. Объемомъ этой грамматики опредѣлялся курсъ первыхъ четырехъ грамматическихъ классовъ. Кромѣ грамматики, въ инструкціи забракованы и нѣкоторыя книги, служившія пособіемъ; такъ, въ инфимѣ вмѣсто „orbis pictus“ введена книга *Номеклатора*; чтеніе Евангелія Кастелліона, начинавшееся прежде съ грамматики, теперь должно было переводиться въ синтаксимѣ. Въ концѣ синтаксическаго курса положено уже изучать просодію для подготовленія къ піитикѣ. Въ отличіе отъ инструкціи Конисскаго, вовсе не упоминающей о польскомъ языкѣ, новая инструкція обязывала основательно изучать его на ряду съ русскимъ и латинскимъ [1]), такъ что уже въ аналогіи постояннымъ разговорнымъ языкомъ долженъ былъ служить языкъ польскій. Здѣсь вводился для польскаго языка калькулюсъ [2]), который

[1]) Академическая корпорація, доказывая противъ составителя примѣчаній, утверждавшаго полезность составленія новой латинской грамматики на русскомъ языкѣ, что она должна быть составлена на польскомъ, основывалась на необходимости этого языка для учащихся, какъ по близости Кіева къ польской границѣ, такъ и вслѣдствіе частыхъ требованій Коллегіею иностранныхъ дѣлъ переводчиковъ, а между тѣмъ преподаваніе на другомъ языкѣ „нечувствительнымъ образомъ искореняетъ польскій языкъ (какъ то уже былъ предъ симъ искоренился)“. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 4 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Калькулюсомъ назывался бумажный свертокъ, клавшійся въ особый футляръ. На калькулюсѣ записывали имя ученика, допустившаго ошибку въ разговорѣ на томъ языкѣ, на которомъ онъ долженъ былъ говорить. Впрочемъ калькулюсъ употреблялся еще „для наблюденія въ одѣяніи, въ лицѣ и въ волосахъ чистоты, въ походкѣ и въ выраженіи частнымъ лицамъ почтенія, пристойности“.

употреблялся и въ инфимѣ[1]). Съ инфимы же начинались экзерциціи, т. е. классныя, и оккупаціи, т. е. домашнія письменныя упражненія въ переводахъ съ латинскаго — на польскій и русскій языки. Въ синтаксимѣ къ нимъ присоединялись латинскіе переводы. Въ поэзіи, кромѣ обычнаго повторенія просодіи и оккупацій изъ классическихъ авторовъ, положено было новою инструкціею „только по большей части показывать сокращенную Россійскую поэзію, напечатанную при Императорской академіи Санктпетербургской". Для практическаго усовершенствованія въ русскихъ стихахъ повелѣвалось „стихи назначиваемыя ученикамъ на оккупацію и экзерцицію переводить на россійскій языкъ стихами самому учителю по правиламъ россійской поэзіи, а послѣ и ученикамъ назначать". Далѣе, пройдя doctrinam brevissimi de tropis et figuris „читать, по тропамъ и фигурамъ разбирать и въ чемъ надобно будеть подражать" стихамъ „на россійскомъ языкѣ Санктепетербургскаго сочиненія", а латинскимъ ex pia desideria Hugonis или ex fasciculo Fregerii. Также поставлено составить учебникъ по піитикѣ и напечатать его, до напечатанія же учиться по рукописному. Преподаваніе риторики по новой инструкціи ничѣмъ существенно не разнится отъ прежняго, только теперь при переводахъ рѣчей латинскихъ авторовъ на русскій языкъ повелѣвалось „чтобъ тотъ переводъ былъ чистый и россійскому языку свойственный, а не простый и грубый съ польскимъ нарѣчіемъ смѣшанный, какой прежде сего бывалъ", для чего рекомендовалось упражненіе чрезъ чтеніе въ русскомъ языкѣ. На второй годъ прохожденія риторики положено ежемѣсячно давать для составленія ораціи и произносить ихъ съ каѳедры. Какъ и въ проэктѣ Манассіи Максимовича, въ шести первыхъ классахъ повелѣвалось толковать по субботамъ ученикамъ „Православное

---

[1]) Съ грамматики же кальвулюсъ употреблялся уже для латинскаго языка „по обычаю здѣшнему", какъ сказано въ инструкціи.

исповѣданіе“ „на россійскомъ языкѣ или катихизисъ, въ Могилевѣ напечатанный трудомъ преосвященнаго Георгія Конисскаго, епископа Бѣлорусскаго“. Въ философской школѣ узаконялся Бавмейстеръ съ тѣмъ, чтобы недостающее у него дополнялось изъ другихъ авторовъ, „точію основанія философскія съ Вольфомъ и Бавмейстеромъ принимающихъ“. По третямъ года повелѣвалось составлять проповѣди и произносить ихъ съ каѳедры и чаще устраивать диспуты, отправляя ихъ, „съ крайнимъ наблюденіемъ формы силлогической“.

Новою инструкціею опредѣлялся, наконецъ, порядокъ преподаванія въ богословскомъ классѣ. О преподаваніи богословія инструкція говоритъ весьма подробно. Сказавъ о томъ что ученіе богословское должно быть строго православное какъ то и Высочайшими грамотами повелѣно, инструкція указываетъ, какимъ образомъ это можетъ быть достигнуто. Изученіе св. Писанія и правилъ „какъ прямую истую знать силу и толкъ Писаній“ и подкрѣпленіе ими при свѣтѣ ученія отцовъ, „которые прилежно писали о догматахъ“,—всѣхъ догматовъ составляетъ первую обязанность богослова. „Къ тому жъ дѣлу зѣло полезны Дѣянія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ“. Что касается „новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей“, то, какъ и Регламентъ повелѣваетъ, ими пользоваться можно, провѣряя ихъ доводы на основаніи св. Писанія и преданія. Богословіе должно преподавать по опредѣленной программѣ. Послѣ введенія, должно „раздѣлить все ученіе богословское на двѣ части: первая часть должна быть о вѣруемыхъ, а другая о творимыхъ“. Во введеніи показать надобно слѣдующая [1]): 1) о природѣ богословія, гдѣ о названіи, сущности, обозначенной чрезъ названіе, предметѣ, основаніи, раздѣленіи и методѣ ея говорить; 2) о началахъ богословія; 3) о свойствахъ или качествахъ св. Писанія, гдѣ объ авторитетѣ, необходимости, ясности, совершенствѣ и пра-

[1]) Въ инструкціи конспектъ догматики на латинскомъ языкѣ.

видимомъ истолкованіи говорить; 4) о частяхъ св. Писанія или о каноническихъ книгахъ его; 5) объ авторитетѣ соборовъ, преданіи и писаніяхъ святыхъ отцовъ. Въ части о вѣруемыхъ нужно показать слѣдующее: 1) о Богѣ въ Себѣ (ad intra), гдѣ о бытіи Божіемъ, сущности и общихъ свойствахъ и о лицахъ говорить, какъ то о таинствѣ св. Троицы, о взаимномъ ихъ отношеніи и о способахъ познанія; 2) о Богѣ вовнѣ (ad extra), гдѣ 1) о твореніи видимаго міра и общемъ промыслѣ, 2) о состояніи падшаго человѣка, 3) о всеобщей благодати Божіей для человѣческаго рода, 4) о воплощеніи Сына Божія, гдѣ о Лицѣ Его и природахъ, двойномъ составѣ и троякомъ служеніи, 5) о евангеліи и законѣ, также объ упраздненіи его, 6) о предопредѣленіи и отверженіи, 7) о возрожденіи, судѣ и возстановленіи, 8) о таинствѣ Ветхаго и Новаго завѣта, 9) о церкви, 10) о шести таинствахъ. Въ другой части предложить полагалось: 1) о добрыхъ дѣлахъ вообще; 2) о природѣ, опредѣленіи и раздѣленіи ихъ; 3) объ основаніи, содержаніи, формѣ и цѣли добрыхъ дѣлъ; наконецъ, о томъ, необходимы ли добрыя дѣла къ сохраненію вѣчной жизни. И по этому плану и методу всегда должно одно и тоже богословіе преподаваться, „а всякаго курса вновь не сочинять". Допускалось только сокращеніе или расширеніе курса богословія, но не перемѣна на другой. При этомъ необходимо не излагать только православные догматы, но и опровергать ученія, противныя имъ. Не худо также сообщать краткія свѣдѣнія по общей церковной исторіи, „какій святій отецъ, какого вѣку жилъ, о чемъ именно писалъ, когда какіе соборы были, кто на оныхъ присутствовалъ и противу кого они собирались",—но это предоставлено было усмотрѣнію учителя. Диспуты по инструкціи необходимы какъ публичные—въ присутствіи всѣхъ учителей, такъ и приватные, „каковые по обыкновенію прежнему бываютъ въ субботу поутру". По усмотрѣнію учителя, не худо назначать для составленія и произношенія съ каѳедры проповѣди на каждую

треть года. Вопреки Регламенту, на богословіе полагавшему два года, новая инструкція опредѣлила на этотъ предметъ четырехлѣтній курсъ [1]).

Тогда какъ ни проэктъ Манассіи Максимовича, ни инструкція Георгія Конисскаго не установили порядка преподаванія языковъ въ академіи, предоставляя это самимъ учителямъ, въ новой инструкціи есть опредѣленныя правила и для этихъ предметовъ. Изъ языковъ въ это время преподавались еврейскій и нѣмецкій, введенные при м. Рафаилѣ Заборовскомъ [2]), греческій, существовавшій въ академіи издавна, и французскій, введенный въ 1753 году [3]). На преподаваніе всѣхъ языковъ положено по два года [4]). Въ первый годъ должна была проходиться грамматика языка, а во второй—синтаксисъ. Уже при первомъ знакомствѣ съ грамматикою начиналось чтеніе текста и разборъ его: для еврейскаго языка—по Пятокнижію, для греческаго—по Евангелію, для французскаго—по приложеннымъ къ самой грамматикѣ разсказамъ и для нѣмецкаго—по книгѣ, называемой Номенклаторомъ, а послѣ нея—по географіи Гибнера. При изученіи синтаксиса въ греческомъ классѣ вмѣсто Евангелія читали „Sententias breves in lexico manuali Cornelii Schrevelii XX capitibus comprehensas“, въ еврейскомъ классѣ въ концѣ курса для пробы рекомендовалось переводить какую нибудь труднѣйшую книгу, напр., какого нибудь пророка. Экзерциціи назначались въ одномъ только французскомъ классѣ,—переводить съ рус-

---

[1]) Изъ представленнаго историческаго очерка того, какъ приведенъ былъ къ однообразію курсъ богословія въ Кіевской академіи, вытекаетъ неправильность утвержденія Аскоченскаго (ч. 2., стр. 223—224, прим. 227, стр. 530—531), что уже въ ректорство Давида Нащинскаго установлено было преподаваніе богословія по одной программѣ.

[2]) „Исторія к. академіи“ М. Булгакова, стр. 153—156.

[3]) Консист. арх. д. 1754 г. № 258.

[4]) До 1758 года на греческій языкъ полагалось три года. Акты К.-Бр. м. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 6.

скаго или латинскаго языка на французскій. Положено „во всѣхъ школахъ какъ восточныхъ, такъ и европейскихъ языковъ учить по прежнимъ грамматикамъ, а именно: въ еврейской—по грамматикѣ Heinrici Michaëlis ex Germania in Latinum idioma, переведенной въ академіи Кіевской; въ греческой—libri institutionum linvgae graecae in akademia Kiioviensi exhibiti; во французской—по грамматикѣ Тепліеровой, въ Берлинѣ напечатанной; въ нѣмецкой—по грамматикѣ, при кадетскомъ корпусѣ въ Санктпетербургѣ новонапечатанной". Инструкція обратила свое вниманіе на изученіе языковъ. Раньше, по представленію ректора Давида Нащинскаго, сдѣлано было распоряженіе объ обязательности изученія еврейскаго языка для учениковъ трехъ высшихъ классовъ [1]). Въ инструкціи, не повторившей этого приказанія, велѣно „богословіи и философіи учащимся всегда напоминать то, что естьли они не будутъ языкамъ разнымъ обучаться, то и мѣстами никакими не будутъ снабжены".

Что касается другихъ экстраординарныхъ предметовъ, какъ ариѳметика, географія и исторія, то они не упоминаются въ инструкціи, между тѣмъ несомнѣнно, что эти предметы преподавались по временамъ въ академіи [2]). Можно думать,

[1]) Акты К.-Вр. мон. и ак., № 3 (рук. б. к. ак. № 725). Распоряженіе это вызвано было тѣмъ, что учитель еврейскаго языка неуспѣшность учениковъ по этому предмету объяснилъ нежеланіемъ ихъ посѣщать уроки, а причина этого та, что „господа свѣдущихъ по-гречески и по-еврейски никогда не приглашаютъ на кондиціи, а знающихъ французскій и нѣмецкій языки непрестанно приглашаютъ". Акты К.-Вр. м. и ак., соб. Аскоч т. 2, № 23.

[2]) Такъ, въ документѣ 1753 года упоминаются учителя инфимы, грамматики, синтаксимы, ариѳметики и исторіи (акты К.-Вр. м. и ак., собр. Аскоч. т. I, № 45 и Акты К.-Вр. м. и ак. № 2—рук. б. к. ак. № 725), а въ 1754 году есть подпись учителя математики іерод. Ѳеодорита (Кон. арх. д. 1754 г. № 91). Послѣ этого указанные предметы снова не преподавались. Въ 1758 году, отказываясь отъ составленія и произношенія проповѣдей, учителя писали митрополиту: „прибавленнія вновь сцѣенціи географія и ариѳметика во всякой школѣ за силу повелѣнія Вашего Ясне въ Богу преосвященства, преподавать уже начали, которыхъ мы, за не преподааніемъ оныхъ прежде въ академіи Вашего

что эти предметы поручались тѣмъ изъ учителей, которые способны были преподавать ихъ и имѣли для этого время[1]). Нанимать же отдѣльныхъ учителей для этихъ предметовъ академія не имѣла средствъ; да необходимость ихъ, можетъ быть, не считалась неотложною.

Ежедневно занятія распредѣлялись такимъ образомъ. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу они шли отъ 7 часа до 10-го утромъ и отъ 1-го до 5-го—вечеромъ; во вторникъ и четвергъ—отъ 7-го до 10-го—утромъ и отъ 1-го до 3-го—вечеромъ, а въ субботу—отъ 7-го до 10-го—утромъ и отъ 1-го до 4-го—вечеромъ. На экстраординарные классы употреблялось 29 часовъ въ недѣлю, на греческій и французскій языки—по 9 час., на нѣмецкій—6 и на еврейскій—5 часовъ; на ординарные же классы—по 20 часовъ на каждый. По предметамъ часы распредѣлены были такъ: по утру въ 7-мъ часу былъ греческій языкъ, въ 8-мъ—французскій, въ 9-мъ и 10-мъ латинскіе классы; по полудни—въ понедѣльникъ, среду и пятницу въ 1-мъ часу—греческій, во 2-мъ—французскій языки;—во вторникъ, четвергъ и субботу въ 1-мъ и 2-мъ часу—нѣмецкій языкъ, въ понедѣльникъ, среду, пятницу и субботу въ 3-мъ и 4-мъ часу—латинскіе классы; въ 3-мъ часу во вторникъ и четвергъ и въ 5-мъ—въ понедѣльникъ, среду и пятницу—еврейскій языкъ. О томъ, какъ преподавать предметы, инструкція не дѣлаетъ наставленій. Есть только одно замѣчаніе что „всякъ учитель, пришедъ въ свою школу, долженъ исперва

Преосвященства, знать не могли“ (Ак. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2. № 9). Однако, по отчетамъ за 175⁸/₅₉ учебный годъ, эти предметы проходились, только настолько, на сколько оставалось времени отъ прохожденія ординарныхъ предметовъ въ классахъ философіи, риторики, синтаксимы и грамматики. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 23.

[1]) Такъ, въ 1710 году вновь нанятому учителю французу Маргасту де Зеевиллеру поставлено было въ условіе преподавать, кромѣ французскаго языка, всеобщую исторію и географію, тогда, какъ предшествующіе учителя французскаго языка этихъ предметовъ не преподавали.

сказывать ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, кая сила есть настоящаго ученія,—грамматики, напримѣръ, реторики, логики и прочая; и чего хощетъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому пловутъ, и лучшую бы охоту возимѣли, и познавали бы повседневную прибыль свою, тако же и недостатки". Дальнѣйшія правила уже касаются наказаній за невыученные уроки. Слѣдовательно, инструкція главными побужденіями къ ученью для учениковъ считала сознаніе „прибыли" и „недостатковъ" отъ него и строгія наказанія за невыучку.

Изъ сказаннаго видно, что инструкціею 1763 года—сравнительно съ инструкціею Конисскаго—было докончено приведеніе учебнаго дѣла въ порядокъ съ внутренней стороны и установленъ опредѣленный порядокъ внѣшній. Теперь уже на каждаго учителя возложены опредѣленныя обязанности, тогда какъ въ прежнее время онѣ почти всецѣло зависѣли отъ таланта и ревности учителя; указаны также опредѣленныя руководства и конспекты преподаванія, особенно полезные для людей, не отличающихся выдающимися талантами. Каждый могъ быть теперь провѣренъ въ исполненіи своихъ обязанностей и подвергнуться отвѣтственности за неисполненіе, а инструкція повелѣвала строго слѣдить за исполненіемъ ея. Ни одинъ изъ учителей не могъ пропустить чего либо или не докончить своей программы[1]). Тѣмъ не менѣе порядки, вводимые новою инструкціею, не были новыми; это—порядки старой академіи съ ея схоластическою наукою. Направленіе науки оставлено по прежнему исключительно формальное. По

[1]) И на самомъ дѣлѣ за этимъ строго слѣдилось. Такъ, вновь назначенный въ 1764 году учитель богословія и префектъ Авраамій Флоринскій долженъ былъ въ особомъ доношеніи просить разрѣшенія не окончить преподаванія курса философіи къ концу года (Конс. арх. д. 1764 г., № 321). Между тѣмъ въ прежнее время это бывало обычно. Такъ, въ 1758 году не окончилъ своего курса учителя богословія, синтаксимы и грамматики. Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 2, № 23.

прежнему впродолженіе всего своего курса ученикъ долженъ вращаться въ однѣхъ формахъ, отъ формъ языка—переходить къ формамъ піитической и риторической рѣчи, отъ формъ рѣчи—къ формамъ мысли; наконецъ, долженъ учиться прилагать всѣ эти формы къ разнымъ богословскимъ положеніямъ, которыя затѣмъ и оставались почти единственнымъ ихъ содержаніемъ. Кое какія положительныя знанія ученики могли получать только изъ тѣхъ книгъ, которыя служили въ качествѣ пособій при изученіи главныхъ предметовъ, въ родѣ сентенцій изъ Кастелліона и др. Но это были обрывки разнообразныхъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ. Болѣе или менѣе цѣльныя положительныя свѣдѣнія студенты получали изъ физики, бывшей частію философіи. Общеобразовательные предметы, какъ сказано, совсѣмъ были забыты инструкціей.

Подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей философіи XVIII вѣка, къ концу этого вѣка на сѣверѣ Россіи въ это время начало развиваться новое направленіе и явились новые взгляды какъ на дѣло образованія вообще, такъ и на образованіе духовное въ частности. Правительство стояло впереди этого движенія. Прежній утилитарный—господствовавшій у насъ со времени Петра I-го—взглядъ на образованіе, какъ на средство приготовить людей, годныхъ для извѣстнаго, опредѣленнаго рода службы, смѣнился болѣе широкими воззрѣніями. Лучшіе люди того времени сознали, что благосостояніе народное зиждется не на одномъ распространеніи въ обществѣ непосредственно полезныхъ, спеціальныхъ знаній, а и на общемъ образованіи ума и сердца, на народномъ развитіи и нравственности. Отсюда само собою явилось намѣреніе реформировать и расширить дѣло народнаго образованія. Новая реформа требовала для расширенія общаго образованія введенія новыхъ общеобразовательныхъ наукъ и новыхъ языковъ и усовершенствованія метода преподаванія. Заботы объ улучшеніи способа обученія, выразившіяся сначала въ видѣ неопредѣленнаго желанія, окончились введеніемъ въ народныя школы новаго метода, заимствованнаго изъ Ав-

стріи. Это былъ методъ австрійскихъ нормальныхъ школъ, примѣненный къ русскимъ школамъ вызваннымъ изъ Австріи венгерцемъ Янковичемъ де Миріево. Методъ, введенный Янковичемъ, имѣлъ много хорошихъ сторонъ по удачному выбору предметовъ, вводимыхъ въ кругъ народнаго образованія и по образу ихъ преподаванія приспособительно къ постепенно развивающейся смышленности и любознательности воспитанниковъ [1]). Намѣреніе правительства о преобразованіи коснулось и духовныхъ школъ. Еще въ инструкціи, данной коммиссіи о церковныхъ имуществахъ, учрежденной въ 1762 году, высказана мысль о недостаточности общеобразовательныхъ наукъ въ духовныхъ школахъ и предположено ввести ихъ въ курсъ духовнаго образованія [2]). Подробнѣе эта мысль высказана въ проэктѣ самой коммиссіи [3]). Мысли, высказанныя въ инструкціи, данной комиссіи, и самою комиссіею, имѣли большое значеніе для духовнаго образованія. Кромѣ этого, закономъ Государыни Екатерины II 15 мая 1785 года и указомъ Св. Синода 27 декабря того же года предписано было духовнымъ училищамъ ввести методъ народныхъ школъ и учебники, въ нихъ употреблявшіеся [4]). Большое значеніе для духовныхъ школъ имѣло явившееся въ то время у нѣкоторыхъ передовыхъ людей сознаніе, что господствовавшее тогда презрѣніе къ русскому языку не основательно,— особенно въ отношеніи къ обученію дѣтей. Лучшіе передовые люди того времени открыто уже высказывали, что „дѣтей въ Россіи должно воспитывать на языкѣ россійскомъ" [5]), а не французскомъ или нѣмецкомъ, какъ думали другіе. Новый методъ также способствовалъ изученію русскаго языка.

---

[1]) Истор. С.-Пет. дух. Ак. „Чистовича", стр. 77.

[2]) Полн. собр. зак. Т. XVI, № 12060.

[3]) Тр. К. д. Ак. 1867 г., т. 3, стр. 568 - 601.

[4]) „Опис. К.-Соф. соб.", стр. 240—241; „ист. С.-Пет. д. Семинаріи, стр. 77.

[5]) Слова Сумарокова; „Чтеніе въ общ. люб. дух. просв." 1874 г., іюль, стр. 275.

Стремясь къ упрощенію образованія, методъ этотъ, очевидно, не гармонировалъ съ глубоко укоренившеюся въ духовныхъ школахъ латынью.

Новое направленіе въ образованіи не прошло безслѣдно и для Кіевской академіи. Проводникомъ преобразовательныхъ идей екатерининскаго времени въ Кіевской академіи былъ митрополитъ Самуилъ Миславскій. Назначенный послѣ ректорства на епископскую каѳедру сначала бѣлгородскую, потомъ крутицкую и, наконецъ, ростовскую, онъ около 14 лѣтъ провелъ на сѣверѣ Россіи и близко познакомился какъ съ направленіемъ и потребностями времени, такъ и съ начинаніями правительства. Прибывъ на кіевскую каѳедру, онъ ясно увидѣлъ, какъ латинизмъ и схоластицизмъ, господствовавшіе въ Кіевской академіи, не гармонировали съ тѣми намѣреніями объ образованіи, какія высказывали какъ правительство, такъ и лучшіе представители изъ людей того времени. Введеніе изученія русскаго языка и русской словесности и общеобразовательныхъ предметовъ и усиленіе преподаванія новыхъ языковъ явилось первою задачею митрополита. Прежде всего, 14 декабря 1783 года онъ отдѣлилъ преподаваніе ариѳметики отъ польскаго языка, назначивъ преподавателемъ ея студента богословіи Ивана Фальковскаго[1]) и поручивъ ему, если онъ пожелаетъ, „показывать ученикамъ правила рисовальной науки". Руководствомъ по ариѳметикѣ митрополитъ назначилъ книгу, изданную при Московскомъ университетѣ и сочиненную профессоромъ университета Аничковымъ[2]). Чрезъ двадцать дней послѣ этого онъ приказалъ учителю грамматики преподавать исторію и географію[3]). Вскорѣ къ ариѳме-

---

[1]) До этого времени съ 1768 года ее преподавалъ учитель польскаго языка Амвросій Буржинскій (Конс. арх. вѣдом. объ учит. за 1779 годъ).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. К. ак. № 725).

[3]) Въ 1770 году эти науки поручены были преподавателю французскаго языка Маргасту де Зеемилиру, но такъ какъ онъ вскорѣ скончался, то предметы эти болѣе не преподавались,—ихъ нѣтъ при перечисленіи другихъ предметовъ (ак. К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725).

тикѣ присоединена была чистая математика [1]). Въ 1788 году на должность учителя ариѳметики, алгебры, геометріи и тригонометріи назначенъ былъ французъ Павелъ Брульонъ [2]).

Что касается заботъ митрополита о русскомъ языкѣ, то онѣ, прежде всего, выразились въ томъ, что для преподаванія русской словесности онъ вызвалъ изъ Троицкой семинаріи уроженца Воронежской епархіи студента богословія Димитрія Сигиревича, приказавъ ему „быть учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи и производить оное ученіе по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторію же по правиламъ господина Ломоносова, преподавая оныя сокращенно во вторникъ, четвергъ и субботу по утру девятаго и одинадцатаго часовъ, чего для ученія латинской поэзіи и ораторіи въ сіи дни оставить" [3]). Далѣе, онъ приказалъ, чтобы учителя новыхъ языковъ преподавали ихъ на русскомъ языкѣ „съ наблюденіемъ выговора, который употребляется въ Великороссіи" [4]). Всѣ учителя и ученики обязаны были соблюдать русское правописаніе подъ страхомъ увольненія изъ академіи въ свѣтскую команду за несоблюденіе этого [5]) и чаще упражняться въ чтеніи богослужебныхъ книгъ. Успѣхи по этимъ двумъ предметамъ митрополитъ приказалъ отмѣчать въ осо-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 58 (рук. биб. К. а. № 725).

[2]) Съ 1 сентября 1784 года чистую математику преподавалъ Ириней Фальковскій. По свидѣтельству Тимковскаго, Фальковскій преподавалъ еще и смѣшанную математику („Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева", стр. 164). М. Евгеній („Опис. К.-Соф. соб. стр. 241) говоритъ тоже.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. К. а. № 725). Приводя это росписаніе, В. Аскоченскій исправляетъ (ч. 2, стр. 541—542, пр. 380) преосв. Макарія, будто бы неправильно назвавшаго представленное имъ (стр. 129) росписаніе принадлежащимъ Самуилу Миславскому. Но Аскоченскій самъ ошибается. Росписаніе, напечатанное въ Исторіи Кіев. дух. Академіи, взято изъ инструкціи 1763 года, составленной въ ректорство Самуила Миславскаго. Къ этому времени относитъ составленіе его и преосв. Макарій. Онъ ошибся только въ томъ, что составленіе инструкціи приписалъ одному Самуилу Миславскому.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Тамъ же.

бой графѣ въ вѣдомостяхъ[1]). Для домашняго упражненія учениковъ въ русской грамотѣ Самуилъ Миславскій назначилъ особаго репетитора въ бурсу—іером. Кодрата[2]). Вообще введеніе русскаго языка митрополитъ поддерживалъ весьма энергично. Когда въ 1787 году Сигиревичъ отказался отъ преподавательства, Самуилъ Миславскій писалъ въ указѣ академіи: „какъ неминуемо при академіи быть классу российскому, то покуда особый учитель изъ Москвы выписанъ и опредѣленъ будетъ, учинить ректору съ префектомъ слѣдующее: съ настоящаго сентября мѣсяца сего года подтвердить накрѣпко учителямъ нижняго, средняго и вышняго классовъ латинской грамматики, чтобы они въ тѣже самые часы, когда ученики обучаются латинской грамматикѣ, изъясняли непремѣнно правила россійской грамматики, напечатанной и утвержденной при университетѣ Московскомъ, и окончили бы оную грамматику изъясненіемъ въ одинъ годъ или скорѣе; учителю поэзіи латинской подтвердить, чтобы онъ изъяснялъ правила поэзіи россійской вмѣстѣ съ латинскою поэзіею по той же книжицѣ показной, которая понынѣ въ академіи здѣшней употребляема была, а латинской риторики учителю, чтобы онъ вмѣстѣ съ латинской риторикой преподавалъ правила россійской ораторіи, г. Ломоносовымъ сочиненной и напечатанной, и старался бы въ одинъ годъ окончить оную изъясненіемъ“ [3]). Въ 1789 году, дѣйствительно, назначенъ былъ особый учитель русской грамматики[4]), а въ 1794 году снова назначенъ особый учитель для класса россійской поэзіи и риторики. Чрезъ три года этотъ послѣдній классъ былъ раздѣленъ на два—низшій и высшій, но учитель для обоихъ оставленъ одинъ—прежній Никита Соколовскій, окончившій

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. Т. 3, № 74.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 51 (рук. б. к. ак, № 725).

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 62 (рук. б. к. ак. № 725).

курсъ въ Московскомъ университетѣ, куда онъ былъ посланъ для подготовленія къ учительству [1]). Изъ новыхъ языковъ наибольшее вниманіе митрополитъ обратилъ на французскій [2]), который онъ раздѣлилъ на два класса съ особымъ учителемъ для каждаго [3]). Для нѣмецкаго языка нанятъ былъ природный нѣмецъ Карлъ Ивановичъ Фегенъ [4]).

Не оставленъ былъ безъ вниманія и новый методъ преподаванія. Трудно сказать, насколько усвоили его наличные профессора академіи до и послѣ указа Св. Синода 27 декабря 1785 года. Нужно, однако, думать, что тѣмъ учителямъ, которыхъ новый методъ засталъ въ академіи, онъ не совсѣмъ давался, такъ какъ чрезъ два года послѣ обязательнаго его введенія вышло изъ академической корпораціи сразу четыре человѣка и именно изъ трехъ грамматическихъ, историческаго и географическаго классовъ, гдѣ новый методъ наиболѣе долженъ былъ примѣняться. Чтобы привить методъ, употреблявшійся въ народныхъ училищахъ, митрополитъ назначалъ въ учителя лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, открываемыхъ комиссіею народныхъ училищъ для образованія учителей. Такъ, въ 1789 году учителемъ русской грамматики, рисованія и всеобщей исторіи былъ назначенъ, посланный въ 1786 году въ отдѣленную отъ главнаго народнаго училища Учительскую семинарію, въ которой ученіе велось по способу, заимствованному отъ вѣнскихъ нормальныхъ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Асоченскимъ. Т. 3 №№ 98, 105.

[2]) На этотъ языкъ обратилъ вниманіе еще м. Гавріилъ Кременецкій. Онъ писалъ митр. московскому Амвросію, „что нынѣ почти цѣлая страна сдѣлалась Франціею", поэтому необходима лучшая постановка французскаго языка. Для этой цѣли онъ нанялъ учителемъ его природнаго француза. Акты К.-Бр. мон. и акад. собр. Аскоч. Т. 3, № 31

[3]) Въ первомъ—высшемъ—классѣ оставленъ былъ прежній учитель, а во второй назначенъ природный французъ Петръ де Коветъ. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак. № 725).

[4]) Тамъ же.

школъ [1]), одинъ изъ студентовъ академіи Яковъ Одинцовъ [2]). Вмѣстѣ съ методомъ вводились и руководства, издаваемыя коммиссіею народныхъ училищъ [3]). Учебники эти разсылались по духовнымъ школамъ со скидкою 30% противъ обыкновенной цѣны въ уваженіе того, что Св. Сунодъ содѣйствовалъ комиссіи при напечатаніи книгъ [4]). Обычно Кіевская академія на свой счетъ высылала студентовъ, отправлявшихся въ заведенія комиссіи народныхъ училищъ, а послѣдняя за эти деньги или часть ихъ высылала книги [5]). Руководства выписывались иногда въ весьма значительномъ количествѣ. Такъ, въ 1787 году 5 апрѣля были выписаны слѣдующія книги, изданныя комиссіею народныхъ училищъ: 1) Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій (18) [6]); 2) краткая священная исторія (100); 3) правила для учащихся (20) [7]); 4) руководство къ чистописанію (50); 5) ариеметики 1 и 2 части (по 50); 6) о должностяхъ человѣка и гражданина безъ вопросовъ ученическихъ (30); 7) таковыхъ же съ вопросами учительскими (1); 8) руководство учителямъ 1 и 2 классовъ (10); 9) физика (30); 10) механика (5); 11) начертанія исторіи естественной части 1 и 2, полагая оныя въ одномъ экземплярѣ (3); 12) краткое руководство къ математической географіи и познанію небеснаго шара (3); 13) всемірной исторіи ч. I (3); 14) пространное землеописаніе россійскаго государства (5); прописей безъ переплету (6); 16) картъ, принадлежащихъ къ краткому землеописанію россійскаго государства, считая въ каждомъ экземплярѣ по 9 картъ (10); 17) глобусовъ по 1 небесному и земному (2); 18) катихизисовъ сокращенныхъ

---

[1]) „Истор. С.-Пет. академіи" И. Чистовича, стр. 77.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 62 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Консистор. арх. д. 1790 г. № 3.

[4]) Истор. С.-Пет. дух. акад., стр. 78.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 66 (рук. б. к. ак. № 725).

[6]) Въ скобкахъ мы будемъ указывать число экземпляровъ.

[7]) Это были правила, написанныя для учащихся самою императрицею Екатериною II-ю.

безъ вопросовъ (100);—съ вопросами (20),—всего выписано 516 экземпляровъ на 97 р. 48³/₄ к. Книги эти выписаны „для пользы юношества учащагося“[1]). Перечень выписанныхъ книгъ показываетъ, какіе въ академіи преподавались предметы. Подтверждая, что прежде упомянутые вновь введенные предметы уже прочно привились, перечень этотъ указываетъ еще на усиленіе въ академіи преподаванія катихизиса, священной исторіи и изъясненія евангелія. Изъ послѣдующихъ отчетовъ видно, что эти предметы въ то время проходились уже въ каждомъ классѣ отдѣльно наравнѣ съ другими предметами[2]). Именно, краткій катихизисъ изучался въ грамматическихъ классахъ, а въ поэзіи проходился пространный. Кромѣ того, во второмъ грамматическомъ классѣ изучалась священная исторія. Съ риторики начиналось изъясненіе евангелій[3]).

Кромѣ содѣйствія введенію новаго метода, выписка книгъ изъ комиссіи народныхъ училищъ достигала другой, также весьма важной цѣли, именно—введенія въ академіи печатныхъ учебниковъ вмѣсто записокъ, которыя дѣлались самими ученииками подъ диктовку учителя и по которымъ ученики приготовляли уроки. Преимущество печатныхъ учебниковъ предъ записками въ академіи сознано было раньше. Еще Георгій Конисскій въ бытность свою ректоромъ академіи былъ убѣжденъ, „что далеко полезнѣе на друкованныхъ грамматикахъ учити, нежели диктовати“[4]), каковое убѣжденіе раздѣляли и учителя, такъ какъ это „въ самой вещи полезнѣе“ и даже выписывали для учениковъ на свой счетъ учебники[5]). Въ дальнѣйшее время замѣна записокъ печатными руководствами постепенно

---

[1]) Консистор. арх. д. 1787 г. № 2404.

[2]) Прежде, какъ мы видѣли, „Православное исповѣданіе“ или катихизисъ Георгія Конисскаго положено было толковать только по субботамъ всѣмъ ученикамъ шести низшихъ классовъ совмѣстно (инстр. 1763 г.).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. Т. 3, № 109,

[4]) Консист. арх. д. 1754 г. № 258.

[5]) Тамъ же. Константинъ Крыжановскій выписалъ для учениковъ изъ Бреславля 100 экземпляровъ французскихъ грамматикъ.

приводилась въ исполненіе. Введеніе опредѣленныхъ учебниковъ по различнымъ предметамъ способствовало этому дѣлу, хотя и не было еще достаточной причиной для окончательной замѣны ими записокъ, благодаря дороговизнѣ и неудобству выписки книгъ. Однако въ 1760 году въ трехъ высшихъ классахъ уже были введены печатные учебники[1]). Огромную помощь этому дѣлу оказало заведеніе при академіи собственной книжной лавки. Лавка была заведена въ 1763 году на деньги, которыя брались въ долгъ изъ конгрегаціонной или большой церкви, а впослѣдствіи изъ штрафныхъ денегъ и процентной суммы. Изъ вырученныхъ за продажу книгъ денегъ отдавались долги. Книги выписывались въ лавку при помощи особаго по этому дѣлу комиссіонера. Завѣдываніе ею поручено библіотекарю[2]). Конечно, и лавка также не могла совершенно удовлетворить потребности имѣть печатные учебники, такъ какъ не по всѣмъ предметамъ они и существовали. Поэтому комиссія народныхъ училищъ, издавшая весьма много новыхъ учебниковъ, сослужила большую службу указанному дѣлу[3]).

Въ царствованіе имп. Павла снова былъ возбужденъ вопросъ о наилучшей организаціи духовнаго образованія. Заявивъ въ указѣ 1797 года 18 декабря о своемъ особенномъ вниманіи къ духовному просвѣщенію, государь тѣмъ же указомъ повелѣлъ открыть, кромѣ двухъ существовавшихъ, еще двѣ академіи въ С.-Петербургѣ и Казани[4]). Въ другомъ указѣ отъ 11 января 1798 года велѣно было: „потребный для благоустройства академій и семинарій порядокъ учредить, во-пер-

---

[1]) Только въ философскомъ классѣ физика проходилась по запискамъ (Акты К.-Бр. м. и ак. № 3, рук. 6. К. ак. № 725). Отсюда невѣрно, что только около 1776 года введенъ печатный учебникъ по риторикѣ (Ист. К. ак., стр. 149—151)

[2]) Инструкція 1763 года.

[3]) Изъ всего сказаннаго ясна неправильность утвержденія, что только м. Самуилъ началъ вводить въ академіи печатные учебники. „Преосв. Ириней Фальковскій, еп. Чигиринскій“ Г. Булашева, Кіевъ, 1883 г., стр. 101.

[4]) Полное собр. зак. т. XXIV, № 18273.

нихъ, въ Невской семинаріи, съ тѣмъ, чтобы, примѣняясь уже къ тому, и въ прочихъ академіяхъ и семинаріяхъ такимъ образомъ ученіе происходило" [1]). Для разрѣшенія этого вопроса Св. Сунодъ нашелъ нужнымъ собрать отъ епархіальныхъ преосвященныхъ свѣдѣнія, какимъ порядкомъ и какое ученіе преподается въ каждой семинаріи, и какія требуются по этой части перемѣны. По приказанію м. Іероѳея 24 марта 1798 года, академія представила отъ себя рапортъ, прекрасно характеризующій учебный курсъ академіи послѣ митр. Самуила Миславскаго [2]).

По этому рапорту, въ академіи преподавались: богословіе, философія, риторика латинская, риторика россійская, поэзія латинская и поэзія россійская, три грамматическихъ класса. Изъ этихъ ординарныхъ классовъ—на риторику латинскую, риторику русскую, поэзію латинскую и поэзію русскую употреблялось по шести часовъ въ недѣлю, а на остальные предметы—по двѣнадцати. Изъ экстраординарныхъ предметовъ преподавались: математика чистая и математика смѣшанная, исторія и географія, греческій, нѣмецкій, еврейскій и польскій языки и рисованіе. Изъ нихъ — на смѣшанную математику, еврейскій и польскій языки и рисованіе употреблялось по три часа въ недѣлю, а на остальные предметы—по шести. Что касается ежедневнаго распредѣленія времени, то оно отличалось отъ установленнаго инструкціей 1763 г. тѣмъ, что ученіе ежедневно вмѣсто 7 часовъ начиналось теперь въ 8 часовъ; перерывъ занятій теперь вмѣсто прежнихъ 11 и 12 часовъ былъ въ 12 и 1-мъ часу. Наконецъ, въ виду увеличенія экстраординарныхъ предметовъ и сокращенія ординарныхъ, на послѣдніе теперь положено только два дообѣденныхъ часа—10 и 11, вмѣсто 9-го и 10-го часовъ, послѣ же обѣда время опредѣлено только

---

[1]) Этотъ указъ въ цѣломъ видѣ не сохранился, но приведенная часть его находится въ указѣ 31 октября 1798 г. Полном. собр. закон. т. XXV, № 18726.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 98.

на экстраординарные классы. Между перечисленными ординарными классами изъ прежде бывшихъ въ рапортѣ не упоминается одинъ изъ грамматическихъ. Упраздненіе этого класса—аналогіи—было еще при митр. Гавріилѣ Кременецкомъ въ 1773 году [1]). Изъ экстраординарныхъ—здѣсь нѣтъ французскаго языка, классъ котораго закрытъ былъ въ 1794 году по слѣдующему письму митр. петербургскаго Гавріила. „Семинаристы ваши, писалъ митрополитъ, обучаются французскому языку: но какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніемъ сего языка злоупотребляютъ; мнѣ поручено вашему преосвященству писать, чтобы благоволили сей классъ оставить“ [2]). Что касается мнѣнія объ улучшеніи курса преподаванія, то академія съ своей стороны нашла нужнымъ сдѣлать одно нововведеніе, именно—вновь открыть классъ французскаго языка, если на это согласится Св. Сѵнодъ.

Между тѣмъ правительство имѣло довольно широкіе замыслы. Въ указѣ 1798 года 31 октября [3]) постановлено раздѣлить всѣ духовно-учебныя заведенія на 4 округа, сконцентрировавъ ихъ около четырехъ академій [4]). Изъ семинарій чрезъ два года высылать въ академіи по два лучшихъ ученика, для четырехлѣтняго—по два года въ богословіи и философіи—обученія въ академіи, съ цѣлью приготовленія на учи-

---

[1]) Преосв. Макарій считаетъ 1774-й годъ временемъ упраздненія аналогіи (Ист. К. ак. стр. 125), но послѣдній учитель аналогіи іерод. Ѳеодосій преподавалъ ее только до 15 іюля 1773 года,—въ сентябрѣ этого и въ послѣдующихъ годахъ учителя аналогіи нѣтъ (Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рук. б. к. ак. № 725). Въ замѣнъ аналогіи иногда при академіи открывался „классъ початковъ латинскаго языка“. Акты К.-Бр. м. и ак. № 80 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. Т. 3, № 79.

[3]) Полное собр. закон. Т. XXV, №. 18726.

[4]) Въ округъ Кіевской академіи должны входить семинаріи: Новороссійская, Черниговская, Минская, Браславская, Бѣлгородская, Харьковская, Переяславская и Житомірская.

тельскія въ семинаріи должности. Очевидно, правительство желало сдѣлать академію высшимъ духовно-учебномъ заведеніемъ для подготовленія учителей семинаріи.

Академическій курсъ состоялъ въ слѣдующемъ. Въ богословіи, которую преподавать положено на языкѣ латинскомъ, впродолженіе трехъ лѣтъ опредѣлено читать церковную исторію съ показаніемъ главныхъ эпохъ,—герменевтику, систему догматико-полемической и нравственной богословіи и пасхалію; сверхъ того,—читать св. писаніе съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, кормчую и о должностяхъ приходскаго священника и толковать по воскреснымъ днямъ апостольскія посланія. Въ философскомъ классѣ, продолжая его два года, преподавать краткую исторію философіи, логику, метафизику, нравоученіе, натуральную исторію и физику, напечатанную для нормальныхъ училищъ. Въ томъ и другомъ классѣ приказано дѣлать письменныя упражненія, въ философскомъ—писать диссертаціи, а въ богословскомъ—проповѣди, которыя послѣ разбора публично произносить,—первыя—въ академіи, а вторыя—въ церкви. Далѣе, указомъ повелѣвалось учредить при академіяхъ классъ высшаго краснорѣчія, въ которомъ „читать учителю лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ рѣчи, дѣлая онымъ резолюціи логическія и риторическія и по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи. Когда же такимъ образомъ какая рѣчь окончена и имитація будетъ сдѣлана, то назначеннымъ ученикамъ изучивать наизустъ одному рѣчь автора, другому имитацію и потомъ говорить публично при собраніи академіи. Сверхъ того, въ семъ же классѣ обучать исправнѣйшему на россійскій языкъ переводу". Учиться въ этомъ классѣ обязаны всѣ студенты философіи и богословіи. О языкахъ сказано, чтобы обязательно всѣми изучались языки—еврейскій, а особенно греческій, а изъ новыхъ языковъ обязательно обучаться одному изъ двухъ—нѣмецкому или французскому. Сдѣланы также нѣкоторыя указанія о постановкѣ дѣла въ семинаріяхъ.

Эти замѣчанія всецѣло относились къ низшимъ классамъ академіи. Приказано: 1) чтобы вмѣсто риторики Бургія, изучавшейся прежде, была изъясняема новоизданная [1]); 2) „чтобъ вниманіе малолѣтнихъ учениковъ, по крайней мѣрѣ до синтаксимы, многими ученія предметами не обременять, довольно, если сверхъ ординарнаго класса назначится одинъ экстраординарный. Когда же поступятъ они въ классъ поэзіи и начнутъ оказывать успѣхи, тогда, смотря по способности и расположенію каждаго, можно будетъ и болѣе классовъ и языковъ назначить"; 3) приказано поднять знаніе латинскаго языка, значительно вытѣсненнаго въ послѣднее время; 4) присылать вмѣстѣ съ вѣдомостями объ ученикахъ и учителяхъ отчеты о пройденномъ по каждому предмету впродолженіе года; 5) ученикамъ съ самыхъ нижнихъ классовъ изучить прежде сокращенный, а потомъ пространный катихизисъ, а по воскреснымъ днямъ изъясняемый публично слушать всѣмъ; 6) повелѣно, чтобы ученики умѣли читать по церковнымъ книгамъ и пѣть церковныя пѣсни и знали бы уставъ церковный, „ибо незнаніе сего дѣлаетъ великое посрамленіе для учащихся"; 7) чтобы ученики пріучались къ сельской и домашней экономіи и врачеванію болѣзней. Первой цѣли рекомендовано достигать чрезъ чтеніе книгъ, относящихся къ сельской и домашней экономіи, въ часы особо для сего положенные, а второй—практическимъ образомъ чрезъ назначеніе изъ учениковъ помощниковъ лекарю.

18 декабря этотъ указъ полученъ былъ въ академіи изъ дикастеріи съ приказаніемъ митрополита исполнить написанное въ немъ. Примѣнительно къ синодскому указу было составлено росписаніе, которое лучше назвать учебною инструкціею [2]). Прежде всего, введены были предметы, которые не

[1]) Разумѣется риторика Лежаева. Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 4, № 7.

[2]) Въ Актахъ К.-Бр. мон. и ак. оно находится въ т. 3, подъ № 109.

преподавались въ академіи, а въ указѣ упоминались: французскій языкъ, публичное толкованіе по воскреснымъ днямъ апостольскихъ посланій, высшее краснорѣчіе и сельская и домашняя экономія; но за то особый классъ россійской риторики и поэзіи упраздненъ, а предметы этого класса, прежде иногда называвшагося классомъ краснорѣчія [1]), присоединены: первый—къ латинской риторикѣ, а второй—къ латинской поэзіи. На прежде преподававшіеся предметы положено употреблять прежнее число часовъ въ недѣлю, новые же были распредѣлены такъ: на французскій положено 6 часовъ въ недѣлю, на высшее краснорѣчіе—6, сельскую и домашнюю экономію—3 часа въ недѣлю. Благодаря увеличенію предметовъ, увеличено количество ежедневнаго занятнаго времени, которое теперь по четвергамъ и субботамъ должно было оканчиваться въ 5 часовъ вечера, а въ остальные дни въ 6 часовъ. Сдѣлано было распредѣленіе, что преподавать въ ординарныхъ классахъ. Въ этомъ росписаніи курсъ ординарныхъ классовъ, благодаря введенію разныхъ предметовъ при митр. Самуилѣ Миславскомъ и подъ вліяніемъ приведеннаго выше синодскаго указа, значительно измѣнился [2]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. Т. 3, № 105, въ вѣдомости объ учителяхъ, гдѣ говорится о Никитѣ Соколовскомъ.

[2]) Вотъ что положено проходить въ ординарныхъ классахъ: 1) „Въ нижнемъ грамматическомъ классѣ обучать 1) сокращенному катихизису; 2) чистописанію; 3) правописанію; 4) правиламъ для учащихся; 5) россійской грамматикѣ; 6) первоначальнымъ латинскимъ словамъ; 7) 1 и 2 части латинской грамматики. 2) Въ среднемъ грамматическомъ классѣ: 1) повторить сокращенный катихизисъ; 2) учить правописанію; 3) грамматикѣ латинской; 4) священной исторіи; 5) домашнимъ разговорамъ съ грамматическимъ разборомъ; 6) 1, 2 и 3 части латинской грамматики. 3) Въ высшемъ грамматическомъ классѣ: 1) повторить сокращенный катихизисъ; 2) учиться школьнымъ разговорамъ съ грамматическимъ разборомъ; 3) россійской грамматикѣ; 4) правописанію; 5) всей латинской грамматикѣ. Въ этомъ классѣ обязательно разговаривать по-латински. 4) Въ поэзіи: 1) читать пространный катихизисъ; 2) книгу о должностяхъ; 3) поэзію россійскую; 4) поэзію латинскую и 5) чтенію и переводамъ авторовъ на россійскій и латинскій языки. 5) Въ риторикѣ: 1) изъяснять евангелія воскресныя и

Въ виду распоряженія Св. Синода не обременять учениковъ низшихъ классовъ изученіемъ экстраординарныхъ предметовъ, въ академіи сдѣлано было распредѣленіе „какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться“. По нему велѣно: „нижняго грамматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, яко въ сей и другихъ къ ней сосѣдственныхъ губерніяхъ употребляемому. Средняго класса ученикамъ продолжать польскій и начинать ариѳметику. Ученикамъ высшаго грамматическаго класса продолжать ариѳметику и польскій языкъ, начинать нѣмецкій или французскій языкъ, смотря по способности и расположенію учениковъ. Ученикамъ поэзіи продолжать начатые языки и начинать исторію и географію. Священно-церковническимъ дѣтямъ—всѣмъ безъ исключенія—начинать греческій языкъ. Студентамъ риторики продолжать начатые языки и начинать математику; священническимъ же дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ. Студенты философіи, изъ коихъ можетъ всякій избирать для себя новыя науки или языки; священно-церковническимъ же дѣтямъ продолжать греческій и еврейскій языки. Въ классахъ высшаго краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и богословіи. Симъ самимъ студентамъ въ особые часы, выше показанные, обучаться сельской и домаш-

праздничная, изъ коихъ воскресныя—по субботамъ, а праздничныя—наканунѣ праздника; 2) учить риторикѣ россійской; 3)—риторикѣ латинской, которая указомъ предписана; 4)—чтенію авторовъ россійскихъ и латинскихъ по правиламъ риторическимъ“. О классѣ высшаго краснорѣчія, философскомъ и богословскомъ въ росписаніи повторено сказанное въ указѣ синодскомъ. Изъ отчета же академіи 1799 года видно, что для чтенія и разбора въ классѣ высшаго краснорѣчія избраны были въ этомъ году двѣ латинскія рѣчи Цицерона, одна Минуціева, двѣ преосвященнаго Гавріила великоновгородскаго, двѣ преосвящ. Платона и три—преосвящ. Анастасія (конс. арх. вѣдом. 1799 года). Въ послѣдующее время въ этомъ классѣ присоединена была и теоретическая часть. Такъ, въ 1814 году въ этомъ классѣ проходили словесность Лагарпа, въ 1816 году по Лонгину пройдено о высокомъ, изъ эстетики Сюлля объ изящномъ, высокомъ, трогательномъ, комическомъ, о геніи и о вкусѣ. Акты К-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 4, №№ 52, 53.

ней экономіи: Рисовальному искусству обучаться по произволенію ученикамъ всѣхъ классовъ, имѣющимъ къ оному охоту и способность, однакожъ по правиламъ". Росписаніе по приказанію митрополита отослано въ Св. Сиподъ.

Тѣ экстраординарные классы, которые и прежде существовали въ академіи[1]), почти не измѣнились сравнительно съ тѣмъ, какъ они опредѣлены были инструкціею 1768 года. На языки, кромѣ еврейскаго, полагался двухлѣтній курсъ. Только теперь это достигалось тѣмъ, что курсъ языковъ былъ раздѣленъ на два класса[2]). Иногда былъ открываемъ классъ простого греческаго языка[3]). Впослѣдствіи былъ открытъ и скоро опять закрытъ классъ практическаго французскаго языка[4]).

Курсъ вновь открытыхъ экстраординарныхъ классовъ былъ слѣдующій. Въ экономическомъ классѣ изучалась экономія Флорина. Въ 1799 году былъ только одинъ ариѳметическій классъ, а въ 1802 году ихъ было уже три и въ такомъ количествѣ они существовали до конца старой академіи. Въ нижнемъ ариѳметическомъ классѣ проходились четыре первыхъ ариѳметическихъ дѣйствія; во второмъ—правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ и въ послѣднемъ—правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, правило тройное, товарищества и проч. Вслѣдствіе раздѣленія и рас-

[1]) Такъ какъ въ указѣ Св. Синода не было упомянуто о преподаваніи экстраординарныхъ предметовъ, то и въ академическомъ росписаніи объ нихъ ничего не сказано. О нихъ извѣстно изъ отчета академіи Св. Синоду за 1799 годъ (консист. арх. вѣдомость за 1799 годъ), а также изъ записки объ академіи 1802 г. Иринея Фальковскаго (Акты К-Бр. мон. и ак., собр. аскоч. т. т. 4, № 7) и другихъ отчетовъ (тамъ же №№ 52, 53).

[2]) Въ 1799 г. былъ открытъ еще только одинъ классъ французскаго языка, но въ 1802 г. ихъ было уже два (Вѣд. за 1799 г. Консист. арх. и ак. К.-Б. м. и ак. 1, ас. т. 4, № 6 и 7).

[3]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 7.

[4]) Тамъ же, т. 4, №№ 6, 12.

ширенія курса ариѳметики, она начиналась теперь изучаться съ нижняго класса граммат"ки. Чистая математика раздѣлена была на два класса. Въ нижнемъ классѣ проходились: изъ геометріи—лонгиметрія и планиметрія и изъ алгебры—начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ; въ высшемъ классѣ—изъ геометріи—стереометрія, окончаніе алгебры и тригонометрія. Смѣшанная математика, раздѣленная въ 1799 году на два класса, въ 1802 году и до конца была соединена въ одинъ. Въ немъ проходились: гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, аерометрія, гидравлика, оптика, катоптрика, діоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, начало астрономіи, географія, гидрографія, гномика и математическая хронологія. Историческій и географическій классы постепенно расширялись. Въ 1799 году былъ только одинъ классъ историческій и географическій; въ 1802 году ихъ было уже четыре, въ 1807 г. открытъ новый высшій „институтный" историческій и географическій классъ [1]). Въ первыхъ четырехъ классахъ, послѣ общихъ историческихъ и обще библейско-историческихъ свѣдѣній (1-й классъ), переходили къ древней всемірной исторіи, которую и проходили одновременно съ тремя періодами изъ русской исторіи (2-й классъ); далѣе проходилась первая часть новой исторіи и оканчивалась русская (3-й классъ); наконецъ, оканчивалась общая всемірная исторія (4-й классъ). Въ институтномъ классѣ, послѣ общаго введенія о происхожденіи народовъ, составляющихъ европейскія государства, излагалась отдѣльно исторія каждаго сѣвернаго народа и новѣйшая исторія восточныхъ народовъ, съ указаніемъ причинъ ихъ могущества и паденія. Географическія свѣдѣнія преподавались, постепенно переходя отъ общихъ къ частнымъ. Послѣ общихъ географическихъ свѣдѣній, составляющихъ введеніе въ географію (1-й классъ), переходили къ общимъ свѣдѣніямъ о

---

[1]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 135 (рук. б. к. ак. № 725).

каждомъ государствѣ и подробнѣе — о Россіи (2 — классъ); далѣе, шло описаніе земли по городамъ съ ихъ обывателями и математическая географія (3 и 4 — классы). Въ институтномъ классѣ географія соединена была съ исторіей.

Повелѣніе указа Св. Сунода 1798 года 31 октября о распространеніи медицинскихъ свѣдѣній между учениками на первый разъ въ академіи окончилось только заботою о томъ, чтобы въ библіотекѣ академіи были книги медицинскаго содержанія[1]) и назначеніемъ по очереди учениковъ въ помощь лѣкарю для практическаго ознакомленія ихъ съ свойствами лекарствъ и болѣзней и лѣченіемъ[2]). Въ такомъ положеніи дѣло находилось до 1802 года, когда императоръ Александръ I-й рѣшилъ, въ видахъ большаго распространенія въ духовномъ сословіи основательныхъ знаній по медицинѣ, ввести ее въ общій курсъ академій и семинарій. Въ указѣ 17 іюля мотивомъ для такого рѣшенія выставлено то, „что въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ врачей, по невѣжеству, закоренѣлому обычаю и по пріемамъ пользованія болѣзней, противнымъ естеству и здравому разуму, часто самые легкіе припадки дѣлаются смертоносны“. Для осуществленія намѣченной цѣли, въ томъ же указѣ повелѣно: 1) высылать въ медицинскіе институты по нѣскольку человѣкъ ежегодно съ спеціальною цѣлью приготовленія учителей для духовныхъ училищъ; 2) медицинской коллегіи поручено сочинить краткое, но ясное наставленіе о леченіи, съ описаніемъ обыкновенныхъ простонародныхъ болѣзней и лекарствъ, кои бы удобно могли быть составляемы въ самихъ селеніяхъ, и таковыя книги разсылать по духовнымъ училищамъ для надлежащаго употребленія; 3) до образованія своихъ учителей, врачебная управа должна снабжать духовныя училища преподавателями[3]). Съ сентября мѣсяца

[1]) Акты К-Бр. мон. и ак., собр. Асков. т. 3, № 109.
[2]) Акты К-Бр. мон. и ак. № 162 (рук. б. к. ак. № 725).
[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Асков. т. 4. № 6.

1802 года въ академіи уже былъ открытъ медицинскій классъ, Лекціи въ немъ читались два раза въ недѣлю по два часа каждая на латинскомъ языкѣ. Посѣщать его могли студенты богословіи, философіи, риторики, священно - церковническія дѣти—всѣ, а дѣти разночинцевъ—по произволенію. Если требовались какіе нибудь хирургическіе инструменты, то ихъ доставляла врачебная управа [1]). Какова была постановка самого ученія по этому предмету, не извѣстно. Извѣстно только, что въ немъ проходилась анатомія по выдержкамъ изъ Шармидта [2]). Классъ этотъ просуществовалъ до 18 іюля 1808 года, когда его велѣно закрыть [3]).

Обученіе церковному чтенію, пѣнію и уставу, повелѣнное синодскимъ указомъ 1798 г. 31 октября, въ росписаніи 1799 года положено было вести практическимъ путемъ въ церкви во время службы. Но вскорѣ были приняты къ этому и другія мѣры. Указомъ отъ 26 апрѣля того же года митрополитомъ повелѣно было учителю богословіи Иринею Фальковскому составить сокращенный церковный уставъ для преподаванія въ академіи и указано, какія статьи устава изъяснять по преимуществу [4]). Данное порученіе Ириней Фальковскій выполнилъ къ 1803 году [5]). Въ октябрѣ мѣсяцѣ для той же цѣли открытъ для монастыря и академіи вмѣстѣ классъ нотнаго и ирмойнаго пѣнія [6]). Для этого класса назначенъ былъ особый учитель. Съ своей же стороны митрополитъ, для поощренія студентовъ къ изученію церковнаго устава и къ обученію читать и пѣть по церковнымъ книгамъ, назначилъ экзаменъ для желающихъ получить церковный санъ.

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоченскимъ, т. 4, № 10.

[2]) Тамъ же, № 7.

[3]) Тамъ же, № 28.

[4]) Тамъ же, № 8.

[5]) Въ это время въ первый разъ въ читанномъ имъ богословскомъ курсѣ упоминается сокращенный церковный уставъ. „Преосв. Ириней Фальковскій, еп. Чигиринскій“. Булашева, Кіевъ 1899 г., стр. 125.

[6]) Акты К.-Бр. мон., и ак., собр., Аскоч. т. 4, № 3.

Въ случаѣ неудовлетворительности экзамена, онъ дѣлалъ замѣчаніе академическому начальству, самого же не выдержавшаго отдавалъ для обученія въ русскую школу [1]). Школа эта учреждена была по указу Св. Сунода 1800 года. Цѣль учрежденія русской школы при Кіевской академіи та, „чтобы обучались въ ней приготовляющіеся къ духовенству: чтенію, церковному уставу и кругу, нотному пѣнію и протчимъ, относящимся къ должности священно и церковно-служительской предметамъ" [2]). Кромѣ того, здѣсь учили катихизису, священной исторіи [3]). Учились въ ней всѣ, имѣвшіе способности, но не пересилившіе латыни [4]). Въ 1803 году курсъ образованія въ русской школѣ былъ расширенъ. Отъ Св. Сунода въ этомъ году было разослано „начертаніе для обученія въ русскихъ духовныхъ училищахъ". По этому начертанію, русская школа должна была состоять изъ трехъ классовъ. Въ первомъ положено обучать: русскому и славянскому чтенію съ чистописаніемъ, пѣнію обиходному и русской грамматикѣ; во второмъ—краткой священной исторіи, краткой исторіи и географіи всеобщей и россійской, ариѳметики и пасхаліи, и въ третьемъ—краткой логикѣ и риторикѣ россійской,—изучать книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, пространный катихизисъ, книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, руководство къ чтенію Св. Писанія и уставъ церковный съ практическимъ примѣненіемъ его въ церкви [5]). Въ первомъ классѣ ученіе должно продолжаться одинъ годъ, а во второмъ и третьемъ — по два года. Для каждаго класса былъ особый учитель. Чрезъ годъ 16 сентября рѣшено въ академіи быть одному учителю для русской школы, „поколику въ рос-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4 №№ 3, 8.

[3]) Тамъ же, № 7.

[4]) Тамъ же.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 11.

сійскій классъ не многое число поступаетъ учениковъ"[1]). Не смотря на всѣ эти мѣры, ученики даже высшихъ классовъ не всегда исправно читали не только по-славянски, но и по-русски[2]). Въ дальнѣйшее время, до самаго конца существованія старой Кіевской академіи, не было никакого измѣненія въ ея учебномъ курсѣ и въ порядкѣ преподаванія его[3]).

О классныхъ академическихъ порядкахъ не сохранилось документальныхъ данныхъ. Свѣдѣнія о нихъ можно находить у митрополита Евгенія, описавшаго ихъ на основаніи разсказовъ старожиловъ[4]). Въ классахъ ученики обычно сидѣли

---

[1]) Тамъ же, № 12.

[2]) Тамъ же, № 3 и Акты К.-Бр. мон. и акад. № 148 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Учебниками въ это время были: издаваемые комиссіею народныхъ училищъ—руководство къ чистописанію, правила для учащихся, катихизисы, россійская грамматика, книга о должностяхъ человѣка и гражданина, изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, руководства по исторіи, географіи, ариѳметикѣ и священной исторіи; польская грамматика Максима Семигиновскаго, введенная съ 1791 года (описан. К.-Соф. соб. 218), латинская, введенная въ 1779 году (тамъ же), греческая—изданная Бантышъ-Каменскимъ и пособіе къ послѣдней—разговоры Поселліевы; французская грамматика Соколовскаго, нѣмецкая—Гольтегофова и пособіе къ нимъ—разговоры Вегелиновы; еврейская грамматика—прежняя, а пособіе къ ней—разговоры Христофора Целларія; россійская поэзія Аполлоса, введенная съ 1776 г. (тамъ же), латинская—Ѳ. Прокоповича; россійская риторика Ломоносова, латинская новая—Лежаева, но не оставлена и прежняя—Бургіева, введенная въ 1776 г. (тамъ же); домашняя экономія Флорина; философія Баумейстера, а исторія естественная и физика, недостающія въ книгѣ Баумейстера, преподавались по руководствамъ, изданнымъ комиссіей; математика преподавалась по книгамъ Аничкова, Вейдлера, Вольфія; правила для нотнаго и армойнаго пѣнія—по запискамъ Георгія Барановича (Ак. К.-Бр. мон. и ак., соб. Аскоч. т. 4 № 7). Послѣ инструкціи 1763 г., богословіе преподавалось по догматикѣ Ѳ. Прокоповича, что особенно удобно было послѣ изданія въ 1772 г. его трактатовъ (Опис. К.-Соф. соб. 218) и дополненія его догматики Самуиломъ Миславскимъ. Теперь въ богословіи церковная исторія проходилась по руководству Рехенберга, герменевтика по Рамбаху, нравственное богословіе—по руководству Шанцову, догматико-полемическое богословіе—по Ѳ. Прокоповичу въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ Compendium'ѣ Иринея Фальковскаго („Пр. Ириней Фальковскій, еп. чигиринскій" Г. Булашева, стр. 120—127 и 135—136).

[4]) „Описан. К.-Соф., собора" стр. 240, прим. 151.

по успѣхамъ. Мѣсто наиболѣе успѣшныхъ студентовъ—первый столъ—называлось Senatus. Когда ученики разсаживались по мѣстамъ въ классѣ послѣ звонка, предъ приходомъ учителя авдиторъ, выбиравшійся изъ учениковъ же, выслушивалъ уроки товарищей и въ своихъ листахъ, называвшихся Notata и Errata, отмѣчалъ степень знанія выслушаннаго словами scit, nescit, errávit, non tota и др.; самихъ авдиторовъ выслушивалъ auditor auditorum. По субботамъ такимъ же порядкомъ выслушивалось все пройденное за недѣлю[1]), а студенты философіи и богословіи въ присутствіи ректора и всѣхъ учителей въ этотъ день произносили наизусть „авторскія рѣчи и на оныя имитаціи, также студенты философіи диссертаціи“ [2]). Авдиторы были во всѣхъ школахъ низшихъ до риторики, а въ послѣднія времена существованія академіи только въ грамматическихъ классахъ. Пришедши въ классъ, учитель сначала провѣрялъ авдиторовъ собственнымъ выслушиваніемъ нѣсколькихъ человѣкъ. Потомъ онъ объяснялъ слѣдующій урокъ. Сначала выяснялъ правила, подтверждая ихъ устными примѣрами; потомъ дѣлались переводы[3]). Въ концѣ мѣсяца бывали публичные экзамены[4]).

Если обратить вниманіе на то, что новаго внесено было въ академическій курсъ реформами Самуила Миславскаго и послѣдующими, то окажется, что, кромѣ усиленія филологическихъ знаній и въ прежнее время весьма обильныхъ, введены были въ него общеобразовательные предметы, изъ коихъ съ положительными знаніями только исторія и географія, главное же значеніе и здѣсь отдано наукамъ формальнымъ, именно—математическимъ. Не смотря на всѣ хорошія начинанія, преобразованія эти не привели, да и не могли привести къ осо-

[1]) „Опис. К.-Соф. соб.“, прибавленіе, стр. 220.
[2]) „Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1, № 7.
[3]) „Описаніе К.-Соф. собора“, прибавленіе, стр. 219—220.
[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 7.

бенно хорошимъ результатамъ. Каковы были результаты преобразованія и какой вообще уровень образованія былъ въ Кіевской академіи наканунѣ ея преобразованія, можно видѣть изъ испытаній, произведенныхъ надъ ея питомцами при составленіи въ 1817 г. перваго курса Кіевской семинаріи. Изъ числа экзаменовавшихся—священно-церковно-служительскихъ дѣтей: 67 студентовъ богословіи, 96 студентовъ философіи, 222 учениковъ риторики, 82—поэзіи, 260—грамматическихъ классовъ и 168 обучавшихся начаткамъ латинскаго языка и 65 разночинническихъ дѣтей — для высшаго отдѣленія семинаріи оказались годными только 46 человѣкъ, для средняго—66, а для низшаго—134 человѣка. Остальные же поступили въ приходскія духовныя училища [1]).

Чтеніе книгъ и академическая библіотека.

Изученіе предметовъ учебнаго курса классное и внѣклассное дополнялось свободными занятіями учениковъ,—главнымъ образомъ чрезъ чтеніе книгъ. Правда, учебный курсъ, съ его латынью и рукописными учебниками отнималъ огромное количество времени у учениковъ. Немногіе, конечно, кромѣ наиболѣе даровитыхъ, могли послѣ изученія всѣхъ уроковъ и переписки учебниковъ найти время еще для чтенія книгъ. Больше времени для чтенія оставалось у учениковъ послѣ того, когда начали вводиться въ академіи печатные учебники. Особенно большое вниманіе на это полезное дѣло было обращено въ просвѣтительный вѣкъ Екатерины II. Въ инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ рекомендовалось больше заниматься чтеніемъ книгъ, „ибо безъ чтенія таковаго одни школьные классы весьма недовольны къ просвѣщенію учащагося и къ обогащенію его, къ проповѣди слова Божія приготовляемаго“ [2]). При митр.

[1]) „Нѣсколько словъ объ открытіи Кіев. дух. сем. въ 1817 году“, свящ. Троцкій, Кіев. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 19, 448—449.

[2]) Полн. собр. зак. т. XVI, № 11718.

Самуилѣ Миславскомъ обращено было вниманіе на этотъ предметъ въ Кіевской академіи. Многіе изъ учителей заботились о развитіи этого полезнаго занятія въ академіи. Такъ, Ѳ. И. Тимковскій, учившійся въ Кіевской академіи въ 1785—1789 годахъ, разсказываетъ, что учитель Викторъ Прокоповичъ „имѣлъ въ Москвѣ двухъ братьевъ, перешедшихъ къ университетъ. Отъ нихъ получалъ издаваемыя новости и завелъ у себя маленькое собраніе въ воскресные дни по утрамъ для чтенія, выборомъ четырехъ подростковъ, куда принятъ и я на послѣдніе три года. Рано мы сходились къ нему въ братскую обитель, пили чай и поочередно читали то лучшія статьи періодическихъ изданій листами при Московскихъ вѣдомостяхъ, то переводы Фенелонова Телемака, Мармонтеля и другое, гдѣ онъ вмѣшивалъ свои замѣчанія. На первый звонъ къ поздней обѣднѣ онъ велъ насъ съ большими ключами въ академическую библіотеку своего вѣдомства. Тамъ оставались мы до конца обѣдни“ [1]). Для содѣйствія развитію чтенія между учащимися Иринеемъ Фальковскимъ въ 1792 году, въ бытность его учителемъ поэзіи, учреждено „Вольное піитическое общество“. Самимъ учредителемъ начертаны были слѣдующія основанія „новоучрежденнаго Вольнаго піитическаго общества“. „Намѣреніе учрежденія Вольнаго піитическаго общества, говоритъ онъ, состояло въ томъ, чтобъ членамъ сего общества доставить всегдашнее чтеніе самыхъ хорошихъ книгъ, что приведено въ дѣйствіе слѣдующимъ образомъ: общество при первомъ открытіи своемъ купило хорошихъ россійскихъ книгъ 80 за 80 рублей, которыя можетъ для чтенія предложить 80 членамъ своего собранія, изъ чего слѣдуетъ 1-е, что каждый членъ сего общества долженъ положить въ казну онаго одинъ рубль, ежели навсегда хочетъ пользоваться чтеніемъ сихъ книгъ, 2-е, что сколько новыхъ членовъ сіе общество пріиметъ, столько же долженствуетъ купить и новыхъ книгъ для чтенія имъ. Почему общество

[1]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топогр. Кіева, 164—165.

составило совѣтъ изъ 12 первыхъ членовъ для всегдашняго совѣтованія о полученіи пользы изъ сего учрежденія, а между тѣмъ объявляетъ слѣдующее: 1) всякій ученикъ, желающій вступить въ сіе общество, долженъ положить въ казну общества денегъ рубль, ежели навсегда хочетъ пользоваться книгами, либо полтину, ежели на одинъ годъ, — и сіи деньги можетъ взносить и по частямъ, ежели кто недостаточенъ; 2) каждый членъ сего общества будетъ получать еженедѣльно по понедѣльникамъ по одной книгѣ для чтенія по порядку, а ежели книгу свою прежде окончанія недѣли прочтетъ, то можетъ у другого сочлена, по согласію его, брать книгу, а свою ему давать: однако не долженъ никогда давать книгъ сихъ не принадлежащимъ къ сему обществу ученикамъ" [1]. Дальнѣйшая судьба общества неизвѣстна.

Однако общество было только пособіемъ для чтенія книгъ; главнымъ же источникомъ, откуда онѣ получались, была академическая библіотека. Въ разсматриваемый періодъ времени въ академіи существовали двѣ библіотеки: общая академическая и спеціально-ученическая. Начало послѣдней библіотеки положено около 1768 года [2]. Многіе изъ бывшихъ питомцевъ академіи тотчасъ же откликнулись на нужды бурсаковъ и тотчасъ начали присылать для нея посильныя пожертвованія [3]. Ученическая библіотека хранилась сначала въ бурсѣ, но въ 1772 году, за неимѣніемъ въ ней мѣста,

---

[1]) Ркп. К.-Соф. соб., № 489. См. „Преосв. Ириней Фальковскій, еп. Чигиринскій" Г. Булашева, Кіевъ 1883 г., стр. 102—103.

[2]) 10 ноября 1769 года Семенъ Ивановичъ Гамалѣя писалъ въ бурсу: „Почтеннѣйшіе господа, любезнѣйшая братія! Я слышалъ, что въ бурсѣ теперь заводится библіотека; прошу, государи мои, удостоить и меня быть вкладчикомъ и принять книги".. Очевидно, въ это время библіотека только что была заведена. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 31.

[3]) Отъ 1768 по 1771-й годъ въ бурсацкую библіотеку присланы были книги: отъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго—174, отъ доктора Конст. Ив. Щепина—6, отъ Бибикова—4, отъ Монотиса—17, отъ Козельскаго—2, отъ Рача—1, отъ Василія Рубана—10, отъ Сулимы—7, отъ Григорія Козицкаго—38, отъ архі-

перенесена была въ академическую библіотеку, гдѣ и сохранялась подъ наблюденіемъ общаго библіотекаря.

Общая академическая библіотека достигла въ то время весьма значительныхъ размѣровъ. Къ 1780 году она вмѣщала въ себѣ до 12000 книгъ[1]). Неизвѣстно, сколько книгъ уцѣлѣло отъ пожара библіотеки, бывшаго въ 1784 или 1785 годахъ[2]). Немедленно послѣ пожара въ библіотеку потекли пожертвованія. Съ благоначинанія митр. Гавріила Кременецкаго, подарившаго въ библіотеку множество книгъ, начали жертвовать ихъ и другія весьма многія лица. Таковы, напр., Веніаминъ Пуцекъ—Григоровичъ[3]), пожертвовавшій много твореній свв. отцовъ, Самуилъ Миславскій, Димитрій Устимовичъ[4]). Давидъ Нащинскій отказалъ академіи всю свою библіотеку; Іеронимъ, іером. Пустынно-Николаевскаго монастыря, пожертвовалъ 213 книгъ, а Іоакинѳъ Карпинскій—191 книгу[5]). Послѣ своей смерти отказалъ 1147 книгъ, нѣсколько картинъ, картъ и ландкартъ учитель академіи Иванъ Самойловичъ[6]). Многіе жертвовали свои собственныя сочиненія. Такъ сдѣлалъ Ириней Фальковскій[7]), митрополитъ московскій Платонъ[8]). Нѣкоторыя книги по приказанію митрополита были взяты изъ книжной лавки и переданы въ библіо-

епископа московскаго Амвросія—1, отъ Ивана Б.-Каменскаго—5, отъ Василія Крамаренко—9, отъ купца второй гильдіи Якова Добрынина—38, отъ Семена Ивановича Гамалѣи—16 и отъ доброхотныхъ дателей—33 книги. Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Асковенскимъ, т. 3, № 31.

[1]) „Ист. Кіев. акад.“, 134. „Кіевъ съ академіей“, 303.

[2]) По свидѣтельству преосв. Макарія, библіотека сгорѣла „почти безъ остатка“. Ист. К. ак., 135.

[3]) „Изъ дн. м. Серап.“ Тр. К. д. ак. за 1882 г., октябрь, 240.

[4]) Имена ихъ можно видѣть на книгахъ, хранящихся въ библіотекѣ. „Ист. К. Академія“, 135.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 50.

[6]) Тамъ же, № 58.

[7]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 170 (рук. б. к. ак. № 725).

[8]) „Изъ днevн. м. Серапіона“ Тр. К. д. ак. за 1882 г., октябрь, 232.

теку [1]). 816 книгъ было куплено у роменскаго протоіерея Крыжановскаго [2]), другія книги выписаны были изъ книжныхъ магазиновъ [3]). Выписывались въ академію и журналы [4]). Вмѣстѣ съ книгами въ библіотеку жертвовались [5]) и покупались физическіе, математическіе и географическіе инструменты и приборы [6]). Благодаря благотворителямъ и заботѣ академіи, библіотека скоро умножилась книгами, такъ что въ 1804 году въ ней было уже до осьми тысячъ книгъ [7]). Къ 1811 году она увеличилась еще болѣе. Но въ это время ей снова пришлось пострадать отъ пожара, испепелившаго почти весь монастырь [8]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 3, № 64.

[2]) Тамъ же, № 51.

[3]) Часто выписка производилась на весьма значительную сумму, такъ въ 1789 году—на 905 рублей. Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 61, 150 (рук. б. к. ак. № 725). Выписывались также весьма цѣнныя изданія. Такъ, была выписана всеобщая исторія въ 125 томахъ („изъ дневн. м. Сер.“ Тр. К. д. ак. за 1882 г., окт., 239 и 242) и французская энциклопедія за 260 р. Ак. К.-Бр. м. и ак. № 108 (р. б. к. ак. № 725).

[4]) Въ перепискѣ м. Серапіона въ письмѣ къ нему отъ 7 марта 1805 г. Н. В.-Каменскаго говорится, что онъ посылаетъ въ академію 4 журнала и между ними „Другъ просвѣщенія“. Кіев. Епарх. вѣд. за 1886 г., № 15.

[5]) Въ 1808 году Александръ Якушкинъ пожертвовалъ академіи камеръ-обскуру, телескопъ Рамедена и два глобуса—одинъ земной, а другой небесный—Гемелія. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 22.

[6]) Тамъ же, № 7.

[7]) „Изъ Дневн. м. Серап.“ Тр. К. д. Ак. за 1882 годъ, октябрь, 228.

[8]) Существуютъ два противоположныхъ взгляда на пожаръ библіотеки 1811 года 9-го іюля. В. Аскоченскій (ч. 2, 464) утверждаетъ, что „академическая библіотека, сохранявшая въ себѣ книги еще Петра Могилы такъ же (какъ и весь монастырь) сгорѣла“, а въ доказательство приводитъ изъ современнаго журнала „Улей“ стихи, въ которыхъ, между прочимъ, сказано:

„И ты вторично (разумѣется предшествующій пожаръ) испытала
Въ теченіи немногихъ лѣтъ
Уронъ сокровищъ, чѣмъ питала
Умъ юношескій; угасъ ихъ свѣтъ!
Твой вертоградъ опустошенный,
Когда, когда возстанетъ вновь
Оплота и сѣмянъ лишенный?“

Потери во время пожара скоро стали пополняться новыми пріобрѣтеніями. Въ годъ пожара помѣщикъ Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, с. Засулья Іосифъ Марковичъ Марковичъ пожертвовалъ „всю свою греко-латинскую и на другихъ языкахъ напечатанную и рукописную и кромѣ философическихъ, историческихъ и другихъ, большею частію рѣд-

(„Улей“ 1811 г. № VII, часть II, стр. 146). Преосвящен. Макарій утверждаетъ только, что „не безъ значительнаго убытка обошелся для нея (библіотеки) пожаръ 1811 года“ (136). Хотя преосв. Макарій не указываетъ основанія, но съ нимъ нужно согласиться. Во-первыхъ, на книгахъ много сохранилось надписей о пожертвованіи книгъ въ библіотеку до 1811 года, во-вторыхъ, современникъ пожара и человѣкъ, весьма близкій къ академіи, ея учитель Максимъ Берлинскій въ своемъ описаніи Кіева говоритъ: „въ 1811 году весь монастырь пожаромъ опустошенъ, кромѣ академической библіотеки, находящейся въ верхнемъ этажѣ одного каменнаго строенія“ („Кратк. описаніе Кіева“, Спб. 1820 г., стр. 100—101). Въ-третьихъ, ясное указаніе на то, что библіотека въ пожаръ 1811 года не сгорѣла, есть и въ актахъ академіи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Правленіе Академіи доносило митрополиту: „какъ во время случившагося въ Кіево-Подолѣ минувшаго іюля 9 дня пожара, *изъ имѣющейся при академіи книгопродажи* нѣкоторыя учебныя книги были выносимы и изъ нихъ часть по невозможности было унести уже ихъ далѣе и сохранить, за объявшимъ въ окружности пламенемъ, утрачены или сгорѣли“, то правленіе находило необходимымъ освидѣтельствовать, „сколько книгъ въ сей пожаръ сгорѣло или утрачено и сколько ихъ на лицо состоитъ“. Такимъ образомъ, академическое правленіе находило нужнымъ освидѣтельствовать не академическую библіотеку, а одну только книгопродажную лавку. На это доношеніе митрополитъ приказалъ 16 сентября: „посему препоручить гг. учителямъ К. Соколовскому и Д. Куницкому учинить освидѣтельствованіе и повѣрку съ прежними реестрами не только симъ книгамъ, но и всѣмъ, въ общей библіотекѣ имѣющимся, поколику и изъ сихъ, какъ отъ академіи отъ іюля было репортовано, во время бывшаго пожара *нѣсколько книгъ сгорѣло и утрачено*“. (Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 33). Что во время пожара библіотеки нѣкоторыя книги были утрачены, это само собою понятно. Во-первыхъ должны были сгорѣть почти всѣ книги, бывшія на рукахъ у учителей, такъ какъ ихъ квартиры, бывшія въ Братскомъ монастырѣ, сгорѣли; во-вторыхъ, несомнѣнно утрачены были многія изъ тѣхъ книгъ, которыя выносились во-время пожара изъ библіотеки, и книги, бывшія въ рукахъ у нѣкоторыхъ квартирныхъ учениковъ. Отсюда дѣлаются понятными и слова стиховъ объ уронѣ сокровищъ, но не окончательномъ ихъ уничтоженіи.

кими богословскими книгами изобилующую библіотеку"[1]) съ тѣмъ, чтобы всѣ книги этой библіотеки „отдѣльно опредѣлены были на свободное чтеніе бѣднымъ и неимущимъ, а паче богословіи студентамъ"[2]). Въ общую библіотеку отказалъ въ 1809-мъ году всѣ иностранныя книги своей библіотеки статскій совѣтникъ, бывшій воспитанникъ академіи Семенъ Спѣшницкій[3]). По желанію архимандрита Пустынно-Николаевскаго монастыря и соизволенію митрополита, была передана въ академію 13—марта 1812 года библіотека этого монастыря[4]). Пожертвовали свои библіотеки въ академію соборный старецъ Кіево-печерской лавры Іероѳей Нащинскій и надворный совѣтникъ Скоропышницкій[5]).—Нѣсколько книгъ завѣщалъ умершій въ мартѣ 1814 года въ Петербургской академіи, присланный туда изъ Кіевской—студентъ Яковъ Бѣлявскій[6]). Пополнялась библіотека и покупкою книгъ. 570 книгъ куплено академіею въ 1815 году у протоіерея Іоанна Леванды[7]). Продолжалась также выписка книгъ и журналовъ[8]). Образцовымъ порядкомъ академическая библіотека похвалиться не могла. Назначенный въ 1815 году библіотекаремъ протоіерей Павелъ Алышевскій обвинялъ академическую администрацію въ большихъ безпорядкахъ по библіотекѣ. Онъ доносилъ митрополиту,

---

[1]) Аскоченскій (ч. 2, 465) совершенно невѣрно приписываетъ эти и далѣе у него напечатанныя слова Спѣшницкому.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 34.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 34. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, онъ служилъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 173 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 60.

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 187 (рук. б. к. ак. № 725).

[7]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 59.

[8]) Въ 1816 году выписывались слѣдующіе журналы: „Московскія Вѣдомости", „Сѣверная Почта", „Вѣстникъ Европы", „Историческій, географическій и статистическій журналъ", „Инвалидъ", „Сынъ Отечества", „Русскій Вѣстникъ", „Нравственно-христіанскій журналъ" и „Чтенія въ бесѣдѣ любителей русскаго слова". Ак. К.-Бр. мон. и ак., соб. Аск. т. 4, № 47.

что на многія части академической библіотеки вовсе нѣтъ описей, что учителя не записываютъ взятыхъ ими книгъ и не возвращаютъ ихъ для провѣрки [1]). Правда, такой безпорядокъ произведенъ былъ, главнымъ образомъ, послѣднимъ пожаромъ библіотеки, но запись книгъ и раньше его велась неаккуратно [2]). Извѣстно, что, если умиралъ кто нибудь изъ академической корпораціи, то обычно дѣлался осмотръ его вещамъ, не окажется ли между ними какой либо книги,— очевидно, по записямъ это было не извѣстно [3]). Часто академическія книги находились при освидѣтельствованіи вещей по смерти лицъ, постороннихъ для академіи. Такъ, напримѣръ, было по смерти игумена Кіево-Выдубецкаго монастыря Іакова [4]).

Воспитаніе.

Представленный очеркъ учебнаго академическаго курса показываетъ, что его общее духовное направленіе съ половины XVIII вѣка все болѣе начинаетъ специализироваться. Съ этого времени чѣмъ дальше, тѣмъ опредѣленнѣе начинаетъ высказываться мысль о томъ, что цѣль академіи состоитъ въ приготовленіи пастырей и учителей церкви. Уже въ проэктѣ Манассіи Максимовича, кромѣ введенія катихизиса, т. е. усиленія вообще духовнаго образованія, въ низшихъ классахъ, въ которыхъ раньше не было вовсе духовныхъ наукъ, предлагалось, хотя только для тѣхъ, кто намѣренъ принять священство или монашество, ввести упражненіе въ составленіи проповѣдей „отъ чего плодъ ученія можно познать" [5]). Еще опредѣленнѣе мысль о подготовительномъ для духовнаго служе-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 215 (рук. б. к. ак. № 725).
[2]) Тамъ же.
[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 19, 36 (рук. б. к. ак., № 725).
[4]) Консистор. арх. д. 1774 г., № 21.
[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1, № 42.

нія значеніи академіи высказана въ инструкціи 1763 года [1]). Въ указѣ 31 октября 1798 года сказано, что „главное намѣреніе, съ которымъ духовныя училища учреждены, есть то, дабы доставить церкви хорошихъ слова Божія проповѣдниковъ“. Отсюда задача академіи образовать учителей, способныхъ приготовлять въ семинаріяхъ хорошихъ проповѣдниковъ слова Божія [2]). Но, выполняя эту цѣль, академія сама дѣлала тоже, что и другія духовныя училища,—приготовляла пастырей церкви. Если въ академіи вводились въ это время свѣтскія науки, то онѣ служили цѣли общаго развитія, не измѣняя характера духовнаго академическаго образованія. Какъ на главную цѣль академіи, на воспитаніе и обученіе юношества, „приготовляемаго въ ней къ духовному званію и на учительскія должности“, смотрѣлъ и митроп. Серапіонъ, пятнадцать послѣднихъ лѣтъ бывшій главнымъ начальникомъ Кіевской академіи [3]). Согласно съ общимъ направленіемъ образованія и воспитаніе въ академіи было религіозно-церковное. Въ основѣ всего воспитанія лежала одна идея—воспитаніе юношества въ страхѣ Божіемъ, въ строго православной вѣрѣ. Эта общая идея, проникавшая всѣ частные пункты, опредѣляющіе обязанности наставниковъ и воспитываемаго ими юношества, не была новою для второй половины XVIII вѣка. Положенная въ основу академическаго воспитанія основателями академіи, она и теперь осталась неизмѣнной. Даже и пріемы воспитанія остались въ существенномъ тѣ же. Главное воспитательное значеніе имѣлъ, конечно, самый порядокъ

---

[1]) „Понеже, сказано въ инструкціи, учащіеся богословія по большой части рукополагаются во священника или въ монашество идутъ, для того велѣть имъ означать проповѣди три раза въ годъ“. Также приказано „дабы ученики, избирая себѣ состояніе, наипаче священническое или монашеское, могли дѣйствительно знать, въ чемъ состоитъ богословія и какъ оною другихъ пользовать“. Кіев. Епарх. Вѣд. 1893 г. № 19.

[2]) Полн. собр. закон. т. XXV, № 18726.

[3]) Его записки о постано учебно-воспитательнаго дѣла въ академіи Акты К.-Бр. мон. и ак., сбор. Аскоч. т. 4, № 17).

жизни питомцевъ. Ближайшимъ воспитателемъ являлся каждый учитель въ своей школѣ. Поэтому, прежде всего, внушалось самимъ учителямъ, чтобы они во всемъ наставляли питомцевъ, „образъ всякой добродѣтели отъ себя подавая". Идя въ классъ и изъ него, они должны быть вмѣстѣ съ ними, вмѣстѣ заходить въ церковь и творить молитву, а также—посѣщать богослуженіе въ праздничные дни. Они же были обязаны внушать, чтобы ученики все это исполняли не опустительно. Въ домашней жизни и школахъ полагается строгій порядокъ. Въ опредѣленные часы воспитанники должны были спать, гулять и заниматься уроками, въ извѣстные часы и въ опредѣленномъ порядкѣ, поочередно, начиная съ младшихъ, отправляться въ школу и въ церковь. Въ опредѣленномъ порядкѣ ученики шли, сидѣли въ школахъ и стояли въ церкви. Внушая собственнымъ примѣромъ всѣ правила благоприличія, академическое начальство по инструкціи обязано было удалять отъ питомцевъ все, что могло вредно вліять на ихъ нравственность. Поэтому, неисправимыхъ учениковъ—„непобѣдимой злобы"—приказывалось исключать изъ академіи, а также запрещалось ученикамъ жить на квартирахъ съ лицами подозрительнаго поведенія, ходить на зрѣлища и бои, буйствовать и пьянствовать по ночамъ; запрещалось не только содѣйствовать, но даже и повиноваться старшимъ въ дѣлахъ безчестныхъ [1]). Замѣчательный примѣръ обереженія воспитанниковъ отъ вредныхъ вліяній былъ при митроп. Самуилѣ Миславскомъ. Онъ учредилъ самый бдительный надзоръ за преподавателями изъ иностранцевъ [2]), опасаясь внушенія ими въ умы студентовъ вредныхъ идей тогдашней французской философіи. Впослѣдствіи это опасеніе повело за собою упраздненіе французскаго языка [3]).

Всякое уклоненіе отъ опредѣленнаго инструкціею непре-

---

[1]) Инстр. Рафаила Заборовскаго. Ак. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1 № 42.

[2]) Акты. К.-Бр. мон. и ак. № 35 (рук. б. к. ак. № 725)

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3 № 72.

мѣнно должно было сопровождаться увѣщаніемъ, угрозою наказанія или наказаніемъ. Педагогическое значеніе наказанія, какъ исправительнаго средства, замѣнялось юридическимъ караніемъ проступка. Послѣ нѣскольких разъ прощенія и угрозы, проступокъ обязательно долженъ былъ наказываться. Инструкція 1763 года предписывала снисходительныя наказанія. За невыученный неоднократно урокъ учителя были обязаны „малолѣтному кромѣ трехъ ударовъ, а большаго возраста кромѣ пяти никогда не давать и то имѣя разсужденіе о состояніи, о здравіи и слабости дитины". Болѣе сильныя наказанія положены были за проступки противъ нравственности. За проступокъ, „который произошелъ приватно между учениками отъ взаимной ссоры, или ребячей шалости, а не касается къ обидѣ стороннихъ людей, то и тогда учителю давать ударовъ не болѣе, какъ двадцать, а за проступки, вящшаго еще наказанія достойные, всегда доносить префекту, а самому учителю не наказывать". Префекту же не положено границы наказанія. Только сказано, чтобы наказывать „малыхъ розгою, а большихъ и среднихъ первѣе словомъ угрозительнымъ, другой разъ переведеніемъ съ высшей школы въ низшую, третій лишеніемъ кондиціи или мѣста опредѣленнаго и инымъ наказаніемъ по разсмотрѣніи дѣла и вины, а наконецъ на неисправляющихся доносить ректору" [1]). Митр. Гавріилъ Кременецкій вовсе запретилъ учителямъ сѣчь учениковъ розгами [2]), но его приказаніе, не отмѣненное никѣмъ, не исполнялось. Не исполнялось и предписаніе инструкціи относительно количества ударовъ [3]). Въ преступленіяхъ большой важности, какъ

---

[1]) Инструкція 1769 г. Кіев. Епарх. Вѣдом. 1898 г. № 20.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 16 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Такъ, въ январѣ 1790 г. ученикъ риторики въ прошеніи къ митрополиту писалъ: „получивъ не по заслугамъ, но по злобѣ отъ учителя риторики въ классѣ наказаніе очень чувствительное, стоящее около 50 ударовъ, болѣе уже ученія продолжать не намѣренъ". Не смотря на то, что академическое

то: бѣгство изъ академіи за границу, воровство, подделку документовъ и др., ученики, помимо академическаго начальства, судились въ общихъ учрежденіяхъ [1]). Кромѣ распоряженія митрополита Гавріила, мы не встрѣчаемъ никакихъ новыхъ дисциплинарныхъ правилъ до конца существованія старой академіи. Въ указѣ 31 октября 1798 года обще повелѣно имѣть „крайнее попеченіе, чтобъ, кромѣ ученія, насаждаемо было въ юношествѣ благонравіе". Средства воспитанія, кромѣ примѣра учителей, которыхъ приказано назначать съ разборомъ, указаны—внушеніе и строгій надзоръ инспекторовъ. Послѣдніе о проступкахъ должны доносить начальству, а оно „чинить пристойныя виновнымъ исправленія", неисправимыхъ же увольнять изъ академіи [2]).

Для эстетическаго развитія питомцевъ академіи въ ней было весьма сильно развито *два занятія*: рисованіе и музыка—вокальная и инструментальная. Для занятія рисованіемъ, какъ мы видѣли, при Самуилѣ Миславскомъ былъ открытъ особый классъ. Классъ рисованія былъ весьма любимъ учениками [3]). Но помимо классныхъ занятій, что доставалось на долю наиболѣе талантливыхъ, а можетъ быть, и состоятельныхъ учениковъ, рисованіемъ занимались почти всѣ воспитанники. По свидѣтельству Тимковскаго, „рисованье было почти общимъ у всѣхъ, начиная правилами школы и восходя до фигуръ и ландшафтовъ, штрихомъ, тушью и красками" [4]). Наилучшимъ доказательствомъ процвѣтанія рисованія въ Кіевской академіи

начальство не хотѣло увольнять, митрополитъ, по изслѣдованіи дѣла, показываетъ, что ученикъ, хотя вообще дерзкій и неисправный, наказанъ несправедливо, приказалъ уволить его для поступленія въ медико-хирургическій институтъ. Консистор. арх. д. 1790 г. № 2.

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 91, 95, 125 (р. б. к. ак. № 725).

[2]) Полное собраніе законовъ, т. XXV, № 18726, п. 19.

[3]) Въ 1799 г. въ немъ было 88 человѣкъ (Кон. ар. д. 1800 г. № 422), въ 1802 г.—150 (ак. К.-Бр. м. и ак., с. Аскоч. т. 4, № 7).

[4]) „Сборн. матер. для историч. топогр. Кіева", стр. 166.

служатъ оставшіеся отъ того времени рисунки, которыми обильно изукрашалось все, начиная отъ конклюзій, приготовляемыхъ для торжественныхъ диспутовъ, и поздравительныхъ одъ митрополитамъ до ученическихъ тетрадей.

Что касается музыки, то на нее также было обращено большое вниманіе. Кромѣ класса церковнаго пѣнія, введеннаго въ академіи сравнительно довольно поздно, обычно нанимались: регентъ—для обученія пѣнію огромнаго академическаго хора, состоявшаго иногда изъ 300 человѣкъ [1]), и капельмейстеръ—для обученія инструментальнаго оркестра. Наблюденіе за музыкой поручено было суперъ-интенденту бурсы. Въ инструкціи, данной ему, сказано: „имѣть вамъ смотреніе о вокальной и инструментальной музыкѣ, наблюденіе за регентомъ и капельмейстеромъ: по надлежащему и сходственно ли капельмейстеръ поступаетъ въ обученіи музыкѣ, какъ контрактомъ обязался? О томъ подавать рапортъ еженедѣльно письменный въ правленіе съ изъясненіемъ, чему кто изъ вновь опредѣленныхъ и изъ старыхъ музыкантовъ чрезъ недѣлю изучился, сколько разъ была исправляема въ недѣлю музыка, кто изъ учащихся въ оной вновь принятъ и, если усмотрите недостатокъ въ учащихся музыкѣ, докладывать предварительно и благовременно сему правленію. При всемъ томъ имѣть въ спискахъ, сколько отъ уконтрактованія капельмейстера выучено и каковыхъ хоровъ, или каковыя вновь искуплены музыкальныя штуки; репортовать, сколько имѣется на лицо инструментовъ, сочиненій, и всѣ ли въ цѣлости, и притверждать учащимся, что бы все въ цѣломъ было сохраняемо, на что безъ умедленія забрать обстоятельную вдвойнѣ вѣдомость: одну при рапортѣ представить въ правленіе, а другую оставить у себя“ [2]). О прекрасной постановкѣ музыки въ

[1]) „Изъ дневн. м. Серап.“ Тр. К. д. Ак. 1882 г., октябрь, стр. 235.
[2]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 4, № 9.

академіи можно заключать изъ того, что изъ нея въ это время вышли такіе знаменитые композиторы, какъ Березовскій, Ведель и др. Кромѣ обычнаго развлеченія студентовъ, музыка играла весьма важную роль во всѣхъ академическихъ торжествахъ.

Обставляемые весьма торжественно академическіе праздники имѣли также огромное развивающее значеніе. Одни изъ академическихъ праздниковъ отличались только болѣе торжественнымъ—иногда съ участіемъ митрополита—богослуженіемъ, таковы дни храмовыхъ праздниковъ: Крещенія [1]) и Благовѣщенія [2]). Кромѣ храмовыхъ праздниковъ, „нарядиѣе всѣхъ учениковъ выходы въ церковь, по свидѣтельству м. Евгенія, бывали ежегодно 31 декабря на вечерню въ день кончины митрополита Петра Могилы“, когда по немъ совершалась торжественная панихида и говорилось однимъ изъ учителей слово „въ похвалу сего мецената“ [3]). Другіе праздники отличались торжественными процессіями. Такъ, въ Лазареву субботу вечеромъ обычно совершалась процессія изъ Георгіевской на старомъ городѣ церкви, а если бывала грязь—изъ подольской Рождественской или Греческаго монастыря въ Братскій монастырь. Академисты шли обычно съ вербою, предшествуемые ректоромъ и наставниками изъ духовныхъ [4]). Принадлежностью третьяго рода академическихъ торжествъ необходимо бывали рѣчи, стихи или разговоры, а иногда—

[1]) „Изъ Дневн. м. Серапіона“ Труды К. д. Акад., ноябрь, 1882 года, стр. 337, 342, 345, 356 и др.

[2]) Тамъ же, октябрь, стр. 230, 235; ноябрь, стр. 337, 347 и др.

[3]) „Опис. К.-Соф. соб. Прибав.“, стр. 223. Здѣсь нужно замѣтить, что, по свидѣтельству м. Евгенія, праздникъ св. Анны, съ котораго въ прежнее время начиналось собираніе подаяній, къ концу существованія старой академіи потерялъ свою торжественность. Это обстоятельство подтверждается и тѣмъ, что въ дневникѣ митрополита Серапіона, тщательно отмѣчавшаго всѣ парадные дни и случаи, бывшіе при немъ въ академіи, не упоминается о праздникѣ 9 декабря.

[4]) „Изъ Дневн. м. Серап.“ Тр. К. д. Ак. 1882 г., октябрь, стр. 230, 235; ноябрь 337, 359.

драматическія представленія. Очевидно, что для приготовленія всего этого много нужно было старанія и прилежанія со стороны учениковъ. Желаніе отличиться и сама торжественная обстановка привлекали учениковъ къ занятію этимъ полезнымъ дѣломъ. На тетрадяхъ, заключающихъ въ себѣ стихотворныя и прозаическія на разныхъ языкахъ привѣтствія отъ академіи м. Серапіону Александровскому, кромѣ подписи учителей, встрѣчаются иногда довольно многочисленныя подписи учениковъ [1]). Если принять во вниманіе, что академическіе праздники были сравнительно часты, то ясно, какое огромное значеніе они должны были имѣть. Къ числу такихъ торжествъ относились праздники Рождества, Пасхи и дни имянинъ митрополита. Въ эти дни студенты поздравляли митрополита, говоря ему на разныхъ языкахъ прозаическія и стихотворныя привѣтствія [2]). Въ лѣтнее время для академистовъ устраивались гулянья, называвшіяся рекреаціями. Рекреаціи происходили обычно въ первыхъ и послѣднихъ числахъ мая мѣсяца. Онѣ устраивались обычно за городомъ на Шулявкѣ, Глубочицѣ, около Кирилловскаго монастыря, а также, хотя и рѣдко, въ Борщаговкѣ. Кромѣ пѣнія и инструментальной музыки, рекреаціи иногда сопровождались драматическими представленіями. Такъ, напр., въ 1811 году 31 мая на рекреаціи, бывшей на Шулявкѣ, представлялась комедія „Пастухъ“ [3]). Но наибольшую торжественность имѣли академическіе диспуты. Особенно торжественно устраивались диспуты при м. Тимоѳеѣ Щербацкомъ. Еще наканунѣ диспута митрополитъ отправлялся въ Лавру, а утромъ того дня, когда былъ назначенъ диспутъ, туда съѣзжались всѣ знатнѣйшіе граждане Кіева. Часовъ въ

---

[1]) Такъ, въ 1812 году подписалось 14 учениковъ поэзіи, въ 1813 году — 9 студентовъ и учениковъ (Опис. рукоп. собр. наход. въ г. Кіевѣ № 277, ркп. VIII. 1. 118, стр. 290.

[2]) „Изъ Дневн. митр. Серапіона“ Тр. К. д. Ак. за 1882 годъ, октябрь, стр. 234; описаніе рук. собр. наход. въ г. Кіевѣ. Н. Петрова, стр. 290.

[3]) „Изъ Дневн. м. Серапіона“ Тр. К. д. Ак. за 1882 г. ноябрь, стр. 353.

девять всѣ гости въ лучшихъ своихъ экипажахъ, запряженныхъ въ присвоенное рангу каждаго члена процессіи число лошадей, ѣхали изъ Лавры къ Братскому монастырю. Кортежъ этотъ бывалъ такъ великъ, что когда начало его показывалось на спускѣ нынѣшней Александровской горы, то конецъ еще выѣзжалъ изъ Лавры. Площадь предъ монастыремъ обычно усѣяна была народомъ, а Братскій монастырь окруженъ цеховыми знаками. Митрополитъ при входѣ въ Братскій монастырь былъ встрѣчаемъ академическимъ хоромъ и рѣчью одного изъ студентовъ; выслушавъ рѣчь при пѣніи: „днесь благодать св. Духа насъ собра", митрополитъ шелъ въ залъ, гдѣ его встрѣчалъ академическій оркестръ. Послѣ молитвы „Царю Небесный" начинались привѣтствія на разныхъ языкахъ. Въ это время собирались послѣдніе изъ ѣхавшихъ съ митрополитомъ. Послѣ раздачи гостямъ программъ диспутовъ, начинался самый споръ, предваряемый небольшою рѣчью учителя и состоявшій въ доказываніи, съ одной стороны, и въ опроверженіи,—съ другой,—какого либо богословскаго или философскаго положенія, смотря по тому, какой былъ диспутъ [1]). Для увеличенія торжественности диспутовъ, при м. Гавріилѣ Кременецкомъ, положенія, которыя на нихъ предполагалось разбирать, писались на особомъ листѣ, прибивавшемся на церковныхъ вратахъ; на немъ указывался также день диспута [2]). Въ послѣдующее время диспуты не измѣнились существенно. При м. Серапіонѣ Александровскомъ диспуты бывали въ концѣ академическаго года, въ іюлѣ,—сначала богословскій, потомъ философскій [3]). Состояли диспуты по прежнему изъ привѣтствій въ стихахъ и прозѣ, диссертацій и объекцій и къ нимъ

[1]) „Кіевъ съ академіей", ч. 2, стр. 166—171.

[2]) „Истор. К. Ак.", стр. 132. Здѣсь преосвященный Макарій неправильно утверждаетъ, что публичные диспуты, запрещенные м. Самуиломъ Миславскимъ, послѣ него не существовали въ академіи.

[3]) „Изъ Дневн. м. Серап. Тр. К. д. Ак. за 1882 г., ноябрь, стр. 245—246

прибавлялись теперь разговоры на русскомъ языкѣ между младшими учениками [1]). Кромѣ этихъ ординарныхъ академическихъ торжествъ, бывали случайныя, вызывавшіяся случайными причинами, каковы, напр., посѣщенія академіи высокопоставленными людьми, а иногда и царственными особами. Такъ, въ 1781 году Братскій монастырь и академію посѣтилъ тогдашній наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ. По описанію современника, наслѣдникъ цесаревичъ предъ входомъ въ Братскій монастырь встрѣченъ былъ ректоромъ архимандритомъ Кассіаномъ съ учителями и монастырскимъ духовенствомъ, а „студенты отъ вратъ къ церкви стояли въ два ряда. Пѣвчіе же въ бѣломъ платьѣ съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы по сторонамъ шли и пѣли кантъ“. Приложившись къ Братской иконѣ Божіей Матери и выслушавъ рѣчь ректора, наслѣдникъ посѣтилъ школы, конгрегаціонную церковь, префектовскія кельи. „Тутъ академисты мальчики привѣтствія сказывали по единому сими языки: по русску, по польску, по латини, по нѣмецки, по французску, по еллиногречески, по еврейску. По сказаніи сихъ рѣчей, отецъ архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмаршаламъ графу Понятовскому (Его Величества короля польскаго племяннику) и графу Румянцеву и генералитету, тутъ бывшему, зеленою тафтою“ [2]). Подобная же встрѣча была сдѣлана императрицѣ Екатеринѣ II, посѣтившей въ 1787 году 11 апрѣля Братскій монастырь [3]), и императору Александру I, посѣтившему монастырь, академическую залу, гдѣ слушалъ

---

[1]) Тамъ же, октябрь, стр. 228—229. Отъ диспутовъ публичныхъ нужно отличать диспуты частные еженедѣльные, происходившіе по субботамъ между учителями и учениками, или только между послѣдними подъ наблюденіемъ учителя. Исторія Кіевской академіи, стр. 59.

[2]) „Кіевъ съ академіей“ ч. 2, стр. 313—314.

[3]) Тамъ же, стр. 359—360.

рѣчь префекта, классы и библіотеку 11 сентября 1816 года [1]). Способствуя умственному и эстетическому развитію учениковъ, указанныя нами торжества пріучали ихъ и къ внѣшней благовоспитанности. Они ставили академистовъ лицомъ къ лицу съ посторонникъ и притомъ большею частію отборнымъ обществомъ. Естественно заставляя обращать вниманіе на свой внѣшній видъ и пріемы, это обстоятельство, кромѣ того, давало возможность поучиться у другихъ [2]).

Внѣклассныя занятія учителей.

Будучи полезны для воспитанниковъ, академическія празднества были обременительны для учителей академіи. Учителямъ, какъ и ученикамъ, приходилось принимать участіе въ составленіи всякаго рода поздравленій, цѣлыхъ драматическихъ произведеній и краткихъ діалоговъ. Между тѣмъ учительская служба и такъ была очень трудна. Учительская карьера обычно начиналась съ обученія въ низшихъ классахъ. Каждый учитель для того, чтобы преподавать въ высшихъ классахъ, долженъ былъ послѣдовательно пройти чрезъ всѣ предшествовавшіе. Только наиболѣе даровитые или успѣвшіе обратить на себя вниманіе иногда сразу назначались въ высшіе классы, не проходя низшихъ. Если въ срединѣ года освобождалось мѣсто учителя одного изъ высшихъ классовъ, то всѣ учителя низшихъ классовъ повышались въ слѣдующій за занимаемымъ ими высшій классъ. Сами учители смотрѣли на это дѣло, какъ на желательное, такъ какъ академическіе классы были своего рода рангами, возвышавшими учительское внѣш-

---

[1]) „Изъ Дневн. м. Серап" Тр. К. д. Ак. за 1882 г., февраль, стр. 826—827; изъ рапорта кіевскаго почтмейстера Важенова министру внутр. дѣлъ отъ 17 сент. 1816 г. Кіев. Еп. Вѣд., 1870 г. № 23. Аскоченскій (т. 2, 480) противорѣчитъ этимъ свидѣтельствамъ, несомнѣнно достовѣрнымъ, говоря, что посѣщеніе это было 2 сент., а потому ошибается.

[2]) Какъ проводилось время помимо всѣхъ перечисленныхъ занятій, какія существовали въ академіи перв и проч.,—оффиціальные акты, къ сожалѣнію, не сохранили никакихъ свѣдѣній; нѣтъ подобныхъ извѣстій и въ немногочисленныхъ частныхъ документахъ, сохранившихся отъ того времени.

нее достоинство и вели за собою улучшеніе матеріальнаго положенія. Но само собою понятно, сколько вреда для учебнаго дѣла и труда учителямъ причиняло такое перемѣщеніе, когда учителю безъ должной подготовки приходилось браться за преподаваніе новаго предмета, а ученикамъ продолжать проходить его по новымъ пріемамъ, приносимымъ вновь поступившимъ учителямъ. Между тѣмъ перемѣщенія эти бывали весьма часто и нерѣдко въ срединѣ года. Для учителей такое положеніе дѣла тѣмъ болѣе было обременительно, что они вообще были завалены работою. Кромѣ занятій въ классахъ и исправленія ученическихъ упражненій на дому, на нихъ возлагались посторонніе обязанности. Одни изъ нихъ относились къ одному или нѣсколькимъ учителямъ, а другія касались всѣхъ. Такъ, напр., учитель греческаго языка обязанъ былъ дѣлать переводы съ греческаго языка всѣхъ бумагъ, которыя являлись на немъ въ академіи [1]). То же приходилось дѣлать и учителямъ польскаго языка [2]). Правда, въ этомъ дѣлѣ учителямъ иногда помогали ученики [3]), но ученическая помощь только облегчала работу, а не устраняла, такъ какъ требовала иногда исправленія или, по крайней мѣрѣ, провѣрки. На обязанности учителей обычно лежало преподаваніе большой и малой инструкціи [4]), происходившее еженедѣльно въ воскресный день предъ литургіей. Весьма рѣдко, когда у учителей не доставало времени для преподаванія этихъ предметовъ, для инструкціи назначались особые учителя [5]). На ректорѣ съ префектомъ лежала обязанность цензуры проповѣдей, писанныхъ учителями [6]).

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 9.

[2]) Конс. арх.; Прошеніе Ивана Орловскаго безъ номера и года съ подписью: „перевелъ учитель польскаго языка Игнатъ Гловацкій“.

[3]) Конс. арх. д. 1774 г. № 78; Ак. К.-Бр. м. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 78.

[4]) Подъ первымъ разумѣлось объясненіе Св. Писанія, а подъ вторымъ — объясненіе катихизиса, почему учителя инструкціи иногда назывались: первый — учителемъ Св. Писанія, а второй — учителемъ катихизиса. Акты К.-Бр. мон. и ак., № 11 (р. б. к. ак., № 725).

[5]) Тамъ же.

[6]) Акты К.-Бр. мон. в ак. № 2 (рук. б. к. ак., № 725).

Проповѣдничество сначала предоставлено было свободѣ каждаго учителя. Но съ 16 октября 1758 года митрополитъ Арсеній приказалъ всѣмъ учителямъ по очереди произносить въ Братскомъ монастырѣ по воскреснымъ днямъ проповѣди своего составленія. Учителя подали митрополиту доношеніе, въ которомъ, ссылаясь на трудности своей службы, просили сложить съ нихъ эту обязанность, но онъ отказалъ въ ихъ просьбѣ [1]). Обязанность проповѣдничества исполнялась учителями съ этого времени до конца существованія академіи [2]). Митрополиты старались о томъ, чтобы поднять между учителями проповѣдничество. Такъ, м. Гавріилъ Кременецкій старался привлечь учителей къ проповѣдничеству въ Софійскій монастырь и съ этою цѣлью платилъ за каждую произнесенную тамъ проповѣдь по 2 рубля [3]). М. Самуилъ Миславскій для этой цѣли самъ испытывалъ всѣхъ монашествующихъ учителей въ сказываніи проповѣдей и дарилъ имъ книги [4]). Къ постороннимъ занятіямъ учителей нужно отнести еще часто поручаемую имъ обязанность наставленія въ православной вѣрѣ обращающихся къ православію иновѣрцевъ [5]). Иногда учителямъ давались ученыя порученія. По указу Св. Сѵнода 1762 года 15 іюня повелѣно было учителямъ академіи: риторики—іеромон. Виктору, синтаксимы—іеромон. Никодиму и аналогіи—монаху Кассіану—составить и исправить сборникъ изъ проповѣдей Златоуста, Ефрема Сирина и Пролога для пользованія тѣмъ священно-служителямъ, которые сами были не въ состояніи составлять проповѣди [6]). Сборникъ этотъ въ

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. т. 2, № 9.

[2]) Консист. арх. д. 1794; № 27; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 174 (рук. б. к. ак., № 725).

[3]) Конс. арх. д. 1773 г., № 27.

[4]) Рук. К.-Соф. соб. VIII, 4.

[5]) Конс. арх. д. 1743 г., № 11, 1754 г. № 256. Акты. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 6.

[6]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 2, № 9.

1765 году уже былъ составленъ[1]). Въ 1774 году академіи поручено было разсмотрѣть и исправить два лексикона— „еллино-латино-славенскій и латино-славенскій", составленные Іаковомъ Блоницкимъ, при этомъ самому Блоницкому „яко при томъ разсмотрѣніи потребному", приказано жить въ Братскомъ монастырѣ въ особой келіи и получать „противъ здѣшняго брата порцію двойную"[2]). Но подобными порученіями не оканчивались ученые труды учителей. Многіе изъ нихъ по своему избранію и желанію трудились на ученомъ поприщѣ[3]).

Общесословный характеръ Кіевской академіи.

Кіевская академія во второй половинѣ XVIII в., какъ и въ предшествующее время, является общесословнымъ учебнымъ заведеніемъ. Однако, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, намѣреній правительства, желавшаго видѣть въ духовныхъ школахъ дѣтей однихъ священно-церковно-служителей[4]), съ другой—отлива свѣтскихъ воспитанниковъ со второй половины XVIII в. въ умножившіяся тогда учебныя заведенія, особенно въ московскій университетъ, въ Кіевской академіи замѣтно постепенное увеличеніе числа дѣтей лицъ духовныхъ въ сравненіи съ свѣтскими. Какъ само академическое начальство[5]),

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 18 (рук. б. к. ак. № 726). Неизвѣстно, было ли выполнено это порученіе, но черезъ 15 дней изъ академіи послѣдовало доношеніе, что іером. Іаковъ Блоницкій „отъ вступленія его въ К.-Братскій монастирь минувшаго марта съ 28 числа билъ дряхлъ, точію не лежалъ, а сего теченія 18 противъ 14 чиселъ ночью умре". По приказанію митрополита онъ погребенъ въ Кирилловскомъ монастырѣ (Конс. арх. д. 1774 г. № 42). Приводимъ эти свѣдѣнія въ виду разнорѣчія о годѣ смерти Іакова Блоницкаго. Аскоченскій (ч. 2, 115—116) годомъ смерти его считаетъ 1771 г. М. Евгеній (Слов. Истор. ч. 1, 220) говоритъ, что годъ смерти Блоницкаго неизвѣстенъ, правильно же его указываетъ Архіеп. Филаретъ („Обзоръ", ч. 2, 350).

[3]) Такого рода труды мы указывали въ спискахъ учителей.

[4]) „Духовн. шк. въ Росс. до реф. 1808 г." П. В. Знаменскаго; Правосл. собесѣдн. 1880 г., іюль, стр. 552.

[5]) Консист. арх. д. 1760 г. № 164.

такъ и митрополиты[1]) считали ненормальнымъ, если въ академіи бывало больше учениковъ изъ свѣтскихъ, чѣмъ изъ духовныхъ, и старались достигнуть обратнаго явленія. Средствомъ къ достиженію намѣченной цѣли было понужденіе духовныхъ лицъ къ отдачѣ своихъ дѣтей въ академію и затрудненіе выхода изъ нея духовныхъ воспитанниковъ. Еще въ 1741 году м. Рафаилъ Заборовскій разослалъ по епархіи указъ объ обязательномъ привозѣ въ академію духовными своихъ дѣтей и о присылкѣ вѣдомостей о томъ, сколько и какого возраста имѣется дѣтей въ епархіи у каждаго изъ священно-церковно-служителей[2]). Этотъ указъ не имѣлъ большого значенія. Духовенство по прежнему не высылало своихъ дѣтей въ академію, а протопопы и духовныя правленія не присылали вѣдомостей. Болѣе строгіе указы объ этомъ съ приказаніемъ штрафовать ослушниковъ, достигшіе своей цѣли, разосланы были при м. Арсеніи Могилянскомъ въ 1758, 1760 и 1761 годахъ[3]). Однако не видно, чтобы вѣдомости о священно-церковно-служительскихъ дѣтяхъ дѣйствительно были присылаемы до времени м. Гавріила Кременецкаго. Особенно усердно заботился объ образованіи дѣтей духовенства м. Самуилъ Миславскій. При немъ невысланныхъ въ академію дѣтей велѣно было отчислять въ свѣтское званіе[4]).

М. Гавріилъ Кременецкій затруднилъ выходъ учениковъ изъ академіи. Онъ издалъ въ 1771 г. указъ, по которому всякій, поступавшій въ академію, обязывался давать подписку о невыходѣ изъ нея до окончанія курса. Безъ вѣдома митрополита, ни ректоръ, ни префектъ не имѣли права увольнять учениковъ, кромѣ экстренныхъ случаевъ и то на короткое, опредѣленное время. По окончаніи же курса всѣ ученики

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 43 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Консист. арх. д. 1760 г. № 164.

[3]) Тамъ же.

[4]) Консист. арх. д. 1785 г. № 2068.

должны быть представлены митрополиту [1]). Этотъ указъ исполнялся со всею строгостію. Когда чрезъ два года послѣ него префектъ Никодимъ представилъ митрополиту просьбу студента философіи Луки Левицкаго объ увольненіи изъ академіи для женитьбы и полученія священническаго мѣста, то онъ не только не уволилъ его, но еще приказалъ не дѣлать впредь подобныхъ представленій, помня указъ 1771 года и Регламентъ [2]). Въ послѣдующее время запрещенія выходить изъ академіи до окончанія курса повторялись неоднократно. Въ 1797 году м. Іероѳей Малицкій запретилъ не только выходъ изъ академіи съ цѣлью прекращенія ученія, но и переходъ изъ нея въ переяславскую семинарію для продолженія образованія. За самую просьбу объ увольненіи обѣщано было наказаніе [3]). Кромѣ прямыхъ запрещеній выходить изъ академіи до окончанія курса, духовное начальство употребляло и косвенныя мѣры, задерживавшія учащихся изъ дѣтей духовныхъ лицъ до окончанія академическаго курса. Такою мѣрою было предпочтеніе ученыхъ предъ неучеными при полученіи священническаго мѣста, такъ какъ первые наиболѣе способны были къ ученію пасомыхъ [4]). При этомъ подробно было указано, какія и кому именно давать мѣста. Въ указѣ 1760 года 19 октября „всѣмъ епархіи кіевскія духовнымъ властямъ повелѣно: дабы отдавали въ замужье дочерей своихъ священники и діаконы желающіе зятей имѣть на своихъ параxіальныхъ мѣстахъ такихъ, гдѣ имѣется приходскихъ дворовъ отъ 80 до 100 и выше за учительныхъ дѣтей академіи кіевской богослововъ, а гдѣ отъ 60 до 80 дворовъ, по крайности, когда

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 10 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 17 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 94; „Кіевъ съ ак." В. Аскоч. ч. 2, стр. 334—395.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 17, Указъ 1761 года 30 апрѣля.

изъ богослововъ не сыщутся, за философовъ, а гдѣ и ниже 60 дворовъ, священники и діаконы прежде искали бы по прописанному изъ учительныхъ, а если бы къ какому приходу, какъ къ меньшему, такъ и къ большему не могли за тѣмъ пріискаться люди учительные къ дочерямъ священническимъ и діаконскимъ, по крайнему ихъ о томъ старательству, тоимъ представлять о томъ доношеніями по порядку, а безъ того священникамъ и діаконамъ, равно какъ протопопамъ и намѣстникамъ дочерей своихъ за неучительныхъ, проповѣдывать слова Божія не могущихъ, въ надежду рукоположенія ихъ на свои параxіальныя мѣста не выдавать" [1]). Оба эти указа подтверждены новымъ указомъ 1765 г. іюля 18, причемъ наблюденіе за изложеннымъ выше поручено, кромѣ властей, всѣмъ священникамъ, которые будутъ совершать браки. Вмѣстѣ съ тѣмъ академическому начальству поручено ежегодно, послѣ сбора студентовъ съ каникулъ, прочитывать имъ и этотъ указъ и о прочтеніи рапортовать митрополиту [2]). Подобное же значеніе имѣлъ указъ Св. Сунода 1770 года, въ которомъ сказано: „почитая за долгъ свой всякое прилагать стараніе не токмо о распространеніи полезныхъ наукъ и о содержаніи учрежденныхъ для того училищъ въ возможномъ порядкѣ, но наипаче дабы въ оныхъ училищахъ въ пользу церкви учащіеся студенты, взирая на извѣстный трудовъ своихъ конецъ, больше поощряемы тѣмъ были оказывать похвальные свои въ ученіи и поведеніи успѣхи, слѣдственно потому и не оставлены бъ они были безъ достойныхъ мѣстъ и безъ пристойнаго по ихъ ученію содержанія, Св. Сунодъ повелѣваетъ: дабы по Регламенту [3]) и прежнимъ указамъ учившіеся достойные неучившимся въ произвожденіи въ священные чины были предпо-

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Т. е. по 16 и 26 пунктамъ о домахъ училищныхъ.

читаемы неотмѣнно; и для того въ случаѣ какой либо священнической или дьяконской ваканціи, письменною справкою требовать отъ семинаріи, не имѣется ли достойныхъ, ученіе свое окончившихъ или оканчивающихъ студентовъ, которые бы показанныя мѣста занять достойны были, и есть-ли таковые окажутся, то оныхъ предпочтительно и производить; а хотя бъ которые совершенныхъ лѣтъ и не достигли[1]), но оные находятся въ вышнихъ школахъ и имѣютъ скоро окончить ученія своего кругъ, за таковыми и безъ производства въ священный чинъ могутъ мѣста утверждаемы быть, по пастырскому епархіальныхъ архіереевъ разсмотрѣнію"[2]). Этотъ указъ, полученный 9 сентября 1770 года подтвержденъ былъ м. Гавріиломъ Кременецкимъ въ 1773 г.[3]). М. Самуилъ Миславскій запретилъ духовнымъ правленіямъ даже представлять къ священническимъ и діаконскимъ мѣстамъ неучившихся въ высшихъ классахъ академіи[4]).

Разночинцы находились въ другомъ положеніи. Не было никакихъ понудительныхъ мѣръ для ихъ поступленія, а равно—задерживающихъ выходъ ихъ изъ академіи[5]). Стѣсненія же къ поступленію ихъ въ академію могли происходить отъ конкурренціи съ дѣтьми духовныхъ лицъ, коимъ во второй половинѣ XVIII вѣка отдавалось предпочтеніе предъ разночинцами. Всѣ эти обстоятельства съ успѣхомъ содѣйствовали намѣченной цѣли[6]).

---

[1]) Указомъ 1747 года повелѣно во священники опредѣлять не ранѣе тридцати, а въ дьяконы—не ранѣе 25 лѣтъ. „Исторія С.-Пет. дух. академіи", И. Чистовича. стр. 50.

[2]) „Исторія С.-Петерб. дух. Академіи", И. Чистовича, стр. 51—52.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 3, № 42.

[4]) Консист. арх. д. 1784 г., № 2.

[5]) Акты К.-Бр. монастыря и акад., собран. Аскоч. т. 4, № 7.

[6]) Слѣдующая таблица вполнѣ оправдываетъ сказанное:

Пріемъ въ академію, академическій курсъ и судьбы учениковъ.

Пріемъ воспитанниковъ происходилъ въ первыхъ числахъ сентября [1]). Впослѣдствіи встрѣчаются указы о присылкѣ студентовъ къ 15-му августа [2]). Вѣроятно сборъ учениковъ долженъ былъ начинаться съ 15-го августа. Но никогда не бывало, чтобы ученики съѣхались къ сроку въ академію—какъ вновь поступающіе, такъ и уже учащіеся [3]). Возрастъ, необходимый для поступленія въ академію, не всегда опредѣлялся одинаково, иногда отъ 10 до 15 лѣтъ [4]), иногда отъ 7 до 14-ти [5]). Пріемъ въ академію производился послѣ испытанія способностей по-

Годы.	Дѣти духовныхъ.	Дѣти разночинцевъ
Въ 1744	380	722
" 1760	420	575
" 1764	585	674
" 1768	507	578
" 1776	444	345
" 1777	426	471
" 1778	375	451
" 1779	418	418
" 1790	418	232
" 1799	544	234
" 1801	600	217
" 1811	1069	129

Свѣдѣнія эти заимствованы изъ вѣдомостей объ учащихся, хранящихся частію въ рукописной академической библіотекѣ № 725, частію изъ консисторскаго архива и изъ „Исторіи Кіевской академіи" М. Булгакова, стр. 108.

1) Инстр. 1763 года, п. 26; Кіев. Еп. Вѣд. за 1893 г., № 20.

2) Консист. арх. д. 1755 г. № 2068; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 218 (рук. б. к. ак. № 725)

3) Изъ вѣдомостей объ ученикахъ, гдѣ обозначался срокъ поступленія ихъ, видно, что пріемъ учениковъ производился впродолженіе всего года, но, главнымъ образомъ, въ осенніе мѣсяцы.

4) Консист. арх. д. 1860 г. № 164.

5) Акты К.-Бр. мон. и ак.. собр. Аскоч. ч. 4, № 7. Въ виду этого выходило, что различіе въ возрастѣ въ школахъ было очень большое. Въ школѣ богословія бывали ученики отъ 19 до 34 лѣтъ;—философіи—отъ 17 до 30;—риторики—отъ 14 до 29;—поэзіи—отъ 13 до 25;—синтаксимы—отъ 12 до 24;—

ступающаго. Префекту вмѣнялось въ обязанность „отвѣдать память и остроуміе, и если покажется весьма тупъ, не принимать въ академію“. Однако „чтобы который не притворялъ себѣ тупости, желая отпуску въ домъ“, то испытаніе должно производиться таким цѣлый годъ [1]). Районъ, изъ котораго пріѣзжали воспитанники для поступленія въ академію, былъ обширенъ. Въ него, кромѣ кіевской, входили почти всѣ сосѣднія, а иногда и дальнія, епархіи [2]). Учились въ академіи и иностранцы. Изъ Сербіи въ 1750 году поступили въ академію сербскіе монахи Павелъ Вуичъ и Исаія Новаковичъ [3]), въ 1761 году—сербскій іеродіаконъ Арсеній Ивановичъ [4]); въ 1784 году поступилъ молдаванинъ Стефанъ Гавриловъ [5]); изъ Молдавіи же въ 1804 году поступили монахи Антоній и Клавдій [6]); въ 1752 году изъ турецкихъ владѣній поступили монахи Козійскаго монастыря Софроній и Діонисій [7]), а въ 1767 г. оттуда же изъ города Атіи іеродіаконъ Іаковъ [8]); въ

граииатики—отъ 12 до 28;—инф[illegible]ии—отъ 11 до 20;—аналогіи—отъ 9 до 19 и болѣе (Вѣдомости объ ученикахъ).

[1]) Это опредѣленіе изъ Регламента (л. 54, п. 17) перешло и въ инструкцію 1763 года, п. 25; Кіев. Еп. Вѣд. за 1893 г. № 20.

[2]) Въ 1764 году воспитанники изъ духовныхъ слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по мѣстамъ своего происхожденія. Изъ лубенскаго полку было 102 ученика, кіевскаго—85, полтавскаго—64, прилуцкаго—69, гадяцкаго—48, нѣжинскаго—93, миргородскаго—50, переяславскаго—8, черниговскаго—13, стародубскаго—15, сумскаго—9, харьковскаго—1, путивльскаго уѣзда—2 и ахтырскаго—7 (Акт. К.-Бр. мон. и ак. № 6—Вѣдомость за 1764 г.—(рук. б. к. ак. № 725). Изъ этихъ же мѣстъ пріѣзжали и дѣти не духовнаго происхожденія (Кон. арх. д. 1754 г. № 318; д. 1774 г. № 14; Акты К.-Бр. и ак., № 12 (р. б. к. № 725). Изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ бывали: изъ губ. Новороссійской, особенно много изъ Польши, изъ области владимірской, области цааровой (Ак. К.-Бр. м. и ак., собр. Аск. т. 3, № 7—списокъ учениковъ, присягавшихъ въ 1763 году; Конс. арх. д. 1774 г. № 5) и др. мѣстъ. Такъ, въ 1754 г. обучался здѣсь внукъ атамана войска донского Ефремова (Кон. арх. д. 1754 г. № 26)

[3]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. I, № 35.

[4]) Тамъ же т. 2, № 31.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 41 (рук. б. к. ак., № 725).

[6]) Тамъ же, № 104.

[7]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 1, № 44.

[8]) Консист. арх. д. 1767 г. № 123.

1798 году поступилъ въ академію венгерецъ Марко Реличъ [1]). Съ 1791 г. слушалъ полные курсы высшихъ классовъ академіи бывшій потомъ Константинопольскимъ патріархомъ — Констанцій [2]). Академическій курсъ продолжался въ первой четверти второй половины XVIII в. 13 лѣтъ [3]). Когда упраздненъ былъ классъ аналогія [4]), то и курсъ академическій сократился на одинъ годъ.

Указомъ же 31 октября 1798 года повелѣно сократить съ четырехъ на три года время обученія въ послѣднемъ богословскомъ классѣ [5]), что и было исполняемо въ Кіевской академіи [6]), а, слѣдовательно, курсъ академическій сократился еще на одинъ годъ. Никому однако не запрещалось быть въ одномъ классѣ по нѣсколько лѣтъ [7]); не успѣвшіе или провинившіеся переводились изъ высшаго класса снова въ низшій, что бывало въ академіи довольно часто [8]). Чаще всего низводились ученики, не успѣвавшіе въ латинскомъ языкѣ, въ русскую школу [9]). Переводъ въ высшій классъ бывалъ послѣ публичныхъ экзаменовъ, производившихся съ 1-го по 15-е іюля каждаго года [10]).

Не всегда, однако, неуспѣвающихъ переводили въ низшіе классы. Иногда вмѣсто перемѣщенія изъ высшаго класса въ

---

1) Акты К.-Брат. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 99.

2) „Историч. запиек. объ академіи", И. И. Малышевскаго. Тр. К. Д. А. 1869 г., ноябрь и декабрь, стр. 137.

3) По одному году въ первыхъ пяти классахъ, въ шестомъ и седьмомъ — по два и въ послѣднемъ — четыре года. Инстр. 1763 года; Кіев. еп. Вѣд. №№ 19 и 20.

4) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 11 (рк. б. к. ак. № 725).

5) Полн. собр. закон. т. XXV, № 18726.

6) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 7.

7) Это обстоятельство еще больше объясняетъ различіе въ возрастѣ учениковъ, находившихся въ однихъ и тѣхъ же классахъ, указанное нами на стр. 358—359. Въ примѣч. 5.

8) По инструкціи 1763 года (п. 10) переводъ въ низшую школу былъ вторымъ по степени наказаніемъ, болѣе же сильнымъ наказаніемъ было лишеніе кондиціи. Кіев. еп. Вѣд. 1893 г., № 20.

9) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 80 (рук. б. к. ак. № 725).

10) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 7. Послѣ экзаменовъ наиболѣе успѣшные ученики награждались книгами. Въ 1806 году 124 человѣка получили награды, нѣкоторые — по двѣ и болѣе книги. Тамъ же № 20.

низшій ихъ совсѣмъ увольняли изъ академіи и распредѣляли на причетническія мѣста. Мѣста давались тѣмъ, которые выдерживали экзаменъ въ чтеніи богослужебныхъ книгъ и пѣніи [1]). Иногда количество увольняемыхъ бывало весьма значительно [2]). Нужно замѣтить, что подобнаго рода разборы учениковъ дѣлались также съ цѣлію уменьшить число учащихся [3]).

Чаще, однако, ученики, которымъ не подъ силу было ученіе или представлялась возможность перейти на какое либо мѣсто, по семейнымъ и другимъ причинамъ, сами оставляли академію. Обычно, рѣшившіеся такъ поступить совершенно не являлись въ академію послѣ отпусковъ и, какъ неявившіеся, увольнялись изъ академіи [4]). Увольненія эти иногда происходили не сразу.

Бывало, что ученики уже давно на службѣ, а академія этого не знаетъ и считаетъ ихъ своими [5]). Когда предпринятъ былъ рядъ мѣръ, стѣснившихъ выходъ учениковъ изъ академіи и введены были за неявку въ нее штрафы, заставившіе родителей представлять въ академію дѣтей противъ воли, увеличилось число бѣгствъ изъ нея учениковъ [6]). Иногда вос-

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и акад., № 8, (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Въ 1807 году уволено было 33 человѣка. Акты К.-Бр мон. и ак. № 43 (р. б. к. ак. № 725).

[3]) Такъ, на донесеніе академіи о бѣдственномъ положеніи учениковъ сиротскаго дома въ 1801 году митрополитъ для улучшенія его сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи изъ академіи на причетническія мѣста 17 человѣкъ. Ак. К.-Бр. мон. и ак. № 80 (р. б. к. а № 725).

[4]) Число такихъ иногда бывало весьма значительно. Такъ, въ 1776 году ихъ было 34, въ 1777 г.—59, въ 1778—54, въ 1779—34. (Конс. арх. вѣдомости за эти годы). Въ 1806 году всѣ не явившіеся изъ отпуска на каникулы въ числѣ 61 человѣка были уволены изъ академіи, причемъ 10 уволенныхъ, имѣвшихъ болѣе 15 лѣтъ, были сданы въ солдаты, прочіе же оставлены въ духовномъ вѣдомствѣ. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 187 (рук. б. к. ак. № 725).

[5]) Тамъ же, № 183.

[6]) Такъ, въ 1808 году сразу бѣжало 5 человѣкъ (Акты К.-Бр. мон. и ак. № 95. Рук б. к ак. № 725), въ 1805—2 ученика (Тамъже № 119). подобнаго рода побѣги бывали и въ послѣдующее время) (Тамъ же, №№ 135, 146, 149).

питанники увольнялись изъ академіи не за неявку, а по личному желанію поступить на свѣтскую службу въ канцелярію, духовное правленіе или въ иное учрежденіе [1]). Когда выходъ изъ духовнаго званія былъ стѣсненъ, увольненіе въ свѣтскую службу производилось подъ предлогомъ болѣзни [2]). На службу ученики распредѣлялись не въ одной только Кіевской губерніи, а и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Черниговской губерніи [3]) и даже въ отдаленныхъ мѣстахъ. Такъ, въ 1790 г. 16 человѣкъ изъ низшихъ классовъ изъявили согласіе уѣхать для поступленія въ приказную службу въ Симбирскомъ намѣстничествѣ [4]). Многіе воспитанники поступали въ военную службу, особенно въ 1812 году [5]).

Указанныя увольненія, уменьшая общее число учащихся, но касаясь воспитанниковъ малоспособныхъ или нежелающихъ продолжать образованія, не причиняли чувствительныхъ потерь академіи. Но не одни только неуспѣшные выходили изъ академіи; оставляли ее, переходя въ другое мѣсто, и болѣе успѣшные, а иногда и наиболѣе успѣшные.

Въ 1777 году коллегія иностранныхъ дѣлъ требовала „выбрать къ исправленію церковнической должности способнѣйшихъ студентовъ“ и отправить ихъ въ Константинополь „ибо тамъ при іеромонахѣ церковника ни одного нѣтъ“. Академія выбрала двухъ учениковъ и отослала [6]). Въ 1785 году отправлено было въ Константинопольскую миссію еще два человѣка [7]). Отъ опредѣляемаго туда требовалось, чтобы онъ „зналъ

---

[1]) Конс. арх. д. 1759 г. № 53; Ак. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3. № 80 и № 86; Акты К.-Бр. мон. и ак. № 43 (р. б. к. ак. № 725).

[2]) Акты К.-Бр. мон. и акад. № 147. 203, (р. б. к. ак. № 725).

[3]) Конс. арх. д. 1783 г. № 1.

[4]) Конс. арх. д. 1790 г. № 6.

[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак. № 128 (рук. б. к. ак. № 725); Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, №№ 40, 41.

[6]) Выбраны высшаго класса грамматики изъ сыновъ крестьянскихъ Корнилій Чернявскій и Евдокимъ Корніевскій (акты К.-Бр. мон. и ак. № 25 (р. б. к. ак. № 725).

[7]) Отправлены: ученикъ реторики Василій Лежайскій, сынъ козака изъ Глухова и ученикъ піитики Николай Борисовскій, сынъ кіевскаго мѣщанина (Конс. арх. д. 1785 г. № 2214).

основанія грамматики россійскаго и латинскаго языковъ, а если можно турецкаго или татарскаго, а при томъ не былъ старѣе 15 лѣтъ [1]).

Наиболѣе и притомъ самыхъ талантливыхъ воспитанниковъ отнимали у академіи учебныя заведенія. Со времени основанія Московскаго университета многіе изъ питомцевъ Кіевской академіи поступали туда [2]). Московскимъ университетомъ присылались въ академію для свѣдѣнія объявленія „о публичныхъ ученіяхъ въ ономъ университетѣ и обѣихъ гимназіяхъ" [3]). Нѣкоторые изъ студентовъ академіи по опредѣленію митрополита отправлялись туда на казенный счетъ для приготовленія къ учительской должности въ самой же академіи [4]).

Еще большее число воспитанниковъ отнимала у академіи медицинская наука. Въ 1754 году медицинская канцелярія исхлопотала себѣ право вызывать изъ Кіевской академіи, малороссійскихъ семинарій и московской славяно-греко-латинской академіи учениковъ, желающихъ поступать въ московскій медицинскій госпиталь и аптеку. При этомъ Св. Сѵнодъ повелѣлъ начальствующимъ указанныхъ заведеній „дабы самоохотно желающіе изъ семинарій студенты къ вышеозначенному обученію надлежащимъ порядкомъ, въ тою медицинскую канцелярію или оной въ контору отпускаемы были безъ задержанія" [5]). Въ доношеніи Св. Сѵноду Медицинская канцелярія указывала на то, что между духовными воспитанниками есть много весьма бѣдныхъ, а медицинская служба представляетъ весьма много

---

[1]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 61. Въ этомъ документѣ сказано, что эта вакансія должна быть замѣщена студентомъ кіевской акад. „по прежнему примѣру".

[2]) Указаніе на это есть въ запискахъ Тимковскаго. „Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева", 164—165.

[3]) Консистор. арх. д. 1785 г. № 57.

[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 28. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 83 (рук. б. к. 21. № 725).

[5]) Полн. собр. закон. т. XIV, № 10,196.

выгодъ. Выгоды медицинской службы, представленныя коллегіею, состояли въ томъ, что каждый, согласившійся ѣхать, получалъ не въ зачетъ 10 руб. и даровые прогоны. Всѣ ученики, кромѣ содержанія, получаютъ по 2 руб. въ мѣсяцъ, постепенные успѣхи въ наукахъ влекли за собою увеличеніе содержанія [1]). На основаніи указа Св. Синода изъ Кіевской академіи въ 1758 году согласились ѣхать въ Медицинскую канцелярію 37 человѣкъ [2]). Въ началѣ 1778 года на этомъ же основаніи поступили въ московскій госпиталь 24 человѣка [3]), а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова вызваны были 16 человѣкъ, но пожелали ѣхать 23 [4]). Выгоды, предлагаемыя Медицинскою канцеляріею, были весьма соблазнительны для бѣдныхъ учениковъ Кіевской академіи и потому многіе изъ нихъ сами безъ вызова канцеляріи иногда ѣхали для поступленія въ медицинскія заведенія. Такъ въ 1773 году 22 ученика подали заявленія о желаніи поступить въ С.-Петербургскій госпиталь и

[1]) Тамъ же.

[2]) 1 — изъ философскаго класса, 24 — изъ риторики и 12 — изъ піитики. Имена ихъ неизвѣстны. Акты К.-Бр. мон. и ак. собр. Аскон. т. 2, № 101.

[3]) Студенты богословія: Антонъ Травулонскій, Александръ Житецкій, Илія Капія, Іоаннъ Шишковскій; студенты философіи: Антонъ Чарнецкій, Григорій Пиловскій, Григорій Лохницкій, Онисимъ Травулонскій, Стефанъ Яновскій, Стефанъ Берлинскій, Моисей Андріевскій, Михаилъ Клишинскій — дѣти священниковъ и Аеанасій Бужинскій, Иванъ Рябенко, Григорій Полонскій, Иванъ Шишковскій — дѣти разночинцевъ; студенты риторики — дѣти священниковъ: Елисей Савицкій, Никита Квятковскій, Илларіонъ Пошивальскій и дѣти разночинцевъ: Михаилъ Вишневскій, Алексѣй Тредьяковскій, Петръ Малиновскій, Николай Романовскій; ученикъ піитики Василій Линицкій. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 26 (рук. б. к. ак. № 725).

[4]) Студентъ богословія Андрей Сварица; студенты философіи: Левъ Михайловскій и Иванъ Молтанскій; студентъ риторики Стефанъ Андріевскій — дѣти священниковъ; дѣти разночинцевъ: студенты богословія — Андрей Мокіевскій, Димитрій Колосовскій, Стефанъ Григоренко, Иванъ Туча, Ѳедоръ Когеловскій, Наумъ Апраскій, Петръ Черневскій; студенты философіи — Василій Ройницкій, Стефанъ Драганскій; студенты риторики — Владиміръ Ѳедоровичъ, Стефанъ Веснинскій, Иванъ Костичъ, Филиппъ Марцевичъ, Яковъ Ѳеоновьевичъ, Василій Переяславецъ; ученики піитики: Иванъ Кандыковъ, Андрей Васильевъ и Иванъ Лукьяновскій. Тамъ же.

по приказанію митрополита, были уволены изъ академіи [1]). Въ слѣдующемъ году также сами подали прошеніе объ увольненіи ихъ въ Петербургскій госпиталь и были отпущены 8 человѣкъ [2]). Въ 1785 году пожелалъ поступить въ Медико-хирургическую академію 1 ученикъ риторики [3]). Вызовы въ медицинскую службу особенно усилились съ 1786 года, когда послѣдовало преобразованіе медицинской коллегіи и для удобнѣйшаго снабженія имперіи врачами при трехъ медицинскихъ училищахъ умножено число медицинскихъ учениковъ. Такъ какъ для укомплектованія этихъ училищъ понадобились люди, знающіе латинскій языкъ, то медицинская коллегія снова просила разрѣшенія у Св. Сунода о вызовѣ ихъ изъ духовныхъ семинарій и академій. Св. Сунодъ позволилъ отпускать, оговоривъ свое разрѣшеніе условіемъ, „если ко удержанію учениковъ, пожелавшихъ въ медицинскую науку, въ духовномъ званіи надобности не усмотрится, или которые изъ риторики въ высшихъ наукахъ безнадежны". Не поступившіе въ медицинскую науку обязаны были снова возвращаться въ духовныя училища [4]). Въ 1790 году поступили 3 человѣка [5]); въ 1791 году тоже

---

[1]) То были студенты богословія: Иванъ Кущенскій и Евфимъ Калиновскій —сыновья священниковъ; студенты философіи: Θеодоръ Якубовскій и Стефанъ Гарницкій—дѣти священниковъ и разночинцы: Даніилъ Кириловскій, Остапъ Яновскій, Никита Бонячевскій, Иванъ Савицкій, Петръ Пискуновъ, Иванъ Зорницкій; студенты риторики: Василій Пелашицкій, Яковъ Русановичъ, Павелъ Поливодскій, Михаилъ Скорута, Стефанъ Савченковъ, Кириллъ Королевъ, Николай Шемаревскій—дѣти священниковъ и дѣти разночинцевъ: Димитрій Новицкій, Арсеній Доронинскій, Василій Шипчевскій, Михаилъ Выпрячевскій и Гавріилъ Михайловскій. (Консисторскій архивъ, дѣло 1773 года, № 13).

[2]) Студентъ богословія Емельянъ Карпинскій, сынъ священника; студенты философіи: Стефанъ Барановскій, Θеодоръ Балабанъ, Иванъ Черняцкій, Петръ Марцинкевичъ—козацкія дѣти и дѣти священническіе: Григорій Тарасевичъ, Александръ Добрачевскій и Иванъ Гилевскій. Конс. Арх. д 1774 г., № 14.

[3]) Михаилъ Яновскій. Консисторскій архивъ, д. 1785 года, № 1735.

[4]) Полн. собр. зак. Т. XXII, № 16500,

[5]) Стефанъ Головневичъ, Иванъ Глованкій, Александръ Кроновскій. Конс. арх. д. 1790 г. № 2.

3 человѣка [1]). Многіе изъ воспитанниковъ переходили теперь въ Елисаветградскій госпиталь. Въ 1790 году туда поступилъ 1, въ 1791—2 человѣка [2]). Вызовы въ медицинскую науку, наконецъ, сдѣлались не по силамъ для Кіевской академіи, такъ что на требованіе президента медицинской коллегіи В. И. Зиновьева выслать въ медицинскую науку 25 человѣкъ митр. Самуилъ вынужденъ былъ отвѣтить отказомъ, что не только 25 студентовъ, но и одного выслать не можетъ [3]). Не смотря на это, требованія о высылкѣ студентовъ въ медицинскія заведенія не прекращались. Въ 1796 году отправлено было 6 студентовъ въ медицинское училище [4]). Въ 1797 г. 28 августа Высочайшимъ указомъ повелѣно ежегодно высылать изъ семинаріи и академіи по требованію медицинской коллегіи для обученія врачебной наукѣ „до пятидесяти человѣкъ" „на укомплектованіе сухопутныхъ и морскихъ войскъ и прочихъ мѣстъ искусными врачами" [5]). По этому закону изъ Кіевской академіи положено было вызывать двухъ человѣкъ ежегодно,

---

[1]) Гавріилъ Грушинскій, Алексѣй и Даніилъ Петровскіе. Конс. арх. д. 1791 г. №№ 14, 42, 414.

[2]) Андрей Катіановскій, Захарія Сильванскій, Власъ Варшинскій (Конс. арх. от. 1790 г. № 2). Кромѣ перечисленныхъ нами, по словамъ Аскоченскаго, „въ 1788 году вызваны были въ медико-хирургическую академію четыре студента; въ 1788, по отношенію генералъ-фельдмаршала Потемкина, поступило въ Елисаветградскій госпиталь двадцать девять человѣкъ; въ 1792 году—въ училища медицинскія пятнадцать; въ 1794 году четыре; въ 1795—тридцать" (ч. 2, 350). Въ актахъ, собранныхъ Аскоченскимъ, мы не нашли подтвержденія его словамъ; вѣроятно, онъ написалъ приведенныя слова на основаніи какихъ либо утраченныхъ документовъ. На основаніи того, что будетъ сказано дальше, слова Аскоченскаго вполнѣ вѣроятны.

[3]) Акты К.-Бр. мон. и акад., собр. Аскоч. т. 3, № 89.

[4]) Студенты философіи Аѳанасій Кохановскій, сынъ священника, Павелъ Пекалицкій, тоже, и Даніилъ Веллянскій, изъ кіевскихъ дворянъ; ученики риторики: Иванъ Германъ—изъ дворянъ, Игнатъ Морошкинъ—сынъ священника и Леонтій Гловацкій—сынъ протоіерея. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 89.

[5]) Полн. собр. зак. т. XXIV, № 18, 161.

что и сдѣлано было въ 1797 [1]). Но такъ какъ, благодаря безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, въ этомъ году въ медицинскую коллегію не было выслано всѣхъ студентовъ, то въ слѣдующемъ году изъ Кіевской академіи было вытребовано 6 человѣкъ [2]). Подобнаго рода добавочные вызовы студентовъ дѣлались и въ слѣдующіе годы. Въ 1799 году сначала вызвано было два студента [3]), а потомъ еще шесть человѣкъ [4]); въ 1802 году требовалось 10 человѣкъ, но согласилось ѣхать только семь [5]), въ 1803 году—три студента [6]), въ 1804 году—двѣнадцать [7]), въ 1805 году—шесть человѣкъ [8]), въ 1810 г.—шесть [9]); въ 1811 году требовалось восемь, а уѣхало шесть человѣкъ [10]), въ

---

[1]) Акты К—Бр. мон. и ак. собр. Аскоч. Т. 3, № 104.

[2]) Иванъ Хмѣльницкій, Харитонъ Словацкій—оба изъ дворянъ, Игнатъ Родецкій, Григорій Базуловскій, Θеодоръ Августиновичъ—дѣти священниковъ и Матеей Ивановъ—сынъ сержанта. Тамъ же.

[3]) Θеодоръ Ясеневичъ, сынъ священника и Михаилъ Головащенко—изъ мѣщанъ. Тамъ же, № 113.

[4]) Павелъ Бѣлявскій, Артемій Петровъ, Иванъ Левицкій—дѣти священниковъ; Григорій Сиротинскій, Яковъ Кайдановъ и Никита Тимоѳеевъ—дѣти дьячковскіе. Тамъ же, № 106.

[5]) Студенты богословія: Михаилъ Нарожницкій и Петръ Михайловскій; студ. философіи: Дмитрій Лазаревичъ—изъ духовныхъ, Петръ Римаревскій, Николай Лавинскій; студенты риторики: Θедоръ Яворскій и Даніилъ Левицкій. Акты К—Бр. мон. и ак. № 86 (рук. б. к. ак. №. 725).

[6]) Андрей Шмабичъ, Яковъ Снигалевичъ и Василій Карпинскій. Тамъ же, № 94; Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. Т. 4, № 10.

[7]) Евѳимій Яворскій, Онуфрій Олинскій, Андрей Тумаковскій—Пелещенковъ, Дмитрій Леонтовичъ, Александръ Краснолѣнскій, Иванъ Семигиновскій. Андрей Виражевичъ, Іосифъ Малицкій, Василій Пасовскій, Владиміръ Кривцовскій, Романъ Семигиновскій, Онуфрій Дубицкій. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 113 (рук. б. к. ак. № 725).

[8]) Александръ Меркурьевъ, сынъ священника Тобольской епархіи, Павелъ Новицкій, Иванъ Барановичъ, Николай Діатоловичъ, Іосифъ Яловскій, Семенъ Высоцкій. Тамъ же, № 121.

[9]) Иванъ Віантовскій, Вареоломей Валотиновскій, Михаилъ Козловскій, Тимоѳей Ольховскій, Лука Кондрацкій и Яковъ Яроцкій. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4. № 25).

[10]) Василій Гловацкій, Григорій Петрушевскій. Павелъ Сорокинъ, Семенъ Рибчевскій, Севастьянъ Петрушевскій и Макарій Гульковичъ. Тамъ же, № 32.

1813 г.—четыре [1]), въ 1814 г.—шесть человѣкъ [2]), въ 1816 году—семь человѣкъ [3]).

Весьма много воспитанниковъ требовала комиссія народныхъ училищъ въ заводимыя ею училища. Въ первый годъ ея существованія, въ 1783 году, по письму министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго согласилось ѣхать одиннадцать человѣкъ [4]). Въ 1786 году рѣшено было открыть главныя народныя училища въ 25 губерніяхъ и отдѣлена была отъ главнаго народнаго училища учительская семинарія. Эти обстоятельства усилили вызовы въ комиссію учениковъ семинарій и академій. Въ 1786 году изъ Кіевской академіи вызвано было 45 человѣкъ [5]), въ 1790 году отправлено еще 25 чело-

---

[1]) Иванъ Адамовичъ, Кириллъ Гулевскій, Іосифъ Палинскій и Иванъ Княжицкій. Тамъ же, № 44.

[2]) Иванъ Гловацкій. Іосифъ Войцеховскій, Викторъ Волянскій, Антонъ Левандовскій, Андрей Семперовичъ и Сильвестръ Новиковскій. Тамъ же, № 50.

[3]) Матеей Забудовичъ, Семенъ Кондрацкій, Іоасафъ Левицкій, Стефанъ Топачевскій, Іосифъ Щербацкій, Евстафій Садовскій, Павелъ Малышинскій Тамъ же, №№ 56, 57. Замѣтимъ здѣсь, что почти всегда, когда Аскоченскій говоритъ объ отправкѣ студентовъ въ медицинскія заведенія, у него есть неправильности, состоящія въ невѣрномъ указаніи или числа и фамиліи студентовъ, или года ихъ отправленія и др. (7. 2, стр. 396, 462). Вообще Аскоченскій говоритъ въ данныхъ случаяхъ только то, что находится на первыхъ страницахъ документовъ. Отсюда, ему не извѣстны такіе студенты, которые сначала согласились, но потомъ раздумали ѣхать въ медицинскую науку и, наоборотъ, такіе, которые пожелали ѣхать позже другихъ.

[4]) Студ. богословія: Иванъ Косаковскій, Михаилъ Гречановскій, Григорій Зельницкій, Николай Волинскій, Максимъ Схожевскій; студ. философіи: Киръ Красносельскій, Лукіанъ Антоновъ, Михаилъ Бучинскій, Василій Шкредовскій и студ. риторики Павелъ Павленковъ: Конс. арх. д. 1783 г. № 92.

[5]) Студенты богословія: Максимъ Громицкій, Максимъ Берлинскій, Павелъ Филиповъ, Василій Якубовскій, Иванъ Стефановичъ, Гавріилъ Ординскій, Василій Дмитровскій. Өедоръ Шпаковскій, Иванъ Савицко-Пѣвецкій, Захарія Пархомовичъ, Левъ Лепковскій, Власъ Андріевскій, Иванъ Яворскій, Матеей Берлинскій, Василій Велентѣй, Иванъ Брашковскій, Иванъ Вакуловскій, Иванъ Дубняковъ, Павелъ Бѣлозерскій, Тимоѳей Красовскій, Яковъ Одинцовъ, Григорій Бѣлявскій, Даніилъ Буринскій, Михаилъ Кохановскій, Никита Звонниковъ, Евеній Цитовскій, Петръ Бонеровскій, Александръ Вутоличъ; студ. философіи: Николай Россовскій, Өеодоръ Цитовичъ, Андріанъ Якубовскій, Стефанъ Якубовскій, Михаилъ

вѣкъ [1]). Въ 1803 году, когда въ Петербургѣ устраивалось училище для образованія ста человѣкъ учителей, изъ Кіевской академіи по Высочайшему указу вызвано было десять человѣкъ [2]). Въ 1810 году въ Педагогическій институтъ отправилось четыре человѣка [3]). Въ 1816 году туда же уѣхало пять человѣкъ [4]).

Съ преобразованіемъ Петербургской академіи въ 1809 году въ нее выслано было изъ Кіевской академіи три человѣка [5]). Въ 1815 году въ составъ третьяго курса С.-Петербургской академіи, по указу Св. Сѵнода 15 мая, высланы два студента [6]).

Лучшіе изъ окончившихъ курсъ академіи обычно оставлялись при академіи въ качествѣ учителей. Многіе по окон-

---

Савицкій, Кодратъ Голиневичъ, Петръ Нестеровскій, Өеодоръ Застовскій, Яковъ Симоновичъ, Яковъ Родневичъ, Евфимій Полѣсный, Иванъ Гордаковъ, Өеодоръ Антоновичъ, Өеодоръ Головачевъ, Козьма Самаровскій, Өеодоръ Галинскій, Савва Дьяковскій. Акты К.-Бр. мон. и ак. № 55.

[1]) Студенты богословія: Кириллъ Капля, Иванъ Чернявскій, Иванъ Налягакинъ, Даміанъ Слонѣцкій, Даніилъ Саевскій, Григорій Корніевскій, Өеодоръ Иллашевскій; студ. философіи: Алексѣй Мышлявскій, Адамъ Топольницкій, Архипъ Артемовъ, Алексѣй Павловскій, Василій Логановскій, Василій Берлинскій, Владиміръ Соховичъ, Гавріилъ Даниловскій, Іосифъ Адамовичъ, Иванъ Стасевскій, Иванъ Перчикаловъ, Петръ Яновскій, Михаилъ Вутовскій, Савва Билецкій, Кириллъ Сохоричъ, Трофимъ Жартиновичъ, Яковъ Павловскій, Өеодосій Поплавскій.—Акты К.-Бр. мон. и ак., № 66 (рук. б. к. ак. № 725).

[2]) Николай Вороньковъ, Василій Новицкій, Иванъ Малецкій, Иванъ Кульмастецкій, Даніилъ Шаргородскій, Ананія Козачковскій, Өома Петрушевскій, Прокопій Левандовскій, Антонъ Гурскій, Филиппъ Дичинскій. Акты К.-Бр. мон. и ак.; собр. Аскоч. т. 4, № 11; Акты К.-Бр. м. и ак. № 98 (рук. б. к. ак. № 725).

[3]) Стефанъ Гловацкій, Аөанасій Завинскій, Иванъ Мильшевичъ, Іосифъ Сигиревичъ. Акты К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 4, № 28.

[4]) Григорій Корбала, Петръ Сѣнславскій, Василій Мазюкевичъ, Иванъ Войцеховскій, Дмитрій Семеновскій. Тамъ же, № 55.

[5]) Василій Сержбанскій, Григорій Рогаля-Левицкій, Яковъ Бѣлявскій; тамъ же, № 24.

[6]) Андрей Понятовскій и Александръ, въ монашествѣ—Смарагдъ, Крыжановскій. Ак. К.-Бр. м. и ак., соб. Ас. т. 4. № 48; Ист. С-П. Ак.“ Чистовича, ст. 443.

чанія разсылались учителями по семинаріямъ. Такъ въ 1751 году, по вызову еп. смоленскаго Гедеона, уѣхалъ на учительское мѣсто въ Смоленскую семинарію Филиппъ Красногорскій [1]). Въ 1775 году, по вызову Георгія Конисскаго, уѣхали въ Могилевскую семинарію студенты богословія Иванъ Скальскій и Авксентій Піючевскій [2]). Кромѣ того, туда же вызваны были студенты: Богуславскій, Григоровичъ, Цвѣтковскій, Горбачевскій [3]). Въ 1788 году отправлены были въ Переяславскую семинарію Анастасій Савинскій и Петръ Зеленскій [4]). Въ 1784 году въ Черниговскую семинарію уѣхали: Григорій Келембетъ учителемъ поэзіи, Иванъ Радишевскій учителемъ высшаго класса грамматики и Иванъ Еленьевъ—учителемъ нижняго класса грамматики [5]). Послѣ указа 1798 года 30 октября, повелѣвавшаго присылать изъ семинарій воспитанниковъ въ академію для окончанія образованія [6]), ежегодно изъ осьми входившихъ въ округъ Кіевской академіи семинарій присылалось но два студента, которые, прослушавъ по два года философскій и богословскій курсы, вызываемы были въ свои семинаріи на учительскія должности [7]). Эти, какъ и всѣ иноепархіальные воспитанники, находились въ вѣденіи своихъ епархіальныхъ архіереевъ и только съ ихъ разрѣшенія могли быть въ академіи и увольняться изъ нея. Но и въ это время бывали вызовы изъ Кіевской академіи ея собственныхъ учениковъ на учительскія мѣста. Такъ, по вызову Подольскаго губернатора Юзефовича, въ 1800 году уѣхалъ для преподаванія русскаго языка въ Уманскомъ училищѣ сынъ священника студентъ

---

[1]) Акты К.-Бр мон. и ак., собр. Аскоч. т. I, № 86.
[2]) Конисс. арх. д. 1775 г. № 106, 107.
[3]) „Исторія Кіевской академіи", Булгакова, стр. 190.
[4]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 58 (рук. б. к. ак. № 725).
[5]) Акты К.-Бр. мон. и ак., № 40 (рук. б. к. ак., № 725).
[6]) Полное собр. зак. т. XXV, № 18, 726.
[7]) Акты К.-Бр. мон. и ак. №№ 97, 98, 196 (рук. б. к. ак. № 725).

богословія Вареоломей Абрагамовичъ [1]); въ 1804 году уволенъ въ Житомірскую семинарію оставленный для учительской должности Игнатъ Визерскій [2]); въ 1816 году отправленъ въ Екатеринославскую семинарію Кіевской епархіи студентъ богословія Александръ Шумовскій [3]). Не всѣ, однако, изъ окончившихъ студентовъ расходились на службу по чужимъ епархіямъ. Многіе поступали на епархіальную службу священниками въ лучшіе приходы. Принявшіе монашество назначались часто въ монастыри на проповѣдническія мѣста [4]).

Изъ прилагаемой таблицы видно, что изъ ординарныхъ классовъ наименьше учениковъ бывало въ философіи и богословіи. Между тѣмъ, въ первомъ изъ этихъ классовъ, такъ какъ ученіе въ немъ продолжалось два года, составлялся двойной курсъ учениковъ, а во второмъ, по причинѣ четырехлѣтняго въ немъ обученія, четверной курсъ, по сокращеніи же срока обученія въ немъ на одинъ годъ—тройной. Такое уменьшеніе ясно показываетъ, какъ много воспитанниковъ уходило изъ академіи до окончанія курса. Наибольшее количество учащихся бывало въ піитическомъ и, особенно, въ риторическомъ классахъ. Это объясняется тѣмъ, что въ піитику, помимо предшествующаго грамматическаго класса, поступали воспитанники изъ низшихъ школъ, бывшихъ по епархіямъ, а въ риторикѣ, какъ и философіи, составлялся двойной курсъ учениковъ.

---

[1]) Ак. К.-Бр. мон. и ак., собр. Аскоч. т. 3, № 103; Ак. К.-Бр. мон. и ак. № 69 (р. б к. ак. № 725).

[2]) Акти К.-Бр. мон. и ак., № 116 (рук. б. к. ак., № 725).

[3]) Тамъ же, № 212.

[4]) В 1759 году назначени били: Товія Ясиевичъ въ Крестовоздвиженскій Полтавскій, Авксентій Сокологорскій—въ Троицкій Густынскій и Веніаминъ Ясноводскій—въ Благовѣщенскій Нѣжинскій монастыри. Ак. К.-Бр. м. и ак., соб. Аск., т. 2, № 14.

КЛАССЫ.	ГОДЫ.													
	1760	1764	1768	1776	1777	1778	1779	1790	1798	1799	1802	1805	1811	1814
Въ богословіи	40	55	—	27	40	79	55	25	—	64	56	74	152	175
„ философіи.	78	122	—	60	61	97	113	59	—	85	75	100	145	116
„ риторикѣ.	256	278	328	203	215	189	167	110	—	138	164	140	171	281
„ піитикѣ.	134	157	128	135	—	95	101	72	—	73	91	60	111	97
„ синтаксимѣ.	71	168	108	120	125	154	180	—	—	139	81	—	—	99
„ грамматикѣ.	76	127	94	143	170	173	160	—	—	114	159	—	—	87
„ инфимѣ.	135	32	130	91	43	109	75	—	—	175	459	—	—	77
„ аналогіи.	167	162	161	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего.	995	1159	1078	789	826	897	853	—	950	778	1126	—	1296	904
Изъ сего числа.														
Въ кл. еврейскаго яз.	—	—	—	—	—	—	—	—	17	20	20	13	30	11
„ греческаго	—	—	—	—	—	—	—	—	168	167	284	—	—	140
„ французск.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38	57	—	—	206
„ нѣмецкаго	—	—	—	—	—	—	—	—	126	302	158	211	125	147
„ польскаго.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	25	—	—	74
„ сельск. и дом. эконом.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	149	25	—	—	31
„ высш. красорѣчія.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	149	131	—	—	168
„ чистой математики.	—	—	—	—	—	—	—	—	30	106	126	—	—	134
„ смѣшанной математики	—	—	—	—	—	—	—	—	15	7	55	—	—	41
„ исторіи и географіи.	—	—	—	—	—	—	—	—	76	83	579	—	—	525
„ ариѳметики	—	—	—	—	—	—	—	—	370	410	479	—	—	402
„ рисованія	—	—	—	—	—	—	—	—	81	86	150	—	—	43
„ медицины.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	140	—	—	—
„ пѣнія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146	—	—	184
Въ русской школѣ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33	—	—	—

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Результаты испытаній учениковъ Кіевской академіи, при составленіи перваго курса Кіевской семинаріи, показали, насколько постановка учебнаго дѣла въ академіи не удовлетворяла требованіямъ того времени. Тоже обнаружили и конспекты учителей, представленные ими въ комиссію духовныхъ училищъ въ качествѣ пробы ихъ преподавательскихъ способностей [1]). Академія въ это время не только не давала своимъ питомцамъ высшаго образованія, но даже и среднее образованіе не было въ ней поставлено надлежаще хорошо. Это показываетъ, что славная въ прежнее время Кіевская академія теперь склонилась къ упадку. Какъ постепенно академія отставала отъ другихъ учебныхъ заведеній, наилучше видно изъ постепеннаго же уменьшенія знаменитыхъ питомцевъ, выпускаемыхъ ею. Тогда какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка Кіевская академія была почти единственною представительницею учености во всей Россіи, и ученики академіи того времени прославили себя на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности, изъ второй половины каждая эпоха давала все меньшее и меньшее число славныхъ учениковъ. Такъ, изъ времени митрополита Тимоѳея Щербацкаго вышли Несторъ Амбодикъ, Николай и Иванъ Бантышъ-Каменскіе, Ириней Братановскій, графъ Петръ Завадовскій, Владиміръ Золотницкій, Григорій Козицкій, Илларіонъ Кондратовичъ, Ѳеоктистъ

[1]) Въ журналѣ комиссіи духовныхъ училищъ отъ 21 іюля 1817 г. говорилось, что учителя „конспектами на предполагаемые ими учебные предметы способности своей къ преподаванію не доказали, какъ открылось изъ разсмотрѣнія сихъ конспектовъ въ академической конференціи". „Нѣсколько словъ объ открытіи Кіев. дух. сем. въ 1817 г." Кіев. Еп. Вѣд. 1871 г. стр. 441.

Мочульскій, Макарій Петровичъ, Василій Рубанъ, Петръ Симоновскій, Лука Сѣчкаревъ, Іеронимъ Формаковскій, Геннадій Халчинскій, Иванъ Хмельницкій, Николай Цвѣтъ, Іоакимъ Шишковскій, Θеодоръ Эминъ; изъ эпохи Арсенія Могилянскаго—Іовъ Базилевичъ, Лаврентій Барановичъ, князь Александръ Безбородко, Максимъ Березовскій, Константинъ Борковскій, Аθанасій Вольховскій, Исаія Германовскій, Иванъ Голеневскій, Іосифъ Имяцкій, Аггей Колоссовскій, Іоаннъ Леванда, Платонъ Любарскій, Іоанникій Никифоровичъ, Іоаннъ Островскій, Варлаамъ Петровъ—Лавровскій, Викторъ Садковскій, Варлаамъ Синьковскій, Θома Тихорскій, Θеофанъ Шіяновъ; изъ эпохи митр. Гавріила Кременецкаго—Антоній Антонскій-Прокоповичъ, Василій Аршеневскій, Θома Барсукъ-Моисеевъ, Софроній Грибовскій, Амвросій Келембетъ, Николай Кишдобрянскій, Сильвестръ Лебединскій, Амфилохій Леонтовичъ, Михаилъ Панкевичъ, Иннокентій и Анатолій Ставицкіе, Павелъ Сохацкій, Аполлосъ Терешкевичъ, Димитрій Трощинскій, Ириней Фальковскій, Михаилъ Шванскій, Даніилъ Ясновскій; изъ эпохи Самуила Миславскаго вышли только Иванъ Андріевскій, Артемій Ведель, Иванъ Подолинскій, Антоній Смирницкій; изъ эпохи Іероθея Малицкаго—Даніилъ Велланскій, Іеронимъ Визерскій, Алексѣй Данилевскій, Меθодій Пышнячевскій, Василій Ризенко, Романъ Тимковскій [1]). Въ дальнѣйшее время вовсе почти не видно знаменитыхъ именъ между учениками академіи. Какъ же объяснить постепенное оскудѣніе ея?

Главною причиною этого нужно считать то самое явленіе, которое въ первой половинѣ XVIII в. наиболѣе служило ея славѣ. Со времени Петра I-го, когда повсюду при архіерейскихъ домахъ стали заводиться школы, Кіевская академія была

[1]) Мы не представляемъ біографій этихъ лицъ потому, что онѣ написаны Аскоченскимъ. Акты, на основаніи которыхъ мы, главнымъ образомъ, писали свое сочиненіе, не дали новыхъ свѣдѣній о перечисленныхъ лицахъ. Имена нѣкоторыхъ, напр., А. П. Антоновскаго, П. Сохацкаго, Д. Ясновскаго, мы нашли въ вѣдомостяхъ, но свѣдѣнія, тамъ находящіяся, только подтверждаютъ сказанное Аскоченскимъ.

единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія. Почти всѣ духовныя школы обязаны прямо или косвенно ей своимъ началомъ и дальнѣйшею поддержкою. Основанныя ея учениками, онѣ постоянно изъ нея же получали начальниковъ и наставниковъ. Но какъ велика и славна была задача, такъ трудно было ея выполненіе. Одна насаждая просвѣщеніе на всю Россію, она выполняла почти непосильную задачу, а потому сама истощила свои силы. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка задача академіи не уменьшилась. Въ это время потребности образованія еще болѣе увеличились. На ряду съ духовными начали заводиться школы свѣтскія. Продолжая содѣйствовать насажденію духовнаго просвѣщенія, Кіевская академія вмѣстѣ съ другими духовными учебными заведеніями всѣми усиліями содѣйствовала развитію свѣтскаго образованія. Скудные остатки архива показываютъ, какъ много воспитанниковъ ея и притомъ даровитѣйшихъ переходило по другимъ учебнымъ заведеніямъ. „По показанію преосвященнаго Арсенія Могилянскаго митрополита кіевскаго, въ пунктахъ 1768 г. отъ малороссійскаго духовенства составленныхъ для комиссіи о сочиненіи Проэкта новаго Уложенія (пункт. 54), болѣе 300 студентовъ изъ оной съ 1754 г. поступило въ Медико-хирургическія училища" [1]). Эта цифра говоритъ сама за себя. Посылая своихъ воспитанниковъ въ другія заведенія, академія не имѣла теперь прежняго выбора для наполненія своихъ аудиторій. Особенно свѣтскіе по преимуществу ѣхали въ это время въ свѣтскія же учебныя заведенія. Тогда, какъ курсы учениковъ въ Кіевской академіи составлялись, главнымъ образомъ, изъ дѣтей духовныхъ лицъ при помощи консисторскихъ указовъ съ угрозою штрафа за непривозъ въ академію дѣтей, въ свѣтскія заведенія ѣхали добровольно лица, дѣйствительно желавшіе научиться. Кипучая дѣятельность и перемѣщеніе центровъ образованія на сѣверъ притягивали туда наиболѣе даровитыхъ людей. Кромѣ того, на сторонѣ свѣт-

---

[1]) Опис. Кіев.—Соф. соб. Прибавленіе, стр. 225.

скихъ заведеній были лучшій методъ преподаванія и лучшее матеріальное обезпеченіе для учащихся. Мы видѣли, что на свое матеріальное благосостояніе указывали и сами медицинскія заведенія съ цѣлію привлеченія къ себѣ учениковъ духовныхъ училищъ. Къ тому же Кіевская академія въ это время была въ тѣни, правительство мало обращало на нее вниманія. Указомъ 1754 года 17 апрѣля [1]), повелѣвшимъ производить въ санъ архимандрита и великороссовъ, отнято было у малороссовъ утвержденное обычаемъ право на этотъ санъ. Послѣ приведеннаго закона на практикѣ случилось обратное явленіе, отнявшее у воспитанниковъ Кіевской академіи охоту получать богословское образованіе, именно,—назначеніе на высшія іерархическія мѣста по преимуществу великороссовъ. Всѣ указанныя обстоятельства вели къ уменьшенію въ академіи способныхъ руководителей „большею частію, по словамъ преосвященнаго Макарія, главнѣйшихъ виновниковъ" славы учебнаго заведенія [2]). Кромѣ Георгія Конисскаго, Самуила Миславскаго, Иринея Фальковскаго и нѣкоторыхъ другихъ, трудно указать хотя одного замѣчательнаго наставника академіи за это время. А безъ талантливыхъ руководителей не могли съ успѣхомъ привиться тѣ преобразованія, о которыхъ такъ много старалось правительство въ это время. Насаждаемыя на новой почвѣ указанныя преобразованія могли привиться и привести къ хорошимъ результатамъ, но для Кіевской академіи, имѣвшей уже за собою славное прошлое, трудно было разстаться съ своими традиціями; для этого требовалось коренное преобразованіе, которое бы порвало или нарушило связь съ прошлымъ. „Нуженъ былъ новый во всѣхъ частяхъ опредѣлительнѣйшій уставъ" [3]). Такой уставъ уже готовился какъ для всѣхъ учебныхъ заведеній, такъ и для Кіевской академіи.

---

[1]) Пол. Собр. Зак. т. XIV, № 10. 216.

[2]) Ист. Кіев. Акад. стр. 158.

[3]) Опис. Кіев.-Соф. соб. стр. 226

Правительствомъ былъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ. Не была исключена изъ этого дѣла и Кіевская академія. Ей поручено было составить мнѣніе о наилучшей постановкѣ образованія въ академіи. Академія, дѣйствительно, составила проэктъ, въ которомъ вполнѣ высказала свой взглядъ на академическое образованіе. Въ составленіи проэкта принималъ живое участіе митр. Серапіонъ, давая личныя наставленія ректору и префекту академіи [1]). Въ проэктѣ о преобразованіи Кіевская академія обнаружила, что она не только не разсталась съ своими прежними взглядами на образованіе, а, напротивъ, весьма крѣпко держится ихъ. Академическій курсъ оставлялся почти безъ измѣненія [2]). Изъ новыхъ предметовъ въ проэктѣ указанъ „классъ законоискусства", въ которомъ предположено знакомство съ русскими законами. Необходимость новаго класса объяснялась тѣмъ, „что по большой части и нынѣ во всѣ духовныя Правленія присутствующими опредѣляются изъ ученыхъ священниковъ, кои мало или на первый случай и совсѣмъ не имѣя о семъ предметѣ свѣдѣній, много дѣлаютъ затрудненія въ сохраненіи нужнаго законнаго порядка, все по нуждѣ отдавая на разсмотрѣніе или рѣшеніе писаря своего, иногда и того мало свѣдуща-

---

[1]) „Изъ дневн. митр Серапіона". Тр. Кіев. дух. Акад 1882 г., октябрь, стр. 233. Напечатанъ отъ В. Аскоченскимъ (ч. 2, стр. 419—459).

[2]) На подобное рѣшеніе, можетъ быть, имѣло вліяніе мнѣніе митр. московскаго Платона, въ іюнѣ 1804 года посѣтившаго Кіевъ, а въ январѣ 1805 г. приславшаго свое мнѣніе о наилучшей постановкѣ дѣла въ Московской академіи. Въ письмѣ къ митр. Серапіону митр. Платонъ говорилъ: „въ разсужденіи требованія объ академіи Московской, я думаю оставить ее на томъ положеніи, какъ она была и нынѣ есть. Просвѣщенія слишкомъ много, разумѣю мнимаго, а начало премудрости, страхъ Господень уменьшается и порча нравовъ усиливается по мѣрѣ какъ возрастаетъ оное просвѣщеніе мнимое" (Ак. Кіев.-Врат. мон. и ак собр. Аскоч., т. IV, № 16). Это мнѣніе прислано въ то время, когда въ Кіевской академіи проектъ еще вырабатывался. Положеніе о Кіевской академіи окончено и отослано къ митр. новгородскому Амвросію Подобѣдову 18 февраля 1805 г. („Изъ дневн. митр. Серап". Труды Кіев. дух. Акад. 1883 г. октябрь, стр. 238).

го". Такъ какъ образованіе въ академіи „относится преимущественно къ духовному роду состояній", „то, по проэкту, нужно взять возможныя мѣры, чтобъ латинскіе ординарные классы занимали учители изъ монашествующихъ"[1]). Главное вниманіе въ проэктѣ было обращено на содержаніе академіи, которое предположено увеличить до 54,240 рублей. Изъ этой суммы, кромѣ расширенія академическихъ зданій и увеличенія штата служащихъ при академіи, предположено было улучшить содержаніе учащихъ, чтобы они „не были удобно отвлекаемы видомъ другихъ выгодныхъ состояній". Проэтъ Кіевской академіи не имѣлъ вліянія на ходъ преобразованія учебныхъ заведеній [1]).

Въ дальнѣйшемъ ходѣ преобразованія духовныхъ училищъ Кіевская академія принимала весьма мало участія. Прежде, чѣмъ дошла очередь до преобразованія третьяго учебнаго округа, комиссія духовныхъ училищъ потребовала въ декабрѣ 1816 года отъ академическаго правленія свѣдѣній, во-первыхъ, о вмѣстимости академическихъ зданій и о томъ, можетъ ли она по преобразованіи помѣститься въ нихъ съ семинаріею, уѣзднымъ и приходскимъ училищемъ, во-вторыхъ, кто и сколько изъ учителей могутъ преподавать въ новой академіи, а изъ учениковъ проходить въ ней курсъ ученія, наконецъ, обязывала учителей академіи, намѣревавшихся преподавать въ преобразованной академіи, представить конспекты тѣхъ предметовъ, по которымъ учителя считаютъ себя способными быть профессорами. Правленіе представило свое мнѣніе только объ академическихъ зданіяхъ. Предполагалось возможнымъ въ академическихъ зданіяхъ помѣстить академическіе, семинарскіе и

[1]) Не смотря на то, что положеніе объ академіи отослано было 16-го февраля, въ мартѣ 1805 г. Бантышъ-Каменскій писалъ митр. Серапіону: „отъ 27 февраля изъ Петербурга пишутъ, что крайне скучаютъ, не получая отъ Васъ объ академіи мнѣнія. Дѣло совсѣмъ сдѣлано; остановка за Вами" (Кіев. Епар Вѣд. 1885 г., № 15, стр. 705), а 20 марта извѣщалъ: „Планъ объ училищахъ духовныхъ совершился. Государь апробовалъ". (Тамъ же, стр. 706).

приходскаго училища классы, для полнаго же помѣщенія всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній зданія признаны недостаточными. Академическое Правленіе рекомендовало пристроить новыя зданія или помѣстить академію въ упраздненномъ Кирилловскомъ монастырѣ—„мѣстѣ во многихъ отношеніяхъ выгодномъ для наукъ, любящихъ уединенныя мѣста". Опредѣлить способности учителей Правленіе отказалось, предоставляя это сдѣлать митрополиту [1]). Дальнѣйшая судьба академіи рѣшена была безъ нея. 14-го августа 1817-го года состоялся указъ Св. Сѵнода о преобразованіи кіевскаго учебнаго округа. За недостаткомъ профессоровъ, предположеніе о полномъ преобразованіи третьяго учебнаго округа не могло осуществиться. Открытіе новой академіи отложено было на два года, старая же академія преобразована была въ семинарію, въ которой введенъ новый уставъ [2]). Такимъ образомъ окончила свое славное существованіе старая Кіевская академія для того, чтобы вскорѣ снова начать новую также славную жизнь.

---

[1]) Акт. Кіев.-Брат. мон. и акад., соб. Аскоч. т. IV, № 54.

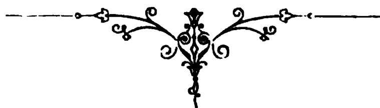
[2]) Нѣсколько словъ объ открытіи Кіев дух. сем. въ 1817 г. Свящ. П. Троицкаго. Кіев. Епарх. Вѣд. 1871 г. №№ 19 и 20, стр. 439—450, 461—468.

Н. Мухинъ.

Кіево-Братскій училищный монастырь.

Историческій очеркъ.

(Писано на Евгеніе-Румянцевскую премію).



КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

Печатать дозволяется по опредѣленію Совѣта Кіевской Духовной Академіи отъ 19 февраля 1893 года.

Ректоръ Академіи *Епископъ Сильвестръ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

КІЕВО-БРАТСКІЙ УЧИЛИЩНЫЙ МОНАСТЫРЬ [1]).

Вѣнцомъ чудной панорамы Кіево-Подола, которая открывается предъ глазами наблюдающаго съ горы св. Андрея Первозваннаго, служитъ Братскій монастырь съ его величавыми постройками, съ золотыми главами его церквей, съ зеленью его садовъ. Возвышаясь среди Подола, Братскій монастырь вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ средоточіемъ религіозной жизни подолянъ. Братская Божія Матерь, къ чудотворному образу которой прибѣгаютъ всѣ подоляне въ своихъ нуждахъ и скорбяхъ, благочестиво почитается ими небесною Заступницею и Покровительницею Кіево-Подола. Въ дни нѣкоторыхъ особенныхъ торжествъ, каковы 6 января, 1 августа, въ дни великопостныхъ служеній, особенно такъ называемыхъ пассій, въ Братскій монастырь стекается богомольный людъ изъ всего населенія Кіево-Подола. Величіе соборнаго храма монастыря, благолѣпное богослуженіе, совершаемое въ немъ, стройное пѣніе братскаго хора,—все это привлекаетъ въ Братскій монастырь подолянъ, слышащихъ здѣсь и слово церковной проповѣди. Чѣмъ служитъ лавра для Печерска, Софійскій соборъ—для Стараго города, тѣмъ является Братскій монастырь для Подола. Таково значеніе Братскаго монастыря въ настоящемъ. Но онъ имѣлъ еще большее значеніе въ прошломъ, когда, благодаря своей тѣсной связи съ кіевскимъ Богоявленскимъ братствомъ и братскою школою, вос-

---

[1]) Писано на евгеніе-румянцевскую премію.

слѣдствіи коллегіею и академіею, онъ стоялъ въ центрѣ жизни не только Кіева, но и всего юго-западнаго края Россіи.

Слѣдуетъ присовокупить, что хотя Братскій монастырь получилъ свое названіе отъ бывшаго при немъ Братства и навсегда удержалъ это привлекательное и популярное названіе, однако же въ исторіи монастыря связь его съ Братствомъ обнимаетъ сравнительно непродолжительное время, потому что непродолжительно было и самое существованіе Братства въ начальномъ видѣ его. Напротивъ, связь исторіи монастыря съ исторіей академіи (бывшей школы и коллегіи) простирается на все время исторической жизни обоихъ учрежденій. Эти два учрежденія всегда до послѣдняго времени составляли одно нераздѣльное цѣлое, шли рука объ руку, стоя другъ къ другу въ отношеніи взаимодѣйствія и взаимопомощи. Эта же самая связь монастыря съ академіей, которая проходитъ чрезъ все время его существованія, послужила для насъ и основою для дѣленія его исторіи на отдѣльные періоды.

Первый періодъ исторіи Братскаго монастыря обнимаетъ собою время отъ основанія его въ 1615 году до 1632 года, когда окончательно былъ рѣшенъ такой важный для него вопросъ, какъ совмѣстное его существованіе съ академіей. Въ этомъ году печерскій архимандритъ, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ, Петръ Могила, соединилъ свою лаврсвую школу съ Богоявленскимъ училищемъ. Не произойди это событіе, Богоявленское училище, а вмѣстѣ съ нимъ и Братскій монастырь,—навѣрное можно сказать,—имѣли бы иную судьбу. Этотъ первый періодъ есть именно періодъ начальнаго устроенія монастыря въ соединеніи съ Братствомъ и школою.

Второй періодъ исторіи Братскаго монастыря есть періодъ постепеннаго роста монастыря въ союзѣ съ Кіевомогилянскою коллегіею, къ концу періода почтенною названіемъ академіи. Для монастыря этотъ постепенный ростъ видимѣе сказывается на увеличеніи матеріальныхъ средствъ его, служащихъ и соединенной съ нимъ коллегіи. Южно-рус-

свое общество, такъ энергически настаивавшее на соединеніи лаврской школы съ Богоявленскимъ училищемъ, принимаетъ живое участіе въ судьбахъ этого училища и соединеннаго съ нимъ монастыря и щедрою рукою надѣляетъ ихъ различными угодьями. Послѣднимъ выраженіемъ благосклоннаго отношенія общества къ интересамъ монастыря за это время служатъ сооруженные въ немъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. стараніями гетмана Ивана Мазепы соборный храмъ и другія зданія. Это время, совпадающее со временемъ реформъ Петра Великаго, возвысившаго существовавшую при монастырѣ коллегію до званія академіи, можетъ быть принято конечною граніею втораго періода.

Въ слѣдующее за тѣмъ время монастырь, въ союзѣ съ академіею, держится болѣе уже собственными, нажитыми средствами, вынуждаемый нерѣдко отстаивать цѣлость ихъ въ виду наступающей нѣкоторой реакціи въ отношеніяхъ къ нему со стороны мѣстнаго общества, ободренной секуляризаціонными стремленіями Петровской реформы и обнаруживающейся посягательствами мѣстнаго общества на его имѣнія и угодья. Къ концу XVIII в., благодаря общей секуляризаціонной системѣ правительства, монастырь лишается своихъ имѣній и въ 1786 г. временно даже закрывается; но союзная съ нимъ академія, и предъ тѣмъ помогавшая монастырю ограждать свое достояніе, а теперь уже имѣвшая и нѣкоторыя свои независимыя средства, даруемыя отеческимъ попеченіемъ кіевскихъ архипастырей, благосклоннымъ вниманіемъ къ ней правительства, удерживается въ зданіяхъ монастыря и по его закрытіи. Благодаря этому закрытый монастырь не упраздняется тотчасъ же, оставаясь въ неопредѣленномъ положеніи, и затѣмъ возстановляется въ качествѣ штатнаго въ самомъ концѣ XVIII в. (въ 1799 г.), которымъ, поэтому и ограничивается въ нашемъ изложеніи третій періодъ его исторіи.

По своемъ возстановленіи въ 1799 году, Братскій монастырь, дотолѣ жившій на совмѣстныя съ академіей средства,

получаетъ особыя права для своего существованія, живетъ самостоятельною, независимою отъ академіи жизнію, но связуемый съ нею преданіями, дружнымъ сосѣдствомъ и общею ему и академіи властію въ лицѣ ректора академіи и настоятеля монастыря. Благодаря этому, онъ продолжаетъ благоустроиваться, возвышается до званія первокласснаго монастыря, а въ послѣднія десятилѣтія имѣетъ утѣшеніе видѣть своихъ настоятелей въ санѣ епископскомъ. Совокупностію этихъ обстоятельствъ характеризуется исторія нашего монастыря за послѣдній періодъ его существованія, простирающійся до нашихъ дней.

Каждому изъ этихъ періодовъ исторіи монастыря мы посвятимъ въ своемъ сочиненіи по отдѣльной главѣ. Кромѣ того, въ пятой, заключительной главѣ мы представимъ описаніе современнаго состоянія монастыря, а въ приложеніяхъ помѣстимъ всѣ болѣе или менѣе древніе рукописные документы, касающіеся исторіи нашего монастыря и не появлявшіеся еще въ печати.

Таковъ въ общемъ планъ нашей работы. Предчувствуемъ могущій постичь насъ упрекъ въ томъ, что мы въ своемъ изслѣдованіи имѣемъ въ виду представить только внѣшнюю судьбу Братскаго монастыря, не касаясь внутренней его жизни, какъ жизни по началамъ иноческаго общежитія. Упрекъ этотъ вполнѣ заслуженный, но дѣло въ томъ, что написать исторію Братскаго монастыря, которая обнимала бы и указанную сторону его жизни, за крайнею скудостію необходимыхъ для сего данныхъ—дѣло очень не легкое, пока почти и невозможное. Авторъ не опускалъ, гдѣ это было возможно, отмѣчать и проявленія внутренней жизни монастыря; но вообще поставилъ для себя болѣе скромную задачу—прослѣдить внѣшнюю судьбу Братскаго монастыря и онъ будетъ очень доволенъ, если ему удастся выполнить ее. Feci, quod potui, faciant meliora potentes.

Считаемъ не лишнимъ указать источники и пособія, которыми мы пользовались при написаніи нашего сочиненія. Таковыми были:

I. *Рукописные матеріалы.*

Рукописные акты Кіево-братскаго училищнаго монастыря и Академіи I—IV томы [1]).

1. Рукописный Евгеніевскій сборникъ, въ составъ кото раго вошли всѣ дѣла, касающіяся Братскаго монастыря, отысканныя митрополитомъ Евгеніемъ въ синодальномъ архивѣ. Этотъ сборникъ находится въ академической библіотекѣ подъ знакомъ *I.* I. 26.

2. Рукописи, касающіяся исторіи Братскаго монастыря, хранящіяся въ библіотекѣ академіи въ особой связкѣ подъ сл. значкомъ: О. Л. 15.

3. Дѣла архива Братскаго монастыря.

4. Дѣла внутренняго правленія академіи, хранящіяся въ архивѣ академіи.

II. *Печатныя изданія памятниковъ и матеріаловъ*:

1. Памятники, изданные Кіевскою временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. II-й томъ. Кіевъ. 1846 г.

2. Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. I, т. VI.

3. Акты Западной Россіи, т. V.

---

[1]) Эти акты собраны архимандритомъ Антоніемъ (Амфитеатровымъ), ректоромъ академіи и настоятелемъ нашего монастыря съ 1851 до 1858 года (впослѣдствіи казанскій архіепископъ). По порученію Антонія, акты эти были приведены въ порядокъ В. И. Аскоченскимъ, который былъ товарищемъ Антонія по академическому (IX-му) курсу, затѣмъ недолгое время баккалавромъ академіи, потомъ перешелъ на гражданскую службу и въ данное время, т. е. время ректорства Антонія, будучи въ отставкѣ, проживалъ въ Кіевѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Эти акты хранятся въ библіотекѣ академіи подъ сл. значкомъ: О. Л. 13.

4. Акты Южной и Западной Россіи, томы II, III, VII, IX и X.

5. Лѣтопись о первозачатіи и созданіи Густынскаго монастыря. Москва. 1848 г.

6. Матеріалы для отечественной исторіи, изданные Михаиломъ Судіенко. Кіевъ. 1853 г.

7. Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей, изданный по поводу археологическаго съѣзда въ Кіевѣ 1874 г.

8. Письма Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго. Черниговъ.

9. Письма Ѳеофана Прокоповича (Труды Кіев. Академіи 1865 г. № 10).

10. Выдержки изъ дневника митрополита Серапіона (Труды Кіевской Акад. 1883 г. № 2).

11. Письма Евгенія, митрополита Кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору Кіевской академіи (Кіевская Старина 1883 г. № 6).

III. Историческіе труды, монографіи, замѣтки:

1. Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи м. Евгенія. Кіевъ. 1825 г.

2. Исторія Кіевской Академіи іеромонаха Макарія Булгакова. Петербургъ. 1843 г.

3. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ,—Академіею, В. И. Аскоченскаго. I и II части. Кіевъ. 1856 г.

4. Исторія Кіевской духовной Академіи по преобразованіи ея въ 1819 г. Его же. Петербургъ. 1863 г.

5. Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи. Кіевъ. 1869 г.

6. Исторія Кіевской духовной Академіи С. Т. Голубева. Кіевъ. 1886 г.

7. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Его же. Кіевъ. 1883 г.

8. Описаніе Кіева, Н. Закревскаго. I—II томы. Москва. 1868 г.

9. Полное собраніе сочиненій М. Максимовича, Кіевъ. 1876, 1877 и 1880 гг.

10. Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Кіевъ. 1885 г.

11. „Иннокентій Гизель". Н. Ѳ. Сумцова (Кіев. Стар. 1884 г. № 10).

12. „Іоанникій Голятовскій". Его же (Кіев. Стар. 1884 г. №2).

13. „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Ванатовичъ", Е. Крыжановскаго (Труды Кіев. дух. Академіи 1861 г. № 3).

14. „Протекторъ Кіевской Академіи Рафаилъ Заборовскій, митрополитъ Кіевскій". П. Молчанова (Кіев. епарх. вѣдом. 1876 г. № 5).

15. Преосвященный Ириней Фальковскій. Г. Булашева. Кіевъ. 1883 г.

16. Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа Таврическаго, изд. М. И. Погодинымъ. 1864 г.

17. „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ", Свящ. Т. Буткевича (Вѣра и Разумъ, 1884—1885 гг.).

18. Памяти Димитрія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Одесса. 1883 г.

19. Преосвященный Іеремія, епископъ Нижегородскій. Прот. Виноградова. Нижній-Новгородъ. 1886 г.

20. Преосвященный Филаретъ, епископъ Рижскій, какъ ректоръ Кіевской духовной Академіи. Экстраординарнаго профессора Кіевской Академіи И. Н. Королькова. Кіевъ. 1882 г.

21. Высокопреосвященный Антоній (Амфитеатровъ), архіепископъ Казанскій и Свіяжскій. Архимандрита Сергія. I—II томы. Казань. 1885 г.

22. „Историческія замѣтки о Кіевѣ" П. Л—ва (Кіевск. Старина 1884 г. № 10).

23. „Настоящее имя фундаторши Кіево-братскихъ школъ". Замѣтка Новицкаго (Кіев. Стар. 1885 г. № 8).

24. „Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи" Н. Оглоблина (Кіев. Стар. 1886 г. № 3).

Не упомянутыя въ этомъ перечнѣ сочиненія, статьи и замѣтки, служившія намъ нѣкоторымъ пособіемъ, цитуются въ своемъ мѣстѣ.

Первый періодъ (1615—1631 гг.).

Рѣшеніе вопроса о фундаторшѣ Братскаго монастыря и времени его основанія.— Имя фундаторши (Елизавета, а не Анна). Свѣдѣнія о родѣ пановъ Гулевичей и Лозокъ вообще и въ частности о Елизаветѣ Гулевичевнѣ и Стефанѣ Лозкѣ. Дарственная запись Гулевичевны, послужившая основанію монастыря. Мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ состоялась эта запись. Прежнія мнѣнія по вопросу о времени возникновенія монастыря. Шаткость основаній, на которыхъ опирались эти мнѣнія. Послѣднее, установившееся въ наукѣ, мнѣніе по данному вопросу. Обстоятельства времени, повліявшія на возбужденіе мысли объ основаніи монастыря, братства и школы въ Кіевѣ.

Соединеніе кіевскаго братства съ монастыремъ и выгоды этого соединенія для послѣдняго. Первый игуменъ братскаго монастыря—Исаія Копинскій. Первая церковь. Построеніе Богоявленской церкви. Игуменъ Серапіонъ. Посѣщеніе Кіева и монастыря іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ. Возстановленіе православной іерархіи. Учрежденіе въ братскомъ монастырѣ патріаршей ставропигіи. Гетманъ Сагайдачный, ревнитель православія и покровитель монастыря, братства и школы. Постепенное увеличеніе недвижимой собственности монастыря: пріобрѣтенныя имъ дворовыя мѣста, угодья и проч. Юридическое подтвержденіе существованія монастыря. Игуменъ Тарасій Земка. Ошибочность предположенія о разореніи и запустѣніи монастыря въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія.

Общіе выводы изъ исторіи монастыря за первый періодъ его существованія. Нѣкоторыя указанія на внутреннее устройство монастыря и внутреннюю жизнь монастырской братіи.

Основанный въ 1615 г., Кіево-Братскій монастырь былъ первымъ мужскимъ монастыремъ на Кіево-Подолѣ, гдѣ до этого времени, кромѣ соборной Успенской церкви и нѣсколькихъ приходскихъ церквей, существовалъ только женскій Флоровскій монастырь, извѣстный лишь съ XVI в. Естественно ожидать, что время основанія Братскаго монастыря было временемъ, когда въ мѣстномъ обществѣ сильнѣе прежняго восчувствовалась потребность имѣть свой монастырь, когда, подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, могло въ томъ или другомъ изъ представителей его настоятельнѣе сказаться желаніе основаніемъ монастыря совершить благое дѣло на пользу церкви православной. Приступая съ этими мыслями къ изложенію исторіи монастыря, считаемъ нужнымъ первому періоду этой исторіи предпослать біографическія свѣдѣнія объ основательницѣ монастыря и разъясненіе вопроса о времени основанія его. Существовавшія до послѣдняго времени недоразумѣнія относительно самаго имени основательницы и года основанія монастыря обязываютъ насъ войти въ подробности по тому и другому предмету, чтобы дать видѣть основательность послѣднихъ выводовъ, научно установленныхъ по этимъ предметамъ [1]).

Основательницею Братскаго монастыря была *Галшка*, въ переводѣ на русскій языкъ *Елизавета*, *Гулевичевна*, *жена мозырскаго маршалка Стефана Лозки*. Между тѣмъ, по недоразумѣнію, ее ошибочно называли не *Елизаветой*, а Анной, подъ какимъ именемъ она почти до послѣдняго времени поминалась въ основанномъ ею монастырѣ. Честь точнаго, правильнаго обозначенія ея имени всецѣло принадлежитъ до-

---

[1]) Данныя для біографіи основательницы нашего монастыря мы заимствовали изъ второй главы Исторіи Кіевской духовной Академіи С. Т. Голубева. Кіевъ. 1886 г. При рѣшеніи же вопроса о времени основанія монастыря мы пользовались главнымъ образомъ первою главою этого сочиненія.

центу нашей академіи. С. Т. Голубеву. Разъясненія его по этому предмету состоятъ въ слѣдующемъ. Во всѣхъ извѣстныхъ документахъ основательница нашего монастыря называется Галшкою [1]); такъ она собственноручно подписывалась и подъ дѣловыми бумагами (одна изъ нихъ сохранилась и находится въ музеѣ церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной Академіи). Это же имя, въ переводѣ на русскій языкъ, обозначаетъ не *Анну,* а *Елизавету.* Стоитъ заглянуть въ любой польско-русскій словарь (см. напр. Slownik ięnzyka polskiego, przez Samuela Bogumila Linde. 1866 r. t. II. str. 168), чтобы убѣдиться въ этомъ. Далѣе, въ древнихъ документахъ нерѣдко встрѣчаются тяжебныя дѣла между женщинами, изъ коихъ однѣ (даже въ одномъ и томъ же актѣ) носятъ названіе *Анны,* а другія—*Галшки* (напр.: y Żalowala Slawetna pani *Halszka* Pazkiewiczowna... na panią Hanna Samuelową... и др.), изъ чего слѣдуетъ, что эти имена—не тождественны. Въ нѣкоторыхъ же документахъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ или южно-русскомъ нарѣчіи, одно и тоже лице называется *Halszką, Галшкою;* а въ другихъ, изложенныхъ полатыни, или въ тѣхъ же самыхъ документахъ, но переведенныхъ на латинскій языкъ, это же самое лице называется Елизаветою. Такъ, напр, извѣстная своею трагическою судьбою дочь князя Иліи Острожскаго и его жены Беаты называется въ однихъ документахъ (польскихъ) *Галшкою,* въ другихъ (латинскихъ) *Елизаветою,* и въ нѣкоторыхъ (южно-русскихъ) то *Галшкою,* то *Алжбетою.* Приведемъ нѣсколько примѣровъ: 1) „Postawywszy się abliczne xiężna *Helszka,* czurka nieboźczyka kxiąnżenczia Iliego Ostrowskiego"... и т. д. (изъ градскаго познанскаго архива, докум., приводимый у Przedzickiego въ сочиненіи—Jagelbonki polskie w

---

[1]) Памятники, изданные временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, т. II. отд. 1, №№ 1 и 6. Кіевъ. 1846 г.

XI wieku, т. V. стр. 268—279); 2) „Quia Demetrius Sanguszkowicz ob stuprum illustri virgini *Elisabetae* duci Ostrogiensi per vim oblatum"... и проч.—Desponsata est in nostra presentia illustris Elisabeta Dux Ostroschensis"... и проч. (ibid.); 3)... „и дочку ее милости (Беаты) княжну *Галшку*" (луцкая град. книга № 2037, л. 18; и въ другихъ, дальнѣйшихъ документахъ той же книги, дочь Беаты иногда называется *Алжбетою*). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ документахъ сама фундаторша Братскаго монастыря Галшка Гулевичевна называется Алжбетою. Такъ, въ 1618 г. нѣкто Діонисій Лукаревскій заноситъ въ градскія житомірскія книги жалобу „на урожоную ее милость паннію Галжбету Гулевичевну Лозчиную, маршалковую мозырскую" (житом. градск. книга, хранящаяся въ кіев. центральномъ архивѣ; № книги 13, л. 1411[1]).

Галшка Гулевичевна, основательница Братскаго монастыря, происходила изъ знатной фамиліи. Паны Гулевичи были крупными землевладѣльцами преимущественно волынскаго воеводства. Первымъ выдающимся представителемъ этой фамиліи былъ луцкій епископъ *Θеодосій*, дѣдъ Елизаветы Гулевичевны, жившій въ первой половинѣ XVI столѣтія. Онъ не предназначалъ себя съ юныхъ лѣтъ къ духовному званію. Въ мірѣ онъ носилъ имя Θеодора, состоялъ первоначально на государственной службѣ, былъ женатъ и имѣлъ многочисленное семейство. Овдовѣвши, уже слѣдовательно въ болѣе или менѣе преклонныхъ лѣтахъ, онъ принялъ монашество и получилъ епископскій санъ. Изъ дѣтей его намъ извѣстны только сыновья: Григорій, Михаилъ, Романъ, Янушъ и Василій. Послѣдній и былъ отцемъ фундаторши нашего монастыря. *Василій Θеодоровичъ Гулевичъ* превосходилъ всѣхъ своихъ братьевъ и богатствомъ, и общественнымъ положе-

[1]) Голубевъ. Истор. Кіев. Дух. Акад. стр. 120—121.

ніемъ, и родственными связями. Сначала онъ занималъ должность *подстаростія владимірскаго*; затѣмъ въ 1565 г. возведенъ былъ въ званіе *войскаго владимірскаго*. Эту почетную должность онъ сохранилъ до самой кончины своей, послѣдовавшей въ половинѣ 1601 года.

Василій Гулевичъ женатъ былъ два раза. Второю его женою была Наталія Патрикѣевна, на которой онъ женился около 1570 г. Отъ этой супружеской четы и родилась основательница нашего монастыря, Галшка Гулевичевна. Какъ протекло дѣтство и юность этой женщины, имя которой съ благодарностію вспоминаетъ потомство, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ объ этомъ. Извѣстно только, что около 1593 г. она вышла замужъ за *Христофора Поцѣя*, младшаго изъ трехъ сыновей извѣстнаго брестскаго каштеляна, впослѣдствіи православнаго епископа, а затѣмъ уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя. Въ супружествѣ за Поцѣемъ Галшка Гулевичевна прожила не долго: въ 1606 году мы видимъ ее уже вступившею во второй бракъ со Стефаномъ Лозкою [1]).

Свѣдѣнія о панахъ *Лозкахъ* восходятъ къ началу XVI столѣтія, когда мы встрѣчаемъ эту фамилію достаточно богатою, а ея представителей занимающими довольно видныя общественныя должности. Стефанъ Лозка, мужъ Галшки Гулевичевны, родился, по всей вѣроятности, не позднѣе пятидесятыхъ годовъ означеннаго столѣтія (около 1545 г.); во всякомъ случаѣ, въ 1566 году онъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ: въ это время отецъ поручилъ ему веденіе тяжебныхъ дѣлъ съ подстаростою житомірскимъ, Петромъ Костюшковичемъ. Служебная дѣятельность Стефана Лозки начинается не позднѣе 1577, когда о немъ мы находимъ упоминаніе, какъ о подчашемъ кіевскомъ. Начиная съ 1590 года, мы встрѣчаемся съ нимъ уже въ должности мозырскаго

[1]) Голубевъ, Истор. Кіев. Акад. стр. 131—137.

маршалка, какую онъ удержалъ за собою почти до самой смерти своей, послѣдовавшей въ концѣ 1617 или началѣ 1618 года [1]).

Вотъ за этого Стефана Лозку, когда онъ былъ вдовцомъ довольно преклонныхъ лѣтъ, и вышла замужъ Галшка Гулевичевна. Чтó побудило молодую вдову (Елизаветѣ Гулевичевнѣ, по приблизительному расчету, въ 1605 году было не болѣе тридцати лѣтъ) выйти за шестидесятилѣтняго старика,—вопросъ этотъ остается открытымъ, да рѣшеніе его и не важно для насъ. Какъ бы то ни было, отъ подобнаго супружества нельзя было ожидать многочисленнаго потомства. И дѣйствительно, мы видимъ, что отъ этого брака родился только одинъ сынъ по имени Михаилъ, который въ актахъ отъ 1613 года упоминается, какъ „лѣтъ не маючій". По смерти Стефана Лозки (1617—1618 гг.), Елизавета Гулевичевна жила въ окрестностяхъ Кіева, а потомъ переселилась въ волынское воеводство, гдѣ, кажется, постоянно и проживала до самой кончины своей, послѣдовавшей приблизительно около половины марта 1642 года. Судя по уцѣлѣвшимъ до нашего времени документамъ, по смерти мужа, Елизаветѣ Гулевичевнѣ и ея сыну досталось довольно значительное имущество. Но тѣ тяжебныя дѣла, которыя приходилось вести Гулевичевнѣ, а съ другой стороны—семейныя огорченія (измѣна православію ея сына) и усилившаяся, можетъ быть, подъ вліяніемъ ихъ благотворительность въ значительной степени разстроили состояніе основательницы нашего монастыря, такъ что она умерла сравнительно очень бѣдною женщиною [2]).

Отличаясь благочестивою ревностію и усердіемъ къ дѣламъ православной вѣры, съ другой стороны, какъ жена богатаго человѣка, имѣя средства къ дѣламъ благотворительности,—Елизавета Гулевичевна „съ давнихъ временъ по-

[1]) Ibid. стр. 123—124.

[2]) Ibid. стр. 138—139.

мышляла сдѣлать благо для церкви Божіей". И вотъ 14 октября 1615 года, приводя въ исполненіе свое доброе намѣреніе, она пожертвовала православнымъ христіанамъ народа русскаго, духовнымъ и свѣтскимъ, живущимъ въ повѣтахъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго свое, находящееся въ Кіевѣ, наслѣдственное имѣніе: дворъ и землю со всѣми постройками на нихъ, полученные ею въ вѣчный даръ отъ своего мужа[1]). Одною стороною, какъ гласитъ дарственная запись Е. Гулевичевны, эта усадьба упирается въ улицу, „которая ведетъ отъ рынка къ Днѣпру, мимо двора господина Василія Ходики Кренецкаго, кіевскаго скарбнаго (казначея)"; другая сторона граничитъ съ другою улицею, идущею параллельно первой, „мимо двора мѣщанъ кіевскихъ, Христофора Золотаря и Петра Нечая"; третья сторона „со входу отъ рынка" примыкаетъ „къ двору Солянника", заднею же стороною это мѣсто прилегаетъ „къ огорожѣ двора покойнаго Өеодора Митковича, бывшаго бургомистра кіевскаго". Все это Гулевичевна назначила „на монастырь патріаршей ставропигіи общаго житія, по чину Василія великаго, также и на школу для дѣтей какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ...,—а при томъ и на гостинницу для странниковъ духовныхъ вѣры церкви восточной". Непремѣннымъ условіемъ своей дарственной записи жертвовательница ставитъ, чтобы „*монастырь* тотъ и школа и весь чинъ и строеніе распоряжаемы и устроеваемы были по закону и чину каѳолической восточной церкви греческаго обряда". Для того же, „чтобы та фундація *возъимѣла* свое дѣйствіе, говоритъ Гулевичевна въ своей дарственной записи, я тотчасъ же, въ тотъ дворъ съ землею, духовныхъ и свѣтскихъ право-

---

[1]) Дарственная запись Е. Гулевичевны, хота и была уже не одинъ разъ напечатана, перепечатывается и нами въ приложеніяхъ къ сочиненію (№ 1), въ виду особенной важности ея, какъ перваго и основнаго документа по исторіи монастыря.

славныхъ, именно: правовѣрнаго іеромонаха, отца Исаію Купинскаго и *другихъ изъ монашествующихъ*, также и школу ввела и ввожу, отдавая имъ то, равно и всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ... въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, на то назначенныхъ", т. е. при соблюденіи всѣхъ, положенныхъ закономъ, формальностей.

Такимъ образомъ дарственная запись Гулевичевны не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что *основаніе Братскаго монастыря было положено 15 октября 1615 г*, когда получила свою силу и была занесена въ градскія книги сдѣланная днемъ раньше запись жертвовательницы. Въ этотъ день введены были на пожертвованный фундушъ *монашествующіе* съ Исаіею Купинскимъ во главѣ. Одновременно и *совмѣстно* съ монастыремъ на этомъ же самомъ фундушѣ получила свое начало и школа, знаменитая своими заслугами въ дѣлѣ просвѣщенія не только юго-западнаго края, но и всей Россіи, впослѣдствіи коллегія, затѣмъ академія, и, наконецъ, съ 1819 года и до настоящаго времени извѣстная подъ именемъ кіевской духовной академіи.

На первый взглядъ можетъ показаться нѣсколько непонятнымъ то обстоятельство, что жена *мозырскаго* маршалка даритъ усадебное мѣсто въ Кіевѣ для основанія на немъ монастыря. Но дѣло въ томъ, что мужъ фундаторши нашего монастыря, Стефанъ Лозка, долгое время жилъ въ Кіевѣ, занимая въ немъ видную общественную должность. Какъ богатый человѣкъ, онъ имѣлъ въ Кіевѣ и недвижимую собственность, часть каковой, по всей вѣроятности, осталась непроданной и по переходѣ его на службу въ Мозырь [1]).

Что касается побужденій, подъ вліяніемъ которыхъ состоялась дарственная запись Гулевичевны, то о нихъ можно

---

[1]) Голубевъ, Истор. Кіев. Акад., стр. 143.—Богатые паны юго-западнаго края, часто пріѣзжавшіе въ Кіевъ, имѣли въ немъ дома и подворья, на которыхъ они проживали во время своего пребыванія въ Кіевѣ.

замѣтить слѣдующее. Есть основаніе предполагать, что Стефанъ Лозка, достигши глубокой старости, оставилъ тяжелую для его возраста должность мозырскаго маршалка и переселился въ Кіевъ, гдѣ у него были и старыя связи и пріобрѣтенныя помѣстья. Если имъ еще при жизни назначена была опека надъ своимъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ, то не безосновательно будетъ предполагать, что, предчувствуя близость своей кончины, Стефанъ Лозка сдѣлалъ распоряженія и касательно всего своего имущества. Знакомымъ съ южнорусскимъ бытомъ описываемаго времени извѣстно, что духовныя завѣщанія, въ которыхъ выражалась послѣдняя воля готовящагося къ смерти, писались лицами духовными, которыя располагали благочестиво настроенныхъ людей отписывать нерѣдко значительную часть своего состоянія на дѣла благотворительности. Содержаніе дарственной записи Гулевичевны даетъ право еще на болѣе опредѣленное заключеніе касательно лицъ, составлявшихъ духовное завѣщаніе Стефана Лозки. Можно предполагать, что оно было составлено иноками кіевопечерской лавры. Къ этому приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Въ завѣщаніи Стефана Лозки ближе, чѣмъ кто-либо другой, заинтересована была его жена, которая, насколько вообще человѣку свойственно заботиться о собственномъ благополучіи, естественно, прилагала усилія съ своей стороны для того, чтобы не быть забытой въ этомъ завѣщаніи. Далѣе, „также естественно думать, говоритъ г. Голубевъ, что особы, призванныя заактировать послѣднюю волю готовившагося къ смерти старца, не преминули предрасположить какъ его, такъ и лицо, въ интересахъ котораго дѣлалось завѣщаніе, къ пожертвованію на то или другое богоугодное дѣло, подъ вліяніемъ каковаго добраго совѣта и могла совершиться дарственная запись жены готовившагося къ смерти мозырскаго маршалка“. А что эта запись была составлена не безъ вліянія монашествующихъ лицъ кіево-печерской лавры, доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что

пожертвованіе усадебнаго мѣста дѣлается подъ непосредственнымъ условіемъ основанія общежительнаго монастыря по чину Василія Великаго, къ размноженію каковыхъ обителей такъ много усилій прилагалъ выдающійся ревнитель иноческой жизни Елисей Плетенецкій, бывшій въ то время архимандритомъ кіево печерской лавры. Не нужно опускать изъ виду также и того обстоятельства, что во главѣ введенныхъ на пожертвованный фундушъ монашествующихъ стоялъ іеромонахъ Исаія Копинскій, бывшій до того времени завѣдующимъ пещерами кіево-печерской обители. Правда, въ дарственной записи Гулевичевны говорится, что она „въ старожитной святой всходнее церкви православной вѣрѣ статечне живучи, а побожною ревностію въ ней палаючи, з давныхъ часовъ умислила церкве Божой добре учинити". Но этотъ общій мотивъ пожертвованія не только не исключаетъ указаннаго выше частнаго, но и находится съ нимъ въ полномъ согласіи: предрасположить на доброе дѣло всего легче того, кто имѣетъ къ тому склонность. Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію также и то, что, какъ показываетъ исторія Братскаго монастыря, всѣ отношенія къ нему Елизаветы Гулевичевны ограничивались только его основаніемъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы говорить о какомъ бы то ни было участіи основательницы нашего монастыря въ дѣлахъ его во время послѣдующей его судьбы. Даже въ своемъ духовномъ завѣщаніи[1]) она ни словомъ не упоминаетъ о Братскомъ монастырѣ. Поэтому можно думать, что даръ Гулевичевны на фундацію нашего монастыря, хотя и былъ даромъ, несомнѣнно, крупнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *единственнымъ*, какъ бы *случайнымъ*[2]).

Относя основаніе Братскаго монастыря къ 15 октября 1615 года и такимъ образомъ не соглашаясь съ мнѣніемъ

---

[1]) Оно помѣщено въ приложеніи къ Истор. Кіев. Акад. Голубева подъ № 13, стр. 113—117.

[2]) Голубевъ, Истор. Кіев. Акад., стр. 144—145.

историковъ, отодвигающихъ время основанія нашего монастыря къ 1588 году, мы должны обнаружить шаткость тѣхъ данныхъ, на которыхъ опирается указанное мнѣніе.

Защитники древняго преданія о возникновеніи нашего монастыря въ концѣ XVI вѣка, пріурочивая основаніе его къ пріѣзду въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Іереміи, опираются въ своихъ изысканіяхъ на нѣкоторыя выраженія дарственной записи Елизаветы Гулевичевны. Въ этой записи, по мнѣнію указанныхъ изслѣдователей, заключаются *ясные намеки* на существованіе Братскаго монастыря раньше 1615 года. Слова дарственной записи Гулевичевны—*жертвую все сіе на монастырь патріаршей ставропигіи*—защитники древняго преданія о началѣ Братскаго монастыря объясняютъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь будто бы находится указаніе на Братскій монастырь, имѣвшій уже патріаршую ставропигію, ибо нельзя же въ данномъ случаѣ разумѣть ставропигію, данную Братской обители патріархомъ Ѳеофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть [1]).

Противъ этого нужно замѣтить, что если бы монастырь уже *существовалъ* раньше 1615 года и при томъ на правахъ *ставропигіи патріаршей*, то Гулевичевна въ своей записи не преминула бы упомянуть объ этомъ. По естественному чувству скромности и изъ уваженія къ истинѣ, она не присвоила бы себѣ не принадлежавшей ей чести—быть основательницей монастыря. Да если бы изъ тщеславія или славолюбія она и увлеклась честолюбивой мечтой—прослыть въ потомствѣ виновницей возникновенія обители, основательницей которой она въ дѣйствительности не была, навѣрно, ея честолюбивыя стремленія встрѣтили бы себѣ противодѣйствіе со стороны членовъ того земскаго суда, куда она представила свою дарственную запись. Вѣдь отъ предполагаемаго защитниками этого мнѣнія основанія монастыря до 1615 года

[1]) Кіев. Стар. 1884 г. № 10, стр. 230.

протекло немного болѣе четверти столѣтія; члены суда могли бы быть сами свидѣтелями событій, случившихся за рубежомъ этого времени, или знать о нихъ со словъ очевидцевъ и потому, занося въ градскія книги запись Гулевичевны, они могли возстановить истину, устранить возможность преднамѣреннаго со стороны жертвовательницы обмана. Слова записи Гулевичевны прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что она даетъ дворъ съ землею на *будущій* монастырь, *будущую* ставропигію. Жертвовательница выражаетъ желаніе, ставитъ условіемъ своей записи, чтобы устрояемый на ея фундушѣ монастырь, прочное основаніе котораго было положено вводомъ на этотъ фундушъ монашествующей братіи, былъ подчиненъ непосредственно патріарху, былъ *ставропигіальнымъ*.

О константинопольскомъ патріархѣ Іереміи, съ пріѣздомъ котораго въ Кіевъ связываютъ основаніе нашего монастыря, нѣтъ упоминанія ни въ одномъ изъ документовъ отъ первой половины XVII столѣтія, относящихся къ Кіево-Братскому монастырю, и существовавшему при немъ братству. А этого никоимъ образомъ не могло бы быть, если бы патріархъ Іеремія учредилъ здѣсь патріаршую ставропигію [1]). Если нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы говорить о какихъ бы то ни было отношеніяхъ патріарха Іереміи къ Братскому монастырю, то тѣмъ болѣе нельзя предполагать того, что будто бы этотъ патріархъ въ 1588—1589 году былъ въ Кіевѣ и положилъ начало Братской обители. Доцентъ С. Т. Голубевъ въ своей Исторіи кіевской духовной Академіи, занимаясь рѣшеніемъ вопроса о томъ, былъ ли въ Кіевѣ патріархъ Іеремія во время своей поѣздки изъ Константинополя въ Москву въ 1588—89 гг., доказалъ, что патріархъ ни во время поѣздки въ Москву, ни на обратномъ пути *не заѣзжалъ въ Кіевъ*, и потому нѣтъ никакихъ основа-

[1]) Голубевъ, Истор. Кіев. Акад., стр. 47.

ній пріурочивать основаніе Братскаго монастыря къ мнимому пребыванію въ Кіевѣ этого патріарха въ 1588 году.

Помимо дарственной записи Гулевичевны, мнимаго пріѣзда патріарха Іереміи въ Кіевъ въ 1588—89 гг., какъ прежніе исторіографы, такъ и позднѣйшіе изслѣдователи кіевскихъ древностей [1]) ссылаются еще на *листы урядниковъ воеводства кіевскаго 1593 года* и на *купчую Андрея Обуха 1594 года*, каковые документы, по мнѣнію ихъ, служатъ будто бы несомнѣннымъ доказательствомъ существованія Братскаго монастыря въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія.

Намъ остается разсмотрѣть, имѣютъ ли эти документы характеръ несомнѣнныхъ доказательствъ высказаннаго положенія.

Въ первомъ документѣ [2]) нѣтъ никакого упоминанія о Братскомъ монастырѣ: тамъ говорится о подтвержденіи разныхъ помѣстій за Трехъ-Святительской и Кресто-Воздвиженской церквами,—помѣстій, перешедшихъ впослѣдствіи въ вѣдѣніе Братскаго монастыря. Листы урядниковъ воеводства кіевскаго 1593 г. представляютъ собою первоначальный, основной документъ на указанныя помѣстья, не дающій никакого права заключать о существованіи Братскаго монастыря въ то время, какимъ помѣченъ этотъ документъ.

Что же касается *купчей Андрея Обуха*, то она также не можетъ служить доказательствомъ существованія Братскаго монастыря въ концѣ XVI столѣтія. Дословное содержаніе этого документа таково: „Въ купчей Андрея Обухова, землянина кіевскаго, 1594 года написано: „что онъ Андрей съ женою своею Натальею Сверщовскою продали въ Братцкой монастырь дворовое свое мѣсто Сверчсковское і зъ сѣножатью, которое дворовое мѣсто противъ дворовъ

[1]) Кіев. Стар., 1884 г. № 10. Стр. 228—230.

[2]) Онъ напечатанъ въ Памят. врем. комм. т. II, отд. I, №. XXIX.

кіевскихъ мѣщанъ Сидора і Телепкина, а сѣножать на Оболони, прозваніемъ Сверщовская, издавна къ тому дворовому мѣсту належитъ: за 30 копъ литовскихъ". Взятая сама по себѣ, эта крѣпость, пожалуй, могла бы еще служить нѣкоторою опорою для предположенія о существованіи Братскаго монастыря въ указанное ею время. Но если, слѣдуя правиламъ исторической критики, сравнить этотъ документъ съ другими современными документами, касающимися того же самаго предмета, то мы придемъ къ другимъ выводамъ. Дѣло въ томъ, что эта же самая купчая крѣпость Андрея Обухова въ нѣсколько иномъ видѣ помѣщена въ одной рукописи кіево-печерской лавры конца прошлаго столѣтія, заключающей въ себѣ опись всѣхъ документовъ на имѣнія кіевскихъ монастырей, въ томъ числѣ и Братскаго монастыря. Здѣсь эта купчая помѣчена тѣмъ же 1594 годомъ, но заключаетъ въ себѣ нѣсколько иную мысль сравнительно съ записью, помѣщенною въ царской грамотѣ 1694 года. Она читается такъ: „Купчая жителя кіевскаго Андрея Обухова на состоящій въ городѣ Кіево-подолѣ пляцъ, называемый Сверчановскій,—*съ уступкою онаго* Кіевскому Богоявленія Господня братству". На основаніи этого документа съ бо̀льшею основательностію можно предполагать, что *въ 1594 году дворовое сверчсковское мѣсто продано было какому-либо частному лицу, а не братскому монастырю, которому оно было впослѣдствіи уступлено.* Это болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе получаетъ силу вполнѣ достовѣрнаго заключенія, въ виду одного документа отъ 1693 года. Въ этомъ году по просьбѣ игумена Братскаго монастыря Іоасафа Кроковскаго кіевскою ратушею была составлена опись имѣній монастырскихъ, причемъ относительно каждаго изъ нихъ сдѣлано было указаніе, *какимъ именно путемъ оно было пріобрѣтено Братскимъ монастыремъ.* О Сверчековскомъ дворѣ сказано: *„дворъ сверчековскій данъ въ монастырь отъ Крестины Лищ-*

невичевой и отъ Агафіи Козичанки"[1]). Отсюда слѣдуетъ, что Андрей Обухъ и его жена продали свой сверчековскій дворъ не Братскому монастырю, а кому-нибудь другому. Къ Братскому монастырю онъ перешелъ уже впослѣдствіи, *будучи подаренъ* ему двумя упомянутыми въ описи женщинами.

Такимъ образомъ тѣ основанія, на которыхъ опирались и опираются защитники мнѣнія о возникновеніи Братскаго монастыря раньше 1615 года, оказываются слишкомъ шаткими и остается признать за несомнѣнное, что оно послѣдовало не ранѣе дарственной записи на монастырь, данной Елизаветою Гулевичевною 15 октября 1615 г.

Установивъ взглядъ относительно личности основательницы монастыря и времени основанія его, напомнимъ объ обстоятельствахъ времени, въ которое онъ основанъ. То были тяжелыя обстоятельства. Около двадцати лѣтъ существовала въ краѣ унія,—порожденіе латинской пропаганды. Замыслы латино-уніатской пропаганды, наклонной дѣйствовать и лестію и насиліемъ, давали себя чувствовать и въ Кіевѣ. Опасность грозила нѣкоторое время и самой лаврѣ, имѣвшей однакоже достаточно мужества и силъ, чтобы отразить ее. Не одинъ уже разъ король своею властію призывалъ къ принятію уніи и признанію уніатскаго митрополита кіевское городское общество и управленіе, сосредоточенное тогда на Кіево-Подолѣ. Властію короля и уніатскаго митрополита принуждалось къ подчиненію послѣднему и кіевское духовенство, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ видѣвшее захватъ уніатами кіево-софійскаго собора. Восчувствовалась потребность поднять и соединить духовныя силы общества для защиты дорогаго наслѣдія вѣры и церкви православной, подумать объ усиленіи средствъ для борьбы съ непріязненною пропагандою. И вотъ изъ среды мѣстнаго дворянства является жертвова-

[1]) Рукописный Евгеніевскій сборникъ, хранящійся въ библіотекѣ Кіевской Академіи.

тельница, которая, движимая собственнымъ благочестивымъ чувствомъ и возбуждаемая благими совѣтами, данными по всей вѣроятности изъ лавры, даетъ, въ качествѣ фундуша, свой дворъ на устроеніе въ немъ монастыря и при немъ школы и страннопріимницы. Въ своей дарственной записи жертвовательница выражается между прочимъ, что, живя въ старожитной вѣрѣ православной восточной церкви и пылая ревностію по ней, она умыслила сдѣлать добро церкви Божіей, что представляетъ свое пожертвованіе братіи своей, людямъ духовнаго и свѣтскаго званія въ краѣ и обществѣ мѣстномъ, тѣмъ однакоже, которые пребываютъ въ вѣрѣ православной, что имѣющій основаться общежительный монастырь по чину св. Василія Великаго долженъ состоять въ послушаніи и подъ благословеніемъ православнаго патріарха константинопольскаго, что школа должна служить воспитанію дѣтей православнаго исповѣданія, что и страннопріимница должна служить людямъ восточной православной вѣры. Словомъ, мысль о помощи православной церкви въ наступившее трудное время представляется господствующею въ записи, являясь господствующимъ побужденіемъ къ фундаціи на монастырь, школу и страннопріимницу. Одновременно съ тѣмъ и въ мѣстномъ городскомъ обществѣ сознается необходимость „пробудиться отъ нерадѣнія, лѣности и мрачной суеты мірской и прозрѣть къ свѣту благоразумія", какъ выражаются первые составители „уписа" въ кіевское братство [1]). Братство это основывается „къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи народа русскаго, къ учрежденію дѣлъ благотворительныхъ какъ по отношенію къ лицамъ духовнымъ (для умноженія христіанскихъ добродѣтелей честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и для образованія юношества въ духѣ православія), такъ и свѣтскимъ

[1]) И этотъ „уписъ", хотя не одинъ разъ уже перепечатанный, воспроизводится нами въ приложеніяхъ (подъ № 2) по той же причинѣ, какъ и запись Елизаветы Гулевичевны.

(защита вдовъ, сиротъ, вспомоществованіе бѣднымъ)". Мысль же о защитѣ православія, какъ побужденіе къ основанію братства, еще яснѣе сказывается въ другомъ отзывѣ о себѣ православнаго братства: „братство нарицается, егда христіане православные, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничтоже смѣсно имѣти, сами со собою любовію совокупляются, имена свои во едино вписують и братіями нарицаются, се же да тверже и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ. Сіе братство и мы, граждане и благороднiи, духовныи и мірскіи во градѣ Кіевѣ, идѣже иновѣрство возростаетъ, сотворихомъ" [1]). Однородность цѣлей, съ какими возникали въ Кіевѣ, на Кіево-Подолѣ, новыя учрежденія—монастырь и братство—способствуетъ соединенію ихъ, поощреніе къ которому имѣлось впрочемъ и на примѣрахъ нѣкоторыхъ другихъ братствъ, соединенныхъ съ монастырями. Въ Кіевѣ соединенію новаго монастыря съ новымъ братствомъ благопріятствовало то именно обстоятельство, что оба эти учрежденія еще только формировались, нуждались во взаимой поддержкѣ и потому представляли удобную почву для взаимныхъ соглашеній. Возникшее въ томъ же 1615 году, какъ и монастырь, и нѣкоторое, впрочемъ, весьма непродолжительное время, существовавшее, какъ предполагаютъ, при одной изъ кіевскихъ церквей (вѣроятно Успенской Соборной), братство къ концу 1615 г. соединяется съ монастыремъ, который съ этой поры получаетъ названіе *Братскаго*. Братство и Братскій монастырь становятся названіями почти однозначущими.

Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этого событія для исторіи нашего монастыря, чтобы взвѣсить всѣ проистекавшія отсюда для него послѣдствія, нужно обратить вниманіе на составъ братства. Братство широко и радушно откры-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. I, т. VI. № CCXXI.

вало доступъ въ число своихъ членовъ для лицъ всѣхъ сословій, ревнующихъ о благочестіи,—для „становъ духовнаго шляхетскаго посполитаго", при томъ какъ для лицъ, находившихся въ самомъ городѣ, такъ и иногороднихъ. Братство въ числѣ своихъ членовъ насчитывало много вліятельныхъ лицъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Въ число братчиковъ вступали гетманы, различные чины войска, митрополиты, епископы и т. д. Очевидно, что въ лицѣ ихъ ново-основанный монастырь пріобрѣталъ себѣ могущественныхъ покровителей и защитниковъ, которые, въ случаѣ нужды, могли возстать на защиту его и отстоять его силою собственнаго вліянія. Мало того, тѣже самые братчики своими взносами и вкладами обезпечивали матеріальное благосостояніе монастыря.

Чтобы представить себѣ частнѣе то значеніе, какое имѣло для вновь-основаннаго монастыря братство, мы обратимъ вниманіе на обязанности должностныхъ лицъ его. Болѣе обыкновеннымъ явленіемъ было, какъ извѣстно, то, что должностныхъ лицъ въ братствѣ избиралось шесть. Два изъ нихъ назывались *старшими братіями*, другія два—*строителями церковными* или *пономарями*, *витрикушами* (т. е. церковными старостами), а остальныя два—*шпитальными дозорцами*. Старшіе братчики обязаны были „вѣдати о всѣхъ приходахъ церковныхъ", вообще заботиться о благѣ церкви Божіей. Обязанности *строителей церковныхъ* состояли въ томъ, чтобы „вѣдати о всѣмъ сборѣ церковномъ". Они имѣли въ своемъ завѣдываніи церковные сосуды, клейноты (драгоцѣнности) и книги, во время богослуженія ставили около образовъ свѣчи, въ большіе праздники украшали ихъ и т. п. На обязанности *дозорцевъ шпитальныхъ* лежало „мѣти старане о поживаню убозства шпитального, яко и нищихъ убогихъ школяныхъ". Въ ихъ вѣдѣніи находились денежныя суммы и вообще матеріальныя средства, предназначавшіяся для дѣлъ благотворительности. Изъ представленнаго нами изложенія обязанностей должностныхъ лицъ братства становится понятнымъ, какія на

первыхъ порахъ выгоды могъ извлечь нашъ монастырь, благодаря соединенію съ нимъ братства. Мы съ полною увѣренностію можетъ заключить, что братство, на обязанности котораго лежали заботы о благѣ церкви, о благолѣпіи храмовъ Божіихъ, прежде всего должно было позаботиться о сооруженіи церквей и прочихъ зданій, вообще, объ устроеніи того монастыря, въ дворѣ котораго оно нашло для себя помѣщеніе. При тѣхъ обязанностяхъ, которыя возлагало братство на нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, оно не могло не заботиться о благолѣпномъ украшеніи и поддержаніи церквей и прочихъ зданій нашего монастыря. Какъ извѣстно, по меньшей мѣрѣ четыре раза въ годъ, должна была совершаться въ братствѣ торжественная литургія „за отпущеніе грѣховъ" какъ живыхъ его членовъ, такъ и умершихъ ихъ родственниковъ. Для служенія приглашалось и стороннее духовенство въ возможно большемъ количествѣ. Очевидно, для этой цѣли нужно было отстроить не только храмъ болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ, но и украсить его соотвѣтствующимъ образомъ, чтобы храмовая обстановка вполнѣ соотвѣтствовала какъ той ревности въ дѣлахъ религіи, какою отличались братчики, такъ и тому высокому значенію, какимъ пользовалось братство въ глазахъ общества. Послѣ указанныхъ заупокойныхъ литургій обыкновенно устроялась трапеза, на которую приглашались убогіе и странники. Въ это же время производились братчиками пожертвованія въ кассу для убогихъ. Очевидно, что, при такихъ обстоятельствахъ, нашъ монастырь находилъ средства для содержанія той страннопріимницы, которая, согласно волѣ основательницы, была устроена при немъ; при такомъ положеніи вещей онъ могъ оказывать посильную помощь тѣмъ нищимъ братіямъ, которые не могли снискивать себѣ пропитанія трудами рукъ своихъ. Мало того, братство одною изъ своихъ задачъ поставляло „пріумноженіе христіанскихъ добродѣтелей честной иноческой жизни", заботилось такимъ образомъ о преуспѣяніи иноческой жизни. Это обстоя-

тельство могло способствовать поднятію уровня иноческой жизни въ нашемъ монастырѣ до высокой степени[1]). Такимъ образомъ соединеніе братства съ монастыремъ благопріятствовало не только матеріальному благосостоянію послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ служило условіемъ возвышенія нравственной жизни монастыря, способствовало осуществленію высокихъ началъ иноческой жизни.

Наконецъ, соединеніе съ монастыремъ школы, поступившей подъ покровительство монастыря и братства и имѣвшей служить той же высшей цѣли—усиленію средствъ къ защитѣ православія чрезъ доброе воспитаніе и образованіе—это соединеніе также должно было оказать могущественное вліяніе на судьбу монастыря. Соединеніемъ монастыря со школою, въ которой имѣло воспитываться юношество всѣхъ званій и состояній изъ среды мѣстнаго общества и всего края, обезпечивались сочувствіе и поддержка со стороны общества и школѣ и монастырю. Существованіемъ въ монастырѣ школы обусловливалось присутствіе въ немъ просвѣщенныхъ и возвышенно-настроенныхъ иноковъ.

Первый періодъ исторіи Братскаго монастыря, простирающійся съ 1615 до 1632 г., есть, какъ уже сказано было, періодъ *начальнаго устроенія монастыря*. Первымъ игуменомъ и устроителемъ его былъ Исаія Копинскій. Это само собою предполагается уже приведенными выше словами дарственной записи Елизаветы Гулевичевны. Въ этомъ убѣждаетъ насъ также собственное свидѣтельство Исаіи Копинскаго. Въ грамотѣ отъ 15 генваря 1632 г.[2]) онъ между прочимъ говоритъ: „яко *съ початку* за стараньемъ нашимъ, такъ и теперь за благословеніемъ тое мѣстце святое фундоватися маетъ". Такимъ образомъ *существованіе монастыря* должно

---

[1]) Свѣдѣнія о братствѣ, его составѣ, обязанностяхъ должностныхъ лицъ и т. д. мы заимствовали изъ цитованнаго выше сочиненія Голубева, стр. 147—158.

[2]) Грамота эта помѣщена въ Памятн. врем. Комм. т. II. отд. I, № IX.

считать начавшимся съ того времени, когда, по выраженію дарственной записи Гулевичевны, она *впроводила* въ подаренный ею дворъ *священноинока Исаію и прочіихъ изъ черницовъ*, т. е. со времени ввода ихъ въ дарованный фундушъ по записи 15 октября 1615 г. Существованіе монастыря въ ближайшее затѣмъ время подтверждается нѣсколькими свидѣтельствами документальнаго свойства, которыя будутъ приведены ниже—въ своемъ мѣстѣ [1]). Вызванный изъ Кіево-печерской лавры для устроенія новаго монастыря, по всей вѣроятности по совѣту благочестиваго и просвѣщеннаго архимандрита ея Елисея Плетенецкаго, Исаія Копинскій былъ вожделѣннѣйшимъ совершителемъ такого дѣла, какъ устроеніе монастыря. Это былъ испытанный подвижникъ и строитель. Такое свидѣтельство о немъ даетъ разсказъ о немъ въ лѣтописи Густынскаго монастыря по поводу послѣдовавшаго приблизительно чрезъ годъ призыва его на игуменство въ этотъ монастырь. Въ 1616 году игуменъ Густынскаго монастыря Іоасафъ, чувствуя приближеніе кончины, говоритъ братіямъ монастыря: „Идѣте во святую обитель Лавру печерскую Киевскую, тамож-де обрящете на святои пещеры сожительствующаго благоговѣйна и искусна мужа во всякихъ добродѣтелехъ исправлена, ему же имя Исаія, шестнадесете бо лѣтъ яко Господеви работаетъ, во вседневныхъ же молитвахъ и постѣхъ Христови угождая, издетска бо остави родителя своя и бысть минхъ и будети бо послѣжде зѣлныи ревнитель по благочестіи и святителскии достиже санъ, и в здешнихъ бо краяхъ воздвигнетъ Богъ многи монастырѣ, сего, братія моя, умолѣте, да будетъ вамъ во мене мѣсто отецъ, да и подастъ вамъ руку

---

[1]) Дѣлаемъ эти указанія на существованіе монастыря съ 1615 г. и въ ближайшіе затѣмъ годы—въ виду того, что существовало мнѣніе, будто монастырь основанъ гораздо позднѣе братства, а именно въ 1633 г., и будтобы грамота патріарха Θеофана отъ 1620 г. дана была собственно братству, а не монастырю (Исторія Кіевской духовной Академіи іеромонаха Макарія Булгакова, стр. 38. Петербургъ. 1843 г.).

помощи ко всякому строенію вашему и ко созыданію обители тоея святыя. Братия же, слышавше сия словеса отъ блаженнаго старца и отца своего Іоасафа, умиляшася сердцы своими и душа своя наполниша жалостию, воскорѣ отцева повеления послушаше, списавше хартію, вземше благословение отеческое, идяху ко блаженному Исаіи во святую обитель Лавру печерскую, и обрѣтше его тако, яко же имъ глагола старецъ; давши же ему хартію, моляху его прилѣжно, да будетъ имъ во отца и предстатель; сый же блаженный отецъ глагола имъ: миръ вамъ, отци и братія. Се азъ зде сѣжу, яко лѣтъ шестнадесяте во святои сей пещерѣ преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія, и многи труды подъяхъ, и зыданія, яко же и сами видите, воздвигохъ, и нѣсмъ самъ азъ зде, но со братіами, двенадесятми вящще имѣю подъ властію моею; азъ же есмь и самъ подъ властію блаженнаго отца архимандрита и его благоволеніемъ, паче же и благословеніемъ, зде обрѣтаюся; да идете со мною ко блаженному архимандриту; и возвѣстиша ему отъ всѣхъ сихъ, блаженный же архимандритъ не отрицая имъ, но, по времени, глагола имъ, тамо васъ повелѣмъ ему посѣтити и устроити ваша вся. Пришедшу же времени по праздницы Успенія Пречистыя Богородицы, шествова до ихъ блаженный отецъ Ісаия, доспѣ помощию Божиею и благословеніемъ преподобнаго архимандрита, до монастыря сего новоначатого“...[1]). Этотъ разсказъ, служа сви-

[1]) Лѣтопись о первозачатіи и созданіи Густынскаго монастыря, стр. 6—7. Москва. 1848 г. — Дальнѣйшая судьба Исаіи Копинскаго слѣдующая: около 1618 года, по сказанію той же лѣтописи Густынскаго монастыря, онъ занимался устроеніемъ Межигорской обители, свергнувшей съ игуменства Гедеона; въ октябрѣ 1620 г. былъ посвященъ на епископію перемышльскую прибывшимъ въ Кіевъ іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ, но, изъ опасенія преслѣдованія со стороны латино-уніатовъ, онъ жилъ преимущественно въ украинскихъ городахъ; въ 1631 г. былъ посвященъ въ санъ митрополита кіевскаго греческимъ верейскимъ митрополитомъ Кирилломъ, находившимся въ то время (на пути въ Москву за милостынею) въ южно-русскихъ областяхъ. Впослѣдствіи онъ былъ лишенъ митрополіи, вслѣдствіе избранія на нее кіево-печерскаго архимандрита Петра Могилы, съ которымъ находился до самой кончины своей, послѣдовавшей 5 октября 1640 г., въ непріязненныхъ отношеніяхъ (Голубевъ, Истор. Кіев. Акад., стр. 173, выноска 1-я).

дѣтельствомъ о высокомъ уваженіи, которымъ пользовался Исаія, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ знать, что служеніе его Братскому монастырю было очень непродолжительно, что послѣ праздника Успенія Пресв. Богородицы 15 августа 1616 г. Исаія уже удалился на новое мѣсто служенія въ новооснованный Густынскій монастырь (близъ г. Прилукъ Полтавской губерніи), что, наконецъ, и во время своего непродолжительнаго служенія Братскому монастырю Исаія не оставлялъ своей должности въ лаврѣ, гдѣ онъ и жилъ. Но и въ это кратковременное служеніе свое Братскому монастырю ревностный и дѣятельный строитель, безъ сомнѣнія, потрудился для него и успѣлъ что-нибудь сдѣлать для этого монастыря. Что же именно? Естественно думать, что первымъ дѣломъ Исаіи Копинскаго, какъ игумена вновь основываемаго монастыря, было позаботиться о внѣшнемъ устроеніи его, какъ монастыря. На подаренномъ монастырю и школѣ дворѣ были и другія постройки. Но онѣ, какъ построенныя для частнаго жилья, не были приспособлены къ потребностямъ монастыря; требовалось поэтому перестроить ихъ, а отчасти восполнить и новыми. Первую основную и ближайшую потребность для монастыря составляла церковь. Постройка церкви, затѣмъ и жилья для монастырской братіи должна была сосредоточить на себѣ вниманіе какъ перваго игумена, такъ и ближайшихъ преемниковъ его. Была ли эта церковь построена на средства основательницы нашего монастыря или же на совмѣстныя съ ними средства соединившагося съ монастыремъ братства, съ другой стороны,—была ли это домовая церковь, построенная при страннопріимномъ домѣ, при „монастырской гостинницѣ“ [1]), была ли это „выстроенная на скорую руку, небольшихъ размѣровъ“ церковь [2]),—объ этомъ, за от-

[1]) М. Максимовичъ. О первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства, стр. 13. Кіевъ. 1869 г.—Макарій Булгаковъ. Истор. Кіев. Акад., стр. 18.—В. Аскоченскій. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ—Академіею, ч. I, стр. 73. Кіевъ. 1856 г.

[2]) Голубевъ, Истор. Акад., стр. 171.

сутствіемъ положительныхъ данныхъ, мы могли бы строить только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Несомнѣнно только то, что къ концу 1615-го или къ началу слѣдующаго года [1]) церковь эта уже была построена: не могъ же въ самомъ дѣлѣ монастырь долгое время обходиться безъ собственной церкви, тѣмъ болѣе, что въ ней чувствовало сильную нужду и соединившееся съ нимъ братство.

Почти всѣ историки, писавшіе о кіевскомъ братствѣ и кіевской академіи, неправильно основываясь на имени основательницы нашего монастыря, думали, что эта церковь была построена во имя ея ангела [2]), и пріурочивали окончаніе постройки ея къ 9 декабря, ко дню зачатія св. Анны, когда будто-бы происходило первое собраніе братства. Мнѣніе о существованіи въ нашемъ монастырѣ Зачатіевской церкви, какъ основывающееся на однихъ догадкахъ и не имѣющее за собою фактическихъ данныхъ, должно быть оставлено. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было историческихъ данныхъ, вопросъ о томъ, во имя какого святаго была сооружена первая церковь нашего монастыря, остается открытымъ.

Что же касается мѣста, на которомъ была построена эта церковь, то въ опредѣленіи его историки значительно разногласятъ между собою. Тогда какъ одни [3]) полагаютъ, что теперешняя Святодуховская церковь построена на ея мѣстѣ, другіе [4]) думаютъ, что мѣсто первой церкви теперь занято новымъ академическимъ корпусомъ.

Съ теченіемъ времени, когда Братскій монастырь болѣе или менѣе упрочилъ свое матеріальное положеніе, когда братство расширило свою дѣятельность и увеличилось въ своемъ

---

[1]) См. уписъ кіевскаго братства (Пам. врем. Комм. т. II, от. I, № 2).

[2]) О первыхъ временахъ Кіев. Богояв. братства стр. 13; Исторія Кіев. Акад. Макарія, стр. 18; Кіевъ съ его древ. училищемъ, ч. I, стр. 73.

[3]) Н. Закревскій, Описаніе Кіева. Москва. 1868 г., т. II, стр. 173 – 174.

[4]) Макарій, Истор. Акад. стр. 18 и Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил., ч.. I стр. 324.

составѣ, въ особенности же когда ктиторомъ нашего монастыря сталъ знаменитый запорожскій гетманъ Конашевичъ—Сагайдачный, вписавшійся вмѣстѣ со всѣмъ запорожскимъ войскомъ въ число братчиковъ,—съ этого времени небольшая первоначальная церковь не могла удовлетворять нуждъ монастыря: ему предстояло позаботиться объ устроеніи храма бо́льшихъ размѣровъ и болѣе благолѣпнаго устройства. Объ участіи въ сооруженіи этого храма гетмана Сагайдачнаго была современная замѣтка въ старомъ синодикѣ нашего монастыря, который, къ сожалѣнію, не сохранился. Ириней Фальковскій, ссылаясь на 121 листъ этого синодика, въ своемъ „кіевскомъ мѣсяцословѣ на лѣто 1799“ говоритъ: „церковь бывшаго кіево-братскаго на Подолѣ монастыря Богоявленій Господнихъ, деревянная создана запорожскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, 1620 года“ (стр. 40)[1]). Время окончанія постройки Богоявленской церкви нашего монастыря, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, нужно относить ко времени гораздо позднѣе 1620 года. Начало же сооруженія ея, заложеніе ея, относится къ первымъ годамъ исторіи нашего монастыря. И дѣйствительно, мы видимъ, что вскорѣ послѣ сооруженія первой церкви заложена была большая, нужно думать, деревянная церковь, отъ имени которой получилъ свое названіе и нашъ монастырь и братство. Объ ней не упоминается еще ни въ предисловномъ братскомъ обязательствѣ, предшествующемъ братскому уписуѵ ни въ подписи Захаріи Копыстенскаго 4 января 1616 года. Но въ слѣдующей за тѣмъ подписи Тарасія Земки, принадлежащей очевидно къ тому же году, сказано: „братство православное кіевское—при *храмѣ святыхъ Богоявленій*“. На основаніи этой записи можно заключить, что эта церковь была заложена въ 1616 году и, вѣроятно, 6 января, въ день св. Богоявленія, который у прежнихъ кіевлянъ былъ годовымъ празд-

[1]) М. Максимовичъ, О пер. врем. Богояв. братства стр. 15.

никомъ и сопровождался особенною, торжественною церемоніею во главѣ съ кіевскимъ войтомъ [1]).

Церковь эта строилась въ теченіи десяти лѣтъ и была окончена только въ 1626 году. Чтó было этому причиною— недостатокъ ли средствъ, обширность ли храма, или какія-либо другія обстоятельства—судить объ этомъ трудно. Какъ бы то ни было, но Братскій монастырь на собственныя средства не былъ въ состояніи закончить постройки этой церкви и вынужденъ былъ обратиться къ московскому правительству за помощью въ этомъ дѣлѣ. Отъ 1625 года сохранилось два письма кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Θеодоровичу и думному дьяку Ивану Грамотину съ просьбой о пособіи на окончаніе достраивающейся церкви [2]). Изъ перваго письма между прочимъ видно, что еще раньше 1625 года братчики обращались къ Михаилу Θеодоровичу съ тою же просьбою, но по какимъ то обстоятельствамъ посланные ими были въ Путивлѣ задержаны и вмѣстѣ съ грамотами и дарами не были допущены къ особѣ государя. Но не смотря на все это, они все таки получили отъ московскаго царя 40 соболей. Принося благодарность за этотъ подарокъ, кіевскіе братчики отъ 10 апрѣля 1625 года отправили вторично съ инокомъ Θеодоромъ и послушникомъ Иваномъ Матвѣевымъ просительное письмо къ Михаилу Θеодоровичу. Въ этомъ письмѣ они между прочимъ сообщаютъ, что начатый ими храмъ съ придѣлами „Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже на Іордани, Благовѣщенія Пречистой Его Богоматере и преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ“ уже сооруженъ, но „еще безъ покрова и иконнаго украшенія пребываетъ“, и потому они выражаютъ надежду, что царь не оставитъ ихъ своею милостію и поможетъ имъ

[1]) Ibid. стр. 13.

[2]) Оба эти письма помѣщены въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. I. т. VI: первое подъ № CCXX, а второе—подъ № CCXXI.

„храмъ той святой, пять бань (куполовъ) имущій, бѣложелѣзіемъ покрыти и иконами честными украсити“. Желая расположить въ свою пользу Михаила Өеодоровича и побудить къ пожертвованію, братчики вмѣстѣ съ тѣмъ отправили письмо и къ думному дьяку Ивану Грамотину, въ которомъ они просили его истолковать царю значеніе малороссійскихъ церковныхъ братствъ и такимъ образомъ исходатайствовать у него пособіе для окончанія начатой ими постройки Богоявленской церкви. Въ заключеніе письма къ Грамотину они высказываютъ ему мотивы, побудившіе ихъ обратиться къ нему съ подобною просьбою. „Искусенъ сый, пишутъ они, твое благородіе въ нашея земли обычаяхъ..., премудръ сый и еже ко требующимъ милости благоувѣтливъ, и ко величеству царскому ходатайственъ“.—Въ слѣдующемъ году отправлялся въ Москву іеромонахъ кіево-печерской лавры Аөанасій Китайчичъ. Кіевскіе братчики и на этотъ разъ не преминули воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы обратиться за помощью къ Михаилу Өеодоровичу. Въ своемъ письмѣ къ нему отъ 17 января 1626 года они между прочимъ заявляли, что благодаря его милостямъ, они „церковь изряднѣ лѣпую, Богоявление Господа Бога і Спаса Нашего Іисуса Христа, съоружили“. Въ заключеніе письма они опять обращаются „къ благоподатливому благоутробію царской милости„ и просятъ объ оказаніи помощи „на сооруженіе честныхъ святыхъ іконъ и прочихъ породъ и украшеній церковныхъ“ [1]).

Съ увѣренностію можно предполагать, что храмъ этотъ законченъ былъ при второмъ игуменѣ нашего монастыря, *Серапіонѣ*, который, по всей вѣроятности, такъ же какъ и предшественникъ его Исаія Копинскій и слѣдовавшій за нимъ *Тарасій Земка*, былъ приглашенъ въ Братскій монастырь изъ печерской лавры. Упоминаніе о Серапіонѣ находится въ малороссійскихъ бумагахъ, хранящихся въ ар-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. II, № CCXXIX.

хивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ (связка 2, № 5). Подъ указаннымъ № находится дѣло „о пріѣздѣ въ Путивль Кіево-братскаго монастыря іеромонаха Өеодора съ прошеніемъ милостыни на строеніе церквей". Путивльскіе воеводы „Олешко Голодинъ да Ивашко Есиповъ" доносили царю Михаилу Өеодоровичу слѣдующее: „нынѣшнего, государь, 133 года (сл. 1625 г.) присланъ въ Путивль изъ литовской земли черный старецъ и мы холопи твои посылали его распрашивать. И въ распросѣ, государь, сказался: зовутъ его Өедоромъ ис Киева Богоявленскаго монастыря... и въ нынешнемъ, государь, 133 году апреля 10 послалъ ево *Киево-Богоявленскаго монастыря игуменъ Серъпионъ* и вся братя бити челомъ тебе государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всея Руси... о милостыни на церковное строеніе. А строитъ онъ *игуменъ Серъпионъ* и братя того монастыря церковь новую" [1]). Вотъ и все, чтó мы можемъ сказать о второмъ игуменѣ нашего монастыря.

Не успѣлъ еще Братскій монастырь отстроиться надлежащимъ образомъ, не успѣлъ онъ еще соорудить своего Богоявленскаго храма, отличавшагося болѣе или менѣе обширными размѣрами, какъ ему въ своихъ стѣнахъ пришлось принимать такого высокаго гостя, какимъ былъ іерусалимскій патріархъ Өеофанъ, для надлежащаго пріема котораго не было соотвѣтствующаго помѣщенія въ нашемъ монастырѣ, для богослуженій котораго, естественно привлекавшихъ множество богомольцевъ, не было соотвѣтствующаго храма. Возвращаясь изъ Москвы, куда патріархъ Өеофанъ ѣздилъ для сбора подаяній и гдѣ между прочимъ посвятилъ Филарета Никитича въ санъ патріаршій, онъ въ срединѣ поста 1620 года прибылъ въ Кіевъ и остановился въ странноприимномъ домѣ Братскаго монастыря, гдѣ, радушно принятый, пробылъ около года. Благодаря пребыванію въ немъ патріарха Өеофана и тѣмъ

[1]) Голубевъ, Истор. Акад., стр 174—175.

епископскимъ посвященіямъ, какія въ немъ были совершены тѣмъ же патріархомъ, Братскій монастырь сдѣлался на время средоточіемъ не только кіевской, но и всей западно-русской православной іерархіи. Мы разумѣемъ здѣсь возстановленіе патріархомъ Ѳеофаномъ православной іерархіи, совершившееся въ нашемъ монастырѣ.

Положеніе православной южно-русской іерархіи было въ то время критическое. Извѣстно, что во время брестской уніи только два епископа—львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій—остались вѣрными православію. Когда Балабанъ въ 1607 году скончался, то мѣсто его было занято Іеремією Тисаровскимъ, получившимъ на то позволеніе и отъ польскаго правительства. Но перемышльская православная каѳедра, послѣ смерти Копыстенскаго въ 1610 году, осталась, по проискамъ латино-уніатовъ, не замѣщенною. Такимъ образомъ. съ 1610 года во всѣхъ западно-русскихъ областяхъ находился *только одинъ православный епископъ*. Понятно, что такое оскудѣніе высшей іерархіи неблагопріятно отзывалось на интересахъ православія. Независимо уже отъ того, что вслѣдствіе подобнаго неестественнаго положенія дѣлъ какъ бы умалялось значеніе православной церкви, не могло въ ней совершаться богослуженіе съ надлежащимъ благолѣпіемъ и торжественностію и т. п.,—отсутствіе епископовъ вообще затрудняло нормальное теченіе церковно-исторической жизни. Поэтому возстановленіе православной высшей іерархіи и было одною изъ главныхъ заботъ православныхъ южно-руссовъ того времени. Не проходило ни одного сейма, чтобы они не подавали петиціи объ исполненіи этой законной своей просьбы. Но враждебно настроенное противъ православія латино-польское правительство, во главѣ съ извѣстнымъ своимъ фанатизмомъ Королемъ, не обращало вниманія на эти законныя требованія своихъ многочисленныхъ подданныхъ. Православные сравнивали свое положеніе съ египетскою неволею, дѣйствія правительства по отношенію

къ вопросу объ іерархіи называли запрещеніемъ фараона и не оставляли завѣтной мечты свергнуть съ себя эту неволю. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Въ 1620 году, какъ мы видѣли, пріѣхалъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, имѣвшій широкія полномочія отъ константинопольскаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго находилась русская церковь, а также и отъ другихъ восточныхъ іерарховъ. Польшэ, которой въ это время угрожали войны отъ сосѣднихъ государствъ, была въ критическомъ положеніи. Правительство, озабоченное тревожнымъ состояніемъ государства, съ большею осторожностію должно было теперь отнестись къ законнымъ требованіямъ православныхъ. Опираясь на вооруженную силу запорожскаго войска, во главѣ котораго стоялъ въ то время гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный, принимавшій близко къ сердцу интересы своей религіи, православные воспользовались благопріятнымъ стеченіемъ указанныхъ обстоятельствъ въ видахъ облегченія своей церкви отъ того стѣснительнаго положенія, въ которомъ она находилась чрезъ вынужденное оскудѣніе въ ней высшей іерархіи [1]).

Окруживъ патріарха Ѳеофана подобающимъ его сану почетомъ и обезопасивъ „отъ противныхъ волковъ", т. е. отъ возможныхъ преслѣдованій со стороны польскаго правительства, православные вмѣстѣ съ гетманомъ Сагайдачнымъ, по свидѣтельству лѣтописи густынскаго монастыря, „моляху святѣйшого патріарху, да имъ оставитъ святыню, да посвятитъ имъ епископи. Святѣйшій патріарха возбраняшеся имъ того, бояху бо ся краля и ляховъ, таже святѣйшого патріарху взяша на рамена и опеку свою, благочестивое войско, гетманъ, глаголемый Петръ Сагайдачный". Надѣясь на защиту такого могущественнаго въ то время гетмана и его козаковъ, которые „оточиша патріарха стражбою аки пчелы матицу свою", патріархъ Ѳеофанъ разсылаетъ изъ нашего монастыря грамоты,

---

[1]) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. С. Голубева. Кіевъ. 1883 г. стр. 297—300.

гдѣ убѣждаетъ южно-руссовъ безъ колебанія избрать изъ своей среды достойныхъ людей для посвященія ихъ въ епископскій санъ. Православные съ радостію отозвались на призывъ Ѳеофана и прибыли въ большомъ количествѣ въ Кіевъ къ годовому празднику печерской лавры (15 августа). Самое посвященіе избранныхъ на епископство кандидатовъ началось съ первыхъ чиселъ октября 1620 года. Это посвященіе состоялось *не въ печерской лаврѣ*, какъ думаютъ многіе изслѣдователи [1]), *а въ нашемъ монастырѣ* и, нужно полагать, въ первоначальной церкви его, а не въ Богоявленской, такъ какъ послѣдняя къ этому времени не была еще готова. Первымъ рукоположенъ былъ на перемышльскую каѳедру межигорскій игуменъ Исаія Копинскій. Посвященіе происходило въ пятницу 6 октября. Такъ какъ на это посвященіе не было дано разрѣшенія польскаго правительства, то во время его совершенія приняты были мѣры предосторожности: время для хиротоніи избрано было позднее, окна церкви были завѣшены, читали и пѣли тихо, монастырь былъ окруженъ козаками. Кромѣ патріарха, въ рукоположеніи принимали участіе болгарскій софійскій митрополитъ Неофитъ, нѣсколько лѣтъ уже жившій въ западно-русскихъ монастыряхъ и къ этому времени нарочито вызванный въ Кіевъ, и стагонскій епископъ Авраамій, находившійся при Ѳеофанѣ. Въ слѣдующее воскресеніе, 8 октября, въ той же церкви нашего монастыря, съ такими же предосторожностями и при участіи тѣхъ же іерарховъ, посвященъ былъ на кіевскую и галицкую митрополію игуменъ михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій. Вскорѣ послѣ того, не позже 20-хъ чиселъ октября, посвященъ былъ на полоцкую архіепископію Мелетій Смотрицкій [2]).

---

[1]) Митроп. Евгеній (Описаніе К.-Соф. собора стр. 156), Закревскій (Описаніе Кіева 1868 г., стр. 48), Максимовичъ (Собр. соч. т. II, стр. 185) Кояловичъ (Лат. церк. унія, т. II, стр. 114) и др.

[2]) Голубевъ. Кіев. митр. Петръ Могила, стр. 300—303, и прилож., примѣч. къ докум. № XXXVII.

Что эти епископскія посвященія, по крайней мѣрѣ посвященіе Іова Борецкаго, были совершены въ церкви Братскаго монастыря, а не въ печерской лаврѣ, доказательствомъ этого служитъ свидѣтельство современника и очевидца этихъ событій, извѣстнаго отступника отъ православія, Кассіана Саковича. Онъ въ своемъ Epanorthosis'ѣ говоритъ: „Kiedy Patriarcha jerozolimski (iesli nim byl) Theophan swiencił w Bratskiey cerkwi w nocy kozackich wladykom y Pseudo-metropolite Boreckiego, a zali nie Szeptanią nierzkąe czytaną liturgią miał, bo radziby byli żeby nie tylko czlowiek, ale y mucha nie słyszala ich liturgiey, dla tego okna nie tylko okiencami, ale y kobiercami, pozabiali“ (стр. 33). Свидѣтельство это получаетъ еще большую силу отъ того, что авторъ Λίθος'а, старательно опровергая, по возможности, всѣ мѣста въ Epanorthosis'ѣ, не отрицаетъ означеннаго заявленія Саковича о скрытномъ посвященіи въ Братской церкви митрополита Іова Борецкаго и другихъ іерарховъ; онъ только старается ослабить значеніе означеннаго заявленія, въ смыслѣ не благопріятномъ для православныхъ. Вотъ что мы читаемъ въ Λίθος'ѣ: „To nie iest prawda, bo lybo okna zabiłe były, dla tego aby ludzie abaczywszy swiatlośc do cerkwie się ne cisnęli przecie iedeu spiewak Patriarszy na imie Gabriel zakonny kaplan welug zwyczaiu Graeckiego, cicho spiewał“ (стр. 91) [1].

Трудно представить себѣ всю важность возстановленія высшей православной іерархіи, имѣвшаго громадныя послѣдствія для всей западной Россіи. Это было возстановленіе церкви, разрушенной почти до основанія, возстановленіе въ силу народнаго требованія, въ противовѣсъ интересамъ польскаго правительства. И вотъ мѣстомъ, гдѣ совершились эти важныя событія, и былъ нашъ монастырь.

Но Братскій монастырь не былъ однимъ только свидѣтелемъ тѣхъ событій, которыя произошли въ немъ, благодаря

[1]) Цитов. примѣчаніе къ документу XXXVII.

пріѣзду въ Кіевъ патріарха Ѳеофана: онъ удачно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и въ своихъ собственныхъ интересахъ. — Еще раньше возстановленія іерархіи, нашъ монастырь (26 мая) получилъ отъ патріарха Ѳеофана грамоту, въ которой ему были предоставлены *права ставропигіи патріаршей*. Въ память своего пребыванія въ Кіевѣ, патріархъ водрузилъ на Братскомъ грунтѣ, при вновь заложенной церкви святаго Богоявленія и Благовѣщенія, крестъ, который донынѣ находится надъ царскими вратами Богоявленской церкви нашего монастыря, признавая здѣсь достойнымъ быть ставропигіи патріаршей, „которая, какъ говорится въ грамотѣ, по управленію духовному никогда не будетъ и не должна подлежать, на вѣчныя времена, никакому духовному, ни митрополичьему, ни архіепископскому, ни иному какому-либо начальству, суду и благословенію, кромѣ самой патріаршеской константинопольской вселенской каѳедры [1]).

Учрежденіе ставропигіи было важнымъ событіемъ для Братскаго монастыря. Какъ на причину учрежденія въ немъ ставропигіи, патріархъ въ грамотѣ указываетъ „на отступничество отъ православія бывшихъ законопреступныхъ пастырей въ землѣ Русской“ [2]). Подобное отступничество производило большой соблазнъ въ обществѣ, и потому, въ интересахъ православія, оно хлопотало объ учрежденіи ставропигій, т. е. объ исключеніи важныхъ монастырей отъ опасной въ то время зависимости ихъ отъ епархіальнаго начальства и о подчиненіи ихъ непосредственно патріаршему престолу. Насколько Братскій монастырь дорожилъ правами ставропигіи, это всего лучше видно изъ того, какъ высоко онъ цѣнилъ пожалованную патріархомъ грамоту, которою ему предоставлены были эти права. Въ письмѣ братскихъ иноковъ къ Михаилу Ѳеодоровичу отъ 1625 года, гдѣ упоминается объ

---

[1]) Грамота эта помѣщена въ Памят. врем. комм., т. II, отд. I, № 4-й.
[2]) Ibid.

этой грамотѣ, между прочимъ сказано: „мы сами зѣло почитаемъ и за многоцѣнный имамы бисеръ благословеніе живодательнаго гроба Христова, иже есть во Іерусалимѣ“ [1]).

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ описанныхъ нами событій, какъ Братскій монастырь понесъ тяжелую, невознаградимую ничѣмъ потерю: 10 апрѣля 1622 года умеръ главный защитникъ и покровитель его—гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный.

Въ исторіи Малороссіи гетманъ Сагайдачный за свои заслуги можетъ быть поставленъ на ряду съ Богданомъ Хмельницкимъ. Если побѣдоносная сила Богдана Хмельницкаго была мечемъ, освободившимъ Украйну отъ польскаго ига, то могучее, непобѣдимое мужество Сагайдачнаго служило хранительнымъ щитомъ православныхъ южно-руссовъ въ ту печальную, тяжкую годину, которая постигла ихъ послѣ казни отважнаго гетмана Наливайки.

Сагайдачный былъ родомъ изъ Черноруссkаго Подгорья, онъ былъ сынъ самборскаго шляхтича Конона или Конаша Сагайдачнаго. Образованіе свое онъ получилъ на Волыни, въ знаменитомъ училищѣ острожскомъ, которое подъ исходъ XVI столѣтія было средоточіемъ и разсадникомъ возраждавшагося южно-русскаго просвѣщенія. По окончаніи наукъ въ этомъ училищѣ, Сагайдачный поступилъ на службу въ запорожское войско и тамъ за свою „рыцарскую дѣльность“ почтенъ былъ отъ казачества выборомъ въ старшины, а потомъ въ 1598 году наслѣдовалъ гетманскую булаву послѣ смерти мученика-героя. Его побѣды надъ турками и татарами, для которыхъ онъ былъ настоящею грозою, были такъ важны для Польши, что она, уважая этого мужественнаго гетмана, невольно смирялась въ своемъ разъяреніи на Украйну. Сагайдачный для своего утѣсненнаго народа и гонимаго православія сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать при Сигизмундѣ III.

[1]) Арх. Ю-З. Росс., ч. I, т. VI, № CCXX.

не поднимая оружія на Польшу, и не даромъ онъ называется въ лѣтописи великимъ защитникомъ православія. Онъ стремился поддержать и утвердить благочестіе и просвѣщеніе своего народа и, какъ мы видѣли, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ возстановленія православной іерархіи.

Послѣднимъ подвигомъ этого гетмана былъ хотинскій походъ, гдѣ онъ оказалъ великія услуги Польшѣ и гдѣ былъ тяжело раненъ. Изъ-подъ Хотина Сагайдачный прибылъ въ Кіевъ предъ филипповскими заговѣнами, безъ тріумфовъ и парадовъ: его полумертваго встрѣтила и приняла въ своемъ домѣ только плачущая жена его Анастасія, урожденная Повченская. Хотинскимъ походомъ Сагайдачный довершилъ свое военное поприще и послѣдніе пять мѣсяцевъ жизни своей онъ посвятилъ преимущественно заботамъ о внутреннемъ благѣ Украйны.

Независимо отъ той заботливости, съ которою Сагайдачный вообще относился къ Братскому монастырю и принималъ дѣятельное участіе въ сооруженіи его Богоявленскаго храма,— независимо отъ этого, онъ предъ смертію своею отказалъ на содержаніе нашего монастыря и школы при немъ „ялмужну значную", состоявшую изъ нѣсколькихъ „тысячей". Поэтому въ лѣтописяхъ онъ и называется „любителемъ и ктиторомъ" Братскаго монастыря. Памятникомъ усердія его къ нашему монастырю остается еще до сихъ поръ серебряный ручной крестъ, хранящійся въ монастырской ризницѣ [1]). Опредѣливъ вклады и другимъ монастырямъ, церквамъ и школамъ и назначивъ опекунами женѣ и „повиннымъ своимъ" митрополита Іова и будущаго своего преемника въ гетманствѣ, Олифера Голуба, и совершивъ по долгу благочестія послѣдніе обряды христіанскіе на страстной и свѣтлой седмицѣ,—славный гетманъ окончилъ жизнь свою на проводной недѣлѣ, 10 апрѣля [2]).

---

[1]) Описаніе его см. въ послѣдней главѣ нашего сочиненія, а рисунокъ въ приложеніи.

[2]) Самымъ достовѣрнымъ документомъ для опредѣленія времени смерти

Отпѣваніе тѣла гетмана было совершено со всею торжественностію. Погребеніе совершалъ самъ митрополитъ. Надъ тѣломъ его при погребеніи 20 „спудеевъ“ читали стихи, сочиненные тогдашнимъ ректоромъ братской школы, Кассіаномъ Саковичемъ [1]). Тѣло его похоронили въ нашемъ монастырѣ, но гдѣ именно—трудно опредѣлить. Въ старомъ помянникѣ михайловскаго монастыря сказано, что Сагайдачный похороненъ *„при церкви школы Словенское“*. Въ виршахъ Саковича говорится, что онъ погребенъ *„при церкви братской“*. По лѣтописи Самуила Величка, тѣло Сагайдачнаго погребено *„при церкви соборной въ томъ же монастыру брацкомъ кіевскомъ сущей“*. Стефанъ Лукомскій въ своей исторіи двухъ войнъ, написанной въ городѣ Прилукѣ въ 1770 г., пользуясь лѣтописью Величка, передѣлалъ ее по своему и назначилъ мѣсто погребенія Сагайдачнаго въ трапезѣ нашего монастыря [2]). Преданіе указываетъ могилу Сагайдачнаго за олтаремъ большой Братской церкви, около того мѣста, гдѣ лежитъ теперь надгробный камень знаменитаго русскаго путешественника, питомца нашей академіи, Григоровича-Барскаго. Согласно съ этимъ преданіемъ можно думать, что надгробный камень Сагайдачнаго, при построеніи нынѣшней каменной Богоявленской церкви въ 1693 году, вошелъ въ ея основаніе

Сагайдачнаго и его похоронъ въ Братскомъ монастырѣ служитъ старый помянникъ михайловскаго монастыря, писанный въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка. На 98-мь листѣ его есть между прочимъ слѣдующая современная замѣтка: „Року 1622, апрѣля 10 дня благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачний гетманъ войска Его К. М. Запорозского, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нозѣ свои, приложися къ отцемъ; съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни в Кіеве. Погребенъ при церкви школы словенское въ мѣсте на Подолѣ честно, въ дому Братства церковнаго“.

[1]) Желающіе ближе познакомиться съ этими стихами могутъ найти ихъ въ приложеніи (№ 6) къ Истор. Кіев. Академіи Голубева.

[2]) Собр. соч. Максимовича, т. II, стр. 336—337, 358—377. О пер. врем. Богоявл. братства, Максимовича, стр. 25—26. Описаніе Кіева, Закревскаго, т. I, тр. 48—49.

и такимъ образомъ былъ скрытъ отъ взоровъ изслѣдователей. Но съ этимъ преданіемъ едвали можно согласиться и вотъ на какихъ основаніяхъ. Въ годъ смерти Сагайдачнаго не была еще готова Богоявленская церковь. Братскою церковью все еще считалась первоначальная церковь, сооруженная при странно-пріимномъ домѣ. Естественно ожидать, что Сагайдачный, какъ главный братчикъ, былъ погребенъ при этой церкви, тѣмъ болѣе, что около указаннаго нами для этой церкви мѣста сравнительно недавно былъ вырытъ гробъ [1]). А это можетъ служить основаніемъ для того предположенія, что здѣсь нужно искать мѣста, гдѣ хоронили выдающихся членовъ братства, гдѣ слѣдовательно былъ похороненъ и Сагайдачный.

Между виршами Саковича сохранилась и надгробная надпись, вырѣзанная на могильномъ камнѣ Сагайдачнаго. Вотъ она:

„Тутъ зложилъ запорозскій гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ, ранный въ войнѣ: Для Волности
Отчизны. Когда нань Турцы моцно напирали,
И Пострѣловъ смертельныхъ килька му задали:
Которыми зраненый, Живота доконалъ,
Вѣры Богу, и Кролю, и Войску доховалъ.
И умеръ бороначи Мира ойчистого.
За што узычъ му Творче неба вѣчистого:
Якъ Ревнителю Вѣры Благочестивои:
Въ которой былъ выхованъ зъ молодости своеи.
Року Тисеча шесть сотъ Двадесятъ второго
Погребенъ въ Монастыри Брацтва Кіевского.
На который Тисячій килка офѣровалъ,
А жебы тамъ Науки фундовано жадалъ“ [2]).

---

[1]) Гробъ этотъ вырытъ былъ въ 1874—75 г., когда дѣлали погребъ около теперешней академичесьой бани.

[2]) Голубевъ, Истор. Акад., прилож. № VI, стр. 35—36.

Дѣла благотворительности, которымъ отдался Сагайдачный на закатѣ своихъ дней, и въ особенности близкое отношеніе его къ братству и Братскому монастырю, подали поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ думать, что Сагайдачный предъ смертію принялъ постриженіе и былъ инокомъ Братскаго монастыря.

Принятіе Сагайдачнымъ иночества не заключаетъ, конечно, само въ себѣ историческаго противорѣчія. Изъ нашей отечественной исторіи извѣстно, что русскіе князья и бояре прежнихъ временъ часто оканчивали жизнь въ монашествѣ. Въ знатныхъ западно-русскихъ фамиліяхъ князей Острожскихъ и Четвертинскихъ, Чарторыжскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Сангушковъ, Олельковичей и др. мы встрѣчаемся съ иноками и инокинями. Ту же наклонность къ иночеству мы замѣчаемъ и въ украинскомъ казачествѣ не только между высшими чинами его, но и между простою запорожскою братіею. Безграничная, буйная воля часто становилась въ тягость, и сѣчевые удальцы шли въ монастырь, особенно въ межигорскій и трехтемировскій, гдѣ въ строгомъ послушаніи доканчивали свою жизнь. Примѣровъ этому можно указать много. Въ XVI вѣкѣ гетманъ Шахъ окончилъ жизнь свою инокомъ каневскаго монастыря. Въ XVII вѣкѣ Юрій Хмельницкій, послѣ двухкратнаго гетманства, былъ архимандритомъ Гедеономъ. Въ XVIII вѣкѣ укажемъ на знаменитаго запорожскаго сотника Максима Желѣзняка, который, оставивъ Запорожье, находился въ числѣ послушниковъ медвѣдовскаго Никольскаго монастыря. Вообще въ прежнее время казачество и монашество не были такими чуждыми другъ другу сферами жизни, чтобы нельзя было допустить мысли о томъ, что запорожскій гетманъ, посвятившій остатокъ своей жизни подвигамъ благочестія, принялъ предъ смертію своею иночество[1]). Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ ни-

---

[1]) Максимовичъ. Собр. соч., т. II, стр. 250—252.

какихъ фактическихъ данныхъ для того, чтобы раздѣлять мнѣніе объ иночествѣ Сагайдачнаго. О монашествѣ гетмана Сагайдачнаго не говорили наши иноки ни въ XVII-мъ, ни въ прошломъ столѣтіи,—безъ сомнѣнія, потому, что онъ и не былъ монахомъ; а если бы былъ, то объ этомъ не умолчали бы ни Кассіанъ Саковичъ, который въ своихъ виршахъ касается разныхъ сторонъ жизни Сагайдачнаго, ни другіе черноризцы кіевскіе. Первое извѣстіе объ иночествѣ Сагайдачнаго появилось въ 1796 году, въ „Исторіи Украины" Энгеля, который, не понимая, что значитъ—вступить въ церковное братство, принялъ его за постриженіе въ монашество. Это недоразумѣніе иностранца, незнакомаго съ мѣстными явленіями и обычаями, у насъ распространилъ Бантышъ-Каменскій, во второмъ изданіи своей „Исторіи Малой Россіи", напечатанномъ въ 1829 году. Мнѣніе Бантышъ-Каменскаго было принято и митрополитомъ Евгеніемъ. Поэтому въ его время, по свидѣтельству Иннокентія, впослѣдствіи архіепископа херсонскаго, въ Братскомъ монастырѣ стали было уже поминать Сагайдачнаго подъ именемъ „инока Павла" [1]). Въ виду этого, предположеніе объ иночествѣ Сагайдачнаго, возникшее исключительно благодаря недоразумѣнію, нужно отвергнуть.

Пользуясь благотвореніями гетмана Сагайдачнаго, получая на свое благоустройство, по всей вѣроятности, и изъ членскихъ братскихъ взносовъ, Братскій монастырь постепенно увеличиваетъ свое матеріальное благосостояніе путемъ пріобрѣтенія земельныхъ участковъ, частію благодаря доброхотнымъ пожертвованіямъ, частію благодаря покупкѣ ихъ на собственныя средства.—Въ 1618 году жена подчашаго кіевскаго Лаврина Лозки, Анна Гулевичевна (двоюродная племянница Елизаветы Гулевичевны) подарила „въ монастырь братскій для поминовенія души своей дворовое мѣсто *позщинское*,

[1]) Максимовичъ. О перв. врем. Богояв. братства, стр. 24—25.

лежащее (зъ одной стороны) возлѣ церкви Николая чудотворца добраго, а з другой стороны (возлѣ дома) Андрея Скочка", на что и дала братчикамъ дарственную, собственноручно подписанную, запись [1]).—5-го іюня 1621 года нашъ монастырь пріобрѣлъ за тысячу копъ грошей литовскихъ дворъ у инокини Вознесенскаго женскаго монастыря (что былъ возлѣ печерской лавры) Прасковіи (въ мірѣ Екатерины Севастьяновны Францкевичъ) Кучинской, жены Мацея Кучинскаго. Мѣсто это—„з будованемъ также и з семнадцатма куничниками на немъ оселыми"—было значительныхъ размѣровъ и, въ виду 17 расположеныхъ на немъ оброчныхъ дворовъ, могло быть очень прибыльно для нашего монастыря. Къ этому мѣсту примыкалъ садъ и огородъ, все оно обнесено было „огорожою". Знаменитое тогда по преданіямъ, мѣсто это было на старо-кіевскомъ подгорьи, въ Сокольникахъ, противъ церкви Рождества Христова. Для того, чтобы обезпечить безпрепятственное пользованіе этимъ мѣстомъ, инокиня Кичинская дала такое обязательство нашему монастырю: „Еслибы кто колвекъ въ держанью и вечистомъ уживаню тыхъ добръ кгрунту пляцу и саду вышъменованого и пожитковъ вшелякихъ ихъ милостямъ Братству Киевскому якую колвекъ перешкоду чинилъ, теды я ихъ милость от вшелякихъ таковыхъ импедиментовъ до лет вправе отписанныхъ у кождого права и суду боронити заступовати и своимъ коштомъ тые добра очищати маю" [2]). Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что Братскій монастырь пріобрѣлъ это мѣсто за наличныя деньги и уплатилъ ихъ заразъ, безъ всякихъ разсрочекъ.—5 января 1624 года мѣщане Николай Яницкій, староста пирятинскій и его жена Луція, дочь бурмистра кіевскаго Өеодора Митковича, продали нашему монастырю за

[1]) Голубевъ, Истор. Акад., стр. 160—161.

[2]) Приложеніе № III.

триста золотыхъ польскихъ [1]) двѣ лавки на рынкѣ кіевскомъ вмѣстѣ съ самою усадьбою. При составленіи купчей записи Яницкіе, подъ залогомъ стоимости проданнаго мѣста, дали гарантію Братскому монастырю на свободное владѣніе этимъ мѣстомъ и приняли на себя веденіе всѣхъ могущихъ возникнуть изъ-за этой собственности судебныхъ процессовъ. Изъ опредѣленія границъ этой усадьбы, какъ онѣ показаны въ запродажной записи, видно, что Братскій монастырь уже въ это время владѣлъ на рынкѣ такъ называемыми *„серединскими“* лавками, хотя намъ и не извѣстно, какимъ образомъ онѣ перешли къ нашему монастырю. Яницкіе въ своей записи говорятъ: мы „вздали добра свои власные то ест две коморе крамныхъ въ рыпку Киевскомъ сумест з собою, обмежу болницы або шпиталя меского на грунте ратушномъ для хорыхъ поставленого з одное (разумѣется—стороны). А *коморъ ихъ милости братства киевскаго названныхъ: Серединскихъ* з другое стороны противу церкви соборное светое пречистое мурованое, лежачые съ пляцомъ и кгрунтомъ земленымъ, на которомъ тые обе две коморе стоятъ“ [2]).—Въ 1628 году нашъ монастырь обогатился новымъ пріобрѣтеніемъ: онъ купилъ у Петра Динкова, козака кіевскаго, дворовую усадьбу, находившуюся на Борисо-Глѣбской улицѣ, за восемь копъ грошей литовскихъ [3]).

Для какихъ именно цѣлей Братскій монастырь пріобрѣталъ эти дворовыя мѣста—имѣлъ ли онъ въ виду арендныя

---

[1]) Между тѣмъ авторъ Исторіи Кіев. дух. Академіи (стр. 167–168) полагаетъ, что это мѣсто было *подарено* нашему монастырю указанными мѣщанами. На подобное заключеніе ему давали право слова грамоты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (Пам. вр. комм., т. II, отд. I, № XXIX, стр. 293): „отдала она (Луція Митковичева) въ Братскій монастырь два мѣста лавочные“... Мы имѣли подъ руками подлинную запродажную запись этой кіевской жительницы, каковая запись не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это усадебное мѣсто было *продано* нашему монастырю за указанную сумму.

[2]) Прилож. № IV.

[3]) Памят. врем. комм. т. II, отд. I № XXIX, стр. 293.

эксплоатаціи, или же эти пріобрѣтенія удовлетворяли его собственныя нужды,—на это, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, мы не можемъ отвѣтить. Несомнѣнно только то, что эти пріобрѣтенія оправдывали затрату на нихъ капитала.

Послѣ четырнадцатилѣтняго фактическаго своего существованія Братскій монастырь, вмѣстѣ съ братствомъ, въ 1629 году, наконецъ, получилъ юридическое подтвержденіе своего существованія. 19-го февраля этого года обывателями воеводства кіевскаго испрошена была у короля Сигизмунда III грамота, которою онъ соизволилъ „устроить" въ Кіевѣ на грунтѣ, подаренномъ Галшкою Гулевичевною, „братство милосердія по чину Василія Великаго, богадѣльню (шпиталь) и церковь, дозоръ и обмышлеванье" каковыхъ учрежденій поручался означеннымъ обывателямъ [1]). Чѣмъ же объяснить подобное какъ будто-бы несвоевременное предоставленіе указанныхъ привиллегій братству и нашему монастырю? Существованіе этихъ учрежденій, въ особенности перваго, энергически противодѣйствовавшаго распространенію латино-польской пропаганды, было для польскаго правительства крайне не желательно. Разумѣется, эти учрежденія, еще раньше 1629 года, хлопотали о предоставленіи имъ правъ на существованіе, но въ прежнее время ихъ искательства были безуспѣшны. Въ этомъ же году, благодаря „совѣтникамъ" короля и „пословъ земскимъ", имъ удалось получить эти привиллегіи. Не слѣдуетъ опускать изъ виду и того, что въ данномъ случаѣ польское правительство могло руководиться и чувствомъ страха, опасеніями возмущеній со стороны такой могучей силы, какою въ то время было козачество, такъ близко стоявшее къ братству и монастырю. Подобная несвоевременность королевскихъ привиллегій, анахронизмъ въ нихъ,—дѣло обычное въ то время. Для примѣра укажемъ на грамоту, данную тѣмъ же Сигизмундомъ Елисею Плетенецкому на кіево-печерскую архимандрію

---

[1]) Ibid. №. VI.

въ 1605 году [1]), хотя онъ фактически былъ лаврскимъ настоятелемъ еще съ 1599 года [2]).

Въ заключеніе этого періода нашей исторіи скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ игуменѣ нашего монастыря за этотъ періодъ. Это былъ *Тарасій Левоничъ Земка*,—„мужъ свѣдущій въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и русскомъ". Аскоченскій несправедливо считаетъ его питомцемъ Петра Могилы, посланнымъ для завершенія образованія въ заграничныя школы [3]). Онъ вызванъ былъ въ лавру Елисеемъ Плетенецкимъ, гдѣ, начиная съ 1624 года, видѣнъ, изъ года въ годъ, типографомъ, проповѣдникомъ и соборнымъ старцемъ. На настоятельство его въ нашемъ монастырѣ впервые указано М. Максимовичемъ [4]). Подъ составленными Земкою виршами „на старожитный клейнотъ ихъ милостей пановъ Балабановъ", помѣщенными на оборотѣ заглавнаго листа славяно-русскаго лексикона (Памвы Беренды), изданнаго 11 августа 1627 года, онъ подписался такъ: „Іеромонахъ Тарасій Левоничъ Земка, *игуменъ Богоявленскій кіевскій и проповѣдникъ слова Божія монастыря печерскаго*". Такимъ образомъ Земка, проходя извѣстныя должности въ кіево-печерской лаврѣ, былъ въ то-же время, подобно Исаіи Копинскому, и игуменомъ нашего монастыря. На игуменствѣ въ Братскомъ монастырѣ Земка пробылъ до самой кончины своей, послѣдовавшей въ печерской лаврѣ 13 сентября 1632 года, какъ это значится въ надгробной надписи ему, помѣщенной въ Тератургимѣ А. Кальнофойскаго (изд. 1638 г.) [5]). По мнѣнію Аскоченскаго [6]), Земка съ игуменствомъ въ нашемъ монастырѣ соединялъ и должность ректора Богоявленской школы. Но съ

[1]) Акты Ю. и З. Росс., т. II, подъ 1605 г.

[2]) Голубевъ, Исторія Академіи, стр. 169—170.

[3]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. училищ. ч. I, стр. 102.

[4]) О пер. врем. Богоявл. брат., стр. 11.

[5]) Голубевъ, Истор, Акад. стр. 173—174.

[6]) Кіевъ съ его древн. учил. ч. I, стр. 102.

этимъ нельзя согласиться въ виду того, что, какъ положительно извѣстно, въ то время, по крайней мѣрѣ, въ 1631 году, ректорскую должность занималъ *Тамашъ Іевлевичъ* [1]).

Хотя представленныя нами свѣдѣнія о состояніи Братскаго монастыря за первый періодъ его существованія не особенно обильны, но все же на основаніи ихъ мы имѣемъ право заключать, что нашъ монастырь въ двадцатыхъ годахъ XVII-го столѣтія, по отъѣздѣ патріаха Ѳеофана, продолжалъ устроятъся и увеличивать свое матеріальное благостояніе и не подвергался разоренію со стороны враговъ православія. Между тѣмъ эта скудость историческихъ данныхъ о судьбѣ нашего монастыря въ указанное время давала поводъ нѣкоторымъ историкамъ дѣлать ошибочныя предположенія о разореніи и запустѣніи братства и вмѣстѣ съ нимъ монастыря въ это время. Митрополитъ Евгеній въ своемъ „краткомъ извѣстіи о началѣ Кіевской Академіи“ говоритъ, что, „по отъѣздѣ патр. Ѳеофана, возставшее отъ католиковъ и уніатовъ гоненіе на новопосвященнаго имъ митрополита и епископовъ разрушило сіе заведеніе (братское училище). А хотя церковь братскую обновилъ гетманъ войскъ запорожскихъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный и братство поддержалъ, но училища возстановить не смѣлъ безъ дозволенія польскаго короля и уже въ 1629 году февраля 19 получилъ отъ короля Сигизмунда III грамоту, дозволяющую имѣть братству церковь для совершенія Божіей службы по закону греческому съ училищемъ и при нихъ братство милосердія по чину Василія Великаго и богадѣльню для убогихъ старыхъ и увѣчныхъ“ [2]). То же самое было повторено и послѣдующими историками [3]). Асночевскій между прочимъ говоритъ: „въ это бурное время (послѣ 1620 г.)... братство было

---

[1]) Максимовичъ, о перв. врем. Богоявл. брат. стр. 28.

[2]) Описаніе Кіево-Соф. собора, изд. 1825 года, приложеніе № 41, стр. 210.

[3]) Макарій, Ист. Кіев. акад. стр. 20; Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва 1842 г., т. I, стр. 124—125.

разсѣяно... церковь разграблена, гостинница разорена, и нѐ остаться бы камню на камнѣ, если бы гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ своими казаками не остановилъ буйства грабителей и убійцъ... Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятыя католиками и уніатами, и *овладѣвъ остатками кіево-братскаго монастыря, занялся возобновленіемъ какъ его,* такъ и находившагося при немъ училища" [1]). Несостоятельность этого мнѣнія слѣдуетъ прежде всего изъ того, что въ виршахъ Саковича нѣтъ и упоминанія о разореніи Братскаго монастыря, будто-бы послѣдовавшемъ по отъѣздѣ патріарха Ѳеофана. Вирши Саковича написаны въ панегирическомъ духѣ, и странно думать, чтобы Саковичъ, современникъ указываемыхъ этими историками событій, упустилъ случай увѣнчать могилу Сагайдачнаго лишнимъ лавромъ, чтобы онъ обошелъ молчаніемъ такіе важные подвиги Сагайдачнаго, какіе приписываютъ ему указанные изслѣдователи. Правда, братчики въ своемъ письмѣ къ Михаилу Ѳеодоровичу [2]) отъ 1625 года заявляли „о скудости своей", благодаря которой не можетъ быть благоукрашенъ ихъ храмъ. Но дѣлать на основаніи этого выраженія заключеніе о разореніи монастыря было бы крупнымъ произволомъ. О скудости своей говорили московскимъ царямъ и архимандриты богатой кіево-печерской лавры, и потому на указанное выраженіе братчиковъ нужно смотрѣть, какъ на обычный припѣвъ просителей.

Если мы отъ фактовъ перейдемъ къ разсужденіямъ общаго характера, то и на основаніи ихъ нельзя вывести ничего благопріятнаго для предположенія о разрушеніи Братскаго монастыря и братства въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія.— Такъ, тогдашніе мѣщане не были настолько слабы и уступчивы, чтобы они позволили врагамъ православія среди Кіева допускать подобныя насилія. Да если бы мѣщане и оказались

---

[1]) Кіевъ съ его древ. учил., ч. I, стр. 90—91.

[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VI, № CCXX.

безсильными, то не такимъ было въ то время козачество, энергически отстаивавшее интересы православія, бывшее тогда такою грозною силою, что даже и польское правительство, находившееся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, вынуждено было сообразоваться съ его настроеніемъ. Къ тому же, совершенно несправедливо мнѣніе, что будтобы въ Кіевѣ въ разсматриваемое время была достаточно сильна латино-уніатская партія. Напротивъ, въ это время уніаты сами подвергались опасности преслѣдованій. Стóитъ вспомнить трагическую кончину оффиціала уніатскаго митрополита Антонія Грековича, утопленнаго козаками на Днѣпрѣ, стóитъ привести себѣ на память, какъ тѣже козаки схватили митрополичьяго слугу и привязали къ пушкѣ, какъ они, неизвѣстно куда, дѣли уніатскаго (кіевскаго) попа,—стóитъ вспомнить все это, чтобы убѣдиться въ справедливости высказаннаго замѣчанія. Прекрасною характеристикою положенія уніи въ Кіевѣ можетъ служить выдержка изъ донесенія въ Римъ уніатскаго митрополита Рутскаго. „Дабы,—писалъ Рутскій въ 1626 году,—совершалась въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (въ то время отданномъ правительствомъ уніатамъ) служба Божія и святая месса, я послалъ туда въ 1622 году четырехъ законниковъ регулы св. Василія. Когда эти законники въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы шли до каѳедры для совершенія св. мессы, ихъ козаки схватываютъ, вяжутъ, кладутъ на ноги кандалы, бросаютъ въ лодку и везутъ Днѣпромъ до Трехтемірова, гдѣ находится козацкая крѣпость... Здѣсь они держали ихъ въ заключеніи шесть недѣль, а затѣмъ отправили внизъ Днѣпромъ въ резиденцію ихъ вождя. Послѣ козацкаго совѣщанія они были освобождены изъ заключенія и отпущены, *но съ предостереженіемъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался жить въ Кіевѣ и явно исповѣдывать свою религію*“ [1]). Очевидно, что при та-

[1]) Голубевъ, Истор. Акад. стр. 166—167.

комъ положеніи дѣлъ латино-уніаты никоимъ образомъ не могли отважиться на такое крупное насиліе, какъ разрушеніе Братскаго монастыря.

Собранныя нами свѣдѣнія о Братскомъ монастырѣ за первый періодъ его исторіи, періодъ *начальнаго устроенія* монастыря, даютъ основаніе для слѣдующихъ общихъ выводовъ. Монастырь устроился прочно; онъ, послѣ первой малой церкви, успѣлъ устроить большую церковь Богоявленія Господня съ придѣлами Благовѣщенія Пресв. Богородицы и препод. Антонія и Өеодосія Печерскихъ; безъ сомнѣнія, онъ успѣлъ обзавестись постройками для помѣщенія монастырской братіи и школы, ибо если въ немъ была даже страннопріимница, гдѣ могъ найти помѣщеніе и патріархъ, то тѣмъ болѣе и еще ранѣе должны быть предполагаемы постройки для первыхъ двухъ потребностей. Монастырь обогатился пріобрѣтеніями въ недвижимыхъ имуществахъ, частію вновь подаренныхъ ему, частію купленныхъ имъ самимъ, что̀ даетъ представленіе о приращеніи средствъ монастыря, покровительствуемаго братствомъ и козацкою старшиною во главѣ съ гетманомъ. Благодаря этому покровительству, Братскій монастырь могъ принять долю участія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ возстановленіе православной іерархіи въ южной и западной Россіи. Благодаря опять тому же, онъ вмѣстѣ съ братствомъ получилъ почтенное право патріаршей ставропигіи съ знаменіемъ патріаршаго благословенія въ святынѣ креста. Благодаря опять тому же, онъ получилъ правительственное утвержденіе своего права на существованіе. Требовалось бы еще съ нашей стороны изобразить *внутреннее устройство* монастыря, *какъ монастыря*, *внутреннюю жизнь* монастырской братіи, какъ *братской монашеской общины*. Къ крайнему сожалѣнію, для этого не имѣется источниковъ или данныхъ, достаточно выразительныхъ. Остается говорить объ этомъ лишь то, что̀ можно сказать на основаніи немногихъ косвенныхъ или случайныхъ указаній, восполняемыхъ сообра-

женіями. Такъ, можно прежде всего отмѣтить, что игумены Братскаго монастыря въ это время не были вмѣстѣ и ректорами Братской школы, ибо ректорами были другія лица, извѣстныя въ этомъ званіи за данное время, какъ то: Іовъ Борецкій, Кассіанъ Саковичъ и др. Конечно, игуменъ имѣлъ попеченіе о школѣ, какъ соединенной съ монастыремъ, въ немъ помѣщавшейся и получавшей въ большей или меньшей долѣ вспомоществованіе отъ монастыря. Но какъ игуменъ монастыря, онъ имѣлъ свой кругъ дѣлъ, свою область вѣдѣнія и управленія, независимую отъ ректора школы. Игуменъ непосредственно начальствовалъ надъ монашескою братіею монастыря и ею управлялъ. Что въ монастырѣ была братія, была монашеская община, это, предполагаемое и само собою, предполагается и словами еще дарственной записи Елисаветы Гулевичевны, гдѣ говорится, что она ввела въ монастырь священно-инока Исаію и *прочихъ черницовъ*. Въ извѣстной уже намъ благословенной грамотѣ іерусалимскаго патріарха Θеофана упоминаются „*иноки молодые*, што способомъ монастыря по закону св. Василія общежительно быти“, т. е. имѣющіе жить по монастырскимъ порядкамъ, въ общежитіи, по чину св. Василія. А изъ приведеннаго выше свидѣтельства за время втораго игумена братскаго Серапіона видно, что при этомъ игуменѣ были въ монастырѣ *іеромонахъ Θеодоръ и братія*. Надо полагать, что въ средѣ братій были и другіе іеромонахи, іеродіаконы и послушники. Затѣмъ важный смыслъ должны имѣть для насъ выраженія документовъ, предполагающіе въ монастырѣ *общежитіе по закону* или *по чину св. Василія Великаго*. Извѣстно, что въ XVI в. жизнь иноческая въ кіевскихъ, да и другихъ монастыряхъ южной и западной Руси была въ значительномъ упадкѣ. Начала общежитія, по которымъ она должна была устраиваться весьма часто нарушались то произволомъ настоятелей-игуменовъ и архимандритовъ, то своеволіемъ братій, то злоупотребленіями мірянъ, получавшихъ въ свое вѣдѣніе и пользо-

ваніе монастыря. Но когда, съ конца XVI в., настали тяжкія испытанія и опасности для вѣры и церкви православной, то вызванное этимъ религіозное возбужденіе и ревность по вѣрѣ и благочестію проявились и ревностію о духовномъ подъемѣ и лучшемъ устроеніи иноческой жизни въ монастыряхъ. Особеннымъ выраженіемъ этой ревности была заботливость объ учрежденіи или возстановленіи въ монастыряхъ *общежитія по чину св. Василія Великаго.* Заботятся объ этомъ и лучшіе изъ свѣтскихъ и патроновъ—основателей или возстановителей монастырей. Такъ, напр., князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, наслѣдственный отъ предковъ ктиторъ и патронъ Дерманскаго монастыря на Волыни, даетъ ему въ 1602 г. запись на преобразованіе монастыря въ общежительный. Предоставляя въ полное владѣніе монастыря извѣстные села, земли и доходы, князь говоритъ, что даетъ все это *на общежительство черницамъ, которые согласятся жити вмѣстѣ по законоположенію Василія Великаго, святыми богоносными отцами на соборѣ утвержденному* [1]). Въ Кіевѣ сильнѣйшимъ ревнителемъ общежитія былъ знаменитый архимандритъ печерской лавры Елисей Плетенецкій (1599—1624 г.). Для помощи себѣ въ дѣлѣ возстановленія общежитія въ лаврѣ и вообще улучшенія иноческой жизни въ ней онъ призвалъ въ лавру славившагося тогда духовными подвигами старца-схимонаха *Іова Княгининскаго.* И старецъ прибылъ въ лаврскую обитель, много потрудился въ ней, „совѣтуя, уча, наказуя и моля, еже по божественному Василію *общежительное благочиніе церковное и трапезное блюсти,* нищету и воздержаніе любити, и страсти самолюбія бѣгати, и старшимъ повиноватися“ [2]). По всей вѣроятности, благимъ совѣтамъ Елисея

---

[1]) Памятники, изд. Врем. Коммиссіею для разбора др. актовъ. Т. IV, отд. стр. 35—36. Кіевъ. 1859 г.

[2]) Жизнеописаніе Іова въ соч. „Петръ Могила“, С. Т. Голубева. Приложеніе № XXXV, примѣч. къ приложенію.

Плетенецкаго и Исаіи Копинскаго должно приписать и то, что и фундаторша нашего монастыря Елисавета Гулевичевна въ своей дарственной записи ему выражается, что даетъ свое пожертвованіе *на монастырь общаго житія по Василію Великому.* Въ чемъ состояло это общежитіе по чину Василія Великаго? Не входя здѣсь въ подробности и историческія разъясненія по этому предмету (что завлекло бы насъ далеко), напомнимъ только, какъ понимали это общежитіе современные ревнители его. Сейчасъ видѣли мы, какъ понималъ требованія иноческаго общежитія Іовъ Княгининскій. Приведемъ еще изложеніе этихъ требованій въ записи Константина Острожскаго Дерманскому монастырю [1]). Поясняя то *общее житіе по законоположенію Василія Великаго,* въ какомъ имѣютъ пребывать иноки монастыря, онъ говоритъ: „то есть такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ у себя особаго имущества, но все, что только есть у нихъ и будетъ, должно быть общимъ для всѣхъ; даже не должны они имѣть собственной воли, согласно Писанію, на которомъ основана ихъ жизнь. *Не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди* и далѣе (Матѳ. X, 9). И въ другомъ мѣстѣ, именно въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (IV, 32): *народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща.* Притомъ мы предоставляемъ имъ право исключительно только изъ своего общежительства, по уставу Василія Великаго, избирать игумена, человѣка въ жизни искуснаго, благочестиваго, подающаго собою примѣръ всякихъ добродѣтелей... [2]) Избранный же долженъ быть не распорядителемъ имущества, но пастыремъ душъ братскихъ; а если бы таковымъ не оказался, то вмѣсто его

---

[1]) Оно могло быть составлено подъ вліяніемъ совѣтовъ того же Іова Княгининскаго, который былъ близокъ князя, былъ и устроителемъ его Дерманскаго монастыря по правиламъ общежитія.

[2]) Далѣе говорится объ утвержденіи избраннаго игумена княземъ, какъ ктиторомъ монастыря.

они должны избрать и представить другаго. Экономъ монастырскій также долженъ быть избираемъ всею братіею; распоряжаясь имуществомъ монастырскимъ за вѣдомомъ игумена и старшихъ братій, онъ обязанъ ежегодно давать отчетъ предъ всею братіею... Вообще же всѣ обязаны радѣть о монастырѣ, исправлять его, строить... и, по мѣрѣ надобности, снабжать необходимымъ; сами же лично обязаны заниматься рукодѣліями, приличными ихъ званію, работать, трудиться и вести жизнь святую...; преступниковъ и ослушныхъ уговаривать, обличать и самимъ между собою духовно наказывать по уставу Василія Великаго". Надобно полагать, что общепризнаваемыя требованія или правила общежитія не только признавались обязательными и для нашего Братскаго монастыря, но что они болѣе или менѣе и осуществлялись въ немъ. Безъ сомнѣнія, объ этомъ заботились такіе достойные и просвѣщенные игумены его, какъ Исаія Копинскій и Тарасій Левоновичъ Земка. Есть одно случайное указаніе на это у Кассіана Саковича, который въ своемъ сочиненіи „Desiderosus" мимоходомъ упоминаетъ о соблюдавшихся въ нашемъ монастырѣ порядкахъ устава по чину Василія Великаго, и въ частности о томъ, что *во время трапезы читались нравоучительныя повѣствованія* [1]). Значитъ, соблюдалось здѣсь то *общежительное благочиніе церковное и трапезное*, которое ревновалъ утвердить Іовъ Княгининскій въ лаврѣ. Затѣмъ извѣстно, что въ монастырѣ былъ *уставникъ Ѳеодоръ, родомъ москаль* [2]): какъ *уставникъ*, онъ наблюдалъ за соблюденіемъ устава и въ церкви, во время служеній, и въ трапезѣ, а можетъ быть и читалъ въ церкви уставныя поученія. Пріобрѣтеніе монастыремъ недвижимыхъ имуществъ и угодій само собой предполагаетъ существованіе и должности эконома. А

[1]) Ссылка на это сочиненіе Саковича—въ Исторіи Кіевской Академіи С. Голубева, стр. 171.

[2]) Тамъ же, стр. 219.

дѣло внѣшняго устроенія монастыря, успѣвшаго обзавестись церковію, жилыми помѣщеніями для братіи и страннопріимницею, предполагаетъ тотъ *общій трудъ братіи, къ которому обязывалась братія, напр., въ Дерманскомъ монастырѣ.* Затѣмъ, при просвѣщенныхъ игуменахъ монастыря, каковы были Исаія и Тарасій, и притомъ—монастыря, соединеннаго съ братскою школою, естественно предполагать присутствіе въ средѣ монастырской братіи и иноковъ съ нѣкоторымъ образованіемъ, могшихъ быть даже учителями въ школѣ. По крайней мѣрѣ, это извѣстно объ упомянутомъ уставникѣ Θеодорѣ, который въ концѣ 20-хъ годовъ XVII в. значится *учителемъ русской* школы [1]). Наконецъ, относительно *молодыхъ иноковъ*, о которыхъ упоминается въ благословенной грамотѣ патріарха Θеофана 1620 г., можно предполагать, что они не были *только* послушниками, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ могли быть вмѣстѣ и учениками школы, чтобы со временемъ быть и учителями въ ней или другихъ мѣстахъ, также работниками въ книжномъ дѣлѣ на пользу церкви и проповѣдниками. Словомъ, мы полагаемъ, что первый періодъ въ исторіи нашего монастыря былъ періодомъ начальнаго устроенія его—не только внѣшняго, но и внутренняго, что, благоустроя свой внѣшній бытъ, монастырь достигъ нѣкоторой мѣры благоустройства по внутренней, духовной жизни, по началамъ общежитія, оживляемаго просвѣтительнымъ вліяніемъ союза его съ братскою школою. Еще лучшая судьба предстояла нашему монастырю въ слѣдующемъ періодѣ его исторической жизни, къ которому теперь переходимъ.

---

[1]) Тамъ же.

Второй періодъ (1632—1720 г.г.).

Соединеніе лаврской школы съ Богоявленскимъ училищемъ. Петръ Могила—протекторъ монастыря. Пожаренныя имъ монастырю вотчины. Устройство водопровода и построеніе Конгрегаціонной церкви. Пожертвованія монастырю со стороны свѣтскихъ лицъ: гетмана Петрижицкаго, Христофора Сулимовскаго и Семена Татарина. Присоединеніе къ монастырю Трехсвятительской церкви. Дѣятельность Бронкевича; его поѣздка къ Алексѣю Михайловичу и просьба о милостынѣ на обновленіе Трехсвятительской церкви. Его ходатайство о братскомъ монастырѣ. Ходатайство Петра Могилы предъ Михаиломъ Θеодоровичемъ о сооруженіи въ Москвѣ подворья братскаго монастыря и школы при немъ. Трехсвятительская церковь при Игнатіи Старушичѣ.—Іосифъ Кононовичъ Горбацкій. Пріобрѣтенія монастыря по завѣщанію Петра Могилы.—Иннокентій Гизель. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ. Ходатайство инока Θеодосія предъ московскимъ правительствомъ о помощи нашему монастырю. Вліяніе борьбы казачества съ Польшей на матеріальное положеніе монастыря.—Лазарь Барановичъ. Вотчины, присоединенныя къ монастырю Богданомъ Хмельницкимъ. Денежныя пожертвованія епископовъ: Антонія Винницкаго, Іосифа Горбацкаго, Іосифа Чаплича-Шпановскаго и Діонисія Балабана. Ходатайство Θеодосія Сафановича предъ московскимъ правительствомъ о подтвержденіи прежнихъ правъ монастыря и дарованіи новыхъ. Внѣшній видъ и внутреннее убранство нѣкоторыхъ монастырскихъ зданій, въ особенности трапезной палаты. — Іоанникій Голятовскій. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ. Утвержденіе Алексѣемъ Михайловичемъ за монастыремъ прежде принадлежавшихъ ему вотчинъ. Дѣятельность полковника Дворецкаго на пользу монастыря. Исторія братской иконы Божіей

Матери. — Мелетій Дзикъ. — Варлаамъ Ясинскій. Возобновленіе монастырскихъ зданій. Присоединеніе къ монастырю мѣстечка Стайки. Грамота короля Михаила Корыбута. Опустошеніе Новоселокъ. Отношеніе къ монастырю южно-русскаго общества. Попечительность Варлаама Ясинскаго о монастырѣ. „Ляментація кіево-братскихъ монаховъ". — Положеніе монастыря въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе. Отношеніе Лазаря Барановича къ монастырю. Өеофанъ Прокоповичъ I. Умноженіе монастырскихъ средствъ Головчичемъ. Пожертвованія Меѳодія Филимоновича. Потери и пріобрѣтенія монастыря въ правленіе Гугуревича. — Пахомій Подлузскій и его хлопоты предъ Мазепой и московскимъ правительствомъ объ утвержденіи за монастыремъ его владѣній. — Кириллъ Филимоновичъ; пріобрѣтеніе Бѣльмачевки. Общее замѣчаніе о состояніи монастырскаго хозяйства въ указанное двадцатипятилѣтіе. — Іоасафъ Кроковскій. Характеристика его дѣятельности. Приведеніе въ извѣстность и утвержденіе за монастыремъ его владѣній. Споръ монастыря съ жителями города Остра. Тяжба его съ Межигорскимъ монастыремъ. Общее замѣчаніе о матеріальныхъ средствахъ монастыря. Сооруженіе Богоявленской церкви. Строитель ея и время ея сооруженія. — Прокопій Колачинскій. Огражденіе монастыря отъ вмѣшательства въ его дѣла кіевскихъ мѣщанъ. Новыя пріобрѣтенія монастыря. — Гедеонъ Одорскій. Тяжба съ Остряками. Посѣщеніе монастыря Петромъ I. Обогащеніе ризницы. — Христофоръ Чарнуцкій. Пріобрѣтеніе монастыремъ села Стайки. Тяжба съ Михайловскимъ монастыремъ. — Өеофанъ Прокоповичъ II. Краткая біографія его. Вліяніе моровой язвы на матеріальныя средства монастыря. Подарокъ Скоропадскаго монастырю (село Ядловка). — Сильвестръ Помовскій. Состояніе монастыря при немъ. Послѣднее земельное пріобрѣтеніе монастыря

Рубежомъ, отдѣляющимъ первый періодъ исторіи нашего монастыря отъ втораго, служитъ соединеніе лаврской школы съ богоявленскимъ училищемъ (1632 г.). Событіе это, какъ уже было сказано, имѣло важное значеніе для судьбы нашего монастыря. Съ этого времени безповоротно рѣшенъ былъ вопросъ о совмѣстномъ существованіи этихъ двухъ учрежденій. Братскій монастырь и богоявленское училище жи-

вутъ одною жизнію, такъ что трудно указать, гдѣ оканчивается область перваго и начинается область втораго. Въ виду этой тѣсной связи монастыря съ училищемъ, первый получаетъ названіе училищнаго. Южно-русское общество во всѣхъ своихъ представителяхъ, начиная съ простыхъ козаковъ и мѣщанъ и оканчивая гетманами и митрополитами, близко принимаетъ интересы монастыря, соединеннаго съ знаменитымъ училищемъ, надѣляетъ его различными угодьями и тѣмъ способствуетъ развитію матеріальнаго благосостоянія его. Памятникомъ подобнаго благосклоннаго отношенія общества къ интересамъ монастыря служатъ сохранившіяся до настоящаго времени постройки, сооруженіемъ которыхъ Братскій монастырь обязанъ гетману Мазепѣ. Съ теченіемъ времени, съ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка, отношенія общества къ монастырю измѣняются, общество начинаетъ непріязненно относиться къ монастырскому имуществу. До этого же времени, благосклонно вообще относясь къ монастырю, общество дѣятельно способствовало пріумноженію монастырской собственности.

Мы не будемъ говорить о томъ, какъ произошло соединеніе лаврской школы съ богоявленскимъ училищемъ, не будемъ распространяться о томъ, какъ латынщики лаврской школы едва не попали въ желудки днѣпровскихъ осетровъ. Это—фактъ общеизвѣстный. Тѣмъ болѣе, онъ относится къ исторіи академіи, а не Братскаго монастыря. Мы скажемъ только о ближайшихъ слѣдствіяхъ этого событія для нашего монастыря. Благодаря этому соединенію двухъ школъ, кіевопечерскій архимандритъ Петръ Могила, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, сдѣлался главнымъ *протекторомъ* нашего монастыря, что̀ имѣло очень важное значеніе для благоустроенія его. Изъ актовой записи обывателей воеводства кіевскаго и всѣхъ кіевскихъ братчиковъ, данной Петру Могилѣ 30 декабря 1631 года, видно, что послѣдній согласился на соединеніе своей школы съ богоявленскимъ училищемъ подъ

тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ *старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ и защитникомъ* какъ самыхъ школъ, такъ между прочимъ и *Братскаго монастыря*, со всѣми находящимися въ его вѣдѣніи имѣніями, доходы съ которыхъ должны быть обращаемы исключительно на *монастырскія* и школьныя нужды. Братчики съ своей стороны выставили нѣсколько условій, ограничивавшихъ власть Петра Могилы. Такъ, они настаивали на томъ, чтобы заботы Могилы о монастырѣ были раздѣляемы съ годичными братскими старостами, которые, впрочемъ, не должны идти противъ воли его, но во всемъ обязаны слушаться его, какъ старшаго брата, блюстителя и пожизненнаго опекуна. Дальнѣйшими условіями было то, чтобы опекунство Могилы было только личное, а не по сану архимандрита, такъ что послѣ его смерти выборъ новаго опекуна предоставлялся бы исключительно братству, и, наконецъ, чтобы не былъ нарушаемъ фундушъ монастыря [1]). Эти же права Петра Могилы были подтверждены грамотою отъ 5 января 1632 года, послѣдовавшей на его имя отъ лица митрополита, православныхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, іеромонаховъ, протопоповъ, іереевъ и иноковъ. Въ этой грамотѣ между прочимъ митрополитъ Исаія Копинскій ставитъ отъ себя еще слѣдующее условіе: „на возглашеніяхъ и ектеніяхъ должно быть поминаемо тамъ (т. е. въ нашемъ монастырѣ) имя митрополита въ томъ уваженіи, что какъ съ начала стараніемъ нашимъ, такъ и теперь за нашимъ благословеніемъ имѣетъ основаться это святое мѣсто“ [2]). 12 марта 1632 года послѣдовалъ на имя Петра Могилы однородный по содержанію съ двумя предшествующими документами войсковой листъ гетмана Ивана Петрижицкаго, эсауловъ, полковниковъ и всего запорожскаго войска. Въ немъ между прочимъ актодатели обѣщаютъ имѣть подъ своею защитою монастырь съ принадлежащею къ нему шко-

---

[1]) Эта актовая запись помѣщена въ Памят. врем. Ком. т. II.

[2]) Jbid N IX.

лою, „отъ всякихъ непріятелей, непріятностей и препятствій твердо ихъ защищать, охранять и за нихъ до самой смерти стоять“[1]).

Въ виду того значенія и той власти, которая предоставлялась указанными грамотами Петру Могилѣ надъ Братскимъ монастыремъ, мы всѣ тѣ событія изъ исторіи нашего монастыря, которыя имѣли мѣсто за время его протекторства (1632—1646 г.), сконцентрируемъ около этой замѣчательной личности, тѣмъ болѣе, что еще положительно не извѣстно, кто были игуменами въ Братскомъ монастырѣ за періодъ времени отъ 1633 до 1640 гг., такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что Исаія Трофимовичъ—Козловскій и Софроній Початскій, бывшіе ректорами въ это время въ богоявленскомъ училищѣ, совмѣщали вмѣстѣ съ тѣмъ и игуменство въ нашемъ монастырѣ. Съ другой стороны, нельзя согласиться съ Максимовичемъ, который склоненъ думать, что ректорство въ богоявленской школѣ и игуменство въ нашемъ монастырѣ соединилось въ одномъ лицѣ со времени Иннокентія Гизеля (1647 г.), который подписывался: „игуменъ и ректоръ“ [2]). На основаніи документальныхъ данныхъ можно утверждать, что занимавшіе раньше Гизеля ректорскую должность: *Леонтій Бронкевичъ* (*1640 г.*), *Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ* (*1641—1642 г.*) и *Іосифъ Кононовичъ Горбацкій* (*1643—1646 г.*) были вмѣстѣ съ тѣмъ и игуменами нашего монастыря [3]). Но только ихъ дѣятельность, какъ настоятелей Братскаго монастыря, отходила въ тѣнь предъ энергическою личностью знаменитаго печерскаго архимандрита, потомъ кіевскаго митрополита, Петра Могилы, въ то время главнаго протектора монастыря. Дѣятельность указанныхъ игуменовъ опредѣлялась указаніями Петра Мо-

---

[1]) Ibid N X.

[2]) О перв. времен. Богоявл. братства, стр. 28.

[3]) Впослѣдствіи настоятельство въ нашемъ монастырѣ и должность ректора академіи всегда соединялись въ одномъ лицѣ.

гилы, они въ тѣхъ или другихъ случаяхъ дѣйствовали только по порученію его. Самостоятельную дѣятельность проявили братскіе игумены только послѣ смерти его (31 декабря 1646 г.), до этого же времени они ограничивались скромною ролью исполнителей его предначертаній.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣятельности Петра Могилы, какъ протектора нашего монастыря, нужно разрѣшить естественно возникающій вопросъ: присвоеніемъ себѣ права старшаго брата, пожизненнаго блюстителя и опекуна Братскаго монастыря Петръ Могила *не нарушалъ ли права патріаршей ставропигіи*, учрежденной при этомъ монастырѣ? Не могло быть и рѣчи о подобномъ нарушеніи правъ константинопольскаго патріарха, ставропигіей котораго былъ нашъ монастырь, со стороны Петра Могилы, который назывался „любопослушникомъ“ этого патріарха. Въ приведенной нами выше грамотѣ обывателей воеводства кіевскаго и всѣхъ кіевскихъ братчиковъ сказано между прочимъ: „Братство (понимаемое въ широкомъ смыслѣ и потому обнимающее собою и монастырь), будучи православнымъ, должно быть послушнымъ святѣйшему Константинопольскому патріарху, *какъ собственному своему пастырю, а не иному кому*. Всѣ избранныя имъ (Петромъ Могилою) лица, находясь при томъ братствѣ, должны состоять *подъ благословеніемъ вселенскаго патріарха, архіепископа Константинопольскаго*.“ Въ протекторствѣ Петра Могилы Братскій монастырь нашелъ для себя многія выгоды и никогда не видѣлъ въ немъ (протекторствѣ) нарушенія своихъ ставропигіальныхъ правъ. Братскій монастырь никогда не тяготился опекунствомъ Петра Могилы, а это неизбѣжно было бы, если бы оно нарушало его права. Нашъ монастырь только пожалѣлъ о томъ, что смерть рано унесла его высокаго покровителя и до настоящихъ дней молится о своемъ благодѣтелѣ.

Состоя архимандритомъ кіево-печерской лавры, Петръ Могила далъ въ трехлѣтнее пользованіе Братскому монастырю

изъ лаврскихъ вотчинъ двѣ волости: Вышенскую и Гнѣдинъ и двѣ деревни Процевъ и Ревное, а по мѣрѣ нужды снабжалъ его и деньгами [1]). Получивъ санъ кіевскаго митрополита и возвратясь съ варшавскаго сейма, онъ подарилъ нашему монастырю „въ поссессію моць и спокойное держанье со всѣми подъдаными и вшелякими прилеглостями" [2]), хуторъ Поздняки или Поздняковщину [3]), который расположенъ былъ за Днѣпромъ „межи добрами Печерскими, Никольскими и Выдубицкими" [4]). Дарственная запись Петра Могилы на этотъ хуторъ была занесена въ „кгродскія книги воеводства Кіевскаго" 8 марта 1635 года. Изъ этихъ книгъ мы узнаемъ, что въ этомъ году подвоеводнымъ кіевскимъ Иваномъ Липлянскимъ были посланы на хуторъ Поздняки: шляхетный Андрей Висковскій и „вери годные люди"—панъ Иванъ Климчицкій и панъ Богданъ Голосѣевскій. Они осмотрѣли границы этого хутора, какъ онѣ были указаны имъ печерскимъ намѣстникомъ Филатеемъ Кизаревичемъ, и занесли свои показанія въ городскія книги [5]).

Не безъ ходатайства, вѣроятно, Петра Могилы предъ королемъ Владиславомъ, Братскій монастырь получилъ позволеніе (въ 1636 г.) устроить водопроводъ и пользоваться водою изъ родниковъ кіевскихъ горъ [6]). При все болѣе и болѣе разроставшихся потребностяхъ монастыря и при увеличеніи его братіи, эта привиллегія имѣла очень важное значеніе для него.

Петръ Могила украсилъ Братскій монастырь новою деревянною двухэтажною церковью, которая была собственно училищною и носила названіе конгрегаціонной. Посвящена

---

[1]) Прибавленіе къ Опис. Кіевс. Соф. собора стр. 210—211.

[2]) Прилож. № V.

[3]) Прибавл. къ Опис. Соф. собор., стр. 212.

[4]) Прилож. № V.

[5]) Ibid.

[6]) Памят. врем. комм. т. II, отд. I, стр. 294.

она была имени благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Настоятелемъ этой церкви обыкновенно бывалъ іеромонахъ, учитель реторики, и назывался Pater Congregationis [1]). Мѣсто для этой церкви преосвященный Макарій отводитъ тамъ, гдѣ теперь стоитъ святодуховская церковь [2]).

Общество, видя въ лицѣ Петра Могилы примѣръ энергической дѣятельности на пользу Братскаго монастыря, старалось съ своей стороны своими пожертвованіями оказывать ему посильную помощь.—Такъ гетманъ Петрижицкій и все кіевское дворянство, въ самый годъ прибытія Петра Могилы на митрополію, отдали въ вѣчное владѣніе монастырю сельце Борщаговку [3]) 30 января 1632 года нашъ монастырь получилъ отъ Христофора Сулимовскаго дворовое мѣсто на Подолѣ со всѣми принадлежностями къ нему. Сулимовскій составилъ запродажную запись: „велможнымъ отцомъ Бернардыномъ кляштору у Киеве будучого на даровизну пляцу кгрунту з огородомъ и з будованемъ на томъ пляцу, з куничникомъ на немъ мѣшкаючимъ" [4]). Дворъ этотъ находился „напротивъ кляштору отцовъ Бернардыновъ (т. е. противъ Братскаго монастыря), чрезъ улицу межи домомъ Стефана плотника, мешкаючаго на рогу при дороге, которою ѣздятъ з горы до мѣста, а з другой стороны Данила злотника, затылкомъ до Мартына аптекаря". По грамотѣ же царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ которой перечисляются всѣ имѣнія нашего монастыря, это мѣсто представляется расположеннымъ противъ церкви Добраго Николы [5]) Оно было куплено Криштофомъ Сулимовскимъ 18 января 1621 года у „урожоной пани Поломіи Олбеевны Стефановой Менковской съ певнымъ правомъ". Жертвователь не указалъ опредѣлен-

---

1) Прибав. къ опис. Кіев. Соф. соб., стр. 218.

2) Истор. Кіев. Акад., стр. 89.

3) Прибав. къ опис. Соф. соб., стр. 212—218.

4) На этомъ мѣстѣ въ то время жилъ куничникъ Мировъ Куперъ.

5) Памятн. т. II, отд. I, стр. 293.

ной цѣли, какой долженъ служить его земельный вкладъ, онъ предоставилъ монастырю полное право распоряжаться этимъ мѣстомъ, какъ ему будетъ угодно. Онъ въ своей записи говоритъ: „какъ волно будетъ отцомъ Бернардыномъ заживать и пожитки себѣ вшелякіе, которые мнѣ належали, на потребу кляшторскую обращать" [1]. Одновременно съ этимъ Кіевскій мѣщанинъ Семенъ Михайловичъ, по происхожденію татаринъ, отказалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи (отъ 25 января 1632 года) нашему монастырю усадебное мѣсто вмѣстѣ съ домомъ и прочими постройками. Онъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: „на монастырь Братства Кіевскаго заложенія церкви Богоявленія Господня по животе моемъ отписую и легую домъ мой власный чрезъ мене самого побудованый на пляцу пана Креницкого куничномъ, въ которомъ самъ мешкаю и огородъ мой власный кунный за баштою мѣстскою згрунтомъ лежачій въ вечность". Вмѣстѣ съ тѣмъ Семенъ Михайловичъ отказалъ на нашъ монастырь двѣсти злотыхъ польскихъ съ тѣмъ, чтобы изъ этой суммы было уплочено золотыхъ дѣлъ мастеру Стефану за работу церковной лампады. Дѣло въ томъ, что еще раньше монастырь для указанной цѣли далъ этому мастеру двадцать четыре гривны серебра, уговорившись платить за работу отъ каждой гривны по четыре золотыхъ. Двадцать золотыхъ въ задатокъ мастеръ получилъ отъ самого Семена Татарина, а по смерти его монастырь изъ указанной суммы уплатилъ ему еще семьдесятъ шесть золотыхъ [2].

Надѣливъ Братскій монастырь деньгами и землею, Семенъ Татаринъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи возложилъ тяже-

---

[1]) Прилож. N VI.—Подъ этой запродажной записью, составленной 27 января 1632 года, подписались, помимо самого жертвователя: Петръ з Биберштайну Казимірскій, Филонъ Богушевичъ Гулькевичъ и Валеріанъ Хрушлинскій. 30 января того же года этотъ запродажный актъ внесенъ былъ въ земскія книги воеводства кіевскаго въ присутствіи судьи Стефана Аксака и подсудка Лукаша Витовскаго.

[2]) Прилож. N VII.

лую обязанность на братскихъ иноковъ и печерскаго архимандрита Петра Могилу—быть его душеприкащиками. „А ижъ въ себе, пишетъ онъ, кревныхъ приятелей, которые бы се худобою моею опекать мели, а ни жоны и потомковъ, которымъ бы то по мнѣ належать мѣло, не маю, прето за доброго разуму и зуполное памети моее, ужадалом с покорнымъ челобитемъ моимъ: ясне в Бозѣ велебною его милость Господина отца Петра Могилу Архимандрита святое великое лаври печерское кіевское, такъ тежъ и братій иноковъ общежительного монастыра братского киевского церкви святых Богоявленій, абы его милость весполъ з братею черницами братцкими Киевскими яко опекуны мои убогую мяетностку мою, през мене самого учтиве набытую, маючи в завѣдованю своемъ з ласки своее и ведле тестаменту сего моего на монастыри и церкви Божіи и на иншие милосердные учинки для збавеня души моей поотдавать роскзать маютъ.“ Чтобы представить себѣ всю трудность возложенной на братскихъ иноковъ обязанности, нужно взять во вниманіе, что Семенъ Таринъ съ скрупулезною аккуратностію распредѣлилъ свое состояніе, заключавшееся въ деньгахъ и значительномъ имуществѣ, между всѣми кіевскими монастырями и церквами. Наличныхъ денегъ онъ имѣлъ триста копъ грошей литовскихъ. Кромѣ того, ему должны были Нечипоръ Хмель пенезей полпетаста копъ грошей литовскихъ и кіевскій мѣщанинъ Моисей шестдесятъ копъ. Весь капиталъ съ процентами составлялъ сумму въ двѣ тысячи двадцать пять злотыхъ польскихъ. И вотъ этимъ капиталомъ братскіе иноки должны были распорядиться слѣдующимъ образомъ. По сто злотыхъ польскихъ они должны были отдать кіево-печерской лаврѣ, монастырямъ: михайловскому, никольскому, кирилловскому и межигорскому, церквамъ: соборной Успенской и Святодуховской. По пятьдесятъ золотыхъ должны были получить: митрополитъ, архимандритъ Петръ Могила, черницы монастырей печерскаго и михайловскаго, монастырь Николая „Ерданъскаго“, церкви свв. Ва-

силія, Николая Притисскаго, Воскресенская, Спасская, Набережно-Никольская, Рождественская и Николая Добраго. По десять копъ грошей литовскихъ отписано было троицкому монастырю, что̀ близъ печерской лавры, и церквамъ: Ильинской, преп. Өеодосія въ печерской лаврѣ, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы „въ замку“ и церкви св. Василія „на горе у Кіеве мурованой“. Борисо-Глѣбская церковь получила тридцать, а монастырь св. мучениковъ Өрола и Лавра двадцать копъ грошей литовскихъ. Священникамъ кіевскимъ каждому, „за позвонное и за проводъ“, а также діакону и уставніку маетъ быть дано по копе грошей литовскихъ“. Четыремъ цехамъ, за участіе въ похоронной процессіи, отписано было по десяти золотыхъ польскихъ. Священникамъ Успенской и Святодуховской церквей и церкви Братскаго монастыря отписывалось по пятнадцати злотыхъ. Имущество по завѣщанію было такъ распредѣлено. Михайловскій монастырь долженъ получить „пару ковшиковъ сребреныхъ по гривнѣ“ и бѣлаго коня, троицкій—„четыри мисы ценовыхъ великихъ“, межигорскій—двѣ „чарки серебряныхъ“, Ильинская церковь—котелъ „десяточный.“ Своему духовнику Семенъ Татаринъ отписывалъ „дылѣю [1]) лазуровую турскую,“ края которой „лиштвами адамашки червоное“ обложены и т. д. Изъ оставшихся денегъ часть должна была пойти на годичное поминовеніе завѣщателя. Въ случаѣ же недостатка денегъ, предназначалось къ продажѣ все остальное имущество, подробный реестръ котораго занимаетъ значительную часть завѣщанія. Другая часть денегъ должна быть употреблена на церкви и „на ялмужны до шпиталей“.

Этотъ, очень интересный въ бытовомъ отношеніи документъ, дорогъ для насъ тѣмъ, что онъ сообщаетъ намъ нѣкоторыя, хотя и скудныя, свѣдѣнія объ иконѣ Святителя Николая, которая теперь въ изящно отдѣланномъ кіотѣ сто-

---

[1]) Родъ стѣннаго украшенія на подобіе ковра.

итъ рядомъ съ чудотворнымъ образомъ въ большой церкви нашего монастыря. Изъ этого документа мы узнаемъ, что эта икона имѣетъ за собою значительную древность: она прежде принадлежала Семену Татарину и была имъ пожертвована въ монастырь [1]. Чтобы имѣть предъ этимъ образомъ неугасаемую свѣчу, онъ дѣлаетъ такое распоряженіе въ своемъ завѣщаніи. Чапей Коваль былъ долженъ ему двадцать копъ грошей литовскихъ. Эти деньги онъ позволяетъ Чапею удержать до самой смерти подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно, въ видѣ процентовъ, вносилъ Братскому монастырю три копы, на каковую сумму иноки должны были круглый годъ возжигать свѣчу предъ указанной иконой, По смерти Чапея, упомянутая сумма должна была перейти къ другому надежному лицу и своими процентами удовлетворять той же самой цѣли и т. д. [2]).

Остается пожалѣть, что за тѣми невзгодами, которыя пришлось пережить нашему монастырю въ то бурное время, забылось и потеряло свою силу это благочестивое распоряженіе.

Возвращая въ свое вѣдомство отъ уніатовъ православные монастыри и церкви, Петръ Могила отобралъ въ томъ числѣ бывшую въ ихъ рукахъ и уже успѣвшую запустѣть Трехсвятительскую церковь, съ принадлежавшими къ ней угодьями и отдалъ ее въ распоряженіе Братскаго монастыря, за которымъ она и была утверждена грамотою Владислава IV, данною 12 мая 1638 года. Возстановленіе полуразрушенной Трехсвятительской церкви возложено было, по пору-

[1]) Снимокъ съ этой иконы см. въ прилож.

[2]) Ibid.—Подъ духовнымъ завѣщаніемъ Семена Татарина подписались и приложили свои печати слѣдующіе „вѣры годные люди“: Даніель Голубъ, панъ Крыштофъ Щенявскій, панъ Марianъ Климовичъ, Андрей Соленикъ Адамовскій, панъ Θедоръ Аношкевичъ (Онушкевичъ), козакъ войска его к. м. запорожскаго панъ Θедоръ Мостицкій возный и енералъ воеводства кіевскаго, панъ Яцко Зданкевичъ.

ченію Петра Могилы, на игумена нашего монастыря *Леон тія Андреевича Бронкевича* и производилось имъ въ 1639—40 г. г. [1]).

О дѣятельности Бронкевича извѣстно намъ слѣдующее. Въ началѣ 1640 года Петръ Могила отправилъ посольство въ Москву, къ царю Михаилу Θеодровичу, для испрошенія милостыни на устроеніе разоренныхъ кіевскихъ церквей. Въ числѣ посланныхъ былъ между прочимъ и Леонтій Бронкевичъ. Это посольство выѣхало изъ Кіева 9 февраля, въ Путивлѣ 17 февраля было задержано воеводою Григоріемъ Пушкинымъ, но, благодаря жалованной царской грамотѣ, отпущено, въ сопровожденіи путивльца Θеодора Оладьина [2]) и прибыло въ Москву 5 марта. Здѣсь посланнымъ пришлось прождать около мѣсяца, пока они были приняты у государя. Содержаніе имъ отпускалось изъ государственной казны. Леонтію Бронкевичу отпускалось между прочимъ по десяти денегъ на день [3]), по кружкѣ меду, да по двѣ кружки пива [4]). 9 апрѣля Бронкевичъ, вмѣстѣ съ другими кіевскими посланцами, былъ допущенъ къ особѣ государя и получилъ между прочимъ государева жалованья: камку адамашку, сорокъ соболей и пятнадцать рублей денегъ [5]). Двумя днями раньше, 7 апрѣля, Бронкевичъ подалъ государю челобитную, въ которой онъ объяснялъ, что воздвигнутая великимъ княземъ Владиміромъ во имя своего ангела церковь Трехсвятительская долгое время стояла пустою и разоренною, а теперь кіевскій митрополитъ Петръ Могила отнялъ эту церковь у отступниковъ вѣры православной и отдалъ подѣлывать и строить ее ему вмѣстѣ съ Братскимъ монастыремъ, но что онъ не въ состояніи снабдить этой церкви сосудами, ризами и

---

[1]) Соб. соч. М. А. Максимовича т. II., стр. 59—60.

[2]) Акты Ю. и З. Россія., т. III, № 17.

[3]) Ibid. № 26.

[4]) Ibid. № 25.

[5]) Ibid. № 34.

книгами и потому проситъ государева милостыннаго жалованья..¹). 29 апрѣля на имя князя Алексѣя Михайловича Львова, дьяка Григорія Нечаева и Максима Чиркова послѣдовалъ царскій указъ о томъ, чтобы игумену Бронкевичу выдано было безмездно пять книгъ миней (за апрѣль, май, іюнь іюль и августъ) [2]), но, къ сожалѣнію, въ приказѣ большаго дворца этихъ книгъ не оказалось [3]). Таковы были результаты, какими увѣнчались хлопоты Бронкевича о Трехсвятительской церкви.

Удачнѣе были его ходатайства предъ московскимъ правительствомъ о самомъ Братскомъ монастырѣ.

Изъ челобитной братскихъ иноковъ отъ 29 января 1640 года мы видимъ, что Братскій монастырь не только самостоятельно не могъ отстраивать приписанныя къ нему церкви, какова была Трехсвятительская, но и самъ еще нуждался въ необходимыхъ вещахъ. Наши иноки писали къ Михаилу Ѳедоровичу: „твои щедроты вѣдуще и симъ поощряемы, въ нуждѣ суще и оскудѣвающе въ довольствахъ братіи и украшеніи церковномъ, многихъ ради бѣдъ и напастей, ихъ же въ сіи времена претерпѣвахомъ и терпимъ отъ многихъ навожденій и враждъ, притекаемъ къ твоей всесвѣтлой царской благости, молящеся: ущедри насъ щедротами твоими, ущедри братію довольствіемъ, ущедри церковь украшеніемъ... Сія же нужды твоему величеству предлагаемъ: церковь требуетъ иконнаго украшенія и священныя одежды, книгъ и Евангелія, Минѣй дванадесяти мѣсяцей, Устава о чину церковномъ [4]). Михаилъ Ѳедоровичъ внялъ этой просьбѣ, переданный чрезъ Бронкевича, и переслалъ чрезъ Петра Могилу

---

¹) Ibid. № 40.

²) Ibid. № 43.

³) Ibid. № 48. Нельзя поэтому признать вѣрнымъ мнѣніе Максимовича, который утверждаетъ, что Бронкевичъ получилъ просимыя книги (Собр. соч. т. II стр. 62).

⁴) Ibid. № 20.

нашему монастырю сто рублей соболями, „сорокъ соболей въ шестдесятъ рублевъ, да другіе сорокъ соболей по сороку рублевъ сорокъ" [1])...

Желая увеличить скудныя все еще средства Братскаго монастыря, Петръ Могила хлопоталъ предъ московскимъ государемъ о томъ, чтобы монастырю дозволено было устроить въ Москвѣ подворье вмѣстѣ съ церковью, которое, помимо удовлетворенія религіозныхъ нуждъ народа, служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ школою для ученія дѣтей славянской и греческой грамотѣ. Въ своей челобитной къ Михаилу Θеодоровичу отъ 7 апрѣля 1640 года онъ писалъ: „повели въ царствующемъ своемъ градѣ благодатію и казною своею царскою монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго Кіево-Братскаго монастыря живучи, о твоемъ царскомъ величествѣ и о благовѣрной царицѣ твоей и о Богомъ дарованныхъ царскихъ чадѣхъ величества твоего безпрестанно Бога молили и дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и славянской учили. Дѣло то Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно и во всѣхъ странахъ преславно... Аще возможно величеству твоему..., по волѣ своей государской сотвори, а отецъ митрополитъ Кіевскій твою государскую волю *вскорѣ исполнитъ* и старцевъ со учителми пришлетъ [2])... Судя по той готовности, съ какою митрополитъ намѣренъ былъ осуществить свой проэктъ, можно заключить о тѣхъ выгодахъ, какія могъ извлечь изъ этого нашъ монастырь. Но, къ сожалѣнію, эти предначертанія Петра Могилы не нашли себѣ сочувствія у московскаго государя, и это благое дѣло осталось безъ послѣдствій.

Возобновленіе Трехсвятительской церкви закончено было уже при преемникѣ Бронкевича по игуменству—*Игнатіи Оксеновичѣ Старушичѣ* [3]).

---

[1]) Ibid. № 45.

[2]) Ibid. № 33.

[3]) Собр. соч. Максимовича, т. II, стр. 62.

Этотъ, славившійся въ свое время даромъ проповѣдничества, „богомудрый и многоболѣзненный мужъ“ былъ игуменомъ нашего монастыря въ 1640—1642 гг. [1]). 7 іюня 1640 года ему дана королевская грамота на Трехсвятительскую церковь и на бывшую близъ нея Воздвиженскую [2]) со всѣми принадлежавшими къ нимъ угодьями, „со всѣми дворами, кутничными людьми, строеніями, грунтами, полями, сѣнокосами, пастбищами, озерами, прудами, садками и всякимъ инымъ имуществомъ и доходами [3]).

Послѣднимъ игуменомъ нашего монастыря за время протекторства надъ нимъ Петра Могилы былъ *Іосифъ Кононовичъ Горбацкій*, за свое просвѣщеніе удостоенный особеннаго вниманія Петра Могилы. Онъ вмѣстѣ съ Исаіею Трофимовичемъ и Оксеновичемъ Старушичемъ былъ посланъ отъ лица русской церкви депутатомъ на ясскій соборъ. По отзыву патріарха Нектарія, тамъ всѣ они показали себя „мужами по истинѣ достойными удивленія и всякою мудростію и знаніемъ украшенными“. Игуменомъ нашего монастыря Горбацкій былъ отъ 1642 г. до 1646 г. [4]). При немъ (15 мая 1643 года) монастырь получилъ отъ кіевскихъ мѣщанъ Ѳе-

---

[1]) Въ 1642 году онъ былъ переведенъ игуменомъ въ Выдубецкій монастырь, откуда въ 1650 г. посвященъ въ санъ епископа могилевскаго, но по болѣзни онъ не могъ прибыть въ свою епархію и 30 октабря 1651 г. скончался въ томъ же Выдубецкомъ монастырѣ (Кіевъ съ древ. его учил. ч. I, стр. 158).

[2]) Древняя Крестовоздвиженская церковь стояла на площадкѣ между нынѣшней Андреевской и Десятинной церквами (см. чертежъ стараго Кіева, приложенный къ Кіевлянину за 1840 г.).

[3]) Памятн. т. II, отд. I, стр. 144.

[4]) Въ 1646 г. онъ былъ переведенъ въ михайловскій монастырь, а въ концѣ 1650 г. посвященъ въ епископа бѣлорусскаго, гдѣ въ томъ же году и скончался (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. 1, стр. 158).—На совмѣстное прохожденіе имъ должностей ректора богоявленскаго училища и настоятеля братскаго монастыря есть указаніе въ двухъ тоговременныхъ документахъ: въ дарственной записи Ѳедора Семеновича на хмѣлевской плацъ и въ духовномъ завѣщаніи Семена Татарина. 10 іюля 1643 года духовное завѣщаніе Семена Татарина внесено было въ городскія книги „за потребованемъ и прозбою въ

дора Семеновича и Оксиньи Отрошковны дворовое мѣсто вмѣстѣ съ домомъ, огородомъ и садомъ. Усадьба эта была расположена „объ межу пляцу некгдысь Сенки Радионовича, з которымъ тотъ пляцъ прозываемый *хмелевскій*, набивши отъ пана Путяты на две части поделили продкове (жертвователей), а теперь ихъ милостей отцевъ Братскихъ, а з другое стороны невгдысь Нечыпюра Хмѣленька, а теперь Его милости отца метрополита киевского, з тылу засъ некгдысь пана Өедора Ходыки Креницкого, а теперь вельможнаго его милости пана Адама Киселя Каштеляна Черниговского, грунтомъ лежачый на улицѣ Хмѣлевской“. Безпрепятственное со стороны монастыря пользованіе этою усадьбою жертвователи обезпечили залогомъ шестисотъ золотыхъ польскихъ, т. е. стоимостью этой усадьбы [1]).

Петръ Могила не забылъ покровительствуемаго имъ монастыря и на смертномъ одрѣ. По духовному завѣщанію, составленному 22 декабря 1646 года, Братскій монастырь вмѣстѣ съ Богоявленскимъ училищемъ получилъ отъ своего протектора: 1) пятьдесятъ пять тысячъ злотыхъ, находившихся по закладной записи у Адама Киселя, кастеляна кіевскаго; 2) двадцать тысячъ злотыхъ, обезпеченныхъ на имѣніяхъ Могилы, Мухоѣдахъ и Опачицахъ съ тѣмъ, чтобы эта сумма была выплачена наслѣдникомъ (братомъ Могилы Моисеемъ, носившимъ титулъ господаря молдавскаго), въ случаѣ онъ пожелаетъ вступить во владѣніе означенными имѣніями; 3) шесть тысячъ злотыхъ польскихъ наличными деньгами; 4) дарственную запись на хуторъ Поздняковщину съ обезпеченіемъ отъ наслѣдниковъ завѣщателя суммою четы-

---

Бозе велебного господина отца Іосифа Кононовича Горбацкаго ректора и игумена на тотъ часъ церкви Богоявленія Господня Братское“. (Прилож. №№ VII и VIII).

[1]) Приложенія № VIII.—За неграмотностью жертвователей, ихъ дарственная запись была подписана Михайломъ Валкою, Basil'емъ Komonesky'мъ, Сафономъ Григорьевичемъ и Лукою Григорьевичемъ, старшимъ лавникомъ, Скорынами.

рехъ тысячъ злотыхъ; 5) всѣ пріобрѣтенные Могилою дома съ ихъ правами; 6) половину всего рогатаго скота, овецъ, табуновъ и всего хозяйства, какое только находилось въ устроенномъ самимъ Могилою собственномъ хуторѣ Напологахъ; 7) солениковскій плацъ на подолѣ [1]); 9) четвертую часть всего домашняго серебра; 9) сребровызлащенную митру, сдѣланную на собственныя средства Петра Могилы и украшенную драгоцѣнными камнями, доставшимися ему отъ его родителей; 10) серебренный митрополичій крестъ [2]); 11) золоченый крестикъ, съ частію Животворящаго древа, московской работы, и 12) саккосъ бѣлаго глазета, унизанный жемчугомъ.

Кромѣ того, Петръ Могила въ своемъ завѣщаніи приноситъ „слезныя моленія“ своему преемнику по кіево-печерской архимандріи, чтобы находящіяся за Днѣпромъ имѣнія печерской лавры Вишеньки и Гнѣдинъ не были отбираемы у Братскаго монастыря, по крайней мѣрѣ до истеченія трехъ лѣтъ, чтобы братскіе иноки „въ теченіи того времени могли посмотрѣть, гдѣ имъ устроиться съ хозяйствомъ“ [3]).

Такова была дѣятельность Петра Могилы какъ протектора Братскаго монастыря. Помня ее, благодарный монастырь ежегодно молится, въ день кончины его, за своего благодѣтеля.

Годъ смерти Петра Могилы падаетъ на первое время управленія нашимъ монастыремъ *Иннокентія Гизеля*.

Иннокентій Гизель родился въ Пруссіи, въ реформатскомъ семействѣ, и тамъ же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы онъ пришелъ въ Кіевъ и здѣсь принялъ православіе. Какія обстоятельства привели Гизеля въ Украйну, что побудило его принять православіе, когда

---

[1]) Дворъ этотъ, купленный вмѣстѣ съ сѣножатью и другими двумя дворовыми мѣстами у Өеодоры Солениковой, одною стороною прилегалъ къ братскимъ школамъ, а другою — къ богадѣльнѣ Братскаго монастыря (Памят. т. II стр. 294—295).

[2]) Рисунокъ его см. въ прилож.

[3]) Памятн. т. II, № XII.

произошла перемѣна вѣроисповѣданія,—все это вопросы открытые, на которые древніе акты и лѣтописи не даютъ никакого отвѣта. Могла привести Гизеля въ Малороссію жажда познаній, стремленіе ознакомиться съ православіемъ среди прямыхъ его послѣдователей, стремленіе ознакомиться вообще съ религіозными исповѣданіями въ южной и западной Россіи,—исповѣданіями разнообразными и многочисленными, съ разными сектантскими оттѣнками. Могъ явиться Гизель въ Украйну, какъ простой, мирный поселенецъ. Что нѣмецкія поселенія были въ Малороссіи уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ современный малорусскій языкъ, въ лексическомъ составѣ котораго нѣмецкія слова составляютъ значительный процентъ. Какія бы однако обстоятельства ни привели Гизеля въ Малороссію, для нея человѣкъ этотъ оказался дорогимъ пріобрѣтеніемъ. Онъ слился душею съ пріютившимъ его народомъ, принялъ его вѣру и сталъ служить честно и усердно своему новому отечеству. Въ столь бурную эпоху, какъ XVII вѣкъ въ Малороссіи, въ періодъ военной и религіозной борьбы, можно было выдвинуться или подвигами военными или трудами богословскими. Личныя наклонности и душевныя свойства привели Гизеля на этотъ послѣдній путь, доставившій ему впослѣдствіи столь славную извѣстность. Онъ принялъ монашество и получилъ, вѣроятно, при этомъ имя Иннокентія, вмѣсто имени, полученнаго имъ при крещеніи, которое осталось неизвѣстнымъ; Особеннымъ счастіемъ для Гизеля было то, что онъ пришелъ въ Малороссію въ эпоху наибольшаго религіозно-умственнаго ея возбужденія, когда судьбы южно-русской церкви находились въ рукахъ такого высоко-даровитаго, энергическаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Петръ Могила. Возвратясь изъ-за границы, куда онъ былъ отправленъ на средства Могилы для усовершенствованія въ наукахъ, Иннокентій Гизель началъ свою службу въ качествѣ учителя при кіевской коллегіи, гдѣ съ 1646 г. сталъ ректоромъ и вмѣстѣ

игуменомъ Братскаго монастыря, каковую должность онъ проходилъ до лѣтнихъ мѣсяцевъ 1650 года. Петръ Могила предъ своею кончиною смотрѣлъ на Гизеля, какъ на покровителя оставленнаго имъ Братскаго монастыря, каковыя надежды онъ въ значительной степени и оправдалъ [1]).

Чувствуя, чего лишился Братскій монастырь въ лицѣ Петра Могилы, Иннокентій Гизель хотѣлъ вознаградить эту потерю, поставивши московскаго государя Алексѣя Михайловича въ такія отношенія къ управляемому имъ монастырю, въ какихъ стоялъ къ нему покойный митрополитъ. Къ сожалѣнію, эти планы его не удались, хотя все таки Алексѣй Михайловичъ благосклонно относился къ нашему монастырю и не забывалъ его своими милостями. Въ своемъ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу отъ 8 іюня 1649 г., отправленномъ съ инокомъ Өеодосіемъ, Гизель пишетъ: „Егда Богъ пастыря нашего (Могилу) отъ сего житія престави, оскудѣ благоподатная намъ благодѣтеля нашего десница и мы сиры остахомъ: бѣхомъ же мало нѣчто еще благородныхъ и благочестивыхъ человѣкъ милостынею намъ даемою помогаеми: егда же и тіи въ нынѣшней междуусобной брани иніи избіени, друзіи безъ вѣсти оскудѣша, и мы, яже имѣяхомъ даниая, иждихомъ, ни откуду помощи имуще, ни надѣющеся“. Въ заключеніе письма онъ проситъ царя „посланнаго священноинока Өеодосія съ обильною милостынею отпустити“ и дать позволеніе братскимъ инокамъ пріѣзжать въ Москву и московское государство за сборомъ милостыни [2]). Однороднаго съ этимъ содержанія письмо отправилъ къ Алексѣю Михайловичу, съ вызванными въ Москву учеными иноками Епифаніемъ Славенецкимъ и Арсеніемъ Сатановскимъ и митрополитъ Сильвестръ Коссовъ. Всѣ эти посланные отъ Братскаго монастыря иноки были милостиво приняты въ Москвѣ, имъ

---

[1]) „Иннокентій Гизель“, Н. Ө. Сумцова. Кіев. Стар. 1884 г. Октябрь, стр. 184—185.

[2]) Акты Ю. и З. Россіи, т. III № 259.

между прочимъ, было пожаловано: Славенецкому и Сатановскому по камкѣ и по сорокъ соболей стоимостью въ тридцать рублей, а Θеодосію, кромѣ камки, сорокъ соболей въ двадцать рублей. Кромѣ того, каждому изъ нихъ дано по двадцать пять рублей, а сопровождавшимъ ихъ пяти прислужникамъ по четыре рубля. Представъ предъ особу государя, инокъ Θеодосій не преминулъ описать нищету Братскаго монастыря. Свое слезное моленіе онъ заключаетъ такими словами: „при такой великой нищетѣ монастыря нашего не имамы иныя надежды, развѣ царскаго вашего величества по Бозѣ обильныя милости [1]).

Каковы же были результаты этихъ прошеній? Прежде всего было послано государемъ двѣсти руб. на милостыню монастырю [2]) и вслѣдъ затѣмъ, уже въ августѣ 1650 года, разрѣшено было братскимъ инокамъ пріѣзжать въ московское государство за сборомъ милостыни [3]). Иноки, въ числѣ трехъ или четырехъ, и служки, могли пріѣзжать чрезъ каждые три года. Въ грамотѣ опредѣленъ былъ между прочимъ и безпрепятственный проѣздъ всюду на пути слѣдованія просителей отъ Кіева до Москвы и обратно; назначено давать подводы, а при подводахъ приставовъ, „и съ ними до Москвы посылати дѣтей боярскихъ“. На путевыя издержки положено давать игумену по осьми денегъ, „а попомъ и старцомъ большимъ по пяти денегъ“ на каждаго, остальнымъ по четыре деньги, а слугамъ по три деньги на день. На кормъ лошадей велѣно отпускать зимою въ день по три деньги на лошадь.

---

[1]) Ibid № 267.

[2]) Ibid № 267.

[3]) Испрошенная по этому случаю грамота (Памятн. т. II № XVII) дана была на имя игумена Іосифа Кононовича Горбацкаго, управлявшаго въ то время михайловскимъ монастыремъ. Послѣ Гизеля ему былъ порученъ временно и нашъ монастырь. Кромѣ Горбацкаго и печерскаго архимандрита Тризны, въ то время въ Кіевѣ не было другаго Іосифа. Поэтому упоминаемый въ этой грамотѣ Іосифъ, естественно предпологать, былъ никто иной, какъ Іосифъ Горбацкій, раньше этого управлявшій нашимъ монастыремъ.

„А какъ, сказано, наконецъ, того монастыря игуменъ или старцы пойдутъ къ намъ къ Москвѣ или съ Москвы, и по городамъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникомъ и по мытомъ мытчикомъ и по рекамъ перевозчикомъ и мостовщикомъ и губнымъ старостамъ и цѣловальникомъ и всякимъ пошлинникомъ, съ тѣхъ старцевъ и съ ихъ слугъ и съ рухляди ихъ мыту и перевозу и мостовщины и тамги и иныхъ нѣкоторыхъ пошлинъ неимати, а пропущати ихъ безовсякіе зацѣпки. А кто на нихъ и на ихъ слугахъ что возьметъ или чѣмъ изобидитъ и тѣмъ отъ насъ быти въ опалѣ, а взятое велимъ отдать въ двое. А игумену и старцомъ того монастыря въ наше московское государство и изъ нашего государства иныхъ монастырей старцовъ и слугъ и лошадей и товаровъ чужихъ и заповѣдныхъ съ собою за свое и за своихъ людей не провозити: а въ чемъ ихъ уличатъ и то возмутъ на насъ, а на нихъ за то положити пени смотря по винѣ.“

При своей перепискѣ съ московскимъ государемъ, Гизель не забывалъ и кіевскихъ дѣлъ, касавшихся его монастыря. Не безъ его вліянія, а въ особенности въ силу желанія покойнаго митрополита Петра Могилы, кіево-печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, вмѣстѣ съ соборомъ позволили нашему монастырю отъ 23 апрѣля 1648 г. впредь три года владѣть лаврскими имѣніями: хуторомъ Вишеньки и селомъ Гнѣдинымъ [1]). Въ 1647 году скарбникъ кіевскій Даніилъ Вороничъ отказалъ на Братскій монастырь Солениковскій пляцъ [2]). А польскій король Янъ Казиміръ грамотою 1650 г. подтвердилъ право Братскаго монастыря на маетности Трехсвятительской и Крестовоздвиженской церкви [3]).

Но каковы бы ни были пріобрѣтенія нашего монастыря за это время, все же они не могли вознаградить тѣхъ потерь, какія ему пришлось понести въ это трудное время.—Въ 1648

---

[1]) Памяти. т. II № XIII.

[2]) Прилож. № IX.

[3]) Аскочейскій, Кіевъ съ его древн. учил. ч. 1, стр. 131.

году завязалась жестокая борьба казачества съ Польшей, и кіевское дворянство, принимая въ ней участіе, не могло оказывать Братскому монастырю той помощи, какою оно заявляло себя прежде. Мало этого, недавно пріобрѣтенное монастыремъ на деньги Могилы дорогое мѣстечко Новоселки, съ своими приселками: Богушевкою, Звонками и Любковщизною, было опустошено поляками. Денежныхъ вспомоществованій Петра Могилы и шляхетства не могли замѣнить незначительныя подаянія, собираемыя въ московскомъ государствѣ чрезъ три года и съ большими непріятностями [1]).

Въ послѣдніе годы своего управленія Братскимъ монастыремъ Гизель утѣшенъ былъ посѣщеніемъ (1649 г.) іерусалимскаго патріарха Паисія, который во время кратковременнаго пребыванія въ Кіевѣ воспользовался гостеріимствомъ нашего монастыря. Прощаясь съ пріютившимъ его монастыремъ, патріархъ Паисій утвердилъ и „вѣчне запечатлѣлъ своимъ патріаршимъ благословеніемъ благочестивыхъ иноковъ святыя обители Богоявленія крестоносного братства“ [2]).

Иннокентія Гизеля смѣнилъ на игуменствѣ въ нашемъ монастырѣ знаменитый борецъ за православіе противъ католиковъ и уніатовъ *„Лазарь Барановичъ,“* управлявшій Братскимъ монастыремъ отъ 1650 года до 1657 года.

Въ его управленіе Братскій монастырь обогатился значительными пожертвованіями отъ разныхъ лицъ, но въ тоже

[1]) Макарій, истор. Кіев. Акад., стр. 43—44; Закревскій, Опис. Кіева, т. II, стр. 155.

[2]) Памятн., т. II, № XIV.—Дальнѣйшая судьба Гизеля такова: Въ 1650 г. уволившись отъ училищной службы и должности настоятеля нашего монастыря, и при всемъ томъ, оставаясь членомъ братства, Гизель перешелъ въ кирилловскій монастырь, а чрезъ два года въ николаевскій игуменомъ. Въ 1656 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита кіево-печерской лавры и въ теченіи двадцати семилѣтняго управленія своею этою обителью, заслуживъ отъ современниковъ высокое названіе „столпа и подпоры въ церкви Божіей“, окончилъ многотрудную, подвижнически ученую жизнь свою 18 ноября 1683 г. и погребенъ въ великой лаврской церкви въ усыпальницѣ подъ лѣвымъ клиросомъ (Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил. ч. 1, стр. 159.)

время велики были и тѣ бѣдствія, какія ему пришлось испытать въ это время.

Одержавъ надъ поляками нѣсколько побѣдъ и заключивъ съ ними подъ Зборовымъ выгодный для себя договоръ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, обрадованный своими успѣхами, 11 января 1651 года отдалъ нашему монастырю „во власть и спокойное завѣдываніе доминиканскія имѣнія, а въ особенности село, называемое Мостищами, надъ рѣчкою Ирпенемъ и надъ рѣчкою Которемъ, со всѣми относящимися къ нему грунтами, полями, сѣнокосами, боромъ, лѣсами и всѣми мельницами и угодьями“ [1]). Присягнувъ на подданство московскому государю и чувствуя за собою силу, Хмельницкій въ 1656 г. 9 января надѣлилъ Братскій монастырь новыми имѣніями. Въ грамотѣ отъ этого числа онъ пишетъ: „ижъ видячи мы монастырь Братскій Кіевскій при недостатку и потребуючій отъ насъ поратунку, въ которомъ щоденнѣ за насъ и за все войско запорожское отдается хвала Божія, пустили есьмо на выживенье и поратунокъ церкви Божой и братіи монастыря вышъ-менованнаго Братского Кіевского село Ксаверовъ, що ксендзъ Елецъ держалъ, и на Полѣсью маетность Мухоѣды, также и села подъ Фастовымъ езуитскіе, которые передъ тымъ езуиты держали, то есть, Плисецкое, Черногородку, Сарновичи, Обиходы и Базаръ, со всѣми пожитками, ставами, млинами, сѣножатьми и иншими всякими доходами и принадлежностями.“ При этомъ гетманъ внушаетъ жителямъ (кромѣ казаковъ) указанныхъ мѣстъ во всемъ слушаться повѣренныхъ Братскаго монастыря и нести соотвѣтствующія повинности, угрожая за непослушаніе наказаніемъ и поручая слѣдить за ними кіевскому полковнику [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ своими универсалами отъ 9 января 1656 года и 18 іюня 1655 г. онъ дозволилъ монастырю сытить медъ въ извѣстные праздники и продавать его безпошлинно [3]).

---

[1]) Памят. т. II, № XVIII.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. V № 45.

[3]) Приложенія №№ X и XI.

Одновременно съ этимъ шли денежныя пожертвованія на поддержаніе утѣсняемаго со всѣхъ сторонъ Братскаго монастыря. Въ одно и тоже время, по ходатайству митрополита Сильвестра Коссова, четыре епископа въ 1650 г. изъявили желаніе вносить ежегодно извѣстную сумму, въ чемъ и дали, каждый отъ себя, добровольныя записи. Такимъ образомъ Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій и и самборскій, обязался жертвовать ежегодно сто злотыхъ, обѣщая впредь увеличить свое приношеніе, какъ скоро вступитъ въ дѣйствительное и спокойное завѣдываніе своею епархіею [1]). Такія же записи дали: Іосифъ Горбацкій, епископъ витебскій, оршанскій, мстиславскій и могилевскій, обязавшійся ежегодно взносить пятьсотъ злотыхъ [2]), Іосифъ Чаплнчъ—Шпановскій, епископъ луцкій и острожскій, подписывавшійся настолько же, [3]) и Діонисій Балабанъ, епископъ холмскій и бѣлзскій, обязавшійся взносить двѣсти злотыхъ [4]).

Въ этомъ же году Братскій монастырь взялъ у Петронеллы Вороничевны Голубовой за долгъ два дворовыя мѣста, извѣстныя подъ названіемъ вороничевскихъ, одно за шестьсотъ, а другое за полтораста золотыхъ польскихъ. [5]).

Въ одномъ документѣ отъ 1650 года мы встрѣчаемся съ очень любопытнымъ для насъ извѣстіемъ. 15 августа этого года Братскій монастырь сдалъ въ аренду за тысячу пятьсотъ злотыхъ польскихъ сотнику Ивану Мидкевичу „водное мѣсто отъ байдаковъ и вшелякаго судна“, перевозъ на рѣкѣ Днѣпрѣ и предоставилъ ему право мельничнаго и виннаго сборовъ въ мѣстечкѣ Вышгородѣ и селахъ Петровцы и Мощаны [6]). Какъ пріобрѣтены были эти права самимъ монастыремъ,—это вопросъ открытый.

---

[1] Памят. т. II № XV.

[2]) Ibid № XVI

[3]) Прилож. № XII.

[4]) Ibid № XIII.

[5]) Памятн. т. II, стр. 295.

[6]) Въ одной изъ книгъ разряднаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ Министерсва Юстиціи, въ книгѣ № 10 кіевскаго стола или „новитьа“,

Но какъ ни были велики пріобрѣтенія монастыря за это время, все же велики были и тѣ потери, которыя пришлось ему понести въ то тяжелое время, время борьбы Малороссіи съ Польшей.—Подъ Берестечкомъ казаки потерпѣли страшное пораженіе, и Кіевъ увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ кровожадныя полчища враговъ. Пожары, буйства и разореніе ознаменовали пребываніе въ Кіевѣ князя Радзивила. Насколько коснулось разореніе Братскаго монастыря—трудно опредѣлить. Угодья и вотчины его достались въ руки непріятеля, но по шестому пункту бѣлоцерковскаго тракта, заключеннаго 28 сентября 1651 г., были ему возвращены [1]). Монастырь отягощенъ былъ непомѣрными налогами, вызываемыми нуждами войны, а дворовыя мѣста, которыя были отдаваемы на аренду (для поселенія) мѣщанамъ и другимъ частнымъ лицамъ, некому было нанимать. Къ довершенію всего, лавра отобрала, по условію, свои вотчины—Вишеньки. и Гнѣдинъ [2]).

Какъ только Богданъ Хмельницкій присягнулъ на подданство московскому государю, и Москва, принявъ подъ свое покровительство Малороссію, открыла рядъ военныхъ дѣйствій противъ Польши, уже ясно было, куда склонится побѣда въ этой борьбѣ. Лазарь Барановичъ прекрасно это понималъ и потому онъ еще заранѣе хлопочетъ предъ московскимъ правительствомъ о потвержденіи правъ ввѣреннаго ему монастыря и о пріобрѣтеніи еще новыхъ.

Для этой цѣли онъ посылаетъ лѣтомъ 1654 года въ Москву своего намѣстника по монастырю Өеодосія Сафоно-

7195 (1687 г.,) Н. Оглоблинымъ между прочимъ найдено нѣсколько актовъ кіево-братскаго монастыря. Это девять актовъ (л. 90—106), которые были поданы въ кіевскую приказную избу іеромонахомъ Өеодосіемъ Гугуревичемъ, игуменомъ нашего монастыря и вмѣстѣ ректоромъ могилянской коллегіи. Изъ нихъ четыре акта были отпечатаны во II томѣ Памятниковъ, а остальные и между прочимъ указанный нами, доселѣ не появлялись еще въ печати (Н. Оглоблинъ „Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи“. Кіев. Стар. 1886 г. № 3).

[1]) Памят. т. II. отд. II, № XIV.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил. ч. I стр. 174.

вича [1]) Не мѣшаетъ между прочимъ замѣтить, что это былъ первый намѣстникъ, съ какимъ мы встрѣчаемся въ исторіи нашего монастыря. Вѣроятно, многосложность ректорскихъ обязанностей, осложняемыхъ еще дѣятельностію по монастырю, побудила Барановича къ учрежденію этой должности въ нашемъ монастырѣ.

Запасшись отъ Богдана Хмельницкаго и войсковаго писаря Ивана Выговскаго, лично извѣстныхъ Алексѣю Михайловичу, рекомендательными письмами, Өеодосій Сафоновичъ отправляется въ Москву. Желая расположить въ свою пользу московскаго государя, заинтересованнаго въ малорусскомъ вопросѣ, онъ въ началѣ своей просительной грамоты (отъ 3 іюля) говоритъ Алексѣю Михайловичу о такихъ вещахъ, которыя не могли не быть пріятны ему, говоритъ о преданности малорусскаго народа московскому государю и высказываетъ свою радость по поводу этого. „Азъ старецъ Өеодосій, пишетъ онъ, твой государевъ богомолецъ, егда еще во царствующемъ градѣ Москвѣ сый сея зимы услышахъ, яко наша Малая Россія царскаго вашего величества, яко природному своему царю православному, православная главу свою, яко рабыни государю преклоняетъ, и видѣхъ своими очима тамо, яко царскаго вашего величества обычною милостію своею подъ крылѣ царскія своея печати, орла глаголю, нашу Малую Россію въ защищеніе свое пріемлеши и крѣпкую десницу своею упадающей отъ гоненія подаеши,—зѣло радовахся и благодарихъ Бога.“ Послѣ такого предисловія Өеодосій обращается уже къ самому дѣлу, проситъ, чтобы царь утвердилъ своею грамотою права Братскаго монастыря на всѣ пріобрѣтенныя имъ земли. Такъ какъ не было возможности предъявить государю всѣхъ документовъ монастыря на эти имѣнія, „далече бо велми отвезохомъ (ихъ) отъ Кіева

---

[1]) Въ 1656 г. онъ былъ возведенъ въ санъ игумена михайловскаго монастыря. (Акты Зап. Росс. т. V № 41).

и скрыхомъ страхъ ради недавно бывшихъ отъ иновѣрныхъ мятежевъ“, какъ пишутъ братскіе иноки, то поэтому Сафоновичъ проситъ царя уполномочить отъ себя гетмана или же кого-нибудь изъ воеводъ—въ Кіевѣ, на мѣстѣ, провѣрить эти документы.

Но этимъ не ораничивается просьба Сафоновича,—онъ хлопочетъ еще о предоставленіи Братскому монастырю новыхъ правъ. Дѣло въ томъ, что Адамъ Кисель, воевода кіевскій, задолжавшій монастырю шестьдесятъ тысячъ злотыхъ, по смерти своей, оставилъ ему за долгъ село Новоселки, не стоившее и половины указанной суммы, теперь же, вслѣдствіе войны настолько опустошенное, что численность крестьянъ на немъ не простиралась и до двадцати. Братскій монастырь могъ считать себя удовлетвореннымъ только въ томъ случаѣ, если бы ему вмѣстѣ съ Новоселками отданъ былъ принадлежавшій Киселю городъ Мену. Кромѣ того, братскіе иноки хотѣли, за неуплоченный шляхтичемъ Вороничемъ долгъ въ тысячу рублей, взятъ принадлежащую ему въ Ржищевѣ землю. Не безъинтересно для монастыря было получить соотвѣтствующее вознагражденіе и за отошедшую къ городу Трехсвятительскую церковь.

Вотъ объ удовлетвореніи этихъ желаній братскихъ иноковъ, о выдачѣ имъ царской грамоты съ предоставленіемъ соотвѣтствующихъ правъ, и хлопоталъ Сафоновичъ [1]). Чѣмъ увѣнчались его хлопоты, объ этомъ, за отсутствіемъ какихъ либо данныхъ, судить трудно. Какъ бы то ни было, онѣ характеризуютъ Сафоновича, какъ умѣлаго исполнителя предначертаній своего настоятеля, а Лазаря Барановича, какъ дальновиднаго игумена.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ и внутреннемъ убранствѣ нѣкоторыхъ монастырскихъ зданій, какъ они представляются намъ по документамъ, дошедшимъ отъ времени Барановича [2]).

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи т. X (дополненіе къ III) № 16, VII, XI.

[2]) Мы разумѣемъ здѣсь описаніе архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ путешествія антіохійскаго патріарха Макарія (The travels of Macarius patriarch

Предъ монастырскими воротами были помѣщены деревянные столбы, украшенные рѣзьбою и занимательными выемками. Верхъ этихъ столбовъ былъ приспособленъ для помѣщенія на немъ колокола.

За воротами внутри монастырской ограды двѣ церкви: это—„прекрасная“ Благовѣщенская церковь съ куполами, украшенными застекленными окнами [1]), и главная церковь, въ сооруженіи которой принималъ участіе гетманъ Сагайдачный. Она была окружена тремя галлереями, имѣла трое дверей и очень высокій и красивый куполъ. Она была весьма пространна и высока и имѣла ambelon, съ ступеньками для входа на него. На правомъ клиросѣ ея устроено было сѣдалище „для главы духовенства“ съ надписью позади.

Особенно интересно было устройство трапезной палаты (place of the banquet.), построенной изъ камня и извести въ видѣ одной арки, съ боковыми *мраморными* столбами [2]) и высокою дверью на фронтонѣ. Своды ея поддерживались двумя столбами, освѣщена она была значительнымъ количествомъ оконъ и украшена въ видѣ стѣнной живописи различными изображеніями. Задняя часть ея отдѣлялась отъ передней перегородкою, сплошь покрытою изображеніями. Одно изъ нихъ представляло фигуру постящагося на скалѣ Іисуса Христа. Предъ нимъ стоитъ съ тремя камнями въ рукахъ искушающій Его сатана. Сюжетомъ втораго изображенія служатъ слова Христа къ искусителю: „слѣдуй за мною, сатана“. На третьемъ Христосъ представляется схо-

---

of Antioch written by his attendant Archideacon Paul of Aleppo in Arabic. Translated by F. C. Belfour, Zondon. 1829—1836. 2 Voll), выдержки изъ котораго помѣщены въ Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей, изданнымъ временною к‹о›ммисіей. Кіевъ 1874 г. Отдѣлъ II. стр. 88—90.

[1]) О существованіи Благовѣщеской церкви говорятъ многіе того временные документы, но, къ сожалѣнію, нельзя воспроизвести исторіи этого храма.

[2]) Одинъ изъ этихъ столбовъ, съ помѣченною на немъ датою XVII вѣка сохранился до настоящаго времени и находится въ академическомъ музеѣ.

дящимъ съ вьючнаго животнаго и льющимъ на раны попавшагося въ руки разбойниковъ человѣка масло и вино. Наконецъ, содержаніе четвертой картины таково: на верхушкѣ холма, между деревьями, расположено стадо овецъ, а въ отдаленіи отъ него стоитъ Христосъ въ видѣ пастыря, несущаго на раменахъ своихъ ягненка. На аркѣ, расположенной за перегородкою, размѣщены восемь изображеній страданій Христа въ слѣдующемъ порядкѣ. Внизу арки представлена фигура Христа и двухъ солдатъ, одинъ изъ которыхъ бьетъ Христа тростью по головѣ, а другой подноситъ ему зеленую вѣтку тростника, покрытую листьями и цвѣтами. Выше помѣщена картина, на которой Христосъ представленъ связаннымъ, Его ведутъ два солдата, на головѣ одного изъ нихъ красуется большая бѣлая шаль. Еще выше помѣщено изображеніе бичуемаго у столба Христа: два человѣка бичуютъ Его ферулою (такъ и по англійски), которая утыка желѣзомъ и связкой терновника. Въ самомъ верху арки Христосъ изображенъ нагимъ и израненнымъ, опустившимся вслѣдствіе изнеможенія на скамью. Съ Его чреслъ спускается виноградная вѣтвь; глава Его увита вѣтвями; между Его рукъ гроздъ виноградинъ, которыя Онъ выжимаетъ въ чашу. Пятая картина [1]) изображаетъ Пилата, на головѣ котораго, какъ у муллы, навитъ большой тюрбанъ; онъ сидитъ на судилищѣ, а Христосъ стоитъ предъ нимъ, окруженный солдатами. Шестое изображеніе помѣщено на фронтонѣ арки: Христосъ, подъ давленіемъ креста, падаетъ въ обморокъ на землю, тогда возлагаютъ крестъ на Симона Киринеянина; вокругъ Христа солдаты; Марія—не матерь Господа—утираетъ платомъ потъ съ лица Христа. Повыше на самой выдающейся части арки помѣщено распятіе, Богоматерь готова упасть, но ее поддерживаетъ Соломія и другая Марія. Въ самомъ низу этой стороны арки, влѣво, расположено послѣднее изображеніе изъ исторіи страданій Христа: Его предъ распятіемъ привя-

[1]) О мѣстѣ, гдѣ она находилась, описаніе не даетъ никакихъ указаній.

зываютъ ко кресту, Пилатъ съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ, умываетъ руки. Правую сторону этой картины занимаетъ изображеніе Христа, несущаго крестъ на вершину, а на лѣвой помѣщенъ судъ надъ Христомъ на дворѣ Пилата [1]).

Какъ ни интересно и какъ ни важно для насъ представить во всѣхъ подробностяхъ внѣшній видъ и внутреннее устройство Братскаго монастыря, какъ онъ существовалъ въ то время, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ сдѣлать этого за отсутствіемъ документовъ подобнаго рода: мы принуждены довольствоваться тѣми ничтожными отрывками, какія даетъ въ наше распоряженіе описаніе Павла Алепскаго.

Преемникомъ Лазаря Барановича [2]) по игуменству въ нашемъ монастырѣ былъ ученикъ и послѣдователь его, *Іоанникій Голятовскій.*

О мѣстѣ и времени рожденія Голятовскаго, о его родителяхъ и первоначальномъ воспитаніи ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ учился въ кіево-могилянской коллегіи. По окончаніи курса онъ поступилъ учителемъ въ низшія школы и, переходя постепенно изъ класса въ классъ, достигъ каѳедры реторики. Отсюда онъ былъ назначенъ въ настоятели купятицкаго волынскаго монастыря, скоро потомъ занятаго уніатами. Потомъ, по приглашенію благородныхъ ревнителей просвѣщенія, особенно кіевскаго полковника Василія Ѳедоровича Дворецкаго, онъ занялъ должность игумена Братскаго монастыря, каковую и проходилъ отъ 1658 до 1662 г.

На тяжелую годину падаетъ управленіе Голятовскаго нашимъ монастыремъ, не пришлось ему радоваться преуспѣ-

---

[1]) Подобную картину, съ незначительными впрочемъ варіантами, изображающую страданія Христа, въ разные его моменты, можно видѣть въ нашемъ музеѣ. Она помѣщена подъ № 2667.

[2]) Въ томъ году онъ получилъ въ управленіе черниговскую епископію. Въ 1668 г. онъ былъ пожалованъ отъ бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ архіепископомъ съ правомъ совершать богослуженіе въ саккосѣ, а въ 1694 году, уволившись отъ всѣхъ должностей, скончался на покоѣ въ Черниговѣ, гдѣ и погребенъ. (Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. уч. ч. I. стр. 179).

яніемъ монастыря, ему было суждено быть свидѣтелемъ его разоренія, на долю его выпали однѣ лишь трудныя заботы о его возобновленіи.

Въ это время (1658—1660 гг.) шла упорная и кровопролитная борьба московскаго государя съ заднѣпровскими козаками Выговскаго, подкрѣпляемаго поляками. Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и Братскій монастырь со всѣми принадлежавшими къ нему строеніями если не былъ истребленъ совершенно пожаромъ, то во всякомъ случаѣ значительно былъ поврежденъ. Всѣ документы, подтверждавшіе его права на разныя угодья и помѣстья, были уничтожены огнемъ. Пользуясь этимъ, молдавскій господарь Моисей Могила отнялъ Мухоѣды, пожертвованные его братомъ, и продалъ это село Сапѣгѣ, а гетманъ Выговскій захватилъ принадлежавшее монастырю мѣсто, извѣстное подъ названіемъ Рыльскаго [1]). Можно предполагать, съ значительною долею вѣроятности, что, опираясь на силу и сочувствіе такихъ могущественныхъ лицъ, каковы были Сапѣга и Выговскій, любители чужой собственности не преминули воспользоваться благопріятными обстоятельствами и обогатиться на счетъ беззащитнаго монастыря.

Чтó было дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, когда въ самомъ Кіевѣ нечего было и думать отстаивать права своей собственности? Взоры Голятовскаго обращаются къ Москвѣ, въ надеждѣ, что оттуда можно получить помощь. Онъ, какъ ученикъ Лазаря Барановича, слѣдовалъ его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ московскому правительству. Онъ хорошо сознавалъ, что Малороссіи не отстоять своей самостоятельности, и потому не пытался плыть противъ общаго теченія, уносившаго Украйну подъ попечительство и надзоръ могущественной Москвы. Онъ счелъ за лучшее стать въ отношеніи къ московскому государю въ положеніе смиреннаго просителя. Онъ просилъ, и просьбы его были удовлетворяемы.—

[1]) Памятн. т. II, № XX.

31 декабря 1659 года на его имя послѣдовала грамота Алексѣя Михайловича, которою повелѣвалось возвратить во владѣніе монастыря „на строеніе церквей и школъ“ мѣстечко Саворово и Мухоѣды, „буде, какъ сказано въ грамотѣ, у нихъ на тѣ маетности есть привилия гетмана Богдана Хмельницкаго и впредь буде спору и челобитья отъ казаковъ не будетъ и въ роздачу не отдано“. Кромѣ того, этою же грамотою возвращались монастырю прежнія его имѣнія: Плисецкое, Черногородка, пустопорожнее мѣсто Рыльское и доминиканскій костелъ. Послѣдній важенъ былъ для нашего монастыря въ томъ отношеніи, что его камнемъ онъ могъ обновить собственныя постройки [1]). Чрезъ три года (6 марта 1662 г.) права эти подтверждены были за монастыремъ универсаломъ гетмана Юрія Хмельницкаго [2]).

Побуждаемый примѣромъ московскаго государя и въ то же время сочувствуя несчастію Братскаго монастыря, кіевскій полковникъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій рѣшилъ придти на помощь къ нему. Своимъ универсаломъ отъ того же 1659 года онъ объявилъ „всѣмъ вообщъ и кождому зъ особна“, а имено: сотникамъ, атаманамъ, есауламъ и всѣмъ козакамъ полка кіевскаго, а также кіевскимъ мѣщанамъ и поселянамъ, близъ Кіева находящимся что доминиканскій костелъ съ грунтомъ, находящимся въ Кіевѣ и за Кіевомъ, со всѣми принадлежностями онаго, какъ-то: заложеннымъ тамошними ксендзами и потомъ опустѣвшимъ селомъ Мостищами, со всѣмъ его грунтомъ, боромъ и рѣчкою Которемъ, со всѣми находящимися на томъ грунтѣ и рѣкѣ уцѣлѣвшими и погорѣвшими мельницами и со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, составляли собственность монастыря, на что онъ имѣлъ и войсковые листы, данные Богданомъ Хмельницкимъ. А такъ какъ, продолжаетъ въ своемъ универсалѣ Дворецкій, документы эти вмѣстѣ съ монасты-

---

[1]) Ibid.

[2]) Макарій. Истор. Кіер. Акад., стр. 46.

ремъ сгорѣли, то онъ завѣряетъ всѣхъ и каждаго въ закон ной и несомнѣнной принадлежности тѣхъ имѣній Братскому монастырю [1]). Чрезъ годъ послѣ этого полковникъ Дворецкій пожертвовалъ для возобновленія монастыря три дворовыхъ мѣста на Подолѣ: пекулитское, аксаковское и креницкое; а 28 іюня 1666 года далъ грамоту на бирковскій боръ при которскихъ дорогахъ и на урочищѣ Стрѣльники [2]).

На пріобрѣтенныя такимъ путемъ средства Іоанникій Голятовскій началъ возобновлять поврежденныя пожаромъ монастырскія постройки. Насколько онъ успѣлъ въ этомъ— судить трудно [3]).

Какъ бы благословляя труды и заботы его, сама Царица Небесная въ своемъ изображеніи приплыла изъ Вышгорода къ высокому берегу правой стороны Днѣпра и оста-

[1]) Памят., т. II, № XIX. Этотъ универсалъ важенъ для насъ еще въ томъ отношеніи, что онъ опредѣляетъ размѣры упоминаемаго въ немъ имѣнія нашего монастыря. Въ немъ мы читаемъ: „этотъ грунтъ, принадлежащій отцамъ братскимъ, въ длину начинается отъ той же рѣчки Ирпеня и оканчивается при озерѣ, находящемся за селомъ Преоркою и за полями его, въ полумилѣ, въ бору, возлѣ дороги Гостомской, идущей на Мостище; а въ ширину простирается отъ рѣчки Сирца прямо чрезъ боръ отъ грунта кіевской городской церкви Василія, Сагайдачнымъ основанной, и оканчиваетя при рѣчкѣ Водицѣ, текущей отъ Вышгородскаго воеводскаго грунта, Мощана".

[2]) Описан. Кіев. Соф. собора, стр. 211—212.

[3]) Професоръ Н. Ѳ. Сумцовъ (Кіев. Стар. 1884 г. февраль. „Іоанникій Голятовскій", стр. 19—20) утверждаетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, говоря: „Воспользовавшись пособіемъ со стороны Московскаго правительства и со стороны Кіевскихъ обывателей, ревнителей благочестія, Голятовскій *построилъ новыя монастырскія и академическія зданія*.... При немъ въ 1662 году внесена была *въ новую* академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ Братской". Невѣроятно, чтобы Голятовскій на скудныя средства, какими онъ располагалъ, и при томъ въ короткій срокъ, такъ отстроилъ монастырь, какъ представляетъ это почтенный профессоръ. Если на реставрацію нашего монастыря послѣ пожара 1811 г. потребовалось цѣлыхъ 15 лѣтъ въ то время, когда это дѣло взяло на себя правительство: то неужели же можно утверждать, что Голятовскій на собственныя средства монастыря, при незначительной помощи совнѣ, совершилъ подобное же дѣло въ нѣсколько лѣтъ? Съ вѣроятностію можно предполагать, что монастырь сильно пострадалъ при Голятовскомъ отъ огня, и потому при немъ всѣ монастырскія зданія были по мѣрѣ возможности *поновляемы*.

новилась противъ того мѣста, гдѣ былъ устроенъ странноприимный домъ нашего монастыря. Въ ноябрѣ 1662 года татары вмѣстѣ съ поляками, преданными слабохарактерному гетману Юрію Хмельницкому, во время военныхъ смутъ, переправлялись черезъ Днѣпръ въ Вышгородѣ. Они въ своемъ неистовствѣ разорили Вышгородъ, церковь опустошили, и на устройство переправы употребляли иконы вмѣстѣ съ деревомъ и досками. Во время переправы, вдругъ поднялся страшный шумъ, надъ врагами показался огненный столбъ съ небесъ, и они начали тонуть съ иконами, на коихъ переѣзжали. Икона же Божіей Матери не потонула и перенесла сидѣвшаго на ней татарина на другую сторону Днѣпра, но съ нимъ поплыла до береговъ Кіево-Подола, гдѣ подоляне, увидѣвъ плывущаго татарина, сняли его съ иконы, а икону, которую они приняли за малый плотъ, пустили. Тогда икона поплыла далѣе и остановилась противъ Братскаго монастыря. Съ радостію принялъ Братскій монастырь этотъ небесный залогъ вышняго благословенія и внесъ чудотворную икону Владычицы сначала въ обновленную церковь Бориса и Глѣба (т. е. конгрегаціонную), а потомъ въ великую церковь, гдѣ она пребываетъ и донынѣ, чтимая благоговѣйно поклонниками святыни Кіева и извѣстна подъ именемъ Братской [1]).

---

[1]) Сказаніе объ этой иконѣ въ Братскомъ монастырѣ. (Описаніе Кіев. Закрев., ч. I, стр. 160 и 261). Описаніе ея см. въ послѣдней главѣ нашего сочиненія, а рисунокъ въ приложеніи.—Закревскій колеблется, къ какому году отнести описанное выше чудо съ иконою Вышгородской Богоматери, къ 1651 или къ 1662 году. Къ тому и другому году можно пріурочить этотъ чудесный случай, такъ какъ Вышгородъ подвергался разграбленію въ оба эти года. Но къ послѣднему году относитъ это событіе жившій близко къ нему и потому знавшій объ этомъ достовѣрно Илларіонъ Мигура, а потому на его свидѣтельство можно положиться. Сдѣлавъ въ 1706 году снимокъ съ чудотворной иконы, онъ помѣстилъ на немъ слѣдующую весьма замѣчательную подпись: „Истинное изображеніе чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы братской кіевской, иже прежде въ Вышгородѣ въ церкѣ страстотерпецъ князей Россійскихъ Романа и Давида бѣ намѣстнымъ. Въ лѣто же 1662, егда татаре чрезъ Вышгородъ за Днѣпръ на плѣненіе христіанъ ити хотѣша: сотворше же плити (плоты), яшася

Голятовскаго [1]) смѣнилъ въ нашемъ монастырѣ *Мелетій Дзикъ.* Онъ управлялъ нашимъ монастыремъ всего лишь три года отъ 1662 до 1665 года.

Внѣшнія тревожныя обстоятельства, „яко пещи, по выраженію св. Димитрія Ростовскаго, бѣдами и скорбми разделенныя", препятствовали Мелетію въ дѣлѣ обновленія нашего монастыря. Къ довершенію несчастія, въ 1665 году открылись военныя дѣйствія подъ самымъ Кіевомъ, и монастырь подвергся совершенному разрушенію [2]).

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ кіевская консисторія, за отсутствіемъ митрополита, представила тогдашнему блюстителю митрополичьяго престола Меѳодію Филимоновичу іеромонаха *Варлаама Ясинскаго* въ настоятели нашего монастыря, лежавшаго въ развалинахъ и не имѣвшаго въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ своего игумена. Мѣстоблюститель одобрилъ этотъ выборъ, и новый игуменъ съ 13 ноября 1669 г. приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей.

Варлаамъ Ясинскій энергически взялся за возобновленіе монастыря. Получивъ въ управленіе разныя монастырскія имѣнія, онъ началъ распоряжаться какъ умный и опытный домохозяинъ: завелъ воловъ и лошадей для обрабаты-

---

плаванію, и сію убо икону единъ вземъ татаринъ, плы на ней. Божіимъ же изволеніемъ буря возставши всѣхъ истопи Агарянъ, сему токмо живу сущу, его же та божественная икона, волнамъ шумящимъ, невредимо принесе и ста противо монастыря Братскаго чудовнѣ. Стояше же доселѣ, донелѣже иноци братстія, пришедше, честне взяша ю отъ воды и поставиша такожде во церквѣ святыхъ страстотерпецъ кн. Россійскихъ. Сицевое чудо видя Татаринъ вѣрова и крестися. Чудотворная же икона доднесь не перестаетъ въ обители Братской чудодѣйствовати". (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил., ч. I, стр. 366).

[1]) Изъ Братскаго монастыря онъ былъ посланъ въ Литву для борьби съ лжеученіями враговъ православія. Возвратившись на родину, онъ въ 1678 г. получилъ санъ архимандрита сначала новгородъ-сѣверскаго, а потомъ черниговскаго елецкаго Успенскаго монастыря, гдѣ и скончался 2 января 1688 года. (Словарь историч., ч. I, стр. 228).

[2]) Аскоченскій, Кіевъ съ его др. уч. ч. I, стр. 201.—Послѣ 1667 г. Мелетія перевели игуменомъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ онъ 7 февраля 1682 г. и скончался.

ванія колей, упорядочилъ взимаемые доходы съ оброчныхъ статей и т. п. [1]) Обратился за помощью къ кіевскому митрополиту Іосифу Нелюбовичу-Тукальскому, который самъ, по собственному признанію, будучи очень бѣденъ, оказалъ посильный даръ обнищавшему монастырю, какъ „двѣ лепты вдовицы". Незадолго предъ этимъ, 7 февраля 1669 г., гетманъ Дорошенко уступилъ ему на столовое содержаніе опустошенное [2]) мѣстечко Стойки, съ правомъ селиться тамъ всякому и со взиманьемъ извѣстной пошлины за стаецкій перевозъ на Днѣпрѣ [3]). Вотъ это мѣстечко, со всѣми своими правами на него, митрополитъ и отдалъ Братскому монастырю. Завѣдываніе этою вотчиною, съ перевозомъ и всѣмъ хозяйствомъ на ней, поручено было иноку Севастіану, который и поселился тамъ. Раньше опустошенное, мѣстечко это не могло служить особеннымъ подспорьемъ монастырю, тѣмъ болѣе, что принадлежавшіе къ нему луга были уже сданы на откупъ. Оставалось довольствоваться озерами. Впрочемъ, митрополитъ изъявлялъ готовность похлопотать предъ свѣтскою властью о томъ, чтобы эти луга были возвращены монастырю [4]). Успѣшны ли были эти ходатайства—не извѣстно.

Пользуясь благопріятными обстоятельствами, когда Польша находилась въ затруднительномъ положеніи, и вновь избранный король ея Михаилъ Корыбутъ-Вишневецкій готовъ былъ на всѣ уступки, Варлаамъ Ясинскій отправилъ въ Варшаву іеромонаха кіево-печерской лавры Игнатія Саковича съ челобитьемъ къ новоизбранному королю. Король милостиво принялъ просителя и 25 апрѣля 1670 г. выдалъ грамоту, въ которой онъ, во вниманіе къ заслугамъ, постоянству и благочестію Варлаама Ясинскаго, утвердилъ за мо-

[1]) См. грамоту его (Памяти. II, № XXV).

[2]) Полковникомъ Пиво и ратными людьми воеводы Петра Шереметьева (Акты Ю. и З. Россіи т. VII № 39).

[3]) Памяти. т. II, № XXI.

[4]) Ibid. № XXII.

пасзыремъ всѣ его имѣнія. Независимо отъ прежнихъ королевскихъ привиллегій, этою грамотою особо были признаны законными всѣ права, фундацій, учрежденія, льготы на мѣстечко Новоселки съ принадлежащими къ нимъ деревнями: Богушевкою, Звонками, Зобковщизною и сельцемъ Поздняковками и въ Кіевѣ на имѣнія при церквахъ Трехсвятительской и Крестовоздвиженской со всѣми относящимися къ нимъ принадлежностями [1].

Энергическая дѣятельность Варлаама Ясинскаго, при его умѣньи пользоваться обстоятельствами, много обѣщала для монастыря, но не прошло и восьми мѣсяцевъ, по полученіи послѣдней королевской грамоты, какъ произошло такое событіе, которое въ корнѣ подорвало матеріальное благосостояніе монастыря и разрушило надежды на быстрое возстановленіе его.—Монастырь получалъ все свое содержаніе съ единственнаго бывшаго у него въ распоряженіи имѣнія, Новоселъ, купленнаго имъ за шестьдесятъ тысячъ злотыхъ, завѣщанныхъ Петромъ Могилою. И вотъ теперь монастырь лишился и этого послѣдняго источника существованія, благодаря ненависти и фанатизму поляковъ, и остался безъ всякихъ средствъ къ жизни. Польскій полковникъ Пиво, посланный отъ республики для занятія, въ силу андрусовскаго договора, Кіева, въ отмщеніе за отказъ въ этомъ, предательски напалъ 3 мая 1671 г. на село Новоселки и, систематически ограбивъ его, превратилъ въ груду пепла. Сначала поляки взяли все, что только возможно было „до послѣдней шерстки", какъ сказано въ посланіи Ясинскаго. Они взяли изъ церкви всѣ шелковыя священныя облаченія и всѣ серебряные сосуды: чаши, кресты, лампады, кадильницы, таблички и десять колоколовъ; разграбили замокъ и отобрали у людей скотъ и всѣ хозяйственныя принадлежности. Не удовлетворившись этимъ, они вырѣзали все населеніе до полутораста человѣкъ, не щадя

---

[1]) Ibid. № XXIII.

ни пола, ни возраста, и, какъ бы желая скрыть слѣды собственныхъ преступленій или усугубить ихъ, все остальное—„церковь многостоющую, все мѣстечко и небольшой замокъ съ строеніями и оградою“ они предали огню[1]). Три монаха, посланные въ Новоселки слѣдить за хозяйствомъ: намѣстникъ Мелетій Миколаевичъ, экономъ Иннокентій Можиловскій и шафаръ[2]) іеродіаконъ Лазарь были въ это время убиты за Бѣлогородкою. Надъ тѣлами этихъ страдальцевъ Варлаамъ произнесъ потомъ скорбное слово на текстъ: „положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ“ [3]).

Вѣсть объ этомъ ужасномъ происшествіи быстро облетѣла окрестности и дошла до слуха архіепископа черниговскаго-Лазаря Барановича. Лично зная, какую потерю понесъ Братскій монастырь благодаря опустошенію Новоселокъ, соболѣзнуя этому несчастію и вмѣстѣ съ тѣмъ желая утѣшить и поднять упавшій духъ братскаго игумена, Лазарь Барановичъ писалъ къ нему: „Вопль крови тирански убитой братіи твоей пречестности дошелъ къ намъ. Тотъ, Кто сказалъ: Азъ убію и жити сотворю, да будетъ имъ животъ и воскресеніе. На гробѣ своемъ Онъ оставилъ плащаницу, которою и ты отри свои слезы. Судьбы Божія—бездна многа. Онъ уготовалъ имъ царствіе небесное, имъ даровано не только въ Него вѣровать, но и по Немъ пострадать. Святое послушаніе сдѣлало ихъ святыми. Ключи смерти въ рукахъ Божіихъ: Онъ отверзъ имъ такую смерть. Нисколько не лежитъ у тебя на совѣсти;—какъ Авраамъ, такъ и ты принесъ въ жертву Богу этихъ Исаaковъ. Миръ да будетъ живымъ и вѣчный покой усопшимъ! По епархіи моей я приказалъ огласить о нихъ колоколами и отпѣть моленіемъ“. Въ заключеніе письма Барановичъ преподаетъ Варлааму свое благословеніе „во утѣшеніе“ [4]).

[1]) Ibid. № XXV.

[2]) Шафаръ-бухгалтеръ, счетчикъ, строитель, собиравшій также доходы съ оброчныхъ статей.

[3]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. уч., ч. I, стр. 202.

[4]) 109-е письмо Лазаря Барановича, еписк. черниговскаго.

Не смотря на эту тяжелую утрату, какую понесъ монастырь, Варлаамъ не падалъ духомъ: онъ надѣялся на благотворительность южно-русскаго общества, онъ думалъ, что стóитъ ему дать призывъ, какъ богатые дары широкою рѣкою польются на обнищавшій монастырь и съ избыткомъ вознаградятъ его потери. Съ свойственною ему энергіею 19 мая онъ отправляетъ съ просительною грамотою довѣренныхъ иноковъ „ко всѣмъ благочестивымъ, движимымъ ревностію къ дому Божію, сынамъ святой церкви въ Россіи", рисуетъ имъ въ яркихъ краскахъ „до какой тяжкой и невыносимой скорби и упадка" дошелъ Братскій монастырь и призываетъ ихъ къ дѣламъ благотворительности, поставляя на видъ, что отъ ихъ приношеній зависитъ будущность монастыря [1]).

Какъ же отнеслось общество къ этому пламенному посланію братскаго игумена, въ которомъ каждое слово дышетъ неподдѣльною скорбію? Произвело ли оно соотвѣтствующее впечатлѣніе?

Въ то тяжелое время, окрещенное именемъ Великой Руины, во время великихъ общественныхъ бѣдствій, когда безнаказанно были попираемы Божескія и человѣческія права, трудно было поразить общество чѣмъ бы то ни было и пробудить въ немъ участіе. Человѣкъ какъ бы закостенѣлъ въ своихъ чувствахъ и сдѣлался безучастенъ ко всему. Правда, лучшіе люди того времени откликнулись на призывъ братскаго игумена и выразили свое участіе къ судьбамъ управляемаго имъ монастыря посильными приношеніями, но они были такъ ничтожны, что на нихъ нельзя было возлагать серьезныхъ надеждъ. Такъ, гетманъ Иванъ Самойловичъ своимъ универсаломъ отъ 7 іюня 1672 года предоставилъ право монастырю безпошлинно сытить медъ къ шести важнѣйшимъ въ году праздникамъ [2]). В. Ѳ. Дворецкій, извѣстный кіевскій пол-

---

[1]) Памятн. т. II № XXV.

[2]) Къ Богоявленію, Благовѣщенію, Воздвиженію, во дню трехъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, во дню равно-

ковникъ, 4 апрѣля того же года, по завѣщанію отказалъ дворъ на Подолѣ близь самаго монастыря [1]), а кіевскій мѣщанинъ Григорій Борисовъ подарилъ, на поминъ души своей, хуторъ, лежащій на Сырцѣ [2]). Бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Орданъ--Нащокинъ прислалъ на „убогій монастырь" двѣ пары соболей [3]).

Варлаамъ Ясинскій съ благодарностію принималъ всѣ эти пожертвованія. Послѣднее, напр., приношеніе онъ, въ порывѣ благодарности, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ Нащокину называетъ „не двумя лептами, но двумя талантами" [4]). Но всѣ неудачи, какія ему пришлось испытать, равнодушное отношеніе общества къ несчастіямъ его монастыря, сокрушило его энергію. Поэтому онъ отказался отъ своего мѣста и опредѣлился въ 1673 году въ лавру [5]).

Какъ бы ни было бѣдственно положеніе нашего монастыря въ описываемое время, все же онъ не прекращалъ своего существованія, какъ думаетъ Берлинскій въ своемъ „описаніи Кіева" [6]).

Такимъ образомъ, насколько можно судить по имѣющимся у насъ документамъ, Варлаамъ Ясинскій былъ распорядительный игуменъ, всецѣло проникнутый любовію къ своему монастырю и энергически отстаивавшій его интересы. Такимъ его представляютъ всѣ историки кіевской акаде-

---

апостольнаго князя Владиміра и святыхъ страстотерпцевъ—Бориса и Глѣба (Памят. т. II № XXVI).

[1]) Прибавл. къ Опис. Соф. соб., стр. 211.

[2]) Памяти. т. II, стр. 296—297.

[3]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IX, № 60.

[4] Ibid.

[5]) Въ 1680 г. онъ былъ избранъ игуменомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, а въ 1685 г. архимандритомъ печерской лавры. Въ 1690 г. назначенъ былъ митрополитомъ кіевскимъ. Скончался 22 августа 1707 г. (Опис. Соф. собр. стр. 208—212).

[6]) Стр. 98.

міи [1]). Между тѣмъ совершенно иначе рисуетъ его одинъ недавно открытый документъ того времени, изданный подъ названіемъ „лямментаціи Кіево-Братскихъ монаховъ". Этотъ документъ рисуетъ непривлядное состояніе, преимущественно въ матеріальномъ отношеніи, монастыря и составляетъ какъ-бы обвинительный актъ противъ настоятеля его, какимъ былъ въ то время, судя по упоминаемымъ въ документѣ обстоятельствамъ, Варлаамъ Ясинскій.—Обвиненіе изложено по пунктамъ, а ему предшествуетъ общее патетическое выраженіе скорби и плача, хотя тѣмъ же духомъ проникнуты и нѣкоторые отдѣльные пункты. Къ сожалѣнію, этотъ документъ не уцѣлѣлъ вполнѣ. Конечно, замѣтка эта была читана въ тѣсномъ кругѣ братіи. Быть можетъ, она была потомъ оформлена и получила дѣловое назначеніе, и, если это случилось недолго спустя послѣ упоминаемаго въ ней разоренія Новоселокъ, которое въ ней приписывается нераспорядительности Варлаама Ясинскаго, то въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть нѣкоторую разгадку того, что послѣдній отказался отъ настоятельства въ Братскомъ монастырѣ и избралъ себѣ скромное положеніе проповѣдника въ печерской лаврѣ. А быть можетъ эта замѣтка—не болѣе какъ пасквиль на Ясинскаго, подкупающій теплотою и обиліемъ скорбнаго чувства. Варлаамъ Ясинскій былъ энергическій человѣкъ и легко могъ пріобрѣсть себѣ враговъ, особенно среди тѣхъ, которые имѣли притязаніе раздѣлять съ нимъ власть по управленію монастыремъ. Насколько Варлаамъ Ясинскій былъ виновенъ въ тѣхъ непорядкахъ, какіе изложены въ лямментаціи—судить трудно. Мы воздерживаемся дѣлать опредѣленные выводы изъ этого документа и предпочитаемъ привести его дословно, въ тѣхъ, впрочемъ, размѣрахъ, какіе достаточны для нашей цѣли [2]).

---

[1]) Митр. Евгеній (Прибавленіе къ Опис. Кіево-Соф собора стр 214), преосв. Макарій (Истор. Кіев. Акад. стр. 47—48) и Аскоченскій (Кіевъ съ его древ. уч., ч. 1, стр. 211).

[2]) Этотъ документъ помѣщенъ въ Кіев. Стар. за октябрь 1884 г. стр. 358—357.

„Кажется, что сама земля наша, читаемъ въ немъ, камни нашего монастыря готовы воззвать съ однимъ польскимъ поэтомъ: говорить или молчать? Но пусть молчать камни и земля, чтобы не явились они предъ Богомъ человѣчнѣе насъ. Заговоримъ мы кровавыми слезами, чтобы небо не сказало намъ: вои безгласные, что же вы молчите? Говоримъ поэтому или лучше наша скорбь тяжкая говоритъ за насъ". Далѣе слѣдуютъ пункты: „1) Даютъ отцу ректору деньги на молебны и сорокоусты, но ни молебновъ, ни сорокоустовъ не бываетъ. Будетъ ли Богъ благословлять за то монастырь нашъ? 2) Подначальная братія не имѣетъ добраго примѣра. 3) Вымышляетъ (настоятель) крайнее убожество и говоритъ: потому я умалчиваю о деньгахъ, чтобы люди давали жертвы на монастырь. А деньги, какъ во всякомъ общежитномъ монастырѣ, должны бы быть въ палатѣ; но ихъ тамъ нѣтъ, и братія не имѣетъ необходимыхъ на время зимы шубъ или кожуховъ, а есть такіе, что и сапогъ не имѣютъ. 4) Нѣкоторые изъ братіи, глядя на старшаго, не часто обиваютъ церковные пороги, а все это дѣлается за отсутствіемъ порядка, который есть душа всего. 5) Въ общинахъ соборы бываютъ, а у насъ ихъ нѣтъ. Но и короли имѣютъ своихъ совѣтниковъ. 6) Что Новоселки погибли, не удивляйся: ибо отецъ ректоръ, разгнѣвавшись и удаливши хорошаго намѣстника, который хорошо обходился съ паномъ Пивомъ, послалъ въ Новоселки на городничество какого-то забіяку съ другими, которые, въ пьяномъ видѣ, гоняясь по полю съ ружьями, вызывали на войну людей Пива, а по ихъ примѣру и ихъ „подданные" однажды тѣхъ побили. 7) Братія на общей радѣ совѣтовала оставить разоренныя Новоселки до наступленія покоя, но онъ (т. е. настоятель), какъ всегда, отвергая совѣты другихъ, возстановлялъ ихъ точно въ огнѣ (въ самый разгаръ войны), и неудивительно, что во время этой реставраціи погибли и подданные и волы. 8) Тамъ въ Новоселкахъ устроилъ онъ какое то *заточеніе* и разсердив-

шись на монаховъ, туда ихъ посылалъ. Такъ, въ гнѣвѣ, послалъ онъ туда діакона, а намѣстника и другаго священника посылалъ по какимъ-то потребамъ, и они тамъ убиты. 9) Родственники его продажею питей и скупщинами владѣютъ. 10) Студенты и родственники что либо утратятъ,—ничего; пусть же чернецъ утратитъ,—готовъ камнями его побить. 11) Богослуженіе, а затѣмъ и обѣдъ, бываютъ иногда подъ вечеръ, а это никакъ не можетъ согласоваться съ порядками школы. 12) Митра Могилы заложена еще въ то время, когда Новоселки не были разорены; но Братскій монастырь не покупалъ въ то время хлѣба, какъ прочіе монастыри. 13) Медомъ шинкуетъ въ самомъ монастырѣ и сюда приходятъ пить мірскіе люди обоего пола. 14) Колодезь среди монастыря, и къ нему по воду также ходитъ разный полъ. 15) Міряне рядятъ всѣмъ въ монастырѣ, а хорошо бы то дѣлать, не мѣшая праведнаго съ грѣшнымъ. Записей для прихода и расхода, которыя ведутся въ другихъ монастыряхъ, мы никогда не видали. За прошлый годъ считалось двѣ тысячи (?), но никакого регистрика на тѣ деньги не было."

Въ слѣдующее затѣмъ двадцатилѣтіе (1673—1693 гг.), во время игуменства: *Сильвестра Головчича, Θеофана Прокоповича I, Іезекіиля Филипповича, Θеодосія Гугуревича, Никодимія Подлузскаго и Кирилла Филимоновича*, Братскій монастырь постепенно улучшаетъ свое матеріальное положеніе. Малороссія въ это время наслаждалась относительнымъ спокойствіемъ, монастырь постепенно возставалъ изъ своихъ развалинъ, и кратковременное управленіе каждаго изъ указанныхъ настоятелей его ознаменовывалось все новыми и новыми пріобрѣтеніями: монастырь какъ бы исподоволь готовился къ тому обновленію, которое совершилось въ немъ въ настоятельство Іоасафа Кроковскаго, благодаря усердію гетмана Ивана Мазепы.

Во время управленія нашимъ монастыремъ первыхъ трехъ изъ указанныхъ нами игуменовъ въ исторіи его прі-

обрѣтаетъ важное значеніе черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, который, оставаясь до 1686 г. блюстителемъ кіевской митрополіи, естественно становился въ близкія отношенія къ Братскому монастырю, по своему усмотренію назначая игуменовъ его.

Немедленно по выбытіи Варлаама Ясинскаго, Барановичъ предложилъ избрать игуменомъ монастыря *Сильвестра Головчича*, бывшаго воспитанника кіевской коллегіи, потомъ іеромонаха гайскаго монастыря, приписаннаго къ Братскому. Въ 1678 г. Головчичъ получилъ посвященіе во игумена и проходилъ эту должность по крайней мѣрѣ до 1682 года [1]).

Ревнуя о пользѣ управляемаго монастыря, Головчичъ значительно пріумножилъ его средства.—Такъ, вѣроятно не безъ его ходатайства, Меѳодій Филимоновичъ, епископъ мстиславскій, могилевскій и оршанскій въ 1679 году подарилъ монастырю купленный у ивангородскаго священника лѣсъ съ полемъ и сѣножатью. Въ этомъ же году, по просьбѣ Головчича, границы этого имѣнія были провѣрены свѣтскими властями, а дарственная запись занесена была 22 мая въ городскія книги, въ присутствіи войта Александра Цурковскаго и бурмистра Тараса Аврамовича [2]). Вслѣдъ за тѣмъ Головчичъ отправилъ къ московскому дьяку Порфирію Трофимовичу Сѣменникову, чрезъ отправлявшагося въ Москву по монастырскимъ дѣламъ Варлаама Ясинскаго, письмо, съ просьбою о томъ, чтобы онъ уступилъ монастырю прилегающій

---

[1]) Митрополитъ Евгеній (Прибав. къ Опис. Соф. соб., стр. 227) и Аскоченскій (1 ч. стр. 211) думаютъ, что Головчичъ управлялъ нашимъ монастыремъ *не болѣе двухъ лѣтъ*. Послѣдній между прочимъ пишетъ: „*Кратковременно* было управленіе его коллегіей, ибо въ слѣдующемъ же году, по разстроенному здоровью, Головчичъ былъ переведенъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ скоро и скончался, и потому коллегіи (а слѣд. и монастырю) не могъ онъ оказать *особенныхъ услугъ*“. На основаніи нѣкоторыхъ документовъ, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь впереди, нужно нѣсколько продлить время игуменства Головчича въ нашемъ монастырѣ. Правда, особенныхъ услугъ Головчичъ не оказалъ монастырю, но все же при немъ монастырь обогатился *значительными* пріобрѣтеніями.

[2]) Прилож. №№ XIV и XV.

къ его усадьбѣ дворъ. Сѣменниковъ, обучавшійся въ кіевской коллегіи, купилъ этотъ дворъ въ 1658 г. у кіевскаго бурмистра Сергѣя Бибиковича за триста злотыхъ польскихъ. Подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ Братскомъ монастырѣ молились о спасеніи его и его родителей, онъ выразилъ готовность исполнить просьбу Головчича, предварительно уничтоживши тѣ обязательства, которыя онъ далъ относительно этого двора кіевскому войту Даніилу Полотскому: „А что я, писалъ онъ въ своей дарственной записи, далъ было писмо въ прошлыхъ годѣхъ Данилу Полотскому войту киевскому, вручаючи ему тотъ мой пляцъ вдозоръ строити изкуницъ, и то мое писмо за рукою моею данное, аще обращается въ дому его или у наслѣдниковъ его, да не иматъ крѣпости нијакоеяжъ“. Эта дарственная запись представлена была въ ратушу братскими иноками: іеромонахомъ Пахоміемъ Саворскимъ и іеродіакономъ Меѳодіемъ Александровичемъ и тамъ 2 августа 1680 г. занесена была въ мѣстныя книги, въ присутствіи войта Ждана Ѳедоровича Тадрины и бурмистра Сергѣя Бибиковича [1]).— Въ 1681 году Головчичъ исходатайствовалъ у царя Ѳеодора Алексѣевича позволеніе присылать въ Москву чрезъ каждые три года особо назначенныхъ для того „старцевъ“ для сбора подаяній, съ тѣми же самыми правами, содержаніемъ и обезпеченіемъ, какія изложены въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича [2]).

---

[1]) Прилож. № XVI.— Аскоченскій (1 ч. стр. 211) считаетъ Сѣменникова приістникомъ. Но противъ этого нужно прежде всего замѣтить, что тогдашнему причетнику не подъ силу было дѣлать подобныя пожертвованія. Съ другой стороны, Головчичу нечего было обращаться къ нему съ челобитною и присвоивать ему эпитеты, какіе усвоялись только московскимъ важнымъ дьякамъ (Срав. Архивъ Ю. З. Россіи, ч. I т. VI. № CCXXI).

[2]) Памят. т. II, № XXVII.—Во время настоятельства Головчича, въ 1679 г., братскій іеромонахъ Лаврентій Горка, впослѣдствіи извѣстный ревнитель просвѣщенія, былъ назначенъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря. Онъ былъ сынъ простаго козака изъ мѣстечка Стаекъ. Съ отличнымъ успѣхомъ окончивъ ученіе въ академіи, онъ принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ достигъ и званія іеромонаха (Аскоченскій, II ч. стр. 47).

Насколько въ это время Барановичъ стоялъ близко къ нашему монастырю, объ этомъ мы можемъ заключить изъ того, что онъ слѣдилъ даже за низшимъ монастырскимъ клиромъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ избиралъ членовъ его. Въ своемъ письмѣ къ Головчичу онъ между прочимъ писалъ: „брата Антонія, давнаго служителя братскаго, рекомендую вашей пречестности; онъ старый пономарь и заслужилъ ѣсть взваръ, пока дойдетъ до маръ (погребальныя носилки); милостію вашею онъ хвалится; у игумена прошу содержанія его въ ней и впредь" [1]).

Мѣсто Головчича, по рекомендаціи Барановича, занялъ *Θеофанъ Прокоповичъ I*, родной дядя знаменитаго впослѣдствіе русскаго іерарха, „мужъ, по отзыву св. Димитрія Ростовскаго, важный и знатный и въ церквѣ Божіей добрѣ послужившій, проповѣдникъ сладкоглаголивый" [2]). Послѣ непродолжительнаго управленія монастыремъ, онъ въ 1684 г. „ради своего смиренія, ректорства и жадной годности *игуменской* не восхотѣ, аще и на многія его промовано". Въ Братскомъ монастырѣ онъ остался и на покоѣ, гдѣ 3 апрѣля 1689 года и скончался [3]).

О личности и дѣятельности слѣдовавшаго затѣмъ настоятеля (съ 28 апрѣля 1684 г. до 1687 г.) *Іезекіиля Филипповича* намъ ничего не извѣстно.

Преемникомъ Филипповича по игуменству былъ *Θеодосій Гугуревичъ*, бывшій до того пять лѣтъ игуменомъ батуринскаго монастыря, а въ 1682 г. переведенный въ михайловскій монастырь. Нашимъ монастыремъ онъ управлялъ отъ 1686 г. до 1689 г.

Въ правленіе Гугуревича монастырь понесъ значительныя потери. Въ 1686 г. по трактату Россіи съ Польшей Кіевъ отошелъ навсегда къ Россіи. Польское правительство, немедленно послѣ заключенія договора, объявило,

[1]). 114-е письмо Лазаря Барановича.
[2]) Сочин. св. Димитрія, ч. 1 стр. 480.
[3]) Лесочинскій ч. 1 стр. 211—212.

что оно считаетъ всѣ имущества кіевскихъ монастырей, оставшіяся въ предѣлахъ Речи Посполитой, вакантными, т. е оставшимися безъ владѣльца, и стало раздавать ихъ по своему усмотрѣнію различнымъ лицамъ и учрежденіямъ [1]). Въ силу этого распоряженія, Братскій монастырь навсегда лишился слѣдующихъ имѣній своихъ: Саворова, Мухоѣдовъ, Черногородки и Новоселокъ съ тремя приселками. Такимъ образомъ у него осталось, кромѣ дворовыхъ мѣстъ и нѣсколькихъ десятинъ земли и лѣса, только одно небольшое село Позняковка. Что же касается Плисецкаго, которое также принадлежало ему, то оно было такъ опустошено въ предшествовавшую войну, что вовсе не имѣло жителей [2]).

Какъ бы въ вознагражденіе за эти потери, монастырь при Гугуревичѣ обогатился новыми значительными пріобрѣтеніями. Въ 1686 г. онъ пріобрѣлъ за двѣсти злотыхъ польскихъ у иванковскаго козака Ѳедора Волохова мельницу о двухъ жерновахъ на рѣкѣ Острѣ [3]). Въ 1688 г. генеральные судьи войска запорожскаго укрѣпили за Братскимъ монастыремъ тѣ вотчины, которыя, взамѣнъ Муравска съ приселками, даны были гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, а именно: Лутаву, Выповзовъ, Косачевку съ полями, сѣнокосами, отчинами, огородами и островами, селеніями Желѣзнякомъ и Медвѣдковымъ съ лѣсами, лугами, мельницей и проч. принадлежностями. При этомъ дѣло не обошлось безъ судебнаго процесса. Гугуревичъ, вмѣстѣ съ намѣстникомъ Гавріиломъ Ждановичемъ, подалъ въ генеральный судъ [4]) войска запо-

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. Кіевъ 1885 г. т. 1, стр. 298—299

[2]) Макарій, Истор. Кіев. Акад. стр. 18.

[3]) Памят. II, стр. 298.

[4]) Въ составъ суда входили тогда слѣдующія лица: войсковой генеральный судья Михаилъ Вуяхевичъ (впослѣдствіи онъ былъ (съ 1690—1697 гг.) настоятелемъ Печерской Лавры. Описаніе кіево-печерской лавры. Митроп. Евгенія. Кіевъ, 1820 г. стр. 119—120), Иванъ Ломиковскій, войсковой писарь Андрей Васильевичъ, Григорій Карповичъ, Василій Гуминскій, кіевскій полковникъ Василій Дмитровичъ Солонина, войтъ Иванъ Быковичъ и бурмистры магистрата.

рожскаго жалобу на остерскаго сотника Трофима Подтеребу, который незаконно присвоилъ себѣ означенныя имѣнія и причинялъ Братскому монастырю различныя насилія: отнялъ однажды половину пойманной въ озерѣ рыбы, незаконно присвоилъ себѣ пятьдесятъ копенъ овса, захватилъ четыре скирты сѣна и т. п. Позванный въ судъ, Подтереба представилъ въ свое оправданіе то, что онъ имѣетъ на нѣкоторыя изъ указанныхъ угодій купчія крѣпости. Тоже обстоятельство, что на нѣкоторыя изъ этихъ угодій у него не было документовъ, онъ объяснялъ тѣмъ, что онъ не предвидѣлъ, чтобы изъ-за этого возникли какія нибудь недоразумѣнія, и потому въ свое время не запасся ими и при этомъ ссылался на свидѣтельства остерскихъ старожиловъ, какъ на доказательство принадлежности этихъ угодій ему. Что же касается насилій, причиненныхъ имъ монастырю, то онъ представлялъ ихъ вынужденными со стороны монастыря: на насилія онъ де отвѣчалъ тѣмъ же. Судъ подтвердилъ права Братскаго монастыря на спорныя имѣнія,—права, предоставленныя ему универсаломъ гетмана Самойловича. Такъ какъ Подтереба на нѣкоторыя изъ указанныхъ имѣній, на которыя онъ имѣлъ дарственныя записи, имѣлъ несомнѣнныя права, то, во избѣжаніе столкновеній между нимъ и монастыремъ на будущее время, послѣднему было предоставлено право купить эти угодья у Подтеребы, въ томъ числѣ и мельницу, построенную имъ на собственныя средства на рѣчкѣ Лутавцѣ, и при томъ по назначенной самимъ судомъ цѣнѣ. Всѣ убытки, причиненные Подтеребою монастырю, судъ призналъ необходимымъ вознаградить [1]). Лутавскую мельницу Подтеребы, замѣтимъ между прочимъ, Братскому монастырю удалось пріобрѣсти два года спустя. Гетманъ Мазепа далъ Подтеребѣ за нее двѣсти злотыхъ польскихъ, и онъ уступилъ ее монастырю, давши обязательство никогда впредь не предъявлять

---

[1]) Прилож. № XII.

своихъ правъ на нее [1]) Въ томъ же 1688 году гетманъ Самойловичъ счелъ нужнымъ отъ себя сдѣлать распоряженіе кіевскому полковнику Константину Солонинѣ, чтобы онъ въ Лутавѣ и Косачевкѣ,—двухъ приселкахъ села Карпиловки,—„не чинилъ монастырю никакой помѣшки" и чтобы отдалъ эти хутора, со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, въ непосредственное владѣніе и распоряженіе братскаго игумена [2]).

Гугуревича смѣнилъ [3]), по избранію Барановича, утвержденному согласіемъ митрополита и гетмана, *Пахомій Подлузскій*. Его управленіе нашимъ монастыремъ было кратковременно (1690—1691 гг.) [4]).

При немъ Братскій монастырь получилъ въ 1690 году отъ ивангородскаго жителя Даніила, по прозванію Чернеца, дворъ съ огородомъ, полемъ, рощею, сѣнокосомъ, пасѣкою и прудомъ [5]). Въ этомъ же году митрополитъ Гедеонъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи (отъ 6 апрѣля) отказалъ нашему монастырю „на молитвы за душу свою" двѣсти злотыхъ польскихъ [6]). Въ слѣдующемъ году Подлузскій обратился къ гетману Мазепѣ съ просьбою о томъ, чтобы онъ своимъ универсаломъ утвердилъ за монастыремъ всѣ имѣнія, пріобрѣтенныя имъ прежде, кромѣ, разумѣется, отошедшихъ къ Польшѣ. Гетманъ изъявилъ готовность и универсаломъ отъ 4 августа подтвердилъ права Братскаго монастыря на слѣдующія, находившіяся въ то время въ его владѣніи, имѣнія: на всѣ расположенныя въ Кіевѣ дворовыя мѣста, подаренныя ему разными лицами, на приднѣпровское село Позняки, на Карпиловку съ двумя приселками Косачевкою

---

[1]) Прилож. № XVIII.

[2]) Памят. т. II стр. 299 и прилож. № XIX.

[3]) Изъ нашего монастыря Гугуревичъ былъ переведенъ въ моксаковскій монастырь, „а послѣ моксаковскаго игуменства, по замѣчанію св. Димитрія Ростовскаго, въ бѣдахъ и скорбѣхъ пострадавъ цѣлый годъ", скончался 25 декабря 1690 года. (Аскоченскій т. I, стр. 243—244)

[4]) Аскоченскій, ч. I, 244 стр.

[5]) Памятники, т. II, стр. 299—300.

[6]) Прибавл. къ Опис. Соф. соб., стр. 117.

и Лутовою, расположенныя въ остерскомъ уѣздѣ, на ивангородскій фольваркъ, находившійся въ нѣжинскомъ полку, съ лѣсами, сѣнокосомъ, полями и прочими принадлежностями и на остерскую „греблю", со всѣми построенными на ней мельницами. Кромѣ того, онъ вновь предоставилъ монастырю сельце Выповзовъ со всѣми принадлежащими къ нему землями, расположенное въ остерскомъ уѣздѣ. Войтамъ указанныхъ селъ этою грамотою внушалось, чтобы всѣ тяглые люди исполняли свои обязанности въ отношеніи къ монастырю [1]). Уступка Выповзова не понравилась жителямъ Остра и Козельска, и потому они обратились съ просьбою къ Мазепѣ, чтобы онъ отмѣнилъ свое распоряженіе о Выповзовѣ. Но ихъ искательство осталось безъ послѣдствій [2]).

Желая добиться этихъ самихъ правъ и предъ московскимъ правительствомъ, Подлузскій во второй половинѣ 1691 года отправляетъ въ Москву префекта коллегіи Силуана Оверскаго съ тремя учителями и тремя студентами для челобитья царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и поднесенія имъ пышнаго панегирика. Это посольство отправлено было съ вѣдома кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы. Послѣдній въ своей грамотѣ отъ 4 августа 1691 года цѣль посольства объясняетъ преимущественно желаніемъ со стороны кіево-братскихъ иноковъ выразить пресвѣтлымъ государямъ „достодолжное желательство и благоприятство: ибо всѣ они разсудили сіе быти належащею и непремѣнною должностію, понеже подъ высокодержавною Царскаго Величества рукою благополучно живутъ и въ высокихъ наказаніяхъ, кромѣ всякихъ препятствій, разширяются". Но, разумѣется, главнымъ образомъ имѣлось въ виду расположить государей въ свою пользу и получить отъ нихъ подтвержденіе за монастыремъ всѣхъ находившихся въ его распоряженіи имѣній. Съ этою цѣлію Оверскій и пред-

---

[1]) Прилож. № XX.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. V. № 252.

ставилъ въ малороссійскій приказъ „на маетности Братскаго монастыря данныя королевскія привилея и выписи зъ книгъ градкихъ и гетманскія универсалы". Въ малороссійскомъ приказѣ сдѣланъ былъ реестръ представленнымъ монастырскимъ крѣпостямъ съ краткимъ обозначеніемъ содержанія каждой изъ нихъ. Не смотря на всѣ эти подговительныя работы, царская жалованная грамота почему-то не была дана, и поѣздка въ Москву префекта Озерскаго окончилась ничѣмъ [1].

Кратковременное управленіе слѣдовавшаго затѣмъ игумена *Кирилла Филимоновича* (1691—1693 гг.) ознаменовано было пріобрѣтеніемъ сельца Бѣльмачевки [2].—Съ благословенія кіевскаго митрополита Варлаама (Ясинскаго), Филимоновичъ обратился къ гетману Мазепѣ съ просьбою о присоединенія къ ивангородскому хутору Бѣльмачевки. Въ уваженія къ Братскому монастырю, „всей Малороссіи потребному", гетманъ своимъ универсаломъ отъ 17 апрѣля 1692 года утвердилъ за монастыремъ это сельце, дозволивъ требовать отъ тяглыхъ людей „всякаго послушанія и повинностей" [3].

Въ указанное двадцатилѣтіе (1673—1693 гг.) монастырское хозяйство было въ страшномъ запустѣніи, и потому Братскій монастырь не могъ похвалиться особенными достатками. Не смотря на то, что монастырь владѣлъ значительнымъ количествомъ имѣній (особенно до 1686 г., когда нѣкоторыя изъ нихъ отошли за польскую границу), не смотря на мирное и благопріятное для занятія хлѣбопашествомъ время: Братскій монастырь находился въ крайней нищетѣ. Житницы и погреба его были пусты, провизіи запасной не было, каждый день на рынкѣ покупали съѣстные припасы и то „скудные и подлые", игумены принуждены были давать на содержаніе монастыря часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подаянія.

---

[1]) Голубевъ, Истор. Кіев. дух. Акад., стр. 17—18.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. уч., ч. I, стр. 290—291.

[3]) Памятн., т. II, № XXVIII.

Печальнѣе всего то, что причинами подобной нищеты монастыря было не одно только незнаніе экономіи, неумѣнье вести хозяйство: къ нему присоединились еще различныя злоупотребленія завѣдывающихъ монастырскимъ хозяйствомъ лицъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, современникъ описываемыхъ событій, горько жалуется на „противные, раззорительные поступки, начальныхъ нерадѣніе, лѣность, оспалость, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ дненощныхъ забавокъ, а подначальныхъ, наипаче посельскихъ старцевъ, иныхъ непросыпляемое пьянство, а другихъ прилежныя кражи и должныхъ обществу доходовъ хищеніе съ великимъ безстрашіемъ, когда и смотру и наказанію не откуду не опасались и не ожидали“. Неудивительно, что при такомъ хозяйничаньи монастырь, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя угодья, былъ „жажденъ, и гладенъ, и хладенъ“ и вызывалъ у современниковъ удивленіе, какъ онъ могъ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и самъ существовать и на свои средства содержать многолюдную школу [1]).

Далѣе слѣдовало обильное событіями, хотя и кратковременное, управленіе монастыремъ *Іоасафа Кроковскаго*.

Малоруссъ по происхожденію, Кроковскій первоначально обучался въ кіевской коллегіи, но послѣдовавшее разореніе этого училища принудило его выѣхать за границу для завершенія образованія. Путешествуя по разнымъ странамъ Европы и посѣтивъ тамъ многіе университеты, онъ прослушалъ полные курсы философіи и богословія въ знаменитой въ то время римской академіи. По возвращеніи на родину, онъ принялъ монашество въ печерской лаврѣ и поступилъ въ коллегію учителемъ реторики и поэзіи. Должность игумена въ нашемъ монастырѣ онъ проходилъ отъ 1693 по 1697 годъ, управляя вмѣстѣ съ тѣмъ и николаевскимъ монастыремъ.

---

[1]) Письма Ѳеофана Прокоповича (Труды Кіев. дух. Акад. за 1865 г. № 10, стр. 274—279).

Кроковскій выдѣляется изъ ряда другихъ игуменовъ нашего монастыря, дѣятельность его представляетъ нѣкоторыя характеристическія особенности. Въ то время, какъ остальные игумены заботятся о пріобрѣтеніи для монастыря той или другой собственности, Кроковскій, управляя монастыремъ на рубежѣ 17 и 18 вѣка, старается подвести итоги монастырской поземельной собственности, пріобрѣтенной въ теченіи 16 вѣка, старается привести въ извѣстность монастырскія имѣнія и прочно закрѣпить ихъ за монастыремъ. На его же настоятельство падаютъ и тѣ капитальныя постройки, которыя и до сихъ поръ служатъ украшеніемъ нашего монастыря. Правда, онѣ сооружены на счетъ гетмана Ивана Мазепы, но, можно думать, не безъ участія Кроковскаго, который, какъ даровитый и энергическій человѣкъ, могъ имѣть вліяніе на Мазепу и расположить его къ этому дѣлу.

Кроковскій прежде всего позаботился о томъ, чтобы привести въ извѣстность всѣ дворовыя мѣста, какими монастырь владѣлъ въ самомъ Кіевѣ. Съ этою цѣлью 17 мая 1693 г. онъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ Захаріею Корниловичемъ отправилъ въ кіевскую ратушу двухъ братскихъ іеромонаховъ Рафаила Васильевича (Базилевича) и Парфенія Радовича (Родовича) съ просьбою о томъ, чтобы назначена была коммиссія для осмотра и описи принадлежащихъ монастырю дворовъ. Такая провѣрка монастырскихъ усадебныхъ мѣстъ вызвана была желаніемъ игумена съ братіею, „абы монастырские пляцы мѣрою оцеркліованы будучи, недознавали отъ пограничниковъ въ дальший часъ ущербку.“ Просьба игумена и монастырской братіи была уважена. Ратушею [1]) назначены были урядники: Савва Можневскій, Иванъ Чорный, Иванъ Трипольскій и слуга Максимъ Заяцъ, которые вмѣстѣ съ братскими старцами „дворы осматривали и описали ихъ“,

---

[1]) Во главѣ ратуши стояли въ то время войтъ Янъ Демидовичъ Быковичъ и бурмистръ Василій Зименко (Прилож. № XXI).

измѣривши „кождого пляцу великость и указавъ его границы.“ Относительно каждаго двора сдѣлано было указаніе, какимъ именно путемъ онъ пріобрѣтенъ монастыремъ. Всѣхъ пляцовъ насчитано было пятнадцать, а именно: Кучинскій [1]), Выговскій [2]), Голубовскій [3]), Вороничовскій [4]), Креницкій

[1]) Онъ купленъ за тысячу копъ грошей литовскихъ у Катерины Кучинской. Онъ былъ расположенъ подъ горою городовою (замковою) по улицѣ, идущей отъ церкви Рождества къ торговой площади. Его размѣры были таковы: „з одное стороны, чрезъ улочку, якая валлася з пробитое улицы на гору, противъ пляцовъ Рождественскихъ въ томъ пляцѣ есть аршиновъ московскихъ двѣстѣ и десет до горы, з другое стороны от пляцу пана Григорія Карповича бывшаго полковника Киевскаго, не до самое горы (бо за пляцомъ пана Карповичовымъ еще далей той пляцъ зайшолъ) аршиновъ сто осмънадцат и четверг... вдолжъ аршиновъ осмъдесят пят и три четверти, а оттул до горы уз пляцъ отца Улия Священника Добро Николскаго аршиновъ девятдесятъ и шест, въ тылу отъ горы аршиновъ двѣстѣ сорокъ и три, а на улицу уз ворота аршиновъ двѣстѣ и шестдесятъ.“ (Прилож. № XXI).

[2]) Онъ былъ подаренъ монастырю гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ и находился близъ въѣзда въ верхній городъ, „Мает в себѣ великости, з трох только сторонъ, бо рогомъ выдался, гдѣ зышлися до купы обидва узвозы, з одное стороны черезъ новый узвозъ, противъ бани Московское, почавши отъ рожка улицы, до пары, где зышлися узвозы, аршиновъ триста ровно, другая сторона з горы мимо узвозъ старый, и мимо улочку до улицы где тот пляцъ кончится, аршиновъ двѣстѣ и девятнадцат. А третею стороною черезъ улицу противъ дворовъ: Ѳедора Золотаря, Филипа Перепечая и Миколая Мазура, аршиновъ сто сорокъ и два.“ (Ibid).

[3]) Пріобрѣтенъ за шестьсотъ золотыхъ у Петронелли Голубовой. Границы и размѣръ его таковы: „зодное сторони через улицу противъ шпиталля Добро Николскаго (маетъ) аршиновъ двадцат и пят, з сторони другое от кгрунту прозываемаго Верского (Герского) аршиновъ двадцат и два, въ тылу аршиновъ сорокъ и девет, и воротами на улицу великую идучую отъ церкви Святого Николи Доброго, до рынку, противъ двора Выкидившина, который теперъ отцу Симеону Ширпѣ Священнику Добро Николскому достался, аршиновъ тридцат и девет.“ (Ibid).

[4]) Взятъ за долгъ (въ шесть тысячъ золотыхъ) у Данила Воронича, скарбника кіевскаго: „з одное стороны от мешканя Івана Голика козака (онъ имѣетъ) аршиновъ семьдесят и три, з другое стороны от мешканя Мирона Лопатины Шевца аршиновъ пятдесятъ и шест, в тылу отъ пляцу Братского названого Мушовецкого (Муховецкаго) аршиновъ сто и семдесятъ, и уз ворота, противъ двора пана Антона Миколаевича и пана Гордия Головы Кгрековъ, аршиновъ такъ же сто и семдесятъ ровно“ (Ibid).

кій[1]), Солениковскій[2]), Свершковскій[3]), Митковско-Созоновскій[4]),

---

[1]) Поступилъ въ монастырь отъ Елены Крэвицкой и былъ расположенъ противъ самого Братскаго монастыря. Его размѣры опредѣляются слѣд. данными: „з одное стороны (до половины должини) отъ пляцу Дворецкого, монастыреви Братскому презъ купно належачого и отъ дому мѣсного шинковного, (онъ имѣетъ) аршиновъ семдесят ровно, а тутъ заразъ вдался пляцъ Грицая Михайловича, который ширинѣ отъ тылу занялъ аршиновъ шестдесятъ уз тойже Грицаевъ пляцъ должиною далей пошолъ монастырскій крепицковскій пляцъ, до улицы другое, идучое уз домъ цеховый кравецкий, до церкви святого Николы Набережского, где знову должины шестдесятъ аршиновъ и одинъ, уз тужъ улицу, межи пляцомъ Грицаевомъ, и дворомъ Григория Андрѣевича, вшир аршиновъ шестдесятъ и осмъ, з другое тежъ стороны, должины того пляцу напродъ уз дворъ Григориевъ аршиновъ тридцат и семъ, а тутъ знову за тотъ его дворъ зайшолъ пляцъ монастырскій, которого зайстя аршиновъ десет, а оттул мимо пляцъ Святого Николи Набережскаго, до улицы идучое уз монастиръ Братскій аршиновъ пятьдесятъ и пять, напротивъ зас монастиръ Братского уз улицу аршиновъ сто и сорокъ“ (Ibid).

[2]) Купленъ за тысячу золотыхъ у Ѳедоры Серѣевой Солениковой; находился возлѣ житнаго торгу. Онъ имѣетъ „три только стороны, якъ и Виговской пляцъ, з одное стороны через улицу противъ дворовъ, пана Івана Софроновича бурмистра Киевского, Ѳедора Кривецкаго и Ѳедора Холявенка до рогу, аршиновъ сто ровно, а от рогу до конца того пляцу з другой стороны черъ улицу, противъ дворовъ, Павла Климовича и Манайлихи Бондарихи, жиючихъ на мѣснихъ пляцахъ, аршиновъ осмъдесятъ и чотыри, а з третой сторони, противно монастира Брацкого и церквы теперь мурующоеся, аршиновъ шестдесятъ и шест“ (Ibid).

[3]) Подаренъ монастырю Крестиною Лешкевичевою и Агафіею Козачанкою. Онъ имѣетъ три стороны, „з однее стороны уз улицу идучую отъ церкви святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, до рынку, по рожокъ противъ двора пана Івана Пыки, писаря на сей час мѣсного и мешканя Івана Киселя аршиновъ семдесятъ, а отъ рожка до двора Івана Денежки з сторони другое идучи... улицею пробитою до церкви Святаго Духа, аршиновъ шестдесятъ и три, з третее теж стороны отъ двора Денежкина, аршиновъ пятдесятъ шест“ (Ibid).

[4]) Пляцъ Митковскій братскій иноки купили за триста золотыхъ у Миколая Яницкого и жены его Луцияніи Митковичовны, а Созоновскій пляцъ подаренъ Иринархомъ Мратовичемъ, старцемъ Печерскимъ. „З одное стороны обадва тые пляца, обокъ шпиталя и школы церкви Соборное, (имѣютъ) аршиновъ сорокъ и полъ осма, з другое стороны отъ дворика тоеж Соборное церкви, аршиновъ сорокъ и осмъ тыломъ отъ двора цеховего Кушнѣрского аршиновъ двадцат и пят; а уз ворота через улицу, противъ самое церкви Соборное Успения Пресвятое Богородици аршиновъ двадцат и сем“ (Ibid).

Муховецкій [1]), Бибиковскій [2]), Аксаковскій (Оксаковскій) [3]), Хмельницкій [4]), Пекулитскій [5]), Семено-Андреевскій [6]), и Га-

[1]) Поступилъ въ монастырь отъ Маріны Алекшандовны Кршитофоровой Муховецкой; расположенъ по улицѣ Борисо-глѣбовской „з одное стороны отъ пляцу Пиндюровскаго (онъ имѣетъ) аршиновъ пятдесятъ ровно, з другое стороны от пляцу пани Сергѣевое Бибковвичовое бурмистровое Киевское, аршиновъ девятдесятъ, въ тылу от пляцу Братского называемого Ворониновского аршиновъ сорокъ и шест, а уз ворота черезъ улицу противно двора Константия Милиного зятя и Иванихи Котлярихи аршиновъ сорокъ и семъ (Ibid).

[2]) Подаренъ московскимъ жителемъ Порфиріемъ Трофимовичемъ Сѣменниковымъ. „З одное стороны от бурсы Братское спѣвацкое (онъ имѣетъ) аршиновъ трыдцат и шесть, з стороны другое от двора отца Павла Домонтовича священника чернѣговскаго аршиновъ сорокъ ровно, въ тылу от пляцу Брацкого званого Хмелiовского аршиновъ сорокъ и пят, а воротами уз улицу пробитую з рынку до церкве Святого Духа также аршиновъ сорокъ и пят“ (Ibid).

[3]) Пожертвованъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и Павломъ Яновичемъ Хмельницкимъ, кіевскимъ полковникомъ. Границы и размѣры его такъ опредѣляются: „з одное стороны отъ двора отца Геронима Почеки протопопы Козелского и отъ пляцу Братского званого Пекулицкого, отъ улицы до другое улицы скруз, (онъ заключаетъ въ себѣ) аршиновъ сто и два, з стороны другое отъ двора пана Семена Кривошки, и отъ пляцу Братского, Андрѣевичовского и Семеничовского, з улицы до улицы такъ же аршиновъ сто и два, въ тылу черезъ улицу противъ монастыра Братского, аршиновъ сорокъ и полъ-пята, а воротами уз другую улицу идучую з рынку до церкви Святого Духа аршиновъ тридцат и три„ (Ibid).

[4]) Иноки обмѣняли его у Никифора Хмеленка на свой Понамаревскій дворъ. „З одное стороны отъ Бурсы студентское великое (онъ имѣетъ) аршиновъ тридцат и полъ сема, з другое стороны от монастырского Братского пляцу, называемаго Пекулицкого, аршиновъ пятдесят и два, тыломъ от пляцу Бибиковского аршиновъ шестдесят и осмъ а воротами противъ конгрегаціи Братское, аршиновъ такъже шестьдесятъ и осмъ“ (Ibid).

[5]) Пожертвованъ въ монастырь двумя кіевскими полковниками Павломъ Хмельницкимъ и Василіемъ Дворецкимъ. Насколько онъ былъ великъ, объ этомъ можно судить изъ слѣдующей выписи. „З одное стороны обмѣжу Хмелiовского пляцу (имѣетъ) аршиновъ пятдесят и два, и з другое стороны отъ пляцу Аксаковского, тамъ же аршиновъ пятдесятъ и два, въ тылу от двора отца Почеки, аршиновъ полъ девятнадцат, а уз ворота через улицу противъ палаты Братское аршиновъ осьмнадцатъ“ (Ibid).

[6]) Одна часть его подорена Өедоромъ Семеновичемъ, а другую монастырь обмѣнялъ за свой Каленниковичовскій пляцъ; расположенъ по той же улицѣ, что и Пекулитскій пляцъ. „З одное стороны от пляцу Аксаковского (онъ имѣетъ) аршиновъ сорокъ и девят, и з другое стороны от пляцу отцовъ Кирилскихъ акъ же аршиновъ сорокъ и девят, в тылу от двора Семенова Кривошкина и Не-

вритинскій [1]). Затѣмъ Кроковскій обратилъ вниманіе на земли, принадлежавшія Кресто-Воздвиженской и Трехсвятительской церквамъ. Въ этомъ случаѣ ему оказалъ большую услугу митрополитъ Варлаамъ, благодаря ходатайству котораго предъ московскими царями, Братскій монастырь получилъ подтвержденіе правъ на угодья этихъ церквей. Въ данной по этому случаю грамотѣ перечислялись всѣ эти угодья и опредѣлялись ихъ границы. [2])

божчикова Киприяновичова аршиновъ сорокъ и шесть, и воротами через улицу противъ монастыря Братского, *и винограду монастырскою* аршиновъ патдесят и три (Ibid).

[1]) Подоренъ паномъ Яцкомъ Гавритинскимъ, Величина его такова. „З одное стороны от пляцу Петра прозываемаго Черица, до полевины доляины, (имѣетъ) аршиновъ двадцат и пят, а за Черицов пляцъ, аж до улицы, идучое з Сенного торгу до церкви Борисоглѣбское, сей же зайшолъ пляцъ Гавритинскій, где вшир уз пляц Черицовъ аршиновъ девятнадцатъ и полъ аршина, уз улицу еще доляины до пляцу Бунковского аршиновъ тридцать и одинъ, в тылу от Бунковского пляцу, аршиновъ пятнадцать, от тылу тежъ другою стороною уз дворъ Івана Голика козака до улицы аршиновъ патдесятъ и три, а узъ ворота от Черицова пляцу до двора Голикова аршиновъ полъ осмнадцать" (Ibid).

[2]) Эти угодья и ихъ границы таковы: „Соколей-Рогъ рубежемъ почавъ отъ кладовища дорогою къ бору въ Рутку, отъ тогожъ кладовища долиною въ ручей верхняго Клова, ручеемъ въ глубокую долину, лѣсомъ на гору къ Великой межѣ, межою Великою къ стародавному путищу въ рощу Лясковскую, путищемъ въ старожевскую дорогу, а сторожевскою дорогою по Секерки въ Лыбедь. Другая нива за валомъ у крещатой долины по обѣ стороны дороги, долиною яругами около, изъ долины межою къ дорогѣ, за Ориненскимъ провалломъ; нива также Воздвиженская у Кощавого Бору; нива, на сей сторонѣ Кощавца, за Лыбедью; за Кощавымъ бродомъ нивы и борокъ рубежемъ по узкіе улицы; поверхъ Лыбеди на Теремцахъ, селище пустое прозванное Борщовка, нивы сѣножати у мостка по обѣ стороны дороги; въ обрубѣ грань лежитъ сверху къ низу рѣчки Борщовки лугами мокрыми сочавинами идущими дубровою къ дорогѣ Запольской. А на той сторонѣ Беризовки тамъ поля, сѣножати, земля бортная, во обрубежъ идегъ по одной сторонѣ рѣчка Борщовка, а съ другой стороны дорога Запольская да въ Глубокій Лугъ къ Сѣверцѣ, Сѣверкою въ Борщовку рѣчку, у валу, гдѣ Воздвиженская церковь бывала, нива по обѣ сторонѣ дороги по Яцкову межу, озеро Василевское у Черторый за Днѣпромъ съ сѣножатями, промежъ Чарторый рѣчки, и промежъ тогожъ озера Васильевскаго во Влуковѣ урочищѣ, три озера зъ зарожками криницами, одно великое прозвищемъ Три-тони, сверху выше Котельви криницы Воздвиженской, почавъ отъ лозъ верхнихъ, даже нанизъ жерелемъ въ другое озеро. Воздвиженское, про-

Въ томъ же году Кроковскій исходатайствовалъ и у гетмана Мазепы крѣпостный листъ на всѣ имѣнья и угодья, издавна принадлежавшія Братскому монастырю. Какъ выше нами замѣчено, универсалъ подобнаго содержанія выданъ былъ еще въ 1691 году на имя игумена Подлузскаго, но въ универсалѣ имѣнія были только кратко пересчитаны. Напротивъ, этотъ крѣпостной листъ посвященъ точному обозначенію состава этихъ имѣній и обстоятельному опредѣленію ихъ границъ. [1])

званіемъ Долгое и Узкое, которое взялось отъ Кіева и кончится въ озеро Тритони. Третье изъ тогожъ великаго озера Три-тони, жереломъ пошло промежъ лозъ и промежъ черету къ дорогѣ Вышгородской, тамъ же промежъ тѣхъ озеръ и лозъ сѣножати Воздвиженскія, сверху внизъ сконца въ конецъ" (Памятн., т. II, стр. 310—312).

[1]) Такъ, здѣсь указано, какими добрами владѣлъ монастырь въ селѣ Позднякахъ. Это были „сѣножать Пѣсочня прозываемая до Сухова дуба по Плоское озеро. Другая сѣножать Подкурье по дальную гать рубежемъ, почавъ отъ озера Тербина жереломъ Дарницею до нижней мельницы Печерской, до Воскрешенщины, отъ мельницы убедью до острого Рога, а отъ острого Рога до Шаломинъ, тою убедью; отъ Шаломинъ по конецъ Урлева гради, отъ Урлева въ Пенные Лозы, отъ Пенныхъ Лозъ въ Довгушу озеро, изъ Довгушки жереломъ въ сребренный Колъ, отъ сребреннаго Кола, долиною малою, въ конецъ Вязокъ, въ Княжей затонъ, отъ Княжего затону, на бродъ подъ Троецкій футоръ, отъ броду жереломъ до Весняка рѣчки, Весникомъ до Синятина, отъ Синятина до Порубежнаго, отъ Порубежнаго до Телячева, отъ Телячева, рѣчкою Позняковкою, до моста на Тербинъ рѣчкѣ, да въ рѣчку Дарницу". Мѣстечко Карпиловка съ своими приселками: Косачовкою, Лутавою и Виноозовомъ окружена была слѣдующими угодьями: Вырищемъ, Кровою, Ямою, Плотичемъ, Черною плавлею, Солонецкою, рѣчищемъ Сокиркою, Плотичемъ Клиточнымъ, Лопуховатымъ, Медвѣдковымъ, Грушевымъ, Комаровымъ, Линкомъ, Семчомъ, Холнискимъ, Избитскимъ и Старухою. Къ Карпиловкѣ же прилегали земли: Проскуринскія, Сорокушинскія, Щигельскія, Ходѣевскія, и Бубликовскія, острова Желѣзнякъ и Медвѣдковъ млинокъ, Лутавецкая мельница, дворовыя пустыя мѣста около Остра, купленныя вмѣстѣ съ строеніемъ у Ивана, у Кондрата Руденка и Павла Рѣдкого. Сюда же принадлежали остерскія мельницы, построенныя на „Кудиковской греблѣ", и берегъ рѣчки Десны, примыкающій къ Карпиловкѣ. Къ селу Мостищу между прочимъ принадлежали пустое мѣсто на Сирцѣ, за Кіевомъ и хуторъ, отказанный въ монастырь Григоріемъ Борисовымъ (Памятн. т. II, стр. 303—310)

После этого уже Кроковскій нашелъ возможнымъ хлопотать, чтобы права Братскаго монастыря на всѣ указанныя имѣнія были признаны и московскимъ правительствомъ. Съ этою цѣлію онъ отправился въ Москву. Тамъ онъ предъявилъ всѣ купчія крѣпости въ малороссійскій приказъ, гдѣ имъ сдѣланъ былъ реестръ, почти дословно сходный съ реестромъ 1691 года [1]). Хлопоты Кроковскаго увѣнчались успѣхомъ: онъ получилъ жалованную царскую грамоту отъ 11 января 1694 года, каковою монастырю предоставлялись права безпрепятственно владѣть всѣми вотчинами, пріобрѣтенными имъ отъ начала до послѣдняго времени [2]).

Стремленія Іоасафа Кроковскаго къ утвержденію правъ монастыря на принадлежащія ему угодья встрѣтили энергическія противодѣйствія со стороны жителей города Остра и прилегавшихъ къ нему деревень. Борьба между монастыремъ и острянами велась еще раньше, но теперь она приняла значительные размѣры. Кроковскій вышелъ изъ этой борьбы полнымъ побѣдителемъ.

Какъ извѣстно, Братскій монастырь пріобрѣлъ при гетманѣ Самойловичѣ село Карпиловку съ приселками Косачевкою и Лутавою. Эти имѣнія, въ виду того, что они окружены были землями общаго пользованія, могли на будущее время послужить удобнымъ центромъ для дальнѣйшаго распространенія монастырской собственности. Къ тому же, они закрывали собою путь изъ Остра въ „вольныя пущи“ остерскія. Жители Остра видѣли опасность своего положенія и старались ограничить права монастыря на эти имѣнія. Въ 1686 г. имъ удалось получить отъ гетмана Самойловича охранный универсалъ. Въ немъ гетманъ, въ виду „кривдъ“, будто бы учиняемыхъ „отцомъ ректоромъ и игуменомъ братскимъ кіевскимъ“, а именно отнятія у Остра „кгрунтовъ старинныхъ, полей, сѣножатей и пущи“, заявляетъ, что онъ

[1]) Голубевъ истор. Кіевск. Акад. стр. 18.

[2]) Памяти. т. II, XXIX.

не давалъ „полювъ, сѣножатей и лѣсовъ острянскихъ пререченному отцу ректору“, и потому постановляетъ, чтобы „онъ (ректоръ) не имѣлъ ихъ въ томъ кривдити“ и чтобы остряне пущу и другія угодья „заживали теперь, якъ и здавна“. Универсалъ этотъ не имѣлъ надлежащаго дѣйствія, и вопросъ объ остерскихъ земляхъ поднятъ былъ и при слѣдующемъ гетманѣ Мазепѣ. Особенному возбужденію его способствовало пріобрѣтеніе монастыремъ сельца Выповзовъ, чрезъ которое шелъ главный путь въ „вольныя острянскія пущи“. Мазепа сначала принялъ сторону Остра, призналъ справедливою „суплѣку“ его, „жебы село Выповзовъ, какъ писалъ онъ въ универсалѣ къ острянамъ, здавна къ городовѣ вашему полезное, по прежнему знову ваше было для спокойного уезджаня въ пущу, за тымъ селомъ найдуючуюся, і для безпечного уживаня всякихъ грунтовъ і хуторовъ въ томъ селѣ маючихъ“. Чтобы окончательно закрѣпить Выповзовъ за острянами, онъ обратился къ игумену Братскаго монастыря (вѣроятно Подлузскому) съ просьбою уступить означенное село Остру. Но просьба его не имѣла успѣха. Игуменъ на отрѣзъ отказалъ въ этой уступкѣ, а гетману, во избѣжаніе могущихъ возникнуть пререканій между городомъ и монастыремъ, пришлось оградить права и опредѣлить обязанности обѣихъ сторонъ. Монастырь, по постановленію Мазепы, „повиненъ самими *тилко тяглими тамошними людми виповзовскими владѣти*, а казакамъ тамъ живучимъ і вамъ всѣмъ, хтоли колвекъ якіе маетъ въ селѣ хуторѣ, кгрунта, фолварки і всякія угодія, жадного утиску і перешкоди чинити, також і до пущи здавна городовѣ вашему прислушаючой уежджати не можетъ забороняти“.

Повидимому этимъ рѣшеніемъ должны были остаться довольны обѣ стороны. Но на дѣлѣ оказалось иначе. „Чиненіе“ препятствій и „утисковъ“ со стороны управителей монастырскихъ, и карпиловскаго, и выповзовскаго, не только не прекратилось, но еще болѣе усилилось, вызывая новыя

и еще болѣе энергическія жалобы. Дѣло такимъ образомъ осложнилось, тѣмъ болѣе, что гетманъ, въ то время, какъ писалъ универсалъ въ пользу Остра, на словахъ отдалъ Выповзовъ монастырю, по крайней мѣрѣ въ іюнѣ 1693 года онъ увѣрялъ, что уже три года тому назадъ, т. е. въ 1689 г. онъ будто-бы уступилъ означенное село монастырю. Эта двойственность дѣйствій Мазепы вводила въ заблужденіе обѣ стороны: каждыя изъ нихъ, опираясь на документы, отстаивала свои интересы. Гетмана осаждали жалобами, пока, наконецъ, онъ 27 іюня 1693 г. не послалъ острянамъ грознаго универсала, извѣщавшаго о передачѣ Выповзова монастырю. Монастырь получилъ подтвержденіе своихъ правъ на Выповзовъ 4 августа того-же года. Въ немъ Гетманъ писалъ остерской старшинѣ: „Да тамъ же въ острицкомъ уездѣ вновь надаемъ селце, называемое Выповзовъ, *зо всѣми до него здавна належными кгрунтами, полями, сеножатми, лесами и озерами,* для вспартя недостатковъ того брацкого монастыря кіевского, *позволяючи зъ него всякіе пожитки привлащати и звичайную повинность отъ тяглыхъ людей мѣти*". Въ заключеніе гетманъ предписывалъ: „абы нѣхто въ старшини войсковой и мѣской не важился помененному отцу ректору зо всею братьею въ тихъ добрахъ и въ прісканію зъ нихъ всякихъ пожитковъ жадной наименшой трудности и перешкоди чинити".

Такимъ образомъ село Выповзовъ перешло въ руки Братскаго монастыря не только со всѣми тяглыми людьми, но и со всѣми землями и угодьями, вопреки универсаламъ и Самойловича и предшествовавшимъ распоряженіямъ самого же Мазепы. Противорѣчивыя распоряженія лишь усиливали обостренность борьбы, такъ что въ 1694 году оказалось необходимымъ послать для выясненія дѣла цѣлую коммиссію. Съ обѣихъ сторонъ для разбора дѣла было представлено нѣсколько документовъ, доказывающихъ ихъ права на село Выповзовъ и его пущу. Для улаженія отношеній важное

значеніе имѣлъ представленный намѣстникомъ монастыря Пароеніемъ Радовичемъ и карпиловскимъ городничимъ Лазаремъ Тарасовскимъ въ коммиссію универсалъ Мазепы отъ 14 іюля 1693 г., о которомъ коммисары замѣтили слѣдующее: „а той универсалъ дванадцями днями датою упредилъ унѣверсалъ послѣдній острянскій, о которомъ унѣверсалѣ, братству кіевскому данномъ, острянамъ і всему полку кіевскому всякое кондиціи людемъ вступъ по дерево не только до пущи карпиловское і лутавское, але і до пущи Виповзовское забороняетъ і запрещаетъ".

Остерской старшинѣ, козакамъ, мѣщанамъ и посполыству остерскому, въ виду этого, оставалось подчиниться рѣшенію коммисаровъ и принять съ совершенно неожиданными ограниченіями „вѣчное постановленіе", а именно, что „острянамъ не только до пущи виповзовское по всякое дерево волній вступъ и произдъ безъ докладу, але и до карпиловское и лутавское пущи *по лежачое дерево и по сухое* волній также *безъ докладу виздъ* маетъ бити, *а по дерево засъ сирое и на будинокъ згожое* до карпиловское и лутавское пущи *повинни будутъ остряне... зъ докладу городничого карпиловского въижджати и дерево рубати; а безъ докладу каждій такое дерево рубаючій грабежови подпадаетъ и подлъгаши маетъ, а еслибы таковой человѣкъ и таковое дерево рубаючій не далъ себѣ въ лѣсѣ албо на дорозѣ постиженій пограбити, таковогю передъ судъ належній запозвати городничому волно будетъ, а судъ слушную и неодволочную справедливость учинити повиненъ, по закладомъ на кождого сіе постановлене доброволне ломаючого до скарбу войскового тысячу золотыхъ*" [1]).

Такъ закончилась эта продолжительная и запутанная борьба Братскаго монастыря съ остерскими жителями.

Одновременно съ этимъ Кроковскому пришлось вести тяжбу съ межигорскимъ монастыремъ за право владѣнія

---

[1]) И. Лучицкій. „Гетманъ Мазепа и остерскія общія земли" (Кіев. Стар. 1892 г. № 1, стр. 110—118).

мельницами, находившимися на рѣчкѣ Которѣ.—Братскій монастырь отстаивалъ свои права на основаніи даннаго ему универсала Богдана Хмельницкаго на село Мостище и на рѣчку Которъ вмѣстѣ съ мельницами. Владѣнія межигорскаго монастыря граничили съ рѣчкою Которъ, и потому съ теченіемъ времени межигорскіе иноки „въ млынахъ которскихъ мельницкіи части себѣ покупили", испросивъ себѣ на это гетманскіе универсалы и даже царскія жалованныя грамоты. Для прекращенія спора между двумя монастырями, по распоряженію Мазепы, составлена была коммиссія изъ трехъ членовъ: Захаріи Шійкевича, Якова Жураховскаго и Василія Гуменскаго. По разслѣдованіи дѣла, коммиссія слѣдующимъ образомъ распредѣлила которскія мельницы. Братскій монастырь получилъ: „полчварта кола млыва, а двѣ колѣ ступныхъ, именно двѣ колѣ млыва и третее ступное въ млынахъ, бывшихъ Силенковыхъ мѣщанина кіевскаго одно коло млыва, а другое ступное въ млынѣ мельника называемаго Мишка, а полкола млыва у млынѣ Яцихи вдовы". На долю же межигорскаго монастыря пришлось: „тожъ полчварта кола млыва, и двѣ колѣ ступныхъ, именно: коло одно млыва въ млынѣ ихъ монастырскомъ при самой вершинѣ Котора выставленномъ; двѣ колѣ млыва, а третее ступное у млынѣ, у мельника Мишка купленномъ найдуючіися; полкола млыва и коло цѣлое ступное, въ млынѣ вдовы Яцихи будучіи". Этимъ рѣшеніемъ обѣ стороны остались довольны, но вскорѣ „звада и непокой" возникли вслѣдствіе того, что нѣкоторыя „мельницкія части". принадлежавшія межигорскому монастырю, оказались въ братскихъ мельницахъ. Для примиренія враждующихъ сторонъ Мазепа пригласилъ межигорскаго игумена Ѳеодосія Васьковскаго и братскаго Іоасафа Кроковскаго къ себѣ въ Батуринъ. Братскій монастырь, по предложенію Мазепы, уплатилъ за „мельницкую часть, коштомъ отцовъ межигорскихъ набытую", полторы тысячи грошей, и дѣло о которскихъ мельницахъ было окончено [1]).

[1]) Акты Запад. Россіи, т. V № 258.

На основаніи представленнаго нами перечня имѣній, какими владѣлъ Братскій монастырь при Кроковскомъ, легко можно допустить ошибочное представленіе о средствахъ монастыря. На первый разъ можетъ показаться, что монастырь имѣлъ большіе доходы съ своихъ имѣній, численность которыхъ была значительна. На самомъ же дѣлѣ доходы были не такъ велики. Дѣло въ томъ, что величину селъ и мѣстечекъ, какими владѣлъ въ то время монастырь, нельзя измѣрять съ точки зрѣнія современныхъ понятій: самое многолюдное изъ монастырскихъ селъ—Новоселки, съ четырьмя своими приселками, содержало въ себѣ, какъ это видно изъ просительной грамоты Варлаама Ясинскаго, только полтораста человѣкъ жителей. Въ сравненіи съ Новоселками остальныя имѣнія были ничтожными, иначе Варлаамъ Ясинскій не жаловался бы на безпомощность монастыря послѣ разоренія этого села. Это были хутора съ нѣсколькими десятками жителей. Кромѣ того, въ этихъ имѣніяхъ вмѣстѣ съ оброчными людьми жили и козаки, которые, въ награду за участіе въ войнѣ, во всѣхъ царскихъ и гетманскихъ грамотахъ были освобождены отъ всѣхъ повинностей и податей въ отношеніи къ монастырю и, не смотря на свою численность, не приносили никакой пользы ему. Далѣе, владѣніе этими вотчинами, благодаря обстоятельствамъ того времени, не было прочно и правильно организовано. Монастырь владѣлъ этими вотчинами не всѣми вдругъ, а получалъ ихъ одну за другою, да и каждою въ частности владѣлъ непостоянно. Потеря одного имѣнія вознаграждалась дачею другого, по большей части разореннаго, устройство котораго требовало значительныхъ усилій со стороны самого монастыря. У каждаго новаго польскаго короля, новаго гетмана и государя московскаго монастырь вынужденъ былъ хлопотать о потвержденіи правъ на прежнія владѣнія. Все это требовало значительныхъ издержекъ и опустошало монастырскую казну. Немалыхъ усилій стоило монастырю отстоять свою собственность и отъ мелкихъ притѣснителей. Къ тому же, монастырь

владѣлъ означенными имѣніями не одинъ, но вмѣстѣ съ училищемъ. Училищный монастырь прежде всего долженъ былъ заботиться о нуждахъ училища, тѣмъ болѣе, что игуменъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ былъ ректоромъ училища. Возстановленіе неоднократно разрушаемыхъ школьныхъ зданій и вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе ихъ требовало со стороны монастыря значительныхъ издержекъ. Надобно принять къ свѣдѣнію и то, что въ школу поступали большею части дѣти бѣдного сословія, для которыхъ монастырь долженъ былъ дать помѣщеніе и хотя какое-нибудь содержаніе. Профессоры и учители училища были вмѣстѣ съ тѣмъ и братіями монастыря. Хотя они служили мѣсту своего воспитанія, посвящали ему всѣ свои силы изъ одной благодарности и не получали изъ монастыря никакого жалованія, однако имъ нужно было дать соотвѣтствующее ихъ положенію содержаніе. Правда, изъ государственной казны на содержаніе училища съ 1694 года стали отпускать ежегодно пятьдесятъ рублей и пятьдесятъ четвертей хлѣба [1]), но этотъ окладъ былъ незначительнымъ подспорьемъ для монастыря въ его заботахъ о содержаніи училища.

Можно положительно сказать, что монастырь получалъ незначительные доходы съ своихъ имѣній. Изъ вѣдомости, представленной монастыремъ митрополиту Гавріилу Кременецкому 19 марта 1771 года видно, что монастырь въ 1769—1771 гг. ежегодно получалъ доходу со всѣхъ оброчныхъ статей до восьмисотъ пятидесяти девяти двойницъ и шестнадцати четвертокъ съ третьми (по тогдашней мѣрѣ) разнаго хлѣба, да до трехъ тысячъ ста девяноста четырехъ рублей девяносто семи копѣекъ денегъ. Нужно замѣтить, что этотъ доходъ получался въ то время, когда монастырь, кромѣ семи вотчинъ, пріобрѣтенныхъ въ описываемое время, владѣлъ еще тремя новыми селами; когда оброчныя статьи приносили больше доходу, благодаря увеличенію народонаселенія въ

[1]) Памятн. т. II. № XXX.

селахъ и развитію сельской промышленности, когда самый сборъ оброковъ производился съ большею безпрепятсвенностію и точностію. Въ описываемое время доходы монастыря не превышали и половины указанной суммы и крайне были недостаточны для содержанія монастыря вмѣстѣ съ училищемъ [1]).

Но какъ бы то ни было, все же монастырское хозяйство, благодаря заботамъ Кроковскаго, сравнительно съ прежнимъ временемъ, значительно было поднято. Со свойственнымъ ему знаніемъ людей, онъ назначилъ въ экономы монастыря іеромонаха Радовича, человѣка вполнѣ достойнаго—„трезваго, дѣльнаго, трудолюбиваго, догадливаго". Радовичъ оправдалъ возлагаемыя на него надежды и показалъ, что̀ можно сдѣлать благодаря умѣлому веденію дѣла. При немъ монастырское хозяйство измѣнилось до неузнаваемости. „Явились съѣстные и питейные и къ другимъ нуждамъ потребные припасы, пишетъ очевидецъ, а прежніе мизерные изъ торжковъ покупки воспоминали мы со смѣхомъ въ притчу." Къ сожалѣнію, Радовичъ былъ недолго экономомъ Братскаго монастыря. Вскорѣ его перевели на таковую же должность къ архіерейскому дому въ софійскій монастырь. Вслѣдствіе этого монастырскій бюджетъ значительно сократился, и „училищная обитель въ прежнее оскудѣніе возвратилась" [2]).

Въ заключеніе нашей рѣчи о настоятельствѣ Іоасафа Кроковскаго намъ еще остается сказать о сооруженіи каменной Богоявленской церкви нашего монастыря.—По общепринятому преданію, сооруженіе ея относится къ концу XVII или началу XVIII вѣка и приписывается гетману Ивану Мазепѣ. Что касается письменныхъ свѣдѣній, то единственнымъ, на которое ссылаются описатели Кіева, является замѣчаніе помѣщенное въ кіевскомъ мѣсяцесловѣ 1799 года, гдѣ сказано, что огромная, каменная Богоявленская церковь

[1]) Макарій, Истор. Кіев. Акад. стр. 50—52; Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. I, стр. 264—266.

[2]) Письма Θеофана Прокоповича (Труд. Кіев. Акад. за 1865 г. № 10, срт. 274—279).

Братскаго монастыря построена въ 1693 году. На Мазепу, какъ на строителя этой церкви, первый указалъ Похилевичъ въ „Описаніи церквей и монастырей г. Кіева“, хотя и голословно; время ея сооруженія онъ отнесъ къ году, показанному въ мѣсяцесловѣ. Костомаровъ въ своей монографіи о „Мазепѣ“, сославшись на мѣсяцесловъ 1799 г. и на Похилевича, сказалъ, что братская Богоявлянская церковь и большая церковь Кіево-Николаевскаго монастыря построены въ 1690 году Мазепою. Такимъ образомъ сооруженіе нашей Богоявленской церкви приписывается Мазепѣ по преданію, а годъ указывается приблизительно. Свидѣтельство преданія можно подтвердить и письменными современными документами. Въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Малор. д. 1693 г. № $\frac{901}{866}$) хранится письмо Мазепы къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ отъ 21 мая 1693 года, относящееся къ построенію братской и кіевониколаевской церквей, въ которомъ указаны и строитель и мастеръ этихъ церквей. Въ письмѣ этомъ Мазепа между прочимъ пишетъ, что „москвичъ, каменнаго дѣла мастеръ, Іосифъ Димитріевъ обязался выставить ему двѣ каменныя церкви—одну въ монастырѣ братскомъ, а другую въ пустынскомъ св. Николая и получилъ по условію всѣ деньги пять тысячъ рублей, борошно и солонину, а дѣло церквей еще не окончено и много не приведено до своего совершенства, и потому просилъ выслать этого мастера въ Кіевъ, такъ какъ по слухамъ онъ хочетъ ѣхать на работу въ Смоленскъ.“ Такимъ образомъ наша Богоявленская церковь сооружена была около 1693 года и строителемъ ея несомнѣнно былъ Мазепа [1]).

---

[1]) П. Л—въ „Историческія замѣтки о Кіевѣ“ (Кіев. Стар. 1884 г. № 10, стр. 231—232)—Приведемъ выдержки изъ этихъ замѣтокъ о сооруженіи такъ называемаго мазепинскаго академическаго корпуса, который былъ построенъ значительно позднѣе Богоявленской церкви. „Также по преданію, читаемъ мы тамъ, безъ современныхъ письменныхъ указаній, приписывалось Мазепѣ и построеніе нижняго этажа стараго академическаго корпуса, въ которомъ нынѣ помѣщается музей академіи.. Единственное свидѣтельство изъ прошлаго столѣтія о построеніи

Какъ производилась самая постройка этой церкви, неизвѣстно. Берлинскій въ своемъ описаніи Кіева [1]) сообщаетъ намъ о незначительной, но характерной особенности первоначальнаго вида этого храма; онъ говоритъ, что тщеславіе Мазепы простиралось до того, что во всѣхъ воздвигаемыхъ зданіяхъ онъ велѣлъ помѣщать свой гербъ на дверяхъ, окнахъ, карнизахъ, алтаряхъ и т. д., словомъ, гдѣ только можно было, На основаніи этого свидѣтельства,—если только оно достовѣрно,—какъ на отличительную особенность этой церкви, нужно слѣдовательно указать на то, что она во многихъ мѣстахъ, разумѣется, на самыхъ видныхъ, была покрыта гербами своего строителя. Послѣ измѣны Мазепы, по всей вѣроятности, всѣ эти гербы были уничтожены.

При Іоасафѣ Кроковскомъ между прочимъ архимандритъ Симонова монастыря Каріонъ Заулонскій пожертвовалъ въ Братскій монастырь большаго формата евангеліе московской печати 1689 г. Въ 1723 г. при игуменѣ Іосифѣ Волчанскомъ оно было оправлено въ серебровызлащенный окладъ.

Мазепой нижняго этажа стараго академическаго корпуса находится въ старой описи кіево-михайловскаго монастыря, гдѣ сказано, что „митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій истощи имѣніе свое на созиданіе кіевскихъ училищъ, аже *на древнемъ Мазепы Гетмана основаніи* красно архитекторомъ иноземцемъ соверши". Изъ сличенія же стараго академическаго корпуса въ нынѣшнемъ его состояніи съ первоначальнымъ его видомъ, сохранившимся въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора на гравюрѣ 1700—1703 г. (См. Кіев. Старина 1882 г февраль стр. 124), изданной при ректорѣ Колачинскомъ, можно усмотрѣть, что Мазепой устроенъ для академія не одноэтажный, а двух-этажный корпусъ, и что митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ преобразована только средняя часть верхняго этажа, въ которой устроенъ залъ, съ хорами на двухъ сторонахъ, и пристроена конгрегаціонная церковь съ куполомъ, и двѣ комнаты между церковью и заломъ, а двѣ комнаты съ западной стороны, изъ коихъ въ одной въ 1837 году помѣщена лѣстница, служившія до 1869 года классными аудиторіями, остались въ первобытномъ своемъ состояніи, кромѣ задѣлки окошекъ въ южной стѣнѣ, сдѣланной въ 1868 году при ректорѣ архимандритѣ Филаретѣ." (Ibid).

[1]) стр. 98.

Теперь оно хранится въ ризницѣ минскаго каѳедральнаго собора. Внизу по листамъ этого евангелія находится слѣдующая подпись: „Лѣта 7205, Іюля 22 дня, Святое Евангеліе вкладъ далъ ради спасенія души своея симонова монастыря Архимандритъ Каріонъ Заулонскій въ Монастырь Кіево-Братскій и помяновенія ради отца своего духовнаго Архимандрита Вареоломея и родныхъ своихъ: Павла, Марка, Варвары, Матроны, Емиліана, Елевѳерія младенца. А сіе Евангеліе дается въ монастырь Кіево-Брацкій при всечестномъ отцѣ Іоасафѣ Кроковскомъ, Ректорѣ Братскомъ и Игуменѣ монастыря Свято-Никольскаго Пустыннаго Кіевскаго, благоволеніемъ Божіимъ избраннаго на архимандрію Печерскую. Року 1697, Марта 26". По краямъ оклада верхней доски вычеканена надпись такого содержанія: „На которомъ Евангеліи серебра съ позолотою застаетъ В. Н. гривень, Fecit Ioan Ravicz Kioviae. Тщаніемъ же высоце во Богу превелебнаго отца Іосифа Волчанскаго, Ректора и Игумена въ тотъ часъ будучаго." По краямъ нижней доски также вычеканена надпись. Она гласитъ: „Року 1723 обновися сіе Евангеліе, монастыря Брацкаго, Богоявленскаго Кіевскаго коштомъ монастырскимъ [1]).

Въ слѣдующее затѣмъ время 1697—1721 г.г., во время настоятельства *Прокопія Колачинскаго, Гедеона Одорскаго, Иннокентія Поповскаго, Христофора Чарнуцкаго, Ѳеофана Прокоповича II-го и Сильвестра Помовскою,* южно-русское общество по прежнему остается вѣрно своему благосклонному отношенію къ нашему монастырю, какимъ оно заявляло себя въ прежнее время. По прежнему, хотя и не такъ часто, какъ въ былое время, оно продолжаетъ надѣлять монастырь поземельною собственностію. Это были послѣднія крупныя пожертвованія на нашъ монастырь. Въ послѣдующее за тѣмъ время, время реакціоннаго движенія противъ монастырскаго имущества, отношенія общества къ нашему монастырю становятся совершенно иными. Выясненію этихъ отношеній мы

[1]) Описаніе церквей и приходовъ минской епархіи. Минскъ. 1878 г. стр. 13.

посвятимъ слѣдующую главу нашего сочиненія, а теперь пока ограничимся этимъ общимъ замѣчаніемъ.

Преемникомъ Кроковскаго [1]) былъ *Прокопій Колачинскій*, управлявшій нашимъ монастыремъ съ 1697 по 1701 годъ включительно.

Правленіе этого игумена для насъ особенно важно въ томъ отношеніи, что при немъ монастырь вмѣстѣ съ училищемъ царскою жалованною грамотою отъ 26 сентября 1701 г. былъ огражденъ отъ всякихъ притязаній со стороны мѣстнаго управленія. Какъ извѣстно, кіевскіе мѣщане позволяли себѣ вмѣшиваться въ дѣла монастыря и тѣмъ причиняли ему не мало непріятностей и безпокойствъ. Во время Колачинскаго этому самоуправству мѣщанъ былъ положенъ конецъ [2]).

Хлопоты предъ московскимъ правительствомъ не отвлекали вниманія Колачинскаго отъ управленія ввѣреннымъ ему монастыремъ. Такъ, онъ купилъ у Өеодоры Яковихи за пятьсотъ золотыхъ мельницу на рѣчкѣ Которъ. Въ тоже время Василій Семеновичъ Кропива, житель кудиковской „гребли“, подарилъ монастырю принадлежавшую ему около этой „гребли“ землю и „гай“, находившійся въ успѣровскомъ хуторѣ. По просьбѣ Колачинскаго, всѣ эти пріобрѣтенія закрѣплены были за монастыремъ гетманскимъ универсаломъ отъ 14 января 1698 года [3]).

Въ то же самое время и монастырская ризница пополнялась значительными пожертвованіями. Такъ, префектъ меньшаго собранія (minoris cognregationis) Антонъ Антоновичъ вмѣстѣ съ своею матерью Пелагеей Антоновой пожертвовали

---

[1]) Въ 1697 г. онъ избранъ былъ архимандритомъ печерской лавры, а въ 1707 г. былъ назначенъ митрополитомъ кіевскимъ. Въ этотъ санъ былъ посвященъ въ Москвѣ 15 августа 1708 г. Стефаномъ Яворскимъ, мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Умеръ въ Твери 1 іюля 1718 г. по дорогѣ въ Петербургъ. Погребенъ 24 августа (словарь достопамятныхъ людей Русской земли, изд. Александромъ Ширяевымъ. Москва 1836 г. ч. 1, стр. 147—438).

[2]) Памяти. т. II, №№ XXXI и XXXII.

[3]) Прилож. № XXIII.

въ монастырь серебряную чашу. Въ этомъ же году монастырь получилъ сохранившееся еще до настоящаго времени малое евангеліе, съ обѣихъ сторонъ обложенное сребровызлащенными досками съ надписью по краямъ: „Hoc Sanctum Evangelium obtulit societati Marianae Academiae Kiioviensis rector emeritissimus, archimandrita Kiiovopeczariensis Lawrae sanctae Joasaphus Krokowski anno, duo Deus exerit lapsum hominem, 1701 Martii 25.“ Около того же времени кіевскій бургомистръ Тарновіотъ подарилъ монастырю большое евангеліе [1]).

Заботясь о матеріальномъ благосостояніи ввѣреннаго его попеченію монастыря, Колачинскій не пренебрегалъ и такими статьями дохода, какъ продажа вина: при немъ,—какъ это мы можемъ заключить изъ свидѣтельства межигорскаго игумена Θеодосія Васьковскаго,—нашъ монастырь находилъ подспорье для своего существованія въ содержаніи „шинковъ“,—винныхъ лавокъ [2]). Явленіе это, предосудительное и невозможное для монастыря въ настоящее время, тогда было зауряднымъ: съ нимъ можно встрѣтиться въ исторіи всѣхъ монастырей того времени.

Колачинскаго смѣнилъ [3]) въ нашемъ монастырѣ *Гедеонъ Одорскій* и управлялъ имъ съ 1702 по 1705 г.

Одорскому предстояло позаботиться о томъ, чтобы заселить вольными людьми опустошенное во время прежнихъ военныхъ смутъ село Плисецкое, находившееся около Фастова. Съ этою цѣлью въ 1702 г. онъ обратился къ гетману Мазепѣ, представивъ ему, для доказательства правъ монастыря на это село, жалованную грамоту царя Алексѣя Михайловича. Гетманъ „внялъ справедливой просьбѣ всечестнаго отца ректора, имѣя особое уваженіе и начальническую покро-

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. I, стр. 161.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Отдѣлъ II, стр. 116.

[3]) Въ 1706 г. онъ былъ уже игуменомъ кіево-николаевскаго монастыря но гдѣ и когда скончался—неизвѣстно (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. уч. т. I, стр. 291).

вительствующую привերженность къ святой кіево-братской обители", и 29 іюля выдалъ свой универсалъ, которымъ позволялось заселить Плисецкое достаточнымъ количествомъ людей изъ лѣвобережной Украйны и которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялись соотвѣтствующія права монастырю въ управленіи вновь поселившимися людьми [1]). Помимо этого, Мазепа 1-го мая 1702 года отдалъ монастырю Влуковъ островъ съ озерами и со всѣми принадлежавшими къ нему угодьями [2]), и 18 августа 1703 г. пожертвовалъ на монастырь дворъ мѣщанина Осипа Скородки, находившійся около Ильинской церкви [3]).

Братскій монастырь около этого времени терпѣлъ отъ жителей города Остра значительныя притѣсненія. Они употребляли на свои домашнія нужды монастырскій лѣсъ и тѣмъ причиняли ущербъ карпиловской пущѣ. Одорскій обратился съ жалобой къ Мазепѣ, прося его прекратить это своеволіе острянъ. 10 февраля 1804 года гетманъ послалъ въ Остеръ грозный универсалъ такого содержанія: „Рейменторско варуемъ и приказуемъ, абы нѣкто з людей остерскихъ и посторонных старших и меньшихъ болшъ отъ сего часу пречечоной пущи, ани явнымъ, ани потаемнимъ рубанемъ деревиѣ на жадніе свои потреби не отважился пустошити. А еслибы которій и над сей нашъ заказъ поважился въ пущи той безъ волѣ и вѣдома законниковъ Братскихъ деревию на будинки, албо якіе домашніе обпалки рубати, тоди таковаго позволяемъ грабити забирати, и у суду належи того з него справедливости искати, з которого всюди абы била належитая неотволочная чинена управа и повторе сымъ же унѣверсаломъ нашимъ варуемъ и приказуемъ" [4]).

Не ограничиваясь признаніемъ правъ монастыря на село Плисецкое со стороны гетмана, Одорскій обратился къ им-

[1]) Памятн. № XXXIII.
[2]) Прибав. къ Опис. Соф. соб., стр. 212.
[3]) Аскочевскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. I. стр. 259.
[4]) Прилож. № XXIV.

ператору Петру своею грамотою отъ 21 мая 1703 года. Петръ подтвердилъ универсалъ Мазепы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой же самой грамотѣ онъ приказалъ точнѣе размежевать всѣ монастырскія земли, не исключая и дворовыхъ мѣстъ на Подолѣ, и распорядился взыскать съ Межигорскаго монастыря въ пользу Братскаго тысячу ефимковъ за незаконное присвоеніе имъ нѣкоторыхъ имѣній, принадлежавшихъ послѣднему [1]). Въ томъ же году императоръ пожаловалъ монастырю шесть дворовыхъ мѣстъ на Подолѣ [2]).

При *Иннокентіи Поповскомъ*, смѣнившемъ собою Гедеона Одорскаго [3]) и управлявшемъ монастыремъ въ 1705 и 1706 гг. [4]), Братскій монастырь, въ присутствіи митрополита Варлаама, имѣлъ счастіе торжественно принимать 4 іюля 1706 г. въ своихъ стѣнахъ Петра I, своего вѣнценоснаго благодѣтеля, который прибылъ въ Кіевъ для заложенія кіевопечерской крѣпости.

Годомъ ранѣе предъ этимъ ризница нашего монастыря обогатилась новымъ приношеніемъ, памятнымъ не столько по цѣнности своей, сколько по усердію и знаменитости жертвователей. Питомцы кіевской коллегіи, стоявшіе уже на высокой чредѣ іерархическаго служенія, между которыми были такія выдающіяся лица, какъ Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій, Сильвестръ Крайскій, Антоній Одиновичъ, Рафаилъ Краснопольскій, Иродіонъ Жураковскій, Θеофилактъ Лопатинскій и другіе, числомъ до ста четырнадцати,—всѣ эти лица на общія средства соорудили цѣнное, превосходной

---

[1]) Макарій, Истор Кіев. Акад. стр. 110.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ съ его др. учил. ч. I, стр. 259.— При Одорскомъ, по мнѣнію Аскоченскаго, воздвигнутъ былъ и старый академичесьій корпусъ. Осенью 1705 года заложенъ былъ фундаментъ этого зданія, а весною выведены были стѣны подъ наблюденіемъ самого гетмана (Ibid. стр. 291—292). Сооруженія этого зданія нужно отнести къ болѣе раннему времени; такъ Кодачинскому, предшественнику Одорскаго, былъ поднесенъ адресъ съ изображеніемъ этого корпуса.

[3]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. I, стр. 292.

[4]) Въ 1705 г. онъ былъ переведенъ въ Батуринъ архимандритомъ крупицкаго монастыря. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. I, стр. 291—292)

работы, сребровызлащенное евангеліе и пожертвовали его въ Братскій монастырь, гдѣ оно и до сихъ поръ хранится въ конгрегаціонной церкви. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала іеромонаху Антонію Стрешковскому, также воспитаннику Коллегіи, въ то время учителю реторики въ Москвѣ. Исторія этого приношенія такова. Евангеліе это, какъ пишетъ въ послѣсловіи къ нему Стрешковскій, сооружено по указу государскому и по благословенію преосвященныхъ „архіереевъ, великихъ ревнителей православно-восточныя вѣры и присныхъ рачителей ученій свободныхъ Варлаама Ясинскаго милостію Божіею православнаго архіепископа митрополита кіевскаго, галицкаго, всея Малыя Россіи. Такожде преосвященнаго Стефана Яворскаго, милостію Божіею православнаго архіепископа, митрополита рязанскаго и муромскаго, въ то время между патріаршествомъ екзарха и блюстителя престола патріарха московскаго. Отъ послушанія святаго жительствующу мнѣ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ училищахъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 ноемврія въ 21 день, бысть ко мнѣ соборное посланіе отъ собранія младенческого кіево-могиліанскаго сицевое: да быхъ памятовалъ о мѣстѣ, въ немже есть со прочіими духовнѣ усыновленъ, и да быхъ мній единъ отъ тогожде собранія здѣ на послушаніи святомъ пребывая, попеклся между доброхотными датели духовного и мірского чину, о нѣкоемъ украшеніи въ вышереченный храмъ; и той епистиліи прочтеннѣй во услышаніе всѣмъ, предъ честными отцы учительми и братіею, по семъ начахъ воспоминати имъ клятвы и обѣты, ими же клялися, вписующе имена своя въ собраніе Богородично, яко всякъ обѣщася въ коемъ либо чинѣ Божіею помощію пребудетъ, оное святое мѣсто блажити и всегда о немъ памятствовати. Абіе вси согласно на благое дѣло соизволиша, и что коемуждо Господь Богъ на сердце положи доброхотнѣ по времени даша, съ подписаніемъ рукъ власныхъ на хартіи“ [1]).

[1]) Евангеліе это хранится тепе ь въ Конрегаціонной академической церкви.

Не довольствуясь участіемъ въ этомъ общемъ приношеніи, Стрешковскій въ томъ же 1705 году соорудилъ на свои средства для монастыря серебряную кадильницу [1]) и серебряную медаль, осыпанную разноцвѣтными камнями и украшенную буквами I. X. C. Назначеніе медали было служить украшеніемъ къ образу Благовѣщенія, помѣщавшемуся въ Конгрегаціонной церкви. Она была утеряна, а въ 1834 году найдена на академическомъ дворѣ при раскопкѣ земли [2]).

Въ слѣдующемъ году іеродіаконъ Геронтій Великопольскій завѣщалъ въ конгрегаціонную монастырскую церковь, „ради поминовенія души своей", икону на кипарисѣ, съ изображеніемъ Владимірской Богоматери, оправленную въ серебряную ризу [3]).

Поповскаго смѣнилъ на настоятельствѣ въ нашемъ монастырѣ *Христофоръ Чарнуцкій* (съ 1707 по 1709 г.). Вступивъ въ управленіе нашимъ монастыремъ, онъ началъ хлопотать о томъ, чтобы возвратить монастырю принадлежавшее ему прежде село Стайки. Съ этою цѣлью онъ представилъ гетману Мазепѣ документы, подтверждающіе права монастыря на это село. Гетманъ, признавъ эту просьбу справедливою и „не противною общественному праву" и „имѣя особенное уваженіе къ коллегіальному братскому монастырю, всей православной церкви благопотребному и благополезному", утвердилъ 15 Іюля 1707 г. право монастыря на село Стайки со всѣми принадлежащими къ нему угодьями и перевозомъ на Днѣпрѣ [4]). А въ слѣдующемъ году 20 сентября, по ходатайству митрополита Іоасафа Кроковскаго, эти же самыя права монастыря были подтверждены и императоромъ Петромъ [5]).

При этомъ же игуменѣ въ іюлѣ 1708 г. улажены были недоразумѣнія между нашимъ монастыремъ и михайловскимъ, возникшія изъ-за границъ между пущами плисецкою и да-

[1]) Ibid. стр. 261.
[2]) Ibid. стр. 354.
[3]) Ibid. стр. 261.
[4]) Памят., т. II. № XXXIV.
[5]) Прибав къ Опис. Соф. собр., стр. 212.

даниловскою. Дѣло въ томъ, что михайловскій монастырь, не имѣя никакихъ документовъ для опредѣленія границъ своей даниловской пущи, незаконно присвоилъ себѣ часть плисецкой земли, принадлежавшей Братскому монастырю. Наряжена была коммиссія изъ консисторскихъ іеромонаховъ Евстратія и Григорія Кошкевича для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ самаго спора. Опираясь на документы и свидѣтельства знающихъ людей, старожиловъ васильковскихъ: Саввы Корнѣенка, Романа Лежика и Захаріи Сенютенка, Братскій монастырь шагъ за шагомъ могъ указать границы своихъ владѣній. На основаніи этихъ показаній, коммиссія разграничила точнымъ образомъ эти пущи и тѣмъ прекратила споръ между монастырями. Границы эти такъ опредѣлялись: „Почавши от долины луговины в вершинѣ Бобрицѣ речки, нижей врочища Багринъ копцами (межевая яма) и нижей Круглика леска ку Плесецкому на дорогу Княжицкую по над тую дорогу такъ же старинными копцами обрѣтающимися в кгрунтехъ Аксаковскихъ Даниловскихъ до верху Гниловода, где онъ старих же копцовъ высокихъ просто старинною дорогою новосіолскою, чрезъ долину до двохъ новыхъ копцовъ. Отъ новыхъ копцовъ дорогою старинною Лисовскою до криницы, при которой копецъ новый, отъ криницы просто до вершины речки Кладовой и копца, Кладовою до Урпеня и тамъ далѣи. По якихъ копцахъ провадячи мается именовати и именуется по левомъ боку кгрунтъ Плесецкій, бисвупскій, и по правомъ Аксакувскій Даниловскій.“

Но этимъ не ограничились постановленія коммиссіи. Такъ какъ иноки михайловскаго монастыря отдали часть присвоенной земли Братскаго монастыря въ плесецкой пущѣ солтановскимъ жителямъ подъ посѣвъ, а часть для той же цѣли оставили себѣ, то коммиссары постановили взыскать десятую часть со всего уродившагося на этомъ мѣстѣ хлѣба въ пользу Братскаго монастыря [1]).

[1]) Мировая запись была составлена въ онуфріевскомъ скиту михайловскаго монастыря, находившагося подъ рѣчкою Гниловодомъ (Прилож. № XXV).

Послѣ Чарнуцкаго [1]) нашимъ монастыремъ управлялъ знаменитый *Ѳеофанъ Прокоповичъ II-й*. Онъ родился 8 іюня 1681 года въ мѣщанской семьѣ и при крещеніи нареченъ Елеазаромъ. Лишившись на третьемъ году своего отца, Прокоповичъ поступилъ на воспитаніе къ своему дядѣ іеромонаху Ѳеофану Прокоповичу, бывшему тогда ректоромъ коллегіи. Блестящія дарованія мальчика были замѣчены дядей и онъ опредѣлилъ его въ низшіе классы училища. На восьмомъ году Елеазаръ Прокоповичъ лишился своего дяди и взятъ былъ на воспитаніе какимъ то кіевскимъ мѣщаниномъ, имя котораго, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ. Окончивъ на семнадцатомъ году полный курсъ академическихъ наукъ, Прокоповичъ уѣхалъ въ 1698 году въ Литву и, назвавшись уніатомъ, поступилъ въ братство витебскаго базиліанскаго монастыря, принявъ имя Елисея. Настоятель, замѣтивъ его способности, отправилъ его въ волынское владимірское училище, находившееся при каѳедрѣ уніатскаго епископа. Блистательно окончивъ курсъ, онъ сдѣлался учителемъ поэзіи и реторики въ этомъ училищѣ. Черезъ нѣсколько времени провинціалъ базиліанскаго ордена отправилъ Прокоповича, вмѣстѣ съ другими канониками, въ римскую академію для изученія философскихъ и богословскихъ наукъ. Пробывъ тамъ три года и обнаруживъ, благодаря пылкости характера, свое православіе, Прокоповичъ принужденъ былъ бѣжать оттуда. Изъ почаевскаго монастыря, гдѣ онъ принялъ монашество съ именемъ Самуила, онъ былъ приглашенъ митрополитомъ Варлаамомъ въ Кіевъ и въ 1704 году былъ опредѣленъ въ академію учителемъ піитики. Въ слѣдующемъ году Прокоповичъ принялъ имя Ѳеофана, въ память своего покойнаго дяди, и съ нимъ остался до самой смерти. Въ 1711 году, сдѣлавшись лично извѣстенъ государю, онъ былъ назначенъ игуменомъ нашего монастыря и проходилъ эту должность по іюнь 1716 г.

---

[1]) Въ 1709 г. онъ поступилъ въ кіево-николаевскій монастырь (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. (ч. I, стр. 292)

Состоя настоятелемъ Братскаго монастыря и въ тоже время ректоромъ академіи, Прокоповичъ всецѣло отдался богословской наукѣ, въ области которой онъ стяжалъ себѣ такую извѣстность, посвятилъ свои способности отправленію ректорскихъ и профессорскихъ обязанностей и мало обращалъ вниманія на дѣло монастыря. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что Прокоповичъ, при своихъ необыкновенныхъ и всестороннихъ дарованіяхъ и при своемъ личномъ знакомствѣ съ государемъ, какъ игуменъ, не оказалъ особенныхъ услугъ Братскому монастырю, которыя бы выдвигали его изъ ряда остальныхъ игуменовъ. Можно было ожидать, что онъ пополнитъ этотъ пробѣлъ въ своей дѣятельности впослѣдствіи, когда онъ сталъ вліятельнымъ іерархомъ. Прокоповичу, при его могуществѣ, какимъ онъ пользовался въ то время, немного нужно было употребить усилій для того, чтобы Братскій монастырь въ послѣдующія времена памятовалъ его имя, какъ величайшаго своего благодѣтеля. А между тѣмъ мы видимъ, что онъ въ это время совершенно забываетъ о томъ монастырѣ, къ управленію которымъ онъ былъ призванъ въ первые годы своей самостоятельной дѣятельности.

Въ первое время управленія Прокоповича монастыремъ, Кіевъ постигло страшное бѣдствіе: въ немъ открылась моровая язва, скосившая много жертвъ. Вотъ какъ очевидецъ изображаетъ бѣдственное положеніе города. Въ это время, говоритъ онъ, „пустъ городъ Кіевъ остался, яко выгнано всѣхъ обывателей изъ Кіева и странствоваху отъ града въ градъ, единъ другаго чуждаючися—отецъ дѣтей, дѣти отца, и множѣхъ трупіе поядаху звѣріе, птицы, псы и свинія. Церкви божественныя опустѣша такожъ и монастыри, и не бѣ ни жертвы, ни приношенія и таково бяше время, яко ни купити, ни продати, ибо города осталися позапираны, домы позабиваны, жители изгнаны, и вся яже кто имѣяше, оставляше и бѣгаше по пустыняхъ и поляхъ и тогда бяше тое, яко двѣ

мельницы въ жерновахъ, едина поемлется, а другая оставляется; видѣхъ другъ друга смерть ходячи, ибо и сидячіи умирали нечаянно, и живые чуждахуся мертвыхъ своихъ" [1]).

Монастырь, разумѣется, не могъ не раздѣлять бѣдствія своего края: одни изъ его имѣній лишились значительной части своего населенія, другія опустошены были саранчей, а третьи, къ довершенію несчастія, отошли подъ власть Польши.

Въ виду постигшихъ монастырь бѣдствій, гетманъ Скоропадскій, безъ всякаго представленія и прошенія со стороны монастырскаго начальства, далъ обѣднѣвшему монастырю село Ядловку, находившееся въ баришовской сотнѣ переясловскаго полка. Своимъ универсаломъ отъ 2 іюня 1714 года онъ предоставилъ право „братской обители, благопотребной всему отечеству", владѣть всѣми угодьями, принадлежащими къ этому селу, пользоваться всѣми доходами и требовать отъ населяющихъ его людей „всякихъ повинностей". Мѣстному же начальству предписывалось наблюдать за тѣмъ, чтобы ядловскіе крестьяне оказывали „всякое послушаніе той Кіевомогилянской обители" [2]).

Не смотря на тѣ невзгоды, какія пришлось испытывать монастырю при Прокоповичѣ, все же монастырское хозяйство было въ это время въ удовлетворительномъ состояніи. Прокоповичъ на первыхъ порахъ думалъ, что имѣнія Братскаго монастыря расположены на пескахъ, мхахъ и болотахъ и потому не могутъ быть особенно доходны. Чтобы убѣдиться во очію, что монастырскія имѣнія негодны для сельско-хозяйственныхъ эксплоатацій, онъ объѣхалъ всѣ имѣнія и лично осмотрѣлъ ихъ. Поѣздка эта привела его къ тому заключенію, что „Братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту—стыдъ и смѣхъ великій". Заключеніе это подтвердилъ и прежній опытъ монастырскаго хозяйничанья. Бывшій при Крековскомъ экономъ Радовичъ умѣлъ

---

[1]) Исторія Малороссіи Маркевича, Москв. 1842 г., ч. II стр. 538.

[2]) Памяти. т. II № XXXV.

при тѣхъ же условіяхъ успѣшно вести монастырское хозяйство. Все дѣло слѣдовательно заключалось не въ монастырскомъ хозяйствѣ, а въ способѣ веденія его. Поэтому Прокоповичъ смѣнилъ прежняго намѣстника и назначилъ извѣстнаго своею „тщательностію" Епифанія, впослѣдствіи бѣлгородскаго епископа, знаменитаго ревнителя просвѣщенія. Что же оказалось? Не смотря на частые и обременительные военные постои, не смотря на злоупотребленія нѣкоторыхъ городничихъ: „всего у насъ, пишетъ Прокоповичъ, преизобильное было довольство, и не только для своихъ, но и для подносовъ многимъ господамъ и для принятія не малыхъ и не малолюдныхъ да еще и частыхъ гостей". Явилась нужда въ устройствѣ новаго погреба и большихъ размѣровъ палаты. Въ съѣстныхъ, а особенно „питейныхъ припасахъ явились" не просто чернечіе, но господскіе достатки, да и денежные прибытки начали показываться. „Стеклянный заводъ, кромѣ стекла для монастырскихъ нуждъ и для подарковъ, сталъ приносить вмѣсто прежнихъ двѣнадцати—сто рублей. Въ винныхъ лавкахъ пошла оживленнѣе торговля виномъ изъ своего собственнаго хлѣба и собственнаго куренія, и продажа и куреніе были въ то время безпошлинны". „Новая да знатная корысть была устроена изъ вина волоскаго, такъ, что одна бута (большая бочка) даровая приходила". Такіе быстрые успѣхи монастырскаго хозяйства наводили постороннихъ, незнакомыхъ съ дѣломъ, людей на мысль, что де въ Братскомъ монастырѣ нашли кладъ. „Кладъ, замѣчаетъ Прокоповичъ, дѣйствительно былъ найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ, да какъ то его затекшіе очи не видѣли" [1]).

Послѣднимъ игуменомъ нашего монастыря за этотъ періодъ его исторіи былъ *Сильвестръ Помовскій*, смѣнившій

---

[1]) Письма Θеоф. Прокоповича (Труд. Кіев. Акад. 1865 г. № 10, стр. 274-279).

Өеофана Прокоповича [1]). Его управленіе падаетъ на 1716—1721 годы [2]).

Состояніе монастыря при немъ было не особенно отрадно. Жители монастырскихъ имѣній, въ виду грозившихъ гоненій отъ уніатовъ, больше думали о собственной безопасности, чѣмъ о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ монастырю. Монастырскіе доходы вслѣдствіе этого значительно уменьшились, и монастырское начальство вынуждено было хлопотать предъ гетманомъ Скоропадскимъ о предоставленіи монастырю правъ на нѣкоторыя уже отошедшія отъ него имѣнія. Снисходя къ нуждамъ монастыря, гетманъ своимъ универсаломъ отъ 1 ноября 1720 года утвердилъ за монастыремъ село Мотовиловку [3]). Это было *послѣднее земельное пріобрѣтеніе* нашего монастыря, служащее раздѣлительною гранью между вторымъ и третьимъ періодами его исторіи.

При Сильвестрѣ Помовскомъ нашъ монастырь едва не сдѣлался жертвою пламени. 24 апрѣля 1718 года весь Кіево-Подолъ до побережныхъ дворовъ истребленъ былъ пожаромъ [4]). Рука Провидѣнія, спасавшая нашъ монастырь отъ конечнаго разрушенія во время политической и церковной бури, бушевавшей вокругъ него за второй періодъ его существованія, сохранила его на этотъ разъ невредимымъ и среди волнъ естественной стихіи на рубежѣ третьяго періода его исторіи.

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил. ч. II, стр. 18—19.

[2]) Въ 1716 году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду служенія. Чрезъ два года онъ былъ назначенъ епископомъ псковскимъ, а потомъ архіепископомъ новгородскимъ. Скончался онъ 8 сентября 1736 года. (Аскоченскій Кіевъ съ его древ учил. ч. I, стр. 306—309).

[3]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. II, стр. 31—32.

[4]) Сборн. матерл. для истор. топогр. Кіева и его окресност. Отд. I, стр. 46.

Періодъ третій (1721—1786).

Судьба Братскаго монастыря въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ секуляризаціонныхъ стремленій со стороны общества и правительства.—Первый игуменъ монастыря за этотъ періодъ—Іосифъ Волчанскій; состояніе монастырскаго имущества въ его время; борьба за монастырскія имѣнія съ мѣщанами и казачествомъ; участіе въ ней митрополита Варлаама. Игуменъ Иларіонъ Левицкій, краткая біографія его; ходатайства его предъ гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ о закрѣпленіи за монастыремъ имѣній, находящихся въ его распоряженіи, и универсалъ гетмана 1729 г. Притязанія дворянъ, особенно польскихъ, на монастырскія имѣнія. Первый архимандритъ монастыря—Амвросій Дубневичъ, его біографія. Заботы митрополита Рафаила Заборовскаго о поддержаніи монастырскихъ зданій. Приведеніе въ извѣстность монастырскихъ средствъ; образованіе коммиссіи для ревизіи монастырской скарбницы и опись имущества, сдѣланная этою коммиссіею. Отправленіе иноковъ за сборомъ денегъ на поддержаніе монастыря. Поновленіе старыхъ и постройка новыхъ келій; перестройка Мазепинскаго корпуса; пожертвованія, поступившія въ монастырь отъ ревнителей просвѣщенія. Взглядъ Ѳеофана Прокоповича на причины упадка матеріальнаго благосостоянія монастыря. Архимандритъ Сильвестръ Думницкій. Устройство новой крыши на Богоявленской церкви. Архимандритъ Сильвестръ Кулябка, его біографія. Ремонтъ академической церкви, помѣщавшейся надъ монастырскою трапезою; увеличеніе академическаго оклада и подтвержденіе прежнихъ правъ и привиллегій монастыря Императрицею Елизаветою Петровною. Бѣгство изъ монастыря іеродіакона Витушевскаго и возвращеніе его. Архимандритъ Сильвестръ Ляскоронскій, его біографія. Смерть Вас. Григоровича-Барскаго и погребеніе его при Богоявленской церкви. Постройка церквей въ Стайкахъ и Борщаговкѣ. Тяжба монастыря съ Радуцкимъ и магистратомъ. Недовольство на Ля-

скоронскаго со стороны монастырской братіи и училищной корпораціи. Тяжба монастыря со Стефаномъ Гуслистомъ. Удаленіе Ляскоронскаго отъ должности и ссылка въ Выдубецкій монастырь. Архимандритъ Георгій Конисскій, его біографія. Взглядъ митрополита Тимоѳея на взаимныя отношенія настоятеля и братіи. Пожертвованія, поступившія въ монастырь отъ митрополита Тимоѳея. Открытіе доступа въ академію вдовымъ священникамъ. Архимандритъ Манасія Максимовичъ, біографическія свѣдѣнія о немъ. Начало сооруженія нынѣшней каменной колокольни; постройка церкви въ хуторѣ Стрѣтовкѣ; пріобрѣтеніе монастыремъ пляца по Введенской улицѣ за домъ бургомистра Василія Зимовича; смерть Манасіи Максимовича и погребеніе его въ Братскомъ монастырѣ. Архимандритъ Давидъ Нащинскій, его біографія. Средства содержанія монастыря. Борьба монастырской братіи съ академической корпораціей изъ-за содержанія; причины этой борьбы; общій ходъ и результатъ ея. Архимандритъ Самуилъ Миславскій, біографія его. Тяжба съ Софійскимъ монастыремъ за незаконное присвоеніе послѣднимъ земли Братскаго монастыря въ Стайкахъ. Составленіе описи церковнаго имущества монастыря. Постройка церкви въ хуторѣ Воровомъ. Смерть Самуила Миславскаго. Архимандритъ Тарасій Вербицкій. Прекращеніе споровъ между монастырской братіей и академической корпораціей. Архимандриты Никодимъ Панкратьевъ и Кассіанъ Лехницкій. Посѣщеніе монастыря наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ и его супругою. Пожаръ въ трапезной церкви. Архимандритъ Варлаамъ Миславскій, біографическія свѣдѣнія о немъ. Улучшеніе содержанія академической корпораціи, благодаря заботамъ митрополита Самуила. Заботы Варлаама Миславскаго о поддержаніи обветшалыхъ зданій монастыря. Состояніе монастыря въ концѣ XVIII вѣка и закрытіе его.

Судьба нашего монастыря за третій періодъ его существованія въ общемъ опредѣлялась тѣмъ направленіемъ, которымъ отличался XVIII вѣкъ,—вѣкъ либеральныхъ мѣропріятій Екатерины Великой, Іосифа II и Фридриха Великаго.

Въ то время, какъ въ предшествовавшій періодъ своей исторіи Братскій монастырь быстро обогащался стекавшимися къ нему со всѣхъ сторонъ имѣніями, а привиллегіи, кото-

рыми снабжены были всѣ монастырскія земли, привлекали въ его имѣнія свободныхъ поселенцевъ съ окрестныхъ помѣщичьихъ владѣній: въ этотъ періодъ замѣчается совершенно обратное явленіе. На монастырскія имущества накладываютъ различные налоги и обременяютъ ихъ разнообразными повинностями. Власти зорко слѣдятъ за добросовѣстнымъ взиманіемъ этихъ налоговъ и своими злоупотребленіями дѣлаютъ тяжелымъ положеніе монастырскихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого крестьяне толпами оставляютъ монастырскія имѣнія и селятся на вольныхъ земляхъ помѣщиковъ или-же убѣгаютъ за границу, гдѣ въ то время населялись новыя слободы. Мало того, общество посягаетъ на самыя монастырскія имѣнія и законными и незаконными путями отнимаетъ ихъ одно за другимъ. Не маловажную услугу для него оказывали въ данномъ случаѣ, бывшія еще въ то время въ силѣ, статьи литовскаго статута, въ силу которыхъ границы поземельныхъ владѣній и права на нихъ опредѣлялись на основаніи свидѣтельствъ старожиловъ. Свидѣтельствъ этихъ путемъ подкупа и угрозъ можно было пріобрѣсть неограниченное число, и любители чужой собственности пользовались ими въ своихъ безчисленныхъ спорахъ съ Братскимъ монастыремъ. Въ этомъ отношеніи нашему монастырю приходилось главнымъ образомъ считаться съ мѣщанами и козачествомъ. Мѣщане, владѣвшіе землею вокругъ города, дѣйствовали дружно сплоченною корпораціею, находили постоянно себѣ поддержку въ кіевскомъ магистратѣ и потому были грозною силою для нашего монастыря. Козачество, закончивши свою роль послѣ полтавской битвы, и принявшееся за хозяйственныя занятія, зорко высматривало, гдѣ послабѣе владѣлецъ, чтобы сдѣлать полезное употребленіе своей праздной воинственности, и нерѣдко обижало беззащитный Братскій монастырь. Дворянство, особенно пограничное, также не прочь было обогатиться на счетъ нашего монастыря. Поземельные суды преимущественно состояли изъ чиновъ мѣ-

щанства и козачества, и потому жаловаться въ нихъ на самоуправство мѣщанъ и козаковъ значило для монастыря бросать дѣло въ бездонный ящикъ и рисковать штрафами за судебныя издержки. Такъ одно за другимъ отходили отъ нашего монастыря его имѣнія, пока, наконецъ, въ 1786 году не послѣдовалъ указъ объ отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній во всей Малороссіи, и Братскій монастырь былъ на время закрытъ.

Первымъ игуменомъ нашего монастыря за третій періодъ его существованія былъ *Іосифъ Волчанскій*. Образованіе онъ получилъ въ кіевской академіи, гдѣ проходилъ и первые годы своей служебной дѣятельности. Игуменомъ Братскаго монастыря онъ былъ съ 1721 по 1727 годъ.

При Волчанскомъ началась борьба кіевскихъ монастырей съ мѣщанами и магистратомъ за свои права. Борьба эта имѣла нѣсколько фазисовъ въ своемъ развитіи, она то затихала, то снова возобновлялась съ новой силой и, наконецъ, закончилась въ 1786 году, когда были отобраны монастырскія имущества, и Братскій монастырь прекратилъ на время свое существованіе. Для удобства изложенія мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о характерѣ и общемъ ходѣ этой борьбы.

Какъ извѣстно, кіевскіе монастыри владѣли въ городѣ и его окрестностяхъ огромною недвижимою собственностію: домами, пристанями по Днѣпру, лѣсами, сѣнокосами, прудами и т. п. Всѣ эти угодья были свободны отъ всѣхъ государственныхъ и городскихъ повинностей. Вся тяжесть послѣднихъ падала исключительно на мѣщанство, въ рукахъ котораго, по магдебургскому праву, сосредоточено было все городское управленіе. Естественно, мѣщане не могли равнодушно смотрѣть на монастырскія привиллегіи и всячески старались ограничить ихъ. Борьба была неизбѣжна. Съ от-

дѣльными проявленіями ея мы встрѣчались и во второмъ періодѣ нашей исторіи, но то были отдѣльные случаи, возникавшіе благодаря единичнымъ личностямъ, здѣсь же мѣщане выступаютъ цѣлою корпораціею, и борьба принимаетъ обширные размѣры. Началомъ ея служитъ одно распоряженіе Петра Великаго. Дѣло въ томъ, что Петръ I позволилъ городу пользоваться лѣсами, сѣнокосами и прочими угодьями вокругъ на 25 верстъ. Это неопредѣленное распоряженіе мѣщане рѣшили по своему и на основаніи его подчинили своему вѣдѣнію не только всѣ свободныя земли, бывшія на этомъ пространствѣ, но и монастырскія. Глава мѣщанства, тогдашній войтъ Димитрій Полоцкій, сдѣлалъ распоряженіе пользоваться монастырскими имѣніями, какъ городскими, и съ каждой монастырской недвижимой собственности требовать городскихъ повинностей. Въ виду нарушенія своихъ правъ, монастыри въ 1722 году подали въ сенатъ жалобу на кіевскаго войта за грабительство и насиліе во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ монастырскихъ, за порубку монастырскихъ лѣсовъ, за принужденіе отбывать городскія повинности, требованіе монаховъ къ суду магистрата и пр. Сенатъ передалъ это дѣло на разсмотрѣніе князю Трубецкому, бывшему тогда председателемъ малороссійскаго приказа. Но ни приказъ, ни заступавшая его мѣсто коллегія не обратили должнаго вниманія на это дѣло. Пользуясь безнаказанностію, мѣщане стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Тогда митрополитъ Варламъ (Ванатовичъ) въ августѣ 1728 года подалъ въ иностранную коллегію, которая завѣдывала и малороссійскими дѣлами, жалобу, что „по тому указу намъ ничего не учинено, но еще найбольшую скорбь и разореніе обителемъ онъ, войтъ, учинилъ“, грабя монастырскіе дома и лавки, хватая по улицамъ монаховъ и сторожей и избивая ихъ до крови въ ратушѣ, вынуждая у монастырей деньги, отбирая имущество, опустошая сѣнокосы, лѣса и т. д. Жалоба эта была препровождена на разсмотрѣніе гетману Даніилу Апостолу и кіев-

скому вице-губернатору Штоку. Въ дополненіе къ этой жалобѣ митрополитъ представилъ подробное указаніе обидъ, причиненныхъ войтомъ монастырямъ. Изъ него мы узнаемъ, что войтъ вообще непріязненно относился къ Братскому монастырю, причиняя ему при всякомъ удобномъ случаѣ обиды. Такъ, онъ не позволилъ ему устроить вокругъ водоотводъ, вслѣдствіе чего скоплявшаяся на городской площади и ближайшихъ улицахъ во время дождя вода проникала внутрь монастыря, мѣстность котораго была ниже сосѣднихъ, и причиняла ему много вреда. Въ 1724 году, въ проѣздъ Румянцева чрезъ Кіевъ въ Константинополь, Полоцкій несправедливо взыскалъ съ Братскаго монастыря двадцать рублей. Войтъ упорно отрицалъ всякое участіе съ своей стороны въ нанесеніи этихъ обидъ. Тогда Варлаамъ выслалъ въ генеральный малороссійскій судъ депутатовъ отъ всѣхъ монастырей для очныхъ ставокъ съ войтомъ и мѣщанами. При такомъ оборотѣ дѣлъ, войтъ, долго не являвшійся подъ разными предлогами въ судъ, уѣхалъ въ Москву. Митрополитъ подалъ въ синодъ жалобу, требуя удовлетворенія за такое униженіе. Печальная судьба Варлаама, его паденіе, лишеніе каѳедры, и ссылка въ Кирилловъ бѣлозерскій монастырь на время какъ-бы прекратили этотъ споръ мѣщанъ съ кіевскими монастырями. По смерти Прокоповича этотъ споръ опять поднялся и продолжался съ перемѣннымъ счастьемъ до 1786 года, когда правительство отобрало у монастырей имущество [1]).

Іосифа Волчанскаго [2]) смѣнилъ въ нашемъ монастырѣ *Иларіонъ Левицкій*. По окончаніи академическаго курса, онъ

[1]) Е. Крыжановскій. „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Ванатовичъ". (Труд. Кіев. Акад. 1861 г. № 3, стр. 283—284 и 314).

[2]) Въ мартѣ 1727 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ Кіево-Николаевскаго монастыря, а въ 1735 году—посвященъ въ епископа могилевскаго; въ 1742 году переведенъ первымъ архіепископомъ московскимъ. Скончался 10 іюля 1745 г. и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ. (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. II, стр. 46—47).

оставленъ былъ въ качествѣ учителя при академіи. По современному отзыву лѣтописца, это былъ „тщательный проповѣдникъ, дѣломъ и словомъ тихостенъ, тихомиренъ, незлобивъ, всѣмъ зерцало житія иноческаго“. Онъ управлялъ Братскимъ монастыремъ отъ 1727 по 1731-й годъ, гдѣ и скончался 14 іюня 1731 года [1]).

Въ управленіе Левицкаго Братскій монастырь сильно былъ встревоженъ распоряженіями верховной власти о монастырскихъ имуществахъ.—22 августа 1728 года указомъ верховнаго тайнаго совѣта запрещено было всѣмъ монастырямъ умножать свои недвижимыя имѣнія покупкою ли то, или пріемомъ вкладовъ [2]). Левицкій обратился къ гетману Даніилу Апостолу съ просьбою о томъ, чтобы онъ закрѣпилъ за Братскимъ монастыремъ находящіяся въ его распоряженіи земли. Гетманъ своимъ универсаломъ отъ 13 января 1729 года подтвердилъ права монастыря на всѣ пріобрѣтенныя имъ прежде имѣнія. По надлежащемъ обревизованіи, у монастыря на этотъ разъ оказалось: девять селъ (Карпиловка, Позднякн, Плисецкое, Мотовиловка, Стайки, Мостище, Борщевка, Бѣльмачевка и Ядловка), четыре приселка (Лутова, Виповзовъ, Косачевка и Стритовка), одинъ хуторъ (Ивангородскій), шестнадцать дворовыхъ мѣстъ въ Кіевѣ, два перевоза (на Днѣпрѣ около Стоекъ и на Деснѣ подъ Остромъ), двѣ мельницы съ сукновальнями (кудимовская и которская) и одинъ стеклянный заводъ (гута—въ Карпиловкѣ). Гетманъ въ своемъ универсалѣ выражалъ желаніе, чтобы „въономъ всѣхъ вышепрописанныхъ добръ владѣніи нѣкто зъ старшини и чернѣ войскового и посполитого стану не смѣлъ и не важился чи-

---

[1]) Аскочевскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. II, стр. 38—39.—При Левицкомъ въ числѣ монастырской братіи былъ между прочимъ Иннокентій Неруновичъ, впослѣдствіи иркутскій епископъ, знаменитый просвѣтитель тунгузовъ. Онъ родился въ Кіевѣ. По окончаніи курса въ академіи, онъ принялъ монашество въ нашемъ монастырѣ и былъ въ немъ нѣкоторое время шафаромъ (Ibid., стр. 69—71).

[2]) Макарій. Истор. Кіев. акад., стр. 112.

нити жадной трудности и препятія". Войтомъ же всѣхъ указанныхъ мѣстъ внушалось слѣдить за добросовѣстнымъ со стороны крестьянъ выполненіемъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ монастырю [1]).

Не смотря на „вѣчное постановленіе", которымъ въ 1694 году закончился споръ острянъ съ Братскимъ монастыремъ, отношенія между ними въ послѣдующее время не улучшались. Спустя тридцать четыре года послѣ этого постановленія, гетману Даніилу Апостолу пришлось вновь разбирать „справу" между враждующими сторонами, вызванную тѣмъ обстоятельствомъ, что городничій Карпиловскій, отецъ Іезекіиль, сталъ „заборонять острянамъ свободный уиздъ в пушу". Для разбора дѣла вызваны были уполномоченные отъ монастыря и отъ кіевскаго полковника Танскаго. Къ „вѣчному постановленію" сдѣланы были новыя добавленія, которыми, согласно съ духомъ времени, ограничивали нѣсколько права монастыря. Было вновь повторено все то, что постановлено и въ 1694 году относительно дровъ и строеваго лѣса. Но устраненъ былъ совершенно какой-либо платежъ со стороны острянъ за право рубить строевой лѣсъ. Затѣмъ дозволено было козакамъ и другимъ жителямъ „палити уголя безъ докладу", а также „рыбалкамъ по поймамъ рыби уловити на московскомъ островѣ, лежачемъ за Десною, поневажъ тотъ островъ остерскій". Съ теченіемъ времени къ острянамъ перешли и земли, лежавшія вокругъ Выповзова,—земли, изъ-за въѣзда въ которыя шла борьба и часть которыхъ одно время была пожалована монастырю гетманомъ Мазепою. По крайней мѣрѣ въ описи 1766 года не значится никакихъ земель въ Выповзовѣ, которыя бы принадлежали монастырю. „Въ томъ селе монастырскомъ, говорится въ описи, никакихъ монастырскихъ принадлежностей нетъ, и именно поля пахатнаго, зарослыхъ лесовъ земель....., вигонныхъ для скота местъ, рыб-

[1]) Матеріялы для отечественной исторіи, изд. Михаиломъ Судіенко, Кіевъ, 1853 г., т. I, отд. II, стр. 48—50.

ныхъ ловель, футоровъ, лесовъ къ строенію годнихъ и дровяныхъ, сенних покосовъ нетъ". Въ селѣ были одни только монастырскіе крестьяне (33 двора), да два козака [1]).

Слѣдя за распоряженіями правительства, которое руководилось желаніемъ произвести секуляризацію монастырскихъ имуществъ и если не было въ состояніи привести его въ исполненіе, то ограничивало права монастырей въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности; съ другой стороны, видя въ лицѣ мѣщанъ, какъ легальнымъ и нелегальнымъ путемъ можно было обогатиться на счетъ монастырской собственности, дворянство также примкнуло къ антимонастырскому движенію. Польское дворянство, особенно жившее на границахъ, присоединило къ своекорыстію, которымъ вообще оно руководилось, еще религіозный мотивъ и потому производило насилія во владѣніяхъ „схизматическихъ" монастырей съ необыкновеннымъ фанатизмомъ, видя въ этомъ душеспасительный подвигъ. Изъ перечня обидъ, причиненныхъ пограничными шляхтичами Братскому монастырю, мы видимъ, что въ теченіи тридцати лѣтъ (1727—1757 г.) пограничные шляхтичи врывались болѣе двадцати разъ черезъ границу въ имѣнія этого монастыря и производили тамъ всевозможныя безчинства [2]).

---

[1]) Доходъ монастыря въ Выповзовѣ составляли денежные взносы съ крестьянъ (22 р. 60 к. въ годъ со всѣхъ дворовъ) и барщина или панщина (по 4 дня въ недѣлю), которую крестьяне обязаны были выполнять въ пользу монастыря (И. Лучицкій „Гетманъ Мазепа и остерскія общія земли" Кіев. Стар. 1892 г. № 1 стр. 116—117).

[2]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи, стр. 301.—Для удобства изложенія сгруппируемъ вмѣстѣ всѣ тѣ обиды, которыя въ указанное тридцатилѣтіе нанесены были нашему монастырю пограничною шляхтою. Въ 1727 году (іюня 27) фастовскій староста Якубъ Тиша отнялъ у мотовиловскихъ жителей 115 копенъ ржи.—Въ декабрѣ 1730 г. наслѣдники Адама Киселя, имѣньями котораго владѣлъ Братскій монастырь за долгъ (въ 66 тысячъ золотыхъ польскихъ), незаконно отказали монастырю въ правѣ владѣнія этими имѣніями.—Въ 1740 г. фастовскій староста Деньянъ Третьяковъ разграбилъ имущество плисецкаго жителя Ивана Пятинскаго, подданнаго Братскаго монастыря.—Въ 1744 г. (въ маѣ) прилуцкій староста Алшевскій разгра-

Въ послѣдующее за тѣмъ время, въ періодъ времени отъ 1731 до 1747 гг. въ исторіи нашего монастыря пріобрѣтаетъ очень важное значеніе патронъ его, кіевскій митрополитъ *Рафаилъ Заборовскій*, въ лицѣ котораго монастырь нашелъ для себя второго Петра Могилу. Съ рѣдкою любовію онъ относился къ интересамъ нашего монастыря и ревностно заботился о его преуспѣяніи.

Первымъ настоятелемъ нашего монастыря при Рафаилѣ Заборовскомъ былъ *Амвросій Дубневичъ*. Онъ родился въ селѣ Подгурьѣ бывшей тогда польской Украйны и, по окончаніи курса въ кіевской академіи, оставленъ былъ при ней учителемъ низшихъ школъ. На настоятельство въ нашъ монастырь онъ былъ призванъ въ 1731 г. и проходилъ эту должность

билъ имущество братскаго подданнаго Кирилла Гроздевка.—Въ 1750 г. шляхтичъ Горскій отнялъ имущество у братскаго подданнаго Василія Рубанова, жителя села Мостища.—Въ 1750 г. володарскій полковникъ шляхтичъ Маценченко убилъ монастырскаго подданнаго плисецкаго жителя Ивана Чутрину.—Въ 1753 году фастовскій староста Третьяковъ отнялъ у монастырскихъ подданныхъ,—жителей села Мотовиловки: у Нестора Павленка—лошадь и повозку, а у Семена Страха и Семена Нестеренка—двѣ пары воловъ, двѣ повозки и мельничные жернова.—Въ 1753 г. мотовиловскій староста пана Метелскаго, Антонъ Олишевскій отнялъ у монастырскаго подданнаго, плисецкаго жителя, Алексѣя Близнюка 15 копенъ яроваго хлѣба, скошеннаго имъ на польской сторонѣ.— Въ 1754 г. шляхтичъ Аксакъ укрылъ у себя монастырскаго подданнаго, мотовиловскаго жителя Андрея Василченко, который сжегъ монастырскую пущу.—Въ 1755, 56 и 57 гг. крестьяне шляхтича Аксака, жители Великой и Малой Солтановокъ, рубили монастырскую пущу и перевозили срубленный лѣсъ на польскую сторону. Такой же ущербъ монастырю наносили въ 1753—1757 гг. подданные бискупа Солтыка, жители Черногородки.—Въ 1756 г. (въ апрѣлѣ) бискупъ Солтыкъ, поднявъ въ своемъ фастовскомъ имѣньи плотину на рѣкѣ Унавѣ, затопилъ монастырскій сѣнокосъ, на которомъ ежегодно метали до 500 копенъ.—Въ 1757 году (въ послѣднихъ числахъ генваря) вышеупомянутый Антоній Алишевскій поносилъ укорительными словами братскаго городничаго іеродіакона Сопатра и причинилъ увѣчья бывшимъ при немъ послушнику и рыбалкѣ.—Въ томъ же году владѣлецъ Новоселокъ Ланкевичъ у братскаго подданнаго, снодарецкаго мельника Семена Козла, отнялъ пашню, деньги и пчелы. Слѣдуя примѣру своего господина, староста этого же Ленкевича, Карбавскій отнялъ у плисецкаго жителя монастырскаго подданнаго, Григорія Козачка коня, вола и два рубля пятьдесятъ копѣекъ денегъ. (Арх. Ю.-З. Росс., ч. I, т. IV, № CCIX).

до 1737 года. По прибытіи въ Кіевъ Заборовскаго и по его ходатайству, Дубневичъ первый изъ игуменовъ Братскаго монастыря получилъ *санъ архимандрита*. Этотъ санъ впослѣдствіи всегда сталъ соединяться съ настоятельствомъ въ нашемъ монастырѣ.

Заботясь о поднятіи впавшаго въ нищету Братскаго монастыря, митрополитъ Рафаилъ прежде всего обратилъ вниманія на состояніе самыхъ монастырскихъ зданій. Они въ то время настолько обветшали, что требовали неотложной поддержки и перестройки. Имѣя въ виду реставрировать монастырь и желая знать, какими средствами располагаетъ монастырь, чтобы тѣмъ опредѣлить размѣры самыхъ перестроекъ, Заборовскій потребовалъ отъ Дубневича приходорасходныхъ отчетовъ по монастырю, потребовалъ „письменной вѣдомости, за руками начальствующаго и начальнѣйшей братіи, которіи по постановленіи въ начальство, какое именно число въ скарбцу застали денегъ монастырскихъ и отъ того начальства своего всѣ ли и теперь на лицо имѣются, а буде не имѣются всѣ, гдѣ и на що именно: на строенія ли? или на другія какія общія нужды употреблены? и на всякъ годъ какое число доходовъ денежныхъ? и на какія имянно оніи приходніи деньги употреблены расходы“? [1]).

Съ этою цѣлію Дубневичъ нарядилъ ревизіонную коммиссію изъ числа братіи [2]). Въ скарбницѣ монастырской немного оказалось на лицо денегъ: 1) сто шестнадцать червонныхъ поединковъ, 2) сорокъ четыре дуката, изъ коихъ три заключали по четыре червонныхъ, а всѣ остальные по два, 3) привѣсныхъ червоныхъ (съ шейками) двѣнадцать (зъ образа), между которыми четыре дуката по десять червон-

[1]) Кіев. Епар. Вѣд. 1876 г. № 5. Статья П. Молчанова: „Протекторъ Кіевской академіи Рафаилъ Заборовскій, митрополитъ Кіевскій“.

[2]) Въ составъ ея вошли: намѣстникъ іеромонахъ Өеофилактъ, іеромонахи Аөанасій Сокольскій и Серапіонъ Лятушевичъ, ключникъ и пономарь Филаретъ. (Рукописные акты Кіево Братскаго училищнаго монастыря и Академіи, томъ I, № 2).

ныхъ, одинъ въ восемь, три дуката въ семь, одинъ въ четыре и три въ два червонныхъ. Изъ нихъ десять поединковыхъ червоныхъ пошло на позолоту митры, сдѣланной для Дубневича, а шесть употреблено на „патерицю, що въ Кіевѣ дѣлается". Незначителенъ былъ и годовой приходъ монастыря: онъ не превышалъ и 400 рублей. Изъ представленныхъ отчетовъ за 1731—1733 гг. видно, что въ монастырскую казну за эти три года поступило 1148 рублей 70 копѣекъ, именно: 1) изъ губернской канцеляріи государеваго жалованья денежнаго и хлѣбнаго двѣсти тридцать восемь руб. двадцать коп.; 2) архіерейскаго жалованья за два года двѣсти руб.; 3) съ дворовыхъ мѣстъ, находящихся въ Кіевѣ, шестьдесятъ восемь рублей; 4) „зъ шинковъ всѣхъ маетностей" триста девяносто два руб. пятьдесятъ коп.; 5) „зъ перевозу Карпиловскаго половинной части пришло" тридцать шесть руб.; 6) со стекляннаго завода пятьдесятъ два руб.; 7) чиншовыхъ денегъ съ разныхъ монастырскихъ угодій сто четыре руб.; 8) мостовыхъ денегъ собиралось въ Мостищахъ сорокъ три руб. и 9) съ сукновальныхъ мельницъ 15 руб. Изъ этой суммы въ теченіи трехъ лѣтъ израсходовано было тысяча девяносто восемь руб. семьдесятъ коп. [1]). Такимъ образомъ за покрытіемъ расходовъ, на непредвидѣнныя монастырскія нужды оставалась самая незначительная сумма.

Разсчитывать слѣдовательно на монастырскія средства нечего было. Но это не остановило ревности просвѣщеннаго

---

[1]) Эти деньги были израсходованы на слѣдующія монастырскія нужды: „на свѣжую и вялую рыбу, на коренья, на соливо и другія приправы, на вино подъ часъ праздниковъ и другихъ оказій, на соль, на солодъ, на медъ прѣсный, на лоевыя свѣчи, на плити, на косарей и гребцовъ и челядь монастырскую, на желѣзо, на мельничные жернова, на грибы, на неводы, на репарацію келій, на новое строеніе и на всякія нужды". Этотъ приходо-расходной экстрактъ скрѣпленъ собственноручными подписями: архимандрита Амвросія Дубневича, намѣстника Кипріана Пясоцкаго, эконома Парѳенія Шадуры, ключника Серапіона Лятушевича и еклесіарха Іоасафа Горленка (Ibid).

архипастыря. Онъ отправляетъ нарочито избранныхъ для этого иноковъ за сборомъ доброхотныхъ подаяній, вручивъ имъ отъ себя и отъ лица гетмана Даніила Апостола просительныя грамоты. Въ своей грамотѣ, выданной 19 мая 1732 года, гетманъ между прочимъ писалъ: „жадаемъ абы....., якъ кто пожелаетъ, по добромъ изволенію и возможности своей на репарацію Братскаго монастыря тимъ особамъ, которые зъ симъ нашимъ унѣверсаломъ при пастирскомъ Его Преосвященстви писаніи съ книгою для вписанія именъ подаятелей къ тому доброхотного подаянія собиранію опредѣлени и въ полки рейменту нашего орбинованы будутъ, чинили оное доброхотное подаяніе. Доброхотна-бо дателя любитъ Богъ, отъ котораго всякъ творящій милость несумѣнно воспріиметъ невидимую милость, вѣчнымъ же и временнымъ воздаяніемъ награжденъ будетъ" [1]).

Мы не знаемъ, въ какой цифрѣ выразился сборъ доброхотныхъ подаяній. Знаемъ только то, что Заборовскій къ этой суммѣ прибавилъ своихъ тысячу шестьсотъ сорокъ руб. [2]) На эти средства обветшавшія зданія Братскаго монастыря были поновлены и построенъ былъ рядъ новыхъ. Перестроена была средняя часть второго этажа мазепинскаго корпуса, въ которомъ, по плану архитектора Готлиба Шейдена, устроенъ былъ огромный залъ съ колоннадою тосканскаго ордена и хорами съ обѣихъ сторонъ, и академическая такъ называемая Конгрегаціонная церковь. Посвящена она была Благовѣщенію Пресвятой Богородицы. Самъ митрополитъ освятилъ её 1 ноября 1740 г. Она и до сихъ поръ остается по преимуществу академическимъ храмомъ. [3]).

---

[1]) Матер для Отеч. исторіи, стр. 165—168.

[2]) Такъ опредѣляетъ количество данныхъ Заборовскимъ денегъ вмѣстѣ съ Аскоченскимъ (ч. II, стр. 80) и записка объ Акад., хранящаяся въ архивѣ Выдубицкаго монастыря („протекторъ Кіев. Акад. Рафаилъ Заборовскій; Кіев. Еп Вѣд. за 1876 г. № 5). Преосвященный же Макарій уменьшаетъ эту сумму до 1140 р. (Истор. Кіевск. Акад. стр. 113)

[3]) П. Л-въ. Историческ. замѣт. о Кіевѣ (Кіев. Стар. 1884 г. № 10, стр. 232); Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил., ч. II, стр. 80—81.

Въ новосозданный храмъ потекли обильныя приношенія со стороны усердныхъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія. Андрей Горленко, magnificus dominus, какъ сказано въ надписи, пожертвовалъ два серебряныхъ подсвѣщника; генеральный обозный Яковъ Лизогубъ въ 1729 г. подарилъ богатыя ризы, Іеремія Родзянко въ 1732 г. пожертвовалъ бархатныя ризы на золототканномъ глазетѣ и Михаилъ Козачинскій въ 1733 г. подарилъ ризы штофныя [1]).

Заботясь объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ монастыря, Заборовскій, какъ мы видѣли, обратился къ общественной благотворительности, опустивъ изъ виду такой постоянный и обильный источникъ доходовъ монастыря, какъ его хозяйство. Бюджетъ нашего монастыря былъ ростяжимъ и зависѣлъ всецѣло отъ искусснаго и аккуратнаго веденія хозяйства. Монастырь владѣлъ значительными имѣніями. При умѣломъ и честномъ управленіи ими являлся избытокъ въ содержаніи и доходахъ, при небреженіи и злоупотребленіяхъ—неизбѣжны были скудость и лишенія. Въ предшествующее Заборовскому время монастырское хозяйство настолько упало, что „братія къ повседневному пропитанію не имѣла довольствія". Очевидно при такихъ обстоятельствахъ нужна была посторонняя помощь. Заборовскій между прочимъ обратился за помощью и къ вліятельному въ то время при дворѣ Ѳеофану Прокоповичу. Послѣдній изъ личнаго опыта, какъ бывшій настоятель Братскаго монастыря, хорошо зналъ цѣну его имѣніямъ и потому крайне былъ удивленъ бѣдственнымъ состояніемъ монастыря. Сожалѣя о судьбѣ Братскаго монастыря и въ то же время сознавая, что на одни доброхотныя подаянія послѣднему никоимъ образомъ нельзя поддерживать своего существованія, Прокоповичъ обращаетъ вниманіе Заборовскаго на монастырское хозяйство, совѣтуетъ ему, вмѣсто того, чтобы взывать къ общественной благо-

---

[1]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил. ibid.

творительности, заняться улучшеніемъ монастырскаго хозяйства. Для этого онъ совѣтуетъ ему назначить „добраго, искуснаго и вѣрнаго“ эконома, привести въ извѣстность всѣ отрасли монастырскаго хозяйства [1]) и вести строгую отчетность всѣмъ приходамъ и расходамъ, „возбуждая дремлющихъ, трезвя пьянствующихъ, обуздывая хищниковъ, яко злѣйшихъ злодѣевъ, лишая необуздываемыхъ чина и отдавая ихъ на казнь мірскому суду“. При такомъ веденіи дѣла положеніе монастыря, по мнѣнію Прокоповича, быстро улучшится, „фортуна мѣста того мрачное и худое лицо перемѣнитъ на жирное и веселое и возобновится притча, что вскопано тамъ нѣкое знатное сокровище и не будетъ нужды нѣкіихъ скудныхъ, да еще и неосновательныхъ подаяній нищетнымъ образомъ вымирковывать“. При неумѣломъ же [2]) и недобросовѣстномъ веденіи хозяйства, Братскій монастырь, если бы даже отдать всю Украйну въ его распоряженіе, будетъ по прежнему бѣдствовать, „и дѣло пойдетъ по обыкновенному гнустному и осталому обхожденію, или паче какъ болотная вода тлѣть и смердѣть станетъ“ [3]).

Нужно думать, что Заборовскій воспользовался благоразумными совѣтами Прокоповича и, слѣдуя неуклонно въ

---

[1]) Сколько гдѣ нажинается ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречки, проса? Коликое мельничныхъ камней число имѣется? Гдѣ и коль многія озера и другія къ рыбнымъ ловлямъ мѣста угодныя? Сколько въ уѣздѣ Корпиловскомъ медовыхъ вотчинъ? Сколько при Стайкахъ медовой десятины и очковыхъ денегъ? Сверхъ того имѣется ли и особливая монастырская пасѣка? Гдѣ и по коликому числу ведеръ сивухи продается? Что приноситъ стеклянная гута (заводъ)? А если ея нѣтъ, то для чего? Коликое множество на разныхъ мѣстахъ всякого скота въ заводахъ и съ того плодовъ молочныхъ и волны и проч.? Дѣлаются ли изъ веньки женскою панщиною холсты расхожіе? Не пусты ль солодовни, которыя при насъ были всегда непраздныя“? (Письма Ѳеоф. Прокоповича, Труд. Акад. 1865 г. № 10, стр. 274—279).

[2]) Во избѣжаніе хлопотъ, соединенныхъ съ веденіемъ сельскаго хозяйства, монастырь отдавалъ, разумѣется, за незначительныя деньги нѣкоторыя свои имѣнія на откупъ (Ibid).

[3]) (Ibid).

указанномъ направленіи, значительно способствовалъ поднятію матеріальнаго благосостоянія монастыря.

Послѣ Амвросія Дубневича [1]) съ 1 августа 1737 г. по 2 сентября 1740 г. нашимъ монастыремъ управлялъ архимандритъ *Сильверстъ Думницкій*.

При немъ устроена была новая крыша на Богоявленской церкви. Старая крыша, поставленная еще при Мазепѣ, теперь уже настолько обветшала, что свободно пропускала дождевую и снѣговую воду и тѣмъ причиняла большой вредъ церковнымъ сводамъ. Такъ какъ монастырь не имѣлъ средствъ произвести эту постройку, то Думницкій, съ благословенія митрополита, послалъ въ малороссійскіе полки, Москву и Петербургъ „ко всѣмъ благодѣтелямъ и пострижендамъ Братской обители за испрошеніемъ подаянія". Епископъ Тверской Митрофанъ Слотвенскій взялъ на себя трудъ похлопотать о пожертвованіяхъ въ самомъ Петербургѣ. Вѣроятно къ этому побудилъ его архимандритъ Успенскаго отроча монастыря Серапіонъ Лятошевичъ, бывшій ключникомъ въ нашемъ монастырѣ [2]).

Послѣ Думницкаго [3]) управленіе перешло къ *Сильвестру Кулябкѣ*. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода: отецъ его Петръ Кулябка былъ бунчуковымъ товарищемъ, а дѣдъ (по матери) Даніилъ Апостолъ—гетманомъ. Кромѣ того, онъ на-

---

[1]) Въ санѣ архимандрита Дубневичъ былъ переведенъ въ Михайловскій монастырь. Оттуда въ 1739 г. онъ былъ переведенъ въ Троицко-Сергіеву лавру и чрезъ три года рукоположенъ въ епископа Черниговскаго. По осьмилѣтнемъ управленіи епархіей Дубневичъ 23 февраля 1750 г. скончался въ Глуховѣ (Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил. ч. II, стр. 50).

[2]) Рукоп. акты Брат. монаст. и Акад., т. I, № 14; на 1740 г.,—замѣтимъ между прочимъ,—падаетъ большой процентъ смертности въ нашемъ монастырѣ: 28 іюля умеръ іеромонахъ Өеофанъ Котельнецкій, 15 апрѣля—монахъ Иларіонъ Махловецъ, 27 апрѣля—монахъ Филоөей Костевичъ, 12 іюня—монахъ Анатолій Суходольскій. Въ томъ же году 13 декабря—убѣжалъ изъ монастыря казначей Саватій Монастырскій (Ibid) № 17).

[3]) Потомъ онъ былъ переведенъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1746 г. (Прибав. къ опис. Софійск. собор., стр. 229—230).

ходился въ ближайшемъ родствѣ съ знаменитою своими гражданскими и воинскими доблестями фамиліей Горленковъ. Родился онъ въ 1704 г. въ городѣ Лубнахъ и при крещеніи нареченъ былъ Симеономъ. Окончивъ курсъ наукъ въ Кіевской академіи, онъ въ 1726 г. поступилъ въ Межигорскій монастырь. Въ это время окончательно созрѣло у него намѣреніе принять монашество. Получивъ согласіе своихъ родителей, въ мартѣ 1727 г. Кулябка принялъ постриженіе въ Печерской лаврѣ и нареченъ былъ Сильвестромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ опредѣленъ къ учительской должности въ академіи. Настоятелемъ нашего монастыря онъ былъ съ 1740 по 1745 годъ.

Первое дѣло, какимъ заявилъ себя Кулябка какъ настоятель, былъ ремонтъ въ академической церкви, помѣщавшейся надъ монастырскою трапезою. Въ этой церкви прогнилъ полъ и угрожалъ паденіемъ. За отсутствіемъ необходимаго строительнаго матеріала, ремонтъ вскорѣ не могъ быть произведенъ и поэтому Кулябка испросилъ разрѣшенія у митрополита совершать литургію по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ самой трапезѣ [1]).

При Кулябкѣ монастырь получилъ значительное подспорье въ своихъ заботахъ о содержаніи академіи. По ходатайству митрополита Рафаила, императрица Елизавета Петровна въ 1742 г. увеличила окладъ академическаго жалованья до двухсотъ рублей. Въ выданной по этому случаю грамотѣ подтверждены были всѣ прежніе права и привиллегіи монастыря, вмѣстѣ съ тѣмъ внушалось всѣмъ воинскимъ и гражданскимъ чинамъ, равно кіевскому войту и мѣщанамъ. „никакихъ обидъ и утѣсненій не чинить монастырю“ [2]).

Чрезъ два года императрица прибыла въ Кіевъ и своимъ двукратнымъ посѣщеніемъ (5 и 8 сентября) осчастливила облагодѣтельствованный ею монастырь [3]).

---

[1]) Рукопис. акт. монастыр. и Акад. т. I № 14.
[2]) Памятн. т. II № XXXVI.
[3]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. II, стр. 96.

Въ послѣдній годъ своего управленія (въ апрѣлѣ 1745 г.) Сильвестръ Кулябка уступилъ въ пользу Екатерининскаго греческаго монастыря 157 саженъ земли изъ Гавритинскаго пляца. За это Екатерининскій монастырь обязался вносить Братскому монастырю ежегодно по четыре рубля семдесятъ копѣекъ [1]).

Въ правленіи Кулябки мы встрѣчаемся съ интереснымъ случаемъ бѣгства изъ монастыря, 2 іюня 1743 г. іеродіаконъ Ѳеодотъ Витушевскій безъ вѣсти исчезъ изъ монастыря и чрезъ три недѣли добровольно возвратился въ него. Оказалось, что Витушевскій хотѣлъ побывать на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ и съ этою цѣлью ушелъ изъ монастыря. На пристани, называемой Притыкою, онъ сѣлъ съ козаками „въ дубъ“ и поплылъ внизъ по Днѣпру. Въ Стайкахъ онъ высадился и отправился на польскую сторону. Встрѣтившійся съ нимъ въ Купріянской пустынѣ чернецъ Иннокентій, которому онъ разсказалъ о своихъ намѣреніяхъ, убѣдилъ его въ невозможности, за неимѣніемъ документовъ, осуществить ихъ (намѣреній) и потому онъ счелъ нужнымъ возвратиться въ оставленную имъ обитель. Въ наказаніе за побѣгъ, въ силу распоряженія Консисторіи, съ него сняли клобукъ и опредѣлили на три недѣли на черныя работы [2]).

Кулябку [3]) смѣнилъ *Сильвестръ Ляскоронскій*. По окончаніи академическаго курса, онъ проходилъ разныя учи-

---

[1]) Обязательство это скрѣплено собственноручными подписями: игумена монастыря Евгенія Синаита, Іоанна Риполвина и Димитрія Катгара (Прилож. № XXVI).

[2]) Подъ этимъ распоряженіемъ росписались: архимандриты - Никольскаго монастыря Назарій Солонина и Михайловскаго Сильвестръ Думницкій и игумены Выдубецкаго монастыря—Гавріилъ и Кирилловскаго—Германъ (Рукопис. актъ монстр. и Акад. т. I, № 18).

[3]) Въ 1745 году митрополитъ Рафаилъ отправилъ Кулябку въ Петербургъ съ поздравленіемъ къ императрицѣ по случаю бракосочетанія наслѣдника престола Петра III. Государыня обратила вниманіе на проповѣдническій талантъ Кулябки и въ томъ же году указала ему быть костромскимъ епископомъ. Чрезъ пять лѣтъ Сильвестръ былъ переведенъ въ Петербургъ архіепископомъ. Скончался онъ 17 апр. 1761 г. (Аскоченскій, Кіев. съ его древнѣйшимъ училищемъ, ч. II, стр. 63—64).

лицныя должности въ низшихъ классахъ академіи, а потомъ получилъ архимандрію въ одномъ изъ нѣжинскихъ монастырей. На настоятельство въ нашемъ монастырѣ онъ былъ призванъ митрополитомъ Рафаиломъ въ 1746 г. [1]).

Въ началѣ своего управленія Ляскоронскому вмѣстѣ съ монастыремъ и всѣмъ Кіевомъ пришлось оплакивать смерть одного изъ достойнѣйшихъ воспитанниковъ Академіи, знаменитаго русскаго путешественника XVIII вѣка—Василія Григоровича-Борскаго, скончавшагося 7 октября 1747 года. Погребеніе совершено было въ нашемъ монастырѣ митрополитомъ Ѳиваидскимъ Макаріемъ и Сильвестромъ Ляскоронскимъ. Во время самаго обряда отличнѣйшіе воспитанники академіи говорили надгробныя рѣчи [2]).

Могилу Барскаго показываетъ надгробный памятникъ, почти вросшій въ землю, лежащій съ восточной стороны Богоявленской церкви. Эпитафія, находящаяся на чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну этой церкви, гласитъ слѣдующее:

„Того Василія сей покрываеть камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень
И лучь премудрости снишедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему:
Онъ вдохновеніямъ божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ,
За свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо отечество свое увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,

[1]) Прибав. къ опис. Софійск. собора, стр. 230.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. Ч. II, стр. 42—43.

И по безчисленныхъ окончивъ жизнь трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А духъ его прешелъ во области небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти [1]).

При Сильвестрѣ Ляскоронскомъ закончена была постройка церкви въ Стайкахъ, принадлежавшихъ Братскому монастырю, и начата въ Борщаговкѣ.— Въ Стайкахъ еще съ весны 1743 г., по распоряженію Рафаила Заборовскаго, начата была постройка новой церкви, за обветшаніемъ старой. За отсутствіемъ средствъ, для изысканія которыхъ приходилось обращаться къ сбору доброхотныхъ подаяній, постройка этой церкви затянулась до 1777 г. [2]). Въ Борщаговкѣ дѣло сооруженія новаго храма, благодаря энергіи священника Алексѣя Тимонова и усердію немногочисленныхъ прихожанъ [3]), на первыхъ порахъ обѣщало быть успѣшнѣе. Въ 1746 г. прежняя церковь, за обветшалостію, была запечатана, и приступлено было къ заготовленію матеріала для новаго храма. А въ маѣ слѣдующаго года Тимоновъ въ письмѣ къ Ляскоронскому выражалъ увѣренность, что новопостроенный храмъ будетъ въ скоромъ времени убранъ съ подобающимъ благолѣпіемъ и снабженъ необходимою церковною утварью. Но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ, сооруженіе и этой церкви затянулось на продолжительное время: её удалось окончить только въ 1756 году.

На долю Ляскоронскаго выпало закончить два тяжебныхъ дѣла, которыя начаты были гораздо раньше его, стоили монастырю много издержекъ, а настоятелямъ его большихъ непріятностей. Это—тяжба съ Радуцкимъ (или Рогуцкимъ) и кіевскимъ магистратомъ.

---

[1]) Ibid., стр. 503.

[2]) Рукопис. акты монаст. и Акад., т. I, № 24.

[3]) Ихъ было—мужескаго пола 48, а женскаго 43, всего двѣнадцать дворовъ (Ibid № 29).

Ректоръ александро-невской семинаріи іеремонахъ Гавріилъ Кременецкій вручилъ писарю магистрата кіевскаго Николаю Радуцкому, когда тотъ былъ въ 1743 году въ Петербургѣ, 400 рублей съ тѣмъ, чтобы на эти деньги онъ устроилъ сребропозлащенную шату для намѣстной иконы Спасителя въ Богоявленской церкви нашего монастыря, или для иконы Благовѣщенія (что противъ чудотворнаго образа), или—всего лучше—для иконы Спасителя, изображеннаго подъ видомъ архіерея, помѣщенной надъ царскими вратами. Радуцкій обѣщалъ найти хорошаго мастера и „потрудиться ради Бога". Деньги эти Радуцкій утаилъ, а въ своемъ письмѣ къ Кременецкому отъ 21 октября 1745 года, пересланномъ чрезъ протопопа Борзенскаго, онъ писалъ, что сооруженіе шаты затянулось до настоящаго времени вслѣдствіе неисправности мастера, которому онъ поручилъ это дѣло, и что поэтому онъ вынужденъ былъ искать другаго мастера. Въ душѣ Кременецкаго зародилось сомнѣніе относительно честности намѣреній Радуцкаго. Ему показалось невѣроятнымъ, чтобы магистратскій писарь, хорошо знавшій мѣстныхъ ремесленниковъ, могъ ошибиться въ выборѣ подходящаго мастера для сооруженія шаты. Въ слѣдующемъ году Кременецкому пришлось встрѣтиться въ Петербургѣ съ Сильвестромъ Кулябкою, до 1746 г. бывшимъ игуменомъ въ Братскомъ монастырѣ, въ то время епископомъ костромскимъ и галицкимъ. Оказалось, что Кулябка ничего не зналъ о пожертвованіи Кременецкаго на Братскій монастырь. Такимъ образомъ намѣренія Радуцкаго обнаружились въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

Когда въ январѣ 1746 г. братскій намѣстникъ Аѳанасій явился къ Радуцкому и потребовалъ возвратить монастырю утаенныя имъ деньги, тотъ показалъ видъ, что не знаетъ, чего отъ него требуютъ, но когда его уличили его-же собственными письмами къ Кременецкому, тогда онъ во всемъ сознался и просилъ отсрочить взносъ утаенныхъ имъ денегъ

на неопредѣленное время. Въ дѣйствительности же онъ не былъ намѣренъ отдавать денегъ, онъ желалъ только выиграть время и запутать дѣло, разсчитывая на поддержку своихъ сослуживцевъ, магистратскихъ чиновниковъ.

Но за это дѣло вступился митрополитъ Рафаилъ. Сначала онъ обратился къ Радуцкому съ увѣщаніемъ, что де утаивать монастырскія деньги „и грѣшно и неприлично". Когда мѣры увѣщанія оказались недѣйствительными, тогда митрополитъ (18 февраля 1746 г.) обратился съ жалобою къ войту и просилъ его принять соотвѣтствующія мѣры по отношенію къ Радуцкому. Жалоба эта возъимѣла свое дѣйствіе, и Радуцкій немедленно взнесъ утаенныя имъ деньги, которыя были употреблены монастыремъ соотвѣтственно волѣ жертвователя [1]).

Второе дѣло, какое пришлось заканчивать Лясковонскому, была тяжба съ магистратомъ за урочища Борковецъ и Клепачъ.—Тяжба эта началась еще въ 1729 г. Сенатъ, куда было перенесено это дѣло, своимъ отношеніемъ въ войсковую генеральную канцелярію еще въ 1736 г., сдѣлалъ распоряженія произвести по этому поводу слѣдствіе. Канцелярія, не извѣстно по какимъ причинамъ, медлила назначить слѣдствіе до 1743 года. 20 августа этого года наряжено было слѣдствіе, но по проискамъ магистрата генералъ-губернаторъ Леонтьевъ распустилъ слѣдственную коммиссію, признавъ ея дѣйствія невозможными, потому что войтъ, взявъ съ собою необходимыя для этого документы, уѣхалъ въ Петербургъ, а магистратъ безъ него не можетъ рѣшать подобныхъ дѣлъ. Въ дѣйствительности же магистратъ могъ рѣшить и безъ войта это дѣло, тѣмъ болѣе, что копіи съ дѣлъ, взятыхъ войтомъ въ Петербургъ и нужныхъ для слѣдствія, хранились отчасти въ магистратѣ, отчасти въ губернской канцеляріи. Признавая поэтому рѣшеніе Леонтьева неправильнымъ, Сильвестръ Кулябка 24 августа 1743 г. обратился

[1]) Рукописн. акты Братск. монаст. и Академіи, т. I, № 25.

къ митрополиту Рафаилу. Митрополитъ ходатайствовалъ предъ генералъ-губернаторомъ о томъ, чтобы магистратъ своими проволочками не вводилъ въ убытки и безъ того убогій Братскій монастырь. Произведено было двукратное слѣдствіе. Членами первой коммиссіи были: бунчуковый товарищъ Иванъ Рашевскій, войсковой товарищъ Никита Мандрика и войсковой канцеляристъ Павелъ Конѣскій. Во второе слѣдствіе коммиссарами назначены были: полковой черниговскій судья Тимоѳей Сенюта, стародубскій полковой писарь Стефанъ Петрункевичъ и офицеры кіевскаго гарнизона: секундъ-маіоръ Василій Немцовъ и поручикъ Никита Биковъ. На слѣдствіи выяснилась вся незаконность притязаній магистрата. На основаніи монастырскихъ крѣпостей легко было указать на ландкартахъ границы спорныхъ имѣній.

Въ такомъ положеніи засталъ это дѣло Ляскоронскій. Такъ какъ войсковая канцелярія въ 1747 г. отказалась дать рѣшеніе по этому спорному дѣлу, то дѣло было перенесено въ Сенатъ. Сенатъ потребовалъ на разсмотрѣніе все подлинное дѣло вмѣстѣ съ чертежами. Но, къ сожалѣнію, пожаръ, бывшій въ Глуховѣ въ 1748 г., уничтожилъ весь архивъ войсковой канцеляріи. Такимъ образомъ всѣ, касающіеся этого дѣла, документы были уничтожены.

Пользуясь этимъ, мѣщане съ бо́льшею смѣлостію стали произвоизводить безчинства въ спорныхъ монастырскихъ имѣніяхъ и безпощадно рубили монастырскій лѣсъ въ урочищѣ Клепачъ. Тогда Ляскоронскій 29 іюня 1749 г. подалъ прошеніе на имя императрицы Елизаветы Петровны, въ которомъ, изложивши весь ходъ дѣла, которое довело монастырь до такой нищеты, что онъ не можетъ содержать учителей,— просилъ, чтобы государыня положила конецъ проискамъ и своеволію магистрата. Синодъ, въ который Елизавета Петровна передала это дѣло, вошелъ съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ въ Сенатъ, и дѣло окончилось въ пользу монастыря [1]).

[1]) Ibid. № 19.

Не смотря на свои дарованія, энергію и умѣнье вести дѣло, Лясворонскій не успѣлъ пріобрѣсти себѣ любви и уваженія въ средѣ своихъ подчиненныхъ. Къ обостренію отношеній между ними повела неопредѣленность содержанія какъ собственно монастырской братіи, такъ и училищной корпораціи. Какъ извѣстно, всѣ вклады, пожертвованія и доходы, не бывъ раздѣляемы, поступали въ общую кассу монастыря и училища. Вслѣдствіе этого училищная корпорація подозрѣвала монастырскую братію въ неправильной дачѣ ей принадлежащаго, а монастырская братія въ свою очередь жаловалась на незаконность притязаній своихъ ученыхъ сожителей. Иногда недоразумѣнія эти достигали такихъ размѣровъ, что обѣ стороны обращались къ актамъ и записямъ и поднимали между собою юридическій споръ, всегда впрочемъ оканчивавшійся домашнимъ образомъ, такъ какъ рѣшеніе митрополита признавалось безапелляціонно всѣми. Подобныя недоразумѣнія всею своею тяжестію обрушивались на ректора, положеніе котораго въ данномъ случаѣ было очень невыгодно: какъ настоятель монастыря, онъ долженъ былъ защищать права своей братіи, но въ тоже время, какъ первое лицо между академическими учеными, онъ не могъ идти противъ нихъ и такимъ образомъ въ томъ и другомъ случаѣ онъ навлекалъ на себя непріятности. Ректоръ въ то время былъ полновластнымъ хозяиномъ всѣхъ монастырскихъ доходовъ, и потому обѣ стороны считали его причиною всѣхъ недоразумѣній, возникавшихъ между ними, приписывали всѣ нестроенія монастырскія его нераспорядительности и т. д. [1]).

8-го октября 1751 года монастырская братія, въ лицѣ своего намѣстника Ѳеодосія и эконома Товіи, занесла жалобу митрополиту Тимоѳѣю Щербацкому на Лясворонскаго за безотчетную трату имъ монастырскихъ суммъ и за дурное содержаніе монастыря. По ихъ словамъ, „обитель Братская въ крайней скудости находится, хотя учителямъ на зиму и

[1]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил. ч. II, стр. 159—160.

дала дровъ, однако свѣчей не на что покупать, уже нѣсколько дней съ мѣста (съ рынка) печеный хлѣбъ покупанъ".

Митрополитъ неудомѣвалъ о причинахъ подобной нищеты Братскаго монастыря и потому „желая вѣдать о прибеляхъ и ущербахъ по економіи бываемыхъ", потребовалъ (17 октября) отъ Ляскоронскаго приходо-расходныхъ книгъ за послѣдніе два года. Книги эти не были переписаны на бѣло, и потому Ляскоронскій не могъ исполнить законнаго требованія своего начальника. Митрополитъ счелъ это оскорбленіемъ для себя; въ своемъ письмѣ къ Ляскоронскому отъ 13 декабря онъ называетъ поведеніе его „безразсуднымъ", обвиняетъ его въ нерадѣніи и требуетъ немедленной высылки черновыхъ приходо-расходныхъ книгъ [1]).

Можетъ быть Ляскоронскому и удалось бы оправдать себя отъ несправедливо взводимыхъ на него обвиненій и тѣмъ смягчить гнѣвъ архипастыря, еслибы къ этому не присоединилось еще дѣло Стефана Гуслиста, въ которомъ (дѣлѣ) Ляскоронскій, отстаивая интересы ввѣреннаго ему монастыря, порицалъ неправильный образъ дѣйствій консисторіи, на сторонѣ которой былъ митрополитъ, и, перейдя границы дозволеннаго, въ своей раздражительности назвалъ Гуслиста, причинившаго много убытковъ Братскому монастырю, *воромъ*. Это дѣло много повредило Ляскоронскому во мнѣніи митрополита.

Гуслистъ, преорскій мѣщанинъ, нанималъ у монастыря на правахъ чиншевика, землю. За нѣсколько лѣтъ онъ не вносилъ монастырю арендныхъ денегъ и, наконецъ, не извѣстивъ вовсе монастырскаго начальства, неизвѣстно куда исчезъ. Гуслистъ въ тоже время былъ долженъ значительную сумму и нѣкоему Иванскому. Обѣ потерпѣвшія отъ Гуслиста стороны предъявили на него искъ, и имѣніе Гуслиста, состоявшее изъ хутора и винокуреннаго завода, назначено было къ продажѣ. Для оцѣнки командирована была коммиссія, состоявшая изъ трехъ членовъ отъ духовенства и трехъ чле-

---

1) Рукописн. акты брат. монастыр. и Акад., т. I, № 40.

новъ отъ магистрата. Оцѣнка была произведена „по совѣсти“, вещи были оцѣнены, по признанію одного коммиссара, мѣщанина Григорія Киселя, „не по высшей, а по надлежащей цѣнѣ“. Имѣніе Гуслиста перешло въ вѣдѣніе Иванскаго, который за извѣстную сумму (300 руб.) уступилъ его Братскому монастырю.

При такомъ оборотѣ дѣла Гуслистъ вмѣсто того, чтобы опротестовать въ судебныхъ учрежденіяхъ произведенную оцѣнку и подать жалобу на Иванскаго, главнаго его кредитора, прозводитъ незаконнымъ образомъ, разумѣется, по повышенной цѣнѣ, вторую оцѣнку своего имѣнія, пригласивъ коммиссаровъ только со стороны магистрата, и заноситъ жалобу на Братскій монастырь въ консисторію. Консисторія, по недоступнымъ для насъ (за отсутствіемъ документовъ) соображеніямъ (14-го августа 1751 г.), признаетъ вторую оцѣнку имѣнія Гуслиста правильною и присуждаетъ Братскій монастырь къ уплатѣ Гуслисту ста восьмидесяти одного руб. восьмидесяти девяти копѣекъ за взятыя монастыремъ вещи изъ хутора Гуслиста, которыя, нужно замѣтить, вошли въ оцѣнку самаго хутора, и за которыя деньги были уплочены монастыремъ Иванскому.

Разумѣется, это несправедливое, обнаруживавшее незнаніе самыхъ элементарныхъ требованій судопроизводства, рѣшеніе консисторіи вызвало энергическій протестъ со стороны братскаго архимандрита.

Мало этого, Ляскоронскій въ пылу негодованія грубо обошолся съ самымъ истцемъ и нанесъ ему оскорбленіе. Консисторія, посылая въ Братскій монастырь свое рѣшеніе по дѣлу Гуслиста, требовала почему-то, чтобы оно было прочитано настоятелемъ монастыря, въ присутствіи канцелярскаго чиновника (Ивана Данилевскаго), передававшаго его, и самаго Гуслиста. Ляскоронскій счелъ это за насмѣшку со стороны консисторіи, за желаніе показать ему свое торжество въ присутствіи его врага, и потому обошелся съ Гу-

слистомъ такъ, какъ подсказывало ему раздраженіе. Когда канцеляристъ объяснилъ Лясконскому цѣль своего прихода вмѣстѣ съ Гуслистомъ, то тотъ замѣтилъ: „зачѣмъ консисторія меня судитъ съ злодѣемъ, онъ рубли *поворовалъ*, и я прикажу дать ему сто кійковъ (палокъ)“. Когда канцеляристъ вторично объявилъ о цѣли своего прихода, Лясконскій, указывая на консисторскій указъ, замѣтилъ, что у него нѣтъ времени заниматься такими „малыми дѣлами“, что у него есть большей важности дѣла. Когда же Данилевскій сказалъ, что консисторія въ этомъ указѣ прислала оправданіе Гуслиста, притѣсняемаго Братскимъ монастыремъ, тогда Лясконскій замѣтилъ, что „Гуслисту будетъ служить оправданіемъ отъ утѣсненій, если онъ, связавъ его по рукамъ и ногамъ, будетъ бить его кійками такъ, что ему будетъ тѣсно“. Провожая консисторскаго посланца, онъ замѣтилъ ему: „вѣдай и рапортуй (консисторіи), а Гуслистъ пусть скорѣе уходитъ, чтобъ его не поймали“.

За подобное безчестіе кіевскаго мѣщанина, консисторія, въ силу магдебургскаго права, приговорила Ласконскаго къ штрафу, въ размѣрѣ пяти копъ грошей литовскихъ (шесть руб.), въ пользу пострадавшаго Гуслиста.

Не желая подвергнуться постыдному для его сана штрафу, Лясконскій, съ свойственною ему находчивостію, представилъ довольно основательные доводы въ свою защиту, но тутъ произошло такое событіе, которое окончательно рѣшило судьбу его.

Митрополитъ Тимофей (Щербацкій) выразилъ желаніе отслужить всенощную подъ праздникъ зачатія св. Анны въ Братскомъ монастырѣ. Объ этомъ онъ оповѣстилъ братскаго архимандрита, предупредилъ также и о своемъ намѣреніи опочить въ его покояхъ, для чего просилъ „очистить ему келійку“. Лясконскій отклонилъ послѣднюю просьбу митрополита подъ тѣмъ предлогомъ, что де митрополиту неудобно будетъ въ его холодныхъ и большихъ покояхъ, что де боль-

шія удобства представляютъ въ этомъ отношеніи келіи префекта. Когда митрополитъ пріѣхалъ 8 декабря въ монастырь, Лявоторонскій не устроилъ ему надлежащей встрѣчи и, не дождавшись окончанія заутрени, ушелъ къ себѣ, не пригласивъ къ себѣ митрополита и не проводивъ его до покоевъ префекта, гдѣ тотъ принужденъ былъ опочивать. Митрополитъ былъ крайне огорченъ поступкомъ Ляскоронскаго.

За это „крайнее власти архипастырской презрѣніе, досаду и не почитаніе“, консисторія присудила Ляскоронскаго къ лишенію сана архимандрита. Но митрополитъ, напрасно ожидавшій отъ него раскаянія и исправленія, отнесся снисходительнѣе къ виновнику: онъ 29 ноября 1751 года [1]) уволилъ его отъ занимаемыхъ имъ должностей и опредѣлилъ его въ выдубецкій монастырь на покой, на правахъ подначальнаго [2]).

Послѣ Ляскоронскаго настоятелемъ нашего монастыря назначенъ былъ *Георгій Конисскій*, знаменитый нашъ церковный витія, стяжавшій впослѣдствіи себѣ извѣстность своею защитою православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Онъ родился въ 1717 г. въ Нѣжинѣ отъ дворянской фамиліи и до одиннадцатилѣтняго возраста обучался въ родительскомъ домѣ. Съ 1728 по 1743 г. обучался въ кіевской академіи. Чрезъ годъ по окончаніи курса, Конисскій принялъ монашество, а въ 1745 г. опредѣленъ былъ учителемъ піитики. По желанію митрополита Тимоѳея, онъ опредѣленъ былъ въ началѣ 1752 г. архимандритомъ нашего монастыря и управлялъ имъ до 1755 года.

Правленіе Ляскоронскаго показало, до какихъ размѣровъ дошли нестроенія въ Братскомъ монастырѣ. Нельзя было

---

[1]) А не 28 августа, какъ думаетъ митрополитъ Евгеній (Приб. къ Опис. Соф. собора. стр. 230.).

[2]) Рукоп. акты монаст. и Академ., т. I № 40.—Тамъ онъ „во время бытія братіи въ трапезѣ, нечаянною смертію умре“ 8 мая 1754 г. Незлобивый архипастырь самъ совершилъ по усопшемъ литургію и погребалъ его. (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. II, стр. 155).

оправдать и архимандрита, злоупотреблявшаго своею властію, и братіи, восставшей противъ своего начальника. Обѣ стороны были неправы. Митрополитъ не могъ не видѣть этого и потому, желая предотвратить возможность подобныхъ столкновеній на будущее время, въ грамотѣ, выданной Конисскому, по случаю назначенія его архимандритомъ Братскаго монастыря, онъ указываетъ взаимныя обязанности архимандрита и братіи и выражаетъ надежду, что обѣ стороны будутъ стоять на высотѣ своего призванія. Онъ пишетъ: „Въ началѣ долженствуетъ онъ, превелебнѣйшій архимандритъ Георгій, въ церкви того кіево-братскоучилищнаго монастыря, по чиноположенію церковному, ко Всеблагому Господу Богу обыкновенныя творити молитвы и содержать ону церковь въ надлежащемъ благолѣпіи; такожъ въ правленіи всѣхъ дѣлъ монастырскихъ тщательный и неусыпный имѣти присмотръ, аки добрый домостроитель, братію же смиреннѣ, благоугодно и по чину монашескому жительствующихъ въ пристойной любви, аки отецъ чада содержать; противно же дѣлающихъ съ приговоромъ письменнымъ начальнѣйшей братіи и своею децизіею правильно наказывать и смирять духомъ кротости; о развращенныхъ же и по наказаніи неисправныхъ намъ доносить и прилежное смотрѣніе имѣть, дабы всѣ того кіево-братско-училищнаго монастыря братія церковнаго ко Господу Богу моленія не оставляли и безъ вѣдома съ монастыря не исходили... Быть ему, архимандриту, образомъ добродѣтельнаго житія; да тако за труды своя вѣнецъ блаженства отъ руки Господнія купно со всею о Христѣ братіею воспріиметъ глаголюще: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“. О чемъ будучи извѣстни честніи братскоучилищнаго монастыря братія должны ему превелебнѣйшему архимандриту всякое при подобающей чести отдавать послушаніе, безъ роптанія и вся по благому его совѣту дѣйствовать“ [1]).

---

[1]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. учил. ч. II, стр. 522—523.

Читая эти строки, нельзя не замѣтить, что изображаемое въ нихъ состояніе монастыря есть вѣрная копія, разумѣется, въ обратномъ видѣ, того положенія Братскаго монастыря и тѣхъ отношеній, какія существовали между настоятелемъ и братіею его при Сильвестрѣ Ляскоронскомъ. Эти строки написаны подъ сильнымъ, непосредственнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ нестроеній, какія господствовали въ Братскомъ монастырѣ въ предшествующее этому время и потому онѣ являются умѣстнымъ предостереженіемъ для нашего монастыря на послѣдующее время.

Заботясь о преуспѣяніи Братскаго монастыря и прилагая къ тому духовно-нравственныя средства, митрополитъ Тимоѳей не опускалъ изъ виду и матеріальной стороны и своими пожертвованіями обогащалъ монастырь. Такъ, около этого времени въ ризницу отъ него поступили: бархатный красный епитрахиль, шитая золотомъ и серебромъ съ изображеніемъ 12 апостоловъ; большой воздухъ краснаго бархата съ изображеніемъ Вознесенія Господня по золотому и серебряному шитью и евангеліе, покрытое свѣтло-краснымъ бархатомъ, украшенное сребровызлащенными изваяніями: на углахъ одной стороны—четырехъ евангелистовъ и посреди Благовѣщенія, а на другой—Расиятія. Въ бытность свою уже митрополитомъ московскимъ, въ 1759 году, Щербацкій прислалъ въ нашъ монастырь евангеліе въ листъ, съ сребропозлащенными круглыми съ обѣихъ сторонъ досками и чеканными изображеніями: на одной сторонѣ Воскресенія Христова и по угламъ четырехъ евангелистовъ, а на другой сребровызлащеннаго древа съ пророкомъ Іессеемъ [1]).

---

[1]) Ibid, стр. 526.—Аскоченскій приписываетъ митрополиту Тимоѳею еще одно пожертвованіе. Онъ пишетъ: „еще будучи ректоромъ С.-Петербургской академіи, онъ прислалъ въ Братскій монастырь четыреста руб. серебромъ на ризу (шату) для иконы Спасителя (Ibid, стр. 180). Митрополитъ Тимоѳей (Опис. Соф. соб., 225—226) не былъ вовсе ректоромъ петербургской семинаріи (тогда петербургской академіи не существовало). Сооруженіе же упомянутой иконы, какъ мы видѣли, принадлежитъ не ему, а ректору александро-невской семина-

Около этого времени нашъ монастырь сталъ обновляться притокомъ новыхъ силъ. Со времени Георгія Конисскаго разрѣшенъ былъ доступъ въ академію вдовымъ священникамъ. Рѣдкіе изъ нихъ заканчивали полный курсъ. Большинству же изъ нихъ, особенно не молодымъ, не подъ силу были академическія науки и потому они опредѣлялись въ число братіи нашего монастыря [1]). Это обстоятельство имѣло свои выгоды для монастыря, такъ какъ способствовало подъему умственнаго уровня монашествующихъ,—людей въ большинствѣ случаевъ простыхъ и мало образованныхъ.

Послѣ Конисскаго [2]) нашимъ монастыремъ управлялъ *Манассія Максимовичъ*. Образованіе онъ получилъ въ кіевской и заграничныхъ академіяхъ. По поступленіи въ монашество въ 1749 году, онъ опредѣленъ бытъ архидіакономъ при кіевскомъ митрополитѣ. 1 сентября 1755 года былъ посвященъ въ іеремонахи и въ томъ же году призванъ къ управленію нашимъ монастыремъ [3]).

Манассія Максимовичъ заявилъ себя заботами о сооруженіи новой каменной колокольни, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существуетъ и теперь, хотя, къ сожалѣнію, ему не удалось довести этого дѣла до конца.—Прежняя колокольня за ветхостію отказывалась служить, и потому Максимовичъ въ началѣ же своего управленія приступилъ къ заготовленію матеріаловъ для сооруженія новой. Къ веснѣ 1756 года заготовлено было болѣе 100 тысячъ кирпича, 2600 „мажовъ“ песку, 2000 возовъ грузу для укрѣпленія фундамента, тринадцать двадцати пуд. бочекъ извести, 240 пудовъ

гія іеремонаху Гаврінлу Кременецкому (Рукоп. акты Брат. монаст. и Акад. т. I, № 25).

[1]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. училищ., ч. II, стр. 180—181.

[2]) Въ этомъ же году онъ посвященъ былъ во епископа могилевскаго. Съ этого времени начинается его многотрудная дѣятельность на пользу угнетеннаго въ Польшѣ православія. Скончался онъ 13 февраля 1795 г. въ Могилевѣ. (Аскоченскій, Кіевъ съ его древ. учил. ч. I. стр. 118—126).

[3]) Истор. словарь, т. II, стр. 41.

желѣза. Дерево и всѣ необходимыя для постройки принадлежности (какъ то: риштованье, лопаты, чаны, заступы, лосны и проч.) были высланы изъ Карпиловки. Благодаря энергіи іеремонаха Іоанникія Мендзаховскаго, посланнаго за сборами доброхотныхъ подаяній, въ монастырскую казну поступило тысяча сто руб. денегъ.

Послѣ такихъ заготовленій приступлено было къ постройкѣ.

Всѣ каменныя работы поручены были мастеру Стефану Ковнѣру, построившему колокольню на дальнихъ пещерахъ въ лаврѣ. Планъ составленъ былъ самимъ монастырскимъ начальствомъ и одобренъ митрополитомъ. По контракту Ковнѣръ обязывался окончить всю постройку въ два года. За работу монастырь долженъ былъ уплатить ему тысячу рублей и снабдить его извѣстнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ [1]). Вся работа по желѣзу отдана была цехмейстеру „цеху Ковальскаго"—Андрею Медвѣдю и Даніилу Литвиненку. Вознагражденіе имъ назначено было въ 40 руб. деньгами и съѣстными припасами [2]).

Вскорѣ обнаружился недостатокъ въ деньгахъ, и Манассія Максимовичъ вынужденъ былъ опять послать за сборами доброхотныхъ подаяній. Въ запорожскую Сѣчь между прочимъ онъ отправилъ іеромонаха Тарасія [3]). Нельзя предполагать, чтобы эти сборы были удачны, такъ какъ въ этомъ случаѣ непонятно было бы, почему работы по сооруженію колокольни были прекращены и колокольня была достроена только спустя сорокъ лѣтъ.

Одновременно съ началомъ постройки колокольни была заложена и церковь въ принадлежащемъ монастырю хуторѣ

---

[1]) А именно „житнаго борошна двойницъ 20, гречаного 8, пшеничнаго 4, пшона 2, сала 2".

[2]) „Борошна житнаго 10 двойницъ, пшеничнаго 3, гречанаго 3, пшона одна двойница, три пуда сала и 10 ведеръ горѣлки".

[3]) Рукописн. акты монаст. и Акад., т. I, № 51.

Стрѣтовкѣ, расположенномъ въ десяти верстахъ отъ деревни Стаекъ. Главнымъ мотивомъ къ сооруженію новой церкви послужила дальность разстоянія Стрѣтовки отъ Стаекъ, вслѣдствіе чего тамъ стаецкимъ священникомъ не могли быть своевременно исполняемы требы. Жители Стрѣтовки взяли на себя хлопоты по сооруженію этой церкви и обязывались давать часть руги своему будущему священнику [1]).

При Максимовичѣ въ 1758 г. Братскій монастырь получилъ за долгъ отъ наслѣдниковъ бывшаго кіевскаго бургомистра Василія Зимовича пляцъ по Введенской улицѣ.— Еще въ 1704—1705 гг. Зимовичъ взялъ въ займы у монастыря 300 талеровъ съ обязательствомъ уплачивать по десяти процентовъ за все время пользованія этою суммою. Въ случаѣ его смерти, обязательство уплатить этотъ долгъ должно было перейти къ его наслѣдникамъ. Послѣ смерти Зимовича, 19 іюля 1708 г. братскіе монахи Филаретъ Рабушкевичъ и шафаръ Венедиктъ получили отъ его жены 280 золотыхъ. 19 Августа слѣдующаго года отъ ея дочери Паладіевой получено было тѣмъ-же Венедиктомъ и Епифаніемъ Головчичемъ еще 320 золотыхъ. Еще оставалось на наслѣдникахъ Зимовича 180 талеровъ. Въ монастырѣ полагали, что больше наслѣдниковъ у Зимовича не было, и потому о долгѣ этомъ забыли. При Максимовичѣ выяснилось, что въ Кіевѣ живетъ родная дочь Зимовича Акилина. Она получила отъ отца по наслѣдству „огородъ и комору въ великомъ ряду“ и пользовалась ими. Въ виду этого, магистратъ призналъ ее подлежащею отвѣтственности за оставшійся долгъ отца. Не имѣя денегъ уплатить монастырю долгъ своего отца, она уступила ему находившійся въ ея распоряженіи дворъ. Онъ

[1]) Содержаніе священника въ Стрѣтовкѣ, состоявшей изъ 25 дворовъ, опредѣлялось слѣдующими данными: онъ получалъ отъ каждаго двора по полчетверти жита, 10 коп. за вѣнчаніе, гривну за великій похоронъ, 4 коп. за малый, сѣнокосъ и пахатная земля „въ три руки“ давались отъ монастыря. (Рукописн. акты монаст. и Акад., т. I, № 52).

расположенъ былъ „въ Воведенской парохіи угломъ на пробытую (что къ Межигорью) улицу, смѣжностію нынѣ находячися съ лѣвой стороны с дворомъ жителки кіевской вдови Евдокіи Иванихи Шпачихи, а с правой стороны Цизътужъ впоперекъ улицю, прямо дворовъ Савки молодшаго Рыбалскаго и вдовы Петрихи, на которомъ грунтѣ нынѣ жительствуетъ Марко Ткачъ, Николай Рыбалка, Игнатъ Кошикъ, да прямо того грунту по другой сторонѣ жительствующая Евфимиха Гулчиха нѣкоторую на томъ же грунтѣ часть на чиншѣ содержитъ“. Вмѣстѣ съ уступочною записью, подъ которою за ея неграмотностью подписались священникъ Доброниколаевской церкви Василій Таршовскій и Павелъ Іота,—вмѣстѣ съ этою записью Акилина Зимовичевна передала монастырю и три первоначальные документа на право владѣнія ея дворомъ.

Въ послѣдствіи времени при Давидѣ Нащинскомъ магистратъ, желая удержать въ своихъ рукахъ эту дворовую усадьбу, какъ мѣщанскую собственность, и заботясь о выполненіи постановленія верховнаго тайнаго совѣта (отъ 1728 г.), запрещавшаго монастырямъ пріобрѣтать недвижимую собственность, — магистратъ предложилъ мѣщанамъ купить усадьбу Зимовича, уплативъ за нее монастырю его долгъ. Но такъ какъ долгъ далеко превышалъ стоимость самой усадьбы, то охотниковъ пріобрѣсти ее не оказалось, и она осталась за монастыремъ [1]).

Максимовичу пришлось и умереть въ Братскомъ монастырѣ при исполненіи своихъ обязанностей. Онъ скончался 2 іюля 1758 г. Погребеніе его совершалъ самъ митрополитъ въ Богоявленской церкви. Во время погребенія совершилось происшествіе, на долго сохранившееся въ памяти встревоженныхъ кіевлянъ и занесенное въ лѣтописи нашего монастыря [2]). Въ ту самую минуту, когда архидіаконъ провоз-

[1]) Прилож. № XXVII.

[2]) Рукописн. акты Брат. мон. и акад.

глашалъ надъ тѣломъ, уже перенесеннымъ въ склепъ: „во блаженномъ успеніи вѣчный покой“, страшный ударъ грома потрясъ все зданіе, и висѣвшее среди церкви серебрянное паникадило, подъ которымъ за минуту предъ этимъ стоялъ гробъ, растопилось и упало наземь. Многіе были оглушены и парализованы этимъ ударомъ, а сеніоръ Преображенской школы, ученикъ реторики, Саевскій убитъ на смерть.

Послѣ Максимовича въ управленіе нашимъ монастыремъ вступилъ *Давидъ Нащинскій*. Онъ обучался въ кіевской академіи, первоначально прошелъ только первые классы, а затѣмъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ, отправленъ былъ для продолженія образованія въ заграничные университеты. По возвращеніи на родину, онъ снова поступилъ въ академію и изучалъ здѣсь нѣкоторые предметы. Въ это время онъ принялъ монашество и, по окончаніи курса (въ 1747 г.), оставленъ былъ при академіи профессоромъ. Въ 1755 г. Нащинскій возведенъ былъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ настоятелемъ слуцкаго Троицкаго монастыря, находившагося въ то время въ предѣлахъ Польши. Отсюда въ ноябрѣ 1758 года онъ былъ вызванъ на настоятельство въ нашъ монастырь [1]).

Чрезъ все кратковременное управленіе этого архимандрита проходитъ яркоочерченными штрихами борьба монастырской братіи съ академическою корпораціею за содержаніе. Правда, и въ прежнее время изъ-за этого вопроса возникали недоразумѣнія, но они на первыхъ же порахъ сглаживались. Въ описываемое же время, благодаря Нащинскому, недоразумѣнія эти обострились и приняли характеръ открытой вражды.

Дѣло въ томъ, что два самостоятельныя учрежденія,— монастырь и академія, черпали изъ общаго источника средства своего матеріальнаго содержанія. Каждое изъ нихъ, какъ и въ порядкѣ вещей, стремилось къ увеличенію своихъ

[1]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. училищ., ч. II стр. 128—129.

жизненныхъ средствъ, но, разумѣется, улучшеніе матеріальной стороны одного учрежденія могло совершиться не иначе, какъ на счетъ другаго; излишнія притязанія одного шли въ явный ущербъ другаго. При такомъ положеніи дѣла недомолвки между монастыремъ и академіей изъ-за содержанія были неизбѣжны. Къ счастію для этихъ учрежденій высшій надзоръ въ нихъ соединялся въ одномъ лицѣ, которое, стоя на стражѣ интересовъ обѣихъ сторонъ, своею властію устраняло излишнія притязанія каждой изъ этихъ сторонъ, если они шли въ разрѣзъ съ интересами другой стороны. Такимъ образомъ устойчивое равновѣсіе на вѣсахъ взаимныхъ отношеній монастыря и академіи всецѣло зависѣло отъ главнаго начальника этихъ учрежденій. Если онъ былъ на высотѣ своего призванія и съ одинаковою справедливостью и вниманіемъ относился къ интересамъ обоихъ учрежденій, то миръ во взаимныхъ отношеніяхъ монастыря и академіи былъ всецѣло гарантированъ. Но разъ этого не было, разъ это лицо было пристрастно къ той или другой сторонѣ, столкновенія и вражда между учрежденіями были неизбѣжны. Правленіе Давида Нащинскаго представляетъ краснорѣчивое подтвержденіе послѣдняго замѣчанія. Въ явный ущербъ академическимъ наставникамъ, съ которыми онъ имѣлъ свои личные счеты, онъ сталъ на сторону монастырской братіи и съ свойственною ему энергіею сталъ отстаивать ея собственные интересы. Академическая корпорація выдвинула ему въ лицѣ префекта Самуила Миславскаго не менѣе энергичнаго противника, дружно сплотилась около него и составила сильную оппозицію монастырской партіи. Борьба такимъ образомъ началась.

Прежде чѣмъ излагать самый ходъ борьбы, мы скажемъ нѣсколько словъ о средствахъ монастыря, изъ-за которыхъ и возникла эта борьба.

Не смотря на то, что нѣкоторыя угодья отошли отъ нашего монастыря, все же онъ имѣлъ достаточно доходныхъ

статей, которыя при аккуратномъ управленіи намѣстника съ подвѣдомственными ему чинами могли доставлять достаточное содержаніе и монастырской братіи и академической корпораціи. Пограничныя съ Польшею монастырскія села Плисецкое и Мостища были выгодны для монастыря въ томъ отношеніи, что во время свободнаго пропуска изъ заднѣпровья окрестные жители пріѣзжали туда для помолу разнаго зерноваго хлѣба, а это давало доходу около 1200 двойницъ одного хлѣба, а сукновальни доставляли значительную сумму деньгами. Но особенно были доходны мосты, проходившіе чрезъ рѣку въ этихъ селеніяхъ. Вслѣдствіе свободнаго проѣзда изъ-за границы находилось много конкуррентовъ на аренду мостицкаго моста, отчего плата за нее была высока. Взимаемыя за прогонъ всякаго скота деньги обращались въ пользу монастыря. Расположенные на проѣзжей дорогѣ монастырскіе шинки давали значительный доходъ. Монастырскія пастбища, на которыя былъ сгоняемъ окружными помѣщиками и крестьянами скотъ, также доставляли прибыль монастырскому хозяйству. Съ чумацкихъ возовъ, тянувшихся изъ Крыма чрезъ Плисецкое и Мостища, взималось извѣстное количество соли. Въ селахъ Стайкахъ, Карпиловкѣ и Позднякахъ находились огромныя рыбныя ловли, такъ что при хорошемъ уловѣ въ монастырѣ не было недостатка ни въ свѣжей, ни въ свѣжепросольной, ни въ вяленой рыбѣ. Вся живность, всѣ продукты: масло, сыръ, творогъ и проч., все это въ обиліи доставлялось изъ монастырскихъ дачъ. Въ самомъ Кіевѣ монастырь имѣлъ пивоварню, которая, послѣ запрещенія монастырямъ выкуривать вино, сдавалась въ аренду „посацкимъ купцамъ“ и, разумѣется, для монастырскаго потребленія доставляла пиво. Монастырь вмѣстѣ съ академіей, кромѣ всего этого, получалъ царскаго жалованья двѣсти руб., да изъ губернской канцеляріи отпускалось ежегодно на непредвидѣнные расходы восемьдесятъ руб. Если мы при этомъ примемъ во вниманіе дешевизну съѣстныхъ

припасовъ въ то время,—по словамъ намѣстника, „за одинъ рубль или полтора можно было удовольствовать свѣжею рыбною трапезою неточію самого ректора, учителей и братію, но и послушниковъ (прислугу)“,—то мы придемъ къ заключенію, что монастырь безъ ущерба для собственныхъ интересовъ могъ давать вполнѣ удовлетворительное „пропитаніе“ академической корпораціи [1]).

Не смотря на это, Давидъ Нащинскій, нерасположенный ко всѣмъ профессорамъ, и повидимому болѣе заботливый объ интересахъ монастыря, произвелъ значительныя сокращенія въ отпускаемомъ имъ столѣ. Тѣ довели объ этомъ до свѣдѣнія митрополита. Потребовалось выяснить причину подобнаго ухудшенія „порцій“ наставниковъ. Монастырская братія [2]) вмѣстѣ съ намѣстникомъ Варлаамомъ, зная, что архимандритъ стоитъ на ихъ сторонѣ, могла безбоязненно отстаивать свои интересы. Въ своей объяснительной запискѣ, поданной Нащинскому 16-го января 1759 г., Варлаамъ описываетъ „скудость настоящаго времени“: монастырю запрещено производить продажу хлѣбнаго вина, селеніе Бѣльмачевка и Ивангородъ захвачены козаками, возникшій вслѣдствіе этого искъ крайне обременителенъ для монастыря, захваченныя села пришли въ такое разстройство, что на поправку ихъ въ этомъ году недостаточною оказалась сумма въ 5 тысячъ рублей, магистратъ, въ явный ущербъ монастырю, запродалъ которскую бумажную „папѣрню“ (фабрику), вслѣдствіе убыли воды не присылаютъ въ достаточномъ количествѣ рыбы изъ монастырскихъ дачъ и потому монастырь вынужденъ покупать свѣжую и вялую рыбу, къ тому-же монастырь имѣетъ свои спеціальныя нужды, которыя требуютъ безотлагательнаго удовлетворенія. Въ виду всего этого, по мнѣнію намѣстника, нужно уменьшить „пор-

---

[1]) Ibid. стр. 156—157.

[2]) Іеромонахи: Θеодосій, Іустинъ Негребецкій, духовникъ Никодимъ и Аθанасій и іеродіаконъ Паисій.

ціи учителямъ, которые изо дня въ день становятся притязательнѣе,—то не хорошо, по ихъ мнѣнію, другое не ладно. Между тѣмъ сами они не оказываютъ никакой помощи монастырю. Въ прежнее время наставники помогали братіи хотя въ совершеніи богослуженія, служили по седмицамъ, становились на клиросы пѣть и читать, „не имѣючи въ томъ никакого зазрѣнія", а теперь и отъ этого отказываются. „Того ради, респектомъ много—нужнаго и всескуднаго времени", и братія покорнѣйше просили своего настоятеля, „яко отца и пастыря", чтобы сіе ихъ доношеніе „внушить и вознесть куда надлежитъ къ благоразсмотрѣнію, дабы повелѣно было требуемыя учителями порціоны сократить и довольствоваться тимъ имъ всѣмъ учителямъ, чимъ Братскій монастырь по состоянію нынѣшняго скуднаго времени довольствовать можетъ... А ежели учителямъ желательно состоитъ, чтобы по прежнему для ихъ угожденія была довольная свѣжая риба, добрая вялая, довольное (какъ требуется) пиво, медъ, водка, а при столѣ у отца ректора (во время диспутовъ) и вино, то пусть своимъ старательствомъ они позаботятся объ увеличеніи монастырскихъ доходовъ" [1]).

Когда это объяснительное доношеніе братскаго намѣстника было прочитано предъ всѣми, нарочито собранными для этого, академическими наставниками, то оно вызвало въ средѣ ихъ цѣлую бурю. Они вмѣстѣ съ префектомъ „гнѣвно" обрушились на намѣстника и укоряли его самыми непочтительными словами, называли плутомъ, мошенникомъ и грозили дать ему кнута за невыдачу требуемаго ими продовольствія [2]).

Это произвело сильное впечатлѣніе на Варлаама, и онъ немедленно подалъ Нащинскому прошеніе объ увольненіи отъ занимаемой имъ намѣстнической должности, „дабы чрезъ неудовольствіе учителямъ въ ихъ излишнихъ требованіяхъ, ради

[1]) Рукописн. акты Брат. мон. и Акад., т. II, № 16.

[2]) Ibid.

скудости монастырской, отъ кого не подлежитъ неправедныхъ и напрасныхъ поклеповъ, также конфузій безвинно болѣе не претерпѣвать". Нащинскій отклонилъ это прошеніе и на немъ, въ видѣ резолюціи, написалъ слѣдующее: „Всечестный отецъ намѣстникъ Варлаамъ! Наше дѣло есть послушаніе дѣлать по волѣ властей нашихъ такъ, чтобы мы въ послушаніи исправлялись и вѣрно и радѣтельно и сколько можемъ: опасаться жъ намъ языковъ чюжихъ нѣтъ чего; вольно всякому и мыслить и говорить, что хочется, а мы, есть ли совѣсть наша не зазыраетъ намъ и не осуждаетъ насъ, напрасныя рѣчи другихъ благопріятно понести можемъ, яко человѣческія немощи. И такъ Вы, какъ доселѣ трудились въ послушаніи намѣстничемъ, такъ и далѣ еще трудитесь, а единого Бога боясь, постраховъ человѣческихъ не ужасайтесь. Есть еще Той, который лѣчитъ и считаетъ волосы наши!" [1]).

Всѣ эти пререканія между монастырскою братіею и академическими профессорами происходили въ началѣ 1759 г. Спустя полгода послѣ описанныхъ событій, непріязненныя отношенія между обѣими сторонами еще болѣе обострились и вышли за предѣлы монастыря. 28 августа наставники подали митрополиту коллективную жалобу на своего ректора. Предметомъ ея былъ все тотъ же вопросъ „о пропитаніи въ соединеніи съ другими частными пунктами". 1 сентября послѣдовала такая резолюція митрополита на этой жалобѣ: „Взявъ у Ректора на все, такъ въ семъ, яко и въ прежнемъ ихъ учителей доношеніяхъ о томъ, что до прокормленія ихъ касается, отвѣтъ, и потребовавъ приходныхъ и расходныхъ всякаго званія книгъ Братскаго монастыря за прошлій 1758 и за сей 1759 года, предложить намъ немедленно". 12-го октября, во исполненіе резолюціи, Нащинскій представилъ митрополиту вмѣстѣ съ требуемыми книгами „всенижайшее

---

[1]) Ibid.

отвѣтное доношеніе", по поводу жалобъ на него академической корпораціи.

Въ своей жалобѣ наставники выражаютъ недовольство существующими монастырскими порядками въ способѣ распредѣленія матеріальныхъ средствъ, высказываютъ притязанія подвергнуть своему непосредственному контролю распредѣленіе ихъ и измѣнить нѣкоторыя изъ существующихъ монастырскихъ порядковъ, въ видахъ улучшенія своего матеріальнаго быта. Въ своемъ объясненіи, Нащинскій, стоя на сторонѣ монастыря, отстаиваетъ существующій въ немъ порядокъ вещей, доказываетъ его цѣлесообразность и указываетъ на невозможность и неудобство желательныхъ для академической корпораціи перемѣнъ. Въ виду той важности, какую представляетъ для насъ эта „жалоба", и „объясненіе" [1]), мы поближе познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Наставники жаловались, что еще при Манассіи Максимовичѣ, прежнемъ ректорѣ, сокращена была ихъ „порція и толь малая отъ него опредѣлена, что де они въ силу служителей своихъ (ибо кромѣ двухъ порцій хлѣба на цѣлый день, одной порціи вялой и гнилой рыбы, варенной въ шарой фосолѣ, каши гречаной, а иногда галушокъ, болѣе ничего не дается) оною прокормить могутъ, а сами де они за консоляційскіи деньги, жалованіе изъ казны Вашего Преосвященства, всегда зъ базару рыбу вялую или свѣжую, вариво, соль, олѣй, масло и прочее нужное (должны) покупать".

Указавъ на то, что съ него нечего взыскивать за порядки, существовавшіе при его предшественникѣ, Нащинскій на приведенный пунктъ жалобы наставниковъ замѣчаетъ, что де „за покойнаго ректора Монассіи они, отцы учители, въ постніе дни завсегда кушаютъ было у отца ректора рыбное какъ изъ свѣжей рыбы, такъ и вялой и при томъ кушаніи давалась имъ водка, по три чарки, также вино, пиво и медъ. А прописанная ими порція, то есть двѣ порціи на день,

[1]) Они помѣщены въ рукописн. акт. монаст. и Акад. т. II, № 21.

вялой рыби, борщъ, каша или галушки, или фасоль давалась изъ трапезы въ келіи учительстіи для хлопцовъ ихъ. Въ мясные же дни довалось имъ изъ палаты въ келіи ихъ такое заготовленіе, какое изъ вотчинъ въ палату могло быть привозимо и отцамъ учителямъ за доволно. Чтобъ же де когда они отцы учители покупали изъ базару соль, олѣй, вариво, масло, рыбу и протчее таковое, того де не бывало, развѣ когда кто изъ учителей пожелаетъ себѣ купить изъ базару то, что ему лучшее покажется до вкусу его, какъ то и прежде ихъ бывшіе учители любое для себя иногда изъ базару купуютъ бывало, и то за свои деньги".

Чтобы доказать несостоятельность жалобы наставниковъ о скудости ихъ пропитанія, Нащинскій входитъ въ подробное описаніе всего того, что они получаютъ отъ монастыря, и такимъ образомъ устраняетъ второй пунктъ ихъ жалобы. Онъ пишетъ: „отцу префекту рыбы свѣжей дается по четири порціи завсегда, когда только еи на базарѣ или въ маетностяхъ монастырскихъ доставить можно, только въ одной стравѣ, въ другой же стравѣ прежде мене еще перестали давать потому, что въ монастырѣ кіево-братскомъ воспослѣдовали таковы убыли, каковы мнѣ отъ братіи представили... Рыбы вялой дается отцу префекту также четири порціи тогда, когда свѣжей нѣтъ. А кромѣ рыбнаго дается борщъ, каша или другія стравы, якіи въ трапезѣ соборной братіи представляются. Хлѣба дается два на день: одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другой братерскій 8 же фунтовъ, въ праздничные же и воскресныи дни кромѣ того хлѣба дается по четыре булки еще. Пива дается по семи квартъ на день, пива же дается въ ліодовню по двѣ куфы, въ которую и ліодъ навозится монастырскимъ коштомъ; хотя то и ліодовель не было у давнѣйшихъ префектовъ и довольствовались префекты пивомъ изъ общей ледовнѣ, ибо ледовня состроена отъ братіи для покойнаго префекта Козачинскаго, когда онъ съ Петербурга ѣхалъ въ Кіевъ, и думали братія, что онъ имъ будетъ архимандритомъ,

и такое то лукавство оказали ему. Олѣи дается въ среду полкварты, въ пятокъ полкварты; масла дается въ скоромные дни по полфунта; отъ Воскресенія до сентября мѣсяца дано на келію отца префекта двѣ солѣ. Водки дается отцу префекту по фляшѣ гарцевой въ начатіи школъ, въ праздники Рождественскій и Воскресенскій, также и при окончаніи школъ, да не возбраняется жъ и тогда, когда надобно бы было ему. Префектовская же функція такими лѣкворами обыкновенно завсегда богата есть. Меду дается тогда по квартѣ, когда онъ въ трапезѣ поставляется. Прошлаго же году на медъ не было удачи, такъ какъ въ братской ліодовнѣ не было его, такъ и не давано отцу префекту. Свѣчъ дается 500 на годъ обыкновенно; соли дается отцу префекту по пяти гусокъ на тыждень; сира и яицъ когда надобно и когда то есть въ палатѣ. Варево дается всякое, когда востребуетъ отецъ префектъ; дровъ дается столько, сколько надобно. Блюди и тарилки даются жъ, хотя и порча дѣлается и пропажа имъ. Коляска не возбрана никогда, также и лошади и мимо вѣдомъ ректорскій, хотя такъ и не доводилось бы. Починка келейная дѣлается за коштъ монастырскій.— Риторическому учителю свѣжей рыбы по двѣ порціи дается, а когда свѣжей нѣтъ, то вялой по двѣ порціи, и другія стравы, какіи въ трапезѣ представляются соборной братіи, даются жъ; хлѣбъ ситный соборный 8 фунтовъ дается на день, а въ праздничніи и воскресніи дни по двѣ булки, кромѣ хлѣба того. Пива дается по двѣ кварты, водки дается такъ, какъ и отцу префекту. Свѣчъ дается 300 на годъ; сиръ и масло, и яйца, и варево, и сало, и дрова, и пшоно, и крупи и мясо и протчее по востребованію выдается.—Протчіимъ учителямъ рыбы свѣжей по одной порціи дается вшарой, когда она есть въ монастырѣ, а когда нѣтъ, то вялой о порціи второй же, и другіи стравы, якіи есть въ трапезѣ для соборной братіи. Хлѣба по двѣ порціи большихъ и по булкѣ въ праздничные дни. Такъ же сало, масло, сиръ, яйца, соль, пшоно, крупи и протчее

таковое дается, когда они требуютъ, и когда все то есть въ монастырѣ. Коляска дается когда имъ надобно. Дровъ они не покупаютъ. Подчинка келейная съ монастыря дѣлается. На свѣчи имъ дается по давному установленію, именно отцу философійскому 300, пiитическому 250, синтаксическому 200, граматическому и ему же греческому 300, инфѣмѣскому, фарискому, нѣмецкому по 150; учителю двухъ діалектовъ учащему противъ другихъ учителей двойная порція производится, хотя учитель двухъ діалектовъ учащій вдвое съисти и не можетъ противъ того, который одного діалекта учитъ".

Наставники хотѣли, чтобы ежегодно присылаемые въ монастырь двѣсти рублей изъ войсковаго скарбу и восемьдесятъ изъ губернской канцеляріи, были раздѣляемы между ними, чтобъ имъ выдавалось изъ монастырскаго приходу на одежду, „понеже по крѣпостямъ, на Братскій монастырь наданнымъ, слѣдуетъ ихъ отцевъ учителей съ монастыря Брацскаго и одѣвать, а не точію кормить и поить".

Незаконность подобнаго притязанія архимандритъ опровергаетъ такъ: „бывшіи прежде насъ и за насъ и наши учители такой консеквенціи формовать не умѣли и не формовали; то откудажъ нынѣшніе отцы учители такой формаціи научились? Сверхъ сего бывшіи учители наши и мы сами одѣвались изъ консоляціи архіерейской, какая намъ давалась по пропорціи.—Ежели и глуховскіе и губернскіе рубли на нихъ отцовъ учителей дѣлить, а изъ вотчиннаго приходу денежнаго и поить и кормить и одѣвать ихъ, то уже всѣ монастырскіе нужды—отсѣчь развѣ? Толко жъ сему быть невозможно. Яко всѣ монастырскіе расходы какъ для нихъ отцовъ учителей, такъ для братіи, такъ для послушниковъ, такъ для работниковъ, такъ для всего вообще монастыря слѹжатъ. Требованіе сіе отцовъ учителей, чтобы и двѣсти руб. на нихъ дѣлить и восемьдесятъ руб. имъ взимать, и изъ монастыря ихъ одѣвать, есть какъ никогда не бываюе, такъ самою от-

вагою своею весьма дикое, и туды лишь склонялось, чтобъ учителямъ съ ректоромъ лукъ тянуть".

Профессора въ своей жалобѣ выставляли на видъ, что де „изъ вотчины Стаекъ получаемые съѣстные припасы и денежные приходы невѣстимо куда дѣваются, да и получаемые изъ губернской канцеляріи восемьдесятъ руб. не на содержаніе учителей, но на иныя монастырскія нужды издерживаются".

Нащинскій оправдывался отъ взводимаго на него въ этомъ пунктѣ обвиненія такимъ образомъ. „Какъ изъ вотчины Стаекъ, писалъ онъ, такъ и изъ протчихъ монастырскихъ вотчинъ приходамъ и расходамъ есть въ монастырѣ книги, и оныя являютъ, куда тѣ припасы и деньги дѣваются. А восемьдесятъ рублей на такія монастырскія нужды расходятся, безъ которыхъ отцамъ учителямъ и братіи всей и монастырю общему обойтись невозможно. И ежели бы они отцы учители шафарями монастырскими были, то и о расходѣ томъ вѣдали бы, но имъ однакожъ думается, что только въ монастырѣ и надобности, чтобъ имъ отцамъ учителямъ ѣсти да пити было что и чимъ одѣть ихъ".

Наставники полагали, что они „лишаются доволнаго пропитанія и доволнаго одѣянія", благодаря худымъ порядкамъ, господствующимъ въ Братской экономіи.

Не отрицая подобныхъ непорядковъ въ монастырѣ, Нащинскій въ свое оправданіе замѣчаетъ слѣдующее. „Экономію Кіево-Братскаго монастыря, говоритъ онъ, совершенно и по надлежащему похвалить хотя и не можно, яко и экономіи въ протчихъ монастыряхъ, потому что въ монастырь не охотники ходить совершенные экономы и таковыи люди, которыи бы по совѣсти смотрѣли общаго монастырскаго добра, только жъ и Братскаго монастыря экономія, какъ и протчихъ монастырей, присмотрѣніе и расположеніе свое имѣетъ отъ таковаго человѣка, котораго мы всѣ соборомъ за найспособнѣйшаго къ тому выбрать могли. Ректоръ же самъ, яко начальникъ, ѣздить

по вотчинамъ и порядковъ смотрѣть и учреждать времени не имѣетъ, потому что ему либо въ школу ходить, либо въ консисторію ѣздить завсегда треба есть, и неудобно ему совершенно просмотрѣть всѣ и вездѣ и всегда обстоятельства икономическія, яко въ семъ монастырѣ начальники не живутъ больше какъ три года, а четыре найбольше. А въ новомъ господарствѣ (и простаки говорятъ) надобно три года изжить, чтобъ господарство оно выразумѣть. И бывшіе нѣкоторые учители на бывшихъ же ректоровъ все тожъ плескали: худая въ братствѣ экономія. хотя они сами экономіи той и мало не знали. Напослѣдокъ, хотя бы и аккуратная экономія устроена кѣмъ была и было бы въ монастырѣ довольство всякое съѣстныхъ и питейныхъ вещей, то однакожъ такое довольство недоволно будетъ отцамъ учителямъ, ежели такъ съѣстныя и питейныя вещи худо употреблять, какъ то по нынѣ худо употребляются онѣ: то есть для отцовъ учителей, какъ и для всей братіи, на общей поварнѣ варится всякая страва, а въ тѣ стравы употребляется рыба, соль, цыбуля, петрушка, бураки, капуста, масло, олѣй, огурцы, пшено, крупа, мука и протчее таковое изъ монастыря; толко жъ, все сіе получая, отцы учители присылаютъ ежедневно въ палату, въ ліохъ или куда надлежитъ, то съ требованіемъ соли, олѣи, рыбы, крупъ, пшена, масла, сыра, яицъ, огурцовъ, капусты и протчего такого, почему больше всего сего идетъ на напрасное расточеніе, нежели въ потребное употребленіе, такъ что въ припасныхъ мѣстахъ скоро можно видѣть пустошь, а учители по старому еще не сыты. На многія мѣста брошенная глиба едвали упадетъ, гдѣ надобно, а гдѣ ненадобно ей, тамъ расточится безъ всякой надобности; такъ изъ одной припасной коморы пущенная живность въ разныя и руки, и мѣста, едвали дойдетъ до котораго учителя, но все то по за пазухами слымацкими да бурсацкими садовится, а не рѣдко и подъ парканомъ и за парканомъ монастырскимъ кладовится. И того ради ежели бы отцы учители въ общемъ мѣстѣ всѣ ѣли и пили, то меньше бы было напраснаго рас-

ченія и расходу въ монастырѣ, а они бы отцы учители десятью довольнѣйшіе быть могли, ибо гдѣ для двухъ изготовлено будетъ, тамъ третьему и четвертому поживитись можно. И можно бы удобно монастырю Братскому и дважды отцевъ учителей на день накормить и напоить, только бы сіе такъ дѣлалось, какъ дѣлается у хозяевъ, то есть, когда бы они и обѣдать и вечерять изволили въ собраніи всѣхъ ихъ. А таковаго учрежденія пока не будетъ тутъ, поты отцы учители не будутъ сыты, монастырь не будетъ довольный, а начальникъ поты не будетъ безпечалный".

Академическіе наставники выражали желаніе, „дабы впредь въ пропитаніи учителей не слѣдовало ни какого затрудненія и оскудѣнія, для того слѣдуетъ приказать указомъ, чтобы всѣ монастырскіе приходы и расходы велъ префектъ и учители и по третямъ года калкуліовали бы учители всѣ монастырскіе записные книги".

На этотъ пунктъ жалобы Нащинскій возражалъ: „Когда отецъ префектъ и отцы учители будутъ вѣдать приходы и расходы монастырскіе и будутъ калкуліовать приходовъ и расходовъ книги, то они и сами перестануть въ ту пору роптать на монастырь Братскій и его начальниковъ, яко самовидцы и слуги всего того необходимаго расхода, и помощниками учиняться они и ректору и братіи; а ежели бы изъ учителей и намѣстника учреждено было, какъ когдась сіе и бывало, то онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель, служа учителямъ и братіи и цѣлому монастырю такъ точно, какъ надобно ректору и вмѣстѣ архимандриту дѣлать сіе, смякалъ бы, какъ удовольствіе возможное производить товарищамъ своимъ учителямъ и какъ монастырскаго добра смотрѣть, чтобы оно туне и по прихотямъ другихъ не шло въ пропажу и напрасное издержаніе. Да сверхъ того онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель не могъ бы страдать таковыхъ отъ учителей чинимыхъ попреканій, презрѣній, руганій и конфузій, каковыми простачекъ (то есть неучачій мудрой лацѣны) намѣстникъ отъ нихъ обременяется,

какъ то довелось и тому намѣстнику, который нынѣ въ Россіи считается за монастырскими нуждами и за милостынею на монастырь просимою".

Въ заключеніи своей жалобы наставники выражали желаніе, чтобы на будущее время имъ предоставлено было право участія въ рѣшеніи важныхъ монастырскихъ дѣлъ. „Ежели какіе важные земскіе спорные прилучатся дѣла, писали они, то по онымъ составляли бы учители и братія письменные приговоры и тѣ приговоры представляли бы ректору и префекту для разсмотрѣнія и конфѣрмаціи".

Нащинскій доказывалъ нецѣлесообразность подобныхъ порядковъ, такъ какъ они приведутъ монастырь къ совершенному разоренію. „Гдѣ равныхъ начальниковъ много, писалъ онъ, тамъ не мало и конфузіи и не порядковъ, какъ то дѣется и въ Братскомъ монастырѣ, потому что всякъ учитель даже до меншаго такъ мыслитъ и дѣлаетъ, что ему ректоръ не указчикъ, ибо и онъ учитель по лацѣнѣ учился, и можетъ быть, яко ректоръ сегодня, такъ онъ завтра ректоромъ".

Такова была борьба двухъ партій — монастырской и академической. Чѣмъ она кончилась,—объ этомъ, за отсутствіемъ современныхъ документовъ, судить трудно. Во всякомъ случаѣ перевѣсъ въ этой борьбѣ не остался на сторонѣ монастырской партія, такъ какъ ея представитель, Давидъ Нащинскій, спустя годъ съ небольшимъ, вынужденъ былъ оставить занимаемый имъ постъ [1]). Нельзя также думать. чтобы митрополитъ рѣшилъ споръ безусловно въ пользу академической корпораціи, такъ какъ нѣкоторыя ея желанія шли въ разрѣзъ съ монастырскими интересами. Естественнѣе всего ожидать, что примиреніе между враждовавшими сторо-

[1]) 16 генваря 1761 г. Давидъ Нащинскій, безъ прошенія съ своей стороны, былъ переведенъ въ гамалѣевскій монастырь, откуда онъ въ 1769 г. перешелъ въ глуховскій, отсюда въ 1772 г. въ ставропигіальный близюковъ (въ Смоленскѣ) и, наконецъ, уволенный за болѣзнію за штатъ, последніе годы своей жизни, въ качествѣ пансіонера, провелъ въ кіево-печерской лаврѣ. Скончался 5 мая 1793 года. (Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. училищ. ч. II, стр. 128—129).

нами состоялось на почвѣ взаимныхъ уступокъ: монастырь позаботился объ улучшеніи содержанія профессоровъ, а профессора отказались отъ излишней своей притязательности.

Послѣ Нащинскаго настоятельство перешло къ *Самуилу Миславскому*. Онъ родился 24 мая 1731 года отъ священника села Полошекъ глуховскаго полка Григорія Миславскаго. При крещеніи нареченъ Симеономъ. Первоначальное обученіе прошелъ въ домѣ отца, а потомъ былъ опредѣленъ въ кіевскую академію. По окончаніи курса въ 1754 г., онъ принялъ монашество въ печерской лаврѣ и нареченъ Самуиломъ. Нѣсколько лѣтъ проходилъ учительскія должности въ академіи, а 10 февраля 1761 года назначенъ былъ настоятелемъ нашего монастыря [1]).

Во все время своего управленія ему пришлось вести тяжбу съ софійскимъ монастыремъ за незаконно присвоенныя имъ братскія земли въ мѣстечкѣ Стайкахъ. Эта тяжба имѣетъ свою исторію, въ высшей степени запутанную и сложную [2]).

Дѣло въ томъ, что софійскій монастырь, имѣя землю въ Трипольѣ по сосѣдству съ Стайками, вслѣдствіе неправильнаго размежеванія, еще въ 1748 г. захватилъ часть земли, принадлежавшей Братскому монастырю. Архимандритъ Манассія Максимовичъ обратился къ митрополиту Тимоѳеею съ жалобой на самоуправство софійскаго монастыря. Назначена была коммиссія для размежеванія спорныхъ земель [3]). Коммиссары, назначенные отъ софійскаго монастыря, вели себя противозаконно. Такъ, они устранили братскихъ старожиловъ и одного изъ нихъ (Якова Яцюку) избили до крови. Размежеваніе было произведено на основаніи показаній софійскихъ старожиловъ, разумѣется, въ явный ущербъ Братскому мона-

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил, ч. II, стр. 340.

[2]) Рукоп. монастр. и Акад. т. II № 33

[3]) Отъ Братскаго монастыря въ составъ ея, кромѣ архимандрита Манассіи, вошли іеромонахи: намѣстникъ Іустинъ и Товія Жуковскій.

стырю. Мало того, софійскіе монахи производили захваты на безспорно принадлежащихъ Братскому монастырю земляхъ. Такъ, въ 1759 г. трипольское управленіе захватило братское сѣно и просо, а въ 1760 г. подданные софійскаго монастыря присвоили себѣ 100 копенъ гречихи, принадлежавшей Братскому монастырю.

При Давидѣ Нащинскомъ въ 1760 г. Братскій монастырь хлопоталъ о вторичномъ размежеваніи, но безуспѣшно.

Такъ было дѣло до Самуила Миславскаго. Въ 1761 году онъ обратился съ ходатайствомъ къ митрополиту Арсенію, чтобы тотъ обуздалъ своеволіе софійскихъ монаховъ и произвелъ правильную размежовку спорныхъ земель, назначивъ коммиссію изъ стороннихъ лицъ, „безъ нарушенія совѣсти поступающихъ". Въ противномъ случаѣ, Самуилъ обѣщалъ перенести это вопіющее дѣло на судъ свѣтской власти. Митрополитъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, но, за отсутсвіемъ Миславскаго, ѣздившаго въ Петербургъ, дѣло это не могло продолжаться. Съ возвращеніемъ Миславскаго, въ августѣ 1763 г. назначена была для размежеванія земель коммиссія, а софійскому игумену, іеромонаху Іосифу, былъ посланъ запросъ, не имѣетъ ли онъ ничего противъ назначенныхъ въ эту коммиссію членовъ [1]). Отвѣта никакого не послѣдовало. А между тѣмъ экономъ Братскаго монастыря донесъ, что софійскіе монахи еще болѣе стали притѣснять жителей Стаекъ, такъ что они начинаютъ убѣгать за границу, и Стайкамъ грозитъ конечное разореніе.

Въ ноября 1764 г. составлена была новая коммиссія изъ настоятелей слѣдующихъ монастырей: михайловскаго (архимандритъ Модестъ), выдубецкаго (архим. Митрофаній Горленко), кирилловскаго (іеромонахъ Тарасій) и Святоблаговѣщенскаго нѣжинскаго (архимандритъ Епифаній). Но и ея по-

---

[1]) Назначены были: архимандритъ выдубецкаго монастыря Митрофанъ, префектъ академія іеромонахъ Мелхиседекъ и учитель піитики іеромонахъ Рувимъ.

становленія не привели ко взаимному соглашенію. Софіяне настаивали, чтобы между спорными трипольскими и стаецкими землями пограничныя межи были проведены въ такомъ порядкѣ: „начавъ отъ Сторожевской могилы до вершины сухой Бобрицы, а тою Бобрицею до проворотнэй горы, чрез гору до рѣчки Сивировки и устья Явкопатицы, гдѣ Явкопатица съ Сивировкою сошлись, а Сивировкою в гору ажъ до вершины ея и до Черкасоваго звозу“. Въ этихъ границахъ братскія земли простирались на 12 верстъ въ длину и на 1—3 версты въ ширину. Миславскій не былъ доволенъ этою размежовкою и требовалъ, чтобы земли Братскаго монастыря въ указанныхъ границахъ увеличены были еще на 8 верстъ въ длину.

Примиреніе между враждовавшими сторонами состоялось уже въ 1766 году (29 сентября), когда митрополитъ самолично разграничилъ спорныя земли. Къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ, на какихъ условіяхъ состоялось взаимное соглашеніе между монастырями.

При Миславскомъ, въ сентябрѣ 1763 года, составлена была опись церковнаго имущества нашего монастыря [1]). Это первая опись въ исторіи нашего монастыря. Недостатокъ ея чувствовался еще въ прежнее время, составленіе ея поручалось еще Давиду Нащинскому, но почему-то это дѣло откладывалось до болѣе удобнаго времени.

Изъ этой описи мы видимъ, что ризница нашего монастыря въ то время имѣла значительные размѣры. Къ сожалѣнію, опись эта, какъ по всему видно, составлялась поспѣшно и потому представляетъ сухой перечень предметовъ церковнаго обихода. А между тѣмъ каждый изъ этихъ предметовъ имѣлъ собственную исторію, являясь посильнымъ приношеніемъ

---

[1]) Она помѣщена въ рукоп. акт. монаст. и Акад., т. III, № 8. Подъ нею подписались: намѣстникъ монастыря Варлаамъ и слѣдующіе іеромонахи: Ѳеодосій, Тарасій уставщикъ, Пансій экклесіархъ, Іоассонъ духовникъ, Илія библіотекарь и Іовъ.

ревнителей отечественнаго благочестія и просвѣщенія. И п[...] тому при составленіи церковной описи было-бы очень важ[...] обратить вниманіе на эту сторону дѣла, тѣмъ болѣе, что в[...] время Самуила Миславскаго свѣжи еще были въ памя[...] всѣхъ преданія, соединявшіяся съ тою или другою церковн[...] принадлежностію, и записать ихъ не составляло труда. В[ъ] такомъ случаѣ опись имѣла бы важное значеніе для истор[іи] нашего монастыря, являясь лѣтописью его.

Составители описи, представляя въ сухомъ перечнѣ церковные предметы, сдѣлали исключеніе только для тысячи червонцевъ, хранившихся въ монастырскомъ казнохранилищѣ, а присоединили нѣсколько замѣчаній о нихъ. Эти деньги, какъ значится въ описи, поступили отъ Иларіона Григоровича, епископа сарскаго и поданскаго на поминовеніе его души.

Въ правленіе Миславскаго (въ августѣ 1765 г.) окончена была постройка заложенной еще при митрополитѣ Тимоѳеѣ (въ 1756 году 21 іюля) церкви въ хуторѣ Боровомъ, принадлежавшемъ къ селу Плесецкому. Необходимость постройки этого храма вызывалась дальностію разстоянія этого хутора отъ своего села. Освященіе новаго храма происходило въ сентябрѣ 1765 года, послѣ того, какъ постройки освидѣтельствованы были посланнымъ отъ монастыря эклесіархомъ Паисіемъ [1]).

Неусыпныя занятія разстроили здоровье Самуила Миславскаго, такъ что онъ въ 1765 году сложилъ съ себя обязанности настоятеля монастыря, возложивъ ихъ на игумена Анастасія и оставаясь въ тоже время какъ-бы почетнымъ настоятелемъ нашего монастыря до 1763 года [2]).

---

[1]) Рукоп. акты монаст. и Акад. т III, № 19.

[2]) Ibid. Послѣдующая судьба Миславскаго такова: въ 1768 г., по указу Синода, онъ былъ переведенъ въ кіево-николаевскій монастырь, а чрезъ два мѣсяца вызванъ на череду служенія въ Петербургъ. Въ томъ же году онъ былъ рукоположенъ епископомъ въ Бѣлгородъ, а чрезъ три года переведенъ въ Москву на крутицкую епархію. Въ 1776 году онъ былъ переведенъ въ ростовскую епархію и чрезъ годъ пожалованъ саномъ архіепископа. 23 сентября того же

Послѣ Самуила Миславскаго настоятелемъ нашего монастыря былъ назначенъ *Тарасій Вербицкій*, бывшій прежде кирилловскимъ игуменомъ. Управленіе его продолжалось до 16 января 1774 года [1]).

При немъ окончательно прекратились всякія недоразумѣнія между монастырскою братіею и академическою корпораціею, такъ какъ съ этого времени митрополиты стали самолично распредѣлять монастырскіе доходы между обоими сторонами и тѣмъ устранили самую возможность какихъ-либо пререканій между ними [2]).

16 генваря 1774 года, по указу Синода братскимъ архимандритомъ былъ назначенъ *Никодимъ Панкратьевъ*. Правленіе его нашимъ монастыремъ было кратковременно: въ концѣ того же года онъ и скончался [3]).

Съ этого приблизительно времени въ сознаніи общества ясно выступаетъ различіе между Братскимъ монастыремъ и академіей. Въ то время, какъ прежде всѣ пожертвованія назначались на оба эти учрежденія, соединенныя въ безраздѣльномъ единствѣ, теперь всѣ вклады стекаются исключительно въ академію [4]), монастырь же остается при прежнихъ средствахъ. Такъ постепенно подготовляется раздѣленіе и обособленіе между этими учрежденіями, совершившееся окончательно въ послѣдующее время.

года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ. Скончался въ 1796 году (Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. училищ., ч. II, стр. 340—341).

[1]) Въ этомъ году онъ вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду служенія, по окончаніи котораго назначенъ былъ настоятелемъ новгородскаго Антоніева монастыря, потомъ переведенъ былъ въ Хутынь, затѣмъ въ Иверскій монастырь и, наконецъ, въ 1778 году въ Кіево-Михайловскій, откуда вскорѣ перешелъ на покой въ лавру, гдѣ 24 февраля 1790 года и скончался. (Прибавл. къ Описан. Софійск. собр. стр. 231).

[2]) Аскоченскій Кіевъ съ его древн. учил., ч. II, стр.. 302.

[3]) Прибавл. къ Опис. Соф собр., стр. 231.

[4]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил., ч. II, стр. 304—305.

За Панкратьевымъ слѣдовалъ также скончавшійся въ нашемъ монастырѣ *Кассіанъ Лехницкій*, управлявшій имъ съ 24 апрѣля 1775 года до 11-го іюня 1784 г. [1]).

При Лехницкомъ, 13 октября 1781 года, Братскій монастырь былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Высочайшихъ особъ: великаго князя Павла Петровича, наслѣдника престола и его супруги. Ихъ Высочества прибыли сюда въ 11 часу утра. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ очевидецъ: „Отецъ архимандритъ Кассіанъ съ учителями Академіи и другими того монастыря іеромонахами въ священническомъ облаченіи, съ святымъ крестомъ Ихъ Высочествъ за воротами монастырскими встрѣтили и препроводили въ большую церковь, а студенты отъ вратъ къ церкви стояли въ два ряда. Пѣвчіе же въ бѣломъ платьѣ съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы, по сторонамъ шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь устланъ былъ суknами; въ церкви пѣто: Достойно, ектинія и многолѣтствіе. Ихъ Высочества здѣсь изволили прикладываться къ чудотворной Божіей Матери иконѣ; послѣ сего отецъ архимандритъ Кассіанъ говоритъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи предшествовалъ архимандритъ съ іеродіаконами изъ церкви средними дверьми, а за ними ихъ Высочества изволили пойти на верхнія школы, при пѣніи студентами канта, и начавъ отъ философской чрезъ большую залу и школу богословскую де церкви студентской, называемой конгрегація. Изъ церкви сошли на низъ другимъ ходомъ отъ школы реторики въ монастырь и келліи префектовскія, понеже новостроющіесь архимандричіи не были отдѣланы келліи. Тутъ академисты-мальчики привѣтствія сказывали по едину разными языки.... По сказаніи сихъ рѣчей отецъ архимандритъ поднесъ ихъ Высочествамъ рукописныя оды въ тетрадяхъ обложенныхъ парчею... За симъ Ихъ Вы-

---

[1]) Прибавл. къ Опис. Соф. собор., стр. 231.

сочества изволили отбыть изъ монастыря въ провожаніи архимандрита съ соборомъ и съ пѣвчими" [1]).

При Лехницкомъ въ Братскомъ монастырѣ 29 февраля 1780 года вспыхнулъ пожаръ въ трапезной церкви, красиво разнообразившей своими пятью главами однообразныя братскія постройки. Къ счастію, вся церковь не сгорѣла, обрушились только средній и два боковыхъ купола. При этомъ была истреблена часть академической библіотеки, хранившейся въ верхнихъ помѣщеніяхъ этой церкви [2]).

Послѣднимъ настоятелемъ нашего монастыря за этотъ періодъ его исторіи, при которомъ онъ былъ закрыть и на время прекратилъ свое существованіе,—былъ *Варлаамъ Миславскій*. По окончаніи курса академическихъ наукъ, онъ въ 1775 году принялъ монашество и былъ отправленъ въ харьковскій коллегіумъ учителемъ реторики, гдѣ потомъ достигъ званія ректора и сана архимандрита. Послѣ этого онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ Борисоглѣбскаго монастыря въ городѣ Ростовѣ. Въ 1784 году назначенъ былъ настоятелемъ нашего монастыря [3]).

Въ его управленіе, по распоряженію митрополита Самуила, значительная часть монастырскихъ доходовъ назначена была на улучшеніе содержанія академической корпораціи. Митрополитъ Самуилъ Миславскій, еще въ бытность свою префектомъ академіи, жаловавшійся на недостаточность содержанія наставниковъ, велѣлъ отпустить изъ монастырскихъ суммъ учителю философіи по 15 коп. на день, латинской реторики, русской словесности и поэзіи, равно и поэзіи латинской—по 14 коп., предоставивъ имъ право получать эти деньги

[1]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил., ч. II, стр. 313—314.

[2]) Истор. Кіев. дух. акад., стр. 28.—Уцѣлѣвшая отъ огня академическая библіотека помѣщена была, по свидѣтельству Ильи Өедоровича Тимковскаго, на хорахъ бывшей церкви (Сборникъ матеріаловъ для истор. топогр. Кіева и его окрестностей, отд. II, стр. 165).

[3]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. учил., ч. II, стр. 323.

или понедѣльно или помѣсячно. Кромѣ того, монастырскому начальству приказано было отпускать имъ „безъ всякаго удержанія“ дрова, хлѣбъ и огородныя овощи, какіе заготовлены будутъ для братіи [1]).

Архимандритъ Варлаамъ, опираясь на поддержку митрополита Самуила, дѣятельно заботился о поддержаніи обветшавшихъ монастырскихъ зданій. При немъ на конгрегаціонной церкви глава тронулась съ мѣста. Позваны были для освидѣтельствованія мѣщане: „цеху бондарскаго“—Ѳедоръ Игнатенко и „цеху кузнецкаго слюсаръ“—Павелъ Васильевъ. Оказалось, что, вслѣдствіе ветхости деревянныхъ связей, глава грозила паденіемъ, и потому послѣ предварительныхъ подготовленій приступлено было къ ея возобновленію [2]).

Братскій монастырь, какъ онъ существовалъ въ то время, по числу братіи, по количеству построекъ, немногимъ отличался отъ современнаго своего состоянія. По описанію Новгородцева [3]), братія его (съ келейниками, послушниками и служителями) простиралась до 47 человѣкъ. Въ немъ было три церкви также, какъ и теперь: Богоявленская, конгрегаціонная и трапезная. Въ немъ было десять келлій: однѣ, архимандричьи—каменныя, а остальныя—деревянныя. Около монастырской колокольни былъ въ немъ гостинный домъ, подъ которымъ помѣщались два каменные погреба. Вокругъ онъ былъ обнесенъ отчасти каменною, а отчасти деревянною стѣною.

Въ виду центральнаго положенія монастыря на Подолѣ и въ виду той опасности, которая грозила деревяннымъ монастырскимъ постройкамъ, въ случаѣ пожара, Варлаамъ Миславскій задумалъ снять всѣ деревянныя келліи и деревянныя стѣны и замѣнить ихъ каменными. Для этой цѣли онъ энергически принялся за подготовку необходимаго для этихъ со-

---

[1]) Ibid., стр. 349.

[2]) Рукописн. акты Брат. мон. и Акад., т. III № 56.

[3]) Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева, отд. II, стр. 131—132.

оруженій строительнаго матеріала, но, къ сожалѣнію, ему не суждено было осуществить своихъ намѣреній [1]).

10 апрѣля 1786 года послѣдовалъ высочайшій указъ объ отобраніи монастырскихъ штатовъ. Братскій монастырь лишился всѣхъ своихъ имѣній, пріобрѣтенныхъ въ теченіи почти двухвѣковой своей исторіи, и на время былъ закрытъ [2]). Правительство проэктировало было учредить въ немъ госпиталь, но академіи, по ходатайству митрополита Самуила, удалось оставить его зданія за собою [3]).

Съ упраздненіемъ монастыря архимандриту его данъ былъ въ управленіе Кіево-Николаевскій монастырь [4]).

Къ такимъ послѣдствіямъ для нашего монастыря привело реакціонное движеніе противъ монастырскихъ имуществъ, какимъ отличался XVIII вѣкъ.

---

[1]) Рукописн. акты Брат. монаст. и Акад., т. III, № 70.

[2]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. учил., ч. II, стр. 353—354.

[3]) Памятн. т. II, отд. I, № XXXVII.

[4]) Гдѣ онъ и скончался 30 іюля 1791 года. (Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил., ч. II, стр. 323).

Четвертый періодъ (отъ возстановленія монастыря въ 1799 г. до настоящихъ дней).

Общая характеристика жизни монастыря за этотъ періодъ. Возстановленіе монастыря въ штатъ втораго класса въ 1799 г. Матеріальныя средства монастыря, число и составъ его братіи. Первый настоятель монастыря по его возстановленіи—Өеофилактъ Слонецкій. Преемникъ его Ириней Фальковскій Опись монастырскаго имущества. Состояніе монастыря до пожара 1811 г: расположеніе монастырскихъ зданій, ризница и библіотека монастыря. Настоятельство Іоакинөа Логановскаго. Пожаръ 1811 г Состояніе монастыря въ первое время послѣ пожара. Архимандритъ Іоасафъ (Моховъ). Злоупотребленія его при возстановленіи монастыря и возникшіе по поводу ихъ судебные процессы. Отрѣшеніе Іоасафа отъ должности. Настоятельство архимандрита Моисея (Антипова). Ревностная его дѣятельность по возстановленію монастыря. Измѣненіе вида монастырской усадьбы послѣ пожара 1811 года. Разграниченіе этой усадьбы между монастыремъ и Академіею. Возстановленіе монастырскихъ строеній Участіе общества въ этомъ дѣлѣ. Стоимость произведенныхъ построекъ. Архимандритъ Мелетій (Леонтовичъ). Его заботы о благолѣпіи храмовъ монастыря. Устроеніе иконостаса въ Богоявленской церкви и украшеніе ея различными орнаментами. Перестройка святодуховской церкви. Постройка монастырскихъ лавокъ. Архимандритъ Кириллъ (Куницкій); пріобрѣтенія монастыря въ его управленіе. Архимандритъ Платонъ (Березинъ): его прибытіе и преждевременная кончина. Архимандритъ Смарагдъ (Крыжановскій); пріобрѣтенія монастыря въ его управленіе. Настоятельство Иннокентія (Борисова); его жизнь и заслуги въ отношеніи къ монастырю. Обновленіе монастырскихъ зданій. Заботы Иннокентія по устройству монастырскихъ имѣній. Доходы монастыря.

Увеличеніе монастырскихъ имѣній послѣ указа 1832 года. Монастырская дача Пироговка. Любовь Иннокентія къ природѣ; заботы его о разведеніи деревьевъ въ имѣніяхъ монастыря и въ самомъ монастырѣ. Открытіе Иннокентіемъ пещеръ на Церковищѣ; пріобрѣтеніе монастыремъ этого мѣста. Благолѣпіе монастырскаго богослуженія при Иннокентіѣ. Настоятельство архимандрита Іереміи (Соловьева); его дѣятельность по монастырю Архимандритъ Димитрій (Муретовъ). Возведеніе монастыря въ штатъ перваго класса. Возобновленіе иконостаса и устроеніе придѣла во имя св. Димитрія Ростовскаго въ Богоявленской церкви. Сооруженіе большаго колокола. Пожертвованіе графини Орловой Чесменской. Заботы Димитрія о монастырскомъ хозяйствѣ. Аскетическая жизнь Димитрія и благолѣпіе монастырскаго богослуженія при немъ. Архимандритъ Антоній (Амфитеатровъ). Характеръ его дѣятельности. Обновленіе Богоявленской церкви и колокольни. перестройка въ трапезной церкви, произведенная на средства духовника Арсенія. Состояніе монастырскаго хора. Іеромонахъ Іоанникій Добротворскій. Настоятельство архимандрита Израиля (Лукина); состояніе монастырскаго хозяйства въ его управленіе. Настоятельство архимандрита Іоанникія (Руднева). Его заботы о хозяйствѣ монастыря и о благолѣпіи монастырскихъ храмовъ. Архимандритъ Филаретъ (Филаретовъ). Характеръ его дѣятельности. Обновленіе монастырскихъ церквей Расширеніе зданія, назначеннаго для помѣщенія монастырской братіи. Судебный процессъ съ купцомъ Лютинскимъ по дѣлу о монастырской мельницѣ. Окончательное разграниченіе усадебнаго мѣста между монастыремъ и Академіей. Живое участіе Филарета въ жизни монастыря. Пожаръ Богоявленской церкви въ 1864 году. Настоятельство преосвященнаго Михаила (Лузина). Его заботы о монастырскихъ имѣніяхъ; устройство печей въ Богоявленской церкви Посѣщеніе монастыря Высочайшими Особами. Преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій. Постройка на штатномъ дворѣ. Капитальный ремонтъ Богоявленской церкви; благолѣпіе ея въ настоящее время.

Четвертый заключительный періодъ исторіи нашего монастыря есть періодъ его самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ академіи существованія. Получивъ, по своемъ возстановленіи и введеніи въ штатъ, средства для такого существованія,

Братскій монастырь при своемъ возобновленіи послѣ испепелившаго его пожара 1811 года занялъ своими зданіями и отдѣльную часть общей ему съ академіей усадьбы. Наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ онъ подѣлилъ съ академіею послѣднюю общую съ нею собственность—штатный дворъ и живетъ отдѣльною отъ нея жизнію, хотя и въ близкомъ сосѣдствѣ съ нею и подъ управленіемъ ея начальника. Періодъ этотъ представляетъ однообразную картину различныхъ ремонтовъ, построекъ и т. п. измѣненій внѣшняго вида монастыря.

Спустя тринадцать лѣтъ послѣ своего упраздненія, Братскій монастырь, по ходатайству митрополита Іероѳея, въ 1799 году былъ возстановленъ въ штатѣ втораго класса — Незадолго предъ этимъ (въ 1795 г.) сильный пожаръ уничтожилъ всѣ постройки второкласснаго гамалѣевскаго монастыря, находившагося въ предѣлахъ черниговской губерніи. Такъ какъ не было никакой надежды на возстановленіе его, то митрополитъ Іероѳей воспользовался его штатомъ въ интересахъ Братскаго монастыря. Выставивъ на видъ древность Братскаго монастыря, удобное его среди города положеніе, изобиліе въ немъ строеній, митрополитъ вошелъ съ представленіемъ въ Синодъ о возстановленіи его, съ перемѣщеніемъ въ него штата гамалѣевскаго монастыря. Вопросъ о перемѣщеніи монастырскихъ штатовъ разрѣшался не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, и потому Синодъ доложилъ государю о ходатайствѣ митрополита Іероѳея. Государь 29 мая изъявилъ свое согласіе на предложеніе митрополита [1]).

Вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ гамалѣевскаго штата, Братскому мунастырю назначены были по штату служители и отведена была земля. Согласно высочайшему указу отъ 18 декабря 1797 года, нашему монастырю отведено было 34 десятины земли, вмѣстѣ съ рыбными ловлями и мельницею.

---

[1]) Консисторскій архивъ. Синодальные указы 1799 года.

Сверхъ того, на содержаніе братіи, въ числѣ 17 человѣкъ [1]), ему отъ правительства, по штату втораго класса, отпускалось ежегодно одна тысяча триста одиннадцать рублей восемьдесятъ копѣекъ [2]).

Такъ на-первыхъ порахъ отдѣльнаго отъ академіи существованія Братскаго монастыря опредѣлились средства, число и составъ его братіи.

Первымъ настоятелемъ по возстановленіи монастыря былъ *Феофилактъ Слонецкій*. Онъ родился въ 1744 г. и былъ сынъ священника черниговской епархіи, борзенскаго уѣзда, села Прохорова. Первоначальное образованіе получилъ въ черниговскихъ училищахъ, а потомъ поступилъ въ кіевскую академію. По окончаніи курса, онъ опредѣлился послушникомъ въ печерскую лавру и до 1792 года проходилъ въ ней разныя должности, когда, наконецъ, назначенъ былъ намѣстникомъ. Въ 1793 году онъ былъ произведенъ въ архимандриты и чрезъ три года переведенъ настоятелемъ Михайловскаго монастыря и назначенъ ректоромъ академіи. По возстановленіи нашего монастыря въ 1799 году онъ былъ назначенъ настоятелемъ его и проходилъ эту должность до 1803 года.

За годъ до возстановленія монастыря Слонецкій позаботился о достройкѣ братской колокольни. Всѣ работы на собственныя средства произведены были купцомъ Ѳедоромъ Рябчиковымъ, за что уплачено было ему 15 тысячъ рублей [3]).

Съ возстановленіемъ монастыря, для приготовленія чтецовъ и пѣвцовъ въ немъ былъ открытъ классъ нотнаго пѣнія. Преподавателемъ его опредѣленъ былъ студентъ философіи Осипъ Моховъ, съ жалованьемъ по 50 рублей въ годъ.

---

[1]) Братія эта состояла: изъ архимандрита, казначея, шести іеромонаховъ, четырехъ іеродіаконовъ, двухъ пономарей, просвирника, ключника и чашника.

[2]) Странникъ за 1883 г. Августъ: „Штаты монастырей и монашествующихъ и способы содержанія монастырей", стр. 619 и 614.

[3]) Рукописн. акты монаст. и Акад. т. III, № 90.

Для обученія пѣнію положено по три часа въ недѣлю (по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ), а классъ назначенъ въ церкви, находившейся при настоятельскихъ келліяхъ [1]).

Послѣ Слонецкаго [2]) нашимъ монастыремъ управлялъ *Ириней Фальковскій*. Онъ родился въ 1762 г. въ селѣ Бѣлоцерковкѣ пирятинскаго уѣзда. Отецъ его, бывшій тамъ священникомъ, лишившись жены, повезъ своего сына въ кіевскую академію и, постригшись въ Братскомъ монастырѣ, самъ непосредственно сталъ наблюдать за его успѣхами. Въ 1775 году онъ назначенъ былъ настоятелемъ русской церкви въ Венгріи. Отправляясь на мѣсто назначенія, онъ взялъ съ собою и сына, назначивъ его къ исправленію причетнической должности. Это дало возможность Фальковскому побывать въ различныхъ заграничныхъ университетахъ. Въ 1783 году онъ возвратился въ Россію и, прибывъ въ Кіевъ, поступилъ въ академію. По окончаніи курса въ 1786 году, онъ принялъ постриженіе и опредѣленъ былъ учителемъ академіи. Чрезъ три года онъ былъ назначенъ архимандритомъ Гамалѣевскаго монастыря. А въ 1803 году, съ апрѣля по 8 сентября, онъ былъ настоятелемъ нашего монастыря.

При Иринеѣ Фальковскомъ составлена была опись всего монастырскаго имущества. Въ виду пожара 1811 года, истребившаго весь монастырь, для насъ эта опись пріобрѣтаетъ очень важное значеніе: по ней мы можемъ судить о числѣ монастырскихъ построекъ, истребленныхъ пожаромъ, ихъ состояніи, о расположеніи ихъ и о размѣрѣ монастырской ризницы [3]).

---

[1]) Ibid. т. III, № 118.

[2]) Въ 1803 году Слонецкій хиротонисованъ во епископа вологодскаго, но чрезъ пять лѣтъ уволенъ на покой въ печерскую лавру съ пенсіей въ 600 рублей, гдѣ онъ и скончался 13 Августа 1827 года (Аскоченскій. Кіевъ съ его древ. учил., ч. II, стр. 291—292).

[3]) Опись эта, въ видѣ большой рукописи, хранится въ академической библіотекѣ, подъ значкомъ: Мув. 165.

Монастырь, какъ можно видѣть изъ этого документа, съ трехъ сторонъ былъ огражденъ въ то время каменною стѣною, а съ четвертой, отъ конюшеннаго двора, примыкавшаго съ восточной стороны къ нему, досчатымъ заборомъ.

Съ западной стороны монастыря помѣщалась колокольня, чрезъ которую устроенъ былъ ходъ въ самый монастырь. На ней висѣло десять колоколовъ разной величины. Между прочимъ одинъ изъ нихъ былъ пожертвованъ гетманомъ Иваномъ Мазепою.

Направо отъ колокольни, при каменной оградѣ, находилась винарня о пяти комнатахъ съ погребомъ. Къ ней примыкалъ ледникъ.

Къ востоку отъ колокольни, въ самомъ монастырскомъ дворѣ, также какъ и теперь, помѣщалась большая церковь. Иконостасъ въ ней между прочимъ былъ старинный, замѣчательной рѣзной работы, разрисованный разными красками, а по мѣстамъ покрытый золотомъ и серебромъ. Кромѣ этого стариннаго иконостаса, въ Богоявленской церкви было еще два небольшихъ новыхъ. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась чудотворная икона, а въ другомъ образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Святодуховская церковь, прежде помѣщалось двухъ-этажное каменное зданіе, въ которомъ была трапеза [1]). Къ этому зданію примыкалъ каменный корпусъ, гдѣ помѣщалась кухня и келліи для братіи. Все это покрыто было желѣзною крышею.

Настоятельскіе покои стояли на томъ-же самомъ мѣстѣ, что и теперь, и были каменные. Къ нимъ примыкало два крыльца, изъ коихъ одно вело въ садъ, а другое въ монастырь. Подъ ними помѣщался погребъ, а къ нимъ примыкала каменная кухня.

---

[1]) Прежде въ верхнемъ этажѣ этого зданія помѣщалась Борисоглѣбская церковь. Съ закрытіемъ монастыря она была упразднена.

Въ саду за настоятельскимъ домомъ была деревянная бесѣдка съ двумя застекленными дверьми и лѣтніе покои съ ледникомъ и дровникомъ.

Влѣво отъ настоятельскаго дома, въ одну линію съ корпусомъ, въ которомъ помѣщались учители и который былъ расположенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь корпусъ для монашествующихъ, находилось деревянное строеніе съ келліями для братіи. Позади его помѣщалась келлія казначея съ каморкою и чуланомъ.

Между учительскимъ корпусомъ и большою церковью находилась монастырская палата,—деревянное зданіе, покрытое дранью.

Между палатою и учительскимъ корпусомъ были келліи для духовника и прочей братіи. Онѣ огорожены были низенькимъ заборомъ.

Напротивъ палаты стояло деревянное строеніе, въ которомъ также помѣщались келліи для братіи. Сюда-же примыкала деревянная пономарня и монастырскій ледникъ.

Между большою церковью и мазепинскимъ корпусомъ устроенъ былъ колодезь.

Конюшенный дворъ огражденъ былъ со всѣхъ сторонъ досчатымъ заборомъ. Въ немъ находились слѣдующія строенія: деревянный корпусъ для помѣщенія прислуги, конюшня изъ сосноваго дерева, амбаръ для помѣщенія разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, каретный сарай и кузница съ станкомъ для ковки лошадей.

Что касается монастырской ризницы, то она при Фальковскомъ была значительныхъ размѣровъ.—Въ ней между прочимъ считалось пять потировъ со всѣми относящимися къ нимъ принадлежностями; 23 серебряныхъ наперстныхъ креста и два золотыхъ съ драгоцѣнными камнями; 15 самыхъ разнообразныхъ митръ; множество разнообразныхъ ризъ, 26 серебряныхъ лампадъ; множество иконъ, изъ которыхъ нѣкоторыя оправлены были въ серебряныя ризы. Та-

ковы намѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, чудотворная [1]), икона Спасителя, что выше царскихъ вратъ [2]) икона Богоявленія, Святителя Николая [3]) и икона Благовѣщенія, риза которой сдѣлана была на средства епископа Димитрія въ 1794 году [4]). При чудотворной иконѣ было много привѣсковъ и украшеній, между которыми находилось брилліантовое ожерелье, подаренное Екатериною Евфимовною Галаганъ, стоившее 2 тысячи рублей.

Монастырская библіотека состояла изъ 239 названій.

Таковъ былъ нашъ монастырь при Фальковскомъ.

Послѣ Фальковскаго [5]) нашимъ монастыремъ управлялъ *Іакинѳъ Логановскій*. Онъ принадлежалъ къ сословію дворянъ, но отецъ его по бѣдности занимался портняжничествомъ, къ какому ремеслу готовилъ и сына. Однако послѣдняго ожидала лучшая участь. Въ 1779 году, уже шестнадцатилѣтнимъ юношей, Логановскій поступилъ въ академію. По окончаніи курса, въ 1792 году онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ переяславскую семинарію, а чрезъ годъ вызванъ преподавателемъ въ академію. Въ 1795 году онъ принялъ монашество, а въ 1803 году назначенъ настоятелемъ Братскаго монастыря и управлялъ имъ въ теченіи десяти лѣтъ.

При Логановскомъ Братскій монастырь до тла былъ истребленъ пожаромъ, и прошло почти два десятилѣтія, пока онъ возсталъ изъ своихъ развалинъ.

9 іюля 1811 года, около полудня, на Спасской улицѣ, что̀ на Подолѣ, вспыхнуло пламя въ домѣ столяра. Лѣто

---

1) Въ этихъ трехъ ризахъ было вѣсу 1 п. 13 фунт. и 14 лот.

2) Въ ризѣ этой иконы было 32½ ф. вѣсу.

3) Риза ея вѣсила 26 ф. 28 лот.

4) Эта риза вѣсила 21 фунтъ безъ 6 лотовъ.

5) Въ 1807 г. онъ рук положенъ былъ во епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской митрополіи, въ 1812 г. переведенъ на Смоленскую епархію, но въ слѣдующемъ году переселился въ Кіевъ на прежнюю должность викарія. Скончался онъ 29 апрѣля 1823 г. и погребенъ въ Михайловскомъ монастырѣ (Г. Булашевъ. „Преосвященный Ириней Фальковскій“. Кіевъ).

тогда стояло жаркое и сухое, поэтому деревянныя кровли домовъ легко воспламенялись отъ падавшихъ на нихъ искръ. Усилившійся пламень нарушилъ равновѣсіе атмосферы и произвелъ бурю, которая разносила искры и головни на далекое пространство. Пожаръ распространялся съ такою быстротою, что въ продолженіи трехъ часовъ Подолъ представлялся огненнымъ моремъ. Обширный дворъ Братскаго монастыря, соборная церковь, колокольня, училищныя и монастырскія зданія были загромождены пожитками воспитанниковъ и сосѣднихъ обывателей и потому представляли наибольшую пищу для губительнаго пламени. Колокола на Братской колокольнѣ расплавились и образовали собою нѣсколько слитковъ. Всѣ деревянныя постройки сгорѣли до тла. Два купола на большой церкви обрушились. Надъ грудою пепла и мусора возвышались почернѣвшія отъ дыма, полуразвалившіяся стѣны,—оставы каменныхъ зданій [1]).

Современный описанному событію поэтъ вотъ какими глубоко прочувствованными стихами отозвался на несчастіе, постигшее нашъ монастырь:

И ты, о Братская обитель,
Наставница гражданъ тьмы темъ,
Гдѣ первый мой руководитель
Повелъ меня наукъ путемъ,—
И ты вторично [2]) испытала
Въ теченіи немногихъ лѣтъ
Уронъ сокровищъ, чѣмъ питала
Умъ юношей; угасъ ихъ свѣтъ!
Твой вертоградъ опустошенный
Когда, когда возстанетъ вновь,
Оплота и сѣменъ лишенный?
О ужасъ! въ жилахъ стынетъ кровь,

[1]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил. ч. II. стр. 463—465 и Опис. Кіева Закревскаго, т. I стр. 116—118.

[2]) Разумѣется пожаръ 1780 г.

Представивъ образъ сей ужасный
Всѣхъ бѣдствій сей постигшій градъ,
Сей ветхій деньми и прекрасный,
Съ Царьградомъ спорившій посадъ“ [1]).

Иноки Братскаго монастыря на время были переведены въ митрополичій домъ, а архимандритъ Іакинѳъ остался среди обгорѣвшаго монастыря [2]).

Не смотря на то, что пожаръ уничтожилъ до тла всѣ монастырскія постройки, Братскій монастырь все-же не прекращалъ своего существованія. Наскоро была поправлена большая монастырская трапезная и въ ней устроена была церковь [3]). Иконостасъ и церковныя принадлежности поступили въ эту церковь отъ священника сгорѣвшей Святодуховской церкви Симеона Павловскаго, который сначала отдалъ эти вещи на сохраненіе въ Братскій монастырь, а потомъ совсѣмъ пожертвовалъ ихъ и самъ, впредь до пріисканія мѣста, опредѣлился въ число братіи нашего монастыря [4]).

Хотя часть братіи нашего монастыря и разошлась по другимъ монастырямъ, все-же жизнь монастырская шла обычною своею колеею. Какъ видно изъ дѣлъ монастырскаго архива, въ сентябрѣ (23 числа) 1811 года консисторія требовала отъ нашего монастыря вѣдомости о монашествующихъ и послушникахъ. Въ 1812 году въ Братскій монастырь присылаемы были нѣкоторыя лица на епитимію. Въ томъ-же году въ немъ были отправляемы церковныя службы, напр., молебствія по случаю успѣховъ нашего оружія въ борьбѣ съ

---

[1]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил. ч. II стр. 464.

[2]) (Ibid). стр. 465 и 550.

[3]) Въ ней совершалось богослуженіе до тѣхъ поръ, пока не была реставрирована Богоявленская церковь. Въ 1816 году (11 сентября) ее между прочимъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Императоръ Александръ Павловичъ (Русс. Архивъ. 1892 г. № 12, стр. 467).

[4]) Монастырскій архивъ, дѣло № 5.

французами [1]). Все это указываетъ, что Братскій монастырь въ это время не прекращалъ своего существованія.

Долго пришлось-бы нашему монастырю стоять въ развалинахъ, а можетъ быть и вовсе не суждено было ему выйти изъ нихъ, если бы въ судьбѣ его не принялъ участія самъ Государь, приказавшій отпустить изъ государственнаго казначейства необходимую для его возстановленія сумму [2]).

Послѣ Логановскаго [3]) управленіе нашимъ монастыремъ перешло къ *Іоасафу Мохову*. Онъ происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ и обучался въ кіевской академіи. По окончаніи курса, въ октябрѣ 1801 года опредѣленъ былъ учителемъ въ полтавскую семинарію. Монашество принялъ въ 1809 году и въ томъ же году указомъ Синода причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ печерской лавры. Въ 1810 году (14 марта) онъ былъ опредѣленъ профессоромъ академіи, а потомъ (10 ноября) былъ назначенъ и префектомъ ея. 13 февраля 1814 года былъ произведенъ въ санъ архимандрита, а 17 февраля назначенъ настоятелемъ нашего монастыря [4]).

Въ тяжелое время пришлось Мохову управлять нашимъ монастыремъ. Монастырь лежалъ въ развалинахъ, средствъ на возстановленіе его не было. Много нужно было Братскому настоятелю имѣть энергіи и самоотверженія, чтобы оказать въ это трудное время услуги управляемому имъ монастырю. Но имѣлъ-ли эти качества Моховъ? Къ сожалѣнію, это былъ человѣкъ своекорыстный, заботившійся лишь о собственныхъ интересахъ. Въ погонѣ за собственными выгодами, онъ забылъ о тѣхъ обязанностяхъ, къ которымъ призывалъ его

---

[1]) Ibid. дѣла № № 408, 410 и 413.

[2]) Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. училищ. ч. II, стр. 465.

[3]) Въ 1813 г. онъ былъ переведенъ въ курскій знаменскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1817 году (Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. учил. ч. II стр. 379—380).

[4]) Монастырск. арх. дѣло № 6.

долгъ службы, своимъ нерадѣніемъ и недобросовѣстностію уронилъ свое достоинство и запятналъ свою репутацію. Своими злоупотребленіями онъ препятствовалъ дѣлу возстановленія Братскаго монастыря, за что лишенъ былъ должности настоятеля и понесъ заслуженную кару.

Благодаря финансовымъ затрудненіямъ, въ которыя было поставлено русское правительство во время войны съ французами, ассигнованныя имъ деньги на возобновленіе Братскаго монастыря не могли быть скоро отпущены, и потому монастырь въ зоботахъ о своей реставраціи на первыхъ порахъ былъ предоставленъ самому себѣ. Прежде всего монастырю нужно было позаботиться объ очисткѣ двора отъ загромождавшаго его щебня и мусора. Монастырь обладалъ вполнѣ достаточными для этой цѣли средствами. Въ его распоряженіи были ненужные для него слитки мѣди и серебра, образовавшіеся во время пожара, вслѣдствіе расплавленія колоколовъ и церковной утвари. Можно было также извлечь пользу изъ желѣза, которымъ прежде были покрыты монастырскія зданія, и части мусора, въ которомъ попадались слитки серебра. Митрополитъ Серапіонъ назначилъ все это къ продажѣ. Вырученныхъ отъ этой продажи денегъ было-бы вполнѣ достаточно для первыхъ монастырскихъ нуждъ, если бы братскій архимандритъ былъ добросовѣстнымъ и разсчетливымъ хозяиномъ, если бы онъ не заботился прежде всего о собственныхъ интересахъ,—въ явный ущербъ монастырю, и не допускалъ тѣхъ злоупотребленій, которыми стяжалъ себѣ печальную извѣстность. Злоупотребленія его вызвали цѣлый рядъ слѣдствій и судебныхъ разбирательствъ. Общій ходъ ихъ можно представить въ такомъ видѣ.

Въ началѣ 1815 года архимандритъ Іоасафъ продалъ 108 пудовъ колокольной мѣди, 12 фунтовъ находившагося въ слиткахъ серебра и разный мусоръ,—всего на сумму три тысячи восемьдесятъ одинъ рубль. Деньги эти онъ удержалъ у себя и не приказалъ заносить ихъ на приходъ въ книги.

Казначей Ипатій донесъ объ этомъ консисторіи. Наряжено было слѣдствіе, и архимандритъ Іоасафъ вынужденъ былъ возвратить удержанныя имъ монастырскія деньги [1]).

Состоя подъ судомъ за подобный самовольный поступокъ, архимандритъ Іоасафъ вмѣсто того, чтобы загладить собственную вину и доказать свою ревность о благѣ монастыря, оказалъ явное пренебреженіе распоряженію митрополита и вторично удержалъ у себя часть монастырскихъ денегъ.—Митрополитъ Серапіонъ приказалъ оставшуюся послѣ первой продажи колокольную мѣдь продать и вырученныя за нее деньги положить въ монастырское казнохранилище, не употребляя ихъ ни на какія нужды безъ его вѣдома. Продано было 123 п. 10 ф. мѣди на сумму три тысячи четыреста пятьдесятъ одинъ рубль. Изъ числа этихъ денегъ Моховъ удержалъ у себя одну тысячу сто семьдесятъ шесть рублей. Триста рублей онъ вскорѣ возвратилъ, а остальные 876 рублей онъ обѣщалъ взнести къ 1-му сентября 1815 года, но не исполнилъ своего обѣщанія и едва къ 21 сентября возвратилъ 500 руб. Остальные же триста семьдесятъ шесть рублей, не смотря на всѣ требованія отъ него, онъ взнесъ спустя полгода и то уже тогда, когда ему пригрозили донести о его злоупотребленіяхъ въ Синодъ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Моховъ пренебрежительно относился къ распоряженіямъ консисторіи и тѣмъ еще болѣе увеличилъ собственную виновность.—Дѣло въ томъ, что консисторія по поводу злоупотребленій Мохова одинъ за другимъ прислала ему девять указовъ, съ требованіемъ разъясненія по тому или другому вопросу. Вмѣсто того, чтобы давать на каждый изъ указовъ объясненія, Моховъ послалъ въ консисторію одинъ рапортъ, въ которомъ выражаетъ недоумѣніе по поводу причиняемыхъ будто-бы ему консисторіей безпокойствъ и проситъ оставить его въ покоѣ. Намекая между прочимъ на большое

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

число присланныхъ ему консисторіей указовъ, онъ, иронизируя, благодаритъ консисторію за то, что она никогда не оставляетъ его безъ дѣла, и выражаетъ „душевное желаніе знать: подлежитъ ли онъ отвѣтственности духовной дикастеріи, яко по благодѣтельной милости архипастыря академіи ректоръ и богословія учитель? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ неудовольствіе по поводу того, что консисторія отвлекаетъ его „отъ дѣлъ, составляющихъ пользу и благосостояніе всея христіанскія церкви,—отъ преподаванія богословскаго ученія". Въ заключеніе своего объясненія онъ недоумѣваетъ, какъ консисторія не обращаетъ никакого вниманія на застой въ дѣлахъ по возстановленію Братскаго монастыря и въ тоже время считаетъ нужнымъ входить въ подробное изслѣдованіе взводимыхъ на него клеветъ казначеемъ Ипатіемъ, человѣкомъ" выжившимъ изъ ума, удаленнымъ отъ управленія однимъ монастыремъ и потому не заслуживающимъ къ себѣ довѣрія [1]).

Консисторія сочла это объясненіе Мохова обиднымъ для себя и донесла объ этомъ въ св. синодъ. Синодъ своимъ указомъ отъ 30 Марта 1816 г. предписалъ „за оный рапортъ, яко не соотвѣтствующій узаконенному порядку и даже дерзскій", сдѣлать Мохову въ присутствіи консисторіи строгій выговоръ [2]).

Одновременно съ этимъ Братскому монастырю пришлось вести судебный процессъ съ Иванскимъ, арендовавшимъ братскую винарню. При разслѣдованіи этого дѣла обнаружены были такія черты частной жизни архимандрита Іоасафа, которыя сильно скомпрометировали его въ глазахъ общества и начальства. 1-го января 1812 года Иванскій заключилъ контрактъ съ монастыремъ на четырехлѣтнее содержаніе винарни, съ обязательствомъ возобновить ее на собственныя средства и ежегодно взносить монастырю по 204 рубля. По истеченіи срока Иванскій отказался уплатить монастырю

---

1) Ibid. дѣло № 6.

2) Ibid. дѣло № 7.

слѣдовавшіе съ него 444 рубля, объявивъ, что эту сумму обязанъ за него взнести архимандритъ Іоасафъ, который, по поступленіи на настоятельство въ Братскій монастырь, условился съ нимъ, вмѣсто арендныхъ денегъ, получать напитки, „когда токмо и чего онъ, архимандритъ, ни потребуетъ впредь до расчета". Изъ представленнаго Иванскимъ подробнаго счета оказалось, что въ теченіи четырехъ лѣтъ архимандриту Іоасафу было отпущено разнаго вина на одну тысячу сто восемьдесятъ семь рублей. 462 рубля взнесены были раньше Іоасафомъ за Иванскаго; такимъ образомъ, за уплатою въ монастырь указанныхъ четырехсотъ сорока четырехъ рублей, съ Іоасафа слѣдовало еще взыскать въ пользу Иванскаго двѣсти восемьдесятъ рублей съ копѣйками.

При ближайшемъ разсмотрѣніи представленнаго Иванскимъ счета оказалось, что тамъ были помѣчены такіе годы, когда Моховъ еще не былъ настоятелемъ Братскаго монастыря и потому не могъ получать отъ Иванскаго вмѣсто арендныхъ денегъ напитки. Съ другой стороны, Иванскій не представилъ въ судъ никакихъ долговыхъ расписокъ отъ архимандрита Іоасафа. Въ виду этого, судъ отказалъ Иванскому въ представленномъ на Іоасафа искѣ и обязалъ его уплатить монастырю 444 р. [1]).

Самоличное, помимо вѣдома братіи, расходованіе архимандритомъ Іоасафомъ монастырскихъ денегъ навлекло на него новое судебное слѣдствіе. По словамъ казначея Ипатія, у него взято было архимандритомъ семьсотъ шестьдесятъ восемь рублей, въ томъ числѣ триста рублей изъ окладной строевой суммы, двѣсти—изъ неокладной и сто семьдесятъ три изъ церковной свѣчной. Слѣдствіе обнаружило, что шестьсотъ семьдесятъ три рубля израсходованы были Іоасафомъ на покупку кареты и пары лошадей, въ чемъ дѣйствительно была нужда. Но ни израсходованныя деньги не были проста-

---

[1]) Ibid.

жены въ расходной книгѣ, ни пріобрѣтенныя лошади и карета не были внесены въ опись монастырскаго имущества. Слѣдователи поставили на видъ Іоасафу, что на подобныя издержки не могутъ быть употребляемы свѣчныя церковныя суммы. Что-же касается остальныхъ денегъ, которыя, по увѣренію Ипатія, взяты были у него Іоасафомъ, то и слѣдствію не удалось выяснить, куда онѣ были употреблены. Архимандритъ показывалъ, что онъ вовсе не бралъ ихъ, доказательствомъ чему служитъ то, что у казначея нѣтъ его росписокъ на эту сумму. Казначей доказывалъ противное, увѣряя, что эти деньги отпущены архимандриту вслѣдствіе его словеснаго распоряженія [1]).

Ко всему этому присоединилось неблаговидное поведеніе Мохова при продажѣ имъ монастырскаго желѣза.—Митрополитъ своимъ указомъ отъ 18 сентября 1816 года распорядился, чтобы все монастырское желѣзо въ присутствіи братіи было свѣшено, и свѣдѣнія объ этомъ были доставлены ему. Не смотря на два еще послѣ этого присланныхъ указа, архимандритъ Іоасафъ медлилъ высылкою требуемыхъ митрополитомъ свѣдѣній. Наконецъ, безъ вѣдома и согласія братіи, желѣзо было продано и уже значительно позднѣе; 22 декабря Іоасафъ объ этой продажѣ извѣстилъ консисторію, присовокупивъ, что желѣзо продано Кіевскому мѣщанину еврею Ейну Айзенбергу за пятьсотъ рублей. Деньги эти Іоасафъ удержалъ при себѣ и употребилъ на свои нужды.

Впослѣдствіи оказалось, что проданнаго желѣза было значительное количество, цѣлыхъ 18 фуръ, и что отъ продажи его можно было выручить гораздо большую сумму. Мало того, слѣдствіе обнаружило, что желѣзо было продано Іоасафомъ не еврею Айзенбергу, а еврею Нахину Богатыреву, какъ и самъ Іоасафъ въ этомъ сознался.

Къ довершенію всего, архимандритъ Іоасафъ прибѣгъ

---

[1]) Ibid.

къ явному обману, когда отъ него потребовали возвратить издержанные имъ пятьсотъ рублей. Онъ объявилъ, что эту сумму можно покрыть причитающимся на его долю монастырскимъ жалованьемъ и просилъ избавить его „отъ насильственнаго съ нимъ со всѣхъ сторонъ поведенія“. Но по справкамъ оказалось, что все, приходившееся на долю его, жалованіе уже взято было имъ. Такимъ образомъ этой растраты монастырскихъ денегъ не изъ чего было покрыть.

За всѣ эти злоупотребленія архимандритъ Іоасафъ указомъ Синода отъ 12 февраля 1817 года лишенъ былъ, до рѣшенія дѣла, настоятельства и опредѣленъ былъ на іеромонашескую вакансію въ лавру безъ производства ему жалованія и доходовъ.

Выходя изъ монастыря, архимандритъ Іоасафъ не преминулъ въ послѣдній разъ воспользоваться его вещами: онъ взялъ съ собою все находившееся въ настоятельскихъ келіяхъ столовое серебро [1]), часы и одиннадцать церковныхъ книгъ. Много стоило монастырю труда и хлопотъ получить обратно эти вещи.

Когда разслѣдовано было дѣло, и открылись всѣ злоупотребленія архимандрита Іоасафа, митрополитъ своею резолюціею отъ 30 іюня 1817 года опредѣлилъ: „отрѣшить архимандрита Іоасафа навсегда отъ настоятельскаго въ Братскомъ монастырѣ и отъ ректорскаго съ богословскимъ учительскимъ званій, яко ни къ первому, ни къ обоимъ другимъ вовсе неблагонадежнаго, чрезъ захваченіе монастырскихъ денегъ и вещей, въ совѣсти подозрительнаго, неспособнаго и потерявшаго всю довѣренность, какову начальствующимъ въ монастыряхъ и образующимъ умы и нравы учащихся свято и примѣрно для другихъ хранить подобаетъ и дабы онъ въ здѣшнемъ городѣ, куда во множествѣ стекаются различные и отличные народы, не былъ позоромъ для духовенства и

[1]) А именно: 21 столовую ложку, четыре разливныхъ, два подсвѣчника, одинъ серебряный поднос и два мѣдныхъ.

важнаго духовнаго училища удалить его отсель и изъ предѣловъ Кіевской епархіи въ отдаленное по благоразсмотрѣнію Святѣйшаго Правительствующаго Синода мѣсто".

Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ приказалъ взыскать съ Іоасафа вдвое за удержанныя монастырскія деньги, именно тысячу рублей, и оштрафовать его за ложныя показанія пятьюдесятью рублями въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Для этой цѣли продано было все имущество Іоасафа. Кромѣ того, управляющему Братскимъ монастыремъ предписано было отрѣшить отъ должности казначея Ипатія за его нерадѣніе по службѣ, взыскавъ съ него стоимость удержаннаго Іоасафомъ столоваго серебра, а на его мѣсто выбрать новаго „изъ благонадежнѣйшихъ и способнѣйшихъ" [1]).

Такими печальными страницами открывается исторія возобновленія нашего монастыря послѣ уничтожившаго его пожара.

Постройки по Братскому монастырю большею тяжестію своею пали на слѣдовавшаго за Моховымъ настоятеля нашего монастыря, архимандрита *Моисея Антипова*. Онъ былъ магистръ перваго курса петербургской академіи, гдѣ былъ оставленъ и профессоромъ. 13 іюля 1817 года онъ назначенъ ректоромъ кіевской семинаріи, а 1 августа опредѣленъ архимандритомъ нашего монастыря, которымъ онъ управлялъ до послѣднихъ чиселъ декабря 1823 года.

Архимандритъ Моисей энергично взялся за дѣло возстановленія ввѣреннаго его управленію монастыря. По преданію, онъ самъ иногда прилагалъ руки къ работамъ каменьщиковъ и плотниковъ, чтобы заохотить къ этому гимнастическому, въ часы досуга, упражненію учениковъ семинаріи и училищъ [2]). Онъ не жалѣлъ собственныхъ средствъ и значительную часть своего содержанія удѣлялъ на устрой-

[1]) Монастыр. арх. дѣло № 6.

[2]) Пятидесятилѣтній юбилей кіевской духовной академіи. Кіевъ 1869 г. стр. 79—80.

ство монастырскихъ зданій, въ особенности настоятельскаго дома [1]). Благодаря его неутомимымъ заботамъ, дѣло возобновленія монастыря пошло быстрыми шагами впередъ.

Послѣ пожара 1811 года, истребившаго весь Кіево-Подолъ, правительство поручило городскимъ властямъ распланировать весь Подолъ по новому плану, которымъ бы устранялась безпорядочность и скученность построекъ, столь опасныхъ на случай пожара. Для этой цѣли составлена была такъ называемая пожарная коммиссія, которая и выработала тотъ планъ, по которому построенъ теперь Подолъ. Этою коммиссіею значительно было измѣнено усадебное мѣсто Братскаго монастыря. Прежде до пожара Братскій монастырь тянулся узкою, но длинною полосою почти на два квартала по направленію къ Днѣпру. Подъ его усадьбою было 7712 кв. саженъ, въ томъ числѣ подъ монастыремъ и и академіей 6216 кв. саженъ, подъ садомъ, который выдавался угломъ на теперешнюю Ильинскую улицу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится академическая баня,—подъ этимъ садомъ было 440 и подъ штатнымъ дворомъ 1056 кв. саженъ. Это мѣсто урѣзали по его длинѣ, но зато значительно увеличили въ его ширинѣ, прибавивъ къ нему по Ильинской улицѣ 1870, а по Никольской 195 кв. саженъ, такъ что вся усадьба стала занимать шесть тысячъ восемьсотъ девяносто четыре кв. сажня. Кромѣ того подъ штатный дворъ отведено было 900 кв. саженъ. Такимъ образомъ усадьба Братскаго монастыря по новой распланировкѣ, въ какомъ видѣ она существуетъ и теперь, увеличилась противъ прежняго на 32 кв. сажня [2]).

---

[1]) Хотя злые языки, по его собственнымъ словамъ, поговаривали, что будто-бы онъ вывезъ съ собою въ Новгородъ сорокъ тысячъ строительной суммы („Къ матеріаламъ для исторіи кіевской духовной академіи". Л. М. Труды кіев. Акад. 1888 г. № 11, стр. 128—131).

[2]) Разумѣется, если мы не будемъ считать того мѣста, которое до пожара занимала бурса (930 кв. саженъ) и академическая больница (386 саж.), которыя были расположены почти на берегу Днѣпра, тамъ, гдѣ теперь находится по-

Послѣ того, какъ полученъ былъ планъ монастыря, архимандритъ Моисей счелъ возможнымъ приступить къ перестройкѣ обгорѣвшихъ монастырскихъ зданій. Ассигнованныя правительствомъ на возобновленіе монастыря деньги не были еще отпущены и потому Моисею пришлось производить постройки на тѣ ничтожныя средства, какими располагалъ монастырь. Не смотря на это, ему удалось хотя вчернѣ реставрировать колокольню, большую церковь и настоятельскій домъ.

Работы по возобновленію колокольни начаты были еще въ 1815—1816 гг. [1]), но вспыхнувшій 16 апрѣля 1818 года въ колокольнѣ пожаръ много повредилъ начатому дѣлу [2]), такъ что въ этомъ году потребовались новыя и значительныя издержки на окончательное обновленіе колокольни [3]).

Въ этомъ же году обновленъ былъ и настоятельскій домъ. Между прочимъ половину расходовъ по этой работѣ уплатилъ монастырь, а другую половину приняла на себя академія [4]).

Что касается Богоявленской церкви, то въ возобновленіи ея приняло живое участіе и общество. Для записыванія пожертвованій на это благое дѣло заведена была между прочимъ особая книга [5]). Кіевскій житель Иванъ Мухинъ „изъ усердія къ церкви Божіей“ внесъ пять тысячъ рублей [6]). Кіотъ для чудотворной иконы устроилъ на собственныя средства кіевскій гражданскій вице-губернаторъ Василій Семено-

дольское духовное училище (Планы Братскаго монастыря до и послѣ пожара 1811 г. помѣщены въ прилож.).

[1]) За эту работу Василію Сѣрикову уплочено было 3600 р. ассигнаціями (монастыр. арх. дѣло № 13).

[2]) „Выдержки изъ дневника митрополита Серапіона“. (Труд. Акад. 1893 г. № 2, стр. 333).

[3]) Израсходовано было 1600 р. (монастыр. арх. д. № 14).

[4]) Всего израсходовано было 2011 р. (монастыр. арх. д. № 11).

[5]) Ibid. дѣло № 17.

[6]) Ibid. дѣло № 21.

вичъ Катериничъ [1]). А іеромонахъ печерской лавры Исихій пожертвовалъ 14 иконъ и комодъ для ризницы [2]). Такъ постепенно отстраивалась и украшалась Богоявленская церковь. Въ день Рождества Христова 1818 года освященъ былъ главный престолъ ея [3]), а 24-го іюня 1820 года Предтеченскій придѣлъ [4]).

Когда предъ преобразованіемъ кіевскаго духовнаго учебнаго округа окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, что академія по прежнему останется въ Братскомъ монастырѣ [5]), семинарское [6]) и монастырское правленія приступили къ распланировкѣ имѣющихъ быть академическихъ и монастырскихъ зданій. Въ видахъ сохраненія единства въ зданіяхъ академіи и монастыря, для первыхъ отведены были западная, сѣверо-западная и юго-западная стороны монастырской усадьбы, а для послѣднихъ вся восточная сторона [7]). Такимъ образомъ между монастыремъ и академіей, которые въ прежнее время жили одною нераздѣльною жизнью, а съ 1799 г. были раздѣлены внутренно,—въ данное время между этими учрежденіями положена была уже внѣшняя грань, раздѣляющая ихъ до послѣдняго времени.

Одновременно съ этимъ (въ апрѣлѣ 1819 г.), по порученію архимандрита Моисея, архитекторомъ Андреемъ Меленскимъ составлена была смѣта стоимости монастырскихъ построекъ [8]). На основаніи ея мы можемъ составить себѣ

---

[1]) Ibid. дѣло № 20.

[2]) Ibid. дѣло № 23.

[3]) Ibid. дѣло № 18.

[4]) Ibid. дѣло № 159.

[5]) По плану архимандрита Мелетія Носкова ее хотѣли перевести въ упраздненный кирилловскій монастырь,—„мѣсто во многихъ отношеніяхъ выгодное для наукъ, любящихъ уединеніе“ (Аскоченскій, Кіевъ съ его древн. училищ. ч. II, стр. 483—484).

[6]) Въ ту пору академія на время (1817—1819 гг.). была обращена въ семинарію.

[7]) Монаст. арх. дѣло № 505.

[8]) Ibid. дѣло № 500.

представленіе о томъ, во сколько обошлась реставрація нашего монастыря. Обновленіе колокольни стоило четыре тысячи семьсотъ восемьдесятъ три рубля девяносто копѣекъ. Реставрація Богоявленской церкви, включая сюда и устройство двухъ новыхъ деревянныхъ куполовъ, обошлась въ сорокъ три тысячи триста шесть рублей двадцать пять копѣекъ. На возобновленіе настоятельскихъ покоевъ и настоятельской поварни потребовалось: для первыхъ тринадцать тысячъ восемьсотъ двадцать два рубля шестьдесятъ копѣекъ, а для послѣдней три тысячи триста одиннадцать рублей десять копѣекъ. Починка монастырской трапезы вмѣстѣ съ поварней обошлась въ одиннадцать тысячъ сто сорокъ девять рублей пятьдесятъ копѣекъ. На устройство новаго каменнаго корпуса для жительства положеннаго по штату числа монаховъ (нижняго этажа теперешняго монашескаго корпуса) израсходовано сорокъ девять тысячъ шестьсотъ семьдесятъ четыре рубля пятьдесятъ пять копѣекъ. Устройство каменной ограды вокругъ всего монастыря стоило двадцать три тысячи двѣсти шестьдесятъ три рубля девяносто пять копѣекъ. На устройство штатнаго двора израсходовано одиннадцать тысячъ двѣсти одинъ рубль пять копѣекъ. Такимъ образомъ устройство нашего монастыря почти въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существуетъ и теперь, стоило сто шестьдесятъ одну тысячу четыреста девятнадцать рублей восемьдесятъ копѣекъ ассигнаціями.

Въ 1821 году отпущена была изъ государственнаго казначейства часть (66,700 руб.) ассигнованной суммы и въ слѣдующемъ году приступили къ самимъ постройкамъ. Обновленіе колокольни и настоятельскаго дома и устройство штатнаго двора не потребовало большихъ хлопотъ и было закончено въ этомъ-же году [1]). Устройство каменнаго корпуса для помѣщенія братіи затянулось до февраля 1823 г. [2]).

[1]) Ibid. дѣло № 24.

[2]) Ibid. дѣло № 503.

Остальныя постройки, въ томъ числѣ и поновленіе Богоявленской церкви, приведено было къ концу уже въ тридцатыхъ годахъ. Дѣло въ томъ, что митрополитъ Евгеній призналъ возможнымъ докончить постройки этихъ зданій на получаемые монастыремъ доходы. Поэтому изъ назначенной на возобновленіе монастыря суммы не было отпущено 20782 р. 83 коп. и постройки затянулись сравнительно на долгое время [1]).

Послѣ Моисея [2]) Антипова настоятелемъ монастыря былъ *Мелетій Леонтовичъ*. Онъ родился 6 ноября 1784 г. въ селѣ Петриковкѣ, елисаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи, въ дворянской семьѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца, а потомъ обучался въ екатеринославскомъ уѣздномъ училищѣ и семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса, какъ лучшій воспитанникъ ея, онъ былъ посланъ въ петербургскую духовную академію. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ въ 1814 году опредѣленъ былъ при академіи баккалавромъ. Въ 1817 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ кіевской духовной семинаріи, а чрезъ два года переведенъ на ту же должность во вновь открывшуюся кіевскую академію. Въ февралѣ слѣдующаго года принялъ монашество и проходилъ послѣдовательно должность ректора въ могилевской, а потомъ въ псковской семинаріи. Въ январѣ 1824 года онъ былъ назначенъ настоятелемъ нашего монастыря и управлялъ имъ до декабря 1826 года.

Архимандритъ Мелетій былъ прямымъ продолжателемъ начатаго его предшественникомъ дѣла и заявилъ себя преи-

---

[1]) Ibid, дѣло № 504.

[2]) 31 декабря 1823 г. онъ возведенъ былъ въ санъ епископа старорусскаго, викарія новгородской епархіи. А три года спустя онъ былъ уже на самостоятельной архіерейской каѳедрѣ въ Вологдѣ, затѣмъ—въ Саратовѣ г, наконецъ,—въ Тифлисѣ, экзархомъ Грузіи, гдѣ въ 1834 году 15 іюня и умеръ на 52 году своей многотрудной и полезной жизни (Вѣра и Разумъ, 1884 г. № 1 „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Свящ. Т. Буткевича, стр. 60).

мущественно заботами о внутреннемъ украшеніи и благолѣпіи братскихъ храмовъ.

При немъ въ 1825 году устроенъ былъ и вызолоченъ весьма изящный рѣзной работы иконостасъ въ одинъ ярусъ, каковой, за устраненіемъ возникшихъ въ послѣдующее время наслоеній, возстановленъ въ своемъ первоначальномъ видѣ при послѣднемъ поновленіи Богоявленской церкви [1]).

Въ слѣдующемъ (1826) году иконостасъ этотъ уставленъ былъ иконами,—тѣми самыми, которыя существуютъ и въ настоящее время. Всѣ иконы—12 большаго размѣра и 13 меньшаго—были сдѣланы кіевскимъ художникомъ Иваномъ Квятковскимъ [2]).

Одновременно съ этимъ вся Богоявленская церковь разукрашена была различными орнаментами. Работы эти производилъ вольнопрактикующій живописецъ Антоніо Скотти. Всѣ стѣны, своды, арки и столбы росписаны были красками на клею подъ лѣпную работу различными архитектурными украшеніями: колонками, пилястрами, карнизами и фестонами. Между прочимъ арки и своды были украшены на манеръ мозаики квадратами съ звѣздами по срединѣ и фестонами. Главныя краски были такія: поле на стѣнахъ было покрыто краскою оранжеваго цвѣта, своды и арки были свѣтло-голубые, а всѣ украшенія на нихъ сѣроватаго цвѣта. Скотти производилъ всѣ эти работы изъ своего собственнаго матеріала и получилъ за это отъ монастыря 1400 рублей [3]).

Въ томъ же году были устроены на хорахъ Богоявленской церкви полы, круглая лѣстница и перила [4]). А двумя годами раньше этого позолоченъ быть кіотъ на чудотворномъ образѣ [5]).

---

[1]) Монастыр. арх. дѣло № 506.

[2]) За большія иконы ему уплочено было по 30 рублей, а за меньшія по 20 (Ibid. дѣло № 35).

[3]) Ibid. дѣло № 34.

[4]) Ibid. дѣло № 31.

[5]) Ibd. дѣло № 27.

Помимо этого, стараніями архимандрита Мелетія значительно расширена была Святодуховская, такъ называемая, теплая церковь. Первоначально Мелетій хотѣлъ устроить ее въ верхнемъ этажѣ трапезнаго помѣщенія, но его проэкта не одобрилъ митрополитъ Евгеній, указавъ на тѣ неудобства, что въ такомъ случаѣ трудно будетъ ее расширить, въ зимнее время старикамъ будетъ не подъ силу взбираться на второй этажъ, который къ тому-же нуженъ для помѣщенія академической библіотеки [1]). Поэтому Мелетій приступилъ къ перестройкѣ нижняго этажа трапезнаго помѣщенія, перенесши самую трапезу въ сосѣднія зданія.

Для этой цѣли принятъ былъ старый притворъ, стѣны котораго оказались негодными и угрожали паденіемъ, вмѣсто него устроенъ былъ новый такихъ-же размѣровъ. Въ верхнемъ этажѣ двери, которыя вели въ библіотеку, были заложены кирпичемъ, вся стѣна была гладко задѣлана и надъ нею устроенъ фронтонъ [2]), на которомъ помѣщено было всевидящее око съ сіяніемъ и облаками [3]).

Кромѣ того, внутри самой церкви всѣ четыре стѣны были проломлены и въ нихъ, на подобіе арокъ, устроены были большія отверстія, къ которымъ были сдѣланы пристройки: восточная для помѣщенія алтаря, западная—для притвора, а сѣверная и южная для придѣловъ. Церковь устлана была кирпичными полами, снабжена голландскими печами и покрыта листовымъ желѣзомъ [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ устроены были новые иконостасы [5]). Главный иконостасъ между прочимъ уставленъ былъ иконами работы того-же самаго живописца, который росписалъ и

---

[1]) Письма Евгенія, митрополита кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи". (Кіев. Стар. 1883 г. № 6, стр. 313).

[2]) Монастыр. арх. дѣло № 507.

[3]) Ibid. дѣло № 600.

[4]) Вся эта перестройка церкви обошлась въ 9126 р. (Ibid. д. № 30).

[5]) Ibid: дѣло № 156.

иконостасъ большой церкви. Ихъ было сдѣлано 12: 7—большихъ и 5—меньшихъ [1]). Иконы эти украшаютъ этотъ иконостасъ и въ настоящее время.

Перестройка теплой церкви продолжалась два года и закончена была въ 1826 году, когда церковь и была освящена. Главный престолъ освященъ былъ 10 января, а престолъ во имя Михаила, перваго митрополита кіевскаго, 26 сентября [2]).

При архимандритѣ-же Мелетіѣ, въ 1826 году, устроены были и монастырскія лавки, служащія и до настоящаго времени одною изъ доходныхъ статей монастыря. На сооруженіе ихъ израсходовано было девять тысячъ триста девяносто рублей ассигнаціями. Работы производилъ крестьянинъ владимірской губерніи Василій Мясловъ [3]). А годомъ раньше этого устроенъ былъ вокругъ монастырской ограды деревянный тротуаръ [4]).

Послѣ Мелетія Леонтовича [5]) Братскимъ монастыремъ управлялъ около двухъ лѣтъ *Кириллъ Куницкій*. Онъ получилъ образованіе въ прежней кіевской академіи, по окончаніи курса которой въ 1805 году онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ низшіе классы ея. Въ 1814 году принялъ монашество и чрезъ пять лѣтъ назначенъ былъ ректоромъ кіевской семинаріи. 25 января 1825 года былъ произведенъ въ санъ архимандрита, а 30 ноября 1826 года назначенъ былъ настоятелемъ нашего монастыря.

---

[1]) Ibid. дѣло № 162.

[2]) Ibid. дѣло № 32.

[3]) Ibid. дѣло № 26.

[4]) Ibid. дѣло № 29.

[5]) Дѣло внутренняго Правленія кіевской академіи за 1824 годъ № 10.—18 Декабря 1826 года Мелетій нареченъ былъ во епископа чигиринскаго; 21 апрѣля 1828 года былъ переведенъ на самостоятельную каѳедру въ Пермь; затѣмъ 18 іюня 1831 года—въ Иркутскъ и, наконецъ, 22 іюня 1835 г.—въ Харьковъ, гдѣ 29 февраля 1840 года и скончался (Г. Кульжинскій. Святитель Мелетій Леонтовичъ, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Харьковъ 1881 г.).

Кратковременно было управленіе архимандрита Кирилла, и потому о дѣятельности его мало извѣстно.

Ему между прочимъ пришлось закончить судебный процессъ, который вели его предшественники съ помѣщикомъ Казиміромъ Грабовскимъ, бывшимъ подкоморымъ кіевскимъ. Дѣло въ томъ, что Грабовскій, вслѣдствіе возвышенія плотины на рѣкѣ Ирпенѣ, подтопилъ сподарецкія мельницы. принадлежавшія нашему монастырю, и тѣмъ причинилъ большіе убытки Сѣрикову, державшему эти мельницы на откупѣ. Возникшее по этому поводу судебное дѣло, вслѣдствіе происковъ Грабовскаго и злоупотребленій чиновниковъ, большею частію бывшихъ сослуживцевъ его и къ тому-же поляковъ, ненавидѣвшихъ все православное,—затянулось до 1826 года, когда за интересы монастыря вступился преосвященный Аѳанасій, епископъ чигиринскій. По распоряженію губернскаго правленія назначено было слѣдствіе, и когда одинъ изъ депутатовъ, очевидно расположенный къ Грабовскому, подкоморый кіевскаго повѣта, помѣщикъ Сорочинскій, безъ уважительныхъ причинъ не явился на это слѣдствіе, желая затянуть дѣло, то его подвергли штрафу. Послѣ этого процессъ быстро подвинулся впередъ, и въ іюнѣ 1828 года окончился въ пользу монастыря. Грабовскій уплатилъ Сѣрикову за понесенные имъ убытки, а во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній на будущее время, казенная палата распорядилась вбить по обѣимъ сторонамъ рѣчки два одинаковые столба, для измѣренія поверхности воды, чтобы по нимъ можно было легко опредѣлить виновника могущихъ произойти подтопленій [1]).

Ири архимандритѣ Кириллѣ въ 1828 году слиты были два новыхъ колокола—одинъ въ 30, а другой въ 23 пуда. Во время происшедшаго въ колокольнѣ пожара 16 апрѣля 1818 года висѣвшіе тамъ три колокола были повреждены; поэтому ихъ перелили и замѣнили двумя новыми [2]).

---

[1]) Монастыр. арх. дѣло № 19.

[2]) Ibid. дѣло № 39.

Годомъ раньше этого кіевскій мѣщанинъ Михаилъ Стефановскій устроилъ на свои средства точно такой-же кіотъ для иконы Благовѣщенія, какой былъ сдѣланъ раньше для чудотворнаго образа, и вызолотилъ его [1]).

Послѣ Куницкаго [2]) настоятелемъ Братскаго монастыря назначенъ былъ 8 мая 1828 года архимандритъ *Платонъ Березинъ*, магистръ перваго курса московской академіи, бывшій сначала инспекторомъ той-же академіи, а потомъ ректоромъ виѳанской семинаріи. Слѣдуя на мѣсто назначенія, архимандритъ Платонъ заболѣлъ въ Калугѣ. Не смотря на это, онъ 7 іюля прибылъ въ Кіевъ и приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей. Но этой благородной ревности не соотвѣтствовало состояніе здоровья, разстроеннаго болѣзнію по путешествіямъ: чрезъ 16 дней по прибытіи въ Кіевъ, онъ уже сошелъ въ могилу, 25 іюля онъ былъ погребенъ епископомъ Кирилломъ въ Богоявленской церкви нашего монастыря [3]).

На его мѣсто назначенъ былъ архимандритъ *Смарагдъ Крыжановскій*. Онъ родился 9 марта 1796 г. въ селѣ Великой Бородянкѣ таращанскаго уѣзда, кіевской губерніи въ семьѣ священника Петра Крыжановскаго. По окончаніи курса въ прежней кіевской академіи, онъ въ 1815 г. отправленъ былъ въ петербургскую академію, при которой, по окончаніи курса со степенью магистра, оставленъ былъ баккалавромъ. Въ августѣ 1819 года онъ принялъ монашество и чрезъ два года назначенъ былъ инспекторомъ кіевской академіи. 2 ноября 1824 года былъ произведенъ въ санъ архимандрита и чрезъ два года назначенъ былъ ректоромъ кіевской семинаріи

---

[1]) Ibid. дѣло № 38.

[2]) Аскоченскій. Исторія кіевской духовной академіи, по преобразованіи ея въ 1819 году. Петербургъ, 1863 года, стр. 113—114.

[3]) Дѣла внутр. правл. за 1827 г. № 8.—Въ 1828 г. нареченъ былъ во епископа Чигиринскаго. Умеръ на покоѣ въ печерской лаврѣ 16 апрѣля 1836 года.

и въ тоже время настоятелемъ выдубицкаго монастыря. Послѣ этого въ маѣ (8) 1828 г. перемѣщенъ въ виѳанскую семинарію, а 8 сентября того-же года назначенъ былъ настоятелемъ нашего монастыря, которымъ онъ управлялъ до 27 августа 1830 года [1]).

Первое дѣло, которымъ заявилъ себя архимандритъ Смарагдъ, какъ настоятель нашего монастыря, были перестройки въ монастырской трапезѣ. Онъ поручилъ городскому архитектору Дубровскому составить смѣту для этихъ построекъ. Изъ представленной смѣты, которая превышала 10 тысячъ рублей [2]), видно было, что монастырь на тѣ средства, которыми онъ располагалъ, не былъ въ состояніи произвести постройки въ тѣхъ размѣрахъ, которые указаны были архитекторомъ. Поэтому архимандритъ Смарагдъ ограничился тѣмъ ремонтомъ въ монастырской трапезѣ, который былъ безусловно необходимъ [3]).

Одновременно съ этимъ архимандритъ Смарагдъ сдѣлалъ для братской колокольни новый большихъ размѣровъ колоколъ (въ 95 пудовъ). Для этой цѣли отданъ былъ въ ломъ старый 50 пудовый колоколъ, да изъ казенной палаты отпущено было сорокъ восемь пудовъ старой пятикопѣечной мѣдной монеты. Кромѣ этого, на контрактовой ярмаркѣ было пріобрѣтено 40 пудовъ англійскаго олова. Изо всей этой массы колокольныхъ дѣлъ мастеръ Петръ Романовскій вылилъ новый колоколъ, отличавшійся чистымъ и пріятнымъ звономъ [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ трудами архимандрита Смарагда устроена была около монастыря канава для стока нечистотъ въ Днѣпръ [5]). Это сооруженіе важно было въ томъ отноше-

---

[1]) Дѣло внутрен. правл нія за 1829 г № 3

[2]) Монастырск. арх. дѣло № 167.

[3]) Ibid. дѣло № 43.

[4]) Ibid. дѣло №№ 158 и 40.

[5]) Ibid. дѣло №№ 44 и 153.

ніи, что оно навсегда освободило монастырь отъ тѣхъ вредныхъ міазмовъ, которые, выдѣляясь изъ скоплявшейся около него грязи, заражали воздухъ.

Смарагда Крыжановскаго [1]) смѣнилъ на настоятельствѣ въ нашемъ монастырѣ знаменитый *Иннокентій Борисовъ*. Онъ былъ сынъ приходскаго священника города Ельца, Алексѣя Борисовича Борисова, и родился 15 декабря 1800 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ своихъ родителей,—людей простыхъ, неученыхъ, но доброй и высоконравственной жизни. А затѣмъ, съ 1810 года, обучался послѣдовательно въ воронежскомъ духовномъ училищѣ и орловской семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1819 году былъ назначенъ во вновь преобразованную кіевскую академію. Въ іюлѣ 1823 года онъ окончилъ курсъ въ академіи и выпущенъ былъ изъ нея первымъ магистромъ. Въ томъ-же году онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ петербургской семинаріи и въ декабрѣ принялъ монашество. Въ декабрѣ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ баккалавромъ а вслѣдъ затѣмъ и инспекторомъ петербургской академіи, и 16 марта 1826 года возведенъ въ санъ архимандрита. 24-го октября 1830 года онъ былъ назначенъ ректоромъ кіевской академіи и настоятелемъ нашего монастыря и управлялъ имъ до 10 октября 1839 года. Послѣдніе два года (съ 3-го октября 1837 года) онъ проходилъ должность настоятеля нашего монастыря уже въ санѣ епископа чигиринскаго.

Иннокентій былъ не только замѣчательнымъ богословомъ и проповѣдникомъ, но и выдающимся администраторомъ и отличнымъ хозяиномъ. Въ этомъ отношеніи онъ своею многостороннею дѣятельностью оказалъ большія услуги Братскому

[1]) Въ это время онъ былъ перемѣщенъ въ Петербургъ ректоромъ академіи. 20 Сентабря 1831 года нареченъ во епископа ревельскаго. А потомъ занималъ самостоятельныя архіерейскія каѳедры: въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Харьковѣ, Астрахани, Оршѣ и Рязани, гдѣ и скончался.

монастырю, за что долженъ занять выдающееся мѣсто на страницахъ его исторіи.

На тѣ ничтожныя средства, которыми располагалъ монастырь, Иннокентій съумѣлъ возобновить всѣ обветшавшія монастырскія зданія и тѣмъ придалъ ему соотвѣтсвовавшій его центральному положенію въ городѣ и въ сосѣдствѣ съ академіей видъ. Мало этого, Иннокентій обратилъ вниманіе на монастырскія имѣнія и устроилъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ выгодамъ, которыя можно было извлекать изъ нихъ. Имѣнія эти расположены на пескѣ и потому не представляютъ удобствъ для веденія хлѣбопашества, но за то они имѣютъ ту выгоду, что чрезъ нихъ протекаетъ рѣчка. Иннокентій воспользовался этимъ обстоятельствомъ и построилъ на ней громадныхъ размѣровъ мельницу. Благодаря этому, Братскій монастырь не только никогда не покупалъ хлѣба для собственнаго употребленія, но, сдавая мельницу въ аренду, получалъ изъ этого значительные доходы.

Между прочимъ стараніями Иннокентія Святодуховская церковь внутри была росписана красками и украшена новыми иконами. Потолокъ ея отдѣланъ былъ подъ тушь, стѣны росписаны голубыми красками съ соотвѣтствующими бордюрами, окна украшены арабесками, всѣ стѣны снизу подведены были подъ дикій мраморъ. Въ алтарѣ надъ престоломъ помѣщено было изображеніе Господа Саваоѳа съ ангелами, а на среднемъ большомъ потолкѣ изображеніе Св. Духа съ херувимами. На стѣнахъ размѣщены были Евангелисты. Вмѣстѣ съ тѣмъ поновлена была живопись и на фронтонахъ Богоявленской церкви. Вся эта работа исполнена была въ 1831 году живописцемъ Григоріемъ Яровскимъ [1]).

Благодаря большому стеченію народа во время богослуженій, особено соборныхъ, въ Святодуховсьой церки явилась

[1]) Монастыр. арх. дѣло № 51.

нужда въ устроеніи предъалтарной рѣшетки. Одновременно съ этимъ пришли въ ветхость рѣшетки, устроенныя предъ чудотворнымъ образомъ и иконою Благовѣщенія въ Богоявленской церкви. Для этой цѣли Иннокентій въ 1831 году выписалъ изъ Тулы чугунныя рѣшетки, которыя въ непродолжительное время и были уставлены въ указанныхъ мѣстахъ [1]).

Братская колокольня все еще не имѣла соотвѣтствующаго своимъ размѣрамъ колокола. Иннокентій видѣлъ этотъ недостатокъ и въ 1836 году приступилъ къ сооруженію большаго колокола. Ему хотѣлось устроить колоколъ въ 500 пудовъ. Онъ обратился въ кіевскій арсеналъ съ просьбою отпустить соотвѣтствующее количество мѣди. Когда эта просьба была отклонена, Иннокентій поручилъ купцамъ Дегтеревымъ пріобрѣсти это количество мѣди на макарьевской (нижегородской) ярмаркѣ, за что монастырь уплатилъ имъ около шести тысячъ рублей [2]). Какъ распорядился Иннокентій этою мѣдью—неизвѣстно. Достовѣрно можно сказать только то, что колоколъ предполагаемыхъ размѣровъ при Иннокентіѣ не былъ слитъ, такъ-какъ объ этомъ самомъ заботились и его ближайшіе преемники.

Иннокентій проэктировалъ также позолотить всѣ пять главъ на Богоявленской церкви, но недостаточность средствъ монастыря не позволила этого. Поэтому онъ ограничился только тѣмъ, что въ 1831 году покрылъ всѣ эти главы зеленою краскою и украсилъ ихъ золотыми звѣздами, для чего изъ Москвы выписано было золото [3]).

Въ томъ-же году сооружена была серебрянная рака для мощей, присланныхъ въ монастырь митрополитомъ Евгеніемъ [4]), и сдѣланъ шпицъ на колокольнѣ [5]).

---

[1]) Ibid. дѣло № 53.
[2]) Ibid. дѣло № 59.
[3]) Ibid. дѣло № 168 и 49.
[4]) Ibid. дѣло № 48.
[5]) Ibid. дѣло № 52.

Къ сооруженію мельницы въ хуторѣ Сподарцѣ на рѣчкѣ Ирпенѣ Иннокентій приступилъ весною 1831 года, предварительно подготовивши для этого необходимый матеріалъ. Всѣ работы поручены были крестьянину калужской губерніи Ивану Гурѣеву. Мельница стоила монастырю около десяти тысячъ рублей. Это было громадное трехъэтажное зданіе, раздѣлявшееся на три отдѣленія, изъ коихъ въ одномъ была устроена крупчатка, въ другомъ сукновальня, а третье отдѣленіе предназначалось для приготовленія пшена. При мельницѣ выстроенъ былъ домъ о четырехъ комнатахъ, для ссыпки хлѣба, конюшня, скотный дворъ, баня, кузница и избы для помѣщенія рабочихъ [1]).

Произведеннымъ на сооруженіе этой мельницы затратамъ вполнѣ сотвѣтствовали и тѣ доходы, которые извлекалъ монастырь изъ нея. Въ теченіе первыхъ-же семи лѣтъ, когда она приносила ежегодно по двѣ съ половиною тысячи рублей аренды, монастырь получилъ почти вдвое больше всей ея стоимости [2]). И въ послѣдующее время получаемая съ нея аренда осталась главнымъ источникомъ монастырскихъ доходовъ.

Чтобы оцѣнить заслуги Иннокентія, какъ настоятеля нашего монастыря, лучше всего обратимся къ числовымъ показаніямъ доходовъ, которые монастырь имѣлъ до него и при немъ.—Помимо жалованья, положеннаго по штату втораго класса, Братскій монастырь получалъ ежегодно отъ четырехсотъ до семисотъ рублей такъ называемыхъ проскомидійныхъ денегъ, да отъ одной тысячи пятисотъ до двухъ тысячъ пятисотъ рублей за совершеніе молебновъ и панихидъ. Кромѣ того, изъ билетовъ московской сохранной казны накоплялось ежегодно процентовъ двѣсти семь рублей. Всѣ эти деньги шли на содержаніе настоятеля и братіи. Разумѣется, эти до-

---

[1]) Ibid. дѣло № 47 и 50.

[2]) Ibid. дѣло № 47.

ходы въ общемъ были всегда одинаковы и не измѣнились и при Иннокентіѣ. Но за то въ тѣхъ доходахъ, которые получались изъ разныхъ арендныхъ статей и шли на поддержаніе и украшеніе монастыря, мы видимъ громадную разницу. До Иннокентія монастырь получалъ всего только шестьсотъ рублей за аренду лавокъ и рыбнаго озера. Между тѣмъ Иннокентій увеличилъ сумму арендныхъ денегъ до трехъ тысячъ шестисотъ рублей. Устроенная имъ мельница ежегодно давала двѣ съ половиною тысячи рублей. Кромѣ того, Иннокентій выхлопоталъ разрѣшеніе у военнаго губернатора Княжнина отдавать въ наемъ для склада вина монастырскій домъ, примыкавшій къ колокольнѣ, аренда котораго ежегодно давала пятьсотъ рублей. Домъ этотъ давно уже стоялъ безъ всякаго употребленія, а отдавать его подъ винный складъ, для чего онъ былъ и приспособленъ,—запрещала полиція [1].

На увеличившіяся такимъ образомъ средства, Иннокентію и удалось устроить монастырскія имѣнія и обновить самый монастырь, на что, какъ извѣстно, издержано было имъ болѣе тридцати тысячъ [2]). Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что на покрытіе расходовъ Иннокентіемъ была продана бриллiантовая нить, находившаяся между украшеніями на чудотворной иконѣ [3]), и часть старой серебряной монастырской посуды [4]).

Въ 1832 году объявлено было св. Синоду Высочайшее повелѣніе, чтобы „для преподанія монастырямъ вящшихъ способовъ къ существованію, надѣлять ихъ изъ казенныхъ дачъ участками земли отъ ста до ста пятидесяти десятинъ и болѣе, гдѣ мѣстныя обстоятельства сіе позволить могутъ, включая въ сію пропорцію и тѣ земли, которыми они нынѣ

---

¹) Ibid. дѣло № 67. и 28.

²) Ibid. дѣло № 49.

³) Ibid дѣло № 435.

⁴) Ibid. дѣло № 46.

владѣютъ [1]). Въ это время и Братскій монастырь получилъ новыя земли, въ томъ числѣ и хуторъ Пироговку (онъ теперь извѣстенъ подъ именемъ Володарки или Гадючьяго), гдѣ устроена была монастырская дача. По словамъ Погодина [2]), эта дача отличалась прекраснѣйшимъ мѣстоположеніемъ и жизненными удобствами: мѣсто ровное, низменное, обрамленное вокругъ небольшимъ дровянымъ лѣсомъ, во главѣ котораго, въ южной сторонѣ, на долинѣ висился, обхвата въ полтора, прекрасный дубъ, въ полномъ смыслѣ развѣсистый. По правую сторону этой дачи тянутся кіевскія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, по лѣвую—стелятся обширные лаврскіе луга, на которыхъ по мѣстамъ росли небольшія рощицы. Вдали серебрянною широкою полосою течетъ Днѣпръ. При въѣздѣ на эту дачу находился монастырій дворъ, близь него—овощный огородъ, за огородомъ—деревяный домъ съ верхнимъ жильемъ или антресолями—для настоятельскаго пріѣзда. Передъ домомъ въ полуквадратѣ росло нѣсколько толстыхъ и довольно высокихъ липъ; за ними открытое ровное мѣсто, на которомъ Иннокентій задумалъ было развести фруктовый садъ, почему и приказалъ засадить его дичками плодовыхъ деревьевъ.

Въ разведеніи этого сада Иннокентій принималъ живое и непосредственное участіе и былъ очень доволенъ, когда замѣчалъ успѣхи своихъ трудовъ.

Однажды Иннокентій отправилъ на эту дачу для поправленія здоровья больнаго студента—священника о. Василія Гапонова, впослѣдствіи архимандрита Іоасафа, который былъ свѣдущимъ въ дѣлѣ садоводства. Осмотрѣвъ дачу, о. Гапоновъ писалъ Иннокентію, что посаженные имъ дички онъ нашелъ годными къ прививкѣ, но что для этого нужно пріобрѣсть у

---

[1]) Св. Зак. т. X. Зак меж ст. 458, по продолж. 1876 г.

[2]) Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа таврическаго, изд. М. П. Погодина 1864 г. стр. 91.

садоводовъ хорошихъ сортовъ яблонь и грушъ. На другой день, по полученіи этого письма, часу въ двѣнадцатомъ дня, пріѣхалъ самъ Иннокентій. „Ты хочешь заняться садомъ?“— спросилъ онъ, выходя изъ экипажа, о. Гапонова.

— Такъ точно, отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ-же тебѣ все, что нужно. Скоро-ль ты займешься?.

— Хоть сейчасъ, отвѣчалъ Гапоновъ.

— Нѣтъ, сперва напьемся чаю.

Напились чаю.

— „Ну, теперь и за работу“, сказалъ Иннокентій. А знаешь ли, я еще никогда не видалъ, какъ прививаются деревья?“.

Такая откровенность со стороны преосвященнаго [1]), говоритъ о. Гапоновъ, меня чрезвычайно какъ заинтересовала.

Принялись за работу. Иннокентій смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ Гапоновъ прививалъ дички, и когда надъ первымъ дичкомъ работа была окончена, онъ спросилъ какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ:

— Только-то?

— Только, отвѣчалъ о. Гапоновъ.

Любопытство невольно завлекло его еще дальше.

— И приметея, и выростетъ, и будутъ плоды такой точно породы, отъ какой взятъ этотъ черенокъ?—любопытствовалъ онъ.

Такъ точно, отвѣчалъ Гапоновъ.

— Дивно! И какъ это просто! Привей еще, сказалъ Иннокентій.

О. Гапоновъ привилъ еще нѣсколько дичковъ, Иннокентій все смотрѣлъ и замѣчалъ.

— Ну, теперь, давай, привью и я, сказалъ онъ.

Первый опытъ вышелъ однако-же у него неудаченъ.

— Эхъ, плохо, сказалъ онъ, что-то руки дрожатъ.

---

1) Иннокентій былъ уже въ это время епископомъ чигиринскимъ.

Второй опытъ удался,—и нужно было видѣть, какъ радъ былъ Иннокентій этой удачѣ!.. Привилъ онъ дичковъ около десяти.

Ну, теперь довольно. Постой—я ихъ отмѣчу, какъ собственные мои труды, сказалъ Иннокентій, и воткнулъ возлѣ каждаго изъ нихъ палочки.

— А скоро-ль черенки примутся? любопытствовалъ Иннокентій.

— Недѣли черезъ двѣ, много-три отвѣчалъ Гапоновъ.

— Будемъ ждать. А какъ они высоко выростутъ до лѣта?—продолжалъ распрашивать Иннокентій.

— Смотря по дичку, отвѣчалъ Гапоновъ, въ аршинъ и болѣе.

— А скоро-ли будутъ приносить плоды?

— На четвертый годъ.

Дня черезъ три Иннокентій снова пріѣхалъ въ Пироговку.

— Ну, что дички?—спросилъ онъ Гапонова.

— Привиты всѣ, отвѣчалъ тотъ.

— А сколько ихъ?

— Штукъ до двухъ-сотъ.

Любопытство Иннокентія усиливалось съ каждымъ днемъ. Чуть-ли не каждый день онъ допрашивалъ Гапонова, скоро-ли будутъ отпрыски или побѣги. Наконецъ дождались: у черенковъ показались отпрыски. О. Гапоновъ увѣдомилъ объ этомъ Иннокентія, который въ тотъ же день и пріѣхалъ на хуторъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ онъ о. Гапонову, посмотримъ и—первѣе всего мои прививки.

Какъ-же онъ обрадовался, замѣчаетъ о. Гапоновъ, когда увидѣлъ на своихъ прививкахъ образовавшіеся уже отростки съ свѣжими прекрасными листочками!.. [1]).

Иннокентій былъ большой любитель природы. Имъ между прочимъ разведенъ былъ садъ въ Братской Борщаговкѣ, ста-

---

[1]) Вѣра и Разумъ, 1884 г. № 8 „архіепископъ Иннокентій Борисовъ", стр. 654—666.

раніями его насажены деревья и въ самомъ монастырскомъ дворѣ [1]). Иннокентій внимательно относился къ этому дѣлу и самъ нерѣдко ухаживалъ за деревьями. Для доказательства приведемъ одинъ фактъ, о которомъ разсказывалъ нѣкогда о. Гапонову самъ Иннокентій, тѣмъ болѣе, что этотъ фактъ можетъ служить для насъ прекрасною характеристикою того, какъ гуманно и человѣколюбиво Иннокентій обходился съ монастырскими крестьянами, называвшимися „штатными служителями". На монастырской дачѣ—Пироговкѣ, какъ мы выше замѣтили, росъ величественный, развѣсистый дубъ. Глядя на этотъ дубъ, Иннокентій и разсказывалъ слѣдующее: „Этимъ дубомъ я всегда любовался. Но жаль было смотрѣть, что вокругъ его росли кустарники и мелкій лѣсъ. Это самое отнимало у него много вида. Разъ осенью пріѣхалъ я въ Пироговку. Смотрю, штатные мои ничего не дѣлаютъ, сидятъ себѣ, сложа руки. „А что-же вы, говорю, ребята, ничего не дѣлаете?— „Сегодня, паноче, праздникъ?"—„Какой праздникъ?"—„Михайлово чудо."—„Михайлово чудо!!.. Хорошо-же, берите-ка, ребята, съ собою топоры и пойдемте: Я покажу вамъ свое чудо,—коли уже пошло на чудо."—Вотъ пришли мы сюда—къ этому дубу. „Смотрите, ребята,—говорю имъ,—каковъ дубъ? Вѣдь это настояще *царственный* дубъ; да жаль, что возлѣ него растутъ эти кустарники и мелкій лѣсъ. Вырубите-же все это и вычистите вотъ до сихъ поръ, и тогда увидите, какъ это будетъ хорошо."—„Чи бачете, братци,—стали разговаривать между собою штатные,—що каже нашъ панотець: се царьскій дубъ". Тутъ одинъ изъ нихъ, болѣе благоразумный, подбоченясь и приложивъ ко лбу указательный палецъ лѣвой руки, сказалъ: отъ се чудо, такъ чудо. А мы сего и не зналы. Давайте-жъ, братци, зробымо такъ, якъ звеливъ нашъ панотець„. И они въ тотъ-же день вырубили и вычистили все это мѣсто [2]).

[1]) М. Максимовичъ, Письма о Кіевѣ, стр. 65.

[2]) „Вѣнокъ" Погодина, стр. 94

Любовь Иннокентія къ природѣ, на лонѣ которой особенно весною и лѣтомъ онъ очень часто проводилъ время, была между прочимъ причиною того, что въ одну изъ своихъ прогулокъ онъ открылъ совершенно случайно около монастырской дачи древнія пещеры. Иннокентій предполагалъ, что находящееся невдалекѣ мѣсто, извѣстное подъ именемъ Церковище, представляетъ собою остатокъ бывшаго нѣкогда подъ Кіевомъ монастыря гнилецкаго, извѣстнаго только по имени, и приписывалъ сооруженіе открытыхъ имъ пещеръ преподобному Ѳеодосію. Догадки эти впослѣдствіи подтвердились, и М. И. Максимовичу, на основаніи актовъ выдубицкаго монастыря, удалось прояснить исторію открытаго Иннокентіемъ замѣчательнаго мѣста [1]).

Вотъ какъ разсказывалъ о своемъ открытіи Иннокентій студенту-священнику о. Гапонову. „Каждый разъ, какъ пріѣду въ Пироговку, разсказывалъ онъ, особливо весною и лѣтомъ, первымъ и любимымъ моимъ дѣломъ было ходить по этимъ горамъ и лѣсамъ. Теперь эта окрестность почти вся мнѣ извѣстна. И я ходилъ всегда одинъ вотъ съ этимъ товарищемъ (Иннокентій указалъ на свою палку). Мѣста здѣсь вообще хороши. Но одно изъ нихъ особенно обратило на себя мое вниманіе. Оно извѣстно подъ названіемъ Гадючаго лога, видно, оттого, что въ немъ дѣйствительно водится множество змѣй. Это урочище вдалось какъ-то въ гору широко и кругло и такимъ образомъ въ объемѣ своемъ представляетъ родъ котловины. Къ спуску горы края этой котловины постепенно съуживаются такъ, что все это мѣсто скорѣе походитъ на вѣеръ. Въ вершинѣ лога, съ лѣвой стороны, есть ключи, и вода бѣжитъ сильно; есть и другой ключъ близъ холма, при входѣ въ логъ. Вода въ немъ прекрасная, тутъ колодезь. Мѣсто хорошее, имѣетъ свои выгоды; воды много,

---

[1]) Письма о Кіевѣ, стр. 53—54.—Замѣтки Максимовича о гнилецкомъ монастырѣ помѣщены во II томѣ его сочиненій на стр. 292—299.

строеваго лѣса хотя и нѣтъ, зато молоднякъ: дубъ, кленъ, ясень, липа и пр. растутъ очень хорошо. Я сказалъ, что это мѣсто—урочище хорошее. Нѣтъ, этого мало: оно, сверхъ чаянія, оказалось историческимъ, и вотъ какимъ образомъ. Разъ,—это было весною,—прихожу я къ Гадючему логу, смотрю близъ колодца разложенъ огонь; по лѣсу бродитъ скотъ; пастуховъ, однакожъ, не видно. Гдѣ-жъ это они? Стою и думаю себѣ; вдругъ услышалъ я говоръ мальчиковъ. Я обратился туда, откуда послышался мнѣ говоръ, и увидѣлъ на холму трехъ мальчиковъ. Я пошелъ къ нимъ; смотрю, ихъ тамъ нѣтъ. Взошелъ на самый холмъ, нѣтъ; обошелъ холмъ вокругъ, смотрѣлъ туда и сюда, все ихъ нѣтъ. Что это за диво? Между тѣмъ, по правую сторону при спускѣ съ холма, я увидѣлъ взрытую землю, подошелъ туда, вижу, какая-то нора. Я тотъ часъ догадался, что мальчики здѣсь скрылись. Моя догадка вскорѣ оправдалась: голоса мальчиковъ послышались въ норѣ. Я уклонился нѣсколько въ сторону, чтобы дать время выйти имъ оттуда. (Впослѣдствіи оказалось, что они, увидѣвъ меня, испугались, да со страха и скрылись въ нору). Дѣйствительно, одинъ изъ мальчиковъ выползъ изъ норы. Я постарался приласкать его, далъ ему монету и спросилъ, гдѣ же прочіе его товарищи. „Тамъ, въ ямѣ“, отвѣчалъ онъ. „А что-жъ это за яма? Глубока-ли она? Не лисьи-ли это норы?“ „Ні, се, кажуть, печеры“. „Печеры!... позови-ка своихъ товарищей, скажи имъ, чтобы они меня не боялись: Я добрый человѣкъ“. Выползли, наконецъ, и тѣ. Для ободренія ихъ, я и этихъ надѣлилъ деньгами. „Скажите-жъ мнѣ теперь, хлопцы, можно-ли и мнѣ туда слазить?“—„А чомъ не можно? можно.“—„Да вѣдь тамъ темно? Ничего не увидишь?“—„Дакъ що-жъ, що темно, мы возьмемо съ собою огню, наберемо сухихъ трисочекъ, засвитымъ и пійдемъ. Мы все такъ робымъ“.—„Ну, сдѣлайте-жъ это сейчасъ“. Они тотчасъ побѣжали, насобирали сухихъ щепокъ, гдѣ-то нашли нѣсколько соломы, принесли и огня. „Да вы, паноче, сказалъ одинъ изъ мальчи-

ковъ, скиньте съ себе одежу; вона така хороша, якъ небудь замараете!“ Въ самомъ дѣлѣ, я послушался и скинулъ съ себя рясу.—„Господи, благослови!“ Спустились ползкомъ въ нору, зажгли огонь. Одинъ изъ мальчиковъ пошелъ впередъ, я за нимъ, двое за мною. Какъ-же я удивился! Лишь прошли мы шаговъ нѣсколько, Я увидѣлъ, что это въ самомъ дѣлѣ пещеры, точно такія, какъ и въ Лаврѣ, судя по ихъ улицамъ или проходамъ. Дальше я уже не ходилъ, предоставивъ другому времени запастись свѣчею и разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ. На другой или на третій день я снова пріѣхалъ въ Пироговку, пришелъ сюда, нашелъ, по уговору тѣхъ-же мальчиковъ. Они ожидали меня уже не съ боязнію, а съ радостью. Мы тотчасъ приступили къ дѣлу: опять ползкомъ спустились въ пещеры. (Проходъ въ нихъ отъ времени заваленъ и заросъ кустарникомъ; оставалось одно лишь небольшое отверстіе). Зажгли свѣчи и пошли уже спокойно разсматривать пещеры. Оказалось, что весь холмъ (въ объемѣ своемъ холмъ будетъ саженъ около пятнадцати и покрытъ мелкимъ лѣсомъ) изрытъ пещерами; улицы или проходы идутъ извилисто въ разныя стороны и потомъ сходятся къ одному какому либо мѣсту, напримѣръ къ церкви или трапезѣ. Я замѣтилъ и другой выходъ изъ пещеръ на другую сторону холма; но онъ совсѣмъ заваленъ землею. Вотъ какую рѣдкость нашелъ я въ Гадючемъ логу! Удивительно, что я никогда не слыхалъ объ этихъ пещерахъ, и мнѣ никто о нихъ не говорилъ. Молчалъ-же и я и никому не сказывалъ о своей находкѣ, придумывая между тѣмъ, какимъ-бы способомъ возстановить эти пещеры. А это могло-бъ быть не иначе, какъ еслибы самое урочище,—что всего лучше,—сдѣлалось собственностію Братскаго монастыря. Подивись-же, какъ это случилось! Не прошло и года, какъ отыскалъ я эти пещеры, вышелъ указъ (въ 1832 году), коимъ повелѣно отводить монастырямъ въ казенныхъ кущахъ строевой и дровяной лѣсъ. Я истинно порадовался, что такъ кстати приспѣла царская милость. Ни мало не медля, я снесся съ

кѣмъ слѣдуетъ, указалъ на это урочище, представивъ въ резонъ, что оно близко къ нашей такой-то дачѣ. И вотъ Братскій монастырь владѣетъ теперь этимъ сокровищемъ"!.. [1]).

Впослѣдствіи Иннокентій недалеко отъ этихъ пещеръ построилъ часовню и избу для сторожей-лѣсовиковъ, а въ пещерной церкви на престолѣ поставилъ икону Успенія Пресвятыя Богородицы. Для того, чтобы предохранить пещеры отъ разрушительнаго дѣйствія воды, текущей во время весны, и дождей съ горы, Иннокентій распорядился устроить надъ входомъ въ нихъ деревянную небольшую постройку съ крышею. Устроенъ былъ на подобіе колодца и протекающій у подножія пещеръ источникъ, приписываемый преданіемъ преподобному Ѳеодосію, „дабы мимоидущій по близь лежащей отъ него дорогѣ народъ, заходя на него (какъ то постоянно бываетъ), могъ находить въ немъ вмѣстѣ съ водою и душевное назиданіе" [2]).

Мѣстность, на которой находились эти пещеры, имѣла такой превосходный видъ, что Иннокентій никакъ не могъ имъ налюбоваться и, при созерцаніи его, нерѣдко переносился своимъ воображеніемъ въ ту отдаленную эпоху, къ которой возводили свое начало эти пещеры. „Посмотри, какъ-то говорилъ онъ о. Гапонову: какіе виды открываются отсюда прямо на востокъ. Вотъ Днѣпръ съ его широкими

---

[1]) Вѣра и Разумъ 1884 г. № 8, „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ", стр. 657—660.—Церковь, существовавшая нѣкогда въ этихъ пещерахъ, была самыхъ небольшихъ размѣровъ: въ ней могли помѣститься не болѣе пяти человѣкъ; престолъ и жертвенникъ состояли изъ земляного грунта.—Трапезная была немного болѣе церкви, кельи малы до чрезвычайности; проходы узкіе и низкіе, совсѣмъ не такіе, какъ въ лаврскихъ пещерахъ. Впрочемъ, въ глазахъ Иннокентія это обстоятельство только увеличивало значеніе его находки. „Тѣ, т. е. лаврскія пещеры, говорилъ онъ („Вѣнокъ" Погодина, стр. 99), много измѣнены чрезъ расширеніе и повышеніе, конечно, ради богомольцевъ, а вотъ эти—настоящія, подлинныя, какъ были ископаны святыми отшельниками,—почему знать?—можетъ быть, самими преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, или, по крайней мѣрѣ, близкими къ нимъ современниками".

[2]) Монастыр. арх. дѣло № 62.

лугами, а тамъ далѣе синѣется боръ.... Нельзя не удивляться, продолжалъ онъ, какъ святые отцы умѣли избирать мѣста для своего уединеннаго подвижничества! Вода, лѣсъ, луга,—все, что вамъ угодно, вотъ подъ рукой. А какіе были лѣса, если представимъ и перенесемся къ тѣмъ временамъ, когда жили эти отшелники! И теперь растутъ коегдѣ столѣтніе дубы и липы. Это потомки древнихъ дремучихъ лѣсовъ. Невольно вспомнишь, что нашимъ русскимъ подвижникамъ, какъ нѣкогда египетскимъ пустынникамъ, служила одна и таже природа книгою, въ которой они хотѣли видѣть и читать премудрость Творца всяческихъ, хотѣли и въ продолженіе всей своей жизни никакъ не могли прочесть и одной страницы изъ этой всемірной книги"... [1]).

Для полноты обрисовки исторіи нашего монастыря за разсматриваемое нами время, намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ при Иннокентіѣ относилось кіевское общество къ братскому богослуженію. Благолѣпіе монастырскихъ храмовъ, прекрасно организованный хоръ пѣвчихъ, а въ особенности блестящее краснорѣчіе братскаго настоятеля—производили обаятельное впечатлѣніе на народъ и онъ массами, во всѣхъ своихъ представителяхъ, стекался на богослуженіе въ Братскій монастырь. „У насъ, въ Братствѣ, при богослуженіи, разсказываетъ о. Гапоновъ, въ воскресные и праздничные дни народу всегда бывала полна церковь. Причиною тому, кромѣ проповѣдыванія, была благолѣпная служба. Иннокентій обыкновенно всегда служилъ съ двумя баккалаврами монашествующими и двумя іеромонахами изъ студентовъ академіи, да тремя или четырьмя іеродіаконами, между которыми были Димитрій (Муретовъ), покойный херсонскій преосвященный, и Евсевій (Ильинскій)" [2]).

---

[1]) „Вѣнокъ" Погодина, стр. 100.

[2]) Вѣра и Разумъ 1884 г. № 5 „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ", стр. 469—470.

Послѣ Иннокентія Борисова [1]) управленіе нашимъ монастыремъ перешло на непродолжительное время въ руки архимандрита *Іереміи Соловьева*. Онъ родился 10 апрѣля 1799 года и былъ сынъ причетника села Георгіевскаго, орловской губерніи, ливенскаго уѣзда. По выходѣ изъ орловской семинаріи, онъ съ 1819 по 1824 годъ проходилъ должность инспектора въ сѣвскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ въ ноябрѣ 1824 г. принялъ и монашество. Высшимъ образованіемъ своимъ онъ обязанъ петербургской академіи. По окончаніи курса онъ поступилъ на духовно-учебную службу и 5-го октября 1830 года былъ произведенъ въ санъ архимандрита. Настоятелемъ нашего монастыря онъ былъ съ 10 октября 1839 г. по 8 марта 1841 года [2]).

О дѣятельности архимандрита Іереміи немного намъ извѣстно.—При немъ между прочимъ Братскій монастырь оказалъ важную услугу вновь открытому институту благородныхъ дѣвицъ: онъ уступилъ для строившейся въ немъ церкви всѣ принадлежности для иконостаса [3]).

Второе дѣло, какимъ заявилъ себя Іеремія,—это было перенесеніе монастырскаго колодца на новое мѣсто, на то, гдѣ онъ теперь находится. А прежде онъ былъ между мазепинскимъ корпусомъ и сѣверною стороною Богоявленской церкви и, въ виду сосѣдства съ академическими аудиторіями, представлялъ очень важныя неудобства [4]).

---

[1]) 1 марта 1841 года онъ былъ назначенъ епископомъ въ Вологду, а 31 декабря того-же года переведенъ былъ въ Харьковъ. 24 февраля 1842 года онъ былъ назначенъ въ Одессу, гдѣ и скончался 26 мая 1857 года (свящ. Т. Буткевичъ. „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“, Вѣра и Разумъ за 1884—1885 гг.)

[2]) Дѣло внутр. правл. за 1831 г. № 30.

[3]) Монастыр. арх. дѣло № 70.

[4]) Этими свѣдѣніями мы обязаны каѳедральному протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву, за что считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить ему нашу признательность.

Послѣ Іереміи Соловьева [1]) нашимъ монастыремъ управлялъ архимандритъ *Димитрій Муретовъ*. Онъ родился въ рязанской губерніи, высшее образованіе получилъ въ кіевской академіи, гдѣ (въ 1835 году) окончилъ курсъ со степенью магистра. Постриженный въ монашество еще въ продолженіи академическаго курса, онъ въ 1838 году получилъ санъ архимандрита и 24 апрѣля 1841 г. опредѣленъ былъ настоятелемъ нашего монастыря, каковымъ состоялъ до 24 декабря 1850 года.

Архимандритъ Димитрій заявилъ себя широкою дѣятельностью на пользу управляемаго имъ Братскаго монастыря, который по его ходатайству въ 1842 году возведенъ былъ въ штатъ *перваго класса* [2]), во вниманіе къ положенію настоятеля его, какъ ректора академіи [3]).

Онъ сдѣлалъ (въ 1846 году) три добавочныхъ яруса на иконостасѣ Богоявленской церкви, обновилъ старый иконостасъ и вызолотилъ всю рѣзьбу на немъ [4]).

Необходимыя для украшенія новыхъ частей иконостаса иконы, въ числѣ 47, написаны были (въ 1849—1850 гг.) живописцемъ Ипполитомъ Кривошляпинымъ [5]).

Архимандритъ Димитрій устроилъ на свои средства новый придѣлъ въ большой церкви. Въ сентябрѣ 1847 г. онъ писалъ митрополиту Филарету: „Въ Кіево-Братскомъ мона-

---

[1]) Въ мартѣ 1841 г. онъ былъ нареченъ во епископа чигиринскаго. 1-го января 1843 г. онъ билъ переведенъ на вновь открытую кавказскую каѳедру; затѣмъ былъ епископомъ въ Полтавѣ (съ 1849 г.) и Нижнемъ Новгородѣ (съ 1851 г.). 17 іюня 1857 г. уволился на покой. Скончался 6 декабря 1884 года (Прот. Іоан. Виноградовъ. Преосвященный Іеремія, епископъ Нижегородскій. Нижній-Новгородъ. 1886 г.).

[2]) Описаніе Кіева Закревскаго, стр. 171.

[3]) Съ этого времени въ Братскомъ монастырѣ учреждена была должность намѣстника. Въ послѣдніе годы управленія Димитрія намѣстникомъ нашего монастыря былъ назначенъ іеромонахъ Лаврентій (монастыр. арх. дѣло № 444).

[4]) Монастыр. арх. дѣло № 78.

[5]) Ibid. дѣло № 84.

стырѣ, ознаменованномъ, между прочимъ, образованіемъ и воспитаніемъ въ находящейся въономъ Академіи святителя и чудотворца Димитрія, митрополита Ростовскаго, не имѣется престола во имя сего святителя. Но какъ на хорахъ большой Братскаго монастыря церкви можно съ удобностію устроить иконостасъ и престолъ, то всепокорнѣйше прошу святительскаго благословенія Вашего Высокопреосвященства на сооруженіе иконостаса по прилагаемому рисунку на мой счетъ для устроенія престола во имя святителя Димитрія". Митрополитъ разрѣшилъ устроить новый придѣлъ, и въ слѣдующемъ году онъ былъ освященъ [1]).

Архимандриту Димитрію монастырь обязанъ и сооруженіемъ самаго большаго колокола, какой виситъ на его колокольнѣ. Въ 1849 году заключенъ былъ контрактъ съ нѣжинскимъ купцомъ Артеміемъ Черновымъ на сооруженіе колокола въ 370 пудовъ. Колоколъ стоилъ монастырю пять тысячъ четыреста тридцать девять рублей восемьдесятъ копѣекъ. Въ сооруженіи его принимали участіе и жители Кіево-подола, которые по подпискѣ собрали тысячу рублей. Отлитіе самаго колокола затянулось на нѣкоторое время: онъ былъ совершенно оконченъ и поднятъ на колокольню въ 1751 году, уже при преемникѣ Димитрія, архимандритѣ Антоніѣ [2]).

При Димитріѣ (въ 1846 году), между прочимъ, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская пожертвовала въ пользу Братскаго монастыря билетъ государственнаго заемнаго банка въ пять тысячъ семьсотъ пятнадцать рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала ежегодно были употребляемы на поминовеніе Императрицы Екатерины II, графовъ Орловыхъ—Алексѣя и Григорія и графинь Евдокіи, Гликеріи и друг. [3]).

---

[1]) Ibid дѣло № 80.

[2]) Ibid. дѣло № 83.

[3]) Ibid. дѣло № 182.

Архимандритъ Димитрій не упускалъ изъ виду и монастырскаго хозяйства и заботился о поддержаніи его. Такъ, онъ между прочимъ обратилъ серіозное вниманіе на монастырскую пасѣку, находившуюся въ хуторѣ Пироговкѣ, и когда въ 1844 году проданы были старыя пчелы, то онъ сдѣлалъ распоряженіе о пріобрѣтеніи новыхъ [1]).

Въ управленіе Димитрія Братскій монастырь едва не лишился своего лучшаго украшенія—академическаго хора, существовавшаго въ немъ болѣе двухсотъ лѣтъ. На представленіе академическаго Правленія о средствахъ, расходуемыхъ на содержаніе учениковъ уѣзднаго училища, которые участвовали въ хорѣ, митрополитъ положилъ такую резолюцію: „представить счетъ, въ какую сумму обходится академіи содержаніе пѣвчихъ, съ мнѣніемъ: можно-ли безъ хора сего обойтись и замѣнить оный пѣніемъ самихъ студентовъ". Правленіе представило требуемыя митрополитомъ справки и просило его, „во уваженіе давности пѣвческаго хора и для поддержанія въ народѣ видимой ревности и усердія къ посѣщенію храма кіевобратскаго и къ слушанію постоянно произносимыхъ въ немъ поученій, разрѣшить оставить сей хоръ на дальнѣйшее время". Ходатайства академіи были уважены [2]), и хоръ по прежнему продолжалъ существовать.

Архимандритъ Димитрій велъ по истинѣ аскетическую жизнь и во всемъ былъ образцомъ для братіи управляемаго имъ монастыря. Онъ вставалъ очень рано и по звону спѣшилъ въ церковь, гдѣ выслушивалъ заутреню и раннюю литургію. Въ праздничные и воскренные дни онъ всегда самъ въ сослуженіи съ монашествующими совершалъ литургію и своимъ неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, которое сказывалось въ интонаціи его задушевнаго голоса и въ

---

[1]) Ibid. дѣло № 76.—Когда заведена монастырская пасѣка—трудно сказать, но достовѣрно извѣстно, что она была уже при Иннокентіѣ (Ibid. дѣло № 65).

[2]) Аскоченскій. Исторія Кіев. Дух. Акад., стр. 203—204.

мѣрныхъ тѣлодвиженіяхъ, невольно располагалъ къ молитвѣ и заставлялъ забывать продолжительность самой службы. „При богослуженіи Димитрія, говоритъ одинъ изъ его учениковъ, мы не отягощались и такими продолжительными церковными моленіями, какъ, напр., утреня четвертка пятой седмицы великаго поста. Надобно было слышать, какъ читалъ онъ канонъ Андрея Критскаго, чтобы уразумѣть всю силу, все достоинство сей превосходной покаянной пѣсни-молитвы, этого вопля кающейся въ своихъ грѣхахъ души и взывающей къ Богу о помилованіи“. По субботамъ еженедѣльно Димитрій неопустительно прочитывалъ предъ чудотворной иконой Богоматери акаѳистъ Приснодѣвѣ. „Въ промежуткахъ между лекціями, говоритъ тотъ-же почитатель Димитрія, мы—студенты спѣшили въ храмъ выслушать изъ молитвенно-вдохновенныхъ устъ нашего ректора небесную пѣснь Честнѣйшей херувимовъ: радуйся, Невѣсто Неневѣстная“. Представительная наружность Димитрія, а въ особенности благолѣпное богослуженіе, которое онъ совершалъ съ архіерейскими принадлежностями, усвоенными архимандритамъ Братскаго монастыря, какъ первокласснаго и ставропигіальнаго,—были причиною того, что кіево-подоляне называли Димитрія не иначе, какъ братскимъ архіереемъ [1]), и до настоящаго времени—какъ намъ приходилось слышать—сохраняютъ о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія.

Послѣ Муретова [2]) настоятелемъ нашего монастыря въ теченіи семи лѣтъ былъ архимандритъ *Антоній Амфитеатровъ.* Онъ родился въ калужской губерніи въ священни-

---

[1]) Этими воспоминаніями объ архимандритѣ Димитріѣ мы обязаны протоіерею о. Николаю Флоринскому, за что выражаемъ ему нашу благодарность.

[2]) Въ это время онъ былъ переведенъ епископомъ въ Тулу. Вслѣдъ затѣмъ онъ управлялъ слѣдующими епархіями: одесскою (съ 1857 года), ярославскою (съ 1874 года), волынскою (съ 1875 года) и снова одесскою (съ 1882 года), гдѣ и скончался 14 ноября 1883 г., оплакиваемый всѣми жителями многолюдной и разноплеменной Одессы (Памяти Димитрія, арх. херсонскаго и одесскаго. Одесса. 1883 года).

ческой семьѣ. Низшимъ и среднимъ образованіемъ онъ обязанъ калужскимъ духовнымъ училищамъ, а высшее—получилъ въ кіевской академіи. По окончаніи академическаго курса (1839 года), онъ принялъ монашество въ 1840 г. и былъ оставленъ при академіи баккалавромъ. Время отъ 1841 до 1851 г., когда онъ былъ назначенъ настоятелемъ нашего монастыря, онъ посвятилъ заботамъ по управленію кіевской семинаріей, гдѣ былъ сначала инспекторомъ, а потомъ ректоромъ.

Архимандритъ Антоній остался памятнымъ въ исторіи нашего монастыря, какъ попечительный настоятель, заботившійся о благолѣпіи церковныхъ зданій, и какъ строгій охранитель иноческаго устава и монастырскаго благочинія, подававшій собственною жизнію примѣръ иноческаго благочестія [1]).

Его стараніями была обновлена Богоявленская церковь.—Такъ, въ 1851 году были сдѣланы нѣкоторыя добавленія въ иконостасѣ, по плану, составленному епархіальнымъ архитекторомъ Спарро. Въ такомъ видѣ иконостасъ существовалъ до послѣдняго времени. Весь иконостасъ выдвинутъ былъ по направленію къ амвону на четверть аршина. Въ большой аркѣ надъ царскими вратами для закрытія пролета сдѣлано было сіяніе съ разными звѣздами и дугою, украшенною золотыми вѣтвями. Надъ царскими вратами, по

---

[1]) При немъ въ 1856 г. намѣстникомъ нашего монастыря былъ опредѣленъ извѣстный знатокъ церковнаго пѣнія и богослужебнаго устава іеромонахъ Геннадій, въ мірѣ Георгій Крижановскій. По окончаніи курса въ Кіевской семинаріи (въ 1843 г.), онъ опредѣленъ былъ псаломщикомъ при посольской церкви въ Константинополѣ. Совершивъ путешествіе въ 1848 г. по святымъ мѣстамъ востока, онъ отправился въ Петербургъ и былъ тамъ учителемъ пѣнія. Въ 1851 г. онъ принялъ монашество и въ санѣ іеродіакона вторично назначенъ былъ въ посольской церкви въ Константинополѣ. Послѣ разрыва Россіи съ Турціей онъ въ 1853 г. возвратился на родину въ кіевскую губернію. Въ 1855 г. онъ поступилъ въ число братіи въ печерскую лавру, а въ слѣдующемъ году получилъ санъ іеромонаха и должность намѣстника въ нашемъ монастырѣ. (Монаст. арх., дѣло № 333).

бокамъ, помѣщены были два овальныхъ украшенія, окаймленныхъ рѣзьбою, сдѣланною по образцу орнаментовъ, находящихся въ окнахъ Андреевской церкви. Усѣченные въ предшествовавшую реставрацію иконостаса концы большой арки были протянуты на нижній ярусъ. Два главныхъ столба, находившіеся въ алтарѣ, закрыты были сплошными кіотами, на верху которыхъ было помѣщено по одной овальной иконѣ съ рѣзьбою и вазонами. Въ боковыхъ аркахъ надъ царскими вратами сдѣланы были тѣже добавленія, что и въ главной аркѣ, только въ меньшемъ видѣ. Въ боковыхъ иконостасахъ на тяжеломъ фризѣ сдѣлана была рѣзьба въ видѣ золоченаго вѣнка. Вмѣстѣ съ тѣмъ старый иконостасъ былъ обновленъ и заново вызолоченъ [1]).

Около этого времени стараніями купца Павла Бородина оправлена была въ серебряную ризу храмовая икона Богоявленской церкви. Для этой цѣли икона отправлена была въ Москву вмѣстѣ съ довѣреннымъ отъ монастыря лицемъ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлена была вся Богоявленская церковь и позолочены были всѣ пять куполовъ на ней.—Заботы и расходы по возобновленію церкви принялъ на себя благочинный и духовникъ монастыря іеромонахъ Арсеній [3]).

---

[1]) Монастыр. арх., дѣло № 85.

[2]) Ibid. дѣло № 91.

[3]) Іеромонахъ Арсеній, въ мірѣ Андрей Владиміровъ, происходилъ изъ духовнаго званія и обучался въ орловской семинаріи до средняго отдѣленія, Уволившись изъ семинаріи, онъ получилъ (въ 1825 году) мѣсто діакона въ селѣ Черновкѣ елецкаго уѣзда. Лишившись жены, онъ поступилъ въ толшевскій монастырь и принялъ монашество. Затѣмъ былъ въ слѣдующихъ монастыряхъ: Дивногородскомъ, Алексѣевскомъ, Воронежскомъ, Митрофаніевомъ, Выдубицкомъ и Михайловскомъ. Въ 1842 году онъ перешолъ въ нашъ монастырь, гдѣ проходилъ должности духовника, казначея и благочиннаго. Арсеній отличался привѣтливостію въ обращеніи, сердечностію и добродушіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отъ природы обладалъ самороднымъ оригинальнымъ умомъ, что̀ дѣлало его интереснымъ собесѣдникомъ. За такія качества онъ пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе среди студентовъ и кіево-подолянъ и пользовался между ними большою извѣстностію (Монастыр. арх., дѣло 88 и 224).

Онъ на свои средства оштукатурилъ всѣ наружныя стѣны церкви, поправилъ обветшавшую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крышу и покрасилъ ее. Кромѣ того, поручилъ одному живописцу написать иконы на фонарѣ средняго купола [1]).

Позолота куполовъ требовала большихъ издержекъ и монастырь не былъ бы въ состояніи покрыть ихъ, еслибы не пришло къ нему на помощь кіево-подольское общество. По подпискѣ собрано было подолянами двѣ тысячи двѣсти пятьдесятъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ. Монастырь сдѣлалъ заемъ въ три тысячи рублей и на эти средства въ 1853 году украсилъ главы своей большой церкви по образцу лавры и Михайловскаго монастыря [2]).

Съ благословенія архимандрита Антонія, іеромонахъ Арсеній въ 1854 году на свои средства и подъ своимъ непосредственнымъ надзоромъ расширилъ трапезную церковь до тѣхъ размѣровъ, какіе она имѣетъ въ настоящее время, и обновилъ ее [3]). А вмѣстѣ съ тѣмъ соорудилъ икону братской Божіей матери съ приличнымъ кіотомъ и помѣстилъ ее надъ колокольными воротами [4]).

Въ слѣдующемъ (1855) году Арсеній также на свои средства произвелъ ремонтъ въ колокольнѣ. Всѣ прежнія деревянныя приспособленія, устроенныя внутри колокольни, были замѣнены новыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся она была оштукатурена и побѣлена [5]).

Помимо строительной дѣятельности, которою заявилъ себя Антоній, онъ также заботился и объ улучшеніи хора. И нужно сказать, что въ его время братскій хоръ славился по городу. Въ то время въ хорѣ были замѣчательные голоса, въ лицѣ, напр., Чумачевскаго. Самъ В. И. Аскоченскій, въ

---

[1]) Монастыр. арх. дѣло № 632.

[2]) Ibid. дѣло № 89.

[3]) Ibid. дѣло № 93.

[4]) Ibid. дѣло № 612 и 622.

[5]) Ibid. дѣло № 95.

это время свободный отъ всѣхъ должностей и служебныхъ занятій, часто являлся въ хорѣ и на спѣвкахъ, и въ храмѣ. Студенты и посѣтители монастыря были въ восхищеніи отъ пѣнія.

Въ заключеніе обозрѣнія исторіи нашего монастыря за разсматриваемое нами время, скажемъ нѣсколько словъ объ іеромонахѣ Іоанникіѣ Добротворскомъ, героѣ севастопольской обороны, поселившемся на покоѣ въ описываемое нами время въ Братскомъ монастырѣ и имѣвшемъ большое вліяніе на братію его. Онъ былъ священникомъ въ подольской губерніи. Лишившись жены, онъ принялъ монашество и поступилъ во флотъ іеромонахомъ. Во время морскихъ кампаній служилъ на одиннадцати корабляхъ и фрегатахъ [1]), отправляя на нихъ богослуженіе и своими воодушевленными рѣчами ободряя экипажъ. Отъ начальниковъ всѣхъ этихъ судовъ онъ имѣлъ одобрительные аттестаты объ усердномъ и ревностномъ прохожденіи своихъ обязанностей. При истребленіи турецкой эскадры на синопскомъ рейдѣ онъ назидательною рѣчью о покровительствѣ Божіемъ воодушевилъ команду до самоотверженія, за что въ награду получилъ годовой окладъ жалованія. Во время бомбандированія Севастополя находился неотлучно при корниловскомъ бастіонѣ и, подвергаясь опасности, съ крестомъ въ рукахъ и съ словами одобренія на устахъ, воодушевлялъ падавшихъ духомъ воиновъ; причемъ былъ раненъ въ ногу. 2 марта 1855 г. получилъ отъ генералъ-адъютанта графа Остенъ-Сакена благодарность въ приказѣ, читанномъ 3-го марта по арміи и флоту,—за мужественное, исполненное христіанскаго самоотверженія, участіе въ вылазкѣ, произведенной охотниками камчатскаго полка, при отобраніи англофранцузскаго редута—Камчатки. Въ томъ-же году „за непоколебимое усердіе и самоотверженіе при испол-

[1]) А именно, на фрегатахъ: Мидія, Месемврія, Флора, Кулевчи и на корабляхъ: Ягудіилъ, Силистрія, Двѣнадцать Апостоловъ, Салафіилъ, Парижъ, Уріилъ и Святославъ.

ненія своихъ обязанностей во время обороны отъ врага города Севастополя" былъ награжденъ изъ кабинета Е. Императорскаго Величества золотымъ наперснымъ крестомъ на георгіевской лентѣ. По окончаніи крымской кампаніи, когда по парижскому трактату, нашъ черноморскій флотъ былъ уничтоженъ,—флотскимъ іеромонахамъ указомъ св. Синода было разрѣшено избирать себѣ для жительства, какіе угодно монастыри. Выборъ Добротворскаго палъ на нашъ монастырь и онъ 22 ноября 1855 года поселился въ немъ [1]). Какъ человѣкъ, видѣвшій собственными глазами всѣ ужасы войны и смерти, Добротворскій отличался рѣдкою богобоязненностію и религіозностію и этими качествами оказывалъ благотворное вліяніе на монастырскую братію, служа для нея образцомъ.

Послѣ Антонія [2]) нашимъ монастыремъ управлялъ архимандритъ *Израиль Лукинъ*. Онъ былъ родомъ изъ орловской губерніи. Высшее образованіе получилъ въ кіевской академіи (1821—1825 гг.). Монашество принялъ въ 1831 году и служилъ на духовно-педагогическомъ поприщѣ въ разныхъ городахъ Россіи. Въ санъ архимандрита произведенъ 3 ноября 1835 года, а настоятелемъ нашего монастыря былъ со 2 мая 1858 г. по 5 декабря 1859 года [3]).

Архимандритъ Израиль заявилъ себя заботами о сооруженіи новой мельницы въ хуторѣ Сподарцѣ, вмѣсто прежней, устроенной еще Иннокентіемъ, которая, благодаря злоупотребленіямъ арендаторовъ, пришла въ совершенную ветхость. Новая мельница устроена была на четыре колеса, изъ коихъ два вращали жернова, моловшіе муку, а другія два приспо-

---

[1]) Монастыр. арх., дѣло № - 94.

[2]) 1 Марта 1858 года онъ былъ назначенъ епископомъ чигиринскимъ, а потомъ занималъ самостоятельныя архіерейскія каѳедры въ Смоленскѣ (съ 31-го октября 1859 года) и Казани (съ 1867 года), гдѣ въ ночь на 8 ноября 1879 г. и скончался (высокопреосвященный Антоній (Амфлеатровъ), архіепископъ казанскій и свіяжскій. Архимандрита Сергія. Казань. 1885 г.).

[3]) Дѣло внугр. правл. за 1858 годъ № 19.

соблены были для сукновальни и для гнѣздъ, приводившихъ въ движеніе ступы [1]).

При архимандритѣ Израилѣ, 12 апрѣля 1859 года, вспыхнулъ пожаръ въ монастырскомъ лѣсу, примыкавшемъ къ хутору Сподарцу. Строевой лѣсъ остался невредимъ, значительно опустошенъ былъ молодникъ и фашинникъ. Причина пожара осталась невыясненною; правда, подозрѣнія въ поджогѣ пали на сподарецкаго жителя, крестьянина Романа Чадія, но ихъ трудно было подтвердить несомнѣнными доказательствами [2]).

Послѣ Израиля [3]) настоятелемъ нашего монастыря былъ *архимандритъ Іоанникій*, нынѣ высокопреосвященный митрополитъ кіевскій и галицкій. Архимандритъ Іоанникій—въ мірѣ Иванъ Рудневъ—уроженецъ тульской губерніи, первый магистръ XIV курса кіевской академіи. По окончаніи курса въ 1849 году, онъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ и въ томъ-же году принялъ монашество. Въ 1854 году произведенъ въ санъ архимандрита и чрезъ четыре годабылъ назначенъ ректоромъ кіевской семинаріи. Нашимъ монастыремъ онъ управлялъ только десять мѣсяцевъ (съ 7-го декабря 1859 года по 6-е октября 1860 г.). Не смотря однако на это, онъ и въ такой короткій срокъ успѣлъ оказать ему значительныя услуги.

Благодаря его заботамъ, обновлена была монастырская ограда и заново покрыта желѣзомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на штатномъ дворѣ устроено было пять необходимыхъ для монастыря погребовъ и лѣтнее помѣщеніе для богомольцевъ [4]). Послѣднее сооруженіе было важно въ томъ отношеніи, что давало безплатный пріютъ во время ненастья стекающемуся

---

[1]) Монастыр арх. дѣло № 98.

[2]) Ibid. дѣло № 192.

[3]) 5 декабря 1859 года онъ былъ назначенъ епископомъ винницкимъ. Скончался въ 1864 году.

[4]) Монастыр. арх., дѣло № 101.

на поклоненіе кіевскимъ угодникамъ простому люду, подъ часъ не имѣющему чѣмъ заплатить за ночлегъ. Помѣщеніе для богомольцевъ, свидѣтельствующее о гуманности и добротѣ того, кому принадлежитъ инициатива его сооруженія, существуетъ и до настоящаго времени, укрывая отъ дождя странниковъ и вызывая въ нихъ неподдѣльныя чувства благодарности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритъ Іоанникій заботился и о благолѣпіи монастырскихъ церквей. Въ своемъ представленіи митрополиту Исидору отъ 8 іюня 1860 года онъ между прочимъ писалъ: „Главная холодная церковь Кіево-Братскаго монастыря во имя Богоявленія Господня и теплая церковь во имя сошествія Св. Духа внутри требуютъ обновленія. Краска на стѣнахъ холодной церкви почернѣла отъ пыли, иконы въ куполѣ и алтарѣ потускнѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпалась штукатурка, и въ теплой церкви стѣны, окрашенныя масляною краскою, также почернѣли отъ пыли и копоти, а иконостасъ требуетъ новой окраски и поправки нѣкоторыхъ обветшалыхъ украшеній“ [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого представленія архимандритъ Іоанникій оставилъ нашъ монастырь [2]), и произвести ремонтъ въ обѣихъ Братскихъ церквахъ, соотвѣтственно его указаніямъ, суждено было его преемнику—архимандриту Филарету.

Архимандритъ Филаретъ—въ мірѣ Михаилъ Филаретовъ—родился въ 1824 году отъ бѣднаго діакона въ селѣ

---

[1]) Ibid. дѣло № 100.

[2]) 6 октября 1860 года онъ былъ перемѣщенъ на должность ректора петербургской академіи и въ слѣдующемъ году хиротонисованъ во епископа выборгскаго, съ оставленіемъ въ должности ректора академіи. Въ 1864 году былъ назначенъ епископомъ въ Саратовъ, а въ 1873 году перемѣщенъ на нижегородскую каѳедру. Въ 1877 году былъ возведенъ въ санъ архіепископа съ назначеніемъ на должность экзарха Грузіи. Въ 1882 году перемѣщенъ на московскую каѳедру въ санѣ митрополита московскаго и коломенскаго, а 17 ноября 1891 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ (Русскій Паломникъ 1891 г. № 50.).

Боршовѣ воронежской губерніи, коротоякскаго уѣзда. Обучался въ мѣстныхъ духовныхъ училищахъ и, по окончаніи семинарскаго образованія (въ 1847 г.), поступилъ въ кіевскую академію. По окончаніи курса (въ 1851 г.), онъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ и въ томъ же году принялъ монашество. Въ 1857 году онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и въ слѣдующемъ году назначенъ инспекторомъ казанской академіи. Въ концѣ 1859 года онъ былъ опредѣленъ ректоромъ кіевской семинаріи, а 6 октября слѣдующаго года назначенъ настоятелемъ нашего монастыря и управлялъ имъ въ теченіи семнадцати лѣтъ (до 31 декабря 1877 года), послѣдніе четыре года (съ 26 марта 1874 года) въ санѣ епископа уманскаго.

Архимандритъ Филаретъ былъ человѣкъ весьма энергичный, обладавшій твердою волею. Съ этими качествами онъ соединялъ необыкновенную любовь и заботливость о благѣ ввѣреннаго ему монастыря, и потому неудивительно, что въ теченіи своего семнадцатилѣтняго управленія Братскимъ монастыремъ онъ успѣлъ заявить себя широкою и благотворною дѣятельностію на пользу его, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что, въ своемъ увлеченіи заботами объ удобствахъ академической жизни, онъ готовъ былъ посягнуть на закрытіе Братскаго монастыря, въ видахъ расширенія академическихъ помѣщеній, оказывавшихся недостаточными съ преобразованіемъ Академіи въ 1869 г., и предлагалъ совѣту академіи ходатайствовать объ этомъ предъ Св. Синодомъ [1]). Ходатайство академіи было отклонено, и митрополитъ Арсеній въ своемъ отношеніи въ Синодъ, между прочимъ, писалъ, что „одну мысль о закрытіи Кіево-Братскаго монастыря, столь знаменитаго своею древностію и своими великими заслугами на пользу церкви и отечества, онъ считаетъ крайне неблаговидною и неблагопріятною для общественнаго

[1]) Протоколы засѣданій совѣта академіи (Труды кіев. акад. 1870 г. № 1, стр. 13—14).

мнѣнія“ [1]). Проэктъ о закрытіи монастыря былъ не больше какъ увлеченіемъ со стороны Филарета, вызваннымъ исключительными обстоятельствами. Свою заботливость объ интересахъ монастыря Филаретъ вполнѣ доказалъ тѣмъ самоотверженіемъ, съ которымъ онъ служилъ ему въ теченіи многихъ лѣтъ и которое безспорно даетъ ему право занять выдающееся мѣсто въ числѣ дѣятелей за этотъ періодъ исторіи нашего монастыря.

Первые шаги дѣятельности Филарета, какъ настоятеля Братскаго монастыря, опредѣлились предначертаніями его предшественника. Вопросъ о возобновленіи обѣихъ братскихъ церквей выступалъ самъ собою и требовалъ безотлагательнаго рѣшенія. Филаретъ взялся за это дѣло со свойственною ему энергіей и ко дню юбилея академіи (28 сентября 1869 года), когда монастырю было суждено быть свидѣтелемъ и участникомъ знаменательнаго и великаго торжества своей двухвѣковой спутницы,—къ этому торжественному дню монастырскіе храмы приняли соотвѣтствующій видъ.

Святодуховская церковь, между прочимъ, была совершенно видоизмѣнена. Въ находившемся надъ нею помѣщеніи [2]) разобранъ былъ полъ, и она съ соотвѣтствующими передѣлками была превращена въ верхнюю часть храма. Вслѣдствіе этого церковь много выиграла въ освѣщеніи, недостатокъ котораго сильно чувствовался въ прежнее время. Стѣны ея были оштукатурены и внутри раздѣланы подъ мраморъ. Въ верхнихъ окнахъ были сдѣланы просвѣты. А въ соотвѣтствіи съ заклиросными арками, въ сѣверной и южной стѣнахъ устроены были двѣ новыхъ арки [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ по плану преподавателя кіевской семинаріи Думитрашко устроенъ былъ новый, довольно изящный, иконостасъ

---

[1]) Ibid. 1871 г. № 8, стр. 1—5.

[2]) Послѣ того, какъ отсюда перенесли помѣщавшуюся здѣсь библіотеку, здѣсь (до 1847 г.) жили до пріисканія мѣста окончившіе курсъ студенты.

[3]) Монастырск. арх., дѣло № 103.

и покрытъ золотомъ [1]). Всѣ эти работы производились въ теплой церкви въ 1863—1864 годахъ.

Что касается большой церкви, то стѣны ея были покрыты краскою подъ цвѣтъ бѣлаго мрамора, а на открытыхъ частяхъ храма, преимущественно на колоннахъ, были помѣщены вновь написанныя большія иконы въ хорошихъ золоченныхъ рамахъ [2]). Такой видъ Богоявленская церковь сохранила до послѣдняго времени. Нужно замѣтить, что при сооруженіи новыхъ иконъ руководящею мыслію Филарета было—представить на нихъ ученыхъ святыхъ, представителей богословской мысли на востокѣ и западѣ. Исполнявшій эти работы живописецъ, не имѣя готовыхъ образцовъ для написанія святыхъ, при изображеніи ихъ допустилъ много вымысла и произвола [3]).

Одновременно съ этимъ (въ 1861 году) устроенъ былъ рѣзной работы иконостасъ на горнемъ мѣстѣ и покрытъ золотомъ [4]). Онъ отличался тонкостью работы и тщательнымъ исполненіемъ всѣхъ деталей и въ настоящее время служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній храма.

Стараніями архимандрита Филарета устроена была (въ 1868 году) предъ иконостасомъ чугунная на каменномъ фундаментѣ солея и такая-же рѣшетка [5]), а чрезъ три года (уже въ 1871 году) вызлащены были всѣ куполы на Богоявленской церкви и шпицъ на колокольнѣ [6]).

Но чѣмъ особенно памятенъ будетъ для монастыря Филаретъ, такъ это своими заботами о расширеніи зданія, назначеннаго для помѣщенія монастырской братіи. При немъ почти вся братія помѣщалась въ одноэтажномъ флигелѣ, со-

---

[1]) Ibid. дѣло № 104.

[2]) Ibid. дѣло № 194.

[3]) Въ послѣднюю реставрацію Богоявленской церкви иконы эти были сняты и теперь хранятся въ одномъ изъ помѣщеній колокольни.

[4]) Устройство его стоило 1200 р. (Ibid. дѣло № 548).

[5]) Монастыр. арх., дѣло № 108.

[6]) Ibid. дѣло № 113.

стоявшемъ изъ шести номеровъ, раздѣленныхъ внутренними перегородками на малыя келліи. Вслѣдствіе тѣсноты, возникали важныя неудобства, особенно въ гигіеническомъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что не было особеннаго помѣщенія ни для канцеляріи, ни для архива. Поэтому Филаретъ задумалъ надстроить надъ монастырскимъ флигелемъ новый этажъ. Архитектору Николаеву поручено было составить смѣту. Оказалось, что эта постройка потребуетъ большихъ расходовъ (около 20 тысячъ). Монастырь не имѣлъ и половины этой суммы. Но это не останавливаетъ неутомимаго настоятеля. Онъ собственноручно составляетъ планъ для новыхъ помѣщеній, образуетъ строительный комитетъ изъ монастырской братіи для наблюденія за ходомъ работъ, дѣлаетъ распоряженіе о заготовкѣ необходимаго строительнаго матеріала и весною 1877 года приступаетъ къ самой постройкѣ. Не полагаясь на строительный комитетъ, онъ самъ принималъ горячее участіе въ постройкахъ. Уже облеченный саномъ епископа, онъ ходилъ осматривать строющееся зданіе и лично наблюдалъ за движеніемъ работы. Нерѣдко самъ оцѣнивалъ пригодность строительнаго матеріала, подолгу бесѣдовалъ съ членами комитета и подрядчиками и вообще вникалъ во всѣ мелочи постройки. Въ два года постройка доведена была до конца, и корпусъ для монашествующихъ получилъ тотъ видъ, какой онъ имѣетъ теперь [1]).

Благодаря энергіи Филарета, монастырю удалось закончить обременительный для него судебный процессъ, который онъ велъ почти двадцать лѣтъ съ купцомъ Лютинскимъ. Обстоятельства этого дѣла слѣдующія. Въ 1848 году Іосифъ Лютинскій заключилъ съ духовною консисторіей контрактъ на содержаніе сподарецкой мельницы нашего монастыря срокомъ на восемь лѣтъ. Лютинскій принялъ мельницу о девяти поставахъ и принадлежащія къ ней строенія во всей исправ-

---

[1]) Ibid дѣло № 115 и 125.

ности, обязавшись вносить арендныя деньги за каждую половину года впередъ, а по истеченіи срока контракта возвратить мельницу въ такомъ видѣ, чтобы не было никакихъ препятствій къ дальнѣйшимъ работамъ на ней. Въ случаѣ-же неисполненія послѣдняго условія, монастырь можетъ исправить мельницу на счетъ Лютинскаго или взыскать необходимую для этого сумму съ его имѣнія. Лютинскій оказался недобросовѣстнымъ арендаторомъ и за первую-же половину 1849 года не внесъ денегъ. Вслѣдствіе этого консисторія, по ходатайству монастырскаго правленія, передала мельницу полковнику Стогову на условіяхъ контракта, заключеннаго съ Лютинскимъ. Одновременно съ этимъ и Кіевское губернское правленіе, куда монастырь обратился съ жалобою на Лютинскаго, своимъ указомъ предписывало земскому суду отобрать отъ Лютинскаго мельницу и передать ее полковнику Стогову, но потомъ отмѣнило свое рѣшеніе и вошло съ представленіемъ по этому предмету въ Сенатъ. Обще собраніе Сената нашло, что консисторія, заключившая контрактъ съ Лютинскимъ на отдачу въ содержаніе мельницы Братскаго монастыря, представляетъ въ возникшемъ по этому поводу дѣлѣ по отношенію къ Лютинскому лице отвѣтчика и защитника правъ монастыря, почему и постановленіе ея о нарушеніи будто-бы Лютинскимъ контракта и о передачѣ мельницы Стогову не можетъ имѣть силы судебнаго приговора и стѣснять губернское правленіе въ приведеніи къ исполненію состоявшагося въ немъ опредѣленія. Вслѣдствіе этого губернское правленіе 29 ноября 1852 года предписало земскому суду возвратить мельницу Лютинскому и предоставить ему право пользоваться ею до истеченія срока, опредѣленнаго контрактомъ. Мельница была возвращена Лютинскому, но уже не въ томъ видѣ, въ какомъ она была при заключеніи контракта. Послѣ этого возникли новыя жалобы. Лютинскій жаловался на то, что ему отдана мельница не въ томъ видѣ, въ какомъ она была имъ законтрактована. А монастырь доносилъ въ судъ, что Лю-

тинскій не платитъ арендныхъ денегъ и приводитъ мельницу въ разореніе. Въ виду этого, земскій судъ 16 марта 1855 года опредѣлилъ: во избѣжаніе дальнѣйшаго осложненія дѣла и изъ опасенія совершеннаго разоренія монастырской мельницы, отказать Лютинскому въ правѣ содержанія мельницы, взыскавъ съ него неуплоченныя имъ арендныя деньги. На это постановленіе земскаго суда Лютинскій занесъ жалобу въ уѣздный судъ, требуя въ тоже время взысканія съ монастыря шестнадцати тысячъ шестисотъ девяноста одного рубля за убытки, понесенные имъ въ теченіи пятилѣтней тяжбы съ нимъ. Дѣло было перенесено въ палату, и она своимъ опредѣленіемъ отъ 15 апрѣля 1866 года отказала Лютинскому въ представленномъ имъ на монастырь искѣ, предоставивъ право монастырю искать съ Лютинскаго понесенные имъ убытки. Монастырь предпочелъ оставить дѣло безъ послѣдствій, такъ-какъ—навѣрно можно сказать—его искательства въ данномъ случаѣ затянули-бы этотъ судебный процессъ еще на нѣсколько лѣтъ [1]).

Не успѣлъ еще монастырь окончить судебнаго процесса съ Лютинскимъ, какъ ему пришлось войти въ столкновеніе съ академіей за право владѣнія каменнымъ домомъ, что́ близъ колокольни, и такъ называемымъ конюшеннымъ. Экономъ академіи, профессоръ Гуляевъ, вошелъ въ правленіе академіи съ ходатайствомъ о томъ, чтобы эти дома, которыми тогда владѣлъ монастырь, какъ пожалованные рескриптомъ императрицы Екатерины II академіи, возвращены были въ ея владѣніе, объясняя при этомъ, что эти зданія временно были уступлены монастырю за неимѣніемъ у академіи средствъ къ поддержанію ихъ [2]). Монастырь, на основаніи того-же самаго рескрипта Екатерины II, сталъ защищать свои права. За разрѣшеніемъ дѣла спорящія стороны обратились въ консисторію. Консисторія передала дѣло на разсмотрѣніе Фила-

[1]) Монастыр. арх., дѣла №№ 510—572.

[2]) Дѣла внутр. правл. за 1859 г. № 141.

рету. При совмѣщеніи въ лицѣ ректора академіи и должности настоятеля Братскаго монастыря, Филаретъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи. Но благодаря вмѣшательству митрополита, дѣло получило иной оборотъ. Митрополитъ поручилъ разслѣдовать дѣло консисторіи, какъ „главному присутственному мѣсту въ епархіи". Консисторія признала законными притязанія академіи на указанные дома. Но въ виду того, что монастырь все время послѣ пожара 1811 года владѣлъ каменнымъ домомъ и употреблялъ свои средства на поддержаніе его, а академія въ теченіи пятидесяти лѣтъ не предъявляла своихъ правъ на него, она рѣшила отдать этотъ домъ въ распоряженіе монастыря. Что-же касается деревяннаго дома, находившагося на штатномъ дворѣ, то такъ какъ онъ построенъ былъ на монастырской землѣ, а монастырь своими постройками занялъ такое-же по величинѣ мѣсто, отведенное городскою коммиссіею для академической больницы, то въ виду этого и во избѣжаніе недоразумѣній на будущее время, консисторія нашла необходимымъ раздѣлить поровну штатный дворъ между монастыремъ и академіей. Въ 1862 году приглашенъ былъ городской землемѣръ и онъ, при депутатахъ отъ обѣихъ сторонъ, размежевалъ землю и составилъ планы отведенныхъ для монастыря и академіи мѣстъ. Монастырю отведено было $467^{1}/_{2}$ квадратныхъ саженъ [1]).

Въ этомъ спорѣ, который рано или поздно долженъ былъ возникнуть, монастырь и академія окончательно разграничили свою собственность, чтобы, живя отдѣльною, самостоятельною жизнію, избѣгать на будущее время различныхъ столкновеній, возможныхъ при столь близкомъ сосѣдствѣ.

Филаретъ не ограничивался одними заботами о благолѣпіи монастырскихъ храмовъ, объ удобствахъ помѣщеній для братіи, не ограничивался судебными дѣлами, которыя

[1]) Монастыр. арх. дѣла №№ 603—615.

ему приходилось вести, какъ настоятелю нашего монастыря, онъ вникалъ во всѣ стороны монастырской жизни, входилъ въ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касавшихся повседневныхъ интересовъ монастыря, какъ-бы они ни были незначительны. Онъ требовалъ всесторонняго рѣшенія каждаго дѣла, и монастырскому правленію приходилось собираться по нѣскольку разъ для обсужденія одного и того-же вопроса, прежде чѣмъ онъ изъявлялъ свое согласіе на такое или иное рѣшеніе его. Онъ рѣдко оставался доволенъ постановленіями монастырскаго правленія, въ своихъ резолюціяхъ онъ открывалъ новыя стороны дѣла и буквально испещрялъ своими замѣчаніями поступавшія къ нему изъ монастыря бумаги. На основаніи этихъ замѣчаній монастырскія дѣла и получали свою законченную форму.

Мало этого; Филаретъ нерѣдко самъ входилъ въ монастырское правленіе съ различнаго рода предложеніями, выказывая этимъ свою заботливость о благѣ ввѣреннаго ему монастыря. Такъ, онъ, между прочимъ, предложилъ составить опись монастырскаго имущества, какъ церковнаго, такъ и экономическаго, назначивъ даже лицъ для этого дѣла. Прежняя опись, вслѣдствіе различныхъ помарокъ и исправленій, потеряла видъ документа, которымъ можно было бы опредѣлить наличность монастырскаго имущества, и потому чувствовалась надобность въ новой описи [1]). Онъ также предложилъ монастырскому правленію составить инструкцію для эконома. Необходимость ея вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что между членами монастырскаго правленія и экономомъ возникали частыя недоразумѣнія, нарушавшія обычное теченіе монастырской жизни. Составленіе инструкціи много способствовало упорядоченію отношеній между тою и другою стороною [2]).

---

[1]) Ibid. дѣло № 210.

[2]) Ibid. дѣло №№ 204—205.

Вообще Филаретъ принималъ живое, непосредственное участіе въ жизни монастыря, и каждое явленіе монастырской жизни находило въ немъ живой откликъ, который въ тоже время служилъ лучшимъ руководствомъ для братіи. Для примѣра приведемъ резолюцію, положенную Филаретомъ на докладѣ правленія о выборѣ новаго эконома. „Отецъ П., пишетъ онъ, больше прочихъ получилъ избирательныхъ шаровъ: да будетъ онъ и экономомъ!—Не излишнимъ почитаю при семъ, въ предостереженіе, сказать полезное слово отъ евангелія. Въ обществѣ Христовомъ былъ одинъ ученикъ, о которомъ евангелистъ замѣчаетъ, что онъ *тать бѣ, и ковчежецъ имѣяше, и вметаемая ношаше* (Іоан. 12, 6). Это слово объ Іудѣ, который былъ экономомъ въ обществѣ учениковъ Христовыхъ (срв. Іоан. 13, 29). Когда онъ сдѣлался воромъ? Еслибы онъ былъ воръ прежде своего избранія въ экономы, то не былъ бы и избранъ въ эту должность, не былъ бы ему и довѣренъ ковчежецъ съ деньгами. Но честный до избранія, Іуда сдѣлался не честнымъ, когда ковчежецъ попалъ въ его руки. Ковчежецъ и обращавшіяся въ рукахъ его деньги породили въ немъ сребролюбіе, и онъ потомъ сдѣлался татемъ; постоянно нося ковчежецъ и обращаясь съ деньгами, до того омрачился сребролюбіемъ, что за ничтожную сумму предалъ Христа. Да послужитъ сей примѣръ въ предостереженіе новому эконому! А братія да будетъ внимательна къ своему собрату, чтобы спасти душу его отъ опасности быть татемъ, которой онъ не по своей волѣ подвергается, принимая ковчежецъ для попеченія о нуждахъ братіи!“ [1]).

Въ заключеніе намъ остается сказать объ одномъ несчастномъ случаѣ, который едва не имѣлъ роковыхъ послѣдствій для Братскаго монастыря, о благолѣпіи котораго такъ заботился Филаретъ. Мы разумѣемъ пожаръ 1864 года, едва

---

[1]) Ibid. дѣло № 412.

не испепелившій Богоявленской церкви;—лучшаго украшенія нашего монастыря.—13 октября, говоритъ очевидецъ этого событія, жители подольской части г. Кіева услышали набатный звонъ на колокольнѣ Братскаго монастыря. Печальный звонъ любимой обители привлекъ вниманіе подолянъ. Скоро съ разныхъ пунктовъ стала видна колокольня, освѣщенная пламенемъ пожара. Быстро распространился слухъ, что въ „Братскомъ" пожаръ. Невыразимое волненіе овладѣло всѣми, кто слышалъ эту новость. Одни хотѣли увѣрить себя, что это не возможно, что въ церкви горѣть нечему, другіе съ испугомъ вспоминали, что предъ святочтимою иконою Божіей Матери горитъ неугасаемая лампада и что при какомъ-нибудь несчастномъ случаѣ можетъ загорѣться кіотъ и она сама подвергнется опасности. На другой день приходилось слышать, что первая мысль, при этомъ предположеніи, была только о томъ, успѣли-ли вынести святую икону и рѣдко кому приходило на мысль, успѣютъ ли спасти цѣнныя вещи, хранящіяся въ разныхъ частяхъ храма. Кому дорога академія, тѣ со страхомъ спѣшили на мѣсто пожара, съ мыслію, что горитъ не церковь, а одинъ изъ двухъ корпусовъ академіи, стоящихъ по обѣ стороны церкви. Только при входѣ въ ограду монастыря можно было увидѣть, что горитъ дѣйствительно въ церкви, именно въ юго-западной башнѣ, гдѣ пламя достигло купола, выбрасывая изъ окна тучи искръ, грозившихъ опасностью, при сѣверо-западномъ вѣтрѣ, старому корпусу академіи. Въ короткое время въ оградѣ монастырской собралась едва-ли не половина жителей подольской части. И нужно было видѣть, сколько чувствъ, сколько любви было не притворно, безкорыстно высказано къ святому храму, не подвергавшемуся такому бѣдствію съ 1811 года. Усердіе народа имѣло возможность еще ярче высказаться при безсиліи пожарной команды, которая, по недостатку лѣстницъ, пригодныхъ для столь высокаго зданія, не могла успѣшно дѣйствовать на главные пункты пожара. Настоятель монастыря сперва не рѣшался нарушать порядка

размѣщенія иконъ и прочей церковной утвари, но потомъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ братіи монастыря и народа, онъ разрѣшилъ вынести всѣ находившіяся въ разныхъ мѣстахъ храма иконы и другія цѣнныя вещи. При маломъ числѣ монастырской братіи, этотъ трудъ принялъ на себя народъ. Нельзя не замѣтить, что довольно не легкое дѣло снятія и переноски иконъ, помѣщавшихся на значительной высотѣ храмовыхъ колонъ, было исполнено какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Не смотря на волненіе и поспѣшность при исполненіи этой нелегкой работы людьми непривычными, поврежденій оказалось очень мало. Усердіе простиралось до того, что люди, непонимавшіе всей трудности, предлагали разобрать громадный иконостасъ. Только благодаря благоразумію и твердости настоятеля не было сдѣлано это безполезное разрушеніе. При безсиліи пожарной команды, огонь, быстро распространяясь, изъ юго-западной башни прошелъ подъ крышею сперва въ сѣверо-западную, а потомъ распространился до средины большаго купола. Со страхомъ смотрѣли сотни зрителей на безпомощное состояніе храма, пока, по распоряженію генералъ-губернатора, не были призваны кровельщики, изъ которыхъ человѣкъ десять показали рѣдкое усердіе и ловкость. Изъ нихъ нашлось нѣсколько охотниковъ взобраться на крышу церкви по водосточной трубѣ. Предпріятіе оказалось не совсѣмъ удобнымъ для взрослыхъ. Одинъ изъ кровельщиковъ Іоакимъ Иванинъ, взобравшись до половины водосточной трубы, вызывалъ охотника идти далѣе. На это приглашеніе вызвался мальчикъ лѣтъ 15, по имени Николай. Съ помощью Иванина, онъ взобрался на крышу, не смотря на жаръ отъ раскаленнаго желѣза, и успѣлъ привязать веревки, по которымъ поднялось нѣсколько человѣкъ кровельщиковъ [1]). Они прорубили желѣзную крышу, пробили

[1]) Вотъ имена тѣхъ храбрецовъ, которымъ монастырь обязанъ спасеніемъ своего храма: Акимъ Иванинъ, мальчикъ Николай—солдатстій сынъ, Θедоръ

сводъ въ сѣверо-западной башнѣ и дали возможность пожарной командѣ подать имъ чрезъ церковные хоры небольшую пожарную трубу. Этотъ подвигъ отважныхъ мастеровыхъ спасъ Богоявленскую церковь отъ грозившей ей опасности, и къ 10 часамъ вечера пожаръ былъ совершенно прекращенъ.

Пожаръ этотъ произошолъ вслѣдствіе неосторожности лицъ, приставленныхъ для надзора за свѣчами. Въ чуланѣ юго-западной башни былъ складъ для свѣчныхъ огарковъ, куда во время вечерни 13 октября, вѣроятно, были брошены не совсѣмъ потушенные огарки. Растопившаяся масса воску произвела сильное пламя, которое быстро перешло къ деревянной лѣстницѣ, находившейся въ этой башнѣ, и охватило его.

Этотъ несчастный случай въ яркой степени обрисовалъ любовь подолянъ къ Братской обители, ихъ сочувствіе къ постигшему ее несчастію и ихъ вѣру въ чудесную силу чудотворнаго образа Братской Богоматери. Тогда какъ обыкновенно, продолжаетъ тотъ-же очевидецъ, на пожарахъ въ другихъ мѣстахъ слышатся крики, излишняя суета,—здѣсь все было чинно. Въ разныхъ мѣстахъ можно было видѣть людей плачущихъ и на колѣняхъ молившихся о спасеніи любимой церкви. Когда въ началѣ пожара не было никакой надежды на человѣческую помощь, народъ обратился за помощью къ Небесной предстательницѣ и просилъ позволенія поднять чудотворный образъ и съ молебнымъ пѣніемъ обносить его вокругъ церкви. Сначала это обнесеніе дѣлалось въ сопровожденіи намѣстника монастыря, но когда обязанности отозвали его въ другое мѣсто, толпы народа безъ духовенства сами носили чудотворную икону сначала вокругъ церкви, а потомъ вокругъ всего монастыря. Въ глубокомъ мракѣ осенней ночи движутся сотни темныхъ фигуръ съ стройнымъ пѣніемъ уми-

---

Павловъ, Григорій Тобольченк', Андрей Донсковъ, Акимъ Тимчихинъ, Евграфъ Смирновъ, Флоръ Голубковъ и какой-то неизвѣстный солдатъ. Всѣ кровельщики принадлежали къ артели подрядчика Петра Петрова.

лительныхъ воззваній къ Богоматери. Изрѣдка освѣщаемое то огнемъ пожара, то свѣтомъ, падающимъ отъ свѣчей, шествіе это, съ иконою во главѣ, производило поразительное впечатлѣніе. И кто знаетъ, насколько содѣйствовали прекращенію бѣдствія естественныя средства, насколько божественная помощь Небесной Заступницы?

Умилительно было видѣть на другой день, какъ народъ съ утра цѣлыми толпами стремился въ Братскій монастырь. Такъ какъ въ алтарѣ все оставалось въ порядкѣ, то въ обычное время совершена была литургія и сперва предъ нею, а потомъ и по окончаніи ея благодарственныя молебствія съ колѣнопреклоненіемъ. Все это время церковь была наполнена народомъ, какъ бываетъ въ большіе праздники, и всѣ молились съ особеннымъ усердіемъ [1]).

Преемникомъ Филарета [2]) на настоятельствѣ въ нашемъ монастырѣ былъ *Преосвященный Михаилъ*, епископъ уманскій. Преосвященный Михаилъ,—въ мірѣ Матвѣй Лузинъ—былъ сынъ причетника нижегородской епархіи села Шовы. Высшее богословское образованіе онъ получилъ въ московской академіи. Преосвященный почти всѣ годы своего служенія провелъ въ двухъ академіяхъ—московской и кіевской, гдѣ онъ послѣдовательно былъ профессоромъ, инспекторомъ и ректоромъ. Настоятелемъ нашего монастыря онъ былъ съ 1878 года по 19 марта 1883 года.

Преосвященный Михаилъ обратилъ вниманіе на состояніе монастырскаго хозяйства и дѣятельно заботился о поддержаніи его. Такъ, благодаря его заботамъ, выстроена была (въ 1878 г.) въ хуторѣ Сподарцѣ новая мельница о четырехъ снастяхъ

---

[1]) Кіев. Епарх. Вѣдомости за 1864 г., № 21.

[2]) 31 декабря 1877 года онъ былъ назначенъ на самостоятельную каѳедру въ Ригу, гдѣ и скончался 23 февраля 1882 года („Преосвященный Филаретъ, епископъ рижскій, какъ ректоръ Кіевской Духовной Академіи“, экстра-ординарнаго профессора Кіевской Академіи Ив. Н. Королькова. Кіевъ. 1882).

на мѣстѣ прежней мельницы, сгорѣвшей въ ночь съ 22 на 23 іюля 1878 г. [1])

Но чѣмъ особенную услугу монастырю оказалъ преосвященный Михаилъ, такъ это устройствомъ печей (1878 г.) въ Богоявленской церкви, которая была только лѣтнею, теперь же была приспособлена для богослуженія и въ зимнее время. Прежде зимою богослуженіе совершалось только въ Святодуховской церкви, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ которой при большихъ стеченіяхъ народа возникали важныя неудобства. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежній чугунный полъ, отъ котораго чувствовалась холодная сырость даже лѣтомъ, не говоря уже объ осени и веснѣ, замѣненъ былъ новымъ, устроеннымъ изъ дубовыхъ квадратовъ [2]). Кромѣ того, у двухъ боковыхъ кіотовъ у иконъ Божіей Матери и Святителя Николая устроены были мраморныя ступени [3]).

Послѣ преосвященнаго Михаила [4]) управленіе нашимъ монастыремъ перешло къ *преосвященному Сильвестру*, епископу Каневскому, который до послѣдняго времени состоитъ настоятелемъ его. Преосвященный Сильвестръ—въ мірѣ Стефанъ Малеванскій—родился въ селѣ Андрушовкѣ Житомірскаго уѣзда, Волынской губерніи. По окончаніи курса въ Волынской духовной семинаріи, онъ въ 1848 году получилъ мѣсто приходскаго священника, но, овдовѣвъ, въ 1853 году поступилъ въ Кіевскую академію и въ 1856 году принялъ монашество. Всѣ годы своей служебной дѣятельности преосвященный Сильвестръ провелъ въ стѣнахъ родной академіи, гдѣ послѣдовательно проходилъ должности профессора, инспектора и ректора. Настоятелемъ нашего монастыря онъ назна-

---

[1]) Устройство ея стоило три тысячи сто рублей. (Монастырскій архивъ, дѣло №№ 118 и 120).

[2]) Ibid. дѣло № 119.

[3]) Кіев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 14—15.

[4]) Въ 1883 году онъ былъ назначенъ епископомъ въ Курскъ, гдѣ 20 марта 1887 г. и скончался (Церковный Вѣстникъ 1887 года № 13—14)

ченъ 11 апрѣля 1883 года, а въ 1885 году онъ получилъ санъ епископа [1]).

При преосвященномъ Сильвестрѣ не мало сдѣлано для Братскаго монастыря. При немъ были построены на штатномъ монастырскомъ дворѣ каменныя службы и въ теченіи четырехъ лѣтъ (1883—1887 гг.) дворъ этотъ измѣненъ былъ до неузнаваемости: прежнія зданія, вслѣдствіе ветхости своей, были сняты и замѣнены новыми [2]).

При немъ же обстроенъ былъ опустошенный пожаромъ сподарецкій хуторъ, въ которомъ при мельницѣ вновь были выстроены (въ 1885 г.) амбаръ, кладовая, конюшни, два сарая и погребъ [3]). При немъ же на хуторѣ Гадючьемъ или Церковищинѣ выстроенъ былъ деревянный домикъ.

По его инициативѣ монастырь устроилъ (1887 г.) собственную просфорню, доходы съ которой въ настоящее время служатъ одною изъ доходныхъ статей монастырскаго бюджета [4]).

Но важнѣе всего то, что при немъ произведена была послѣдняя весьма значительная реставрація Богоявленской церкви.

Не будемъ входить въ подробное описаніе всѣхъ деталей ремонта, скажемъ лишь о болѣе выдающихся сторонахъ его.

Вся церковь снаружи и внутри была оштукатурена. Иконостасъ былъ совершенно видоизмѣненъ. Два верхніе яруса его, вслѣдствіе большаго ихъ давленія на ставшій подгнивать отъ сырости нижній ярусъ и отсюда угрожающей опасности всему иконостасу, были сняты, оставленъ былъ лишь нижній ярусъ, отдѣльныя части котораго: капители, базы,

---

[1]) См. формуляр. списокъ о службѣ преосвященнаго Сильвестра, хранящійся при дѣлахъ правленія академіи.

[2]) На устройство каменныхъ службъ было затрачено 3465 р. (Монастыр. арх. дѣло № 125).

[3]) Ibid. дѣло № 134.

[4]) Ibid. дѣло № 138.

орнаменты и карнизы отличались художественностію работь. Всѣ поврежденныя части его были замѣнены новыми. Подъ нимъ устроенъ былъ фундаментъ изъ кирпича—желѣзняка на цементномъ растворѣ, покрытомъ, для предотвращенія проникновенія влаги изъ грунта, слоемъ асфальта. Весь иконостасъ въ одинъ ярусъ былъ возстановленъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ устроенъ въ 1825 году архитекторомъ Меленскимъ. Иконостасъ этотъ, запрестольный иконостасъ на горнемъ мѣстѣ, два жертвенника и четыре кіота были покрыты золотомъ, и вся иконная живопись въ нихъ была возобновлена. На шести главныхъ каменныхъ устояхъ храма и по стѣнамъ его въ рамахъ фресковой работы размѣщены были 49 иконописныхъ изображеній, сдѣланныхъ масляными красками по штукатуркѣ. Размѣщеніе священныхъ изображеній сдѣлано сообразно росписямъ ихъ въ древнихъ подлинникахъ. На аркахъ, въ нишахъ оконъ и дверей и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ храма размѣщены были разнаго рода цвѣтные орнаменты въ византійскомъ стилѣ. Стѣнная живопись хотя не академическая, но довольно искуссной кисти [1]), а орнаменты удачно выбраны изъ богатыхъ портфелей церковно-археологическаго общества, существующаго при академіи. Для увеличенія свѣта прорублено было новое большихъ размѣровъ окно въ главномъ алтарномъ абсидѣ, и, кромѣ того, устроена была металлическая посеребренная, а въ иныхъ мѣстахъ и вызлащенная одежда на престолъ. На покрытіе всѣхъ расходовъ по этому ремонту монастырь употребилъ болѣе 20 тысячъ рублей, образовавшихся изъ его сбереженій и нѣкоторыхъ частныхъ пожертвованій [2]).

Работы по возстановленію храма начаты были въ мартѣ 1891 года и окончены были того же года къ празднику Рождества

---

[1]) Всѣ живописныя работы были исполнены Стефаномъ Кіяшко. (Ibid. дѣло № 148).

[2]) Ibid дѣло № 148.

Христова, въ первый день котораго и начато было богослуженіе, къ утѣшенію всѣхъ посѣтителей Братскаго монастыря. Молящіеся не могли не почувствовать глубокой признательности къ преосвященному Сильвестру за приведеніе храма въ такой благолѣпный видъ, въ какомъ онъ еще не былъ видѣнъ со времени своего построенія.

Современное состояніе Братскаго монастыря.

Церкви и прочія зданія монастыря. Большая, Богоявленская церковь; ея внѣшній видъ и внутреннее убранство. Чудотворная икона Братской Божіей Матери. Святодуховская церковь; внѣшній и внутренній видъ ея. Колокольня. Остальныя монастырскія зданія въ оградѣ самого монастыря и т. н. штатномъ дворѣ.

Церковное имущество. Евангелія. Кресты напрестольные. Кресты ручные. Кресты наперсные. Чаши, дискосы и другіе церковные сосуды. Дарохранительницы. Митры. Монастырская библіотека.

Монастырскія имѣнія. Хуторъ Сподарецъ; его мѣстоположеніе и монастырское хозяйство въ немъ. Хуторъ Володарка. Хуторъ Церковщина. Часть т. н. Виленскаго озера, принадлежащая монастырю. Монастырскій сѣнокосъ на Оболони, за Почайною.

Братія монастыря и матеріальныя средства его. Составъ братіи. Уставъ и управленіе монастыря. Источники и количество доходовъ монастыря.

Особые обряды церковные, совершаемые въ Братскомъ монастырѣ. Пассіи. Обрядъ перенесенія вербы въ Лазареву субботу. Крестный ходъ на Днѣпръ 6-го января и 1 августа. Панихида 31 декабря по Петрѣ Могилѣ. Субботній акаѳистъ Божіей Матери. Нѣсколько словъ о Братскомъ хорѣ.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, что представляетъ собою Братскій монастырь въ данное время, чтобы дать болѣе или менѣе обстоятельное описаніе его, какъ онъ существуетъ въ настоящемъ,—для этого мы поставимъ нѣсколько частнѣйшихъ рубрикъ касательно этого предмета, которыя бы въ своей совокупности исчерпывали все содер-

жаніе его и въ тоже время служили бы для насъ руководительною нитью при рѣшеніи намѣченнаго вопроса. Въ виду этого, послѣднюю главу нашего сочиненія, посвященную описанію современнаго состоянія монастыря, мы думаемъ распредѣлить на нѣсколько частнѣйшихъ отдѣловъ, а именно: сначала мы думаемъ говорить *о церквахъ и прочихъ зданіяхъ монастыря,* затѣмъ *о церковномъ имуществѣ,* потомъ *о монастырскихъ имѣніяхъ,* затѣмъ *о братіи монастыря и матеріальныхъ средствахъ его* и, наконецъ, *объ особыхъ церковныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ немъ.*

Церкви и прочія зданія монастыря.

Въ Братскомъ монастырѣ двѣ церкви: одна большая, Богоявленская, и другая малая, Святодуховская.

Богоявленская церковь устроена въ византійскомъ стилѣ, на которомъ въ значительной степени отразилось вліяніе западной, частнѣе польско—нѣмецкой архитектуры [1]).

Совнѣ эта церковь представляетъ собою громадное четыреугольное зданіе въ два этажа, на которомъ высится пять вызлащенныхъ куполовъ, заканчивающихся гейдельбергскими главами и крестами съ сіяніемъ. Большой куполъ возвышается надъ срединою зданія, а меньшіе—по четыремъ краямъ его [2]). *По краямъ крыши* со всѣхъ сторонъ устроены

[1]) Слѣды этого вліянія сказываются въ слѣдующемъ: 1) архитектурный крестъ въ планѣ церкви удлиненъ къ западу, тогда какъ въ чисто византійскомъ стилѣ архитектурный крестъ во всѣ стороны имѣетъ одинаковую величину и если иногда удлиняется, то къ востоку, въ виду алтарныхъ абсидовъ. 2) Въ куполѣ—не круглый (какъ въ византійскомъ стилѣ), а многогранный фонарь, а паруса подъ основаніемъ купола замѣнены плоскими треугольниками. 3) Пилястры на внѣшней сторонѣ покрыты различными украшеніями, а чисто византійскій стиль не допускаетъ никакихъ украшеній на нихъ. 4) Лѣпныя украшенія на внѣшнихъ частяхъ храма въ стилѣ возрожденія. 5) Окна снабжены сплюснутыми перемычками и наличниками.

[2]) Во время пожара 1891 г. два восточныхъ купола обрушились и при возобновленіи церкви замѣнены были деревянными.

каменные парапеты,—съ южной и сѣверной стороны по три, а съ восточной и западной по одному. Всѣ парапеты украшены изображеніями Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ и разныхъ святыхъ. На восьмигранныхъ фонаряхъ всѣхъ пяти куполовъ помѣщены изображенія (на каждомъ по восьми) апостоловъ, пророковъ, святителей и др. Всѣ парапеты, западный фронтонъ церкви и пилястры снабжены лѣпными украшеніями, обнаруживающими игривые и смѣлые мотивы во вкусѣ Рококо. Къ западной сторонѣ церкви не на всемъ ея протяженіи, а посрединѣ, между тѣми частями ея, которыя поддерживаютъ западные куполы, пристроенъ одноэтажный притворъ. Вся лицевая его сторона, равно какъ и помѣщающійся надъ нимъ парапетъ, изящно отдѣланы указанными лѣпными украшеніями. На парапетѣ находится нѣсколько надписей на различныхъ языкахъ. На самомъ верху написано славянскими буквами: святъ, святъ, святъ. Ниже изображено всевидящее око съ надписью вокругъ по-еврейски и по-славянски: עֵינֵי יְהֹוָה אֶל צַדִּיקִים, очи Господни на праведныхъ. Нѣсколько ниже помѣщено изображеніе собора святыхъ и ангеловъ съ надписью вверху: „Господь во храмѣ святѣмъ своемъ", а по срединѣ этого изображенія приведенъ стихъ изъ 119 псалма по Вульгатѣ: Respice ad me et miserere mei prout est jus erga amantes nomen tuum. Между этими надписями въ равносторонемъ треугольникѣ начертано по-еврейски: יְהֹוָה. На сѣверной сторонѣ парапета помѣщено изображеніе Григорія Богослова, а на южной—Василія Великаго.

Внутри Богоявленская церковь представляетъ собою удлиненный отъ востока къ западу четыреугольникъ, расчлененный тремя парами параллельно идущихъ устоевъ на три корабля или нефа. Средній корабль вдвое шире и значительно выше боковыхъ. Надъ центромъ зданія возвышается величественный куполъ, вписанный въ восьмигранникъ, освѣщаемый восьмью окнами. Куполъ опирается на четыре

большія арки, перекинутыя на четыре среднихъ устоя. Шесть помѣщенныхъ внутри храма устоевъ раздѣляютъ площадь его на двѣнадцать четыреугольныхъ, нѣсколько растянутыхъ отъ востока къ западу, отдѣленій, изъ коихъ три восточныхъ, заканчивающихся полукруглыми абсидами, образуютъ собою алтарную часть, а остальныя девять назначены для помѣщенія народа. Съ полувысоты первой пары устоевъ (считая съ запада) перекинуты арки на прилегающія сѣверную, западную и южную стѣны и на вторую пару устоевъ, которые также соединяются арками съ прилегающими къ нимъ сѣверной и южной стѣнами. Вслѣдствіе подобнаго соединенія арокъ, церковь въ западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ отдѣленіяхъ раздѣляется по высотѣ своей на два этажа. Верхній этажъ—родъ гинекона—образуетъ собою въ западной сторонѣ хоры, а въ сѣверной и южной—придѣлы. Церковь освѣщается тремя ярусами оконъ. Въ нижнемъ ярусѣ помѣщено десять большихъ оконъ, въ среднемъ двадцать два нѣсколько меньшихъ, а въ верхнемъ восемь круглыхъ. Внутри храма у южной и сѣверной стѣнъ помѣщаются шесть изразцовыхъ печей. Съ западной стороны храма примыкаетъ притворъ съ тремя дверьми. Изъ притвора во внутрь храма ведетъ одна большая, окованная желѣзомъ дверь.

Въ среднемъ абсидѣ помѣщается главный Богоявленскій престолъ; въ южномъ предъалтаріи устроенъ придѣлъ во имя Іоанна Предтечи, а въ сѣверномъ находится діаконикъ. По линіи, отдѣляющей абсиды отъ средней части храма, стоитъ изящной работы одноярусный иконостасъ. Оригинальность этого иконостаса, въ каковой, по сравненіи его съ иконостасами другихъ кіевскихъ церквей, нельзя ему отказать, состоитъ преимущественно въ устройствѣ царскихъ вратъ. Эти врата состоятъ изъ пяти колоннъ Коринѳскаго ордена, на которыхъ помѣщается икона Благовѣщенія. Къ этимъ колоннамъ съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ два четыреугольныхъ столба съ капителями коринѳскаго ордена.

Царскія врата помѣщаются между двумя громадныхъ размѣровъ колоннами также Коринѳскаго ордена. Сверху этихъ колоннъ спускается расходящаяся на обѣ стороны деревянная золоченная занавѣсь, заканчивающаяся по обѣимъ сторонамъ изящно завязанными узлами, снабженными на концахъ кистями. Въ томъ мѣстѣ надъ царскими вратами, гдѣ занавѣсь расходится на обѣ стороны, помѣщается *въ сіяніи Ѳеофановъ Крестъ* [1]). Надъ этою занавѣсью расположена другая точно такая же, но меньшихъ размѣровъ. Далѣе вверху помѣщается бѣлый, выдающійся впередъ, архитравъ, съ золоченными ажурными орнаментами. Надъ нимъ высится изображеніе Тайной Вечери. Верхъ образуетъ точно такой же, но меньшихъ размѣровъ, архитравъ, на которомъ въ сіяніи стоитъ чаша. Точно такого же устройства, но меньшихъ размѣровъ, царскія врата въ Предтеченскомъ придѣлѣ и въ діаконикѣ.

Въ иконостасѣ главнаго алтаря иконы размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ. По обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ находятся намѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери въ серебряныхъ суто-вызлащенныхъ ризахъ и такихъ же вѣнцахъ. На ризѣ иконы Богоматери стоитъ слѣдующая надпись: „Родъ Іони Лещинского Архимандрита Андроніевскаго монастыря Стефана Евдокію Пангкратію, Іоанна, Ѳеодора, Іерея Григорія, Іоанна, Іерея Іакова, Андрея Іоанна, Марію Параскевію, тогожъ Архимандрити сія Богородичная рыза и намѣстнаго, Спасителя, соружися Коштомъ 1751 года мѣсяца януарія 7“.

Вторая справа—храмовая икона Богоявленія Господня въ серебряной ризѣ московской работы, сдѣланной при архимандритѣ Антоніѣ на средства московскаго жителя Павла Бородина.

---

[1]) Для удобства изложенія описаніе его мы помѣстимъ ниже, когда будемъ говорить о ризницѣ монастыря.

На томъ же мѣстѣ, слѣва—икона Благовѣщенія въ серебряной ризѣ. На послѣдней помѣщена такая надпись: „Въ честь и славу Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи сдѣлана риза сія 1794 года въ ней сребра вѣсу фу: 21 безъ 6 лотовъ на позолоту 16 червонцевъ сребра пробы 12“.

Надъ царскими вратами въ иконостасѣ Предтеченскаго придѣла помѣщается нерукотворенный образъ, а выше него изображеніе рожденія Іоанна Предтечи. По сторонамъ царскихъ вратъ—намѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, а вправо—храмовая икона Іоанна Предтечи въ мѣдной посеребренной ризѣ съ серебрянымъ вѣнцомъ.

Подобнымъ же образомъ размѣщены иконы и въ иконостасѣ сѣвернаго предъалтарнаго отдѣленія, гдѣ находится діаконикъ. Надъ царскими вратами помѣщенъ нерукотворенный образъ и икона Воздвиженія Креста. По сторонамъ вратъ—намѣстныя иконы и икона святителя Димитрія Ростовскаго въ серебряной ризѣ.

Что касается предъалтарныхъ иконостасовъ придѣловъ, помѣщающихся на хорахъ въ южной и сѣверной сторонѣ ихъ, то они самаго незатѣйливаго устройства.

Иконостасъ южнаго придѣла, устроеннаго во имя св. Димитрія Ростовскаго, можно представить въ такомъ видѣ. По срединѣ его—царскія врата рѣзной работы, вызолоченныя, устроенныя въ видѣ большаго креста съ сіяніемъ вокругъ. На нихъ помѣщаются изображенія: Богоматери, архангела Гавріила и четырехъ евангелистовъ, а выше царскихъ вратъ находится изображеніе Духа Святаго въ видѣ голубя. По сторонамъ царскихъ вратъ—намѣстныя иконы, справа—храмовая икона св. Димитрія Ростовскаго, а слѣва—священномученика Климента. Вверху иконостаса, въ видѣ втораго яруса его, размѣщены слѣдующія иконы: Тайная вечеря, Богоявленіе, Рождество, архангелы Михаилъ и Гавріилъ. Въ промежуткахъ между иконами находятся рѣзныя

изображенія: чаши, креста, евангелія, скрижалей завѣта съ жезломъ Аароновымъ и зміемъ, вознесеннымъ на крестъ. Надъ Тайною Вечерею водруженъ деревянный позолоченный крестъ.

Точно въ такомъ же родѣ сдѣланъ иконостасъ и въ придѣлѣ свв. Княгини Ольги и Равноапостольнаго князя Владиміра. Въ первомъ ярусѣ его, кромѣ намѣстныхъ иконъ, помѣщены справа—храмовая икона, а слѣва—икона св. Михаила, перваго митрополита кіевскаго. Второй ярусъ его составляютъ иконы, изображающія: Тайную Вечерю, Срѣтеніе Господне и Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы. Надъ иконою Тайной Вечери водруженъ крестъ съ двумя колѣнопреклоненными ангелами.

Въ главномъ алтарѣ Богоявленской церкви обращаетъ на себя вниманіе горнее мѣсто. Это сплошной, рѣзной работы, вызолоченный по бѣлому фону кіотъ, занимающій всю полукруглую запрестольную часть алтаря. Въ этомъ кіотѣ помѣщаются слѣдующія иконныя изображенія: по рединѣ—Спасителя, сидящаго на тронѣ, а по сторонамъ—Божіей Матери, Іоанна Богослова, Іакова, брата Господня, Іоанна Предтечи, апостоловъ Петра и Андрея. Надъ Спасителемъ вверху—изображеніе Бога Отца со Св. Духомъ, надъ апостоломъ Петромъ—первое явленіе Христа міру, а надъ Іоанномъ Богословомъ—явленіе Христа по воскресеніи двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ. Послѣднія три иконныхъ изображенія—небольшихъ размѣровъ. Каждая изъ большихъ иконъ въ кіотѣ отдѣлена отъ другой колонною коринѳскаго ордена, обвитою золоченными кистями винограда.

Въ средней части храма, въ правой и лѣвой сторонѣ его, подъ арками, соединяющими собою первую и вторую пару устоевъ (считая съ запада), находится два вызлащенныхъ кіота, очень изящной рѣзной работы. Верхняя часть каждаго изъ кіотовъ, устроенная въ видѣ балдахина, покоится на восьми вызолоченныхъ колоннахъ коринѳскаго ор-

дена, живописно расположенныхъ въ два ряда. Между ними поднимается мраморная лѣстница въ нѣсколько ступеней. Оба кіота ограждены чугунными рѣшетками, снабженными мѣдными розетками для свѣчей. Въ правомъ (южномъ) кіотѣ находится чудотворная икона Братской Богоматери, а въ лѣвомъ (сѣверномъ) икона святителя Николая.

Чудотворная икона Братской Божіей Матери—южнорусскаго письма. Написана она на холстѣ, наклеенномъ на деревянной доскѣ. Вышина ея равна 1 ар. 14 верш., а ширина—1 арш. 6 верш. Богоматерь изображена съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Икона оправлена въ серебряную, вызлащенную шату, украшенную драгоцѣнными камнями. Главы Богоматери и Младенца, кромѣ вѣнцовъ, украшены коронами. На коронѣ Богоматери прикрѣпленъ серебряный крестъ съ двѣнадцатью небольшими бриллiантами, ниже креста бриллiантъ величиною въ горошину, обсаженный двѣнадцатью мелкими бриллiантами. По сторонамъ его размѣщены двѣ малыя серьги, каждая съ 8 мелкими бриллiантами, и ниже ихъ двѣ большiя серги, каждая съ 20 мелкими бриллiантами, а также два бирюзовыхъ камня, обдѣланныхъ въ золотыя звѣзды. Вокругъ каждаго камня насажено по одиннадцати небольшихъ бриллiантовъ. Тамъ же находится фермуаръ съ топазомъ желтаго цвѣта, усѣянный вокругъ мелкими алмазами. Подъ фермуаромъ помѣщенъ перстень съ топазомъ темнаго цвѣта, украшенный вокругъ также мелкими алмазами. Ниже перстня находится аметистъ неопредѣленнаго цвѣта, продолговатой формы, осыпанный вокругъ въ два ряда мелкими бриллiантами, между которыми выдается рядъ крупныхъ бриллiантовъ (около двадцати). Нижняя часть короны украшена серебряною звѣздочкою и розеткою изъ бирюзы, усѣянными мелкими бриллiантами и алмазами. Кромѣ того, корона усажена простыми камнями разнаго цвѣта и величины. Ниже короны на серебряномъ одѣянiи помѣщенъ овальный аметистъ, усѣянный вокругъ

мелкими бриллiантами. На шеѣ Богоматери—ожерелье, унизанное жемчугомъ, бусами и разной величины простыми разноцвѣтными камнями, а на плечѣ ея—звѣзда изъ бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ стразовъ. На коронѣ Предвѣчнаго Младенца двѣнадцать простыхъ камней разной величины и цвѣта и фермуаръ, украшенный мелкими гранатами. На груди Его виднѣется аметистъ, усѣянный мелкими алмазами.

Икона эта прежде была въ Вышгородѣ, въ храмѣ св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Въ 1651 г., во время войны Богдана Хмѣльницкаго съ Польшею, князь Янушъ Радзивиллъ, сжегши Кiево-Подолъ, подошелъ къ Вышгороду и здѣсь переправился за Днѣпръ. Одинъ изъ его воиновъ вошелъ въ вышгородскiй храмъ, много глумился надъ святыми иконами и потомъ въ безумной злобѣ уязвилъ оружiемъ въ лице икону Божiей Матери. Язва эта, идущая отъ брови лѣваго глаза почти чрезъ всю правую щеку, видна на ликѣ Богоматери до настоящаго времени. Въ туже ночь Божiя Матерь явилась Радзивиллу во снѣ и грозно потребовала смерти воина, такъ святотатственно уязвившаго икону: „аще, рече, обиду мою стерпиши и уязвленiя, княже, не отмстиши, да вѣси, яко не изыдеши отсюду“. На другой день Радзивиллъ вспомнилъ о бывшемъ ему во снѣ видѣнiи и, сожалѣя о поруганiи святыни, приказалъ повѣсить безбожнаго святотатца и вышелъ изъ Вышгорода невредимъ, не сдѣлавъ и Вышгороду никакого вреда. Въ 1662 году Вышгородъ былъ крымскими татарами сожженъ, и церкви его разграблены, а икона Богоматери чудеснымъ образомъ приплыла поДнѣпру къ берегамъ Кiево-Подола и остановилась противъ Братскаго монастыря. Отсюда она была взята братскими иноками и съ тѣхъ поръ пребываетъ въ нашемъ монастырѣ, будучи извѣстна подъ именемъ иконы Братской Божiей Матери и привлекая къ себѣ на поклоненiе толпы богомольцевъ [1]).

[1]) Вышгородъ и его святыня. Свящ. Ѳ. Маниковскаго. Кiевъ. 1830 г. стр. 34—35.

Икона святителя Николая также южно-русскаго письма. Она пожертвована въ монастырь въ 1632 г. Семеномъ Татариномъ [1]). Она оправлена въ сребро-вызлащенную ризу, вѣсомъ въ 37 фунтовъ и 84 золотника. Архіерейская митра на головѣ святителя украшена простыми разноцвѣтными камнями, а въ рукахъ его находится небольшое евангеліе съ малыми перламутровыми изображеніями четырехъ евангелистовъ по краямъ и изображеніемъ Воскресенія по срединѣ. Риза эта сооружена купцомъ Николаемъ Григорьевичемъ Хряковымъ.

Вся церковь внутри, по стѣнамъ, сводамъ и устоямъ расписана священными изображеніями, сдѣланными масляными красками по сухой штукатуркѣ. А всѣ свободныя мѣста между этими изображеніями заполнены разнообразными орнаментами. Размѣщеніе священныхъ изображеній сдѣлано сообразно росписямъ ихъ въ древнихъ подлинникахъ. А образцы орнаментовъ заимствованы изъ сборника византійско-русскихъ орнаментовъ князя Гагарина.

Богоявленская церковь сооружена въ концѣ XVII вѣка на средства гетмана Ивана Мазепы московскимъ мастеромъ Іосифомъ Дмитріевымъ. Во время пожара 1811 года она совершенно обгорѣла снаружи и внутри. Вмѣстѣ съ прочею утварью сгорѣлъ тогда и первоначальный иконостасъ. Каковъ онъ былъ по своему устройству—осталось неизвѣстнымъ. При обновленіи церкви, устроенъ былъ около 1825 г. новый иконостасъ одноярусный, каковой возстановленъ при преосвященномъ Сильвестрѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ. При такомъ устройствѣ иконостаса алтарныя арки оставались открытыми. На запрестольной стѣнѣ виднѣлась широкая, хорошей живописи, картина Тайной Вечери. Стѣны всей церкви были покрашены коричневой клеевой краской съ орнаментировкой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ видѣ рамъ и колоннъ. Храмъ не имѣлъ печей, почему въ зимнее время

[1]) Прилож. № V.

богослуженіе въ немъ не совершалось, кромѣ служенія акаѳистовъ по субботамъ предъ чудотворной иконой Божіей Матери. При архимандритѣ Іереміи, въ 1840 г., установлено было—22 октября, послѣ малой вечерни, переносить на зимнее время и чудотворный образъ въ Святодуховскую церковь, въ которой совершались всѣ службы зимняго времени до выноса изъ нея плащаницы въ великій пятокъ. При архимандритахъ Димитріѣ и Антоніи, съ 1849 по 1851 годъ, одноярусный иконостасъ былъ дополненъ тремя ярусами иконъ, наставленными надъ нимъ вплоть до сводовъ по образцу многоярусныхъ иконостасовъ, о чемъ многіе тогда же пожалѣли, такъ какъ разница въ стилѣ стараго иконостаса и его верхнихъ дополненій рѣзко бросалась въ глаза, а съ закрытіемъ алтарныхъ арокъ сокращался и измѣнялся внутренній видъ храма. Въ послѣдующее затѣмъ время произведены были еще нѣкоторыя измѣненія въ этомъ храмѣ. Такъ, при Филаретѣ устроенъ былъ рѣзной съ позолотою иконостасъ въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, причемъ задѣлано было большое алтарное окно вслѣдствіе чего алтарь погрузился въ полумракъ; стѣны средней части храма украсились изображеніями нѣкоторыхъ святителей на холстѣ во весь ростъ, въ золоченныхъ рамкахъ, при этомъ вынесена была изъ церкви украшенная рѣзьбою и иконами, съ золоченнымъ балдахиномъ, проповѣдническая каѳедра, находившаяся у столба лѣваго клироса. При преосвященномъ Михаилѣ старинный холодный полъ изъ чугунныхъ плитъ былъ замѣненъ деревяннымъ изъ большихъ дубовыхъ квадратовъ и устроены были печи, благодаря чему открылась возможность совершать здѣсь богослуженіе въ теченіе цѣлаго года. Въ такомъ видѣ храмъ этотъ оставался до минувшаго 1891 года, когда въ немъ былъ произведенъ послѣдній ремонтъ.

Святодуховская церковь нашего монастыря представляетъ собою двухэтажный, немного растянутый отъ востока къ западу, домъ, къ которому впослѣдствіи, когда въ его продоль-

ныхъ стѣнахъ устроены были отверстія на подобіе арокъ, сдѣланы были со всѣхъ сторонъ одноэтажныя пристройки. Такимъ образомъ получился родъ трехнефной базилики, среднее пространство которой вдвое выше и шире двухъ боковыхъ. На противоположной алтарю сторонѣ устроены хоры. Церковь освѣщается тридцатью окнами, но, не смотря на это, въ ней все же чувствуется недостатокъ въ освѣщеніи.

Эта церковь-двухпрестольная. Главный престолъ—во имя Сошествія Св. Духа, а придѣльный, помѣщающійся въ сѣверномъ предъалтаріи,—во имя святителя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго.

Иконостасъ предъ главнымъ алтаремъ рѣзной работы, вызолоченный. Онъ устроенъ въ одинъ ярусъ съ двумя рядами иконъ. Въ первомъ ряду царскія врата съ шестью находящимися на нихъ изображеніями: Благовѣщенія, четырехъ евангелистовъ и двухъ пророковъ—Исаіи и Іезекіиля, намѣстныя иконы Спасителя и Богоматери и иконы—храмовая Сошествія Св. Духа и пророка Иліи. Во второмъ ряду помѣщаются слѣдующія малыя иконы: Тайная Вечеря, Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Рождество Пресвятой Богородицы, Введеніе во храмъ и Благовѣщеніе. Всѣ иконы въ обоихъ рядахъ оправлены въ золоченныя рамы. Вверху надъ иконостасомъ на деревянной дугѣ помѣщены: явленіе Христа ап. Павлу, апостолы Петръ и Павелъ, жертвоприношеніе Исаака, Моѵсей, принимающій скрижали, Моѵсей и Ааронъ и видѣніе Іаковомъ лѣствицы.

Придѣльный иконостасъ—одноярусный. Царскія врата, помѣщающіяся въ срединѣ его, украшены изображеніями Богоматери, евангелистовъ и архангела Гавріила. По обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ находятся намѣстныя иконы и храмовая икона святителя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго. Икона эта оправлена въ серебряную ризу, пожертвованную въ 1880 г. купцомъ Дегтяревымъ, на средства же котораго и весь иконостасъ былъ возобновленъ въ 1890 г. Вверху

иконостасъ увѣнчивается вызлащеннымъ крестомъ, по сторонамъ котораго помѣщены двѣ круглыя иконы—Воскресенія и всѣхъ святыхъ.

Къ главному иконостасу съ южной стороны примыкаетъ вызолоченный рѣзной кіотъ съ четырьмя иконами: святителя Николая, Анны пророчицы, Іоанна Крестителя и пророка Иліи. Въ срединѣ между этими иконами помѣщается изображеніе Братской Божіей Матери (безъ язвы на ликѣ).

Въ различныхъ частяхъ храма, на стѣнахъ, аналояхъ, размѣщено множество иконъ; но всѣ онѣ не имѣютъ за собою никакой древности, не восходятъ далѣе XIX столѣтія, оправлены въ простые, недорогіе оклады, по большей части въ вызлащенныя рамы, и потому мы не будемъ упоминать о нихъ.

Святодуховская церковь устроена на мѣстѣ бывшей Борисоглѣбской, сооруженной Петромъ Могилою и упраздненной по закрытіи монастыря. Она устроена при архимандритѣ Мелетіѣ въ нижнемъ этажѣ трапезнаго помѣщенія, къ которому впослѣдствіи сдѣланы были пристройки въ одинъ этажъ. При настоятелѣ Антоніѣ, на средства духовника Арсенія, пристройки эти увеличены были до тѣхъ размѣровъ, какіе онѣ имѣютъ въ настоящее время. А при Филаретѣ алтарь въ этой церкви устроенъ былъ въ два свѣта.

Ходъ въ Братскій монастырь устроенъ чрезъ колокольню, которая стоитъ между стѣнами монастыря въ западной сторонѣ его. Колокольня построена въ три этажа и завершается вызлащеннымъ шпицемъ и такимъ же крестомъ. Вмѣстѣ съ крестомъ и шпицемъ она имѣетъ 29 саженъ высоты, а безъ нихъ—26 саж. $^1/_4$ арш. На второмъ этажѣ ея помѣщается девять колоколовъ. Самый большій изъ нихъ, праздничный, вѣситъ 370 пудовъ 20 фунтовъ. Онъ сооруженъ въ 1851 году. Второй колоколъ, такъ называемый поліелейный, вѣсомъ въ 95 пудовъ, сооруженъ въ 1829 году, при архимандритѣ Смарагдѣ. Третій носитъ наваніе буденника, въ немъ вѣсу 40 пуд.

17 ф. Четвертый колоколъ постовой, вѣсомъ 21 п. 35 фун., вылитъ онъ въ 1828 г., при архимандритѣ Кириллѣ. Остальные пять колоколовъ—небольшихъ размѣровъ; на большемъ изъ нихъ можно разобрать такую надпись: „сей дзвонъ есть Кіевомогилянскій сдѣланъ за преп. отца префекта Іларіона Левицкого Anno MDCCXXVII“ [1]).

Братская колокольня устроена на мѣстѣ прежде бывшей деревянной, обветшавшей. Она начата строеніемъ съ 1756 года; но вскорѣ работы по сооруженію ея, которыя были поручены мастеру Стефану Ковнѣру, за недостаткомъ средствъ, были прекращены. Она была достроена уже при архимандритѣ Ѳеофилактѣ Слонецкомъ, въ 1796 г., мастеромъ Ѳеодоромъ Рябчиковымъ. Послѣ пожара 1811 г. она была обновлена.

Что касается остальныхъ монастырскихъ зданій, то о нихъ немногое можно сказать.—Настоятельскій домъ съ принадлежащею къ нему поварней устроенъ балъ при архимандритѣ Кассіанѣ Лехницкомъ. Монастырская трапезная и кухня—постройки второй половины XVIII вѣка, обновленныя послѣ пожара 1811 года. Домъ близъ колокольни, въ которомъ теперь помѣщается булочная, болѣе ранней постройки. Монастырскія лавки, примыкающія къ колокольнѣ съ сѣверной

---

[1]) Одинъ изъ малыхъ колоколовъ пожертвованъ былъ замѣчательною въ своемъ родѣ личностію—Гавріиломъ, извѣстнымъ канцелярскимъ служителемъ. Этотъ Гавріилъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Гаврилки, былъ подаренъ какимъ-то помѣщикомъ Якову Козьмичу Амфитеатрову, по смерти котораго онъ былъ отпущенъ на волю и поступилъ въ канцелярію служителемъ. Онъ былъ записной служака: какъ опытный въ обращеніи съ канцелярскими бумагами, онъ иногда указывалъ молодымъ баккалаврамъ, гдѣ имъ подписываться на бумагахъ, опасаясь, чтобы они не нарушали правилъ субординаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользовался вполнѣ заслуженною славою хорошаго цвѣтовода; вся канцелярія при немъ была заставлена цвѣтами, преимущественно пальмами, которыя онъ особенно искусно разводилъ. Онъ между прочимъ купилъ небольшой колоколъ для братской колокольни. Но не любившій его намѣстникъ не позволилъ звонить въ этотъ колоколъ. Гаврилка былъ огорченъ этимъ и обратился съ жалобою къ настоятелю, который, разобравъ дѣло, отмѣнилъ распоряженіе намѣстника.

стороны, устроены при архимандритѣ Мелетіѣ, въ 1826 г. Палата (провіантная) также сооружена по возобновленіи монастыря. Нижній этажъ корпуса, въ которомъ помѣщаются монашествующіе, устроенъ при возобновленіи монастыря въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, а верхній этажъ этого корпуса надстроенъ при преосвященномъ Филаретѣ. При немъ же, въ 1862 г., устроенъ и небольшой домъ, находящійся въ сѣверо-восточномъ углу монастырской усадьбы, гдѣ теперь помѣщается просфорня [1]).

Съ восточной стороны монастыря, отдѣленный отъ него Волошскою улицею, находится черный дворъ его, иначе называемый штатнымъ [2]). Всѣ постройки на немъ сдѣланы при преосвященномъ Сильвестрѣ, кромѣ деревяннаго обветшавшаго дома, выходящаго на улицу, который послѣ нѣсколькихъ ремонтовъ, сохраняетъ свой первоначальный видъ, какой данъ ему въ 52 году нашего вѣка.

Церковное имущество.

Мы не будемъ говорить о всѣхъ статьяхъ церковнаго имущества, упомянемъ лишь о ризницѣ и библіотекѣ.

Изъ вещей въ монастырской ризницѣ заслуживаютъ вниманія:

А. Евангелія:

1) Евангеліе въ большой листъ, московской печати 1637 года, пожертвованное, какъ значится въ надписи на

[1]) Монастырскіе солнечные часы устроены извѣстнымъ знатокомъ математики, бывшимъ профессоромъ академіи Ив. Мих. Скворцовымъ, а колодезь, осѣненный четырьмя стройными тополями, сдѣланъ при архимандритѣ Іереміи Соловьевѣ.

[2]). Такъ онъ названъ потому, что послѣ отобранія монастырскихъ имуществъ онъ остался въ штатѣ недвижимой собственности монастыря и здѣсь жили слуги монастыря, оставленные ему въ штатѣ изъ бывшихъ крѣпостныхъ и называвшіеся штатными. Они получили волю при общемъ освобожденіи крестьянъ въ 1861 г., но нѣкоторые изъ нихъ изъявили желаніе остаться на службѣ въ монастырѣ.

окладѣ, Иваномъ Негребецкимъ въ 1641 г. Обложено оно по красному бархату серебрянымъ низкопробнымъ окладомъ съ гравированными изображеніями на верхней доскѣ по угламъ четырехъ евангелистовъ, а по срединѣ распятія Спасителя съ четырмя по сторонамъ малыми изображеніями: воскрешенія Лазаря, Рождества Христова и страданій Его. Гравированныя изображенія находятся и на нижней доскѣ евангелія: по срединѣ—Богоявленіе Господне, а вокругъ—положеніе во гробъ Спасителя, Благовѣщеніе и четыре святителя. На загнутомъ краѣ оклада верхней доски этого евангелія читаемъ слѣдующую надпись: „Сие священное евангелие сробиси иждивеніемъ оковати сребромъ златною хитростию повели благочестивый панъ Иванъ Негребецки съ съпружницею своею панею Елисаветою и дарова въ святий общежителный монастыр Братскій Киевскій во храмъ Богоявления Бога Нашего Іисуса Христа въ память себѣ и родителем своимъ“. На загнутомъ краѣ нижней доски обозначена слѣдующая дата: „въ лѣто 1641 г. мѣсяца априля 21 дня“. На этой же доскѣ вверху стоятъ иниціалы (вѣроятно) именъ жертвователей: I. Z. N. N.

2) Евангеліе въ большой листъ, московской печати 1644 года, безъ заглавія, обложено по красному бархату низкопробнымъ серебрянымъ вызлащеннымъ окладомъ, съ чеканными изображеніями на верхней доскѣ: по срединѣ Богоматери съ Спасителемъ на рукахъ, а по угламъ четырехъ евангелистовъ и серафимовъ. Внизу изображенія Богоматери стоитъ надпись: „восъ лонци (нужно читать: во солнцѣ) положи селеніе свое“. На нижней доскѣ посрединѣ изображено распятіе Спасителя съ стоящею при крестѣ Богоматерью и апостоломъ Іоанномъ, а вокругъ размѣщено шесть серафимовъ.

3) Евангеліе въ листъ, печерской печати 1697 года, обложено по зеленому бархату низкопробнымъ серебрянымъ окладомъ, съ чеканными на верхней доскѣ изображеніями по срединѣ Спасителя, а по угламъ четырехъ евангелистовъ, на нижней же по срединѣ Божіей Матери, по угламъ серафимовъ.

4) Евангеліе въ большой листъ, печерской печати, приблизительно 1707 года, обдѣлано въ низкопробныя серебряныя доски, на которыхъ съ лицевой стороны укрѣплены пять большихъ и четыре малыхъ финифта, съ изображеніями на большихъ Воскресенія и евангелистовъ, а на малыхъ—Бога Отца и страданій Спасителя. На нижней доскѣ помѣщено гравированное изображеніе священномученика Харлампія съ польско-латинскою надписью: „Aprela Dnia 18 Anno 1716 yoann Darowskiy“. Это евангеліе поступило въ нашъ монастырь изъ гамалѣевскаго монастыря. По всей вѣроятности оно сооружено гетманомъ Скоропадскимъ, ктиторомъ этого монастыря.

5) Евангеліе въ большой листъ, московской печати 1744 года, обложенное по красному бархату серебрянымъ окладомъ съ чеканными изображеніями. На верхней доскѣ распятія Спасителя и евангелистовъ, а на нижней Іоанна Златоустаго. На поляхъ перваго листа этого евангелія стоитъ слѣдующая надпись: „Святое евангеліе отъ преосвященнаго Архіепископа Митрополита Арсенія Кіевскаго и Галицкаго и малыя Россіи 1761 года іюня 19 Милостиво мнѣ подарованное в повсегдашнее употребленіе для поминовенія матеры моей Θеодосіи въ Кыевскый Братскый свято Богоявленскый училищный монастырь, Кыевскыя Академіи Префектъ и философіи учитель іеромонахъ Мелхиседекъ Орловскый. 1761 года 20 дня“.

6) Евангеліе въ большой листъ, московской печати 1758 года, въ низкопробномъ серебряномъ окладѣ съ финифтяными изображеніями на верхней доскѣ—Спасителя и евангелистовъ, а на нижней—Распятія, Пресвятыя Богородицы и древа съ корнемъ Іессеевымъ. Послѣднее представлено такимъ образомъ: отъ лежащаго внизу Іессея идутъ древесныя вѣтви въ три ряда помѣщающимися одни на другихъ изображеніями ветхозавѣтныхъ царей. На заворотѣ верхней доски евангелія помѣщена такая надпись: „Сие евангеліе далъ у вкладу в Кіево брадтской

училищной богоявленской монастырь архимандритъ Иларіонъ Лазаревичъ 1762 года генваря 27".

7) Евангеліе (in 2 fol), московской печати 1759 г., обложено темнозеленымъ бархатомъ, окладъ низкопробнаго серебра съ чеканными изображеніями на верхней доскѣ—Преображенія и евангелистовъ, а на нижней Благовѣщенія. Въ немъ вѣсу больше пуда.

8) Евангеліе въ большой листъ, печерской печати 1707 года, въ окладѣ низкопробнаго серебра, съ чеканными изображеніями на верхней доскѣ—евангелистовъ и Распятія, подъ которымъ написано: „не судихъ ино что видѣти, точію Христа и сего распята". Распятіе окружено двѣнадцатью миніатюрными изображеніями разныхъ обстоятельствъ изъ исторіи страданій Спасителя. На нижней доскѣ помѣщены изображенія Богоматери, Іоанна Златоустаго, священномученика Харлампія (вѣроятно это евангеліе поступило изъ гамалѣевскаго Харлампіева монастыря) и великомученицъ Іуляніи и Анастасіи.—Послѣднія два евангелія стоятъ на главномъ престолѣ большой церкви.

Б. Кресты напрестольные.

1) Крестъ съ пьедесталомъ, серебряный позолоченный, чеканной работы, съ изображеніями на лицевой сторонѣ: Распятія, Богоматери, Іоанна Богослова, положенія во гробъ Спасителя и сошествія Его во адъ. Крестъ этотъ на лицевой сторонѣ украшенъ шестью жемчужинами, изъ коихъ средняя обложена мелкими алмазами. На оборотной сторонѣ его помѣщенъ гербъ жертвователя Кіевскаго митрополита Петра Могилы съ иниціалами П. М. А. М. К. Г. А. П. А. На пьедесталѣ находится три литыхъ и три чеканныхъ ангела и восемь чеканныхъ изображеній страданій Спасителя. Въ крестѣ вѣсу съ желѣзнымъ прутомъ и гайками 32 ф. 20 лот.

2) Крестъ гладкой работы съ пьедесталомъ, сребровызлащенный, съ пятью бѣлыми овальными стеклами, размѣщен-

ными на концахъ и по срединѣ его. На одной сторонѣ креста, въ видѣ гравюры, помѣщено изображеніе Богоявленія, а на другой—Богоматери съ Младенцемъ, Іоанна Крестителя и святителей: Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Внизу на поддоникѣ вырѣзана слѣдующая надпись: „Я Григорій Ѳеодорович и с женою своею Ориною и чадомъ свои Евстафие надавъ сей крестъ до храму святого Богоявленія Братской церкви за отпущеніе грѣхов своих. Року Божого 1656 м-ца ноембрія 5".

В. Кресты ручные:

1) Крестъ, которымъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ благословилъ въ 1620 году Братскій монастырь и училище при немъ. Крестъ этотъ кипарисный, греческой работы, украшенъ со всѣхъ сторонъ рѣзными священными изображеніями, которыя въ своей совокупности представляютъ весь кругъ праздниковъ нашей церкви, оправленъ въ серебро и убранъ по мѣстамъ цвѣтными камешками, большей части которыхъ теперь не достаетъ. Длина его съ ручкою $11^{1}/_{4}$ вершка, а безъ ручки—$7^{1}/_{4}$, онъ имѣетъ двѣ перекладины, изъ которыхъ верхняя (въ 4 вершка) нѣсколько длиннѣе нижней, а при самомъ концѣ у ручки съ обѣихъ сторонъ прикрѣплено какъ-бы два листа, вырѣзанныхъ изъ дерева, почему весь крестъ и представляется восьмиконечнымъ, хотя онъ значительно разнится отъ извѣстныхъ у насъ восьмиконечныхъ крестовъ. Рѣзныя изображенія на немъ размѣщены въ такомъ порядкѣ. На верхней сторонѣ находится двѣнадцать слѣдующихъ изображеній: (по длинѣ, сверху внизъ)—входъ въ Іерусалимъ, Распятіе, снятіе со креста, Вознесеніе, воскрешеніе Лазаря, Успеніе, (по сторонамъ)—Сошествіе Св. Духа, сошествіе Христа во адъ, бесѣда Христа съ самарянкою, омовеніе ногъ, (на листкахъ)—лѣствица на небо, по которой одни достигаютъ неба, а другіе, увлекаемые демонами, низвергаются, и взятіе Иліи на небо. Столько же изображеній помѣщено и на нижней

сторонѣ креста: (по длинѣ)—Введеніе Богородицы во храмъ, Рождество, Срѣтеніе, Тайная Вечеря, ап. Ѳома, осязающій раны Христа, воздвиженіе креста Господня, (по сторонамъ)—Благовѣщеніе, Крещеніе Спасителя, исцѣленіе слѣпорожденнаго, предательство Іуды въ саду геѳсиманскомъ, (на листахъ)—древо Праотцевъ и Богоотцевъ. Есть еще изображерія и на боковыхъ сторонахъ креста: (по одну сторону)—три отрока въ вавилонской пещи, ангелъ, подающій съ неба свитокъ пророку, два евангелиста, три ангела за трапезою Авраама; (по другую сторону)—жертвоприношеніе Исаака, лѣствица, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ, два евангелиста и пророкъ Даніилъ среди львовъ. На шестигранной серебряной ручкѣ вычеканена славянскими буквами слѣдующая надпись: „Съ крестъ дрѣвено сътвори Богомъ въждел̂ѣному кѵру Ѳеофану митрополиту покоинаго (?) въ святаа гора и украси е съ златомъ богорачительная царица влашской земли госпожа Нѣга въ память себѣ и родителямъ ея лѣта 7108“.

2) Крестъ, пожертвованный въ 1622 году гетманомъ Сагайдачнымъ. Онъ сдѣланъ изъ серебра и украшенъ девятью простыми камнями съ гравированнымъ изображеніемъ на лицевой сторонѣ Распятія. На немъ вырѣзана надпись такого содержанія: „року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божій Петр Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска его К. М. Запорозского до церкви светаго Богоявленія Господня въ домъ братскій на отпущеніе грѣховъ своихъ“. Въ немъ вѣсу $2^1/_2$ фунта.

3) Крестъ сребровызлащенный и украшенный равноцвѣтными простыми камнями съ шестью финифтяными на лицевой сторонѣ обычными изображеніями. На немъ надпись: „крестъ сей сдѣланъ изъ церковнаго серебра 1825 г. мая 15 дня, при архимандритѣ Мелетіѣ“. Онъ вѣситъ 1 ф. 35 зол.

4) Крестъ сребровызлащенный и украшенный стразами и обычными финифтяными изображеніями. На оборотной сто-

ронѣ помѣчено: „отъ полковника Леонтія Сухоцкаго". Въ немъ вѣсу 94½ зол.

Г. Кресты наперсные:

1) Крестъ, пожертвованный въ 1860 году архимандритомъ Іоанникіемъ, теперь Высокопреосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ. Онъ сдѣланъ изъ серебра и украшенъ зелеными стеклами, стразами и финифтянымъ изображеніемъ Распятія. Вмѣстѣ съ серебрянною цѣпочкою въ немъ вѣсу 34 зол.

2) Золотой наперсный крестъ на серебряной цѣпочкѣ, съ финифтянымъ изображеніемъ великомученицы Екатерины, украшенный пятью изумрудами, двѣнадцатью аметистами и мелкими рубинами. На концѣ его помѣщена серебряная привѣска, обложенная восемью мелкими алмазами и аметистомъ. Съ серебряною цѣпочкою крестъ вѣситъ 33 золотника.

Д. Чаши, дискосы и другіе церковные сосуды:

1) Чаша сребровызлащенная съ шестью гравированными на верхней части изображеніями: распятія Спасителя, снятія Его со креста, положенія во гробъ, Воскресенія, Вознесенія и Спасителя со крестомъ; на нижней части помѣщено изображеніе—хитона, сердца и кувшина. На подставкѣ чаши написано: „Сей сосудъ надала Госпожа игумения Марія Магдалина Мазепина". На сребровызлащенной Звѣздицѣ, принадлежащей къ этой чашѣ, стоитъ монограмма, вѣроятно, жертвовательницы.

2) Чаша сребровызлащенная, въ серебряной чеканной сѣткѣ, съ двумя чеканными на верхней части изображеніями— Тайной Вечери и положенія во гробъ Спасителя, а на нижней—нерукотвореннаго образа, хитона Спасителя и стамны. На нижней сторонѣ чаши помѣщена слѣдующая надпись: „Сей килихъ во святую Богоявленскую обитель сооруживъ,

отдаде, Кіево-Печерскія Лавры монахъ Іоакимъ Двигубскій року 1740 декабря 18 дня". Въ чашѣ вѣсу 2 ф. 58 зол.

3) Чаша сребровызлащенная въ чеканной сѣткѣ, съ четырьмя финифтяными на верхней части изображеніями: Распятія, Воскресенія, Богоматери и Іоанна Предтечи; на нижней сторонѣ также четыре финифтяныхъ изображенія страданій Спасителя. На пьедесталѣ чаши написано: „Оная чаша Кіево-Братскаго училищнаго монастыря надана игуменом отцемъ Іустиномъ Негребскимъ 1778 года; во всей чаши съ дискосомъ, Звѣздою и ложицею вѣсу 4 фунта и 33 золотника".

4) Чаша серебрянная позолоченная, въ чеканной сѣткѣ, съ чеканными изображеніями на верхней части Распятія, Воскресенія, Богоматери, Іоанна Богослова и двѣнадцати ангеловъ; на нижней же части, кромѣ девяти ангеловъ, помѣщены изображенія—Тайной Вечери, Спасителя молящагося и несущаго крестъ. На дискосѣ, принадлежащемъ къ этой чашѣ, написано: „сей дискосъ со звѣздою и чашею въ Кіево-Братскій Богоявленскій училищный монастырь сдѣланъ Коштомъ Кіево-Печерскія Лавры Архимандрита Зосимы Вилькевича [1]) 1778 года мѣсяца ноября 29 дня, вѣсу 5 фунтовъ 27 лотовъ золотниковъ два".

Небольшой котелокъ для воды, сдѣланъ изъ низкопробнаго серебра, съ такою же дужкою. На днѣ его помѣщена слѣдующая надпись: „сей сосудъ ко употребленію священныя води сооружися иждивеніемъ обители святои Братской Кіевской тщаніемъ іеромонаха Ѳеодосія Ггугуревича в тое время Ігумена и Ректора вышпомененой обители лѣта Господня 1686".

Серебряный пестро-позлащенный кувшинъ, пожертвованный, какъ видно изъ надписи, находящейся на немъ, Іоасафомъ Горленкомъ, бѣлоградскимъ епископомъ. Эта надпись такова: „1750 года мѣсяца ноября 6 числа сей нали-

[1]) Онъ былъ настоятелемъ Печерской Лавры съ 1762—1786 (Опис. К.-Печер. Лавры, стр. 124—125).

вайникъ прислалъ въ даръ преосвященіи епископъ білоградскій Иоасафъ Горленко церкви монастіру Брацкому Богоявленскому Кіевскому в которомъ вѣсу фунтовъ2 и лотовъ 16".

Большая сребровызлащенная кружка, пожертвованная, какъ видно изъ надписи, Парѳеніемъ Сопковскимъ, епископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ, 14 марта 1784 года. На крышкѣ ея помѣщено изображеніе Карла XII съ надписью: „Karolus XII. D. G. Rex Sveciae". На оборотѣ крышки находится изображеніе того же Карла въ видѣ воина, прикрывающаго своимъ щитомъ колѣнопреклоненную женщину, представляющую собою, вѣроятно, Польшу, съ надписью: „Tonningam. Tvendo. Friodericus, Conciliat. Anno MDCC". На лицевой сторонѣ кружки помѣщена группа изображеній—Агари съ Измаиломъ, томящихся и изнемогающихъ отъ жажды, и ангела. Въ кружкѣ вѣсу три фунта безъ девяти золотниковъ.

Другая подобная же кружка, пожертвованная тѣмъ же Парѳеніемъ Сопковскимъ 30 марта 1867 года. На крышкѣ ея помѣщена поддѣлка подъ монету, на одной сторонѣ которой стоитъ изображеніе какъ-будтобы Геркулеса съ булавою и надписью вокругъ: „Honestum pro patria 1806", а другая сторона испещрена слѣдующею надписью: „Henricus Iulius D. G. (вѣроятно Dei gratia) P. EP. HA. Dux Bruns. ET. L. Подобными поддѣлками подъ монеты, въ числѣ 38, заполнена вся лицевая сторона и дно кружки. На однихъ изъ монетъ выбиты надписи на лицевой сторонѣ: „Rudolph Augustus Dux C. E. L", а на оборотной: Remegio Altissimi 1669. XII Marien Gros", а на другихъ на лицевой сторонѣ: „Iohan Friedrich D. G. Dux B. E. L", а на оборотѣ: „ex Duris Gloria 1673. XII Marien Gros".

Двѣнадцать серебряныхъ стакановъ, простой работы безъ всякихъ украшеній, одной и тойже формы, на каждомъ изъ нихъ съ наружной стороны стоятъ литеры I. Ѳ. К. и S. T. Въ нихъ вѣсу 2 ф. 91 зол.

Е. Дарохранительницы:

1) Дарохранительница серебряная, поступившая изъ Гамалѣевскаго монастыря; она устроена въ два помѣщающіяся одно на другомъ отдѣленія. Въ нижнемъ отдѣленіи находится сребровызлащенный гробъ, съ изображеніемъ лежащаго въ немъ Спасителя, въ верхнемъ—изображеніе Голгоѳы съ распятымъ на крестѣ Спасителемъ и предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. Верхъ дарохранительницы увѣнчивается звѣздою съ изображеніемъ по срединѣ Воскресенія. Въ верхнемъ отдѣленіи стоитъ надпись: „1787 года сооружена гробница сія въ Пустынно-Харлампіевъ-Гамалѣевскій монастырь при архимандритѣ Іоанѣ Островскомъ, коштомъ церковнымъ“. Въ ней 16$^{1}/_{2}$ ф. вѣсу. Она стоитъ на главномъ престолѣ большой церкви подъ стеклянымъ колпакомъ.

2) Дарохранительница сребровызлащенная, о двухъ этажахъ, съ ангелами по угламъ. Въ нижнемъ этажѣ находится ковчежецъ для св. даровъ, съ изображеніемъ вокругъ страданій Спасителя. Верхній этажъ поддерживается четырьмя литыми изображеніями ангеловъ и также заключаетъ въ себѣ ковчежецъ для святыхъ даровъ. Верхъ дарохранительницы украшенъ сіяніемъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ Воскресенія, а на другой Вознесенія. Въ нижнемъ отдѣленіи находится слѣдующая надпись: „Благословеніемъ Бога Отца благодатію же имъ же благодать дана бысть Бога Сына, и дѣйствіемъ всесвятаго животворящаго и всеосвящающаго Духа. При державѣ Благочестивѣйшаго Государя нашего царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, Самодержца. При благороднѣйшемъ Государѣ нащемъ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ, правящу престолъ митрополіи Кіевскія, Галицкія и Малыя Россіи, Преосвященному Киръ Варлааму Ясинскому, во обители же Свято-Богоявленской Кіевской Братской в то время

начальствующу Игумену Иннокентію Поповскому; въ лѣто воплощася Бога Слова 1706 мѣсяца іюня 14 дня, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, пріять начало зданія своего сей ковчегъ святая хранящій, въ храмъ святаго Богоявленія Господа Бога, и Спаса Нашего Іисуса Христа: сооружижеся въ лѣто Господне 1707, мѣсяца іанварія 4 числа: отчасти иждивеніемъ вышреченныя обители, отчасти же подаяніемъ благочестивыхъ и доброхотныхъ дателей духовнаго и мірскаго чина, тщаніемъ недостойнаго іеромонаха Антонія Стрешовскаго тоеяжде О. С. Б. Б. К. Смиреннаго послушника". Ковчежецъ, помѣщающійся въ этомъ отдѣленіи, сооруженъ также благодаря стараніямъ того же Стрешовскаго, какъ это видно изъ надписи на ней: „сей ковчегъ святыя Агнци хранящъ особъ сооружися в богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ тщаніемъ іеромонаха Антонія Стрешовскаго С. П. С. Б. О. Б. К. лѣта Господня 1708 мѣсяца іюнія 24 дне вто время игуменствующу Христофору Чарнуцкому подаяніемъ доброхотныхъ дателей". Въ этой дарохранительницѣ вѣсу 18½ фунтовъ, она стоитъ на главномъ престолѣ Святодуховской церкви.

3) Дарохранительница малая серебряная съ двумя стоящими одно на другомъ отдѣленіями. На нижнемъ отдѣленіи помѣщено изображеніе положенія во гробъ Спасителя, а на верхнемъ колѣнопреклоненнаго Спасителя. Верхъ дарохранительницы украшенъ звѣздою съ изображеніемъ Воскресенія. Внизу дарохранительницы написано: „1774 года іюня 25 дня стараніемъ господиномъ отцемъ Іоанномъ Штефаномъ, в ней вѣсу фунтов 2 и лотов 22".

Ж. Митры:

Между значительнымъ количествомъ хранящихся въ монастырской ризницѣ митръ обращаетъ на себя вниманіе своею относительною древностію одна, сдѣланная для перваго архимандрита нашего монастыря Амвросія Дубневича. Она по

малиновому бархату обложена сребровызлащеннымъ окладомъ, усѣяннымъ простыми камнями и украшеннымъ гравированными изображеніями евангелистовъ, въ отдѣлкѣ изъ жемчуга и чеканными изображеніями серафимовъ. Подъ однимъ изъ изображеній евангелистовъ стоитъ такая надпись: „Сія митра сооружена для перваго архимандрита Кіево-Братскаго монастыря Амвросія стараніемъ ризничаго іеромонаха Іоасафа Горленка".

Къ ризницѣ церковной нужно еще отнести два совершенно одинаковыхъ посвѣщника, стоящихъ на главномъ престолѣ большой церкви по обѣимъ сторонамъ креста Петра Могилы. Они сдѣланы изъ низкопробнаго серебра въ три изящно возвышающіеся одинъ на другомъ яруса, изъ коихъ каждый завершается тремя литыми изображеніями ангеловъ. На каждомъ изъ нихъ стоитъ такая надпись: „1720 Kostem Swoim Sprawil ogiec Silwester Chmelowski фунтов 5 и лотов 20".

Что касается церковныхъ облаченій, ризницы въ собственномъ смыслѣ, то въ ней нѣтъ ничего, что обращало бы на себя вниманіе своею древностію или великолѣпіемъ отдѣлки. Древнихъ священныхъ одеждъ почти не сохранилось, а если нѣкоторыя изъ нихъ и сохранились, то, за отсутствіемъ данныхъ для опредѣленія ихъ древности, ихъ скорѣе можно отнести къ разряду ветхихъ. Нынѣшняя ризница почти вся новая, обыкновенной работы и отдѣлки.

О монастырской *библіотекѣ*, которая, помимо ризницы, составляетъ другую статью церковнаго имущества, немногое можно сказать. Она помѣщается въ большомъ шкафѣ на хорахъ Богоявленской церкви. Кромѣ духовныхъ журналовъ, которые большею частію состоятъ въ дефектахъ, вся библіотека состоитъ изъ 320 названій книгъ. По содержанію всѣ книги можно сгруппировать къ слѣдующимъ отдѣламъ: книги Священнаго Писанія, толкованія на Священное Писаніе, бо-

гослужебныя книги, сборники проповѣдей и учебники разнаго рода.

Изъ числа богослужебныхъ книгъ нужно отмѣтить апостолъ, пожертвованный митрополитомъ Серапіономъ, который собственноручно сдѣлалъ на первомъ листѣ его слѣдующую надпись: „Сія богодухновенная книга Дѣяній св. Апостоловъ дана во вкладъ въ Кіево-Братскій училищный Богоявленскій монастырь, въ соборную Богоявленія Господня церковь, во время бывшаго въ 1811 г. сильнаго пожара погорѣвшую и прошлаго 1818 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ внутри на время поновленную, отъ сѵнодальнаго члена преосвященнаго Серапіона митрополита кіевскаго и галицкаго, Кіево-Печерскія Лавры Священноархимандрита и орденовъ святаго апостола Андрея Первозваннаго, святаго Александра Невскаго и святыя Анны I степени кавалера. Смиренный Серапіонъ митрополитъ кіевскій и галицкій. Января 6 дня 1819 г. Кіевъ".

Кромѣ того, въ библіотекѣ хранится нѣсколько объемистыхъ рукописей прошлаго вѣка, а именно: 1) „Лѣтопись" и „Розыскъ о Брынской вѣрѣ" св. Димитрія Ростовскаго, рукопись въ листъ, безъ начальныхъ листовъ; 2) „Латинское Богословіе", преподанное въ кіевской академіи въ 1761—1763 гг. архимандритомъ Самуиломъ Миславскимъ, безъ начальныхъ листовъ; 3) „Система христіанскаго православнаго богословія діалектико-полемическаго", преподанная въ кіевской академіи въ 1776—1777 гг. ректоромъ ея архимандритомъ Кипріаномъ Лехницкимъ; 4) „Латинское Богословіе", преподанное въ той же академіи въ 1751—1754 гг. ректоромъ ея архимандритомъ Георгіемъ Конисскимъ и 5) Уставъ церковный XVII вѣка,—рукопись, какъ и всѣ предыдущія, въ листъ, московскаго письма.

Монастырскія имѣнія.

Въ различныхъ мѣстахъ кіевскаго уѣзда монастырю отведены небольшіе участки земли: это—лѣсныя дачи въ ху-

торахъ: Сподарцѣ, Володаркѣ и Церковщинѣ, озеро для ловли рыбы и сѣнокосъ. Во всѣхъ этихъ участкахъ заключается около трехсотъ десятинъ.

Хуторъ Сподарецъ расположенъ на западъ отъ Кіева, въ 40 верстахъ отъ него, между селомъ Плесецкимъ и деревнями Звонковою и Мостищемъ. Этотъ хуторъ заключаетъ въ себѣ 120 десятинъ земли. Около шести десятинъ занимаетъ усадьба, а остальныя—подъ боромъ. Усадьба расположена на ровномъ мѣстѣ при рѣчкѣ Ирпенѣ, на которой выстроены двѣ монастырскія мельницы. Черезъ рѣчку перекинута плотина, снабженная шлюзомъ. При проливныхъ дождяхъ въ верховьѣ рѣчки вода прибываетъ съ неимовѣрною быстротою и грозитъ мельницамъ подтопленіемъ. Для предотвращенія подобныхъ случайностей и устроенъ шлюзъ. Изъ окрестныхъ деревень, преимущественно изъ Звонковой и Плесецкаго, а иногда и изъ дальнихъ къ югу сѣлъ, привозятъ для помола на монастырскія мельницы хлѣбъ. За помолъ монастырь беретъ десятую часть зерноваго хлѣба. Пріобрѣтаемаго такимъ путемъ хлѣба хватаетъ на прокормленіе всего... монастыря. При мельницахъ устроены домъ и амбаръ для ссыпки зерна.

Боръ въ этомъ хуторѣ еще молодой и потому монастырь извлекаетъ изъ него незначительную пользу, употребляя его только на ремонтъ своихъ мельницъ.

Хуторъ Володарка находится въ 16 верстахъ отъ Кіева, возлѣ села Пирогова. Мѣсто, занимаемое этимъ хуторомъ, очень низменное, даже болотистое, вслѣдствіе дѣйствія родниковъ, а иногда и разлитія Днѣпра, который протекаетъ въ пяти верстахъ. Весь хуторъ съ усадьбою занимаетъ 58 десятинъ. Земли, годной для хлѣбопашества, здѣсь нѣтъ; около трехъ десятинъ занято огородомъ, а все остальное пространство покрыто лугами и лѣсомъ. Лѣсъ преимущественно мокрый: ольха, лоза, верба, заросли; мѣстами попадается впрочемъ дубъ и кленъ. Въ этомъ хуторѣ построенъ неболь-

шой деревяный подъ желѣзною крышею домъ и необходимыя для веденія хозяйства службы.

Къ юго-западу отъ Володарки, въ верстѣ разстоянія отъ нея, расположенъ другой монастырскій хуторъ—Церковщина или Гадючье. Это урочище,—какъ обыкновенно называютъ Церковщину,—лежитъ на склонѣ горы и покрыто оврагами и мелкими порослями, между которыми встрѣчаются и большія деревья. Всей земли здѣсь считается 23 десятины. Пахатной земли здѣсь нѣтъ, есть небольшой только (около десятины) огородъ. Внутри этой лѣсной дачи помѣщается монастырская пасѣка (теперь около 100 ульевъ) и домъ со службами. Здѣсь также находятся открытыя Иннокентіемъ пироговскія пещеры.

Монастырю также принадлежитъ часть такъ называемаго виленскаго озера, которое находится близь деревни Козина, въ 40 верстахъ отъ Кіева. Приходящаяся на долю нашего монастыря часть озера вмѣстѣ съ берегами занимаетъ пространство въ 66 десятинъ.

Монастырскій сѣнокосъ находится на Оболони, за Почайною, въ двухъ мѣстахъ, расположенныхъ другъ отъ друга на разстояніи 2½—3 верстъ. Всего сѣнокосу 36 десятинъ. Урожай сѣна всецѣло зависитъ отъ разлитія Днѣпра. При хорошемъ урожаѣ накашивается до двадцати стоговъ сѣна а при плохомъ—отъ тринадцати до пятнадцати.

Братія монастыря и матеріальныя средства его.

Въ нашемъ монастырѣ по штату, кромѣ настоятеля, полагается: намѣстникъ, восемъ іеромонаховъ, четыре іеродіакона, три монаха и пять послушниковъ. На лицо же, кромѣ настоятеля и намѣстника, состоитъ: шесть іеромонаховъ, шесть іеродіаконовъ, четыре монаха и шесть опредѣленныхъ послушниковъ и сорокъ временно находящихся на послушаніи. Контингентъ братіи монастыря составляется двоякимъ путемъ. Одни въ юношескіе годы по-

ступаютъ въ монастырь и постепенно проходятъ различныя монастырскія должности. Другая же часть братіи состоитъ изъ вдовыхъ клириковъ.

Какъ во всѣхъ общежительныхъ монастыряхъ, братія имѣетъ общую трапезу и подчиняется всѣмъ правиламъ монастырскаго общежитія.

Для занятія всѣми текущими дѣлами въ монастырѣ существуетъ правленіе, состоящее изъ намѣстника, казначея и ризничаго. Всѣ опредѣленія правленія поступаютъ на разсмотрѣніе настоятеля, безъ вѣдома и согласія котораго не рѣшается ни одно дѣло. При правленіи существуетъ канцелярія.

Что касается средствъ монастыря, то въ общемъ ихъ можно опредѣлить такимъ образомъ. Изъ государственнаго казначейства отпускается на содержаніе монастыря 3928 р. 19 коп., въ томъ числѣ: на жалованье настоятелю и братіи—1395 р., на содержаніе братіи пищею—750 р., на церковныя нужды—340 р., на ремонтъ зданій и на наемъ прислуги—1262 р., и на канцелярію—181 р. 19 коп. Монастырь также пользуется процентами съ неприкосновеннаго капитала въ 28511 рублей и доходами, получаемыми съ лавокъ, дома, что близь колокольни, и другихъ доходныхъ статей.

Особые церковные обряды, совершаемые въ Братскомъ монастырѣ.

Богослуженіе въ Братскомъ монастырѣ совершается по уставу, обычному всѣмъ іерусалимскимъ церквамъ. Но тѣмъ не менѣе въ немъ совершаются нѣкоторые, сложившіеся исторически и унаслѣдованные отъ прежняго времени, особые обряды. Мы разумѣемъ *пассіи и обрядъ перенесенія вербы въ Лазареву субботу*.

Пассіи совершаются въ первые четыре пятка великаго поста, соединяясь съ малымъ повечеріемъ, и состоятъ въ цер-

ковной пѣсни *Тебѣ одѣющагося*, чтенія евангелія о страданіяхъ Спасителя: изъ каждаго евангелиста, начиная съ Матѳея, пѣсни—*Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго* и проповѣди. Евангелія читаются предъ царскими вратами настоятелемъ монастыря или намѣстникомъ, а проповѣди произносятъ обыкновенно профессора академіи. Стройное пѣніе академическаго хора, а въ особенности проповѣди привлекаютъ въ нашъ монастырь во время совершенія пассій массы богомольцевъ.

Пассіи, равно какъ и нѣкоторые другіе церковные обряды, введены были въ южно-русскую церковь подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ какія она была поставлена въ концѣ XVI и XVII столѣтій, именно, съ цѣлію противодѣйствовать римско-католической пропагандѣ, стремившейся посредствомъ особенной торжественности внѣшней обстановки церковныхъ службъ и процессій привлечь симпатіи православнаго южнорусскаго народа къ католицизму. У католиковъ пассіи совершаются по великопостнымъ воскресеньямъ, а также на вечерни. Православная церковь, принявъ пассіи въ свой богослужебный кругъ, обнаружила болѣе, такъ сказать, христіанскаго вкуса, избравъ для нихъ не воскресенья, а пятницы. Хотя съ теченіемъ времени первоначальное побужденіе, съ какимъ учреждены пассіи, потеряло силу, но пассіи полюбились кіевлянамъ, получили значеніе добраго и стараго мѣстнаго обычая, который всегда уважался.

Въ нашей исторической литературѣ установилось мнѣніе, что будтобы пассіи установлены въ южно-русской церкви митрополитомъ Петромъ Могилою, заимствовавшимъ ихъ отъ церкви римско-католической. Это мнѣніе, безъ сомнѣнія, основывающееся на многосторонней дѣятельности означеннаго іерарха, не совсѣмъ вѣрно. Правда, Петръ Могила много заботился о развитіи обрядности и примѣненіи ея къ современнымъ нуждамъ церкви, причемъ, не ограничиваясь су-

ществующими обрядами, готовъ былъ заимствовать ихъ,—разумѣется, приспособляя ихъ къ духу православія,—и отъ инославныхъ церквей; но попытки къ подобнымъ видоизмѣненіямъ обрядности юго-западной русской церкви начались еще ранѣе Петра Могилы. Пассіи введены въ южно-русскую церковь до вступленія Могилы на митрополію. Ихъ установленіе нужно относить ко времени собора, бывшаго въ 1629 г. въ Кіевѣ. На подобное заключеніе даетъ право замѣтка современника, уцѣлѣвшая въ одной старинной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Михайловскаго монастыря. Въ ней мы читаемъ: „Року 1629 з великою докукою нашъ превелѣбный митрополитъ и игуменъ, дивясь на просцовъ, ажъ они за мы не хотяху ходити в церквы нашы, а уніатскія и бачь самоправно отъ нея удаляхуся, а ляхы, або имъ було гарно дивитися, поставиху читати зборнѣ въ церквахъ акаѳисты, зборные крестные ходы, въ постъ мартовъ о страстяхъ читати въ пятку и много дѣяху, абы нашихъ греческаго закона люди прихожь (?) и обляхоскося. На вси ихъ кривды велебной отецъ нашъ Іовъ Борецкій з великою скорбь дивляшесь и зобраху зборъ епископовъ и всѣхъ и вся на нашѣ монастырь Михайловскій и зобра есь в церковь и начело церковное зади молебна на келліи игумена о разъ и разъ запрошаху (?) и поставиша творити зборомъ въ злотоверхой церкви на суботу акафистъ за иконою новодворскою и печерскомъ монастырѣ.... (мѣсто, означенное точками въ подлинникѣ, выскоблено). Sancti Iesu Christi in crúcia мы зоваша пассіи. Просити треба зъ ласки русскаго царя о томъ, абы патріарха вінъ забралъ насъ за папство и зъ ратуши церковное и не чинилъ бы шкоды митрополиту съ его мистностями изъ задокуками и за всѣми и всими що (?) на кольвикѣ за насъ чинится.—И боцко и богацко запрошашесь за коль часъ я вси зряша и записаша“ [1]).

---

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдомости, 1874 года № 7 „Когда и кѣмъ введены въ южно-русскую обрядность пассіи?“.

Что касается обряда перенесенія вербы, то основа его составляетъ обычный крестный ходъ недѣли ваій. Предъ вечернею Лазаревой субботы воспитанники всѣхъ духовныхъ училищъ и ихъ наставники собираются въ Петропавловскую семинарскую церковь, гдѣ освящаются ваіи, причемъ поется извѣстный двуххорный концертъ этой недѣли. Затѣмъ съ освященною вербою и пѣніемъ тропаря: *Днесь благодать св. Духа насъ собра* открывается крестный ходъ въ Братскій монастырь, гдѣ совершается со всею торжественностію обычная всенощная.

Этотъ крестный ходъ упоминается въ памятникахъ южно-русской церкви еще въ концѣ XVI столѣтія. Съ особенною торжественностію онъ совершался во времена старой академіи, когда онъ слѣдовалъ изъ Георгіевской церкви чрезъ Софійскій соборъ въ Братскій монастырь. Изъ семинарской Петропавловской церкви начали совершать его вскорѣ по основаніи семинаріи и преобразованіи академіи. Потомъ этотъ обрядъ почему-то былъ оставленъ, а въ 1878 г. возстановленъ ректоромъ академіи и настоятелемъ монастыря преосвященнымъ Михаиломъ, во вниманіе къ древности и многознаменательности его [1]).

Съ особенною торжественностію совершается также крестный ходъ изъ Братскаго монастыря на Днѣпръ для освященія воды 6 января и 1 августа.

Неизвѣстно, когда впервые начался крестный ходъ именно отъ Братскаго монастыря и отъ какого храма слѣдовали крестные ходы прежде, до основанія Братства. Извѣстно только, что они издавна обставлялись особенно тор-

---

[1]) Ibid. 1879 г. № 14 и 15.—Въ прежнее время въ Братскомъ монастырѣ совершался еще одинъ особый обрядъ, теперь уже прекратившій свое существованіе. Это—обрядъ водосвятія, совершавшійся въ пятницу свѣтлой седьмицы. Обыкновенно въ этотъ день литургія совершалась въ конгрегаціонной церкви. Послѣ литургіи происходило освященіе воды въ монастырскомъ колодцѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ обрядъ этотъ былъ оставленъ.

жественностію. Еще въ 1685 г. генералъ Гордонъ замѣтилъ въ своихъ запискахъ: „6-го числа генваря, въ праздникъ Богоявленія Господня, выступили въ строй, подъ командою моею, кавалерійскіе и стрѣлецкіе полки, имѣя при себѣ 16 полевыхъ пушекъ. Послѣ обѣдни и по освященіи воды, *по обыкновенію*, учинена троекратная пальба; первый залпъ—изъ пушекъ, а два послѣдніе—изъ ружей. На каждый залпъ отвѣчали 21 пушечнымъ выстрѣломъ изъ замка и съ городскихъ валовъ, обращенныхъ къ Подолу, также мелкою пальбою отъ шести полковъ, стоявшихъ на валахъ замка и на сторонѣ стараго города, прилежащей къ Подолу". Еще большею торжественностію сопровождалось въ прежнее время освященіе воды 1 августа, когда церемоніи благопріятствовало лѣтнее время. Но всѣ эти шумныя и сложныя церемоніи были отмѣнены въ 1835 году, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ особыхъ привиллегій городоваго магистрата. Съ этого времени крестные ходы приняли характеръ почти исключительно церковный [1]).

Литургію въ указанные праздники совершаетъ въ Богоявленской церкви нашего монастыря обыкновенно митрополитъ въ сослуженіи настоятеля монастыря и старшей братіи. Къ концу обѣдни прибываетъ все городское духовенство. Два іеромонаха поднимаютъ чудотворный образъ Богоматери и открываютъ шествіе въ преднесеніи церковныхъ хоругвей. На Александровской площади стоятъ развернутымъ фронтомъ отряды войска съ развѣвающимися знаменами и привѣтствуютъ появленіе крестнаго хода торжественною музыкою. На всемъ пути слѣдованія крестный ходъ встрѣчаютъ большія толпы народа, едва давая возможность идти въ порядкѣ священному собору. Звонъ колоколовъ всѣхъ подольскихъ церквей, стройное пѣніе, развѣвающіяся хоругви и знамена, блистающіе ряды священнослужителей, движущіяся,

---

[1]) Кіев. Епарх. Вѣдом. 1870 г. № 2 „6-ое января въ Кіевѣ".

какъ волны, массы народа и возвышающаяся надъ всѣми чудотворная икона Божіей Матери—все это производитъ величественное впечатлѣніе.

Въ недѣлю всѣхъ святыхъ также совершается крестный ходъ изъ Братскаго монастыря на Житній базаръ. Тамъ устрояется молельня, жители Кіево-Подола уставляютъ свои домашнія иконы. Въ этой молельнѣ предъ чудотворнымъ образомъ Братской Богоматери торжественно совершается молебствіе. Этотъ крестный ходъ существуетъ съ 1853 года, когда въ Кіевѣ свирѣпствовала холерная эпидемія.

Съ большою торжественностію также совершается въ Братскомъ монастырѣ и панихида 31 декабря по Петрѣ Могилѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на этой панихидѣ монастырь и академія совершаютъ поминовеніе своихъ основателей, благодѣтелей, начальниковъ, всѣхъ учившихъ и учившихся здѣсь. Одинъ изъ наставниковъ академіи произноситъ при этомъ приличное случаю слово.

Этотъ святой, поистинѣ христіанскій, обычай установленъ еще въ XVII вѣкѣ, по кончинѣ „старшаго брата и опекуна“ Братской обители и школъ, кіевскаго митрополита Петра Могилы. Прежде эта панихида совершалась въ собраніи учащихъ и учащихся въ большой лаврской церкви за лѣвымъ клиросомъ, гдѣ похороненъ Петръ Могила. Отправлялась она послѣ вечерни на канунѣ Новаго Года. Послѣ стали ее совершать въ нашемъ монастырѣ въ тотъ же день, только послѣ литургіи. По преобразованіи академіи, этотъ обычай на короткое время былъ прерванъ, когда въ управленіе академіею вступили лица, не въ ней получившія свое образованіе, а потомъ возобновленъ былъ преосвященнымъ Иннокентіемъ Борисовымъ.

Каждую субботу предъ литургіей въ нашемъ монастырѣ читается акаѳистъ предъ чудотворною иконою Братской Божіей Матери. Эту церковную службу жители Кіево-Подола посѣщаютъ съ особеннымъ усердіемъ, обращаясь въ своихъ

нуждахъ и скорбяхъ съ молитвами къ Небесной Предстательницѣ и устремляя свои молитвенные взоры къ чудотворному образу Ея.

Въ заключеніе этой главы намъ остается сказать нѣсколько словъ о Братскомъ хорѣ. Онъ имѣетъ за собою славное прошлое. Съ его именемъ соединяются такіе выдающіеся таланты въ области нашей духовной музыки, какъ Березовскій и Ведель, бывшіе въ свое время украшеніемъ братской „капелліи". Пѣніе братскихъ пѣвчихъ, преемственно переходя отъ прежнихъ временъ къ позднѣйшимъ воспитанникамъ академіи, до послѣдняго времени остается единственнымъ въ своемъ родѣ. Стекаясь изъ разныхъ мѣстъ обширнѣйшаго нашего отечества, студенты академіи образуютъ сами собою пѣвческій хоръ, замѣняя иногда недостатокъ голосовъ всегда разумнымъ пониманіемъ дѣла и искренностію христіанскаго чувства. При нынѣшней академіи, уже не составляющей, по прежнему, одного съ семинаріей и бурсой, содержится нѣсколько мальчиковъ для пѣвческаго хора, выбираемыхъ изъ воспитанниковъ духовнаго училища. Братскій хоръ пользуется такою извѣстностію, что рѣдкій изъ посѣщающихъ святыни Кіева упуститъ случай послушать прекрасное пѣніе братскихъ пѣвчихъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что это хоръ собственно академическій, его пѣніе можно слышать только тогда, когда при богослуженіи присутствуютъ студенты академіи. Въ остальныхъ же случаяхъ монастырскій хоръ составляютъ клирошане, подъ управленіемъ уставщика.

ПРИЛОЖЕНІЯ.[1]

[1]) Всѣ рукописи, копіи съ которыхъ мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ, хранятся въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи подъ слѣдующимъ значкомъ: о. л. 15.

I.

Дарственная запись Галшки Гулевичовны [1]).

1615 г. 14 октября.

Выпись съ книгъ земскихъ воеводства Киевскаго.

(**88** *л.*) [2]). Лѣта Божого нароженья тысеча шестьсотъ петнадцатого, мѣсяця Октобра пятогонадцать дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Кіевскихъ, од дня святого Михаила Свята Рымского, въ року на дате вышъпомененомъ припалихъ и назавтрее того Свята судовне отправовать зачатыхъ, пред нами Яномъ Аксакомъ Судьею, а Петромъ Злотополскимъ подсудкомъ, врядныками судовыми земскими Кіевскими, ставши очевисто у суду урожоная ее милость пани Галшка Гулевичовна Стефановая Ложчиная, Маршалковая повету Мозирскаго, съ притомностью и позволеньеемъ помененого малжонка своего, сознала водлугъ листу доброволного вечистое фундаціи своее запису, которого от себе съ печатью и съ подписомъ руки своее и печатью и съ подписомъ руки малжонка своего помененого его милосты пана Стефана Лозки Маршалка повету Мозырского, также съ печатми и съ подписами рукъ людей зацныхъ, дала, даруючи, записуючи и вечне фундуючи добра свои власные дедичные, правъ

---

[1]) Этотъ документъ и слѣдующій за нимъ—„Уписъ Кіевскаго братства“ мы помѣщаемъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они приведены въ приложеніяхъ къ Исторіи Кіевской духовной Академіи.

[2]) Счетъ листовъ по рукописи Архива Св. Синода.

и волностій шляхецкихъ будучіе, то есть дворъ свой власный съ пляцомъ въ месте Кіеве, межи певными границами лежачій, зо всими до того двора и пляцу прилежачими пожитками, приходами и всякими належностями, долгостью и широкостью якоее здавна тотъ домъ въ пляцомъ и зо всимъ на все мелъ, и теперъ маетъ. А то на монастырь заложеня Патріаршеского общего житія, по великомъ Василью, такъже на (88 л. об.) школу дѣтемъ такъ шляхетскимъ, яко и местскимъ, притомъ и на гостинныцу странныковъ духовныхъ веры церкви всходнее каѳолицкое будучихъ, о чомъ ширей тотъ запись ее милости в собе обмовляетъ, которою передъ нами Судомъ положивши, во всемъ его устнымъ и доброволнымъ сознаньемъ своимъ ствердивши и змоцнивши, просила абы принятъ и у книги земскіе Кіевскіе уписанъ былъ: мы Судъ, оного для вписаня до книгъ пріймуючи, передсобою читать казали, и такъ се в собѣ маетъ: „Я Галшка Гулевичовна, малжонка его милосты пана Стефана Лозки Маршалка Мозырского, съ позволенемъ его мил. на нижей написанные речы въ семъ листе помененыя и выражоные, будучи я на тѣле и умысле добре здоровая, явно и доброволне сознаваю тымъ моимъ доброволнымъ листомъ записомъ ижъ я въ старожитной святой всходнее церкви православной вѣре статечне живучи, а побожностью ревностью въ ней палаючи, на размножене хвалы Бога въ Тройцы Единого из любве и милости братій моихъ народу россійского, для збавеня души своее, здавныхъ часовъ умисливши церкве Божой добре учинити, и милосердный учинокъ прагнучимъ того показати, тогожъ нынѣ скуткомъ выконываючи, правовернымъ и благочестивымъ христіаномъ народу Россійского, въ повѣтехъ воеводствъ Кіевского, Волынского и Браславского будучимъ, станомъ духовнымъ и свѣцкимъ, инокомъ, священникомъ и діакономъ чину мнишского, и чину мирского, также освѣцонымъ княжатомъ, велможнымъ паномъ шляхте, и якогожъ колвекъ иного заволаня и стану людемъ Россійскимъ,

а еднакъ тымъ тылко, которые въ православной благочестивой церкви всходней набожества Греческого вѣре, в послушенстве, тежъ благословенстве Святѣйшого Патріарха Константинопольского, власного и належачого зверхнѣйшого Пастыря народови Россійскому, неодменне (89 л.) трвають и трвати будуть, даламъ, дароваламъ, записаламъ и фундуваламъ и на вѣчные часы даромъ вѣчнымъ и неотозванымъ даю, дарую, записую и фундую добра мои власные дедичные, права и вольности шляхетское будучіе. Дворъ мой власный на всемъ и зъ пляцомъ, которые отъ помененого пана малжонка моего вѣчною даровизною маю во месте Кіеве лежачій межи улицами певными, то есть з одной стороны улицы, которая ведеть отъ рынку ку Днепрови мимо дворъ пана Василія Ходики Креницкого Скорбного Кіевского; а з другое такъже улицы, которая ведеть отъ рынку ку Днепрови мимо дворъ Крыштофа Золотара и Петра Нечая мещанъ Кіевскихъ; а третее с приходу отъ рынку ку двору Соленика; а четвертое тыломъ о тынъ ку дворови небожчика Өедора Миткевича, бывшаго Бурмистра Кіевского, зо всими до того двора и пляцу правы, пожитками, приходами и всякими належностями и приналежностями, и такъ широко и долго, яко здавна въ собѣ ся маеть, ничого собѣ самой а ни потомству своему тамъ не заставуючи: а то на монастырь Ставропигионъ Патріаршеского общего житія по Василію Великому, такъже тежъ и на школу детемъ такъ шляхетскимъ яко и местскимъ, и на иный способъ богоугоднаго житія; который бы служилъ ку збавеню христіанскому и ку выконаню милосердныхъ учинковъ. А притомъ и на гостинницу странныковъ духовныхъ, вѣры церкви всходнее будучимъ, такъ еднакъ, абы той монастирь и школа и увесь чинъ и строеніе по закону и по чину Церкви Каөолическое всходнее набоженства Греческого, и подлугъ семи Вселенскихъ Соборовъ и по преданію Святыхъ Отецъ Греческихъ ряжено исправовано. Ещежъ варую и то, ижъ естлибы ктолюбо зъ духовныхъ,

(89 л. об.) любо з свецкихъ зъ болшихъ и зъ меншихъ, будучи въ сполечности зъ живучими на той фундаціи и ставаючи в справе, зъ якое колвекъ причины, презъ кого колвекъ, взглядомъ тое фундаціи и общего житія на ней заданое, напотомъ отступилъ и хотѣлъ бы якую належность собѣ мети до тое фундаціи, любъ общій любъ съ потомковъ моихъ, теды вѣчне таковыхъ и тымъ подобныхъ отступниковъ отъ належности и добродѣйства тое фундаціи и того запису нынешнимъ моимъ вызнанемъ отдаляю, а въ той же фундаціи по отданю того добра в пляцомъ на хвалу Божую вышменованнымъ способомъ, ани я сама, ани потомкове мои не маемъ мѣти жадного вступу, ани вжитку, ани тежъ подаваня на помененую фундацію привлачати собѣ не будутъ мочи вѣчними часы, подъ закладомъ десяти тысячей золотыхъ полскихъ и подъ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, кромь вшелякого доводу и присеги телесное, на голое рачене слова, и абы тежъ тая фундація скутокъ свой брала, теды заразъ въ той дворъ и на его пляцъ духовныхъ и свецкихъ православныхъ, а меновите благовѣрного Священно—Инока отца Ісаія Купинского и прочіихъ з чернцовъ, такъ же тежъ и школу въпровадиламъ и впровожаю, онымъ такъ и всимъ духовнымъ и свѣтскимъ, яко се поменило, православія церкви всходнее будучимъ, скутечное держане и посессію поступаючи при возномъ и при шляхте на то приданими. Потомки тежъ свои на то обликгую, же жаднымъ способомъ перешкоды въ той посессіи тамъ мешкаючимъ православнымъ в иночестве и в школе и всякомъ строеніи тамъ пребываючимъ, чинити не маютъ, подъ закладомъ таковымъже десяти тысячей золотихъ польскихъ и подъ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ (90 л.), кромъ вшелякого доводу и присеги телесное, толко на голое речене слова; до того особливе варую, если бы, чого Боже уховай, презъ якое утисненье или презъ якіе колвекъ пересуды иноцы и христіане вышей помененые вытиснены и одсужены были одтое фундаціи даниви моее, а

ктоколвекъ и якимъ колвекъ способомъ хотелъ бы поседати тую мою фундацію и все штобы тамъ было зъбудовано и зафундовано, теды той дворъ и пляцъ. Зо всимъ се вернути въ домъ мой маетъ и на власные, отъ якое колвекъ линіи идучіе, потомки мои спадати будетъ, которые то зась потомки мои и хто колвекъ таковый беручи въ посессію пляцъ той и зо всимъ на немъ будованемъ, инокомъ и при нихъ стоячимъ правовѣрнымъ, изгнанымъ и вытесненнымъ оттоля, повинны будутъ такоежъ ваги и цены кгрунту шляхецкого права и волности, на своихъ грунтехъ власныхъ выделити, або сумою пиняжною подлугъ шацунку певнихъ людей заплатити и совѣто нагородити, подъ закладомъ такимъ же десети тысечей золотихъ полскихъ и подъ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ, кромъ вшелякого доводу и присеги телесное, толко на голое речене слова: о што все державцы и посессорове тое фундаціи моее и ктиторове того монастыря будутъ мочи всякихъ противниковъ того запису фундушу моего позывати до вшелякого суду земского, кгродского, трибуналского, въ который колвекъ поветъ и воеводство. Где будучи запозваны, за першимъ позвомъ, на року першомъ яко завитомъ ставши, усправедливитися, жадныхъ вымовъ и оборонъ собѣ ку помочи не беручи, заруку и шкоди заплатити будутъ повины толко кротъ, колко бы тотъ записъ нарушонъ былъ, и спротивленіеся якое в чомъ колвекъ оному ставало, а по заплаченю (**90 л. об.**) тыхъ зорукъ и по нагороженю шкодъ и накладовъ предсе сесъ запись зъ нынѣшнею фундаціею, у кождого Суду и права, на каждомъ местцу, при цалой зуполной и досконалой моци заховалъ и держалъ быти маетъ на вѣчніе часы, а наконецъ еще и то варую, же еслибы потреба указала церкви Божое, а православные христіане, которымъ запись той служитъ, того бы по мне Галшце Гулевичовне Ложчиной Маршалковой Мозирской жадали, то есть обяснення албо поправы тое фундаціи и запису, теды то повинна буду учинити, и заховую собѣ на то всякую волность.

нынѣшнею приданою кондицією, и на томъ дала той мой фундушовый листъ и доброволный записъ, с притисненіемъ печати и с подписомъ руки малжонка моего, его милости Пана Стефана Лозки, Маршалка повету Мозырскаго, яко того отъ которого тую данину и вѣчную даровизну маю, и съ притисненемъ печати и подписомъ руки моее власное. А для лепшое веры и певности и твердости тое преднаписанное фундаціи и данины моее ужила есмь о приложене печатей и о подписи рукъ до того листу моего ихъ милости пановъ и пріятелей моихъ обывателей того воеводства Кіевского добре оселихъ, его милости пана Миколая Стецкаго тивона Кіевского, его милости пана Максима Трипольского, и его милости пана Семена Шишку Ставецкаго, которые при томъ были и того добре свидомы, и то на прозбу мою учинили, а при печатей своихъ до того листу моего руками своими подписали. Дѣялосе и писано въ Кіеве подъ роками земскими, року тисяча шесть сотъ петнадцатого мѣсяца Октобра чотырнадцатого (91 л.) дня“.—У того листу доброволного запису печатей притисненихъ пять, и подписъ рукъ въ те слова: *Стефанъ Лозка* Маршалокъ Мозырскій рукою. *Голшка Гулевичовна Стефановая Лозчиная* Маршалковая Мозырская рукою власною. *Миколай Стецкій* тивонъ Кіевскій рукою своею. *Максимъ Өедоровичъ Триполскій* рукою власною. *Семенъ Ставецкій Шишка* рукою власною. Который то листъ доброволный записъ за поданемъ и очевистымъ признанемъ вышъреченое особы, а за принятьемъ нашимъ Судовымъ увесь слово в слово у книги земскіе Кіевскіе есть уписанъ; съ которыхъ и сесъ выпись подъ печатьми нашими есть выданъ. Писанъ въ Кіеве.

На подлинной такъ:

Өедоръ Сущанскій Проскура Писаръ Земскій Кіевскій.	(М. П.)	(М. П.)	Корыкговалъ *Сченкевскій.*

Ian Aksak.
Sęd. Ziem. Kijowskiy.
Съ подлинною свидѣтельствовали:
Учитель философіи іеромонахъ *Кассіанъ.*
Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ.*

II. ✓

Уписъ Кіевскаго Братства,

начатый въ 1615 г.

(104 л.) Во имя Святыя Живоначалныя Единосущныя и нераздѣлимыя Тройца Отца и Сына и Святаго Духа единаго истинаго Бога нашего, Емуже честь и поклоненіе, слава и хвала отъ вещественныя и невещественныя твары, нынѣ и въ безконечныя вѣки, аминь.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, вся яже къ спасенію нашему многаго ради и человѣколюбнаго милосердія своего на земли совершаяй и к волной человѣкоспасителной страсти грядій, ученикомъ своимъ глаголаше: *Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, по семъ бо,* рече, *и познаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*: еже и божественный верховный Апостолъ Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей любовь въ божественныхъ посланіяхъ своихъ препоручаетъ: *подадите,* рече, *въ вѣре вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь;* и паки: *братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите.* Ихъже и по спасительному на небеса Христа Бога вознесенію друголюбное божественный Апостолъ и Евангелистъ Лука прославляя, провозвѣщаетъ Ѳеофилу, глаголяй: *вѣрующихъ,* рече, *бяше душа едина и сердце едино и не бяше выныхъ никтоже*

нищъ требованію бо нищихъ послужиша сильнѣйшихъ руцѣ. Сему же убо божественному и спасителному и человѣколюбному поученію, и мы грѣшніи послѣдующе, благодатію благаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, хотящаго всѣмъ человѣкомъ спастися и в разумъ истинный прити, едва поздѣ нѣкогда возбнувше отъ многаго нерадѣнія и лѣности и мрачнаго суетія мирскаго, хотѣхомъ прозрѣти къ свѣту благоразумія, пріемше въ умъ предстатіе страшнаго онаго судища мздовоздаянія. Предстательствомъ пречистія Преблагословенныя Владычицы нашея Богородица и присно Дѣвы Марія, силою честнаго и животворящаго Креста и молитвами всѣхъ святыхъ [1]). Начинаемъ (**104 л. об.**) сіе душеспасителное друголюбное соединеніе Братства церковное въ Богоспасаемомъ граде Кіеве благословеніемъ и повеленіемъ Святѣйшаго вселенскаго патріарха Константинопольскаго куръ Тимоѳея, начальнѣйшаго по Христѣ пастыря нашего, и прочихъ Святѣйшихъ патріарховъ, Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, на утѣшеніе и утвержденіе в благочестіи нашему Россійскому роду сыновъ всходнего православія, обывателемъ воеводства Кіевскаго такъ духовнаго вшелякого яко и свѣтского шляхетского стану и всее речи посполитое местское и всѣмъ Христоименитымъ людемъ, на выконаніе христіанскихъ милосердныхъ учинковъ такъ духовныхъ, въ разиноженью и вкорененью христіанскихъ добродѣтелей честнаго иноческого житія, въ подаваню наукъ учтивыхъ и въ увиченью дѣтей народу христіанского, отъколь хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичомъ из сыновъ наказанныхъ ростетъ, речи посполитой оброна моцная и оздоба предивная фундуется и цвѣтеть, яко и телесныхъ въ обороненю вдовъ, сиротъ и въ поротованю всякихъ людей упадлихъ: якося в

[1]) Въ рукописи послѣ словъ *всѣхъ святыхъ* помѣщена и позднѣйшая приписка на подлинникѣ, съ оговоркою ея: „Въ подлинномъ подписано подъ симъ такъ: „Варлаамъ Ясинскій, православный Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Россіи, той реестръ ствержаю рукою власною“.

собѣ самый кгрунтъ и предсявзятье того святаго Милосердного Братства волею Вседержителя Бога закладаетъ Спись и братское нерозерванное любве поприсяжоной звязокъ и зъедноченье, ведле порядку правъ братствомъ отъ Святѣйшихъ патріарховъ, Лвовского, Виленского, Могилевского, и иныхъ Короны Польскее мѣстъ церквамъ наданныхъ, благословенныхъ и ствержоныхъ. Нашто мы вси нижеменованные персоны обоихъ духовного и свѣтского становъ люде, единымъ сердцемъ и едиными усты позволивше и крестнымъ цѣлованіемъ единъ за всѣхъ и всѣ за единого при благочестіи стоячи, Духомъ любве горячое звязавшися, нижей описанные христіанскіе братскіе повинности и порядки хранити, въ той Реестръ братскій вписуемся.

Въ подлинномъ по окончаніи вышеписаннаго братерскаго обовязка, вынесши на другой листъ, въ заглавіи вписаного Реестра написано тако:

(105 л.) За згодною прозбою всѣхъ ихъ милостей и отцевъ нашихъ духовныхъ и стану шляхетского обывателей кіевскихъ всякого стану, вписныхъ братства церкви и монастыря Богоявленіе въ Кіевѣ, Ставропигіи Святѣйшаго вселенского прироженаго отца и пастыря Россійской церкви патріарха Константинопольского, старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святаго братства, обители и школъ любовнѣ въ тотъ братскій реестръ подписуюсь: *Петръ Могила*, милостію Божію архимадритъ Свято-Великой Лавры чудотворной Лавры Печерской Кіевской, яко любопослушникъ Святѣйшаго Вселенскаго Константинопольскаго патріарха, въ лѣто 1631 мѣсяца Марта 11 дня, рукою власною.

Аѳанасій Пузына епископъ луцкій и Острозскій, архимандритъ Жидичинскій *Andrzey Lithynski z Lithynic.*

Исаія Трофимовичъ монастыря Печерского Кіевского вписалемся до братства Кіевского церковного душею и рукою.

Симьвестръ Косовъ Префектъ школъ Кіевскихъ братскихъ рукою власною.

Антоній Пацевскій инокъ монастыря Печерского.

Іоиль Іеромонахъ рукою власною.

Арсеній Бережницкій инокъ монастыря Печерского.

Іеромонахъ *Өеодосій Оранскій*.

Сафроній Почаскій инокъ монастыря Печерского рукою.

Аөанасій Ивашковскій інокъ монастыря Печерского рукою.

Иларіонъ инокъ Симовскій Монастыря Печерского.

Іоиль Глѣнковичъ намѣстникъ монастыря св. Николы.
Іеромонахъ *Антоній Горбацкій*.

(**105 л. об.**) Во иноцехъ *Захарія Копистенскій* исповѣдникъ, яко и ненавидящи злое прилѣпляющеся благому, составленное въ Кіевѣ градѣ братство пріимаю и облобизаю, повинующеся Апостолу глаголющу: братолюбіемъ же другъ къ другу любезни. На сіе же и руку мою подписую. Писалъ дня 4 генваря по старому провдовому року 1616.

Азъ во Іеромонасехъ худѣйшій *Тарасій Л: Земка* братство православныхъ кіевское при храмѣ Святыхъ Богоявленій похваляю, и самъ въ немъ быти и при немъ стояти желаючи въ реестръ и имя свое вписую рукою.

Азъ треокаянный *Іезекіель Куневичъ* архимандритъ монастыря Трехтимировскаго, видя яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего пакоститъ во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ вещъ зѣло добру составленія Братства во гради Кіеви и того ради всегда есмь готовъ съ ними пострадати добро и зло и кровь мою за благочестіе дати и для того и руку мою подписую, власною рукою.

Даниель Стрыбиль рукою власною, повиненъ буду на каждій рокъ по десети золотыхъ такъ тежъ и лигумины давать.

Азъ *Григорій Детловскій* рукою власною, а буду повиненъ дать подъезда до дороги, а естьли бы не подъездка теды камень воску.

Многогришній и недостойный рабъ Божій *Іванъ Путята* меншій братъ святаго Братства кіевскаго храму святого Богоявленія рукою властною, на што преможенъ буду.

И прочихъ въ Братство безчисленно вписавшихся.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовали: Учитель философіи іеромонахъ *Кассіанъ*. Намѣстникъ іеромонахъ *Іеронимъ*.

III.

Продажная запись инокини Параскевіи Кучинской Богоявленскому монастырю на свой пляцъ около Рождественской церкви.

5 іюля 1621 года.

Я *Катерына* цорка некгды урожоного *Мацея Кучинского*, а потом зосталая (вдо)ва урожоного *Севастияна Фроникевича*, а тепер *Параскевья* инокиня черница монастыря заложенія церкве вознесенія Христова в небо, при великомъ монастыру печерскомъ киевскомъ церкве успения Пресвятои Богородицы Дѣвы Маріи будучою еслибы того з права потреба указовала з очевистым и доброволнымъ зезволеніемъ игумени и всихъ сестръ своихъ черницъ тогож помененного монастыра здорова будучи на умыслѣ и на тѣле, а отступивши права и юрсдыціи собѣ належной а подъ нинишній записъ и его всѣ обовязки сама себе з добрами своими лежачими и рухомыми поддаючи, явне чиню и доброволне сознаваю тымъ нынешнимъ листомъ доброволнымъ вечистое продажи записомъ моимъ, каждому кому бы была того потреба вѣдати нынешнего и напотомъ будучого завжды вѣку людемъ, у каждого права суду и уряду и на каждомъ местцу, иж я за волею и презреніемъ Бога всемогущчого всталъ свя-

тый иноческий до монастыра Печерского Кіевского по смерти малжонка моего позоставши, вступивши а будучи пилно потребна суму пенезей на вжывене себе, добра мои власные дедичные в месте короля его милости Киеве лежачие, то ест пляцъ в Сколникохъ под горою противко церкви Рожества Христова, збудованемъ также и з семнадцатма куничниками на немъ оселыми будучи волный некуничный никому ни чимъ не пенный и не заведеный, а ни жадными долгами зысками презысками не обтяжоный, такъже з садом огородомъ и огорожою платою куницъ и зо всимъ на все якосе в собе вдолжъ и вширъ ростегаетъ зо всими пожитками и приналежностями жадного права титулу и належности собе такъже близкимъ кровнымъ и повиннымъ моимъ в тых добрахъ не зоставуючи а ни выймуючи, але зо всимъ правомъ панствомъ титуломъ и расказованемъ на вечность на вси прышлые векуистые и николинеотзовные часы продаламъ и продаю их милостямъ паномъ шляхте и рыцерству войска запорозского и местского стану обывателемъ воеводства я места Киевского Братству церкве святого Богоявленія людемъ народу Роского вѣры и православія святое всходнее Апостолское церкви, а послушенства святѣйшого патріархи Константинополского пастыра их старожитне звыклого, за певную готовую и заразъ до рукъ моихъ отданую и заплачоную суму пенезей тисечу копъ грошей литовскихъ скоторое отданя и заплаченя помененныхъ ихъ милостей пановъ шляхту, рыцерство и все помененое Братство Киевское тымъ нинешнымъ листомъ доброволнымъ вечистымъ записом моимъ квитую заразъ теперъ тотъ пляцъ вышъречоный съ пожитками вшелякими поменеными и непоменеными их милостямъ правне через возного и шляхту которыхъ собе способити могутъ до моцы владзы держаня и спокойного уживаня вечистого подаю и поступую. А еслибы который колвекъ з братства вхры старожитное исполечтности постыра своего патріархи Констенополского отступилъ и до (другихъ сборовъ) и костелевъ ся удалъ и прилучилъ, той

таковый жадного права владности и належности до помененыхъ добр не будетъ а ни потомкове его не будетъ мети, волно теды будетъ якожъ и симъ листомъ доброволнымъ вечистымъ записомъ моимъ позволяю и даю моцъ их милостямъ паномъ братству Киевскому церкве Богоявления великого Бога и Спаса нашего Iисуса Христа тыи добра пляцъ и кгрунтъ вышъменованый зо всими пожитками и приналежностями яко се всобе з давных часовъ мелъ маетъ и напотомъ мети будетъ в моцы и владзы своей мети держати и уживати на немъ што хотечы будувати также кому хотечы дати продати даровати заменити записати и яко хотечы ку налепшому пожитку своему братскому и то церкви Божой обернути шадровати и диспоновати вечными и векуистыми часы а я вже вышъменованая продавца сама черезъ себе а ни черезъ близкихъ кровныхъ и повинныхъ моихъ и ни черезъ кого з обчихъ людей в держаню и вечистомъ спокойномъ уживаню и в волномъ шафунку тыхъ добръ вышъменованыхъ и пожитковъ их вшелякихъ ихъ милости братству Киевскому теперешнимъ и на потымъ будучимъ жадного намнѣйшаго импедименту перешкоды трудности задаваня, до уряду позываня, тыхъ добръ жаднымъ способомъ одыскиваня чинити и задавати не маю и не буду мочи и нихто так з близкихъ потомковъ яко и з обчихъ людей не будетъ моглъ вечными часы а то подъ закладомъ тисечи копъ грошей литовскихъ и подъ нагороженемъ вшелякихъ шкодъ и накладовъ на простое реченiе словъ ихъ милости паномъ братству киевскому теперъ и на потомъ будучимъ. А по заплаченю того закладу и по нагороженю шкодъ вышейменованыхъ предсе сесь листъ вечистое продажи записъ мой во всихъ своихъ артыкулахъ пунктахъ кондыцияхъ и клявзулахъ у кождого суду, права и на кождомъ местцу при зуполной и досконалной моцы захован и держан быти маетъ вечными часы и о вшемъ еслибы кто колвекъ в держанъю и вечистомъ уживаню тыхъ добръ кгрунту пляцу и саду вышъменованого и пожитковъ вшеля-

вихъ их милостям Братству Киевскому якую колвекъ перешкоду чинилъ теды я ихъ милость от вшеляких таковыхъ импедиментовъ до лет вправе отписаныхъ у кождого права и суду боронити заступовати и своимъ коштомъ тые добра очищати маю и буду повинна под закладомъ вышмейнованымъ и подъ нагороженемъ шкодъ голымъ словомъ ошацованых, о што все если бымъ се в чомъ колвекъ тому записови моему спротивила, даю волность их милости паномъ братству позвати мене и кождого турбуючого до вшелякого суду и права такъ кгродского земского яко и трибуналского. А суд тот перед который позвана буду неотволочне на мне тотъ закладъ также и шкоды на голое речене слова сказати маетъ, якожъ и все право старое на тотъ кгрунтъ и плацъ служачое до рукъ ихъ милостям Братству Киевскому отдаламъ. А сама справа титулу и належности тых добръ зступую и зрекаюсе, а на их милость пановъ братство, все право титул посесыю и росказоване влиламъ и тымъ (листомъ) вливаю на вечные часы, отдалячи от того всих ближщыхъ и дал(них...) моих, и на то я Парасковія инокиня ихъ милостямъ братству Киевскому (даю) сес мой листъ доброволный вечистое продажи записъ. А ижем сама писать не умѣла теды на местце свое о подпису руки и о приложене печати упросила веледебного в Бозѣ его милость отца Захарія Копыстенскаго намѣстника монастыра Печерского Киевского, такъ тежъ для лепшее вѣры и твердости на свядецство упросила о подпис рукъ и о приложене печатей ихъ милость пановъ и пріятелъ моихъ его милость пана Станислава Викгуру городничого Киевского, пана Романа Хлусовича и пана Александра Пашинскаго што их мидость на прозбу мою учинить рачили печати свои приложили и руки подписали. Писанъ въ Киевѣ мѣсяца іюня пятого дня року тисеча шестсот двадцат первого.

М. П.

Ижъ госпожа Парасковия инокиня писати не умѣла за устною и очевистою просбою ее, я *Захарія Копистенский* намѣстник монастыря печерского Кіевского подписалемъ рукою власною.

Александръ Пашинскій рукою власною.

Станъславъ Вигуря Городничий Кіевский рукою власною.

Романъ Хлусовичъ власною рукою.

Року 1621 в пятый іюни очевисте велебней в Бозѣ ея молости панеи Катарины Кучинской въ бытности при ней будучей велебной в Бозѣ ея милости княгини Курцевичовой игумени и панеи Настасіи Маркіяновой признаніе принялъ *Alexander Saltan* намѣсникъ Кіевскій.

IV.

Продажная запись Люцін Митювичевой—Аницной [1]) кіевскому братству на плацъ въ г. Кіевѣ, противъ церкви Успенія.

5 января 1624 года.

Я *Луцыя Митковичовна Миколаевая Яницкая* добръ нижей менованых дедичка. А я *Миколай Яницкій* староста Пиратинскій малжонокъ и звирхний опекунъ помененое пани Луцыи Митковичовой молжонки своее обое сполне, ознай-

---

[1]) Митковичи принадлежали къ числу кіевскихъ старожилыхъ мѣщанъ и въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній вели богатую торговлю сукномъ и тканями. Имъ принадлежало нѣсколько „крамныхъ коморъ" (т. е. лавокъ) на рынкѣ, нѣсколько домовъ въ городѣ и за городомъ, большіе склады сукна и различныхъ тканей и т. д. На фамильной печати Митковичей красовалась эмблема ихъ торговли—два „локтя", лежащіе крестообразно, и двѣ буквы: Ѳ. М., въ воспоминаніе предка Ѳедора Митковича, положившаго основаніе торговой фирмѣ („Паны Ходыки" В. Б. Антоновича. Кіев. Стар. 1882 г. № 2).

муемо тымъ нашимъ доброволънымъ, вечыстымъ листом записом всим вобецъ кому то ведати належытъ нинешнего и на потом будучого веку людемъ ижъ есьмо на вечность продали пустили поступили и водле права вздали добра свои власные то ест две коморе крамныхъ въ рынку Киевском сумест з собою, обмежу болницы або шпиталя меского на кгрунте ратушном для хорых поставеного з одное. А коморъ ихъ милости братства Киевского названыхъ: Серединъскихъ з другое стороны противу церкви соборное светое пречыстое мурованое, лежачые с пляцом и кгрунтом земленым, на которомъ тые обе две коморе стоятъ, волные вечистые некуничные никому нивчомъ не пенные не заведеные и жадными презыски необтяжоные, мне Луцыи Митковичовне позешломъ с того свету пану Хведору Митковичу бурмистру Киевскому пану отцу моему на част мою прышлые и прыпалые. А през пана Сызона Балыку бурмистра Киевского и опекуна моего до рукъ и посесыи... поданые и пущоные речоные Митъковские зо всими пожитками малыми и великими с тыхъ обудвухъ комор и кгрунту ихъ належачыми, ничого тамъ собе жадного права панъства власности росказованъя, и пожитковъ не вымуючы, и не зоставуючы Але заразъ зо всимъ огуломъ продали есмо ихъ милости паномъ ктутором старшым и всим братчиком церкви заложеня Богоявления Господня братства Киевского теперешнимъ и по ним наступуючым на вечные и векуистые часы за певную готовную и тераз зараз до рукъ нашихъ дошлую и отданую суму пенезей то ест за трыста золотыхъ полских с которое отданъя и упщенъя мы обое малжонкове помененныя их милости пановъ братство Киевское квитуемо вѣчне. И вже отъ сего часу тераз зараз даемо волность и моц зуполную и досконалую помененымъ ихъ милости братъству Киевскому в тые добра отъ насъ ихъ милости проданые то есть две коморе звышъ менованые люб през возного земского, которого собе спософбят, або през урядъ меский Киевский интромитоватисе до

посесыи люды владзы и диспозыцыи своее взяти; а взявшы тыхъ добръ яко свое власности держави мети пожитки з них брати и ихъ прымножати потребы и речи братские в них.... Кому хотечы дати такъже продати заменити заставити в наем давати арендовати и яко хотечы водле воли и найлепшого баченья и уподобанья своего шаровати и дыспоновати вѣчными часы и ихъ паны посессорми и державчими векуисте быти маютъ: А мы вже вышъменованые малжонкове обое сами и потомкове наши до тых добръ вышъменованыхъ то есть до двохъ коморъ до ихъ кгрунтовъ и пожитковъ жадного дѣла и потребы мет в поссесыи держаню и уживанъю ихъ милости паномъ братству Киевскому теперешним и по них будучымъ неперешкажат жадного и никоторого импедименту чынити не маем и мочи не будемъ и по нас потомкове наши не маютъ и мочи не будут вѣчными часы. И о вшемъ от вшелякихъ импедиментовъ и трудностей хтобы колвекъ о тые добра их милости чынить и задавать хотѣлъ и задавалъ мы обое малжонкове а по нас потомкове наши ихъ милости братство Киевское и одного кот(орого з) туторовъ еслибы што ото мѣлъ, въ кождого суду и права боронить заступовать и своимъ власным коштомъ и накладомъ очыщать маемо и повинни будемо тылекрат иле того потреба укаже. А то подъ закладомъ на ихъ милости братство Киевское трох сот золотых полских и под нагороженъемъ всихъ шкодъ и накла(домъ на го)лое реченъе слова их милостей ошацованых ....нью закладъ и по нагороженъю шкодъ ....стому запису нашому и его понктомъ и артыкуломъ во всемъ... доскანале досыть чыныть повинни будемъ и самый тот вечыстый записъ нашъ в кождого суду при зуполной и доскональой моцѣ захованъ и держанъ быти маетъ вѣчными часы, о который закладъ и шкоды яко овласный долгъ даемо волность их милости себе и потомков своихъ позвати до вшелякого суду и праза, а мы позвани будучы прочь вшелякихъ зволокъ дылацый и их прозыквуцый не за-

живаючи жадныхъ оборонъ и добродѣйствъ правныхъ заклядъ отложить и шкоды нагородить. А пред се сему запису нашему и его всимъ коидыцномъ досыть чинить маемо. А по насъ потомкове наши маютъ и будутъ повинни и на томъ мы вышейменоване малжонкове их. милости паномъ братству кіевскому дали тотъ нашъ вѣчистый лпстъ записъ под печатми и подписами рукъ нашихъ власныхъ, до которого для болшое вѣри и твердости за усною и очевистою прозбою нашою печати свои приложить и руки свои, ствержаючи сесь записъ нашъ подъписати рачимо их милость панове а пріятели наши имены нижейменованые. Писанъ у Киеве року Божого тысяча шестсот двадцат четвертого генваря 5.

V. ✓

Выпись изъ книгъ кіевской ратуши объ отдачѣ Петромъ Могилою братскому монастырю села Поздняковъ.

8 марта 1635 года.

Выпись с книгъ кгродских воеводъства Киевъского. Року тисеча шетьсотъ тридцать пятого мѣсяца марьца осмого дня.

На уряде Кгродскомъ в замъку Его Королевской Милости Киевъскомъ передомъною Иваномъ Липлянскимъ подъ воеводымъ Киевъскимъ, постановивъшись очевисто возный Енералъ: воеводства Киевъского шлякетъный Андърей Висковъский, ясне явне къ записаню до книгъ нынешнихъ кгродскихъ Киевъскихъ сознал: ижъ онъ маючи при собе шляхъту, людей добрыхъ вери годныхъ пана Ивана Климъчицъкого и пана Богдана Голосевъского въ року теперешънемъ тисеча шестъсотъ тридцать пятомъ мѣсяца генъвара девятого дня, за урядовою реквезициею велебного его милости отъца Езанаща

Трофимиюся Ректора Коллеиюмъ Киевъского при церки Братъской заложенъя, Богоявленъя Збавителя нашого Езуса Христуса и всихъ законъниковъ рекгулы светого Базилея в монастыре при церкви пречеченой Братской будучой, былъ на справе и потребе в селе Панъковъщчизнѣ алъбо Позняковъщчизнѣ за Днепромъ межи добрами Печеръскими, Николъскими и Выдубицъкими лежачимъ, которое то село Позняковъщчизну ведлугъ запису ясне превелебного Его милости отъца Могилы Архиепископа Метрополита Киевского Галицкого и всея Росии аръхиманъдрита Печерского в кгроде тутешнимъ Киевскомъ на пречечоное село Позняковъщчизну сознаного, пречеченого велебного отъца ректора и всей братъи законъникомъ прикенованномъ, монастыре Братъскимъ Киевскимъ будучихъ в добро пречечоное Позняковъщчизну инътромитътовалъ, в посесъсию, моця и спокойное держанъе со всѣми подъдаными и вшелякими прилегълостями подалъ, которое инътромисъсии самъ пречечоный ясне превелебный Его милость отецъ Митрополитъ Киевъский Галицъкий и всея Роси аръхимандритъ Печерский доброволъне подалъ и поступивъ яко се тыя добра в своихъ границахъ и обходахъ маютъ и яко з давныхъ часовъ такъ анътецесъсорове Его милости, яко и Его милость самъ спокойне заживалъ около кгрунту того Наместникови своему Печеръскому велебному отцу Филатееви Кизаревичови указавъ и объвесть росказавъ, гдемъ я за указанъемъ пречечоного велебного в Христусе отъца наместника Его милости былъ напродъ урочища пречечоное вси, и такъ есми около вси и кгрунту Позняковъщчизны за указанемъ доброволнымъ пречечоного Наместника Его милости отца Метрополита тые вси кгрунты Позняковщчизну способомъ вышей описанымъ з менованемъ границъ безъ вшелякое перешкоды въ моцъ и держане спокойное пречечонымъ ихъ милости отъцомъ закочникомъ Коллеиюмъ Киевъского Братъского подалом и поступиломъ просечи, абы таковое его сознане до книгъ

кгродскихъ Киевъскихъ было принято што отрималъ, с которых и вес выпис подъ печатю кгродского Киевского есть выданъ. Писанъ въ Киеве.

М. П.

Корикговалъ *Стривязскій.*

Possesyia oycom Brackim Kiiowskim w Pozniakowszczyzne od Eo Msci oyca Metropolity.

Ano 1635, марца 8 die.

VI.

Выпись изъ земскихъ книгъ кіевскаго воеводства объ уступкѣ братскому монастырю кіевскимъ жителемъ Христофоромъ Сулимовскимъ пляца на Подолѣ.

30 января 1632 года.

Выпис с книг земских воеводства киевског.

Лѣта божог нарожденя тисеча шест сот тридцат второг мца генъвара тридцатог дня.

На роках судовых земских Киевских назавтріе по трех кроляхъ святе рымском в року звыпъ менованом припалых и судовне отправоват зачатых перед нами Стефаном Акъсаком судею а Лукашем Виговским подсудком врядниками судовыми земскими киевскими постановивъшисе очевисто у суду ур(оджоний Его) Мл. пан Крыштоѳъ Сулимовскй, ку виписанъю д(о книгъ) киевских покладал лист доброволный запис свой с печат(ю и подпи)сом руки своее; такъ же с печатми и с подписами рукъ ...... печатаровъ, у тог запису подписаных, от себе вел(ебным) отцомъ Бернардыном кляштору у Киеве будучог на даровизну пляцу кгрунту зъ огородом и з будованем на том пляцу, з (ку)ничником на нем мешкаючим, у месте Киеве лежачог в том запи(су) границ его менованых, и о том всем ширей доложоног досный и належачый, которого устным и очевистым сознанем своим зствер-

дивъши, просилъ, абы принят и у книги нинешние уписанъ уписанъ был. Мы суд, оный принявши перед собою, чытат и у книги уписат велели есмо, которого писмомъ полским тые сут слова; Ja Krzysztof Sulimowsky czynie iawno u zeznawam tym moym dobrowolnym Zapisem, iz ia, maiąc grunt y pliac s ogrodem, z budowaniem na tym pliacu, na ktorym y kunicznik mieszka Mirom Kusznerz w miescie Kr. Je Msci Kyiowię, naprzeciwko kliasztoru Oycow Bernardynow przez Uliczkę miedzy domem Stefana Plotnika, mieszkaiącego na rodu przy drodzie, ktorą iezdzą z gury do miasta, a z drugiey strony Danila Zlotnika za tylem do Marcina Aptekarza, ktory to zwysz mianowany pliac z budowaniem mam od urodzoney paniey Polonii Olbiciowny Stefanowey Minkowsky za pewnym prawem w roku tysiąc szeszcsęt dwudziestym pierszym msca janwary dnia osmnastego Urzędownię przez woznego do possesij podanego mnie od panieij Polonieièy Olbeiowny Stefanowey Minkowskij oczewiscię y ustnię, za ktorą to possesyią do tego czasu w spakoyney possesij trzymalem y używalem, ktory to zwysz mianowany pliac wszistek z budowaniem wszistkiem y kunicznikiem daie, daruię na klasztor oycom Bernardynom w Kiiowię, y zaraz w moc y w dzierzenię y wżywanię wiekuistę postępuie przez woznego, ktorego oni sobie sposobią, ktorego to domu mego mianowanym oycom Bernardynom, iako jusz swego, wolno będzie zażywac y pożytki sobie wszeliakie, ktorze mnie nalieżaly, na potrzebę klasztorną obracac, a to bez żadney przeszkody odemnie samego y potomkow moych y obcych osob. Nawdaie ten list moy s pieczęcia y s podpisem ręky moiey, do ktorego tesz za oczewistą prozbą moią jch Msci panowie a prziacielie moy imiony wyrażanemi nizey przy pięczetiach swoych rękoma się swemi podpisac raczyli. Pisan w Kiiowie roku panskiego tysiąc (szes)ćsęt trzydziestego wtorego m-ca janwary dnia (dwu)dziestego siodmęgo. У того листу печатей притисненых чотыры а подпис рукъ тыми словы Krzysztof Sulimowsky ręką swą, Piotr z Bibersztaynu Kazimirsky ręką

swą, Filion Bohuszewicz Hulkiewicz, Waleryian Chruszliński ręką swą который же то запис за поданем и признанем особы верху писаное а за принятем нашим судовым до книг земских киевских увес слова до слова ест уписанъ, с которых и сес выпис под печатми нашими ест выданъ. Писанъ у Киеве.

Корыкговалъ *Сченлевски*.

Феодор Сущански Проскура
писар земски киевски.

VII.

Духовное завѣщаніе кіевскаго мѣщанина Семена Татарина съ уступкою Братскому монастырю дома своего,

25 января 1632 года.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Святыя и живоначальныя и нераздѣльныя Троица станся тая рѣчь ку вечной памети. Аминь.

Рабъ Божій *Семенъ Михайловичъ будучи з уроження татариномъ* однакъ окрестившеся и зоставши ожъ правдивымъ христіаниномъ а вѣрнымъ подданымъ Его Королевской милости и Речи Посполитое мещаниномъ Кіевскимъ будучи, ознаймую тымъ тестаментомъ остатнее воли моее всемъ вобецъ комубы однолколвекъ о томъ вѣдети належало нинешнего к на потомъ будучого веку людемъ ижъ я ачьколвекъ на сес часъ будучи от Господа Бога хоробою на теле моемъ навежонымъ однакъ на разумѣ, памети, и умысле далымъ и здоровымъ будучи, и о собе пилне уважаючи же кажды человекъ здоровый очекиваетъ хоробы, а хорый смерти, которая жадного человека оминути не можетъ: а такъ и я почуваючись быть в той хоробѣ моей веку остатнего, а ве-

даючи от справа посполитого, ижъ кождому добрами своими учитве набытыми яко хотечы шафовать есть волю, чиню и справую тот мой доброволной тестаментъ не будучи до того ни откого намовеный, а ни примушоный одно самъ з доброе волѣ своее; а напродъ душу мою поручаю и отдаю в руки милосердна пана Бога и Искупителя Моего Іисуса Христа, а тело мое грѣшное земли, а ижъ в себе кревныхъ приятелей которые бы се худобою моею опекать мели, а ни жоны и потомковъ, которымъ бы то по мнѣ належать мѣло не мало, прето за доброго разуму и зуполное памете моее, ужадалом с покорнымъ челобитемъ моимъ: ясне в Бозѣ велебнаго его милость Господина Отца Петра Могилу Архимандрита святое великое Лаври Печерское Киевское, такъ теза и братий иноковъ общежителного монастира Братского Киевского церкви Святыхъ Богоявленій абы Его милость весцолъ съ братею черницами братцкими Киевскими яко опекуны мои убогую маетностку мою през мене самого учитве набытую маючи в завѣдованю своемъ з ласки своее и ведле тестаменту сего моего на монастыри и церкви Божіи и на инише милосердные учинки для збавеня души моей пооддать росказать маютъ, а то есть меновите на монастырь Братства Киевского заложеня церкви Богоявленія Госцодня по животе моемъ отписую и легую домъ мой власный через мене самого побудованый на пляцу пана Креницкого куничномъ, в которомъ самъ мешкаю и огородъ мой власный куный за баштою мѣстскою крунтомъ лешачий в вечность. А што тежъ маю при Ничипору хмелю сумы своее власное пенезей полпетаста копъ грошей литовскихъ и байдакъ мой есть при немъ зо всими потребами до него належачими и котелъ мой одинъ при немъ есть десяточный: теды приехавши тотъ Нечипоръ Хмель з сѣвери мает тую суму истотную отдать и што зыску належать будетъ маетъ ее во всемъ скутечне уистить, а при собе в дому маю сумы готовое трыста копъ грошей литовскихъ, такъ тежъ виненъ ми есть человек добрый

Моисей мещанинъ тутошний киевский на запись шестдесят копъ грошей Литовскихъ. Которое то вси три сумы выпмененые на одно мѣсце зложивши (сумы чынят) двѣ тисячи и двадцать пять золотых польских. С которое то всее сумы отписую и его милость отецъ архимандритъ з братею иноками монастыра Богоявленского Киевского з ласки своее, то поотдавать маютъ. То есть на монастырь Братства Киевского двѣстѣ золотых полскихъ што тожъ панове Братство дали злотнику Стефану серебра гривенъ двадцать четыри на уробене лямпы од кождое гривны за роботу умовившы по чотыри золотыхъ на которую лямпу вже я даломъ задатку злотнику на работу золотыхъ полскихъ двадцать, теды и остатокъ отроботы тое лямпы стоежъ сумы пенезей моихъ его милость отецъ архимандритъ и черньцы братскии маютъ доплатити, а тело мает быти поховано при монастыру святого архангела Михаила Золотоверхаго ведле небожчицы жоны моее, на которой то монастырь Михайловскій отписую до полаты сто золотых полскихъ, пару Ковшиков сребреныхъ по гривнѣ и коня моего бѣлаго, а особливе его милости отцу митрополиту петдесятъ золотихъ, за которымъ даткомъ маютъ ихъ милость душу мою в вѣчны упоминникъ уписати и сорокоустъ отправити и тело мое поховати; на монастырь Печерской отписую сто золотихъ полских а особливе самому Его милости отцу архимандриту петдесятъ золотихъ. На монастырь святоеж Троицы при монастыру печерскому отписую готовых грошей копъ десетъ и чотыри мисы ценовыхъ великихъ, на монастырь Святого Николы Пустынского отписую сто золотых полскихъ. На монастырь Кирилский отписую сто золотыхъ полскихъ, на монастырь Межигорскій отписую сто золотых полскихъ и две чарки серебраныхъ, черницамъ законницамъ монастыра Печерскаго в способъ ялмужный отписую петдесятъ золотыхъ, черницамъ монастыра Михайловскаго отказую также петдесятъ золотыхъ, черницомъ при святомъ Николае Ерданъскомъ мешкаючимъ отписую тежъ

петдесятъ золотихъ полскихъ. За которымъ даткомъ въ поме-
ненных монастырохъ маютъ душу мою и жоны моеё в по-
минникъ вечный уписати и сорокоустъ по души моей отпра-
вить. На церковь Соборную мурованую Святое Пречистое
у Киеве отписую сто золотыхъ полскихъ, на церков Святого
Василіа у Киеве отписую петдесятъ золотыхъ полскихъ, на
церков святого Николая Притиского отписую петдесят золо-
тых полских, на церков Воскресенія Христова отписую пет-
десятъ золотых, на церков Святого Спаса отписую петдесятъ
золотых, на церков Святого Николы Набережского отписую
петдесятъ золотых, на церков Святого Иліи отписую десят
коп грошей и котел десяточный, на церков Святого Духа
отписую сто золотых полских, на церков святыхъ Бориса и
Глеба отказую трыдцат копъ грошей литовскихъ, на церков
Рождество Иисуса Христа отписую петдесятъ золотыхъ пол-
ских, на церков святого Николы Доброго отписую петдесят
золотых, на церков Покров Пресвятое Богородицы в замку
отписую копъ десет грошей. На монастырь святыхъ муче-
никъ Ѳрола и Лавра у Киеве отписую двадцать копъ гро-
шей. На церковъ святого Василіа на горе у Кіеве мурованую
отписую десет копъ грошей, на церковъ святого Ѳеодосія в
монастыру Печерскому отписую десетъ копъ грошей литов-
скихъ. Священъникомъ Кіевъскимъ кождому за позвонъное
и за проводъ отписую по копе грошей литовскихъ тожъ и
отцу діакону и уставніку маетъ быть дано, чотыромъ цехомъ
за проводъ што пойдутъ з свечами отписую по десяти золо-
тыхъ, а што в церквахъ то ест у святое Пречистое соборное
у братстве и у святаго Духа по души моей сорокоустъ от-
правоватее будет: священіку до каждоей церкви маетъ быть
дано по петнадцать золотыхъ полскихъ. А духовнику моему
отцу... бывшому духовскому, а теперешнему Ніколскому При-
тискому такъже за отправенъе сорокоусту по души моее от-
писую дылѣю мою лязуровую турскую край лиштвами ада-
машки червоное обложоны а што маю воску каменей два и

фунтовъ десять тотъ на свечи обернувшись маетъ. Якож сим тестаментомъ моимъ варую ижъ яко скоро по жывот моемъ тые выдатки зросказаня его милости отца Архимандрита а за старанемъ братіи чернцовъ Братскихъ Киевских яко опекуновъ моихъ на монастыри и на церкви (Божіи з) разомъ розданы быти маютъ, а што по отправе монастыре и церквей и по погребе тела моего и по всихъ выдатках от тое вprodu вышемененное сумы пѣнезей двохъ тисячей двадцати пяти золотых полских што колвекъ пенезей збывати будетъ то на памети по души моей мает обырнути; а иж того рештою пенезей всих паметей до року отправитсе не может, теды што маю в себе байдакъ такъ тежъ по части серебра фантъ и иншыхъ речий рухомыхъ и то все маетъ быт з росказаня Его милости отца архимандрита и братіи иноковъ Братскихъ Кіевскихъ продано а то ест меновите: тры ковъшики сребрныхъ грывне важат, чарку одну важыт грывну, лыжокъ сребрѣныхъ тузинъ важатъ гривенъ..., поясъ сребръный белоголовскый злотистый за котораго я самъ далемъ золотых полских шестдесятъ другий поясъ белоголовскый без позлоты бѣлый за котораго я далемъ золотыхъ сорокъ, два казаны меденныхъ великихъ которые важат каменей тры, тры котлы пебеляныхъ с которых пют напитокъ невеликие медены, олембикъ меденый што горелку перепускаютъ невелікий, меденъ есть одинъ фляшокъ пять цыновыхъ которые все важат..., две сковороде меденыхъ, одна новая а другая старая два тазика меденыхъ, два лихтара одинъ тройчатный а другой на одну свечку мосегодовые, самопалъ одинъ шабля под белымъ железом, кондра одна новая, килимовый одинъ, кулбака одна, ортыхъ паръ семъ, осетровъ вялых двадцать, шуба лися фалендышем чорнымъ крытая поношоная, сукманъ бурнатный з золотою строкою, хомутовъ чотыри старыхъ, шкура возовая, возовъ два, одинъ обшитый, а другой не обшитый, сокеръ шесть, путъ желѣзныхъ конскихъ четверы, шабля заставная подъ серебромъ Ивана Черещченка у двад-

цати копахъ грошей, чарка сребряная Θеодоры Савичны у десяти копахъ грошей, такъ тежъ што маю долгу на пану Мокиевскомъ мешкаючомъ подъ Бѣлою Церковью въ селѣ Красномъ безъ заставы и запису толко на слово шляхетское взычылъ десетъ копъ грошей литовскихъ маетъ Его милость отецъ архимандритъ и братія чернцы братские Киевскіе справить, до того тежъ шляхтичъ томужъ пану Мокѣевскому знаемый и презъ его самого заставилъ мне поясокъ сребръно злотистый не великій у осми золотыхъ. У Нечипора Хмеля у местных копѣек московскихъ есть осм рублей окром сумы помененое, и тыми вышпоменеными пенезми маютъ се памети по душе моей отправовать (до року), а тое отправованіе памете нигде индей толку в дому моемъ маетъ быть, а што теж по отправованю всих паметей пенезей што колвек збыват и застават будет, теды тую решту пенезей на церкви и и на ялмужны до шпиталей мает быти роздано, а што мнѣ виненъ Чапей Коваль двадцат коп грошей теды ему позволяю тые пенези до жывота его з интересу дорочного трехъ копъ грошей за певнымъ варункомъ держать, а с того интересу маютъ панове братство воскъ куповать с которого воску жебы свеча *передъ образомъ Святого Николы в церкви Братской черезъ мене наданымъ* николи не угасала, а подъ часъ смерти того Чапея маютъ господинове отцы и братіа монастыра Братского Кіевского тую суму выйсковшы кому иншому певному с такогож интересу дать жебы воск на тую свечу уставичне ишолъ, а над то якосе вышей в томъ тестаменте моемъ поменило и ку спроданю належачых речей меновитесе написало, болшей жадное маетности пенезей готовыхъ, злота, сребра, цыну, меди, коней, быдла, фантов и долгов собе винныхъ не маю; И я тежъ никому нічого не виненъ, толко Богу милостивому душею, такъ тежъ и жадного людского схованя и депозиту ни якого на мнейшое речы в себе не маю, а затымъ сес тестаментъ мой кончаю, варуючы то, абы ни откого нивчомъ и в наменшом пункте

нарушоный не былъ подъ неблагословенствомъ пана Бога всемогущого и подъ клятвою святыхъ соборныхъ Никейских отцов трохсот и осминадесят, и кождого таковового нарушателя сего тестаменту остатнее волі смоее если бы урядъ який або хто колвек и якое колвек кондыцней человек мимо сес тестаментъ мой тому кому штомъ колвек на сем тестаменте моемъ отписалъ якое колвек затрудненее чынить мел взыванѣ на страшный судъ Божый гдесе зо мною розсудит передъ милостивым Богом на страшномъ и нелицемѣрномъ суде Христове, который отдастъ кождому ведлугъ заслугъ его и клятка святых отцов на таковомъ кождомъ яко се вышъ поменило маетъ зоставати. И на томъ я Семенъ Михайловичъ даю и зоставую по себе тотъ тестаментъ мой, до которого за устною и очевистою прозбою моею ихъ милости панове шляхта и иншые вѣры годные люде руки свои подписали и печати приложыли яко то его милость панъ Даніелъ Голубъ панъ Крыштофъ Щенявскій, панъ Мартинъ Климовичъ, Авдѣй Соляникъ Адиновскій, панъ Федоръ Аношкевичъ, панъ Өедоръ Мостицкій возный и енералъ воеводства Киевского, панъ Яцко Зданкевичъ, дѣялосе въ Киеве року отъ нароженя Сына Божого тысяча шестсотъ тридцать второго мѣсяца генваря 25 дня.

Устне и очевисте прошоный печентарь отъ пана Семена Михайловича *Даніель Голубъ.*

Устне и очевисте прошоный печентарь одъ пана Семена Михайловича *Криштофъ Щенявскій* рукою власною.

Устне прошоный о подписъ ренки до тего тестаменту одъ пана Семена Михайловича *Федоръ Онушкевичъ* козакъ войска его к. м. запорожского.

Очевисте прошоны печантарь до тего тестаменту *Яцко Зданкевичъ.*

Очевисте прошоный печатарь одъ пана Шемьона Михаловича *Марцинъ Климовичъ.*

Одъ Семона Михаловича до тего тестаменту за живота очевисто прошоный печентарь *Мостицкій Федоръ* генералъ ренкою властною.

Авдѣй Селяникъ Авдиновскій власною рукою.

Року 1643 мѣсяца іюля 10 дня за потребованемъ и прозбою въ Бозе велебного господина и *отца Іосифа Кононовича Горбацкою ректора и игумена на тотъ часъ церкви Бюявленія Господня Братское* тот тестаментъ до книгъ меских кіевскихъ принять и вписать позволяемъ.

Самойло Мевѳедовичъ в. к. рукою власною.

VIII.

Выпись изъ книги Кіевской ратуши о принадлежности братскому монастырю Хмѣлевскаго пляца.

15 мая 1643 года.

Выпис с книгъ мѣскихъ права Майдеборского Ратуша Киевского.

Перед нами Самойломъ Меѳедовичом Войтомъ, а Богданомъ Самойловичомъ Бурмистромъ, и перед райцами и лавинками судомъ зуполна засѣлымъ въ ратушу Киевском, ставши очевисто учтивые Ѳедоръ Семеновичъ Оксинъя Отрошковна малжонкове мещане Киевские будучи здоровы и волны так на теле яко и на умысли, явне ясне и доброволне дле записанъе до книгъ нинишнихъ мѣскихъ Киевских, признали лист доброволный вечистое даровизны дому и пляцу своего, тутъ в месте его королевской милости Киевскомъ в певныхъ межахъ и границахъ кгрунтомъ лежачого записъ в Бозѣ велебному его милости господину *отцу Іосифу Кононовичу Горбацкому игуменови и ректору монастира братства Киевского* и всей еже о Христѣ братии чернецомъ капитули къ тому помененному монастыру брацкому дарованый подъ

печатми и с подписами рукъ пановъ приятель ихъ; на томъ записе имены и прозвески выравне менованыхъ, за прозбой ихъ подписаныхъ, якожъ на вси кондицыи и обовязки в немъ написаные доброволне позволивши помененые малжонкове просили, абы принятъ и до книгъ мѣскихъ з правъ судовыхъ былъ уписанъ. А такъ той урядъ видячы быть речь слушную, той листъ вечистое даровизны ихъ записъ приимуючи передъ собою читать а по прочитаню уписать зазалисмо, и одъ слова до слова такъ ее въ собе маетъ: я Θедоръ Семеновичъ и Оксимья Отрошковна Каленикова малжонкове и обывателе Киевские, юруздицы. Одступивши вшелякихъ свободъ и добродѣйствъ правныхъ, а подъ сес теперешний листъ доброволный записъ нашъ самыхъ себе потомкы и добры наши вшелякие лежачие и рухомые поддаючи доброволне вызнаваемо и явне чинимо сами на себе, симъ нашимъ листомъ доброволнымъ записомъ; всимъ вобецъ и кождому зособна кому бы колвекъ о томъ теперъ и напотом завше ведати належало, ижъ мы ведаючи то добре с права посполитого, же кождый обыватель и мещанинъ Киевский воленъ есть маетностями своими и вшелякими яко колвекъ с продковъ набытыми будь лежачими рухомыми ойчистыми и матерыстыми, яко хотечы водлугъ воли и вшелякого уподобаня своего шафовать и оными диспоновать, про то и мы Θедоръ Семеновичъ и Оксимья Отрошковна размышлившысь на то добре домъ и пляцъ нашъ власный, тутъ в месте его Королевской милости Киевскомъ объ межу пляцу некгдысь Сенки Родконовича з которымъ тотъ пляцъ прозываемый Хмелевский, набывши отъ пана Путяты на две части поделили продкове наши. А теперъ ихъ милостей отцовъ Братскихъ, а з другое стороны некгдысь Нечыпора Хмеленька, а теперъ Его милости отца Митрополита Киевского, з тылу зась некгдысь пана Θедора Ходыки Креницкого [1]), а теперъ велможного его милости пана Адама

[1]) Въ XVI и XVII вв. паны Ходыки были воротилами городскаго самоуправленія въ Кіевѣ. Предки Ходыкъ носили фамилію Кобызевичей. Это были

Киселя Каштеляна Черниговского [1]) кгрунтомъ лежачый на улицы Хмелевской, волный нивому нивчомъ не пенный и не заведенный, с милости нашое тотъ кгрунтъ на вечные и некгды неворочаючыисе часи, на монастыр братский Киевский заложенъя церкви Богоявленъя Господ{н}я, дали даровали, и нинишнимъ записомъ даемо и даруемо велебному в Бози его милости *отцу Iосифу Кононовичу Горьбацкому игуменови и ректору Братскому Киевскому* и всей капитулѣ братской Киевской имъ самымъ и по нихъ наступуомъ ихъ, и вже отъ сего часу и данъя волно есть и будетъ пречоному его милости отцу игумену вымпомененому и всей капитулѣ монастыря Братского Киевского, и по нихъ наступуючимъ на томъ пляцу будуватьее на немъ спокойне самимъ мѣшкати,

бояре, приписанные въ XVI столѣтіи къ мозырскому замку. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія. Фамилія Ходыкъ дана была Кобызевичамъ въ качествѣ клички. Впослѣдствіи они стали подписываться исключительно новою фамиліей. Изъ Ходыкъ по своимъ дарованіямъ и богатству выдавался Василій Запасаясь документами, которые должны были открыть ему доступъ въ шляхетсво, Василій Ходыка сталъ пріобрѣтать поземельную собственность: въ 1586 году онъ купилъ у шляхтича Гулевича село Криничи и съ того времени сталъ именов{а}ться Ходыкою-Криницкимъ, а сынъ его подписывался просто Өеодоромъ Криницкимъ. Всю свою поземельную собственность Василій Ходыка передалъ (въ 1616 г.) единственному своему сыну Өеодору. Өеодоръ Ходыка отличался безпокойнымъ нравомъ и склонностію къ самоуправству. Громадное наслѣдство онъ еще увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, большею частію захваченными насильно. Впрочемъ, это большое состояніе, пріобрѣтенное темными средствами, оказалось непрочнымъ. Козацкое возстаніе охватило всю территорію, на которой помѣщались маетности пановъ Криницкихъ и уничтожило безслѣдно ихъ благосостояніе („Паны Ходыки" В. Б. Антоновича. Кіевск. Стар. 1882 г., № 2).

[1]) Адамъ Григорьевичъ Кисель происходилъ изъ небогатаго рода сѣверозападной Волыни, гдѣ ему принадлежало во владимірскомъ повѣтѣ имѣніе Низкиничи съ селищами Коневичами и Подгайцами. Онъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ фамиліи, достигшимъ сенаторскаго званія и вліятельнаго положенія въ Рѣчи Посполитой. Онъ родился въ семидесятыхъ годахъ XVI в. Сначала онъ служилъ подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго, а потомъ подъ начальствомъ Ходкевича и Конецпольскаго. На конвокаціонномъ сеймѣ 1362

пожытки з него приходячые на себе спокойно ужиьать дати, яко хотечы онымъ диспоновати, записати зо всимъ будованъемъ, такъ земнымъ яко и подземнымъ, и всѣми его приналежностями огородами и деревомъ садовымъ и всими меноваными и немеными пожитками и прыналежностями до того пляцу належачими, яко властностъю своею шафровати и оборочати на вѣки. А мы вже сами и по насъ потомки блязкие кровние и повинные наши и нихто иншый до того пляцу, жадного выступу дѣла и потребы мѣти не маетъ, и некоторого затрудненъя о тотъ пляцъ и домъ такъ тежъ и якую колвекъ часть его милости отцу игуменови и ректорови вышпомяненому его наступцомъ и всей капитулѣ монастыря Братского Киевского чинить и задавать не маемъ и мочи не будемъ, и не маютъ и мочи не будутъ вѣчне; то подъ закладомъ шестисотъ золотихъ полскихъ и подъ нагороженъемъ на голое реченъе словъ ошацованыхъ шкодъ, безъ вшелякое телесное прысяги, и о вшемъ отъ вшелякихъ импедиментовъ правныхъ и неправныхъ, презъ кожъ колвекъ задавалыхъ боронити и заступовати мы сами, а по насъ потомки и сукцесорове наши, през вси давности земские маемъ и повинни будемъ, за кождое невыполнение и вчемъ колвекъ нарушене сего запису

года онъ вмѣстѣ съ Древинскимъ и Ворончемъ, выдѣлился какъ искусный защитникъ интересовъ православія. Послѣ коронаціи Владислава IV, Кисель остался при его дворѣ и исполнялъ разнообразныя порученія, возлагаемыя на него королемъ. За услуги, оказанныя имъ въ войнѣ съ Москвою, ему предоставлена была должность черниговскаго подкоморія и вмѣстѣ съ тѣмъ ему была поручена ближайшая административная власть надъ козачествомъ. Во время переговоровъ съ Москвою онъ назначенъ былъ туда посломъ и за успѣшное выполненіе возложенныхъ на него порученій возведенъ былъ въ 1648 г. въ достоинство воеводы брацлавскаго, а потомъ вскорѣ былъ назначенъ Кіевскимъ каштеляномъ. Во время возстанія Богдана Хмельницкаго веденіе переговоровъ съ нимъ было поручено Киселю, и онъ такимъ образомъ выступаетъ въ качествѣ комиссара Рѣчи Посполитой. Въ награду за эти услуги онъ получилъ назначеніе на Кіевское воеводство. Послѣдній годъ своей жизни онъ провелъ вдали отъ общественныхъ дѣлъ и умеръ въ 1653 году (Адамъ Кисель, воевода Кіевскій. Ив. Новицкаго. Кіевск. Стар. 1885 г., №№ 9—12).

нашого, подъ закладомъ и подъ нагороженъемъ шкодъ на голое слово реченъе ошацованыхъ, ошто все яко и о кождую речь зособна в семъ лестѣ запися намъ дарованомъ даемъ волность и позваляемъ позвати мене самого, жону дѣти и потомки наши, до якого колвекъ права так меского, яко и шляхецкого земского кгродского и трибуналского позвомъ и рокомъ бы на корочымъ правнымъ и неправнымъ; теды будучи позваные мы сами, а по насъ потомкове наши ничимъ не вымовляючисс, жадныхъ апеляцый прозыкуцый и иншимы добродѣйств.л правными незакладаючись а ни се вымовляючи передъ кождымъ судомъ и урядомъ на первомъ року яко назавитомъ маемо и повинни будемо стать, а ставувши до належности суду справы, актора самого и умоцованого своего не закладаючи се не вымовляючи ничимъ року позву и положенъя его, не збиваючи ничымъ диляцый жадныхъ, а ни мунимента с которыхъ бы евкторъ показалъ а ни самого евктора не заживаючи давностями жадными не штытечнеѣ, зъ мѣсца судового не сходитъ, отъ декрету судового не апелуячи, усправедливитисѣ, закладъ вышпомененый заплатить шкоды о которие быхмо запозваны были нагородить, тылекротъ иле крот бы того потреба указовала, а за шкоды досыть учинивши и закладъ заплативши предъ сѣ сесь листъ доброволное вечистое даровизны у кождого права и суду при зуполной моци заховалъ и держалъ быти маетъ, который же то листъ записъ вечистое даровизны нашое маемо и повинни будемо прызнать сами особою своею очевисто ставши и до книгъ дать уписать мѣскихъ киевскихъ заразъ подать того листу нашого напродъ припадаючого, и на письмо дали намъ листъ доброволный вечистое даровизны записъ з печатми и з подписами рукъ отъ насъ яко неумиетных писати упрошоныхъ пріятель, а дле лѣпшое вѣры и твердости сего листу запису нашого ужили есмо наших паповъ пріятель нашихъ о приложене печатей и подписъ рукъ имены и прозвиски нижей на подписех вы-

раженыхъ. Писанъ в Киеве року тисяча шестсот четыредесят третего месяца маия третего дня, у того листу вечистое даровизны запису печатей притесненых чотыри, а подписъ рукъ тыми словы:

Махайло Балыка рукою.

Bazili Котопеzky чепкой

Сафонъ Григоръевич рукою власною.

Лукажъ Григоръевичъ Скорына старшый лавникъ рукою власною.

Который же то листъ записъ за очевистымъ и доброволнымъ признаниемъ презъ помененых малжонковъ обоихъ, а за принятиемъ нашимъ врадовымъ увесъ слово въ слово до книгъ мѣскихъ Кіевскихъ есть уписанъ, с которых и сесь выписъ подъ печатю мѣскою радецкою Киевскою есть выданъ. Писанъ въ ратушу Киевскомъ.

На мѣсцу писарскомъ подписаломсе до того экстракту Уласъ Железковичъ подписокъ присяглый мѣский Киевский рукою власною.

Корикговалъ съ книгами Петръ рукою власною.

М. П.

IX.

Продажная запись Воронича Братскому монастырю на Солениковскій пляцъ на Подолѣ.

23 марта 1647 года.

Stanowszy oczewisto urodzeni ich mść pan Daniel Ierzy Woronicz skarbnik ziem kiiowskich y pani małżonka iego mści iey mść pani Ewa Zaleskiego Worowiczowa skarbnikowa kiiowska, iaw-

---

Ставши очевисто урожденые их милости панъ Даниилъ Юрій Вороничъ скарбникъ земель Кіевскихъ и пани малжонка его милости ея милость пани Ева Залѣского Вороничова

nie iasnie y dobrowolnie zeznali y to oczewiście na urządzie dzisieyszym stwierdzili, iż co dali pewny zapis w Bodze wielebnemu iego Msci Oycowi Innocentemu Gizielowi, rektorowi collegium Bractwa kiiowskiego y wszystkiey kapitule iego, z condycyami, obowiąz kami, w tem zapisie mianowanemi, ktory to zapis z datą w Kiiowie w roku teraźnieyszym tysiąc sześćseth czterdziestym siódmym Mca Marca dnia dwudziestego trzeciego pod zakladem szesciu tysiący zlotych polskich w samey rzeczy należącey dowodnie w sobie wyraża. Tedy mianowani Jch Msc. ten zapis w dacie y w zakladzie mianowany to teraznieyszym zeznaniem *in toto* we wszytkich punktach, paragrafach, clausulach stwierdzaią, roboruią y tak jako wlasnie zeznany u każdego prawa y sądu przy mocy y ważnosci miec chcą obowiązuiąc się ze wszytkiemi dobrami swemi dosyc conditiom, w tem zapisie opisanym, czynic, pod takowym że zakladem szesciu tysiący zlotych polskich y pod szkodami slownie mianowanemi, o ktory to zaklad y szkody w niezaplaceniu tego zakladu *modo premisso* naznaczamy sobie *forum generale* we wszytkiey Koronie, a osobliwie w sądzie ziemskim grodskim woiewodstwa kiiowskiego, gdzie powinni będziemy iako my sami, tak y po nas potomkowie y

---

скарбникова Кіевская явно ясно и доброволно сознали и то очевисто на урядѣ нынешнемъ подтвердили ижъ што дали певный записъ в Бозѣ велебному его милости отцу Иннокентію Кгизелю ректору коллегіи братства Киевского и всей капитулѣ его з кондициями обовязками в томъ записѣ именоваными который то записъ з датой въ Кіевѣ в року теперешнемъ тисяча шестсот сорокъ седмомъ мѣсяца марта двадцать третого дня подъ закладомъ шести тысячъ злотихъ полскихъ въ самой речи належащей доводие въ себѣ выражаетъ тогда именованые ихъ милости тотъ записъ в датѣ и в закладѣ именованый то нинешнимъ признаніемъ in toto во всѣхъ пунктахъ параграфахъ, клявзуляхъ утверждаютъ укрѣпляютъ и такъ якъ власне сознаный у кождого права и суда при мочи и важности имѣть желаютъ обязуясь со всѣми добрами своими досыть кондиціямъ в томъ записѣ описанымъ чинить

successorowie nasi maią y powinni będą za perwszym pozwem y na perwszym terminie, iako zawitym, stawic się a stawiwszy się żadnemi ratiami terminu by naykrotszego nie burżyc, *forum* actorowi y actiey nieważnosci żadney nie zadawac, *praescriptione causae* dawnoscią y zastarżaloscią zapisu także y *fataliis* nie bronic się, nieporządnemu pozwowi żadney a żadney ogułem impugnacyey nie czynic, *decreta* jakekolwek przeciwno nam y successorom naszym *in partem* powodowey strony staną przymowac, od przeciwnych nie appellowac, interponowanych appellacij nie prosequowac y owo zgola żadnych exceptij, dillacy y obron, które ieno kolwek z prawa pospolitego y z dowcipu ludskiego wynalezc się mogą, nie zażywać, ani też *legalibus impedimentis*, to iest poselstwem tak w Państwach koronnych iako też y za Panstwem koronnym, morowym powietrzom, wylaniem rzek, wtargnieniem nieprzyiaciela krżyża swiętego w Panstwa Koronne, pożegami, *in genere* wszelakiemi exemptami żolnierskimi, dillacyami większey sprawy, dillatiami prostych chorob a w ostatku y prawdziwey choroby, ponieważ *satisfactia* zawsze swoy effect brac może nie zaslaniaiąc się, ale tam że zaraz nie odchodząc od sądu zaklad pomieniony placic, a zaplaciwszy *nihilomi-*

подъ таковымъ же закладомъ шести тысячъ злотыхъ полскихъ и подъ шкодами словне менованными, о который то закладъ и шкоды в незаплаченіи того закладу modo premisso назначаемъ себѣ forum generale . . . а особливо въ судѣ земскомъ гродскомъ воеводства Кіевского гдѣ повинни будемъ якъ мы сами такъ и по насъ потомки и поссессоры наши имѣютъ и повинни будутъ за первымъ позвомъ и на первомъ терминѣ яко завитымъ ставиться а ставившися жадными раціями сроку наикратчайшого не бурить форумъ—акторови и акціи не важности жадной не задавать preseriptione causae давностію и застражалостію запису также и fataliis не обороняться не порядному позву а жадной огуломъ импугнаціи не чинить, декреты якіе колвекъ противу насъ и сукцессоровъ нашихъ in partem поводовой стороны станутъ принимать отъ противныхъ не апелловать интерпонованыхъ апелляцій не просекво-

nus we wszystkim w tym zapisie wyrażonym conditiom aż do skutecznego ich wypelnienia do sic czynic my sami mamy y powinni będziemy, a po nas successorowie nasi maią y powinni hędą tylokroc, ilekroc tego potrzeba ukaże *in toto* dosyc czynic; a jeżeliby, — czego strzeż Panie Boże, —*inter(r)egnum* nastąpiło, tedy y przed sądami kapturowemi w tym woiewodstwie kiiowskim pod temiż conditiami y warunkami sprawic się y sprawowac się maią y powinni będą po nas successorowie nasi, w ostatku ieżelibysmy my sami a po nas cuccessorowie nasi dali się processowac y ta by sprawa z processu na trybunale jakim że kolwiek sposobem prawnym przypadla, tedy żadnemi a żadnemi *in genere* ratiami *male obtenti* ani przysięgą żeby żadna *remora* w tey mierze nie byla, tylko samą satiffactią y zaplaceniem pieniędznym nie ma być znoszona *presenti inscriptione in premissis mediante* na co dla lepszey wiary ręką samego mnie skarbnika wlasną y imieniem malżonki mey, która pisac nie umie podpisany, także za ustnym uproszeniem jch Msciow p.p. przyt.(omnych), ktorzy (na pod)pisach niz(e)y są mianowani, tę roboracyą iego Msci oycowi rectorowi collegium Bractwa Kiiowskiego y wszytkiey kapitule braciey przy tym collegium mieszkaią-

---

вать и ово згола жадныхъ екценты диляціи и обронъ кторҍ ено колвекъ справа посполитого и з довцыпу людского вынаlесть се могутъ не заживать и ни тежъ legalibus impedimentis, то есть посолствомъ такъ въ панствахъ коронныхъ яко тежъ и за панствомъ коронным моровымъ повҍтріемъ вылеваньемъ рҍкъ вторженіемъ непріятеля креста святого в панство коронныя пожарами in genere вшелякими экцентами жолнерскими диляціями всякой справы диляціями простыхъ хоробъ а в остатку и правдивой хоробы поневажъ сатисфакція завсегда свой эффектъ брать можетъ не заслоняючись но тамже заразъ не отходя отъ суда закладъ помянутый платить, и заплативши nihilominus во всемъ томъ записҍ выраженымъ кондиціямъ ажъ до скуточнего ихъ выполненія досыть чинить мы сами маемъ и повинни будемъ, а по насъ сукцессоры наши маютъ и повинни будутъ тиле-

czym daiemy. Datt w Kiiowie roku tysiąc szescset czterdziestego siodmego Mca Marca dwudziestego trzeciego dnia.

Daniel Woronicz.

Skarbnik ziem kiiowskich sam od siebie y imieniem małżonki mey paniey Ewy Zaleskiego Woronowiczowej skarbnikowey kiiowskiey ktora pisac nie umie, ręką własną podpisuią się.

Ustnie proszony pieczetar od obeyga jch Mscw w tym zapisie mianowanych *Daniel Holub.*

Ustnie proszony pieczentar iego Msci pana skarbnika kiiowskiego y iey pani małżonki P. Msci, iako pisar nieumieioncey, renko swą podpisuie sie *Samuel Woronicz* Gzesnik Czernihowskiy.

Ustnie proszony pieczętar od oboyga jch Msciow *Prokop Werescsaka* komornik graniczny Czernihowskiy.

кротъ илекротъ того потреба укажетъ in toto досыть чинить, а ежелибы—стереш пане Божд—interregnum наступило, теды и предъ судами кантуровыми въ томъ воеводствѣ Кіевскомъ подъ тѣмиже кондиціями и варунками справиться и сtowards вoваться имѣють и повинни будутъ по насъ сукцессоры наши, на остатку ежелибы мы сами а по насъ сукцессоры наши далися процессовать и табы справа с процессу на трибуналѣ какимъ либо способомъ правнымъ припала, тогда жадными, а жадными in genere раціями male obtenti а ни присягой жеба жадно четоча в той мѣрѣ не была толко самой сатисфакціей и уплатою денежною нема быти знотона. Praesenti inscriptione in premissis mediante, на што для лѣпшой вѣры рукою самого меня скарбника власною и именемъ малжонки моей которая писать не можетъ подписаный также за уст-

Anno 1647 26 martis personaliter coram judicio conjuges suprascripti comparentes, recognoverant roborationem inscriptionis, suscepit *Alexander Lenkiewicz* Spokorski podwoiewoda kiiowski m. p

---

нымъ упрошеніемъ ихъ милостей пановъ пріятелей (которые) при подписяхъ суть поименованы ту рогорацію его милости отцу ректору коллегіи братства Кіевского и всей капитулѣ братской при томъ коллегіумѣ мѣшкаючей даемъ. Данъ въ Кіевѣ року 1647 марта 23 дня.

Даниилъ Юрій Вороничъ скарбникъ земель Кіевскихъ самъ отъ себя иименемъ малжонки моей пани Евы залѣского Вороничовой скарбниковой Кіевской которая писать не умѣетъ рукою своею власною подписуюся.

Устне прошоный печатаръ его милости пана скарбника Кіевского и пани малжонки. . . яко писать не умѣючей рукою своею подписуя *Самуилъ Воро-ничъ чесникъ Черниговскій.*

Усне прошоный печатаръ отъ обоихъ милостей въ томъ записѣ менованыхъ *Даніилъ Голубъ.*

Усне прошоный печатаръ отъ обоихъ ихъ милостей *Прокопъ Верещака*, коморникъ граничный Черниговскій.

Anno 1647 Martij 26 p. M. coram judicio conjuges suprascripti comparentes recognoverunt.. inscriptiones suscepit *Alexander Lenkevich* . . . . . Woevoda Kievskii M. P.

X.

Универсалъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго съ дозволеніемъ братскому монастырю сытить медъ въ извѣстные праздники.

9 января 1656 г.

Богданъ Хмельницкій Гетманъ войска Его Царскаго Величества Запорозкый.

Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ всѣмъ вобецъ и кождому зособна кому о том вѣдать належитъ и сей нашъ унѣверъ показанъ будетъ вшелякое кондиции людемъ, ижъ выдячи монастыръ Братъский Киевский зерез тые заверухи военные знустошалый изъбожалы на который славное памети Сагайдачный накладал а хотячи то мѣть абы и тепер якой колвекъ поратунокъ моглъ быть позволилисмо братии для пожитку якого колвекъ мет сытит в чом такъ арендарѣ тамишные яко и жаденъ абы перешкодою нѣ були и тою нѣ знѣважялъ сурово росказуемъ дата з Чегирина дня 9 генваря 1656 года.

Богдан Хмѣлницкий рукою власною. М. П.

XI.

Универсалъ тогоже гетмана съ дозволеніемъ братскому монастырю сытить медъ въ извѣстные праздники

18 іюня 1655 года.

Богданъ Хмелницкій гетманъ з войском Его царского Величества Запорозскым.

Ознаймуемо тым листомъ нашим всим вобецъ кому о том вѣдат належит, ижъ позволилисмо велебному господину отцу игумену и всей капитулѣ монастыря Братского Киев-

ского кануновъ двохъ сычене такъ и иншымъ священником Киевскихъ церквей, тоест канунъ Крiщченский и Воздвиженский, которыи кануны не болей толко такъ яко и Киевское свещченики сытят мают быт сычены, нащто для болшое вѣры и памити тот наш лист менованым отцом Братским при подписе руки нашое с печатю войсковою даемо, дѣялося в Хотовѣ iюня 18 рока 1655.

Богданъ Хмѣлницкій рука власна. М. II.

XII.

Запись Iосифа Чаплича-Шпановскаго, епископа луцкаго и острожскаго, съ обѣщанiемъ давать братскому монастырю по пятсотъ золотыхъ.

12 iюня 1650 года.

Ja Joseph Czaplic Szpanowsky, z laski Bożey episcop Lucki y Ostrożski, czynie wiadomo tym moim dobrowolnym zapisom, iż ia, maiąc votum Singulare y przysięgą na episcopią wstępuiąc stwierdzone, powinien starać się, aby w narodzie naszym Roxolańscim nauki Kwitnęły dla cwieczenia mlodzi narodu naszego, któraby mogła być Cerkwi swiętey wschodniey podporą y uslugą z roz-

---

Я Iосифъ Чапличъ Шпановскій милостью Божiею епископъ Луцкій и Острожскій чиню вѣдомо тѣмъ моимъ добровольнымъ записомъ, что я имѣя обѣтъ (votum) особенный и присягою при избранiи на епископство утвержденный повиненъ стараться, чтобы въ народѣ нашемъ русскомъ науки процвѣтали для образованiя молоденки народа нашего, которая могла быть опорою и заслугою церкви святой восточной съ распространенiемъ хвалы Божой съ сохраненiемъ благочестiя. А такъ какъ блаженной памяти отецъ Петръ Могила Архiепископъ Митрополитъ Кiевскій и Галицкій и всея Рос-

szereniem chwały Bożey, zatrzymaniem Błahoczescia. A żeby swiętey pamięci oyciec Piotr Mohiła, archiepiscop metropolita Kiiowski, halicki wszystkiey Rossiey, w Kiiowie przy cerkwie Brackiey Bohojawlenia collegium, wielie pożyteczne cerkwi Bożey fundował y godnych ludzi zebral, którzy, po smierci swiętey pamięci, w trudnosci tych czasów wielką szczupłość w wychowania maią: tedy ia na ten czas, pokąd przydę no większey intraty, na kóżdy rok, począwszy od roku teraznieyszego tysiąc sześć set pięddzisiątego, złotych pięć set dawać y do Kiiowa na dzien wowedenia nayswiętszey Panny przysyłać, pod sowitością, ieślibym ten termin chybił obiecuię, co wszysko pod słowem mam archiereyskim i ligamentem in archiwo iasnie przewielebnego iego mości Silwestra Kosowa, metropolity kiiowskiego y wszystkiey Rossiey, zostanionym czynić obiecuie. A skoro do większey intraty przydę, tedy, uznawaiąc osobliwie powolność oyców collegiatów, do roczney daniny moiey, poprawić pod tymże obowiązkiem i powiększyć ofiarnię się. Co mam pełnić do

---

сіи въ Кіевѣ при церкви Брацкой Богоявленія Коллегію весьма полезную для церкви Божіей фундовалъ и достойныхъ людей собралъ, которые по смерти его въ тяжелыя тѣ времена великую скудость въ воспитаніи имѣютъ: то я на тотъ часъ пока приду до большаго достатку на каждый годъ, начиная съ нынѣшнего года 1650-го злотыхъ 500 давать и до Кіева на день Введенія Пресвятой Дѣвы присылать подъ условіемъ, еслибы я пропустилъ тотъ срокъ, то обѣщаю все то, что подъ словомъ моимъ архіерейскимъ и обязательствомъ, оставленнымъ въ архивѣ ясне превелебного его милости Сильвестра Коссова митрополита Кіевскаго и всея Россіи, обѣщаю чинить, какъ скоро приду до большихъ достатковъ, то признавая особливе повольность отцовъ коллегіатовъ, къ ежегодной дачѣ моей добавить съ тѣмъже обязательствомъ и увеличить обязуюсь, что обязанъ выполнять до послѣдняго предѣла моей жизни. А для лучшей вѣры тот мой добровольный записъ даю велебному въ Бозѣ отцу Лазарю Барановичу, на тотъ часъ ректору Коллегіи Кіевской и всей братіи теперет-

ostatniego krezu żywota mego. A dla lepszey wiary, ten móy dobrowolny zypis daie wielebnemu w Bogu oycu Lazarzowi Baranowiczowi, na ten cras rectorowi collegium kiiowskiego, i wszystkiey braci teraznieyszey y na potem będącey, pracuiącey w szkolach pomienionego Collegium Kiiowskiego, z podpisem ręki moiey y uproszonych jch Mościow, niżey wyrażonych. Pisan w Monasterze Brackim Kiiowskim iulia 12 die roku tysiąc sześćset piędziesiątego.

Joseph Czaplic Szpanowski
episkop Lucki i Ostrożski.

M. П.

M. П.

Ustnie proszony pieczętarz *Joseph Horbacki* episkop mstysławski, Orszanski i mohilewski.

ней и впредь будущей трудящейся въ школахъ помятутой Коллегіи Кіевской съ подписью руки моей и упрошеныхъ ихъ милостей нижеозначенныхъ. Писалъ въ монастырѣ Братскомъ Кіевскомъ іюля 12 дня 1650 года.

Іосифъ Чапличъ Шпановскій,
епископъ Луцкій и Острожскій.

Устнѣ прошенный печатарь
Іосифъ Горбацкій, епископъ
Мстиславскій, Оршанскій и
Могилевскій.

XII.

Запись Діонисія Балабана, епископа холмскаго и бельскаго съ обѣщаніемъ давать ежегодно братскому монастырю по двѣсти золотыхъ.

12 іюля 1650 года,

Ja Dionizy Balaban, z laski Bożey Episkop Chelmski i Belsky. Czynie wiadomo tém moim dobrowolnym zapisem, iż ia, maiąc votum syngulare y przysięgą na Episkopią wstępuiąc stwierdzone, powinien starać się, aby w narodzie naszym Roxolańskim naukẏ kwitneły dla ćwiczenia młodzi narodu naszego, ktòraby mogla być cerkwi świętey podporą i usługo z rozszerzeniem chwały Bożey, zatrzymaniem Błahoczescia. A ze swiętey pamięci Oyciec

---

Я Діонисій Балабанъ милостью Божіею епископъ холмскій и Бѣльзскій чиню вѣдомо тѣмъ моимъ добровольнымъ записомъ, что я, имѣя обѣтъ особенный и присягою при вступленіи на епископство утвержденный, повиненъ стараться, чтобы въ народѣ нашемъ россійскомъ науки процвѣтали для просвѣщенія молодежи народа нашего, которая могла бы быть церкви святой восточной подпорою и заслугою съ распространеніемъ хвалы Божіей и съ распространеніемъ благочестія. А такъ какъ святой памяти отецъ Петръ Могила архіепископъ митрополитъ кіевскій и галицкій всея Россіи въ Кіевѣ при церкви Братской Богоявленія Коллегію весьма полезную церкви Божіей основалъ и достойныхъ людей собралъ, которые по смерти святой памяти его милости въ тяжелыя тѣ времена скудость въ воспитаніи имѣютъ, то я на тотъ часъ покуда приду до большихъ достатковъ, кажогодно начавши съ теперешнего года 1650-го злотыхъ 200 давать и въ Кіевъ на день Введенія Пресвятой Дѣвы присылать

Piotr Mohiła, archiepiskop, Metropolita Kiiowski, Halicki y wszys kicy I usi w Cerkwi Bożey fundował i godnych ludzi zobrał, któ rzy, po smierci świętey pamięci, w trudnosci tych czasów szczuplosc w wychowaniu maią, tedy ia na ten czas, pokąd przydę do większey intraty, na kożdy rok, począwszy od roku teraznieyszego tysiąc sześć set piędziesiątego, złotych dwieście dawać i do Kiiowa na dzien Wowedenia nayświętszey Panny przysyłać, pod sowietością, ieślibym ten termin chybil, obecuie, co wszystko pod słowem mym Archiiereyskim i ligamentem in archiwo iaśnie przewielebnego Iego Mosci Oyca Sylwestra Kosowa, Archiepiskopa Metropolity Kiiowskiego, Halickiego i wszystkiey Rossyi, zostawionym czynić obiecuie. A skoro do większey intraty przydę, tedy, wznawaiąc osobliwą powolność oyców collegiatów, do roczney daniny moiey po prawie, pod tymże obowiązkiem i powiększyć ofiaruiesię, co mam pełnic do ostatniego kresu żywota mégo. A dla lepszey wiary, móy dobrowolny zapis daie wielebnemu w Bogu oycu Lazarżowi Baranowiczowi, na ten czas Rectorowi Collegium Kiiowskiego, i wszystkiey Braci teraznieyszey i na potym będącey, pracuiącey w szkołach pomienionego Collegium Kiiowskiego, z podpisem Ręki moiey przy pieczęci, i z podpisem ręk uproszonych Ich Mosciow

---

подъ тѣмъ условіемъ, если бы тотъ срокъ пропустилъ, обѣщаю все то, что подъ словомъ моимъ архіерейскимъ и обязательствомъ оставленнымъ въ архивѣ ясне превелебного его милости отца Сильвестра Коссова Архіепископа Митрополита Кіевскаго Галицкаго и всея Россіи обѣщаю чинить. А какъ скоро я приду до большихъ достатковъ, тогда я признавая особливую повольность отцовъ коллегіатовъ къ ежегодной дачѣ моей дополнить съ тѣмъ же обязательствомъ и увеличить обѣщаюсь, что имѣю выполнять до послѣдняго предѣла моей жизни. А для лучшей вѣры мой добровольный записъ даю велебному въ Бозѣ отцу Лазарю Барановичу на тотъ часъ ректору Коллегіи Кіевской и всей братіи теперешней и впредь будущей трудящейся въ школахъ помянутой Коллегіи Кіевсъ подписью руки моей при печати и съ подписью рукъ

niżey wyrażonych. Pisan w Monastyrze Brackim Kiiowskim julu 12 dnia Roku tysiąc sześć set pięćdziesiątego.

Dionizy Bałaban, Episkop
Chelmski y Belski.

M. П.

украшенныхъ ихъ милостей нижеозначенныхъ. Писанъ въ монастырѣ Братскомъ Кіевскомъ іюля 12 дня 1650 года.

Діонисій Балабанъ, епископъ Хелмскій и Бѣльзскій.

XIV. ✓

Выпись изъ книгъ нѣжинской ратуши о передачѣ игумену и ректору Сильвестру Головчичу пожертвованныхъ братскому монастырю мстиславскимъ, могилевскимъ и оршанскимъ епископомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ грунтовъ на Ивангородищѣ.

22 мая 1679 года.

Року тысяча шесть сотъ сѣмдесятъ девятаго мая двадцать втораго дня.

Перед нами Александромъ Цурковскимъ Войтомъ, Тарасомъ Аврамовичемъ бурмистромъ сегорочнымъ, райцами и лавниками сего року на справахъ мѣскихъ засѣдаючими вносимъ очевистую прозьбу свою въ Богу превелебный господинъ отецъ Сильвестръ Головчичъ Ректоръ школъ Кіевских о приданье двохъ радних на обнятье футора въ Ивангородищу Преосвященнаго Господина Отца Меѳодія Филимоновича Епископа Мстиславскаго, Могилевскаго и Оршанскаго за егожъ рукоданною презъ письмо поссесію, на которого прозьбу также и сына отца Епископского Іоанна Филимоновича священника Святопокровскаго нѣжинскаго двохъ радних Ивана Ивановича и Василія Гаврилова продавши за сылалисьмо, которые оттолъ повернувши такъ сознали же былисмо у Ивангородищи, гдѣ при Зуполномъ собранью тамошнихъ жителей питалисмо усѣхъ по заведенью тогожъ лѣса Отца Епископскаго и при немъ сѣножатей и вшелякихъ займицъ якъ отецъ Епископъ заживанъ ежели въ томъ кому перешкоды не маетъ, былъ при томъ самъ сотникъ тамошній Ѳеодоръ, который зъ нами ѣздилъ и тые лѣсъ и грунта Отцу Епископу належачіе зданъ ніединъ зъ нихъ непротивлялся а такъ мы въ етой грунтъ обвѣвши якъ ся собѣ маетъ въ межахъ и границахъ въ Ивангородищу, отцу Ректорови выше вырожоному на брацво школъ Кіевскихъ на ихъ монастырь

въ вѣчную поссесію отдалисмо и яко спокойне отобрали въ спокойную поссесію и отдали даючи имъ цѣлую моцъ тимъ лѣсомъ и грунтами при немъ належитыми ведицѣ уподобанья своего нами шафовати, отдати, даровати, продати ведлугъ подобанья своего, и хтобы имъ на потомъ важился перешкоду чинити на урядъ належный и на сторону Братства Кіевского тысячей три золотыхъ заложилисьмо за руки, которую поссесію абы и до книгъ записана была сторона потребуючая просила на которую принято и вписано есть съ которыхъ книгъ и сей выписъ при печати мѣской дадецкой а подписами рукъ пановъ нижей выражоныхъ сторонѣ потребуючой выданъ есть. Дѣялося въ ратушу нѣжинскомъ року и дня яко вышей.

Въ подлинной токо:

Александръ Цуровскій Войтъ мѣста Его царскаго Пресвѣтлаго Величества Нѣжина рукою власною.

За вѣдомостью пановъ майстратовыхъ *Филиппъ Константиновичъ Васютинскій* мѣскій нѣжинскій писарь рукою.

XV.

Запись мстиславскаго и оршанскаго епископа Мееодія Филимоновича Братскому монастырю на ивангородскій лѣсъ.

Ноябрь 1679 года.

Смиренный *Мееодій Филимоновичъ* епископъ мстиславскій и оршанскій.

Вѣдомо чиню симъ писаньемъ моимъ, ижъ я лѣсъ свой Ивангородскій купленый отъ отца Ехидила священника на тотъ часъ Ивангородскаго, а потомъ Гадацкаго пречискаго, со всѣми належностями, то есть з полемъ и сѣножатью, до монастыря Братского Кіевского даю, и вѣчными часы легую варуючи, то, абы южъ отъ того часу до того помененого лѣсу

съ полемъ и сѣножатью жаденъ, такъ зъ дѣтей моихъ, яко съ кревнихъ ближнихъ и далекихъ, жадного права и претензіи не имѣлъ, але вѣчными часы маетъ зоставати при той святой обители Коллегіумъ Мошлянского Кіевского безъ жадной ни отъ кого перешкоды, подъ неблагословеніемъ Божіимъ и моего смиренія Архипастырскомъ, на що для лѣпшой вѣры и певности даю, и сіе писане з печатію и подписомъ руки моей власной въ царствующемъ градѣ Москвѣ рока отъ созданія міра 7187, а отъ Рождества Христова 1679 мѣсяца ноемврія.

М. П Рукою власною.

XVI.

Выпись изъ книги Кіевской ратуши объ уступкѣ Братскому монастырю дьякомъ Порфиріемъ Сѣмениковымъ Бобылевскаго пляца.

2 августа 1680 года.

Выпис з книг мѣских Права Магдебурскаго Ратуша Киевского.

Року тисяча шестсотъ осмьдесятого мѣсяца августа второго дня.

Перед нами Жданомъ Өедоровичемъ Тадриною упревилеіованнимъ войтомъ, а Сергѣемъ Бибиковичомъ рочнымъ бурмистромъ и перед райцами и лавликами в ратушу Киевскомъ. Ставшы персоналне велебные в Богу отцеве Іеромонахъ Пахомій Саворский и отецъ Меөодій Александровичъ диякон законники монастыра Киево-Могилеанскаго Братского Киевского Богоявленя Господня подали пер облятам именемъ в Богу превелебного господина отца Его милости Силвестра Головъчича ректора и ігумена Братского Киевского и всее тамошнее братии писанную челомбитную на Москве вношен-

ную през превелебного в Богу его милости господина отца Іеромонаха Варлаама Ясинского, до дияка благородного господина Порфирия Трофимовича Сѣменникова, чтобъ был дворовый пляцъ з его Порфирыевы благодѣтелное ласки в мѣсте Киеве лежачый на Братский монастырь даный. I по челомбитной стало и дано, и втомъ пущеню и прыпокладаню челомбитное тыежъ велебные господинове отцы продуктовали и купчее право на пляцъ реченый служачое выписом з книгъ мѣскихъ Киевскихъ выданое, в року тисяча шестсотъ петдесятъ осмомъ, мѣсяца марта тринадцатого дня. Мы урядъ первей челомбитную тую якъ се в собѣ мает совсѣм и право продажное перед собою казали чытать, а по прочытаню за прозбою велебныхъ отцевъ іеромонаха Пахомия Саворского, і Меѳодия Александровича диякона, в книги мѣские Киевские позволили записати. Которая челомбитная русскимъ писмомъ писаныя таксе в собе маетъ. Великого Государа нашого Его царского пресвѣтлого Величества дияку благородному господину и благодѣтелевѣ моему, Порфирию Трофимовичу Сѣменникову аз богомолецъ твой, Іеромонахъ Варлаамъ Ясинский прежде бывшый ректоръ и Ігуменъ Братский Киевскій, нынѣже присланый к Москвѣ к Его царскому Пресвѣтлому Величеству на мѣсцу святыя Киевопечерския обители Архимандрита Иннокентія Кгизеля въ дѣлехъ монастырскихъ, бию челомъ за монастыромъ Киевомогилеанскимъ Братскимъ Богоявленскимъ учителнымъ отнюдуже по благочастному усердию блаженныя памяти Великого Государа Цара и Великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Росии Самодержца благородне твое благоразумных учителей к царствующему граду Москвѣ Іеромонахов: Епифания, Арсения, Дамаскина, и прочиихъ призвал был еси; игдеже и сам в тых Киевомогилеанскихъ училищахъ учения церкве святои православновосточнои благопотребного и Великому Государю православному монарсѣ на службу угодною был еси изрядный рачител, да в ознамение любве

твоея за восприятие премудрости на томъ мѣсцу святом Киевомогилеанскомъ покажешы сию милость имаши тамо в отчинѣ Великого Государа нашего царя и великого князя Өеодора Алексѣевича всея великия и малыя и бѣлыя России Самодержца в богоспасаемом градѣ Киевѣ на Подолѣ близ ограды монастыря Киво-Братского мѣсце земли или пляцъ население дому, еже купилъ еси у мещанина и бурмистра Киевского Сергия Бибиковича, той убо пляцъ, яко прилеглый монастыру Киево-Братскому, да подаси томужъ мѣсту святому учителному Киевомогилеанскому в державу и власт свойственую на всегдашнии времена за спасение свое, и всѣхъ сродниковъ своихъ. О сем и аз от усердия моего к тому святому мѣсту іменемъ нынѣшнего пречестного Господина отца Силвестра Головчича и Ректора и Ігумена Братского Киевского и всея тамошнея и Христѣ братии смиренно благородия твоего молю, его же есть всегдашный богомолецъ и слуга и нижайшый тойже вышепомянутый. Под тоею челомбитною подписано тыми словы: сто осмдесятъ осмого году мая осмнадцатый день. По сему прошенію всечестного Іеромонаха Господина Отца Варлаама Ясинского диякъ Порфирий Трофимовичъ Сѣменниковъ, поступился безъденежно, за спасение свое и родителей своихъ здѣживших сущихъ, и в будущий вѣкъ отшедших порозскимъ купленымъ своимъ мѣстом в Киевѣ на Подолу, подлѣ Бурсы Богоявленскому монастырю Братства Киевского во владѣне впред и ввѣкъ неподвижно, для училищъ Братскихъ школныхъ. А на лутчее имъ подкрепление на тое свое купленое мѣсто, выдал ему и выпис подлинную с писцовыхъ книгъ мѣских, за ратушною печатю и с подписом на сей поступной руки своеи и та випис належит отдати нынѣшнему настоятелю Господину отцу Силвестру Головчичу Ректору и Ігумену Братского монастыра Киевского во хранилище гдѣ ихъ крѣпости суть впред для будущихъ ректоровъ. А потомъ власною рукою дияка благородного Порфирия Трофимовича Сѣ-

менникова такимъ написано рытиомъ. Всей поступной я Порфирий Сѣменниковъ поступивыйся вкладомъ безденежно дворовымъ своимъ мѣстомъ Братству Киево-Могилеанскому в державу, и власть свойственную въ спасение мое и родителей здѣ жившихъ сущихъ, и за отшедшихъ в будущий вѣкъ во память вѣчную, за которое дано было готовыхъ грошей по выписы ратушной триста золотыхъ полскихъ. Подписуюся рукою моею власною. А за сее васъ преподобныхъ отцевъ моихъ смиренно молю, и слезно милъся дѣю молитеся о отпущении гриховъ моихъ незабвенно выну во Господу, яко да проститъ Богъ прегрѣшения моя, и прочая; и в ратушу Киевскомъ в мѣския книги сию мою поступную запишыте, Аминь. А что я далъ было писмо въ прошлыхъ годѣхъ Данилу Полотскому войту Киевскому [1]) вручаючи ему тот мой пляцъ вдозоръ строити изкуницъ, и то мое писмо за рукою моею даное, аще обращется в дому его или у наслѣдниковъ его, да не иматъ крѣпости ниякоеяжъ, по сей моей поступной желаю и подписуюся моеюже рукою. По въсемъ томъ на другой стороне челомбитной и поступчеи превелебной в Богу Его милость господинъ отецъ Іеромонахъ Варлаамъ Ясинский так подписалсе рукою своею. По сему челобитию моему получыхъ сию поступную от благородного господина Порфирия Трофимовича Сиенникова на пляцъ зде записаный монастыру Братскому Киевскому. Іеромонахъ Варлаамъ Ясинский иже и подъписахъ рукою моею власною, в царствующемъ градѣ Москвѣ в дому тогожъ господина моего Порфирия Трофимовича, в лѣто здеже написаное, мѣсяца и дня тогожде. Якая челомбитная с поступною и с подписомъ рукъ диака благороднаго Порфирия Трофимовича Сѣменникова и превелебного в Богу его милости господина отца Іеромонахя Варлаама Ясинского за поданемъ и прозбою, іменемъ превелебного к Богу его милости господина

---

[1]) Онъ былъ войтомъ съ 1700 по 1729 гг.

ковника Киевского, пана Івана Быковича войта и килка особъ бурмистровъ Майстрату Киевского, на разсужене нижей менованое справы засѣлыми, постановившися персоналитеръ превелебный в Богу господинъ отецъ Өеодосий Кгукгуревичъ Ректоръ и Ігуменъ монастыра братского Киевского, спритомностью превелебного въ Богу господина отца Іоасафа Кроковскаго префекта, и велебного отца Гавриила Ждановича намѣсника, именемъ всее еже о Христѣ братии помененого монастыра Братского, пропоновали жалобу свою передъ судомъ нашимъ, на пана Отрофима Подтереба обывателя Острицкого, и бывшого сотника тамошнего, в таковый способъ: ижъ що недавнихъ часовъ бывший гетманъ панъ Іванъ Самойловичъ, за рейментарство своею всею малою роснею, надалъ на монастиръ ижъ помененный Братский, в замѣну Моровска з приналежностями, маетност давнюю шляхецкую Проскурнинскую названую Карпиловку з присюлками, Лутавою, Выповзовом и Косачовкою, и зо всѣми до Карпиловки давними приналежностями, то ест з сѣножатми полями, огородами, волоками на пахане з божа, и полуволоками, до того зъ озерами и отчинами; теды панъ Отрофимъ Подтереба, всѣми тыми около Карпиловки знайдуючимися и около вышъписанныхъ присюлковъ кгрунтами, сѣножатми, полями, волоками и всякими угоди невѣдомо якимъ правомъ завладѣвши, а менovите бывши сотникомъ Острицкимъ без правне позабиравши, монастыреви ведлугъ данины вечистое бывшого пана гетмана, з тыхъ всѣхъ кгрунтовъ не уступуетъ. А що болшая сего року всѣ озера ихъ монастырские по отнималъ, и кгвалтомъ у людей з монастыра посланыхъ, и озеро тягнучихъ половину рыбы надаремне взялъ, до того овса копъ пятдосятъ под час такъ рочное замѣшанины взялъ. В присюлку Лутавѣ, поля, сѣножати, отчины, островъ Желѣзникъ, незнать якимъ способомъ под себе подъгорнулъ; тамъже поля поораны кгвалтомъ посѣялъ и забралъ збоже; над то островъ Медвѣдковъ

купли, мѣлъ довести Карпиловскимижъ старинными людми, которые мовитъ якъ скажутъ, на томъ и перестать готовъ естемъ. Докладалъ же притомъ: ижъ едно поле, и сѣножати нѣкоторые шляхецкие, взаставѣ маетъ от певное особы и обѣщался того своимъ довести реестромъ. А на едну сеножатъ мишковскую есть у отецѣ у его пана Подтеребы дѣдичъ. Взглядомъ зась забраня половины рыбы отъ людей монастырскихъ озеро тагнучихъ, и забраня овса; до того взглядомъ посѣяня на полѣ и забраня збожа, и в покошеню сѣна, панъ Подтереба вносилъ речь: ижъ болше шкоды отъ монастыра онъ утерпѣлъ. А такъ внесши передъ судомъ панъ Отрофимъ Подтереба свою оборону, просилъ, абы при записахъ своихъ купчихъ, ведлугъ права посполитого, безъ нарушеня былъ захованъ, и що маетъ за власные свои гроши покупленые лежачие добра, абы того неналежие отецъ ректоръ у его убогого товарища войскового не отнималъ, и тымъ ему не чинилъ кривды. Судъ нынешней войсковой Енеральный, з присидѣнемъ майстрату Киевского, по вношеныхъ предъ себе отъ сторонъ ободвухъ, контроверсияхъ, уважаючи первей надане на монастиръ братский Карпиловки з приналежностями бывшого пана гетмана, и того наданя нынешнего ясне велможного его милости пана гетмана, рейментарское потвержене; где слушне мусят быт до Карпиловки, и до тыхъ присюлковъ належачие кгрунта, прилучены монастыреви в диспоноване, але тутъ судъ уважаючи купно кгрунтовъ за власные гроши, пана Подтеребины, оного ведлугъ слушныхъ записовъ, от продавцовъ даныхъ, и на судѣ презентованыхъ не кассуетъ: толко взглядомъ панскихъ шляхецкихъ добръ, з межи якихъ поле и часть сеножати Проскурнинское отецъ пана Подтеребовъ купилъ у Яненка тогды полковникомъ Киевскимъ будучого, и шляхецкими кгрунтами завѣдуючого за копъ тридцать, узнаетъ судъ и наказуетъ, абы отцеве братские, поневажъ панскимъ Проскуринскимъ добрамъ, то есть Карпиловцѣ

[illegible]
людей огороды, на монастыръ привернути) абы в своемъ валіорѣ зоставало, повторе симъ декретомъ нашимъ отвержаемъ, который якъ точился, и принялъ свой конецъ, такъ и есть за роскладанемъ нашимъ судовымъ, про паметь в книги судовъ войсковыхъ Енералныхъ записанъ. А з книгъ и тот выпис под печатю судовою, и при подписе власныхъ рукъ нашихъ, потребуючой сторонѣ, превелебному отцу Ректору с братиею ест выданъ. Писанъ въ Киевѣ.

Михайло Бухкевичъ, судия войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского Енералный з козаками при той справѣ будучими. М. Р.

Іванъ Ломаковскіи М. Р.

Андрей Васильевичъ писар судовъ войсковый Енералны. М. Р.

Григоріо Карповичъ

Bazyly Huminsky рукою.

XVIII.

Подписта Трофима Подтеребы братскому монастырю, съ обязательствомъ не имѣть претензій на карпиловскую мельницу, на рѣчкѣ Лутавцѣ.

11 августа 1690 года.

Я нижей подпысаный чиню вѣдомо симъ моимъ писанемъ теперъ и на потомные часи, иже мъ млинъ на рецѣ Лутавцѣ подъ селомъ Карпиловкою будучий властнимъ моимъ коштом по строеный, а судомъ енералнымъ присуженый отцомъ Братскимъ Киевскимъ, закоторий по млинъ от ясневелможного Его милости пана Івана Стефановича Мазепи Гетмана добродѣя моего отобравши певной сумми золотих сто, вѣчне оного млина зрекаю, и самъ себе жону и потомки от-

далю, а отецъ Ректор з братиею воленъ есть тимъ млиномъ владѣти вѣчными часи неузнаючи ни от кого жадное перешкоди, а нѣтурбацни. Нащо для лѣпшое певности даю сию мою добровольную квитанцию с подписомъ руки, писалъ въ Батуринѣ року 1690 мѣсяца Августа 11 дня.

Трофимъ Подтереба.

А тотъ квитъ от уряду мѣского Батуринского при подписе и меня *Лукяна Филоновича* войта, *Самуйла Григориевича* Бормистра, под печатю мѣскою и с подписомъ руки писарское есть выданъ.

Левко Климовичъ Писар
Мѣский Батуринский М. П.

XIX.

Письмо кіевскаго полковника Константія Солонины къ ректору кіевской академіи Θеодосію Гугуревичу объ отдачѣ братскому монастырю, вслѣдствіе гетманскаго предписанія, проселковъ Косачевки и Лутавы.

1 октября 1687 года.

Превелебный в Богу моце отче игумен Братский Киевскій мой велце ласкавый отче и пріятелю.

По росказаню ясне велможного Его милости добродѣя пана гетмана (в) листѣ его панскомъ до мене виpаженомъ. Отдаю вашей превелебности до Карпиловки два присюлка Косачовку и Лутаву, а Виповзовъ зоставуемъ к мѣсту; а коли Господь и Богъ дает здоровье, можемъ ми и лутшіе до того святого вашого мѣсца знайти маетности при том, яко здоровою вашу превелебност оглядати зычу, такъ егож святымъ полѣцаю его молитвамъ.

Константій Солонина полковник войска их царского пресвѣтлого величества запорозского Кіевски.

в Козелца октября 1 дня року 1687.

На оборотѣ написано:

Превелебному в Богу Его милости господину отцу Өеодосію Кгукгуревичу Ректору и игуменовѣ монастыря Братскаго Кіевского моему велце ласкавому отцу и приятелевѣ подати.

XX.

Универсалъ гетмана Мазепы, съ подтвержденіемъ за братскимъ монастыремъ всѣхъ его маетностей съ пожалованіемъ вновь сельца Выповзова.

4 августа 1691 года.

Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ Великихъ Государей, Ихъ царского пресвѣтлого величества, обоихъ сторонъ Днепра, войска запорозского, гетманъ *Іванъ Мазепа.*

Ихже царского пресвѣтлого величества войска запорозского паном полковникомъ, Киевскому и Нѣжинскому зо всею ихъ полковою старшиною, сотникомъ, атаманомъ, зо всѣмъ товариствомъ, войтомъ и всѣмъ посполитимъ, въ тихъ полкахъ, найдуючимъся обывателемъ, и кому колвекъ о томъ вѣдати належалобъ ознаймуемъ. Ижъ просили насъ гетмана пречестный отецъ Пахомій Подлузкий, Ігуменъ и Ректоръ монастыра Братского Киевского, зо всею тамошнею братиею, абысмо имъ унѣверсаломъ нашимъ потвердили, всѣ ихъ маетности, млыны, и розные кгрунта: которимы оны передсимъ владѣли, и теперъ в своемъ держанню оние мѣютъ, теди мы яко по милости великихъ государей нашихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества, маемъ в своей моци утвержати и устроевати всякие малой Россиѣ порядки, и кому

Августа 4 дня року 1691.

Звышъменованный гетманъ рукою власною

М. П.

XXI.

Выпись изъ книгъ кіевской ратуши, съ прописаніемъ мѣры монастырской земли въ Кіевѣ на Подолѣ.

26 мая 1693 года.

Выпис з книгъ мѣских Права Магдеборского Ратуша Киевского.

Року тисяча шестсотъ девятдесят третего мѣсяца мая двадцат шестого дня.

Іхъ царскаго пресвѣтлаго величества в Ратушу Киевскомъ перед нами Яном Демидовичомъ Быковичомъ упривилесованымъ войтомъ, а Василиемъ Земенкомъ роаным Бурмистром, и перед райцами и лавниками, постановившимся персоналне велебные в Богу отци, Іеромонахъ Рафаилъ Базилевичъ и Іеромонахъ Парфений Родовичъ законники монастыра Богоявленского Братского Киевского, Іменемъ превелебного в Богу его милости Господина Кура Іоасафа Кроковского Ігумена монастыра Свято-Николского Пустынного Киевского, Ректора Братскаго, превелебного въ Богу Господина Кура Захарии Корниловича намѣстника, и всее велебное о Христѣ братии того монастыря Братского, вносили пилную прозбу до уряду о придане з Лавицы судовое урядниковъ сегорочныхъ присяглыхъ, для розмѣреня всѣхъ кгрунтовъ плядовыхъ волныхъ монастыреви Братскому отдавнихъ лѣтъ пред розные способы, на особливых писмахъ выражоные, належачихъ; на которыхъ куничники з певное платы мешкаютъ (Ато для тогоже: тепер в Киеве кто колвекъ пляцъ волный купит.

зараз оный змѣривши з уряду, опишут великост, абы напотомъ ни през кого не былъ ущербленый: для чего и привелебный его милость отецъ Ректоръ з братиею, постерегаючи, обы монастырские пляцы мѣрою оцерклiованы будучи, недознавали от пограничниковъ в далший часъ ущербку, умыслили кождый пляцъ поособну, границами теперишними новыми описати, и великост мѣрою положити). На тую прозбу иле слушную велебныхъ отцевъ Iеромонаха Рафаила Базилевича, и Iеромонаха Парфенiя Родовича, Iменемъ Его милости отца Ректора и всее братии монастира Братского, вношеную, урядъ мѣсцкий Киевскiй прихилившися, придалъ зпромежъ себе двохъ урядниковъ присяглыхъ, пана Саву Можневского, и пана Iвана Чорного, з подпискомъ мѣскимъ Iаномъ Триполскимъ, и слугою ратушним Максимомъ Зайцемъ, злецивши им всѣ пляцы монастирские, ведлугъ потребованя Его Милости отца Ректора Братского з братиею, новограничити, измѣрити кождого пляцу великост; которые всѣ вишъреченные урядовые особы, сполне з тымижъ велебными законниками Братскими, отцемъ Рафаиломъ, и отцемъ Парфенiемъ, напрод пришовши до пляцу прозываемого *Кучинскою*, купленого за тисячу копъ у Катерины Кучинское, лежачого под горою замковою, на улицы идучой от церкви Рождественское на рынокъ, з кождое стороны мѣрали оный; а такъ той пляцъ, з одное стороны через улочку якая взялася з пробитое улицы на гору, противъ пляцовъ Рождественскихъ, есть аршиновъ Московских двѣстѣ и десет до горы, з другое стороны от пляцу пана Григорiя Карповича бывшого полковника Киевского, не до самое горы (бо за пляцомъ пана Карповичовымъ еще даней той пляцъ зайшолъ) аршиновъ сто осмънадцат и четверт, того теж зайстя долиною вдолжъ аршиновъ осмъдесят пят и три четверти, а оттул до горы уз пляцъ отца Iлии Священника Добро-Николского аршиновъ девятдесятъ и шест, в тылу от горы аршиновъ двѣстѣ сорокъ и три, а на улицу уз ворота аршиновъ двѣстѣ и шестдесятъ. Другой пляцъ прозываемый *Выюв-*

кий, наданый монастырови Братскому, от пана Юрия Хмелницкого бывшого гетмана лежачий межъ узвозами идучи на городъ, мает въ себѣ великости, з трох толко сторонъ, бо рогомъ выдалъся, где зышлися до купы оба-два узвозы, з одное стороны черезъ новый узвозъ, противъ бани Московское, почавши от рожка улицы, до горы, где зышлися узвозы, аршиновъ триста ровно, другая сторона з горы мимо узвозъ старый, и мимо улочку, до улицы где тотъ пляцъ кончи ся, аршиновъ двѣстѣ и девятнадцат. А третею стороною черезъ улицу, противъ дворовъ, Өедора Золотара, Филипа Перепечая и Миколая Мазура, аршиновъ сто сорокъ и два. Третий пляцъ *Голубовскій*, купленый за шесть сотъ золотыхъ у Петронелли Голубовой, з одное сторони через улицу против шпиталля Добро Николского аршиновъ двадцат и пят, з стороны другое от кгрунту прозываемого Герского аршиновъ двадцат и два, в тылу аршиновъ сорокъ и девет, а воротами на улицу великую идучю от церкви Святого Николы Доброго, до рынку, противъ двора Выкиднишина, который теперъ отцу Семеону Ширипѣ священнику Добро Николскому достался, аршиновъ тридцат и девет. Четвертый пляцъ *Вороничовскій*, вдатый за долгъ в шести тисячей золотых у Даниеля Воронича Скарбника Кіевского, з одное стороны от мешканя Івана Голика Козака, аршиновъ семьдесят и три, з другое стороны от мешканя Мирона Лопатины шевца аршиновъ пятдесятъ и шест, в тылу от пляцу Братского названого Мушовецкого, аршиновъ сто и семдесятъ, и уз ворота против двора пана Антона Миколаевича и пана Гордия Головы Кгрековъ, аршиновъ такъже сто и семдесят ровно. Пятый пляцъ *Креницковскій* наданый побожие на монастиръ от панее Елены Креницкое, лежачий противно самого монастира Братского, з одное стороны (до половины должины) от пляцу Дворецкого, монастиреви Братскому през купно належачого, и от дому мѣского шинковного, аршиновъ семдесят ровно, а тутъ заразъ вдалъся пляцъ Грицая Михайловича; который ширинѣ от

отцеве Братские Митковский купили за три ста золотыхъ у Миколая Яницкого, и жены его Людмилы Мишковичовны, а другый Сызоновский ленговалъ на монастиръ за спасеніе Іринархъ Мратовичъ Законникъ Печерский, з одное стороны обадва тые пляца, обокъ шпиталя и школы церкви Соборное, аршиновъ сорокъ и полъ осма, з другое стороны от дворика тоеж Соборное церкви, аршиновъ сорокъ и осмъ, тыломъ от двора цехового Кушнѣрского аршиновъ двадцат и пят, а уз ворота через улицу, противъ самое церкви Соборное Успенія Пресвятои Богородици аршинов двадцат и сем. Девятый пляцъ прозываемый *Муховецкій*, наданый на монастирь от Маріанны Алекшицовны Криштофоровой Муховецкой, лежачий на улици Глѣбобориской, з одное стороны от пляцу Пиндюровского аршиновъ пятдесятъ ровно, з другое стороны от пляцу пани Сергѣевое Бибиковичовое Бурмистровое Киевское, аршиновъ девятдесят, в тылу отъ пляцу Братского называемого Ворничовского аршиновъ сорокъ и шест, а уз ворота через улицу противно двора Константия Милитого зятя и Іванихи Котлярихи аршинов сорокъ и семъ. Десятый пляцъ *Бибиковский* наданый на монастиръ от господина Порфирия Трофимовича Сѣменникова мешканца Московского з одное стороны от бурсы Братское Спѣвацкое аршиновъ тридцат и шесть, з стороны другое от двора отца Павла Домонтовича священника Чернѣговского аршиновъ сорокъ ровно, в тылу от пляцу Братского названнаго Хмелюовского, аршиновъ сорокъ и пят, а воротами уз улицу пробитую идучую з рынку до церкви Святого Духа такъ же аршиновъ сорокъ и пят. Юдинадцатый пляцъ *Аксаковскій* наданый на монастирь от Небожчика пана Богдана Хмелницкаго гетмана, и пана Павла Яновича Хмелницкаго полковника Киевского, з одное стороны от двора отца Геронима Почеки протопопы Козелского, и от пляцу Братского названого Пекулицкого, от улицы до другое улицы скруз, аршиновъ сто и два, з стороны другое от двора

цат и пят, а . . . . . за Черицовъ пляц, аж до улицы иг-
чое з Сенного торгу до церкви Борисоглѣбское, сейже за-
шолъ пляцъ Гавритинский, где вширъ уз пляц Черицов
аршиновъ девятнадцатъ и полъаршина, уз улицу еще долж-
ны до пляцу Бунковского аршиновъ тридцать и одынъ, в
тылу от Бунковского пляцу, аршиновъ пятнадцать, от тылу
тежъ другою стороною уз двор Івана Голика Козака до ули-
цы аршиновъ пятдесят и тры, а ув ворота от Черицова пля-
цу до двора Голикова аршиновъ полъ османдцатъ. Такъ тещ
границами и мѣрою оцеркліовавши всѣ вышъписаные кгрун-
та пляцовые, монастира Богоявленского Братского, поменен-
ные урадовые особы, кгды о толе релляушо в Магистрате
сознали; урадъ мѣский Киевский, на прозбу велебных отцевъ
Іеромонаха Рафаила Базилевича и Іеромонаха Парфения
Родовича Іменемъ превелебного въ Богу Его милости отца
Ректора и всее братии монастира Браткого, вношеную, ны-
нешнее розмѣрене през урадовые особы, монастирских пля-
цовъ, для пришлыхъ лѣтъ про паметь, в книги мѣские Киев-
ские росказалъ записати, що и есть записано. А з книгъ и
сей выписъ, подъ печатю мѣскою Киевскою выданъ. Писанъ
в Ратушу Киевскомъ.

М. П.

На мѣстцу писарскомъ зостаючий, *Іванъ Александровичъ Пыка* подисуюся рукою власною.

Коррыкговано книгами.

На оборотѣ написано:

Розмѣрене пляцовъ Монастыра Богоявленского Братского Киевского, презъ урадовые особы, до книгъ записанное. Року 1693, мѣсяца мая 26 дня.

Универсалъ гетмана Ивана Мазепы, подтверждающій право Братскаго монастыря на мельницу Которскую.

14 Января 1698 года.

Его Царского пресвѣтлого Величества войска Запорожского Гетманъ Іоанъ Мазепа.

Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ кому вѣдать належитъ, ижъ прекладалъ намъ будучи в Батуринѣ.... господинъ отецъ Прокопий Колачинский Ректоръ Братский.... именемъ всей братии своей, что маютъ от Ѳеодоры Яковихи... купнимъ способомъ за певную сумму золотихъ пятъ сотъ млинъ на рѣцѣ котори стоячий, и просыли насъ абысмо той их млинъ нашимъ гетманскимъ потвердили универсаломъ. Яко теды кождая рѣчъ доброволне купленая сама въ себѣ есть волная, такъ мы той пречечоный их млинъ купленый стверждаемъ симъ нашимъ универсаломъ, позволяючи ему отцу Ректорови и всей братии его монастира онымъ млиномъ владѣти, и всякии з него приходячии пожитки на монастир свой обѣрати. Тут же всемъ нашомъ унѣверсалѣ стверждаемъ и кгрунта лежачии при греблѣ Острицкой прозиваемой Кудиковской и гай в Успѣровомъ хуторѣ будучий доброволне от Василя Семеновича Кропиви жителя греблѣ Кудиковсвой на монастир Братский Киевский генгованине позволяючи имъ оними вѣчними часи спокойне владѣти и пожитковати. Мѣти пре то хочемъ и пилно приказуемъ, абы ему отцу Ректору и братіи его такъ в пречечоной того млина куплѣ и в отбираню з ней проходячих на монастир пожитков, яко и зуполном вѣчними часи владѣнии высшей помянутих лекгованних кгрунтов нихто найменшое не смѣлъ чинити перешкоды. Данъ в Батуринѣ января 14 дня, року 1698.

Звышменованый гетманъ рукою власною.

М. П.

XXIV.

Универсалъ гетмана Ивана Мазепы, запрещающій Остерскимъ мѣщанамъ опустошать Карпиловскую пущу.

10 Февраля 1704 года.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского Гетманъ и Кавалеръ Іоанъ Мазепа.

Всѣмъ обще кому бы о томъ вѣдать належало, а особливе: пану сотникевѣ Острицкому зо всѣми тамошними урядовими сымъ нашимъ унѣверсаломъ ознаймуемъ. Ижъ превелебный в Богу отецъ Гедеонъ Одарскый Ігуменъ и Ректоръ монастыра Братского Киевского прекладалъ намъ гетмановѣ, же многіе з розниxъ мѣстъ и сѣлъ люде, а бардзхй з города Остра в пущи монастыра Братского Карпиловской, такъ давними височе поважними Монаршими грамотами, яко и теперъ вновъ з указу Великого Государа Нашого Его Царского Пресвѣтлого Величества виданою грамотою стверженой, рубанемъ деревнѣ на будинки, и на иншіе домовіе потребы значное чинять спустошене; и просилъ насъ в сей мѣрѣ о защитѣ и оборону. Мы теды гетманъ чуючи такое тихъ неуважих людей самоволіе, же они важатся в пущи такъ полномощними крѣпостями стверженной и наданной монастыревѣ Братскому Киевскому явній утискъ и обиду чинити, яко оное сурово ганимъ, такъ рейментарско выруемъ и приказуемъ, абы нѣхто з людей Остерскихъ и посторонных старшихъ и меншихъ болшъ от сего часу премеченой пущи, они явнимъ, они потаеннимъ дубанемъ деревнѣ на жадніе свои потребы не отважился пустошити. А еслибы которій и над сей нашъ заказъ поважился въ пущи той безъ волѣ и вѣдома законниковъ Братских деревню на будинки, албо якіе домашніе обпалки рубати; теди таковаго позволяемъ грабити забирати, и у суду належатого с той з него справедливости искати, з которого влюди абы била належитая неотволочная чинена

Звышменованный гетманъ рука власна.

М. П.

XXV.

Мировая запись Михайловскаго монастыря съ братскимъ о границахъ между Плисецкой и Даниловской пущами.

12 іюня 1708 года.

Мы нижей именованныи законники монастыря Михайловскаго Золотоверхого Киевского, маючи споръ з велебными отцами и братиею монастыра Богоявленского Братского Киевского, о кгрунта Даниловские и бискупские (Плесецкие), видячи явно и ясно же маютъ св. отцы Братские людей достовѣрно знаючихъ границю именно Савку Корнѣенка, Романа Леженка и Захарію Сенютенка, старинныхъ жителей Василкувских такъ тежъ информуючися з писемъ и протестацыи бискупскихъ, року тисяча шест сот двадцатого мѣсяца генваря 23 точачихся з паномъ Солтаномъ о раскопаню гребли Соловевской припысанои до кгрунтовъ бискупскихъ на рецѣ Стугнѣ, вышше великой и малой Солтановки знайдуючойся, и з справы року 1610 ноеврия 10 дня, междо Его милостю Ксендзомъ бискупомъ Киевскимъ и Его милостю отцемъ Архимандритою о кгрунтъ мещан Плесецкихъ з Василкувскими точачийся, и з протестации 1612 року мѣсяца іюля 28 дня на пана Солтана о наѣздъ и спустошенее дубровы бискупской Плесецкой ку круглымъ лѣскамъ. А з нашои стороны не могучи тепер показати ограничення досконалого и достовѣрного з привѣлеевъ кролевских анѣ з иньшихъ доводовъ на писмѣ, и на людехъ фундуючихся приходим до згоды з вышеименованными св. отцами Братскими,

чрезъ коммѣсаровъ консистористовъ капитулы Митрополитанской Киевской нижей именованныхъ таковои, и маемъ контентоватися ограниченемъ таковымъ. Почавши от долины луговины в вершинѣ Бобрицѣ речки, нижей врочища Багринъ концами старинными и нижей Круглика леска ку Плесецкому на дорогу такъже старинными копцами обрѣтаючимися в кгрунтехъ Аксаковскихъ Даниловскихъ до верху Гнилovода, где от старих же копцовъ высокихъ просто старинною дорогого новосюлскою, чрезъ долину до двохъ новыхъ копцовъ. От новыхъ копцовъ дорогою старинною Лисовскою до криницы просто до вершины речки Кладовой и копца, Кладового до Ірпеня и тамъ далѣа. По якихъ копцахъ провадячи маетсся именовати и именуется по левомъ боку кгрунтъ Плесецкий бискупский, а по правомъ Аксакувский Даниловский. А жесмо важилися прошлого року тисяча семсотъ седмого з осени и сами озимину сѣяти, и людемъ Солтановскимъ рознымъ позволилисмо такъ тежъ и теперъ на веснѣ ярину засѣвати, теды для згоды, а поневажъ маютъ отцеве Братские слушные документы, поки и мы о подобныи постараемся, маемо десятину зо всѣхъ тыхъ кгрунтовъ Плесецкихъ, поки вышейименованные копцѣ старинные заходятъ, без всякого ссору и спору дати велебнымъ отцамъ Братскимъ, и неповиннысмо втручатися, анѣ своими, анѣ жадной перепоны, так чрезъ себе, яко и черезъ кого инного в тыхъ Плесецкихъ кгрунтахъ заразъже при вышше именованныхъ копцахъ старинныхъ обрѣтаючихся чинити, и волно без нашои перепоны, по забраню десятины велебнымъ отцамъ Братскимъ на осѣнь орати и сѣяти . . . . . хотя до уживаня позволити. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

На которои руки нашѣ и печати з обохъ сторонъ, при комѣсарскомъ подписѣ и печатехъ прикладаемъ. Дѣялося в

скиту Свято-Михайловском Киевском Свято-Онуфріевском под речкою Гниловодом в праздник тогож Преподобнаго отца нашего Онуфрія. Року 1708 іюня 12.

Іромонах *Евстратій* писар Консистору Митрополитанского Кіевского на сей час Коммісар духовный рукою власною.

Іеромонах *Григорий Кюшкевич* казнодѣя и консисториста и на сей час Коммисар духовный рукою власною.

XXVI.

Обязательство греческаго Екатерининскаго монастыря о ежегодной платѣ Братскому монастырю по 4 р. 70 коп. за принадлежащій послѣднему Гавритинскій пляц.

Апрѣль 1745 года.

Я нижей подписавшійся з ктиторами, чиню вѣдомо симь моим писаніем в том, что во время заложенія церкви нашей греческой на имя святія великомученици Екатерини, просили мы в обытели Братской, чтоб землѣ утвержденнои онои обители Высокомонаршими грамотами ради пространнѣйшаго нашеи церкви мѣста принять было свободно: по которому нашему прошенію, от онои обытели Кіевобратской на вышепоказанную потребу пущено нам с купицѣ землѣ Гавритинского кгрунту четиреста сѣмьдесят аршин, за якую землю как я, так и поссесор мой без всякаго спору и отговорок ежегодно в обитель братскую повинни давать купицѣ от аршина покопейки; и того всѣх денег четири рубли семьдесят копеек; сверх же того, хочайби на означенную нашу церков Высокомонаршая и грамота имѣла быть испрошена, еднак оной обители братской землѣ вту грамоту вносить как я, так и в будущое время никто другой с поссессоров моих не должни: нашто ради твердѣй-

в кіевобратскомъ монастырѣ прописанной сумми денегъ от ста золотихъ по десять золотихъ в оной Кіевобратскій монастырь платить будетъ; в случаежъ оного Зимовича смерти сложилъ тѣми облѣпами своими оной долгъ на жену и дѣтей своихъ, кои де егда от Кіевобратского монастыря о той визиченной нимъ Зимовичемъ предявленной суммѣ денегъ будетъ упоминокъ, отдалибъ оную сумму денегъ слушною нагородою, то есть от ста золотихъ по десять золотихъ, якой де сумми реченный Зимовичъ на одолженіе въ его облѣпахъ срока неуплатя умре; почему де от его жены въ 1708 году, июля 19, Братского монастыря монахами Филаретомъ Рабушкевичомъ, да Венедиктомъ шафаремъ, принято с той долговой сумми толко двѣстѣ весемдесятъ золотихъ; а какъ предписанного Зимовича вскорѣ умре и жена, то от ея дочери Паладиевой тѣмъ же шафаремъ Венедиктомъ, да Епифаніемъ Головчичемъ, въ 1709 году, августа 19 дня, по силѣ тѣхъ же Зимовичевихъ облѣповъ принято спредпоказанной долговой сумми золотихъ триста двадцять и того съ означенной кредитовой сумми отобрато толко шесотъ золотихъ, то есть сто двадцять рублевъ, а сто восѣмдесятъ таляровъ, и нынѣ на помянутомъ Зимовичу (какъ по облѣпамъ значится) завелось внедоправкѣ с провизіею оногожде Зимовича родная дочь Акилина нынѣ вживихъ имѣючаясь жителствомъ находится въ Кіевѣ, и спадшими на ней по отцу еи реченномъ Зимовичу всякими добрами користуется и користовалась, для того де сней Акилини по силѣ имѣючихся в Кіевобратскомъ монастырѣ облѣповъ отца еи помяненного Зимовича в тотъ Кіевобратскій монастырь и оную неоплаченную в облѣпахъ прописанную сумму доправить подлежитъ; с прошеніемъ о взисканіи з оной предписанного Василія Зимовича родной дочери Акилини ролжной отцемъ ея реченнымъ Василіемъ Зимовичемъ по его облѣпамъ сумми денегъ с надлежащею провизіею в искъ того Кіевобратского мона-

не слыхала, да и слыхать ей когда таковы облѣпи давшихъ нѣсчего было, якожъ де она до дачи таковихъ облѣповъ по смѣтѣ своихъ годовъ житія находилась въ замужествѣ болѣе десятка годовъ и жила сторонно отъ отца в купленномъ мужемъ дворѣ в якомъ и нынѣ живетъ, з имущества же ей Акилинѣ привиходѣ взамужъ и данъ былъ отецъ ей вполсагъ за брамою воскресенскою на волнои землѣ огородъ, да комору в великомъ ряду на магистратской землѣ стоящіе, однако и таковіе огородѣ ради старости своей и препитанія себе продала Кіевскому сотнику Павлу Гудимѣ, а зачто не припомнитъ, а комора изгорѣла в бывшій в Кіеве пожаръ, и от того времени уже ей не дозволено строить, а позволено де было сыну ей Евфиму построить на томъ мѣсту своимъ коштомъ якій и построилъ и владѣлъ по смерть свою, а по смерти де его когда досталось ей, то она и тую комору Анны Сичихѣ мужу кіевскому мѣщанину Кирилу Сиченку продала, но и ту комору за что продала тоже не припомнитъ, другогоже де имущества отческого ни материнского за собою неjмѣетъ и инымъ болѣе показанного не владѣла, да и владѣетъ ли кто не знаетъ, двор же в коемъ она живетъ не отческій, но мужній, и за мужные денги купленый; Противъ которого ея Зимовичевни допроса отъ оного монастыря чрезъ повѣренного Андрея Величковского в улѣпи показано: что де оняя Акилина показала отвѣтомъ якобы она про позиченный роднимъ ей отцемъ умершимъ кіевскимъ бурмистромъ Василіемъ Зимовичемъ от Кіевобратского монастыря нынѣ претентуемій именно в облѣпахъ Зимовичевыхъ показаній долгъ позиченъ ли кемъ и уплачивалъ ли оной кому не вѣдаетъ Братскому монастыру о томъ знать нѣпочему тоежъ ей, Акилини своего отца долгу неизнаніе зависитъ на ей Акилини совѣсти и присяги, понеже де всякому в своемъ чинимомъ запрѣніи во очищеніе себе присягою отвестись надлежитъ, чиюжде она Акилина в томже своемъ отвѣтѣ представила, якобы за собою какъ отеческихъ, такъ и материнскихъ не токмо недви-

и дѣтей своихъ снабдѣнія, для того и доводячогось того Братскому монастырю своего долга уплатку на жену и безъ исключенія на всѣхъ обще дѣтей своихъ облѣпомъ сложилъ правильно, по якому де облѣпному сложенію тотъ монастырскій яко церковній и никакой правной давности в себѣ нелакмочающій долгъ с предписанного Зимовичовой жени, а отвѣтчици матери такожъ и сестри еи законниками Братскаго монастыря какъ въ тѣхъ же Зимовичевихъ облѣпахъ значится Филаретомъ Рябушкевичемъ Венедиктомъ шафаромъ, и Епифаніемъ Головичемъ доправливанъ и оный долгъ яко ради общей Зимовичовою долгу ползи визиченный, отвѣтчициною матерью и еи же отвѣтчици сестрою безпорно уплачивалъ; с неиже отвѣтчици Кіево-Братскимъ монастыремъ того уплатки отческаго долга, чрезъ нѣсколко годъ не требовано по причинѣ ежечасто по консисторскимъ указамъ биваемой перемѣни монастырскихъ настоятелей, такожъ и умертвія оныхъ, и что Кіево-Братского монастыря ново и часто учреждаючимся настоятелямъ не было заподлѣнно вѣстимо, что имѣется якой оного Зимовича наслѣдникъ или наслѣдница, съ коихъ Братскій монастырь моглъ бы доискиваться своего долгу, и тако по вышеобъявленнымъ резонамъ инного средства, кромѣ, с ней отвѣтчици в монастырь Братскій доводячогось до отца еи уплатки долгу требовать не изобрѣтается; воправданіи же отвѣтчици кіевской мѣщанки Акилини Василіевой дочери Зимовичовни чрезъ повѣренного Стефана Кацюби показано: что де какъ вотвѣтѣ отвѣтчиця твердила когда такови облѣпи от отца еи даваны в монастыр она не знаетъ и ни отъ кого какъ про тѣ облѣпи, такъ и о уплатѣ по нимъ произшедшой не слихала и что не болѣе имущества ей впосагъ дано какъ толко показанное в допросѣ такъ и зде твердитъ хотяжде Кіево-Братского монастыря повѣренный в улѣпи своей и наводитъ, за проданной нею пляцъ и комору сумнителство и зачитаетъ разбитіе рѣчии

комори в великомъ ряду на мѣсной землѣ состоящеи не имѣла и нынѣ не имѣетъ, да стѣхъде огородъ будучи в глубокой старости для препитанія своего продала сотнику Кіевскому Павлу Гудиму, а за что не упомнитъ, а лавка в бывшій въ Кіевѣ пожаръ згорѣла, и отцыже Кіево-Братскаго монастыря законники по тѣмже суднимъ рѣчамъ показуютъ, якобы она тотъ огородъ и лавку не впосагъ но внаслѣдіе по тому своему отцу получила, и зонихъ де користовалась во утвержденіе же тѣхъ своихъ показаній ни с единои сnихъ стороны не токмо никакова писменного доводу, но и ни единого свидѣтеля не представленно. Для того в согласіе права книги порядку въ части 3 на страницѣ 157 напечатанного: вышеписанной отвѣтчицѣ Акилинѣ Зимовичевнѣ учинить присягу в томъ, что она подлѣнно о томъ отца своего долгу не вѣдаетъ, такожъ вышеписанные бывшіе в ея владѣніи пляцъ, и торговая въ великомъ ряду лавка впосагъ ей от того отца еѣ привиходѣ ея взамужже а не по наслѣдію ей достались, и она нынѣ никакими того своего отца добрами не владѣетъ; а тогожъ 1758 году сентября 17 дня поданнымъ въ Магистратъ Кіевскій от монастыря Кіево-Братскаго доношеніемъ представлено: имѣется де в Магистратѣ Кіевскомъ суднимъ процессомъ произведенное дѣло, з мѣщанкою Кіевскою Акилиною Зимовичевною о должнихъ денгахъ отцемъ ея бывшимъ Магистрата Кіевского Бурмистромъ умершимъ Василіемъ Зимовичемъ по его даннымъ Кіево-Братскому монастырю облѣпамъ восмидесяти рубляхъ (кромѣ провизіи) въ 1704 и 705 годахъ визыченныхъ, и не уплаченныхъ; по произведеніи де котораго дѣла в томъ Магистратѣ Кіевскомъ хотя предозначенной Акилинѣ опредѣлено отвестися присягою втомъ, что она Акилина о заводячемся в Кіево-Братскій монастырь отцемъ ея вышеписанномъ долгу неизвѣстна, и что онажъ Акилина нияковаго здвижимаго и недвижимаго имѣнія отцевскаго за собою во владѣніи не имѣетъ и не имѣла, однакъ

Братского монастыря от измершаго Архимандрита Мана-насіи Максимовича в братіею въ Кіевскій Магистратъ иску, о уплаткѣ взятихъ на кредитъ въ ономъ монастырѣ отцемъ ея бывимъ Бурмистромъ Кіевскимъ умершимъ Василіемъ Зимовичемъ, ста восмидесяти рублевъ денегъ (кромѣ провизіи) по силѣ учиненного нимъ вданныхъ Кіево-Братскому монастырю облѣпахъ, на дѣтей сложенія (вкоемъ числѣ и она состоитъ) хотя в Кіевскомъ Магистратѣ по окончаніи судних рѣчей, учинено опредѣленіе, чтобы ей викопать присягу въ томъ, что она ничимъ згрунтовъ, и протчаго имущества оного умершого отца ея не користовалась, и не владѣла, но она за старость лѣтъ своихъ, и прочіихъ обстоятельствъ не вступая къ конечному того дѣла рѣшенію, во мѣсто уплатки воной Кіево-Братскій монастырь отца ея долгу за силу учиненнаго нимъ на дѣтей сложенія имѣючимися в томъ Кіево-Братскомъ монастырѣ облѣпами, оному Кіево-Братскому монастырю вѣчно во владѣніе уступила грунтъ въ воведенской парохіи лежачій въ смежности нынѣ находячійся здворами жителей кіевскихъ, а именно: с правой сгорони прямо дворовъ Савки Молодшого Рибалского, и вдови Петрихи, да слѣвой съ дворомъ удовствующей Евдокіи Шпачихи, который же грунтъ каковой ширини, и длини есть, тое явствуетъ съ отданныхъ ею Кіево-Братскому монастырю на тот жилій грунтъ урядовихъ виписей, до якого де грунту какъ она впредъ, такъ и дѣти ея и сродственніи, близкіи, и далекіи ни подкакимъ видомъ никогда упоминаться не должны: чего во вѣрность в мѣсто ея Акилины неграмотнои по прошенію ея Доброниколскій Священникъ Василій Таршовскій, а притомъ и Павелъ Іота подписались; въ виписехъ на тот волній грунтъ отвѣтчицею Акилиною Кіево-Братскому монастыру уступленный, въ первой, 1694 году, априля 4 дня, за уряду привиліованного воита Яна Демидовича Биновича, а Тараса Петровича рочного Бурмистра, при печати мѣсной,

новичемъ подписанной реляція нарочнихъ на прошеніе Бурмистра Кіевского василія Зименка, яко на волный пляцъ за брамою воскресенскою состоящій от давнихъ лѣтъ оным Бурмистромъ Зименкомъ купленный имѣвшіесь старіе прав чрезъ воровъ з другими его Зименка пожитками тѣхъ времен поворованны для освидѣтелствованія того пляцу з магистрат опредѣленныхъ тогорочнихъ урядниковъ Григорія Страдног и Григорія Прокоповича, да слуги мѣсного Максима Зайца за возвращеніемъ ихъ в магистратъ і обявленная, при яком освидѣтельствованіи в ономъ пляцу показано мѣри, с одной стороны от пляцу Сергіева аршиновъ сто шестдесятъ и один, а з другое сторони от оболоня аршиновъ сто и шесть; в тилу от пляцу воитового аршиновъ девятдесятъ и одинъ, а узъ ворота аршиновъ сто; который пляцъ понежежъ по учиненномъ чрезъ показанного слугу Зайца четырекратномъ при интромисіи кличу, никто з жаднимъ правомъ не отзивался, не баронилъ, и ни вчомъ не препятствовалъ в вѣчную оному Бурмирстру Зименку поссесію поданъ з тѣмъ докладомъ: что предявленные чрезъ воровъ поворованніе старіе права еслибы в кого оказаться имѣли неповинни у каждого суду и права никому служити, опрочь вышшенамѣченного Василія Зименка Бурмистра Кіевского; въ третомъ 1699 году мѣсяца Марта 18 дня за уряду Тихона Давидовича Бурмистра, а Өедора Холявки Райцы старшого при печати мѣсной во мѣсто писара Василіемъ Кононовичемъ подписанной, Семенъ де Іленченко Швецъ юрисдикторъ мѣсній имѣя за брамою воскресенскою быдлогонною пляцъ голій волный ни вчомъ никому непенный, незаведенный ему сукцессиве по родичу его спалій и належачій знайдуючійся в таковомъ положенъ, и ограниченъ з одное сторони от оболоння вдолжъ аршиновъ Московскихъ сѣмдесятъ шесть, з другое сторони чрезъ улицю отъ пляцовъ Тараса Петровича Бурмистра, и Богданового дрожчениковое аршиновъ сто сорокъ и сѣмъ, в тилу от ого-

чащоись по томъ облѣпамъ долговой претензіи никогда нихто с Братской братіи искать не будетъ: с прошеніемъ дабы Братскій монастырь на послѣдокъ не могль по своей и Магистрату Кіевскому извѣстнои претензіи остатся обыдимимъ, видаче на вышепоказанный реченною Акилиною доброволно уступленный Братскому монастырю в воведенской парохіи лежачій грунтъ у рядовои виписѣ в ономъ магистратѣ опредѣленія; почему тогожъ марта 10 дня, въ Магистратѣ Кіевскомъ опредѣлено оной волній грунтъ, первѣе обмѣрить и оцѣнить не будетли оный з той оцѣнки техъ денегъ за которые означенная Акилина въ оный монастырь тотъ грунтъ уступила стоять, и не сищетсялъ кто з юрисдикторовъ мѣсних оной купить, дабы оного волного грунту з вѣдомства Магистрата Кіевского натурою не уступать, но въ тотъ монастырь по силѣ состоявшихся в верховномъ тайномъ совѣту 728 году решителнихъ пунктовъ денгами отдачу учинить, для коего обмѣру и нарочнихъ з магистрата Кіевского Лавника Петра Дубровскаго, инстигатора Лука Лятошевича, и урядника василія Вы вского, послать, дабы оны тотъ волній грунтъ сколко оного мѣрою состоитъ обмѣривъ по самой справедливости оцѣнили, и тотъ обмѣръ и оцѣнку при доходѣ представили въ Магистратъ, кои за возвращеніемъ о томъ доходнимъ доношеніемъ того Марта 23 дня в Магистратъ Кіевскій представили; яко они тотъ грунтъ волный состоящій в нижнемъ городѣ Кіевѣ за брамою воскресенскою в парохіи в воведенской прозиваемій Зимовичевскій по надлежащему какъ оной в окружности состоитъ обмѣрилы, и явилось въ немъ мѣри, з одной сторони от грунту волного жителя Кіевского Івана Горкавого аршиновъ сто шестнадцать; з другой сторони от болшои улицы з брами воскресенской идучои Кмежигорью по правой сторонѣ противъ дворовъ кіевскихъ жителей Панка Шевця, и Савки Робалки аршиновъ сто двадцять два; в тилу от грунту Магистратового аршиновъ

стратѣ Кіевскомъ опредѣленно оному волному грунту быть за тѣмъ Кіево-Братскимъ Монастыремъ, и на владѣніе оного за руками присутствующихъ в Магистратѣ Кіевскомъ и приложеніемъ обыкновенной печати дать оному Монастыру сію выпись, которая и дана 1759 году, октября 21 дня.

Ея Императорскаго Величества Секундъ Маіоръ и опредѣленный Кіевскаго Магистрата войтъ *Іванъ Сычевскій.* [1]).

Бурмистръ *Григорій Бобановичъ.*

Райца *Іосифъ* ....

Кіевского Магистрата писарь *Яковъ Давидовскій.* [2]).

М. П.

Канцеляристъ *Михайло Лукяновичъ.*

---

[1]) По смерти войта Павла Войнича, послѣдовавшей въ октябрѣ 1751 г., магистратъ кіевскій долго не приступалъ къ обычнымъ выборамъ новаго войта. Только въ февралѣ 1754 г. полученъ былъ въ Кіевѣ указъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдѣнію которой подчиненъ былъ тогда Кіевскій магистратъ, о состоявшемся высочайшемъ назначеніи на должность Кіевскаго войта изъ лейбъ-компаніи гренадера секундъ-маіора Ивана Сычевскаго. Сычевскій былъ уроженецъ города Кіева; онъ былъ сынъ протопопа Стефана Сыча. Онъ прибылъ въ Кіевъ два года спустя послѣ своего назначенія и проходилъ должность войта до 1766 года. Во все время своего войтовства онъ велъ борьбу съ магистратскими чиновниками. Дѣло въ томъ, что магистратъ Кіевскій, всегда стремившійся освободиться отъ власти гетмана, не находилъ себѣ сочувствія, а тѣмъ болѣе содѣйствія въ своемъ войтѣ, который тяготился зависимостію въ своей судебной и административной дѣятельности отъ находившихся въ Кіевѣ губернской канцеляріи и губернатора. Онъ предпочиталъ въ этомъ случаѣ зависимость отъ далекаго Глухова, гдѣ находился гетманъ, въ чемъ и расходился съ желаніями магистрата и всего кіевскаго мѣщанства. Магистратъ троекратно обращался съ жалобами въ Сенатъ на своего войта. Наконецъ назначено было слѣдствіе, обнаружившее злоупотребленія Сычевскаго своею властію и въ 1765 году онъ былъ отрѣшенъ отъ должности войта. („Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ"). А. Андріевскаго (Кіев. Стар. 1891 г. №№ 4—6).

[2]) Яковъ Давидовскій, сынъ козака, родомъ изъ мѣстечка Ични, служилъ сначала полковымъ канцеляристомъ въ прилуцкой полковой канцеляріи пять лѣтъ, а съ 1747 года, въ званіи войскового канцеляриста, въ генеральномъ судѣ,

XXVIII.

Копія съ документа 1770 г., принадлежащаго кіевскому купцу Захарьевскому и заключающаго въ себѣ указаніе на земельный участокъ Кіево-Братскаго монастыря въ г. Кіевѣ.

23 Марта 1770 года.

По Указу Ея Императорскаго Величества изъ Кіевскаго магистрата дана сія выпись кіевскому мѣщанину Петру Михайлову для того оный Михайловъ по данымъ въ магистратъ киевскій сего марта 15 дня доношеніемъ объявилъ, что де онъ сегож марта 9 дня купилъ спубличного аукціонного торгу производимой в продажу отъ оного магистрата конфискованный по дѣлу умершого кіевского мѣщанина федора любецкого сына демьяна умершей бабы его кіевской мѣщанки Савихи королчихи дворъ зволною землею въ парахіи духавской состоящій засто рублей; о чемъ де поданный въоный магистратъ отъ лавника ивана дмитровича инстигатора устима молчевского, и урядника петра романовскаго репортъ явствуетъ, на который де дворъ и служащіе старые права оными лавникомъ дмитровичемъ стоварыщи ему михайлову вручены, и отвод ему того двора учиненъ, точію де оному его двору и волной землѣ обмѣру еще не учинено и на еѣ имя права не имѣется; и тѣмъ доношеніемъ онъ михайловъ просилъ, чтоб о обмѣрѣ показанного купленного имъ михайловымъ двора и волной землѣ, и о выдачѣ на оный дворъ и землю вновь на его имя права, учинить въ семъ магистратѣ определеніе, при которомъ своемъ доношеніи онъ михайловъ и вышеписанные врученные ему старые права слу-

---

отъ котораго и выданъ ему въ январѣ 1757 г. аттестатъ о „безпорочной и трудолюбной“ службѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, Давыдовскій здѣсь женился, пріобрѣлъ домъ и въ мартѣ 1757 года, съ согласія и по рекомендаціи войта Сычевскаго, былъ избранъ магистратскимъ писаремъ („Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ“. А. Андріевскаго. Кіевск. Стар. 1891 г. № 6.).

жащіе на оной дворъ и земли оригинально приложилъ; втѣхъ же правахъ показано а именно: въ выписѣ выданной измагистрата кіевского прошлого 1634 года марта 17 дня; въ ономъ де магистратѣ ставши очевисто бурмистръ кіевскій маѳей мачоха обще здѣтми умершого івана короткого сыномъ старшимъ васкомъ, и дочерью оксиньею презентовали купчій листъ данный ими Борисоглѣбовскому священнику василію князиковичу на домъ и пляцъ здесь вкіевѣ состоящій, и просили дабы тотъ купчій листъ до книгъ мѣскихъ кіевскихъ былъ принятъ и уписанъ, которой до оныхъ мѣскихъ книгъ принятъ, и состоитъ въ нижеслѣдующемъ содержаніи, что по смерти означенного івана семенова короткого остался домъ его собственной спляцомъ наслѣдникомъ его двомъ сыномъ васку, и федору; и дочце оксинье належащій и знемалою рухомою маетностью; якій де дворъ оного короткого жена вышедши задругого мужа тимоха исаевича забравъ всѣ рухомости оставила впустѣ, онъ же бурмистръ мачоха сожалѣя дабы тотъ домъ вкрайнее опустошеніе непришолъ и изтого показанного короткого дѣти непонесли напрасной обиды, одержавши оному двору и пляцу оцѣнку продалъ объявленному борисоглѣбовскому священнику василію князиковичу женѣ его и наслѣдникамъ ихъ за сто и тридцать копъ грошей литовскихъ; который де домъ и пляцъ грунтомъ лежитъ вмѣстѣ его королевской милости кіевскомъ, зъ единой стороны дому артемовое ширѣпиное, а здругой пляцу яцка балики, втылу пляцу церковного церкви святого бориса и глѣба, напротивъ черезъ улицу пляцу сизона балики, на улицы которая идетъ зрынку до церкви святого духа; якимъ де домомъ и пляцомъ волно будетъ оному священнику василію князиковичу женѣ и наслѣдникомъ его втомъ дому спокойно самимъ жить, и пожитки зъ него приходячи на себе уживать дать, продать, даровать, замѣнит записать, и яко хотячи подлугъ волѣ и найлучшого уподобаня своего диспоновать и оборочать вѣчными часы; а онъ де маѳей мачоха

мъ малжонка дѣти и наслѣдники объявленного і
и нихто зблизкихъ кревнихъ и повинных их
іхъ людей до того дому и пляцу чрезъ ег
го вступу и никоторого дѣла и потребы і
под закладомъ наврядъ тотъ докоторогобы
имѣла и на сторону оного священ
ича жену и наслѣдниковъ его и каждог
правомъ держачого пополторасто зол
теня и всѣхъ убытковъ награжденія, в
ъ 1647; году маія 22: дня от кир
енного борисоглѣбской церкви свящ
ей . . . . . онаго староновича ж
ловчому новгородскому даннымъ
городе кіевѣ дворъ противу дом
, а здругой стороны противу пл
вича з тылу противу пляцу
иса и глѣба, а напротивъ
ики, а нынѣ отцовъ братски
до церкви святого духа
мъ знихъ евдокіи пре
мъ священникомъ васил
ѣшнему ей мужу преду
нный совсѣмъ какъ им
и никому предтѣмъ ни
и необовязанный себѣ
ымъ никогда неотз
овъ грязму ловчом
кого величества,
овой грязной лов
со всѣмъ прав
оеста и двадцят
ые грязные
я чрезъ ихъ
хъ вѣчно к

даровать, записать, продать, замѣнять и новостроитись; вчемъ ни они сами ниже сукцессори добръ ихъ касатись, и трудносты вовладѣнiи и спокойномъ употребленiи того двора чинить не имѣють; а почеде от всѣхъ особъ близкихъ кревнихъ и повинныхъ ихъ, такъ и от всѣхъ трудностей и отзаписовъ первѣйшихъ и послѣднихъ устныхъ и созванныхъ, и позвовъ, припозвовъ, зысковъ, преисковъ нату продажу занесенныхъ; и которые бы потомъ откого нибудь занесены были, и явились своимъ собственнымъ коштомъ и накладомъ у всякого суда и ряду сами они и поnихъ сукцессоры вдобра ихъ какъ они всебе наслѣдниковъ неимѣють вступлючiе боронить, заступовать имѣють и должны будуть только кратъ, сколь бы того надобность указывала чрез всѣ давности земскiе под закладомъ другой таковой же суммы и награжденiемъ всѣхъ убытковъ въ 3-й; выписѣ скнигъ городскихъ воеводства кiевского тогоже 1647, году маiя 22 дня означенному новгородскому ловчому борису грязному выданной; чтоде наврадѣ городскомъ взамку его королевской милости кiевскомъ ставши очевисто возный енералъ воеводства кiевского волынского браславского и черниговского миколай линовскiй . . . . . до оныхъ книгъ сприданья урядового патребованiе кирила стороновича, и жены его евдокiи бывшой священниковой глѣбоборисжой созналъ; что онъ вышеписанного года, мѣсяца, и чмсла имѣючи присобѣ шляхту людей добрыхъ богдана юшкѣвича, яна высоцкого ходилъ на интромисiю вподанье двору зґрунтомъ и со всею осѣдлостiю до двору належачого борису грязному ловчому новгородка сѣверскаго, и женѣ его катеринѣ ложанцѣ зачетыреста двадцять золотыхъ полскихъ на вѣчные часы проданного вмежахъ и границахъ певныхъ, то есть зъ едной стороны дому вассы ширѣпиной, а здругой грунту михайла черевiя матюшкевича, противъ пляцу нѣгдесь сизоновой, а нынѣ отцовъ братскихъ, здесь въ Кiевѣ грунтомъ лежачимъ, о чемъ де запись вѣчистое продажи того

ому всю рѣчь ширей в собѣ объявляеть; означе
а грязного ловчого новгородка сѣверского и ж
ерину ловчанку чрезъ его возного увязали и интро
ный допоссесіи держанья уважанья на вѣчные
которую де интромисію онъ возный енералъ об
по троекратномъ воланью никто не боронилъ, и
правомъ, долгомъ, близкостію и низякою нале
отзывался что де всію онъ грязный и жена ег
нымъ и бывшею снимъ шляхтою осведчивши вто
сесорами застали. По справки же вмагистратѣ кіе
лось, что поподанному воный магистратъ умерш
мѣщанина федора любецкого отъ сына его демъ
кого доношенію, о растераніи бабкою его умерш
скою мѣщанкою катериною королчихою зпоручен
пеку отческого его демъяна имущества нѣкотор
которыхъ на ней королчихѣ по особливо имѣючо
магистратѣ дѣлу окдзалось на сумму двѣстѣ три
рублей пятдесятъ три копѣйки счетью состоявши
магистратѣ минувшого генваря 30 дня рѣшител
дѣленіемъ велѣно; внагражденіе помянутыхъ р
оною королчихою помянутого любецкого вещей
ей королчихѣ дворъ зъ землею лавнику иван
дмитровичу, инстигатору устиму малчевскому,
Петру романовскому описавъ, оцѣнить, испублич
продать, который дворъ з состоящею под онымъ
лею, какъ поданный всей магистратъ сего март
оного лавника дмитровича стоварыщи репортъ
вышеписанному просителю михайлову засто рублей
и вовладѣніе ему михайлову отведенъ. Повышепис
поданному от оного петра михайлова доношенію,
оному двору и состоящей поднимъ волной землѣ
овыдачѣ ему жъ михайлову на тотъ дворъ и зе
его права всилу состоявшагось всемъ магистрат
нія для учиненія оного обмѣру нарочные изъ о

иванъ косачинскій и урядникъ герасимъ гасичевскій, спотыжникомъ василіемъ солошичемъ посланны, которые завозвращеніемъ своимъ отъ толь доходнымъ доношеніемъ въ оный магистратъ сегожъ марта 18 дня представили; что де они лавникъ леонтовичъ стоварыщи ктому купленному опымъ петромъ михайловымъ двору ходили; и заприходомъ воный дворъ состоящей подъ нимъ волной землѣ обмѣръ при бытности жительствующихъ около оного двора помѣжниковъ чинили. по которому явилось мѣры какъ то отъ вышеписанной духовской улицѣ привходѣ вдворъ вширину тридцять четыре аршина, и семь вершковъ, сдругой стороны вдлину отъ двора доброниколаевского священника гавріила ширѣпы семъдесятъ семъ аршиновъ и пятнадцять вершковъ втылу отъ дву пляцовъ церкви кіевоподольской борисоглѣбской вширину жъ двадцять три аршина и одинадцять вершковъ, счетвертой стороны вдлину отъ двора и пляцу генерального есаула ивана журавки семдесятъ сѣмъ аршинъ и пятнадцять вершковъ, а всего оного двора и волной земли вкруговомъ ее обмѣрѣ состоитъ двѣсти четырнадцять аршинъ, по каковомъ де обмѣну, хотя чрезъ означенного потыжника солошича обыкновенной троекратный кличъ чиненъ токмо по оному никто нискакою претенсіею не отзывался; и тако по всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ и въ выдачѣ изсего магистрата оному просителю михайлову на владѣніе онымъ дворомъ и волною землею просимого имъ права иникакова сумнительства несостоитъ для того вмагистратѣ кіевскомъ опредѣленно; съ означенныхъ представленныхъ вмагистратъ отъ оного просителя михайлова служащихъ на вышеписанной купленный имъ дворъ и волную землю троихъ старинныхъ правъ снявъ точные копіи, и справя оные стѣми подлинными, оные подлѣнные ему михайлову отъдать обратно, которые заросспискою и отданы. Къ свободному же и безпрепятственному ему михайлову женѣ его и наслѣдію ихъ тѣмъ дворомъ и

судствующихъ всемъ магистратѣ, и приложеніемъ обыкновенной печати сію вышись, которая и данна. Что же онъ михайловъ того двора и волной земли ежели оныхъ при себѣ содержать не пожелаетъ иной юрисдикціи кромѣ мѣской никому впродажу и другими никакими здѣлками заводить отпюдь не будетъ; а особливо содержжя тотъ дворъ при себѣ, соного всякіе надлежащіе городскіе повинности отъправлятиметъ безспорно, въ томъ онъ михайловъ, особливо обовязанъ подпискою. 1770: году марта „ 23 „ дня.

Ея імператорскаго величества прародительской отчины Богомъ хранима города Кіева.

Надворны совѣтникъ и войтъ *Григорей Тваваровскій.*

Бурмистръ *Косма Кулешъ.*

Писарь *Яковъ Давидовскій.*

Райца *Семенъ Аврицкой.*

Регентъ *Данило Слюсарскій.*

М. П.

Канцеляристъ *Иванъ Куколевскій.*

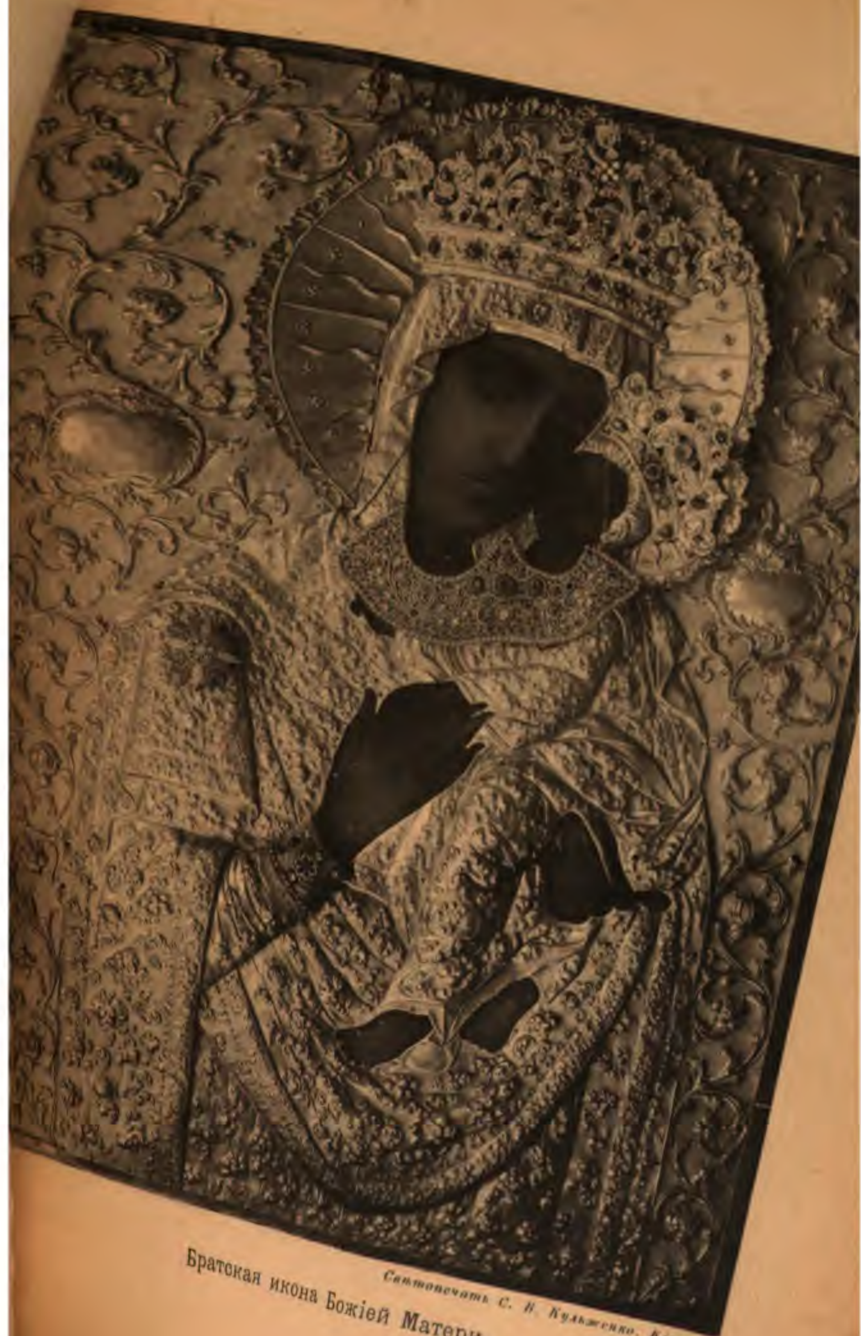
Замѣченныя опечатки:

Стран.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
11	10 сверху	ięnzyka	ięzyka
11	10 —	1866	1856
11	15 —	Żalowala	żalowala
11	15 —	Slawotna	slawètna
11	16 —	Hanna	Hanną
11	4 снизу	ablicyne	obliczne.
11	3 —	Ostrowskiego	Ostroskiego.
22	10 —	братскому	Братскому
23	1 сверху	Лигуневичвой	Лигуневичевой
32	1-ая выноска	упнеъ	упись
40	9 сверху	Szeptanią	szeptanią
40	9 —	nierzkąe	nierzkąc
40	10 —	byli	byli,
40	13 снизу	zabile	zabite
40	11 —	iedeu	ieden
40	10 —	welug	wedlug
56	8 снизу	предполагающіе	предполагающія
56	4 —	устраиваться	устраиваться,
61	8 снизу	Сафановича	Сафоновича
70	7 сверху	велебною	велебного
78	9 —	серебренный	серебряный
79	10 снизу	неизвѣстными;	неизвѣстныхъ.
91	1 сверху	Палатъ	Пилатъ,
92	8 —	строеніями	строеніями,
93	11 снизу	находящимси	находящимся,
98	16—17 св.	Новоовселъ	Новоселокъ
106	8 сверху	Полотскому:	Полотскому.
113	13 —	Неудивительно	Неудивительно
114	8 —	16 вѣка	17 вѣка
129	1 снизу	серебровызлащенный	сребровызлащенный

132	7 сверху	duo	quo
133	8 снизу	деревию	деревню
133	11 —	деревиѣ	деревнѣ
134	1 сверху	Иетру	Петру.
134	1 —	своею	Своею
134	1 —	года.	года
134	10 —	Иопокентія	Иннокентія
139	3 снизу	города	ворота
140	11 сверху	переясловскаго	переяславскаго
142	1 сверху	Прокоповича [1]).	Прокоповича [2]).
142	2 —	годы [2]).	годы [1]).
150	1 сверху	Войтомъ	Войтамъ
150	16 —	ограничивали	ограничивались
155	9 —	Преосвященствя	Преосвященства
160	8 —	монастыря,	монастыря.
161	9 —	Борскаго	Барскаго
163	12 снизу	игуменомъ	настоятелемъ
164	15 —	Борковецъ	Бирковецъ
164	14 —	распоряженія	распоряженіе
167	1 сврехy	дала	дано
168	7 —	Гуслисть	Гуслисть.
172	13 снизу	шитая	шитый
173	6 сверху	науки	науки,
176	9 снизу	охотниковъ	охотниковъ
177	3 сверху	серебрянное	серебряное
178	6 —	учрежденій	учрежденій,
179	15 —	дорогѣ	дорогѣ,
180	9—10—	заботливый	заботившійся
181	9 —	просили	просила
184	5 снизу	ліодовель	ліодовень
194	14 сверху	подансксаго	подонскаго
194	1 снизу	1763	1768
196	8 —	де	до
207	1 сверху	Таковы	Таковы:
215	10 снизу	Кіевскому	кіевскому
225	14 сверху	Мясловъ	Мясновъ
227	5 —	Куницкаго [1])	Куницкаго [2])
227	17 —	монастыря [2])	монастыря [1])
227	13—14—	по путешествіямъ	въ путешествіи
227	9 снизу	Бородянкѣ	Березанкѣ
238	6—7 сверху	Церковище	Церковища
245	10 снизу	1751	1851

312	5	сверху	якоее
315	10	снизу	зорукъ
321	1	—	execute
322	3	—	вхры
328	3	сверху	кондицномъ
331	5	снизу	далныхъ
333	2	сверху	волю
333	13	—	теза
333	17	—	учитве
333	19	сверху	инише
333	11	снизу	нана
337	10	сверху	у местнихъ
340	8	—	зазалисно
342	6	—	шафровати
343	16	—	евкторъ
3'3	17	—	евктора
313	18	—	штитечней
343	11	снизу	заховалъ
343	11	—	держалъ
348	13	—	стереш
348	13	—	Божд
348	5	—	четоча
351	5	—	молоденки
353	8	—	писалъ
356	3	—	украшенныхъ
357	4	сверху	друктовъ
357	12	снизу	продавши
357	12	—	за
357	7	—	заживанъ
358	3	сверху	ведницѣ
358	4	—	нами
359	4	—	Мышлянского
359	12	—	книги
359	8	снизу	лавликами
361	16	сверху	благородия
361	6	снизу	поступной
364	15	сверху	роснею
364	5	снизу	пятдосятъ
366	1	сверху	стилоѣ
366	15	снизу	контроверсияхъ
367	17	—	уванчавши
368	12	—	Подписта

Стран.	Строка.	Напечатано.	
368	6 —	вдаснимъ	власнимъ
369	4 сверху	писалъ	писанъ
369	12 снизу	просалковъ	приселковъ
371	6 сверху	и	а
372	16 снизу	уприввилесованымъ	уприввилиованымъ
372	16 —	раовнимъ	роковымъ
372	5 снизу	пляддовыхъ	пляцовыхъ
373	3 сверху	обы	абы
373	7 снизу	дацей	далей
374	6 —	побожие	побожне
375	22 —	монастири	монастыра
375	10 —	Санный	Ӌемый
375	6	писаро	писара
376	2 —	гругое	другое
378	4 сверху	Борисоглѣское	Борисоглѣбское
378	14 —	реляуно	реляцию
379	11 снизу	втин	втиц
479	8 —	вашое	ватое
379	4 —	дукою	рукою
380	9 —	генгованние	легкованне
381	9 сверху	одарский	одорский
381	11 —	бардзхй	бардзѣй
381	8 снизу	они	ани
381	7 —	они	ани
381	7 —	потавенникъ	потавемнимъ
381	7 —	дубанемъ	рубанемъ
383	5 сверху	копцами	копцами
384	5 —	Кгшкевичъ	Кгошкевичъ
387	18 снизу	таку	тако
388	6 сверху	данъ	далъ
389	5 —	состощею	состоящею
390	7 —	нелакмочающій	незаключающій
394	2 снизу	Биновича	Биковича
395	15 —	ведлучь	ведлугь
397	15 сверху	ведлучь	ведлугъ


Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Братская икона Божіей Матери.

Икона Святителя Николая.

Крестъ митрополита Петра Могилы (съ лицевой стороны).

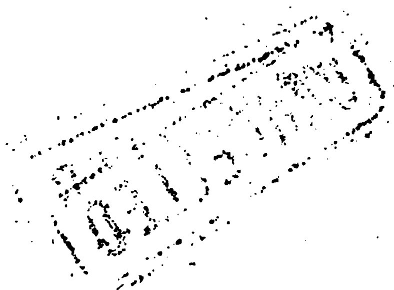
[CTO]:

Крестъ патріарха Өеофана (съ лицевой стороны).

Крестъ патріарха Өеофана (съ оборотной стороны).

Крестъ гетмана Сагайдачнаго (съ лицевой стороны).

Крестъ гетмана Сагайдачнаго (съ оборотной стороны).



3 2044 015 576 747

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413